35,081.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

№ 2

Индекс	M		Шифр хранения
Авторский знак	3-Р.55-3-1		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

					V

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

II

— [illegible] 1е

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверено-53 г.

ПРОВЕРЕНА-53

Проверено-85

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ
АЗІИ
КАРЛА РИТТЕРА.

ГЕОГРАФІЯ СТРАНЪ

НАХОДЯЩИХСЯ

ВЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЪ РОССІЕЮ

Т. Е.

КИТАЙСКОЙ ИМПЕРІИ, НЕЗАВИСИМОЙ ТАТАРІИ, ПЕРСІИ И СИБИРИ,

ПЕРЕВЕДЕНА

ПО ПОРУЧЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

СЛУЖАЩИМИ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ РИТТЕРОВА ТРУДА ДЛЯ МАТЕРІАЛОВЪ

ОБНАРОДОВАННЫХЪ СЪ 1832 ГОДА

И СОСТАВЛЕННЫМИ

П. СЕМЕНОВЫМЪ,

ДѢЙСТВ. ЧЛ. ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

46997

Т1

Центральный Военно-Морской Музей
Библиотека РКВМФ СССР

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 9 Мая 1856 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ТОМЪ 1.

—

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ

и

ВОСТОЧНАЯ ОКРАЙНА ВОСТОЧНОЙ НАГОРНОЙ АЗІИ,

т. е.

Маньчжурія на югъ отъ южнаго изгиба Амура и монгольская окраина степи Гоби къ Китаю отъ Желтаго моря до меридіана города Хами въ центральной Азіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ст. 1 — 16.

§ 1. *Цѣль и исторія предстоящаго изданія* ст. 1 — 6.

§ 2. *Значеніе Риттера и его географіи Азіи въ наукѣ землевѣдѣнія* ст. 6 — 11.

§ 3. *Русская географическая терминологія и географическое правописаніе* ст. 11 — 16.

ВВЕДЕНІЕ (Риттера) ст. 17 — 105.

§ 1. Обзоръ ст. 17 — 19.

§ 2. Индѣйское воззрѣніе на землю ст. 19 — 29.

§ 3. Европейское воззрѣніе. Обзоръ. Положеніе относительно сосѣднихъ частей свѣта ст. 29 — 35.

§ 4. Горизонтальныя протяженія, горизонтальное расчлененіе ст. 35 — 45.

§ 5. Вертикальныя отношенія, вертикальное расчлененіе 46 — 76. Опредѣленія ст. 47. Наибольшая система нагорій съ преобладающими формами плоскогорій ст. 52. Характеристика ст. 56 Разграниченіе и соединеніе ст. 57. Положеніе ст. 58. Пограничные столбы ст. 60. Раздѣленіе на восточную и западную части ст. 60. Параллелизмъ и конвергенція ст. 61. Главная ось поднятія ст. 67. Продолженіе главной оси къ Ю.-З.; поднятое снаружи кольцо континентальнаго полушарія ст. 69.

§ 6. Азіатскія низменности ст. 76. Страны уступовъ и рѣчныя системы ст. 76. Формы и положеніе отдѣльныхъ нагорьевъ Азіи ст. 81. Формы и положенія отдѣльныхъ азіатскихъ низменностей ст. 87 — 93.

§ 7. Результатъ ст. 93 — 95.

§ 8. Maximum контрастовъ въ срединѣ Азіи и прорывовъ на Западѣ ст. 95 — 101.

§ 9. Распредѣленіе пространствъ и климатическое единство Азіи ст. 101 — 105.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ ВВЕДЕНІЮ ст. 106 — 179.

1) Къ § 3. *Положеніе Азіи относительно Европы и границы между обѣими частями свѣта* ст. 106 — 120.

2) Къ § 4. *Горизонтальныя отношенія, горизонтальное расчлененіе* ст. 120 — 121.

3) Къ § 5. *Вертикальныя отношенія Азіи, вертикальныя расчлененія* ст. 121 — 139.

4) Къ §§ 7, 8 и 9. *Пространственное устройство всей наружной поверхности земнаго шара и вліяніе его на ходъ развитія исторіи человѣчества* (изъ Риттера) ст. 139 — 178.

5) *Численныя отношенія вертикальныхъ расчлененій Азіи и ея рѣчныхъ областей* ст. 178 — 179.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (Риттеровой Азіи).

ВОСТОЧНАЯ НАГОРНАЯ АЗІЯ ИЛИ ПЛОСКОГРІЕ ДАЛЬНЕЙ АЗІИ.

§ 10. Обзоръ (Риттера) ст. 181 — 184.

ОТДѢЛЪ I. Восточная окраина Нагорной Азіи ст. 185.

ГЛАВА I. Отдаленнѣйшая восточная окраина ст. 185 — 458.

§ 11. Изложеніе I. 1) Береговая полоса ст. 185. 2) Чанъ-бо-шань или Шаньань-алинъ ст. 188. Примѣчаніе. Путешествіе Умунэ. къ бѣлой горѣ 1677 г. (ст. 121). (Текстъ Риттера). Весь § ст. 185 — 199.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 11 ст. 199 — 272.

1) *Отношеніе Маньчжуріи и рѣчной области Амура къ азіатскому нагорью* ст. 199 — 204.

2) *Общій обзоръ южной Маньчжуріи* ст. 204 — 212.

3) *Топографическій обзоръ провинціи Шэнъ-кинъ* ст. 212 — 217.

4) *Городъ Нингута и южная Маньчжурія, по описанію ссыльнаго китайца У-чэня, жившаго тамъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка* (изъ рукописей В. П. Васильева) ст. 217 — 232.

5) *Переѣздъ У-чэня изъ Нингуты черезъ Гиринь и Мукдэнь до Китайской границы въ Шань-хай-гуань* ст. 232 — 235.

6) *Путешествіе новѣйшихъ миссіонеровъ въ южной Маньчжуріи и Шэнъ-кинъ* ст. 235 — 261.

7) *Вулканическая область Уюнь-холдони въ С.-З. Маньчжуріи, въ рѣчной области р. Нонь, къ Ю.-З. отъ города Мергэня и изверженіе ея въ* 1721 *г.* ст. 261 — 268.

8) *О Жень-шэнѣ* ст. 268 — 272.

§ 12. Изложеніе II. Склонъ верхней террассы къ Востоку. Источники: a) Свѣдѣнія со стороны Китая. b) Свѣдѣнія со стороны Сибири: I. Открытіе. В. Поярковъ 1643 г. Ер. Хабаровъ 1649 — 1652 г. II. Мирный договоръ. III. Путешествіе каравановъ. IV. Естествоиспытатели. V. Туземные Китайскіе и Монгольскіе источники (текстъ Риттера) ст. 272 — 290.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 12 ст. 290 — 295.

I) *Новѣйшіе источники о Восточной и Юго-Восточной окраинѣ нагорной Азіи:* 1) *Плаванія по Амуру.* 2) *Русскія миссіи въ Китай.* 3) *Туземные источники.* 4) *Источники съ Южной стороны* ст. 280 — 292.

II) *Гора Печа къ С.-С.-З. отъ Чэнь-дэ-фу* ст. 292 — 295.

§ 13. Изложеніе III. Восточная дорога черезъ Хинганскую горную цѣпь или Хинъ-'ань-ола. Путь каравановъ изъ Перчинска черезъ Аргунь, Цурухайту; Цицикаръ (Нонь-хотонь) по Ю.-В. склону Хингана къ великой стѣнѣ и въ Пекинъ ст. 226 — 304.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 13 ст. 304 — 325.

1) *Застѣнная область Чэнь-дэ-фу; ея учрежденія и уѣзды, по Китайскимъ географическимъ источникамъ* ст. 304 — 306.

2) *Хэй-шуй, т. е. долина черныхъ водъ; Бей-лъ-гоу, т. е. смежныя ущелья и аймакъ Онютъ, по описаніямъ новѣйшихъ миссіонеровъ* ст. 306 — 312.

3) *Переѣздъ Хюка и Габе изъ Бей-лъ-гоу въ городъ Долонь-норъ черезъ княжества Онютъ, Кэшиктень и страну Чахаровъ* ст. 312 — 319.

4) *Городъ Долонь-норъ и тождество его съ Шанду, древнею столицею Хубилай-хана* ст. 319 — 323.

5) *Историческое значеніе развалинъ Дай-нинъ-чена, описанныхъ Исбрандомъ подъ именемъ Taiming - Tchen* ст. 323 — 325.

§ 14. Изложеніе IV. Южная окраина степнаго плоскогорія отъ высокаго Пе-ча, при Луань-хэ (*), къ воротамъ Хи-фынъ-к'эу и равнинѣ Пекина ст. 326 — 329.

§ 15. Изложеніе V. Южная окраина нагорной Гоби отъ Кяхтинской дороги до равнины Пекина къ горному проходу Чжанъ-кя-к'эу ст. 329 — 336.

(*) Въ текстѣ опечатка. Вмѣсто Хуанъ-хэ должно читать Луань-хэ.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 15 ст. 336 — 350.

1) *Переѣздъ О. Іакинова отъ Калгана до Ангули-нора при возвращеніи миссіи въ іюнѣ 1821 года* ст. 337 — 339.

2) *Переѣздъ Ковалевскаго отъ Гурбынь-тулы до Калгана въ сентябрѣ 1849 года* ст. 339 — 342.

3) *Переѣздъ миссіонера Хюка отъ Долонь-нора до Кяхтинской дороги къ Ю.-В. отъ Ангули-нора, въ октябрѣ 1844 года* ст. 342 — 347.

4) *Деревня Сиванъ къ С.-В. отъ вороть Чжанъ-кя-к'эу, ея Христіанская миссія и показанія новѣйшихъ миссіонеровъ объ окрестной Монголіи* ст. 347 — 350.

§ 14. Изложеніе VI. Горная окраина Чжили, между крутымъ обрывомъ плоскогорія Гоби и равниною Пекина ст. 350 — 358.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 16 ст. 358 — 374.

1) *Переѣздъ О. Іакинова отъ Пекина до Калгана въ началѣ іюня 1821 года при возвращеніи миссіи* ст. 358 — 361

2) *Переѣздъ Ковалевскаго отъ Калгана до Пекина въ октябрѣ 1849 года* ст. 361 — 365.

3) *Замѣчанія горныхъ инженеровъ Кованько и Ковалевскаго о геогностическомъ строеніи окрестностей Пекина* ст. 365 — 374.

§ 17. Изложеніе VII. Императорскій лѣтній дворецъ въ Жэ-хэ, со внутренней стороны окраины, по описанію Британскаго посольства въ 1723 г. и Маньчжурской государственной географіи ст. 375 — 385. Примѣчаніе. Лѣтнія резиденціи Чаганъ-норъ и Шанду Монгольскаго императора Хубилай-хана по описанію Марко Поло въ XIII столѣтія ст. 385 — 392.

ДОПОЛНЕНІ ПЕРЕВОДЧИКА къ I-й ГЛАВѢ ВООБЩЕ и § 17. ст. 392 — 458.

1) *Историко - этнографическій обзоръ разсмотрѣнныхъ странъ, т. е. южной Маньчжуріи, рѣчной области Ляохэ, юго-восточнаго угла и южной окраины Монгольскаго нагорья къ Чжилійской провинціи. Историческая роль этихъ странъ и историческое взаимнодѣйствіе граничащихъ въ упомянутой окраинѣ — холоднаго нагорья и жаркой низменности въ ходѣ народныхъ развитій* ст. 392 — 452.

2) *Реляціи Китайцевъ, путешествовавшихъ въ Киданьскомъ и Нюй-чженьскомъ царствахъ въ X и XII вѣкахъ* ст. 452 — 458.

ГЛАВА II. Юго-восточный склонъ къ верховью Хуанъ-хэ ст. 458.

§ 18. Изложеніе I. Продолженіе Китайской граничной горной окраины къ Западу по области Шаньси къ Хуанъ-хэ и Инъ-шаню: 1) Источники ст. 460. 2) Дорога за стѣною черезъ Ху-ху-хотонь къ р. Тургэнь и Хуанъ-хэ ст. 464. Весь §. ст. 458 — 469.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 18.

Переѣздъ миссіонеровъ Хюка и Габе отъ пересѣченія ихъ пути Кяхтинскою дорогою до города Ху-ху-хотонь. Города: Ху-ху-хотонь на притокѣ Тургэнь-гола и Чаганъ-курэнь на Хуанъ-хэ ст. 469 — 477.

§ 19. Изложеніе II. Южная окраина Инь-шаня до сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ въ Ордосѣ. 1) Инъ-хя 2) Ордосъ, называвшійся нѣкогда Хэ-нань (т. е. земля къ Ю. отъ Хуанъ-хэ), а въ древнѣйшее время Хэ-дао сс. 477. Примѣчаніе. Китайскія наводненія: а) во времена Яо, б) во времена Кунъ-куна ст. 481.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 19.

Переѣздъ миссіонеровъ Хюка и Габе черезъ Ордосъ изъ Чаганъ-куреня въ Инъ-хя осень 1844 *года* ст. 493 — 506.

§ 20 Изложеніе III. Положеніе Инъ-хя между сѣверными и южными входами Хэ-лань-шаня или Ала-шаня и Сюэ шань — снѣговыхъ горъ. Высокія горы у Ху-хэ-нора. Синнинъ-фу — торговое мѣсто Тангута. Примѣчаніе. Ревень, отечество его, торговля, область распространенія въ нагорной Азіи ст. 524. Весь § 506 — 534.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 20.

Переѣздъ миссіонера Хюка изъ Инь-хя въ Синнинъ и къ Ху-хэ-нору въ концѣ 1844 *года. Окрестности Инь-хя и страна Амдо* ст. 534 — 548.

§ 21. Изложеніе IV. Западные входы большой впадины черезъ Ганьсу изъ Шэньси къ Хами. Міровое положеніе. Историческая характеристика ст. 549 — 563.

§ 22. Изложеніе V. Страна великой стѣны въ Ганьсу, проходная страна западныхъ входовъ въ Си-юй или западныя страны. Проходы Юй-мынь и Янь-гуань; Ша-чжеу; ворота Юй; Су-чжеу; Гань-чжеу; Лянь-чжеу; посольская и караванная дорога. Пути М. Поло и Бен. Гоэса въ Шэньси ст. 563 — 598.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 22.

Путешествіе Буддійскихъ миссіонеровъ Фа-хяна и Хюань-цзана въ концѣ IV и половинѣ VII вѣка, вдоль дороги

нынѣшней провинціи Ганьсу въ Си-юй или Западныя земли ст. 598 — 606.

§ 23. Изложеніе VI. Отношеніе дорогъ: сѣверной — Монгольской черезъ Инь-шань, восточной—Маньчжурской, черезъ Хинганъ, западной—Туркестанской, вдоль Сюэ-шаня. 1) Городъ Ху-ху-хотонь и древнія поселенія ст. 608. 2) Инь-шань, убѣжище Хунну-хой-ху ст. 616 — 630.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 23.

О происхожденіи и этнографическихъ отношеніяхъ Хунну ст. 630 — 638.

§ 24. Изложеніе VII. Тяньдэ, Тендухъ, страна Кэраитовъ и пресвитера Іоанна по свидѣтельству М. Поло. Убѣжище Шато и Татань. Новѣйшее мѣстопребываніе Кутухту и Іерархіи; значеніе сей послѣдней въ началѣ XVIII вѣка. Примѣчаніе I. Татань, Татары—названіе племени, Та-цзы (Бэй-ди) — восточное коллективное названіе у Китайцевъ. Тартары, коллективное названіе у Восточныхъ. Двойное смѣшиваніе Турковъ съ Монголами у Восточныхъ и Татаровъ съ Турками у Западныхъ. Турко-Татарскія нарѣчія ст. 666.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОВОДЧИКА къ § 24.

О происхожденіи Монголовъ и Тата ст. 714.

§ 25. Изложеніе VIII. Сѣверная дорога Монголовъ изъ страны Тендухъ или Эцзине къ Кэрулэну, Толѣ и Кара-Коруму ст. 714—731. 1) Маршрутъ изъ Хуху-хотоня до станціи Нарать ст. 715. 1) Тотъ же самый путь отъ Кэрулэна на Ю. къ Ху-ху-хотонѣ съ опредѣленіемъ широты Пат. Жербильономъ ст. 718. 3) Западной Китайской арміи 1696 г. подъ главнымъ начальствомъ Фэй-янъ-губо противъ Галдана Элютовъ ст. 720. 4) Маршруты Чингисъ-хана и М. Поло изъ Эцзинэ въ Каракорумъ въ 40 дней пути черезъ Гоби ст. 724. 5) Древнѣйшіе маршруты временъ династіи Танъ отъ Пи-лу-тая на Хуанъ-хэ до Каракорума ст. 727: а) дорожникъ отъ Пилутая къ Каракоруму ст. 728; в) дорожникъ отъ Ганьчжеу къ Каракоруму.

Хронологическій списокъ сочиненій и статей, служившихъ матеріалами для дополненій и проводчика къ I тому русскаго перевода Риттеровой Азіи ст. 732 — 737.

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ (*).

Стр. 69 строк. 3 свер. (заглавн.) вмѣсто: *континентальное кольцо континентальнаго полушарія* чит.: *поднятое съ наружной стороны своей кольцо континентальнаго полушарія.*

— 80 — 9 снизу вмѣсто: *уравнивая* чит. *сравнивая.*

— 111 — 2 — (выноска) вмѣсто: 1830 чит.: 1838.

— 114 — 3 — — — 1847 — 1838.

— 118 — 1 — — — XIII — XXII.

— 135 — 1 — — — 130 — 120.

— 189 — 8 свер. вмѣсто: 50 *Г. м.* чит.: 15 *Г. м.*

— 197 — 16 — — *далье къ Ю.-З.* чит.: *къ Ю.-З. же.*

— 210 — 2 снизу (выноска) вмѣсто: 299 чит. 295.

— 212 — 8 — — — *Brugulère* чит.: *De la Brunière* и вмѣсто 1847 чит.: 1850.

— 214 — 4 — (выноска) вмѣсто: p. 19 чит.: p. 22.

— id. — 2 — — — 960 — 269.

— 217 — 2 — — — 1831 чит.: 1834 и вм. 1840 чит.: 1850.

— 248 — 5 — — — XVIII чит.: XX.

— 259 — 1 свер. вмѣсто: 1828 чит.: 1848.

— 275 — 4 снизу — *поднимать* чит.: подниматься.

— 326 — 2 свер. (заглавн.) вмѣсто: *Хуанъ-хэ* чит.: *Луань-хэ.*

— 327 — 17 — вмѣсто: *Па-гоу* чит.: *Па-Гоу.*

— 358 — 7 — (заглавн.) вмѣсто: къ § 15 чит.: къ § 16.

— 397 — 3 — вмѣсто. *С.-З.* чит.: С.-В.

— 406 — 13 — — (21) чит.: (22).

— id. — 22 — — (22) — (23).

— id. — 1 снизу (выноска) (24) Id. Ч. II. ст. 20. совсѣмъ выпустить.

— 407 — 2 — — вмѣсто: (25) чит.: (24).

— 414 — 2 — — — *авторъ ея* чит.: *авторъ исторіи сѣверныхъ дворовъ.*

(*) Здѣсь могли быть только приняты во вниманіе главныя опечатки, т. е. измѣняющія смыслъ рѣчи или относящіяся къ собственнымъ именамъ и числамъ.

Стр. 417 строк. 15 свер. вмѣсто: *Гоалисскаго* чит.: *Гаолисскаго.*
— 446 — 15 — — *Кинь-чжу* чит.: *Кинь-чжеу*
— 463 — 2 снизу (текстъ) вмѣсто: *Со-чжеу* чит.. *Су-чжеу.*
— 479 — 7 — (выноска) — *Jsanang Jsetsen* чит.: *Ssanang Ssetsen.*
— 480 — 5 — вмѣсто: *Agri, Decumates* чит.: *Agri Decumates.*
— 531 — 8 — (текстъ) вмѣсто: *томъ* чит.: *тамъ* и вмѣсто *Русскамъ* чит.: *Русскимъ.*
— 596 — 7 свер. вмѣсто: 45 *Геогр. м.* чит.: 37 *геогр. м.*
— 666 — 13 снизу (заглавн.) вмѣсто Та-цзыое чит.: Та-цзы.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Willst du ins Unendliche schreiten,
Geh' nur im Endlichen nach allen Seiten.

---

§ 1. *Цѣль и исторія предстоящаго изданія.*

Съ 1850 года Императорское Русское Географическое Общество, располагая суммами, пожертвованными его членомъ-соревнователемъ, Платономъ Васильевичемъ Голубковымъ, предприняло прекрасный трудъ перевода и дополненія Риттеровой Азіи. Какъ переводчикъ и комментаторъ Риттера, считаю первымъ долгомъ своимъ отвѣтить на часто повторяемый мнѣ вопросъ: съ какою цѣлію предпринято это трудное и обширное изданіе? и какую пользу можетъ оно принести русскому землевѣдѣнію?

О значеніи безсмертнаго корифея науки землевѣдѣнія въ исторіи ея развитія я буду еще имѣть случай говорить ниже; здѣсь скажу только, что его «Землевѣдѣніе Азіи» есть единственный полный сборникъ всѣхъ научныхъ географическихъ свѣдѣній объ этой столь важной для насъ части свѣта, написанный мастерскою рукою ученаго, которому землеописаніе обязано не только лучшими своими успѣхами въ современную намъ эпоху, но даже полнымъ пересозданіемъ до тѣхъ поръ мерт-

ваго сборника фактовъ въ стройный организмъ науки. Можно было бы сказать, что для небольшой массы образованной публики, для которой можетъ быть доступно классическое твореніе Риттера, не менѣе доступенъ и языкъ, на которомъ оно первоначально было написано. Но такое положеніе, сколько мнѣ кажется, даже не выдерживаетъ строгой критики, потому что хотя Нѣмецкій языкъ давно уже распространенъ публичнымъ преподаваніемъ въ Россіи, но едва ли классическія и вмѣстѣ съ тѣмъ спеціальныя произведенія германской науки, такъ доступны относительно языка своего, какъ это можетъ казаться съ поверхностнаго взгляда. Сколько отечественныхъ ученыхъ, сколько путешественниковъ, оказавшихъ несомнѣнныя и большія услуги Географіи Азіи, не пользовались и не могли пользоваться классическимъ твореніемъ Риттера. Я могу указать, какъ на самые выдающіеся примѣры: на О. Іакинѳа, даже на многихъ лицъ изъ нашихъ пекинскихъ миссій, на нѣкоторыхъ изъ нашихъ оріенталистовъ, на большую часть мѣстныхъ изслѣдователей въ Сибири и центральной Азіи, не принадлежавшихъ по происхожденію своему къ Германскому племени. Между тѣмъ доступность классическаго творенія Риттера, имѣвшаго организирующее вліяніе на науку землевѣдѣнія, для самыхъ двигателей этой науки, не есть ли необходимая, вопіющая потребность ея успѣха? Притомъ же если каждое новое изданіе классическаго творенія, съ самыми малыми прибавленіями или поправками, даже и на чуждомъ намъ языкѣ, есть истинный подарокъ для любителей науки, встрѣчаемый ими съ самымъ живымъ участіемъ, то не заслуживаетъ ли высшаго интереса переводъ одного изъ нихъ на отечественный языкъ, съ дополненіями, обнимающими почти четверть столѣтія (*) успѣха землевѣдѣнія, при нынѣшнемъ быстромъ его ходѣ? Если новое изданіе всякаго классическаго творенія полезно новымъ напо-

(*) Подлинникъ предлежащаго тома Риттеровой Азіи былъ напечатанъ въ 1832 году.

миваніямъ о немъ, то переводъ такого многообъемлющаго и богатаго содержаніемъ сочиненія, какова Риттерова Азія, не долженъ ли онъ дать новый толчекъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ съ русской стороны въ этой части свѣта, на которую нынѣ въ особенности устремлены всѣ взоры современниковъ?

Наконецъ не вноситъ ли въ отечественную литературу, переводъ великаго классическаго творенія, цѣлый міръ новыхъ идей и понятій? не развиваетъ ли онъ отечественный языкъ, потребностью точнаго ихъ выраженія? До тѣхъ поръ пока мы будемъ довольствоваться ученою литературою чуждыхъ намъ языковъ, наука не можетъ войти въ жизнь народную, не можетъ оплодотворить ее ни познаніями силъ природы данныхъ человѣку, какъ орудіе его благосостоянія, ни пробужденіемъ въ ней стремленія къ высшему. До тѣхъ поръ пока отечественные ученые не будутъ облекать содержанія науки въ формы роднаго языка, они останутся чуждою отечественному развитію кастою египетскихъ жрецовъ, можетъ быть съ познаніями и стремленіями къ высокому, но безъ благотворнаго вліянія на своихъ соотечественниковъ. И съ этой точки зрѣнія, переводъ поучительнаго классическаго творенія имѣетъ почти одинаковое значеніе съ оригинальнымъ трудомъ. *Космополитизмъ* науки состоитъ именно въ томъ, что она есть обще-человѣческое достояніе, что гдѣ бы ни возникли новыя идеи, онѣ равно принадлежатъ всему человѣчеству. *Національность* же науки заключается именно въ томъ, чтобы она проникала въ жизнь народную, дѣлалась для нее не мертвымъ символомъ, а пластическимъ началомъ. Это необходимо потому, что наука въ нашъ реальный вѣкъ уже не есть туманное отвлеченіе схоластическихъ умовъ; она есть *самопознаніе*, познаніе окружающихъ предметовъ и силъ природы, умѣнье подчинить ихъ своей власти, употребить ихъ для нуждъ своихъ и потребностей. Безъ нея невозможенъ не только умственный прогрессъ поколѣній, но даже и успѣхъ матеріальнаго ихъ благосостоянія. Потому стремленіемъ каждаго ученаго, если

онъ не желаетъ остаться холоднымъ космополитомъ, а хочетъ жить одною жизнью съ своими соотечественниками, должно быть, кромѣ старанія подвинуть абсолютно впередъ человѣческое знаніе, еще и желаніе ввести его сокровища въ жизнь народную. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи, почти все равно облекаетъ ли онъ свои или чужія истины въ формы роднаго языка, лишь бы сдѣлалъ ихъ доступными сколь возможно большей массѣ своихъ соотечественниковъ.

Я полагаю слѣдовательно достаточно поясненнымъ, почему Императорское Русское Географическое Общество предприняло изданіе на русскомъ языкѣ лучшаго географическаго сочиненія нашего вѣка. Три цѣли должны были руководить его въ этомъ случаѣ и изъ нихъ каждая, даже отдѣльно взятая, вполнѣ возвышаетъ трудъ предпріятія. Цѣли эти были:

1) Сдѣлать великое твореніе Риттера доступнымъ для всей русской образованной публики и подвинуть тѣмъ самымъ мѣстныя изслѣдованія Азіи, какъ возбужденіемъ къ нимъ интереса, такъ и доставленіемъ мѣстнымъ изслѣдователямъ, лучшаго сборника трудовъ ихъ предшественниковъ.

2) Разработать и упрочить русскую ученую географическую терминологію, введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго и многообъемлющаго географическаго творенія и упрочить правописаніе столь трудныхъ азіатскихъ географическихъ именъ.

3) Продолжить и дополнить Риттерову Азію, всѣмъ быстрымъ успѣхомъ науки въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, что составляетъ трудъ *самостоятельный* и тѣмъ болѣе важный, что новѣйшая русская ученая литература сама представляетъ значительное богатство матеріаловъ для такого труда.

Императорское Русское Географическое Общество, при ограниченности средствъ имѣющихся у него на это изданіе, рѣши-

лось перевести только части Риттеровой Азіи, относящіяся до Россіи и странъ сопредѣльныхъ съ нею, т. е. Китайской Имперіи, Турана и Прана, оставляя безъ перевода болѣе отдаленныя отъ нея страны, какъ напр. Аравію, оба полуострова Индіи, и т. д. Первоначально весь трудъ былъ раздѣленъ между отдѣльными редакторами, на отдѣльныя части. На мою долю, собща съ А. К. Гирсомъ, достались части, относящіяся къ Китайской Имперіи, Сибирская часть была поручена А. П. Болотову, Иранская — В. В. Григорьеву, Туранская—Я. В. Ханыкову: потому все что относится до Кит. Имп. было переведено мною (*), до Сибири (кромѣ Забайкальскаго края переведеннаго также мною) — К. Н. Полевымъ, подъ руководствомъ А. П. Болотова, Турана—Я. В. Ханыковымъ съ помощью Ю. В. Толстаго, а первая треть Прана—В. В. Дерикеромъ, подъ надзоромъ В. В. Григорьева. А. П. Болотовъ, незадолго до кончины своей, возложилъ на меня трудъ дополненія его части; всѣ же остальные редакторы были отвлечены отъ возложенныхъ на нихъ трудовъ дополненія своими служебными назначеніями. Я одинъ имѣлъ достаточно времени для приготовительныхъ работъ (Vorstudien), столь необходимыхъ при всякомъ ученомъ трудѣ и имѣлъ случай пользоваться, во время пребыванія своего за границею, лекціями и указаніями самаго Риттера и многочисленными пособіями, представляемыми публичными библіотеками европейскихъ столицъ. Потому я имѣлъ возможность мало по малу составить тѣ дополненія, которыя должны служить необходимымъ продолженіемъ Риттерова труда. Въ настоящее время наконецъ рѣшаюсь приступить къ изданію перваго тома русскаго перевода; онъ заключаетъ въ себѣ только треть I-го тома подлинника Риттеровой Азіи, т. е. §§ 1 — 25, съ относящимися къ нимъ дополненіями. Текстъ переведенъ мною безъ малѣйшаго измѣненія, съ совершенною точностью, которой, при необыкновенной длинѣ періодовъ германской рѣчи, иногда даже я долженъ былъ жертвовать легкостью слога. Подстрочныя замѣчанія находятся

(*) Исключая §§ 18 — 22 переведенныхъ А. К. Гирсомъ.

вездѣ, гдѣ они вызваны ошибками текста, указанными впослѣдствіи новѣйшими изслѣдованіями. Дополненія слѣдуютъ за параграфами текста, а во введеніи — за цѣлымъ введеніемъ, и содержатъ въ себѣ все что могли доставить землевѣдѣнію Азіи новѣйшіе успѣхи науки. Дополненія эти довольно обширны, потому что Географія Азіи обогатилась многими важными путешествіями и изслѣдованіями со стороны Россіи, также съ прибрежья Китая, сдѣлавшагося гораздо болѣе доступнымъ для европейцевъ со времени Нанкинскаго мира, т. е. съ 1841 года, трудами нѣкоторыхъ извѣстныхъ европейскихъ оріенталистовъ, знаменитымъ сочиненіемъ Гумбольдта «Центральная Азія» и т. д. Рамки, въ которыя должно было вставить всѣ обильные матеріалы, доставленные этими изслѣдованіями, были уже начертаны заранѣе самою системою Риттера, и мнѣ оставалось только разработать эти матеріалы, сообразно съ его собственными методами и духомъ всего его творенія.

§ 2. *Значеніе Риттера и его Географіи Азіи въ наукѣ землевѣдѣнія.*

Карлу Риттеру принадлежитъ честь основанія цѣлаго отдѣла науки землевѣдѣнія или лучше сказать новаго направленія въ ней, именно такъ называемой *сравнительной Географіи* (vergleichende Geographie).

Мнѣ часто случалось слышать сужденія людей, даже образованныхъ, не признававшихъ Географію за самостоятельную науку, а принимавшихъ ее за агрегатъ или мозаику очень разнородныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ наукъ. Отсутствіе Географіи въ университетскомъ преподаваніи въ Россіи показываетъ, какъ кажется, что это мнѣніе укоренилось и у насъ. Оно происходитъ вѣроятно отъ того, что Географія — наука о землѣ, есть слово которому можно дать очень различные

объемы и опредѣленія. Можно разумѣть Географію въ обширномъ и въ тѣсномъ смыслѣ. Въ обширномъ смыслѣ, предметъ ея есть полное изслѣдованіе земнаго шара, т. е. законовъ строенія его, съ его твердою, жидкою и воздушною оболочками, законовъ отношенія его къ другимъ планетамъ и къ обитающимъ на немъ организмамъ. Въ этомъ смыслѣ Географія есть дѣйствительно не наука, а цѣлая естественная группа наукъ, связанныхъ между собою тождествомъ предмета изслѣдованія, разсматриваемаго только въ различныхъ отношеніяхъ.

Раздѣленіе Географіи въ этомъ смыслѣ на отдѣльныя науки, прямо проистекаетъ изъ отношеній, въ которыхъ можно разсматривать землю. Она можетъ быть именно изслѣдуема: a) въ отношеніи къ другимъ тѣламъ небеснымъ, преимущественно къ планетамъ нашей системы, b) сама по себѣ, въ отношеніи законовъ ея строенія и c) въ отношеніи къ человѣку.

Первое составляетъ предметъ *математической Географіи*, второе *физической Географіи* и третье двухъ наукъ: *этнографіи* и *статистики*. Въ этнографіи разсматриваются отношенія человѣка къ землѣ, часто обусловленныя сею послѣднею, но заключающіяся въ немъ самомъ, въ его физической организаціи и ея различіяхъ, и не переходящія на самую землю, какъ наприм. раздѣленіе его на расы, племена и народности, физическія свойства и бытъ каждой изъ нихъ. Въ статистикѣ же разсматриваются отношенія земли къ человѣку, обусловленныя болѣе имъ самимъ, его нравственною организаціею, переходящія на самую землю, измѣняющія ее сообразно съ нуждами и цѣлями человѣчества. Всѣ эти четыре отдѣла составляютъ, сколько мнѣ кажется, четыре независимыя науки, представляющія приложеніе къ землезнанію, даже четырехъ различныхъ классовъ наукъ, именно *математико-астрономическихъ* въ математической Географіи, *физико-естественныхъ* въ физической, *филологическихъ* въ этнографіи и *политическихъ* въ статистикѣ.

Но за тѣмъ еще остается обильная масса свѣдѣній для Географіи въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ Географія есть *физіографія земной поверхности*, т. е. описаніе какъ постоянныхъ, невзгладимыхъ вѣками чертъ ея, набросанныхъ самою природою, такъ и перемѣнныхъ, взгладимыхъ, произведенныхъ рукою человѣческою. У этой-то Географіи въ тѣсномъ смыслѣ, оспаривали значеніе науки, утверждая что она имѣетъ только ея форму, а не сущность, заключая въ себѣ агрегатъ частныхъ описаній, безъ изслѣдованій какихъ бы то ни было *законовъ природы*. Дѣйствительно, всякій предметъ изслѣдованія, для того чтобы быть наукой, долженъ быть ею не по одной *формѣ*, но и по сущности, т. е. заключать въ себѣ изслѣдованіе законовъ природы. И съ этой точки зрѣнія, Географія въ самомъ дѣлѣ не была наукою, а только систематическимъ сборникомъ фактовъ до Риттера, точно такъ же какъ исторія, до основанія философіи исторіи, могла почитаться только повѣствованіемъ, а не наукою.

Но Риттеръ и его школа превратили мертвый, хотя систематическій сборникъ фактовъ, въ стройный организмъ науки, изслѣдованіемъ *законовъ устройства земной поверхности, законовъ вліянія ея на развитіе рода человѣческаго*. Это составило предметъ новаго направленія землевѣдѣнія или новаго его отдѣла, которому Риттеръ далъ названіе *сравнительной Географіи* и который относится къ Географіи, какъ философія исторіи къ исторіи. Вотъ значеніе и заслуга Риттера въ исторіи землевѣдѣнія.

Географія въ тѣсномъ смыслѣ, раздѣляется обыкновенно на *математическую*, *физическую* и *политическую*. Не имѣя особенныхъ причинъ осуждать начало этого раздѣленія, я нахожу только номенклатуру его неумѣстною. Отдѣлъ Географіи въ тѣсномъ смыслѣ, называемый физическою Географіею, очень различенъ отъ самостоятельной науки того же имени. Между тѣмъ, какъ послѣдняя разсматриваетъ явленія на землѣ, примѣчаемыя какъ въ твердой, такъ въ жидкой и воздушной ея оболочкахъ и причины ихъ, первая разсматриваетъ пластическое строеніе

только *земной поверхности* и законы его. Математическая Географія, какъ отдѣлъ собственно Географіи, имѣетъ болѣе дѣло съ *видимыми* отношеніями земной поверхности къ тѣламъ небеснымъ, а самостоятельная наука того же имени съ *истинными* отношеніями земли, какъ планеты, къ своей планетной системѣ. Потому, для избѣжанія всякой сбивчивости, я предлагаю различить эти разностепенные отдѣлы географическихъ наукъ разными названіями, измѣняя имя самостоятельной науки математической Географіи въ *астрономическую*, а отдѣла Географіи въ тѣсномъ смыслѣ, называемаго физическою Географіею, въ *пластическую* или *естественную* Географію.

Такимъ образомъ землевѣдѣніе въ обширномъ смыслѣ представляетъ группу наукъ, имѣющихъ предметомъ землю, какъ относительно ея строенія, такъ и въ соотношеніи ея съ высшимъ предметомъ ея физической области — солнцемъ, и съ высшимъ предметомъ ея нравственной области — человѣкомъ. Науки входящія въ составъ землевѣдѣнія, можно соединить въ слѣдующей классификаціи:

A) Науки, разсматривающія *цѣлый шаръ земной:*

a) въ отношеніи къ планетной системѣ и дѣйствительному ея строенію ..... I. *Астрономическая Географія.*

b) абсолютно, со всѣми явленіями примѣчаемыми въ ея твердой, жидкой и воздушной оболочкѣ ..... II. *Физическая Географія.*

c) въ соотношеніяхъ съ человѣкомъ:

α) въ отношеніяхъ произведенныхъ вліяніемъ земли въ человѣчествѣ и заключающихся въ физической его природѣ III. *Этнографія.*

β) въ отношеніяхъ произведенныхъ вліяніемъ человѣка на земномъ шарѣ, зависящихъ также и отъ его нравственной природы ..... IV. *Статистика.*

B) Наука, разсматривающая *поверхность земнаго шара*.....	V. *Географія* въ тѣсномъ смыслѣ.
a) въ отношеніи къ тѣламъ небеснымъ и преимущественно видимымъ ихъ движеніямъ.....	1. *Математическая Географія.*
b) въ отношеніи къ постояннымъ неизгладимымъ чертамъ ея, устроеннымъ самою природою.....	2. *Пластическая Географія.*
c) въ отношеніи къ перемѣннымъ чертамъ ея, произведеннымъ человѣкомъ	3. *Политическая Географія.*

По способу же разсмотрѣнія, Географію въ тѣсномъ смыслѣ можно назвать *описательною*, когда она разсматриваетъ земную поверхность фактически и *сравнительною*, когда она разсматриваетъ земную поверхность *философически*, т. е. изслѣдуя законы ея устройства и вліяніе ея на развитіе рода человѣческаго.

Разумѣется не всегда можно строго провести подобную классификацію въ сочиненіяхъ, особливо если они имѣютъ какую нибудь частную педагогическую цѣль или представляютъ монографію не по предмету своему а по мѣстности, но я считаю эту попытку классификаціи географическихъ наукъ достаточною, для того чтобы доказать, что Географія есть наука въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова и объяснить какую роль играетъ въ наукѣ Землевѣдѣнія — *Сравнительная Географія*, честь основанія которой принадлежитъ Карлу Риттеру. За тѣмъ мнѣ остается даже излишнимъ пояснять прекрасное заглавіе данное Риттеромъ его безсмертному творенію:

«Землевѣдѣніе въ отношеніи съ природою и человѣческою исторіею, или общая сравнительная Географія, какъ вѣрное основаніе изученія и преподаванія физическихъ и историческихъ наукъ».

§ 3. *Русская географическая терминологія и географическое правописаніе.*

При переводѣ столь отчетливыхъ и опредѣленныхъ германскихъ географическихъ терминовъ я старался замѣнить ихъ русскими словами, вездѣ гдѣ могъ найти въ русскомъ языкѣ понятія совершенно однозначущія. Очень желаю чтобы избранные мною термины были довольно удачны, для приведенія хотя части русской географической терминологіи къ столь необходимомъ въ наукѣ единству.

Вотъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ замѣненій:

При разсмотрѣніи горизонтальныхъ отношеній частей свѣта Риттеръ употребляетъ слова Stamm и Kern — для означенія не разрѣзанной морскими заливами и углами, континентальной массы, Glieder — для частей вдающихся въ океаны между раздѣлительными морскими заливами. Я перевожу эти выраженія словами *туловище* и *расчлененія*, а слова Künstenumsäumung — *береговая периферія*, Küstenentwickelung — *береговое развитіе*. Береговая периферія есть абсолютная длина береговой линіи части свѣта, береговое развитіе — отношеніе ея къ пространству части свѣта, въ сравненіи съ такимъ же отношеніемъ въ другой части свѣта. При разсмотрѣніи вертикальныхъ отношеній встрѣчаются слѣдующіе термины:

1. Niederung — *низменность*: positive — *положительная*; negative — *отрицательная*
2. Hochland — *нагорье*: Gebirgs od. Alpenland — *горная или альпійская страна*; Tafelland od. plateau — *плоскогорье*
3. Stufenland — *страна уступовъ*.

* *

Низменность есть страна мало или вовсе не возвышенная надъ морскимъ уровнемъ, представляющая или совершенную равнину или волнующуюся поверхность. *Положительна* она тогда, когда возвышена надъ уровнемъ океана; *отрицательна*, когда она лежитъ ниже этого уровня. Въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ форму *котловины* — Kessel. *Нагорье* есть поверхность значительно возвышенная надъ морскимъ уровнемъ. Если оно представляетъ высокую равнину, непрорѣзанную глубокими трещинами или долинами, то называется *плоскогоріемъ*, если же оно изрѣзано трещинами или долинами, такъ что на малыхъ пространствахъ встрѣчаются контрасты очень значительныхъ высотъ и относительныхъ углубленій, то оно называется *горною* или *альпійскою страною*. *Страна уступовъ* есть переходъ между нагорьемъ и низменностью, терассовидный склонъ нагорья къ низменности, по которому стекаютъ обыкновенно значительныя рѣчныя системы.

Положеніе горныхъ хребтовъ относительно плоскогорій выражается слѣдующими терминами: aufgesetzte Gebirge — *нагроможденные* (на плоскогоріяхъ) *хребты*, Rand-Gebirge — *хребты окраинъ*, freistehende Gebirge — *свободностоящіе хребты*, Vormassen, Voralpen, Vorgebirgsländer — *предгорія*, Umwallungen — *гласисы*, по сравненію сосѣдняго плоскогорія съ крѣпостнымъ валомъ. Горы, по группировкѣ своей, могутъ быть Massen-Gebirge — *горныя массы* и Ketten Gebirge — *горныя цѣпи;* въ первыхъ продольный діаметръ всей группировки мало превосходитъ поперечный (напр. какъ 3 : 1), во вторыхъ поперечникъ ничтоженъ въ сравненіи съ длиною. Долины, прорѣзывающія горныя группы, бываютъ: Längsthäler—*продольныя долины*, Querthäler—*поперечныя* (относительно оси хребта), Kesselthäler — *котловинныя*. Въ гидрографіи могу замѣтить особенно термины Stromgebiet — *рѣчная область* и Bassin — *водоемъ*. Рѣчная область есть площадь страны орошаемой рѣчною системою, водоемъ есть объемъ самой системы.

Вообще говоря, я стараюсь замѣнить вездѣ иностранные слова русскими, когда нахожу въ родномъ языкѣ выраженія *вполнѣ* ихъ замѣняющія и понятія однозначущія. Только такъ какъ я считаю себя не вправѣ лишать науку новыхъ понятій и идей, только потому что они родились въ чужой странѣ и не могутъ быть выражены русскимъ словомъ, то *пуризмъ* мой имѣетъ границы. За то я имѣлъ уже случай подвергаться нѣкоторымъ нападкамъ (*). Въ оправданіе свое я не могу привести лучшаго и болѣе логическаго авторитета, какъ слѣдующія слова извѣстнаго Менцеля, заимствованныя изъ его исторіи Германской литературы:

«Пуризмъ только тогда достоинъ похвалы, когда онъ замѣняетъ иностранное слово въ *томъ же объемѣ и ясности* отечественнымъ, но онъ неумѣстенъ когда иностранное слово имѣетъ обширнѣйшее значеніе или выражаетъ понятіе совершенно чуждое отечественному языку: потому что *сообщеніе понятій есть первая цѣль языка*, ясность слова — средство къ тому. Если же мы увеличиваемъ наши понятія иноземнымъ, то мы принуждены принять и иноземное слово. Должны ли мы обѣднять мышленіе только для того, чтобы языкъ нашъ могъ хвалиться чистотою?»

Знаменитый филологъ Гриммъ есть другой авторитетъ на который я могу указать. Онъ говоритъ именно что «основательная филологія признаетъ необходимость и естественность примѣси въ каждомъ языкѣ чуждыхъ ему составныхъ частей».

(*) Фельетонъ Сѣверной Пчелы съ особеннымъ негодованіемъ выписалъ изъ моей статьи «Гольфштромъ», напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ, между прочимъ слѣдующіе иностранные слова: *космосъ*, слово пріобрѣтшее гражданство во всѣхъ европейскихъ языкахъ со времени появленія знаменитаго сочиненія Гумбольдта, *Цивилизація*, принятое даже въ нашемъ оффиціальномъ языкѣ и совершенно незамѣнимое, *эксцентрицитетъ эллипсиса* встрѣчаемое во всякомъ учебникѣ математики, *инерція* — во всѣхъ учебникахъ физики и *интелектъ* показавшееся совершенно незнакомымъ фельетонисту Сѣверной Пчелы.

Можетъ быть кто нибудь захочетъ указать мнѣ, на возможность замѣненія нѣкоторыхъ изъ употребляемыхъ мною иностранныхъ словъ русскими. Такое указаніе я приму съ благодарностью, замѣчу только что если мнѣ удалось ввести немного словъ въ научную *русскую* терминологію, или упрочить ихъ употребленіе, или дать имъ болѣе опредѣленное и строгое научное значеніе, то я уже принесъ ей свою лепту. Языкъ науки слагается исторически, раздѣленіемъ труда и усиліемъ многихъ лицъ. Онъ имѣетъ свою исторію развитія, свои колебанія. Потому я съ радостью замѣню въ своихъ послѣдующихъ изданіяхъ употребленные мною, какъ русскіе, такъ и иностранные термины, другими, если сіи послѣдніе окажутся болѣе раціональными и удачными. Только самъ я считаю выше силъ своихъ придумать для всѣхъ иностранныхъ словъ, принятыхъ наукою, русскія.

Правописаніе географическихъ именъ собственныхъ, въ особенности заимствованныхъ изъ китайскаго языка, есть предметъ особенной важности. Европейскія правописанія уже довольно различныя между собою, поразительно различны съ принятыми русскими синологами. Это отчасти зависитъ отъ того что миссіонеры, а за ними и другіе европейскіе авторы, слѣдовали южному китайскому нарѣчію, а русскіе сѣверному и нужно имѣть большой навыкъ чтобы узнать всякое китайское слово въ его различныхъ транскрипціяхъ. Опредѣленное же правописаніе словъ особенно важно въ языкѣ, столь бѣдномъ звуками какъ китайскій, въ которомъ и безъ того весьма различныя понятія часто выражаются одними и тѣми же звуками. Желая составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ на какомъ правописаніи я долженъ остановиться при изданіи русскаго перевода Риттеровой Азіи, я, въ теченіи цѣлаго полугодія, слушалъ въ Берлинскомъ университетѣ лекціи китайскаго языка профессора Шотта. Наконецъ, по совѣщанію съ проф. Шоттомъ и нашимъ столь основательнымъ и образованнымъ синологомъ В. П. Васильевымъ, я рѣшился принять правописаніе введенное О. Іакин-

ѳомъ и принятое нашими синологами, и только позволилъ себѣ въ немъ немногія измѣненія.

Именно О. Іакинѳъ замѣтилъ легкое придыханіе, соотвѣтствующее латинскому *h*, русскимъ *х*, которое соотвѣтствуетъ нѣмецкому *ch*. По примѣру В. П. Васильева и другихъ новѣйшихъ русскихъ синологовъ, я выпускаю это *х* правописанія Іакинѳа, но замѣняю его знакомъ (ʻ). Напр. Thai въ предлежащемъ изданіи пишется Тʻай, а не Тхай, Thian — Тʻянь, а не Тьхянь, Phing — Пʻинъ, а не Пьхинъ и т. д.

К южнаго произношенія измѣняется въ сѣверномъ въ *Цз*, *Х* южнаго въ *С*, потому *Kiang* европейскаго правописанія есть *Цзянъ* русскаго, *Hia* европейскаго — *Ся* русскаго. Но такъ какъ звуку *Цз* (Ts) южнаго произношенія соотвѣтствуетъ также *Цз* сѣвернаго, а звуку *С* (S) южнаго — также *С* сѣвернаго, то я считаю полезнымъ удержать въ своемъ правописаніи различіе, представляемое южнымъ произношеніемъ, преимущественно предъ сѣвернымъ, въ которомъ два совершенно различные звука сливаются въ одинъ. Это созвучіе могло бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ въ языкѣ, гдѣ и безъ того слова одинаковаго европейскаго правописанія могутъ имѣть очень различное значеніе. Потому въ принятомъ мною правописаніи Императоръ Цзянъ-Лунь пишется Кянъ-Лунь, рѣка Янъ-Цзы-Цзянъ пишется Янъ-Цзы-Кянъ, городъ Пинъ-Ся—Пинъ-Хя и т. д. Съ другой же стороны я пользуюсь выгодными сторонами и сѣвернаго произношенія, тамъ гдѣ оно различаетъ звуки, сливающіеся въ одинъ въ южномъ. Такъ напр. *Бэй* — сѣверный и *Бо* — бѣлый въ южномъ произношеніи сливаются въ *Пе* (Pe).

Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, я присовокупляю въ самомъ текстѣ, при каждомъ китайскомъ собственномъ имени, въ скобкахъ, его употребительнѣйшее европейское правописаніе и дѣлаю тоже и въ алфавитномъ указателѣ.

* *

Въ заключеніе, мнѣ остается только желать чтобы читатели приняли переводъ Риттеровой Азіи столь же благосклонно, какъ весь ученый міръ принялъ его подлинникъ, и снисходительно извинили меня въ томъ, что дополненія мои не могли достигнуть до той степени совершенства, какую бы имѣли еслибъ были написаны самимъ Риттеромъ.

П. СЕМЕНОВЪ
Магистръ С. П. Университета, Дѣйствит. Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Членъ Германскаго Геологическаго Общества въ Берлинѣ, Societé Géologique de France въ Парижѣ и т. п.

Примѣчаніе. Въ системѣ Риттера различныя страны Азіи имѣютъ слѣдующее расположеніе: сначала онъ разсматриваетъ восточную нагорную Азію, потомъ западную. Восточная нагорная Азія заключаетъ въ себѣ пространство отъ Алтая до Хималайи и отъ Болора до китайской прибрежной полосы. Здѣсь онъ начинаетъ съ восточной окраины т. е. Маньчжуро-монгольской, потомъ переходитъ къ сѣверной алтайско-байкальской, и въ связи съ ними разсматриваетъ и сосѣднія части нагорья, потомъ къ южной; за тѣмъ переходитъ къ переходнымъ формамъ восточной окраины т.е. рѣчнымъ системамъ восточныхъ рѣкъ, т. е. Амура и китайскихъ, за тѣмъ къ южнымъ, т. е. уступамъ индѣйскихъ рѣкъ и обоимъ индѣйскимъ полуостровамъ, за тѣмъ къ западной окраинѣ и соединительнымъ формамъ восточнаго и западнаго азіатскихъ нагорій, а потомъ уже къ западной Азіи.

Въ этой системѣ 1-й томъ перевода заключаетъ въ себѣ восточную окраину нагорной Азіи, т. е. всю китайскую Маньчжурію на югъ отъ извилины Амура, и на В. отъ Хинганскаго хребта и всю Монгольскую окраину къ китайской низменности, широкою полосою отъ желтаго моря на В. черезъ извилину рѣки Хуанъ хэ (Гоанго) вдоль провинціи Ганьсу до меридіана города Хами на западѣ.

АЗІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1.

Азія есть только часть стараго свѣта, но по пространству самая обширная; она лежитъ на Востокѣ, соединяетъ двѣ другія части свѣта въ одно цѣлое, и къ ея внутренности приводитъ насъ исторія природы и человѣка, также какъ и всѣ изысканія о нихъ, какъ къ общему древу, выросшему изъ временъ неизслѣдованныхъ и пустившему свои корни до невѣдомыхъ глубинъ..

46997

Ея пространственное, горизонтальное очертаніе едва изслѣдовано усиліями послѣдняго столѣтія до точности градусовъ и минутъ, а строеніе изображено въ болѣе или менѣе вѣрныхъ очеркахъ, наглядно даже и для непосвященныхъ въ тайны науки, на географическихъ картахъ. Не смотря на то, далеко отъ истиннаго знанія, стоимъ мы здѣсь какъ и въ Африкѣ на одинаковой степени земленевѣдѣнія, гдѣ для насъ гораздо болѣе неизвѣстнаго чѣмъ извѣстнаго, если мы не захотимъ хвастливо называть наименованія предметовъ знаніемъ ихъ, а именъ и чиселъ—потіями и воззрѣніями.

Только съ высшимъ развитіемъ людей и народовъ наши свѣдѣнія объ Азіи сдѣлались полнѣе. Откажемся же отъ предразсудка и перестанемъ думать, что мы знакомы съ тѣми частя-

Библиотека РКВМФ СССР

ми свѣта, которыхъ хорошо начерченныя и наполненныя географическими именами ландкарты разостланы передъ нашими глазами. Для истиннаго знанія необходимъ этотъ самый первый шагъ. Ландкарта даетъ намъ, совокупно съ тѣмъ что уже перешло изъ нея въ науку, только отрицательную картину, топическое и ариѳметическое отношеніе земной поверхности, рамку того что она изображаетъ. Только тогда, когда мы живо знакомы съ содержаніемъ этой картины, разсмотрѣніе ея, какъ разсмотрѣніе всякаго богатаго содержаніемъ очерка, можетъ дѣйствовать на насъ возбудительно и быть богатымъ источникомъ мыслей и представленій; безъ этого же она остается безсловеснымъ и беззвучнымъ снимкомъ, вводящимъ насъ даже нерѣдко и въ заблужденія.

Совершенно противуположно съ нашимъ европейскимъ методомъ въ Географіи дѣйствовали брамины; тогда какъ мы погружались въ форму, матерію, передъ Индостанцемъ парили всегда только внутреннее содержаніе, законъ, организація. Передъ его восточнымъ оборотомъ ума изчезала за то форма, необходимое условіе пространственнаго явленія, и потому его наукѣ недостаетъ человѣческой истины, безъ которой для насъ высшее не существуетъ. Мы же западные, при всей нашей критикѣ, теряемъ часто изъ виду духъ, высокое, возвѣщающее намъ Божескую истину, черезъ посредство которой человѣческая можетъ возвысить насъ до плодотворныхъ воззрѣній.

У отдаленнѣйшихъ Азіатовъ, столь богатыхъ литературою Китайцевъ, нашъ абстрактный, описательный, географическій, богатый матеріалами методъ достигъ до высшей степени отсутствія идей, такъ что вообще онъ былъ бы даже совершенно безплоденъ, еслибъ Китайцы не умѣли гораздо лучше Европейцевъ сроднить историческій элементъ съ географическимъ, хронологіею съ топографіею.

Западные народы Азіи: Аравитяне, Персы и другіе, остались только подражателями своихъ греческихъ предшественниковъ, особливо Птоломея. Сѣверные же обитатели Азіи не воз-

выешлись ни до какого оригинальнаго общаго воззрѣнія на страны ими обитаемыя.

Здѣсь, въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ нашемъ сочиненіи, слѣдуемъ мы уже начатымъ нами путемъ, а потому, предполагая въ нашихъ читателяхъ нѣкоторое знакомство съ картами и географіями Азіи и знаніе ея вообще по до сихъ поръ существовавшимъ описаніямъ, разсѣяннымъ въ другихъ, поучительныхъ сочиненіяхъ, мы рѣшаемся, прежде чѣмъ перейдемъ къ обзору цѣлаго и частностямъ, бросить взглядъ на положительное воззрѣніе индѣйскихъ гео-поэтовъ объ ихъ части свѣта, потому что это воззрѣніе непосредственно переноситъ насъ на Востокъ, въ средину своего зарожденія. Понятія ихъ столь характерны, что ихъ представленія о сущности устройства природы ясны даже изъ односторонняго и во многихъ частностяхъ самому себѣ противурѣчащаго изложенія санскритскихъ, такъ называемыхъ священныхъ книгъ, котораго результатъ мы, благодаря успѣхамъ времени, можемъ сообщить здѣсь читателямъ, не такъ какъ прежде изъ сбивчивыхъ компиляцій, но изъ критически разработанныхъ источниковъ.

§ 2. *Индѣйское воззрѣніе на землю.*

По географическимъ системамъ древнихъ, написанныхъ на санскритскомъ языкѣ, Ведъ (ученія заключающія въ себѣ космогонію, называются въ нихъ Брâмана) (1) и изъясняющихъ ихъ догмы Пуранъ, изъ коихъ каждая, имѣющая притязаніе на это имя, должна начинаться исторіею творенія или географическою главою (Бувана-дарса, т. е. всемірнымъ зеркаломъ), континентъ представляется въ видѣ цвѣтка Лотоса (Nymphaea nelumbo, Nelumbium, по санскр. Падма) плавающаго

(1) P. v. Bohlen das alte Indien Königsb. 1830. Th. I. p. 128, 139, 146, 158, 209 J. Paterson on the origin of the Hindu relig. in Asiat, Res. VIII. p. 44; немногое съ осторожностью заимствовано изъ C. F. Wilford легкихъ но поучительныхъ трудовъ on the Sacred Isles p. 267 — 324, тамъ гдѣ они подтверждаются оригинальными источниками или критикою Уильсона.

на поверхности океана. Оба, т. е. жидкая и твердая форма, какъ начало образующаго и образовавшагося, или творящаго и сотвореннаго, составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое. Вишну (т. е. проникатель), творящее и сохраняющее божество индѣйскихъ умѣренныхъ ученій, признающихъ воду и воздухъ основными силами и идентифицирующихъ ихъ часто съ животворнымъ началомъ солнца въ образѣ Кришну, представляется покоящимся или дѣйствующимъ.

Въ первомъ видѣ, какъ символъ видимаго въ пространствѣ, почиваетъ онъ на днѣ океана или на змѣѣ (2) вѣчности, плавающемъ въ морѣ. Изъ живота его, символа воспроизвожденія, выростаетъ стебель Лотоса, котораго цвѣтная почка означаетъ состояніе міра до сотворенія, а распустившійся цвѣтокъ, представляющій сотворенную землю и театръ рода человѣческаго, плаваетъ на водной поверхности. Потому цвѣтокъ этотъ и называется Брама̀ (отъ Браманъ, творящій Деміургъ), т. е. существо или твореніе, въ противуположность съ несотвореннымъ, божествомъ (или Парабрама — т. е. Правеликимъ) которое какъ вѣчность никогда не входитъ въ предѣлы мнѣа; потому вмѣсто цвѣтка Лотоса появляется чаще изъ стебля его образъ этого творящаго духа-Брамана, что, совершенно тождественно съ распустившимся цвѣткомъ, выражаетъ высокую идею этого воззрѣнія на міръ и землю.

По срединѣ этого символическаго цвѣтка Лотоса—Падма — земнаго міра, возвышается завязь плода — Меру (3) или нагоріе; кругомъ расположены органы оплодотворенія. Направленные во всѣ стороны тычинки и нектаріи представляютъ вершины высокихъ горъ и горныхъ цѣпей, въ которыхъ берутъ начало главныя земныя рѣки. Четыре распущенные лепестка (цвѣтные листья) вѣнчика означаютъ четыре главныя страны континента

---

(2) Въ Рамаяна см. происхожденіе богини Ганга въ A. W. v. Schlegel Ind. Bibl. Bonn 1823. Th. I. p. 54 v. 69 и not. 85.

(3) H. Wilson Dictionary Sanscr. and engl. 1813. 4. слово Meru.

простирающіяся на четыре стороны свѣта; они называются Двипа, полуострова съ двухъ сторонъ или большею частію окруженные моремъ (это и есть значеніе словъ: Двипа у Индѣйцевъ, Эцира у Аравитянъ). Южный лепестокъ называется Жамбу-Двипа, т. е. Индія; противъ него лежатъ сѣверные Куру (сѣверныя земли, вѣроятно Сибирь) и точно также поставлены другъ къ другу два лепестка восточный и западный (Бадразвасъ и Кетумаласъ) (4). Между ними расположены, по два въ каждомъ интерваллѣ, внѣшніе болѣе узкіе лепестка, 8 подчиненныхъ двипа, прибрежій или полуострововъ, которыхъ названія соотвѣтствуютъ остальнымъ странамъ, лежащимъ между главными такъ напр. Пегу и Ава, Персія и Аравія.

Остальные, настоящіе листья Лотоса, плавающіе на водной поверхности отдѣльно отъ цвѣтка, представляютъ другіе континенты или острова океана. Какъ чувственный образъ всеобщаго воспроизвожденія предметовъ въ мужеской и женской формѣ, сказанный цвѣтокъ этой Тео-Геогепіи, есть родительница, мать-земля (Йони Аргâ или Âріа т. е. достойная почитанія). Между тѣмъ Меру, какъ завязь или пестикъ, есть линтамъ (Phallus), общепочитаемый символъ воспроизводительной силы природы. Когда цѣлое море играетъ роль Йони, то земля есть линтамъ, во время же бурь и морскихъ приливовъ, Лотосъ, по мнѣнію индѣйскихъ ученій, принимаетъ форму лодки съ мачтою, для спасенія человѣчества отъ погибели. Эти двѣ формы плодородящей и спасающей земли, обожаются въ разнообразныхъ видахъ въ индѣйскихъ храмахъ.

Развивая свои воззрѣнія далѣе и примѣняя ихъ къ дѣйствительной поверхности земли, многочисленныя Пураны и изло-

---

(4) Эти и слѣдующія точно переданныя имена, кромѣ упомянутыхъ мѣстъ изъ VI кн. Махабарата (Бишкамханда) сообщены мнѣ обязательно изъ извлеченій изъ парижскихъ и лондонскихъ рукописей Фр. Боппа и переведены Проф. Розеномъ, которому я выражаю здѣсь публично мою признательность. Въ этой пѣсни вплетена въ видѣ эпизодовъ богатая номенклатура индѣйской, вѣроятно древнѣйшей изъ географій, которой древность однако въ отношеніи къ тексту цѣлаго эпоса опредѣлить весьма трудно.

женіе ихъ Пандитами учатъ насъ, что Меру (что значитъ лучезарное) есть средина ([5]) земли и даже буквально означаетъ центръ или ось. Эта священная ([6]) гора, которая возвышается на столько же надъ поверхностью земли на сколько исходитъ въ глубину, (Олимпъ Индѣйцевъ, Альбордшъ т. е. гора Зендавесты у Персовъ, Меругири отъ гири, гуру, гора или гира славянскихъ нарѣчій до Лаузица, или Морегаръ Аравитянъ), украшена множествомъ сказаній и символовъ. Посреди горъ, воспѣваетъ эпическая поэма Махабарата, стоитъ круглый Меру, золотая гора, свѣтящаяся какъ восходящее солнце, подобная бездымному пламени; по сторонамъ расположены чистыя прибѣжища обитаемыя счастливыми людьми: скаты на которыхъ расположены различныя ступени рая (какъ напр. Кашмиръ). Она имѣетъ, по мнѣнію Тибетцевъ, 4-хъ-угольную форму, по мнѣнію буддистовъ выпуклую и надутую, или форму конуса въ честь чего и были построены и нынѣ существующія конусовидныя башни въ Бенаресѣ (одна основанная въ 1026 г. имѣетъ 60 фут. выс. и оканчивается осьми-угольнымъ храмомъ см. Wilford l. c. p. 291) и одна порфировая въ Аллахабадѣ, называемыя Меру ([7]). Она имѣетъ по разнымъ системамъ жителей Авы ([8]), Цейлона ([9]), Тибета и Индіи различныя свойства.

Вершина этой Меру или Су-Меру (т. е. прекраснаго Меру, Міенъ-Мо у Бирмановъ) ([10]), по мнѣнію Индѣйцевъ, есть круглая поверхность неизмѣримой величины, окруженная горнымъ вѣнцемъ или гребнемъ Плаврадамъ (т. е. кругъ Пла), миѳическимъ

---

(5) Ch. Wilkins the Bhagv. Geeta or Dialogues of Kreshna and Arjoon Lond. 1785. not p. 143. cf. Wilsons Dict s. v. Meru; Wait on Meru in Asiat Journ. New Ser. 1830 Vol. II. Philostr. vit. Apoll. 3, подразумѣваетъ ее уже подъ именемъ пупа Индіи τὰ μέσα τῆς Ἰνδικῆς ὀμφαλός.

(6) Gesenius von dem Götterberge im Norden nach den Mythen des Asiat. Volker въ Commentar zu Jesaias Th. II. p. 316—326. Paulin. a. S. Bartol. Systema Brahm. p. 130—135; Th. Maurice Ind. Antiq. Lond. T. I. p. 225.

(7) G. Forster Voy. du Bengale à Petersb. ed. p. Langlès Paris 1802. T. I. lettr. 4.

(8) См. Fr. Buchanan Cosmogr. Barmana въ As. Res. T. VI. p. 167.

(9) Joinville on the relig. etc of Ceylon въ As. Res. T. VII. p. 402 etc.

(10) Asiat Res. T. VI. p. 175.

раемъ, который подъ именемъ Сваргабуми, т. е. небеснаго пребыванія на землѣ, и донынѣ ([11]) обожается всѣми сосѣдними съ Индіею народами: Тибетцами, Китайцами и Монголами.

Потому Меру имѣетъ огромное значеніе для всѣхъ этихъ народовъ: солнце, луна и звѣзды вращаются около нея и на ней помѣщаютъ Индѣйцы весь дворъ боговъ Брамы и служащихъ ему Риписовъ, Гандарбасовъ и другихъ святыхъ, вмѣстѣ съ цѣлыми племенами Девовъ и счастливыхъ баснословныхъ людей, въ описаніе которыхъ подробно распускается фантазія сочинителей Махабараты.

Тибетскіе же и монгольскіе буддисты ([12]), не принадлежащіе къ политеизму, переносятъ туда мѣстопребываніе принадлежащихъ къ ихъ земной системѣ разнаго рода духовныхъ существъ, изъ которыхъ одинъ Тегри (тоже что Дева у Индѣйцевъ, т. е. Духъ) ниспалъ изъ высшихъ областей для того чтобы родиться въ человѣческомъ образѣ въ низшихъ. Для Бирмановъ ([13]) дальней (*) Индіи эта Меру есть страна праведныхъ послѣ смерти и жилище геніевъ (Патъ). Только для бѣдныхъ фантазіею Китайцевъ, Меру не имѣетъ высшаго значенія, если развѣ только не принять Кунь-Лунь (Kuen-Lun) составляющій разумѣется также часть Меру, за ихъ, наполненную святыми таинственными деревьями, райскую страну, къ которой насъ также приводятъ сказанія ([14]) ихъ предковъ, по свидѣтельству Шу-Гина (**), потому что на этомъ Кунъ-Лунѣ находится мѣстопребываніе ихъ древнѣйшихъ святыхъ и безсмертныхъ.

---

(11) Timkowsky Voy. à Pekin à travers la Mongol. en 1820—21 ed. p. Eyries et et J. Klaproth. Par. 1827. T. I. p.

(12) Ssanang Ssetsen Chung-Taidschi der Ordus; Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses aus dem mongol. v. J. J. Schmidt St. Peters. 1829. 5. p. 5 not. p. 303.

(13) Symes Relat. ed. Castera. Paris. T. II. ch. 8. p. 163; Franc. Buchanan l. c. p. 231.

(*) Vorder и Hinter-indien я перевожу выраженіями ближняя и дальняя Индія. — *Пр. Пер.*

(14) Ab. Remusat Mem. sur la vie de Lao-Tseu. Par. 1823. 4. p. 10; H. Kurz Mem. Sur le Chou King въ Nouv-Jour. As. T. VI. p. 401.

(**) Chu King, китайское историческое сочиненіе написанное Конфуціемъ. — *Пр. Пер.*

Съ четырехъ сторонъ свѣта баснословная гора поддержана разнаго рода металлическими стѣнами изъ золота, серебра, мѣди, желѣза и даже драгоцѣнныхъ камней, какъ напр. рубина, лазули и т. д., въ чемъ разумѣются различныя сказанія разногласны; а потому и скаты ея отличаются различными цвѣтами, краснымъ, бѣлымъ, желтымъ и чернымъ, подобно морямъ четырехъ странъ свѣта, въ которыя изливаются ея рѣки. Такъ какъ всѣ восточные опредѣляютъ стороны не по полярной звѣздѣ, какъ мы, но по восходу солнечному, къ которому они обращаютъ свои взоры, то востокъ есть для нихъ ([15]): Парва, Пурва т. е. впереди; западъ — страна лежащая въ тѣни, сзади ихъ Апара, Апаръ или Апарика, какъ еще и нынѣ называютъ ее буддисты, отчего прежде хотѣли произвести имена Офиръ и Африка. Лежащій впереди востокъ называется впрочемъ еще Прâчъ; Дакшина (Декканъ Δαχινάβης въ Arrian. Peripl.) лежащій направо югъ, а Пратіâчъ — лежащій позади западъ. За Меру расположены сѣверныя страны земли — сѣверные Куру (Уттара Куру въ Махабаратѣ отъ Уттара верхній, въ смыслѣ сѣверный; слѣдовательно верхній Куру т. е. отдаленнѣйшій сѣверъ по мнѣнію Уильсона). Это есть гиперборейская страна Индѣйцевъ, въ которой властвуетъ Кувера, богъ сѣвера и богатства и которая столь же недоступна человѣку какъ и лучу солнечному ([16]) (это напоминаетъ gens hominum Attacorum у Plin. H. N. IV. 26, VI. 20). Куру расположенъ на берегу моря Кшірода (млечнаго), нашего Ледовитаго океана, гдѣ находится также, за предѣлами всѣхъ горныхъ вершинъ, полоса земли Айравата, въ которой уже болѣе не свѣтитъ солнце, а постоянно сіяютъ мѣсяцъ и звѣзды, гдѣ люди не старѣются и гдѣ находятся прибѣжища непорочныхъ: страна сѣвернаго миѳическаго

---

(15) Wil. Jones Disc. anniv. въ Rech. As. 1786 ed. Langlés. 4. T. I. p. 493, 238. Wilford As. Res. VIII. p. 284. — Cf. Wilson Dict.; Capt. Mahony въ Asiat. Res. T. VI. p. 447.

(16) По св. хроники Кашмира въ Radja Tarindjeni, Wils. As. Res. Calc. 4. T. XV. p. 51.

міра для Индѣйцевъ. Птоломей даетъ этому Ottorocorrae ([17]) опредѣленное мѣсто въ нагорной Азіи, а Амміанъ упоминаетъ о высокой горѣ Opurocarra за Емодусомъ.

Съ обѣихъ сторонъ земля омывается, какъ на восточномъ, такъ и на западномъ Двипа, двумя океанами, восточнымъ и западнымъ. Къ югу же отъ Меру лежитъ страна лучшихъ плодовъ, по санкр. Жамбу (розовыя яблоки вѣроятно Eugenia Jambos) ([18]).

Барата-Варша или Барата-Канда, т. е. страна Бората или часть Барата (отъ Канда часть), есть названія этой полосы 9 главныхъ областей (Варша) ([19]) земли простирающейся до Саре или океана Персовъ (вода у Индусовъ Сара); ее описываетъ мудрецъ Сандшаясъ ([20]) Царю своему, какъ страну любимую богами Индрасъ, Ману и другими.

Большія міровыя рѣки текущія съ Меру называются на югѣ Ганга и Синду (Гангъ и Индъ); изъ нихъ пьютъ воду, также какъ изъ всѣхъ другихъ рѣкъ, по свидѣтельству автора Махабараты, не одни чистые, но и нечистые народы Сіи послѣдніе, т. е. нечистые, называются Млеча т. е. варварскія племена (Berbera) ([21]) не знающіе браманства. Къ востоку течетъ съ Меру рѣка Сита (*) (женскаго рода, какая нибудь китайская рѣка?), къ сѣверу Бадра (или Бадрозома, по предположенію Уильсона Иртышъ) ([22]). Къ западу, Апара Гандика (западный Гандика) или Какшу (**) (Oxus древнихъ

---

(17) Ptolom. Geogr VI. c. 16. f. 163, 200: Amm. Marcell. XXIII. 6. 64.

(18) W. Jones Disc. ann. l. c.; у Бирмановъ страна назыв. Цабудиба т. е. островъ Цабу, потому что Цабу есть священное банановое дерево, Ficus religiosa; см. Fr. Buchanan As. Res. T. VI. p. 177.

(19) См. Wils. Dict. слово Varsha.

(20) См. Bhishma Kanda l. c.

(21) Wils. Radja Taringini въ As. Res. Calc. T. XV. p. 47.

(*) Таримъ-Голь по свидѣтельству путешественника Хюанъ-Цана. — *Пр. Пер.*

(22) Wilson Dict. l. c. см. сл. Meru.

(**) Каксу — въ Вишна-Пурана, Ванксу — въ Махабарата, Сукаксу — въ Раманѣ, Фатсу — у Хюанъ Цана. — *Пр. Пер.*

который и пышѣ въ верховьяхъ своихъ называется у тузем-цевъ Кокша) ([23]) (*).

Въ Рамаянѣ названы еще нѣкоторыя большія восточныя и западныя рѣки, текущія съ нагорья, что доказываетъ истинное знаніе природы его; онѣ описаны поучительно ([24]). Также и буддистскіе Бирманы знаютъ пять большихъ рѣкъ текущихъ съ того же нагорія и отличаютъ отъ нихъ 7 другихъ вытекающихъ, по ихъ мнѣнію, изъ 7 озеръ на югѣ отъ Меру, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Нельзя не замѣтить, что въ основаніи изложенія строенія Азіи по индѣйскимъ религіознымъ книгамъ и эпопеямъ, не смотря на частныя различія, встрѣчаемые въ Пуранахъ и позднѣйшихъ изъясненіяхъ, лежитъ истинное и основное понятіе о центральномъ азіатскомъ нагорьѣ и его вліяніи на цѣлый континентъ и что его важность и непрерывность схвачена съ гораздо болѣе вѣрнымъ взглядомъ, чѣмъ во многихъ другихъ системахъ, принявшихъ за точку исхода частности и отдѣльности.

Арчумасъ, вопрошавшій божество о существѣ его и получившія отъ него свѣдѣнія о великомъ и возвышенномъ, слышалъ изъ устъ его, что между вершинами возвышенныхъ горъ земли оно само есть Меру ([26]).

Меру не есть какая нибудь отдѣльная высокая цѣпь; она есть возвышенная, пространная, нагорная терраса части свѣта, цѣлое ([27]) нагорье нагорной Татаріи и Тибета и съ этимъ согласуется все остальное въ дальнѣйшемъ изложеніи этой гео-

---

(23) M. Elphinstone Acc. of Cabul Lond. 1815. 4. p. 88, 628.

(*) Это перечисленіе съ небольшими измѣненіями находится въ Вишну-Пурана (№ 12). Махабарата же перечисляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Налини, Павани, Сараевата, Гамбукади, Ситâ, Ганга и Синду. Въ Рамаянѣ же къ З. текутъ Сукаксу, Сита и Синду, къ В: Налини, Павани и Хладини, къ Ю: Гангу.— *Пр. Пер.*

(24) См. v. Schlegel Ind. Bib. v. 144. p. 72, 91.

(25) Fr. Buchanan l. c. p. 231.

(26) Baghawad-Gita ed. A. W. de Schlegel Bonn. 1823. 8. Lect. X. 23, 25. Merus inter montium cacumina ego — inter montes Himâlayas.

(27) Wilsons Dict. см. сл. Meru.

графической системы, которая разумѣется въ своемъ расположеніи, подобно всѣмъ системамъ, приписала симметріи слишкомъ большое вліяніе на образованіе земной поверхности.

На югѣ и сѣверѣ Меру или нагорья, простираются отъ В. къ З., на извѣстныхъ разстояніяхъ, три и три горныя цѣпи параллельно какъ кажется съ океаномъ и между собою. Онѣ разграничиваютъ семь зонъ, причитая сюда страны лежащія на С. и Ю. отъ этихъ цѣпей и Меру по срединѣ, и образуютъ подобное климатамъ древнихъ естественное горное раздѣленіе (Варша Парвата), отъ С. къ Ю. составляющее въ совокупности цѣлый древній континентъ Азіи, которому Индѣйцы впрочемъ не даютъ никакого общаго названія. Въ древнѣйшей изъ намъ извѣстныхъ пѣсней Махабарата ([28]) перечислены эти цѣпи въ слѣдующемъ порядкѣ: Химаватъ ([29]), Хемакутасъ, Ништадасъ — лучшая изъ горныхъ цѣпей, Ниласъ — лазурево-синяя, Свѣтасъ — бѣлая и богатая вершинами — Сринга̄нъ (отъ Сринга — вершина). Послѣднія три — голубая, бѣлая и вершинная, суть сѣверныя; между тѣмъ какъ три первыя, ближайшія къ Индіи, какъ гораздо болѣе знаменитыя, узнать очень не трудно. Химаванъ въ Рамаянѣ и Махабаратѣ ([30]) или что все равно Химаватъ (снѣжный, зимній) суть только двѣ различныя формы одного и того же ([31]) горнаго имени, извѣстнаго въ сокращеніи у поэтовъ подъ именемъ Химала ([32]) или Химале (у новѣйшихъ Хима-куль т. е. снѣжная вершина, по свидѣт. Колебруке), или еще общѣе Хималая т. е. пребываніе или жилище снѣга (отъ Хима, все равно что χεῖμα, hiems—снѣгъ и âlaya—жилище). За этимъ гор-

---

(28) См. Bhishmakanda l. c. и Wilson Dict. s. v. Varshaparvata.

(29) Химаванъ есть усилительное а Химаватъ принимается грамматиками за корень.

(30) A. W. v. Schlegel Ind. Bibl. Th. I. p. 30. Fr. Bopp. Diluvium cum tribus aliis prestantissimis Mahâ Bhârati episodiis ed. Berol. 1828. 8. и въ Manava Dharma Sastra or the inst. of. Menu ed. Graeves Chamn. Houghton. Lond. 1825. 4. lib. I. l. 21.

(31) v. Schlegel Ind. Bibl. Th. I. p. 82.

(32) Напр. Megha Duta or Cloud messenger a Poem by Calidasa transl. by H. Wilson Calc. 1814. p. 706.

нымъ хребтомъ лежатъ два другія, Хемакута т. е. горы съ златоблестящими вершинами (Хема золото, произведено отъ Хима и Кута вершина) и лучшая изъ горъ — Шишадасъ; послѣдняя есть труднодостижимое, возвышенное жилище боговъ, тысячеокаго властителя Индра (отъ Индъ властвовать), могучаго, посылающаго потоки дождя (Iupiter pluvius) ([33]), растрескивающаго горы, бога громовъ, который, разославъ свои мощныя молніеносныя стрѣлы, показываетъ смертнымъ свой лукъ въ видѣ радуги (Индра̀юда т. е. оружіе Индра), и награждаетъ всякую святую дѣятельность ([34]). Это суть вообще высочайшія, еще и нынѣ почитаемыя святыми и съ трудомъ посѣщаемыя богомольцами, горы богатѣйшаго снѣгомъ гребня, извѣстныя вообще у горныхъ народовъ подъ именемъ Кайлаза (отъ киль быть холоднымъ, прежде такъ-называлась всякая горная вершина), рая Сивы или собранія боговъ вообще ([35]) и расположенныя кругомъ высшихъ альпійскихъ озеръ, за самыми недоступными источниками Ганга и Инда.

Вверхъ къ этимъ Кайлаза, гласитъ пѣснь Калидазы, тянутся по воздуху длинные ряды священныхъ альпійскихъ лебедей ([36]), потому что тамъ находятъ они прозрачныя рѣки, въ которыхъ купаются боги и гдѣ обожаются священные слѣды ногъ Рамы. «Эти горы Кайлаза блещутъ болѣе всѣхъ другихъ, подобно зеркалу, свѣтлѣйшимъ мерцаніемъ, представляя видъ божественный, и далеко свѣтятся ихъ вершины подобныя цвѣтамъ Лотоса, черезъ обширныя земныя царства, какъ улыбка Сивы

---

(33) См. Vasishtae Hymnus in Deum Pluvium lib. V. 7, 2; въ Rig. Vedae Specimen ed. F. Rosen Lond. 1830. p. 23.

(34) v. Bohlen Alt-Indien I. 235, 207; v. Schlegel Ind. Bibl. Th. I. p. 89.

(35) Муркрофтъ видѣлъ одинъ Кайлазъ на оз. Мансороваръ; см. Journ. to the lake Mansorovara въ As. Res. Calc. 1816. 4. v. XII. p. 413; другой Кайлазъ былъ найденъ Годгсономъ при истокѣ Ганга, см. Hodgson Journ. etc. As. Res. Calc. 1822. v. XIV. p. 92; Гербертъ видѣлъ третій Кайлазъ въ группѣ Ральдангъ на р. Сутлежѣ подъ 31° 29′ 22″ с. ш. см. Course and level of the Sellej in As. Res. Seramp. 1823. T. XV. p. 362.

(36) Megha dûta or the cloud. mesenger by Calidasa trans. by H. Wilson Calc. 1814. v. 2, 71 и 397.

или Махадева великаго бога». Вотъ высокая картина чуднаго мерцанія и блеска далеко освѣщенныхъ горныхъ цѣпей.

Мы опускаемъ здѣсь всѣ остальныя объясненія Индѣйцевъ(*), названія, опредѣленія длины и высоты горъ, подробности ихъ симметрическаго положенія и т. д., предметы несоизмѣримыя, потому что индѣйское число и индѣйское слово есть знакъ выражающій символъ а не понятіе, и послѣ этого общаго очерка, достаточно знакомящаго насъ съ древне-индѣйскими воззрѣніями, переходимъ къ тому, что составляетъ потребность европейской науки. Матерьяломъ для нашихъ изслѣдованій служитъ очень большой, хотя еще исполненный пробѣлами запасъ достовѣрныхъ наблюденій очевидцевъ, а часто только болѣе или менѣе поучительныя замѣчанія и извлеченія другихъ изъ источниковъ и трудовъ образованнѣйшихъ народовъ Европы и Азіи; результаты всего этого постараемся мы представить здѣсь, по мѣрѣ силъ своихъ.

При точномъ разсматриваніи исчезаетъ разумѣется упомянутое симметрическое расположеніе въ строеніи азіатскаго нагорья, и его пространство въ обширномъ его объемѣ заключаетъ въ себѣ большое разнообразіе поверхностей; но мы должны однакоже раздѣлить въ главныхъ чертахъ воззрѣнія индѣйскихъ Пуранъ, совершенно справедливыя во столько, сколь далеко могъ простираться взоръ ихъ.

§ 3. *Европейское воззрѣніе на землю. — Обзоръ. — Положеніе относительно сосѣднихъ частей свѣта.*

Если мы сдѣлаемъ обзоръ цѣлой части свѣта, которая не могла быть въ точности извѣстна Индѣйцамъ, потому что они

(*) Со времени появленія I-го тома Риттеровой Азіи, переведена (въ 1836) 6 я пѣснь Махабараты (Бишма) на англійскій языкъ и напечатана въ Калькутѣ, также появились въ Германіи весьма основательныя изслѣдованія объ индѣйскихъ древностяхъ Хр. Лассена. Однакоже находя очеркъ Риттера вполнѣ достаточнымъ, мы ничего не присовокупляемъ къ этой несущественной части его творенія. — *Пр. Перев.*

столь же мало какъ и древніе Египтяне старались быть наблюдателями природы подобными западнымъ народамъ, то передъ нами раскроется обширнѣйшая картина природы, которую, какъ часть планеты въ развитіи ея пространственныхъ отношеній, мы только тогда будемъ въ состояніи схватить въ самой ея сущности, когда успѣемъ возвысить общее очертаніе ея до самой живой наглядности, потому что тогда только каждая часть ея получитъ свое настоящее значеніе. Самая обширная сѣверо-восточная континентальная половина соединенныхъ частей свѣта Европы и Азіи, представляетъ контрастъ съ южной и юго-западной половиною стараго свѣта — Африкою, которой пространственное очертаніе и характеристику мы изложили въ первой книгѣ нашего сочиненія (*). Обѣ первыя части свѣта составляютъ только одну непрерывную континентальную массу, имѣющую 1 милл. кв. м.; слѣдов. вдвое болѣе африканскаго юга, занимающаго только немного болѣе половины этого пространства. Эту, растянутую въ видѣ огромной дуги отъ В. къ З. почти на половину земнаго шара, часть земной коры раздѣляемъ мы на двѣ отдѣльныя части свѣта, западную и восточную, Европу и Азію, изъ которыхъ послѣдняя рѣшительно преобладаетъ, превосходя первую въ 5 разъ. Очень легко было бы съ перваго взгляда, не замѣчая между обѣими частями свѣта никакого естественнаго разграниченія, приписать ихъ раздѣленіе произволу народовъ и временъ, тѣмъ болѣе что прежняя Европа не всегда имѣла одинаковыя границы съ нынѣшней, потому что напр. Геродотъ въ свое время простираетъ предѣлы этой части свѣта съ З. на В. далеко за нынѣшнія границы Азіи (Herod. IV. 42). Дѣйствительно совершенно иначе и наглядѣе отдѣлена Азія, на Ю. З. отъ Африки, морями, и не стоитъ съ этою послѣднею почти ни въ какой континентальной связи; на-

(*) Рядъ томовъ составляющій Географію Азіи есть вторая часть недокончennаго Риттеромъ сочиненія: «Землевѣдѣніе въ его отношеніяхъ къ природѣ и исторіи человѣка или всеобщая сравнительная Географія». I-я часть на которую ссылается Риттеръ есть Африка. — *Пр. Пер.*

противъ же Европа имѣетъ съ Азіею на С. З., вдоль меридіаннаго Уральскаго хребта до Каспійскаго моря, обширную общую границу, изъ которой она выступаетъ, подобно вѣтвистому дереву или отпрыску, далеко на С. З. въ атлантическій и сѣверный полярный океаны. Одинъ тонкій наблюдатель([37]) великихъ явленій природы замѣчаетъ, что часто обычай устанавливаетъ такія означенія, гдѣ играютъ роль не абсолютныя, но релятивныя отношенія; что слѣдовательно, уже по одному отношенію величинъ, можно разсматривать Европу, какъ большой полуостровъ стараго свѣта, направленный къ С.-В., и что точно съ такимъ же основаніемъ можно было бы принимать оба индѣйскіе полуострова за направленные къ Ю.-В., самостоятельные континенты, тѣмъ болѣе что они величиною своею не много уступаютъ Европѣ. Но названія, напечатленныя земнымъ пространствамъ, ходомъ не политики, но исторіи людей и націй, непремѣнно имѣли свое историческое основаніе, продолжившее ихъ существованіе черезъ всѣ времена, и не случай отдѣлилъ Азію отъ Европы какъ въ жизни природы, такъ и въ жизни народовъ. Индивидуальность каждой упрочена собственною, внутреннею системою связи пластическихъ формъ, имѣющихъ бо́льшее вліяніе на раздѣленіе чѣмъ раздѣлительныя моря.

Даже и морскія раздѣленія, оставившія еще и понынѣ очень замѣтные слѣды своего прежняго существованія, могли въ прежнія тысячелѣтія отдѣлять Европу отъ Азіи (*), также опредѣленно какъ и Африку, оставляя только узкій соединительный Кавказскій перешеекъ и превращая нашу часть свѣта въ болѣе чѣмъ полуостровъ. Именно, въ то время когда уровень Каспійскаго и Аральскаго озеръ стоялъ нѣсколько выше чѣмъ нынѣ, они могли сообщаться съ полярнымъ моремъ къ С., вдоль и мимо восточной подошвы Урала, черезъ глубокія, теперь высохшія, но наполненныя многочисленными группами соляныхъ

(37) G. F. Link Handbuch d. physik. Erdbeschreibung Berl. 1826. Th. I. p. 107.

(*) См. дополненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

озеръ котловины ([38]), посредствомъ борозды, простирающейся черезъ степь Каракумъ, въ направленіи означенномъ множествомъ озеръ Киргизской и Барабинской степей ([39]), по ложу Тобола и Оби, прежде можетъ быть чѣмъ Уралъ поднялся до своего тынѣшняго значенія.

Неизгладимые слѣды этихъ изчезнувшихъ морскихъ раздѣленій остались и въ послѣдствіи, въ видѣ углубленныхъ степей, раздѣлами между обѣими частями свѣта и ихъ жителями, вдоль линіи, означенной нижними теченіями Урала, Волги и Дона, въ томъ мѣстѣ гдѣ эти рѣки поворачиваютъ вдругъ къ югу отъ Общаго Сырта и гдѣ находится maximum ихъ приближенія, характеризуемый тѣмъ, что на азіатской его сторонѣ обширныя степи понижаются ниже уровня океана, а на европейской вся страна напротивъ повышается. Давно уже, основываясь на наблюденіяхъ Палласа и измѣреніяхъ Енгельгардта и Паррота объ углубленіи Каспійскаго моря (300—350 ф. ниже уровня Чернаго)(*), думали мы найти въ этихъ отрицательныхъ низменностяхъ, лежащихъ ниже уровня океана, и ихъ степной почвѣ контрастъ и истинную, природную и національную границу Азіи съ положительными низменностями европейской равнины, которая, въ видѣ низкохолмистой страны или незначительно высокаго плоскогорія (plateau), или даже совершенной равнины, все еще возвышается надъ морскимъ уровнемъ. Противуположность этихъ низменностей и возвышеній на обширныхъ поверхностяхъ равнинъ дѣлается важною характеристическою границею между частями свѣта и ихъ населеніемъ не по абсолютной высотѣ своей, не превосходящей немногихъ сотъ футовъ, но по сопровождающимъ эти вертикальныя раз-

---

(38) A. v. Humboldt uber die Bergketten und Vulcane von Inner-Asien въ Poggend. Annal. Bd. 94. 1830. p. 330. Тоже съ дополнен.: Mémoire sur les chaines des montagnes et sur les volcans de l'Asie intér. Par. Nouv. Ann. T. IV. 1830. p. 217—316.

(39) Klaproth Mém. relat. à l'Asie T. I. p. 127. not. Его же Tabl. hist de l'Asie Par. 4. p. 175. Ab. Remusat Rem. sur l'ext. de la Chine въ Mém. sur l'Asie cent. 4. Paris 1825. p. 109.

(*) Число это невѣрно. См. дополненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

личія явленіямъ природы. На азіатской сторонѣ, въ отрицательной низменности, разстилаются покрытыя морскимъ пескомъ, валунами, солончаками, соляными озерами, раковинами и морскими продуктами, горизонтальныя равнины, безъ холмовъ, безъ удобнаго для растительности землянаго слоя, а потому безъ водныхъ источниковъ сплошнаго дерна, безъ полей и лѣсовъ, а съ почти исключительно преобладающею, характеристически однообразною, солонцеватою, степною почвою. На европейской же сторонѣ, напротивъ, примѣчается, въ ея плоской восточной половинѣ, поднятіе уровня до положительныхъ высотъ надъ океаномъ, какъ равнинъ, такъ и возвышенностей, отъ 100 до 600 ф., въ слѣдствіе наслоенія разнообразно перемежающихся земляныхъ и наносныхъ покрововъ, въ видѣ холмовъ и разнаго рода плоскогорій. Эти послѣднія равнины начинаются вездѣ на С., отъ Общаго Сырта, и на З. отъ берега Волги, къ С. отъ Царицына черезъ прорывъ Волги ниже Саратова и Камышина, къ Дону, также какъ на З. отъ Сарпы, притока Волги, впадающаго въ нее близъ Царицына. Онѣ возвышаютъ, начиная отсюда, всю восточно-европейскую почву, несмотря на преобладаніе равнинъ, до болѣе высокой ступени развитія, и превращаютъ ее въ богатую источниками и перегноемъ (humus) почву, удобную для полей, луговъ, а далѣе и для лѣсовъ. Въ слѣдствіе того пограничная Европа должна была сдѣлаться хлѣбородною землею, страною народныхъ колонизацій, осѣдлыхъ жилищъ, развитія городовъ и деревень, постоянныхъ границъ, чѣмъ она и была даже во времена Геродота, когда въ ней обитали земледѣльческіе Скиѳы. Напротивъ же, прилежащія азіатскіе степи, были всегда театромъ бо́льшихъ или меньшихъ народныхъ переселеній и до сихъ поръ остались необходимо пребываніемъ чуждой Европѣ кочевой жизни, исключая нѣсколькихъ спорадически разбросанныхъ мѣстъ, на которыхъ удобство отдѣльныхъ мѣстныхъ отношеній дозволило нѣкоторыя исключенія, такъ что здѣсь азіатская, а въ новѣйшее время европейская цивилизація могли получить перевѣсъ.

Отчасти уже сдѣланныя русскими наблюдателями, отчасти ожидаемыя отъ нихъ (*) изслѣдованія отношеній уровней этихъ замѣчательныхъ углубленій и поднятій, которыя были въ первый разъ соединены въ большой очеркъ пластики цѣлой части свѣта пытливымъ геніемъ Ал. Гумбольдта ([40]), могутъ доставить положительныя данныя для теорій, отъ которыхъ уже можно будетъ перейти къ опредѣленію истинныхъ естественныхъ границъ между обѣими частями свѣта, какъ индивидуальными развитіями большихъ планетныхъ пространствъ, которыхъ особенныя формы и взаимныя сообщенія и соприкосновенія находятся въ связи съ особенностью ихъ климатическихъ сферъ, флоръ, фаунъ, населеній и хода человѣческой исторіи со всѣми ихъ перецѣпляющимися отношеніями.

Линія уровня океана, въ которой расположены Оренбургъ (= 0 ф. надъ ур. ок.) и Саратовъ на Волгѣ (= 0 ф.) (**) ([41]), или черта въ которой поднятіе переходитъ въ углубленіе, служитъ намъ потому самому, вмѣстѣ съ Ю.-В. склономъ сосѣдняго Общаго Сырта, границею нашихъ общихъ соображеній, также какъ далѣе къ С. раздѣлительный валъ обѣихъ частей свѣта — Уральскій хребетъ, котораго точнѣйшее опредѣленіе мы оставляемъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь припомнимъ только предварительно что этотъ длинный горный хребетъ, которымъ, со времени одного столѣтія, европейская цивилизація овладѣла еще съ быстрѣйшимъ успѣхомъ чѣмъ цивилизація Соединенныхъ Штатовъ центральнымъ сѣверо-американскимъ, паралельнымъ съ Ураломъ, меридіаннымъ хребтомъ, не принадлежитъ по своей природѣ по преимуществу ни къ той, ни

(*) См. дополненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

(40) Discours d' A. Humb. p. 42. въ Seance extraord. de l'Acad. Imp. des Scienc. à St. Petersb. 16. Nov. 1829. 4.

(**) Объ приведенныя высоты невѣрны и опровергнуты послѣдующими наблюденіями. Саратовъ лежитъ еще на 240 ф. выше ур. ок., а линія уровня пересѣкаетъ Волгу ниже Камышина. См. Прим. къ § 3. — *Пр. Пер.*

(41) Паисперъ, по Паходцеву, въ Journ. d. Freunde Russ. Litterat. Hft. 6. Technolog. Journ. 1814. Th. I. p. 107.

къ другой части свѣта и, служивъ долго препятствіемъ для общеній между ихъ жителями, только въ нынѣшнее время сдѣлался общительнымъ средствомъ; что далѣе наши свѣдѣнія, какъ о немъ, такъ и обо всемъ сибирскомъ сѣверѣ Азіи, принадлежатъ почти исключительно временамъ послѣдовавшимъ открытію Америки, а потому всякое общее вліяніе или отношеніе, исходившее изъ древняго центра восточной цивилизаціи, т. е. внутренности Азіи, на ея восточную, южную и западную стороны, не можетъ быть перенесено на эту часть Азіи, принадлежащую сѣверу земнаго шара, который въ общей связи явленій играетъ свою собственную, особенную роль.

§ 4. *Горизонтальныя протяженія, горизонтальное расчлененіе.*

Если мы захотимъ сдѣлать обзоръ существенныхъ, основныхъ отношеній, характеризующихъ очертаніе каждой части свѣта, и возвышающихъ ее, какъ стройную систему явленій, въ пространственный индивидуумъ (räumlicher Individuum) поверхности земнаго шара, для естественныхъ и историческихъ ея отношеній, то, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ ([42]), (сравн. Erdkunde Th. I. p. 62), все это можетъ быть исчерпано въ разсмотрѣніи горизонтальныхъ и вертикальныхъ протяженій.

Африка, замѣтили мы, является туловищемъ безъ расчлененій, Азія расчленена очень сильно съ трехъ сторонъ, съ преобладающею массою туловища, а Европа со всѣхъ сторонъ, съ преобладающею массою расчлененій.

---

(42) См. Abhandlung über geogr. Stellung und horisontale Ausbreitung d. Erdheile Schrift. Berl. Ac. (1826) 1828. 103 — 127; Bemerkungen über Veranschaulichungsmittel räumlicher Verhältnisse bei geograph. Darstellungen durch Form und Zahl. (1828) Ibid 1831. Риттеръ въ длинномъ примѣчаніи, присоединенномъ къ этой выноскѣ, объясняетъ что всѣ эти соображенія составляющія «сравнительную Географію» принадлежатъ ему и если и находятся въ другихъ сочиненіяхъ то перешли изъ его печатныхъ мемуаровъ и изустныхъ лекцій. Мы считаемъ излишнимъ переводить это примѣчаніе потому что нынѣ никто не сомнѣвается что всѣ излагаемые здѣсь выводы «сравнительной Географіи» принадлежатъ безспорно Риттеру и что онъ есть основатель всей этой новой науки или этого новаго направленія науки. — *Пр. Пер.*

Туловище Азіи, по геометрической фигурѣ своей, составляетъ большую трапецію, которой четыре неравные угла находятся: въ Суецкомъ перешейкѣ, внутри Тункинскаго залива, въ Шелагскомъ мысѣ и на В. отъ Новой Земли, на полуостровѣ при Карскомъ заливѣ, такъ что вся фигура простирается отъ сѣвернаго тропика нѣсколько за сѣверный полярный кругъ. Діагональ этой трапеціи отъ Ю.-З. къ С.-В. имѣетъ 1,200, а отъ Ю.-В. къ С.-З. — 800 г. м. (по измѣренію Бергхауза); сѣверная сторона ея, параллельная съ полярнымъ кругомъ, есть самая кратчайшая — 600 г. м., западная имѣетъ 660 г. м., восточная — 990, южная отъ Суеца до Тункина — 1,070 (*). Исключая этой трапеціи, которая, принимая все пространство Азіи въ 810,000 кв. м. (**), занимаетъ 655,000 кв. м., горизонтальное очертаніе части свѣта характеризуется выступами ея восточнаго, южнаго и западнаго береговъ, въ формахъ далеко выдающихся полуострововъ, носовъ и прибрежій, которые могутъ быть разсматриваемы какъ болѣе или менѣе отдѣльные члены обширнаго и широкаго туловища Азіи. Это именно: Чукотскій полуостровъ (3,000 кв. м.), направляющійся къ Америкѣ, Камчатка (4,000 кв. м.), Корея (7,000 кв. м.), выдающаяся дуга Китайскаго прибрежья, три большіе южные полуострова Дальней Индіи (38,000 кв. м.), Ближняя Индія (50,000 кв. м.) и Аравія (50,000 кв. м.), которые вмѣстѣ почти равняются величиною Европѣ, и наконецъ къ Западу — мостъ цивилизаціи ведущій въ Европу — Малая Азія (10,000 кв. м., все въ среднихъ числахъ). Только сѣверный берегъ Азіи расчлененъ гораздо менѣе. Однакоже и онъ изрѣзанъ многими, далеко вдающимися въ него въ южномъ направленіи, морскими бухтами и индивидуализированъ многочисленными, выдающимися косами и мысами, гораздо болѣе чѣмъ африканскій берегъ, гдѣ только примѣчаются округленныя

(*) Самое большое протяженіе Азіи отъ З. къ В. 1,300 г. м., а отъ С. къ Ю. въ меридіанѣ мыса Коморина. — *Пр. Пер.*

(**) Кромѣ острововъ, которыхъ пространство (включая и Зондскіе) составляетъ 75,000 кв. м. — *Пр. Пер.*

выемки и малочисленные заливы (совсѣмъ нѣтъ никакихъ фьордовъ, ни Inlets Британцевъ, ни даже русскихъ лимановъ). Однакоже, во внутренности Азіи, остается еще очень длинное и широкое пространство, до котораго не касаются врѣзывающіяся моря и на которое должно смотрѣть какъ на туловище Азіи, еще преобладающее надъ своими расчлененіями, въ противоположность съ Африкою, представляющею туловище безъ всякихъ расчлененій. Очевидно какое необыкновенное вліяніе должно было пріобрѣсти такое развитое береговое очертаніе на разнообразіе природныхъ и народныхъ отношеній; и дѣйствительно цѣлая периферія Азіи является, во всѣхъ ея расчлененіяхъ и обусловленныхъ ими отношеніяхъ, вездѣ и во всѣхъ частяхъ своихъ, болѣе индивидуализированною чѣмъ Африка и только уступаетъ въ этомъ отношеніи Европѣ.

Меньшая изъ трехъ частей стараго свѣта, прислоненная очень выгодно съ западной стороны къ сосѣдней съ нею, при поверхностномъ взглядѣ на глобусъ, представляется въ видѣ небольшаго сѣверо-западнаго развѣтвленія Азіи, но даже и въ такомъ случаѣ является благороднѣйшимъ прививкомъ на этомъ дикомъ плодоносящемъ деревѣ. Въ горизонтальномъ протяженіи, она есть самая разнообразно-устроенная и потому труднѣе всего заключающаяся въ математическія рамки, на которыя однако же необходимо обратить вниманіе вездѣ гдѣ нужно схватить и выразить общія пространственныя отношенія. Форму туловища Европы можно нагляднѣе всего представить себѣ въ видѣ треугольника, граничащаго своею восточною стороною съ Азіею, имѣющаго вершины угловъ при Карскомъ заливѣ, при устьѣ Волги или по другимъ воззрѣніямъ при Азовскомъ морѣ, и при самомъ внутреннемъ углѣ Байонскаго залива въ Бискайскомъ морѣ. Три стороны треугольника: континентальная, раздѣляющая азіатскій континентъ отъ европейскаго (360 г. м. длины), южная средиземная (425 г. м.), и сѣверо-западная океаническая (600 г. м.), простирающаяся отъ Бискайскаго до противулежащаго Новой Землѣ прибрежья Полярнаго моря,

замыкаютъ европейскій континентальный треугольникъ, содержащій въ себѣ около $^2/_3$ цѣлой Европы. Внѣ этого континентальнаго европейскаго треугольника, съуживающагося отъ В. къ З. въ болѣе и болѣе узкое пространство, расположены еще относительно многочисленныя расчлененія части свѣта, обращенныя на югъ, западъ и сѣверъ: удобство недостающее азіатскому континенту, который потому и остался замкнутымъ и менѣе доступнымъ съ сѣвера. Если мы представимъ себѣ, подобныя европейскимъ, Балтійскому и Нѣмецкому, средиземныя моря, далеко вторгающіяся съ С. изъ полярнаго Ледовитаго Океана въ Сибирь, къ озерамъ Байкальскому и Аральскому, какъ это могло быть прежде, то можетъ быть и тамъ разнообразно развились бы сибирско-скандинавскія прибрежья (подобныя европейскимъ), съ особенными, но различными между собою природами, населеніями, культурами: отношеніе которое дано было въ удѣлъ очертанію сѣверной Европы и еще физически можетъ быть предназначенной для того сѣверной Америкѣ, даже еще въ болѣе высокихъ широтахъ чѣмъ въ старомъ свѣтѣ.

Исключенныя изъ континентальной трапеціи Азіи расчлененія составляютъ 155,000 кв. м. или $^1/_3$ цѣлой части свѣта или болѣе. Въ Азіи туловище слѣдовательно преобладаетъ еще значительно надъ расчлененіями и потому высоко развитая культура послѣднихъ осталась большею частію исключенною изъ общей континентальной ихъ средины; въ Европѣ же напротивъ расчлененія начали уже, по пространству своему, брать перевѣсъ надъ туловищемъ и потому ихъ ранѣе развившаяся культура, какъ напр. въ Греціи и Италіи, должна была сообщиться ранѣе срединѣ части свѣта и выровнять гармонически цѣлое также ранѣе чѣмъ въ Азіи. Здѣсь, гдѣ самыя разнообразно и индивидуально устроенныя расчлененія, какъ континентальныя, такъ и естественно-соотвѣтствующія имъ морскія, разумѣется въ болѣе удобныхъ широтахъ, снабженныя богатѣйшими дарами природы, могли рано развиться, каждая въ своемъ родѣ, въ особенные міры, какъ напр. Китайскій, Малайскій, Индостан-

скій, Аравійскій, Мало-Азіатскій, обогатившіе всю часть свѣта разнообразнѣйшими явленіями, здѣсь однакоже землераздѣлительныя моря не проникли такъ далеко какъ въ Европѣ: обстоятельство въ этой послѣдней во всѣхъ отношеніяхъ споспѣшествовавшее индивидуальному развитію до самой средины замкнутаго туловища. Такъ какъ широкая, болѣе развитая средина Азіи, въ своемъ огромномъ, почти недоступномъ протяженіи, осталась вообще преобладающею, то сами по себѣ значительныя расчлененія отстали въ сравненіи съ этою массою; и ихъ вліяніе должно было необходимо быть удерживаемо ею цѣлыя тысячелѣтія долѣе чѣмъ въ Европѣ. И такъ одни горизонтальныя отношенія должны были уже препятствовать раннему уравненію явленій въ цѣлой азіатской части свѣта, для того чтобы прежде пріобрѣтенный типъ цивилизаціи менѣе обширной по пространству и исторически болѣе юной, западной части (Европы), организировалъ бы въ послѣдствіи какъ восточныя, такъ и другія народныя колонизаціи нашей планеты.

Африка, которой при отсутствіи заливовъ и средиземныхъ морей, не доставало расчлененій, не могла принять участія въ развитіи этого плодоноснаго дерева, пустившаго свои корни глубоко въ Азіи и распространившаго свои, богатыя цвѣтами и плодами, вѣтви черезъ южную и западную Азію, а вершину черезъ Европу; и только расположенная тамъ гдѣ Африка помогаетъ къ образованію азіатскихъ и европейскихъ морей, счастливо граничащая съ обоими морями и имѣющая собственную, удобно устроенную рѣчную систему, страна — Египетъ — съ древнѣйшихъ временъ понынѣ принимала нѣкоторое участіе въ явленіи гуманнаго, человѣческаго развитія находясь внутри большаго континентальнаго полушарія([43]), между тѣмъ какъ большая часть остальной Африки обращена къ внѣшнему водному полушарію земли (*). Культуры распространившіяся по другимъ африкан-

(43) См. Abhandl. über geogr. Stellung. l. c.

(*) О водяномъ (пелагическомъ) и континентальномъ (теллурическомъ) полушаріяхъ, см. ниже. — *Пр. Пер.*

скимъ прибрежьямъ съ противулежащихъ (европейскихъ) береговъ, остались тамъ, подобно перенесеннымъ изъ плодородныхъ мѣстъ на скалы сѣменамъ, прозябающими только кратковременно, потому что онѣ нашли въ этой почвѣ очень мало матеріяловъ къ самостоятельному питанію и зародышъ ихъ, безъ повторенаго обновленія долженъ былъ вымереть или остаться незначительнымъ.

Необходимое слѣдствіе расчлененія есть большое *береговое развитіе* (Küstenentwickelung) расчлененной части свѣта. Если Азія въ 5 разъ и Африка въ 3 раза болѣе Европы, то эти отношенія площадей нисколько не соотвѣтствуютъ береговымъ периферіямъ; Азія имѣетъ правда 7,700 г. м. периферіи, но Европа еще 4,300, Африка только 3,500; береговое развитіе въ Европѣ слѣдовательно въ 4 раза болѣе чѣмъ въ Африкѣ, потому что 1 миля берега приходится на каждыя 37 кв. м. континента въ Европѣ и на 150 въ Африкѣ. Азія же занимаетъ средину между обѣими, хотя имѣетъ, по своей колосальной величинѣ, разумѣется самую большую абсолютно береговую периферію (*), но одна миля берега въ ней приходится на 105 кв. м. континента, между тѣмъ какъ Европѣ, при наименьшемъ протяженіи, остается самое большое относительно береговое развитіе. Она, слѣдовательно, болѣе всѣхъ другихъ находится въ соприкосновеніи съ морями, открыта съ океанической стороны, сдѣлалась отсюда наиболѣе доступною, и береговая периферія ея, хотя расположенная посрединѣ континентальнаго полушарія нашей планеты, равняется однакоже, будучи растянута въ одну линію, почти длинѣ экватора. Береговая периферія Азіи представляетъ абсолютно такое длинное прибрежье, что еслибы оно находилось въ соприкосновеніи съ моремъ, растянутое въ видѣ кольца, то окружило бы весь шаръ земной. Вліяніе этого отношенія на всю природу частей свѣта, на ихъ орошеніе, климаты,

(*) Изъ 7,700 г. м. береговой ея периферіи, на Сѣверный океанъ приходится 1,620 г. м, Восточный — 2,100; Индѣйскій — 3,400 и Средиземное море — 580. — *Пр. Пер.*

скаты, теченія рѣкъ, сообщенія и средства къ умноженію ихъ соприкосновеній и движеній, ясно само собою. Мы припоминаемъ здѣсь только, очень замѣчательное и почти вездѣ связанное съ глубокимъ вторженіемъ морскихъ расчлененій въ песчанныя континентальныя, явленіе, терпящее только рѣдкія исключенія (напр. въ Австралійскомъ континентѣ), именно то, что вторженіе заливовъ притянуло почти вездѣ изъ внутренности континентовъ большія рѣки, соединяющія свои богатыя прѣсныя воды съ солеными Ѳетиды, чѣмъ и обусловлено образованіе богатыхъ долинъ, служащихъ коммуникаціонными линіями земнаго шара, изнутри кнаружи. Это отношеніе, соотвѣтствующее расчлененію суши, выражается очень поучительно и въ Азіи и показываетъ какъ глубокіе заливы принесли континентамъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ убыли отнятіемъ у нихъ части ихъ. Если въ Европѣ всему континенту сообщаются этими вдающимися трещинами рѣчныхъ долинъ всѣ удобства прибрежныхъ странъ, то довольно значительная часть азіатскаго континента, и даже не состоящей въ соприкосновеніи съ моремъ ея средины, также наслаждается этими удобствами, но все же еще остается въ ней обширное, широкое континентальное пространство, въ которомъ преобладаютъ болѣе твердыя, неподвижныя формы; и оно то носило бы еще болѣе характеръ африканской природы—высшаго развитія неподвижныхъ, тропическихъ явленій — еслибъ не было такъ удобно прервано большими континентальными бассейнами Аральскаго и Каспійскаго морей, недостающими Центральной Африкѣ, и болѣе разнообразною формою его горныхъ рельефовъ.

Еще одно отношеніе горизонтальныхъ протяженій частей свѣта, очень важное для ихъ характеристики, есть образованіе острововъ или совершенно отдѣльныхъ отъ континента расчлененій; разумѣется не такихъ, которыя находясь въ необозримой дали отъ него, могутъ быть только причислены къ свободному, широкому, открытому океану, но такихъ, которыя лежатъ въ виду его и которыя мы можемъ назвать, въ противуположность

съ океаническими, прибрежными островами, расположены ли они уединенно, или двойнями, или болѣе многочисленными группами и цѣпями. Они могутъ быть сгруппированы разнообразно и различно и составляютъ для различныхъ частей свѣта особенно выгодный даръ природы; потому что они, какъ спутники (трабанты) прибрежныхъ странъ, не только необыкновенно распростра яютъ владычество континентовъ черезъ морскія пространства, но и обогащаютъ ихъ замѣчательнымъ и различнымъ образомъ. Ихъ группировка, положеніе и относительная величина, въ сравненіи съ континентомъ, также какъ и аналогія ихъ устройства съ строеніемъ противулежащихъ прибрежій, обусловливаетъ каждый разъ особенное индивидуальное значеніе функціи ихъ вліяній на цѣлое; при оцѣнкѣ его въ особенности нужно беречься отъ поверхностнаго разсмотрѣнія одиѣхъ мертвыхъ ландкартъ. Уже Страбонъ напр. называлъ очень вѣрно Сицилію удобнымъ придаткомъ (προσθήκη) (44) Италіи и тоже самое выраженіе превосходно обозначаетъ положеніе Цейлона относительно Индіи. Дѣйствительно, при внимательномъ разсмотрѣніи, Европа простираетъ свои расчлененія, какъ многочисленныя руки, къ бо́льшей части своихъ сосѣднихъ острововъ, которые уже по тому самому должны были принимать важное участіе въ исторіи ея развитія. Стоитъ себѣ напр. только представить что Сицилія отнята у Италіи, древній Критъ и Архипелагъ у Греціи и британскіе острова у сѣверо-западной Европы, то тотчасъ является такое же обѣдненіе какъ въ Африкѣ, которой совершенно не достаетъ никакого инсулярнаго приращенія. И дѣйствительно, единственный большой, сосѣдній съ этою частью свѣта островъ, Мадагаскаръ, по причинѣ своихъ крутыхъ формъ и трудно доступной отдѣльности, можетъ быть разсматриваемъ какъ удаленный, почти океаническій, оставшійся безъ вліянія на развитіе Африки, островъ (*); между

(44) Strabo VI. c. 4. § 1. ed. Tzsch. T. II. p. 308.

(*) Справедливость этого замѣчанія Риттера очень убѣдительно доказывается тѣмъ, что Мадагаскаръ населенъ малайскими, т. е. океаническими, а не африканскими (негрскими) племенами. — *Пр. Пер.*

тѣмъ какъ Огненная земля, на южной окопечности Америки, своимъ инсулярнымъ продолженіемъ въ бурныя и опасныя антарктическія полярныя широты, сдѣлался скорѣе невыгоднымъ для развитія своей части свѣта — препятствіемъ а не помощью; такихъ отношеній мы не находимъ въ Азіи. Тѣмъ въ выгоднѣйшемъ положеніи находится въ этомъ отношеніи, вмѣстѣ съ Европою, и Азія, которой юговосточная сторона богаче всего надѣлена островами, окружающими ее вообще съ В. какъ бы особенною атмосферою, которая по своему протяженію составляетъ $^1/_{16}$ часть цѣлаго континента (50,000 кв. м.) (*) и распредѣлена на три раза болѣе обширномъ треугольномъ пространствѣ, отъ Зондской цѣпи къ Новой Гвинеѣ и черезъ рядъ Молукскихъ и Филиппинскихъ острововъ къ Формозѣ и до Японіи, пространствѣ которое почти равно величиною европейскому континенту. Здѣсь являются острова въ такой величинѣ и въ такомъ сгущенномъ количествѣ, съ такимъ богатствомъ особенныхъ явленій, что они почти не нуждаются въ континентѣ, находятся съ нимъ въ малой связи и содержатъ особенное человѣческое племя — Малайское, въ слѣдствіе чего они не безъ основанія получили названіе отдѣльной, инсулярной части свѣта. Но если и можно, въ этомъ отношеніи, разсматривать ихъ въ географическихъ сочиненіяхъ за самостоятельную группу, то не должно забывать взаимнаго вліянія континента и его спутниковъ, обусловившаго и обогатившаго ходъ исторіи природы и человѣчества въ этой части земной поверхности, гдѣ природа роскошно произвела такое множество острововъ и превратила ихъ въ замѣчательный соединительный мостъ между двумя частями свѣта, въ инсулярный перешеекъ отъ юго-восточной части Азіи къ сѣверо-западной Австраліи. Черезъ это возникъ здѣсь minimum препятствій (для морскихъ сообщеній), въ сравненіи съ другими большими перешейками Панамскимъ и Суецкимъ, которые точно также служатъ соединеніями между сѣ-

(*) Причитая же японскіе и другіе азіатскіе острова, получимъ 75,000 кв. м.— *Пр. Пер.*

верными и южными континентами, но въ возрастающей прогрессіи характеризуются какъ maximum препятствій для сообщеній отъ В. къ З.; въ слѣдствіе чего возникло постоянное стремленіе народовъ къ прорванію ихъ.

Восточная и юго-восточная стороны Азіи получили слѣдовательно, между всѣми частями свѣта, самое большое океаническое расширеніе посредствомъ прилежащихъ острововъ, съ наименьшими препятствіями для сообщеній между различными океанами, между тѣмъ какъ западная и сѣверо-западная стороны Азіи обогатились континентальнымъ расчлененіемъ, доросшимъ до значенія цѣлой части свѣта: мы говоримъ о Европѣ. Послѣдствія такихъ горизонтальныхъ протяженій очевидны. Мы заключаемъ нашъ общій обзоръ замѣчаніемъ, что именно въ Полинезіи находимъ мы примѣръ самаго большаго расщепленія и разорванія земной тверди; высшую степень обособленія (Insulirung) твердыхъ массъ, обособленія (Individualisirung) земныхъ пространствъ, произведеннаго гдѣ бы то ни было раздѣленіемъ коры земной. Если бы подобное инсулярное расщепленіе, безъ всякой континентальной связи, было бы общимъ принципомъ топическаго устройства земли, какъ мы видимъ его въ высшемъ проявленіи въ лабиринтѣ этихъ тысячъ острововъ, то и исторія человѣчества приняла совершенно другой ходъ и для народовъ обитающихъ землю слѣдствіемъ этого была бы совершенная разъединенность. Если въ Азіи твердь и расщепленіе на острова поставлены другъ подлѣ друга самостоятельно и въ рѣзкомъ контрастѣ, то въ строеніи Европы находимъ мы напротивъ замѣчательную смѣсь и переходъ этихъ формъ одну въ другую, самое совершеннѣйшее уравненіе и удобнѣйшее устройство, какое только можно осуществить при горизонтальномъ распредѣленіи твердыхъ и жидкихъ формъ на нашей планетѣ, безъ неудобствъ совершенно инсулярнаго расщепленія юго-восточной Азіи, которой слишкомъ сильное расчлененіе совершенно контрастуетъ съ отсутствіемъ всякаго расчлененія примѣчаемымъ въ Африкѣ. Оба эти контраста должны

были дѣйствовать неодинаково и даже противуположно на всѣ естественныя отношенія, но въ горизонтальномъ образованіи пространствъ они были одинаково препятствующими формами для развитія и перваго прогресса ихъ обитателей; одна именно въ слѣдствіе ею обусловленнаго слишкомъ большаго разсѣянія и дифференцированія земель, а другая въ слѣдствіе слишкомъ большаго скученія одинаковыхъ по природѣ массъ. Въ этой самой индивидуализированной, инсулярной части нашей планеты (въ Полинезіи), подъ соединеннымъ вліяніемъ наибольшихъ сырости и тропической теплоты, морскихъ и вулканическихъ дѣйствій, между двумя сосѣдними континентами на Ю. и С., слѣдовательно въ наибольшемъ (maximum) всѣхъ конфликтовъ возможныхъ на землѣ условій, развилось какъ кажется самое большое разнообразіе (*), самая большая роскошь физической и земной природы, но не человѣческой или гуманной, которая подчинена другимъ началамъ. Еслибы, тамъ гдѣ физическая жизнь на земномъ шарѣ является въ высшемъ своемъ развитіи, могло бы съ нею совпасть и высшее развитіе человѣческой, народной культуры, въ одной и той же мѣстности, то здѣсь было бы для этого самое удобное мѣсто нашей планеты. Этого однакоже не случилось: ходу народовъ былъ предназначенъ континентъ. Здѣсь то и проявляется большое значеніе континентальной Азіи: ей предназначено было обусловить съ самаго перваго начала изъ своей средины ходъ народовъ, до самыхъ позднѣйшихъ вѣковъ, выравнить на своихъ Ю.-В. и С.-З. оконечностяхъ, на инсулярныхъ и пенинсулярныхъ продолженіяхъ стараго свѣта, самыя большія противуположности физическихъ и духовныхъ развитій планеты и употребить ихъ многосторонніе произведенія для блага цѣлаго на всѣ будущія времена земнаго существованія, сообразно съ первоначальною волею и предопредѣленіемъ Творца міровъ.

(*) Не столько разнообразіе, сколько роскошь, потому что органическая природа острововъ, вообще менѣе разнообразна, флоры и фауны ихъ значительно бѣднѣе чѣмъ на континентахъ. — *Пр. Пер.*

§ 5. *Вертикальныя отношенія, вертикальное расчлененіе.*

При горизонтальномъ расчлененіи, въ означенной береговою линіею расчлененной формѣ странъ, проявляется особенное развитіе, успѣхъ, усиленіе отношеній, обособленіе (Individualisirung) каждой части планеты и извѣстная естественная система въ распредѣленіи земныхъ пространствъ; все это должно было служить теллурическимъ основаніемъ другихъ, необходимо проистекающихъ отсюда отношеній, почему, съ самаго начала существованія устроеннаго подобно воспитательному дому для рода человѣческаго земнаго міра, въ жизни народовъ не могъ играть значительной роли ни случай, ни самопроизволъ. Но полное вліяніе такого устройства земной поверхности, какъ въ частностяхъ такъ и вообще, не можетъ быть объяснено изъ односторонняго только разсмотрѣнія нѣкоторыхъ отношеній. Горизонтальное протяженіе, по широтамъ и долготамъ земли, т. е. *географическое*, составляетъ только одну сторону пространственныхъ отношеній въ которыхъ являются страны. Для полноты обзора ихъ строенія необходимо знать вертикальныя протяженія пространствъ, т. е. *физическія*, столь многократно дополняющія и обусловливающія первыя (т. е. географическія). Только вертикальныя протяженія даютъ понятіе о пластическомъ строеніи и вертикальномъ расчлененіи, черезъ знаніе которыхъ и самый взглядъ на страну или часть свѣта пріобрѣтаетъ жизнь, потому что отъ нихъ зависитъ распредѣленіе климатическихъ зонъ и живыхъ организмовъ. Потому приступаемъ мы къ общему обзору этихъ вертикальныхъ отношеній прежде нежели перейдемъ къ частностямъ. Азія не столь равномѣрно распредѣлена какъ Африка отъ С. къ Ю. на двѣ части: низменность и нагорье; она однако же также характеризуется естественнымъ типомъ очень высокаго и обширнаго непрерывнаго нагорья, сильнаго надутія земной коры, одной изъ трехъ главныхъ формъ земныхъ пространствъ (низменность, нагорье и террасовидная страна т. е. промежуточная форма между обоими). Форма

эта впрочемъ совсѣмъ не встрѣчается въ Австраліи, а въ Европѣ имѣетъ немного, весьма ограниченныхъ по пространству и незначительныхъ по высотѣ своей, представителей. Америка же хотя и имѣетъ столь же высокія (*), но очень мало связанныя между собою и, въ сравненіи съ Азіею, очень мало обширныя пространства этого рода, такъ что исполинскія горныя цѣпи новаго свѣта остаются во всѣхъ протяженіяхъ преобладающими надъ плоскогоріями, между тѣмъ какъ въ Азіи напротивъ массивныя непрерывныя плоскогорія остаются преобладающими и обусловливаютъ характеръ пластики цѣлой части свѣта, несмотря на колоссальность ихъ ограничивающихъ горныхъ цѣпей.

Опредѣленія.

Для избѣжанія прежде очень повсемѣстно распространенныхъ недоразумѣній, мы здѣсь тотчасъ же постараемся опредѣлить въ точности значеніе употребляемыхъ нами словъ. Слово *нагорье* (Hochland) избираемъ мы для выраженія самого общаго понятія. Нагорье является въ видѣ *горной страны* (Gebirgsland) или *плоскогорія* (плоская возвышенность, столовидная поверхность, Tafelland, plateau): оба составляютъ два видовыя понятія родоваго—нагорья, смотря по преобладающей формѣ ихъ устройства. Если мы подъ послѣднимъ изъ этихъ именъ разумѣемъ общее, непрерывное сомкнутое поднятіе земныхъ массъ, то первое—горная страна (альпійская страна) представляетъ съ нимъ совершенно противуположное понятіе, потому что эта форма состоитъ изъ сгруппированныхъ горныхъ хребтовъ и цѣпей, которые хотя и тѣсно граничатъ другъ съ другомъ, но не представляютъ непрерывной поверхности плоскогорія, а напротивъ перерѣзаны во всѣхъ направленіяхъ глубокими долинами и трещинами и отдѣлены ими другъ отъ друга, какъ пред-

(*) Даже гораздо болѣе высокія, только подчиненныя горнымъ цѣпямъ плоскогорія, между тѣмъ какъ въ Азіи на оборотъ, горныя цѣпи, вышиною иногда даже превосходящія американскія, подчинены сосѣднимъ съ ними формамъ плоскогорій. — *Пр. Пер.*

ставляютъ примѣръ всѣ альпійскія страны. Подошва ихъ разумѣется можетъ также имѣть значительную высоту, но небольшая относительная вышина этого подножія изчезаетъ совершенно передъ возвышеніемъ горныхъ ихъ вершинъ. Значительное же общее возвышеніе, значительно ли оно абсолютно или только относительно окрестностей, характеризуетъ *плоскогорія* своею непрерывностью; между тѣмъ какъ большое частное возвышеніе отдѣльныхъ вершинъ, или цѣпей, или горныхъ проходовъ, между которыми находятся соотвѣтствующія этимъ возвышеніемъ углубленія, характеризуетъ *горныя страны*, большой ли они, средней или малой высоты. Въ нихъ то контрасты возвышеній и низменностей, соединенные на самыхъ малыхъ горизонтальныхъ пространствахъ, обусловливаютъ внутреннюю какъ и внѣшнюю, не только удвоенную, но многократно усиленную полноту природы, во всѣхъ ея проявленіяхъ на земныхъ поверхностяхъ. Этою то полнотою природы именно и не пользуются плоскогорія, которыхъ поверхности уразнообразены не глубокими трещинами долинъ, а развѣ только очень пологими впадинами и представляютъ гораздо болѣе однообразія и тождественности чѣмъ разнообразія. Въ слѣдствіе того они являются гораздо равномѣрнѣе во всемъ, также и въ дѣйствіяхъ своихъ на явленія природы и національныя развитія, и представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ противуположность съ горными массами. Обширныя нагорья, въ вертикальномъ отношеніи, образуютъ отдѣляющееся отъ низменности вертикальное туловище, столь же непрерывное какъ континентъ въ горизонтальномъ отношеніи; частныя же или отдѣльныя возвышенности образуютъ вертикальныя расчлененія этого туловища, то нагроможденныя на немъ (Plateau-Gebirge, aufgesetzte Gebirge), то окружающія его скаты (хребты окраины — Rand-Gebirge) то простирающіяся самостоятельно, безъ связи съ главнымъ нагорьемъ, поднимаясь прямо съ низменностей земли, подобно тому какъ океаническіе или прибрежные острова поднимаются со дна морскаго; тогда они составляютъ обособленныя горныя простран-

ства, которыя или разсѣяны случайно по обширнымъ низменностямъ и даже морямъ, или стоятъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ отношеніи къ главному нагорью, въ видѣ спутниковъ, гласисовъ, предгорій, передовыхъ цѣпей или горныхъ странъ и т. д., то есть въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ.

Однакоже всѣ эти формы нигдѣ не напечатлѣны въ дѣйствительности совершенно математически; ихъ можно преслѣдовать только въ болѣе или менѣе преобладающихъ отношеніяхъ, посреди самыхъ разнообразныхъ соединеній, переходовъ и группировокъ. Слѣдовательно, и въ отношеніи къ Азіи, только изъ сравнительнаго разсмотрѣнія съ другими родами вертикальнаго расчлененія коры нашей планеты, можемъ мы опредѣлить истинный мѣстный характеръ каждаго ея пункта. Но и здѣсь можно сказать съ достовѣрностью напередъ, что соединеніями и группировками этихъ особенныхъ формъ, какъ въ взаимномъ ихъ между собою отношеніи, такъ и въ распредѣленіи по горизонтальному туловищу и горизонтальнымъ расчлененіямъ земныхъ пространствъ, будетъ обусловлена природа сихъ послѣднихъ, вообще и въ частности, т. е. въ цѣлыхъ континентахъ и отдѣльныхъ странахъ, и что въ этихъ отношеніяхъ именно и заключается *физическая характеристика* странъ.

Исходнымъ пунктомъ нашихъ сравненій будетъ служить Америка, потому что ея расчлененія въ физическихъ протяженіяхъ намъ лучше всего извѣстны изъ ученаго изслѣдованія и мастерскаго изложенія Ал. Гумбольдта, которое имѣло организирующее вліяніе на методы разсмотрѣнія стараго свѣта и, до тѣхъ поръ оставшагося неизслѣдованнымъ, хаоса земныхъ рельефовъ, съ ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ строеніемъ. Въ Америкѣ, колоссальныя линейныя протяженія въ длину (2,000 г. м. отъ С. къ Ю.), съ относительно очень незначительными ширинами (средняя ширина Южной Америки составляетъ только немного, а Сѣверной — нѣсколько градусовъ долготы), составляютъ преобладающую характеристику исполинскихъ рельефовъ великаго меридіаннаго хребта Андо-Кордильеровъ, которые въ различныхъ

узлахъ развѣтвляются или лучеобразно (Лосъ-Пастосъ, Анахуакъ), или болѣе паралельно (Верх. Перу, Квито, Каменистыя горы), и потомъ многократно соединяются опять, заключая между собою болѣе или менѣе обширныя, но всегда узкія отъ В. къ З., отдѣльныя массы поднятія, имѣющія форму плоскогорій или возвышенныхъ долинъ (въ Верх. Перу — бассейнъ озера Титикаки; въ Квито — плоскогоріе въ 50 м. отъ С. къ Ю. и менѣе 5 м. отъ В. къ З.; въ Мехикѣ — плоскогоріе, хотя болѣе широкое, но все еще съ преобладающимъ протяженіемъ въ длину). Только далѣе къ С., между паралельными цѣпями Каменистыхъ горъ (Rocky mountains), заключаются нѣкоторыя большія паралельныя плоскогорія ([45]), переходящія также и въ низменности, но болѣе приближающіяся, какъ кажется, къ природѣ азіатскихъ плоскогорій (*). Горныхъ же группъ (**) или совсѣмъ нѣтъ, въ связи съ американскими горными цѣпями и ихъ однообразными развѣтвленіями, или онѣ являются въ совершенно подчиненныхъ къ нимъ отношеніяхъ.

Если, слѣдовательно, американскому континенту принадлежитъ нормальный характеръ самой длинной горной цѣпи земнаго шара, несмотря на то что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ

---

(45) A. v. Humb. Voy. aux reg. equinox. Par. 1823. T. X. ed. 4. Esquisse d'un tabl. géogr. etc p. 4 — 222.

(*) Гумбольдтъ, на основаніи очень неполныхъ данныхъ, можно сказать угадалъ этимъ сравненіемъ истинный характеръ обширнаго Ново-Калифорнскаго плоскогорія, извѣстнаго подъ именемъ Great Basin. Это обширное плоскогоріе, имѣющее 8,000 кв. м. пространства и 670 туаз. (около 4,000 ф.) средней высоты, характеромъ своей песчаной солонцеватой степи, съ небольшими рѣками теряющимися въ глубокихъ стоячихъ водахъ, значительными озерами (Great salt lake) и нагроможденными горными цѣпями (Humboldts Range), представляетъ миніатюру внутренне-азіатскихъ плоскогорій, отъ которыхъ отличается только своимъ относительно меньшимъ протяженіемъ. Гипсометрическія и другія отношенія его сдѣлались извѣстными только со времени войны Сѣверо Американцевъ въ Новой Мехикѣ и Калифорніи, изслѣдованій Уакера и Фримона и поселенія Мормоновъ на озерѣ Юта. См. Fremont Report on the exploring expedition etc. New York. 1847 8. — *Пр. Пер.*

(**) Горная цѣпь есть такой рельефъ въ которомъ продольная ось безъ сравненія преобладаетъ надъ поперечною. Горная группа (или масса) — такой въ которомъ обѣ оси мало различны. — *Пр. Пер.*

пунктахъ исполины Хималайи и превосходятъ высотою вершины Андовъ Верх. Перу, и потому самому Америка есть страна огромныхъ, преобладающихъ, хотя расположенныхъ только съ одной стороны ея горной оси низменностей ([46]): то азіатскій континентъ остается характеризованнымъ самымъ большимъ массивнымъ поднятіемъ земной коры, какъ по горизонтальному его протяженію, такъ и по вертикальной высотѣ (*). Прежняя наша Географія, при недостаткѣ положительныхъ свѣдѣній, погрѣшала однакоже, вдаваясь въ крайность и видя въ новомъ свѣтѣ вездѣ только горныя цѣпи, а въ старомъ — въ массивныхъ его возвышенностяхъ — только исключительно плоскогорія, между тѣмъ какъ, по тщательномъ изслѣдованіи, значительная часть подобныхъ территорій попала въ категорію понижений, даже относительныхъ низменностей.

Для того чтобы высказаться, столь ясно сколь позволяетъ нынѣшнее состояніе Географіи, объ этой главной, характеризующей цѣлую часть свѣта формѣ, замѣчаемъ мы вообще предварительно слѣдующіе факты, которыхъ объясненіе окажется ближе изъ позднѣйшихъ частныхъ изысканій. Такъ какъ Америка представляетъ самый большой рельефъ горнаго хребта, состоящаго не изъ одной, но изъ многихъ разнообразно развѣтвленныхъ или паралельныхъ цѣпей, то мы должны приписать новому свѣту *самую большую систему горной цѣпи, съ подчиненными плоскогоріями*, которыя являются въ заключающихся посреди ея, спорадически распредѣленныхъ, въ сравненіи съ цѣлымъ ея протяженіемъ ограниченныхъ, горизонтальныхъ пространствахъ, однакоже притомъ при очень значительныхъ абсолютныхъ высотахъ (Мехико 7,000 Квито 8,500′, Лосъ-Пас-

---

(46) Andreossy Mém. sur les depressions de la Surface du globe. Paris. 1828.

(*) По горизонтальному протяженію и массѣ но не вертикальной высотѣ, которая значительнѣе у небольшихъ американскихъ плоскогорій. Во всякомъ случаѣ въ Америкѣ плоскогорія подчинены горнымъ цѣпямъ, между тѣмъ какъ въ Азіи горныя цѣпи, хотя самыя колоссальныя земнаго шара, подчинены плоскогоріямъ. — *Пр. Пер.*

тосъ 10,000′, оз. Титикака 11,916′), окружены отчасти совершенно цѣпями и поддержаны на ихъ плечахъ, или представляютъ видъ возвышенныхъ продольныхъ долинъ, съ океаническими рѣчными ложами, какъ напр. продольныя долины р. Магдалены въ Южной и Ріо-дель-Норте въ Сѣверной Америкѣ.

Наибо́льшая система нагорій съ преобладающими формами плоскогорій.

Азія представляетъ также въ своемъ рельефѣ не одну, а нѣсколько разнообразно устроенныхъ и расположенныхъ горныхъ массъ, такъ что ее можно назвать самою большою *системою поднятія массъ нашей планеты*, гдѣ *плоскогорія преобладаютъ* по протяженію надъ горными цѣпями и группами, хотя и въ сихъ послѣднихъ здѣсь нѣтъ недостатка и ихъ вершины даже достигаютъ до самой значительной абсолютной высоты. Горныя цѣпи однакоже, разсматриваемыя въ ихъ чисто нормальномъ типѣ въ этой системѣ поднятія массъ стараго свѣта, являются, въ сравненіи съ плоскогоріями, только подчиненными формами. За то хребты окраинъ этихъ преобладающихъ, во всякомъ случаѣ весьма обширныхъ плоскогорій, именно вслѣдствіе значительнаго протяженія и высоты сихъ послѣднихъ, являются въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ ни въ какой другой части свѣта, также и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но всегда принадлежатъ плоскогоріямъ какъ его рамки, когда между нимъ и внутренними скатами окраинъ существуетъ непрерывная связь и нѣтъ прерывающей плоскогорія формы глубокихъ долинъ. Этимъ то и отличаются хребты окраинъ отъ свободно стоящихъ горныхъ вѣтвей, двойными скатами спускающихся на обѣ стороны, болѣе или менѣе равномѣрно или аналогически, въ одинаковыя или сродныя, расположенныя по обѣимъ сторонамъ низменности, какъ напр. Уралъ спускается къ европейскимъ равнинамъ на З. и азіатскимъ на В. Какъ типъ упомянутыхъ хребтовъ окраинъ, мы можемъ напр. представить Хималайю, которая съ южной своей подошвы высоко поднимается (съ

своими предгоріями) съ низменности Бехара и Бенгала, но спускается къ С. гораздо менѣе къ высокому плоскогорію Тибета, также какъ хребетъ горной окраины на С. отъ Пекина къ плоскогорію Гоби. Если эти два упомянутые хребта окраинъ замѣчательны своею высотою, то южные хребты окраины плоскогорій Ирана отличаются своею значительною шириною и необыкновенною длиною, слѣдовательно вообще этотъ родъ хребтовъ можетъ имѣть очень разнообразныя формы, потому-что послѣднія изъ приведенныхъ въ примѣръ совсѣмъ не замѣчательны своею абсолютною высотою. Крутое паденіе съ внутренней и террасовидный скатъ съ внѣшней стороны окраины кажутся однакоже преобладающею ихъ формою. Часто же эти хребты окраинъ, и именно въ Азіи, состоятъ не изъ одной цѣпи, а изъ нѣсколькихъ, даже изъ многихъ, слѣдовательно изъ цѣлой системы цѣпей, которыя, въ своемъ между собою параллелизмѣ, слѣдуютъ нормали окраины (какъ Хималайя, южно-персидская окраина, Тавръ); изъ нихъ самыя внутреннія иногда преобладаютъ надъ внѣшними (напр. Загросъ), а иногда случается и на оборотъ, какъ напр. въ Хималайѣ гдѣ внутреннія Тибетскія цѣпи своею абсолютною высотою уступаютъ внѣшнимъ (горамъ верховьевъ Ганга). Въ такомъ случаѣ хребты окраинъ принимаютъ типъ альпійскихъ системъ (по аналогіи съ европейскими Альпами, съ цѣлою сѣтью переплетающихся продольныхъ и поперечныхъ долинъ) и могутъ быть названы *альпійскими горными странами* (Alpen-Gebirgsländer, какъ напр. Индѣйская, Китайская, Даурская). Въ первомъ же случаѣ напротивъ образуютъ они какъ въ Африкѣ настоящіе *террасовидные скаты плоскогорій*, какъ напр. сѣверная окраина Персіи къ Каспійскому морю и террасовидные скаты Гедрозіи, Караманіи и древней Персиды къ Югу. Эти формы хребтовъ окраинъ могутъ быть выражены болѣе или менѣе (болѣе какъ въ уже приведенныхъ примѣрахъ, менѣе какъ напр. сѣверный склонъ Хорасана къ Гихону) и представлять переходы къ другимъ формамъ; однакоже въ сущности своей сохраняютъ онѣ тотъ

же самый главный характеръ и представляютъ, вмѣстѣ съ свободно стоящими горными цѣпями, два совершенно различныхъ горныхъ типа, изъ которыхъ первый по своей односторонности уступаетъ второму, съ двухъ сторонъ обогащающему всѣ отношенія природы. Потому напр. форма европейскихъ, почти исключительно свободно стоящихъ горныхъ системъ, имѣла гораздо болѣе выгодное вліяніе на развитіе народовъ чѣмъ азіатскіе хребты окраинъ. Дѣйствительно, европейскіе хребты падаютъ двумя скатами къ двумъ системамъ низменностей, слѣдовательно имѣютъ двѣ системы попиженій и орошеній, направленныя къ двумъ различнымъ морямъ, съ удвоенными отношеніями климатовъ и естественныхъ произведеній, потому вдвойнѣ усиляютъ всѣ выгодныя вліянія горъ на отношенія народныя. Къ упомянутому же разнообразію рельефа азіатскихъ хребтовъ окраинъ принадлежитъ и то что они могутъ образовать не только горныя цѣпи, но и горныя группы (съ мало преобладающею продольною осью), и кажется что большая часть китайской восточной окраины, въ особенности на Ю.-В. горныхъ массъ нагорной Азіи, получила въ удѣлъ эту форму, также какъ Западный Иранъ въ странѣ Курдовъ, Адербижанѣ и часть Арменіи.

Совершенно свободно стоящія и уединенныя горы не могутъ разумѣется быть причислены къ формѣ горныхъ странъ, когда онѣ не принадлежатъ совершенно системѣ поднятія нагорій; но часто, безъ точныхъ измѣреній ихъ общихъ основаній, очень трудно причислять ихъ къ такимъ системамъ или отчислять отъ нихъ, если не встрѣтятся другія обстоятельства, могущія оправдать подобное причисленіе въ географическомъ т. е. пространственномъ отношеніи. Если онѣ суть напр. мало-или непрерывныя продолженія нагорій, слѣдовательно очевидно принадлежащія къ общему поднятію, но превратившіяся въ свободно стоящія горныя цѣпи, то онѣ являются въ видѣ отвѣтвляющихся, болѣе или менѣе отдѣленныхъ членовъ, рукавовъ и вѣтвей, какъ напр. въ юго-восточной Азіи — Малакская цѣпь Дальне-Индѣйскаго полуострова, въ сѣверо-восточной Да-

урской альпійской странѣ — Яблоновый хребетъ, а въ Западной Азіи, къ Ю.-З. отъ прорыва Ефрата черезъ южную Таврскую цѣпь — Сирійскій береговой хребетъ (Ливанъ). Если же онѣ не принадлежатъ къ такому типу, именно не связаны положительно съ нагоріемъ промежуточными цѣпями, но съ другой стороны не расходятся съ нимъ въ своемъ нормальномъ направленіи, но напротивъ показываютъ въ своемъ положеніи къ нему опредѣленное отношеніе, напр. сопровождаютъ нормальное направленіе нагорія, какъ напр. Кавказъ, простирающійся отъ Ю.-В. къ С.-З., то ихъ все еще должно разсматривать какъ принадлежащими къ системѣ поднятія нагорія, но разумѣется какъ болѣе или менѣе отдѣлившимися членами, только не отвѣтвляющимися, отъ него а сопровождающими его или параллельными съ нимъ — два главные класса въ которые мы можемъ соединить ихъ удобно для уразумѣнія. Можно назвать ихъ также отдѣльными спутниками или предгоріями главнаго нагорія, или если онѣ отдѣлены отъ него вездѣ или на значительныхъ протяженіяхъ, значительными углубленіями или, по аналогіи съ искусственными укрѣпленіями, большими гласисами (*) системы, какъ напр. кажется Алтай, который, по изслѣдованію Ал. Гумбольдта, составляетъ не хребетъ окраины, но скорѣе большой гласисъ нагорія внутренней Азіи, при чемъ все равно принадлежитъ ли онъ къ типу цѣпи или группы (47). Возможно что найдутся еще другіе такіе типы на Ю.-В. нагорной Азіи. Этимъ однакоже еще не исчерпана форма и положеніе горныхъ типовъ, принадлежащихъ къ нагорію внутренней Азіи; остается еще замѣчательная форма — горныхъ цѣпей нагроможденныхъ на поверхности плоскогорій въ тѣсномъ смыслѣ. По симъ послѣднимъ типомъ оканчиваются въ сущности понятія о горныхъ формахъ, относительно ихъ взаимнаго поло-

(*) Такъ я рѣшился перевести слово Umwallung. Сравненіе съ гласисомъ мнѣ кажется точнѣе: если плоскогоріе или нагоріе можно сравнить съ цѣлою массою укрѣпленія, то брустверъ его соотвѣтствуетъ хребту окраины, а находящаяся впереди рва насыпь, называемая *гласисомъ*, представляетъ то что Риттеръ называетъ Umwallung. — *Пр. Пер.*

(47) A. v. Humboldt, Ueb. Vulcane Inner-Asiens l. c. p. 6.

женія и мы исчерпали главныя отношенія ихъ возможныхъ положеній, достаточно для избѣжанія всякой сбивчивости и недоразумѣнія въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ изслѣдованій.

Характеристика.

Возвращаясь къ ближайшей характеристикѣ упомянутой большой системы нагорія внутренней Азіи, мы видимъ что она, во всей своей обширной связи, составляетъ менѣе $^1/_2$, около $^2/_5$ всей части свѣта (нагорная Африка составляетъ $^3/_5$ своей части) или площадь по крайней мѣрѣ въ 340,000 кв. м. (*) и простирается по длинѣ на 1,200 г. м. черезъ всю Азію, отъ Корейскаго приморья до Чернаго моря. Самая большая ширина, на ея восточномъ краѣ, отъ С. къ Ю., или точнѣе отъ С.-З. къ Ю.-В., составляетъ отъ 400 до 500 г. м., отъ южнаго склона Юнъ-Нана до Тунгузскихъ сѣверо-восточныхъ горъ; на восточномъ же краѣ Ирана, т. е. посрединѣ, эта ширина не превосходитъ 150 г. м., отъ крутаго берега древней Гедрозіи съ С. до сѣвернаго бактрійскаго ската къ Гихону. Далѣе къ З. это нагоріе, значительно съузившись между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, повторяется еще разъ въ горныхъ массахъ Арменіи, и представляетъ горизонтальное уменьшеніе на самомъ далекомъ Западѣ, на полуостровѣ Малой Азіи, гдѣ ширина плоскогорія составляетъ только $^1/_{10}$ его восточной ширины. Это колоссальное нагоріе земнаго шара раздѣляется тотчасъ же на двѣ части, какъ по формѣ своей, такъ и по горизонтальному и вертикальному протяженію, или горизонтальному и вертикальному расчлененію. Оно состоитъ именно изъ двухъ различныхъ, возвышенныхъ площадей, которыя вообще можно разсматривать какъ

(*) Вѣроятно значительно менѣе, потому что многія страны причисляемыя къ азіатскому нагорію, какъ кажется, принадлежатъ низменностямъ. Гумбольдтъ есть первый авторитетъ возставшій противъ преувеличенныхъ понятій о большой высотѣ и непрерывности восточно-азіатскаго плоскогорія. См. дополненіе къ § 5. — *Пр. Пер.*

двѣ различныя террасы, изъ коихъ одна выше (*) и обширѣе, другая ниже и менѣе; онѣ различаются слѣдовательно геометрическою фигурою, величиною и абсолютною высотою.

Это суть:

1) Восточная нагорная Азія, съ системою плоскогорій Тибета и нагорной Монголіи, Шамо и Гоби, имѣющая отъ 8 до 10,000 пар. ф. средней выс. надъ ур. м. (**); во многихъ мѣстахъ поднимается она еще выше, въ другихъ опускается значительно ниже.

2) Западная нагорная Азія, съ системою плоскогорій Ирана, остающаяся на высотѣ 4,000 ф. надъ ур. м., (Испахань 4,140 пар. ф. по наблюденію Фразера и вычисленію Кнорра, Техеранъ 3,786, Кашанъ и Кумъ между обоими 2,508, 2,046′) ([48]), потому высокая площадь ближней Азіи, есть по преимуществу умѣренная, а площадь дальней по преимуществу суровая.

Разграниченіе и соединеніе.

Оба нагорія служатъ другъ другу непрерывнымъ продолженіемъ и составляютъ части одного надутія земной коры, но они съуживаются именно при своемъ взаимномъ прикосновеніи и очень характеристически отдѣлены другъ отъ друга этимъ съуженіемъ ихъ, высоко поднятыхъ въ мощный горный узелъ, горныхъ массъ. На оконечностяхъ ихъ именно на Ю.-В., С.-В., Ю.-З., С.-З., отдѣляются, какъ мы уже сказали, отъ этой главной массы нагорной Азіи, различныя отдѣльныя горныя вѣтви, болѣе или менѣе принадлежащія къ главному туловищу. Слѣдовательно нагоріе Азіи, представляетъ не однообразно замкнутый но, какъ на поверхности, такъ и на оконечностяхъ своихъ, многообразно развѣтвленный, обширный типъ природы, и потому вся Азія поставлена цѣлою ступенью теллурическаго развитія

(*) Обширѣе, но не выше. См. дополненіе къ § 5. — *Пр. Пер.*

(**) Только 4,000 фут. См. дополненіе къ § 5. — *Пр. Пер.*

(48) J. Ohmanns Grundlagen der Erdbeschr. 1831. 8. I. p. 280.

выше Африки, въ вертикальномъ, точно также какъ и въ горизонтальномъ своемъ расчленении. Кромѣ того, нагорная Азія расположена не какъ нагорная Африка на одной оконечности, но на самой срединѣ своей части свѣта, растянута черезъ нее отъ В. къ З. и находится въ соприкосновеніи со всѣми ея другими частями, оставляя однакоже еще большія, не наполненныя ею пространства, какъ на Ю. и С., такъ и на В. и З. Только на очень небольшихъ, въ сравненіи съ Африкою, пространствахъ спускается азіатское нагоріе, въ неудобной формѣ крутыхъ береговыхъ окраинъ, непосредственно, безъ промежуточныхъ равничъ, къ морямъ, какъ напр. тунгузскій восточный скатъ на берегу Айносовъ и персидская южная окраина отъ Белуджистана къ Гедрозіи и Караманіи, между устьемъ Инда и Ормузскимъ проливомъ, къ Индо-Персидскому морю, а на отдаленномъ З.—Альбурсъ къ Каспійскому морю, Кавказъ и Тавръ къ Понтійскому. Но всѣ эти протяженія очень коротки и незначительны относительно цѣлаго очертанія.

Положеніе.

Потому положеніе этаго нагорія гораздо удобнѣе африканскаго. Оно понижается постепенно не на одинъ Сѣверъ, но спускается въ обширныя равнины, окружающія его со всѣхъ сторонъ, къ различнымъ океанамъ, въ разнообразнѣйшихъ геометрическихъ очертаніяхъ, съ измѣняющимися подъ различными зонами рельефами. Такое положеніе способствовало къ развитію, въ самомъ колоссальномъ масштабѣ, многочисленныхъ, очень длинныхъ и богато развѣтвленныхъ водныхъ системъ, которыхъ уступы со всѣхъ сторонъ образуютъ переходныя формы отъ нагорія къ низменности, потому-что здѣсь они имѣли достаточное пространство для своего развитія, между тѣмъ какъ на океаническихъ сторонахъ африканскаго плоскогорія только узкія прибрежья, неудобныя для народныхъ населеній и государственныхъ развитій, окружаютъ крутые скаты нагорій. Кому не ясно представляется проистекающее отсюда безконечно бо́льшее бо-

гатство Азіи въ естественныхъ формахъ и типахъ странъ, также и разнаго рода произведеніяхъ и вліяніе которое пріобрѣли черезъ это окрестныя страны на общую средину. Не говоря уже о различныхъ произведеніяхъ природы, изъ этой средины произошли великія событія народной исторіи, мѣстно обусловленныя ея положеніемъ: она именно служила колыбелью роду человѣческому, изъ нея распространились необходимыя потребности осѣдлой жизни: питательныя растенія и домашнія животныя; изъ нея наконецъ вышло переселеніе народовъ и ихъ первыхъ цивилизацій, вдоль рѣчныхъ долинъ, во всѣхъ направленіяхъ, и за ними послѣдовали преданія, легенды основаній государствъ и религіозныхъ системъ, также какъ и никогда не прерывающіеся импульсы народовъ, вышедшихъ оттуда и сдѣлавшихся исторически извѣстными въ теченіе тысячелѣтій, отъ временъ Массагетовъ, Скиѳовъ, европейскаго переселенія и болѣе ранняго распространенія Арамейцевъ до Кавказцевъ, Францевъ, Парѳянъ, Турковъ, Монголовъ, Афганъ, Бухарцевъ, Маньчжуровъ и т. д.

Потому одинъ великій историкъ ([49]) находилъ въ этомъ нагоріи естественную границу между кочевою и осѣдлою жизнію Азіатовъ (подъ 40° с. ш.), между пастбищами и полями, причемъ онъ однакоже выпустилъ изъ виду сродную натуру Западной нагорной Азіи. Другой талантливый, но менѣе извѣстный историкъ ([50]) полагалъ себя въ правѣ назвать это нагоріе историческимъ поясомъ, потому что отъ него первоначально распространились къ С. и Ю. всѣ потоки народныхъ переселеній и линіи распространенія народныхъ культуръ стараго свѣта, со времени постепеннаго осушенія континента.

Однакоже, такъ какъ это центрально-азіатское нагоріе, въ полномъ своемъ проявленіи, есть предметъ слишкомъ колоссальный, то мы должны раздѣлить и разложить его на отдѣльныя части и, пройдя чрезъ точнѣйшее ихъ изслѣдованіе, перейти,

(49) Heeren Ideen, Asia, см. Einleitung.

(50) P. F. Kannegiesser Grundriss der Alterthumswissenschaft. Halle. 1813. 8.

при заключеніи нашего очерка, опять къ вѣрному и правильному обозрѣнію цѣлаго.

Пограничные столбы.

Кромѣ уже названныхъ крутыхъ морскихъ прибрежій, слѣдующія горныя массы, спускающіяся въ прилежащія низменности, служатъ пограничными столбами азіатскаго нагорія: къ С. и С.-З.—Кавказъ и Тавръ, къ С.—Альбурсъ съ своими продолженіями; далѣе Алтай и къ С.-В.—даурская альпійская страна; на широкой восточной окраинѣ — горы внутренняго Китая, не носящія особенныхъ названій, отъ западной оконечности китайской стѣны къ Югу, до снѣжныхъ горъ (Сюэ-Шань) Гуаньси (Kouangsi) и Юнь-Нана (Yunan) и до внутренняго угла Тункинскаго залива; къ Ю.—Хималайя съ своими восточными продолженіями и западнымъ Индуку; на южномъ отрогѣ плоскогорія Ирана—высокія предгорія Белуджистана къ Индѣйскому Океану и оттуда крутой персидскій береговой хребетъ, который вездѣ очень опредѣленно ограничиваетъ массивную возвышенность до таврской цѣпи, въ верховьяхъ Тигра и Ефрата, со стороны Персидскаго залива и вавилоно-месопотамской низменности (*).

Раздѣленіе на восточную и западную части.

Восточная нагорная Азія отдѣлена въ своей естественной формѣ отъ Западной, или Западный Тибетъ отъ Восточнаго Ирана, между меридіанами 88 и 90° в. долг., такъ что все еще между Аттокомъ на Индѣ (34° с. ш.) и Бадашканомъ на Гихонѣ (37° с. ш.) остается на 50 г. м. ширины, разумѣется съуженное, но непрерывное соединеніе горнаго рельефа. Очертаніе восточнаго нагорья, на границѣ съ равниною, не имѣетъ треугольной формы Африки, но представляетъ видъ нѣсколько несимметрическаго ромба или неправильной трапеціи; фигура же запад-

(*) Гумбольдтъ даетъ этому хребту классическое названіе Загросъ. См. Humboldt Central-Asien übers. v. Mahlman T. I. p. 148. — *Пр. Пер.*

наго имѣетъ форму протянутаго къ С.-З. длиннаго четыреугольника, котораго прямые углы обращены къ В.: оно занимаетъ только $^1/_3$ пространства перваго (*), но за то состоитъ бо́льшею частію изъ плоскогорій, между тѣмъ какъ въ восточномъ ромбѣ половина всей поверхности занята горными странами. Объ сіи большія возвышенныя массы сталкиваются не краями своими, но противупоставленными углами; именно юго-западнымъ одной (Западный Тибетъ и нагорная Бухарія) и сѣверо-восточнымъ другой (Восточный Иранъ или Афганистанъ). Соединительная, посредствующая часть, находящаяся въ этомъ замѣчательномъ сложеніи главнаго нагорія, извѣстна со временъ похода Александра Македонскаго подъ именемъ Индѣйскаго Кавказа, иначе Инду-ку или Инду-кушъ т. е. индѣйскій горный хребетъ; она составляетъ не одну простую цѣпь, но цѣлую систему горныхъ цѣпей большой высоты, настоящую альпійскую страну, соединяющую оба горные рельефа и представляющую замѣчательную, но мало извѣстную горную средину всей части свѣта, потому что она сохранила до сихъ поръ свою недоступность и первобытную независимость жителей. Еслибъ мы вообразили себѣ всѣ низменности Азіи покрытыми водою, то здѣсь образовался бы перешеекъ, подобный панамскому, только болѣе гористый и соединяющій не какъ въ Америкѣ Сѣверъ съ Югомъ, но Западъ съ Востокомъ, потому что въ естественной формѣ Азіи, какъ вообще такъ и въ частности, Востокъ и Западъ сформировались въ два особенные типа. Въ этой физической горной срединѣ части свѣта и лежитъ причина естественнаго ея раздѣленія и контрастъ Востока и Запада, которые не имѣютъ между собою ничего общаго и только соединены, какъ мы это покажемъ, переходными формами.

Паралелизмъ и конвергенція.

Къ этому необыкновенному соприкосновенію двухъ огромныхъ горныхъ рельефовъ присоединяется еще другая особен-

(*) 73,600 кв. м. — *Пр. Пер.*

ность, состоящая въ преобладающемъ направленіи горныхъ ихъ цѣпей отъ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З., почему въ строеніи цѣлой горной системы и примѣчается замѣчательный параллелизмъ, сохраняющій, очевидно при первомъ взглядѣ, свое вліяніе на большую часть хребтовъ окраинъ, нагроможденныхъ (на плоскогоріяхъ) цѣпей и даже на нѣкоторыя изъ сопровождающихъ предгорій.

Параллелизмъ, распространенный на такихъ обширныхъ пространствахъ, заставляетъ насъ заключать о столь же грандіозной общей причинѣ огромнаго явленія; можетъ быть это были ([51]) жиловидныя, параллельныя, направленныя къ З.-С.-З. и образовавшіяся извнутри трещины, на которыхъ подняты подземными силами горныя цѣпи. Но такъ какъ это поднятіе не было совершено ни равномѣрно распредѣленною силою, ни вездѣ равновременно, а въ послѣдовавшіе другъ за другомъ періоды, и потому самому могло встрѣтить разныя препятствія въ отвердѣніи земной коры и въ покровѣ ея поверхности, то произошли болѣе раннія и болѣе поздніе, древнѣйшія и новѣйшія поднятія (что и показывается различіемъ геогностическихъ свойствъ горныхъ породъ), которыхъ путь однакоже былъ приготовленъ первобытными трещинами. Эта величественная 'ипотеза ([52]) соединяетъ очень различные и отдаленные предметы, по систематикѣ ихъ топическаго устройства, въ генетическіе ряды и въ поучительную каузальную связь явленій, которыхъ внутренній геогностическій характеръ, неизвѣстный еще здѣсь на Востокѣ, можетъ быть 'ипотетизированъ по аналогіи съ изслѣдованнымъ на Западѣ, въ новомъ свѣтѣ; но оставаясь 'ипотезою, онъ послужитъ здѣсь только (такъ какъ нельзя объяснить явленія спокойнымъ морскимъ осадкомъ) къ тому чтобы живѣе предста-

---

(51) A. v. Humboldt, Ueber Vulcane Inner-Asiens p. 320 l. c.

(52) L. v. Buch, Ueber die geognostischen Systeme von Deutschland nebst Karte. 1824, и El. de Beaumont, Recherches sur quelques unes des révolutions de la surface du globe etc. въ Ann. des sciences natur. par Audouin et Brongniart. Par. T. XVIII et XIX. 1830.

вить намъ общія отношенія (до тѣхъ поръ пока они не будутъ объяснены послѣдующими, болѣе глубокими изслѣдованіями) и заставить насъ не придавать небольшимъ различіямъ и уклоненіямъ бо́льшаго вѣса, чѣмъ они заслуживаютъ, на что мы и укажемъ вездѣ спеціально при мѣстныхъ нашихъ описаніяхъ. Нельзя не замѣтить параллелизма южной окраины, въ ея нормальномъ направленіи, діагональномъ между меридіанами и параллельными кругами, на всемъ ея протяженіи, какъ въ восточной, такъ и въ западной нагорной Азіи. Южный склонъ тибетскаго плоскогорія, обозначенный хребтомъ окраины Хималайскимъ (отъ 137°—90° в. д. отъ Ф., 600 г. м. длины), простирается совершенно параллельно съ южнымъ склономъ Иранскаго плоскогорія, котораго южный пограничный валъ означенъ Таврскою системою (*) (отъ 85 до 45° в. д. отъ Ф., 540 г. м.), отъ устья Инда до самаго западнаго мыса мало-азійскаго Тавра въ Ликіи — Cragus mons и Chimaera promontor — противъ ос-ва Родоса. Совершенно параллельно съ этой южной окраиной западнаго плоскогорія, простирается и сѣверная ея окраина, откуда и происходитъ упомянутая фигура протянутаго къ С.-З. прямоугольника, съ параллелизмомъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, но стремленіемъ къ уменьшенію ширины горныхъ массъ и кажущеюся конвергенціею обоихъ краевъ къ западу. Дѣйствительно, отъ Инду-ку идетъ черезъ Хорасанъ та же самая, хотя кое-гдѣ понижающаяся горная линія до высокаго Альбурса и Демавенда на С. отъ Техерана, полагающаго южный предѣлъ Каспійскому морю, и оттуда черезъ Адербижанъ и Арменію, вдоль сѣвернаго склона Малой Азіи къ Черному морю, со многими измѣненіями поверхностей до Олимпа близъ Бруссы и Оракійскаго Босфора, и даже до болѣе расчлененной Южной Европы. За Каспійскимъ моремъ, отъ полуострова Абшерона до восточнаго угла Крымскаго полуострова, почти въ одной широтѣ и одномъ направленіи съ Небеснымъ хребтомъ (Т'янъ-Шаномъ), но нѣ-

*) И системою Загросъ. — *Пр. Пер.*

сколько вдали къ С. отъ западнаго плоскогорія, подобно Алтаю, простирается, какъ замѣчаетъ Ал. Гумбольдтъ, съ тѣмъ же параллелизмомъ — Кавказъ (отъ 67 — 55° в. д. отъ Ф., 150 г. м. длины), съ своими порфирами и трахитами, поднятый вѣроятно на той же самой жиловидной трещинѣ ([53]), на которой далѣе къ В. поднялся Небесный хребетъ. Точно также ясно можно узнать въ упомянутомъ хребтѣ сѣверо-персидской системы Альбурса, которую мы, въ противуположность съ южною, можемъ назвать сѣверною таврскою системою (отъ 88—45° в. д. отъ Ф., 560 г. м. дл.), дальнѣйшее дѣйствіе трещины Гималайи и Инду-ку (*).

Въ восточной нагорной Азіи этотъ параллелизмъ не является въ такой правильности ни въ хребтахъ окраины, ни въ нагроможденныхъ цѣпяхъ (**). Однакоже, въ отдѣльныхъ цѣпяхъ Гималайской системы и другихъ, онъ очень ясенъ и довольно значителенъ: но въ нагроможденныхъ цѣпяхъ Кунь-Лунѣ (въ широтѣ 38° — 30′ отъ В. къ З.) и Т'янъ-Шанѣ (въ широтѣ 42°) хотя еще и проявляется преобладающій параллелизмъ отъ З. къ В. между собою, но въ отношеніи къ нормальному направленію хребта окраины (отъ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З.) въ западномъ направленіи, скорѣе конвергенція къ внутренности большой впадины стараго свѣта, гдѣ поперечный хребетъ — Болоръ или Белуръ-Тагъ (Имаусъ древнихъ) — соединяетъ эти конвергирующія западныя оконечности различныхъ цѣпей на западномъ склонѣ нагорья, называемомъ нами Туркестанскою альпійскою страною, или sich anschaart, по выраженію германскихъ рудоконовъ, подъ прямымъ угломъ и даже пересѣкаетъ ихъ ([54]). Пото-

---

(53) Kupffer, Voyage dans les environs du mont Elbrouz d. l. Caucase etc. St. Pétersb. 1830. 4. p. 11, 24, 28, 64.

(*) Гумбольдтъ разсматриваетъ эту сѣверную таврскую систему (Альбурсъ) какъ продолженіе трещины не Гималайи, а Кунъ-Луня. См. дополн. къ § 5. — *Пр. Пер.*

(**) Гумбольдтъ, напротивъ, признаетъ этотъ параллелизмъ, разумѣется только до меридіана Иркутска, откуда горныя цѣпи дивергируютъ, и придаетъ ему особенную важность. См. дополненія къ § 5. — *Пр. Пер.*

(54) A. Humboldt l. c. p. 319.

му на В. тѣ же самыя цѣпи или хребты окраины все болѣе и болѣе расходятся (дивергируютъ), что уже съ перваго взгляда видно изъ нормальнаго направленія восточнаго продолженія Хималайской системы на Ю.-В. и Алтайской на С.-В. къ Байкалу и Даурской окраинѣ. Самыя же большія отклоненія являются въ самыхъ отдаленнѣйшихъ восточныхъ горныхъ расчлененіяхъ, отклоняющихся на Ю.-В. къ Малаккѣ и Зондской цѣпи, а на С.-В. къ Охотскому морю и протянутому къ Америкѣ Чукотскому носу. Напротивъ же, упомянутая конвергенція на западѣ, вообще, при постоянномъ паралелизмѣ подчиненныхъ членовъ, остается вездѣ одинаковою въ плоскогоріи Ирана; далѣе же — въ Малой Азіи — нагоріе, какъ уже было упомянуто, съуживается, выдаваясь однакоже къ С. въ Кавказской цѣпи, и такимъ образомъ слѣдуетъ нѣсколькими, только мгновенно прерванными уступами, оставаясь вѣрною тому же паралелизму, но съуживаясь на трещинѣ своего поднятія къ З.-С.-З., черезъ всю Южную Европу, Гемусъ, Альпы и Пиренеи, и продолжаясь, въ сродной системѣ своего устройства, въ томъ же направленіи, она достигаетъ дальнѣйшей своей атлантической оконечности въ болѣе и болѣе съуживающейся и расчлененной Южной Европѣ на Иберійскомъ полуостровѣ. Къ югу же отъ сего послѣдняго, береговой средиземный хребетъ, простирающійся отъ В. къ З. — Атласъ — какъ паралельный спутникъ испанскаго плоскогорія, поднимается африканскимъ островомъ посреди обширной низменности, подобно какъ Кавказъ и Алтай расположены гласисами передъ сѣверной окраиной нагорной ближней и дальней Азіи, со стороны обширныхъ сѣверныхъ низменностей. Этой конвергенціи и увеличивающемуся съуженію нагорія къ западу, ближняя Азія обязана своею обозримостью и бо́льшею доступностью для всякихъ народныхъ отношеній, а встрѣчающимся при этомъ перерывамъ — началу необыкновенно выгоднаго вертикальнаго расчлененія западной своей оконечности. Сосѣдняя съ нею Европа, во всемъ своемъ западномъ расширеніи, получила вслѣдствіе этого естественное свое раздѣ-

леніе, въ горной діагонали, простирающейся въ нормальномъ направленіи Кавказа, Карпатовъ и Судетовъ, до Тевтобургскаго лѣса за Везеромъ, и прорванной только Днѣстромъ на югѣ, Ельбою и Везеромъ на сѣверѣ. Къ сѣверо-востоку достались ей въ удѣлъ обширныя ея низменности, къ юго-западу же расширеніе этой горной діагонали раздѣляетъ ее на горныя ея группы, отчего въ этихъ узкихъ, необширныхъ, многообразно прерванныхъ пространствахъ и произошло самое разнообразное развитіе, вертикальное и горизонтальное расчлененіе, съ очень впрочемъ подчиненными формами плоскогорій. Потому Европа имѣетъ почти вездѣ свободно стоящія, слѣдовательно съ двухъ сторонъ обогащенныя горныя системы, которыя, съ вставленными въ нихъ низменностями, равнинами и разнообразно пересѣкающими ихъ долинами, должны были приготовить и дозволить обитающимъ ихъ племенамъ болѣе индивидуальное развитіе ихъ народныхъ группъ, государствъ и индивидуумовъ, въ совершенно другой прогрессіи чѣмъ во всякой, характеристически различно устроенной, другой части свѣта.

Восточная окраина поднятія нагорной Азіи, характеризуемая именно дивергенціею всѣхъ своихъ расчлененій (что ясно видно изъ дивергенціи рѣчныхъ ея долинъ отъ рѣкъ дальней Индіи, мимо двухъ большихъ китайскихъ рѣкъ, до Амура), получила необходимо въ удѣлъ и дивергирующія природныя и народныя отношенія, именно вездѣ удаленныя, разбросанныя, несвязныя, трудно доступныя массы и формы, которыя даже не могли быть приведены въ гармоническое развитіе политикою очень рано образованнаго, большаго государства — Китайскаго; но для того, можетъ быть, и должно было развиться здѣсь это государство, чтобы выровнять постепенно, политическими учрежденіями, разъединенныя естественныя отношенія, разумѣется только приготовительно къ болѣе высокому назначенію, почему до сихъ поръ могло произойти здѣсь только одно внѣшнее и поверхностное сліяніе и соединеніе.

Высшей же степени дивергенціи достигаетъ цѣлая система

азіатскаго нагорья на отдаленномъ Востокѣ, между восточнымъ Тибетомъ и Юнъ-Наномъ на южной окраинѣ, до даурской альпійской страны на сѣверной окраинѣ, отъ 25 до 55° с. ш.; между самыми внѣшними южными изгибами Янъ-Цзы-Кяна (Jang-Tse-Kiang), до самыхъ внѣшнихъ сѣверныхъ изгибовъ Сахалянъ-Ула (или Амура), на протяженіи по крайней мѣрѣ 450 до 500 г. м. отъ Ю.-З. къ С.-В.

Главная ось поднятія.

Ни въ какой другой части свѣта, не исключая даже и южной Африки, земная масса не поднята до такой высоты и такого обширнаго протяженія, какъ во внутренней Азіи. Главная ось поднятія ([55]) восточнаго, столь внезапно поставляющаго преграду бассейну Великаго Восточнаго Океана, нагорья, которая вѣроятно предшествовала поднятію цѣпей на трещинахъ, простирающихся отъ В. къ З., также направлена отъ Ю.-З. къ С.-В., вдоль линіи, идущей къ С. отъ нагроможденной цѣпи Кунъ-Луна и обозначенной А. Гумбольдтомъ слѣдующимъ образомъ: отъ горнаго узла, между Кашмиромъ, Бадашканомъ и Цунъ-Лиемъ (Tsung-Ling), или отъ Кайлаза и группы священныхъ озеръ Маназара и Раванъ-Храда въ Тибетѣ, къ снѣговымъ вершинамъ Инъ-Шаня (In-Schan) (къ сѣверу отъ сѣвернаго изгиба верхняго Хуанъ-Хэ, на южной границѣ нагорной Гоби) и Хинъ-Гана (Kinghan, на В. отъ Байкала, при сліяніи Шилки и Аргуни въ Сахалянъ-ула, или къ С. отъ самаго сѣвернаго изгиба верхняго Амура). Эта главная ось поднятія, большею частію обитаемаго монгольскими племенами нагорія, не совершенно соотвѣтствуетъ параллелизму цѣпей, но пересѣкаетъ болѣе въ діагональномъ направленіи неправильную трапецію восточной нагорной Азіи, отъ З.-Ю.-З. къ В.-С.-В., по направленію длиннѣйшей ея діагонали, и потому самому сдѣлалась основною причиною поднятія столь разнообразнаго на своей по-

(55) A. v. Humboldt l. c. p. 332.

верхности, главнаго азіатскаго нагорья. Къ С. отъ упомянутой оси поднятія нагорье спускается разнообразными наклонными плоскостями, уступами, долинами, которыя означены степными рѣками и многочисленными группами озеръ, распространенными къ Чжунгаріи, къ обширной арало-каспійской котловинѣ или самой низменной западной Азіи и къ обширнымъ поверхностямъ зауральскаго, сибиро-бухарскаго сѣвера. Тамъ распространяются, въ сѣверо-западномъ треугольникѣ трапеціевидной нагорной Азіи, низкія плоскогорія и скаты, и многочисленныя, подчиненныя горныя цѣпи, большею частію средней и малой высоты, болѣе или менѣе теряющія нормальный характеръ колоссальнаго главнаго нагорья, такъ что сѣверные передовые уступы, представляемые озерами Байкаломъ и Зайссаномъ, лежатъ не выше 1200 пар. ф. надъ ур. моря, между тѣмъ какъ озеро Балхашъ вѣроятно еще несравненно ниже, а Аральское уже 186 ф. ниже уровня морскаго, Каспійское же 300 фут. (*). Какъ далеко эти углубленія, можетъ быть даже провалы ([56]), потому что въ сосѣдствѣ ихъ находятся самые свѣжіе слѣды вулканическихъ дѣйствій, вдаются въ нагорье къ Лобъ-Нору, Кашхару, Яркану и Хотану могутъ намъ только показать точнѣйшія послѣдующія изслѣдованія. Но въ этой главной оси поднятія, и на югъ отъ нея и высокаго Кунъ-Луна, распространена, во всякомъ случаѣ, область совершенно замкнутаго, главнаго нагорья Азіи, съ преобладающими высочайшими (**) и обширнѣйшими плоскогоріями земной поверхности, которыя отчасти окружены, отчасти пересѣчены, исполинскими горными цѣпями, и наполняютъ совершенно весь юго-восточный треугольникъ нагорной, восточно-азіатской трапеціи самыми колоссальными пластическими формами земной коры, служащими

(*) Аральское немного выше уровня океана, а Каспійское *только* 86 фут. ниже. См. дополненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

(56) A. v. Humboldt l. c. p. 332.

(**) Обширнѣйшими, но не высочайшими. — *Пр. Пер.*

отечествомъ тибетскимъ, тангутскимъ, монгольскимъ и другимъ особеннымъ горнымъ племенамъ.

Продолженіе главной оси къ Ю.-З.; континентальное кольцо континентальнаго полушарія.

Если мы продолжимъ нормальное направленіе главной оси поднятія, изъ восточной въ западную нагорную Азію, то и тамъ, въ юго-восточной трапеціи Ирана, найдется значительная масса поднятія земной коры, окруженная, какъ хребтами окраины, цѣпями Инду-ку, Солиманъ и береговыми хребтами Гедрозіи и Караманіи (*), поднимающаяся во внутренности восточнаго Ирана, въ келатскомъ плоскогоріи, до 8000 пар. фут. высоты, а въ Белуджистанѣ также до значительной вышины, и спускающаяся въ высокую котловину озера Царе и низкую Бухарію. Къ западу же, это нагоріе продолжается черезъ Персію и Мидію, въ болѣе равномѣрной плоскости, имѣющей до 3 — 4000 ф. средней высоты, пока новыя надутія за Каспійскимъ моремъ не поднимаютъ армянскаго плоскогорія до прежнихъ абсолютныхъ высотъ (**), только въ меньшихъ горизонтальныхъ пространствахъ; между тѣмъ какъ кругомъ являются сосѣднія впадины Каспійскаго, Понтійскаго, Эгейскаго, Киликійскаго и Персидскаго береговыхъ морей и заливовъ, также болѣе разнообразные хребты окраинъ, расчлененія и особленія разнаго рода, съ многочисленными перерывами и промежутками, которыя могли съ успѣхомъ времени превратиться въ водныя комуникаціонныя линіи, выгодныя для естественныхъ произведеній и народныхъ отношеній.

Далѣе на западѣ земнаго шара, гдѣ формы плоскогорій являются въ гораздо болѣе подчиненныхъ отношеніяхъ, и гдѣ не надутіе, какъ на Востокѣ, а направленіе трещинъ, какъ на Западѣ, служили причинами поднятія горныхъ системъ, уже нѣтъ

(*) Системою Загросъ. — *Пр. Пер.*

(**) Плоскогоріе Арменіи имѣетъ отъ 3 до 6000 ф. абсол. высоты. — *Пр. Пер.*

такихъ главныхъ осей надутія; или ихъ вліяніе, различное отъ горныхъ системъ, пересѣкаемыхъ ими разнообразнѣе чѣмъ въ Азіи, перестаетъ имѣть значеніе для большихъ земныхъ пространствъ. За то самое образованіе горъ, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, кажется, отчасти предшествовало тамъ болѣе ограниченному образованію плоскогорій: потому что въ новомъ свѣтѣ — Америкѣ — самомъ отдаленномъ западѣ земли, поднялась первоначально, изъ колоссальной трещины отъ Ю. къ С., самая колоссальная меридіанная цѣпь Андо-Кордильеровъ, которой высокій хребетъ и продольныя долины были превращены, уже въ послѣдствіи, частными надутіями въ спорадически распредѣленныя плоскогорія, съ продольными осями, большею частію, хотя не вездѣ (напр. въ поперечной вулканической линіи Мехики), совпадающими съ параллелизмомъ большихъ системъ цѣпей, и въ которыхъ вентили и клапаны, нагроможденныхъ на высокомъ Кордильерскомъ хребтѣ и пробивающихъ ихъ изъ глубины общаго огненнаго очага, вулканическихъ рядовъ, достаточно извѣстны. Возвращаясь отъ этихъ Кордильеровъ, чрезъ тысячи острововъ обширнаго Южнаго Океана, къ азіатскому нагорью, замѣтимъ мы мимолетомъ, какъ кругъ сферы развитія дополняется образованіемъ плоскогорій, потому что эти тысячи острововъ Тихаго Океана представляютъ только уединенныя небольшія надутія или пункты плоскогорій, образовавшіеся изъ поднятыхъ массъ базальта и трахита, потому что дну этого океаническаго бассейна, отъ котораго континентальныя массы остались на самыхъ большихъ разстояніяхъ, недоставало, съ самаго начала пластическихъ дѣйствій нашей планетной коры, или полноты циклопическихъ силъ, или самыхъ массъ (матеріала) для образованія изъ хаоса еще дикихъ, элементарныхъ силъ, обширныхъ поверхностей (исключая развѣ проблематической, сдѣлавшейся континентомъ песчаной банки Австраліи), которыя бы получили болѣе благородную архитектуру для обитанія рода человѣческаго. На западѣ этихъ тысячъ вездѣ одинаковыхъ, базальтическихъ плоскогорій-точекъ, съ весьма рѣдко

или совсѣмъ не встрѣчающимися куполовидными формами ихъ вершинъ, въ которыхъ остроуміе Л. ф. Буха (57) нашло, пузыревидно поднятыя центральными вулканами, группы острововъ (подобно 7 большимъ пузырямъ Канарской группы), заключается замѣчательное кольцо австралійскихъ и азіатскихъ рядовыхъ острововъ, съ горными цѣпями и рядовыми вулканами. Это суть уже упомянутыя выше, расходящіяся, внѣшнія расчлененія нагорной восточной Азіи; они какъ бы простираютъ къ ней руки и обличаютъ уже, по одному пространственному положенію атмосферы острововъ, сопровождающей ее въ видѣ морскаго восточнаго вала, ихъ отношеніе къ внутренней связи съ вѣроятно *предшествовавшимъ* образованіемъ поднятой изъ глубины, колоссальной массы, самаго обширнаго изъ континентовъ. Главная ось этого надутія въ восточной, какъ и въ западной нагорной Азіи, произвела потому, въ упомянутомъ, пересѣкающемъ параллелизмъ горныхъ цѣпей, нормальномъ направленіи, отъ Ю.-З. къ С.-В., широкую связь съ поднятыми массами, которая даетъ право называть описанныя нагорія (восточное и западное азіатскія плоскогорія) *общими поднятіями* (Gesammterhebungen) извѣстныхъ пространствъ земной коры. Но подземная причина этихъ поднятій, которой также должно приписать соединеніе въ одной и той же линіи поднятія обѣихъ массъ — восточной и западной — чрезъ посредство высокой альпійской страны индѣйскаго Кавказа, дѣйствовала во многократно повторявшихся пузыревидныхъ поднятіяхъ большихъ пространствъ, аналогически устроенныхъ, ограниченныхъ хребтами окраинъ и покрытыхъ преобладающими поверхностями плоскогорій, къ югу отъ главнаго азіатскаго нагорья, черезъ глубины Индѣйскаго Океана. Такимъ образомъ поднялись, впрочемъ болѣе низкія плоскогорія Деккана въ Индіи и Неджеда въ Аравіи, и далѣе къ Ю.-З. болѣе колоссальное — южной нагорной Африки отъ Хабеша (Абис-

(57) L. v. Buch, Physikalische Beschreibung der Kanarischen Inseln. Berl. 1824. 4. p. 323 etc. Его же Basaltische Inseln въ Abhandl. d. konigl. Akad. d. Wissenschaften in Berlin 1818—1819. Berl. 1820. p. 51 etc.

синій) до мыса Доброй Надежды. Замѣчательно, что главныя оси надутій этихъ плоскогорій совпадаютъ также съ ихъ большими ширинами, въ Ю.-З. направленіи; ихъ же возвышеннѣйшія части находятся точно также въ крутыхъ, обращенныхъ къ югу, углахъ, образуемыхъ ими треугольниковъ; болѣе же пологіе скаты къ низменностямъ, какъ и въ Чжунгаріи, склоняются къ С.-З. Такимъ образомъ склоняется Декканъ, отъ высокаго плоскогорія Мальвы, въ низкій, песчаный Синдъ, къ нижнему теченію Инда; нагорный Неджедъ центральной Аравіи — въ низкую сирійско-аравійскую степь къ нижнему Ефрату, и наконецъ нагорный Хабешъ — къ низкому Судану озера Чада и Сахарѣ. Такія соотвѣтственныя, пластическія отношенія вертикальныхъ развитій нагорій, которыя отчасти должны были быть основными причинами горизонтальныхъ расширеній въ ихъ туловищахъ и расчлененіяхъ, именно во всѣхъ юго-восточныхъ частяхъ стараго свѣта, и которымъ Африка и Азія, съ ихъ южными полуостровами, обязана индивидуальностью своихъ пластическихъ формъ и цѣлымъ характеромъ своихъ очертаній, имѣли также въ основаніи, состоящія между собою въ связи или вмѣстѣ дѣйствовавшія изъ общей глубины коры земной, теллурическія причины. Такія только причины могли образовать, въ восточной половинѣ континентальнаго кольца континентальнаго полушарія ([58]), вдоль большой, пересѣкающей всѣ меридіаны и паралельные круги, діагонали, отъ экваторіальной Африки до Чукотскаго Носа сѣв.-вост. Азіи, самыя большія поднятія массъ земной коры, съ преобладающими системами плоскогорій, въ такомъ соотвѣтствіи, какое не встрѣчается ни въ какой другой части земли. Этимъ надутіямъ, съ которыми, какъ кажется, съ самаго начала состояло въ связи большое развитіе суши на континентальной сторонѣ, т. е. на одномъ изъ полушарій нашей планеты (которое мы назвали сѣверо-восточнымъ земнаго шара), соотвѣтствуетъ другая, противуположная,

(58) См. Ritter, Abhandl. über die geographische Stellung und horizontale Ausbreitung. Acad. d. Wiss. Berl. 1829. p. 106.

пелагическая сторона земли (*). Внѣшнее кольцо континентальнаго полушарія, окруженное еще бо́льшимъ водянымъ кольцомъ, состоитъ въ старомъ свѣтѣ изъ обширнаго массивнаго надутія на главной оси поднятія плоскогорій, а въ новомъ — изъ поднятія, происшедшаго на длинной трещинѣ земной коры, въ формѣ колоссальнѣйшей горной цѣпи — два различные типа или два только наружно различныя проявленія той же самой, поднявшей надъ уровнемъ моря все сѣверо-восточное континентальное полушаріе, причины, которая можетъ состоять въ постоянно дѣйствующей силѣ паровъ, газовъ, теплорода, но которая намъ въ точности неизвѣстна. Но что извнутри снаружу дѣйствовали, для односторонняго образованія *континентальнаго* полушарія нашей планеты (противуположнаго съ водянымъ), общія, вообще гармоническія причины, видимъ мы не только изъ пластики этихъ внѣшнихъ, периферическихъ поднятыхъ частей континентальнаго полушарія, но и изъ постепенно склоняющихся къ срединѣ его, пологими скатами и широкими уступами, низменностей континента, къ которымъ принадлежатъ восточная и сѣверная Америка, сѣверная Африка, сѣверная и сѣверо-западная Европа и всѣ арктическія полярныя земли. Эти склоненія обозначены уступами самыхъ колоссальныхъ водяныхъ системъ земнаго шара, которыя всѣ текутъ ко внутренности континентальнаго кольца, на самыхъ обширныхъ земныхъ

(*) Можно раздѣлить шаръ земной большимъ кругомъ, поставленнымъ наклонно на экваторѣ, на два полушарія. Въ одномъ изъ нихъ будутъ находиться оба континента стараго и новаго свѣта, другое будетъ занято исключительно Тихимъ Океаномъ и изъ континентовъ попадутъ въ него только антарктическій, австралійскій и юго-западная оконечность южной Америки. Послѣднее полушаріе можно слѣдовательно съ полнымъ правомъ назвать океаническою, пелагическою стороною земли, а первое континентальною теллурическою. Въ срединѣ континентальнаго полушарія находятся Арктическій и Атлантическій океаны, представляющіе колоссальный средиземный бассейнъ, окруженный континентальнымъ кольцомъ, состоящимъ изъ сушей Азіи, Европы, Африки и Америки. Континентальное это кольцо окружено водянымъ кольцомъ пелагическаго полушарія, посреди котораго расположены антарктическій и австралійскій континенты: устройство діаметрально противуположное съ строеніемъ континентальнаго полушарія. — *Пр. Пер.*

поверхностяхъ, и которыхъ промежутки или содержатъ, кромѣ только очень подчиненныхъ трещинъ поднятія, еще узкіе морскіе рукава, или выполнены горными породами. Только ослабленнымъ внутреннимъ силамъ, изнурившимся на внѣшней сторонѣ континентальнаго кольца въ произведеніи колоссальныхъ формъ, представили эти короткія и узкія трещины земли достаточное пространство для поднятій, явившихся вездѣ, какъ напр. въ Европѣ и сѣверной Америкѣ, въ умѣренныхъ размѣрахъ и формѣ очень прерванныхъ горныхъ группъ и вѣтвей. Такія поднятія не выставляются отдѣльными скалами надъ поверхностью моря, безъ промежуточныхъ континентальныхъ равнинъ, подобно уединеннымъ поднятіямъ Южнаго океана, въ формѣ небольшихъ и округленныхъ острововъ, но разнообразно соединены обитаемыми низменностями, образовавшими удобную для народныхъ сношеній обширную средину континентальнаго полушарія. Напротивъ же, всю внѣшнюю сторону континентальнаго кольца этого полушарія характеризуетъ вездѣ крутое и быстрое паденіе къ окружающему, водяному кольцу пелагическаго полушарія земли, и передъ этимъ крутымъ скатомъ нѣтъ нигдѣ обширныхъ низменностей (напр. отъ Камчатки кругомъ около восточ. и юж. Азіи, восточ. и юж. Африки), столь распространенныхъ съ внутренней его стороны. Надутія и поднятія сѣв.-вост. континентальнаго полушарія были слѣдовательно причинами истощенія поднимающей силы или пластическаго матеріала для образованія континентовъ на водномъ полушаріи земнаго шара, гдѣ (исключая плоскаго континента Новой Голландіи), или являются только спорадическія группы острововъ, или расширяются на обширнѣйшія пространства, совершенно свободныя отъ острововъ моря, между тремя клиновидными окончностями континентовъ Австраліи, южной Африки и южной Америки, какъ антарктическій океанъ, совершенно контрастующій съ *свободнымъ отъ морей континентомъ арктическихъ зонъ*. Внѣшняя, пелагическая сторона континентальнаго полушарія, съ вѣнцомъ *рядовыхъ вулкановъ*, начинающихся богатою базальтами Новою

Зеландіею и вулканомъ Тапна, продолжающихся черезъ Молукскіе, Филиппинскіе острова, Алеутскіе и Курильскіе, до Кордильеровъ Мехики и Перу, и оканчивающихся только Хилійскимъ рядомъ въ южной Америкѣ ([39]), большею частію спускается внезапно до такой глубины, что она почти вездѣ, съ немногими исключеніями, представляетъ, или террасовидные скаты съ очень узкими прибрежьями, или крутые берега безъ береговой низменности, такъ что глубочайшія моря подходятъ непосредственно къ вулканическимъ прибрежьямъ, до самыхъ большихъ континентальныхъ возвышеній. Это мы видимъ на всѣхъ восточныхъ и южныхъ берегахъ Азіи и Африки и на всѣхъ западныхъ Америки; однимъ словомъ, во всемъ океаническомъ вѣнцѣ прибрежій континентальнаго полушарія. Въ то же время обѣ стороны Атлантическаго Океана, который, какъ ограниченное внутреннее море, въ противоположность съ неограниченнымъ внѣшнимъ (Тихимъ и Южнымъ), въ самомъ дѣлѣ есть только широкій каналъ между старымъ и новымъ свѣтомъ, представляются гостепріимно другъ къ другу склоняющимися и потому исторически дружелюбными, противулежащими прибрежьями самаго колоссальнаго изъ средиземныхъ морей — Атлантическаго.

Только изъ этихъ самыхъ общихъ отношеній положеній низменностей и нагорій стараго и новаго свѣта и океановъ къ континентамъ, проистекаетъ истинная натура всѣхъ особенностей трехъ главныхъ формъ (нагоріе, террасовидная страна, низменность) каждой части свѣта, слѣдовательно и характеристика Азіи, и намъ остается, послѣ того что уже было сказано выше, только упомянуть здѣсь, для пополненія нашего обзора, о нѣкоторыхъ отношеніяхъ низменностей, терассовидныхъ странъ и отдѣльныхъ нагорій меньшаго разряда и напомнить о соединеніи трехъ главныхъ формъ въ срединѣ части свѣта, которая,

---

(39) L. v. Buch, Ueber Reihen-Vulcane p. 353 — 411 въ Physicalische Beschreibung der Canarischen Inseln. Berl. 1825. 4.

вмѣстѣ съ климатическимъ положеніемъ, обусловила особенный физико-историческій характеръ ея культуры.

§ 6. *Азіатскія низменности.*

Если нагорная Азія, какъ уже было упомянуто, занимаетъ гораздо болѣе чѣмъ $^1/_3$ всей части свѣта (810,000 кв. м.) именно 340,000 кв. м., а на отдѣльныя отъ нагорья горныя страны и плоскогорія приходится 185,000 кв. м., то остается для формы азіатской низменности все еще 284,000 кв. м., пространство почти вдвое превосходящее величину Европы. Изъ этого пространства большая часть—240,000 кв. м. — приходится на *континентальныя* низменности, т. е. такія, которыя обращены къ внутренности континентальнаго полушарія, именно на Сибирь 186,300 кв. м., бухарскую низменность 53,700 кв. м. и только гораздо меньшее пространство — 50,000 кв. м. — принадлежитъ *пелагическимъ* низменностямъ, обращеннымъ къ внѣшней, океанической сторонѣ континентальнаго полушарія, именно на китайскую (около 20,000 кв. м.), индѣйскую на Индѣ и Гангѣ (20,000 кв. м.), месопотамо-вавилонскую на среднемъ и нижнемъ Ефратѣ и Тигрѣ (14,000 кв. м.) и небольшую сіамскую.

Страны уступовъ и рѣчныя системы.

Въ эти низменности разнообразно вторгаются среднія и нижнія страны уступовъ рѣчныхъ системъ, также какъ и прибрежныя образованія. Если Африкѣ досталась въ удѣлъ только одна большая низменность, простирающаяся на сѣверной сторонѣ нагорья, съ однообразнѣйшими и неудобнѣйшими, сыпучими и неорошенными поверхностями Сахары и недоступной раскаленной атмосферой, и получившая только болѣе высокое развитіе для человѣческихъ и національныхъ потребностей въ трехъ значительныхъ странахъ уступовъ съ большими рѣками — Ниломъ, Джолибою и Сенегаломъ, то Азія, въ этомъ отношеніи, была гораздо болѣе покровительствуема Провидѣніемъ, которое предназначило ее колыбелью всего рода человѣческаго и самаго

общаго развитія его культуры, въ возрастѣ его дѣтства и юношества. Эта часть свѣта должна была уже, съ самаго начала, выиграть гораздо болѣе значительное богатство пластическихъ образованій, отъ обширнаго своего внутренняго нагорья, совершенно иначе сформированнаго въ своемъ геометрическомъ очертаніи, полураздѣленнаго перешейкомъ въ своей срединѣ (*), съ нагроможденными цѣпями, хребтами окраины и окружающими альпійскими странами, разнообразно развѣтвленными, какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ отношеніи и отдѣляющимися во всѣ стороны, въ видѣ рукавовъ, вѣтвей и гласисовъ. Центральное положеніе и особенное расширеніе этого главнаго нагорья по поверхности Азіи (описанное уже нами выше), своими значительными, даже въ тропическихъ странахъ поднимающимися до предѣловъ вѣчнаго снѣга, абсолютными высотами, дало свободу текущимъ водамъ ежегодно разливаться изъ переполненныхъ водныхъ запасовъ ихъ богатыхъ источниковъ, оплодотворять равномѣрно самыя обширныя низменности и такимъ образомъ оживлять всѣ отношенія природы и народовъ. Такъ три сибирскія, почти одинаково длинныя, очень извивающіяся сѣверныя рѣки: Обь (460 г. м. дл. со всѣми изгибами), Енисей (410 г. м.) и Лена (440 г. м.), и на С.-В. — Амуръ (430 г. м.), въ своихъ колоссальныхъ развитіяхъ, орошаютъ четыре, обращенныя къ полярной сторонѣ, бассейна, которые вмѣстѣ составляютъ площадь, значительно превосходящую величиною Европу, въ 220,000 кв. м. (63,800; 47,000; 36,600; 38,300) (**). Далѣе обѣ китайскія восточныя рѣки: Хуанъ-Хэ (570 г. м. дл.) и Янъ-Цзы-Кіанъ (650 г. м.), представляютъ колоссальную величину; ихъ рѣчныя области составляютъ вмѣстѣ 67,800 кв. м. (33,600; 34,200 кв. м.). Къ Югу направлены три группы рѣчныхъ системъ: дальне-индѣйская, ближне-индѣйская и ассиро-

(*) Въ текстѣ было прибавлено: «раздѣленнаго на двѣ террасы по высотѣ своей», что мы опускаемъ какъ уже опровергнутое. — *Пр. Пер.*

(**) 57,800; 49,033; 37,150; 36,340 — по Атласу Бергхауза. См. Berghaus Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

вавилонская. Въ первой самая колоссальная рѣка есть Правади (460 г. м. дл., 12,100 кв. м. рѣчной области), по сторонамъ которой находится группа паралельныхъ съ нею, меньшихъ рѣкъ, которыхъ долины чуть-чуть расходятся къ Ю.-В., но ведутъ всѣ къ Дальне-Индѣйскому, Малайскому морю, потому что туда направлены главныя линіи отвѣтвляющихся на Ю.-В. расчлененій нагорной Азіи.

Ближне-индѣйскія рѣки составляютъ двѣ расходящіяся системы, направленныя къ Ю.-В. и Ю.-З., паралельно съ обоими хребтами окраинъ противулежащихъ плоскогорій Тибета и Ирана и, что отличаетъ страны уступовъ Инда и Ганга отъ всѣхъ другихъ рѣкъ земнаго шара, близкіе источники и отдаленныя устья, рѣчныя области лежащія на одномъ и томъ же полуостровѣ, но принадлежащія двумъ противулежащимъ заливамъ контрастующихъ Дальней и Ближней Азіи, въ слѣдствіе чего ихъ бассейны сдѣлались соединительными странами для культуръ азіатскаго Востока и Запада. Изъ нихъ Гангъ имѣетъ 290 г. м. дл. и рѣчную область въ 20,400 кв. м. Индъ 340 г. м. дл. и рѣчную область въ 18,900 кв. м. (*). Слѣдовательно оба, при сродныхъ величинахъ, составляютъ рѣчную область въ 40,000 кв. м., которая впрочемъ, по положенію своему, должна имѣть перевѣсъ передъ вдвое и въ нѣсколько разъ большими земными пространствами. Только еще болѣе западная система Ефрата, расположенная въ странѣ древнѣйшей культуры на землѣ, имѣла, несмотря на гораздо меньшее свое пространство и обиліе водъ, такое же значеніе; Ефратъ имѣетъ 300 г м. и вмѣстѣ съ двойникомъ своимъ Тигромъ, рѣчную область въ 11,200 кв. м. (**). Къ этимъ большимъ океаническимъ рѣкамъ, кромѣ множества другихъ подчиненныхъ и безчисленныхъ береговыхъ рѣкъ, должно причислить еще двѣ большія, текущія къ

(*) 27,030; 19,500 — по Атласу Берггауза. См. Berghaus. Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

(**) 12,300 — по Атласу Берггауза. См. Berghaus Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

Западу континентальныя рѣки: Гихонъ (Oxus, 230 г. м. дл.) и Сыръ (Iaxartes, 210 г. м. дл.), которыя вмѣстѣ орошаютъ большую азіатскую, центральную рѣчную область (13,000 кв. м.) (*). Онѣ образуютъ въ сущности только одну большую водную систему вмѣстѣ съ озеромъ Аральскомъ, въ которое онѣ впадаютъ и къ которому направляются также параллельныя съ ними рѣки, изъ одинаково высокихъ истоковъ: это и есть замѣчательное явленіе колоссальныхъ двойниковыхъ рѣкъ или водныхъ системъ, текущихъ съ одинаковыхъ высотъ и изъ очень близкихъ областей, и направляющихся сначала, какъ бы убѣгая другъ отъ друга, въ нѣсколько расходящихся долинахъ, потомъ снова внезапно сходящихся, впадая или близко и параллельно (какъ Гихонъ и Сыръ), или сходясь (какъ Хуанъ-Хэ и Янъ-Цзы-Кіанъ), или совершенно соединяясь (какъ Гангъ и Брамапутра, Ефратъ и Тигръ) общими дельтами въ томъ же устьѣ; вотъ характеристическій естественный типъ азіатскихъ странъ, уступовъ и рѣчныхъ системъ, совершенно соотвѣтствующій грандіознымъ формамъ Востока и его характеризующій. Онъ проявляется кругомъ всей Азіи въ двойниковыхъ системахъ Хуанъ-Хэ и Янъ-Цзы-Кіанъ, Ганга и Брамапутра, Тигра и Ефрата, Аму и Сыра и повторяется даже, до нѣкоторой степени, на неразвитомъ Сѣверѣ, въ Оби и Иртышѣ, Енисеѣ и Ангарѣ и т. д. Подобныя естественныя формы, которыя могутъ быть сравнены съ азіатскими, встрѣчаются только еще въ колоссальныхъ рѣчныхъ системахъ Сѣверной и Южной Америки; но имъ не достаетъ того вліянія, которое уже имѣли въ теченіи тысячелѣтій эти системы, въ древнѣйшихъ пребываніяхъ культуры стараго свѣта, на цивилизацію рода человѣческаго, на проявленіе котораго нужны столѣтія, даже можетъ быть тысячелѣтія. Еслибъ мы соединили, въ своемъ воображеніи, все то что бассейны Рейна и Эльбы произвели отдѣльно въ теченіе вѣковъ

(*) По Атласу Бергхауза, причитая р. Чуи, притокъ Сыръ-Дарьи, теряющійся въ пескахъ и соединенное съ нимъ озеро Иссыкъ-Куль около 27,000 кв. м. См. Berghaus Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

для полноты природы и явленій исторіи, и представили себѣ что всѣ отношенія народонаселенія, цивилизаціи и культуры подвигались бы развиваясь черезъ верхнія, среднія и нижнія ихъ теченія, до общей ихъ дельты (которой имъ именно и недостаетъ отъ надвинутаго на прибрежье Нѣмецкаго моря), какъ это было напр. въ долинѣ Нила отъ Мероэ черезъ Ѳивы, Саисъ и Мемфисъ до Александріи, и на всѣхъ теченіяхъ рѣкъ протекающихъ черезъ постоянно культурныя страны, то такая гипотетическая двойниковая система Рейна и Эльбы, далеко еще не представила бы столь грандіознаго, физическаго и историческаго характера, исключительно принадлежащаго упомянутымъ азіатскимъ двойниковымъ системамъ, потому что она соединила бы только въ самомъ узкомъ масштабѣ, и то только въ развитой дельтѣ своей, всѣ различія въ водахъ, наносахъ, растеніяхъ, агрикультурахъ, народныхъ группахъ и государственныхъ цивилизаціяхъ, находящіяся и развившіяся на всемъ пространствѣ отъ судето-бегемскихъ горъ до гельветскихъ, вазгаускихъ (Вогезахъ), арденскихъ и Нѣмецкаго моря. Въ низменности же китайской двойниковой системы стекаются всѣ воды, произведенія и культуры различнѣйшихъ климатовъ, зонъ и населеній къ *одному* общему, древнему центру цивилизаціи (цвѣтку средины, гдѣ расположены и древнія столицы), промежуточной ихъ дельтѣ, изъ рѣчной области (67,800), въ десять разъ превосходящей величиною рѣчныя области взятыхъ вмѣстѣ Рейна (4,030 кв. м.) и Эльбы (2,800 кв. м.). Точно такое же грандіозное отношеніе находимъ мы, уравнивая остальныя двойниковыя системы Азіи, которыя, удвоеніемъ всѣхъ естественныхъ формъ ихъ двойниковыхъ рѣкъ, должны были пріобрѣсти не только удвоенное, но увеличенное въ нѣсколько разъ вліяніе на произведенія природы и историческое развитіе народной, государственной и культурной жизни. На Гангѣ и Брамапутрѣ, на Ефратѣ и Тигрѣ, даже на центральномъ Оксѣ и Яксартѣ, какъ и на китайскихъ двойниковыхъ рѣкахъ, представляющихъ особенные органы земнаго шара для пробужденія жизни народной и торговыхъ сношеній,

развились самыя древнѣйшія государственныя системы, съ ихъ раннею цивилизаціею и между-народными путями сообщенія, которымъ способствовали одинаковыя естественныя условія, какъ напр. въ Вавилоніи, Магадѣ и Согдіанѣ.

Исключая этихъ многочисленныхъ террасовидныхъ странъ, съ обширными рѣчными системами, распространяются еще упомянутыя уже азіатскія низменности на сотни тысячъ квадратн. миль, и въ нихъ то разнообразно вторгаются террасы, составляющія переходныя формы между контрастами нагорій и низменностей. Мы уже упомянули о протяженіяхъ этихъ низменностей; положенія же ихъ принадлежатъ къ обзору самыхъ общихъ отношеній Азіи, какъ положенія нагорій — къ характеристикѣ ея, изъ которой и проистекаетъ ея физическая индивидуальность и различіе отъ другихъ частей свѣта, также какъ и зависящая отъ того природа ея частей или особенныхъ пространствъ, составляя именно результатъ землеописанія, съ котораго очень часто прямо начинаютъ географію, теряя такимъ образомъ изъ виду самую цѣль науки.

Формы и положенія отдѣльныхъ нагорьевъ Азіи.

Большія низменности Азіи расположены вокругъ ея главнаго нагорья и распространены на ея прибрежьяхъ только въ небольшихъ, подчиненныхъ пространствахъ, которыя только отчасти непосредственно омываются моремъ, отчасти же граничатъ съ лежащими впереди нихъ, большею частію на полуостровахъ, отдѣльными, обособленными нагорьями меньшаго и низшаго разряда — южными спутниками центральноазіатскаго нагорья. Африка имѣетъ только одно подобное самостоятельное и значительное нагоріе, втораго или низшаго разряда, лежащее, подобно острову, на С. отъ Сахары и на Ю. отъ Испаніи, между песчанымъ и водянымъ моремъ, именно плоскогоріе Атласа, отъ Марокко до древняго Карѳагена; Азія же надѣлена отъ природы тремя такого рода значительными, и многими подчиненными формами, упрочившими тремъ южнымъ

ея полуостровамъ болѣе высокую степень развитія ихъ поверхностей, и превратившимъ ихъ въ самые удобные для культуры полуострова земнаго шара, что и придало особенный характеръ сосѣднимъ съ ними низменностямъ.

Мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ ([60]), что расчлененія континентовъ, подобно расчлененію растеній, изъ вершинъ которыхъ появляются листовыя и цвѣтныя почки, принадлежатъ къ разнообразнымъ формамъ земной коры, потому-что къ неподвижной континентальной природѣ присоединяется форма прибрежья, обогащенная подвижнымъ, его омывающимъ моремъ. Какъ три южныя расчлененія Европы: испанскій, итальянскій и греческій полуострова, лежащіе въ одинаковыхъ широтахъ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ, сродные въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, развили на своей почвѣ самые ранніе зародыши европейской цивилизаціи и культуры, которыхъ обильная жатва была впослѣдствіи разбросана по средней и сѣверной Европѣ, такъ и естественная форма Азіи получила свои три большіе, омываемые Индѣйскимъ моремъ полуострова: аравійскій, индѣйскій и индо-китайскій. Эти обѣ группы полуостровъ Запада и Востока земли необыкновенно обогащаютъ обѣ части свѣта; онѣ составляютъ ихъ богато и разнообразно надѣленные и наиболѣе развитые члены и органы для общеній, распространенные отъ С. къ Ю. отъ 40° до 10° с. ш., а отъ З. къ В. на $^1/_3$ земли, выдающіеся къ Югу подобно антеннамъ насѣкомыхъ (*). Сюда принадлежатъ, слѣдовательно, шесть различныхъ странъ, изъ которыхъ каждая, съ своими жителями, представляетъ какъ бы отдѣльный міръ, открывшій, съ большею или меньшею самостоятельностью, уже очень рано свое лоно свѣту высшей культуры и развившійся въ свое время съ особеннымъ блескомъ и пышностью, въ прогрессивномъ ходѣ

---

(60) См. Landeskunde von Indien, Berliner Kalender 1829.

(*) Антенны — рожки насѣкомыхъ, членистые нитевидные органы, прикрѣпленные къ головѣ ихъ и выставляемые ими впередъ, какъ органы осязанія. — *Пр. Пер.*

исторіи человѣчества. Эти замѣчательные полуострова Востока и Запада раздѣляются, слѣдовательно, на двѣ группы, приросшія своими сѣверными оконечностями къ двумъ различнымъ частямъ свѣта — европейской и азіатской, и принадлежащія, по своимъ береговымъ отношеніямъ, двумъ совершенно разнымъ океанамъ: черезъ Индѣйское море — Восточному, а черезъ Средиземное — Атлантическому Западному и относящіяся, слѣдовательно, въ ходѣ всемірной исторіи, къ совершенно различнымъ областямъ и эпохамъ культуры. Обѣ группы раздѣлены между-лежащимъ съуженіемъ Ближней Азіи — Сирійскимъ перешейкомъ, но соединены, очень свободно для сношеній народныхъ, пенинсулярнымъ мостомъ Малой Азіи, простирающимся къ Европѣ какъ самое отдаленное расчлененіе азіатскаго нагорья. Западная группа отодвинута нѣсколько выше въ умѣренную зону, чѣмъ тропическая восточная группа южной Азіи, которая однакоже нигдѣ не достигаетъ до экватора своими южными мысами. Ходъ исторіи обѣихъ группъ соотвѣтствуетъ климатическому ихъ положенію, одной на жаркомъ и раскаленномъ Югѣ Индѣйцевъ и Аравитянъ, другой подъ яснымъ и теплымъ небомъ Италіи и Греціи гдѣ загорается огонь воображенія подъ тѣнью лавровъ и померанцевъ, между тѣмъ, какъ въ Азіи, даже въ тѣни кокосовыхъ и пальмовыхъ рощъ перекипаетъ и разрушается всякая интеллектуальная сила. Посреди этой азіатской восточной группы лежитъ Индія — Италія Востока — универсально-историческій центръ всѣхъ радіусообразно дѣйствующихъ и противудѣйствующихъ силъ, поселеній и движеній народныхъ, цѣль завоевателей, сборное мѣсто кругосвѣтныхъ мореплавателей, исходный пунктъ всемірной индустріи, самаго обширнаго и богатаго вывоза драгоцѣнныхъ каменьевъ и пряностей, самыхъ разнообразныхъ общеній со всѣми областями земли, во всѣ времена, для всѣхъ народовъ. Эта Индія состоитъ именно изъ двухъ естественныхъ формъ: обостровленнаго нагорія — умѣреннаго плоскогорія Декана, составляющаго треугольникъ, съ вершиною въ Цейлонскомъ

проливѣ и основаніемъ на р. Нербуддѣ; и, простирающейся къ С. отъ него до предгорій хималайской и солиманской цѣпей, богато орошенной низменности Индостана, представляющей также форму треугольника, съ удобнымъ орошеніемъ рѣчными системами на два ската. Также на дальне-индѣйскомъ полуостровѣ и въ южномъ Китаѣ лежатъ такого рода, болѣе или менѣе отдѣленныя отъ центральнаго нагорья, меньшіе нагорья низшаго разряда, которыя можемъ назвать предварительно малайскимъ и южно-китайскимъ, и за которыми также лежатъ болѣе обширныя низменности, впрочемъ еще неизслѣдованныя въ своихъ очертаніяхъ и высотахъ. Но точно также какъ плоскогоріе Деккана поставлено впереди главнаго восточнаго нагорья, совершенно отдѣленною, самостоятельною горною страною, такъ, лежащій въ Ближней Азіи полуостровъ — Аравія — обогащенъ въ вертикальномъ отношеніи нагорьемъ, наполняющемъ бо́льшую часть трапецоидальнаго полуострова этого имени и представляющемъ, какъ кажется, въ положеніи, высотѣ и распространеніи своемъ, самое близкое сродство съ плоскогоріемъ Атласа. Сирійско-аравійская низменность, къ Югу отъ Ефрата расположена передъ этимъ нагорьемъ Аравіи (Неджедъ — плоскогоріе Аравитянъ), на С. отъ него, какъ низменность Индостана между Декканомъ и областью Инда и Ганга. Къ Югу отъ этой низкой, такъ называемой сирійско-аравійской пустыни, надѣленной раскаленнымъ климатомъ Сахары и финиковыми рощами, возвышается болѣе прохладное, свободное отъ пальмъ аравійское нагорье, съ хорошо орошенными террасами, до Arabiae felix, гдѣ исключительно распространилась ку́льтура кофе и гдѣ блуждаютъ кочующіе Вахаби со своими табунами.

Мы видимъ, слѣдовательно, что на окружности южной Азіи небольшія низменности расположены между небольшими нагорьями и центральнымъ общимъ нагорьемъ и отсюда, такъ какъ пространства ихъ обоихъ все-еще довольно велики, произошло неописанное богатое и грандіозное *вертикальное расчлененіе* южно-азіатскихъ странъ, удвоившее важность ихъ *горизон-*

тальнаго расчлененія и доставившее, черезъ посредство физическаго развитія естественныхъ отношеній, вездѣ просвѣчивающую канву историческому развитію народовъ. И такъ несомнѣнно что одно *теллурическое* положеніе пространствъ, безъ всякаго *космическаго* соотношенія, только въ отношеніи къ индивидуумамъ земнаго континента и ихъ собственнымъ расширеніямъ, не могло остаться безъ вліянія на отправленія исполняемыя различными формами земной поверхности. Аравійскій полуостровъ, съ своими нагорьемъ и низменностью и физическимъ характеромъ, болѣе всего удаляющимся отъ азіатскаго типа (напр. пространство въ 50,000 кв. м. безъ рѣчной системы), есть истинный посредствующій членъ между азіатскою и африканскою природою. Трудно оборониться отъ идеи, о прежде-существовавшей связи между Аравіею и сосѣдними съ нею на В. и З. странами, преслѣдуя на картѣ трапецоидальную форму этаго полуострова, который, съ своими параллельными хребтами, расположенными на краяхъ Персидскаго и Аравійскаго заливовъ, является только обломкомъ общаго континента, отъ котораго онъ могъ отдѣлиться въ то время когда отношеніе уровней, можетъ быть еще плавающихъ на подвижныхъ срединахъ, но уже остывшихъ, высохшихъ и поднятыхъ, поверхностныхъ слоевъ земной коры, не были еще такъ упрочены какъ нынѣ, а потому цѣлыя системы земныхъ поверхностей могли еще растрескиваться и отдѣляться, такъ что трещины ихъ превращались въ заливы и проливы, наполняясь водами. Также и характерическіе продукты Аравіи — кофейное дерево на нагорьяхъ, финиковая пальма на низменностяхъ, верблюдъ и лошадь — общи обѣимъ странамъ, а съ туземцами Аравіи — ея аборигенами — самое большое сродство, въ формахъ языка и обычаяхъ, имѣетъ горный Абиссинецъ. Какъ различно отъ ихъ странъ должно показаться отечество Китайца, который, по своимъ естественнымъ отношеніямъ, былъ замкнутъ съ морской стороны набѣгающими волнами морскихъ теченій, а съ континентальной — почти непроходимыми горами и холодными снѣжными вершинами, недо-

стающими Аравитянамъ, и отрѣзанъ отъ всего остальнаго свѣта, о которомъ онъ даже и не смѣлъ заботиться. Какъ различна также страна Аравитянъ отъ отечества Индѣйца, который какъ бы исключительно родился для одного своего индѣйскаго міра и не могъ освоиться ни въ какомъ другомъ, потому что онъ во всемъ былъ ограниченъ этимъ міромъ. Поставленное въ фокусѣ (foyer) всѣхъ даровъ и силъ природы своей части свѣта, это древнѣйшее, наиболѣе развитое племя аборигеновъ азіатской почвы, не покидало никогда естественныхъ границъ своего отечества, между тѣмъ какъ къ нему притекали всѣ народы, въ видѣ завоевателей, колонистовъ, торговцевъ; и, въ естественномъ сознаніи своего богатства, здѣшній туземецъ никогда не отталкивалъ чужестранцевъ. Аравитянинъ же, рожденный на своемъ, также уединенномъ, двуформенномъ полуостровѣ, между двумя частями свѣта — Африкою и Европою, скорѣе нежели всякій другой Азіатецъ сроднился съ обѣими, съ самыхъ древнихъ временъ. Онъ распространилъ свое владычество на обѣ стороны, отъ Атласа на З. до Китайской пограничной стѣны на В.; ни одинъ чужеземецъ не переселялся на его скудно-орошенную почву, между тѣмъ какъ онъ распространилъ несравненно бо́льшее число своихъ племенъ внѣ своего первобытнаго отечества, а съ ними и языкъ свой, религію, обычаи, образъ жизни, вмѣстѣ съ неразлучными спутниками своими, лошадью и верблюдомъ, и своею пищею — рисомъ и финиками. Рожденный на самой индиферентной почвѣ, подъ богато-солнечнымъ небомъ, онъ умѣлъ основать свое владычество и колонизацію тамъ гдѣ сродство природы легко удовлетворяло его, потому что онъ искалъ только отношеній своей отчизны, которыя легко могли быть превзойдены и умѣлъ привязать къ себѣ чужеземцевъ, принося имъ въ даръ свое приданое: такимъ образомъ утвердился онъ на Атлантическомъ Атласѣ, Гвадіанѣ, Нигерѣ и Нилѣ, также какъ и на уступахъ Шираса, Самарканда, на Индѣ и Оксѣ, до сродныхъ съ его Неджедомъ, хотя болѣе прохладныхъ и бѣдныхъ плоскогорій Средней Азіи.

Формы и положенія отдѣльныхъ азіатскихъ низменностей.

Если мы еще разъ бросимъ взглядъ на особенное распредѣленіе и характеристическое положеніе азіатскихъ низменностей, которыя занимаютъ шесть, естественно другъ отъ друга отдѣленныхъ и совершенно различно образованныхъ и поставленныхъ, пространствъ, то видно, съ самаго начала, что онѣ не состоятъ между собою почти ни въ какой связи, и слѣдовательно должны быть очень разнообразно поставлены и группированы между другими формами: такъ разнообразно и особенно, что развитіе большихъ государствъ и владѣній Азіи, которыя вмѣстѣ съ своими столицами получили свою колыбель въ этихъ, распространяющихся по нижнимъ теченіямъ рѣкъ, низменностяхъ, не можетъ остаться безъ вліянія, въ чисто географическомъ и теллурическомъ пространственномъ отношеніи, на этнографію и исторію.

Такъ представляется намъ большая *Китайская* низменность на В., вдоль Восточнаго океана до восточной окраины нагорной Азіи, какъ самая орошенная и населенная житница земнаго шара, съ превосходнѣйшею сухопутною и водяною культурою, съ субтропическимъ и умѣреннымъ климатомъ (отъ тропика до 40° с. ш.), отъ Пекина (сѣверн. столицы) далеко за Нанкинъ (южную столицу); *Индо-Китайская* между Тункинскимъ заливомъ и Сіамомъ принадлежитъ до 10° с. ш. уже совершенно тропической зонѣ, поставлена совершенно независимо, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ земнаго шара, вмѣстѣ съ своимъ населеніемъ открыта и доступна только малайскому міру предлежащаго Архипелага и, снабженная избыткомъ водъ, превращена въ истинное рисовое поле, со всѣми явленіями неразлучными съ этою водяною культурою. *Индостанская* низменность является, въ своей треугольной формѣ, между двумя морями — Бенгальскимъ и Индо-Персидскимъ заливами, ограниченною и прорѣзанною рѣчными системами Ганга и Инда, окруженною тремя плоскогоріями: тибетскимъ, восточно-иранскимъ и сѣверо-деканскимъ. Она

лежитъ внѣ тропика, но столь близко отъ него что можетъ наслаждаться всѣми выгодами полноты его природы, не страдая отъ его климатическихъ невыгодъ; а потому эта равнина есть самая богатая естественными произведеніями и всѣмъ что должны были представить и произвести: сосѣдство двухъ морей, двѣ рѣчныя системы и три склона террасъ трехъ различныхъ нагорій, относительно орошенія, климата, флоры, фауны, народонаселенія и всѣхъ ихъ физическихъ и историческихъ результатовъ. Кромѣ того эта низменность представляетъ населеніе столь же многочисленное какъ китайское, очень богата памятниками хронологически издавна процвѣтавшихъ племенъ и составляетъ богатѣйшую житницу земнаго шара. Только западная половина ея, со стороны Инда, отчасти покрыта большими массами песку и даже пересѣчена сыпучими песчаными пустынями, подобными сахарскимъ, но только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ гангетическая сторона вездѣ отличается особеннымъ плодородіемъ. *Сирійско-аравійская* низменность ограничена на Востокѣ входящимъ угломъ Персидскаго залива, на Западѣ—Сирійскимъ (ливанскимъ) береговымъ хребтомъ; на Югѣ же возвышается надъ нею Аравійскій Неджедъ, а на Сѣверѣ—южная окраина нагорной Азіи (Загросъ). Въ сѣверной части своего треугольнаго очертанія, орошена она системою Ефрата, въ южной—бѣдна водою, а потому пользуется только отчасти удобствами индѣйской низменности. Китайская и дальне-индѣйская (индо-китайская) низменности, надъ которыми поднимаются сосѣднія съ ними нагорья, по положенію своему на берегахъ широко разстилающагося передъ нимъ открытаго Восточнаго океана, съ его высокими приливами и постоянно насыщенными водяными парами слоями воздуха, могутъ быть названы океаническими, между тѣмъ какъ ближне-индѣйская и сирійско-аравійская, примыкающія только къ внутреннимъ морскимъ заливамъ, съ возвышающимися надъ ними съ двухъ сторонъ плоскогоріями, въ противоположность съ первыми—континентальными низменностями. Въ нихъ уже перестаетъ вла-

ствовать сырая морская природа двухъ первыхъ, и этимъ обусловлены всѣ явленія воздушнаго, растительнаго и животнаго міра, также какъ и жизнь народная. Послѣдняя изъ этихъ низменностей представляетъ, въ своей южной половинѣ, даже значительное сходство съ Сахарою, хотя и лежитъ внѣ тропиковъ. Эта страна, столь различная отъ азіатскаго материка и преимущественно сближенная географически съ Африкою, приняла знойный климатъ, недостатокъ водъ и всѣ естественныя произведенія сосѣдней части свѣта, которой она отдала навсегда большую часть своего племени, достигшаго тамъ болѣе высокой степени физическаго и умственнаго человѣческаго развитія, такъ что этнографическая метаморфоза Африки къ Ю.-З. въ Суданѣ, была обусловлена Азіею, такъ какъ метаморфоза отдаленнаго Запада (Америки) къ С.-З. — Европою.

Сѣверная, сибирская низменность есть самая обширная на всемъ земномъ шарѣ и находитъ себѣ равныя только въ колоссальныхъ равнинахъ новаго свѣта — Америки и Австраліи: и въ самомъ дѣлѣ она, по всей длинѣ своей отъ З. къ В., предлежитъ центральному азіатскому нагорью во всей длинѣ его. Она занимаетъ болѣе $^1/_5$ цѣлой поверхности Азіи, между главнымъ нагоріемъ и Сѣвернымъ Ледовитымъ Океаномъ, и наполняетъ, съ небольшими исключеніями, всю страну отъ Урала на Западѣ, до Охотскаго моря на Востокѣ, будучи разнообразно пересѣчена бассейнами колоссальныхъ сѣверныхъ рѣкъ. Только южная полоса ея представляетъ гостепріимную, способную для культуры почву, которая сдѣлалась европейскою, новонаселенною колоніею только со времени своего открытія, въ теченіи послѣднихъ столѣтій, а потому исторически новѣе даже новаго свѣта — Америки. Сѣверная же половина сибирской низменности есть отчасти еще необработанная, отчасти неспособная ни для какой культуры, болотистая или каменистая равнина, съ полярнымъ климатомъ; но форма сей низменности можетъ почитаться благодѣтельною для всей Азіи, потому-что поставленное на ея мѣстѣ арктическое нагорье только бы удвоило суро-

вость полярной природы и отняла у Сибири сырую морскую температуру, вездѣ еще умѣряющую сухой холодъ континентальнаго климата. Нѣтъ ни одного пространства Азіи, менѣе соотвѣтствующаго восточному характеру этого континента, какъ эта сѣверная полоса, которая, по своей колоссальной низменности, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сродна съ физическимъ строеніемъ Америки, нежели съ устройствомъ всей остальной Азіи. А потому она, какъ Америка, при гораздо новѣйшемъ пробужденіи своихъ племенъ, не игравшихъ никакой роли въ исторіи Востока, не имѣя этнографическаго единства и развитія другихъ азіатскихъ странъ, не могла сохранить своей независимости; и, въ противуположность съ твердо-напечатлѣннымъ характеромъ Азіи, она довольно рано, подчинившись Россіи, приняла, какъ Америка новаго свѣта, всѣ свойства обширной европейской колоніи. По своему арктическому положенію, эта низменность совершенно выходитъ изъ индивидуальности остальной Азіи и принадлежитъ къ большой полярной зонѣ земли, которая уже не представляетъ различія частей свѣта и окружаетъ, какъ стройная единица, своими обширными, разнообразно пересѣченными низменностями весь полярный черепъ наиболѣе сглаженной стороны нашей планеты, сохраняя это замѣчательное единство даже во всѣхъ физическихъ и органическихъ явленіяхъ. Низменность эта, у которой отнятъ характеръ Востока, потому самому сдѣлалась первою въ Азіи обширною европейскою колоніею, черезъ которую цивилизація Запада пробила себѣ путь, для того чтобы заплатить щедрою рукою долгъ преданій предковъ ихъ азіатскому потомству.

Только одна низменность — *бухарская*, посреди всѣхъ другихъ остается еще отдѣльною въ своей формѣ прямоугольника, отчасти орошеннаго самыми скудными изъ азіатскихъ рѣкъ — Гихономъ и Сыромъ, и ограниченнаго на З. и С.-З. Аральскимъ и Каспійскимъ морями, отступающими все въ болѣе и болѣе узкія границы, такъ что пространство этой низменности, расположенной въ большой котловинѣ стараго свѣта, все бо-

лѣе и болѣе увеличивается. Она не примыкаетъ ни къ какому океану и есть самая континентальная изъ всѣхъ азіатскихъ низменностей, понижающаяся до отрицательнаго уровня, между западною и сѣверною окраинами обширныхъ и высокихъ плоскогорій Тибета и Ирана, и простирающаяся, постепенно съуживаясь, но не теряя своего типа котловины, еще далеко на С.-З. за Волгу, до Дона и плодородной почвы Европы. Это есть физически переходная форма отъ Азіи къ Европѣ; между южною подошвою Урала и сѣвернымъ склономъ Кавказа она пересѣчена нижнею Волгою и съужена сѣверною оконечностью Каспійскаго моря, представляя въ этомъ мѣстѣ замѣчательное углубленіе, покрытое степною почвою, которое въ историческомъ отношеніи, въ теченіи тысячелѣтій, со временъ повѣствуемаго Геродотомъ ([61]) вытѣсненія Киммеріійцевъ, служила большими воротами народныхъ миграцій изъ Азіи въ Европу. Эта бухарская низменность, съ своею степною почвою, которая притянула только мѣстныя поселенія на свои спорадически распредѣленные, плодородные оазисы и могла, при внутренней бѣдности въ дикихъ дарахъ природы, доставить естественныя богатства только прилежанію образованныхъ народовъ, а потому служила издавна только полемъ битвъ и временнымъ убѣжищемъ для разныхъ ордъ. Ей недостаетъ разнообразія почвенныхъ отношеній, служащихъ основою всѣмъ другимъ; большая часть ея поверхности состоитъ только изъ гладкихъ скалъ, щебня или измѣнчивыхъ песковъ, съ недостаткомъ текущихъ водъ и растительныхъ слоевъ земли; это есть степь, лишенная лѣсовъ и полей, наполненная солончаками, походящими на высохшіе дна озеръ и удобными только для развитія нѣкоторыхъ злаковъ, колючихъ растеній и галофитовъ (солонцоватыхъ растеній). Замѣчательное положеніе этой низменности между восточною и западною нагорною Азіею, между древнею враждою Ирана и Турана, между Инду-ку, сѣв.-зап.

---

(61) Herodot, I, 6. IV, 12.

Ураломъ и западнымъ Кавказомъ, дало ей особенное назначеніе въ развитіи Азіи и исторіи ея народовъ. Бѣдность самой низменности, посреди богатства природы и цивилизаціи сосѣднихъ странъ, побудила издавна ея жителей, начиная отъ временъ Геродотовыхъ Массагетовъ и Скиѳовъ, черезъ множество вѣковъ, до новѣйшихъ Турковъ и Туркменовъ, Узбековъ, Киргизовъ и мн. др. къ безпрестанному *переходу* естественныхъ границъ ихъ, предназначенной, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ, для кочевой жизни, степи, изъ которой они толпами стремились во всѣ направленія, съ замѣчательною вегетативною силою, подобно сильно распространяющимся общественнымъ растеніямъ — верескамъ (Erica), между тѣмъ какъ ихъ восточные и южные сосѣди: Монголы, Китайцы, Индѣйцы и Персы укоренялись и развивались въ своемъ отечествѣ болѣе постоянными націями, подобно мѣстнымъ (ендемическимъ) растительнымъ породамъ. Въ этой общей азіатской срединѣ, несмотря на бѣдность ея, должны были встрѣтиться со всѣхъ сторонъ свѣта, всѣ замыслы всемірныхъ завоевателей, начиная отъ Кира и Александра съ Запада, отъ древнѣйшихъ вторженій Китайцевъ и Монголовъ съ Востока, до Газневида Махмуда, султана Бабура и Надиръ Шаха съ Юга и Петра Великаго съ Сѣвера. Сообразно съ центральнымъ положеніемъ этаго, самаго по себѣ индифферентнаго пространства, вся полоса земли, далеко распространяющаяся отсюда на С.-З. къ Европѣ, сдѣлалась театромъ народныхъ миграцій, наводнившихъ Европу, черезъ Урало-Кавказскія ворота. Здѣсь, за Каспійскимъ и Аральскимъ морями, вслѣдствіе той же физической причины т. е. строенія страны, должны были остаться въ конфликтѣ, политики всѣхъ большихъ азіатскихъ государствъ, какъ нынѣ: Китайской, Русской и Индо-Британской имперій, и Афганскаго и Персидскаго царства, раздѣленныхъ между собою только равнодушіемъ вѣроломныхъ Бухарцевъ, подобно тому какъ древнія государства были раздѣлены здѣсь дикою силою Массагетовъ и Скиѳовъ, а въ послѣдствіи Турковъ.

Историческій елементъ въ этнографическомъ, политическомъ и умственномъ развитіи народовъ и государствъ, также какъ и исторія всего человѣческаго рода, вообще не могутъ быть постигнуты безъ вліянія физическаго елемента; и оба они, совпадая въ однихъ пространствахъ, составляютъ географическія отношенія которыя наука должна вездѣ преслѣдовать, находить и схватывать, какъ мы старались сдѣлать это въ самыхъ общихъ чертахъ.

§ 7. *Результатъ.*

Непрерывное вертикальное расчлененіе Азіи, проявляющееся вездѣ въ разнообразныхъ, нигдѣ не повторяющихся формахъ, представляетъ слѣдующія черты: преобладающее туловище съ пространственно подчиненными, но удобно развитыми съ Ю. и З. горизонтальными расчлененіями и съ особленіемъ совершенно отдѣленныхъ, многочисленныхъ архипелаговъ на В. и Ю.-В.; большое общее центральное нагорье, раздѣленное на восточную и западную части, различающіяся своею величиною (*) и представляющія различныя геометрическія очертанія (**); самое большое возвышеніе массъ съ преобладающими, но умѣренными, въ абсолютной высотѣ своей, плоскогоріями, разнообразно устроенными хребтами окраинъ, передовыми альпійскими страпами, съ пепзсякаемыми водными сокровищами, гласисами всякаго рода и очень расчлененными системами свободныхъ горныхъ цѣпей, разнообразно развѣтвляющимися въ видѣ отдѣльныхъ рукавовъ. Но и кромѣ того горизонтальныя расчлененія, особливо на Ю.-В., Ю. и Ю.-З., вслѣдствіе нагроможденныхъ на нихъ нагорій и плоскогорій меньшаго и низшаго, болѣе умѣреннаго и болѣе достаточнаго для всѣхъ при-

---

(*) Въ текстѣ сказано: «раздѣленное на двѣ террасы: одну болѣе суровую, другую подлѣ умѣренную», что мы измѣняемъ потому что новѣйшія наблюденія показали что средпія высоты обоихъ плоскогорій одинаковы. См. прим. къ § 5. — *Пр. Пер.*

(**) Въ текстѣ сказано: «различныя абсолютныя высоты». — *Пр. Пер.*

родныхъ и народныхъ отношеній, разряда, превращены въ нѣсколько террасированныхъ, гористыхъ, совершенно индивидуально-образованныхъ, болѣе прохладныхъ, роскошно надѣленныхъ, природою полуострововъ, удвоивающихъ богатство южной части Азіи, тѣмъ болѣе что между ними и центральнымъ нагорьемъ разстилаются большею частію очень удобно устроенныя, обширныя низменности, которыя, будучи расположены за упомянутыми плоскогоріями, подобно лежащей за Апеннинами въ Европѣ, со стороны Альповъ, Ломбардіи играютъ роль хлѣбныхъ житницъ, богато орошенныхъ уступами рѣчныхъ системъ. Страны уступовъ распространяются по крайней мѣрѣ въ 12-ти колоссальныхъ формахъ отъ общей средины во всѣ направленія, проводя, развивая и выравнивая цивилизацію своими долинами. Эти коммуникаціонныя линіи, важныя для движеній атмосферы, температуръ, водъ, флоръ, фаунъ и народовъ, пересѣкаютъ, отъ общей средины, въ разныя стороны, до самыхъ дельтъ своихъ, шесть системъ обширныхъ, естественно между собою раздѣленныхъ низменностей. Сіи послѣднія, своими внутренними свойствами почвы, своими сосѣдствами и положеніями, переходятъ постепенною прогрессіею отъ покрытыхъ водою и, со всею своею народною жизнью, преимущественно принадлежащихъ океану пространствъ, до центральныхъ и совершенно континентальныхъ странъ, которыя уже не имѣютъ ничего общаго съ океаномъ и потому самому пріобрѣли самое большое вліяніе на народонаселеніе средины сосѣднихъ съ ними частей свѣта. А потому во всей Азіи находимъ мы *два* преобладающія, центральныя плоскогорія, *четыре* имъ подчиненныхъ, съ различными горными системами, 12 большихъ переходныхъ формъ (странъ уступовъ) и *шесть* естественно раздѣленныхъ между собою низменностей, слѣдовательно всего 24 большихъ, характеристически устроенныхъ естественныхъ типовъ, которые распредѣлены по туловищу и горизонтальнымъ расчлененіямъ всей части свѣта и группированы совершенно оригинально, такъ что изъ комбинаціи этихъ существенныхъ формъ и группировокъ можно вы-

вести характеристику всей поверхности Азіи, когда природа ея будетъ вездѣ съ точностію изслѣдована. Къ этой системѣ пластическаго образованія присоединяется еще и система органической жизни, оживляющей первую, какъ въ своихъ законоположныхъ отъ того зависящихъ, такъ и въ своихъ свободныхъ отъ того не зависящихъ явленіяхъ.

§ 8. *Махітит контрастовъ въ срединѣ Азіи и прорывовъ на западъ.*

Прежде нежели перейдемъ къ нашему изложенію въ частности, замѣтимъ мы, что въ обозрѣніи упомянутыхъ формъ, при безконечномъ разнообразіи явленій, является еще нѣсколько свѣтлыхъ пунктовъ, въ которыхъ поучительно сосредоточивается общее дѣйствіе упомянутыхъ группировокъ относительно востока и запада, юга и сѣвера Азіи; это есть проистекающая отсюда характеристика для Ближней и Дальней Азіи, соединившая разсѣянные азіатскіе народы юга и сѣвера съ ея срединою и обусловившая ближайшія причины общихъ миграцій отъ востока къ западу. Если мы будемъ преслѣдовать вышеупомянутыя направленія скатовъ хребтовъ окраинъ восточной и западной нагорной Азіи къ общей ихъ срединѣ, по меридіанному хребту, между 88 и 99° с. ш., отъ сѣвера къ югу и по паралельнымъ между собою хребтамъ отъ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З., то кажется что ихъ направленія въ альпійской странѣ Индо-Кавказа и даже сосѣдствѣ ея, если мысленно продолжить ихъ внутрь горной страны, должны произвести тамъ рѣшеткообразное пересѣченіе ([62]) горныхъ системъ, въ соприкосновеніи ихъ рельефовъ. Нѣкоторыя отношенія какъ здѣсь, такъ и въ другихъ, подобнымъ образомъ устроенныхъ частяхъ Азіи, указываетъ на такія же перекрещенія горныхъ системъ, произведенныя повторенными поднятіями ихъ изъ пересѣкающихся между собою трещинъ; здѣсь-то интересно было бы произвести точ-

(62) A. v. Humboldt въ др. м. р. 317.

ныя изслѣдованія о послѣдовательности періодовъ поднятія въ горныхъ породахъ этихъ странъ, также какъ и наблюденія надъ самыми ихъ формами, которыхъ, къ сожалѣнію, мы еще совсѣмъ не имѣемъ. Но внѣшній результатъ такого устройства пластики сдѣлался намъ ясенъ изъ хода исторіи. Именно оно служило причиною образованія особенныхъ, врѣзанныхъ въ плоскогоріе средней Азіи, прямыхъ угловъ, выполненныхъ низменностями. Такимъ образомъ вдается съ юга къ сѣверу Индѣйская, а съ сѣвера къ югу Бухарская равнины. Обѣ соединены съ нагорьемъ большими переходными формами, по которымъ текутъ: Индъ и Гангъ на Ю. и Ю.-В., Гигонъ и Сыръ на С. и С.-З. А потому мы находимъ, что здѣсь, въ Центральной Азіи, соединены, на сравнительно небольшомъ пространствѣ, самые разительные контрасты земныхъ рельефовъ, принадлежащіе къ большимъ достопримѣчательностямъ строенія земной коры, которой богатыя существенныя формы представили здѣсь основу рано развившимся образованнымъ народамъ и земледѣльческимъ странамъ, и обусловили, въ самыя древнія тысячелѣтія, образующее вліяніе этой средины на всѣ ея окрестности. Такое доступное устройство средины Азіи, самаго большаго континента стараго свѣта, составляетъ совершенную противуположность съ центральною и недоступною Африкою, но сходно во многихъ отношеніяхъ съ расчлененною срединою Америки въ приморскомъ, но центральномъ плоскогоріи Мехики. Здѣсь находимъ мы контрасты всѣхъ трехъ главныхъ формъ земной поверхности, столь непосредственно сталкивающихся и проникающихъ другъ въ друга, какъ мы не встрѣчаемъ ни на какомъ другомъ пунктѣ нашей планеты въ такой полнотѣ и въ такомъ колоссальномъ масштабѣ. А потому Азія, въ общей массѣ, характеризуется тѣмъ, что наибольшія контрастовъ находятся въ ея срединѣ, между тѣмъ какъ на оборотъ, еще не тронутая извнутри исторіею и снаружи открытіями, средина Африки представляетъ большое однообразіе или наименьшіе контрасты. Европа же развила свою поверхность частымъ повтореніемъ та-

кихъ контрастовъ, разумѣется, въ болѣе узкихъ размѣрахъ, вдоль длинной линіи, протянутой отъ востока къ западу. Въ Азіи находимъ мы въ упомянутой срединѣ: наивозможно большее взаимное сближеніе обоихъ нагорьевъ къ Ю.-З. и С.-В., между которыми проникаютъ съ Ю. и С., въ видѣ прямыхъ угловъ, обширныя низменности земнаго шара, принимающія слѣдовательно участіе въ явленіяхъ двухъ совершенно различныхъ нагорій, образующихъ гористую вершину ихъ треугольниковъ, а связь между нагорьями и низменностями образуется уступами главныхъ рѣчныхъ системъ Ганга, Инда и Окса, принадлежащихъ къ самымъ замѣчательнымъ воднымъ системамъ земнаго шара. Здѣсь скучены слѣдовательно всѣ главныя формы низменностей и нагорьевъ: плоскогорія, альпійскія и горныя страны, хребты окраинъ, равнины и долины съ водосклонами на всѣ стороны свѣта, съ далеко раскинувшимися передовыми странами, приготовившими, для всего движущагося и одареннаго жизнію, пути къ двумъ океанамъ и двумъ частямъ свѣта; такія соединенія представляютъ театръ безконечнаго разнообразія, котораго вліяніе на ходъ развитія исторіи человѣчества превращаетъ этотъ пунктъ въ самый возбужденный импульсомъ природы на всемъ земномъ шарѣ. Завоеваніе этой страны, которой обожаніе, какъ восточнаго рая, посѣщеніе, какъ мѣстопребыванія боговъ, изслѣдованіе, какъ отечества предковъ и аборигеновъ и какъ театра величайшихъ явленій природы, уже въ теченіи тысячелѣтій обращали вниманіе народовъ, съ древнѣйшихъ временъ Бактрійскаго Зендскаго ученія Зороастра и индѣйскихъ эпопей, сколь далеко простираются сказанія хроникъ Кашмира, до временъ завоеваній Александра Македонскаго въ Индѣйскомъ Кавказѣ, Газневидовъ, Тимура, Бабурь хана, Ламаидовъ Тибета и до открытія истоковъ Ганга и Инда Европейцами.

Изъ борьбы и уравненія силъ природы, дѣйствовавшихъ въ сихъ многообразныхъ пространственныхъ отношеніяхъ, проистекло богатство и разнообразіе строенія земной поверхности, отразившееся вездѣ въ исторіи Азіи и ея жителей

Однакоже такое богатое пластическое развитіе азіатской средины, доставшееся въ удѣлъ только одному Востоку, не имѣло бы столь обширнаго вліянія на ея развитіе, еслибъ Западъ сей части свѣта или Ближняя Азія не была устроена и ограничена, относительно сосѣднихъ съ нею частей свѣта, какъ вообще такъ и въ частяхъ своихъ, столь же особеннымъ, хотя совершенно различнымъ образомъ, для удобства вѣковаго вліянія разцвѣтшей на Востокѣ силы человѣческаго рода. И въ самомъ дѣлѣ, западная оконечность Азіи представляетъ намъ, относительно положенія всего стараго свѣта, еще болѣе величественный феноменъ, который мы должны признать апогеемъ пространственныхъ развитій нашей планеты, къ выгодѣ обитателя ея— человѣка, потому-что это развитіе дало направленіе и прочную основу ходу всемірной культуры, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ временъ древней исторіи. Короче сказать, здѣсь находится наибольшое сближеніе трехъ частей свѣта, при удобствѣ сообщенія посредствомъ прорывовъ, занятыхъ морскими заливами. Въ самомъ дѣлѣ западная Азія расчленяется именно тамъ гдѣ она наиболѣе приближается къ Ю.-В. Европѣ и С.-В. Африкѣ, и представляетъ наибольшее разнообразіе въ горизонтальномъ и вертикальномъ отношеніи: въ кавказскомъ перешейкѣ, нагорной Арменіи и наполненномъ плоскогоріями полуостровѣ малой азіи, въ Сирійскомъ береговомъ хребтѣ и аравійскомъ Неджедѣ; промежутки же между этими расчлененіями, углубленіями и разнообразными трещинами, на границѣ трехъ частей свѣта, заняты пятью морскими заливами, вторгающимися въ общую, потому самому очень развитую средину, съ разныхъ странъ свѣта, какъ это не встрѣчается ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара; эти заливы служатъ морскими путями для сношеній народныхъ и близость ихъ столкновеній несказанно усиливаетъ культуру сосѣднихъ странъ. Именно Персидскій заливъ проникаетъ здѣсь, со стороны индѣйскаго міра, въ вавилоно-ассирійскую этнографическую область, аравійскій, отъ древняго Офира—къ Финикіи, Іудеѣ и Египту; они были двумя знаменитѣйшими путями самой

обширной торговли отдаленной древности. Далѣе находятся: Сирійско-Киликійскій морской уголъ и Егейское море, служившіе Малой Азіи для прямыхъ морскихъ сношеній съ отечествами Египтянъ, Карѳагенянъ, Иберійцевъ, Итальянцевъ, Грековъ; Понтъ который, не смотря на непроходимость Кавказа, перенесъ уже очень рано знакомыхъ съ мореплаваніемъ, Кимвровъ и индѣйскихъ Колхійцевъ къ устьямъ Истера и сдѣлалъ доступнымъ европейскій Востокъ, котораго обратное дѣйствіе (на азіатскій) мы примѣчаемъ во времена Аргонавтовъ, Перикла, Помпея, Адріана и византійскихъ императоровъ. Наконецъ замѣчательнѣйшій прорѣзъ самаго большаго озера земнаго шара — Каспійскаго моря, столь значителенъ, по своему физическому вліянію, для центральной и ближней азіи что уничтоженіе его произвело бы совершенное обѣдненіе окружающихъ степей. Впрочемъ если это море, въ продолженіи послѣднихъ столѣтій, уже не является намъ, какъ прежде, физіологически дѣйствующимъ органомъ земли; то это должно приписать не формѣ его, но поблекшей, и только что возродившейся въ послѣднее время, народной жизни его береговъ.

Упомянутый *тахітит* прорывовъ, соприкосновенія и уравненія континентальныхъ и морскихъ явленій или твердой и жидкой формы, совпадающій съ пространственною или культурною срединою всего стараго свѣта, обусловилъ собою классическую для людей и народовъ почву всемірной исторіи, взаимнымъ, наивозможно разнообразнымъ сближеніемъ и расчлененіемъ земныхъ пространствъ, которыя сдѣлались отечествами и странами индивидуальнаго и самостоятельнаго развитія блистательнѣйшихъ образованныхъ народовъ древности: Вавилонянъ, Ассирійцевъ, Мидянъ, Персовъ, Финикіанъ, Египтянъ, центръ которыхъ находился въ Палестинѣ а окружность на С.-З. простиралась, черезъ посредство сухопутныхъ мостовъ и водяныхъ сообщеній, до самой Греціи.

Упомянутый *тахітит контрастовъ пластическаго строенія въ средині Азіи* возбудилъ континентальное развитіе Востока, отъ

самой древности до начала историческихъ временъ; *такіе же прорывовъ и сближеній на западъ*, не достигнувшій до совершеннаго расщепленія юго-восточной Азіи или Зондской группы, гдѣ огромныя массы совершенно оторваны отъ континента, далъ возможность раннему распространенію, по всему земному шару, уже пріобрѣтенной человѣческимъ родомъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ она встрѣтила здѣсь наименьшее число препятствій и здѣсь были ей приготовлены пути во всѣхъ направленіяхъ, какъ на континентахъ такъ и на моряхъ. Никакой другой пунктъ нашей планеты не былъ въ такой степени предназначенъ какъ этотъ для развитія на немъ театра человѣческой исторіи, въ столь короткое время въ какое она развернулась здѣсь для блага народовъ, какъ этой, такъ и всѣхъ другихъ частей свѣта. Представимъ себѣ что начало всемірной культуры, возвысившей людей до гуманности, произошло бы на другомъ концѣ Азіи, на китайскомъ востокѣ, на сибирскомъ сѣверѣ и даже на индѣйскомъ и малайскомъ югѣ, то какъ трудно было бы распространить быстро и повсемѣстно благодѣянія традиціонельной образованности, которая могла гармонически возвыситься только взаимными выравниваніями и наконецъ выразиться вездѣ распространенными религіозными системами, которыя, хотя и истекая изъ опредѣленныхъ мѣстныхъ отношеній, должны были соотвѣтствовать нравственному и умственному міру всегда сообразной съ временемъ степени культуры.

Развитіе цивилизаціи и культуръ, отъ окопечностей частей свѣта или отъ периферіи къ общей срединѣ, при изложенныхъ отношеніяхъ было невозможно; но распространеніе ихъ отъ средины къ окружности континентальнаго кольца, а оттуда уже къ разсѣяннымъ группамъ земель морскаго полушарія есть большею частію доказанный фактъ. Въ упомянутой же срединѣ начала образованности земнаго шара средняя и ближняя Азія, также какъ и южная Европа и сѣв.-вост. Африка, принимаютъ важнѣйшее участіе, а потому природа сихъ странъ является основою явленій ихъ исторіи и требуетъ точнѣйшаго научнаго изученія.

Азія, по своему космическому и теллурическому положенію, имѣетъ совершенно характеръ востока земли, по строенію своихъ формъ представляетъ самую грандіозную часть свѣта, а по наибольшимъ контрастовъ въ ея срединѣ и прорывовъ на Западѣ приняла, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, для всего пространства стараго свѣта, характеръ высшей культуры; а еще, кромѣ всего этаго, получила свое образующее вліяніе на Западъ и остальную землю, вслѣдствіе особеннаго космическаго распространенія и распредѣленія ея пространствъ, обусловившихъ распространеніе и распредѣленіе ея народовъ и цивилизацій.

§ 9. *Распредѣленіе пространствъ и климатическое единство Азіи.*

Еслибъ Азія, подобно Америкѣ, была распространена по кривизнѣ земнаго шара отъ Сѣвера къ Югу, отъ арктическаго почти до антарктическаго полярнаго круга, черезъ болѣе чѣмъ $^1/_3$ окружности земли, съ относительно небольшою шириною отъ Запада къ Востоку, то она не была бы призвана къ той роли въ исторіи земнаго шара и рода человѣческаго, которую она играла съ начала тысячелѣтій. Но Азія, съ своимъ естественнымъ сѣверозападнымъ продолженіемъ (Европою), стоитъ въ этомъ отношеніи въ совершенной противуположности съ Америкою, потому что она, своими западною и восточными оконечностями (почти между 1° и 200° с. ш.), совершенно обнимаетъ цѣлое полушаріе, между тѣмъ какъ протяженіе ея по широтѣ отъ юга къ сѣверу совсѣмъ не столь значительно и составляетъ для Азіи $^1/_4$ земной окружности, а для Европы $^1/_6$, между тѣмъ какъ протяженіе стараго свѣта по долготѣ отъ В. къ З. равняется $^1/_2$ земной окружности. Результаты такого *распредѣленія пространствъ* столь важны что они не могутъ быть приписаны случайности, обусловленной только растрескиваніемъ земныхъ трещинъ и физическимъ напряженіемъ подземныхъ силъ. Изъ такого распредѣленія пространствъ слѣдуетъ что Америка простирается черезъ бо́льшее количество зонъ нежели Азія; что отдѣльныя ея пространства различаются гораздо бо́льшимъ разнообразіемъ кли-

матовъ, величинъ дней и временъ года нежели Азія. Америка переходитъ черезъ всѣ зоны, что обогащаетъ, или по крайней мѣрѣ разнообразитъ ее въ физическомъ отношеніи, но отсюда не слѣдуетъ чтобы Америка превосходила другія части свѣта въ этнографическомъ отношеніи и была способна для началъ развитія человѣческихъ племенъ, только потому что она переходитъ изъ южнаго холоднаго пояса черезъ южный умѣренный и субтропическій, южный и сѣверный тропическій, въ сѣверный умѣренный и наконецъ въ холодный. Азія же получила только въ удѣлъ половину сихъ климатическихъ перемѣнъ, между экваторомъ и сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, слѣдовательно въ Америкѣ, при увеличеніи разнообразія естественныхъ произведеній вслѣдствіе климатическихъ причинъ, замѣтно гораздо *бо́льшее климатическое разъединеніе* ея уже вообще болѣе раздѣльныхъ пространствъ нежели въ Азіи. Азія же напротивъ, при бо́льшемъ разнообразіи своего пластическаго строенія и очертанія частей своихъ, получила отъ природы бо́льшую климатическую связь, совпадающую съ бо́льшую ея континентальною связью. Это различіе стараго и новаго свѣта безконечно важно; оно превратилось бы въ самый рѣзкій контрастъ, безъ вліянія другихъ умѣряющихъ и выравнивающихъ обстоятельствъ, какъ напр. морей и т. д. Однакоже различіе осталось еще значительнымъ и не мало способствовало къ энергіи и постоянству, могуществу и завоевательной способности племенъ стараго свѣта, также какъ къ недостатку внутренней связи и раннему упадку менѣе развитыхъ силъ слабыхъ туземныхъ племенъ новаго свѣта. Вслѣдствіе того въ Америкѣ произошла противуположность между жителями и исторіями Юга и Сѣвера, которые, будучи разъединены своею общею средичною, не могли выравняться иначе какъ черезъ посредство Европейцевъ. Въ старомъ свѣтѣ, напротивъ, не произошло никакого первоначальнаго разъединенія ни между Востокомъ и Западомъ, ни между Сѣверомъ и Югомъ, а Европа даже сдѣлалась только континентальнымъ продолженіемъ Азіи, такъ какъ Америка морскимъ продолженіемъ Евро-

ны, и такъ какъ, вѣроятно, отдаленный Востокъ Азіи опять предназначенъ быть морскимъ продолженіемъ Запада Америки. На семъ то пути, гдѣ природа и исторія подаютъ другъ другу руку для осуществленія единства высоко-развитой жизни рода человѣческаго, сначала замкнется кольцо всеобщей культуры, подобно повторяющемуся ежедневно и ежегодно солнечному обороту, а потомъ уже присоединятся къ нему всѣ другіе пункты земли и народныя индивидуальности. Еслибъ, подобно обѣимъ Америкамъ, Азія и Европа были сочленены между собою съ Юга къ Сѣверу, то уму человѣческому очевидно что онѣ не были бы продолженіемъ одна другой и не помогли бы взаимно другъ другу въ индивидуальномъ развитіи ихъ планетарныхъ природъ, такъ что всемірная исторія должна была бы развиться совершенно инымъ образомъ, а можетъ быть даже что безпомощный родъ человѣческій, при такомъ значительномъ конфликтѣ препятствій, погибъ бы совершенно, или остался на очень низкой и медленно прогрессирующей степени развитія. Въ самомъ дѣлѣ климатическое разъединеніе частей Америки естественно раздѣляетъ жителей, также какъ и всѣ произведенія сей части свѣта, потому-что родъ человѣческій, въ своемъ физическомъ строеніи и усовершенствованіи, въ извѣстной степени остается подчиненнымъ климатическимъ вліяніямъ планеты, тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе развилась его культура, такъ что, въ мало развитомъ своемъ состояніи, онъ не можетъ побѣдить искусственными средствами препятствій, которыя природа полагаетъ ему на пути его развитія. Образованные народы, въ нынѣшнемъ состояніи ихъ цивилизаціи, безъ сомнѣнія имѣютъ средства акклиматизироваться вездѣ: подъ тропиками, также какъ и подъ полярнымъ кругомъ; но первобытнымъ поселеніямъ народныхъ племенъ, такія акклиматизированія представляли трудно преодолимыя препятствія. Азіатскіе же народы никогда не были подчинены столь большому климатическому разъединенію и разсѣянію какъ Американскіе, начиная отъ Пешересовъ и Патагонцевъ южной оконечности Америки до Гренландцевъ и Эскимосовъ сѣверной;

но также не встрѣчали еще болѣе, неудобнаго для развитія, однообразія, какое мы примѣчаемъ въ Африкѣ, едва выходящей изъ жаркаго знойнаго пояса и нигдѣ не простирающейся за субстропическую зону. Большее же разнообразіе, соединенное въ азіатскихъ странахъ съ большимъ климатическимъ единствомъ, обусловило собою и большее внутреннее единство и гармоническое развитіе ихъ народовъ, при безконечномъ разнообразіи ихъ характеровъ и индивидуальностей. Только отсюда то и могло произойти взаимно проникающее, высокое, многостороннее, человѣческое и государственное развитіе, встрѣчаемое на классической почвѣ стараго свѣта отъ Ганга до Тибра, отъ Окса до Нила. Хотя мы и не вездѣ въ состояніи указать пути распространенія азіатскихъ племенъ, понятно что имъ не трудно было перейти изъ климатическаго единства Азіи къ климатическому разнообразію земнаго шара, но не на оборотъ, и такимъ образомъ распредѣлиться въ обладаніи различными странами. Только изъ Азіи могли они проникнуть въ сродныя страны и сродныя отношенія разнаго рода, съ знакомыми уже имъ естественными произведеніями, съ принятымъ уже образомъ жизни и пріобрѣтенными искусствами, между тѣмъ какъ обратное движеніе человѣческихъ племенъ не могло совершиться безъ очевидной погибели; то что они пріобрѣли въ Азіи было для нихъ вездѣ полезнымъ капиталомъ. Никакая страна, кромѣ Азіи, и притомъ единственно средины ея, не могла быть большою школою дѣтства рода человѣческаго; она снабжала различнѣйшія народныя племена необходимою домашнею утварью и дала имъ первый ихъ капиталъ, состоящій изъ хлѣбныхъ растеній, овощей, домашнихъ животныхъ, образа жизни, патріархальныхъ нравовъ, коренныхъ религій, преданій и т. д., и такой капиталъ могъ снова быть насажденъ, пустить корни и успѣшно развиться только въ сродныхъ странахъ. Такія страны представлялись азіатскимъ племенамъ сначала на Востокѣ, а потомъ уже на Западѣ, до тѣхъ поръ пока съ успѣхомъ времени и цивилизаціи Сѣверъ и Югъ, а наконецъ и дальнѣйшій за-атлантическій За-

падъ не вошли въ общій рядъ этихъ странъ. Такимъ образомъ старый свѣтъ открылъ обширный театръ для исторіи отъ Востока до Запада, а въ этомъ направленіи, сообразно съ распредѣленіемъ пространствъ и климатическимъ единствомъ, изъ корня стараго свѣта, въ теченіи историческихъ тысячелѣтій и еще ранѣе, развилась большая система миграцій народовъ и ихъ цивилизацій и культуръ отъ Востока къ Западу. Но такъ какъ всегда, въ началѣ и концѣ существованій, воспоминанія и символы временъ прошедшихъ, также какъ и прежнихъ отечествъ очень живо дѣйствуютъ, то Западу земнаго шара, отъ его юношества и дѣтства, осталось воспоминаніе о Востокѣ и стремленіе къ нему и такія то воспоминанія пробуждаютъ въ насъ надежду на будущее, которое вообще можетъ быть только развитіемъ прошедшаго.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ ВВЕДЕНІЮ.

К ъ § 3-му. *Положеніе Азіи относительно Европы и границы между обѣими частями свѣта.*

Первый вопросъ, поставляемый Риттеромъ въ тѣсную связь съ разграниченіемъ обѣихъ частей свѣта между собою, состоитъ въ томъ, существовали ли, въ прежнія тысячелѣтія, раздѣлительныя моря между Европою и Азіею, или, въ другихъ словахъ, сообщалось ли Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ, морскимъ рукавомъ, простирающимся въ направленіи озеръ Киргизской и Барабинской степей и ложа Тобола и Оби, во времена существованія человѣческаго рода? Я говорю во времена существованія рода человѣческаго, потому-что геологія научаетъ насъ что границы между твердью и моремъ непостоянны и нѣтъ почти ни одной обширной страны земнаго шара которая не была когда нибудь дномъ морскимъ, слѣдовательно было и время когда нынѣшняя Европа составляла даже одинъ или нѣсколько острововъ. Каспійское же море могло соединяться съ Сѣвернымъ океаномъ, даже въ относительно не очень древнюю геологическую эпоху — эпоху самыхъ новыхъ третичныхъ формацій, что впрочемъ не должно было имѣть никакого вліянія на нынѣшнія отношенія между обѣими частями свѣта, тѣмъ болѣе что и самыя очертанія и пластика Европы были тогда вѣ-

роятно другія. Важнымъ для воззрѣній Риттера остается только вопросъ о томъ: существовало ли подобное соединеніе во времена историческія или по крайней мѣрѣ человѣческія, и Риттеръ, какъ кажется, склоняется къ положительному его рѣшенію.

Къ С. отъ Аральскаго моря, въ направленіи къ истокамъ Тобола, простирается дѣйствительно углубленная борозда или впадина, шириною въ 5° долготы, оканчивающаяся на З. у подошвы Мугоджара, самаго восточнаго отрога уральскаго хребта. Въ ней расположены, однимъ градусомъ сѣвернѣе оконечности Аральскаго моря, многочисленная группа высыхающихъ озеръ Аксакаль Барби и, еще далѣе на полтора градуса къ С., группа Сари-Купа въ Барабинской степи, и не подлежитъ никакому сомнѣнію что въ прежнія времена Аральское море имѣло несравненно болѣе значительное протяженіе. Справедливо также что вся полоса, простирающаяся отъ Барабинской степи, вдоль теченія Тобола, Иртыша и Оби до Обской губы, очень мало возвышена, потому-что лежащій посреди ея Тобольскъ, по наблюденіямъ Ад. Эрмана, только 18-ю туазами (108 ф.) выше уров. океана. Несмотря на то, сообщеніе Аральскаго моря съ Сѣвернымъ, столь вѣроятное въ эпоху новѣйшихъ третичныхъ формацій, болѣе чѣмъ сомнительно во времена человѣческія и историческія. Ал. Гумбольдтъ (1) тщательно искалъ, нѣтъ ли у древнихъ какихъ либо данныхъ, могущихъ служить для рѣшенія этого вопроса и пришелъ также къ отрицательному результату. Единственное мѣсто въ сочиненіяхъ древнихъ, въ которомъ мнѣніе о соединеніи обоихъ морей могло бы найти какое нибудь подтвержденіе, принадлежитъ Страбону. Этотъ географъ говоритъ именно: «что Яксартъ (Сыръ-Дарья) орошаетъ и наводняетъ страну, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ одинъ впадаетъ въ Гирканскій заливъ, а другіе текутъ въ Сѣверное море». Но это свидѣтельство Страбона теряетъ всю свою важность, если мы вспомнимъ что только три писателя

(1) A. v. Humboldt, Central-Asien übers v. Mahlmann. Bd. I. p. 446 etc.

древности имѣли опредѣленное понятіе объ отдѣльности Каспійскаго моря: Геродотъ, Аристотель и Птоломей. Геродотъ именно, еще въ V в. до Р. Х., имѣлъ самыя положительныя свѣдѣнія объ этихъ частяхъ Азіи, доставленныя ему собственными наблюденіями и пребываніемъ въ Ольвіи. Ольвіополитанцамъ, познакомившимся съ Каспійскимъ моремъ съ сѣверной его стороны, между устьями Кумы, Волги и Урала, было чуждо всякое представленіе о соединеніи его съ Ледовитымъ океаномъ. Совершенно въ другомъ положеніи находились писатели Александрійской Школы. Они знакомы были съ Каспійскимъ моремъ изъ похода Александра Македонскаго, весьма мало подвинувшаго впередъ знаніе этой части Азіи. Когда македонское войско приблизилось къ Каспійскому морю съ ю.-в. стороны его, изъ Гирканіи, и увидѣло его поверхность теряющуюся, на сѣверномъ горизонтѣ, то для 'ипотезъ открылось обширное поле и заблужденіе было очень легко. «Притомъ же», говоритъ Гумбольдтъ ([2]), «Александрійская школа имѣла особенное пристра-«стіе къ ни на чемъ не основаннымъ 'ипотезамъ о бифуркаціяхъ «рѣкъ, о заливахъ вдающихся подобно фіордамъ во внутрен-«ность континентовъ, о многочисленныхъ соединеніяхъ между «различными морями. Геологическія 'ипотезы объ измѣненіяхъ «земной поверхности, о слѣдахъ наводненій или высохшихъ «рукавовъ морскихъ, о поднятіи земель со дна морскаго, о разо-«рванныхъ перешейкахъ при Дарданеллахъ, столбахъ Геркулесовыхъ и южной оконечности Аравійскаго залива, привели «въ движеніе поэтическое воображеніе, въ тотъ вѣкъ когда уче-«ность и разнобразіе свѣдѣній силились замѣнить отсутствіе те-«плоты великихъ идей и творческаго духа. Эта ученая поэзія, «съ своею печатью прежней миѳологіи и псевдо-орфейскихъ «преданій, имѣла грустное вліяніе на космографію. Люди пріучились принимать все то что было когда то воображаемо о «прежнемъ очертаніи континентовъ и соединеніи Paludis Maeo-

(2) A. v. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Bd. I. p. 448—49.

«tidis съ Каспійскимъ моремъ, также какъ сего послѣдняго съ «океаномъ, къ С. и В., даже къ Ю. съ Краснымъ моремъ, за «дѣйствительно существующею. Эта смѣсь систематической и «миѳической географіи особенно выразилась въ направленіи ко«торое приняли Аргонавты при своемъ возвращеніи. Фазисъ и «Танаисъ сдѣлались рукавами Аракса и, какъ уже давно замѣтилъ «ученый другъ мой Летронн, путешествіе Арго имѣло, черезъ «посредство Александрійской школы и ея вѣтвей, въ началѣ «христіанскаго лѣтосчисленія, большое вліяніе на гипотезу объ «океанических соединеніяхъ Каспійскаго моря. Походы Іо, «Геркулеса и Аргонавтовъ связали какъ кажется географію съ «миѳами, которыхъ формы были измѣняемы писателями по «благоусмотрѣнію».

Мы не входимъ въ дальнѣйшій анализъ интересныхъ историческихъ изслѣдованій Гумбольдта (3) о замкнутости Каспійскаго бассейна во времена историческія. Приведеннаго цитата достаточно чтобы объяснить заблужденіе Страбона, а взглядъ на строеніе борозды Тоболя и Оби можетъ окончательно утвердить въ мнѣніи, что сообщенія между Арало-Каспійскимъ бассейномъ и Сѣвернымъ океаномъ могло только существовать во времена до-историческія, относящіяся къ эпохѣ образованія верхнихъ этажей третичной формаціи. Поднятіе раздѣлительнаго между Аральскимъ и Каспійскимъ морями перешейка — Усть-Урта также относится къ эпохамъ геологическимъ.

Замѣчательныя изслѣдованія Эйхвальда (4) приводятъ насъ къ аналогическимъ результатамъ, доказывая что Каспійское море также не могло быть въ связи и съ Чернымъ, во времена историческія. Его Fauna Caspio-Caucasica показала какъ различны водные обитатели обоихъ морей. Съ другой стороны Эйхвальдъ не сомнѣвается однако что въ послѣднюю эпоху тре-

(3) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Bd. I. p. 446—512.
(4) См. Erman Archiv fur wissensch. Kunde Russlands 1843. Heft. I. S. 4—11.

тичной формаціи такое соединеніе могло существовать и полагаетъ что, даже въ эпохи историческія, Каспійское море распространялось гораздо далѣе въ Астраханскихъ степяхъ чѣмъ нынѣ, такъ что во времена Страбона Большой и Малый Узень впадали еще непосредственно въ Каспійское море. Такое соединеніе въ до-историческія времена, подтверждаемое и наблюденіями Бэра, могло быть прервано какою нибудь геологическою катастрофою (5).

Второй вопросъ, входящій въ разсмотрѣніе отношеній между Европою и Азіею, есть углубленіе Каспійскаго бассейна. Числа, приводимыя Риттеромъ, на основаніи наблюденій Энгельгардта и Парота (300 — 350 ниже уровня океана), ошибочны. Большая тригонометрическая операція, произведенная по порученію Императорской Академіи Наукъ Фуссомъ, Саблеромъ и Савичемъ и оконченная въ октябрѣ 1837 года, доказала что уровень Каспійскаго моря, хотя и отрицательный, гораздо выше чѣмъ его предполагали прежде, именно:

По вычисленію Савича — 80,0 анг. ф.
» » Саблера — 82,8 » »

средн. 81,4 анг. ф. или 76,32 пар. ф. = 12,72 туазовъ (6).

Интересна исторія этой колоссальной ошибки (7). Первый ученый обратившій вниманіе на углубленіе каспійской котловины былъ Шаппъ д'Отрошъ, который, руководствуясь наблюденіями д-ра Лерхе въ Астрахани (1732 — 49 г.), нашелъ для уровня Каспійскаго моря — 51 туазъ (306 пар. ф.), результатъ который онъ самъ впрочемъ называетъ нелѣпымъ. Инохолцевъ, сравнивая среднія барометрическія высоты Камышина (изъ наблюденій 1770 — 74 г.) и Петербурга, нашелъ что Камышинъ на 28,5 туазовъ (171 ф.) ниже уровня Балтійскаго

(5) См. Bar. Kaspische Studien, въ Bull. de la classe phys. math. de l'Acad. Imp. des Sciences à St. Petersb. Т. XXII. №№ 21, 22.

(6) См. Fuss, Sabler и Sawitch, Kaspische Expedition. St. Petersb. 4. 1849.

(7) См. Humboldt, Central-Asien übers v. Mahlmann. Bd. I. p. 533 etc.

моря (8). Онъ же упоминаетъ что Хр. Мейеръ, основываясь на барометрическихъ наблюденіяхъ Лерхе, опредѣлилъ уровень Каспійскаго моря въ 101 ф. (17 туаз.). Вотъ цифра совершенно случайно подходящая къ истинѣ. Палласъ остановился на числѣ, мало удаляющемся отъ цифры Мейера. Онъ нашелъ именно что различіе уровней Волги и Дона, въ мѣстѣ ихъ наибольшаго сближенія, составляетъ 10 туазовъ. Присоединяя 8 туазовъ, различія уровня Царицына съ уровнемъ Каспійскаго моря (по наблюденіямъ Гебеля), мы получимъ для уровня Каспійскаго моря — 18 туаз. = 108 пар. ф. Замѣтимъ только, что цифра Палласа не подтвердилась, и нивеллировка, произведенная русскими офицерами, показала различіе уровней Волги при Царицынѣ и Дона при Кагалинской станицѣ въ 21,2 туаз. По среднимъ барометрическимъ высотамъ, обнародованнымъ въ актахъ нашей Академіи за 1782 г. для Астрахани, Москвы, Иркутска и Петербурга, уровень Каспійскаго моря имѣетъ — 45 туаз. = — 270 пар. ф. Астропомъ Вишневскій, дѣлавшій на Каспійскомъ морѣ наблюденія въ продолженіи трехъ лѣтъ, принималъ высоту его — 42,8 туаз. = — 257 пар. ф. Барометрическая нивеллировка станціями, совершенная въ 1811 г. между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, гг. Энгельгардтомъ и Парротомъ дала:

на пути къ Каспійскому морю въ 27 дн. — 54,2 туаз.
» обратномъ » » » 30 » — 47,1 »

средн. высот. — 50,6 туаз. = 300 пар. ф.

Послѣ того Монтейтъ опредѣлилъ углубленіе Каспійскаго моря, посредствомъ температуры кипѣнія воды, въ — 61 туаз. = — 366 пар. ф., а Локтевъ барометрически въ — 39 = — 207 пар. ф. Гг. Гофману и Гельмерсену принадлежитъ честь первой безошибочной барометрической нивеллировки на Каспійскомъ мо-

(8) Nova Acta Acad. Petrop. T. II. p. 506. По наблюденіямъ Гебеля, Камышинъ имѣетъ + 3,3 туаза выс. См. Goebel Reise in den Steppen Russlands Dorp. 1830. 4. T. II. p. 180.

рѣ, между Оренбургомъ и Гурьевымъ, въ 1825 году. Именно они нашли что Оренбургъ на 52 туаз. выше Каспійскаго моря. Галле, нашедшій, на основаніи барометрическихъ наблюденій Гофмана и Карелина, для высоты Оренбурга 39 туаз. надъ ур. ок., вывелъ отсюда углубленіе Каспійскаго моря въ — 13 туаз. = — 78 пар. ф., результатъ почти совершенно тождественный съ истиною. Но это было уже позже, а въ свое время прекрасныя наблюденія Гофмана и Гельмерсена остались безъ вниманія, потому-что Оренбургъ считали, какъ и приводитъ Риттеръ, въ самомъ уровнѣ океана.

Первое обстоятельство возбудившее сомнѣніе къ цифрѣ Энгельгардта и Паррота было наблюденія Гумбольдта, Густ. Розе, Гофмана и Гельмерсена въ 1829 г. на берегу Каспійскаго моря и сравненіе ихъ съ стояніемъ барометра въ Казани. Также и Парротъ, во время путешествія своего къ Арарату, началъ самъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ наблюденій 1811 г. и въ 1830 г., въ теченіи 12 дней, совершилъ трудную барометрическую нивеллировку между Новочеркасскомъ и Астраханью, которой результатъ не показалъ почти никакого различія между обоими уровнями ([9]). Тутъ только открылось въ какой степени самый способъ нивеллировки станціями не точенъ. И дѣйствительно, барометрическая нивеллировка, произведенная одновременно съ тригонометрическою Фусса, была столь же ошибочна какъ и предъидущія и дала — 47 туаз. для уровня Каспійскаго моря. Ленцъ, въ особенной статьѣ ([10]), прочтенной имъ въ засѣданіи Императорской Академія Наукъ, изложилъ всѣ причины неточности этого способа нивеллировки, въ которомъ всѣ ошибки, происходящія отъ вліянія частыхъ перемѣнъ мѣстной температуры, не уничтожаются взаимно, а накопляются въ значительную сумму, при сравненіи показаній двухъ инструментовъ, изъ которыхъ одинъ постоянно предшествуетъ другому.

(9) Parrot Reise nach dem Ararat. T. II. p. 12—31.

(10) Lenz Bemerk. über das sogenannte Stationsnivellement mittelst des Barometers (geles. 26 Mai 1836., Bullet. de l'Acad. de St. Petersb. T. I. p. 31, 33.

Гораздо менѣе значительны ошибки въ цифрахъ, выведенныхъ изъ сравненія среднихъ барометрическихъ стояній на берегу обоихъ морей. Савичъ, изъ сравненій наблюденій въ Таганрогѣ и Астрахани, нашелъ высоту Каспійскаго моря = — 22,2 туаз. = — 133 пар. ф., Гебель, въ Астрахани и Симферополѣ = — 15,9 туаз. = — 95 пар. ф., Ленцъ, въ Баку и Таганрогѣ = — 16,8 туаз. = — 102 пар. ф.

Если мы можемъ смотрѣть на цифру, полученную каспійскою экспедиціею, какъ на достовѣрную для Каспійскаго моря, то для Аральскаго мы еще не имѣемъ никакой вѣрной цифры. Экспедиція русскихъ офицеровъ (Загоскина, Анжу и Дюгамеля), дѣлавшая въ 1826 году барометрическую нивеллировку на Усть-Уртѣ, нашла Аральское море на 18,3 туаз. выше Каспійскаго, слѣдовательно уровень Аральскаго моря на 5,6 туаз. выше уровня океана; но мы знаемъ уже теперь, какъ мало можно полагаться на барометрическую нивеллировку, и очень склонны къ мнѣнію, что нѣтъ почти никакого различія между уровнями обоихъ морей.

За исключеніемъ даже всего бассейна Аральскаго моря и плоскогорія Усть-Урта, для каспійской котловины (низменности съ отрицательнымъ уровнемъ) остается еще, по вычисленію Гумбольдта, 18,000 кв. морск. миль (10,000 геогр. м.), т. е. площадь, превосходящая величиною Францію.

Приводимыя Риттеромъ числа для высотъ Оренбурга (0 ф. надъ ур. ок.) и Саратова (также 0 ф.) несправедливы. Оренбургъ даже очень значительно возвышенъ (39 туаз. или 207 ф.) надъ уров. ок., а Волга у Саратова имѣетъ + 6 туаз. (36 ф.) абсол. выс. Линія уровня океана, по одну сторону которой простираются отрицательныя, а по другую — положительныя низменности, пересѣкаетъ Уралъ между Уральскомъ и Калмыковскою, а Волгу между Саратовымъ и Царицынымъ, т. е. недалеко отъ Камышина: граница приблизительно совпадающая съ 52° с. ш.

Вотъ числа, дающія понятія о гипсометрическихъ отношеніяхъ сѣверо-западной части каспійской котловины, въ туазахъ ([11]):

Сарепта	—	7,2	туаз.
Оз. Елтонъ	—	3	»
Красный Яръ	—	9	»
Кигачь, притокъ Ахтубы	—	8,4	»
Кочетаевка	—	6,9	»
1-й привалъ въ степи по дорогѣ къ Арзаргару	—	5,2	»
2-й »	—	5,5	»
3-й »	—	10,8	»
Соленое озеро при Арзаргарѣ	+	26,6	»
1-й степной привалъ по дорогѣ къ Чапчачи	+	10,3	»
Привалъ въ степи, на пути къ Богдо	+	7	»
Озеро Богдо	+	0,5	»
Вершина Богдо	+	9,1	»
Привалъ въ степи между Богдо и Ахтубою	+	32,6	»
Владиміровка	+	11,9	»
Черный Яръ	—	8,2	»
Уралъ при Калмыковкѣ	—	5 — 12	туаз.
Озера Камышъ-Самарскія	—	23	туаз.

т е. по предположенію Гебеля эти озера лежатъ 10-ю туазами ниже уровня Каспійскаго моря.

Что же касается до мнѣній новѣйшихъ ученыхъ о геологической особенности феномена каспійской котловины, то они намъ кажутся рѣшительно преувеличенными. Вотъ два цитата изъ Гумбольдта ([12]), относящіеся къ этому предмету: «Точно «также должно смотрѣть на большую котловину западной Азіи,

(11) См. Goebel Reise in den Steppen des Sudlichen Russlands Dorp. 1847. 4. T. II. p. 180—185.

(12) См. Humboldt, Central-Asien ubers. von Mahlmann. I. p. 55, 56.

«какъ на свидѣтельство о подземной дѣятельности еластиче-
«скихъ жидкостей, поднимающей континенты, горныя цѣпи
«и отдѣльныя горы, сдвигающей массы горныхъ породъ съ
«заключающимися въ нихъ окаменѣлостями, образующей на-
«горья и низменности» и т. п. Далѣе: «Должно предполагать,
«что образованіе этого углубленія, этой выемки земной поверх-
«ности, стоитъ въ тѣсной связи съ поднятіемъ Кавказа, Инду-ку
«и персидскаго плоскогорія, ограничивающаго Каспійское море
«и Маверальнахаръ съ южной стороны, можетъ быть также съ
«поднятіемъ обширнаго, очень неопредѣленнаго и несправедливо
«такъ называемаго центрально-азіатскаго плоскогорія. Эта кот-
«ловина стараго свѣта, съ геологической точки зрѣнія, есть
«страна-кратеръ, какъ Клавіусъ, Шикаръ, Буссинго и Пто-
«ломей на поверхности луны, которые имѣютъ до 43 миль въ
«діаметрѣ и скорѣе могутъ быть сравнены съ Богеміей, чѣмъ
«со скатами и кратерами нашихъ вулкановъ».

Мы не отрицаемъ того что всѣ неровности земной поверхности, начиная отъ дна самыхъ глубокихъ океановъ, до снѣжныхъ вершинъ Хималайи, служатъ свидѣтельствомъ подземной дѣятельности еластическихъ жидкостей или реакціи расплавленнаго ядра нашей планеты на твердую кору его (т. е. вулканизма). Дѣло только въ томъ, имѣетъ ли образованіе каспійской котловины какую нибудь геологическую особенность, могущую оправдать названіе страны кратера, даваемое ей Гумбольдтомъ? Мы полагаемъ себя вправѣ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицаніемъ. Каспійская котловина не замкнута даже какъ Богемія со всѣхъ сторонъ горами, а сообщается низменною бороздою съ Сѣвернымъ океаномъ. Самъ Гумбольдтъ приходитъ къ заключенію ([13]), что «до временъ называемыхъ нами историческими, «Аральское море, въ періодъ мало удаленный отъ одного изъ «самыхъ послѣднихъ переворотовъ земной поверхности, было «совершенно заключено въ бассейнѣ Каспійскаго моря, и въ тоже

(13) См. Humboldt, Central-Asien übers. von Mahlmann. I. p. 529.

«время большая азіатская впадина (турапская котловина) обра-«зовала обширное Средиземное море, состоявшее съ одной сто-«роны въ связи съ Понтомъ Евксинскимъ, а съ другой, черезъ «посредство болѣе или менѣе широкой борозды, съ Ледовитымъ «океаномъ и озерами: Телегулемъ, Таласомъ и Балхашемъ».

Съ тѣхъ поръ медленное, секулярное ([14]) поднятіе азіатскаго континента прервало это морское соединеніе, поднявъ дно соединительнаго пролива выше морскаго уровня и превратило арало-каспійскую котловину въ замкнутый бассейнъ. Секулярное это поднятіе продолжается еще и понынѣ на сѣверныхъ сибирскихъ берегахъ, какъ доказываютъ факты, собранные Врангелемъ и наблюденія Миддендорфа ([15]). Въ нынѣшнее время каспійскій бассейнъ имѣетъ только одну особенность, именно то, что воды его стоятъ на 82 фута ниже поверхности океана. Но геологическими ли переворотами произведена эта особенность, реакціею ли внутренности земли на ея поверхность, колоссальнымъ ли проваломъ, случившимся въ относительно не очень древнюю геологическую эпоху? Въ этомъ мы сомнѣваемся. Если Арало-Каспійскій бассейнъ значительно уменьшился въ до и послѣ историческія времена, оставивъ слѣды своего болѣе обширнаго распространенія въ многочисленныхъ группахъ соляныхъ озеръ окрестной степи, если дно этого замкнутаго бассейна обнажилось на значительныхъ пространствахъ, лежащихъ ниже уровня океана, то все это могло быть произведено причинами исключительно атмосферическими. Именно, съ тѣхъ поръ какъ Каспійскій бассейнъ пересталъ быть въ связи съ океаномъ, равновѣсіе между притекающею и убывающею вслѣдствіе испаренія водою должно было нарушиться, потому-что воздухъ въ туранской низменности, притекающій изъ тропической Сахары, отличается необыкновенною сухостью. Сухость эта, также какъ и высыханіе озеръ въ арало-каспійской котло-

(14) Séculaire, т. е. совершившееся не мгновенно, а постепенно, въ теченіи вѣковъ.

(15) См. Lyell Principles of Geology 7. edit. 8. Lond. 1847. p. 87.

винѣ, не есть гипотеза, а фактъ, основанный на наблюденіяхъ многихъ путешественниковъ. Притомъ же и причина ея очень ясна изъ теоріи воздушныхъ движеній. Каспійская котловина находится уже въ зонѣ перемѣнныхъ вѣтровъ, обусловленныхъ борьбою полярнаго теченія съ экваторьяльнымъ или исходящимъ. Одно изъ нихъ, вслѣдствіе вращенія земли, приходитъ съ С.-В., другое съ Ю.-З. ([16]). Послѣднее доставляется слѣдо-

(16) Напомнимъ читателю теорію воздушныхъ движеній или вѣтровъ. Всѣ они зависятъ отъ неравнаго нагрѣванія земной поверхности. Междутропическая или экваторьяльная зона инсолируется (нагрѣвается лучами солнечными) гораздо сильнѣе другихъ. Воздухъ, расширяясь отъ теплоты, поднимается за предѣлы атмосферы, образуя надъ всею зоною кольцевидный наплывъ, который разливается, стекая въ направленіи къ полюсамъ. Это нарушаетъ всеобщее равновѣсіе атмосферы: столбы воздуха, давящіе на каждую площадь земной поверхности, становятся рѣже и легче въ экваторьяльныхъ странахъ, гуще и тяжелѣе въ полярныхъ. Сгущенный воздухъ полярныхъ странъ стремится наполнить относительную пустоту, происшедшую въ экваторьяльныхъ, и внизу, близко поверхности земли, образуется теченіе отъ полюсовъ къ экватору, стремящееся уравновѣсить верхнее, отъ экватора къ полюсамъ. Но это верхнее теченіе, двигаясь отъ обширнаго экваторьяльнаго круга къ полюсу, т. е. точкѣ, вступаетъ между каждыми двумя меридіанами въ болѣе и болѣе узкія рамки, потому-что пространство между каждыми меридіанами составляетъ треугольникъ, котораго основаніе есть линія, составляющая часть экватора, а вершина—точка самаго полюса; потому все теченіе, сгущаясь и находя въ своемъ расширеніи кверху предѣлъ, полагаемый ему земнымъ протяженіемъ опускается, и уже въ концѣ субтропической зоны достигаетъ до земной поверхности, гдѣ, встрѣчаясь съ полярными теченіями, превращаетъ умѣренныя зоны въ область перемѣнныхъ вѣтровъ. Все это происходило бы еслибъ земля была въ покоѣ, но вращеніе ея около оси измѣняетъ теченіе слѣдующимъ образомъ Какъ точки земной поверхности, такъ и частицы воздуха вращающагося съ ними имѣютъ самую большую скорость на экваторѣ, и тѣмъ меньшую, чѣмъ ближе къ полюсу, потому-что въ то время (24 часа) какъ точки экватора описываютъ большой земной кругъ, точки въ высокихъ широтахъ описываютъ весьма малый, а полюсъ неподвиженъ. Вслѣдствіе того частицы воздуха, прибывающія изъ полярныхъ странъ къ экваторьяльнымъ, имѣя меньшую скорость вращенія, должны оставаться назади, т. е. относительно земной поверхности двигаться отъ В. къ З., что превращаетъ сѣверное и южное полярныя теченія въ сѣв.-вост. и юго восточ., а ихъ соединеніе въ экваторьяльной полосѣ — въ пассатъ, постоянно дующій отъ В. къ З. Между тѣмъ въ нисходящемъ экваторьяльномъ теченіи частицы воздуха надѣлены бо́льшою скоростью вращенія чѣмъ поверхность земли, и слѣдов. должны уходить впередъ, т. е., отъ З. къ В., а потому экваторьяльное нисходящее теченіе, въ сѣверномъ полушаріи, превращается въ юго-зап. вѣтеръ, а въ южномъ — въ сѣв.-зап. Оттого-то на всю сѣверо-западную Европу попадаетъ влажный воздухъ Атлантическаго океана, а на каспійско-аральскую низменность и центральную Азію, сухой воздухъ тропической Африки: Нигриціи и Сахары.

вательно массою воздуха, распространеннаго надъ тропическою Африкою, Нигриціею и Сахарою и не содержащею въ себѣ никакой влаги, а первое, пройдя черезъ обширный континентъ и надъ высокою цѣпью Алтая, оставляетъ имъ свою влагу и является также сухимъ. Вслѣдствіе того испареніе замкнутаго Арало-Каспійскаго бассейна такъ сильно, что не можетъ быть вознаграждено небольшою массою впадающихъ въ него прѣсныхъ водъ, изъ которыхъ многія въ настоящее время теряются въ степи, даже не достигая его и впадая можно сказать непосредственно въ воздушный океанъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что образованіе Арало-Каспійскаго бассейна, въ его прежнемъ видѣ, зависѣло, точно также какъ и образованіе бассейна Средиземнаго, Балтійскаго и другихъ средиземныхъ морей, отъ формы поднятія всего континента и сосѣднихъ горныхъ хребтовъ, но что нынѣшняя его особенность, т. е. обнаженіе части дна его испареніемъ, вѣроятно зависитъ отъ прерванія океаническихъ сообщеній его секулярнымъ поднятіемъ континента и отъ образованія сѣверо-африканскаго материка, безъ котораго притокъ воздуха съ Ю.-З. не имѣлъ бы сухости, обусловливающей въ настоящее время сильное высыханіе озеръ туранской низменности. Однимъ словомъ каспійская впадина, какъ кажется, представляетъ типъ такихъ, которыя образовались постепеннымъ высыханіемъ морей, а не вулканическимъ проваломъ, какъ Мертвое море ([17]).

(17) Каспійская экспедиція Бэра безъ сомнѣнія разрѣшитъ этотъ вопросъ окончательно. Наблюденія этого знаменитаго ученаго до сихъ поръ говорятъ въ пользу быстраго пониженія Каспійскаго моря, какъ бы сливающагося черезъ борозду Маныча и Кумы очень быстро въ Черное море. Было ли причиною этого переворота какое нибудь поднятіе восточнаго берега—еще неизвѣстно. Но это предположеніе не объясняетъ отрицательнаго уровня Каспійскаго моря. Если водоемъ его уменьшился въ какую нибудь эпоху, даже мгновенно, быстрымъ переворотомъ, то особенность его, т. е. отрицательный уровень могъ все же зависѣть только отъ однѣхъ атмосферическихъ причинъ. Окончательнаго рѣшенія вопроса мы должны ожидать отъ нынѣшней каспійской экспедиціи; до тѣхъ же поръ все что ни высказано объ этомъ предметѣ можетъ быть только болѣе или менѣе вѣроятною догадкою. См. Baer Kaspische Studien въ Bull. de la Classe phys.-mathém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St-Pétersb. T. XIII. s. 21, 22.

Разсматривая наконецъ арало-каспійскую низменность, въ ея отношеніяхъ съ разграниченіемъ обѣихъ частей свѣта, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Риттера, что сѣверо-западная часть ея (каспійская котловина) представляетъ, также какъ и восточная, тотъ же степной, средне-азіатскій характеръ, гдѣ форма песчаной степи, съ солонцами и остатками соленыхъ озеръ, есть преобладающая, а плодородные оазисы, способные для культуры, представляютъ исключеніе. И дѣйствительно даже уральскій хребетъ не производитъ такого рѣзкаго измѣненія въ характерѣ растительнаго покрова, почвы и вообще всего впечатлѣнія страны, какъ окраина каспійской низменности. Между тѣмъ какъ путешественникъ, слѣдующій отъ вересковыхъ болотъ Брабанта черезъ сарматскую равнину до зауральскихъ степей Сибири, встрѣчаетъ тотъ же однообразный характеръ страны и даже почти туже растительность, и только перейдя Енисей замѣчаетъ значительное измѣненіе въ характерѣ растительнаго покрова, стоитъ только переступить ему черезъ восточный изгибъ Дона и коснуться окраины каспійской низменности, чтобы встрѣтить совершенно другой, чуждый Европѣ характеръ. Въ средней Россіи едва найдется два или три десятка растеній не встрѣчающихся въ западной Европѣ; въ прикаспійской же степи, на восточныхъ притокахъ Дона, въ калмыцкомъ кочевьѣ, при верховьяхъ Маныча и Сала, можно уже идти сотни сажень по песчаной равнинѣ, не встрѣчая почти ни одной европейской растительной породы. Само-собою разумѣется, что нельзя опредѣлить въ точности пограничной линіи между обѣими частями свѣта, тамъ гдѣ нѣтъ между ними раздѣлительнаго горнаго гребня, потому-что распространенныя на западной, европейской сторонѣ этой границы, спорадическія песчаныя пространства заимствовали весь свой азіатскій характеръ и всю свою растительность отъ сосѣдней каспійской низменности, между тѣмъ какъ и на азіатской, восточной сторонѣ есть оазисы, носящіе европейскій характеръ. Если справедливо однакоже свидѣтельство многихъ очевидцевъ что отъ полосы наибольшаго сбли-

женія Дона и Волги, въ направленіи къ Ю. и Ю.-З. простираются низкіе, песчаные, паралельные кряжи холмовъ, то въ этихъ кряжахъ должно искать границу между Европою и Азіею, границу, на Ю.-В. отъ которой простираются отрицательныя азіатскія измѣнности, песчаныя, солонцеватыя, способствующія развитію кочевой жизни, которая до сихъ поръ еще, какъ Помпея подъ слоемъ пепла, сохранилась живою апомаліею посреди песковъ нашей Калмыцкой степи на Манычѣ и въ такъ называемой внутренней ордѣ, между тѣмъ какъ рядомъ съ нею, на европейскихъ положительныхъ измѣнностяхъ, процвѣтаетъ земледѣліе, культура и цивилизація осѣдлаго племени.

Къ § 4-му. *Горизонтальныя отношенія, горизонтальное расчлененіе.*

Этотъ предметъ такъ хорошо исчерпанъ и изложенъ Риттеромъ, особенно въ его статьѣ, «о пространственномъ устройствѣ поверхности земнаго шара» и т. д. (см. ниже), что не требуетъ никакихъ другихъ дополненій.

Здѣсь я обращу только особенное вниманіе читателей на замѣчательный законъ, заключающійся въ изложеніи Риттера, именно: *чѣмъ болѣе развито береговое очертаніе части свѣта, чѣмъ болѣе изрѣзано ея прибрежье, другими словами, чѣмъ болѣе линейныхъ миль берега приходится въ ней на квадратныя мили пространства, тѣмъ удобнѣе она для развитія человѣческой цивилизаціи.* Потому численныя сравненія этихъ отношеній имѣютъ большую важность. Нагель, въ очень любопытной статьѣ ([18]), разсматриваетъ эти отношенія съ нѣсколько особенной точки зрѣнія. Онъ замѣчаетъ предварительно что, между всѣми геометрическими фигурами, кругъ есть такая, которая, при равныхъ площадяхъ, имѣетъ самую наименьшую периферію. Слѣдовательно, самое неблагопріятное очертаніе континента есть то, которое наиболѣе приближается къ кругу. Наоборотъ каждая часть свѣта, тѣмъ выгоднѣе устроена въ горизонтальномъ отношеніи, чѣмъ длиннѣе

(18) Nagel über die Küstengestaltung der Erdtheile, въ Berghaus Annalen der Erdkunde Bd. XII. p. 430—497. Berlin 1835.

ея дѣйствительная береговая линія, въ отношеніи къ наивозможно меньшему береговому очертанію (окружности). Потому, вычисливъ наименьшее возможное береговое очертаніе для пространства каждой части свѣта и сравнивая съ нимъ дѣйствительное, Нагель получаетъ слѣдующую таблицу:

	Наименьш. возможн. берегов. очертаніе.	Насколько дѣйств. бер. лин. болѣе наименьш.	Отношеніе возможн. наименьш. къ дѣйств.
Европа	1.417,96 г. м.	2.882,04	1 : 3,032.
Азія	3.190,42 » »	4.509,58	1 : 2,413.
Африка	2.590,43 » »	909,53	1 : 1,351.
Сѣв. Америка	2.073,09 » »	3.926,91	1 : 2,894.
Южн. Америка	2.008,43 » »	1.391,57	1 : 1,692.
Австралія	1.316,87 » »	583,13	1 : 1,442.
Старый свѣтъ	4.347,39 » »	1.152,61	1 : 3,363.
Новый свѣтъ	2.886,43 » »	6.313,57	1 : 3,256.

Послѣднія числа самыя важныя: они представляютъ *относительное удобство* ([19]) частей свѣта для развитія на нихъ человѣческихъ цивилизацій.

Принимая еще поочереди каждую часть свѣта за единицу Нагель получаетъ, для сравненія береговыхъ развитій, слѣдующія числа. Принимая:

Африку за 1-цу:	*Азію:*	*Сѣв. Америку:*	*Европу:*
Австралія 1,067	Африка 0,559	Африка 0,466	Африка 0,455
Ю. Америка 1,252	Австралія 0,597	Австралія 0,498	Австралія 0,475
Азія 1,786	Ю. Америка 0,701	Ю. Америка 0,584	Ю. Америка 0,558
С. Америка 2,142	С. Америка 1,199	Азія 0,833	Азія 0,795
Европа 2,444	Европа 1,256	Европа 1,047	С. Америка 0,934

Къ § 5-му. *Вертикальныя отношенія Азіи, вертикальное расчлененіе.*

Новѣйшія изслѣдованія значительно измѣняютъ прежнія понятія о высотѣ и протяженіяхъ центральнаго азіатскаго нагорья. Изъ двухъ обширныхъ рельефовъ, составляющихъ это нагорье, и соединенныхъ горнымъ перешейкомъ или узломъ Индѣйскаго Кавказа, измѣненія эти касаются только восточнаго, между тѣмъ какъ западному, Персидско-Таврскому

(19) Разумѣется только по вліянію горизонтальнаго устройства пространствъ при чемъ не должно выпускать изъ виду вліяній вертикальнаго устройства и климата.

нагорью остаются тѣже вертикальные и горизонтальные размѣры, которые даетъ ему и Риттеръ.

Гипсометрическія отношенія восточнаго азіатскаго нагорья до 1832 года были только загадками, рѣшенными гипотетически, на основаніи расказовъ Марко-Поло и монаховъ дипломатовъ, проѣхавшихъ въ XIII и XIV вѣкѣ, благодаря тогдашнему единству колоссальной Монгольской имперіи, всю Азію, отъ портовъ Сиріи и Каспійскаго моря, до китайскаго берега Восточнаго океана ([20]). Единственное положительное наблюденіе, къ которому могли пристроиться эти гипотезы, было измѣреніе высотъ горы Пе-ча (Pe-Tcha) и горнаго прохода Ялю, іезуитами-миссіонерами Жербильономъ и Фербистомъ въ XVII вѣкѣ. Это измѣреніе, уже само по себѣ преувеличенное, дало для горной вершины 15000 ф., а для горнаго прохода 8000 ф. ([21]). Отсюда, подъ впечатлѣніемъ наивныхъ расказовъ путешественниковъ XII и XIII в., европейскіе географы въ XVIII в. заключили, что средняя высота всего средне-азіатскаго плоскогорія составляетъ болѣе 8000 футовъ. Гумбольдтъ первый высказалъ свои сомнѣнія въ столь значительной высотѣ пространствъ между Алтаемъ и Куэнъ-Лунемъ ([22]). Посланная Русскимъ правительствомъ ученая экспедиція Георга Фусса и Бунге, сопровождавшая пекинскую миссію 1832 года, пролила первый свѣтъ на гипсометрическія отношенія восточной нагорной Азіи. Хотя измѣренія были произведены по одной линіи, пересѣкающей все восточноазіатское плоскогоріе, въ поперечномъ направленіи отъ Кяхты до Пекина, результаты ихъ составляютъ эпоху въ Географіи Азіи. Вмѣсто предполагаемыхъ 7500—8000 ф., средняя высота

(20) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 29.

(21) Ни одна изъ горъ Калганскаго хребта южной окраины степи Гоби къ Чжилійской провинціи не покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Въ застѣнной области Чэнъ-де-фу, въ которой должна была быть расположена гора Пе-ча, подробная Государственная Географія не называетъ снѣжныхъ горъ. Даже горы Пе-ча я не могъ отыскать на оригинальныхъ китайскихъ картахъ области Чэнъ-де-фу. Есть гора Би-цзя, о которой я буду говорить ниже, но она далеко не достигаетъ снѣжной линіи.

(22) Humboldt, Premier memoire sur les montagnes, de l'Inde Ann. de Chim et phys. T. III. 816 p. 303. Second. mem. Id. T. XIV. 1820 p. 5—53.

Гоби на всемъ протяженіи не превосходитъ 4000 ф. Между Ерги, Дурмою и Шарабургуна высота эта составляетъ 2400 ф. (400 туаз.), т. е. только на 300 фут. выше Мадрита. Ерги лежитъ приблизительно на половинѣ дороги между Кяхтою и Пекиномъ, подъ 45° 31′ шир. и 109° 4′ в. д. Здѣсь проходитъ слѣдовательно посреди Гоби, вдоль по оси отъ З.-Ю.-З. къ В.-С.-В., углубленная полоса или борозда, въ 60 морск. миль ширины. Полоса эта обозначена множествомъ небольшихъ соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добываемая соль вывозится въ Китай, тростниками и соляными растеніями (галофитами) тѣхъ же породъ, какія встрѣчаются въ арало-каспійской котловинѣ. Такъ называемое песчаное море Шамо болѣе широкою полосою простирается въ томъ же направленіи, по обѣимъ сторонамъ впадины. По монгольскимъ преданіямъ всё это было дномъ обширнаго внутренняго моря. Монголы увѣрены что когда нибудь океанъ возвратится сюда снова и возстановитъ свое владычество въ степи Гоби. Эти геологическія мечтанія напоминаютъ китайскія преданія о соленомъ озерѣ внутри Сибири. Юго-восточная окраина плоскогорія не можетъ превосходить 9000 ф., потому-что вершины хребта ю.-в. окраины, служащаго продолженіемъ Ишъ-Шану, какъ кажется даже нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи.

На южной сторонѣ восточно-азіатскаго плоскогорія положительныя наблюденія опровергли также прежнія преувеличенія. Прославленный съ такимъ энтузіасмомъ г. Вернье кашмирскій бассейнъ, составляющій впрочемъ только первый уступъ или террасу, прислоненную къ рельефу нагорной Азіи, также совсѣмъ не такъ высокъ какъ предполагали прежде ([23]). Жакмонъ, послѣ точныхъ барометрическихъ наблюденій, нашелъ абсолютную высоту озера Вулуръ, близъ города Сринахура, въ 836 туаз. (5016 ф.). Менѣе точныя наблюденія, основанныя на опредѣленіи температуры кипѣнія воды, дали барону Карлу Хюгелю 910 туаз., а лейтенанту Кунингему 790 туаз. Площадь Кашмира, ко-

(23) См. Al. Humboldt. Centr.-As. übers. v. Mahlmann. T. I. p. 38.

торой климатическія пріятности уменьшаются четырехмѣсячнымъ снѣгомъ, выпадающимъ зимою въ Сринагурѣ, лежитъ слѣдовательно не на высокомъ Гималайскомъ хребтѣ, но составляетъ, въ полномъ смыслѣ, котловину на одномъ изъ уступовъ его южнаго ската.

Понятія о Тибетскомъ нагорьѣ (между Гималайею и Кунъ-Лунемъ) прояснились также только въ новѣйшее время, между тѣмъ какъ прежде постоянно смѣшивали уровень плоскогорія съ горными вершинами, съ него поднимающимися. Тибетъ выполняетъ промежутокъ между исполинскими цѣпями Гималайи и Кунъ-Луна и составляетъ родъ высокой долины между обѣими. Вся страна раздѣляется туземцами и китайскими географами, отъ Вост. къ Зап., на три части или три Тибета, какъ ихъ называютъ въ китайскомъ канцелярскомъ слогѣ ([24]). Именно верхній Тибетъ, съ столицею Хласса, имѣющій вѣроятно 1,500 т. (9,000 ф.) выс., средній Тибетъ съ городомъ Лехъ или Ладакъ въ 1563 туаз. выс. и Малый Тибетъ или Балтистанъ, Тибетъ абрикосовъ (Сари-Бутанъ), гдѣ находятся города Искардо (985 туаз.), Гилгитъ и измѣренное Уильсономъ плоскогоріе Дзотухъ (1,873 туаз.). Эти три Тибета извѣстны у Китайцевъ подъ названіями Цанъ, Уй, и Каамъ отъ В. къ З. Изъ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ свѣдѣній о Тибетѣ, Гумбольдтъ заключаетъ, что все пространство между Кунъ-Лунемъ и Гималайею не составляетъ непрерывной нагорной равнины или собственно плоскогорія, но пересѣчено различными горными группами, принадлежащими вѣроятно къ разнымъ системамъ поднятія ([25]). Собственно равнинъ здѣсь очень мало. Самыя замѣчательныя находятся между Гертопомъ, Даба, Шанъ-Тунемъ (равнина пастуховъ), отечествомъ шалевыхъ козъ, и Шипке (1,634 туаз.), около Ладака, которая достигаетъ высоты 2,100 туазовъ и не должна быть смѣшиваема съ котловиною въ которой распола-

(24) См. Humboldt, Central-Asien J. I. p. 35, 36.

(25) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 35.

женъ самый городъ; наконецъ—плоскогоріе священныхъ озеръ Маназа а Равана-Храда (вѣроятно 2,435 туаз.), посѣщенное уже Патеромъ Антоніо д'Андрада еще въ 1825 г. Всѣ другія части совершенно наполнены сгущенными горными массами, громоздящимися, какъ говоритъ одинъ новѣйшій путешественникъ, подобно волнамъ обширнаго океана. Вдоль рѣкъ Инда, Сутледжа и Яру-Цанбо измѣрены пункты, возвышающіеся только на 1050—1400 туаз. надъ поверхностью моря, также какъ и Тибетскія деревни Панги, Купавуръ и Келу. Изо всѣхъ измѣреній высотъ Гумбольдтъ заключаетъ, что плоскогоріе Тибета, между 71° и 85° в. д., еще не имѣетъ 1800 туаз., 10800 ф. средней высоты, что едва превосходитъ вышину плодороднаго плоскогорія Кахамарки въ Перу ([26]) т. е. на 200 туазовъ ниже плоскогорія озера Титикаки и на 337 — мостовой города Потози. Болѣе мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ о гипсометрическихъ отношеніяхъ восточной нагорной Азіи.

Изо всего изложеннаго ясно слѣдуетъ, въ какой степени были преувеличены понятія о высотѣ восточно-азіатскаго нагорія. Между различными плоскогоріями земнаго шара, по высотѣ своей, занимаетъ оно довольно скромное мѣсто, какъ видно изъ слѣдующей таблицы ([27]):

Плоскогорія:

Овернь	1000	фут. (пар.)
Баваріи	1550	»
Кастиліи	2100	»
Мизора	2750	»
Каракаса	2900	»
Цейлона	3300	»
Ирана	3500 — 4000	»
Гоби	4000	»
Йемена	5000	»

(26) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 32.

(27) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 33.

Попайапа.....	5400	фут.
Оз. Цана (Абисс.).....	5700	»
Рѣки Оранжевой.....	6000	»
Кабула	6200	»
Аксума (Абисс.).....	6600	»
Мехико.....	7000	»
Келата.....	8000	»
Квито	9000	»
Тибета.....	10800	»
Лосъ-Пастосъ.....	11600	»
Оз. Титикака	12000	»

Но все же восточно-азіатскому нагорью остаются самые колоссальные горизонтальные размѣры. И въ этомъ отношеніи Гумбольдтъ высказалъ многія сомнѣнія, и старался доказать, что и эти размѣры были преувеличены, и что непрерывнаго плоскогорія въ центральной и восточной Азіи не существуетъ ([28]). Онъ признаетъ только существованіе значительно высокаго, но очень неровнаго въ своемъ рельефѣ нагорія, съ незначительными перерывами простирающагося отъ С.-С.-В. къ Ю.-Ю.-З., отъ горнаго узла Кентея, на Югѣ отъ Байкальскаго озера, до восточнаго Тибета, подъ именемъ Гоби, Шамо (песчаной степи), Шахо (песчаной рѣки) и Ханъ-Хая, и полагаетъ это надутіе болѣе древнимъ, чѣмъ пересѣкающіе его горные хребты. Взятое въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ восточно-азіатское плоскогоріе расположено между 79 и 116° в. д. отъ Пар., а ширина его, между Ладакомъ, Гертопомъ и резиденціею Далай-Ламы — Хлассою, составляетъ 135 г. м.; между Хами, въ Небесномъ хребтѣ (Тяпъ-Шанѣ) и большою извилиною Хуанъ-Хэ, при хребтѣ Ишъ-Шанѣ—90 г. м.; а на сѣверѣ между Ханъ-Хаемъ, гдѣ прежде лежала міровая (монгольская) столица Каракорумъ и меридіаннымъ хребтомъ Хинъ-Ганомъ, въ той части Гоби въ которой проходитъ караванный путь изъ Кяхты въ Пекинъ,

(28) См. Humboldt, Central-Asien T. I. p. 29.

142 г. м. Въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ восточно-азіатское нагорье еще имѣетъ до 62000 кв. мор. миль пространства, т. е. площадь въ 4 раза болѣе Франціи, но немного превосходящую поверхность, занимаемую растянутою въ видѣ длинной полосы вдоль всего новаго свѣта массою Андо-Кордильеровъ.

Но мы не раздѣляемъ мнѣнія Гумбольдта относительно такого ограниченія восточно-азіатскаго нагорья. Соглашаясь съ тѣмъ, что оно не представляетъ совершенной непрерывности высокой равнины и во многихъ мѣстахъ пересѣчено нагроможденными цѣпями и принимаетъ часто, преимущественно близъ окраинъ своихъ, типъ альпійской страны, мы не имѣемъ еще права совершенно исключать изъ него обширныхъ пространствъ, расположенныхъ между Алтаемъ и Т'янъ-Шаномъ (Т'янъ-Шанъ-Бей-Лу) и между Т'янъ-Шаномъ и К'унъ-Лунемъ (Малой Бухаріи), хотя вообще восточно-азіатское нагорье сплошнѣе и массивнѣе къ Ю.-В. отъ указанной Гумбольдтомъ діагональной его оси, чѣмъ къ С.-З. отъ нея.

Относительно перваго изъ этихъ пространствъ всѣ доводы Гумбольдта основаны на томъ, что онъ, при посѣщеніи степей, сосѣднихъ съ озеромъ Зайссаномъ на границахъ Кит. Чжунгаріи, нашелъ ихъ высоту не превосходящею 1200 фут. Но хотя бассейнъ Зайссана совершенно принадлежитъ центральной Азіи, онъ постепенно склоняется къ обширнымъ Киргизскимъ степямъ большой Орды, и не отдѣленъ отъ нихъ никакою окраиною или значительною горною цѣпью. Что большая Киргизская степь, бассейнъ озера Балхаша и Семирѣцкая земля принадлежатъ еще къ низменностямъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Это совершенно подтверждается наблюденіями Кап. Влангали ([29]). Даже Копальское укрѣпленіе, лежащее въ 120 верст. на В. отъ озера Балхаша, уже на западныхъ предгоріяхъ хребта Алатау, только на 490 ф. выше морскаго уровня, а расположенный къ С. оттуда пикетъ Арасанскій (№ 12) только на

(29) См. Влангали Геогн. поѣздка въ восточную часть Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ. С. П. Б 8. 1853. 2 часть стр. 126.

385 ф. Не отгороженное отъ этой низменности между широтами Усть-Каменогорска и Чугучака никакимъ меридіаннымъ хребтомъ, восточно-азіатское нагорье должно падать къ ней постепенными скатами или террасовидными уступами. Потому неудивительно что одинъ изъ этихъ, постепенно переходящихъ въ низменность уступовъ, въ которомъ врѣзанъ весь бассейнъ Зайсана не превосходитъ 1200 фут. абсол. высоты и можетъ даже быть причисленъ къ низменностямъ ([30]). Очень вѣроятно что озера Ссазыкъ-Кулъ, Алакъ-Кулъ и городъ Чугучакъ находятся въ такихъ же отношеніяхъ и расположены на высотахъ, не очень превосходящихъ высоту Балхаша. Но мы не вправѣ распространять отсюда свои заключенія, ни на бассейны верхняго Или и текущей отъ З. къ В. Бороталы, отгороженные отъ Семирѣцкой (Балхашской) низменности снѣжнымъ гребнемъ Алатау, ни на страны лежащіе къ Западу отъ истоковъ Иртыша, расположенныхъ высоко въ горномъ массивѣ Хамура. Между меридіаномъ города Гобдо-Хото, лежащаго на В. отъ этого массива, и развалинами Каракорума остается еще широкое пространство, шириною градусовъ въ 12 долготы, о гипсометрическихъ отношеніяхъ коего мы не имѣемъ ни малѣйшихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ данныхъ, и которое мы ни въ какомъ случаѣ не вправѣ причислять къ низменностямъ.

Другое дѣло на южномъ склонѣ Т'янъ-Шана. Здѣсь Гумбольдтъ могъ сдѣлать, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, хотя косвенныя, однакоже гораздо болѣе вѣроятныя заключенія, по крайней мѣрѣ для окрестностей Хами и Аксу. Именно Марко-Поло повѣствуетъ о культурѣ винограда и хлопчатой бумаги въ этихъ странахъ. Уже въ его время окрестности Хотана, Яркана и Кашгара платили дань хлопчатою бумагою собственнаго произведенія. Въ китайскомъ же сочиненіи: «свѣдѣнія о вновь подчиненныхъ варварахъ» (Синъ-Кянъ-Вей-Фанъ Гн-Ляо) сказано: «страна Аксу, къ Югу отъ Небесныхъ горъ, недалеко отъ

(30) Онъ относится вѣроятно, по высотѣ своей, къ сосѣднему нагорью, какъ болѣе высокій Кашмиръ — къ болѣе высокому нагорью Тибета.

рѣкъ, образующихъ Таримъ-голь, производитъ виноградъ, гранаты и другіе многочисленные плоды превосходнаго качества, также хлопчатую бумагу (по Гумбольдту Gossypium religiosum, не Gossypium ли herbaceum?), покрывающую поля желтыми облаками. Лѣтомъ жаръ здѣсь необыкновенно великъ, зимою, какъ здѣсь, такъ и въ Турфанѣ, нѣтъ ни значительныхъ холодовъ, ни падающаго снѣга. Извѣстно что въ Хами, въ 50 г. м. къ В. отъ Аксу, растутъ апельсины, виноградъ и гранаты. Гумбольдтъ заключаетъ отсюда о неизменномъ положеніи этихъ пространствъ ([31]). Что касается до однолѣтнихъ растеній, каковы арбузы, дыни, рисъ и травянистая хлопчатая бумага (Gossypium herbaceum), то очень понятно впрочемъ, что они, при лѣтнемъ жарѣ континентальнаго климата, могутъ произрастать даже и на довольно значительной абсолютной высотѣ. Въ Европейской Россіи культура арбузовъ и дыни на бахчахъ доходитъ до 53° с. ш. Виноградъ есть также еще такое растеніе, которое требуетъ только значительнаго лѣтняго жара, потому-что зимою всѣ его лиственные побѣги погибаютъ. Культура его въ Европейской Россіи доходитъ до 49°, не смотря на суровость зимъ Астрахани и нижняго Дона. Что же касается до гранатныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, то дѣйствительно культура ихъ доказываетъ, что Хами и Аксу не могутъ имѣть слишкомъ возвышеннаго положенія. Хотя Аксу лежитъ въ широтѣ Неаполя, а Хами только однимъ градусомъ сѣвернѣе, и хотя необыкновенный лѣтній жаръ континентальнаго климата внутренней Азіи, сокращая періодъ растительности, доставляетъ возможность этимъ плодамъ вызрѣвать въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ на берегу Неаполитанскаго залива, трудно было бы согласовать культуру апельсинныхъ деревьевъ съ суровостью континентальныхъ зимъ, при возвышенномъ положеніи Аксу и Хами. Замѣтимъ однакоже, что оба города расположены въ защищенной высокимъ гребнемъ Т'янъ-Шаня отъ всѣхъ холодныхъ воздушныхъ теченій

(31) См. Humboldt, Ansichten der Natur. 3-te Ausg. Stuttg. 1849. Bd. I. p. 106.

странѣ, открытой съ Юга палящимъ лучамъ южнаго солнца; притомъ же, не имѣя никакихъ ближайшихъ свѣдѣній объ этой культурѣ, мы не можемъ знать какія предосторожности принимаютъ туземцы для защиты своихъ плантацій отъ холодовъ. При подобныхъ условіяхъ культура апельсинныхъ деревьевъ въ Европѣ, на южномъ склонѣ Альповъ, доходитъ еще до 46° с. ш. (на Боромейскихъ ос-хъ Лаго Маджіоре). Во всякомъ случаѣ однакоже мы готовы согласиться съ заключеніями Циммермана и Гумбольдта, которые выводятъ изъ всѣхъ сихъ данныхъ, что высота Аксу, Хами, Лобъ-Нора и нижняго теченія Таримъ-Голя не превосходитъ 1200 футовъ.

Но отъ Аксу, Хами и полосы Тарима нельзя еще дѣлать заключеній о всемъ широкомъ пространствѣ между Т'янъ-Шанемъ и Кунъ-Лунемъ. Мы очень склонны къ мнѣнію, что ложе Тарима и вся полоса отъ Аксу, мимо Лобъ-Нора къ Хами, составляетъ углубленную борозду, подобную той, которую измѣренія Фусса показали въ степи Шамо около Ерги. Аксу, Хами и Ерги лежатъ даже почти въ одной и той же прямой линіи. Сосѣдняя равнина Малой Бухаріи можетъ слѣдовательно, какъ и въ Гоби, быть на 1500 — 2000 ф. выше углубленной борозды, т. е. составлять плоскогоріе въ 3000—3500 ф. абсолютной высоты, которое въ такомъ случаѣ уже нельзя причесть къ низменностямъ. Разумѣется всѣ эти отношенія могутъ быть разрѣшены только положительными наблюденіями. Какъ бы то ни было, обширное нагорье, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерванное, иногда принимающее характеръ альпійской страны, но состоящее большею частію изъ высокихъ равнинъ-плоскогорій, и простирающееся отъ Алтая до Хималайи и отъ Болора до китайской низменности Восточнаго океана, останется характеристическимъ для пластики азіатскаго континента, если даже послѣдующія наблюденія и заключатъ его въ болѣе тѣсныя рамки.

Относительно направленія горныхъ хребтовъ, характеристическимъ для пластики азіатскаго континента остается параллелизмъ четырехъ главныхъ системъ: Алтая, Т'янъ-Шаня, К'унъ

Луна и Гималайи, простирающихся отъ В. къ З., т. е. слѣдующихъ паралельнымъ кругамъ, между тѣмъ какъ нѣсколько другихъ хребтовъ: Уралъ, Болоръ и Хинъ-ганъ, имѣютъ меридіанное направленіе. Этотъ замѣчательный параллелизмъ Гумбольдтъ считаетъ самою поразительною чертою пластики Азіи ([32]). Только разные Географы даютъ разныя длины этимъ хребтамъ.

Алтай (Алтай-алинь у Монголовъ, Гинь-шань у Китайцевъ), между 50—52° сѣв. шир., простирается по Гумбольдту отъ меридіана Змѣиногорска или впаденія Убы въ Иртышъ, до мерид. Байкала, на 216 геог. м. (288 морс. м.). Онъ состоитъ изъ: 1) собственнаго или *Колыванскаго Алтая*, къ З. отъ меридіанной трещины Телецкаго озера; это есть собственно свободно-стоящая горная группа, составлявшая въ доисторическія (дочеловѣческія) времена восточный берегъ большаго морскаго рукава, черезъ посредство котораго Арало-Каспійскій бассейнъ соединялся съ Сѣвернымъ Океаномъ, въ направленіи озеръ Аксакаль-Барби, Сарп-Купа и ложъ Тобола и Оби. 2) *Саянскаго* Алтая, съ параллельными цѣпями Танъ-ну, Улангомъ и Малака, къ В. отъ меридіаннаго Телецкаго озера. Танъ-ну есть та цѣпь которая въ древнія времена раздѣляла Туркскія племена на Ю. отъ Киргизскихъ (Хакасъ) на С. По измѣренію Бергхауза ([33]) Алтайская система имѣетъ 800 г. м. длины. Это происходитъ отъ того, что онъ продолжаетъ алтайскую систему далеко за меридіанъ Байкала, т. е. за р. Орхонъ и узелъ Кентея, и причисляетъ сюда: 3) *Даурскую альпійскую страну*, которая простирается до меридіаннаго хребта Хинъ-Гана и 4) *Становой хребетъ* — до Восточнаго Океана. Обѣ эти цѣпи въ своемъ направленіи отклоняются отъ нормали параллельныхъ цѣпей къ В.-С.-В. Саянскій. Алтай и Даурскія Альпы (до Хинъ-Гана) могутъ еще почитаться сѣверною окраиною азіатскаго нагорья, Колыванскій Алтай и Стано-

(32) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 134—153; Ansichten d. Natur 3 Ausg., T. I. p. 109 etc.

(33) См. Berghaus Physikalischer Atlas. Gotha 1850 Abth. III № 1, 2.

вой хребетъ — свободностоящими его членами, изъ которыхъ первый носитъ характеръ горной группы или массы, а второй — горной цѣпи.

Тянъ-Шань (Тенгри-Тагъ Турковъ), цѣпь вулканическая по мнѣнію Гумбольдта, простирается на 366 г. м. (488 морс. м.) между 41° и 43° с. ш. Онъ начинается отъ меридіана Самарканда цѣпью Асфера или Актагъ, на З. отъ пересѣченія своего съ Болоромъ. За Болоромъ слѣдуютъ горные проходы Кандахаръ и Чжепарле, вулканъ Бо-шанъ (Peshan), Богдо-ола, сольфатара Урумци, вулканъ Турфанъ. Въ меридіанѣ Хами хребетъ исчезаетъ въ надутіи Гоби, или оси азіатскаго нагорья, пересѣкающей его здѣсь подъ острымъ угломъ, и появляется $9^1/_2°$ долготы далѣе, въ Инъ-Шанѣ или Гарчжанѣ, оканчивающемся, по Гумбольдту, въ 52 геграф. мил. не доходя до Чжилійскаго Залива. Въ такихъ размѣрахъ Тянъ-Шань имѣетъ, по Гумбольдту, 468 г. м. дл. (624 мор. м.). Бергхаузъ даетъ ему 630 г. м. длины, причисляя сюда Чанъ-бо-шань (бѣлыя горы) южной Маньчжуріи до самаго Восточнаго океана. Кавказскій хребетъ, по мнѣнію Гумбольдта, также поднятъ на трещинѣ Тянъ-Шаня, только отдѣленъ отъ него арало-каспійскою котловиною.

Кунъ-Лунь (также Цунъ-Линь) простирается вдоль 36° с. ш., отъ меридіаннаго хребта Болора на В., прерванъ въ меридіанѣ Хлассы горнымъ узломъ знаменитаго звѣзднаго моря (Хинь-Ха-Хай) и альпійскаго озера Хухэнора, и продолжается оттуда въ цѣпяхъ Нань-Шань (Nan-schan) и Гилянь-Шань (Kilian-schan), достигающихъ до китайской стѣны при Лянъ-Чжеу (Liang-Tscheou) и оканчивающихся въ провинціи Ху-бей (Hou-pe), 7° не доходя до Нанкина. Но на З. отъ Болора Гумбольдтъ продолжаетъ Кунъ-Лунь очень далеко, считая Инду-ку, Альбурсъ и Тавръ за одну съ нимъ систему. Вотъ какъ Гумбольдтъ представляетъ непрерывность этихъ хребтовъ ([34]). Тавръ начинается въ Ликіи къ С. отъ залива Макри при Тактау-Тагѣ, гдѣ дости-

(34) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 96.

гаетъ въ первый разъ до 1,150 туаз. высоты и простирается вдоль берега Караманіи, гдѣ высота его доходитъ до 1,530 туаз. Весь хребетъ сохраняетъ до меридіана Ерегли среднее направленіе между 36° и 37° с. ш. Далѣе къ В. отъ Ерегли и Тарза, за Искендерумскимъ заливомъ, главная его ось поворачиваетъ къ В.-С.-В. и исчезаетъ близъ озера Вана въ большомъ горномъ узлѣ плоскогорій Адербиджана и Курдистана, маскирующихъ соединеніе Тавра съ западною оконечностью Инду-ку — Альбурсомъ. За сими площадями, въ параллели 35° 57′ сѣв. ш., простирается высокій хребетъ Альбурсъ (съ вулканомъ Демавендъ), котораго направленіе становится нѣсколько меридіаннымъ къ С. отъ Техерана. Далѣе къ В. отъ Демавенда продолженіе этого хребта составляютъ горы Мешедъ, подъ 36° 15′ сѣв. ш., Гуръ, между Гератомъ и Де-Сенчжи, подъ 35° 22′ сѣв. ш. и снѣжныя вершины Инду-ку (Индійскаго Кавказа), между Майкусомъ и Гильгитомъ подъ 35° 3′—35° 22′ с. ш. Вотъ вообще среднее направленіе цѣпи, отъ вершинъ Тавра въ Ликіи до Кафаристана, черезъ 45° долготы, простирающееся, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ въ меридіанахъ озера Вана и города Техерана, въ направленіи почти одного и того же параллельнаго круга, уже извѣстнаго Дицеарху, Эратосѳену и Страбону. Эта параллель, т. е. 36°, пересѣкаетъ горный узелъ Болора и продолжается вдоль горной цѣпи К'унъ-Лунъ или Кулхуна, ограничивающей съ Юга плоскогоріе китайскаго Туркестана, а съ С. плоскогорія Ладака и Тибета, и составляющей слѣдоват. истинное продолженіе таврской и альбурской системы. Гималайскій же хребетъ, отъ Гильгита и Кашмира до окрестностей Горки и Катманду, 4 градуса къ В. отъ священныхъ озеръ Маназа и Равана-Храда, направляется съ С.-З. къ Ю.-В. и, достигнувъ $28^1/_2$° с. ш., принимаетъ направленіе отъ В. къ З., до того пункта, гдѣ большая тибетская рѣка Яру-Цанбо прорывается черезъ него, поворачивая къ Ю. Въ горномъ узлѣ Инду-ку и Болора, соединяющемъ восточное и западное азіатскія нагорья, образуется слѣдовательно раздвоеніе цѣпей, охватывающихъ съ

двухъ сторонъ тибетское плоскогоріе. «Идея продольнаго поднятія горныхъ хребтовъ, вдоль образовавшихся трещинъ, наводитъ насъ естественно», говоритъ Гумбольдтъ, «на аналогію происхожденія минеральныхъ жилъ». К'унъ-Лунь и Хималайскій хребетъ составляютъ какъ бы двѣ вѣтви одной и тоій же жилы, раздѣляющіяся между собою и пріобрѣтающія различныя направленія. При такомъ родѣ геологическихъ соображеній значительность жилы или, лучше сказать, ея масса (а въ семъ сравненіи поперечникъ и высота поднятаго хребта) не имѣетъ большой важности; все зависитъ отъ угла, который жила составляетъ съ меридіаномъ мѣста: направленіе же К'унъ-Луня совершенно совпадаетъ съ направленіемъ Инду-ку, между тѣмъ какъ направленіе Хималайи есть уже отклоняющееся. Отсюда Гумбольдтъ заключаетъ, что Тавръ, Альбурсъ, вся цѣпь отъ Мазандерана до меридіана Аттока, Инду-ку, К'унъ-Лунь и восточныя его продолженія—Нань-Шань и Гиляпь-Шань составляютъ одну цѣпь, длиною въ 830 г. м., до узла Хухэ-Нора (К'унъ-Лунь отъ Болора до Хухэ-Нора имѣетъ 962 г. м.), причемъ дѣло идетъ не объ одномъ измѣненіи номенклатуры, но о фактѣ существованія трещины, сохраняющей на неизмѣримомъ протяженіи отъ В. къ З. одно направленіе, о непрерывности направленія цѣлой оси поднятія. По исчисленію Бергхауза К'унъ-Лунь имѣетъ 460 г. м. Это происходитъ отъ того, что онъ не причисляетъ сюда Тавра, Альбурса и Инду-ку, но съ другой стороны продолжаетъ хребетъ за узелъ Хухэ-Нора до Ялуня, притока Янъ-Цзы-Кяна. Причитая слѣдовательно 900 г. м. китайскаго продолженія К'унъ-Луня за Хухэ-Поромъ мы получимъ цѣлую длину горной цѣпи въ 1,030 г. м., занимающую первое мѣсто послѣ Андскаго хребта.

Хималайя, по Гумбольдту, имѣетъ 345 г. м. дл. (460 мор. м.). Длина эта раздѣляется на двѣ равныя половины: до и послѣ меридіана истоковъ рѣки Яру-Цанбо. Вторая, возвращаясь къ характеристическому параллелизму главныхъ азіатскихъ цѣпей, тянется вдоль 28° с. ш. Продолженіе ея составляетъ китайская

Нань-Линь, по причисленіи которой Гумбольдтъ получаетъ для полной длины Хималайи 600 г. м. По Бергхаузу длина эта составляетъ 1,200 г. м., потому-что онъ причисляетъ сюда Индуку, Альбурсъ и Таврскую цѣпь.

Изъ меридіанныхъ хребтовъ самый длинный есть Уральскій. Онъ простирается, по Бергхаузу, на 250 г. м. Кромѣ Урала, Хинъ-Гана и Болора къ меридіаннымъ цѣпямъ принадлежатъ меньшія: Кузнецкая или Телецкая, Солиманъ, западный Гатесъ и Ливанъ.

Но есть и другія направленія между азіатскими цѣпями, такъ напр. западная окраина аравійскаго плоскогорія, хребетъ Загросъ, Кавказъ и Хималайя до Джавахира паралельны между собою. Алатау, трещина Байкала, Перчинскія и Даурскія горныя цѣпи перпендикулярны къ нимъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія вертикальныхъ отношеній изложимъ мы новую интересную главу, введенную Ал. Гумбольдтомъ въ эту часть сравнительной географіи, это именно опредѣленіе средней высоты континентовъ или другими словами высоты центра тяжести объема надводныхъ континентальныхъ рельефовъ ([35]). Для этого Гумбольдтъ опредѣляетъ среднюю высоту низменностей, потомъ расчисляетъ дѣйствіе каждаго рельефа на повышеніе центра тяжести, принимая каждое плоскогоріе за широкую стоящую призму, которой основаніе есть площадь его, а высота—средняя высота плоскогорія, каждый хребетъ — за треугольную лежащую призму, которой основаніе есть площадь основанія самаго хребта, а вышина — средняя высота цѣлаго хребта или высота горныхъ проходовъ. На такихъ основаніяхъ онъ производитъ слѣдующее расчисленіе для разныхъ частей свѣта.

Пространство Европы=304,000 кв. мор. м. Пиренеи напр. занимаютъ площадь въ 768 мор. миль. Высота ихъ проходовъ 1,250 туаз., но, принимая въ соображеніе очень глубокія доли-

(35) Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Bd. I. p. 190.

ны въ нихъ врѣзанныя, эту высоту нужно уменьшить до 800 туаз. Масса Пиренеевъ, распредѣленная на всю Европу, поднимаетъ ея центръ тяжести только на 1 туазъ. Основаніе Альповъ составляетъ 2,700 кв. м., средняя высота, принимая въ соображеніе глубокія продольныя и поперечныя долины, 800 туазовъ, вліяніе $3^1/_2$ туаза. Пространство занятое иберійскимъ плоскогоріемъ=13,800 кв. м., средняя высота—300 туазовъ, вліяніе—12 туаз. Вліяніе горъ Скандинавскихъ, Сѣверо-Германскихъ, Итальянскихъ и Карпатскихъ = 18 туаз. Принявъ первобытную высоту балтійскихъ и сармато-русскихъ равнинъ (158,000 кв. м.) въ 65 туазовъ получимъ для средней высоты Европы 105 туаз. (205 метр.).

Азія занимаетъ 1.346,000 кв. мор. м., изъ коихъ на сибирскія низменности приходится 400,000 кв. м. На азіатскія низменности должно распредѣлить: 1) нагорье центральной Азіи; 2) хребты Хималайя и Кунь-Луня, съ междулежащими плоскогоріями Ладака и Тибета; 3) Инду-ку, Альбурсъ и Тавръ; 4) Кавказъ; 5) плоскогоріе Ирана; 6) горныя страны Белучжистанъ, Гатесъ, Мизоръ, Нильгери и Китая. Гоби составляетъ призму съ высотою 4,000 ф. и основаніемъ 42,000 кв. м., потому-что Гумбольдтъ принимаетъ для этого плоскогорія самые тѣсные размѣры. Вліяніе Гоби составляетъ слѣдовательно только 20 туаз. ([36]). Нагорье между Хималайею и Кунь-Лунемъ, включая сюда и оба эти хребта, по картамъ Гримма занимаетъ пространство въ 41,800 кв. м. между меридіаномъ 92° 25′ или изгибомъ Яру-Цанбо и меридіаномъ 71° 40′, проходящимъ между

---

(36) Центрально-азіатскому нагорью Гумбольдтъ даетъ слѣдующія границы: на западной сторонѣ: линія пересѣкающая 79° долготы, между Хотаномъ и Керія и продолжающаяся къ В. отъ р. Коссоголь, вдоль праваго берега Тарима на Востокѣ отъ провинціи Ниджанъ, оазиса Хами и развалинъ Каракорума къ Ургѣ и странѣ Халхасовъ, и оканчивающаяся во владѣніяхъ Цецень-Хана; на восточной сторонѣ—горы Тангутъ, городъ Ча-Чжеу, страна Ордосовъ и цѣпь Ханъ-Гай. Изъ этого расчета исключены, кромѣ оазиса Хами, вся земледѣльческая страна, растянутая вдоль береговъ Булунгиръ-Голя и заключающая въ себѣ города 'Ань Си-Чжеу и Су-Чжеу.

Гилгитомъ и Шитралемъ, черезъ горный узелъ, въ которомъ соединяются Хималайя, Кунь-Лунь и Болоръ. Вліяніе этого массива на всю Азію составляетъ 56 туазовъ. Мало-азійскій Тавръ, плоскогоріе Арарата и Инду-ку занимаютъ вмѣстѣ 8,300 кв. мор. м., изъ которыхъ 3,000 приходится на одно плоскогоріе Арарата. Принимая среднюю высоту плоскогорія въ 600 туазовъ, а цѣпи Инду-ку, очень прерывающейся на В. отъ Герата въ 1,000 туаз., получаемъ для вліянія всего только 5 туаз. Пространство, занимаемое кавказскимъ хребтомъ отъ Баку до Анапы, составляетъ по русскимъ картамъ 2,700 кв. мор. м. Высота горнаго прохода Крестовой горы составляетъ 1,242 т., высота, пригороженнаго съ южной стороны хребта, плоскогорія Тифлиса 184 туаза. Принимая въ соображеніе пониженіе хребта около Чернаго моря, Гумбольдтъ опредѣляетъ среднюю высоту его въ 900 туаз. Въ такомъ случаѣ вліяніе Кавказа на всю высоту составитъ только 1 туазъ. Вліяніе Урала и Алтая, вмѣстѣ взятыхъ (3,400 кв. мор. м.) еще менѣе. Плоскогоріе Персіи (27,000 кв. мор. м.), принимая за среднюю высоту его высоты Техерана (627 туаз.), Испахана (688 тауз.) и Шираса (698 тауз.), производитъ на азіатскій континентъ вліяніе въ 12 туазовъ. Китайскія горныя страны занимаютъ 54,400 кв. м. м.; принимая среднюю высоту ихъ въ 800 туаз., вліяніе ихъ составитъ 16 туазовъ. Далѣе, считая на плоскогоріе Аравіи, (Кандахара и Белучжистана, гдѣ плоскогоріе Келата достигаетъ 1,300 туаз. выс.), на цѣпь Гатесъ, плоскогорія Мизора (510 т.) и Нильгери (1,060 т.), и большую Бухарію, орошаемую Оксомъ и Яксартомъ, площадь въ 240,000 кв. м., и, полагая среднюю высоту плоскогорія, занимающаго такое пространство, въ 170 т., Гумбольдтъ получаетъ для полнаго вліянія этихъ частей на всю Азію 29 туаз.; принимая еще для средней первобытной высоты азіатскихъ низменностей 40 туаз., средняя высота всего азіатскаго континента составитъ 180 туазовъ.

Южная Америка имѣетъ 571,000 кв. мор. м. пространства. Цѣпь Андо-Кордильеровъ отъ Магелланскаго пролива до Панам-

скаго перешейка занимаетъ площадь въ 52,000 кв. м. Высота самыхъ низкихъ горныхъ проходовъ ея 1,850 туаз., но, принимая въ соображеніе продольныя долины и другія выемки, Гумбольдтъ принимаетъ высоту горизонтальной призмы ее представляющей въ 1,280 туаз., слѣдовательно вліяніе ея на всю южную Америку составляетъ 64,6 туаз. Вліяніе небольшихъ горныхъ группъ, лежащихъ къ Востоку отъ Андовъ, а именно Паримской, Оренокской и Бразильской, занимающихъ площадь въ 92,000 кв. мор. м., Гумбольдтъ оцѣняетъ въ 12 туаз. Первоначальную же высоту всей низменной части южно-американскаго континента Гумбольдтъ полагаетъ въ 100 туаз., слѣдоват. вся средняя высота его составляетъ 177 туаз.

Сѣверная Америка имѣетъ 607,000 кв. м. пространства. Низменности и саванны, лежащія между Аллеганскимъ и Скалистымъ хребтами (Rocky mountains), также какъ въ Канадѣ, Валлисѣ, Лабрадорѣ и сѣверныхъ земляхъ занимаютъ 328,000 кв. м. Первоначальную высоту этой низменности Гумбольдтъ полагаетъ въ 74 фута. Нагоріе Мехики и Гватималы составляетъ вмѣстѣ 42,000 кв. мор. м., а причисляя къ нему площадь, занимаемую Скалистыми горами — 48,000 кв. м. Расчисляя все это, какъ цѣпь горъ въ 800 туаз. средн. высоты, Гумбольдтъ получаетъ для вліянія цѣлаго—31 туазъ, но, принимая въ соображеніе значительную ширину плоскогорій, накидываетъ еще $^1/_3$ и получаетъ 42 туаза. Аллеганы, при основаніи въ 2,700 кв. м. и средней высотѣ 400 туазовъ, увеличиваютъ высоту континента не болѣе какъ на 1 туазъ. Слѣдовательно средняя высота сѣверо-американскаго континента составляетъ 107 туазовъ.

Въ окончательномъ результатѣ средніе высоты континентовъ или возвышенія центра тяжести фигуры надъ уровнемъ моря представляютъ слѣдующія числа:

Европа.....	при	304.000	кв.	мор.	м.	простр.	105	туаз.	= 205	метр.	=	630 ф.
Азія.....	»	1.346.000	»	»	»	»	180	»	= 351	»	=	1,080 »
С. Америка...	»	607.000	»	»	»	»	117	»	= 228	»	=	702 »
Ю. Америка..	»	571.000	»	»	»	»	177	»	= 343	»	=	1,062 »

Это даетъ для средней высоты всѣхъ континентовъ 158 туаз. = 307 метр., что составляетъ только $^1/_3$ гипотетизированной Лапласомъ высоты (1,000 метровъ), слѣдовательно рельефы континентовъ далеко не могутъ сравниться съ углубленіями океановъ.

Къ §§ 7-му, 8-му и 9-му.

4) *Пространственное устройство всей наружной поверхности земнаго шара и вліяніе ея на ходъ развитія исторіи человѣчества* (заимствовано изъ позднѣйшаго сочиненія Риттера) ([37]).

Чтобы представить читателю общіе результаты *пространственнаго устройства наружной поверхности земнаго шара и вліянія ихъ на человѣческую исторію*, мы за лучшее считаемъ передать здѣсь цѣлое содержаніе превосходной статьи объ этомъ предметѣ самаго Риттера, читанной имъ въ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ 1 апрѣля 1850 года, и представляющей всѣ самые общіе результаты его воззрѣній.

Если мы бросимъ взглядъ, говоритъ Риттеръ, на земной глобусъ, который, даже при самомъ большомъ масштабѣ, является намъ ничтожнымъ, слѣдовательно въ высшей степени несовершеннымъ представителемъ внѣшняго строенія нашей планеты, однакоже производитъ своею шаровидною формою, соединяющею безконечное разнообразіе въ одну единицу, чувственно-преобладающее впечатлѣніе на воображеніе; то прежде всего бросается намъ въ глаза хаотическая разорванность въ распредѣленіи ея, вторгающихся одна въ другую, водныхъ и сухихъ поверхностей, въ которыхъ не замѣтно и малѣйшаго слѣда видимаго порядка. Здѣсь нѣтъ ни математическихъ, очерченныхъ прямыми линіями фигуръ или геометрически устроенныхъ пространствъ, ни рядовъ прямыхъ линій, ни точекъ, и только математически начерченная на этой поверхности сѣть, которую

(37) Ritter über räumliche Anordnungen auf der Aussenseite des Erdballs und ihre Functionen im Entwickelungsgange der Geschichten, vorgetragen am 1. Apr. 1850.

должно было перепести (проэктировать) на землю съ видимаго неба, даетъ намъ искусственную, опредѣленную мѣру, для того, что само по себѣ несоизмѣримо, и даже оба полюса земнаго шара суть только математическія точки, выведенныя изъ ея вращенія и оставшіяся намъ въ дѣйствительности совершенно неизвѣстными. Здѣсь нѣтъ архитектонической симметріи, къ которой нашъ глазъ такъ привыкъ въ человѣческихъ постройкахъ, даже нѣтъ такой симметріи, какая примѣчается въ организмахъ растительнаго и животнаго царства, въ индивидуальныхъ организаціяхъ, гдѣ она проявляется между низомъ и верхомъ, т. е. корнемъ и стеблемъ въ растеніяхъ, и правою и лѣвою сторопою въ животныхъ. И это вполнѣ несимметрическое, какъ бы совершенно неправильное, трудно обнимаемое цѣлое, спутываетъ наши чувства, производитъ непріятное впечатлѣніе, которое мы стараемся удалить наименованіями, не желая отвратить слишкомъ скоро своего взора отъ бѣднаго мыслью, хаотически непріятнаго предмета. Потому всѣ обратились гораздо болѣе къ частностямъ его содержанія, чѣмъ къ разсмотрѣнію всей цѣльной его внѣшности и компедіарная географія получила главныя свои сокровища въ частныхъ описаніяхъ. Потому она елементарно осталась при поименованіи и описаніи частностей, и не поднялась до общихъ отношеній и общихъ высшихъ законовъ, чрезъ посредство которыхъ наука можетъ только дойти до единства и цѣлости.

Хотя планета наша, въ своей безмѣрной разсмотримости, совершенно различна отъ того что представляетъ уменьшенный масштабъ ея въ искусственномъ глобусѣ, на которомъ можно изобразить символически, и то только слабые очерки устройства ея поверхности, мы принуждены были производить терминологію нашу, въ которой дѣло идетъ о земномъ шарѣ, какъ о планетарномъ цѣломъ, отъ его слабаго представителя. Въ самомъ дѣлѣ такимъ образомъ получаемъ мы на искусственномъ глобусѣ большую часть нашихъ терминовъ для пространственныхъ отношеній земли, которые по настоящему должны были

бы проистекать изъ природы самаго предмета, а не слабой его копіи. Но такъ какъ на сей послѣдней была дана первая мѣра, нанесенною на нее извнѣ математическою сѣтью, то терминологія сдѣлалась очень односторонпею и несовершенною, и до сихъ поръ еще не можетъ считаться ни въ какомъ отношеніи достаточною и исчерпывающею для научнаго разсмотрѣнія организма планеты, ни относительно ея горизонтальныхъ протяженій, ни относительно размѣровъ въ высоту и глубину, ни тѣмъ менѣе относительно ея отправленія.

Произведенія природы показываютъ однакоже, въ противуположность съ человѣческимъ искусствомъ, то характеристическое различіе что послѣдніе, хотя бы они даже носили на себѣ печать высшаго совершенства и казались въ высшей степени симметрически красивыми и отдѣланными до самыхъ подробностей, показываютъ, при точнѣйшемъ разсмотрѣніи, отсутствіе внутренней органической связи, а при микроскопическомъ анализѣ — самую большую грубость въ своемъ составѣ, хотя бы то была самая тонкая ткань, изящные часы, гармоническая картина, гладкая политура мраморной или металлической поверхности. Напротивъ, кажущаяся не симметрія, безпорядокъ, хаотическая внѣшность произведеній природы разлагаются на все болѣе и болѣе тонкіе елементы и организаціи, чѣмъ глубже проникаетъ въ нихъ разсмотрѣніе, изслѣдованіе и даже микроскопическій анализъ, хотя бы то были тончайшія нити паутины, или удивительная ткань растительныхъ клѣточекъ и сосудовъ животныхъ организмовъ, или кристаллическія формы неорганическихъ, почти невидныхъ для невооруженнаго глаза кристаллизацій. И такая противоположность проявляется не только въ матерьяльной тонкости, но и въ интеллектуальномъ величіи устройства и отправленій, какъ мы узнаемъ это изъ физіологическаго изслѣдованія, которое вездѣ наводитъ насъ на связь дѣйствій силъ природы, на системы и законы ея, которымъ обязаны своимъ существованіемъ науки: химія, физика, оптика, механика и т. д.

Можетъ ли же эта противуположность не проявляться и въ самомъ большомъ изъ извѣстныхъ намъ тѣлъ природы, т. е. нашей планетѣ, хотя бы мы и были знакомы только поверхностно съ ея наружностью? И эта послѣдняя, кажущаяся намъ дико разорванною слѣпыми силами природы, приняла ли она свою нынѣшнюю, при поверхностномъ взглядѣ спутывающую наши чувства форму, подъ вліяніемъ безсистемной, безцѣльной, хаотически дѣйствующей нептунической и плутонической диктатуры случайно взаимно другъ друга обусловливающихъ силъ? Какъ можно было бы соединить такое предположеніе съ участью ея организмовъ, ея населеній, съ судьбою рода человѣческаго, его исторіи и развитія, особливо если мы остановимся на мысли, что планета наша является для насъ воспитательнымъ домомъ рода человѣческаго, во все время земнаго его существованія.

Каждое растеніе требуетъ для себя приличной почвы, для того чтобы развернуться отъ своего корня до вершины и принести плодъ, каждое существо требуетъ себѣ прирожденнаго елемента, въ которомъ оно живетъ и существуетъ, иначе оно погибаетъ; можетъ ли быть чтобы человѣкъ, при развитіи рода человѣческаго, въ теченіи столькихъ тысячелѣтій, и при столькихъ милліонахъ индивидуумовъ, былъ бы прикованъ къ мѣстообитанію, образованному только враждебными антипатіями силъ природы, все равно зависятъ ли онѣ отъ Нептупа или Вулкана, отъ тепла или холода областей воздушныхъ, къ жилищу, заколдованному только безсмысленнымъ произволомъ? Можемъ ли мы заключить, что онъ привязанъ къ отечеству, не состоящему въ гармоніи съ потребностями прогрессивнаго развитія его рода, только изъ того, что, при своемъ неисчерпанномъ еще разнообразіи поверхностей, отечество это представляется нашему воображенію округленною массою неустроеннаго, сверпувшагося въ елементарныхъ частяхъ своихъ, отвердѣвшаго, такъ называемаго неорганическаго тѣла, которое, будучи выточено въ станкѣ планетъ, пущено въ міръ съ импульсомъ вращательнаго движенія и предоставлено навсегда своей собствен-

ной участи? — Неужели только одинъ человѣкъ лишенъ творческой силы внутренней организаціи, сдѣлавшейся столь характеристическимъ придаткомъ всѣхъ существъ? Не имѣемъ ли мы достаточно указаній на то, чтобы не искать масштаба для вѣчности въ моментѣ настоящаго, не смѣшивать дѣйствующихъ на наши чувства впечатлѣній съ предметами ихъ производящими, не должны ли мы принимать установленный законъ природы, не за произведеніе нашего остроумія или нашей систематики, но за счастливую находку того, что уже всегда существовало, но было, какъ многое на свѣтѣ, для насъ сокрыто и до насъ не было понято. Исторія развитія (genesis) образующихся пыпѣ туманныхъ пятенъ въ міры, вѣтеръ, дующій на насъ съ одной стороны, а приходящій совершенно съ другой ([38]), вмѣстѣ съ другими безчисленными подобными явленіями, служатъ намъ поучительными примѣрами того, что мы не должны заключать изъ кажущейся спутанности и неправильности о недостаткѣ связи и порядка въ явленіяхъ.

Въ устройствѣ наружной поверхности нашей планеты и во внутренней связи ея какъ бы произвольно разбросанныхъ частей, откроемъ мы, чѣмъ глубже захотимъ проникнуть въ изслѣдованіе ея природы, все болѣе и болѣе высокую симметрію и гармонію, и чѣмъ болѣе возмемъ въ помощь къ ея уразумѣнію исторію природы и исторію человѣчества, тѣмъ болѣе замѣтимъ мы прогрессивное развитіе ея пространственныхъ отношеній. Какъ много уже сдѣлали въ этомъ отношеніи: астрономическое опредѣленіе мѣстъ, геодезія, гипсометрія, геогнозія, метеорологія, физика, и какую будущность представляетъ изслѣдованіе законовъ пространственно-планетарнаго устройства, когда мы введемъ и ходъ развитія человѣка и исторіи народовъ, также какъ и произведенія царствъ природы, въ вопросы объ отношеніяхъ пространственно-планетарныхъ формъ. Мы не будемъ говорить здѣсь объ устройствѣ трехъ оболочекъ, въ формахъ

(38) По извѣстному закону вращенія вѣтровъ, открытому Дове.

которыхъ является шаръ земной, т. е. воздушной, водяной и твердой, различнымъ образомъ распредѣленныхъ по его поверхности, потому-что онѣ достаточно извѣстны, замѣтимъ только, что ихъ пространственныя и физическія отношенія находятся въ гармоніи, потому-что, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, вода занимаетъ среднее положеніе, какъ по генезису, метаморфозѣ, такъ и по пространственнымъ своимъ отношеніямъ.

Мы не будемъ говорить также объ извѣстномъ отношеніи континентальнаго скученія массъ въ сѣверномъ полушаріи, которое, представляя контрастъ съ распространеніемъ морей на южномъ, даетъ перевѣсъ относительно распредѣленія теплоты и человѣческаго народонаселенія, какъ въ числѣ его и взаимномъ соприкосновеніи, такъ и въ обмѣнѣ продуктовъ, въ знаніяхъ и идеяхъ—сѣверному полушарію, т. е. арктической сторонѣ земли, передъ южнымъ.

Также и отношеніе пирамидально заостренныхъ и клиновидно устроенныхъ южныхъ оконечностей земель антарктическаго полушарія достаточно извѣстны, во вліяніи своемъ на устройство земныхъ пространствъ, потому-что Гумбольдтъ уже указалъ на этотъ предметъ. Напомнимъ здѣсь только, что всѣ южныя оконечности и въ сѣверномъ полушаріи расчлененнѣе, и потому самому доступнѣе для всякаго рода жизненныхъ дѣятельностей.

Менѣе извѣстна въ своемъ спеціальномъ вліяніи огромная противуположность на земномъ шарѣ, которую мы характеризуемъ названіями *сѣверо-восточнаго сухаго* и *юго-западнаго воднаго полушарія*, другими словами по преимуществу континентальнаго и водянаго міра, теллурической и пелагической стороны земли. Въ послѣдней встрѣчаются только открытыя обширныя океаны, въ которыхъ разбросаны группы острововъ, а континенты вторгаются только своими оконечностями; въ первой преобладаетъ масса неподвижной континентальной формы, заключающая въ себѣ водяныя поверхности только въ видѣ внутреннихъ морей. Въ послѣдней новая Зеландія составляетъ центръ полушарія;

въ первой онъ падаетъ на прибрежье Нѣмецкаго моря, особливо на южную Англію, представляющую антипод новой Зеландіи въ центрѣ континентальнаго полушарія. Страна эта (Англія) имѣетъ преимущества инсулярнаго положенія, посреди всѣхъ морскихъ движеній и морскихъ прибрежій континентальнаго кольца, окружающаго этотъ островъ, поставленный природою въ центрѣ прорѣзаннаго морскими улицами континентальнаго полушарія и тѣмъ самымъ заранѣе предназначенный къ владычеству надъ морями.

Въ одномъ полушаріи всѣ континентальныя массы соединены между собою, въ другомъ — разсѣяны, въ одномъ преобладаетъ сухой, въ другомъ—влажный елементъ. Въ большомъ поясѣ прибрежій, представляющемъ границу между обоими полушаріями, и окружающемъ весь шаръ земной въ видѣ большаго круга, въ діагональномъ направленіи между меридіанами и паралельными кругами, съ С.-В. къ Ю.-З., находится узкая, но разнообразно-окаймленная и расчлененная, переходная зона отъ одного полушарія къ другому, и въ ней уравненіе ихъ контрастовъ выражается, какъ въ ежедневной перемежаемости сухопутныхъ и морскихъ вѣтровъ, такъ и во многихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Къ этому кольцу самаго большаго прибрежія земнаго шара, пересѣкающему какъ сѣверное, такъ и южное полушарія, и склоняющемуся къ водной половинѣ земли, принадлежитъ весь восточный берегъ Африки, весь южный и восточный берегъ Азіи, весь западный берегъ Америки, дополняющій это кольцо, которое остается незамкнутымъ, только съ антарктической стороны, потому-что именно этому Югу недостаетъ континентальныхъ образованій, и слѣдовательно здѣсь не можетъ существовать между земными и водными поверхностями того перехода, которому обязаны своимъ правильнымъ существованіемъ столь многія взаимныя отношенія физическихъ явленій, падающихъ дождей, направленій вѣтровъ, морскихъ теченій и приливовъ.

Нельзя не замѣтить, что уже въ этомъ устройствѣ преобладаетъ жизненный законъ земнаго шара, болѣе высокій чѣмъ наружное, наглядное симметрическое устройство, и что слѣдов., поражающая сначала наши чувства своею самопроизвольною разорванностью поверхность земной коры не имѣетъ недостатка въ глубокихъ органическихъ условіяхъ, хотя наши, еще несовершенныя измѣренія глубинъ моря и недостаточныя геогностическія знанія составныхъ частей и устройства континентовъ не дозволяютъ намъ составить себѣ опредѣленнаго сужденія о причинахъ столь неравномѣрнаго распредѣленія сухихъ и водныхъ поверхностей по всей наружности земной коры.

Теллурическая и морская по преобладанію стороны земнаго шара, въ своемъ діагональномъ расширеніи, черезъ всѣ зоны широты и долготы, должны были обусловить тѣже противуположности и разнообразія въ атмосферѣ, растительномъ и животномъ мірѣ; даже жизнь и бытъ людей и народовъ должны были явиться здѣсь въ совершенно различныхъ формахъ, во сколько человѣкъ зависитъ отъ природы своего мѣстообитанія. Явленія въ исторіяхъ людей и народовъ должны были быть очень различны въ обоихъ полушаріяхъ, а исторіи культуры и цивилизаціи принять даже противуположный ходъ развитія. Континентальный міръ, при скученности народонаселенія, при перецѣпляющихся столкновеніяхъ и обусловленномъ ими обмѣнѣ произведеній и идей, долженъ былъ цивилизоваться ранѣе, океанической же міръ — остаться жилищемъ грубыхъ и необразованныхъ племенъ, покуда не было открыто мореплаваніе и усовершенствована навигація, вслѣдствіе чего и для нихъ насталъ день прогрессивнаго развитія, выводящій ихъ изъ застоя. Племена же, обитавшія вдоль большаго пояса прибрежій, въ пограничной зонѣ двухъ контрастовъ земнаго шара, были наиболѣе споспѣшествуемы, въ своемъ елементарномъ развитіи, разнообразными импульсами природы, какъ напр. еритрейскіе Эфіопляне, даже Египтяне, Аравитяне, Индѣйцы, Китайцы и за-

падные Американцы, какъ это замѣтно изъ ацтекскихъ развалинъ въ Калифорніи, Мехикѣ, Перу.

Говоря о центрахъ, большихъ кругахъ, поясахъ, зонахъ, полушаріяхъ, пирамидальныхъ расчлененіяхъ и т. д., мы должны замѣтить, что, если уже въ физикѣ всѣ эти математическія понятія: половины, точки, прямыя и паралельныя линіи, разсматриваются только какъ аналогическія, то въ примѣненіи къ пространствамъ земной поверхности, въ которой сюда присоединяются еще и колебанія этихъ отношеній, въ противуположность къ постоянству ихъ въ физикѣ, мы употребляемъ эти выраженія о геометрическихъ фигурахъ, ромбоедрахъ, треугольникахъ, овалахъ и т. д., въ совершенно-приблизительномъ смыслѣ, о чемъ упоминаемъ здѣсь, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній.

Кромѣ нептуническаго перевѣса, водное полушаріе имѣетъ еще одну особенность въ устройствѣ своей поверхности, именно перевѣсъ преобладающаго и всегда дѣятельнаго огненнаго круга, т. е. перевѣсъ вулканической дѣятельности, отъ которой другое полушаріе, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ почти свободно, и при мирныхъ и медленныхъ поднятіяхъ, хотя наполнено слѣдами прежнихъ подобныхъ дѣйствій, но представляетъ нынѣ только отдѣльныя, спорадически разсѣянныя ихъ группы, съ періодически прерванною дѣятельностію.

Это огненное кольцо непрерывныхъ вулканическихъ рядовъ, указанное однимъ изъ величайшихъ геогностовъ нашего вѣка ([39]), окружаетъ обширный водоемъ колоссальнаго Восточнаго или Тихаго океана, и большею частію совпадаетъ съ упомянутымъ большимъ прибрежнымъ поясомъ. Оно прикрывается отчасти симъ послѣднимъ, въ западно-американской и сѣверно-азіатской береговыхъ дугахъ, а въ южно-азіатской проходитъ передъ нимъ въ разныхъ паралеляхъ, черезъ ряды прибрежныхъ острововъ, и наконецъ, расходясь съ нимъ совершенно къ Ю.-В., отклоняется къ срединѣ Южнаго океана. Потому вулканическій

(39) Л. фонъ Бухомъ.

поясъ составляетъ не большой, а меньшій кругъ земнаго шара, только отчасти прикрывающійся береговымъ большимъ поясомъ и содержащій по срединѣ своей, въ лонѣ Тихаго океана, тысячи уединенныхъ, поднятыхъ, малыхъ базальтическихъ острововъ и островныхъ группъ, которые возвышаются надъ поверхностью воды, съ однообразными плутоническими горными породами и горными формами, но давно ослаблены въ своей подводной дѣятельности. Самый же постоянно дѣятельный поясъ совпадаетъ, на В. Южнаго океана, съ продольною, имѣющею 1000 миль длины цѣпью Кордильеровъ, на западномъ краѣ американскаго континента, гдѣ А. Гумбольдтъ насчиталъ на самомъ гребнѣ отъ 50 до 60 огнедышащихъ горъ и кратеровъ, въ промежуткахъ коихъ встрѣчается и еще множество другихъ. На западной же сторонѣ великаго Восточнаго океана, падаетъ, въ параллелизмѣ съ береговымъ очертаніемъ австралійскаго и восточно-азіатскаго континента, линія рядовыхъ вулкановъ, указанная Л. Бухомъ, на продольное нормальное направленіе длинныхъ горныхъ острововъ. Они простираются, съ продольными осями, имѣющими одно и тоже сѣверо-восточное направленіе или параллельными между собою, также на 1000 миль длины, отъ двойнаго острова Новой Зеландіи до сѣверной оконечности Филиппинскихъ острововъ, съ отвѣтвленіемъ ихъ направленія къ Молуккамъ и съ 80-ю грозными, постоянно дѣйствующими жерлами. Отсюда весь кругъ заключается большою выпуклою дугою къ С., черезъ группы Японскую, Курильскую, Камчатскую, Алеутскую и Уналашкинскую, съ полсотнею также еще дѣятельныхъ вулкановъ, или морскихъ, т. е. расположенныхъ на островахъ, какъ въ австралійскомъ рядѣ, или континентальныхъ, какъ въ американскомъ. Это же кольцо примыкаетъ къ сѣверной оконечности Кордильерскаго ряда, вулканомъ Св. Иліи и сосѣднимъ съ нимъ Cerro di Buen Tiempo, такъ что весь этотъ большой и всегда дѣятельный огненный кругъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе.

Только на Югѣ кругъ этотъ остается незамѣтнымъ, хотя на Сѣверѣ, почти исчезающее тамъ раздѣленіе континента, на

старый и новый свѣты, не мѣшаетъ ему переходить, въ своей глубоко пустившей корни связи, съ одного изъ большихъ континентовъ на другой, и соединять подземно то, что раздѣлено океанически. Тамъ разумѣется сходятся и самые континенты сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки, съ нѣсколько-часовымъ только перерывомъ въ Куково-Беринговомъ проливѣ, и это одно могло бы уже указать на равновременность образованія (генезиса) вулканическаго кольца изъ исполинской трещины земной коры съ поднятіемъ и падутіемъ, расположеннаго позади его, болѣе плоскаго континента. Подтвержденіе тому представляетъ, какъ кажется, противуположное, отрицательное явленіе, въ большомъ промежуткѣ незамкнутаго кольца, между отстоящими другъ отъ друга на 1000 миль южными окопечностями: Америки—въ мысѣ Горнѣ, и Австраліи—въ Тасманіи, гдѣ, вмѣстѣ съ континентальными образованіями, исчезаетъ совершенно и сопровождающій ихъ вулканическій вѣнецъ и гдѣ, въ противуположность съ богатымъ островами Восточнымъ океаномъ внутри огненнаго кольца, начинается бѣдный, или почти свободный отъ нихъ океанъ, распространяющійся по значительнѣйшей еще земной поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, при обзорѣ морской стороны земли внѣ этого кольца, нельзя не удивляться, какъ мало острововъ поднимаются изъ ея лона. Между тѣмъ какъ полоса самой большой экваторьяльной зоны острововъ проходитъ въ діагональномъ направленіи эклиптики, отъ Филиппинскихъ острововъ къ Ю.-В. до одинокого Устричнаго острова, оживляя своими еще несчитанными, плотно скученными пунктами острововъ синюю поверхность Южнаго океана, почему ее и сравнивали съ богатымъ звѣздами млечнымъ путемъ на небѣ (эта полоса острововъ сопровождается еще второю, хотя слабѣйшею, паралельною съ нею и проходящею гораздо далѣе на С. отъ японской группы, также къ Ю.-В., до колоссальнаго вулкана Сандвичевыхъ острововъ), внѣ огненнаго вѣнца ея наблюдатель находитъ необыкновенную бѣдность въ островахъ. Всѣмъ морякамъ хорошо извѣстна эта бѣдность, въ

противуположность съ богатствомъ внутренняго пространства. Антарктическій кругосвѣтный мореплаватель, до новѣйшаго открытія страны Викторіи и ея вулкана Джемсомъ Россомъ, едва могъ найти, къ Югу отъ упомянутаго перерыва вулканическаго кольца, только отдѣльные уединенные скалы и утесы, едва заслуживающіе названіе острововъ, какъ напримѣръ утесы Петра I и Александра I, и, въ обширномъ пространствѣ южнаго Ледовитаго моря, пройденномъ Джемсомъ Уеделемъ (Weddel въ 1822 г.), не найдено ни одного острова. Также и въ болѣе сѣверныхъ широтахъ великаго Индѣйскаго океана, между Новой Голландіей и юго-восточною Африкою, океаническія скалы, Кергуеленъ, Св. Павла и Амстердамъ, едва заслуживаютъ наименованія. Островная пара Бурбона и Маврицій стоитъ уединенно. Въ Атлантическомъ океанѣ, кромѣ антарктическихъ скалъ Сандвичевой земли, до группы Новой Южной Шотландіи, во всей эфіопійской ширинѣ океана, встрѣчаются только отдаленные одинъ отъ другаго океаническіе пункты — Тринидадъ, Св. Елены и Вознесенія, которые, для того чтобы достигнуть до поверхности моря, должны были подняться съ самой большой изъ когда либо измѣренныхъ глубинъ океана, именно 14550 анг. ф., т. е. равной вышинѣ Монблана, по первому измѣренію Дж. Росса, даже съ 27600 ф., по второму его измѣренію.

Только къ С. отъ экватора, антиподами острововъ Южнаго океана являются опять, болѣе многочисленныя, но все же ограниченныя, центральныя вулканическія группы острововъ надъ поверхностью моря, какъ напр. Канарскія, Асорскія, Ферерскія, до Исландіи, не принадлежащія болѣе къ открытымъ океаническимъ, но къ полярнымъ прибрежнымъ островамъ, гдѣ вблизи обоихъ полюсовъ: на Сѣверѣ — на островѣ Джонъ-Майенѣ, а на Югѣ — въ горѣ Эребусѣ 12000 ф. выс., какъ замѣчаетъ Джемсъ Россъ, открывшій страну Викторію, огнепныя образованія, съ обновленною силою и дѣятельностью, опять пріобрѣтаютъ себѣ территорію, послѣ столь обширнаго пространственнаго перерыва.

Поднимающая и сдѣлавшаяся видимою огненная сила, которая слѣдоват., внѣ большаго вулканическаго кольца, осталась сосредоточенною въ рѣдкихъ пунктахъ извержения, но образовала тѣмъ большія группы острововъ, должна была нѣкогда распространяться въ безконечно большой дѣятельности через весь бассейнъ Южнаго океана, потому-что изъ него поднялись, исключая видимыхъ острововъ, съ болѣе мелководнаго, въ тоже время поднявшагося дна морскаго, еще множество оставшихся невидимыми, т. е. отмелей, банкъ, скалъ, столовидныхъ острововъ, почти до морской поверхности; на такихъ подпятіяхъ основались тысячи коралловыхъ рифовъ и коралловыхъ острововъ, до той высоты, до которой достигали волненія приливовъ. Но поднимающая, остающаяся невидимою сила паровъ, распредѣленная на эти тысячи отдѣльныхъ пунктовъ, осталась однакоже какъ бы безсильною для того, чтобы поднять цѣлое дно до формы видимаго континента, котораго подводное распространеніе можетъ быть только изслѣдовано рядомъ лоцій.

Такая дѣятельность, распространенная не на отдѣльныя пункты, а на большія пространства, проявилась напротивъ вездѣ внѣ вулканическаго кольца, въ поднятіи надъ поверхностью моря континентовъ стараго и новаго свѣтовъ, въ которыхъ непрерывныя и высокія формы плоскогорій явились вездѣ высокими черепами со стороны вулканическаго кольца; съ другой же, противуположной стороны, внутри континентальнаго полушарія, образовались самые большіе склоны, которые вездѣ, какъ въ старомъ, такъ и новомъ свѣтѣ, къ С., С.-З., З., С.-В., перешли въ низменности со стороны сѣвернаго Атлантическаго и полярнаго Арктическаго океана. Безспорно это произошло отъ того, что поднимающая сила въ опредѣленной прогрессіи уменьшилась къ срединѣ главнаго углубленія, но тѣмъ болѣе могла образовать, слѣдуя тому же направленію, въ горизонтальномъ протяженіи черезъ полярную сторону земнаго шара, сухую и плоскую земную поверхность. Тамъ явилось самое большое континентальное образованіе, въ противупо-

ложности съ большимъ островнымъ нашей планеты, черезъ которое ходъ развитія человѣческой исторіи получилъ свое основаніе для прошедшаго и будущаго.

На западной сторонѣ австралійскаго ряда вулкановъ, изъ которыхъ ни одинъ не находится на противулежащей ему на Западѣ и столь близкой къ нему поверхности континента, распространяется равнина цѣлой части свѣта, большая ново-голландская низменность, для болѣе массивнаго и болѣе высокаго поднятія которой, была уже недостаточна, ослабленная плутоническая сила, столь дѣятельная подъ бассейномъ Южнаго океана. Даже, заключенное между этою низменностью и мимоидущимъ отъ Новой Гвинеи рядомъ острововъ, столь мелкое Коралловое море (the great Barier), или не въ силахъ было превратиться въ континентальное пространство, или снова погрузилось въ волны океана.

Эта большая область австралійскихъ низменностей, составляющая цѣлую часть свѣта, продолжается и далѣе къ С. отъ инсулярнаго зондскаго перешейка съ его многочисленными перерывами, между Карпентаріею и юго-восточною Малаккою, на азіатской же почвѣ — въ плоскихъ прибрежьяхъ дальней Индіи, Тункина и восточнаго Китая, до тѣхъ поръ пока ему не полагаетъ предѣла высокое надутіе центральнаго плоскогорія Азіи, на своей окраинѣ, въ крутыхъ берегахъ Ляо-Дуни и Кореи, противъ уединенной большой вулканической группы Японіи.

Аналогически съ этимъ явленіемъ расположены въ южной и сѣверной Америкѣ всѣ большія низменности этой части свѣта, непосредственно внѣ вулканическаго вѣнца континентальнаго Кордильерскаго хребта и поддержанныхъ его плечами, очень высокихъ, но узкихъ и растянутыхъ плоскогорій. Внутри низменностей, на всей обширной поверхности восточной Америки, нѣтъ ни одного вулкана, также какъ и на австралійской низменности, что представляетъ замѣчательную аналогію; и скаты обширныхъ низменностей, какъ то показываютъ ихъ рѣчныя системы, направлены къ внѣшней сторонѣ огненнаго

кольца, которое, въ этой части свѣта, совершенно совпадаетъ съ большимъ береговымъ поясомъ, но его внутренняя сторона круто падаетъ въ глубокое море Великаго океана, между тѣмъ какъ внѣшняя сторона континентальныхъ низменностей спускается вездѣ, постепенно террасированными уступами, къ ефіопскому и атлантическому океану, съ кое гдѣ только разбросанными горными группами, низшаго разряда.

Перейдемъ теперь отъ этой замѣчательной аналогіи положеній низменностей и ихъ скатовъ, относительно описаннаго нами огненнаго кольца, съ обѣихъ сторонъ новаго свѣта—американской и австралійской, къ общему строенію стараго свѣта.

Здѣсь повторяется тотъ же законъ аналогическаго устройства подиятія низменностей и впадинъ, только съ измѣненіями, произведенными его расчлененною съ южной стороны формою и удаленіемъ его южнаго берега, отъ уклоняющагося къ Ю.-В. въ южное море огненнаго кольца и инсулярныхъ рядовыхъ вулкановъ; такъ что нормальное направленіе его береговой линіи, по отклоненіи ея отъ огненнаго кольца, слѣдуетъ направленію великаго береговаго пояса, отъ южнаго Китая, черезъ дальнюю и ближнюю Индію, южную оконечность Аравіи, восточной выступъ Эфіопіи и весь длинный юго-восточный берегъ Африки, до м. Доброй Надежды.

Здѣсь очень поучительно вообще то, что А. Гумбольдтъ доказалъ для центральнаго, ромбоедрическаго по очертанію плоскогорія восточной Азіи, котораго частное положеніе законоположно для цѣлаго явленія. Именно діагональ, пересѣкающая это центральное плоскогоріе, отъ Ю.-З къ С.-В., и раздѣляющая его на двѣ трехугольныя половины—сѣверо-западную и юго-восточную (монгольскую и тебетскую), обозначаетъ и ось самаго большаго надутія цѣлаго плоскогорія, къ Ю.-В. отъ которой лежатъ самыя высокія горныя массы, а къ С.-З. начинается низменность. Самое значительное надутіе къ Ю.-В. представляетъ Тибетское нагорье, достигающее высоты 14000 ф., между тѣмъ какъ вершины его въ Хималайской цѣпи доходятъ

до 20 и 25000 ф. абс. высоты; круто падающая въ сосѣднія— южно-китайскую, дальне-индѣйскую и бенгальскую предлежащія низменности, окраина этого массивнаго поднятія кажется поднимается до еще бо́льшихъ высотъ, вѣроятно самыхъ колосальныхъ нашей планеты. Хотя это еще и не доказано никакими прямыми измѣреніями, но на то, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, указываетъ, возрастающая къ В. высота горныхъ вершинъ, какъ это показало новѣйшее измѣреніе высоты Кишшинъ-чжинга въ Сиккимѣ полковникомъ Уогомъ (Waugh) и Хукеромъ,—давшее 26,438 фр. ф. выс., слѣдов. болѣе значительную чѣмъ Явагиръ, Давалагири и Чжамалари въ Ю.-В. крутой стѣнѣ Хималайскаго хребта, тогда какъ къ В. отъ Кишшинъ-Чжинга стоятъ еще другія вершины, подобной же, исполинской высоты.

За діагональною осью самаго большаго надутія центральнаго плоскогорія, съ монгольской сѣверной его стороною, начинается къ С.-З., террасообразно, широкими и длинными ступенями, постепенное склоненіе стараго свѣта, до ледовитаго моря сибирскихъ и сѣверно-европейскихъ береговъ.

Это пониженіе отъ южной окраины нагорной Гоби, имѣющей 8000 ф. надъ ур. м., простирается, по нивеллировкѣ русскихъ академиковъ, къ С.-З., черезъ средину Гоби, уступами въ 5000, 4000, 3400, 2400 ф., до высоты уровня Байкала, въ 1200 ф. и еще болѣе низкаго Зайссана, въ верховьяхъ Иртыша 1000 ф. абс. выс. Такое пониженіе, слѣдуя всему протяженію стараго свѣта, переходитъ равномѣрно къ З. въ значительное и уже извѣстное углубленіе Аральскаго и Каспійскаго моря (—72 пар. ф.); оно достигаетъ около Тобольска только 100 ф. абс. высоты и переходитъ, посредствѣ цѣлаго теллурическаго полушарія, въ каспійской и понтійско-балтійской восточной Европѣ, въ самую большую низменность стараго свѣта, и еще далѣе, плоскою поверхностью полярныхъ земель обнимаетъ сѣверный полюсъ, съ равномѣрнымъ строеніемъ и единствомъ во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта (Европѣ, Азіи и Америкѣ).

Тотъ же самый законъ *поднятія* массъ до значительныхъ высотъ, въ Ю.-В., крутыхъ ихъ окраинахъ, къ большому прибрежному поясу, также какъ и ихъ *пониженія*, въ противуположномъ направленіи, къ внутренней теллурической сторонѣ полушарія, повторяются во всѣхъ бо̀льшихъ и меньшихъ, связанныхъ между собою или отдѣльныхъ плоскогоріяхъ, вдоль большаго береговаго пояса, и дозволяетъ, по аналогіи явленій, заключить объ аналогіи силъ и дѣйствій при образованіи ихъ. Нормальное направленіе оси поднятыхъ массъ центральной Азіи совпадаетъ съ общимъ поднятіемъ массъ на всемъ земномъ шарѣ, въ томъ же діагональномъ направленіи для цѣлаго континентальнаго кольца большихъ континентовъ; такъ что въ ея частной діагонали выражается законъ поднятія всей земной коры, въ направленіи болѣе общей діагонали поднятія самыхъ колоссальныхъ и высокихъ массъ земнаго шара. Направленіе этого общаго поднятія характеристически различно отъ часто діаметрально противуположнаго направленія частныхъ поднятій горныхъ хребтовъ, обусловленнаго направленіемъ трещинъ, которыя Ели де Бомонъ старался сгруппировать въ систематическомъ и хронологически-геологическомъ порядкѣ.

Въ персидскомъ плоскогоріи, Ю.-В. окраина поднимается въ Белуджистанѣ до значительной высоты Келатскаго плоскогорія, 8000 ф. абс. выс., между тѣмъ какъ С.-З. его пониженіе уже въ Испахани спускается до половины, въ Техеранѣ до 3700 ф., въ Комѣ 2000 ф., а на С. еще быстрѣе въ Бухаріи и къ Аральскому морю, и круто падаетъ на южной оконечности Каспійскаго моря ниже уровня океана. Плоскогоріе Деккана достигаетъ на югѣ, въ Нильгери близъ мыса Ко̀морина, до самой значительной своей высоты — 9000 ф. въ плоскогоріи Утакамунда. Оно понижается все болѣе и болѣе въ нагоріи Мизора, Мальвы, Мевара и къ С. отъ цѣпи Виндія, до низменности Синда, примыкающей съ С. къ стѣнѣ Гималайскихъ горъ. Точно также плоскогоріе Аравіи достигаетъ своей значительнѣйшей высоты въ Неджедѣ (что значитъ нагорье), ю.-в. углу

Гадрамаута, Омана и Йемена (горы Макалла 6000 ф., Джебель Тайсъ 7000 ф. по свидѣт. Ботта); оно спускается на С. къ Санѣ уже на 4000 ф., вблизи Мекки въ Таифѣ на 3000 ф. предѣльной высоты, за Баранскимъ же берегомъ въ Персидскомъ заливѣ и въ Сирійской и Мессопотамской равнинахъ къ Шатъ-ель-Арабу вся поверхность представляетъ уже только форму обширной низменности. Даже Синайская группа, хотя расположенная на самомъ концѣ трещины Краснаго моря, и представляющая только частное возвышеніе, съ небольшей, прислоненной къ нему на С. формою плоскогорія, слѣдуетъ тому же общему закону. И оно имѣетъ значительнѣйшее возвышеніе въ крутомъ своемъ скатѣ къ Красному морю, точно также, какъ при гораздо болѣе колоссальныхъ размѣрахъ, вся поднятая масса южной и восточной Африки достигаетъ самой значительной высоты своего нагорья со стороны Индѣйскаго океана (въ снѣжныхъ горахъ 10,000 ф.), въ странѣ истоковъ Оранжевой рѣки 6000 ф., къ югу же отъ экватора, на З. отъ Момбаза, до высоты снѣжныхъ горъ, по новѣйшему открытію Ребмана, на плоскогоріи Шоа около Анголола 9 — 10,000 ф. (по Гаррису) и въ сѣверномъ Габешѣ въ Гондарѣ 7000 ф. по Рюппелю, (въ Шаменѣ 13000 ф.). Великій склонъ Африки спускается, какъ извѣстно, на С. въ низменность обширной Сахары и длинную трещину теченія Нила, слѣдовательно внутрь большаго углубленія всего теллурическаго полушарія (отчасти покрытаго Средиземнымъ моремъ и Антлантическимъ океаномъ), къ которому также спускается и большое углубленіе плоской восточной Европы, именно Понтійское, также какъ и частная возвышенность средне-европейской горной страны къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ.

Только системы меридіанныхъ хребтовъ пересѣкаютъ эту главную низменность сѣверо-западной стороны земнаго шара, именно: три большіе горныя паралели Урала, Скандинавскихъ альповъ и Аллегановъ, и раздѣляютъ, какъ извѣстно, все это углубленіе на три части, отчасти покрытыя моремъ, отчасти—сушею

и принадлежащія къ тремъ сѣвернымъ частямъ свѣта. Самостоятельныя линіи свободно-стоящихъ хребтовъ, направленныхъ отъ В. къ З., какъ: Кавказскаго, Карпатскаго, Альпійскаго, Пиренейскаго, являются болѣе независимыми отъ этого компактнаго рельефа, которому были подчинены хребты окраинъ плоскогорій; онѣ образуютъ, особливо въ сильно расчлененномъ на З. континентѣ стараго свѣта, болѣе самостоятельныя системы, характеризующія европейскую часть свѣта.

Мы указали до сихъ поръ на 5 или 6 самыхъ замѣчательныхъ чертъ пластическаго устройства земнаго шара, какъ на факты въ общихъ явленіяхъ земной коры, не переходя къ ихъ возможнымъ причинамъ или къ проистекающимъ изъ нихъ въ частностяхъ вліяніямъ, потому что легко усмотрѣть сіи послѣднія. Послѣдствіемъ великаго закона всеобщаго углубленія средины континентальнаго полушарія было напр. то, что великое семейство народовъ міра древней цивилизаціи, при небольшомъ разсѣяніи его къ внѣшнимъ расчлененіямъ, сошлось въ наибольшемъ (maximum) пространственныхъ сближеній трехъ частей свѣта, на одномъ большомъ, очень доступномъ и удобномъ для человѣческаго развитія театрѣ ихъ дѣятельностей, который потому самому долженъ былъ сдѣлаться классическою почвою всемірной исторіи, и въ которомъ всѣ пути международныхъ сношеній привели, подобно рѣкамъ, къ одному общему бассейну; потому что большія низменности, въ своихъ замѣчательнѣйшихъ протяженіяхъ черезъ средину стараго свѣта, отъ одной части свѣта къ другой, въ равномѣрныхъ климатическихъ зонахъ отъ В. къ З. (не такъ какъ въ Америкѣ въ различныхъ, отъ С. къ Ю.), сдѣлали возможными всякаго рода международныя сношенія и сообщенія. Между тѣмъ, только на наружной сторонѣ (континентальнаго полушарія), стѣна непробиваемыхъ плоскогорій осталась трудно побѣдимою, препятствующею, раздѣлительною естественною формою, болѣе останавливающею ходъ народнаго развитія, чѣмъ самая крутая рѣшетка поднятыхъ на низменностяхъ горныхъ цѣпей, которая все же представила бы болѣе доступные перерывы.

Намъ нужно было только отыскать въ кажущейся неправильности слѣды высшей симметріи и гармоніи, о которой елементарный и неопытный взглядъ сначала не можетъ имѣть никакого понятія, потому что разнообразіе природы въ этой запутанной сѣти нормалей столь богато частностями и отсюда происходящими особенностями (мѣстными индивидуальностями), что не можетъ быть понято безъ глубокаго изученія.

Если же мы перейдемъ ко второму отдѣлу нашихъ замѣчаній: къ образованіямъ частей свѣта, составляющихъ отдѣльныя индивидуальности земной коры, состоящія подъ общимъ вліяніемъ сихъ нормалей, но изъ коихъ каждая имѣетъ свою отдѣльную характеристику въ своей особенной пластикѣ, то все что мы называемъ гармоніею въ теллурическихъ образованіяхъ, въ отношеніи къ ходу человѣческой исторіи и прогрессу развитія жизни планеты, сдѣлается намъ можетъ быть еще яснѣе, чѣмъ изъ предъидущаго.

Что въ группировкѣ массъ земной системы, всегда постоянное, неизмѣняющееся положеніе частей свѣта должно было имѣть вліяніе, гармоническое съ вращеніемъ земли, слѣдуетъ уже изъ исторически образовавшихся противуположностей между Востокомъ и Западомъ, распространяющихся въ своихъ прогресивныхъ переходахъ, черезъ цѣлый кругъ земной. Этотъ контрастъ уже давно существовалъ въ сознаніи народномъ, какъ на Востокѣ и Западѣ, такъ и на холодномъ Сѣверѣ, (странѣ Гиперборейцевъ) и жаркомъ Югѣ (странѣ Эфіоплянъ), и предшествовалъ раздѣленію на части свѣта. Какъ время отъ утра до вечера, отъ надеждъ до исполненій, протекаетъ черезъ жаркій полдень, до тѣхъ поръ пока всеуспокаюающая ночь, (подобно полярной сторонѣ земли), не явится контрастомъ за предѣломъ этого теченія, такъ расположены въ пространствѣ Востокъ въ Азіи, относительно жаркой Ливіи и Запада въ Европѣ, а точно также опять старый свѣтъ, относительно новаго, поставленъ космическимъ контрастомъ, какъ Востокъ, относительно Запада земли. Глубокая древность и новѣйшія времена, прошедшее, настоящее,

будущее, колыбель племенъ, ихъ исторія и культура на Востокѣ, прогрессъ болѣе развитой жизни народовъ и государствъ и весь кругъ идей ихъ вліяній на Западѣ—все это, въ своей каузальной связи и законоположности, является только съ группировкою космическаго (міроваго) положенія главныхъ массъ, нашей планеты; даже народный застой въ свѣтломъ, духовнолѣнивомъ, матерьяльно переполненномъ населеніемъ Суданѣ, также какъ и еще не совершившееся пробужденіе народовъ, въ мало обитаемомъ, темномъ и холодномъ Сѣверѣ, стоятъ въ гармоніи съ этимъ положеніемъ, до тѣхъ поръ пока, въ прогрессѣ рода человѣческаго, не найдены будутъ искусственныя средства для побѣжденія препятствій и импульсовъ природы, и освобожденія человѣческаго рода отъ естественныхъ оковъ и отечественныхъ границъ; такъ какъ уже наутика побѣдила морскія пустыни и морскія раздѣленія, сила паровъ совершенно измѣнила пространственныя различія, а колонизація и плантатарство перенесло дары природы и населенія съ одной стороны земнаго шара на другую.

Упомянутыя противуположности (между Востокомъ и Западомъ) проявляются уже у Китайцевъ въ ихъ Си-Юй (Западѣ), а въ санскритскомъ мірѣ—въ ихъ Пара и Апара, т. е. на истинномъ Востокѣ стараго свѣта, котораго боги, подобно солнцу, выходятъ изъ моря на самомъ отдаленномъ Востокѣ, какъ Оаннесъ Халдѣйцевъ, Брама Индусовъ. Тѣже противуположности повторяются и далѣе на Западѣ, гдѣ Греки переносятъ свою Анатолію (ἀνατολικὴ sc. χῶρα) въ Малую Азію, свою 'Есперію въ Италію, Римляне свой Востокъ — въ Левантъ, свою 'Есперію— на край стараго свѣта въ Испанію и Insulae fortunatae, въ одно мѣсто съ Западомъ Аравитянъ—Ель-Магребъ. Европейцы проникаютъ черезъ океанъ въ новый свѣтъ, а съ ними мигрируютъ и ихъ понятія, воззрѣнія, народныя отношенія, которыхъ пространственное значеніе должно разумѣется исчезать все болѣе и болѣе, съ прогрессомъ историческаго уравненія этихъ противуположностей; страны опаленныхъ солнцемъ Эѳіоплянъ и

'Иперборейцевъ 'Омерическихъ временъ, къ Югу и Сѣверу отъ Греческаго Архипелага, давно исчезли, хотя для Индуса существуетъ еще и понынѣ его 'иперборейская страна—Уттара Куру, а Эѳіопская Ливія расширилась въ цѣлую часть свѣта.

Эти, сами по себѣ дѣйствительныя противуположности могли сдѣлаться для народовъ только релятивными отношеніями, въ имѣвшемъ на нихъ вліяніе ходѣ исторіи, гдѣ природныя вліянія пространствъ могли быть совершенно измѣнены искусственными, потому отсюда и проистекло различіе въ методѣ и изложеніи древней и новой географіи.

Космическая группировка и міровое положеніе частей свѣта сохранятъ всегда свое вліяніе, хотя его прежняя абсолютная рѣзкость измѣняется прогрессомъ времени, какъ напр. морскими сообщеніями. Классическая, пространственная почва всемірной исторіи, въ наибольшемъ центральномъ приближеніи трехъ частей стараго свѣта, отъ Инда до Тибра, и отъ Нила до Окса и Танаиса, останется классическою и для потомства, относительно всѣхъ главныхъ событій, только что развившагося изъ народной колыбели рода человѣческаго, которой она служила основаніемъ въ прошедшія тысячелѣтія, именно потому что она играла организирующую роль; но цивилизація уже отняла у предпочтенныхъ извѣстными временами пространствъ одной стороны планеты ихъ преобладающее вліяніе и перенесла его на другія пространства.

Различныя части планеты получили, для различныхъ періодовъ исторіи, различныя надѣленія, воспріимчивость, даже особенныя способности къ развитію, которыя могутъ быть приведены въ извѣстность, только ходомъ исторіи; и небольшая только часть ихъ уже проявила свои міровыя отправленія; циклъ ихъ развитія открылся только со времени немногихъ тысячелѣтій, и гораздо большая часть еще сокрыта для нашего взора. Величайшія глубины духовной природы человѣка могли открыться намъ гораздо ранѣе, потому что мы стоимъ имъ несравненно ближе; напротивъ же божественныя тайны нашей

планеты остались гораздо болѣе сокрытыми для мимолетнаго гражданина земли.

Если природа и отправленіе моря сдѣлались извѣстными чрезъ искусство навигаціи, системы вѣтровъ и морскихъ теченій— чрезъ посредство паруснаго корабля, явленія приливовъ и отливовъ — чрезъ изученіе портовыхъ временъ, а многія естественныя произведенія — чрезъ посредство ихъ врачебныхъ свойствъ; то нѣкоторыя избранныя полосы земли повели насъ къ болѣе точному ихъ знанію тѣмъ, что онѣ особенно способствовали развитію цивилизаціи: несравненно же бо́льшая часть земли лежитъ въ этомъ отношеніи еще въ залежьѣ, потому-что не одна наука, но и ходъ исторіи цивилизованнаго міра должны разрѣшать загадку тайнъ природы. Мы занимаемся теперь еще узнаніемъ *елементовъ* развитія наружной поверхности нашей планеты, и только съ недавнихъ поръ появляются намъ изъ глубинъ геогностическія отношенія; какое же вліяніе будутъ имѣть еще неисчерпанныя мѣстонахожденія металловъ и пласты каменнаго угля на столькихъ концахъ земли, также переселенія, колонизаціи и миссіи разнаго рода въ мѣстности, нетронутыя еще исторіею или такія, гдѣ сѣмена культуры принесли пока только бѣдные плоды, гдѣ духовная природа не высѣкла изъ почвы живительной искры, какъ то уже произошло на столькихъ пунктахъ классической области всемірной исторіи?

Въ какую новую степень значенія для всей земной поверхности, относительно рода человѣческаго, вошли равнины и низменности, напр. еще недавно, проведеніемъ линій желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, которыя, будучи выполнены въ колоссальномъ масштабѣ, послѣ прорытія Суэцкаго перешейка, приблизили бы индѣйскій міръ къ южно-европейскому, а послѣ прорытія Панамскаго сократили бы на $^1/_4$ окружность земнаго шара и приблизили китайскій міръ къ западно-европейскому на 1500 м.

Пароходство сдѣлало, какъ сосѣднія съ нами, такъ и отдаленныя колоссальныя рѣчныя системы, отъ Ганга до Миссис-

сипи, удобно проходимыми въ обоихъ направленіяхъ, по теченію и противъ него; на системѣ Миссисипи кишитъ теперь цѣлый флотъ, состоящій изъ 350 пароходовъ, по богатой водою рѣчной сѣти и обусловливаетъ вездѣ новыя поселенія, а 50 пароходовъ превращаютъ прежде пустынную, большую группу сѣверо-американскихъ озеръ, отъ Верхняго до Эри, въ цивилизованный бассейнъ, подобный цивилизованному европейскому Средиземному морю. Что еще представитъ въ этомъ отношеніи будущее даже нельзя предугадать.

Способность къ усовершенствованію различныхъ естественныхъ формъ земной коры, успѣхъ организаціи ея для всего земнаго шара, когда культура умѣетъ стать въ гармонію съ природою, несомнѣнны, и намъ остается еще разсмотрѣть, хотя бѣгло, то, что въ частномъ устройствѣ части свѣта помогаетъ или препятствуетъ упомянутому развитію.

Вспомнимъ здѣсь, что преобладаніе овальной формы въ Африкѣ, ромбоедрической въ Азіи, треугольной въ Европѣ, обусловляютъ отношенія ихъ трехъ измѣреній, въ коихъ Африка своимъ однообразіемъ (одинаковою длиною и шириною въ направленіяхъ меридіановъ и параллельныхъ круговъ) стоитъ въ противуположности съ Европою, которая, съ длиною отъ В. къ З. почти вдвое превосходящею уступообразно уменьшающуюся ширину, обращена вершиною своего треугольника къ Атлантическому океану, а самую большую ширину имѣетъ на В., въ соприкосновеніи съ Азіею. Африка представляетъ сомкнутое, компактное туловище безъ расчлененій; Азія — также компактное, но менѣе сомкнутое, громадное туловище, съ богатымъ и колоссальнымъ расчлененіемъ на В. и Ю.; Европа—со всѣхъ сторонъ открытое, и не только на Ю. и З., но на С. и въ срединѣ расчлененное туловище, котораго расчлененія имѣютъ одинаковое значеніе съ самымъ туловищемъ для хода развитія его цивилизаціи, и которое, при менѣе колоссальномъ протяженіи и преобладающемъ богатствѣ природы отдѣльныхъ членовъ, имѣетъ одинаковыя удобства съ расчлененіями. Болѣе компактное

туловище Азіи, не открытое, такъ какъ въ Европѣ, со всѣхъ сторонъ морю, осталось посреди континента, еще нетронутымъ морскими заливами, которые хотя и глубоко проникли въ него, но не могли произвести такого гармоническаго уравненія между контрастами морей, какъ въ Европѣ. Потому въ центральной Азіи осталось еще огромное, длинное и широкое туловище этого индивидуума земной коры (имѣющее сходство съ компактною массою Африки), не получившее благословенія богатаго расчлененія, которое не могло коснуться до этой внутренности Азіи и проникнуть ее своими вліяніями. Самое богатое расчлененіе периферической Азіи показываетъ южная ея сторона, самое бѣдное — сѣверная. Хотя отдѣльныя изъ расчлененій Азіи имѣютъ величину половины Европы, вся сумма ихъ сильно уступаетъ протяженію компактнаго туловища, а потому сему послѣднему остается препятствующій перевѣсъ, относительно менѣе значительной (въ сравненіи съ Европою) цивилизаціи части свѣта, не смотря на периферическія, но оставшіяся между собою раздѣленными высшія народныя развитія ея расчлененій.

Общая компактная средина азіатскаго туловища осталась потому разнообразнымъ отечествомъ кочевой жизни народовъ, между тѣмъ какъ на богато-одаренныхъ природою и разнообразно-устроенныхъ расчлененіяхъ ея выступовъ и полуострововъ, Китая, Дальней Индіи, Ближней Индіи, Аравіи, Малой Азіи, вездѣ развились индивидуальности странъ и жителей, неуспѣвшія однакоже проникнуть въ средину туловища.

Цѣлая периферія Африки осталась не расчлененною въ своемъ береговомъ контурѣ, откуда произошло абсолютно кратчайшее развитіе береговой линіи, въ сравненіи съ другими частями свѣта: отношеніе, слѣдствіемъ котораго было меньшее соприкосновеніе континента ея съ моремъ, также какъ и большая неприступность ея средины. Такъ какъ индивидуализація не дана была въ удѣлъ природнымъ и народнымъ отношеніемъ ея нерасчлененнаго туловища, котораго всѣ концы, при равенствѣ измѣреній ея окружности, равно были удалены отъ центра.

а сходное астрономическое положеніе съ обѣихъ сторонъ экватора не дозволило ни одной ея части выйдти изъ тропическаго и субтропическаго климата, то и всѣ явленія въ этомъ индивидуумѣ земной коры, истинномъ Югѣ земли, въ которомъ тропическій міръ находится въ высшемъ своемъ проявленіи, остались самыми однообразными, равномѣрными, и хотя совершенно особенными, но лишенными всякихъ контрастовъ. Потому, въ народномъ мірѣ этой части свѣта, патріархальныя, первобытныя состоянія человѣческаго общества остались совершенно внѣ соприкосновенія съ прогрессомъ времени, и ихъ прибѣжище кажется еще на цѣлыя тысячелѣтія сохранено для хода развитія не раскрытой будущности. Дѣйствительно, какъ въ растеніяхъ и животныхъ, такъ и въ народахъ или отдѣльныхъ людяхъ примѣчаются только общія, а не индивидуальныя развитія на этой почвѣ застоя: пальма, верблюдъ равномѣрно распредѣлены на сѣверной, южной, восточной и западной оконечностяхъ Африки, и преобладающая черная раса, почти исключительное туземное населеніе съ негрскимъ характеромъ, распространенное во всѣхъ направленіяхъ компактными массами, оставшееся, какъ и вся часть свѣта, на незначительной, общей степени развитія, безъ выдающихся индивидуальностей культуръ, государствъ, народовъ и индивидуумовъ, характеризуютъ Африку даже и большимъ сходствомъ общаго ей семейства, только діалектически различающихся, негрскихъ языковъ. Только спорадическое береговое развитіе представляетъ небольшія исключенія, на отдѣльныхъ, болѣе одаренныхъ пунктахъ части свѣта, узкими полосами и то только извнѣ прилѣпившихся ея культуръ.

Совсѣмъ другой міръ явленій вызвало богатое, хотя только периферическое береговое развитіе Азіи, которое вездѣ является индивидуализированнымъ въ своихъ расчлененіяхъ, потому что каждое изъ нихъ, при своей континетальной отдѣльности и морскихъ сообщеніяхъ, должно было сдѣлаться различною, иначе надѣленною природою атмосферы, горъ и долинъ, теченій, морей, системъ вѣтровъ и естественныхъ произведеній; также и

ея народности и цивилизаціи должны были сдѣлаться различными, и такимъ образомъ сформировались характеристически индивидуальности китайскаго, малайскаго, индѣйскаго, персидскаго, аравійскаго, сирійскаго, малоазійскаго міровъ. Но, въ рѣзкой общей противуположности къ замкнутому туловищу центральной средины, успѣхъ культуры не могъ еще проникнуть въ равномѣрно подвижную, въ теченіи тысячелѣтій, жизнь ея кочующаго населенія, коего предки должны были расшириться по обширнымъ западнымъ пространствамъ, и коего представителей мы называемъ нынѣ Монголами, Туркистанцами, Киргизами, Бухарцами, Калмыками и т. д., а еще менѣе достигнуть Сѣвера той же части свѣта, которой, потому самому, при всемъ блескѣ грандіозныхъ восточныхъ явленій и при всемъ необыкновенномъ расширеніи ихъ, недостаетъ единства общечеловѣческой цивилизаціи. Сюда присовокупились еще и исторически необозримыя, и тѣмъ болѣе трудно побѣдимыя цивилизаціею, колоссальныя восточныя формы природы, также какъ чрезмѣрное богатство даровъ природы, происходящее изъ климатическихъ контрастовъ этой части свѣта. Дѣйствительно, Азія, раскинувшаяся отъ экватора до полярной зоны, произвела самыхъ различныхъ животныхъ и растеній, уже не по одному своему значительному протяженію поперегъ параллельныхъ круговъ, но и по большому протяженію своему отъ В. къ З., поперегъ меридіановъ, распадающемуся на не менѣе рѣзко контрастующіе восточные и западные міры, въ которыхъ, какъ на представителей характеристической противуположности мы можемъ указать на китайскую и ближне-азіатскую цивилизаціи. Представителями естественныхъ произведеній мы приведемъ только кокосовую и саговую пальму и тигра для В., финиковую пальму и льва для З., а для сѣвернаго и южнаго азіатскаго міра — контрасты растительности мховъ и хвойныхъ лѣсовъ и сѣвернаго оленя на С., съ хлѣбнымъ деревомъ, сахарнымъ тростникомъ, широколиственнымъ пизангомъ, слономъ, носорогомъ, тапиромъ и легіонами обезьянъ на Югѣ.

Такому неисчерпаемому богатству природныхъ отношеній и въ этой части нашей планеты, послѣдовало и разнообразіе народныхъ отношеній Азіи, которая, несмотря на распространеніе и миграціи цѣлыхъ народовъ, сначала великаго переселенія ихъ въ различныя эпохи къ сосѣднимъ частямъ свѣта, не могла истощиться, и еще понынѣ богата туземными народными индивидуальностями, какъ въ расахъ, физическомъ строеніи, цвѣтѣ, бытѣ, національностяхъ, религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ корпораціяхъ, государственныхъ системахъ, культурахъ, нарѣчіяхъ и народныхъ племенахъ и т. д.; чему мы не находимъ даже никакихъ аналогій въ другихъ частяхъ свѣта, восходя до самаго отдаленнаго начала человѣческой исторіи.

Европа есть широкое продолженіе средней Азіи, которое, въ возрастающей къ Западу прогрессіи, доходитъ до все болѣе и болѣе самостоятельнаго развитія, и превосходитъ свою сосѣднюю восточную часть свѣта относительнымъ богатствомъ своихъ расчлененій, нераздѣленныхъ никакою препятствующею формою. Оттого и сдѣлалось возможно выравнивающее гармоническое развитіе многорасщепленнаго индивидуума земли, обусловившее характеръ его цивилизаціи; оно дало гармоніи формъ преобладаніе надъ могуществомъ матеріи, вслѣдствіе чего Европа, самая малая изъ частей свѣта, предназначена была пріобрѣсти владычество надъ большими. Какъ Азія, распространенная черезъ три зоны, преобладающая своими массами и естественными произведеніями, была пластически такъ устроена, что она могла, съ самаго начала существованія, засыпать полнотою природы и сокровищами своими сосѣднія части свѣта, сама необѣдняясь: такъ Европа, въ болѣе обозримомъ для ея народонаселенія, ограниченномъ умѣренною зоною, богато расчлененномъ во всѣхъ морскихъ и пластическихъ, другъ на друга дѣйствующихъ формахъ, строеніи, лишенномъ излишней полноты, но болѣе воспріимчивомъ для принятія всего чужаго, и способномъ, по природѣ своей и энергіи своихъ народовъ, для переработыванія туземнаго, возвыситься до общечеловѣческой цивилизаціи, ко-

торая своею внутреннею гармоніею призываетъ къ себѣ и всѣ другіе народы цѣлой земли. Извѣстно, что такое превращеніе безконечнаго богатства формъ въ индивидуальныя развитія, и ихъ гармоническое уравненіе въ этой европейской сторонѣ планеты удержались и въ ходѣ всемірной исторіи; но менѣе извѣстно, что это просвѣчиваетъ уже изъ всего планетарнаго устройства съ первыхъ временъ творенія, потому-что въ исторіи мы болѣе охотно приписываемъ первую честь человѣку, и въ этомъ явленіи—европейцу. При большомъ числѣ такихъ свѣтлыхъ точекъ мы обращаемъ только вниманіе на три характеристическія отношенія при устройствѣ Европы, именно: на береговое развитіе, сѣверное расчлененіе ея и острова.

Береговое развитіе Европы, относительно пространства ея, есть абсолютно самое большое; между тѣмъ какъ Азія, въ 8 разъ превосходящая Европу, имѣетъ 7000 миль берега, Африка, хотя еще въ 3 раза ея бо́льшая—только 3800; береговая линія Европы въ 5400 миль достаточна для цѣлаго экваторіальнаго круга земли, откуда слѣдуетъ, что Европа, хотя и расположенная внутри континентальнаго полушарія, по причинѣ своего всесторонняго расчлененія, врѣзывающимися въ нее морскими улицами, между всѣми частями свѣта находится въ относительно самомъ богатомъ соприкосновеніи съ водянымъ міромъ. Къ этому отношенію присоединяется еще и удобное морское положеніе, относительно океаническихъ и воздушныхъ движеній, также какъ и богатство бухтами и портами, какъ естественными слѣдствіями ея расчлененія, которыя помогли ей въ развитіи всеокрыляющаго искусства навигаціи и всеобщаго владычества надъ океаномъ; при чемъ первенство принадлежитъ наиболѣе расчлененной островной группѣ Великобританіи и Ирландіи, какъ прежде самая богато-расчлененная полуостровная система Греціи, въ свое цвѣтущее время, имѣла морское владычество надъ замкнутымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Субполярное расчлененіе Сѣверной Европы внутренними морями Балтійскимъ и Нѣмецкимъ, также какъ и глубоко вдающимся Бѣлымъ, на Скандинавскіе вы

ступы, полуострова и острова, упрочила этой сѣверной сторонѣ части свѣта столь же богатое развитіе, какъ южной сторонѣ, въ трехъ ея прекрасно-устроенныхъ и богато-одаренныхъ полуостровахъ Греціи, Италіи и Испаніи. Сѣверу Европы данъ въ удѣлъ этимъ скандинавскимъ міромъ большой перевѣсъ передъ сосѣднею Азіею, которой плоскій сибирскій сѣверный міръ, совершеннымъ отсутствіемъ подобнаго расчлененія, при невыгодномъ отдѣленіи отъ болѣе развитаго южно-азіатскаго міра и вполнѣ неудобномъ полярномъ положеніи, относительно нагорной, кочевой центральной Азіи, при недостаточныхъ средствахъ и природныхъ импульсахъ туземнаго надѣленія, остался подчиненнымъ прогрессу развитія и цивилизаціи С.-В. Европы.

Наконецъ и образованіе Европейскихъ острововъ даетъ большіе преимущества Европѣ передъ другими частями свѣта, потому что эти прибрежные острова, лежащіе вблизи континентовъ и служащіе имъ океаническими продолженіями, (морскими станціями), необыкновенно обогащаютъ цѣлое, представляя, при своей относительно-значительной величинѣ въ сравненіи съ туловищами и расчлененіями, обширную площадь, съ поверхностями очень удобными для многочисленныхъ народонаселеній и отношеній цивилизаціи, служатъ не только къ пространственному увеличенію, но и къ безконечно усиленному развитію цѣлой части свѣта. Острова эти притомъ же не суть уединенные обрывки или растянутыя цѣпи океаническихъ скалъ, или трудно доступные пустынные конусы: Южная Англія есть естественное, аналогически устроенное продолженіе Франціи, Сицилія—Калабріи, Кандія—Мореи. Короче сказать, если вообразимъ себѣ группу Великобританскихъ острововъ, исчезнувшею съ карты С.-З. Европы, то какое обѣдненіе произойдетъ въ исторіи туземнаго и заморскаго развитія этой части свѣта? Безъ Зеландіи и Фіоніи, полуостровъ Ютландіи превращается въ песчаную косу земли; въ древнія же времена исторія Рима и Италіи была бы совершенно другая, безъ

житницы ея — Сициліи, а безъ Крита, Егейскихъ и Іоническихъ острововъ, цивилизація Іоніи и Ближней Азіи не нашла бы себѣ моста въ Грецію и Есперію.

Не время распространяться здѣсь о послѣдствіяхъ полнаго отсутствія острововъ на Африканскихъ прибрежьяхъ (которымъ даже не принадлежитъ Мадагаскаръ, слишкомъ отдаленный морскимъ теченіемъ, океаническій островъ), также какъ о частностяхъ излишняго избытка острововъ въ Ю.-В. малайскомъ продолженіи Азіи, именно въ дальне-Индѣйской, Зондско-Австралійской группѣ, которая есть самая богато-одаренная индивудуальностями и абсолютно самая большая нашей планеты, занимающая, въ треугольномъ своемъ расширеніи, пространство равное величиною Европѣ и образующая, длиннымъ рядомъ малыхъ зондскихъ острововъ, родъ прорваннаго перешейка къ Новой Голландіи и Новой Гвинеѣ, который представляетъ нѣкоторую аналогію съ непрерывнымъ Панамскимъ. Замѣтимъ только, что слишкомъ сгущенное и излишнее количество этихъ богатыхъ и колоссальныхъ острововъ превращаетъ ихъ въ самостоятельную и инсулярную часть свѣта, съ туземнымъ малайлайскимъ населеніемъ, и эта часть свѣта, при ея самостоятельности, уже не можетъ быть разсматриваема какъ оторванное, подчиненное расчлененіе сосѣдняго континента.

Замѣчаніе, которое уже Страбонъ сдѣлалъ относительно Сициліи, именно, что расчлененіе континентовъ и въ особенности острова́ суть самыя щедро надѣленныя части земли, подтверждается въ этой группѣ, отъ Цейлона до Новой Гвинеи, такъ совершенно, что каждому изъ этихъ острововъ даны индивидуальныя, характеристическія сокровища природы, для великаго хода развитія планетной всемірной торговли: такъ бѣлый слонъ, жемчугъ, коричневые лѣса и рубины—Цейлону, колоссальныя животныя формы носорога, тапира, орангутана и благороднѣйшія красильныя вещества и дерева — Суматрѣ; богатѣйшіе оловянные рудники на землѣ — Банкѣ, множество золота и алмазовъ — Борнео; между тѣмъ какъ Ява уже при

Птоломеѣ была ячменнымъ островомъ, богатымъ хлѣбомъ, хлѣбнымъ деревомъ, сахарнымъ тростникомъ; а слѣдующіе острова изобилуютъ пряностями, до знаменитыхъ Молукковъ и Новой Гвинеи, гдѣ водятся: настоящее камфарное дерево, саговая пальма, капустная пальма, съ своими обильными питательными веществами, райская птица, и гдѣ столько другихъ благороднѣйшихъ произведеній трехъ царствъ природы получили первобытно свое мѣстное, очень ограниченное, не переходящее на континентальную Азію, совершенно индивидуальное отечество.

Еслибъ подобное инсулярное расщепленіе, безъ всякой континентальной связи, было бы всеобщимъ началомъ устройства земли, то слѣдствіемъ того была бы совершенная несвязность ея народовъ. Въ устройствѣ же Европы находимъ мы напротивъ самое удобное соприкосновеніе и прониканіе, также какъ и совершеннѣйшее уравненіе контрастовъ жидкой и твердой формы, безъ неудобствъ слишкомъ сильнаго расчлененія и расщепленія Зондскаго міра, представляющаго совершенную противоположность этой Полинезіи, съ отсутствіемъ всякаго расчлененія земной коры въ компактномъ скопленіи массъ Африки; обѣ должны были дѣйствовать совершенно различно, даже противуположно на природныя и народныя отношенія, но обѣ — имѣть препятствующее, невыгодное вліяніе на развитіе первобытныхъ туземныхъ ихъ жителей. Тамъ, въ наибольшемъ расщепленіи, являются малайскіе народы Зондской группы, — самая враждебно-разъединенная раса земнаго шара; здѣсь, въ наибольшемъ скученіи массъ, находятся густо населенныя черныя народныя группы, однообразно обстановленныя природою, однообразно и мало развитыя.

Въ обоихъ случаяхъ — относительно неудобнѣйшія для развитія народовъ изъ состоянія невѣжества теллурическія формы; между обѣими крайностями поставлена Европа, не препятствующею развитію, а развивающею формою, которая, при своемъ меньшемъ, легче обозримомъ и потому исторически ранѣе подчинимомъ пространствѣ, при своемъ береговомъ разви-

тіи, расчлененіи и надѣленіи островами, обладала совершенствомъ пространственныхъ формъ природы, для ранняго осуществленія своего, заранѣе предопредѣленнаго планетарнаго отправленія. Отправленіе это состоитъ въ томъ, что Европа, хотя наружно самая бѣдная изъ частей свѣта поразительными сокровищами природы сдѣлалась перерабатывающею фабрикою всѣхъ даровъ стараго свѣта, также театромъ самой общечеловѣческой и организирующей народной дѣятельности, а во второй половинѣ историческихъ временъ — обширнымъ воспитательнымъ домомъ для стараго и новаго свѣта, какъ по воспріимчивости своей, такъ и потому, что народонаселеніе ея научилось двигаться свободно отъ мѣстныхъ силъ и оковъ природы, и могло развиться наиболѣе гуманнымъ образомъ.

Въ каузальной связи явленій природы и исторіи, при высшемъ назначеніи планеты, раскрывающемся въ исторической связи явленій, должно заключить о ея высшей, не только физической, но и планетарной организаціи; и эта организація специфически различна отъ организаціи живущихъ и движущихся на ней организмовъ, получившихъ существованіе на короткое время, между тѣмъ какъ она сама продолжаетъ свое существованіе черезъ всѣ времена. Если слѣдовательно, пріобрѣтенный человѣкомъ изъ другихъ воззрѣній міръ понятій, при воззрѣніи на кажущуюся несимметрически-хаотическою наружность его земнаго отечества, не находитъ себѣ удовлетворенія, а только спутывается непосредственно, то это происходитъ не отъ отсутствія систематическаго порядка въ пространственныхъ отношеніяхъ земли, которыя могутъ быть изслѣдованы только болѣе глубокимъ наблюденіемъ.

Именно въ неравенствѣ протяженій и формъ, въ кажущейся неопытному глазу запутанности, и лежитъ тайна систематическаго, внутренняго, высшаго планетарнаго устройства, безконечнаго разнообразія силъ и ихъ невидимыхъ, перецѣпляющихся дѣйствій, черезъ посредство которыхъ природа и исторія получаютъ свое организующее вліяніе, въ нѣкоторомъ

отношеніи сходное съ физіологическою дѣятельностью, съ которою связана жизнь организмовъ въ растеніяхъ и животныхъ.

Именно въ неравномѣрномъ распредѣленіи земныхъ и водныхъ поверхностей, также какъ и въ измѣняющихся, необходимо сопровождающихъ ихъ температурахъ и видимо-неправильныхъ воздушныхъ движеніяхъ лежитъ систематическая причина ихъ всесторонняго, всепроникающаго, взаимнаго вліянія. Въ различіи протяженій частей свѣта лежитъ главная причина могущества ихъ населенія и подчинимости ихъ вліяній; въ наружно случайныхъ распредѣленіяхъ массъ—космическій законъ мірового положенія, который долженъ былъ обусловить весь ходъ развитія рода человѣческаго; въ наружно только физическомъ отдѣленіи новаго свѣта отъ стараго, и острововъ отъ континентовъ — причина ихъ всесторонней связи; въ неравномъ надѣленіи мѣстностей природою — разнообразный импульсъ для развитія всемірной торговли; въ ограниченности протяженія Европы и гармоніи ея не бросающихся въ глаза формъ — условіе ея властительнаго величія и ея свободы.

Только одни матерьяльныя отношенія будутъ выражены числами, если мы скажемъ: Европа составляетъ $^1/_5$ Азіи, $^1/_3$ Африки; Америка поставлена по величинѣ своей между обѣими, Австралія нѣсколько ниже Европы и составляетъ $^1/_{15}$ всѣхъ континентовъ и $^1/_{20}$ всѣхъ странъ, причитая къ континентамъ и острова. Но не эти абсолютные пространственныя отношенія даютъ перевѣсъ исторіи частей свѣта; сюда принадлежатъ и релятивныя устройства, потому что, въ теченіе историческихъ временъ, $^1/_{20}$ часть можетъ сдѣлаться величиною, господствующею надъ остальными $^{19}/_{20}$.

Къ различнымъ условіямъ этого явленія присоединяется также и форма, особливо же различный перевѣсъ значенія частей свѣта, по релятивнымъ отношеніямъ ихъ туловища, расчлененій, надѣленій островами, соотвѣтствующихъ приблизительно слѣдующимъ числамъ:

	Туловище.	Расчлененіе.	Надѣленіе островами.
Въ Африкѣ какъ	1	0	$^1/_{50^*}$
— Азіи —	4	1	$^1/_{8^*}$
— Европѣ —	2	1	$^1/_{20^*}$

Только это суть формулы, кратчайшія выраженія, могущія обозначить физическія отправленія различныхъ пространствъ нашей планеты, по горизонтальному устройству ея поверхности.

Совершенно другія отношенія въ пространственномъ развитіи представляетъ Америка или новый свѣтъ, какъ индивидуумъ земной коры, повторяя противуположности и удвоеніе формъ стараго свѣта, только совершенно въ другомъ нормальномъ направленіи, не съ В. на З., но С. на Ю. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, о томъ какъ Сѣверн. Америка, своимъ богатымъ полярнымъ и сѣверо-восточнымъ расчлененіемъ, получила большой перевѣсъ надъ сибирскою сѣверною Азіею, своимъ же внутреннимъ орографическимъ и гидрографическимъ развитіемъ и всесторонней радіаціей своихъ рѣчныхъ системъ изъ общихъ областей источниковъ, безъ препятствующихъ развитію формъ плоскогорій, и своими двумя внутренними морями на Югѣ и Сѣверѣ, имѣетъ большую аналогію съ устройствомъ Европы; а богатѣйшій прибрежный міръ Америки, обильный гаванями и островами, обращенъ къ атлантической, слѣдоват. цивилизованной сторонѣ стараго свѣта, съ которою его соединяетъ морская, соединительная для народовъ цѣпь — морское теченіе, которое, въ своемъ прямомъ и обратномъ направленіи, приводитъ въ естественную взаимную связь оба сѣверныя атлантическія прибрежья: здѣсь остается намъ еще высказать нѣсколько общихъ результатовъ, въ заключеніе изложеннаго общаго обзора.

Сѣверная Америка, своимъ морскимъ положеніемъ, была необходимо предназначена къ многократному открытію мореплавателями Европы (не Азіи), откуда, черезъ близкое сосѣдство полярныхъ странъ, могло перейти въ нее цѣлое народонаселеніе. По удобному своему обилію портами, надѣленію остро-

вами, положенію береговъ относительно сѣверо-восточно-атлантической, западной части Европы, съ аналогическимъ отношеніемъ температуръ, восточное прибрежье сѣверной Америки было особенно воспріимчиво устроено, для принятія европейской цивилизаціи. Плоская, исполненная въ обновленномъ масштабѣ, пластическая моделлировка туловища сѣверо-американскаго континента, аналогическая съ европейскою, съ полого падающими на всѣ стороны изъ общей средины уступами, могла упрочить для этой цивилизаціи со всѣхъ сторонъ безпрепятственный прогрессъ отъ В. къ З.

Отлого склоняющіеся къ Сѣверу уступы судоходныхъ рѣчныхъ системъ, къ полярной сторонѣ и богатымъ группамъ острововъ и расчлененій полярнаго моря, указываютъ что эта сторона планеты была предназначена, еще болѣе чѣмъ Европа, на то, чтобы распространить культуру рода человѣческаго, сколь возможно далеко на сѣверн. земли. Уже и теперь, послѣ небольшаго періода времени, цивилизація западн. прибрежья Гренландіи достигла до 70° с. ш.; тамошнія ледовитыя моря ежегодно кишатъ флотами рыбаковъ и моряковъ, и существующія еще естественныя препятствія, по прошествіи вѣковъ, не останутся неодолимыми для развивающагося искуства.

Такъ, бывшая долго terra incognita, южная оконечность Австраліи, центральное депо портовъ на цѣлой землѣ, группа Тасманіи (Фанъ-Дименова земля), сдѣлалась, вмѣстѣ съ окружающими ее гаванями и бухтами, центромъ, давно предназначеннымъ и организированнымъ для того, чтобы въ короткое теченіе десятилѣтій оживить южное полушаріе, во всей обширности его. Оба явленія зависятъ однакоже отъ обратнаго дѣйствія Европы.

Сѣверъ Азіи былъ первоначально поставленъ природою въ зависимость отъ истоковъ его рѣчныхъ системъ, т. е. центральной Азіи, въ началахъ своей цивилизаціи, откуда онъ и получилъ свои населенія, до тѣхъ поръ пока, вслѣдствіе прогресса цивилизаціи, не достался сосѣдней съ нимъ восточной Европѣ,

тѣмъ болѣе что уральскій хребетъ не поставилъ этому никакихъ препятствій, напротивъ споспѣшествовалъ даже тому своими металлическими богатствами. Пространственное отношеніе и міровое положеніе были основаніями, доставшимися въ даръ развитію южной Европы, отъ западной Азіи, черезъ равно омывающее три части свѣта—Средиземное море; но это было только временнымъ отношеніемъ, потому-что въ новѣйшія времена происходитъ уже обратное дѣйствіе для Леванта.

Каждой части свѣта, какъ органу планетарнаго организма, съ самаго начала дано было въ удѣлъ, его устройствомъ и положеніемъ, особенное отправленіе въ ходѣ всемірнаго развитія.

Азія, на своемъ Югѣ и Востокѣ, гдѣ находятся ея богатѣйшія расчлененія, была предназначена высшему развитію, въ которомъ, въ теченіи тысячелѣтій, Индія была самымъ живымъ притягивающимъ пунктомъ.

Форма богато надѣленнаго природою расчлененія трехъ полуострововъ южной Азіи, обоихъ индѣйскихъ и аравійскаго, повторяется, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, на южной сторонѣ Европы, въ трехъ, впрочемъ другимъ образомъ устроенныхъ, но также полуостровныхъ образованіяхъ: Италіи по срединѣ, Греціи и Испаніи съ обѣихъ сторонъ. Только сіи послѣднія не находятся вблизи экватора, а 20 градусами далѣе въ умѣренной зонѣ, почему ихъ отправленія должны были быть совершенно другія, для другаго круга странъ, народовъ и идей.

Обѣ группы, болѣе юго-восточная азіатская и болѣе сѣверозападная европейская, съ индивидуальнымъ и однакоже аналогическимъ надѣленіемъ физическими и духовными силами, принадлежатъ къ самымъ большимъ обогащеніямъ южной стороны земли. Черезъ нихъ получила Азія въ жаркой зонѣ, а Европа въ умѣренной, для начала цивилизаціи человѣчества, богатѣйшій планетарный даръ въ расчлененіи и развитіи, точно также какъ подобный даръ въ полярныхъ: арктической и антарктической зонѣ, на Сѣверѣ Америки, и на Югѣ Ванъ-Дименова острова

или Тасманіи, лежитъ въ лонѣ земли еще сокрытымъ, но не погребеннымъ и уже начинаетъ развиваться.

Такимъ образомъ можно и теперь предвидѣть будущій перевѣсъ еще юнаго американскаго двойнаго континента, при его дѣйствительно колоссальномъ меридіанномъ развитіи, особливо же сѣверной Америки, при міровомъ положеніи ея южныхъ расчлененій, надъ полуостровами южной Азіи и южной Европы, что уже и теперь начинаетъ быть замѣтнымъ въ елементарныхъ чертахъ, но что выйдетъ наружу съ еще бо́льшимъ блескомъ, когда южная сосѣдка сѣверной Америки войдетъ, прогрессомъ своей цивилизаціи и культуры, въ равновѣсіе съ сѣверною. Дѣйствительно, между тѣмъ какъ южные полуострова Азіи, по крайней мѣрѣ отчасти вдаются въ лишенный острововъ и населенія Индѣйскій океанъ, южные же полуострова Европы простираются большею частію къ негостепріимнымъ и трудно подчинимымъ — Ливіи, Алжиріи и Мавританіи; южныя расчлененія Америки (Каролина, Георгія, Флорида, Луизіана, Техасъ, Мехика, Калифорнія) простираются къ столь же богато одаренному природою противобрежію, за которымъ лежитъ цѣлая тропическая и субтропическая Америка; какъ въ древнія времена Европа лежала, какъ прогрессирующій Западъ передъ Востокомъ, передъ рапѣе созрѣвшею Азіею, такъ и здѣсь, передъ ушедшимъ впередъ Сѣверомъ Америки лежитъ Югъ ея, полный надежды на блистательный міръ будущности. Между обоими — посредствующая группа Антильскихъ острововъ, съ успѣхомъ времени, будетъ служить болѣе дружескою связью чѣмъ нынѣ.

Если въ прошедшемъ тысячелѣтіи, удобства стараго свѣта, въ ихъ безпрестанно обновляющемся своими формами историческомъ прогрессѣ отъ В. къ З., черезъ аналогическія страны и температуры, также какъ и въ населеніяхъ, отношеніяхъ и культурахъ разнаго рода, были отказаны Америкѣ, вслѣдствіе внѣшняго устройства планеты, то эта часть свѣта была вознаграждена возможностью свѣжаго процесса развитія въ противупо-

ложномъ главномъ направленіи земнаго шара, именно отъ Сѣвера къ Югу.

Историческое уравненіе сихъ противуположностей, черезъ все обширное, но постепенное измѣненіе климатовъ, отъ одного полюса до другаго, черезъ всѣ умѣренныя и тропическія зоны, для развитія рода человѣческаго и полнаго подчиненія ему земнаго его отечества, было дано американцамъ, какъ новая, разумѣется трудная задача для будущихъ тысячелѣтій, для которой впрочемъ Новый свѣтъ получилъ въ приданое, съ самой колыбели его исторіи, созданныя уже въ прошедшія тысячелѣтія въ Старомъ свѣтѣ, искуственныя средства для побѣды надъ природою.

Богатое надѣленіе столькихъ пунктовъ нашей планеты удобными отношеніями можетъ въ теченіи времени быть перенесено на другіе, менѣе одаренные и исторически лежащіе въ залежьѣ, пункты.

Въ какой мѣрѣ это можетъ быть произведено прогрессомъ планетарнаго развитія, открываемъ мы уже съ одной стороны, самымъ поразительнымъ и грандіознымъ образомъ, изъ контраста древней и новой исторіи, примѣчая оживленіе и оплодотвореніе, перенесенныя искусствомъ всемірнаго мореплаванія на всю прибрежную сторону континентовъ и всѣ океаническія группы острововъ воднаго міра, и произведенныя однимъ елементомъ европейской цивилизаціи.

Съ другой стороны, едва-ли можетъ существовать нынѣ какое нибудь сомнѣніе въ большой воспріимчивости и соперничающей съ нею способности къ развитію континентальнаго міра, именно сухой стороны земной коры, и въ возможности равновеличественныхъ на ней переворотовъ искусственными средствами, для новыхъ ея отправленій въ ходѣ развитія исторіи человѣчества.

5) *Численныя отношенія вертикальныхъ расчлененій Азіи и ея рѣчныхъ областей.*

Мы заимствуемъ эти численныя отношенія изъ одного изъ прекрасныхъ географическихъ сочиненій новѣйшаго времени, именно географіи Роона (*). По ней азіатскія низменности и нагорья занимаютъ слѣдующія пространства:

a) Низменности:

Сибирская	186000	кв. г. м.
Туранская	62000	» » »
Китайская	10000	» » »
Ближне-Индѣйская (съ уступами Инда и Ганга)	24000	» » »
Сирійско-Аравійская (съ Мессопотаміею)	13000	» » »
Остальныя низменныя прибрежья	7000	» » »
Всего около	310000	кв. г. м.

b) Нагорья:

Дальне-Азіатское нагоріе 286000 кв. г. м., а съ расчлененіями его въ Дальней Индіи и Сибири (системами Яблоноваго, Становаго, Алданскаго, Вилюйскаго и другихъ хребтовъ)	359000	кв. г. м.
Ближне-Азіатское	72000	» » »
Аравійское (съ Синайскимъ и Ливаномъ)	51500	» » »
Декканъ	25500	» » »
Кавказскій хребетъ	4000	» » »
Уральскій	6000	» » »
Камчатская цѣпь	3000	» » »
Всего приблизительно	520,000	кв. г. м.

(*) Roon Grundzuge der Erd-, Völker- und Staatenkunde, Berlin 8. 1847. I. p. 147, 151.

Для рѣчныхъ азіатскихъ системъ приводимъ слѣдующія числа:

	Длина сист., т. е. разст. отъ истока до устья.	Развитіе системы, т. е. длина ея съ извилинами.	Пространство рѣчныхъ областей.
a) Сѣверныя рѣки:			
Обь	270 г. м.	475 г. м.	64000 кв. г. м.
Енисей	315 » »	410 » »	47000 » » »
Лена	300 » »	440 » »	37000 » » »
b) Восточныя рѣки:			
Амуръ	290 » »	430 » »	38000 » » »
Хуанъ-Хэ	280 » »	570 » »	34000 » » »
Янъ-Цзы-Кянъ	390 » »	650 » »	35000 » » »
c) Южныя рѣки:			
Иравади	165 » »	270 » »	7400 » » »
Гангъ (съ Брамапутрою)	200 » »	300 » »	30000 » » »
Индъ	250 » »	340 » »	19000 » » »
Ефратъ (съ Тигромъ	150 » »	300 » »	11200 » » »
d) Внутреннія (степныя рѣки):			
Аму (Гихонъ)	170 » »	930 » »	8000 » » »
Сыръ	190 » »	230 » »	6000 » » »
Таримъ	180 » »	200 » »	10000 » » »

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ВОСТОЧНАЯ НАГОРНАЯ АЗІЯ

ИЛИ ПЛОСКОГОРІЕ ДАЛЬНЕЙ АЗІИ.

ОБЗОРЪ.

§ 10.

Подъ именемъ восточной нагорной Азіи разумѣемъ мы совершенно неизвѣстную древнимъ Грекамъ и Римлянамъ страну, которой юго-западный пограничный горный хребетъ получилъ въ первый разъ названіе *Емодуса* или *Имауса* (1), въ сочиненіяхъ Страбона и Эратосѳена, нисколько не подозрѣвавшихъ существованія обширныхъ странъ за его предѣлами. Плиній, а за нимъ Птоломей (2), первые знакомятъ насъ съ кочующими тамъ Скифами и торговыми Серами, до предѣловъ отдаленной Sinae; съ этого времени только начали употреблять, для обозначенія этой полосы земли, встрѣчающееся въ первый разъ у Ptolom. VI. c. 15, и соотвѣтствующее характеру страны названіе Скифіи, или земли номадовъ *за Имаусомъ т. е. на востокъ отъ не-*

(1) Strabo. G. XV. c. 1. § 11. p. 18. ed. Tzsch. T. VI.
(2) Plin. H. N. VI. c. 21, Claud. Ptolem. VII. c. 3.

го (Scythia extra Imaum). Страна эта у древнихъ Персовъ была извѣстна подъ именемъ *Турана* (3); у древнихъ Аравитянъ получила она, или часть ея, названіе *Маваръ-ель-Нахаръ*, т. е. страны между Оксомъ и Яксартомъ; нынѣшніе же Персіяне называютъ ее *Вересъ-рудъ* или *Вара-рудъ* (4). Съ среднихъ вѣковъ та же самая страна, преимущественно же въ распространеніи своемъ на В., начала чаще всего означаться, у магометанско-азіатскихъ и христіанско-европейскихъ авторовъ, очень неопредѣленнымъ именемъ Cataja—*Катай* (Китай). Съ названіемъ Cathea sophitis (Strabo XV f. 699 и Q. Curtius IX, 1) въ Индіи, временъ Александра великаго, имя это имѣетъ аналогію только въ звукѣ, а не въ значеніи (5). Съ бо́льшимъ основаніемъ можно произвести это названіе отъ Монголо-Тунгузскаго племени *Кидань* (Khitan) или *Китатъ* (Khitat во множественномъ числѣ у A. Remusat) (6), утвердившагося еще до времени владычества Монголовъ, съ X столѣтія, въ сѣверномъ Китаѣ и на В. оттуда въ Тангутѣ, и составившаго въ нагорной восточной Азіи могущественное Государство (7), которое западными писателями было постоянно смѣшиваемо и принимаемо за одно съ Китайскимъ Государствомъ, и впослѣдствіи чрезъ Монголовъ дѣйствительно соединилось съ нимъ (8).

Позднѣе, по мѣрѣ того какъ смѣнялись здѣсь народы и владычества, страну эту начали называть Верхней Монголіею, Чжунгаріею, Кошотіею и т. д., хотя народы и Государства эти были съ каждымъ столѣтіемъ другіе, слѣдовательно такія этнографи-

---

(3) Wahl Vorder- und Mittel- Asien. Leipzig. 1795. 8. p. 412, 433.

(4) Sieben-Meer b. v. Hammer in Wien Jahrbuch 1826 Th. XXXVI. p. 273.

(5) Andr. Muller Disquisitio geogr. et historic. de Chataja. Berl. 4. 1671 p. 79.

(6) Klaproth. sur les différens noms de la Chine въ Mém. rel. à l'Asie. Paris 1828. T. III. p. 239.

(7) Herbelot. Bibl. Orient. s. v. Khataja, Plano Carpin Voy. art. V. p. 40. Rubruquis Voy. ch. XXVIII. p. 59. ed. P. Bergeron Recueil. Leide. 1729. I. J. Klaproth. Tableaux hist. de l'Asie. Paris 1826. 4. Tabl. 18. Epoques des Khidans ou Liao.

(8) Ab. Remusat Mém. sur l'extension de l'empire chinois du coté de l'occident въ Mém. rel. á la géogr. de l'Asie centrale. Paris. 1825. 4. p. 76.

ческія названія, по сопряженнымъ съ нимъ ложнымъ и побочнымъ понятіямъ, должны были вводить въ многочисленныя ошибки. Столь же неосновательно и названіе *Китайской Татаріи*, потому-что Татары, какъ это доказано послѣ многолѣтнихъ заблужденій, занимали только небольшую мѣстность въ этой неизмѣримой странѣ (см. ниже). Мы же будемъ употреблять это выраженіе, впрочемъ освященное давностью и потому неизбѣжное, только когда захотимъ говорить вообще о всѣхъ странахъ, подразумѣваемыхъ въ прежніе вѣка подъ этимъ собирательнымъ именемъ, и притомъ въ столь же общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ употребляются подобныя тому названія Скиѳіи и Сарматіи.

Мы послѣдуемъ лучшему примѣру новѣйшихъ авторовъ ([9]), пустившихъ въ ходъ названія: *средней* Азіи (Asie moyenne), *центральной* Азіи (Asie centrale), *внутренней* Азіи (Asie intérieure), для означенія дѣйствительно континентальныхъ странъ, совершенно отдѣленныхъ отъ береговыхъ, и занимающихъ преимущественно восточную и западную часть нагорной Азіи. Мы различаемъ, вмѣстѣ съ Тимковскимъ и Клапротомъ, прежде всего, въ *восточной нагорной Азіи*, три большія континентальныя массы([10]), разграниченныя между собою самою *природою*, и которымъ сверхъ того три различныя *племена народныя* придаютъ особый этнографическій характеръ: 1) *Восточную внутреннюю Азію* (Asie moyenne orientale), страну Маньчжуровъ, 2) *Сѣверную внутреннюю Азію* или Монголію, 3) *Западную внутреннюю Азію*, лежащую на З. отъ р. Хуанъ-хэ (Hoang-ho), страну восточныхъ Турковъ или Туркистанъ. На Югъ отъ этихъ трехъ сѣверныхъ главныхъ отдѣловъ лежитъ причисляемая нами сюда же: 4) *Южная внутренняя Азія* или Тибетъ въ обширномъ смыслѣ. Точнѣйшія опредѣленія слѣдуютъ ниже; подъ общимъ же именемъ *Восточной*

(9) Klaproth, A. v. Humboldt; Hugh Murray on the ancient geography of Central or Eastern Asia etc. въ Transact. of the Roy. Society of Edinburgh. Vol. VIII. P. I. 1817. p. 171 — 202.

(10) Timkowski Voyage ed. Paris. T. II. p. 220.

Нагорной Азіи подразумѣваемъ мы обширное пространство, со всѣми ограничивающими его горными хребтами, скатами и углубленіями, въ которомъ находятся истоки, верхнія, а иногда и среднія части теченія рѣкъ: Инда, Ганга, Иравади, Янъ-Цзы-Кяна, Хуанъ-хэ, Амура, Енисея, Иртыша, Сыра и Гихона. Эти малоизвѣстныя страны, въ природѣ составляющія одно цѣлое, вышли въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій, и то только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, изъ совершеннаго мрака неизвѣстности; другія же части и донынѣ еще совершенно неизвѣстны. Всѣ точныя изслѣдованія, ведущія къ истинному познанію Азіи ограничиваются до сихъ поръ только отдѣльными мѣстностями. Въ нижеслѣдующихъ изысканіяхъ постараемся сгруппировать географически, и сколь возможно вѣрно и полно, всѣ свѣдѣнія о тѣхъ частяхъ Азіи, на которыя наблюденія или ученая литература бросили какой нибудь свѣтъ, и изложить важныя истины, не-отъемлемо пріобрѣтенныя наукою, о строеніи этой части свѣта, съ возможно точнымъ указаніемъ самыхъ источниковъ, изъ которыхъ онѣ почерпнуты.

ОТДѢЛЪ I.

ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА НАГОРНОЙ АЗІИ.

—

ГЛАВА I.

ОТДАЛЕННѢЙШАЯ ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА.

§ 11.

Изложеніе I. 1) *Береговая полоса.*

Свѣдѣнія наши о принадлежащихъ сюда прибрежьяхъ сѣверо-восточнаго океана еще весьма скудны, однако же мы постараемся воспользоваться немногими отрывками, чтобы бросить нѣкоторый свѣтъ на эти страны, пока новыя изслѣдованія не познакомятъ насъ съ ними ближе. Нѣсколько европейскихъ береговыхъ путешествій, небольшое число караванныхъ переѣздовъ и китайскихъ извѣстій о тамошнемъ отечествѣ нынѣ царствующей династіи изъ Тунгузскаго племени Маньчжу, служатъ намъ единственными путеводителями въ этихъ негостепріимныхъ странахъ. Рѣка *Амуръ* къ С.-В., и гораздо меньшая, но не менѣе уважаемая *Ляо-хэ*, (Liao), по монгольски Шара-Мурэнь (Sira mouren) (1), впадающая въ Хуанъ-Хай или Желтое море, протекаютъ эти страны, пробивая себѣ здѣсь путь чрезъ окраину нагорья, котораго восточныя отрасли распространяются до

(1) Amiot. Elog. de Moucden p. 239.

Корейскаго полуострова и до бурнаго Японскаго моря. Разнообразно расщепленныя скалы и высокіе острова этого моря, можно принимать, согласно съ мнѣніемъ Палласа ([2]), за продолженіе этой восточной окраины по столь богатому островами Восточному океану.

Со стороны моря, крайній уступъ нагорной Азіи, отъ восточнаго Корейскаго мыса до самаго устья р. Амура, представляетъ непрерывный крутой берегъ, который, сколько густые туманы позволили судить о немъ *Лаперузу* (1787) и кап. *Броутону* (1797) ([3]), имѣетъ совершенно негостепріимный видъ и скудно заселенъ континентальнымъ Курильскимъ племенемъ Айно (Aino) ([4]). По показанію Айносовъ, береговая полоса, даже близъ устья Амура, населена Маньчжурскимъ племенемъ, не ближе какъ на разстояніи 8 дней пути во внутренность страны, и была почти совершенно неизвѣстна этому племени со стороны материка ([5]). Ни одна рѣчная долина не ведетъ изъ внутренности страны къ береговой полосѣ ([*]), отъ которой туземцы отдѣлены скалистыми горами и густыми лѣсами. Совершенно обнаженныя горы кажутся ([6]) со стороны моря неприступными, совершенно необитаемыми, и тянутся отъ 42° с. ш., въ горизонтально-наслоенныхъ мощныхъ пластахъ, на разстояніе 50 часовъ, въ направленіи отъ С. къ Ю., возвышаясь отъ 3600 до 4200 пар. ф. надъ поверхностью моря.

Крайняя восточная цѣпь, посѣщенная съ континентальной стороны Сибирскими разсыльными партіями въ XVII вѣкѣ, при открытіи береговъ Амура (В. Поярковымъ 1743 и П. Хабаро-

---

(2) S. Pallas Observ. s. la format. des mont. etc. Acta Acad. Petrop. I. 1771.

(3) W. R. Broughton. Voy. de dec. dans la partie sept. de l'Océan pacifique 1795. и 98. trad. Paris. 1807. 8. T. II. ch. 6 etc.

(4) Asia Polyglotta. Klaproth. Paris. 1823. 4. p.300.

(*) Кромѣ Тумэни-улы или Ми-Кяна, на границахъ Кореи съ Маньчжуріею *Пр. Пер.*

(5) Gerbillon Observ. hist. sur la Grande Tartarie, Du Halde ed. à la Haye 1736. T. IV. p. 44.

(6) La Peyrouse Voy. autour du monde. Paris. 1797- 4. T. III. p. 8.

вымъ 1658) (7), тянется между 147° и 148° в. долг. отъ Ферро. Она переходитъ чрезъ Амуръ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, по нашимъ картамъ, принимаетъ болѣе сѣверо-восточное направленіе(*) и входитъ въ обширную равнину, склоняющуюся отсюда на В. къ Охотскому морю. Горный хребетъ этотъ направленъ отъ Ю. къ С., между устьями притоковъ Амура *Цзинкири-ула* (Tschikiri) или *Зея* (Seja), съ лѣвой и *Сунгари-ула* (Songari-Ula, у русскихъ плавателей Шингаль), съ правой; здѣсь Амуръ пробивается дикими ущельями черезъ значительную ширину хребта (**). Казачій Атаманъ Хабаровъ употребилъ два дня и одну ночь на трудное плаваніе между крутыми, скалистыми берегами этой тѣснины средняго теченія Амура, пока достигъ до болѣе ровной, расположенный уступами, нижней долины рѣки, обитаемой уже отсюда Маньчжурскимъ племенемъ *Дучеры* (8); въ самыхъ же горныхъ тѣснинахъ, по сказанію Хабарова, обитаетъ племя *Гогули* (9) (***). О нынѣшнемъ состояніи этой стра-

---

(7) Muller Sammlung Russisch. Geschichte Petersb. 1736, T. II. p. 297, 307.

(*) Новѣйшія русскія изслѣдованія даютъ самому теченію Амуру другой видъ на картахъ: именно отъ наибольшаго приближенія своего къ океану (30 вер.), при озерѣ Кизи, оно круто поворачиваетъ на Сѣверъ, см. ниже дополненіе къ стать уступовъ Амура. *Пр. Пер.*

(**) Хребетъ этотъ называется Доусэ-Алинь. Новѣйшія дополненія о бассейнѣ Амура, см. ниже въ стать уступовъ р. Амура. *Пр. Пер.*

(8) Gerbillon въ Du Halde T. IV. p. 44. cf. Klaproth Mém. relat. à l'Asie. T I. p. 449.

(9) Muller l c. p. 320. Я не могу согласиться съ неосновательнымъ критическимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ на 436 стран. I изд. «Erdkunde», Докторомъ Платомъ, въ сочиненіи его die Völker der Mandschurei, Götting. 8. 1830. p. 5. not. 2, относительно рѣки Зеи, потому что въ болѣе достовѣрномъ разсказѣ Хабарова, которому отдастъ преимущество и Миллеръ, нижняя часть Цзинкири, близъ впаденія ея въ Амуръ, называется постоянно *Зея* (см. I с. у Миллера p. 297, 301, 317, 320, 339, 361, 376, 396). Изъ приведенныхъ цитатовъ послѣдній совершенно убѣдителенъ потому, что здѣсь опредѣляется положеніе город. Сахалянъ-ула-хотонь, на разстояніи одного дня пути ниже впаденія Зеи въ Амуръ. Конечно рѣка эта, какъ я уже замѣтилъ въ приведенномъ мѣстѣ, называется также *Цзя*, именемъ, подъ которымъ она извѣстна у Русскихъ, по свидѣтельству Жербильона, безъ сомнѣнія лучшаго авторитета для Географіи сихъ мѣстъ, по его же свидѣтельству Цзинкиря есть монгольское названіе рѣки. cf. du Halde. p. 44.

(***) Названіе Дучеры встрѣчается и въкитайскихъ источникахъ, см. Горскаго Начало и перв. дѣла Маньчжур. дома, въ Труд. Пекинской миссіи Ч. I. СПб. 1852.

ны мы не имѣемъ никакихъ новыхъ точныхъ свѣдѣній (****), ибо вся гористая полоса нагорной С.-В. Азіи, по обѣимъ сторонамъ р. Амура, извѣстна только по первымъ походамъ Сибирскихъ казачьихъ отрядовъ. Этотъ недостатокъ свѣдѣній зависитъ отъ того, что страна эта, пограничными трактатами 1689 и 1727 годовъ, была уступлена русскими прежнему ея владѣльцу — Китайскому Императору ([10]), и съ тѣхъ поръ сдѣлалось совершенно неприступною для Европейцевъ, которые, какъ напр. Д-ръ Гессъ въ новѣйшее время не могли проникнуть туда съ русской стороны далѣе Нерчинскаго горнаго округа. Если бы не была произведена Іезуитскими Миссіонерами съемка этихъ мѣстностей, въ царствованіе Императора Канъ-хи (Kanghi, по сѣверн. произношенію Канъ-си), въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка, то вся эта страна была бы для насъ совершенно terra incognita ([11]). Болѣе мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о природѣ этого внѣшняго С.-В. уступа, а потому переходимъ далѣе на Югъ.

2) *Чанъ-бо-Шань или Шань-янь алинъ.* (Tchang-pe-Shan, Shan Alin).

На сѣверѣ отъ Корейскаго полуострова, у истоковъ Сунгари-улы и прибрежныхъ рѣкъ Ялу-кяна (Yalou-kiang) и Тумэнулы (Tumen-ula), спускается, по направленію къ этому полуострову, крайній юговосточный высокій хребетъ нагорья и образуетъ древніе пограничные уступы Китайскаго Государства, со стороны Кореи. Этотъ водораздѣльный хребетъ горъ есть извѣстный *Шань-янь-Алинь* (Shan-Alin), отъ маньчжурскаго слова Шань-янь-бѣлый, у Маньчжуровъ и *Чанъ-бо-Шань* (Tchan-Pe-Shan) у Китайцевъ, что на обоихъ языкахъ значитъ *большія бѣлыя* горы (*).

ст: 41. Гогули можетъ быть то самое племемя, которое новѣйшія русскія экспедиціи называютъ Гольдами. *Пр. Пер.*

(****) Новѣйшія свѣдѣнія о р. Амурѣ см. ниже. *Пр. Пер.*

(10) Klaproth. Archiv. f. Asiat. Litteratur. Petersb. 1810. 4. p. 159. и его же Mém. rel. à l'Asie. Paris. 1826. T. 1. p. 1 — 80.

(11) Du Halde IV. p. 1 — 21.

(*) Общее направленіе этого хребта, какъ кажется параллельно съ общимъ направленіемъ Даурскаго массива. *Пр. Пер.*

Горы эти считаются сими народами за высочайшія на земномъ шарѣ ([12]), и почитаются священными: Императоры ѣздятъ къ нимъ на поклоненіе ([13]). Когда Патеръ Фербистъ прибылъ сюда въ 1682 году съ Императоромъ Канъ-хи, то послѣдній, увидѣвъ горы, сошелъ съ лошади, преклонилъ колѣна и сдѣлалъ три поклона; въ 1699 г., онъ совершалъ сюда путешествіе уже въ третій разъ. На западномъ склонѣ хребта къ р. Ляо лежитъ, въ 50 геогр. миляхъ на С. отъ морскаго берега (подъ 41° 50′ 30″ с. ш. и 7° 11′ 50″ на В. отъ Пекина), нагорный городъ Мукдэнь (*), въ странѣ П'инъ (Pin) и Ки (Ki), коренномъ отечествѣ племени Маньчжу и Китайскаго Императорскаго дома. Здѣсь находятся гробницы ихъ предковъ, расположенныя на вершинахъ водо-раздѣльныхъ горъ Цп-юнь-Шань (Tsi-yün-Shan), а потому этотъ городъ и страна составляютъ святыню, которой приносятся различныя жертвы, баснословную страну Маньчжу, ихъ райскія горы, которыя были воспѣты ([14]) съ истинно-патріотическимъ благочестіемъ Императоромъ Кянъ-Лунемъ (Khian-Loung, по сѣверн. произношенію Цзянъ-Лунь), въ знаменитомъ стихотвореніи, на Китайскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ ([15]). По повелѣнію Императора эта національная пѣснь была напечатана 61 различными шрифтами, изъ которыхъ 32 были заготовлены для Маньчжурскаго и 32 для Китайскаго изданія, съ тою цѣлію, чтобы сочиненіе было начертано китайскими буквами всѣхъ вѣковъ, даже са-

---

(12) Du Halde descr. de la Chine T. IV. p. 531 и 93; Klaproth Mém. rel. à l'Asie. T. I. p. 441.

(13) P. Verbiest Voy. of the Emperor of China a. 1682, въ Philosophic. Transactions. 1686. p. 39.

(*) На одномъ изъ притоковъ *Ляо*, который въ атласѣ д'Анвиля названъ Hoan-ou-hou, на картѣ Гримма Hoen-ho, Клапрота Tu-Tsu-ho, Бергхауза Manu-ho, отца Іакинѳа Хунь хэ. О Мукдэни и южной Маньчжуріи см. дополненіе къ § 11. *Пр. Пер.*

(14) Ab. Remusat nouv. melanges Asiatiq. T. II. p. 59.

(15) Khien-long, Empereur de la Chine, Eloge de la ville de Moukden p. le P. Amiot publié par Deguignes. Paris. 1770. p. 199.

мыхъ древнѣйшихъ, вслѣдствіе того эти различныя изданія получили дипломатическую важность для изученія Китайской литературы. Они находятся въ парижской библіотекѣ.

Кянъ-Лунъ описываетъ эти пограничные уступы какъ восхитительную альпійскую страну, полную воспоминаніями прошедшаго, оживленную очаровательными лугами, источниками, ручьями, нѣсколькими святыми горами, прекраснымъ воздухомъ и населенную простодушными, мирными жителями. Здѣсь онъ видитъ классическую землю патріархальной простоты и справедливости, освѣщаемую лучшими звѣздами, покровительствуемую добрыми геніями. Это есть превознесенная страна Ло, отечество Гіоро (Кіого, золотаго), предка Маньчжурскихъ Государей, описываемая въ китайскихъ баснословныхъ преданіяхъ въ высшей степени блеска и славы ([16]). Самый городъ Мукденъ (Mukden) столь же отличается между другими городами, какъ драконъ и тигръ между всѣми животными. Горный зефиръ вѣющій здѣсь не только быстро распускаетъ почки въ цвѣты, но и производитъ тѣхъ, которые предназначены быть князьями міра сего.

Въ самомъ дѣлѣ эти высоты служили всегда важнымъ пунктомъ для обезпеченія могущества Пекинскихъ властителей и важнымъ ключемъ Китайской имперіи. Для защиты его сосредоточены здѣсь всегда значительныя силы; провинція эта называется Шэнъ-Кинъ (Sching-King), и правитель ея есть одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ имперіи. Маньчжу любятъ её, какъ отечество свое, изъ котораго они спустились въ равнины. Потому самое пребываніе въ ней считается почетнымъ, и все что приходитъ отсюда пользуется особымъ уваженіемъ.

По всему однакоже можно было бы заключить, что эта крайняя отрасль нагорной Азіи есть дикая и негостепріимная страна ([17]). Она составляетъ область звѣроловства, наполненную

---

(16) Khien-long. p. 17. Not. p. 223, 207.

(17) Khien-long, Amiot Notes. p. 112, 83, 320 и въ другихъ мѣстахъ.

хищными звѣрями и всякаго рода дичью. Здѣсь истребленіе животныхъ необходимо для человѣка; а потому по законамъ Маньчжу охота есть не только удовольствіе, но даже обязанность, возлагаемая религіею; кто здѣсь не охотится, тотъ не почитается набожнымъ (*).

Примѣчаніе: *Путешествіе Умунэ* (Umuna) *къ Бѣлой горѣ 1677 года.* Исключая картографической съемки, произведенной нѣкоторыми іезуитскими миссіонерами, описаніе этой страны маньчжурскимъ вельможею, посланнымъ императоромъ Канъ-хи въ 1677 г. къ Бѣлой горѣ, для принесенія жертвы горнымъ духамъ, заключаетъ въ себѣ единственныя свѣдѣнія (**), сообщенныя очевидцемъ, объ этомъ замѣчательномъ коренномъ отечествѣ Тунгузской династіи, столь прославившейся своими правительственными дарованіями. Мы обязаны Клапроту (18) переводомъ съ маньчжурскаго языка отчета, который Умунэ представилъ императору о путешествіи своемъ. Никто въ Пекинѣ, говорилъ К'анъ-хи, не знаетъ театра славы моихъ предковъ; а потому посылаю вельможу двора моего, Умунэ, туда, для описанія этой страны и принесенія жертвы покровительствующимъ ей богамъ. Въ отчетѣ Умунэ заключается однакоже только описаніе его восхода на хребетъ Чанъ-бо-шань.

Путешественники отправились изъ Пекина, въ іюнѣ, чрезъ Мукдэнь къ городу Гиринь (Kirin); но ни здѣсь, ни въ цѣлой странѣ Нингута (Nin-gunta, что значитъ 6-ть (***) начальниковъ, первыхъ маньчжурскихъ патріарховъ), на сѣверномъ склонѣ снѣжнаго хребта, отдѣляющаго полуостровъ Корею отъ Маньчжуріи, гдѣ лежитъ самый городъ Нингута, не нашли они проводниковъ къ святымъ горамъ. Наконецъ явился къ нимъ пожилой человѣкъ, родившійся въ землѣ племени Ѣхэ-Нэйѣнь (Ekhe-

---

(*) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(**) Новѣйшія свѣдѣнія, см. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(18) Mémoires relatifs à l'Asie. T. I. p. 455 — 460, также въ Asiat. Journ. Juli 1824. p. 29 — 31.

(***) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано семь. — *Пр. Пер.*

Neyen), который въ юности своей слышалъ отъ своего отца, что недалеко оттуда находятся горы, куда охотники ходятъ на оленей. Тогда Умунэ оставилъ городъ Гирінь, лежащій на рѣкѣ Сунгари, и послѣ труднаго путешествія достигъ до лѣсистой страны Ѣхэ-Нэйѣнь, откуда и отправилъ нѣкоторое число людей съ топорами, для просѣченія дороги чрезъ непроходимые лѣса и узнанія разстоянія оттуда до Бѣлой горы. Чрезъ десять дней донесли они, что, пропикнувъ въ лѣса на 5 часовъ разстоянія (30 ли, считая по 200 ли на одинъ градусъ), увидѣли великую Бѣлую гору впереди, въ 13 — 14 миляхъ (170 — 180 ли). По полученному вторичному извѣстію оказалось, что гора лежитъ гораздо ближе, и путешественники пустились въ дорогу, направляясь постоянно къ Югу. (Она лежитъ подъ 42° с. ш. и 146° з. долг. отъ Ферро по китайскимъ картамъ) ([19]). Уже на третій день слышенъ былъ крикъ пролетѣвшихъ журавлей; но туманъ мѣшалъ путешественникамъ видѣть окружающую мѣстность. Направляясь по слѣдамъ оленей, они наконецъ достигли Бѣлой горы. Прекрасный лѣсъ, зеленый скатъ, окаймленный, какъ бы искусственно, насаженными человѣческою рукою деревьями (Sadjoolan), и поросшій тѣнистыми кустарниками и желтыми цвѣтами, разстилались у подошвы горы; но вершины ея, закрытой туманами и облаками, еще не было видно. Здѣсь весь отрядъ путешественниковъ сошелъ съ лошадей, и Умунэ, слѣдуя приказаніямъ императора, прочелъ молитву добрымъ духамъ. Вскорѣ послѣ того открылась Бѣлая гора, во всей красотѣ своей, съ тропинкою ведущею къ вершинѣ, которую безоблачное и чистое небо позволило видѣть совершенно ясно. Путешественники восходили около 14 часовъ (100 ли), сначала спокойно, потомъ все труднѣе по крутизнѣ, а наконецъ уже по снѣжной и ледяной корѣ, которая, казалось, наслоялась съ каждымъ годомъ, никогда не оттаявая, слѣдовательно находилась за предѣлами

(19) Klaproth, Mém rel. à l'Asie. T. I. p. 441.

вѣчныхъ снѣговъ ([20]). Наконецъ они достигли до площади, окруженной 5-ю очень высокими пиками, между которыми находилось озеро, въ 3 мили (30 или 40 ли) окружности; здѣсь показался медвѣдь. Четыре изъ высокихъ пиковъ склонялись къ Югу; пятый, расположенный на Югѣ, возвышался круто и отвѣсно, хотя и былъ ниже остальныхъ; его основаніе походило на ворота. Нѣсколько источниковъ, съ шумомъ и пѣною, пробивались съ разныхъ сторонъ горы, и текли отчасти влѣво (т. е. къ Сѣверу), въ Сунгари-ула, по кит. Сунъ-хуа-кянъ (Soung-Hoa-Kiang), отчасти вправо (т. е. къ Югу), въ большой и малой Нэйѣнь (Neyen), которые суть верхніе небольшіе протоки Сунгари, названные у д'Анвиля Саинъ и Ѣхе Нейѣнь (Sain et Igue-Neyen) (*). Здѣсь были принесены жертвы, и послѣ того путешественники отправились въ обратный путь; въ тоже время пробѣжало мимо ихъ и бросилось со скалы стадо оленей, изъ которыхъ семь остались убитыми на мѣстѣ. Путешественники почли это за доказательство, что молитвы ихъ были приняты милостиво духами-покровителями, которые доставили посланному отъ императора и свитѣ

---

(20) Упрекъ, сдѣланный мнѣ Д-мъ Платомъ въ «Völker der Mandschurei» l. c. p. Not. 1, относящ. къ 1-му пзд. моего «Землевѣдѣнія», не опровергаетъ сего, потому что на заключающееся у Du-Halde IV. 17 показаніе о бѣломъ известковомъ туфѣ должно смотрѣть не болѣе какъ на ипотезу, такъ какъ авторъ самъ не восходилъ на гору и пишетъ это собственно съ цѣлію опровергнуть преувеличенныя показанія Китайцевъ. Предположеніе снѣжнаго покрова здѣсь гораздо вѣроподобнѣе, нежели это отдѣльное, неподкрѣпляемое другимъ свидѣтельствомъ, показаніе о необыкновенномъ составѣ вершины горы изъ tuf blancheatre. П. Фербистъ, въ описаніи путешествія, совершеннаго имъ въ 1682 г., говоритъ поясни-тельно, что гора получила свое названіе отъ снѣга, которымъ всегда покрыта ея вершина. Du-Halde. IV. p. 92.

(*) Въ текстѣ Риттера сказано: вѣроятно принадлежащіе къ упомянутымъ береговымъ рѣкамъ, но ошибка эта исправлена при перечисленіи погрѣшностей. Всѣ рѣки, берущія начало на скатахъ Чанъ-бо-шаня, принадлежатъ къ тремъ системамъ: 1) Сунгари на Сѣверѣ (Soungari oula), принадлежащей къ системѣ Амура; 2) Ялу-кяна на Югѣ (Yalou-Kiang на картахъ д'Анвиля, Клапрота, Андріво-Гужона, Ula у Бергхауза, Ya-Yuan-Kiang у Гримма), впадающаго въ Желтое море и 3) Тумэнь-улы (Toumen-Ula у д'Анвиля, Гримма, Андріво Гужона и Бергхауза), впадающей въ Восточный океанъ. — *Пр. Пер.*

его недостовавшіе имъ съѣстные припасы. У подошвы горы они принесли въ жертву этихъ животныхъ и насытились ими: за тѣмъ гора снова покрылась тучами и туманомъ, и исчезла изъ виду. Въ Нингутѣ, древнемъ маньчжурскомъ городѣ, Умунэ составилъ отчетъ о своемъ путешествіи. По счастливомъ возвращеніи посольства, императоръ, въ благодарность за благосклонный пріемъ его жертвы, отдалъ повелѣніе палатѣ обрядовъ прибавить духамъ — покровителямъ Бѣлой горы еще новые титулы къ тѣмъ, которые были имъ уже давно даны (въ 1175 г. императоромъ дома Нюй-чжень (Yutchi) или Гинь (Kin), называемымъ Алтунъ-ханомъ) ([21]).

Нингута, къ С.-З. отъ Бѣлой горы, лежитъ уже въ весьма холодной, горной странѣ, при богатой рыбою рѣкѣ Хулхѣ (Hourha) ([*]), по китайски Ху-эрл-ха-хэ, стремящейся отъ той же снѣжной горы, только восточнѣе р. Сунгари, по направленію съ Юга на Сѣверъ, и орошающей патріархальное отечество нынѣшняго императорскаго дома; отсюда происходитъ и названіе самаго города Нингута, что значитъ 6 ([**]) патріарховъ-князей ([22]), какъ уже сказано было выше. Лѣсной округъ этой страны обитаемъ дикимъ маньчжурскимъ племенемъ Юй-пѝ-да-цзы (Yu-pi-Ta-se) ([***]). Самый же городъ значителенъ только какъ рынокъ; нынѣшніе обитатели берега Хулхи ([****]) занимаются рыболовствомъ и употребляютъ собакъ для ѣзды, какъ и въ ближайшихъ сѣверныхъ странахъ Сибири.

Гирин-ула, лежащій на С. отъ Бѣлой горы, на р. Сунгари, есть нынѣшній областной городъ, давшій политическое названіе

---

(21) Visdelou, Hist. d. l. Tartarie p. 124, въ Herbel. Bibl. orient, Suplem. fol. 1780.

([*]) Въ текстѣ сказано Усури улѣ, въ скобкахъ Хурха, но это смѣшеніе исправлено самимъ Риттеромъ въ погрѣшностяхъ, перечисленныхъ въ слѣдующемъ томѣ. — *Пр. Пер.*

([**]) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано: семь. — *Пр. Пер.*

(22) Du Halde, T. IV. p. 7. 12 etc.

([***]) Это есть общее китайское названіе тунгузскихъ поколѣній, обитающихъ отъ Усури на В. — *Юй-пѝ да-цзы*, значитъ: «рыбокожіе инородцы». См. Ст. Опис. Кит. Имп. Т. II. ст. 12. — *Пр. Пер.*

([****]) Въ текстѣ ошибочно: Усури. — *Пр. Пер.*

самой области и служитъ ссылочнымъ мѣстомъ для китайскихъ государственныхъ чиновниковъ (*) и мѣстомъ поселенія для китайцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ, вслѣдствіе далекаго распространенія маньчжурскаго народа, родина его опустѣла. Здѣсь, на с.-в. склонѣ снѣжной цѣпи горъ, лежитъ отечество столь знаменитаго въ Китаѣ растенія жень-шень (23) (Ginseng, Orohota у Маньчжуровъ, что значитъ *царица растеній*). Оно имѣетъ, какъ кажется, весьма ограниченную площадь распространенія въ этомъ нагорьѣ, потому-что не произрастаетъ на болѣе тепломъ Югѣ, а на Сѣверъ простирается не далѣе 48° с. ш. (24). Жень-шень упо ребляется какъ укрѣпляющее средство, и есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ лекарствъ; въ Пекинѣ оно продается по унціямъ за вѣсъ серебра, въ 7 разъ превышающій его собственный. Собираніе его составляетъ монополію императора, дающую ему значительную часть его доходовъ (**). Жень-шень есть драгоцѣннѣйшее изъ произведеній этой нагорной страны и привлекаетъ сюда ежегодно много промышленниковъ. Этому обстоятельству географія обязана точными свѣдѣніями объ этой мѣстности. Императоръ К'анъ-хи (Канъ-си) предоставилъ въ 1709 году, впрочемъ съ большими для себя выгодами, право собиранія этого драгоцѣннаго растенія пограничному маньчжурскому гарнизону въ Ляо-дунъ (Liao-Tong) (***) въ числѣ 10,000 человѣкъ, которые посему могли проходить съ совершенною безопаспостью всю страну, наполненную дикими звѣрями (какъ напр. тиграми), ея горы и густые лѣса. Подъ покровительствомъ сего войска іезуиты-миссіонеры получили возможность производить астрономи-

---

(*) Также какъ и Нингута. — *Пр. Пер.*

(23) Lettres du Pére Jartoux sur le Ginseng. à 1771, въ Lettres édifiantes des missions étrangères Nouv. ed. Paris 1781. T. XVIII. p. 127—143, съ рисункомъ

(24) Du-Halde, IV. 9.

(**) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(***) Такъ называлась въ древности нынѣшняя пограничная съ Китаемъ область Фынъ-т'янъ-фу, составляющая восточную половину провинціи Шэнъ-синъ; *Ляодунъ* значитъ *на Вост. отъ р. Ляо.* См. Ст. Опис. Кит. Имп. Т. III стр. 27. — *Пр. Пер.*

ческія опредѣленія и съемки для карты Маньчжуріи и проникнуть отъ Мукдэня, поперегъ Корейскаго полуострова, до устья Тумэнь-ула, а оттуда обратно къ Нингутѣ. У Китайцевъ существуетъ о жень-шени не менѣе чудесныхъ разсказовъ, какъ у древнихъ о Silphium, произраставшемъ въ киренейскихъ горныхъ пролѣскахъ: у Тибетцевъ о Prangos, растущемъ на плоскогоріи Ладака, у Савойцевъ и горцевъ Гельвеціи и Тироля о Тетрасѣ (Laserpitium), Генціи (Achillea). Небольшая пачка жень-шени была самымъ драгоцѣннымъ подаркомъ изъ посланныхъ императору Юнъ-Чжинъ (Yong-Tching) 1725 г. папѣ Бенедикту XIII, вслѣдствіе его посольства ([25]).

Мукдэнь ([26]), Шэнъ-кинъ у Китайцевъ, нынѣ Фынъ-т'янъ-фу (Fong-Thian-Fu), сдѣлался только съ 1625 г. резиденціею маньчжурскихъ князей, въ то время когда они начали свои завоеванія и появились грозными соперниками власти дома Минъ (Ming), на сѣверной границѣ Китая. Впослѣдствіи городъ пересталъ быть резиденціею, но остался главнымъ городомъ прежней области Ляо-дунъ и вторымъ городомъ во всей восточной китайской Татаріи или Маньчжуріи. Императоры особенно покровительствуютъ этому городу, какъ прежней резиденціи ихъ предковъ; онъ имѣетъ дворцы, высшія присутственныя мѣста, и чиновниковъ, исключительно изъ маньчжурскаго племени. За городскими воротами расположены императорскія гробницы нынѣ царствующаго дома, надъ которыми отправляютъ торжественное служеніе по усопшимъ. Къ обрядамъ поминовенія относится и обычай, что каждый новый государь торжественно опускаетъ въ могилу своего предшественника лѣтопись его царствованія, составленную отъ правительства и запечатанную государственною печатью; эта священная обязанность

---

(25) Mailla, Hist, gén. de la Chine, T. XI. p. 431 not.

(26) Klaproth, Mém. relat. à l'Asie T. I. p. 441. Du-Halde, IV. p. 4, 92. Grosier Description générale de la Chine. Paris 1818. T. I. p. 242.

была исполнена нынѣшнимъ императоромъ (*) уже въ 1824 г., т. е. 4 года послѣ смерти его предшественника ([27]).

На Ю.-В. отъ Мукдэни и при южной подошвѣ Чанъ-бошани, который составляетъ здѣсь пограничный хребетъ со стороны Кореи, лежитъ, на границѣ этой страны, торговый городъ *Фынъ-Хуанъ* (Fon-Hoan)—единственное мѣсто, назначенное правительствомъ ([28]) для складки товаровъ и проѣзда путешественниковъ сухимъ путемъ въ Корею; городъ находится у деревяннаго частокола, служащаго слабымъ продолженіемъ Китайской стѣны, и мало способствующаго къ защитѣ этого укрѣпленнаго самою природою нагорья. Чрезъ Фынъ-Хуанъ, служащій единственными воротами для входа въ Корею, провозятъ посольства, дань и большое количество тюковъ корейской хлопчатой бумаги и бумаги изъ Дафне, которыя составляютъ главные предметы вывоза изъ Кореи (*). Далѣе, на Ю.-З. отъ Мукдэни, надъ берегомъ Желтаго моря, при крѣпости Шань-хай (Shan-Hai, т. е. крѣпость горы и моря, Шань-хай-гуань) (**), въ томъ мѣстѣ гдѣ Китайская стѣна оканчивается со стороны моря, тянется, по видимому вдоль самаго моря ([29]), восточная окраина нагорной Азіи, склоняясь непосредственно въ его бездну. — Очевидцевъ этихъ береговъ мы не знаемъ, потому-что даже ни одинъ изъ англійскихъ мореплавателей не смѣлъ здѣсь приблизиться къ китайскому берегу. Единственными о немъ новѣйшими свѣдѣніями обязаны мы посольству лорда Амгерста въ 1817 году. Корабль Альцеста обогнулъ западные берега залива Ляо-луна невиданные ни однимъ европейцемъ и нашелъ ихъ все болѣе и болѣе гористыми, по направленію къ С. При станціи 14 авгу-

---

(*) Дао гуанемъ (Tao-Kouang), умершимъ въ 1831 году. Ему наслѣдовалъ старшій 19-лѣтній сынъ его Хянъ-фунь (Hien-Foung). — *Пр. Пер.*

(27) Peking Gazette, 4 Mars. 1824. Transact. of the Roy. Soc. of Great-Britain and Ireland. 1827. Vol. I. p. 387.

(28) Du-Halde, IV, p. 4.

(*) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(**) Въ древности Юй-гуань, — *Пр. Пер.*

(29) Verbiest у Du-Halde, IV. 91.

ста, подъ 39° 29 сѣв. шир. и 120° 6 вост. долг. отъ Гринвича, показалась великая стѣна, на разстояніи 7 морскихъ миль въ направленіи къ С.-В. Она возвышается надъ тремя или четырьмя рядами горъ, расположена на Зап. въ горномъ углу, и исчезаетъ изъ виду только на самыхъ высокихъ вершинахъ. За стѣною выдается въ море мысъ, который можетъ быть сравненъ съ мысомъ Сици (Sicie) къ С. З. отъ Тулона ([30]). Болѣе мы ничего не знаемъ объ этихъ мѣстностяхъ (*).

Въ какой степени Чанъ-бо-шань развѣтвляется на Югъ, по Корейскому полуострову ([31]), о томъ не сообщаетъ намъ ничего опредѣленнаго ни одинъ наблюдатель, хотя мы знаемъ, что здѣсь преобладаютъ дикія лѣсистыя горы. — Іезуитскіе миссіонеры проѣзжали въ 1709 году эту горную страну, вдоль сѣверной границы Кореи; ихъ картографическая съемка простирается только до этого пункта; вся же страна, лежащая на Ю. отъ Корейской границы, нанесена съ корейскихъ картъ, но никогда не была обозрѣваема европейцами. *Послѣдній базисъ* для съемки этой страны былъ измѣренъ іезуитами въ равнинѣ, лежащей при впаденіи Тумэнь-улы въ Восточный океанъ и здѣсь сдѣланы опредѣленія широты. До самой этой береговой рѣки, по Восточному океану, простирается съ Ю. къ С., вдоль берега, по уступамъ горъ, самая тщательная обработка почвы, которою столь прославились Корейцы и сосѣди ихъ Японцы. Только до сихъ поръ простираются пріятные горные ландшафты, а къ С. отъ 45° с. ш. восточный склонъ нагорной Азіи начинаетъ принимать негостепріимный видъ, какъ сказано выше. Упомянутая крѣпость Шань-хай служитъ пограничнымъ сторожевымъ пунктомъ между моремъ и быстро поднимающимся высокимъ сѣвернымъ горнымъ хребтомъ, на плоскихъ вершинахъ котораго уже монгольскіе завоеватели производили свои большія охо-

---

(30) J. M. Leod. Voyage of the Alcest. Lond. sec. ed. 1818. ch. II. p. 29. Ellis Journ. Lond. 1817. 4. ch. IX. p. 4. 69.

(*) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(31) Du-Halde, IV. p. 6. 9. 11. 13.

ты ([32]). Восточный скатъ этихъ горъ покрытъ вездѣ вѣковыми дубовыми лѣсами, въ которыхъ еще никогда не звучалъ топоръ. Первый пограничный китайскій городъ, къ Ю.-З. отъ этой естественной пограничной стѣны, между Великою стѣною и морскимъ заливомъ, есть Юнъ-п'инъ (Yong-Phing), знаменитый въ мань-чжу—китайской военной исторіи (*). Здѣсь оставляемъ мы физическое описаніе древняго отечества племени Мань-чжу, объ историческомъ распространеніи котораго мы будемъ говорить ниже. Нація эта отчасти вправѣ гордиться своею родиною, потому-что изъ нея дѣйствительно вышли въ различныя времена самыя мужественныя племена, игравшія важнѣйшія роли въ исторіи нагорной Азіи, и нѣсколько разъ возникали великіе завоеватели и блистательныя государства, какъ наприм. Мохэ (Mohe), Ши-вэй (Shy-Hoei), Кидань (Khitan), Нюй-чжень (Yu-Tchi, Niu-Tchi) (**) въ прежнія, и Мань-чжу въ послѣднія столѣтія (см. ниже о народахъ нагорной Азіи).

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 11.

1) *Отношеніе Маньчжуріи и рѣчной области Амура къ главному азіатскому нагорью.*

Почти меридіанный хребетъ Хинганъ, направленный съ С.-С.-В. къ Ю.-Ю.-З., отдѣляетъ плоскогоріе Гоби или Монголію отъ Маньчжуріи. Какимъ образомъ относится обширная

---

(32) Du-Halde, IV- 92, 97, M. Polo и др.

(*) Городъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ со временъ династіи Минъ. Ранѣе, во времена династій Суй и Т'анъ, онъ назывался П'инь-чжеу (P'ing-Tcheou), еще ранѣе Юй-бей-п'инь (Yu-Pe-P'ing). См. Ed. Biot. Dict. des Villes Chin. Paris 1842. 8. p. 297.

(**) Объ этихъ народахъ см. ниже дополненіе къ § 17. — *Пр. Пер.*

площадь этой страны, лежащая между Хинганьскимъ хребтомъ и Восточнымъ океаномъ, къ главному азіатскому нагорью, составляетъ ли она непосредственное его продолженіе, выполнена ли она плоскогоріями или горными массивами? Вотъ интересные орографическіе вопросы, на которые должно прежде всего отвѣтить, при обзорѣ восточной окраины нагорной Азіи. Риттеръ почиталъ Маньчжурію за сплошное продолженіе азіатскаго нагорья, за низшую, но нагорную еще его террасу, къ нему прислоненную и круто падающую въ глубины Восточнаго океана. Но въ то время когда писалъ Риттеръ объ этой части Азіи, средняя высота степи Гоби полагалась еще въ 8000 фут., а съ тѣхъ поръ барометрическая нивеллировка Фусса и Бунге (1), по кяхтинской дорогѣ, показала, что высота эта не превосходитъ 4000 ф. Послѣдующія наблюденія вообще заставляютъ насъ въ нѣкоторой степени измѣнить мнѣніе объ орографіи этой отдаленной восточной оконечности Азіи. Прежде всего замѣтимъ что уровень Шилки при Перчинскѣ, еще по измѣреніямъ Гмелина (2), не превосходитъ 1730 ф. надъ ур. моря. Послѣ соединенія Шилки и Аргуни, за Усть-стрѣлочнымъ карауломъ, Амуръ пробивается черезъ Хинганьскій хребетъ, какъ это слѣдуетъ изъ журналовъ амурской экспедиціи (3), и послѣ этого прорыва, течетъ свободно у подошвы хребта Ихури-алинъ, а далѣе и въ широкой полосѣ равнины, пробиваясь, послѣ впаденія Цзинкири и Ніоманя, черезъ другой хребетъ—Доуссэ-алинь. Слѣдовательно, уже послѣ перваго прорыва, высота уровня Амура вѣроятно не можетъ превосходить 1000 фут., а такъ какъ ложе его не врѣзано глубоко въ массивѣ окрестной страны, то и вся окрестная Маньчжурія, не представляя высокой терра-

(1) См. Fuss, Geographische, magnetische und hypsometresche Bistimmungen abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise in 1830 — 32. nach Sibirien und dem Chinesischen Reiche. Mém. de l'Acad. de St Pétersb. VI. ser. T. III. liv. 1. 1835.

(2) Gmelin, Flora sibirica T. I. p. LX.

(3) Журналы эти будутъ напечатаны въ Запискахъ Сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. См. также мою статью о физико географическихъ отношеніяхъ рѣчной области Амура, въ VI кн. Геогр. Вѣст. за 1855 г.

сы или плоскогорія, не можетъ быть отнесена непосредственно къ азіатскому нагорью. Страна же, лежащая по Амуру ниже втораго прорыва его черезъ Доуссэ-алинь (начиная отъ сліянія его съ Сунгари), составляетъ уже вѣроятно площадь, даже довольно мало возвышенную надъ морскимъ уровнемъ. Однакоже вся южная Маньчжурія, также какъ и часть сѣверной, выполнены значительными горными массивами и предсдавляетъ альпійскую страну средняго разряда, только горы ея относятся къ главному нагорію, какъ вѣтви, гласисы или, говоря языкомъ Риттера, какъ расчлененія къ туловищу (въ вертикальномъ отношеніи).

Вѣтвями главнаго нагорія являются хребты—*Ихури-алинь* и *Чанъ-бо-шань*. Первый изъ нахъ сопровождаетъ теченіе Амура, на правомъ берегу его, отъ развалинъ Албазина до Сахалянъ-ула-хотоня и далѣе. Направленіе его, какъ кажется, перпендикулярно къ оси даурскаго массива, т. е. направленію Перчинскаго и Яблоноваго хребта и многочисленныхъ продольныхъ долинъ его, принадлежащихъ къ верховьямъ рѣчныхъ системъ: Амура, Селенги и Лены. Второй, между поворотомъ Шара-мурэни и истоками Усури и Тумэни, представляетъ высокую альпійскую страну, которой ось, какъ кажется, паралельна съ даурскимъ массивомъ. Какъ Становой и Яблоновой хребты является на оконечности алтайско-саянской системы, составляющей сѣверную окраину восточно-азіатскаго нагорья, такъ Чань-бо-шань является на оконечности Инь-Шаня, составляющаго южную окраину Гоби къ китайской низменности.

Гласисомъ главнаго азіатскаго нагорья является паралельный съ хребтомъ его окраины Хинганомъ, береговой хребетъ *Сихэтэ-алинь* (Sihota-Alin) (4), котораго крутые береговые скаты съ моря видѣли Броутонъ и Лаперузъ, возвышающимися

(4) Sih hih-lih въ Williams the middle Empire. См. Williams Reich der Mitte, ubers. v. Collmann. Cassel. 8. 1852. I-te Abth. p. 142.

надъ уровнемъ моря на 3000—4000 ф. ([5]). Въ сѣверной части своей, гдѣ онъ принуждаетъ Амуръ къ крутому повороту на С. отъ озера Кизи и гдѣ его видѣла амурская экспедиція, хребетъ этотъ, какъ кажется, также не превосходитъ 5000 ф., потому-что въ іюнѣ вершины его, выходящія впрочемъ уже изъ вертикальной зоны хвойныхъ лѣсовъ, не были покрыты снѣгомъ. Тоже направленіе имѣетъ, какъ кажется, и промежуточный между береговымъ и хинганскимъ хребтомъ, *Доуссэ-алинь*, прорываемый Амуромъ. Замѣтимъ, что довольно неопредѣленное названіе Хинганъ переносится на многіе хребты, въ томъ числѣ и на Доуссэ-алинь, но мы, по примѣру Гумбольдта, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, будемъ подъ именемъ Хингана разумѣть только исключительно хребетъ окраины восточной нагорной Азіи, отдѣляющій Монголію отъ Маньчжуріи и имѣющій сказанное, почти меридіанное направленіе. Тоже нормальное направленіе имѣютъ вѣроятно и менѣе длинные кряжи, расположенные между Хурхою и Сунгари, Сунгари и Ляо-хэ и въ оси изгиба Ляо-хэ.

Замѣчательно что впереди гласиса береговаго и Сихэтэ-алиня тянется самый передовой и паралельный съ этимъ направленіемъ гласисъ — Камчато-курильскаго вулканическаго хребта. Азіатское нагорье спускается слѣдовательно въ неизмѣримыя глубины Тихаго океана, къ водному полушарію земнаго шара, тремя обширными уступами, огражденными, подобно террасамъ домовъ, паралельными между собою каменными оградами. Высшій изъ этихъ уступовъ, принадлежащій еще къ главному азіатскому нагорью, есть плоскогоріе Гоби въ 4000 ф. ср. выс. огороженное Хинганьскимъ хребтомъ, который имѣетъ можетъ быть отъ 5000 до 6000 ф. ср. выс. ([6]) Второй есть рѣчная

---

(5) Хребетъ Сихэтэ алинь, какъ кажется, нигдѣ не превосходитъ высоты 4500 фут. См. Williams Reich d. Mitte ubers. v. Collmann. I-te Abth. p. 143.

(6) Полагая измѣреніе высоты горнаго прохода Ляо, давшее Іезуитовъ 7000 фут. очень преувеличеннымъ. Стараясь схватить общія черты пластики этой части Азіи, мы не имѣемъ притязанія высказывать неопровержимыя истины. Пусть послѣдующія изслѣдованія опровергнутъ если возможно эти общія заклю-

область Амура или Маньчжурія, вѣроятно не имѣющая болѣе 1000 — 1500 ф. сред. выс. и огороженная береговымъ хребтомъ Сихэтэ-Алинь, можетъ быть въ 3000 ф. ср. выс. Третій есть дно Охото-Японскаго моря, огороженный Курильскою цѣпью, которой поперечные горные проходы или сѣдла заняты морскими проливами. Со дна этаго послѣдняго уступа поднимаются горные массивы, представляющіе острова Таракай и Iезо. Если мы вообразимъ себѣ уровень океана поднявшимся на 1000—1500 ф., то и рѣчная область Амура превратится вѣроятно въ море, подобное охото-японскому, отдѣленное отъ Океана островнымъ рядомъ вершинъ хребта Сихэтэ-Алинь; горные же массивы Маньчжуріи обратятся въ рядъ острововъ, подобный Японскому, въ которомъ роль Таракая приблизительно будетъ играть Доуссэ-алинь, Ниппона-Чанъ-бо-шань а Кіузіу — Корея. Аналогія эта увеличивается важнымъ фактомъ, замѣченнымъ Амурскою экспедиціею ([7]), именно существованіемъ хотя потухшихъ вулкановъ въ береговомъ хребтѣ Сихэтэ-Алинь.

Параллелизмъ Хингана, Доуссэ и Сихэтэ-Алинь и Камчато-Курильскаго хребтовъ принадлежитъ, какъ кажется, характеристикѣ пластическаго строенія восточной азіатской окраины, но геологическій характеръ хребтовъ этихъ различенъ. Между тѣмъ какъ въ двухъ первыхъ поднятіе произведено вообще болѣе древними плутоническими породами — гранитами и сіенитами, въ двухъ послѣднихъ преобладаютъ вообще болѣе новыя — порфиры и базальтическія лавы. Потому интересно было бы рѣшеніе теоретическаго вопроса: одновременно ли подняты эти четыре хребта, и оправдывается ли здѣсь теорія Ели де-Бомона, о томъ что параллелизмъ горныхъ хребтовъ есть дока-

---

ченія, основанныя на недостаточныхъ еще фактахъ и замѣнять ихъ другими. Общія же заключенія именно потому и необходимы, на всякой ступени знанія, что они болѣе всего возбуждаютъ споры и контестаціи, болѣе всего заставляютъ пріискивать факты для подтвержденія или опроверженія высказанныхъ мнѣній.

(7) См. ниже журналы Перминкина, и Аносова въ дополненіи къ рѣчной области Амура.

зательство одновременности ихъ поднятія. или она терпитъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, исключеніе. Присутствіе въ береговомъ хребтѣ мѣлко-зернистаго гранита, найденнаго экспедиціею на Амурѣ, въ скалѣ монгольскихъ памятниковъ, также какъ и распространеніе его въ Камчаткѣ (8), позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе, соединяющее всѣ четыре паралельныхъ хребта въ одну систему поднятія. Очень вѣроятно, что на паралельныхъ трещинахъ Хинганя, Доуссэ алиня, Сихэтэ и Камчато-Курильскаго ряда, поднятіе совершилось въ очень отдаленную геологическую эпоху, вѣроятно непосредственно послѣдовавшую образованію палеозоическихъ формацій, столь распространенныхъ по теченію Амура, одновременно, съ силою уменьшающеюся извнутри континента кнаружи. Поднятыя цѣпи должны были слѣдовательно быть одна ниже другой, отъ Хинганьской до Курильской, которая могла даже едва достигать морскаго уровня, но Хинганъ и Доуссэ-Алинь, сдѣлавшись континентальными, остались при своемъ первобытномъ поднятіи, а въ Сихэтэсскомъ и Курильскомъ хребтахъ, постоянно-происходящее соприкосновеніе просачивающейся океанической воды, съ огненнымъ жаромъ наполняющихъ трещины поднятія расплавленныхъ массъ, развили вулканическія силы и явленія, много разъ обновившія первобытное поднятіе и продолжившія его до историческихъ временъ (9).

2) *Общій обзоръ южной Маньчжуріи.*

Маньчжурія, въ административномъ отношеніи, раздѣляется на три провинціи или воеводства: 1) *Хэй-лунъ-Кянъ* (He-long-

---

(8) Гранитъ также составляетъ основу поднятія и весь гребень Камчатскаго хребта, какъ это слѣдуетъ изъ новѣйшихъ, еще не напечатанныхъ наблюденій Дитмара и его геогностической карты Камчатки. Вулканическія же явленія, къ изумленію, *несомнѣнно* встрѣчаются и въ Маньчжуріи далеко отъ моря, гдѣ въ 23 верс. къ С. В. отъ города Мергэня, слѣдоват. вѣроятно въ отрогахъ хребта Ихури-Алинь, въ 1721. происходило сильное изверженіе. о которомъ проф. Васильевъ нашелъ у Китайцевъ два отчета. Объ этомъ интересномъ вулканѣ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. См. Васильева о существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи Вѣсти. Имп. Рус. Геогр. Общ. за 1855 г. Кн. V. Смѣсь стр. 31.

Kiang) или Цицикаръ на С. З. 2) *Гирин*ь (Kirin) на В. и въ срединѣ. 3) *Шэнъ-Кинъ* (Shin-King), въ древности Ляо-дунь (Liao-Tong) и Ляо-Си (Liao-Si), иначе Гуань-Дунъ (Koan-Tong) на Югѣ.

Вся сѣверная половина Маньчжуріи, особливо заамурскія земли, относятся къ странѣ уступовъ (Stufenland) Амура, и будетъ разсмотрѣна нами въ большой подробности при обзорѣ рѣчной области Амура, а сюда мы относимъ только Маньчжурію въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. страну властвующей въ Китаѣ династіи, лежащую на Ю. отъ изгиба Амура и заключающую въ себѣ всю провинцію Шэнъ-кинъ и большую часть Гирини.

Орографія этой страны мало извѣстна, о геогностическомъ ея составѣ мы неимѣемъ никакихъ данныхъ. Вся она однакоже представляетъ, какъ кажется, горную страну средняго разряда, съ глубокими рѣчными долинами и прибрежною низменностью низовьевъ рѣки Ляо (Шара-Мурэни), простирающихся отъ холмовъ Мукдэня до берега Ляо-Дуньскаго залива.

Самый высокій горный массивъ ея, представляющій уже высокую альпійскую страну, достигающую какъ кажется до снѣжной линіи, есть Чанъ-бо-шань, уже разсмотрѣнный Риттеромъ, на основаніи имѣвшихся до 1831 года источниковъ; о направленіи его, паралельномъ съ направленіемъ Даурскаго массива, мы говорили выше. На древнемъ китайскомъ языкѣ, по свидѣтельству О. Іакинѳа (9), назывался онъ Бай-шань, Бу-хянъ-шань, и Т'ай-бо-шань; Шаньань-Алинь есть его Маньчжурское его названіе. Длина его, между изгибами Шара Мурэни (Ляо-хэ), Тумэни-улы (Ми-кяна) 500 верстъ (1000 ли), хотя Чань-бо-шань и составляетъ восточную оконечность Инь-шаня едва ли онъ соединенъ съ нимъ непрерывнымъ гребнемъ. Перерывъ, или по крайней мѣрѣ пониженіе, вѣроятно существуетъ между рѣками Да-линь-хэ (Talin ho) и Ляо-хэ (Шара-Мурэнью) потому-что новѣйшіе миссіонеры (10), ѣхавшіе въ Мукдэнь отъ

(9) О. Іакинѳъ, Стат. Опис. Китайской Имперіи С. П. Б. 8. 1842. Ч. II. ст. 3.
(10) Imbert lettre Ann. de la propag. de la foi T. XI. 1838, p. 357.

Великой стѣны изъ береговой крѣпости Шань-хай-Гуань (Shan-Kouan, Kam-kai), не показываютъ горъ на своемъ пути, а говорятъ только, что равнина становится болѣе разнообразною и нѣсколько повышается къ Мукдэню, выстроенному на холмистой поверхности. Однакоже въ этомъ промежуткѣ существуютъ нѣкоторые отдѣльные горы и кряжи, продолжающіе можетъ быть направленіе Инь-шаня, подобно тому какъ продолжена въ Киргизскихъ степяхъ, отдѣльными небольшими кряжами, западная оконечность Алтая ([11]). Самая замѣчательная изъ такихъ горъ есть упоминаемая въ Китайской Государственной географіи и включенная еще за 2200 л. до Р. Х. китайскимъ правительствомъ въ число боготворимыхъ горъ—Ивулюй (Iwoo-liu-Shan на картѣ Клапрота). Она расположена недалеко отъ города Гуань-нинъ-хяна (Kouan-ning-hien) и деревянной палиссады Шэнъ-кина, имѣетъ 10 ли (5 верстъ) подъема и 240 ли окружности, т. е. представляетъ горный кряжъ.

Два направленія преобладаютъ, какъ кажется, въ меньшихъ кряжахъ южной Маньчжуріи: одно паралельное съ Чанъ-бо-шанемъ, другое съ Хинганемъ и Си-хэ-тэ-алинемъ. Второе выражается въ *Нару-Воцзи* ([13]), боковомъ отрогѣ бѣлыхъ горъ, направляющемся къ Ю.-Ю. З. между Ялу-кяномъ (зеленою рѣкою) и притокомъ его Дунь-кя-кяномъ—(Tongkia-kiam карт. Бергх.). Тоже направленіе (къ Ю.-Ю.-З.) имѣетъ *Фынъ-шуй-линъ* (Fen-shoui-ling), простирающійся водораздѣломъ между притоками Шара Мурэни и Сунгари, вдоль оси, соединяющей города Фынъ-хуанъ и Гиринь-ула. Къ этому хребту принадлежитъ вѣроятно, упоминаемая Государственною Географіею ([14]) и лежащая въ 9 ли ($3^1/_2$ вер). на Ю.-З. отъ Гиринь, Вынь-цзи-Бо-шань—жертвенная гора, на которой, съ 1733, выстроенъ храмъ для принесенія жертвъ Духу большихъ бѣлыхъ

(11) Humboldt, Asie Centrale 1843. 8. T. II. p. 121.
(12) О. Іакинѳа, Ст. Оп. Кит. Имп. С. П. Б. 1842. 8. II. ст. 3.
(13) О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. С. П. Б. 1842. 8. Ч. II. ст. 2.
(14) О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 3, 4.

горъ. Вѣроятно водораздѣлъ между Хурхою и притоками Сунгари имѣетъ тоже направленіе. Во всякомъ случаѣ по дорогѣ между Нингутою и Гириньо путешественники переходятъ черезъ значительный горный массивъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ новѣйшіе миссіонеры ([15]) и китайскія реляціи (см. ниже). Къ этому массиву относятся двѣ значительныя горы, упоминаемыя китайскою Географіею: 1) *Де-линь-ши* (т. е. камень Делинь), въ 90 ли къ З. отъ Нингуты, гора поросшая ильмами и березами и содержащая въ себѣ множество большихъ и малыхъ сталактитовыхъ (?) пещеръ, характеризуемыхъ отсутствіемъ комаровъ и прохладою, привлекающими сюда цѣлыя стада оленей; 2) *Шы-теу-дянъ-цзы*, (т. е. каменное болото), получившіе свое названіе отъ того что въ ней находится подземное озеро, (можетъ быть подобное Циркницкому). Изъ трещинъ камней, облегающихъ озеро, повѣтствуетъ Китайская Географія ([16]), выскакиваетъ рыба, а проходящіе по нимъ слышатъ какъ бы гулъ подземной пустоты. Объ этой то горѣ конечно упоминаетъ китаецъ У-ченъ (см. ниже), переходившій черезъ нее на пути изъ Нингуты въ Гирінь.

Первое направленіе, т. е. параллельное съ Чанъ-бо-шанемъ, проявляется напр. въ крутомъ прибрежьи на В.-С.-В. отъ устья рѣки Тумэни. Тоже направленіе имѣетъ можетъ быть и Кентей-Алинь, значительный горный массивъ, простирающійся между Усури и Хурхою и принуждающій путешественниковъ, по свидѣтельству Де-ла Брюньера ([17]), къ значительнымъ обходамъ. О подобномъ же направленіи и другихъ горныхъ кряжей далѣе къ С. можно судить по направленію долинъ нижней Сунгари Хунь-т'унъ-кяна) и самаго Амура, начиная отъ соединенія его съ Сунгари.

Всѣ горы собственной Маньчжуріи покрыты дѣвственными,

---

(15) Lettre du diacre coréen Kimai-Kim. въ Ann. de la propag. de la foi T. XVIII. 1846. p. 286.

(16) О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 4.

(17) De la Brunière Ann. de la propag. de la foi T. XX. 1848. p. 208

дремучими, непроходимыми лѣсами, и только прибрежье Шэнъ-Кина представляетъ обнаженные отъ лѣсной растительности холмы. Въ Маньчжуріи лѣсистыя горныя пространства извѣстны подъ именемъ *Воцзи* ([18]). Воцзи эти представляютъ на огромныхъ протяженіяхъ непреодолимую преграду для сообщеній собственной Маньчжуріи, какъ съ прибрежьемъ японскаго моря, такъ и съ Кореею.

Лѣса Маньчжуріи хвойные и лиственные. Древесная растительность ихъ состоитъ изъ березъ, ильмовъ, вязовъ, сибирскихъ кедровъ, елей, кипарисовъ, изъ робиній, дикихъ абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, въ особенности же разныхъ дубовъ, особенно характеристическихъ для Маньчжуріи, потому-что эта древесная порода не встрѣчается ни въ Монголіи, ни въ Сибири до рѣчной области Амура. Лѣса Маньчжуріи наполнены дикими животными: тиграми, пбизами (Felis pardus), корсаками (Canis corsac), песцами (Canis lagopus), медвѣдями, соболями, куницами, горностаями, огневками (Canis alpinus), чернобурыми лисицами (Canis melanotus), оленями (Cervus tarandus), лосями (Cervus alces), сайгами (Moschus moschiferus), бѣлками и зайцами ([19]). Лѣса принадлежатъ императору и никто, подъ страхомъ смертной казни, не имѣетъ права охотиться въ нихъ. Время императорскихъ охотъ продолжается отъ 2 ноября до 5 декабря. Провинція Шэнъ-кинъ доставляетъ императору ежегодно 1200 оленей, а Гиринь—600 ([20]). Надъ лѣсистыми вершинами въ воздухѣ плаваетъ кондоръ (вѣроятно Vultur barbatus) ([21]); по разсказамъ туземцевъ онъ уноситъ телятъ, небольшихъ ословъ, нападаетъ даже и на людей. Въ Маньчжуріи распространены также орлы (Aquila nobilis) и Фазаны (Phasianus pictus) въ несмѣтномъ количествѣ. Нигдѣ можетъ быть рѣки въ такой сте-

---

(18) О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 4.

(19) Verolles lettre An. de la propag. de la foi T. XVI. 1844. p. 40; Palmer Mém. p. 80; О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 10.

(20) Verolles lettre Ann. de la propag. de la foi T. XVI. 1844. p. 140, 141.

(21) Pallas, Zoographia rosso-asiatica Petrop. 1811. 4. T. I. p. 272.

пени необильны рыбою, какъ въ Маньчжуріи; рѣчной жемчугъ([22]), высокаго качества, съ древнѣйшихъ временъ былъ однимъ изъ самыхъ характеристическихъ произведеній Маньчжуріи. Ловля его составляетъ одну изъ монополій императора. Знаменитый жень-шэнь (Ginseng) произрастаетъ только исключительно въ дикихъ горахъ Маньчжуріи.

Климатъ въ провинціи Шэнъ-кинъ сырой и умѣренный, хотя не довольно теплый относительно ея широты. Миссіонерамъ, прибывшимъ съ Юга, изъ китайской низменности, этотъ климатъ показался даже чрезвычайно суровымъ. Вероль, пробывшій зиму 1842 — 43 года въ Шэнъ-кинѣ, подъ 40° сѣверной широты, слѣдовательно въ паралели Неаполя и Мадрита, говоритъ, что морозы доходили здѣсь до — 26° Цельс., а земля промерзала до 3-хъ фут. ([23]), между тѣмъ какъ далѣе къ С.-В., въ Гирини, гдѣ Вероль пробылъ зиму 1841 г., она промерзала до 7 Ф., а морозы доходили до — 30° Ц. Замѣтимъ впрочемъ, что Гирінь уже находится посреди горной страны. Тотъ же самый миссіонеръ говоритъ, что южная Маньчжурія далеко не представляетъ райской страны, что земля иногда остается здѣсь замерзшею около 8 мѣсяцевъ (?), и что здѣсь нѣтъ ни весны, ни осени: за растопелью немедленно слѣдуютъ удушливые жары, а сильные вѣтры, даже бури, дуютъ здѣсь почти постоянно, и неурожаи очень часты. Во времена дождей и разливовъ, т. е. отъ Іюля до конца Октября, путешествовать здѣсь почти совсѣмъ невозможно, всѣ дороги превращаются въ грязныя болота, въ которыхъ лошади совершенно увязаютъ. Эти показанія кажутся нѣсколько преувеличенными и не удивительно, что миссіонерамъ, только что оставившимъ жаркія низменности Китая, климатъ Маньчжуріи показался суровымъ. По всѣмъ даннымъ можно заключить что климатъ этой страны, отрѣзанной отъ умѣряющихъ вліяній Восточнаго океана береговыми хребтами, имѣетъ большое сходство съ континентальнымъ

(22) Вѣроятно произведеніе Unio margaritana или другаго рѣчнаго моллюска.
(23) Verolles Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 138 — 145.

климатомъ Астрахани. Такое заключеніе подтверждается и внимательнымъ разсмотрѣніемъ направленія мѣсячныхъ изотермовъ, изображенныхъ Проф. Дове ([24]) и показаніями миссіонеровъ о предосторожностяхъ, употребляемыхъ здѣсь для прикрытія отъ стужъ виноградной лозы, достигающей въ южной Маньчжуріи, какъ и въ Астраханской губерніи, своего сѣвернаго предѣла. Въ прибрежной полосѣ Ляо-дуна климатъ сырѣе и умѣреннѣе.

Южная Маньчжурія есть вообще страна плодородная, о чемъ можно уже заключить по роскошной травѣ, покрывающей ея степи и достигающей человѣческаго роста ([25]). Не смотря на то земледѣліе не дошло здѣсь до той степени, на которой оно находится въ собственномъ Китаѣ (срединномъ царствѣ): воздѣлываемой земли, по свидѣтельству Іакинѳа ([26]), было въ началѣ нынѣшняго вѣка около 229,000 цинъ, т. е. 1,150,000 рус. десятинъ, и хотя это количество увеличивается, по мѣрѣ увеличенія колонизаціи изъ Китая, оно все еще чрезвычайно незначительно, относительно цѣлаго протяженія Маньчжуріи. Упадокъ земледѣлія произошелъ здѣсь оттого, что, со времени покоренія Китая Маньчжурами, страна ихъ опустѣла, прежде обитаемыя земли заросли лѣсами, и на всѣмъ пространствѣ южной Гиринн можно встрѣтить только военныя станціи, т. е. небольшія деревни, заселенныя нѣсколькими Маньчжурскими семействами и разбросанныя на значительныхъ разстояніяхъ. Эти семейства содержатся по счетъ Императора и имъ запрещено обработывать землю; они находятся здѣсь только какъ бы для того чтобы показать, что страна занята, и воспрепятствовать переселеніе на Югъ робкимъ племенамъ Сѣвера. За то колонисты изъ разныхъ провинцій Китая, въ особенности изъ *Шань-дуна* (Chan-tong), мало по малу занимаютъ страну, вступая на мѣста,

(24) См. Dove Die Verbreitung der Warme auf der Oberflache der Erde. Berl. 4. 1852.

(25) Kimai-kim Lettre, въ Ann. de la propag. de la foi. T. XVIII. 1846. p. 299.

(26) Іакинѳа Ст. оп. Кит. Имп. СПб. 1842. Ч. II. ст. 9.

оставленныя племенемъ, уже начинающимъ забывать свой языкъ и терять свою національность ([27]); эти то колонисты, не смотря на запрещеніе правительства, вводятъ въ Маньчжурію Китайское земледѣліе.

Южная Маньчжурія производитъ особенную породу пшеницы (по китайски *май-се-ми*), сухопутный рисъ, т. е. не требующій ирригаціи, императорскій рисъ, просо, овесъ, гречиху, макъ, овощи, ленъ, пеньку, кунжутъ (Sesamum orientale), ревень, индиго, табакъ, лучшій во всемъ Китаѣ, и мѣлкое или индѣйское просо (Holcus Sorghum), изъ котораго дѣлаютъ превосходную водку ([28]), которой выдѣлка и употребленіе были извѣстны даже древнимъ Нюй-чженьцамъ. Большая часть европейскихъ фруктовыхъ деревьевъ также произрастаетъ здѣсь. Въ южной Маньчжуріи разводится травянистая хлопчатая бумага (Gossypium herbacum) съ большимъ успѣхомъ. Одинъ Меу или 15 кв. фут. даютъ до 2000 франц. фунтовъ бумаги ([29]). Сѣмена, послѣ отдѣленія волоконъ бумаги, употребляются на дѣланіе масла, качествомъ сходнаго съ льняным. Виноградная лоза произрастаетъ въ Ляо-дунѣ, даетъ очень крупный, хотя нѣсколько водянистый виноградъ и посредственное вино ([30]). Всѣ эти произведенія впрочемъ общи Маньчжуріи съ Китаемъ, но кромѣ ихъ она имѣетъ три, собственно ей принадлежащія. Китайская пословица говоритъ, что къ востоку отъ деревянной палиссады существуютъ три сокровища (по кит. San-pao), именно жень-шэнь, соболь (по кит. Тяо-чу) и трава ула (ула-цао). Первыя два сокровища цѣнятся чрезвычайно дорого (о жень-шэнѣ см. ниже), и

---

(27) Verolles Lettre. Ann. de la propag. de la foi. T. XVI. 1844. p. 144; Huc. et Gabet. Voy. en Tartarie. 1850. T. I. p. 161; Maistre Lettre. Ann. de la prop. de la foi T. XIX. 1847. p. 245.

(28) О произведеніяхъ Маньчжуріи см. De la Brunière Lettre Ann. de la pr. de la foi. T. XVI. p. 358; Huc. et. Gabet Voy. en Tartarie. 1850. Paris. T. I. p. 156; О. Іакинфа Ст. оп. Кит. Имп. СПб. 1842. Ч. II. ст. 9; Palmer. Memoir New Yorck. 1848. p. 33.

(29) Huc et Gabet. Voy. en Tartarie 1850. Paris. in 8. T. I. p. 156.

(30) De la Brunière Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 357.

доступны только для самыхъ бо атыхъ людей, послѣднее особенно важно и доступно для бѣдныхъ. Подъ именемъ ула разумѣется родъ обуви, сдѣланной изъ головьей кожи, въ которую обыкновенно кладутъ нѣкоторое количество травы, растущей только въ Маньчжуріи и извѣстной подъ названіемъ Ула-цао, которая сообщаетъ ногамъ необыкновенно пріятную теплоту, даже въ самые сильныя стужи. Эта трава очень обыкновенна въ южной Маньчжуріи и продается очень дешево ([31]).

Пчеловодство, съ нынѣшняго столѣтія, очень распространено на лѣсистыхъ холмахъ южной Маньчжуріи, а шелководство также идетъ успѣшно въ Ляо-дунѣ, гдѣ шелковые черви находятся даже въ дикомъ состояніи. Замѣчательно однакоже что шелковичное дерево не растетъ здѣсь, а шелковые черви живутъ на особой породѣ дуба, и по отдѣленіи шелковыхъ коконовъ употребляются въ пищу ([32]).

3) *Топографическій обзоръ провинціи Шэнъ-кинъ (Ляо-дуна).*

Южная провинція Маньчжуріи — *Шэнъ-кинъ* ([33]) (Chin-yang Chen-yan или Chin-king, что значитъ могущественная столица), въ древности *Ляо-дунъ* (Leao-tong т. е. на В. отъ Ляо) и *Ляо-си* (т. е. на З. отъ Ляо), раздѣляется на 2 области: *Фынъ-тʼянь-фу* Fung-teen-fu у англ.) или *Мукдэнь* и *Кинь-чжеу-фу* (King-tchou-fu у англ.) ([34]).

Западная губернія *Кинь-чжеу-фу*, въ древности *Ляо-си* (Leao-si), кромѣ главнаго города того же имени (Цзинь-чжеу по сѣв. пр.) ([35]),

---

(31) См. Huc et Gabet Voyag. en Tartarie. 1850. T. I. p. 150

(32) Bruguiere Lettre. T. XVI. 1844. p. 337. Combelles Lettre Id. T. XXII. 1847. p. 51 — 53.

(33) Изъ трехъ провинцій Маньчжуріи топографическо-статистическій обзоръ двухъ сѣверныхъ т. е. Хэйлунъ Кіанъ и Гирина представленъ Риттеромъ при разсмотрѣніи рѣчной области Амура, а о южной не сказано ни слова, почему мы и считаемъ необходимымъ этотъ обзоръ.

(34) Ed. Biot Dict. des villes Chinoises. Paris. 1842. in 8. p. 79.

(35) Ed. Biot Dict. p. 148.

лежащаго въ 490 ли на Ю.-З. отъ Мукдэни, на рѣкѣ Сяо-далинь, въ прибрежной полосѣ, заключаетъ въ себѣ еще слѣдующіе города:

1) *Нинъ-юань-чжеу* (Ning-yuan на картахъ Клапрота, Гримма, Бергхауза Ning-youen-tch'ing у Біо) ([46]), основанный въ IV вѣкѣ, династ. Минь.

2) *И-чжеу*, основанный Киданьцами въ X вѣкѣ (J на карт. Клапр., Y-tcheou у Біо ([37]) и на картѣ Бергхауза).

3) *Гуанъ-нинъ-хянь* (Kouang-ning у Ед. Біо, Kouan-ning на картѣ Клапрота, Quan-nin, у Бергхауза), основанный Китайцами еще какъ кажется до Рожд. Хр. ([38]).

Восточная губернія *Фынъ-тʼянь-фу*, заключаетъ въ себѣ 10 городовъ: а) *Мукдэнь* или *Фынь-тʼянь-фу*, (Ching-king ou Foung-Thian-fou по Ед. Біо) ([39]), подъ 41° 50′ 30″ с. ш. и 121° 17′ 20″ в. д. отъ П., столица Маньчжуріи и вторая всей Китайской Имперіи, съ обширными садами, дворцами и трибуналами, выстроенными на манеръ Пекинскихъ, большой и красивый городъ, расположенный на холмѣ, посреди обширной и прекрасной равнины, окруженъ толстыми и высокими стѣнами. Улицы его широки и правильны, менѣе грязны и менѣе шумны, чѣмъ улицы Пекина. Въ Мукдэнѣ находится цѣлый кварталъ, обитаемый князьями съ желтымъ поясомъ, т. е. принадлежащими къ Императорской фамиліи и состоящими въ вѣдѣніи особаго Мандарина. Мукдэнь содержитъ нѣсколько арсеналовъ, 4000 человѣкъ гарнизона, и знаменитую ученую академію, основанную въ 1680 г. По разсказамъ китайцевъ Мукдэнь имѣетъ 1000000 жителей, но миссіонеръ Вероль предполагаетъ что это число не превосходитъ 200000. Разстояніе Мукдэня отъ Пекина 1460 ли (700 верстъ) ([40]).

---

(36) Ed. Biot Dict. p. 273. О. Іакинѳа Ст. оп. Ч. II. ст. 273.
(37) Ed. Biot Dict. p. 88. О. Іакинѳа Ст. оп. Ч. II. ст. 271.
(38) Ed. Biot Dict. p. 12.
(39) О. Іакинѳа Ст. оп. Кит. Имп. СПб. 1842. Ч. II. ст. 27.
(40) Ed. Biot Dict. des villes chinoises. Paris. 8. 1842. p. 102.

Остальные города области:

b) *Ляо-янь-чжеу* (Liao-yuang-tch'ing у Біо и Клапр., Lao-yang у д'Анв., Loo-yam у Бергх) ([41]), на р. Да-цзя-бира (Tatsa, Taza), притокѣ Мануха, на которой построенъ Гиринь, въ томъ же меридіанѣ, былъ восточною столицею царствъ Ляо и Гинь въ X, XI, и XII вѣкахъ.

c) *Фу чжеу* (Fou-tcheou-tching у Біо, Fong-ning-hien у д'Анв., Foo у Клапр., но у Гримма, Fu-tcheou у Бергх.), близъ восточнаго берега Ляо-Дунскаго залива. Этотъ городъ основанъ киданьцами въ началѣ X вѣка, подъ тѣмъ же именемъ, а по уѣзду назывался Юнъ-нинъ-хянь (такъ онъ назначенъ у Д'анв.), былъ окружнымъ въ царствѣ Гинь и при династіи Минь ([42]).

d) *Хай-чень-хянь* (Hai-tcheou у Біо, д'Анв., Гримма, Hai-tching у Клапр., не означенъ у Бергх.) ([43]), на одномъ изъ самыхъ нижнихъ лѣвыхъ притоковъ Ляо, подъ 41° с. ш., основанъ Корейцами послѣ Рожд. Хр., назывался у нихъ Шаба-чень, принадлежалъ владѣнію Во-цзюй, а потомъ былъ Гиньскимъ окружнымъ городомъ подъ именемъ Дянъ-чжеу (см. ниже)

e) *Гай-п'инъ-хянь*, у новѣйшихъ миссіонеровъ и въ древности *Гай-чжеу* (Kai-tcheou у Біо, д'Анв., Бергх., Гюцл., Caiphing у Клапр.), прекрасный портъ на восточномъ берегу Ляо-Дунскаго залива. Городъ основанъ Корейцами послѣ Рожд. Хр., подъ именемъ Гай-мэу-чень, и былъ окружнымъ въ царствѣ Гинь въ XII вѣкѣ, подъ именемъ Гай-п'инъ-чжу ([44]).

f) *К'ай-юань-хянь* (Kai-yuen-tching у Біо, Cai-yuen-hien у д'Анв., Бергх., Khai-yuan у Клапр.), въ сѣверномъ углу провинціи, близъ палиссады и недалеко отъ поворота Шара-мурэни.

---

(41) Ed. Biot Dict. p. 19; О. Іакинѳа Ст. оп. Кит. Имп. СПб. 1842. Ч. II. ст. 270.
(42) Ed. Biot Dict. p. 25; О. Іакинѳа Ст. оп. СПб. Ч. II. ст. 269.
(43) Ed. Biot Dict. p. 55; О. Іакинѳа Ст. оп. СПб. Ч. II ст. 260.
(44) О Мукдэни см. Une souvenir d'un voyage en Tartarie etc. Paris. 8. 1853.

g) *Тѣ линъ-хянь* (Tie-ling у Бергх.), въ сѣвер. части провинціи, на изгибѣ Ляо-хэ, въ меридіанѣ Мукдэни, полградуса сѣвернѣе([45]).

h) *Нинъ-хай-хянь* (Ning-hai у Берхг. и Клапр., не означенъ у Д'анв.,) въ прибрежьѣ, недалеко отъ южной оконечности Ляо-Дунскаго полуострова. Онъ былъ основанъ Киданьцами въ XI вѣкѣ, подъ названіемъ Сучжеу, а потомъ назывался Хуа-чепъ-ченъ ([46]).

i) *Ю-янь-ченъ* (Siao-yuen у д'Анв., Sieu-yuen у Грим., Клапр., Берхг.), къ сѣв. отъ прибрежья Корейскаго залива, въ меридіанѣ Мукдэня.

k) *Фынъ-хуанъ-ченъ* (Fong-hoang у д'Анв., Fon-hoan у Гримма и Берхг., Fung-hwang у Клапр.), къ сѣв. отъ прибрежья Корейскаго залива, близъ Корейской границы, на одномъ изъ притоковъ Ялу-кяна. Городъ основанъ Гао-ли (Корейцами), послѣ Рожд. Хр., подъ именемъ Цинъ-чжеу. Онъ принадлежалъ потомъ владѣнію Мемо, въ X вѣкѣ раззоренъ Киданьцами при покореніи царства Бо-хай, потомъ возобновленъ ими въ 1015 г. Онъ назывался еще Кай-чжеу. По Китайской географіи онъ обнесенъ каменными стѣнами, имѣетъ 20 ли окружности и построенъ на горѣ, утесистой со всѣхъ сторонъ ([47]). Нынѣ онъ извѣстенъ своею торговлею съ Кореею и былъ посѣщаемъ новѣйшими миссіонерами ([48]).

Въ С.-В. углу провинціи Шэнъ-синъ (Ляо-дуна) находится городъ и отдѣльный небольшой округъ *Хинъ-синъ* ([49]) (Синъ-цзинъ по сѣверн. произношенію, Hing-king у Клапр., Hing-tching

---

Vol. I. p. 55. Palmer Memoir on the present state of Mantchuria ch. 1848. p. 59, Maxime lettre ann. de la propag. de la foi. T. XXI. 1849. p. 263. Verolles lettre. Id. T. XXII. 1850. p. 52.

(45) Ed. Biot. Dict. p. 60. О. Іакинеа Ст. оп. Ч. II. ст. 271.

(46) О. Іакинеа Ст. оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 270.

(47) О. Іакинеа Ст. оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 271.

(48) См. ниже.

(49) О. Іакинеъ пишетъ Синъ-цзинъ, по сѣверн. произношенію, обращающему X въ С и К въ Цз.

у Пальмера, Indeu у Д'анв., Гримма, Берхгауза). Городъ этотъ расположенъ въ прекрасной горной долинѣ, имѣетъ большое народонаселеніе и значительный гарнизонъ. Въ 3 миляхъ къ С. отъ него, на сосѣднихъ горахъ, расположены кладбища предковъ царствующей династіи Да-цинъ, которой онъ былъ первою столицею. Урочище Хэту-ала, въ которомъ жили предки Тай-цзу, основателя династіи, находились отъ Хинъ-кина на Югъ, между рѣками Сутохэ и Цзяхэ. Хинь-кинъ значитъ столица возстанія. Тай-цзу далъ ему это имя (въ 1603 г.), потому что отсюда онъ началъ свои завоеванія. Къ округу города принадлежатъ городки Одоли, Гу-ченъ и Цзефань([50]), замѣчательные первыми историческими воспоминаніями о нынѣшней Маньчжурской династіи.

Провинція Шэнъ-кинъ обведена полисадою, по китайски Бянь-цянъ, которая начинается къ Югу отъ города Фынъ-хуанъ-ченъ (Fou-Hoan), идетъ къ С. и С.-З. до города К'ай-юань-хянь (Khai-yuen) и оттуда къ Ю.-З. къ прибрежной крѣпости Шань-хай-гуань, всего почти на 1000 верстъ (1950 ли). Стѣна состоитъ изъ двойной деревянной (ивовой) палисады, промежутокъ которой наполненъ землею и имѣетъ 12 воротъ или выходовъ ([51]).

Провинція Шэнъ-кинъ производитъ дѣятельную торговлю съ Китаемъ и Кореею. Съ Кореею сухопутная торговля совершается только въ одномъ пунктѣ, черезъ Шэнъ-кинскій городъ Фынъ-хуанъ, и Корейскій И-чжеу (J-tcheou на рѣкѣ Ялу-кянѣ Yalou-kiang) ([52]), а морская посредствомъ архипелага Потоцкаго. Съ Китаемъ сухопутная торговля производится только по одной дорогѣ—изъ таможни китайской крѣпости Шань-хай-гуань. Этотъ же торговый путь ведетъ и далѣе, черезъ города Мукдэнь и К'ай-юань въ Маньчжурію, къ важному для торговли Гирину и еще болѣе важной Нингутѣ. Разстояніе отъ

---

(50) См. Іакинѳа Ст. оп. Кит. Им. Ч. II. стр. 28 и Palmer Mémoir etc. p. 40.

(51) Іакинѳа Ст. оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 28.

(52) О сухопутной торговли Нингуты съ Кореею черезъ мѣстечко Хунъ-чунъ на Тумэни (Ми-кянѣ), см. ниже.

Шань-хай-гуаня до Мукдэня 395 верстъ, отсюда до К'ай-юаня еще 120 верстъ ([53]). Морская торговля съ Китаемъ также чрезвычайно дѣятельна. Она совершается всѣми портами Шэнъ-кина, изъ которыхъ самый лучшій и безопасный есть Гай-чжеу (Gaitcheou) или Гай-п'инъ-хянь, на восточномъ берегу Ляо-дунскаго залива (см. ниже), а другой замѣчательный — Кинь-чжеу-фу (Kin-tcheou-fu), главный городъ западной области Шэнъ-кина, на западномъ берегу залива ([54]). Торговля эта производится въ особенности съ южными провинціями Китая, черезъ посредство Фукянскихъ купцевъ, которые ежегодно употребляютъ на это до 1000 жонокъ. Ежегодный оборотъ этой торговли, по свидѣтельству Гюцлафа, простирается на 700000 таелей ([55]).

4) *Городъ Нингута и южная Маньчжурія, по описанію ссыльнаго китайца Учэня, жившаго тамъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.*

Описаніе это, переведенное съ Китайскаго языка и сообщенное мнѣ въ рукописи профессоромъ В. П. Васильевымъ, составлено въ началѣ XVIII вѣка У-чэнемъ, сыномъ ссыльнаго Китайца, родившимся въ Нингутѣ въ 1664 и жившимъ тамъ въ царствованіе Канъ-хи. Кромѣ большаго географическаго интереса, оно имѣетъ еще живой интересъ частнаго разсказа очевидца.

Нингута, говоритъ У-чэнь, находится на В. отъ высокой Гоби, въ 700 верс. отъ древняго города Хуанъ-Лунъ-фу ([56]) и

---

(53) Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. IV. СПб. 1840. стр. 214.

(54) Gutzlaff Journal of three voyages along the shores of China in 1831—33. London. 8. 1831. p. 144 — 148.

(55) Palmer memoir etc. 38.

(56) Городъ Хуанъ-лунъ-фу былъ расположенъ въ южной Маньчжуріи, въ 140 верстахъ къ С. отъ нынѣшняго города К'ай-юаня, находящагося въ сѣверномъ углу провинціи Шэнъ-кинъ. Онъ назывался Фуюй-фу и былъ городомъ царства Бохан. Тай-цзу, основатель династіи Ляо, по покореніи этого царства (1115) видѣлъ надъ городомъ желтаго дракона, имѣвшаго ли въ длину и блескомъ поражавшаго зрѣніе (вѣроятно комету), почему и далъ городу названіе Хуань лунъ-фу (города

смежна съ корейскимъ округомъ Хой-нинъ; это то самое мѣсто гдѣ Агуда, основатель Гиньской династіи (Кіп), въ первый разъ собралъ войско. Хотя въ имени этаго города есть *Та* (что значитъ Субурга т. е. монументъ), но собственно тутъ нѣтъ никакого монумента. Преданіе говоритъ что въ древности здѣсь жили шесть братьевъ, изъ которыхъ каждый занималъ особенное мѣсто.

По маньчжурски, по замѣчанію Васильева, шесть говорится *Нингу*, а *та* есть знакъ числительнаго нарѣчія и цѣлое слово Нингута значитъ *въ шестером*.

Городъ, продолжаетъ У-чэнь, обнесенъ въ два ряда деревянными стѣнами; онъ перенесенъ на это мѣсто при началѣ настоящей династіи и находится въ 60 слишкомъ ли (30 вер.) отъ стараго города. Внутренній городъ (за второю стѣною) имѣетъ въ окружности два ли, въ немъ только трое воротъ, восточныя, западныя и южныя; на сѣверѣ нѣтъ воротъ, потому-что тамъ расположено жилище Кянъ-Кюня (Цзянъ-цзюня, главнокомандующаго). Во внутреннемъ городѣ позволялось сначала помѣщаться свитѣ Кянъ-кюня и войскамъ, охраняющимъ городскія ворота, всѣ прочіе жили во внѣшнемъ городѣ, имѣвшемъ 8 ли окружности. Всѣ Китайцы жили только за восточными и западными воротами, домъ У-чэня находился за первыми: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, крытыхъ соломою, сараевъ и обширнаго двора, обнесеннаго деревяннымъ заборомъ. Вокругъ оконъ были посажены цвѣты и деревья, а на всемъ остальномъ пространствѣ сѣяли тыквы и овощи; также было и въ сосѣднихъ домахъ, потому что овощи покупать было негдѣ: всѣ принуждены были сами ихъ сѣять. Въ послѣдствіи, когда, по случаю возмущенія, войска были выведены отсюда и городъ опустѣлъ, велѣно было всѣмъ Китайцамъ переселиться внутрь города и

желтаго дракона). Тай-цзу взялъ этотъ городъ лично, переправившись съ своими войсками въ бродъ, черезъ рѣку Куянь-т'унъ-кянъ. Объ этомъ городѣ еще упоминается въ 1213 г., когда онъ былъ сдѣланъ областнымъ подъ именемъ Лунь-'аньфу. Нынѣ и развалины его исчезли. См. Іакинов. Истор. Азіат. Народ. Алфав. Указ. ст. 82.

семейство У-чэня переѣхало къ западнымъ воротамъ: внутри города были двѣ главныя улицы, восточная и западная; нѣкоторые открыли тутъ лавки и завели торговлю; отъ того народонаселеніе увеличилось, безпрестанно пріѣзжали купцы, и само собой разумѣется, что городъ получилъ Китайскій колоритъ.

Далѣе У-чэнь переходитъ къ воспоминаніямъ своего дѣтства. Самое замѣчательное изъ нихъ есть историческое событіе, особенно для насъ интересное. Именно, когда У-чэню было пять лѣтъ (въ 1669 году), то люди изъ царства Ло-чэ или Лао-цянь, (т. е. русскіе), какъ онъ повѣствуетъ, взбунтовались и пришли на рѣку У-лунъ-кянъ ([57]), въ странѣ Хэй-цинь отнимали собольи мѣха; оружіе ихъ было весьма страшно. Ихъ царство, говоритъ У-чэнь, простирается на В. до 10000 ли (5000 вер); изъ произведеній его весьма превосходны парча и лаковые приборы (?) Люди всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами; они храбры какъ тигры, искусны въ стрѣляніи изъ ружей; у нихъ были пушки называемыя арбузами (си-гуа-пао), потому что форма ихъ бомбъ похожа на арбузы; бомбы эти пускались соразмѣрно съ разстояніемъ непріятельскаго лагеря, и вѣрно попадали, даже черезъ нѣсколько, гдѣ и растрескивались. Маньчжуры всѣ испугались. Кянъ-Кюнь донесъ объ этомъ Государю и просилъ его о спасеніи. Всѣ ссыльные, въ томъ числѣ и отецъ У-чэня, должны поступить на службу. Это обстоятельство очень улучило положеніе его семейства, потому что онъ сдѣлался гражданскимъ чиновникомъ.

Въ этихъ интересныхъ строкахъ заключается слѣдовательно китайское повѣствованіе о нашествіи русской партіи на Маньчжурію. Вѣроятно это была шайка бродягъ поляка Черниговскаго, которая утвердилась въ Албазинѣ, немного лѣтъ послѣ

---

(57) У-лу-кяномъ У-чэнь называетъ рѣку Хурху, на которой расположенъ городъ Нингута.

отъѣзда Пашкова (онъ уѣхалъ въ 1662) и получила помилованіе по представленіи дани въ 1672. Собраніе этой дани и было побудительною причиною, описываемаго У-чэнемъ нашествія.

Далѣе У-чэнь сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Нингутѣ. Въ началѣ, говоритъ онъ, когда мой отецъ только что пріѣхалъ, въ странѣ были жестокіе морозы; съ начала весны до конца 3-й луны ночью дули сильные вѣтры и какъ будто раздавались удары грома: пыль (?) покрывала небо, такъ что не видно было на вершокъ отъ себя; въ серединѣ 7-й луны (въ августѣ) прилетали бѣлые гуси, которые опустившись уже не могли болѣе подняться; спустя послѣ того немного дней уже начинался клейкій (?) иней. Въ 8-й лунѣ (сентябрѣ) падалъ большой снѣгъ, въ 9-й рѣки (октябрѣ) окончательно замерзали, въ 10-й (Ноябрѣ) земля растрескивалась, снѣгъ едва успѣвалъ падать на землю, какъ превращался въ крѣпкій ледъ и не таялъ въ свѣтлый день отъ солнечныхъ лучей. Пріѣзжему необходимо было надѣвать три мѣховыя платья, но послѣ долговременной жизни достаточно было и двухъ шубъ. Ледъ растаявалъ только въ концѣ 3-й луны (т. е. не позже апрѣля), но трава еще не показывалась и деревья не распускались. Въ послѣднее время какъ стали пріѣзжать китайскіе поселенцы, погода сдѣлалась гораздо теплѣе прежняго. Маньчжуры говорятъ, что это тепло занесено Маньцзами ([58]). У чэнь видитъ въ этомъ особенное небесное милосердіе къ ссыльнымъ, изъ жалости возвратившее имъ умѣренность климата ихъ родины ([59]).

Южныя ворота Нингуты прилежатъ къ Улу-кяну (Хурхѣ), который вытекаетъ изъ хребта Чанъ-бо-шань. Почти въ трехъ

---

(58) Проф. Васильевъ замѣчаетъ, что такъ Маньчжуры и Монголы называютъ Китайцевъ, и уже у Марка Поло встрѣчается это названіе, но собственно слово *Мань* прилагалось самими Китайцами къ народамъ жившимъ на Югъ отъ нихъ.

(59) О такомъ измѣненіи климата вслѣдствіе колонизаціи свидѣтельствуютъ и Китайцы, и Европейцы, какъ напр. Хюкъ (см. ниже). Проф. Васильевъ говоритъ также, что напр. въ Жё-хэ нынѣ разводятся такіе цвѣты и растенія, которые не могли произрастать тамъ прежде.

ли отъ западныхъ находится горный хребетъ, который приближается къ рѣкѣ и тянется на длинѣ 15 ли, имѣя въ высоту нѣсколько тысячъ сажень (разумѣется не вертикальной высоты). Онъ называется Ги-линь (Гирин) хада (по сѣв. произн. Цзилинь). На немъ растутъ въ безпорядкѣ застилающіе свѣтъ солнца вѣковые кедры и древнія деревья, между которыми разбросаны бѣлыя груши и абрикосы. Въ извѣстное время года (Дуань-ву), на право и на лѣво отъ горной цѣпи все покрывается піонами. Съ наступленіемъ осени покраснѣвшіе древесные листья наполняютъ рѣку. Въ ней водится весьма вкусная и жирная рыба. Есть одна порода водящаяся у берега, тамъ гдѣ мелко подъ камнями. Верхняя половина ея тѣла похожа на скорпіона, Длина всего 2 или 3 вершка, она вкусна и называется *хашика* ([60]). Въ настоящее время, при жертвоприношеніяхъ Императора въ храмѣ предковъ, она считается необходимой. Другихъ рыбъ весьма много, какъ то Цинъ-юй (осетръ) Бенъ-юй и Цзи-юй (карпы). Одинъ ссыльный построилъ здѣсь подъ скалой храмъ, и тутъ прогуливаются лѣтомъ и осенью толпы проѣзжихъ и поклонителей Зимой, когда рѣка замерзаетъ на 4 или 5 фут. толщины, прорубаютъ во льду прорубь, похожую на колодезь, и когда освѣтятъ ее ночью огнемъ, рыба собирается сюда, и тогда желѣзнымъ багромъ захватываютъ самую крупную. Императоръ постоянно отправляетъ сюда, прежде или послѣ зимняго поворота, людей ловить рыбу, такимъ же способомъ. Нингутская рыба дѣйствительно отличается вкусомъ и жиромъ отъ всѣхъ другихъ.

На верху каменной скалы возвышается замокъ: это Нингутская крѣпость. Въ 100 ли отъ Нингуты, по дорогѣ ведущей въ столицу, на первой станціи, у песчанаго холма, находилась нагорная столица Гиньской династіи ([61]), подлѣ протекаетъ рѣка

---

(60) Это есть обыкновенный рѣчной ракъ, не встрѣчающійся ни въ Китаѣ, ни въ сѣверной Азіи отъ Урала до Маньчжуріи

(61) Нагорная столица Гиньской династіи, какъ доказалъ Васильевъ, находилась въ верховьяхъ Альчуку; здѣсь же вѣроятно находилась столица царства Бо-

Ма-эрл-хэ (значитъ по кит. лошадиное ухо). Развалины дворцовыхъ зданій существуютъ и понынѣ, передъ зданіями находятся большая каменная башня и колодезь о восьми углахъ. Есть памятникъ передъ государственнымъ училищемъ, но на немъ видны только буквы «*во время Тянь-Хой*» ([62]), все прочее стерлось, такъ что нельзя разобрать. За дворцовой стѣной находится каменная избушка, называемая Нимфейной ([63]); она покачнулась немного въ восточную сторону; на Сѣверъ отъ нея стоитъ каменный кумиръ Будды, высотой около двухъ саженъ (90 ф.); сверхъ того тутъ же есть еще Нимфейное озеро, длиною въ нѣсколько ли. За восточными воротами, въ трехъ миляхъ, находится деревня Ги-лю (Гіоро, по сѣв. произношенію Цзи-лю). Это счастливое мѣсто въ которомъ, говоритъ У-чэнь, началась наша (Да-цинъская или Маньчжурская) династія.

Вокругъ Нингуты, съ восточной, сѣверной и западной стороны, открывается обширная равнина, покрытая безпредѣльными для взора рощами орѣшника и шиповника (мэй-гуй). Въ пятой лунѣ шиповникъ распускается и тогда благовоніе разливается на нѣсколько ли въ окрестности.

Далѣе У-чэнь называетъ нѣсколько растительныхъ произведеній окрестностей Нингуты. Между прочимъ есть груши, небольшія, но прекраснаго вкуса ([64]), также какъ и виноградъ. Горные абрикосы здѣсь большіе и красные: изъ нихъ варятъ пастилу. Жень-шэнь (въ то время былъ) весьма дешевъ, какъ въ Китаѣ персики и каштаны; онъ цвѣтетъ въ 6-й или 7-й лунѣ

хан, служившая временной резиденціей Агудѣ, основателю Гиньской династіи. См. ниже общее дополненіе къ 1-й главѣ.

(62) Время Тянъ-хой — названіе годовъ правленія Гиньскаго императора Укимая, 1123 — 1133.

(63) Nymphea — кувшинка, водное растеніе, лотосъ у Индѣйцевъ, у Китайцевъ ліанъ-ва.

(64) Изъ Маньчжуріи, по замѣчанію Проф. Васильева, нарочно присылаются ко двору осенью груши, называемыя сянъ-шуй-ли, онѣ дѣйствительно превосходны вкусомъ, только недолго держатся.

и имѣетъ маленькіе бѣлые цвѣты. Растетъ онъ въ глубинѣ горъ посреди травъ, которыхъ на футъ выше, на рыхлой почвѣ, какъ бы состоящей изъ сгнившихъ древесныхъ листьевъ. Корень бѣлый, послѣ варенія красноватый Жень-шэнь бѣлаго цвѣта продается подъ именемъ столичнаго или придворнаго (цзинь-шэнь). Хотя и говорятъ, что эти два рода жень-шэня происходятъ отъ различія почвы, но это, по мнѣнію У-чэня, совершенно несправедливо. Копатели жень-шэня парятъ вечеромъ все что набрали днемъ, а на другой день съ ранняго утра сушатъ на солнцѣ. По высушкѣ получаются одни корни бѣлаго, другіе краснаго цвѣта. Туземцы уважаютъ только красный жень-шэнь, а бѣлый ставятъ ни во что. Вода, въ которой варятъ жень-шэнь, переваривается еще съ его листьями и стеблемъ, отчего получается пастила, одного вкуса съ жень-шэнемъ.

Восточная (отъ Нингуты) гора — Шань-янь-хада, весьма высокая и обрывистая, выдается въ рѣку каменной стѣной: рѣка здѣсь весьма глубока и тутъ водится много рыбы; эта гора была покрыта весьма глубокими пропастями и прежде тутъ добывали жень-шэнь и соболи, но они совсѣмъ исчезли; осталось только невѣроятное множество кедровыхъ деревьевъ, съ которыхъ собирается неистощимый запасъ кедровыхъ орѣховъ.

Далѣе на В. (на С.-С.-В.), въ 300 ли, говоритъ У-чэнь, находится мѣсто называемое *И-лань-хала*, съ земляною крѣпостью и гарнизономъ.

Названіе это, по свидѣтельству проф. Васильева, значитъ «три фамиліи», по китайски Сань-синъ. Городъ Сань-синъ находится на Сунгари, нѣсколько далѣе полу-пути отъ впаденія въ нее Хурхи, до соединенія Сунгари съ Амуромъ, и есть самый сѣверо-восточный китайскій городъ въ Маньчжуріи, важный для собиранія дани, или лучше сказать для насильственной мѣновой торговли китайскихъ мѣстныхъ властей съ племенами нижняго теченія Амура. Въ новѣйшее время онъ былъ посѣщенъ миссіонерами Дела Брюньеромъ и Вено (см. ниже).

Въ 5 или 600 ли далѣе, продолжаетъ У-чэнь, находится

Ху-р-ха, еще въ 600 ли Хэй-цзинь, еще въ 600 ли Фэй-я-ха (Фіяка); общее имя всѣхъ этихъ народовъ есть У-цзы-да-цзы или Юй-п'и-да-цзы (жители сѣверныхъ странъ одѣвающіеся въ рыбьи кожи); они называются такъ, потому-что носятъ платье, выдѣлапное изъ рыбьихъ кожъ и питаются рыбою. Этотъ народъ не имѣетъ понятія о лѣтосчисленіи и мѣсяцахъ, не знаетъ времени рожденія; когда кто умираетъ, трупъ обвертывается кускомъ полотна и кладется въ гробъ, поставляемый въ полѣ на деревянныхъ козлахъ и только когда гробъ загніетъ его зарываютъ въ землю. Въ этой странѣ хлѣбъ не родится (не сѣется), но добываются—рыба, соболи, черныя и желтыя лисицы, тюлени, желтыя и пепельныя бѣлки и выдры; жители береговъ К'унь-т'унъ-кяна (нижней Сунгари отъ соединенія съ Хурхою) добываютъ изъ рѣки—*Ши-ну*. Повѣрье говоритъ, что это есть кедровая смола, пролежавшая тысячи лѣтъ и превратившаяся въ камень; она зеленаго цвѣта, крѣпче желѣза и на ней есть полосы, какъ на обрубкѣ дерева. Туземцы употребляютъ ее вмѣсто точительнаго камня. Это ши-ну есть тоже, что сухія стрѣлы, нѣкогда приносимыя въ дань Сушэньцами ([65]). Въ водѣ находится пятицвѣтный камень, похожій на сердоликъ (ма-ноу); онъ весьма удобенъ для добыванія огня.

Каждый годъ, въ пятой лунѣ, народы упомянутыхъ трехъ мѣстъ пріѣзжаютъ по рѣкѣ на лодкахъ, для доставки соболей къ пристани, находящейся у Нингуты, за южной заставой. Кянъкюнь (губернаторъ) дѣлаетъ имъ угощеніе и раздаетъ имъ присылаемые изъ министерства финансовъ подарки: кафтаны, шапки, сапоги, чулки, пояса, платки, вѣера и проч., и въ замѣнъ выбираетъ по одному соболю. Черныхъ лисицъ нельзя получить въ годъ болѣе нѣсколькихъ шкуръ, и ихъ непремѣнно должно представлять императору. Остальныя вещи позволяютъ имъ вымѣнивать у Китайцевъ на всякія мелочи. Эти люди весьма любятъ

(65) Въ китайской исторіи, самое древнее сказаніе о нынѣшней Маньчжуріи начинается тѣмъ, что Сушэньцы принесли въ дань Вэй вану каменныя стрѣлы.

малиновые кафтаны, вышитые золотомъ драконовыми кругами, также парчи и вышитыя шелками разноцвѣтныя матеріи. Рыбьи шкуры, которыя они носятъ, весьма мягки и принимаютъ краску. Они также любятъ бисеръ пяти цвѣтовъ, мѣдныя деньги и колокольчики, которые нашиваются на платье и брячатъ когда они ходятъ.

Хэй-цзинь отпускаютъ волосы и связываютъ ихъ въ пучекъ, въ ушахъ у нихъ висятъ большія кольца, по четыре и пяти въ каждомъ; сквозь носъ продѣваютъ серебряное кольцо. Соболи ими добываемые считаются самыми первыми; богатые изъ нихъ покрываютъ свои хижины орлиными крыльями ([66]), а изъ соболей дѣлаютъ палатки и шубы, изъ черныхъ лисицъ—занавѣски, изъ простыхъ — одѣяла и постели. Фэй-я-ха также отпускаютъ волосы; мужчины и женщины не носятъ панталонъ; въ ушахъ имѣютъ большія кольца, а въ носу маленькія. Соболи, у нихъ добываемые, хуже предъидущихъ; они дѣлаютъ лодки изъ бересты, въ которыхъ помѣщается только одинъ человѣкъ и ими правятъ весломъ о двухъ лопаткахъ; когда нужно выйти въ море для ловли рыбы, то лодки несутся до морскаго берега на плечахъ и тамъ спускаются въ воду, а когда подуетъ вѣтеръ, то рыболовы возвращаются. Ху-р-ха брѣютъ голову и у нихъ мало мужчинъ носящихъ кольца, соболи ихъ уступаютъ предъидущимъ, за то желтыя лисицы, желтыя бѣлки и сушеная рыба превосходны. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ нѣтъ ни чиновниковъ, ни старшинъ, поставленныхъ отъ правительства, потому-что народъ этотъ глупъ и притомъ честенъ. Когда наприм. они берутъ въ долгъ китайскіе товары, то расплачиваются на слѣдующій годъ въ срокъ по образцу; если же имъ нельзя пріѣхать самимъ, то присылаютъ чрезъ другихъ, однимъ словомъ не нарушаютъ обѣщаній, хотя бы жили за 1000 ли и не были старинными знакомыми. Сверхъ того они мужественны и не боятся смерти;

(66) Отсюда слѣдуетъ, что Хэй-цзинь есть вѣроятно тоже племя съ которымъ русская амурская экспедиція познакомилась подъ именемъ Мангунцевъ и которыхъ русскіе козаки называли орликами.

одинъ человѣкъ въ силахъ убить тигра. Императоръ, уважая ихъ мужество, награждалъ ихъ чинами, иногда давалъ имъ ссыльныхъ въ рабы и черезъ нѣсколько лѣтъ переселилъ ихъ въ Нингуту, потомъ въ Фынъ-тʼянь (Муклэнь), а черезъ два года и въ Пекинъ, гдѣ ихъ называютъ Ице-маньчжу (Ичэ-маньчжу), т. е. новыми Маньчжурами. Хотя ихъ награждаютъ чинами, они нечувствуютъ своего достоинства. Однажды Гянъ-гюнь, желая обучить ихъ правиламъ благопристойности, призвалъ къ себѣ чиновныхъ: одни изъ нихъ явились въ соломенныхъ шляпахъ, другіе съ мѣшкомъ на спинѣ, иные босикомъ и возбуждали всеобщій смѣхъ. Когда Гянъ-гюнь приказалъ имъ сѣсть, они положили мѣшки на полъ.

Когда У-чэнь видѣлъ ихъ послѣ того въ Пекинѣ, то нашелъ совершенно другими: въ обращеніи и разговорѣ они уже нисколько не отличались отъ столичныхъ Маньчжуровъ и Китайцевъ.

Сѣверныя горы, продолжаетъ У-чэнь, находится отъ Нингуты въ 10 ли и состоятъ изъ высокихъ кряжей, покрытыхъ непроходимыми лѣсами и старыми деревьями. Городскіе жители рубятъ здѣсь себѣ дрова. На С.-З. отъ города въ 10 ли находится мѣсто называемое Э-фу-ли, еще далѣе въ 60 ли развалины стараго города, лежащія у береговъ рѣки; въ ней тутъ множество раковинъ, доставляющихъ большое количество восточнаго жемчуга. Между нимъ попадаются зерна вѣсомъ въ 2 или 3 драхмы, краснаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣтовъ. Безъ приказанія императорскаго нельзя добывать жемчугъ, и запрещеніе соблюдается строго. На Западѣ Нингута опирается на бугры, называемые Мудань-ша-линь: тутъ находится множество деревень. На Югъ отъ Кяна (рѣки) течетъ рѣчка Со-эрл-хэ. Вода въ ней глубока; надъ нею возносится до небесъ высокая скала, заслоняющая свѣтъ солнечный, такъ что даже въ самый полдень здѣсь не бываетъ свѣтло. Для плаванія по рѣкѣ употребляются челноки, выдолбленные изъ одного дерева.

Жители селеній большею частію состоятъ изъ Маньчжу-

ровъ; Китайцевъ мало. Путешественнику не нужно брать съ собой денегъ, онъ останавливается гдѣ хочетъ и вездѣ находитъ гостепріимство. Если ѣдутъ нѣсколько, то младшіе всегда прислуживаютъ старшимъ. Когда ссыльный убѣгаетъ, то никто не выдастъ его. Выше всего уважается честность; никто даже не подниметъ потеряннаго на дорогѣ. Туземцы чрезвычайно искусны въ отысканіи слѣдовъ животныхъ и слѣдуютъ по нимъ десятки ли по травѣ и землѣ. Здѣсь есть трава *ула*, растущая по близости отъ воды. Она бываетъ тонкая, длинная, мягкая и теплая и употребляется на подкладку въ кожаные сапоги, для защиты отъ холода. Туземная поговорка гласитъ, что въ Ниигутѣ три сокровища—жень-шэнь, соболи и ула. Дыни здѣсь весьма душисты и сладки. Лѣтомъ можно ѣсть досыта что угодно и не чувствовать боли въ желудкѣ. Переселенцы не могутъ жаловаться на климатъ, относительно его вліянія на здоровье. Здѣшняя вода называется въ народѣ жень-шэневой (т. е. цѣлительной, крѣпительной). Земля весьма тучна и здѣсь въ изобиліи водятся всѣ пять сортовъ хлѣба, только недостаетъ рису. Хлѣбъ сѣютъ въ началѣ 4-й луны (въ маѣ) и собираютъ въ 8-й лунѣ (въ сентябрѣ). Въ свободное отъ хлѣбопашества время уѣзжаютъ для рубки дровъ и возвращаются съ ними въ телѣгахъ, запряженныхъ волами: дрова эти запасаютъ на весь годъ. Когда выпадаетъ глубокій снѣгъ и рѣки замерзаютъ, то ѣздятъ въ саняхъ, не имѣющихъ колесъ. Въ нихъ запрягаютъ быковъ и ѣздятъ скоро и спокойно. Въ досужное время собираютъ кедровые орѣхи и трутъ. Послѣдній родится на деревьяхъ въ наростахъ, онъ слабо-желтоватаго цвѣта и скоро воспламеняется (67). Иные занимаются обжиганіемъ древеснаго угля, другіе рубкой большихъ деревьевъ и приготовленіемъ изъ нихъ деревянныхъ сосудовъ и домашней утвари, потому-что у Маньчжуровъ нѣтъ

---

(68) У-чэнь разсказываетъ объ обыкновенномъ древесномъ трутѣ съ удивленіемъ, потому-что въ Китаѣ, по свидѣтельству Васильева, трутъ приготовляется изъ сердцевины растенія похожаго на чернобыльникъ.

глиняной посуды ([68]), а блюда, тарелки, лохани, корыта и проч. выдѣлываются изъ цѣльнаго дерева. Масло у нихъ добывается изъ кунжута. Есть также конопляное сѣмя, но нѣсколько дороже. Свѣчей нѣтъ, но есть факелы, приготовляемые изъ выжимокъ кунжута и пшепыхъ отрубей, высушеныхъ, а потомъ вымазаныхъ конопляным масломъ. Воспитывать пчелъ не умѣютъ ([69]), но дровосѣки и собиратели кедровыхъ орѣховъ находятъ въ дуплахъ большое количество меду. Китайцы научили какъ его выварывать и съ того времена здѣсь есть медъ и воскъ. Китайцы, для своихъ празднествъ, дѣлаютъ и восковыя свѣчи, но въ продажѣ ихъ нѣтъ. Соль получается изъ корейской области Хой-нинъ-фу въ 700 ли отсюда.

Распредѣленіе границъ (съ Кореею), продолжаетъ У-чэнь, съ древнихъ временъ указано рѣкой. Со стороны Нингуты тутъ находятся лѣса, съ деревьями скрывающимися въ облакахъ и подпирающими небо ([70]), со стороны Кореи тянутся, на разстояніи одной ли, бѣлѣющійся песокъ и луга. Безъ всякаго повода запрещено переходить границу, какъ съ той, такъ и съ другой стороны; но каждый годъ на 10-й лунѣ разрѣшено Императоромъ съѣзжаться для покупки соли и промѣна быковъ, лошадей, бумаги, кистей, вѣеровъ, желѣза, риса и прочаго. ([71]) За одинъ гарнецъ рису въ Нингутѣ нужно заплатить 2 или 3 чина серебра (40 — 60 коп. сер.), и его подаютъ только при угощеніяхъ. Страна, находящаяся на Ю. З. отъ Нингуты, называется Хунъ-ци-цзѣ (улица или дорога краснаго знамени). Она находится въ смежности съ Кореей и весьма близка къ морю; нынѣ и здѣсь поставлены чиновники и присутственныя мѣста. Добываемыя здѣсь каракатицы (хай-шень, почитаемыя Китайцами лакомымъ блюдомъ) суть самыя первыя.

---

(68) Въ Китаѣ, глиняная посуда совершенно замѣняетъ деревянную утварь кадки, корыта и т. д.

(69) Въ нынѣшнемъ столѣтіи, пчеловодство распространилось въ Маньчжуріи.

(70) Чанъ-бо-шань.

(71) На р. Тумэни, (см. ниже).

Дома бываютъ не одинаковой величины, но дерево на нихъ употребляется весьма толстое; одни состоятъ только изъ одной комнаты, другіе изъ трехъ или пяти. Крыши покрываютъ длинной и тонкой травой (камышемъ). Если есть бѣлая глина (гипсъ?), то ею вымазываютъ стѣны, такъ гладко, что въ нихъ можно смотрѣться. Толщина стѣнъ въ нѣсколько футовъ, не смотря на то зимою и сквозь нихъ проникаетъ холодъ и онѣ кажутся покрытыми инеемъ. Въ комнатѣ топятся три к'анъ (печи съ парами), расположенные одинъ подлѣ другаго, покрытые тростниковой рогожкой, а сверху краснымъ войлокомъ. К'анъ бываетъ шириною въ 6 ф. и ночью всѣ ложатся спать поперегъ его. Сундуки и спальные приборы располагаются въ С. З. углу. Окна продѣлываются съ южной и западной стороны; двери находятся подлѣ южнаго окна. Окна затворяются извнѣ, изъ опасенія чтобы тигры не забрались во внутренность жилища. Восточная сторона его отгорожена отъ главной комнаты досчатой перегородкой, за которой находится внутренняя комната (женская половина), съ к'анами на сѣверную и южную сторону и окномъ на югъ. Кромѣ к'ана нѣтъ ни стульевъ, ни табуретовъ, всѣ садятся на к'анъ поджавши ноги. Гостей сажаютъ на южномъ к'анѣ и по приходѣ ихъ женщины не удаляются. При свиданіи не дѣлаютъ Цзи-хи (китайскихъ поклоновъ), а только берутся за руку, при прощаніи нѣсколько нагибаются. Когда же давно не видались, то обнимаютъ другъ друга, и потомъ, взявшись за руки, навѣдываются о здоровьѣ. Женщины привѣтствуютъ мужчину потирая правой рукой лобъ и кивая головой; если же дѣлаютъ это ставъ на колѣна, то значитъ оказываютъ высокое почтеніе. Между собою, при встрѣчѣ, женщины подаютъ руки. Въ послѣдній вечеръ стараго года младшіе являются въ домы старшихъ для прощанія съ годомъ и кланяются въ землю старшимъ, на что послѣдніе не отвѣчаютъ поклономъ. Равные кланяются другъ другу одновременно. Въ первый день новаго года ворота уставляются знаменами, значками, луками и стрѣлами, для приданія празднеству

военнаго величія. Въ каждомъ домѣ поздравленія начинаются съ полуночи; промедлить до полудня считается неучтивымъ. Маньчжурскіе плясуны называются Манъ-ши. Мужчина и женщина становятся другъ противъ друга и пляшутъ, стоящіе съ боку хлопаютъ въ ладоши и поютъ пѣсни. Передъ каждымъ жилищемъ ставятъ шестъ, который почитаютъ священнымъ. Когда случается въ домѣ радость или болѣзнь, совершается обрядъ съ молитвою. Для этого покупаютъ, не торгуясь, большую свинью, и заколовъ ее кладутъ подъ шестомъ, пригласивъ искуснаго чтеца, называемаго Ча-ма (Шаманъ). Хозяинъ дома, совершивъ колѣнопреклоненіе, вѣшаетъ мѣлкія кишки и куски на верхушку шеста, а остальное въ наивозможнейшей чистотѣ варится въ котлѣ. За тѣмъ приглашаютъ родныхъ и друзей, располагаются на к'ану, покрытомъ при семъ случаѣ только клеенкою и все съѣдаютъ. Если обрядъ совершенъ по случаю болѣзни и она не исцѣлилась, то шестъ выбрасываютъ въ поле и впослѣдствіи замѣняетъ другимъ. Шаманскіе обряды отправляютъ зимою и осенью. За полмѣсяца передъ тѣмъ приготовляютъ хлѣбное вино, весьма сладкое, крахмалъ и печенье на маслѣ, отъ котораго требуется большая чистота, потомъ свиней, барановъ, куриць и гусей. Хозяйка дома назначается распорядительницей. Сверхъ своего платья, она надѣваетъ еще юбку, вокругъ которой висятъ до ста желѣзныхъ колокольчиковъ; въ руки беретъ она картонный бубенъ, потрясаетъ имъ, произнося маньчжурскія слова и коверкаясь, отчего и брянчатъ колокольчики въ аккомпаниментъ бубну; иногда она еще бьетъ подъ ладъ въ барабанъ, обращаясь лицемъ къ западу, гдѣ расположено на к'анномъ столикѣ съѣстное и сверху на веревкѣ висятъ пятицвѣтные шелковые лоскутки, означающіе присутствіе предковъ на верху. На этотъ обрядъ приглашаются всѣ знакомые, не исключая и женщинъ.

Въ Цинъ-минъ (значитъ ясный день; это бываетъ около 20 марта ст. ст.), для посѣщенія могилъ предковъ богатые ѣдутъ

туда верхомъ или въ гелѣгахъ, а бѣдные пѣшкомъ, и несутъ на головахъ к'анные столики съ жертвенными приборами.

Когда случится больной, то на главныхъ воротахъ привѣшиваютъ пукъ травы; тогда приходящіе для свиданія родственники или знакомые справляются только о здоровьѣ и удаляются. Во время сговора отецъ идетъ съ сыномъ и свахой въ домъ отца невѣсты; на другой день этотъ послѣдній съ свахой отплачиваетъ визитъ. При обрученіи, на высокихъ столахъ, накрытыхъ красными войлоками, ставятъ чай, плоды, шелковыя матеріи и холсты. Такихъ столовъ бываетъ много. Во время свадьбы приданое: сундуки, комоды, зеркала, одѣяла и т. п. также располагаются на высокихъ столахъ. Невѣсту несутъ на носилкахъ или везутъ въ повозкѣ, завѣшанныхъ красной шелковой матеріей. Въ маньчжурскихъ домахъ во время угощенія являются женщины, для подчиванія виномъ: онѣ наливаютъ полную чашу и подносятъ ее на колѣнахъ, не поднимаясь до тѣхъ поръ пока она выпита. По истеченіи мѣсяца послѣ рожденія ребенка ставятъ люльку, похожую на качели, укрѣпленную на гибкой бамбуковой палкѣ, украшенную картинками и обвѣшанную колокольчиками.

Въ случаѣ смерти, покойника кладутъ въ гробъ; въ этотъ вечеръ собираются всѣ его друзья и родственники и проводятъ ночь безъ сна. Домашніе дѣлаютъ великолѣпное угощеніе, а послѣ ухода гостей трупъ сожигается и пепелъ зарывается. По смерти родителей трауръ продолжается годъ и въ это время не брѣютъ головъ.

Въ зимній поворотъ жгутъ траву на поляхъ и горахъ, отчего она на слѣдующій годъ, по мнѣнію Маньчжуровъ, бываетъ еще обильнѣе. Каждый годъ, послѣ періода Дуанъ-ву, отправляютъ одного бошко, съ нѣсколькими солдатами, пасти всѣхъ лошадей Нингуты за нѣсколько сотъ ли, на привольныхъ водой и травой лугахъ, откуда табуны возвращаются очень откормленными въ концѣ 7-й луны (Августѣ).

Охота производится постоянно во всѣ четыре времени го-

да: то выходятъ по утру и возвращаются вечеромъ, то отправляются на нѣсколько дней и это называется малой облавой. Осенью производится облава на фазановъ. Разъ въ годъ производится большая облава. Она совершается солдатами восьми знаменъ, въ теченіи двадцати дней: на ней добываютъ тигровъ, шакаловъ, кабановъ, медвѣдей, кабаргъ, лисицъ, зайцевъ, фазановъ, орловъ и т. д. Охотничьи собаки очень сильны и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ схватить барса или шакала, которые весьма боятся людей. Только медвѣдь очень свирѣпъ. Здѣшніе фазаны очень жирны и даже лучше Ляо-дунскихъ. Послѣ всякой облавы несмѣтное количество телѣгъ, лошадей и верблюдовъ везутъ добычу. Самые лучшіе соколы бьютъ дикихъ гусей и пролѣтаютъ по 2000 ли въ сутки; есть бѣлые и пестрые соколы; всѣ они очень уважаются и представляются ко Двору. Орлы (буркуты) очень велики и ихъ много; перья ихъ крыльевъ употребляютъ для стрѣлъ.

5) *Переѣздъ У-чэня изъ Нингуты черезъ Гирінь и Мукдэнь до Китайской границы въ Шань-хай-гуань.*

Отецъ У-чэня былъ назначенъ письмоводителемъ Гянъ-гюня въ Улѣ (Гирінь). Все семейство тронулось въ путь. На другой день, повѣтствуетъ У-чэнь, проѣхали черезъ горный хребетъ, тянущійся непрерывно въ ширину на 30, а въ длину отъ В. на З. на 300 ли. Подъ нимъ находится пустота, отчего, когда проѣзжаютъ лошади и телѣги, раздается глухой гулъ; когда растаиваетъ ледъ, то подъ мостомъ слышно теченіе воды ([73]). Вторая станція называется Бирхань-бира. На третій день въѣхали въ большой У-цзи (или Во-цзи, издревле такъ называемый черный сосновый боръ). Деревья возвышаются здѣсь къ небу, исковерканныя, дупловатыя: все доказываетъ ихъ тысячелѣтнее существованіе. Лѣсъ тянется во всѣ стороны на тысячи ли и никто не

(73) Это и есть упомянутая нами выше, при обзорѣ Маньчжуріи, гора Шы-тʼэу дянъ-цзы, съ подземнымъ озеромъ.

знаетъ его въ подробности. Дорога проходитъ черезъ него посрединѣ и только черезъ 60 ли отъ станціи вступаетъ наконецъ въ У-цзи, какъ бы въ какія ворота. По обѣимъ сторонамъ стоятъ огромныя деревья, въ нѣсколько обхватовъ, и такъ плотно, что не видно солнечнаго свѣта; только осенью и зимою, когда спадаютъ листья, здѣсь становится нѣсколько свѣтлѣе. Всякій кто въѣзжаетъ въ Уцзи снимаетъ съ себя какую нибудь вещицу и вѣшаетъ на деревья, въ знакъ подарка духу лѣса.

Въ лѣсу встрѣчалось много хребтовъ и скалъ: дорога по горамъ то поднималась вверхъ, то опускалась внизъ. Непрерывно слышно было чириканье птицъ и пискъ мышей (?), лисицы и бѣлки бѣгали кругомъ, нисколько не пугаясь людей. Когда подымался небольшой вѣтерокъ, то колыхаемыя имъ деревья издавали звукъ, подобный шуму волнъ, гонимыхъ страшной бурей. Ночевали у подножія одного хребта, въ палаткахъ около ручейка, вода котораго струилась съ глухимъ шумомъ. Солдаты, сопровождавшіе семейство У-чэня, разостлали по землѣ два или три куска древесной коры, разложили огонь и жарили добытыхъ въ тотъ день кабаргъ и оленей. За полночь раздался изумительный звукъ, какъ будто цѣлая гора обрушилась: то было тысячелѣтнее сухое дерево, которое внезапно переломилось.

4-я станція называется Амбанъ-дохунъ (переправа), 5-я Лафа. Передъ ней, на пространствѣ 30 ли, путешественники проѣзжали малый Уцзи (Воцзи), который также походилъ по устройству и виду на предъидущій. 6-я станція называется Э-хеймy, 7-я Ишиха. Черезъ 10 ли отсюда переправлялись черезъ рѣку Сунъ-хуа-кянъ (Сунгари), которая также беретъ начало въ Чанъ-бо-шань и впадаетъ въ Хэй-лунъ-кянъ (Амуръ) Въ Ула (Гирини) находится адмиралтейство, въ которомъ строятся большія суда, поддерживающія сообщенія между всѣми мѣстами. Путешественники прожили здѣсь нѣсколько дней и потомъ опять пустились въ путь.

Первая станція отъ Ула называется Сутунь, 2-я Ирмынь,

3-я Шуанъ-янъ-хэ (рѣка двухъ барановъ), 4-я Ибадань, 5-я Даху-шань (гора большой лисицы), 6-я Хэй-рѣ-су, 7-я Ѣ-хэй, 8-я Мянь-хуа-цзѣ (улица хлопчатой бумаги). Черезъ 40 ли достигли до пикета У-юань-п'у иначе Лю-т'яо-юань (далекія ивовыя вѣтви), потому что тутъ, на нѣсколько сотъ ли, тянутся по границѣ ивы и тополи, посаженные при прежнихъ Государяхъ, для разграниченія ихъ земель. И попынѣ тутъ находится Чжангинь (офицеръ), для охраненія этого важнаго прохода. Еще черезъ 15 ли достигли до города К'ай-юань-хянь. Отсюда, проѣхавъ 55 ли, прибыли на Корейскую (?) станцію и далѣе черезъ 15 ли до города Тѣ-линъ-хянь, еще черезъ 60 ли до станціи И-лу, далѣе въ 70 ли находился городъ Фынъ-т'янь-фу (Мукдэнь).

Первая станція отъ Фынъ-т'янь-фу называется Лао-бянь (старая граница) и отстоитъ отъ него на 60 ли. Черезъ 40 ли отсюда рѣка Цзао-лю (по маньчжурски Чжурхучжу-бира), а далѣе еще 40 ли до станціи Бо-щи-п'у (пикетъ бѣлаго знамени). Въ 70 ли далѣе станція Эрл-дао-цзинъ-цзы (колодезь двухъ дорогъ, въ 50 ли еще далѣе Сяо-хэ-шань (малая рѣка и гора) и городъ Гуань-нинъ-хянь. Черезъ 30 ли далѣе станція Люйянъ, еще черезъ 40 ли станція Ши-шань (Ши-сань-шань, каменная гора); еще черезъ 30 ли рѣка Да-линь-хэ. Отсюда 40 ли до Кинь-чжеу-фу, далѣе 60 ли до станціи Гао-цзо (высокій мостъ) далѣе 60 до Нинъ-юань-чжеу, далѣе 60 до станціи Дунъ-гуань (восточный проходъ), далѣе 60 ли до станціи Лянъ-шуй-хэ (рѣка съ холодной водой), и еще 80 до Шань-хай-гуань, знаменитаго входа въ самый Китай.

Все разстояніе отъ Нингуты до Пекина слишкомъ 4000 ли (2000 верстъ). Зимою снѣгъ и ледъ покрываютъ дороги, глубиной болѣе сажени. Лѣтомъ существуютъ другія трудности отъ трясинныхъ болотъ, которыя на протяженіи нѣсколькихъ сотъ ли, представляютъ бездонныя грязи. Въ иныхъ мѣстахъ нужно перебираться съ трудомъ съ кочки на кочку. Только впослѣд-

ствіи по трясинамъ настлали деревьевъ и дороги эти поддерживаютъ, потому съ этого времени по нимъ начали проѣзжать очень много народа.

6) *Путешествія новѣйшихъ миссіонеровъ въ южной Маньчжуріи и Шэнъ-кинѣ.*

Первый изъ европейскихъ миссіонеровъ, послѣ 1830 года посѣтившихъ приморье Шэнъ-кина, былъ извѣстный протестантскій миссіонеръ Гюцлафъ. Въ Октябрѣ 1831 года ([74]) онъ прибылъ въ китайск. жонкѣ въ гавань Кинь-чжеу (Kin-Chow у Гюцл., King-Tcheou на карт. Бергх.). Она находится въ С.-З. углу Ляо-дунскаго залива, при устьѣ береговой рѣки Сяо-далинь (Siao-Ta-lin). Городъ Кинь-чжеу-фу есть главный въ западной губерніи провинціи (Ляо-дуна или Шэнъ-кина). Портъ его мѣлокъ, окруженъ скалами и открытъ южнымъ вѣтрамъ. Жонки не доходятъ нѣсколько миль до берега и грузъ ихъ переносится людьми. Страна обилуетъ скотомъ, хорошо обработана и обитаема Маньчжурами. Верблюдовъ здѣсь уже очень много. Гюцлафъ вышелъ на берегъ въ полночь, и на другой день былъ окруженъ толпами больныхъ. Женщинъ почти вовсе не было видно: онѣ удалены были мѣстными властями (на все навигаціонное время), для уничтоженія разврата между матросами, посѣщающими портъ въ огромномъ количествѣ. Городъ не особенно замѣчателенъ и не великъ. Дома построены изъ гранита, здѣсь очень распространеннаго. На вершинѣ высокой горы, близъ города, возвышается храмъ, построенный въ китайскомъ стилѣ; на равнинѣ есть другіе. Гюцлафъ пробылъ здѣсь до 17 Ноября. 9 Ноября погода была теплая и день прекрасный, но ночью на 10-е вѣтеръ перемѣнился и рѣчки и лужи замерзли. Берегъ Ляо-дуна къ Югу отсюда крутъ и скалистъ. Въ Ляодунскомъ заливѣ, по свидѣтельству Гюцлафа, есть еще два порта. Одинъ изъ нихъ онъ называетъ Нань-кинь (Nan-Kin) или

(74) Gützlaff. Journal of three voyages along the coast of China in 1831 — 33. London. 8. 1834. p. 144 — 148.

южный Кинь-чжеу, а другой Гай-чжеу (Kae-Chow у Гюцл., Cai-Tcheou на кар. Бергх.). Этотъ послѣдній, въ С.-В. части Ляодунскаго залива, обширенъ, глубокъ и можетъ содержать значительный флотъ.

Во второй разъ Гюцлафъ посѣтилъ берегъ Ляо-дуна, въ Ноябрѣ 1832 года ([73]), на европейскомъ кораблѣ Сильфъ. Путешественники пристали въ Фынъ-мингѣ (Fung-Ming). Городъ этотъ, по Гюцлафу, лежитъ на Югъ отъ Гай-чжеу; онъ не означенъ ни на какихъ картахъ и не упоминается въ Государственной Географіи; населеніе его состоитъ большею частію изъ эмигрантовъ изъ провинціи Шань-дуна (Schan-Tong). Отсюда въ нѣсколько часовъ корабль переплылъ въ заливъ Дунъ-цзы-гу (Toung-Tsze-Kew), расположенный подъ 32° 23′ с. ш. и 121° 7′ в. д. Здѣсь стоялъ въ это время цѣлый флотъ южныхъ жонокъ, нагруженный маньчжурскими произведеніями. Прибрежныя долины состоятъ изъ алювіальной почвы, берегъ прирастаетъ безпрестанно, заливъ мѣлѣетъ, навигація затрудняется. Вдоль всего берега тянутся острова и отмѣли. Корабль направился къ Сѣверу, но, препятствуемый сѣверными вѣтрами, не могъ приблизиться къ Гай-чжеу и потому, обогнувъ сѣверный берегъ, приблизился къ Кинь-чжеу и великой стѣнѣ, но здѣсь сѣлъ на мѣль. Гюцлафъ принужденъ былъ ѣхать въ шлюпкѣ въ Гай-чжеу, просить помощи, при чемъ одинъ изъ его матросовъ замерзъ. Къ счастію перемѣна вѣтра позволила кораблю сняться съ мѣли. Это было въ послѣднихъ числахъ Ноября. 9 Декабря корабль былъ почти затертъ льдами. Самый городъ Гай-чжеу расположенъ въ 10 англ. м. отъ берега, окруженъ высокою стѣною, содержитъ значительное населеніе, ведетъ обширную торговлю. Это есть слѣдовательно лучшій и значительнѣйшій портъ Ляо-дунскаго залива. Дома его низки и дурно выстроены. Окрестныя фермы превосходно содержаны; китайскіе колонисты чрезвычайно индустріозны.

---

(73) Gützlaff. Journal of three voy. Lond. 1834. p. 417.

Первые новѣйшіе католическіе миссіонеры, проникшіе въ Маньчжурію (въ нынѣшнемъ столѣтіи), были Мобанъ и Шастанъ. Мобанъ ([76]) выѣхалъ въ ноябрѣ 1835 г. изъ монгольской христіанской общины *Си-ванъ* (Si-Wan, Si-Ouan) ([77]), вслѣдъ за миссіонеромъ Брюгьеромъ, назначеннымъ епископомъ вновь образованной корейской миссіи, по скончавшемся на пути своемъ въ монгольской пограничной деревнѣ *Бей-леу* (Pié-Leou). Отдавъ послѣдній долгъ покойному Брюгьеру, Мобанъ направился черезъ Шэнъ-кинъ въ Корею и 12 января прибылъ въ маньчжурскій городъ *Фынъ-бянь-мынь* (Fong-Pien-Men) или *Фынъ-хуанъ*, лежащій недалеко отъ границъ Кореи, на р. Цао, одномъ изъ притоковъ Ялу-кяна. О провинціи Шэнъ-кинъ Мобанъ не сообщаетъ ничего замѣчательнаго, а говоритъ только о пограничной ея полосѣ съ Кореею. Здѣсь разстилаются пустыни и лѣса; сіи послѣдніе, на границѣ Шэнъ-кина съ Кореею, имѣютъ 12 лье (около 50 в.) ширины и 20 длины (около 180 в.); восточная ихъ опушка ограничена тремя вѣтвями знаменитой рѣки Ялу-кяна, изъ которыхъ самая восточная составляетъ границу Китая и Корейскаго царства. Ялу-кянъ бываетъ покрытъ льдомъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году. На лѣвомъ берегу рѣки находится таможня, а за нею уже корейскій городъ *И-чжеу* (I-Tcheou), черезъ который Мобану удалось проникнуть въ столь недоступную до тѣхъ поръ для европейцевъ Корею. Въ тоже почти время, только нѣсколько выше, черезъ Ялу-кянъ перешелъ и миссіонеръ Шастанъ, не сообщившій ничего о южной Маньчжуріи.

Вскорѣ послѣ упомянутыхъ миссіонеровъ, именно въ ноябрѣ 1837 года, проникъ въ южную Маньчжурію, назначенный на мѣсто умершаго Брюгьера корейскимъ епископомъ миссіонеръ Имберъ ([78]). Не рѣшась ѣхать изъ Си-ваня подобно двумъ

---

(76) Maubant Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI. 1838. p. 342.

(77) Въ 10 лье къ Сѣв.-Вост. отъ воротъ Великой стѣны *Чжанъ-кя-кэу* (Tchang-Kia-Keou).

(78) Imbert, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI. 1838. p. 356.

предъидущимъ миссіонерамъ, черезъ снѣжное нагорье Монголіи, Имберъ предпочелъ возвратиться въ Китай черезъ ворота *Чжанъкя-кеу*, проѣхалъ въ 10 миляхъ на С. отъ Пекина и прибылъ 25 ноября на границу Шэнъ-кина въ крѣпость *Шань-хай-гуань* (Chan-Hai-Kouan, что значитъ таможня стѣны и моря) гдѣ оканчивается Великая стѣна, спускаясь съ подошвы горъ до самаго Желтаго моря. Здѣсь путешественники встрѣтили нѣкоторыя затрудненія. Они боялись быть узнанными на таможнѣ, тѣмъ болѣе, что Имберу, какъ христіанскому епископу, не хотѣлось совершить обычнаго колѣнопреклоненія передъ доскою, на которой изображенъ шифръ императора, а потому, пользуясь темнотою ночи и мятелью, миссіонеры, съ помощью контрабандистовъ, пробрались черезъ полуразрушенную стѣну, въ одномъ лье отъ таможни, и вступили въ предѣлы провинціи Шэнъкинъ 27 ноября. Отсюда путешественники, въ продолженіи 5 дней, слѣдовали берегомъ моря, сначала представлявшимъ безплодныя ланды, изрѣдка пересѣченныя небольшими пригорками; послѣ того они постепенно удалились отъ берега и вступили въ пространную равнину, которая становилась все болѣе и болѣе живописною, въ особенности же въ окрестностяхъ Мукдэня. Къ сожалѣнію Имберъ не описываетъ этого знаменитаго города, потому-что не только не рѣшился осмотрѣть его, но даже изъ предосторожности не входилъ въ самый городъ, а остановился у одной христіанской татарской фамиліи, въ одномъ изъ отдаленныхъ предмѣстьевъ. Послѣ того Имберъ направился въ *Фынъбянь-мынь* (или *Фынъ-хуанъ*, Fong-Pien-Men, Fung-Huan на карт. Клапрота), откуда ему удалось почью перейти по льду черезъ Ялу-кянъ и проникнуть въ Корею по пути Мобана, т. е. черезъ *И-чжеу* (I-Tcheou).

Въ концѣ 1838 года, для распространенія христіанства въ Маньчжуріи, былъ образованъ особенный маньчжурскій викаріатъ, котораго викаріемъ назначенъ былъ Вероль. Прежде нежели этотъ миссіонеръ достигъ до Маньчжуріи (въ концѣ 1840 г.), черезъ провинцію Шэнъ-кинъ на границу Кореи проѣхалъ

миссіонеръ Ферреоль, которому не удалось попасть на полуостровъ и который возвратился черезъ Мукденъ въ Монголію, не сообщивъ ничего замѣчательнаго о Маньчжуріи ([79]). Вероль же прибылъ въ свой викаріатъ въ маѣ 1841 г. ([80]), зиму 1841—42 пробылъ въ Гирпин, а зиму 1842 и весну 1843 въ южной части Ляо-дуна въ городѣ Гай-чжеу или *Гай-п'инъ-хянь*, (Cai-Tcheou на картѣ Бергхауза, Kai-Phing-Hien на кар. Клапрота). Онъ сообщаетъ о южной Маньчжуріи многія интересныя, но только общія замѣчанія, которыми мы уже воспользовались въ общемъ обзорѣ.

Въ концѣ 1842 года въ Шэнъ-кинъ (Ляо-дунъ) прибыли морскимъ путемъ миссіонеры Де-ла-Брюньеръ и Метръ ([81]). Они выплыли изъ Шань-хая ([82]) ночью на 2 октября въ Китайской жонкѣ и 22 октября бросили якорь въ *Да-чжуанъ-гу* (Ta-Tchuan-Ku), небольшой гавани, лежащей близъ города *Гай-чжеу* (Kai-Tcheou), въ Ляо-дунѣ. Берегъ южной Маньчжуріи казался имъ обнаженнымъ и высушеннымъ сѣвернымъ вѣтромъ; нѣсколько горъ или холмовъ возвышались на небольшомъ разстояніи отъ берега, внутри прибрежной полосы, которая впрочемъ вообще казалась довольно плоскою. Вѣтеръ былъ холоденъ, какая-то суровость царствовала, какъ въ атмосферѣ, такъ и въ цѣломъ ландшафтномъ впечатлѣніи страны. Когда путешественники высадились на берегъ, то ихъ тотчасъ схватили и привели къ мандарину, но они были освобождены, по поручительству одного изъ туземцевъ, выдавшаго ихъ за переселенцевъ изъ *Кянъ-нанъ* (Kiang-Nan). Де-ла-Брюньеръ говоритъ, что южная Маньчжурія характеризуется дикостью природы и суровостью климата. Путешественникъ съ перваго взгляда поражается въ прибрежьѣ Шэнъ-кина обнаженностью всѣхъ горъ и окружающихъ ихъ

(79) Ferreol. Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVI. 1844. p. 166.

(80) Verolles, Lettre Id. T. XVI. 1844. p. 138.

(81) De la Brunière Lettres Id. T. XVI. 1844. p. 126. etc.

(82) Знаменитаго города и порта провинціи Кянъ-су (Kiang-Su), открытаго европейцамъ со времени англо-китайской войны.

равнинъ, на которыхъ взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, ни даже иногда и травы. На поляхъ вездѣ посѣяны рисъ и просо, и еще растеніе, котораго зерно, по словамъ Де-ла-Брюньера, превосходитъ втрое величину зеренъ проса, а вкусомъ походитъ на пшеницу. Это растеніе здѣшніе жители называютъ хакъ-бань (Hac-Ban). Виноградники также видны вездѣ въ Шэнъ-кинѣ, но на зиму виноградныя лозы пригибаются въ нарочно вырытыя для того борозды и засыпаются землею и соломою. Виноградъ здѣшній очень красивъ, но такъ водянистъ, что изъ 100 литровъ сока выходитъ при дистилировкѣ только 40 литровъ посредственнаго вина, очень уступающему въ качествѣ французскому. Изъ Шэнъ-кина Де-ла-Брюньеръ отправился на границу Монголіи и оттуда уже проникъ въ сѣверную Маньчжурію.

Миссіонеръ Ферреоль оставался въ Ляо-дунѣ до конца 1844 года. Въ этомъ году онъ послалъ изъ убѣжища своего (къ Сѣверу отъ Мукдэня на монгольской сторонѣ палиссады) корейскаго христіанина Кимай-кима, черезъ всю южную полосу провинціи Гирини на сѣверную границу Кореи.

Путешествіе Кимай-кима есть самое интересное изъ всѣхъ. Оно знакомитъ насъ со всею поперечною линіею отъ границъ Монголіи при палиссадѣ Шэнъ-кина черезъ Гиринь, оттуда вверхъ по Сунгари до $43^1/_2{}^\circ$ с. ш. и внизъ по Хурхѣ черезъ озеро Биртынь-омо почти до Нингуты, и наконецъ оттуда черезъ дремучіе лѣса до Хунь-чуня (Houn-Choun), при устьѣ *Микяна* (Mi-Kiang) или Тумэнь-улы. Отчетъ его былъ сообщенъ въ письмѣ Кимай-кима къ епископу Ферреолю отъ 15 декабря 1844 г., написанномъ на китайскомъ языкѣ и переведенномъ въ журналѣ евангелическихъ миссій за 1846 г. ([83]).

Разставшись съ Ферреолемъ, Кимай-кимъ, съ своимъ спутникомъ, быстро направился по санной дорогѣ въ *Гуань-ченъ-цзы* (Kouan-Tcheng-Tse, т. е. Гуань-нинъ-хянь), куда и прибылъ на

(83) Kimai-Kim, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. p. 284—293.

ночлегъ черезъ нѣсколько часовъ ѣзды. На другой день путешественники проѣхали деревянную палиссаду и вступили въ провинцію Гиринь. Деревни, занесенныя снѣгомъ, однообразныя своею бѣлизною, представляли однакоже пріятное зрѣлище своимъ оживленіемъ, потому-что въ нихъ множество саней, слѣдуя отъ одного жилища къ другому, пересѣкали пространство въ разнообразныхъ направленіяхъ и притомъ съ такою скоростью, о которой не имѣютъ понятія въ Китаѣ.

Первый значительный городъ, въ который прибыли путешественники, былъ *Гиринь*, столица провинціи и резиденція Цянъкюня (по сѣв. произн. Цзянъ-цзюня, Kiang-Kiun) или главнокомандующаго. Онъ расположенъ на восточномъ берегу Сунгари, которой теченіе было въ это время заморожено февральскимъ холодомъ. Простирающаяся отъ З. къ В. цѣпь горъ, которой вершины въ это время исчезали въ легкомъ туманѣ паровъ, защищаетъ Гиринь отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Какъ почти всѣ города Китая, Гиринь не представляетъ ничего замѣчательнаго; онъ состоитъ изъ неправильной кучи кирпичныхъ избъ и землянокъ, въ одинъ этажъ, покрытыхъ соломою. Дымъ, поднимавшійся съ крышъ города, возвышался сначала вертикально, а потомъ разстилался по атмосферѣ на небольшой высотѣ, образуя какъ бы огромный плащъ синеватаго цвѣта, покрывающій весь городъ. Народонаселеніе Гириня состоитъ изъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, смѣшанныхъ между собою, но послѣдніе изъ нихъ гораздо многочисленнѣе. Говорятъ что это населеніе простирается до 600000 душъ, но такъ какъ народной переписи въ этой странѣ не существуетъ, то Кимай-кимъ не полагаетъ чтобы населеніе это могло превосходить $^1/_4$ этой цифры, т. е. 150000 душъ.

Улицы города очень оживлены, торговля его процвѣтаетъ; Гиринь составляетъ складочное мѣсто для торга мѣхами различныхъ сортовъ, бумажными и шелковыми матеріями и искусственными цвѣтами, которыми женщины всѣхъ классовъ украшаютъ здѣсь свои головы. Наконецъ здѣсь также склады-

вается и весь строевой лѣсъ, сваливаемый въ императорскихъ лѣсахъ.

Опушка этихъ лѣсовъ находится недалеко отъ Гиринь; путешественники видѣли ихъ отсюда на горизонтѣ, гдѣ они поднимали свои обнаженныя и черныя головы надъ блестящимъ снѣжнымъ покровомъ. Они раздвигаются широкою преградою между Небесною имперіею и Кореею, прерывая сообщеніе между двумя народами и поддерживая между ними то враждебное разъединеніе, которое существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ Корейцы оттѣснены на свой полуостровъ. Отъ В. къ З. эти лѣса растянуты на 60 лье. Путешественники желали бы направиться черезъ нихъ прямо въ Корею, но такъ какъ въ этомъ направленіи лѣса непроходимы, то они принуждены были пуститься въ далекій обходъ и направиться по зимней дорогѣ въ Нингуту (Nin-Gunta).

Эта дорога была совершенно неизвѣстна Кимай-киму, но къ счастію онъ нашелъ двухъ попутчиковъ, туземныхъ купцовъ, возвращавшихся въ свое отечество — Нингуту. Сначала путешественники слѣдовали по льду вверхъ теченія Сунгари, а потомъ вѣроятно притока ея Лафа. Большія неровности этой части Манъчжуріи, пересѣкающія ее горы и недостатокъ торныхъ дорогъ принуждаютъ путешественниковъ слѣдовать вдоль рѣкъ. Съ притока Сунгари путешественники переѣхали черезъ волокъ на рѣку, которую Китайцы (по удостовѣренію Кимай-кима) называютъ *Му-чуань* (Mou-Touan); эта рѣка на европейскихъ картахъ названа *Хурхою* (Hourha, Hur-Dia). Вдоль береговъ ея расположены изрѣдка постоялые дворы.

Путешественники подвигались впередъ, то по льду рѣки, то по одному или другому изъ ея береговъ, смотря потому гдѣ дорога представляла менѣе неровностей. На право и на лѣво поднимались высокія горы, увѣнчанныя гигантскими деревьями и обитаемыя тиграми, ирбизами, медвѣдями, волками и другими хищными животными, которыя соединенными силами ведутъ войну съ проѣзжими. Бѣда тому кто одинъ углубится въ эту

страшную пустыню! Путешественникамъ разсказывали, что въ одну зиму около 80 человѣкъ и болѣе 100 воловъ и лошадей сдѣлались добычею хищныхъ животныхъ, вслѣдствіе чего проѣзжіе не отваживаются ѣхать иначе, какъ большими каравапами.

Но если животные нападаютъ на людей, то и люди въ свою очередь не оставляютъ ихъ въ покоѣ. Каждую осень императоръ посылаетъ въ эти лѣса цѣлыя арміи охотниковъ. Въ 1843 году ихъ было послано 5000. Всякій разъ нѣсколько человѣкъ платятъ жизнію за свою храбрость. Кимай-кимъ встрѣчалъ нѣсколько разъ тѣла такихъ погибшихъ, которыхъ товарищи несли далеко на кладбища ихъ предковъ, иногда за сотни миль, и на ихъ саванахъ были всегда разложены трофеи ихъ побѣды: оленьи рога или кожи тигровъ.

Слѣдуя по теченію рѣки, путешественники выѣхали на небольшое озеро, имѣющее отъ 7 до 8 лье ширины и покрытое, также какъ и рѣка черезъ него протекающая, твердымъ льдомъ. Оно славится въ окрестной странѣ количествомъ жемчуга, который тамъ ловится для императора. Кимай-кимъ называетъ его *Хэй-ху* (Hei-Hou) или *Чжинь-чжу-мынь* (Hin-Tchou-Men), т. е. черное озеро или ворота драгоцѣнныхъ камней. Безъ сомнѣнія это есть озеро Биртынъ-омо (Pilten, всѣхъ европейскихъ картъ), черезъ которое протекаетъ рѣка Хулха. Такъ какъ время приближалось къ китайскому дню новаго года, то путешественники, слѣдуя принятому обычаю, не могли продолжать пути до конца праздника и остановились на постояломъ дворѣ.

Въ самый день приближенія новаго года, т. е. въ полночь, путешественники, по обычаю народному, были пробуждены одѣтымъ въ самую страшную одежду хозяиномъ, который возвѣстилъ имъ приближеніе боговъ. Въ самую полночь всѣ жители хижины или постоялаго двора, не исключая женщинъ и дѣтей, выходятъ на дворъ встрѣчать боговъ, одѣтые въ свои лучшія платья. Отецъ семейства или старшій въ домѣ смотритъ пристально на небо. Онъ одинъ имѣетъ привилегію видѣть боговъ. Наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ го-

воритъ: «вонъ они съ этой стороны», и всѣ обращаются въ указанную сторону, даже поворачиваютъ туда головы домашнихъ животныхъ и падаютъ ницъ. Послѣ того всѣ возвращаются домой и начинается обильное угощеніе.

Путешественники пробыли 8 дней въ Чжинь-чжу-мынѣ. На 4-й день первой луны, оставивъ свои сани, сдѣлавшіяся имъ ненужными, они осѣдлали лошадей, взяли съ собою телѣги, наполненныя провіантомъ для нихъ и запасомъ для лошадей, и данныя имъ хозяиномъ гостиницы за условленную плату, и пустились въ путь черезъ лѣса. На дорогѣ путешественники должны были сами себѣ готовить кушанье. Черезъ нѣсколько времени они прибыли въ *Ма-дянь-хэ* (Ma-tien-ho) близъ *Нингуты* (Ningoustra), гдѣ начиналась дорога, выходившая къ морю черезъ 60 лье. Семь или 8 лѣтъ до путешествія Кимай-кима на этой дорогѣ не было ни одного жилища, ни одной хижины, которая бы могла служить убѣжищемъ путешественнику. Сіи послѣдніе собирались въ большіе караваны и располагались на бивакѣ, тамъ гдѣ ихъ заставала ночь, окружая себя огнями для обезпеченія отъ нападеній тигровъ. Въ 1844 году по всей дорогѣ уже выстроены были постоялые дворы: впрочемъ эти дворы ничто иное какъ простыя хижины, сложенныя на манеръ хижинъ дикарей, изъ сучьевъ, наваленныхъ одни на другіе и смазанныхъ глиною. Архитекторами и хозяевами этихъ дымныхъ караванъ-сераевъ были нѣсколько Китайцевъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ названіемъ *Гуань-гунь-цзы* (Gouang-koun-tza), т. е. бездомныхъ людей, прибывшихъ издалека, и большею частію бѣжавшихъ изъ родительскаго дома, для того чтобы жить грабежами. Они находятся здѣсь только зимою, съ появленіемъ весны оставляютъ свои хижины и занимаются запрещенною охотою въ лѣсахъ и собираніемъ жень-шэня.

Внутренность этихъ хижинъ еще отвратительнѣе ихъ наружности. Въ срединѣ, на нѣсколькихъ камняхъ, утвержденъ большой котелъ, единственная посуда этихъ харчевенъ. Огонь раскладывается около котла, дымъ выходитъ въ какія бы то

ни было щели, всѣ стѣны покрыты ужасной копотью; ружья и охотничьи ножи, закопченые какъ и все остальное, висятъ на стѣнахъ, земляной полъ посыпанъ древесной корою, которая замѣняетъ мѣста пуха для усталыхъ членовъ путешественника. Кимай-кимъ долженъ былъ проводить ночи въ этихъ хижинахъ съ своими спутниками, иногда они принуждены были лежать одинъ на другомъ, потому что число ночевавшихъ въ хижинѣ доходило до 100 человѣкъ. Дымъ задушалъ ихъ, и только отъ времени до времени они выбѣгали изъ хижины, для того чтобы перевести дыханіе на свѣжемъ воздухѣ.

Гуань-гунь-цзы даютъ только кровъ и воду своимъ посѣтителямъ, а потому сіи послѣдніе необходимо должны запасаться провіантомъ, до входа своего въ страну лѣсовъ. Мѣдная монета совсѣмъ не ходитъ здѣсь, а серебро даже почти неизвѣстно; содержатели постоялыхъ дворовъ за свое гостепріимство получаютъ рисъ, просо, небольшіе хлѣбы, испеченные подъ пепломъ, мясо, маисовое вино и т. д. Что касается до вьючныхъ животныхъ, то ихъ помѣщаютъ подъ открытымъ небомъ и охраняютъ дѣятельно отъ жадности волковъ и тигровъ, о приближеніи которыхъ легко заключить по ржанію и безпокойству лошадей. При таковомъ приближеніи путешественники вооружаются факелами, бьютъ въ танъ-танъ (tam-tam, родъ барабана), кричатъ и вообще дѣлаютъ сколь возможно болѣе шума, и только такимъ способомъ обращаютъ въ бѣгство опаснаго непріятеля.

Лѣса этой части Маньчжуріи очень древни; деревья ихъ составляющія — непомѣрной величины и значительной высоты. Топоръ дровосѣковъ рубитъ ихъ только на опушкѣ, внутри же они падаютъ только отъ ветхости. Стаи птицъ живутъ на ихъ вѣтвяхъ; между ними есть такія, которыя уносятъ молодыхъ оленей, только Кимай-кимъ не могъ узнать ихъ имени (вѣроятно Vultur barbatus). Въ особенности же здѣсь такое несмѣтное количество фазановъ (вѣроятно Phasianus pictus), что нельзя даже

представить себѣ ихъ многочисленности, не смотря на то, что орлы и коршуны жестоко ихъ истребляютъ.

Въ одномъ днѣ пути не доходя до *Хунь-чуня* (Houng-Tchoung), путешественники, оставивъ свои тяжелыя телѣги, прибыли наконецъ, послѣ мѣсячнаго странствованія, къ цѣли своего путешествія. *Хунь-чунь* (Houng-Tchoung), расположенный близъ восточнаго океана, недалеко отъ устья *Ми-кяна* (Mi-kiang), т. е. *Тумэни-улы* (Tumen), отдѣляющей Маньчжурію отъ Кореи, есть небольшая деревня, которой народонаселеніе состоитъ изъ сотни татарскихъ семействъ. Кромѣ *Фынъ-хуана* (Fong-pien-men), лежащаго на югѣ, это есть единственный пунктъ сообщенія между Китаемъ и Кореею. Здѣсь находится мандаринъ 2-го класса изъ Маньчжуровъ, поставленный для полицейскаго надзора; въ его распоряженіи состоитъ команда изъ 2-хъ или 3-хъ сотъ солдатъ. Множество Китайцевъ пріѣзжаютъ сюда для торга. Они доставляютъ Корейцамъ собакъ, кошекъ, курительныя трубки, кожу, оленьи рога, мѣдь, лошадей, муловъ и ословъ, а въ обмѣнъ получаютъ плетеныя корзины, кухонную посуду, рисъ, хлѣбъ, свинину, бумагу, плетенки, воловъ, говядину, мѣха и небольшихъ лошадей, очень цѣнимыхъ за ихъ быстроту. Эта торговля для народа бываетъ только разъ въ два года и то въ продолженіи полу-дня; мѣна товаровъ производится въ К'эу-венъ (Kieu-wen), сосѣднемъ Корейскомъ городѣ, лежащемъ въ 4 лье отъ Хунь-чуня. Если по наступленіи ночи Китайцы не уходятъ за свои границы, то корейскіе солдаты преслѣдуютъ ихъ съ мечами.

Мандаринамъ Муклэня, Гиринь, Пингуты и Хунь-чуня, позволяется торговать ежегодно и имъ дается 5 дней на торговыя сдѣлки, при чемъ они впрочемъ всегда сопровождаются стражею и не могутъ почевать на Корейской землѣ. До входа своего въ лѣса они имѣютъ обыкновеніе разбивать палатки на вершинѣ горы и приносить богамъ въ жертву поросятъ; всѣ должны принимать участіе въ этой жертвѣ.

Между Корейскою и Китайскою націями существуетъ боль-

шая ненависть, особенно же съ новѣйшаго времени, когда Китайцы вторгнулись на полуостровъ и похитили множество женщинъ и дѣтей у Корейцевъ. Кимай-кимъ видѣлъ на постояломъ дворѣ одного изъ такихъ похищенныхъ Корейцевъ, которому было не много болѣе 20 л. На вопросъ Кимай-кима не желаетъ ли онъ возвратиться въ свое семейство, онъ отвѣчалъ, что онъ не рѣшится на это, потому что его примутъ тамъ за Китайца и срубятъ голову.

Хунь-чунь знаменитъ въ странѣ одною отраслью торговли, распространенной по всей Имперіи: это именно продажа *Хайцая* (Hai-Thsai, морская трава, водоросль), ловимаго въ Японскомъ морѣ, недалеко отъ берега. Люди его собирающіе удаляются отъ берега въ лодкахъ, и потомъ, опоясавшись мѣшкомъ, погружаются въ воду, наполняютъ мѣшокъ водорослью, возвращаются въ лодку для выгруженія ея, потомъ снова погружаются за травою и продолжаютъ это до тѣхъ поръ пока лодка совсемъ наполнена. Китайцы чрезвычайно любятъ эту зелень въ кушаньѣ и потребляютъ ее въ большомъ количествѣ, а потому путешественники встрѣчали по дорогамъ большіе обозы нагруженныхъ ею телѣгъ.

Изъ Хунь-чуня Кимай-кимъ отправился на время торга въ Корейскій городъ К'эу-венъ (Kiu-wen). Вечеромъ путешественники возвратились обратно ([84]) въ Хунь-чунь. При возвращеніи своемъ въ долину *Ми-кяна* (Mikiang, Тумэнь-ула) они нашли большія перемѣны. Ледъ, по которому они переѣхали, былъ уже взломанъ волнами рѣки. Съ горныхъ вершинъ стремились потоки, увеличивающіе разливъ рѣки и увлекающіе за собою стволы огромныхъ деревьевъ и еще болѣе огромныя льдины. Безпрестанно подъѣзжали путешественники съ своими телѣгами и загромоздили весь берегъ рѣки. Ихъ крики, ржанье лошадей, вой хищныхъ животныхъ, смѣшанные съ шумомъ водъ, придавали долинѣ какой то торжественный и страшный видъ.

---

(84) Kimai-Kim, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. 1846. p. 303

Кимай-кимъ, отыскавъ бродъ, смѣло переѣхалъ черезъ рѣку, но спутникъ его, взявъ проводника, пустился въ обходъ. Оба впрочемъ благополучно возвратились въ Хунь-чунь, потерявъ одну лошадь. Кимай-кимъ только впослѣдствіи проникъ въ Корею, гдѣ нашелъ мученическую смерть.

Ферреолю въ 1844 г. не удалось проникнуть въ Корею, куда онъ пытался пробраться черезъ Фынъ-хуанъ, и въ началѣ 1845 г. онъ отправился въ обратный путь въ Макао.

1845 годъ представляетъ намъ интересное путешествіе Дела Брюньера. Миссіонеръ этотъ выѣхалъ въ половинѣ Іюля изъ монгольской деревни Бай-кя-цзѣ (Pa-Kia-tze) ([85]). Деревня эта означена на картѣ Дюфура; она лежитъ къ Ю.-З. отъ маньчжурскаго города Бэдунэ, приблизительно въ паралели 45° с. ш. и меридіанѣ Мукдэня. Черезъ 7 дней пути, направляясь къ С.-С.-В., онъ прибылъ въ маньчжурскій городъ Аже-хэ (Aje-ho). Аже-хэ есть новый городъ, образованный безпрерывными эмиграціями китайцевъ въ Маньчжурію, и подъ этимъ именемъ не находится ни на одной изъ извѣстныхъ мнѣ картъ. Относительно его положенія можно легко попасть въ заблужденіе, читая письмо Де-ла-Брюньера. Этотъ миссіонеръ говоритъ именно ([86]), что Аже-хэ лежитъ въ 40 лье (160 верстъ) къ Сѣверу отъ Гиринь и 25 (100 вер.) къ Западу отъ Сунгари. Эти показанія находятся въ противорѣчіи между собою, потому что мѣсто лежащее въ 160 вер. къ С. отъ Гиринь не можетъ быть иначе какъ къ В. отъ Сунгари. Слѣдовательно вмѣсто къ З. нужно читать *къ В. отъ Сунгари*. 7 дней пути отъ Бай-кя-цзѣ къ В.-С.-В. также согласуются съ этою поправкою. Слѣдующее показаніе миссіонера Вено ([87]), ѣхавшаго по пути Де-ла-Брюньера, нѣсколько лѣтъ спустя, также подтверждаетъ нашу поправку. Вено говоритъ, что выѣхавъ

---

(85) De la Brunière, Lettre Ann. de le prop. de la foi T. XVIII. p. 274—303.

(86) De la Brunière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 195; Nouv. Ann. de Voyages 5-me serie T. XVI. 1848. Octob. p. 83.

(87) Venault Excursion dans les parties intérieures de la Mantchourie en 1850. Nouv. Ann. d. Voyag. 1852. Mai. p. 207.

изъ Аже-хэ опъ, въ продолженіи первыхъ трехъ дней пути, встрѣчалъ на дорогѣ постоялые дворы, но по переходѣ Сунъ-хуакянъ (Сунгари), постоялые дворы эти сдѣлались рѣже и путешественники принуждены были просить гостепріимства у колонистовъ, разбросанныхъ *на западномъ берегу рѣки*; слѣдовательно городъ Аже-хэ находится на восточномъ.

По указанной нами поправкѣ, Аже-хэ находится отъ Гирини къ С. въ 160 вер., отъ р. Сунгари къ В. въ 100, отъ Сань-сина, по показанію Вено, въ 200 вер. (50 лье), слѣдоват. на р. Альчуку, и въ такомъ случаѣ можно полагать что этотъ Аже-хэ есть тоже что городъ Альчуку близъ впаденія этой рѣки въ Сунгари. Населеніе этого города уже составляющее, какъ сказывали Дела-Брюньеру, 60000 душъ ([88]), безпрестанно прибавляется. Городъ управляется мандариномъ 2-го класса, обстоятельство также подтверждающее его тождество съ Альчуку; въ территоріи его находится нѣсколько христіанскихъ фамилій, между которыми впослѣдствіи пребывалъ миссіонеръ Вено.

Изъ Аже-хэ Де-ла-Брюньеръ направился въ Сань-синъ, лежащій на правомъ берегу р. Сунгари, при впаденіи въ нее Хулхи (Хурхи) и въ 320 вер. выше соединенія ея съ Амуромъ. Въ 8 лье (32 вер.) за Аже-хэ страна, до тѣхъ поръ довольно населенная, превращается внезапно въ обширную пустыню. Пустыня эта пересѣчена только дорогою, ведущею въ Сань-синъ, по Маньчж. Илань-хала. Лѣса, состоящіе изъ дубовъ, вязовъ и ильмовъ, со всѣхъ сторонъ ограничиваютъ горизонтъ; высокая и густая трава, поднимающаяся иногда выше головъ путешественниковъ, даетъ право заключить о плодородіи этой дѣвственной страны, къ которой рука человѣческая еще не прикасалась. На каждыхъ 40 верстахъ можно встрѣтить одну или двѣ хижины, родъ постоялыхъ дворовъ, устроенныхъ стараніями мандариновъ для курьеровъ правительства, но въ которыхъ могутъ помѣщаться и другіе путешественники. Только на этихъ постоялыхъ дворахъ

---

(88) De la Brunière, Lettre въ Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 200—203.

нельзя достать ничего, кромѣ разваренаго въ водѣ пшена. Есть еще кушанья изъ дикорастущихъ здѣсь травъ, между которыми, какъ полагаетъ Де-ла-Брюньеръ, была и Gentiana. Одно изъ любимыхъ кушаньевъ составляютъ здѣсь цвѣты желтыхъ лилій, растущихъ по здѣшнимъ горамъ. Тигровъ, которыми пугали путешественниковъ, Де-ла-Брюньеръ не встрѣчалъ. Но за то были здѣсь другія, менѣе опасныя, но не менѣе непріятныя животныя: мошки, комары, осы и овода, отъ которыхъ никакъ не могли избавиться путешественники. Черезъ три дня пути самыя опасныя изъ сихъ животныхъ — осы и овода заставили Де-ла-Брюньера перемѣнить всю систему своего путешествія и превратить ночь въ день, а день въ ночь, вслѣдствіе чего только одни комары остались еще спутниками путешественниковъ. Жители носятъ здѣсь посреди лѣта маски, изъ двойнаго полотна, съ отверстіями только для глазъ. Что же касается до вьючныхъ животныхъ, то пять дневныхъ переходовъ при полуденномъ жарѣ и преимущественно около рѣкъ, гдѣ насѣкомыхъ еще болѣе, подвергаютъ ихъ вѣрной смерти. Только жилища нѣсколько предохранены отъ нападеній насѣкомыхъ культурой и навозомъ. За Сань-синомъ комары и осы становятся чудовищными въ своихъ размѣрахъ. Они изчезаютъ только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Другую непріятность при путешествіи по Маньчжуріи доставляютъ обширныя грязныя болота, пересѣкающія дорогу и принуждающія иногда дѣлать обходы въ 12 и 15 верстъ. Къ счастію Де-ла-Брюньера лѣто было особенно сухо и онъ рѣшился переходить встрѣчающіяся болота въ бродъ. Только разъ онъ едва не утонулъ въ глубокихъ и вязкихъ мхахъ и былъ выручень только однимъ жителемъ сосѣдней хижины, указавшимъ ему дорогу.

Черезъ 7 дней пути отъ Ажехэ, Де-ла-Брюньеръ наконецъ увидѣлъ домы Сань-сина и ихъ еловые заборы. Городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ главной улицы, вымощенной деревянною мостовою. Народонаселеніе города не превосходитъ какъ говорятъ 10,000 душъ. Имъ управляетъ

мандаринъ 2-го класса, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ рѣчная область Усури, также какъ и правый берегъ Амура до самаго моря.

Городъ Сань-синъ есть самый послѣдній мандаринскій постъ къ В, и также крайній предѣлъ, до котораго могутъ достигать китайскіе и маньчжурскіе путешественники; далѣе ѣхать имъ запрещено, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Только десятокъ купцовъ, снабженныхъ императорскими листами, обходящимися каждому до 100 лянъ (200 р. сер.) имѣютъ право спускаться по Сунгари и входить въ Амуръ, а оттуда и въ Усури, которой лѣса обилуютъ знаменитымъ жень-шэнемъ (ginseng). Каждый годъ начальство Сань-сина посылаетъ поочередно три военныя судна, которыхъ вооруженіе не состоитъ ни изъ пушекъ, ни изъ ружей, но изъ сабель. Первое изъ судовъ отправляется въ Му-ченъ (Mou-Tchen), на правомъ берегу Хэй-лунъ-кяна (Амура), около 40¼° с. ш. Этотъ Му-ченъ или Донь-донь (Tondon) есть не городъ и не деревня, а просто балаганъ, служащій временною префектурою для мандариновъ военнаго судна. Они должны собирать здѣсь кожи и мѣха (преимущественно собольи и выдровые), доставляемые племенемъ *Чанъ-мао-цзы* (Chan-mao-tze, т. е. длинноволосыми инородцами, называемыми такъ, потому-что они не брѣютъ своихъ волосъ), въ обмѣнъ за извѣстное число кусковъ холста. Чанъ-мао-цзы есть кажется то интересное племя, которое русскія экспедиціи называютъ Мангунцами. Другое судно посылается для такого же сбора къ племени *Юй-п'и-да-цзы* (Yu-pi-ta-tze или рыбокожихъ Да-цзы, т. е. Татаръ), называемыхъ такъ потому, что они одѣваются въ рыбьи кожи; третье же имѣетъ въ своей юрисдикціи *Эрл-яо-цзы* (Ell-iao-tze) или краснодлинноволосыхъ, ничтожное, почти истребившееся племя, занимающее прибрежье двухъ или трехъ незначительныхъ притоковъ Усури и живущее въ шалашахъ изъ древесной коры.

Де-ла-Брюньеръ прибылъ въ Сань-синъ именно въ то самое время когда Юй-п'и-да-цзы и Чанъ-мао-цзы прибыли туда для

промѣна добычи своей охоты и рыбной ловли на холстъ, просо и въ особенности водку. Отъ нихъ Де-ла-Брюньеръ узналъ, что въ 160 вер. ниже Сань-сина на Сунгари расположено одно изъ главныхъ мѣстъ ихъ—Су-су (Sou-sou). Желая пробраться туда и не найдя проводниковъ, Де-ла-Брюньеръ, пробывъ нѣсколько дней въ Сань-синѣ, отправился наудачу съ спутниками своими, черезъ горы, лежащія на В. отъ Сань-сина ([89]). Горы эти принадлежатъ, судя по картамъ, къ отраслямъ Кентей-алиня. Путешественники не разъ сбивались съ дороги, но, руководствуясь догадками и распросами, не потеряли своего главнаго направленія. Единственное бывшее съ нимъ приключеніе была встрѣча съ военнымъ мандариномъ, который впрочемъ, принявъ ихъ за агентовъ правительства, обошелся съ ними дружественно и указалъ имъ прямой путь въ Су-су, куда они и прибыли на другой день.

Здѣсь Де-ла-Брюньеръ пробылъ нѣсколько дней между Юй-п'и-да-цзы, которые сначала испугались появленія чужеземцевъ, но потомъ обошлись съ ними привѣтливо. Всѣ они говорятъ по китайски, но не забыли и роднаго языка. Языкъ этотъ, по свидѣтельству Де-ла-Брюньера, относится къ маньчжурскому, какъ провансальскій — къ французскому. Нѣтъ сомнѣнія слѣдовательно, что Юй-п'и-да-цзы одноплеменны съ коренными Маньчжурами и древними Нюй-чженьцами. Такъ какъ черезъ недѣлю прибылъ въ Су-су военный мандаринъ, Де-ла-Брюньеръ возвратился въ Сань-синъ и остановился здѣсь у одного изъ магометанъ, составляющихъ, по свидѣтельству миссіонера, $^1/_4$ здѣшняго народонаселенія. У нихъ есть мечеть и школа. Наскучивъ подозрѣніями и распросами мандариновъ, Де-ла-Брюньеръ выѣхалъ изъ Сань-сина и направился на В. Онъ слышалъ отъ Юй-п'и-да-цзы, что здѣсь идетъ тропинка, ведущая къ берегамъ Усури, гдѣ находятся главныя мѣстообитанія этаго племени. Тропинка эта имѣетъ около 500 вер. (120 лье) длины,

(89) Въ пр. с. р. 207.

по причинѣ большихъ обходовъ, вынуждаемыхъ встрѣчающимися горами (Кентей-алинь) и рѣками. Купеческіе караваны слѣдуютъ по этой тропинкѣ два раза въ годъ, черезъ совершенную пустыню. Навьючивъ мула необходимыми припасами, миссіонеръ тронулся въ путь, на который употребилъ, при неблагопріятныхъ осеннихъ дождяхъ, 15 дней. Трудности пути были ужасны. Вмѣсто отдыха на привалѣ путешественниковъ ожидала самая утомительная работа. Нужно было рубить и волочить деревья, зажигать ихъ для защиты отъ холода и тигровъ, приготовлять кушанье на дождѣ и открытомъ воздухѣ, и все это посреди роя комаровъ, осъ и оводовъ, прекращавшихъ свои нападенія только около 10 часовъ вечера. Нѣсколько разъ, не имѣя силы срубить дерева, путешественники зажигали его на корнѣ и спали въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда. Въ лѣсѣ и водѣ небыло недостатка. Только подъ конецъ, по мѣрѣ приближенія къ Усури, источники становятся столь рѣдкими, что путешественники часто принуждены были довольствоваться сухимъ просомъ. Лѣса всей этой гористой пустыни состояли почти исключительно изъ дуба. Наступающіе холода мало по малу лишали ихъ зелени. 15 Сентября вечеромъ показалась наконецъ рѣка Усури ([90]).

Де-ла-Брюньеръ вышелъ на Усури 160 вер. (40 лье) ниже озера Хинкая (Hinka) или Даху (Tahou) т. е. вѣроятно нѣсколько сѣвернѣе 46° с. ш. Здѣсь Усури столь же глубока, хотя менѣе широка чѣмъ Сунгари. Первымъ пристанищемъ путешественниковъ была уединенная хижина, выстроенная китайскими купцами и служившая складочнымъ мѣстомъ для собираемаго Жень-шэня. Пробывъ здѣсь два дня Де-ла Брюньеръ, по приглашенію купцовъ, спустился въ ихъ лодкѣ на 80 лье по Усури, до бѣдной хижины, расположенной въ 40 вер. (10 лье) выше устья Усури. Вмѣсто людей миссіонеръ видѣлъ вездѣ только мертвую тишину пустыни.

---

(90) De la Brunière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 208—222.

Хижина, въ которую прибыли путешественники, принадлежала одному Китайскому переселенцу изъ Шань-дуна, который съ 12-ю работниками, въ теченіи цѣлаго полугода, бродилъ по горамъ, занимаясь собираніемъ знаменитаго корня Цу-ху (женьшэня). Сначала купцы приняли миссіонера радушно, но когда онъ заговорилъ имъ о евангельскомъ ученіи, они стали показывать ему пренебреженіе, а потомъ и непріязненность. Де-ла Брюньеръ зимовалъ здѣсь. Въ половинѣ Октября деревья были уже обнажены, а поблекшая трава возвѣщала приближеніе холодовъ. Миссіонеру удалось видѣть въ это время явленіе, здѣсь впрочемъ довольно обыкновенное — пожаръ лѣсовъ. На южной сторонѣ горизонта показалось сначала огромное облако дыма, затмившее скоро свѣтъ солнечный. Мгновенно всѣ бросились изъ хижины съ крикомъ «огонь», вооружились топорами и живо уничтожили всю растительность, окружавшую хижину, спалили даже траву, а срубленныя деревья бросили въ воду. Только эта предосторожность спасла всѣхъ: облако быстро приближалось, наконецъ заблистало страшное пламя, которое подвигалось столь же быстро, какъ лошадь, скачущая во весь опоръ. Въ атмосферѣ былъ слышенъ какъ-бы шумъ бури. Пламя быстро пробѣжало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ путешественниковъ и стрѣлою углубилось въ лѣса сѣвера. Такіе пожары производятся нерѣдко охотниками, прибывающими съ береговъ Амура и не находящими лучшаго средства выгонять дичь изъ ея убѣжища.

Народонаселеніе береговъ Усури, по мнѣнію Де-ла Брюньера, не превосходитъ 800 душъ. Изъ нихъ собственно Китайцевъ можетъ быть 200 душъ и Юй-п'и-да цзы душъ 500, въ 80 семействахъ. Китайское населеніе, за исключеніемъ купцовъ, состоитъ изъ бездомныхъ бродягъ, нерѣдко разбойниковъ и преступниковъ, исключительно занимающихся собираніемъ Жень-шэня. У нихъ нѣтъ ни религіи, ни нравственности, преступленія между ними дѣло обыкновенное ([91]). Юй-п'и да-цзы,

(91) De la Brunière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 209.

прежде многочисленные, все болѣе и болѣе истребляются и составляютъ нынѣ семействъ 80, разбросанныхъ отъ озера Хинкая до Амура (92). Хижины ихъ сходны съ хижинами Китайскихъ переселенцевъ. Зимой охота, лѣтомъ рыбная ловля составляютъ весь ихъ соціальный бытъ; религіозныхъ обрядовъ они никакихъ не знаютъ, исключая Цамо—призванія на помощь добраго духа противъ дьявола. Этотъ обрядъ распространенъ и между простолюдинами въ Ляо-дунѣ (Шэнъ-Кинѣ). Наиболѣе уважаемые добрые духи у Юй-п'и-да-цзы суть духъ оленя, духъ лисицы и духъ ласточки. Колдуны ихъ (шаманы) называются Цамо. Цамо призываютъ всегда когда кто нибудь заболѣваетъ. Барабанный бой за 2 версты возвѣщаетъ о его прибытіи, хозяинъ встрѣчаетъ его также барабаннымъ боемъ и угощеніемъ, въ которомъ главную роль играетъ водка. Священная одежда Цамо состоитъ изъ головнаго убора съ висящими бумажными полосами и кусками древесной коры, туники изъ оленьей кожи, испещренной разными красками, и тройнаго пояса, съ тремя рядами прикрѣпленныхъ къ нему желѣзныхъ трубокъ. Съ барабаномъ въ рукѣ и палкою въ другой, Цамо, посреди всеобщей тишины, затягиваетъ молебную пѣснь, которой звуки не лишены пріятности, и аккомпанируетъ себя барабаномъ. Въ концѣ каждаго куплета лице Цамо выражаетъ страхъ, звуки барабана становятся чаще и сильнѣе, присутствующіе подхватываютъ хоромъ, испуская родъ постепенно ослабѣвающаго крика котораго звукъ есть протяжное *э*. По окончаніи призванья Цамо дѣлаетъ нѣсколько круговъ по комнатѣ, сопровождая ихъ страшными кривляньями и звономъ металлическихъ трубокъ своего пояса. Это значитъ что духъ явился.

Лѣса доставляютъ Юй-п'и-да-цзы обильную пищу. Они богаты въ особенности лосями, оленями, кабанами, медвѣдями, лисицами, соболями, ласточками, а берега рѣки—выдрами. Растительная пища однообразнѣе и состоитъ только изъ пшена.

---

(92) Idem. p. 218.

Только одни туземцы способны на охоту зимою, въ то время когда снѣгъ покрываетъ равнины и горы отъ 6 до 8 фут. Съ помощью лыжъ, охотникъ догоняетъ на бѣгу оленей и лосей, и пробѣгаетъ въ самые короткіе зимніе дни, по свидѣтельству Де-ла-Брюньера, отъ 80 до 100 верстъ. На горы онъ взбирается очень легко, съ помощью деревянныхъ подошвъ, обитыхъ оленьею кожею, съ грубою щетиною, обращенною назадъ и дающею точку опоры на скользкой поверхности. Лѣтомъ Юй-п'и-дацзы отправляются на рыбный промыселъ въ маленькой лодочкѣ изъ древесной коры, съ багромъ или копьемъ въ рукахъ. Нѣсколькими ударами короткимъ весломъ, похожимъ на валекъ, умѣютъ они двигать лодку, быстро даже и противъ теченія. Быстро ударяютъ они багромъ рыбу, не нарушая неподвижности своего тѣла и равновѣсія лодки. Количество рыбы здѣсь несмѣтно. Самою лучшею Де-ла-Брюньеръ считаетъ Илямъ-юй (я полагаю Acipenser orientalis или къ нему близкая порода). Де-ла Брюньеръ видѣлъ рыбы этой породы въ 1000 фр. фун., но слышалъ, что вѣсъ ея доходитъ иногда до 1800 и 2000 фун. Вязига составляетъ самую дорогую ея часть и продается въ Сань-синѣ по 3 руб. сер. за фунтъ. Въ концѣ Сентября появляется, съ наступленіемъ холодовъ, другая рыба—Тамара; она какъ говорятъ прибываетъ съ моря, имѣетъ 10—15 фун. вѣса, плаваетъ несмѣтными стаями, и по формѣ и вкусу похожа на семгу. Де-ла Брюньеръ утверждаетъ, что при — 45° цельс. (?), питаясь однимъ пшеномъ и этою сушеною рыбою, онъ страдалъ на Усури отъ холода менѣе, чѣмъ въ Ляо-дунѣ при — 20° и хорошей пищѣ. На Усури ловля тамары соотвѣтствуетъ нашей уборкѣ хлѣба: при недостаткѣ ея голодъ опустошаетъ страну. Весною являются разныя болѣзни, поддерживаемыя исключительностью пищи: между ними самая страшная есть оспа. Рыбья кожа оказываетъ, какъ одежда, большія услуги, равно защищая отъ сырости и холода. Кромѣ лѣсныхъ млекопитающихъ и рѣчныхъ рыбъ появляются здѣсь въ Маѣ водяныя птицы: лебеди, аисты, гуси, утки, чирки, въ несмѣтныхъ стаяхъ,

привлекаемыхъ обиліемъ рыбы и тѣмъ болѣе смѣлыхъ, что никто не нарушаетъ здѣсь ихъ спокойствія.

Главными коммуникаціонными линіями служатъ здѣсь рѣки, какъ зимою такъ и лѣтомъ. Зимою служатъ здѣсь для переѣздовъ легкія сани на узкихъ полозьяхъ и собаки, замѣняющія оленей. Каждое семейство содержитъ ихъ отъ 15 до 20 и кормитъ ихъ рыбою (тамарою). 8 собакъ могутъ везти человѣка и 5 пудовъ поклажи, со скоростью лучшихъ европейскихъ дилижансовъ. Зимнія путешествія по снѣгу и зимняя охота производятъ на Усури очень часто глазныя болѣзни.

Эти интересныя свѣдѣнія о Маньчжуріи были послѣдними, сообщенными Де-ла-Брюньеромъ, который лѣтомъ слѣдующаго (1846) года былъ убитъ на Амурѣ.

Къ 1846 году относится только одно путешествіе — миссіонера Метра ([93]), который, по слѣдамъ Кимай-кима, въ 17 дней пути, черезъ пустыни южной Маньчжуріи пробрался на границу Кореи на Ми-кянѣ. Ему не удалось однакоже проникнуть на полуостровъ и онъ принужденъ былъ безуспѣшно возвратиться въ Монголію. Метръ не входитъ въ подробности о своемъ путешествіи, говоритъ только, что пройденная имъ часть Маньчжуріи представляетъ совершенную пустыню, постепенно населяющуюся китайскими переселенцами, превосходящими уже и теперь по количеству туземное населеніе. На разстояніи 40 вер. попадались миссіонеру хижины, обитаемыя бездомными бродягами, живущими впрочемъ довольно мирно въ этихъ свободныхъ пустыняхъ. Для путешественниковъ они нисколько не страшны: каждый имѣетъ свободное пристанище въ ихъ хижинахъ, оставляя имъ за гостепріимство немного водки и пшена. Вся страна покрыта невысокими, но дикими холмами. Ледъ Микяна (Тумэнь-ула) служилъ миссіонеру дорогою, въ теченіи нѣсколькихъ дней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка достигаетъ 4 вер. ширины и походитъ на небольшое озеро. На льду построе-

(93) Maistre, Ann. de la prop. de la foi T. XIX. 1847. p. 242—246

ны временные балаганы для многочисленныхъ путешественниковъ, пользующихся удобствомъ зимнихъ сообщеній для своихъ торговыхъ оборотовъ.

Въ концѣ февраля 1843 г. прибылъ снова въ Шэнъ-кинъ викарій Маньчжуріи Вероль ([94]). Онъ проѣхалъ по слѣдамъ Имбера, черезъ Шань-хай-гуань, по большой дорогѣ изъ Пекина въ Мукдэнь, мимо берега Бо-хая (Желтаго моря). Сѣверная часть его замерзаетъ зимою на нѣсколько миль и Вероль разсказываетъ, что онъ блуждалъ по этимъ ледянымъ пустынямъ, состоящимъ изъ огромныхъ льдинъ, навзленныхъ одна на другую подобно скаламъ, и представляющихъ видъ обширной равнины, покрытой развалинами. Восточное и западное прибрежья Бо-хая очень населены, на сѣверномъ разстилаются пастбища императорской кавалеріи. Но мандарины разработываютъ въ свою пользу лучшія земли, оставляя въ залежье только болота. 4 марта Вероль прибылъ въ деревню Янъ-гуань (Yang-Koan), лежащую верстахъ въ 12 отъ моря, недалеко отъ города Гай-чжеу (Kai-Tcheou). Здѣсь находится небольшая христіанская церковь у подошвы горы, и здѣсь въ отсутствіе Вероля пребывалъ миссіонеръ Бернё. Отсюда Вероль ѣздилъ въ Мукдэнь, гдѣ было тогда до 200 христіанъ. Это было въ то время когда сюда ожидали прибытія портрета императора, присылаемаго въ Мукдэнь, какъ въ маньчжурскую столицу, разъ въ 10 лѣтъ, между тѣмъ какъ каждый императоръ посѣщаетъ Мукдэнь хотя разъ въ жизни. На этотъ случай строится отъ самаго Пекина по обыкновенной дорогѣ еще другая — императорская. На этотъ разъ императоръ Дао-гуань (Tao-Kouang) отпустилъ на постройку ея 32000 франк., изъ которыхъ, по свидѣтельству Вероля, даже ничего не дошло до провинціальныхъ мандариновъ: все было раздѣлено между пекинскими. Портретъ Дао-гуаня былъ ввезенъ въ Мукдэнь на богатой колесницѣ, однимъ изъ князей крови.

---

(94) Verolles, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XXII. 1850. p. 49.

Въ концѣ 1828 года прибылъ въ Шэнъ-синъ морскимъ путемъ миссіонеръ Комбелль ([95]). Онъ выѣхалъ изъ Макао въ началѣ іюля, и въ половинѣ сентября высадился при устьѣ Ча-хэ (Tcha-Ho) или Дай-янъ-хэ (Ta-Yan-Ho, на карт. Клапр. и Бергх.), на восточномъ берегу Шэнъ-сина къ Корейскому заливу. Отсюда, проѣхавъ 120 вер., онъ прибылъ въ Гай-чжеу, слѣдуя слѣдовательно сухимъ путемъ поперегъ Ляо-дунскаго полуострова. Онъ замѣчаетъ, что на этомъ разстояніи большая часть посѣвовъ состоитъ изъ бобовъ и фасоли, вывозимыхъ отсюда и вымѣниваемыхъ въ Китаѣ на полотна, также изъ гречихи и проса, котораго зерно обращается въ муку, а солома употребляется для топлива.

Въ 1848 же году викарій Вероль, не имѣя никакихъ извѣстій о Де-ла-Брюньерѣ, послалъ двухъ туземцевъ для отысканія его во внутренность Маньчжуріи. Пробравшись изъ Гай-чжеу въ Сань-синъ они были остановлены тамъ разлитіемъ рѣкъ, и свѣдавъ о трагической смерти Де-ла-Брюньера на Амурѣ, возвратились съ этимъ извѣстіемъ въ 1849 году къ своему епископу.

Но Веролю все еще не хотѣлось вѣрить этому печальному извѣстію, и онъ рѣшился послать для болѣе обстоятельныхъ розысковъ европейскаго миссіонера. Вено, бывшій въ это время въ городѣ Ажэхэ, въ которомъ онъ утвердилъ свое пребываніе, въ началѣ января съ тремя спутниками, по приказанію Вероля, отправился въ путешествіе ([96]) и направился по санной дорогѣ къ Сань-сину. Въ теченіе первыхъ трехъ дней путешественники встрѣчали еще постоялые дворы, но переѣхавъ Сунъ-хуа-кянъ (Сунгари), принуждены были просить убѣжища у колонистовъ, разсѣянныхъ на западномъ берегу рѣки. На западной сторонѣ Сунгари устроены многочисленные военные посты, на каждомъ есть свой мандаринъ и трибуналъ. Отъ Ажэхэ до Сань-сина счи-

(95) Combelles, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XXIII. 1851. p. 51—53.

(96) Venault, Excursion dans les parties intérieures de la Mandchourie en 1850. Nouv. Ann. de Voyages V-me serie 1852. Mai p. 205—225.

тается 200 вер. Сань-синъ расположенъ при слiяніи Сунгари и Му-чуани (Mou-Tan) т. е. Хулхи, на восточномъ берегу первой, и сѣвернымъ — второй. Всю проѣхалъ Сань-синъ не останавливаясь и направился къ У-цзы-кяну (Ou-Tse-Kiang) т. е. Усури, именно къ тому пункту, гдѣ въ него впадаетъ рѣка Имма (Imma). Рѣка эта есть вѣроятно Нимань (Niman) атласа д'Анвиля. Понятно что здѣсь пролегаетъ зимняя дорога къ Усури, потому-что тутъ во все время можно слѣдовать вдоль теченія рѣкъ Укэнь-бира (Auken-Pira) и Гелинь (Kelin, по карт. Клапрота), которыя направляются въ этой линіи въ противоположныя стороны: одна — къ Сунгари, а другая — къ Усури.

Проѣхавъ 40 вер. отъ Сань-сина миссіонеръ прибылъ въ У-цзы-к'эу (Ouei-Tse-Keou). Это есть группа деревень, которыя на радіусѣ 25 вер. представляютъ нѣкоторую культуру и достаточное народонаселеніе. Далѣе къ С. отъ этого пункта постоялые дворы, нивы и дороги совершенно исчезаютъ, и остается только одна узкая тропинка, пробитая искателями жень-шэня. На разстояніи 400 вер. отъ У-цзы-к'эу до Имма-к'эу-цзы (Imma-Keou-Tse), попадается только нѣсколько хижинъ, спрятанныхъ въ горныхъ ущельяхъ. Въ хижинахъ этихъ живутъ старики. Промыселъ ихъ состоитъ въ томъ, что они рубятъ деревья и предоставляютъ ихъ гніенію, вслѣдствіе чего на нихъ выростаетъ родъ грибовъ, сбываемыхъ за хорошую цѣну въ Сань-синѣ.

За У-цзы-к'эу снѣгъ исчезъ, путешественники бросили свои сани, навьючили поклажу на своихъ лошадей и принуждены были идти пѣшкомъ. Такъ странствовали они 12 дней, останавливаясь то въ упомянутыхъ хижинахъ, то подъ открытымъ небомъ. Вечеромъ на привалѣ они рубили себѣ дрова, варили пшено и послѣ ужина засыпали посреди огромнаго костра, защищавшаго ихъ отъ холода и нападенія тигровъ. Тигровъ впрочемъ они не видали, но разбросанныя кости, съ остатками человѣческаго мяса и кусками недавно разорванной и облитой кровью одежды, обличали нерѣдко сосѣдство этихъ властите-

лей пустынаго лѣса. Такъ прибыли путешественники на Усури (97).

Имма-кэу-цзы есть конечно Niman-Cajan атласа д'Анвиля, подъ 46° с. ш. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, обитаемыхъ искателями жень-шэня. Искатели эти — бездомные бродяги, живущіе какъ бы семейно, подъ начальствомъ хозяина хижины. Каждая хижина представляетъ общину, въ которой каждый имѣетъ равныя права гражданства и единственную обязанность — принимать участіе въ общемъ трудѣ. Въ такой то общинѣ Венюковъ прожилъ два мѣсяца, въ ожиданіи весны 1851 г. Послѣ того онъ спустился въ небольшомъ челнокѣ на Амурѣ, гдѣ и узналъ всѣ подробности объ убіеніи Де-ла-Брюньера.

7) *Вулканическая область Уюнь-холдонги въ сѣв.-зап. Маньчжуріи, въ рѣчной области р. Нонь, къ Ю.-З. отъ города Мергэня и изверженія ея въ* 1721 *году.*

Открытіе В. П. Васильевымъ (98) въ китайскихъ рукописяхъ очень обстоятельныхъ свѣдѣній объ изверженіи вулкана Уюнь-Холдонги въ сѣв.-зап. Маньчжуріи, происходившемъ въ 1721 году, есть безспорно самое замѣчательное изъ географическихъ и геологическихъ открытій въ Маньчжуріи, съ китайской ея стороны, въ послѣдней четверти столѣтія.

Свѣдѣнія объ этомъ вулканическомъ явленіи почерпнуты изъ двухъ совершенно различныхъ и взаимно подтверждающихъ другъ друга источниковъ. Первый изъ этихъ источниковъ суть частныя записки Учэня, ссыльнаго китайца, которому мы обязаны самыми интересными свѣдѣніями о Нингутѣ и южной половинѣ Маньчжуріи (см. выше ст. 217). На концѣ ихъ находится слѣдующая приписка: въ 50 ли (25 вер.) отъ города Мергэнь лежитъ озеро, имѣющее въ окружности около 30 ли (15 вер.). Въ 6-й или 7-й лунѣ (концѣ іюля и началѣ августа) 59-го года правленія

(97) Venault, Excursion etc. Nouv. Ann. d. Voyages V-me serie 1852. Mai p. 210—225.

(98) См. Васильева, о существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи. Вѣст. Им. Рус. Геог. Общ. С. П. Б. 1855. Кн. V. Смѣсь. ст. 31.

Канъ-хи (1721 г.) вдругъ поднялись здѣсь къ небесамъ пламя и дымъ и раздались звуки, подобные грому, не прекращавшіеся ни днемъ ни ночью; они слышны были за 50 или 60 ли. Вылетали черные камни и сѣрныя породы, наконецъ явилась гора, и такъ продолжается уже цѣлый годъ. Сначала испаренія удушали людей за 30 ли, такъ что можно было смотрѣть туда, только взобравшись на высокія горы; теперь мало по малу испаренія стали уменьшаться. Однако же за нѣсколько ли все еще нельзя приблизиться. Отправленный императоромъ для освидѣтельствованія чиновникъ также долженъ былъ смотрѣть издали. Запахъ отъ испареній сѣрный».

Уже одинъ разсказъ этотъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ здѣсь о настоящемъ вулканическомъ изверженіи, но съ другой стороны ясно, что онъ написанъ не очевидцемъ, а со слуховъ, носившихся тогда во всей окрестной странѣ. Оффиціальное же подтвержденіе и объясненіе обстоятельствъ изверженія В. П. Васильевъ нашелъ въ интересной рукописи, вывезенной имъ изъ Пекина и заключающей въ себѣ копіи съ докладовъ, посылаемыхъ императору изъ Сахалянь-уласскаго (Хэй-лунъ-кіянскаго) воеводства Маньчжуріи, между которыми объ изверженіи Уюнь-холдонги нашлось пять донесеній. Они были написаны въ февралѣ, апрѣлѣ, августѣ, октябрѣ 1721 г. и іюлѣ 1722 года.

Въ первомъ изъ этихъ рапортовъ тогдашій правитель Макари доноситъ слѣдующее: «въ прошломъ году Ухери-да Саинчикъ донесъ мнѣ, что въ ноябрѣ 1720 г. было землетрясеніе, а въ январѣ 1721 въ урочищѣ Уюнь-холдонги, находящемся въ 30 ли къ С. отъ деревни Томочинь, лежащей на р. Нэмерь, изъ земли начали выбрасываться пламя и камни. Посланный для осмотра ротный чжангинъ, донесъ что выбрасываемые вверхъ камни, упавши въ груду образовали гору, подобную малой Холдонги, что сверхъ того огонь распространился кверху и книзу пади, запявъ пространство въ 3 ли (въ $1^1/_2$ вер.). Въ февралѣ самъ Саинчикъ, прибывъ съ осмотра, донесъ, что кромѣ пламе-

ни, слышны звуки, подобные грому, и вверхъ выбрасываются камни, изъ которыхъ большіе величиною съ корову; что одни, выброшенные вверхъ, падаютъ откуда вылетали, другіе падаютъ кругомъ, что они по паденіи какъ бы огненные, а погасши чернѣютъ, и изъ нихъ образовалась гора величиною съ большую Холдонги; что огонь, выходящій въ различныхъ частяхъ пади имѣетъ не одинаковую высоту: въ одномъ мѣстѣ 2, а въ другомъ одну сажень, что пространство откуда выходитъ огонь и куда бросаются камни имѣетъ длины 6 ли (3 вер.), ширины 2 (1 вер.), а окружность въ 18 ли (9 вер.). Выбрасываніе же огня и камней и звуки грома не прекращаются, а все болѣе и болѣе распространяются».

Во второмъ рапортѣ тотъ же Макари доноситъ (въ апрѣлѣ), со словъ другаго посланнаго, что изверженіе огня и камней изъ первоначальнаго мѣста горы продолжается по прежнему, и что гора выше прежняго, но звуки стали слабѣе; что камни (лава), разстилаясь вдоль пади, перешли черезъ рѣку Удэлинь и остановившись за ли погасли, отчего разстаявшій ледъ опять замерзъ, что на сѣв.-восточ. сторонѣ отъ горы издающей пламя образовались три небольшія скалы, высотою отъ 4 до 6 саж., но что въ нихъ нѣтъ огня, тогда какъ другіе камни мѣстами горячѣе; что все пространство (изверженія) занимаетъ въ длину 15 ли ($7^1/_2$ вер.), ширину 7 ли ($3^1/_2$ вер.), а въ окружности 37 ли ($18^1/_2$ верстъ).

Въ третьемъ рапортѣ уже доноситъ (въ августѣ) Кянъ-Кюнь (намѣстникъ) Чэньтай, посылавшій освидѣтельствовать изверженіе, вслѣдствіе императорскаго приказа: посланные (въ іюнѣ) донесли ему, что изверженіе пламени, камней и сильный ревъ изъ главной горы продолжается по прежнему, что гора выросла еще; что распространеніе лавы на С. отъ горы простирается на 7, а на З. на 1 ли и всего кругомъ обнимаетъ пространство на 46 ли (23 верс.), что три прежнія маленькія горки остаются по прежнему. Еще черезъ 15 дней посланные нашли что все еще въ томъ же положеніи и что гора еще увеличи-

лась: сверхъ того, отъ прегражденія лавой рѣки Удэлинь, вода разлилась по восточной сторонѣ и образовала озеро въ окружности на 15 ли, и между тѣмъ лава, подвинувшись съ восточн. стороны изъ горы на 4 слишкомъ ли, достигла до этого озера и вошла внутрь его на 1 ли, что пространство занимаемое изверженіемъ простирается уже на 51 ли ($25^1/_2$ вер.).

Въ четвертомъ рапортѣ тото же Кянъ-кюнь доноситъ (въ октябрѣ), что изверженіе въ той же силѣ. Лава, войдя въ озеро, прибавилась еще на ли и перешла озеро; на З. противъ прежняго лава распространилась на 2 ли. Камни мѣстами издаютъ огонь и все пространство ими занимаемое простирается на 55 ли въ окружности, три маленькія скалы существуютъ по прежнему.

Въ послѣднемъ (пятомъ) рапортѣ Кянъ-кюнь доноситъ (въ іюлѣ 1722 г.), что посланный въ маѣ сообщилъ, что въ 6 или 7 ли (3 — $3^1/_3$ вер.) на С.-В. отъ прежняго изверженія между камнями (лавою) появилась новая гора, извергающая камни и издающая звукъ подобно прежней, только слабѣе; высотой она съ домъ, а между камней или лавой бываетъ дымъ. 15 числа посланные для освидѣтельствованія новой горы донесли, что изверженіе ея и громъ непрерывны, только менѣе чѣмъ въ прежде извергавшейся горѣ, вокругъ которой теперь выходитъ отчасти дымъ, что разливъ камней (лавы) остановился, но занимаетъ въ окружности 80 ли. Въ іюлѣ посланный донесъ, что онъ, войдя на вершину прежде извергавшей пламя горы и посмотрѣвъ внизъ (жерла или кратера), не могъ видѣть дна и что оттуда выходитъ чрезвычайно горячій паръ, что вокругъ отверстія (кратера) примѣрно 2 или 3 ли ($1^1/_2$ вер.), что гора имѣетъ вверху около 8 веревокъ (т. е. около 400 фут.), а основаніе въ окружности 7 ли. Новая же гора не велика и имѣетъ въ высоту не болѣе 2 или 3 веревокъ (100 — 150 фут.); но къ ней нельзя подойдти, потому что камни между обѣими горами чрезвычайно горячи, что извнутри горы по прежнему выходитъ дымъ, но нѣтъ блеска огня, разлитіе лавы прекратилось и не слышно болѣе звука.

Изверженіе конечно не возобновлялось, потому что этимъ заключаются оффиціальныя донесенія. Разумѣется всякому, кто только имѣлъ случай видѣть вулканическое изверженіе и быть знакомымъ съ его дѣйствіями, эти донесенія покажутся очень вѣрными, безъ-исскуственными описаніями этого явленія природы. Конечно отъ людей, не имѣвшихъ никакихъ свѣдѣній о вулканическихъ дѣйствіяхъ, нельзя желать болѣе подробнаго и болѣе яснаго описанія. Огонь (т. е. лава), который распространяется по скату, кампи (т. е. уже полузастывшій потокъ лавы), которые подвигались, издавая мѣстами свѣтъ, и потомъ перешли поперегъ рѣки, а за нею остановились и погасли: все это живо списано съ натуры. При изверженіи Везувія 1855 года, которое я имѣлъ случай видѣть, потокъ лавы изъ Val di Vetrana направлявшійся къ La Cercola также перешелъ поперегъ ложины, заваливъ ее отчасти, и погасъ, остановясь передъ мѣстечкомъ Cercola. Переходя къ возможнымъ заключеніямъ изъ этихъ донесеній, мы постараемся прежде всего опредѣлить форму и приблизительные размѣры главнаго вулкана. Что касается до формы, то это былъ несомнѣнно обыкновенный конусъ, какъ у Везувія или Монте Нуово близъ Неаполя, съ основаніемъ въ 7 ли окружности, глубокимъ кратеромъ въ 2 или 3 ли окружности и съ Punta, т. е. возвышенною въ одномъ мѣстѣ окраиною, представляющею самый высокій пунктъ горы, какъ у Монте-Нуово. Что же касается до размѣровъ конуса, то мы можемъ также получить о нихъ приблизительное понятіе. Окружность кратера составляетъ 2 или 3 ли, т. е. 3500 — 5250 футовъ; радіусъ его слѣдоват. составляетъ 550 — 750 ф., среднимъ числомъ 650 ф. Окружность основанія горы 7 ли, т. е. 12250 ф. радіусъ его слѣдоват. около 1950 ф.

Вычитая 650 изъ 1950 получимъ 1350 ф. для основанія треугольника, котораго высота есть высота горы. Принимая въ соображеніе что уголъ, составляемый скатами вулканическаго конуса съ горизонтомъ, бываетъ отъ 25° до 35°, мы имѣемъ въ прямоугольномъ треугольникѣ основаніе и одинъ уголъ из-

вѣстные, и опредѣляя высоту его получимъ 700 до 900 фут. Замѣтимъ что 900 ф. есть предѣльная величина, потому-что скатъ боковъ вулканическаго конуса Уюнь-холдонги не можетъ быть круче 35°. Везувій имѣетъ скатъ 33° и, несмотря на пробитую тропинку, представляетъ затрудненіе для всхода. Если же Китайскій чиновникъ могъ взобраться на конусъ, скоро послѣ изверженія, не разсказывая о встрѣченныхъ имъ трудностяхъ, конусъ Уюнь-холдонги долженъ быть площе конуса Везувія и слѣдоват. мы можемъ считать его менѣе 800 ф. выс. Конусъ въ 800 ф., съ кратеромъ въ 1300 ф. въ діаметрѣ, представляетъ вдвое меньшіе размѣры чѣмъ конусъ Везувія, имѣющій 1600 ф. выс. и кратеръ въ 2100 фут. въ діаметрѣ и поставленный на болѣе плоскомъ и косо срѣзанномъ конусѣ М. Сомма. Что конусъ Уюнь-холдонги также въ свою очередь поставленъ на какомъ нибудь плоско возвышающемся рельефѣ, о томъ свидѣтельствуютъ потоки лавы, текшіе въ разныя стороны, и имѣвшія до $3^1/_2$ верс. длины, такъ какъ они не могли течь иначе, какъ по скату или наклону. Объ абсолютной высотѣ Уюнь-холдонги надъ ур. мор. мы конечно не можемъ сдѣлать никакихъ заключеній, не зная какъ возвышена очевидно гористая или холмистая страна, посреди которой онъ находится.

Что касается до всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ изверженіе, мы можемъ вывесть изъ донесеній слѣдующія заключенія.

Изверженіе въ Уюнь-холдонги было предшествуемо тремя землетрясеніями — въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1720 года.

Изверженій было два: первое въ 1721, другое въ 1722; они вышли черезъ два совершенно различные кратера, отстоящіе на $3^1/_2$ вер. разстоянія одинъ отъ другаго.

Первое изверженіе продолжалось отъ 9 до 12 мѣсяцевъ; второе только одинъ мѣсяцъ.

Оба были изверженія неспокойныя, очень насильственныя, т. е сопровождаемыя сильнымъ громомъ и несмѣтнымъ количествомъ вулканическихъ бомбъ, и въ этомъ отношеніи разли-

чествовали отъ частыхъ изверженій Везувія, которыя, какъ напр. изверженіе 1855 г, отличаются гораздо бо́льшимъ спокойствіемъ, т. е. рѣдкостью вулканическихъ бомбъ и грома.

Главное изверженіе доставило по крайней мѣрѣ четыре различныхъ потока лавы въ разныя стороны: 1) на сѣверъ на протяженіе по крайней мѣрѣ 7 ли, 2) на западъ на протяженіе 3 ли, 3) на в;—тотъ которой перешелъ поперегъ рѣки Удэлинь, 4) на в. же; тотъ который перешелъ поперегъ озера, образовавшагося запрудою рѣки Удэлинь предидущимъ потокомъ.

Конусъ перваго изверженія не представляетъ большихъ размѣровъ: онъ не превосходитъ 800 фут. и слѣдовательно вдвое менѣе конуса собственно Везувія, а потому приближается своими размѣрами къ Монте Барбаро, Чиліано, Астрони, Сольфатарѣ и Монте нуово, т. е. небольшимъ вулканамъ флегрейскихъ полей.

Конусъ втораго изверженія несравненно менѣе: онъ имѣетъ только 150 ф. выс. и находитъ себѣ также аналоги въ нѣкоторыхъ небольшихъ кратерахъ флегрейскихъ полей.

Вообще вулканическая мѣстность Уюнь-холдонги состоитъ, какъ можно заключить изъ всѣхъ донесеній, не изъ одного вулкана, а изъ цѣлой небольшой вулканической области, со многими жерлами и кратерами, подобно флегрейскимъ полямъ на сѣверной сторонѣ неаполитанскаго залива.

Въ этой замѣчательной аналогіи убѣждаемся мы слѣдующими обстоятельствами: 1) слово Уюнь-холдонги означаетъ девять бугровъ и какъ бы указываетъ на присутствіе нѣсколькихъ вулканическихъ конусовъ; 2) вулканическій конусъ втораго изверженія составляетъ очевидно особенный, а не паразитный конусъ на кратерѣ или скатахъ перваго, потому что радіусъ кратера составляетъ только менѣе 100 саженъ, а радіусъ окружности перваго вулкана 280 саженъ, между тѣмъ какъ разстояніе между обоими вулканическими жерлами $3^1/_2$ версты; 3) небольшая высота обоихъ конусовъ; 4) большая рѣдкость изверженій, происходящихъ здѣсь столь же рѣдко, какъ и

во Флегрейскихъ поляхъ и на островѣ Исхіи, а также не постоянно черезъ одно, а черезъ нѣсколько вулканическихъ жерлъ; дѣйствительно изверженіе Уюнь-холдонги не повторялось съ 1721 года, да и въ то время никакое предъидущее изверженіе не жило въ памяти туземцевъ; иначе Китайскіе чиновники упомянули бы объ этомъ, и имѣли бы какое нибудь предварительное понятіе о феноменѣ.

Что же касается до географическаго положенія вулканическихъ полей Уюнь-холдонги, то его можно опредѣлить въ точности. Урочище это находится въ 30 ли (15 вер.) на с. отъ деревни Томочинь на р. Нэмерѣ, а рѣка Нэмерь есть лѣвый притокъ Нони, вытекающій къ В.-Ю.-В. отъ Маньчжурскаго (Сахалянскаго) города Мергэня на р. Нони и имѣющій 150 в. дл. Она означена на картахъ д'Анвиля и Бергхауза. Рѣка Удэлинь, прав. притокъ Нэмери, черезъ который перешелъ потокъ лавы, течетъ съ В. къ З. и соотвѣтствуетъ вѣроятно рѣкѣ Loulaka д'Анвил. карты. Холмистая страна, окружающая Уюнь-холдонги, вѣроятно въ связи съ хребтомъ Илхури алинь, простирающимся паралельно сътеченіемъ Амура, отъ Албазина къ Хэй-лунъ-кяну. Она означена только въ атласѣ д'Анвиля подъ именемъ Ouiun-Holdoni-Alin. Прямое разстояніе вулканической области Уюнь-холдонги отъ Японскаго моря составляетъ — 1000 верстъ, и 1200 отъ озера Байкала. Это есть слѣдовательно *несомнѣнная континентальная вулканическая область*, которой аналогія съ Флегрейскими полями береговъ Неаполитанскаго залива доказываетъ, что между приморскими и континентальными вулканическими дѣйствіями нѣтъ значительнаго различія.

8) *О жень-шэнѣ.*

Знаменитое китайское растеніе *жень-шэнь* (Ginseng) принадлежитъ къ роду Panax (семейство Araliaceae), въ которомъ онъ съ близкими видами составляетъ особенную группу (Aureliana). Сначала всѣ ботаники смѣшивали это растеніе съ найденнымъ въ первый разъ Лафитомъ въ канадскихъ лѣсахъ *Гарантъ-огвеномъ* (Panax quinquefolius), и только Зибольдъ въ новѣйшее вре-

мя обратилъ вниманіе на различіе обоихъ видовъ, а Фр. Неесъ Ф. Езенбекъ сдѣлалъ изъ нихъ два вида: американскій Panax quinquefolius и азіатскій Panax schinseng Nees, къ которому онъ присоединилъ Маньчжуро-Корейскій и Японскій жень-шэнь, также какъ и найденный въ Непалѣ Валлихомъ — Panax pseudoginseng.

К. А. Мейеръ ([99]), по тщательномъ сравненіи имѣвшихся у него матеріаловъ, нашелъ что три азіатскія формы жень-шэня Маньчжурская, Японская и Непальская столь же различны между собою, какъ и с ъ американскимъ гарантъ-огвеномъ, и потому онъ вообще принимаетъ три вида азіатскаго жень-шэня: собственно жень-шэнь, растущій только въ южной Маньчжуріи и Кореѣ — Panax ginseng Mey., Японскій — P. japonicus Mey., растущій только на Японскихъ островахъ, и ложный жень-шэнь — P. pseudoginseng Wall., растущій въ Непалѣ.

Настоящій или маньчжурскій жень-шэнь отличается отъ трехъ сродныхъ съ нимъ видовъ постояннымъ признакомъ, именно остающейся, а не опадающей при основаніи стебля мясистой чешуйкой. Область распространенія жень-шэня очень ограничена, именно Маньчжурія до 47° с. ш. къ Сѣв. и не далѣе меридіана Мукдэня къ Зап., и полуостровъ Корея, гдѣ впрочемъ онъ разводится большею частію искусственнымъ образомъ. Здѣсь онъ растетъ въ глубокихъ долинахъ всѣхъ горъ южной Маньчжуріи и какъ кажется на песчаной почвѣ. Впрочемъ это растеніе уже столь рѣдко въ Маньчжуріи, что, по свидѣтельству Дела-Брюньера, китайскіе герборисы блуждаютъ иногда отъ 10 до 15 лѣтъ, не находя его. Одинъ корень жень-шэня, толщиною въ палецъ, даетъ герборису чистаго барыша 1600 до 2000 руб. сер., что для здѣшняго края есть цѣлое состояніе. Искателямъ жень-шэня выдаются особенные билеты въ опредѣленномъ числѣ. Такъ наприм. въ Шэнъ-кинѣ положено выдавать 1752, въ

(99) См. Meyer Ueber den Ginschen Bulletin de la classe physico-mathém. de l'académ. Impér. des Sciences de St. Pétersb. T. I. 1843. № 22. p. 342—342.

Гирин-улѣ 465, въ Нингутѣ 196, въ Бэдунэ 32, въ Алчукѣ 27, въ Сань-синѣ 33. Такимъ образомъ ежегодно разсыпается по горамъ около 9000 человѣкъ ([100]). Де-ла-Брюньеръ описываетъ характеристически этихъ искателей жень-шэня ([101]): «эти несчастные, говоритъ онъ, не имѣютъ никакихъ средствъ къ поддержанію своего существованія кромѣ исканія жень-шэня. Съ ношею по крайней мѣрѣ въ 80 фр. фун. искатель жень-шэня идетъ на удачу черезъ обширные лѣса, безъ всякой тропинки, то взбирается на горы, то спускается съ нихъ, всегда одинъ съ самимъ собою, одинъ съ болѣзнію, которая можетъ его постигнуть, одинъ противъ хищныхъ животныхъ, обитающихъ вокругъ него, не зная уйдетъ ли онъ завтра отъ ихъ кохтей, питаясь пшеномъ, котораго запасъ онъ несетъ съ собою и нѣкоторыми дикими травами, которыми онъ приправляетъ свою скудную пищу, и это въ продолженіи 5-ти мѣсяцовъ т. е. отъ конца апрѣля до конца сентября. Бѣда ему если онъ отъ времени до времени не взберется на вершину какого нибудь высокаго дерева для обозрѣнія страны, и не поставитъ знаки, которые бы могли руководить стопы его: онъ будетъ блуждать не находя дороги и никто уже не услышитъ о немъ болѣе».

Жень-шэнь есть лучшее тоническое средство въ мірѣ. Когда жизненныя силы истощены совершенно и больной умираетъ, то, по убѣжденію китайцевъ, стоитъ ему дать нѣсколько грановъ жень-шэня и онъ на нѣсколько времени возвращенъ къ жизни ([102]). Миссіонеръ Хюкъ ([103]) утверждаетъ, что мнѣнія о необыкновенныхъ качествахъ жень-шэня преувеличено, однакоже онъ не отвергаетъ, что это растеніе есть превосходное тоническое средство для китайцевъ и возстановляетъ силы, ослабленныя лѣтами и болѣзнію. Но на организаціи европейцевъ, по

(100) De la Brunière Lettre. Ann. de la propag. de la foi T. XX. 1848. p. 213.
(101) О. Іакинов Ст. оп. Кит. Имп. 1842. С. П. Б. Ч II. ст. 226.
(102) Verolles Lettre Ann. de la pr. de la foi. T. XVI. 1844. p. 142.
(103) Huc Voyage en Tartarie en 1844 — 46. Paris. 1850. in 8. T. I. p. 157.

мнѣнію Хюка, жень-шэнь дѣйствуетъ менѣе успѣшно, потому что онъ слишкомъ горячителенъ.

Употребляется въ лекарство одинъ корень жень-шэня; онъ веретеновиденъ и очень шероховатъ, мясистъ, рѣдко достигаетъ толщины мизинца, а длины имѣетъ отъ 2 до 3 дюймовъ. По приготовленіи цвѣтъ его совершенно бѣлый, иногда же слегка желтоватый или красноватый ([104]), стебель высотою не превосходитъ 2 фут., посреди его находится кольцо изъ 4 листьевъ крестообразно симметрически расположенныхъ. Листья сложные, каждый изъ нихъ состоитъ изъ 5 листочковъ, изъ которыхъ средній самой большой ([105]).

Цѣна жень-шэня несмѣтна, почти невѣроятна: въ началѣ прошлаго столѣтія во времена іезуита-миссіонера Ярту, жень-шэнь продавался за тройной вѣсъ серебра, по свидѣтельству Кимай-кима ([106]) въ настоящее время онъ продается за двойной вѣсъ золота. Вероль говоритъ что 1 фунтъ жень-шэня стоитъ 50000 фр. ([107]).

Лучшій жень-шэнь, по мнѣнію китайцевъ, есть самый старый и притомъ дикорастущій, а потому корейскій, разводимый искуственно, считается гораздо ниже качествомъ. На ежегодной Корейской ярмаркѣ онъ продается контрабандою, на что мандарины смотрятъ сквозя пальцы. Цѣна корейскаго жень-шэня (Гаоли-шэня) хотя все еще значительна, но не безразсудна: она составляетъ 200 фр. за франц. фун.

Жень-шэнь въ самомъ Китаѣ извѣстенъ подъ различными названіями. Самое общепринятое въ самомъ Китаѣ есть *жень-шэнь*, которое европейскіе авторы, сообразно съ мѣстными выговорами и съ собственными языками, пишутъ различно, напр. Gin-Seng, Gen-Seng, Gin-Sen, Gin-Sem, Gin-Zing, Jin-Schen, Jän-Säm, Zin-Gin, Schin-Schen, Schin-Sen, Sin-Som.

---

(104) Huc et Voy. en Tartarie. T. I. p. 157.

(105) De la Brunière Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XX. p. 213.

(106) Kimaikim Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. p. 291.

(107) Verolles Lettre Ann. de la prop. de le foi. T. XVI. p. 142.

Въ Маньчжуріи между искателями жень-шэня существуетъ, по свидѣтельству Де ла Брюньера, еще болѣе употребительное названіе *Бамъ-Цюй* (Pam-Tsuei) ([108]), также *Цу-ху*; собственно на маньчжурскомъ языкѣ это растеніе называется *орхота* (orochota, orhota), на японскомъ *Инъ-Синь*, у европейскихъ авторовъ: Ni-si, Nis-ji, Nin-zi, Nin-zini, Nin-dsin, Nin-sing, даже Dsin-dson, Sju-sjin ([109]).

---

§ 12.

Изложеніе II. *Склонъ верхней террасы къ Востоку.*

Не природа страны, но ходъ исторіи вынуждаетъ насъ здѣсь, на Китайской почвѣ, къ совершенно топографическому порядку изложенія; потому что для сношеній народныхъ открыты только отдѣльныя мѣстности, извѣстныя ворота и дороги; между тѣмъ какъ всѣ остальныя совершенно закрыты въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Только знаніе этихъ немногихъ мѣстностей позволяетъ намъ собственно бросить взглядъ во внутренность странъ, и только отъ этихъ пунктовъ можемъ мы перейти къ болѣе общимъ обзорамъ.

О склонѣ нагорной Азіи имѣемъ мы нѣкоторыя точныя свѣдѣнія только изъ ближайшихъ сѣверныхъ окрестностей Пекина, и по симъ свѣдѣніямъ можемъ дѣлать заключенія о другихъ подобныхъ мѣстностяхъ; но и эти свѣдѣнія состоятъ изъ отрывковъ, отчасти сообщенныхъ Іезуитами, которые поднимались на нагорье съ равнины Китая къ сѣверу, отчасти же русскими караванными путешественниками, которые слѣдуютъ

---

(108) De la Brunière, Lettre des bords de l'Ousouri Ann. de la prop. de la foi T. XX. 1848. p. 213.

(109) Meyer Ginschen Bull. de la l'acad. des Sc. cl. Ph. Math. T. I. 1843. № 22. p. 340.

изъ Сибири чрезъ степи нагорной Азіи и спускаются оттуда въ земледѣльческую область Китая.

Источники.

А. Свѣдѣнія со стороны Китая.

1) Патера *Фербиста*, Іезуитскаго миссіонера, путешествія въ Восточную Татарію, въ качествѣ астронома и спутника Императора Канъ-хи: 1-е путешествіе, 1682 г. изъ Пекина въ Гирынь-Улу (43° 30′ с. ш.) при Сунгари Улѣ; 2-е путешествіе, 1683 къ высокой горѣ Печа (Pe-tcha) на С. отъ Пекина; у Du Halde IV p. 88 — 102.

2) Патера *Жербильона*, 8 различныхъ путешествій съ 1688 — 1698 въ нагорной Монголіи по различнымъ политическимъ миссіямъ, у Du Halde IV. p. 88 — 102.

3) *Картографическія съемки* Кит. Имп. и Татаріи, начатыя Отцами: Буве, Регисъ, Жарту и другими членами Іезуитской миссіи, по повелѣнію Императора Канъ-хи въ 1708 — 1715., обработанныя д'Анвилемъ въ Nouv. Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Tubet, à la Haye 1737. fol; а также Observations (П. Региса) géogr. sur la Tartarie, у Du Hald. c. IV. p. 1 — 71. Патеръ Жербильонъ отправился въ 1688 г. изъ Пекина 4 іюня на С. къ плоской поверхности нагорія, за великую стѣну, чрезъ внѣшнія или сѣверныя ворота *Чжанъ-кя-к'у* (Tchang-Kia-keou (1) (*к'эу* значитъ ворота), и оттуда проникъ въ первый горный проходъ; на возвратномъ пути, послѣ Сентябрьскихъ бурь и морозовъ на нагорьѣ, онъ спустился по ущельямъ, ведущимъ къ болѣе восточнымъ воротамъ великой стѣны—Гу-бей-к'эу (Kupe-Keou подъ 134½° В. д. отъ Ф), съ южной окраины верхней террасы въ болѣе низкую равнину провинціи Чжи-ли (Petcheli), въ которой, въ дву-дневномъ отсюда разстояніи прямо на Ю., лежитъ Пекинъ. Къ С.-З. въ однодневномъ разстояніи отъ столицы,

(1) Du-Halde, p. 111—181.

по дорогѣ къ Чжанъ—Кя-к'эу, уже встрѣчаются *первыя внутреннія* ворота Великой стѣны, расположенной здѣсь въ нѣсколькихъ линіяхъ. Они носятъ названіе *Нань-к'эу* т. е. южныя ворота, и отъ нихъ начинаются богатые источники, хорошо обработанныя, теплыя, плодородныя, узкія долины, по которымъ должно проходить въ теченіи 5 дней, то спускаясь, то снова поднимаясь по каменистымъ дорогамъ до внѣшнихъ воротъ Чжанъ кя-к'эу; къ С. отсюда достигаешь уже до высокаго, богатаго пастбищами нагорія. Упомянутыя внутреннія ворота Нань-к'эу, вмѣстѣ съ цѣлою внутреннею стѣною, построены гораздо позже великой стѣны, (*) именно со времени изгнанія Монгольскихъ Государей изъ Китая, смѣнившимъ ихъ Домомъ Минь, (2) который съ особеннымъ рвеніемъ старался защитить свою столицу Пекинъ и всю эту сѣверную часть Китая отъ вторичнаго вторженія изгнанныхъ Монголовъ. По кратчайшему пути на болѣе восточныя ворота Губей-к'эу (гдѣ съ 1724 г. находилась христіанская церковь и община), Патеръ Жербильонъ переплылъ, по собственному своему выраженію, въ теченіи двухъ дней, изъ страны холодовъ въ страну лѣта, въ умѣренный теплый климатъ; потому-что отсюда подошва нагорія понижается еще по направленію къ Пекину тремя уступами или террасами до низменности, ровной подобно поверхности моря.

Чжанъ-кя-к'эу и Нань-к'эу на З., и Гу-бей-к'эу на В., оба къ С. отъ Пекина, составляютъ слѣдов. ворота, ведущія изъ равнинъ къ нагорью; на томъ же самомъ параллельномъ кругѣ, около 41° с. ш., лежатъ еще многія ворота того-же рода, расположенныя въ подобныхъ же мѣстностяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ будутъ описаны ниже. Здѣсь мы приведемъ ихъ геогр.

(*) Напротивъ эта внутренняя стѣна существовала гораздо ранѣе, а внѣшняя пристроена впослѣдствіи, по изгнаніи династіи Юань (Монгольской), такъ что области Сюань-хуа фу Чжилійской и Дай-т'унъ-фу Шансійской провинціи не принадлежали прежде къ срединному царству, а относились къ землямъ нагорныхъ варваровъ. — *Пр. Пер.*

(2) Du-Halde, Descript. I. p. 48.

положеніе, по порядку отъ З. къ В., потому что по этимъ выходамъ только можно ориентироваться (3) на нагоріи.

1) Чжанъ-кя-к'эу, 132° В. д. отъ Ферро, 40° 5′ с. ш. (см. Тимковскаго).

2) Нань-к'эу, почти подъ 133° В. д. отъ Фер., въ ближайшемъ разстояніи отъ Пекина, 40° 8′ с. ш. (*)

3) Гу-бей-к'эу, в 134° 30′. В. д., 40° 43′ с. ш.

4) Хи-фынь-к'эу (Hi-fong-keou) 136° 20′ В. д. 40° 25′ с. ш. (**).

5) Шань-хай-гуань 138° в. д. при морѣ, на прибрежной дорогѣ въ Ляо-дунъ.

Всѣ они ведутъ радіусообразно къ Пекину. (**)

Плоскогоріе ко внутренности своей поднимается отсюда до значительной высоты. Отъ стѣны ведетъ дорога, на протяженіи 60 геог. миль къ С., по значительному подъему. Съ высокаго передоваго уступа Хара-хотонь (Khara Khotun) надо еще подниматься 5 или 6 дней, для достиженія вершины горнаго прохода Хамаръ (Хамаръ-дабанъ), подъ 42° 30′ с. ш. и 135° В. д. отъ Ферро, при горѣ Печа (Pe-tcha) (4), которая принадлежитъ къ первокласснымъ (?) горамъ, хотя съ виду кажется не очень высокою. Съ ея вершины дорога направляется къ С. чрезъ площади, въ которыхъ даже въ іюлѣ и августѣ, на глубинѣ трехъ или четырехъ фут., находятся глыбы и куски льда. Патеръ Жербильонъ (5), нѣсколько разъ проѣзжавшій эти высоты, говоритъ что если подниматься на нихъ съ Сѣв. стороны, то невозможно предполагать, что находишься на высокомъ хребтѣ, и что это становится замѣтнымъ, только по достиженіи южнаго склона. Монголы почитаютъ этотъ хребетъ за одинъ изъ

---

(3) Du-Halde, Descript. I. p. 45.

(*) Между воротами Чжанъ-кя-к'эу и Гу-бей-к'эу есть еще ворота Ду-ши-к'эу.— (Tyschy-Keou) *Пр. Пер.*

(**) Здѣсь пропущены между 2) и 3) ворота Ду-ши-к'эу (Tu Shy-Keou), между 3) и 4) Фынъ-кя-к'эу (Fong-Kia-Keou), между 4) и 5) Ги-линь-к'эу (Ki-Lin-Keou).— *Пр. Пер.*

(4) P. Verbiest, въ Philos. Transact. J. 1686. p. 59. и у Du-Halde. IV. p. 101.

(5) Du-Halde, T. IV. p. 179 и 256.

самыхъ высокихъ на земномъ шарѣ и утверждаютъ, что высота его надъ уровнемъ моря составляетъ 9 ли (10 ли=1 милѣ) или 12000 ф. Съ этимъ показаніемъ Жербильона, высказаннымъ имъ уже тогда, когда множество путешествій убѣдили его въ необыкновенной высотѣ нагорной Азіи въ этихъ странахъ, соглашается и П. Фербистъ, измѣрившій по желанію Императора до 100 горныхъ вершинъ, также какъ и высоту горы Печа надъ уровнемъ моря на В. отъ Пекина; онъ нашелъ, что послѣдняя имѣетъ 300 *геометр. шаговъ*, или 15000 ф. абсолютной высоты. (*).

Среднюю высоту здѣшняго нагорія мы можемъ принять съ большею вѣроятностію въ 8000 ф. (**); наибольшей высоты она достигаетъ на С.-В. при Хинганскихъ (6) горахъ, которыя составляютъ границу между областями Гиринь (Girin) и Учжумъ-цынь (Utchu-Mutchin) и, по мнѣнію О. Жербильона, суть значительнѣйшія высоты между Китаемъ и источниками Амура (45° с. ш., 136° В. д. отъ Ферро). Онѣ впрочемъ не стоятъ отдѣльно, но находятся въ связи съ группою Пе-ча, служащею въ свою очередь продолженіемъ снѣговыхъ горъ Шань-си, къ С. отъ р. Хуанъ-хэ. Всѣ сіи горы составляютъ одну огромную цѣпь, значительной абсолютной, но часто очень малой относительной высоты, какъ это доказываютъ весьма ясно во многихъ мѣстахъ приведенные очевидцы, слѣдовательно горный массивъ, принимающій форму плоскогорія. Онъ простирается отъ р. Хуанъ-хэ къ С.-В. и С. до верхнихъ частей Амура, извѣстенъ Китайцамъ подъ названіемъ *Хинганъ* (Khin-gan у Клапрота; Hing-an у Аб. Ремюза) (7). Эти Хинган-

---

(*) Это совершенно несправедливо. О горѣ Пе-ча, см. ниже дополн. къ § 12.— *Пр. Пер.*

(**) Только 4000 фут. по измѣреніямъ Фусса и Бунге, см. дополн. къ § 5.— *Пр. Пер.*

(6) Du-Halde, IV. p. 494; D'Anville Tartarie Chinoise 1732, и Grosier Atlas de la Chine 1785.

(7) Klaproth, Tableau des plus hautes montagnes de la Chine, Magas. Asiat. Paris. 1826. No III. p. 149; Ab. Remusat la Chine въ Nouv. mél. Asiatiq. Paris. 1829. T. I. p. 9., Alex. v. Humboldt — въ Poggendorf Annalen. 1830 B. 94. p. 6.

скія горы (Jngan у Іезуитовъ, Hinkan-alin на картѣ д'Анвиля) ([8]) пересѣкаютъ нагорье по направленію къ С. (*), отдѣляютъ страну Маньчжу, лежащую на В. отъ нихъ, отъ степи Монголовъ (Шамо) на З, и служатъ водораздѣломъ для рѣкъ, текущихъ на В. къ Сунгари и Нони, а на З. къ Аргуни и степнымъ озерамъ Шамо. Горы эти, вездѣ дикія и холодныя, мѣстами изобилуютъ водою и пастбищами, и кое-гдѣ покрыты кривымъ и полузасохшимъ лѣсомъ, а потому здѣсь есть дичь и кочующіе жители. Сѣверный поворотъ Хинганскаго хребта заставляетъ среднюю часть Амура, ниже Нерчинска, описывать изогнутую къ С. дугу (**) до 53° с. ш; по ту сторону рѣки, въ томъ мѣстѣ гдѣ она пробиваетъ горный хребетъ, сей послѣдній направляется по Сѣверной части Маньчжуріи, составляя границу между Китайскими и Русско-Сибирскими владѣніями, принимаетъ китайское названіе Хинг-анъ-тугурикъ и русское Яблоноваго хребта и на С.-В. направляется къ Охотскому морю.. Упомянутый Хинганъ есть одинъ изъ самыхъ большихъ хребтовъ окраины и составляетъ между З. и В, какъ для народовъ, такъ и для климатовъ, для растительности и всякаго рода произведеній, замѣчательную природную границу, прорванную поперегъ системою рѣки Амура.

В. Свѣдѣнія со стороны Сибири.

Два караванные пути ведутъ изъ Сибири чрезъ плоскогоріе монгольской степи къ равнинамъ Китая; одинъ въ прямой линіи отъ Кяхты на Югъ къ Пекину, другой бо́льшою дугою изъ Нерчинска и Дауріи, черезъ Цурухайтуевскъ, Цицикаръ, Шара Му-

(8) Klaproth, Mém. relat. I. p. 8.

(*) Составляютъ восточную окраину главнаго нагорія, см. дополн. къ § 11.— *Пр. Пер.*

(**) Хотя почти меридіанный хребетъ Доуссэ-алинь и раздѣльный между Сибирью и Маньчжуріею Яблоновый хребетъ, заставляющіе Амуръ описывать такую значительную дугу и извѣстны подъ названіемъ Хинганъ-Тугурика и малаго Хингана, но для предупрежденія всякой сбивчивости ихъ не должно называть этимъ именемъ, оставляя имя Хингана исключительно только одной восточной окраинѣ степи Гоби. — *Пр. Пер.*

рэпь (т. е. черную рѣку) къ Пекину. Оба проходятъ чрезъ узкія горныя ущелья, называемыя Монголами *Калганомъ* (9), отъ Халга по монгол.: ущелье) (*), съ южной окраины въ равнину Пекина; но Кяхтинскій путь идетъ также чрезъ Чжанъ-кя-к'эу (Tschang-Kia-Keou). Горный проходъ, черезъ который входитъ въ Китай Цицикарская дорога, извѣстенъ у Китайцевъ подъ названіемъ Хи-фынъ-к'эу (Hi-fong Keou), и есть самый восточный изъ извѣстныхъ намъ входовъ въ Китайскую Имперію (**).

Вышеупомянутыя трое воротъ китайской стѣны (свѣдѣнія о нихъ у писателей очень спутаны) расположены отъ В. къ З. въ слѣдующемъ порядкѣ: Хи-фынь-к'эу (Hi-fong-Keou), Губей-к'эу (Ku-pe-Keou, наиболѣе извѣстные въ военной исторіи) и Чжанъ-кя-к'эу; всѣ они служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ главными проходами въ нагорную Азію; защищены значительными пограничными караулами (10) и лежатъ у подошвы южной ея окраины къ Пекину. Отъ нихъ начинается низменность такъ быстро, что въ равнинѣ Пекина снѣговатыя вершины высокихъ горъ, вдоль которыхъ тянется пограничная стѣна, уже находятся далеко за видимымъ горизонтомъ (***).

Кяхтинская дорога, какъ прямая линія, представляетъ собою хорду дуги, образуемой Цурухайтуевскою дорогою около Хингана; первая дорога важна для изученія плоскогорія, а вторая даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія о восточномъ склонѣ къ верховьямъ Амура; потому что она огибаетъ дугою всю степную страну, избѣгая ея опасныя и безплодныя пустыни.

---

(9) Lange, Tagebuch einer Karavanenreise von Kiachta nach Pekin. Pallas N. Nord. Beiträge. II. Th. p. 115, и тамъ же Tagebuch einer Reise von Zuruchaitu durch die Mongolei. II. Th. p. 196. Timkowsky I. p. 281.

(*) Въ подлинникѣ ошибочно: «называемые русскими Калганомъ». — *Пр. Пер.*

(**) Кромѣ прибрежнаго Шань-хай-гуаня. Впрочемъ между симъ послѣднимъ и Хи-фынъ-к'эу означены на картахъ еще Ги-линь-к'эу (Ki-lin-keou). — *Пр. Пер.*

(10) Du Halde. Дополненія, V. 23.

(***) Отрасли сѣверныхъ горъ, а тѣмъ болѣе сѣв.-зап. горы превосходно видны изъ Пекина, по свидѣтельству всѣхъ членовъ нашихъ пекинскихъ миссій. — *Пр. Пер.*

I. *Открытіе. В. Поярковъ* 1643 г. *Ерофей Хабаровъ* 1649—52 г.

Этотъ казацкій атаманъ, предводительствуя сотнею охотниковъ на соболей, проникъ изъ Якутска черезъ Даурскія горы къ Амуру, открылъ и покорилъ страну по верховью этой рѣки, и первый появился съ флотиліею на р. Амурѣ. См. G. Fr. Müller Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersb., b. d. Kais. Acad. der Wissensch. 1736 8. Th. II. p. 293 — 445; сравн. съ соч. того же автора: Nachrichten von dem Amurflusse in Büsching's Magasin f. Hist. und Geogr. Th. II. 1764. p. 482 — 518; v. Berg Geschichte der geogr. Entdeckungen der Russen: Unternehmungen des Bojaren Sohns J. Chabaroff. перев. Ольдекопа въ St. Petersburg. Zeitschrift. IV. B. 1822. p. 241.

II. *Мирный договоръ.*

Договоръ этотъ между Россіею и Китаемъ, заключенный китайскимъ государственнымъ министромъ Зо-саномъ (котораго сопровождалъ Пат. Жербильонъ) и русскимъ уполномоченнымъ гр. Головинымъ, въ Нерчинскѣ (Нипчу у Китайцевъ), въ 1689 г., для опредѣленія границъ между обоими государствами. См. Gerbillon second voy. 1689. у Du Halde. IV. p. 242. etc; Müller Samml. Russ. Gesch. Th. I. 6. p. 495 — 515. Th. II. p. 435 etc. J. Klaproth, въ Archiv f. Asiatische Litteratur. St. Petersb. 1810. 4. p. 159 — 209; его же De la frontière russe et chinoise, notes recueillies pendant un voyage en Sibérie en 1806, въ Mémoires relatifs à l' Asie. 1726. 8. T. I. p. 1 — 80. Вслѣдствіе этого опредѣленія границъ и повторенной повѣрки ихъ въ 1727 г., Россія отказалась сама отъ обладанія открытыми ею странами. Если бы не было этого договора, то Россія въ настоящее время имѣла бы тамъ житницу, судоходство и торговлю на Амурѣ, и географическія извѣстія объ этихъ странахъ были бы гораздо обильнѣе (*).

(*) См. ниже дополненія къ рѣчной области Амура. — *Пр. Пер.*

III. *Путешествія каравановъ.*

По пограничнымъ договорамъ между обѣими Имперіями переходъ границъ, по всей неизмѣримой линіи отъ Байкала до Восточнаго океана, считался государственнымъ преступленіемъ; при сосѣдственныхъ отношеніяхъ такого рода, въ теченіи цѣлаго столѣтія, успѣхи землевѣдѣнія сдѣлались невозможными. Только самые пункты, при которыхъ поставлены пограничные камни: рѣки, лѣса, горы, скалы и долины извѣстны въ точности и нанесены на наши карты. Свѣдѣнія же о внутренности нагорія остались въ сущности въ томъ же положеніи, какъ нанесли ихъ на карты іезуиты въ китайскомъ атласѣ, который впрочемъ былъ значительно исправленъ Пат̀еромъ Галлерштейномъ въ новомъ, но весьма рѣдкомъ изданіи, вышедшемъ въ царствованіи императора Кіянъ-Луня, въ 1760 г. въ 104 лист. См. Klaproth. Mém. rel. II. p. 282, и также Nouvelle Carte de l'Asie, revue p. J. Klaproth. publ. p. Berthe. Paris. 1829. Съ 1727 года прекращены прежнія свободныя взаимныя сношенія между обоими государствами, и только два пункта назначены складочными мѣстами для торговли, по опредѣленію подозрительнаго китайскаго правительства; эти пункты, охраняемые пограничною стражею и служащіе съ тѣхъ поръ единственными входами въ нагорную Монголію и Китайскую Имперію, суть: Кяхта на Ю. отъ Байкала и Цурухайтуевскъ на Ю. отъ Перчинска. Съ того времени русскимъ караванамъ позволено только разъ въ три года проникать изъ этихъ рынковъ (*), по вышеупомянутымъ дорогамъ, чрезъ нагорье въ Китай. А потому, въ продолженіи цѣлаго столѣтія, только двѣ дороги были посѣщаемы караванами. Съ 1727 до 1756 г. позволеніемъ этимъ воспользовалось только шесть русскихъ каравановъ. Съ 1762 по 1792 годъ эти караванныя сношенія, совершаемыя на счетъ правительства, были нѣсколько разъ прерываемы, по случаю полити-

*) Нынѣ ежегодно. *Пр. Пер.*

ческихъ споровъ и значительныхъ расходовъ; съ тѣхъ поръ только путешествія послѣднихъ каравановъ сдѣлались важными для географіи именно: Клапрота въ 1806 году, не смотря на его неудачу, потому-что караванъ долженъ былъ возвратится съ китайской границы; а въ 1820—21 г. Тимковскаго и отца Іакинѳа; путешествіе же 1830 г. еще неокончено (*). Всѣ новѣйшія, пріобрѣтенныя путешествіями географическія свѣдѣнія ограничиваются двумя упомянутыми дорогами, восточною и западною. Свѣдѣнія эти излагаются въ слѣдующихъ главнѣйшихъ сочиненіяхъ, которыя мы приводимъ здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ, для облегченія критическаго обзора источниковъ и упрощенія ссылокъ на нихъ.

1) 1692. Eberhart Isbrand Ides (изъ Глюкштата) dreijährige Reise nach China. Amsterd. 1704. 4. Французскій переводъ: Voyage de Moscou à la Chine въ Recueil de Voyages au Nord. Amst. 8. T. VIII. p. 1 — 217; весьма поучительно.

Relation du voyage de M. Everart Isbrand, envoyé à l'Empereur de la Chine en 1692 — 94. p. le sieur Ad. Brand. Amst. 8. 1699.

Ad. Brand. Beschreibung Chinesisch. Reise Anno 1692, in der Suite des Hrn. Eb. Jdes. Frankfurt. 1697. 3-te Ausgabe. Lübeck. 1734. 8; весьма недостаточно и наполнено ошибками противу дневника посланника, Исбранда.

Ад. Брандъ былъ только спутникомъ состоявшимъ въ свитѣ *Исбранда Идесъ*, посланнаго въ Пекинъ Петромъ Великимъ, непосредственно послѣ Нерчинскаго пограничнаго трактата, для устраненія разныхъ встрѣтившихся недоразумѣній. Мы здѣсь будемъ слѣдовать преимущественно обстоятельнымъ путевымъ запискамъ послѣдняго. Въ нихъ описана *восточная* дорога чрезъ Байкалъ и Нерчинскъ къ Аргуни, Цицикару и Пекину, по которой Идесъ слѣдовалъ какъ туда, такъ и обратно. *Первая* карта *Сѣверной Азіи* бургомистра *Витсена*, приложенная ко второй части изданнаго имъ въ Амстердамѣ классическаго сочиненія о

(*) См. Дополненія къ § 12. *Пр. Пер.*

сѣверной и восточной Тартаріи, (въ 1705 г. во II ч.), была исправлена Идесомъ. См. Préface l. c. въ Recueil. VIII. f. 5. Chap. X. до XIII. p. 86 — 115; оно содержитъ описаніе Нерчинскаго нагорія до китайской стѣны и *первую карту*, основанную на астрономическихъ наблюденіяхъ широты, которыя производилъ Идесъ повсюду. См. l. c. p. 172.

2) 1715. *Лор. Ланге* (изъ Стокгольма). *Первое путешествіе съ караваномъ въ Китай.* Ланге, поручикъ русской службы, былъ посланъ Петромъ Великимъ для изученія китайской архитектуры, въ то время когда предположено было выстроить на Финскомъ заливѣ, въ китайскомъ вкусѣ, увеселительный дворецъ Петергофъ, (вмѣстѣ съ англійскимъ хирургомъ Гарвиномъ), въ качествѣ агента къ китайскому двору, для поддержанія дружественныхъ сношеній, и также съ особымъ порученіемъ—собрать точныя свѣдѣнія о китайской торговлѣ и положеніи границъ между обоими государствами (см. Pallas N. N. Beitr. Leipz. 1781. Th. II. p. 83; Klaproth. Mém. rel. I. p. 4). Собранныя свѣдѣнія были важны для направленія торговли; дальнѣйшія изысканія Ланге послужили самыми замѣчательными дополненіями къ географіи и этнографіи нагорья. Ланге былъ впослѣдствіи Иркутскимъ вице-губернаторомъ.

3) 1719. *Лор. Ланге второе путешествіе.* Это и предъидущее путешествіе изданы въ видѣ дневника въ Jetziger Staat von Russland. II. Th. S. 21.

G. J. Unverzagt, die Gesandtsch. Jhro Kais. Majestät von Gross-Russland an den Sinesischen Kaiser. 1719. von Petersburg nach Pekin. Lübeck. 1725. 8.

John Bell of Antermony. Travels from St. Petersburg in Asia. Glasgow. 1763. 4. II. Vol., въ первой части стр. 151 — 350 и во второй стр. 1 — 125.

Петръ I отправилъ къ императору Канъ-хи своего посланника *Льва Васильевича Измайлова* въ Пекинъ, для продолженія дружескихъ и установленія правильныхъ торговыхъ сношеній, а также для переговоровъ о назначеніи русскаго резидента въ

Пекинѣ. *Л. Ланге* былъ секретаремъ этого посольства, англичанинъ *Дж. Белль* медикомъ, а *Іог. Унферцагтъ* состоялъ въ свитѣ; описанія ихъ самыя обстоятельныя. Это путешествіе весьма важно, потому что оно есть *первое* изъ совершенныхъ по *западной* дорогѣ, ведущей отъ Байкала черезъ Селенгинскъ, рѣки Буро (на которой позже основана Кяхта) и Толу (Tula). Путешествіе это знакомитъ насъ съ кратчайшею, прямою, но до тѣхъ поръ еще не посѣщенною и менѣе удобною дорогою, а вмѣстѣ съ тѣмъ впервые и съ природой нагорной степи Гоби. Дорога эта есть единственная въ настоящее время, которою слѣдуютъ изъ Кяхты. См. Дж. Белля Map of the Route. Ланге остался русскимъ торговымъ агентомъ въ Пекинѣ, съ 1721, до 1722 г., когда усилившіяся недоразумѣнія между обоими дворами принудили его къ возвращенію съ послѣднимъ караваномъ въ Селенгинскъ. Разгнѣвавшійся Канъ-хи прекратилъ тогда всѣ торговыя сношенія между обоими государствами, и только его смерть (1723) воспрепятствовала открытію войны между Россіею и Китаемъ. Переговоры объ этомъ и возвращеніе Ланге описаны въ Journal du sieur Lange, contenant ses negociations à la cour de Chine en 1721 et 22, avec des rem. въ Recueil de voy. au Nord. T. VIII. p. 221 — 371. Дневникъ этотъ переведенъ на англійскій языкъ въ Bell Travels. T. II. p. 171 — 321.

4) *Лор Ланге, третье путешествіе съ караваномъ въ Пекинъ.* — Послѣ невыгоднаго для русскихъ Нерчинскаго трактата, императоръ Канъ-хи привыкъ смотрѣть на русскихъ какъ на подвластныхъ себѣ; вслѣдствіе сего между обѣими державами необходимо долженъ былъ произойти разрывъ; онъ хвалился тѣмъ, что смирилъ русскихъ: преемникъ его Тунъ-Чжень (Toung-Tching) (1723 — 1736) потребовалъ окончательнаго утвержденія границъ, для отвращенія всѣхъ до тѣхъ поръ происходившихъ недоразумѣній. Границы были утверждены въ совѣщаніи 10 августа 1727 г., происходившемъ на берегу пограничнаго ручья Боро (или Бура), притока Селенги, на которомъ лежитъ нынѣ Кяхта; вслѣдствіе сего отношенія сосѣдей сдѣ-

лались дружественными, хотя едва не были нарушены вновь возникшими спорами о церемоніалѣ. Трактатъ былъ подписанъ Китайскимъ тайнымъ государственнымъ совѣтникомъ *Та-бина* (называемымъ ошибочно Ли-бу или Ни-бу), также Монгольскимъ княземъ *Церынъ-Ваномъ* и вице-президентомъ военнаго совѣта *Тулишиномъ*, а съ русской стороны графомъ *Саввою Владиславичемъ*. Прежняя пограничная линія, опредѣленная въ 1689 году, черезъ Амуръ и Аргунь, была принята, но на З. продолжена отъ озера Далая (Далай-норъ) къ Селенгѣ, Бухтармѣ, Зайссану и до Иртыша, и на всемъ протяженіи опредѣлена въ точности, въ томъ видѣ въ какомъ она, и послѣ повѣрки въ 1767 году, при императрицѣ Екатеринѣ II, существуетъ донынѣ. Эта длинная, совершенно *нейтральная* линія, отдѣляющая два обширныя государства стараго свѣта и растянутая на 55° долготы съ З. на В. (105 до 160° в, д. отъ Ферро), положила границу дальнѣйшимъ успѣхамъ тамошняго землевѣдѣнія. Со времени ея утвержденія начало процвѣтать основанное на мѣстѣ заключенія трактата, на Югъ отъ ручья Кяхты (отъ котораго получилъ названіе русскій пограничный городъ), китайское поселеніе *Май-маченъ* (т. е. торговое мѣсто), и его караванная дорога получила перевѣсъ надъ оставленною съ тѣхъ поръ восточною Цурухайтаевскою дорогою. . . . . .

Дневникъ, совершеннаго въ 1727 — 28 изъ Кяхты въ Пекинъ, подъ предводительствомъ агента *Лор. Ланге, караваннаго путешествія*, помѣщенный въ Pallas N. N. Beitr 1781. th. II. p. 83 — 169 и переведенный изъ русской, нигдѣ не напечатанной рукописи, содержитъ въ себѣ описаніе перваго отправленнаго послѣ заключенія пограничнаго трактата чрезъ нагорную степь Гоби торговаго каравана, состоявшаго изъ 250 человѣкъ.

5) 1736. *Лор. Ланге четвертое путешествіе съ караваномъ въ Пекинъ.* — Дневникъ совершеннаго въ 1736 — 1737 году караваннаго путешествія, подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Ланге и коммисара Фирсова, изъ Цурухайтуевска (стараго Цурухайтуевска) черезъ Монголію въ Пекинъ, помѣщенъ въ

Pallas. N. N. Beiträge. Theil II. p. 160 — 207. Онъ весьма важенъ, какъ единственное, послѣ отчета Исбранда Идеса, описаніе восточной дороги; ибо въ Китай путешественники слѣдовали этою восточною дорогою, а обратно — прямою Кяхтинскою, проходящею чрезъ нагорную степь Гоби.

6) 1805 — 1806. *Путешествіе Клапрота черезъ Кяхту до Урги.* — Оно сдѣлалось важнымъ для успѣховъ Географіи, а въ особенности для Этнографіи нагорной Азіи, хотя и не по непосредственнымъ своимъ результатамъ. Проэктъ новаго русскаго посольства, составленный въ царствованіи императора Александра I, дипломатическая часть котораго была поручена Гр. Головкину, а ученая знаменитому Гр. Потоцкому, былъ приведенъ въ исполненіе только въ половину. Многочисленная миссія, при которой, въ числѣ сопровождавшихъ ея ученыхъ, находился и Клапротъ (изъ Берлина), отправилась чрезъ Иркутскъ въ Кяхту, куда и прибыла 17 октября. Здѣсь она была задержана переговорами въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ. 1-го января 1806 г. перешла она чрезъ Китайскую границу и проникла до Урги, Монгольскаго города, лежащаго въ 40 мил. на Ю. отъ этой границы; но здѣсь споры о китайскомъ церемоніалѣ, на унизительныя формы котораго миссія не рѣшилась согласиться, принудили ее возвратиться, послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ этомъ городѣ. Не смотря на полную дипломатическую неудачу этого посольства, ни одно изъ предшествовавшихъ можетъ быть не принесло болѣе пользы географіи центральной Азіи, потому-что оно обратило въ ея пользу всѣ силы замѣчательнѣйшаго лингвиста по части средне-, восточно- и сѣверно-азіатскихъ нарѣчій, котораго неутомимая дѣятельность дала азіатской этнографіи и географіи чрезвычайно богатую критическую, обновленную историческую форму. См. J. v. Klaproth Bemerkungen über die Chines. Russische Grenze, 1806. Sprache und Schrift der Uiguren. p. 403 — 576 въ его Reise in den Kaukasus 1801 — 1808, Th. II, 1814. 8; его Asiat. Archiv. 4. Petersb. 1810; его Asiatisches Magazin. 8. 2 Th. Weimar. 1802.

его Mém. rel. à l'Asie III vol. Paris. 1826 — 28; его Magasin Asiat. II Tom. Paris. 1825 — 1826. его Asia Polyglotta. Paris. 4. 1823; его Tableaux historiques de l'Asie, avec Atlas. Paris. 1826. 4. и весьма много статей въ Journal Asiat. и т. д.

7) 1819 — 21. *Тимковскаго путешествіе съ миссіею въ Пекинъ.*—По трактату 1689 г., границею между обоими государствами была назначена вытекающая изъ Хинганскаго хребта рѣчка Горбица, небольшой притокъ верхняго Амура, первый изъ впадающихъ въ него съ лѣвой стороны, по соединеніи Шилки и Аргуни. Русскіе, для которыхъ заключенный трактатъ былъ невыгоденъ, перешли нѣсколько позднѣе чрезъ эту рѣчку и основали крѣпость Албазинскъ (по китайски Якса), въ 30 миляхъ далѣе на рѣкѣ Амурѣ, съ цѣлію удержать за собою судоходство по этой рѣкѣ. Китайцы нѣсколько разъ нападали на эту крѣпость и наконецъ разрушили ее въ 1795 году, и отвели находившихся въ ней казаковъ и другихъ русскихъ военноплѣнными въ Пекинъ. Сначала это обстоятельство возбудило много недоразумѣній и споровъ, но послужило поводомъ къ устройству торговыхъ сношеній, и къ основанію въ Пекинѣ русской колоніи и русской церкви со школою. Церковь эта была построена послѣ заключенія трактата 1728 года, снабжена причетомъ изъ духовныхъ лицъ и 4 свѣтскими чинами, получила полную свободу отправленія богослуженія, и съ того времени постоянно поддерживалась русскимъ правительствомъ. Чрезъ каждые 10 лѣтъ опредѣлено было отправлять въ Пекинъ новую миссію, на смѣну прежней; при семъ возвращавшіеся въ Россію духовные смѣнялись, а свѣтскія лица должны были уже знать основательно Китайскій и Маньчжурскій языки. Для такой смѣны отправлена въ 1819 году миссія, подъ начальствомъ коллежскаго ассесора Г. Ф. Тимковскаго, при особомъ содѣйствіи азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, чрезъ Кяхту и Ургу и далѣе по западной дорогѣ, чрезъ нагорную степь Гоби въ Пекинъ. Для возвратнаго пути миссія предпочла бы охотно

восточную дорогу, на Цурухайтуевскъ, еслибъ китайскіе чиновники, по корыстнымъ видамъ, не нашли для себя болѣе выгоднымъ провести ее по той же самой дорогѣ на Ургу. Благосклонный пріемъ этой миссіи въ Пекинѣ доставилъ ей возможность обозрѣть страну гораздо свободнѣе, нежели могли это сдѣлать предшествовавшіе путешественники; въ особенности поучительны путевыя наблюденія на нагорьѣ, хотя въ нихъ нѣтъ ни ученыхъ естественно-историческихъ свѣдѣній, и кромѣ того не достаетъ въ особенности необходимаго, для точнаго знанія этого нагорья, ряда измѣренія высотъ; такихъ измѣреній должны мы ожидать отъ нынѣ (1831 г.) посланной туда миссіи, какъ результата предположенной нивелировки черезъ все плоскогоріе (*). Путешествіе Тимковскаго преимущественно обогащено туземными источниками о нагорной Азіи, почерпнутыми изъ китайской литтературы, архимандритомъ отцомъ Іакинѳомъ Бичуринымъ, во время долговременнаго его пребыванія въ Пекинѣ.

Тимковскаго путешествіе, русскій оригиналъ, напечатанный въ С.Пбургѣ въ 1824 году, на счетъ государственнаго казначейства.

G. Timkowski. Reise nach China, durch die Mongolei in den Jahren. 1820 — 21; *Нѣмецкій переводъ* Шмита (3 част. Лейпц. 1825. 8.) къ сожалѣнію совершенно негоденъ для ученаго употребленія, потому-что многочисленныя ошибки подлинника увеличены несмѣтнымъ количествомъ новыхъ и отсутствіемъ здравой критики. Переводъ этотъ повергаетъ знаніе восточной Азіи въ тотъ хаосъ, въ которомъ оно находилось за сто лѣтъ тому назадъ.

G. Timkowski, voyage á Péking à travers la Mongolie, traduit du russe p. M. M., revu par J. B. Eyriés, publié avec corrections et des notes p. J. Klaproth, avec Atlas, T. I. II. Paris. 1827. 8. есть единственное изданіе, которое можетъ быть употребляемо для ученыхъ цѣлей, и на которое мы будемъ ссылаться въ этомъ сочиненіи

(*) См. ниже дополненіе къ § 12. — *Пр. Пер.*

IV. *Естествоиспытатели.*

Исключая прежнихъ извѣстныхъ наблюдателей природы, путешествовавшихъ въ этихъ странахъ, какъ: Мессершмита, Гмелина, Палласа, Репованца, Сиверса и др., которыхъ сочиненія будутъ приведены ниже, при описаніи самыхъ предметовъ ихъ изслѣдованія, можемъ, говоря здѣсь о странахъ къ Югу отъ Байкала, указать только на краткіе отчеты двухъ естествоиспытателей, которые, во время недавнихъ путешествій своихъ, хотя изслѣдовали только сѣверный склонъ плоскогорья и не заходили далѣе окрестностей Кяхты, однакоже принесли много пользы землевѣдѣнію этихъ странъ.

1826 — 1828. *Hess*, Aperçu géognostique des contrées au de-la du lac Baikal. p. 11 — 16, въ Séance extraordinaire tenue de l'Academie Impériale des sc. de St. Petersb. ib. 4. 1729.

Его же: *Hess* Adjunct der Akademie, Geognost. Beobacht. auf einer Reise von Jrkutzk nach Kiachta, въ Леонгардовой Zeitsch. für Mineralogie. 2. B. 1827. p. 321 — 348. 1828 — 1829. *A. Erman.* Dr. (изъ Берлина) *Sibirische Reise*: Excursion von Jrkuzk nach Kiachta und Reise über Jrkuzk nach Ochozk, въ Бергхаузовыхъ Annalen der Erd-, Völker- und Staaten-Kunde, Berlin. 1829. 1. Th. p. 73 — 97 и 185 — 212; статья эта есть предварительное обозрѣніе весьма любопытнаго большаго сочиненія этого автора о его путешествіи. Скорое изданіе сего сочиненія весьма желательно (*).

V. *Туземные китайскіе и монгольскіе источники.*

Вновь оживленное изученіе восточныхъ языковъ обогатило во многихъ отношеніяхъ Географіи восточной и сѣверной Азіи, и мы изложимъ при описаніи каждой мѣстности, съ указаніемъ источниковъ, результаты этихъ усилій, совершенныхъ въ поль-

(*) Три тома сочиненіе Эрмана Reise um die Erde изданы въ Берлинѣ въ 1833, 1838 и 1848 годахъ. *Пр. Пер.*

зу науки. Сюда принадлежатъ, сверхъ безчисленныхъ отдѣльныхъ данныхъ, слѣдующіе важнѣйшіе источники, подвинувшіе впередъ знаніе этой части нагорной Азіи.

1) Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhaüses, von *I. I. Schmidt* aus dem Mongol. übersetzt mit Anmerkungen. St. Petersb. 1829. 4. Сочиненіе это, важное для сравнительной Географіи и Этнографіи нагорья, есть единственный изъ доселѣ извѣстныхъ монгольскихъ источниковъ для исторіи и географіи этой страны.

2) *Очеркъ географіи и этнографіи Монголіи, переведенный изъ китайской государственной географіи Маньчжу* (Thai-zin-y-thung-tchi, Да-цинъ-и-т'унъ-чжы, 2 edit. Peking. 1790), у Timkowsky voy. II. ch. 15. p. 207 — 364.

3) *Географія страны Оросовъ* (т. е. Русскихъ), изъ той же китайской государственной географіи см. въ Klaproth. Mém. rel. à l'Asie. T. I. p. 81 — 116.

4) *Путешествіе китайскаго посланника* монгола *Тули-шена* изъ Пекина чрезъ нагорную Гоби къ Селенгѣ и чрезъ Сибирь къ хану торготскихъ калмыковъ на Волгѣ 1712—1715. Этотъ отчетъ путешествія написанъ самимъ китайскимъ посланникомъ, который, въ 1719 году, въ качествѣ Императорскаго чиновника, сопровождалъ караванъ Ланге до Пекина, и который послѣ, въ 1728 г., въ качествѣ китайскаго уполномоченнаго, подписалъ пограничный трактатъ. Первыя извлеченія изъ этого интереснаго для знанія нагорья путешествія были сообщены Патеромъ Гобилемъ въ Mém. des Chinois T. II. p. 407 — 418; P. E. Souciet въ Observations mathém., astronomiques, géogr. etc. Paris. T. I. p. 148 — 165; и Мюллеромъ въ Sammlung Russ. Gesch. T. I. p. 327 — 348, съ примѣчаніями. Но полнымъ переводомъ китайскаго подлинника обязаны мы одному изъ лучшихъ знатоковъ китайской литературы и языка.

Narrative of the Chinese Embassy to the Khan of Tourgouth Tartars in the year 1712 — 15 by the Chinese Embassador and published by the Emperors authority at Pekin. Translated from the

Chinese and accompanied by an appendix by Sir *George Thomas Staunton* Esq. Lond. 8. 1821. Сравни рецензію въ Journal des Savans Mai. 1821. p. 260 etc.

5) *Abel Rémusat Recherches sur la ville de Kara-Korum* (Holin) avec des eclaircissemens sur plusieurs points obscurs de l'histoire et de la géographie de la Tartarie pendant le moyen age. Paris. 4. 1825. Достаточно назвать знаменитаго автора, который основалъ научное изученіе китайскаго языка и давно извѣстенъ сюда же относящимися классическими Recherches sur les langues tartares. Paris. 1820 и столь богатыми по содержанію своему Mélanges asiatiques. Paris. 1825 et 26. II. Vol., также Nouv. Mél. asiatiq. Paris. 1828 et 29. II. vol., чтобы вспомнить о многочисленныхъ туземныхъ источникахъ восточно-азіатской литературы, которые, вслѣдствіе его изысканій и многоразличныхъ ученыхъ сообщеній, сдѣлались столь важными и для успѣха географіи восточной нагорной Азіи. Мы должны здѣсь упомянуть съ благодарностію, что личнымъ сообщеніямъ этого автора, также какъ и Клапрота, сочиненіе наше обязано немалымъ числомъ новыхъ свѣдѣній и указаній.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 12.

1. Новѣйшіе источники о восточной и юго-восточной окраинѣ нагорной Азіи.

1) *Плаванія по Амуру.*

Здѣсь мы можемъ назвать журналы: чиновника *Свербѣева*, чиновника Министер. Удѣловъ *Пермикина* и горнаго инженера *Аносова*, которые будутъ всѣ напечатаны въ Зап. Сибир. Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ., и Leopold Schrenk, Lettre въ Bullet. physico-matematique de l'Acad. Impér. des sciences á St.-Petersb. T. XVI. No 12.

2) *Русскія миссіи въ Китай.*

Съ 1830 года ихъ было три:

Первая въ 1830 году, возвратившаяся въ 1832, подъ руководствомъ Генеральнаго Штаба полковника Ладыженскаго. При ней были: астрономъ Фуссъ и ботаникъ Бунге, произведшіе нивелировку степи Гоби и астрономическія опредѣленія, также горный инженеръ Кованько.

Труды Фусса и Бунге изложены: въ G. Fuss, geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen abgeleitet aus einer Beobachtung auf einer Reise die in den Jahren 1830 — 32 nach Sibirien und den chinesischen Reiche unternommen wurde, въ Mém. de l'Academie Imper. des sciences à St.-Petersb. VI serie sc. mathem., phys. et natur. T. III. 1-re livr. St.-Petersb. 4. 1835.

Кованько написалъ: геогностическій взглядъ на окрестности Пекина въ Горномъ Журналѣ 1838 г. кн. II. ст. 4.

Вторая миссія въ 1840 г. возвратилась въ 1842 г., подъ руководствомъ П. И. Любимова (нынѣ директора Азіатскаго департамента). Она была снабжена хорошими инструментами и окончательно устроила магнитно-метеорологическую обсерваторію въ Пекинѣ. При ней находился *г. Гошкевичъ*, въ теченіи 10 лѣтъ совершавшій метеорологическія наблюденія въ Пекинѣ, которые обнародованы въ Kupffer Annuaire magnet. et météorolog., и также В. П. Васильевъ, который, послѣ 10-лѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, вывезъ оттуда множество драгоцѣнныхъ книгъ и рукописей историческаго и географическаго содержанія. Нѣкоторыя изъ нихъ уже отчасти имъ уже разработаны во многихъ печатныхъ и рукописныхъ статьяхъ.

Третья — въ 1850 г., возвратилась въ 1852, подъ руководствомъ полковника Ковалевскаго.

Ковалевскій написалъ: Путешествіе въ Китай, С. П. Б. 1853. 8. 2 части.

Труды членовъ Пекинской миссіи, С. П. Б. 8. I-й томъ вышелъ въ 1852, II-й въ 1853.

3) *Туземные, китайскіе и маньчжурскія источники.*

Мы встрѣчаемъ важныя интересныя данныя для гео-и этнографіи этой части нагорной Азіи еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ, основанныхъ на разработкѣ китайскихъ источниковъ.

a) *О. Іакинов*, Статистическое описаніе Китайской имперіи, С. П. Б. 8. 1842. 2 части.

b) *Его же*, Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена, С. П. Б. 1851. 8. 3 части.

Множествомъ очень интересныхъ и важныхъ свѣдѣній о сѣверо-восточной окраинѣ нагорной Азіи обязанъ я нашему почтенному синологу В. П. Васильеву, сообщавшему мнѣ всѣ свои рукописные переводы и замѣтки.

4) *Съ южной стороны.*

Католическіе миссіонеры Хюкъ и Габе проникали на Монгольское плоскогоріе и совершили отъ С.-В. къ Ю.-З., большею частію по его окраинѣ, свое знаменитое путешествіе, заключающееся въ сочиненіи:

Huc Souvenir d'un Voyage dans la Tartarie, la Thibet et la Chine pendant les années 1844, 45 et 46 Paris. 8. 2-me edit. 1853. 2 volum.

II. Гора Пе-ча къ С.-С.-З. отъ Чэнъ-дэфу (Же-хэ).

Вопросъ объ упоминаемой Риттеромъ горѣ Пе-ча (Pe-Tcha) принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ въ орографіи сѣверо-восточной Азіи. Существуетъ ли на юго-вост. Монгольской окраинѣ гора въ 15000 фут. или пѣтъ?

Гора Пе-ча означена только на картѣ Гримма, между верховьями рѣки Имаду, впадающей въ Луань-хэ и рѣки Ло-ха, впадающей въ Шара-мурэнь. Дѣйствительно направленія рѣкъ показываютъ, что самый высокій горный массивъ юго-вост. угла окраины Монгольскаго нагорья простирается несомнѣнно здѣсь, въ этой части области Чэнъ-дэфу, въ которой берутъ начало истоки многихъ рѣкъ, какъ напр. Имаду и Несу изъ системы Луань-хэ,

два истока Лохи, три — Шара-мурэни, нѣсколько притоковъ Шаньду-.ола, т. е. верхняго Луань-хэ. Только страннымъ мнѣ казалось, что имя горы Пе-ча, которую П. Фербистъ нашелъ въ 15000 фут. высоты, какъ бы утонуло въ морѣ забвенія, потому-что съ тѣхъ поръ никто не упоминаетъ болѣе объ этой замѣчательной горѣ.

Потому я просилъ В. П. Васильева поискать нѣтъ ли чего нибудь о горѣ Ре-Tcha въ обширномъ географическомъ сочиненіи «Чэнь-дэфу-чжи», т. е. полномъ описаніи области Чэнъ-дэфу, изданномъ въ Пекинѣ въ 1831 году. Результатомъ изысканій, сдѣланныхъ столь обязательно В. П. Васильевымъ, было то, что горы Ре-Tcha не оказалось, не смотря на то что китайская географія перечисляетъ или описываетъ болѣе 70 горъ Чэнъ-дэфусской области. Единственная Бай-ча (Ре-Tcha), упоминаемая китайскою географіею, находится не въ истокахъ Имаду, а не очень далеко къ С.-В. отъ воротъ Хи-фынь-к'эу (Hi-Fong-Keou), слѣдовательно къ Ю.-В. отъ Чэнъ-дэфу. Она не можетъ имѣть ни малѣйшей претензіи на исполинскую высоту, потому-что на вершинѣ ея, еще со времени Юаньской династіи, находилась кумирня, и вообще эта гора не привлекаетъ особеннаго вниманія китайской географіи, выражающагося обыкновенно стихами, написанными императорами или другими поэтами къ высокой горѣ и покровительствующимъ ея духамъ. Потому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта Бай-ча ничего не имѣетъ общаго съ Ре-Tcha патеровъ Жербильона и Фербиста и Карла Риттера.

Но дѣйствительно въ верховьяхъ Имаду находится высокая гора, привлекавшая вниманіе императоровъ и поэтовъ и удостоившаяся многихъ стиховъ. Гора эта называется Би-кя (Pi-Kia), по сѣверному произношенію Би-цзя, что конечно и дало поводъ миссіонерамъ исказить имя ея въ Ре-Tcha. Подъ словомъ Би-цзя Китайцы разумѣютъ горку, на которую они обыкновенно кладутъ кисти, которыми они пишутъ, и которая для этой цѣли имѣетъ форму тройной или трехъ-вершинной горы.

Точно такую же форму имѣетъ и гора Би-кя Чэнъ-дэфусской области.

Вотъ что сказано объ этой горѣ въ китайской географіи: (XVI. 17): «Она находится въ 15 ли на В. отъ деревни Хуанъ-гу-чунь, прямо на В. отъ походнаго дворца въ деревнѣ Борохэтунь и состоитъ изъ трехъ пиковъ, изъ которыхъ средній возвышается надъ равными между собою боковыми, такъ что она походитъ на горку для кистей (Би-кя), отъ чего и получила свое названіе». Гора Би-кя своею высотою плѣнила вниманіе многихъ поэтовъ, изъ которыхъ между прочимъ императоръ Кянъ-лунь говоритъ: «три сопки горы Би-кя возвышаются надъ *всѣми* горными хребтами, *синѣютъ* съ незапамятныхъ временъ! Она такъ высока что трудно разсмотрѣть ея вершину и поэтъ невольно играетъ кистью (т. е. пишетъ стихи) при видѣ ея» . . . .

Деревня Хуанъ-гу-чань, по свидѣтельству китайской географіи, лежитъ въ 120 ли (60 вер.) на З. (вѣроятно на З.-С.-З.) отъ уѣзднаго города Фынъ-нинъ-хянъ. Городъ же этотъ находится на р. Иссу-бира, а деревня Хуанъ-гу-чунь слѣдовательно на р. Имаду-голѣ и вся оріентація приводитъ насъ прямо къ истокамъ Имаду, на мѣсто горы Ре-Тсha. Послѣднее сомнѣніе въ тождествѣ обѣихъ исчезаетъ при выраженіи Кянъ-луня, что «Би-кя возвышается надъ всѣми горными хребтами», потому-что и Ре-Тсha считалась самою высокою изъ всей горной страны.

Замѣтимъ что уже изъ выраженія императора Кянъ-луня слѣдуетъ что Би-кя, хотя *самая высокая въ главномъ массивѣ горной страны, не достигаетъ снѣжной линіи*, потому-что иначе верхушка ея *бѣлѣла* бы, а *не синѣла*. Тоже слѣдуетъ и изъ показанія китайской географіи, которая вообще тщательно упоминаетъ *о снѣжныхъ горахъ* (Сюэ-шань), вездѣ гдѣ такія дѣйствительно существуютъ. Тоже можно заключить и изъ путешествія Хюка и Габе, которые, на пути своемъ съ рѣки Шарамурэни (княжества Оннотъ) въ Долонъ-норъ, переходили черезъ одинъ изъ горныхъ проходовъ этого высокаго массива, именно

Санинъ-ола, лежащій въ самыхъ истокахъ Шара-мурэни. При этомъ Хюкъ однакоже не упоминаетъ ни о какихъ *снѣжныхъ* горахъ, которыя онъ непремѣнно долженъ былъ видѣть, еслибъ Би-кя или другая гора этого массива достигала до снѣжной линіи.

Гора Би-кя лежитъ приблизительно подъ $42^1/_2^\circ$ с. ш. Вотъ на какой высотѣ снѣжная линія находится въ этой зонѣ на земномъ шарѣ: въ Пиренеяхъ, подъ $42^1/_2^\circ$—43° с. ш., снѣжная линія находится на высотѣ 8400 ф. (1400 туаз.); въ малой Азіи, горѣ Аргеѣ или Анжишъ-тагъ подъ $38^1/_2^\circ$ с. ш., на высотѣ 10000 ф. (1674 туаз.); на Араратѣ, подъ $39^2/_3^\circ$ с. ш., на высотѣ 13000 ф. (2216 туаз.); на кавказскомъ Ельбрусѣ, подъ $43^1/_3^\circ$ с. ш., на высотѣ 10400 (1730 туаз.); въ Чжунгаріи на Алатау, подъ 40° с. ш., на высотѣ не менѣе 9600 ф. (около 1600 туаз.); наконецъ въ Скалистыхъ горахъ (Rocky mountains) Америки, подъ 43° с. ш., на высотѣ 11700 ф. (1950 туаз.) (1). Слѣдовательно, предполагая даже что высота снѣжной линіи на Монгольской окраинѣ должна была бы быть между 11 и 12000 ф., мы не можемъ считать высоту Би-кя болѣе 10000 ф. Слѣдовательно мнимая высота горы Ре-Тсha, въ 15000 ф. надъ ур. моря, исчезаетъ, какъ миражъ или призракъ передъ географическимъ изслѣдованіемъ, приводящимъ насъ къ непосредственному заключенію, что во всей этой горной странѣ, *ни вѣчныхъ снѣговъ, ни такой колоссальной горы не существуетъ*, и что измѣренія Фербиста принадлежатъ къ такимъ же преувеличеніемъ, какъ и мнимая высота плоскогорія Гоби, которая изъ 8000 ф., при точныхъ измѣреніяхъ русской экспедиціи (Фусса и Бунге), спустилась до 4000 ф. ср. выс.

---

(1) О высотѣ снѣжной линіи въ умѣренной зонѣ 37 — 43° с. ш. см. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Th. II. p. 203—207.

§ 13.

Изложеніе III. *Восточная дорога чрезъ Хинганскую горную цѣпь или Хинь-'ань-ола.*

Нерчинскъ (51° 45′ с. ш.) и *Пекинъ* (40° с. ш.) суть замѣчательнѣйшіе и важнѣйшіе города, лежащіе почти въ томъ же меридіанѣ (114° 2′ В. д. отъ Парижа; В. 134° отъ Ферро) на сѣверной и южной окраинѣ восточно-азіатскаго плоскогорія, которое между этими городами составляетъ высокія и обширныя площади. Средина, составляющая наименѣе гостепріимную часть ихъ, растянута отъ Ю.-З. къ С.-В., и вполнѣ заслуживаетъ Монгольское названіе *Гоби*, т. е. пустыни и Китайское *Шамо* т. е. песчанаго моря (или Хань-кай у Де-гиня) (*). Различіе 12° широты между обоими городами составило бы по прямой линіи разстояніе между ними въ 132 геогр. миль. Въ этомъ направленіи по кратчайшей дорогѣ, почти по меридіанной линіи обоихъ городовъ, все плоскогоріе было пройдено въ 1689 г. Іезуитами Перейра и Жербильономъ, которые сопровождали Китайское посольство, заключившее мирный договоръ въ Нерчинскѣ. Путь ихъ, на который они употребили $1^1/_2$ мѣсяца (отъ 13 іюня до 31 іюля), шелъ отъ Пекина чрезъ ворота Великой стѣны Губей-к'эу и оттуда прямо къ С. чрезъ высшую часть Хинганскаго хребта, называемую Пе-ча (Pe-tcha), мимо лежащаго на сѣверной его сторонѣ степнаго озера Даль-норъ (Taal-nor, Норъ значитъ озеро), по срединѣ степи чрезъ рѣку Кэрулэнь (Kerulen) на З. отъ озера Далай, (**) и оттуда же въ прямомъ направленіи къ русско-сибирской крѣпости Нерчинску (по Китайской Нипчу) на Амурѣ (по Маньчжурски Сахалянь) (***).

(*) Описываемая степи называется по китайски *Ша-мо*, что значитъ сѣверная безплодная степь, и *Хань-кай*, что значитъ Сѣверное море. См. Стат. Опис. Кит. Имп. О. Іакинѳа, Ч. II. стр. 232. — *Пр. Пер.*

(**) Озеро Далай-норъ, называется по монгольски *Хулунь-норъ*, оно образуется водами р. Керулэни. — *Пр. Пер.*

(***) Въ подлинникѣ сказано ошибочно по китайски, китайское названіе есть — *Хэйлунь-кянъ*, что значитъ отъ слова до слова: чернаго дракона рѣка. — *Пр. Пер.*

Они описали подробно эту дорогу и, измѣривъ ее во всѣхъ ея извилинахъ отъ воротъ великой стѣны, откуда они начали подниматься на плоскогорье, нашли, что она составляетъ 165 геогр. миль (2391 ли, полагая 10 ли, на льё, или на 1° шир. 220 ли). (1)

Линія эта, пересѣкающая намъ нагорную Гоби, въ меридіанѣ Перчинска и Пекина, представляетъ весьма удобное дѣленіе, чтобы ориентироваться въ этихъ столь обширныхъ пространствахъ, лишенныхъ другихъ опорныхъ точекъ. Второй удобный и легко замѣтный меридіанъ такого рода лежитъ на цѣлые 10° далѣе къ З., и есть именно меридіанъ Кяхты (104° В. д. отъ Пар; 124° отъ Ферро) который, въ продолженіи своемъ на югѣ, касается западнаго берега большой *сѣверной дуги р. Хуанъ-хэ* и проходитъ чрезъ городъ Нинъ-хя (38½° с. ш.) Меридіанъ сей пересѣкаетъ также Гоби во всю ширину ея; между обоими меридіанами лежитъ большой квадратъ плоскогорія, пересѣкаемый діагонально знаменитою и хорошо изслѣдованною кяхтинскою дорогою. Мы называемъ это пространство, сдѣлавшееся болѣе извѣстнымъ, *среднею Гоби*, въ противуположность съ ея *западною* и *восточною*, въ настоящее время еще неизвѣстными частями, изъ которыхъ первая примыкаетъ болѣе къ возвышенностямъ собственно центральной Азіи, а вторая служитъ переходомъ къ рѣчной области Амура въ странѣ Маньчжу. Всѣ эти пространства сдѣлались намъ извѣстными, основываясь на путешествіяхъ отдѣльныхъ каравановъ, только по извѣстнымъ линіямъ; а потому съ этихъ линій должны начинаться наши изысканія, и такимъ только путемъ можемъ мы дойти до нѣкотораго познанія восточной окраины этого великаго естественнаго типа.

Часть нагорья, лежащая на В. отъ Перчинско-Пекинскаго меридіана, извѣстна намъ только изъ трехъ различныхъ путевыхъ отчетовъ: именно Исбранда Идеса 1692, четвертаго

---

(1) Müller, S. Russiche Gesch. II. 416. Du-Halde IV. p. 196—248.

путешествія Ланге 1736, и осьмаго или послѣдняго путешествія О. Жербильона 1698. Два первыя путешествія совпадаютъ на одной и той же дорогѣ на Цурухайтуевскъ и Цицикаръ, и пересѣкаютъ Хинганскій хребетъ при горахъ Ялo, обходя его на восточномъ склонѣ; путь же Іезуитскаго Патера лежитъ далѣе къ З., пересѣкаетъ Хинганъ при истокахъ р. Шара-мурэнь и Тень-бира (Teng-pira, 116° В. д. отъ пар.) и продолжается по внутреннему западному склону этого хребта до Далай-нора.

Путь каравановъ изъ Нерчинска чрезъ Аргунь, Цурухайту, Цицикаръ (Нонь-хотонь, Naun-kotun) по юго-восточному склону Хингана къ великой стѣнѣ и въ Пекинъ.

Эта болѣе длинная дуга, по свидѣтельству Ланге и измѣренію станцій, произведенному Русскими, простирается на 252 геогр. м. (1768 верстъ) ([2]), и слѣдов. на 72 мили длиннѣе вышеупомянутаго прямаго пути. Путь сей болѣе удобенъ и былъ прежде болѣе посѣщаемъ, но почти совершенно оставленъ Европейцами и купцами ([3]), со времени проложенія кратчайшаго, въ слѣдствіе основанія Кяхты. Какъ настоящая цѣль наша есть разсмотрѣніе восточной окраины, то здѣсь выбрасываемъ мы 89 геогр. миль (625 в.) пути отъ Нерчинска чрезъ Аргунь и Цурухайтуевскъ до р. Мергэни (притока Хайлара) и истоковъ Хайлара (притока Аргуня), находящихся полъ 42° с. ш., въ части Хингана, получившей названіе *Ялo* (Yalo) ([4]), отъ горнаго ущелья и рѣки того-же имени. Начиная отсюда горная дуга восточной окраины занимаетъ еще остальныя 163 мили, протяженіе, которое и надлежитъ здѣсь разсмотрѣть; объ остальномъ же пространствѣ, склоняющемся къ сѣверу, глубоко прорѣзанномъ рѣками и расположенномъ уступами, мы будемъ говорить при разсмотрѣніи системы рѣки Амура (верхнихъ

(2) Pallas, N. N. B. II. 203.
(3) John Bell. Trav. T. I. p. 315,
(4) Ysbrand, p. 82.

ея частей). Отъ Нерчинска дорога идетъ чрезъ Шилку, Аргунь и Хайларъ (Hailar), орошающіе болѣе теплую и углубленную горную часть Дауріи вдоль сѣверной окраины высокой террасы, и только послѣ 14 дневныхъ переходовъ (каждый отъ 60 или 80 ли, т. е. отъ 9 до 12 часовъ) достигаетъ высокаго Хингана, какъ его правильно называетъ уже Ланге. Хребетъ Хинганъ отдѣляетъ безводную степь Гоби на З. и притоки озеръ—*Боиръ* (Buir, Boir, т. е. рѣку Халху), *Далай* (Dalai) и рѣки *Кэрулэни* (Kerulen), отъ лѣснстаго восточнаго ската, котораго воды—Торъ-бира (Toro-Pira) и Ялю-бира (Yalo-Pira) текутъ къ Ю.-В. въ Нонь-ула (Nonni-Ula) или Нонь-мурэнь, притокъ Сунгари. Хинганъ составляетъ восточную окраину нагорной Азіи, многообразно расчлененную и развѣтвленную. Ближайшій къ нему горный хребетъ, служащій ему продолженіемъ къ Ю.-З.. составляютъ знаменитыя горы Союрци (Soyelki) (5), лежащія на старой пограничной линіи между землями подчиненныхъ Китаю Монголовъ и сѣверныхъ Халхасскихъ Монголовъ, получившихъ названіе отъ р. Халха-бира (Kalka-Pira), которой источники лежатъ въ упомянутыхъ горахъ Союрци (*) и о которой мы будемъ говорить ниже.

Группа горъ при горномъ проходѣ *Ялю*, названа на д'Анвилевой картѣ Якъ-алинь (**); Адольфъ Брандъ называетъ ее горами—Thak (6). Еще 14 апрѣля здѣсь выпало на цѣлый аршинъ снѣгу. Къ С.-З. вытекаютъ изъ этой группы ручьи: *Чадунъ* (Tsadun), *Хайларъ* (Hailar), *Мэргэнь* (Mergen); къ Ю.-В. — рѣка *Ялу* (Yalo), которой берега, оживленные привѣтливыми лугами и лѣсами, показались долго странствовавшему по нагорнымъ степямъ русскому послу Петра Великаго, истинно райскою страною. Онъ говоритъ: я поднялся на гору съ Сѣв. (т. е. со

---

(5) Du-Halde, IV. p. 23. Mailla Histoire génér. de la Chine T. IX. p. 147.

(*) Также и у О. Іакинеа. — *Пр. Пер.*

(**) Soielki у Риттера, Soiolzi у Малья. — *Пр. Пер.*

(6) Ad. Brand, 3te Ausgabe p. 266. На картѣ Клапрота нѣсколько южнѣе означена гора Минганъ-Ола.

стороны нагорья), а спустился на Ю., на что употребилъ втрое болѣе времени, и, достигнувъ низменности, замѣтилъ большую перемѣну въ климатѣ, сравнительно съ нагорною Гоби. Хинганъ образуетъ слѣдовательно раздѣльную линію не только для водъ, но и для климатовъ.

У сѣверо-западной его подошвы, гдѣ кочуютъ Монголы, представляется, по направленію во внутренность нагорья, почти безлѣсная пустыня, и только кое-гдѣ попадаются пихтовыя рощицы. Но при входѣ въ горный хребетъ появляются многочисленные источники (7), кустарники, лиственичные и дубовые лѣса, болота, мѣста дикія и необитаемыя, но богатыя дичью, лосями, сурками, оленями, кабанами, медвѣдями съ бѣлыми пятнами, рысями, волками и лисицами. Только Оленьи Тунгусы проникаютъ въ эти темные непроходимые лѣса, для охоты и звѣриной ловли. Пантеры (*) попадаются отсюда до Байкала. Этотъ хребетъ горъ составляетъ южную границу ловли пушныхъ звѣрей, въ особенности хорошихъ соболей, свойственныхъ болѣе холодному Сѣверу.

Дорога чрезъ горы камениста, лѣса на вершинахъ ихъ очень рѣдки, но ниже, на юго-зап. склонѣ, ближе къ Маньчжуріи, которую Хинганъ отдѣляетъ отъ лежащей къ З. Монголіи, разстилается зеленый растительный покровъ, состоящій изъ альпійскихъ цвѣтовъ (8). Отсюда внизъ, на разстояніи 10 дней пути къ Ю.-В., дорога проходитъ чрезъ прекрасныя глубокія долины и нѣсколько цѣпей горъ, до тѣхъ поръ пока, по переходѣ симыхъ дикихъ изъ нихъ, не появляется на восточной ихъ сторонѣ рѣка Нонь съ городомъ *Нонь-хотонь* (Naun-Khotun) на ея лѣвомъ и деревнею *Цицикаръ* (Tsitsicar) на ея правомъ берегѣ. Горные ручьи падаютъ съ изумительною быстротою съ высотъ. На болѣе покатомъ, восточномъ склонѣ появляются внезапно лѣса орѣшниковъ (богатыхъ плодами въ началѣ сентября по

(7) Lange, IV. p. 169.

(*) Felis onca. — *Пр. Пер.*

(8) Ysbrand p. 93, 99.

свидѣтельству Псбранда) и дубовъ ([9]), не встрѣчающихся во всей сѣверной Азіи, начиная отъ Урала, по всей Сибири и до сихъ мѣстъ. Здѣсь проходитъ важная линія растительности, на которой показывается также и *липа*. Къ упомянутымъ деревьямъ присоединяется кустарникъ породы *вишни*, показывающійся здѣсь въ первый разъ, и тѣмъ болѣе замѣчательный, что не произрастаетъ ни въ Сибири, ни въ теплой Даурін ([10]). Лѣса дубовые, хотя и другихъ породъ нежели въ Европѣ, характеризуютъ, какъ кажется, весь юго-восточный склонъ нагорной Азіи, по свидѣтельству Пат. Фербиста; такъ что сѣверный Китай есть по преимуществу страна дубовъ ([11]). Вмѣстѣ съ этими лиственными лѣсами появляются стаи птицъ, встрѣчаемыя гораздо рѣже на нагорьѣ.

Вблизи губернскаго города Нонь (Хотонь значитъ городъ), лѣса снова прекращаются, ложе р. Нони, которая здѣсь вдвое шире чѣмъ Ангара въ Иркутскѣ, лежитъ уже низко на восточной окраинѣ, а потому, направляясь къ Ю.-З., должно снова подниматься довольно высоко. Въ немногихъ дняхъ пути далѣе, на р. Ялѣ разбросаны деревни и жилища Даурцевъ, или *Дахуръ*, довольно образованнаго Тунгузскаго племени, которое воздѣлываетъ ячмень, рожь, пшеницу, гречиху и коноплю. Далѣе на Ю. поколѣніе это по видимому никогда не было вытѣсняемо изъ своихъ древнихъ жилищъ верхней долины Амура ([12]); къ Ю. отсюда живутъ Монголы, а къ В. Маньчжу.

Отсюда до входа въ равнину Пекина 30 дней разстоянія (36 до самаго Пекина) ([13]), и на устроенныхъ постоянныхъ станціяхъ содержится по 50 лошадей для посланниковъ; такъ было въ 1760 г., вѣроятно это существуетъ донынѣ.

Отсюда, на разстояніи 18 дней пути до Шара-мурэнь (т. е.

---

(9) Lange, IV. p. 171. Pallas Not.

(10) Pallas въ пр. с. p. 180; его же Russ. Reise Th. III. p. 225; II. p. 14.

(11) Mém. concernant l'Hist. de Chine T. III. p. 484.

(12) Lange IV. p. 178; Ysbrand p. 93.

(13) Ad. Brand въ пр. с. p. 132.

Желтая рѣка), чрезъ страну называемую Корцинъ, идетъ единственная часть караванной дороги, пересѣкающая восточное продолженіе плоскогорія или весьма узкій рукавъ степи Гоби, и эта часть степи кажется не столь страшною, какъ самая средина ея, въ особенности къ Зап. ([14]); рѣка Шара-мурэнь одинаково вся протекаетъ по степному пространству. Степь эта простирается на нѣсколько дней пути далѣе на Ю.-З., до гористаго юго-восточнаго склона высокаго хребта Пе-ча (Pe-Tcha), съ котораго текутъ рѣки: на В. *Сирха* (Sirha) къ рѣкѣ *Лоха* (Loha, Lohan, правому притоку Шара-мурэнь съ С.-З.) и на Ю. *Луань-хэ* (Lan-Ho) къ Желтому морю; только это продолженіе степи лучше заселено и обработано. Степная полоса, служащая продолженіемъ плоскогорія, отличается своею однообразною пустынностью, частымъ недостаткомъ воды, соленными лужами и солончаками, рядами песчаныхъ холмовъ, между которыми извиваются трудно проходимыя тропы; кое-гдѣ только попадаются рѣдкія дождевыя озера, немногія деревья, малорослыя ивы, и ильмы. Тамъ гдѣ растутъ лучшія ивы находятся небольшія пристанища Монголовъ съ ихъ стадами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы выходятъ наружу между песчаными холмами. Здѣсь попадается множество степныхъ зайцевъ и дикихъ птицъ изъ рода фазановъ, также дзеровъ (антилопъ или сайгъ) и степныхъ козъ, въ стадахъ отъ 2 до 3 сотъ головъ. Въ нѣкоторыхъ удобныхъ мѣстахъ Монголы сѣютъ просо около своихъ войлочныхъ юртъ.

На Югъ отъ Шара-мурэнь, которая далѣе принимаетъ названіе Ляо-хэ и составляетъ значительнѣйшій притокъ Желтаго моря, но здѣсь еще медленно струится въ песчаныхъ берегахъ, кое-гдѣ виднѣются кучи мусора, стѣны и гробницы разрушившихся городовъ и жилищъ, что въ особенности можно видѣть на р. Лоха (Lohan, Loha, у Ланге) при *Дай-минъ-чень* (Tai-Ming-

(14) Ad. Brand; тамъ же Lange p. 180.

Tchin) ([15]) (*). Также и на Ю.-З. отсюда Исбрандъ замѣтилъ развалины другаго древняго, называемаго имъ *Бурганъ-хотонь* (Burgan-Khotun, божій городъ). Онъ обозрѣлъ и тотъ и другой, между тѣмъ какъ Лапге описываетъ ихъ только по разсказамъ. Эти развалины доказываютъ, что тамъ гдѣ теперь находится пустыня существовало нѣкоторое образованіе и царствовала религія Будды (**). Дай-минъ-ченъ былъ окруженъ 4-хъ-угольною земляною стѣною, съ бастіонами и башнями, а теперь представляетъ видъ опустѣлаго города. Наиболѣе въ немъ замѣчательна высокая 8-ми-угольная, каменная башня, съ колоссальными каменными фигурами на цоколяхъ его угловъ; эти фигуры изображаютъ по видимому царей съ коронами на головахъ, сидящихъ съ поджатыми ногами; подлѣ нихъ стоятъ царицы со сложенными руками; всѣ увѣнчаны лучезарнымъ сіяніемъ какъ изображаются у насъ святыя, а потому Исбрандъ принялъ эти памятники за христіанскіе; — но окружающія ихъ языческія изображенія, такъ напр. львы и колоссальная фигура *черепахи*, заставляютъ не сомнѣнно полагать, что всѣ эти памятники принадлежатъ религіи *Фо*. Исбрандъ полагаетъ, что окружность городской стѣны, имѣющей четверо воротъ, составляетъ 1 нѣм. милю; внутренность города была, во время его посѣщенія, еще наполнена стѣнами и зданіями, но улицы поросли травою, были совершенно безлюдны, и только зайцы бѣгали по нимъ во множествѣ. Китайцы выдаютъ этотъ городъ за бывшую резиденцію Угэдэй-хана (Октай-хана, царя монгольскаго). Вблизи города на высотахъ расположены старыя кладбища. Между развалинами втораго города были пагоды и башни, такъ называемые Субарханъ (Subarkan); симъ именемъ означаются и на д'Анвилевой картѣ подобныя мѣста. Городъ сей выстроенъ въ китайскомъ вкусѣ, его идолы часто посѣщались богомольца-

---

(15) L. Lange IV. p. 191; Ad. Brand p. 133; Ysbrand p. 101, 109.

(*) О городѣ Дай-минъ-ченъ, который ошибочно названъ Дай-минъ-ченъ, см. ниже, дополненіе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(**) См. ниже общее дополненіе къ 1-й главѣ. — *Пр. Пер.*

ми, и вблизи его находилась деревня, населенная ламами, которые получали отъ того пропитаніе. Ни одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ не посѣтилъ снова упомянутыхъ мѣстностей (*). Описанныя развалины безспорно принадлежатъ, вмѣстѣ со многими другими подобной же архитектуры, встрѣчаемыми далѣе къ З., около средняго Хуанъ-хэ, внѣ стѣны, подъ названіемъ *хота*, ко временамъ Монгольской династіи Юань (1280—1349) (**).

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 13.

1) *Застѣнная область Чэнъ-дэ-фу* (Tching-Te-Fou); *ея учрежденіе и уѣзды, по китайскимъ Географическимъ источникамъ.*

Съ 1778 года, съ успѣхомъ Китайской колонизаціи, принимающей все болѣе и болѣе обширные размѣры, изъ юго-восточной Монголіи, древняго Ляо-си (Leao-Si), за исключеніемъ узкаго прибрежья желтаго моря, составляющаго область Кинь-Чжеу (Kin-Scheou) маньчжурской провинціи Шэнъ-кинъ (Sching-King), сдѣлана застѣнная область Чэнъ-дэ-фу, которая, по юридикціи своей, отнесена къ Чжилійской провинціи. Бывшія коммиссарства, лежавшія за стѣною, переименованы въ уѣзды, а сверхъ того къ области присоеденены еще и нѣкоторыя сосѣднія монгольскія княжества (аймаки). Такимъ образомъ установлена область Чэнъ-дэ-фу, которая распадается естественно на двѣ половины—восточную и западную. Первая, съ своими уѣздными городами, есть по преимуществу китайская,

---

(*) См. дополненіе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(**) Развалины эти гораздо древнѣе. Изслѣдованіе о нихъ, см. ниже въ дополненіи къ § 13. — *Пр. Пер.*

составившаяся изъ земель уступленныхъ, уже при началѣ властвованія маньчжурской династіи, Монгольскими князьями императорамъ подъ ихъ загородные дворцы и облавы. Она отдѣлена на З. отъ земель, принадлежащихъ вѣдомству сторожевой крѣпости Ду-ши-к'эу и города Долонъ-нора, естественною полосою дремучихъ лѣсовъ, мимо опушки которыхъ миссіонеры Хюкъ и Габе проходили, на пути своемъ изъ княжества Онютъ къ Долонъ-нору. Здѣсь, на западной границѣ области, находится также высокій массивъ, къ которому принадлежитъ упомянутая нами гора Би-кя. Восточная половина области Чэнъ-дэ-фу состоитъ изъ земель семи монгольскихъ княжествъ: 1) Харчинь (Cartschin) съ двумя знаменами и 5-ю князьями, 2) Онютъ (Onhiot) или Онгингутъ съ 2-мя знаменами и 4 князьями, 3) Тумотъ (восточный) съ 2-мя знаменами и 2-мя князьями, 4) Аохань (Aochan) съ 1 знаменемъ и 5-ю князьями, 5) Наймань (Naiman) съ 1 знаменемъ и 1 княземъ, 6) Байринь (Parin) съ 2-мя знаменами и 3-мя князьями и 7) Халха лѣваго крыла (Chalcha) съ 1 знаменемъ и 1 княземъ. Князья эти нисколько не лишились прежнихъ своихъ правъ, общихъ всѣмъ монгольскимъ князьямъ и даже входятъ въ составъ своихъ прежнихъ сеймовъ.

Только наплывъ китайскаго населенія вынудилъ правительство основать въ Чэнъ-дэ-фусской области уѣздные города.

Главнымъ городомъ области избранъ Чэнъ-дэ-фу, возникшій на мѣстѣ знаменитой лѣтней резиденціи Китайскихъ императоровъ Жэ-хэ (Jehol см. ниже), китайскаго Версаля или Санъ-Суси. Онъ расположенъ къ В.-С.-В. отъ воротъ Гу-бэй-кэу, нѣсколько сѣвернѣе рѣки Луань-хэ которая, въ верхнихъ частяхъ своихъ, называется Шанду-голъ или Шамь-бира.

Другіе уѣздные города области называются (1):

2) *Луань-п'инъ-хянь* (Luang-Phing-Hien) къ Ю.-З. отъ Чэнъ-дэфу на южной сторонѣ р. Луань-хэ.

(1) Города эти перечислены въ Іакинѳа Стат. Оп. Кит. Им. Ч. II. стр. 93 — 95; остальное заимствовано изъ Чэнъ-дэ фу-чжи.

3) *Фынъ-нинъ-хянь* (Fong-Ning-Hien) на С.-С.-З. отъ Чэнъ-дэ-фу на р. Иссу-бира системы Луань-хэ

4) *Пинъ-цюань-чжеу* (Ping-Tsiuan-Tcheou) къ В. отъ Чэнъ-дэ-фу, въ верховьяхъ р. Бао-хэ (Pao-he), притока Луань-хэ. Онъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Пагоу (Pakheou-Tien).

5) *Чи-фынъ-хянь* (Tchy-Fong-hien) отъ Чэнъ-дэ-фу на С.-В, въ верховьяхъ рѣки Ло-ха, притокѣ Шара-мурэни.

6) *Кянъ-чанъ-хянь* (Цзянъ-чанъ-сянь, Kiang-Tchang-hien) на В. отъ Чэнъ-дэ-фу въ верхов. Цинь-лунь-хэ притока Луань-хэ,

и 7) *Чао-янъ-хянь* (Tchao-Jang-hien) на Далинь-хэ, близъ древнихъ развалинъ Горбань-Собарга-хота.

Въ область Чэнъ-дэ-фу черезъ Великую стѣну ведутъ трое воротъ отъ В. къ З. *Хи-фынъ-к'эу* (Hi-fong-Keou); *Фынъ-кя-к'эу* (Fang-Kia-Keou) и *Губэй-к'эу* (Ku-pe-Keou). Ворота Шань-хай-гуань на В. и Ду-ши-к'эу на З. лежатъ внѣ ея предѣловъ. Жителей въ области считалось въ 1812 г. 560000 душъ, пахатныхъ земель было до 21230 цинъ (*) Принимая въ соображеніе сильную эмиграцію изъ срединнаго царства число это могло съ тѣхъ поръ утроиться.

2) *Хэй-шуй* (He-choui) *т. е. долина черныхъ водъ*, *Бей-ль-гоу* (Pie-lie-keou), *т. е. смежныя ущелья и аймакъ* (*княжество*) *Онютъ по описаніямъ новѣйшихъ миссіонеровъ.*

Миссіонеры Хюкъ и Габе, жившіе нѣкоторое время въ Ю.-В. части монгольскаго нагорья описываютъ намъ въ особенности двѣ мѣстности, въ которыхъ имъ удалось пробыть довольно долгое время. Мѣстности эти они называютъ Хэй-шуй т. е долина черныхъ водъ и Бей-лѣ-гоу т. е. смежныя ущелья. Объ онѣ, по свидѣтельству миссіонеровъ (3), зависятъ отъ аймака Онютъ.

Хэй-шуй, по показанію Хюка, расположена въ 100 лье

(2) Іакинов Ст. Оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 94.

(3) Huc Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine. Paris 8. 2te édit. 1853. T. I. p. 18.

(400 верс.) къ С.-С.-В. отъ Пекина. Мѣстность эта, по нашему мнѣнію, находится на р. Сусай-п'у картъ д'Анвиля и Бергхауза, лѣвомъ притокѣ Шара-мурэни, который и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ картахъ напр. у Гримма (4) означенъ именемъ Харабира т. е. черной рѣки, и еще въ древности, въ X ст. сколько мнѣ извѣстно, называлась Хэй-шуй.

Долина Хэй-шуй занята и обработана китайскими переселенцами, между которыми миссіонерамъ удалось сдѣлать прозелитовъ. Хюкъ поселился здѣсь въ 1843 году; Объ окрестной странѣ онъ даетъ понятіе, описывая одну изъ поѣздокъ своихъ (5), совершенную имъ по христіанскимъ требамъ. Хюкъ говоритъ что трудно представить себѣ путь, по которому онъ слѣдовалъ. Безпрестанно должно было переправляться черезъ глубокіе овраги, взбираться на высокія горы, спускаться съ нихъ и переходить по льду черезъ водныя поверхности (въ концѣ ноября 1843) и лагуны. Для избѣжанія пропастей и неприступныхъ высотъ миссіонеры принуждены были дѣлать бо́льшіе обходы. По переходѣ 5 лье (20 вер.) остановились въ деревушкѣ, населенной китайскими земледѣльцами, потому-что впереди ихъ уже разстилалась степь, на которой не было болѣе ни одного жилья. Послѣ обѣда они снова пустились въ путь. Взобравшись на довольно крутую гору путешественники очутились на Мань-т'янъ-цзы (Man-Thien-Tze), имя подъ которымъ разумѣютъ здѣсь вообще плоскогоріе. Плоскогоріе это имѣло 100 лье (400 вер.) въ окружности; на всемъ его протяженіи не было ни жилья, ни обработаннаго клочка земли, ни деревни, все было занято одною неизмѣримою степью, безпредѣльнымъ моремъ луговъ. На Мань-т'янъ-цзы, пересѣченномъ многочисленными тропинками, которыя походятъ одна на другую, очень легко сбиться съ пути. Зимою заблудившагося путешественника ожидаетъ неминуемая

(4) См. Grimm, Atlas von Asien. Berlin 1833. d'Anville Nouvel Atlas de la Chine Haye. 1787. Berghaus Karte v. China und Japan. Potsdam. 1843.

(5) Huc lettre Ann. de la propag. de la foi. T. XVII. p. 369.

*

погибель. Хюкъ, съ своими спутниками также сбился съ дороги и только ночью прибыли они на край плоскогорія. Здѣсь они съ трудомъ спустились по чрезвычайно крутому обрыву въ долину, въ которой видны были обработанныя поля, и наконецъ съ удовольствіемъ замѣтили свѣтъ въ пастушеской хижинѣ, расположенной у подошвы горы. Здѣсь Хюкъ и остался для изученія монгольскаго языка. Недалеко отсюда, во входящемъ углу, образуемомъ двумя крутыми и скалистыми горными обрывами, торчалъ храмъ, кругомъ него безъ порядка были разбросаны жилища ламъ, между ними росли роскошныя деревья, а съ горы черезъ скалы низвергался шумящій водопадъ. Черезъ нѣсколько недѣль, зимою, Хюкъ пустился въ обратный путь. По восхожденіи на высокую гору путешественники опять очутились на Манъ-т'янъ-цзы. Вѣтеръ, неощутительный въ долинѣ, былъ здѣсь силенъ и холоденъ. Снѣгъ, выпавшій за нѣсколько дней въ большомъ количествѣ, увеличивалъ стужу. Огромная масса снѣга, разносимая вѣтромъ, лежитъ здѣсь очень долго весною, а во впадинахъ и оврагахъ остается и лѣтомъ. На всемъ плоскогоріи путешественники не встрѣтили ни одного человѣка, только видѣли издали стада желтыхъ овецъ и каменныхъ барановъ (Aegoceras Argali Pall., можетъ быть и Aegoceras Ibex), обращавшихся въ бѣгство при ихъ приближеніи и стаи драхвъ, тяжело летавшихъ въ воздухѣ. Солнце уже закатилось когда путешественники прибыли обратно въ долину Хэй-шуй.

Деревня Бей-лѣ-гоу находится также въ княжествѣ Онютъ, южнѣе Хэй-шуй, въ 50 лье отъ города Долонъ-нора. Она нанесена только на картѣ Андріво-Гужона ([6]), изданія 1851 года, и помѣщена имъ на Сирхѣ, лѣвомъ притокѣ Лохи. Въ деревнѣ Бей-лѣ-гоу поселился миссіонеръ Габе въ 1837 г. Объ окрестной странѣ мы получаемъ понятіе изъ письма его ([7]), въ которомъ онъ описываетъ свою поѣздку въ сосѣднюю деревню Гу-лу-т'яо (Cou-lou-Theo). Деревня эта находится отъ Бей-

(6) См. Andriveau-Goujon carte de l'Empire Chinois et du Japon. Paris. 1851.
(7) Gabet lettre Ann. de la propag. de la foi. T. XIII. p. 130 — 154.

лѣ-гоу въ 25 лье къ В.-С.-В. Она означена на картѣ Андриво-Гужона (8), въ пространствѣ между Лохою и Шара-мурэнью, въ меридіанѣ Чжилійскаго города Юнъ-п'инъ. Такъ какъ это было въ декабрѣ, холодъ былъ ужасенъ; еще въ октябрѣ на этой дорогѣ замерзали люди и лошади. «На вершинѣ горы, на которую мы взобрались съ большимъ трудомъ, говоритъ Габе, ураганъ поднялся съ такою силою, что едва не уносилъ всадниковъ въ бездонныя пропасти, простиравшіяся по сторонамъ дороги. Къ довершенію бѣдствія мы сбились съ пути. Высокая трава, покрывающая эти нагорья, была такъ наклонена, что дорога исчезла, напрасно взоръ ищетъ жилища, въ которомъ можно было бы найти проводника; въ этой страшной степи встрѣчается только нѣсколько сараевъ, разбросанныхъ на разстояніи 4 — 5 лье, въ которыхъ погибающіе путники не находятъ себѣ помощи». Послѣ отчаянныхъ поисковъ путешественникамъ однакоже удалось найти дорогу. На возвратномъ пути Габе проѣзжалъ здѣсь въ іюнѣ, но и тутъ путешествіе его было не безопаснѣе. Маленькій караванъ состоялъ изъ 8 человѣкъ, но Габе, отдѣлившись отъ него съ однимъ спутникомъ, безъ денегъ и припасовъ, сбился съ пути. Направляться къ деревнямъ миссіонеръ не рѣшался, боясь быть узнаннымъ, углубляться въ пустыни было также опасно. Путешественники смутно помнили что имъ нужно слѣдовать къ Ю.-З. Наконецъ они набрели на деревушку, лежащую на ихъ настоящемъ пути, но здѣсь имъ отказали въ пристанищѣ. Уже смерклось, а до Бей-лѣ-гоу оставалось еще 14 лье. Путешественники проходили черезъ страшныя пустыни, гдѣ и туземцы сбиваются днемъ, и гдѣ болѣе тигровъ и волковъ чѣмъ людей. Рѣдко попадали они на торныя тропинки; то приходилось имъ слѣдовать вдоль глубокихъ овраговъ, черезъ которые невозможно было переправиться, то взбираться на крутыя горы, усѣянныя пропастями, или слѣдовать черезъ кустарники, въ которыхъ казалось ни одинъ человѣкъ не проби-

(8) Andriveau Goujon carte de l'Empire Chinois et Japon, Paris. 1851.

валъ себѣ дороги. Только утромъ Габе успѣлъ добраться до Бей-лѣ-гоу.

Въ Бей-лѣ-гоу миссіонеры Хюкъ и Габе жили также въ 1844 году и приготовлялись къ знаменитому своему путешествію 1844 — 46 года, по Татаріи и Тибету ([9]).

Хюкъ характеризуетъ окружающую страну (Опютъ) слѣдующимъ образомъ ([10]): страна эта, говоритъ онъ, перешла черезъ большіе перевороты, туземцы полагаютъ что въ древности она была занята корейскими племенами ([11]). Они были изгнаны отсюда войнами и принуждены были удалиться на занимаемый ими нынѣ полуостровъ. Въ этой части Монголіи встрѣчаются и понынѣ остатки большихъ городовъ, развалины замковъ, подобныхъ средневѣковымъ европейскимъ. Въ этихъ развалинахъ находятся копья, стрѣлы, остатки земледѣльческихъ инструментовъ и урны наполненныя корейскими ([12]) монетами. Въ концѣ XVII вѣка начали сюда проникать Китайцы. Страна была еще великолѣпна, горы — увѣнчаны чуднымъ лѣсомъ, монгольскіе шатры — разбросаны по долинамъ между тучными пастбищами. За очень умѣренную цѣну Китайцы купили себѣ право разработывать степи. Мало по малу земледѣліе сдѣлало успѣхи; Татары принуждены были выселяться и угонять свои стада. Съ тѣхъ поръ страна перемѣнила свою физіономію. Деревья были вырваны, лѣса на вершинахъ горъ изчезли, степи выжжены и и новые земледѣльцы поспѣшили истощить плодородіе этой почвы.

Нынѣ страна почти совершенно заселена Китайцами; ихъ системѣ опустошенія можетъ быть должно приписать неправильность атмосферическихъ дѣйствій. Засухи очень часты особенно съ весны. Въ это время года дуютъ сильные вѣтры, часто дол-

---

(9) Huc souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844 — 46. Paris. 8. 2-de. ed. 1853. 2 vol.

(10) См. Huc Souven. d'un voyage en Tartarie etc. Paris. 1853. Vol. I. p. 18.

(11) Племенами Гаолисской народной группы отъ I до V ст. см. ниже Дополненія къ I главѣ.

(12) Вѣроятно также Киданьскими и Нюй-Чженьскими.

го продолжающіеся и лѣтомъ. Пыль поднимается вихремъ въ воздухѣ, атмосфера становится малопрозрачною, и густой, какъ бы осязательный мракъ, дѣлаетъ иногда полдень страшнѣе ночи. Послѣ сихъ урагановъ дождь не заставляетъ себя долго ждать, но его встрѣчаютъ со страхомъ, потому-что онъ падаетъ вдругъ опустошительными потоками. Атмосфера разомъ освобождается отъ всѣхъ паровъ, которыми она насыщена: скоро поля и жатвы изчезаютъ въ волнахъ грязнаго моря, котораго гигантскія теченія слѣдуютъ скату долинъ, увлекая все на пути своемъ. Такія теченія сливаются быстро и нѣсколько часовъ достаточно для освобожденія отъ нихъ почвы. Но не только жатвы, но часто и весь растительный слой земли при этомъ изчезаютъ. Вездѣ остаются только глубокіе овраги, наполненные гравіемъ, въ которыхъ плугъ уже безсиленъ. Градъ часто падаетъ въ этой несчастной странѣ и достигаетъ невѣроятной величины. Миссіонеры видѣли сами градины въ 12 фунт. вѣсомъ: минуты достаточно этому граду для того чтобы истребить цѣлое стадо. Хюкъ разсказываетъ что въ 1843 году, во время града, онъ услышалъ въ воздухѣ какъ бы свистъ сильнаго вѣтра, вслѣдъ за тѣмъ упалъ на поле, недалеко отъ обитаемаго имъ дома, кусокъ льду, превосходящій величиною мѣльничный жерновъ. Его рубили топорами и онъ таялъ три дня, хотя это было во время самыхъ сильныхъ жаровъ.

Засухи и наводненія производятъ часто голода, истребляющіе народонаселеніе. Въ 1832 г., на 12 годъ правленія Дао-Гуанъ (Tao-Kouang) былъ здѣсь подобный страшный голодъ. Его предшествовало какое то странное народное предчувствіе. Уже зимою 1831 года разнесся слухъ, что въ слѣдующемъ году: «не будетъ ни бѣднаго ни богатаго, кровь обагритъ горы, кости наполнятъ долины». Слова эти были во всѣхъ устахъ, ихъ повторяли маленькія дѣти. Весна и лѣто 1832 года прошли безъ дождя, осенью пришли морозы когда хлѣбъ еще не выколосился, жатвы не было. Дома, поля, животныя — все было вымѣниваемо на хлѣбъ. Люди питались горными травами и ко-

реньями, предсказаніе сбылось. Трупы покрывали дороги, наполняли дома, многія деревни вымерли до послѣдняго жителя.

Вотъ разсказы очевидцевъ о княжествѣ Онютъ и странѣ верховьевъ рѣкъ Шара-мурэни и притока ея Лóха. Что корейскія (гаолисскія) племена дѣлали набѣги на эту страну и даже владѣли ею (Сянь-би), о томъ свидѣтельствуютъ и китайскіе лѣтописцы (см. ниже), но страна верховьевъ Лóха и Шара-мурэни есть кромѣ того коренное отечество Тунгузскаго племени Киданъ (Kithan), котораго исторію, въ связи съ описываемыми мѣстностями, мы изложимъ ниже. Киданямъ вѣроятно принадлежали города и замки, отъ которыхъ нынѣ остались въ странѣ только одни развалины.

3) *Переѣздъ Хюка и Габе изъ Бе-лъ-гоу въ городъ Долонъ-норъ* (Tolon-Noor) *черезъ княжества Онютъ, Кэшиктень и страну Чахаровъ* ([13]).

Хюкъ и Габе тронулись въ свое знаменитое путешествіе изъ Бей-лѣ-гоу, осенью 1842 года. До города Долонъ-нора они имѣли 50 лье (200 в.) пути къ З.-Ю.-З. Проводникомъ ихъ маленькаго каравана, состоящаго изъ трехъ верблюдовъ и одного мула, служилъ Тибетскій христіанинъ Самдачіемба. Переходъ перваго дня былъ затруднителенъ. Вьюки и сѣдла ихъ, дурно укрѣпленные ими по неопытности, безпрестанно соскакивали. Костюмомъ служила имъ одежда Тибетскихъ ламъ. Черезъ 35 ли ($17^1/_2$ вер.) пути путешественники вышли изъ обработанныхъ полей и вошли въ степь (Цао ди, terre des herbes). Путешествіе сдѣлалось правильнѣе: верблюды почувствовали себя въ своей сферѣ. Караванъ взобрался на высокую гору: верблюды, медленно подымаясь, щипали молодые побѣги бузины и листья шиповника. Испуганныя лисицы выскакивали изъ своихъ норъ и быстро убѣгали передъ приближеніемъ каравана. На вершинѣ горы, въ небольшомъ углубленіи, былъ расположенъ хри-

(13) См. Huc Souvenirs d'un voyage en Tartarie etc. 1853. 8. T. I. p. 22 — 57.

стіянскій постоялый дворъ Янъ-ба-эрлъ (Yan-Pa-eul). Вдоль дороги со скатовъ горы текли свѣжія и прозрачныя воды, которыя соединялись у подошвы ея въ прекрасный ручей, окружающій постоялый дворъ, гдѣ миссіонеры были встрѣчены хозяиномъ. Постоялые дворы въ Монголіи состоятъ изъ огромнаго двора, окруженнаго плетнемъ. Посреди его стоитъ землянка, сажени въ полторы высоты. Внутри ея, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ коморокъ, есть большая комната, служащая кухнею, столовою и спальнею. Эта зала разумѣется грязна, дымна и отличается дурнымъ запахомъ. Огромная печь (по кит. к'анъ) занимаетъ три четверти комнаты, на ней обширная лежанка. Лежанка эта покрыта плетенкою изъ камыша, сверху разостланы еще войлочные или мѣховые ковры. Спереди вмазаны два огромные котла: они служатъ для приготовленія пищи. Всѣ путешественники располагаются на к'анѣ скрестя ноги, только прислуга постоялаго двора остается на полу, занимаясь топленіемъ к'ана, варенiемъ чая или болтаніемъ овсяной и гречишной муки для обѣда путешественниковъ. Эти послѣдніе между тѣмъ ѣдятъ, пьютъ, курятъ, играютъ и бѣседуютъ на к'анѣ. Къ вечеру к'анъ мгновенно превращается въ дортуаръ. Иные путешественники засыпаютъ, иные еще пьютъ чай. Эта фантастическая картина освѣщена блѣднымъ свѣтомъ самой безискусственной лампы.

На другой день рано по утру путешественники оставили Янъ-ба-эрлъ. Вскорѣ пришлось имъ подниматься на крутую, высокую гору *Саинъ-ола* (добрая гора). Названіе это дано ей вѣроятно съ иронiей, потому-что она извѣстна во всей окрестности несчастіями и трагическими событіями, на ней приключающимися. Дорога поднимается круто и большею частію завалена обломками скалъ. На половинѣ подъема стоитъ маленькій храмъ, посвященный богинѣ горы — Саинъ-най (доброй старухѣ). Здѣсь пребываетъ пустынникъ, который обязанъ поправлять кое-гдѣ дорогу, въ самыхъ непроходимыхъ ея мѣстахъ, размытыхъ водами. Легкая плата, даваемая ему проѣзжими,

достаточна для поддержанія его существованія. Послѣ 3-хъ часовъ подъема, путешественники очутились на обширномъ плоскогоріи, имѣющемъ отъ В. къ З. ширины болѣе дня пути. Съ С. къ Ю. длина его неизмѣрима, по мнѣнію Хюка. Съ вершины его видны на монгольскихъ равнинахъ татарскіе шатры, расположенные амфитеатромъ по скатамъ холмовъ и похожіе издали на многочисленные пчелиные ульи Нѣсколько рѣкъ берутъ начало на скатахъ этой горы. Болѣе всѣхъ изъ нихъ замѣчательна рѣка Шара-мурэнь (Ляо-хэ), которой капризныя извилины взоръ можетъ преслѣдовать далеко по обширной поверхности княжества Кэшиктени (Geschekten). Саинъ-ола знаменита своими стужами. Рѣдкую зиму здѣсь не замерзаетъ нѣсколько путешественниковъ. Часто цѣлые караваны, не приходящіе въ срокъ, бываютъ отысканы здѣсь, но тогда когда люди и животныя уже погибли отъ холода. Къ этимъ опасностямъ присоединяются еще разбойники и хищные звѣри. Разбойники имѣютъ здѣсь такъ сказать постоянное пребываніе, подстерегая путешественниковъ ѣдущихъ въ Долонъ-норъ или возвращающихся оттуда. Они не довольствуются похищеніемъ денегъ и животныхъ; обыкновенно даже отнимаютъ и одежду, и оставляютъ проѣзжаго безо всего, на добычу голода и холода.

На закатѣ солнечномъ, такъ какъ плоскогоріе еще не кончилось, путешественники остановились на ночлегъ, избравъ себѣ удобное мѣсто при источникѣ, въ углубленіи, окруженномъ вѣковыми деревьями, гдѣ и расположили свою походную палатку.

Здѣсь опушка императорскаго лѣса: миссіонеры нашли въ немъ превосходные плоды 'оу-лѣ-эрлъ (ngao-lu-eul) и шань-лихунъ (chan-li-houng). Первый изъ нихъ есть родъ вишни, растущей на короткомъ стеблѣ, дюймовъ 4 — 5 выш. (вѣроятно Solanum близкій къ S. lycopersicum). Второй — родъ небольшаго яблока, краснаго цвѣта, кислаго на вкусъ. Изъ него дѣлаютъ очень сочный и вкусный компотъ. Дерево его производящее низкоросло, но вѣтвисто (вѣроятно Mespilus).

Императорскій лѣсъ растянутъ на 100 лье (400 вер.) отъ

С. къ Ю. и на 80 отъ В. къ З. Императоръ Канъ-хи, во время одной изъ своихъ экспедицій въ Монголію, заповѣдалъ его для своихъ охотъ. Примѣру его слѣдовали и его преемники, включительно до Кя-кина (Кеа-King), со смертью котораго (въ 1820 г.) прекратились эти величественныя охоты. Дао-гуанъ (Tao-Kouang), сынъ и преемникъ Кя-кина, умершій въ 1851 г., ни разу не ступалъ ногою въ Же-хэ—Китайскій Версаль. Но лѣса и животныя только проиграли отъ этого. Императорскій лѣсъ наполненъ браконерами и дровосѣками. Императорскіе пристава существуютъ здѣсь, какъ будто только для того, чтобы пользоваться монополіею продажи дичи и лѣса, которую они охотно раздѣляютъ съ браконерами, оставляя себѣ разумѣется лучшую часть. Браконеры въ особенности обилуютъ здѣсь когда олени сбрасываютъ свои рога. Молодые рога содержатъ въ себѣ сгустившуюся кровь и потому играютъ большую роль въ китайской медицинѣ, подъ именемъ лу-жунъ (lou-joung). Одинъ лужунъ продается иногда за 150 унцій серебра. Олени и сайги блуждаютъ по этому несмѣтному парку въ большихъ стадахъ. Тигры, кабаны, медвѣди, пантеры и волки здѣсь не менѣе многочисленны. Оттого дровосѣки находятся въ постоянной опасности и часто пропадаютъ безъ вѣсти.

На другой день, на разсвѣтѣ, путешественники отправились далѣе. Они все еще находились на плоскогоріи доброй горы. Вскорѣ они набрели на огромный *обо* (памятникъ), у подошвы котораго Монголы покланяются духу горы ([14]). Обо этотъ состоитъ просто изъ груды камней, навалепныхъ безъ порядка. У подошвы его стоитъ большая гранитная урна, въ которой жгутъ ладанъ. Вершина увѣнчана множествомъ сухихъ сучьевъ, вставленныхъ между камнями, безъ всякаго порядка. На этихъ сучьяхъ навѣшаны косточки и бандероли, исписанныя монгольскими и тибетскими надписями. Благочестивые Монголы, проходящіе мимо обо, не довольствуются совершеніемъ земныхъ

(14) Горный кряжъ, на которомъ стоитъ этотъ обо, называется, по свидѣтельству географическаго описанія области Чэнъ-дэ-фу, Барунъ-санга судзитай.

поклоновъ и куреніемъ ладана: они еще бросаютъ деньги на камни. Китайцы всегда останавливаются передъ обо, но послѣ земныхъ поклоновъ тщательно собираютъ приношенія Монголовъ.

Въ полдень мѣстность начала понижаться и путешественники достигли конца плоскогорія. Они спустились по крутому скату въ глубокую долину, гдѣ набрели на монгольскую станцію. Они предпочли однакоже остановиться въ своей походной палаткѣ, вдали ея, на берегу небольшаго пруда. Здѣсь уже они были посреди княжества Кэшиктень (Geschekten), страны изрѣзанной холмами и орошенной многочисленными ручьями. Здѣсь повсемѣстно встрѣчаются и пастбища, и лѣсъ для топлива. Только разбойники нещадно опустошаютъ эту страну. Съ тѣхъ поръ какъ наводнили ее Китайцы, она сдѣлалась притономъ всѣхъ мошенниковъ. Житель Кэшиктени нынѣ значитъ все равно что человѣкъ безъ вѣры и закона, не задумывающійся ни предъ какимъ преступленіемъ. Природа какъ бы не охотно уступила права свои такому народонаселенію. Вездѣ гдѣ только прошелъ плугъ, страна сдѣлалась грустною, безплодною и песчаною. Здѣсь сѣется одинъ овесъ, служащій главною пищею жителей. Во всей странѣ есть только одно торговое мѣсто— *Алтунъ-суме* (Altoun-Soume, т. е. золотой храмъ). Первоначально оно было ламайскимъ монастыремъ, содержащимъ въ себѣ до 2000 ламъ, мало по малу Китайцы колонизировались здѣсь для торговли съ монголами. Въ то время когда Хюку удалось посѣтить его (въ 1843 г.) оно пріобрѣло уже значеніе города. Изъ Алтунъ-суме идетъ прямая дорога, черезъ страну Халхасовъ, въ Перчинскъ. Монголы Кэшиктени съ грустью смотрятъ и жалуются на успѣхи культуры и колонизаціи Китайцевъ въ своей родинѣ.

Еще два дня путешественники слѣдовали черезъ княжество Кэшиктень и вездѣ замѣчали нищету и страданія его жителей. Страна однакоже щедро надѣлена природою и богата даже золотыми и серебряными рудниками, служащими часто источникомъ большихъ бѣдствій для жителей. Несмотря на строгое

запрещеніе китайскаго правительства разработывать эти рудники, случается нерѣдко, что разбойники (изъ китайскихъ переселенцевъ) собираются большими шайками, и съ оружіемъ въ рукахъ отправляются на горный промыселъ. Скоро около нихъ сходятся тысячи бродягъ, и избранная ими мѣстность становится театромъ ужасныхъ преступленій. Въ то время когда одни добываютъ золото, другіе предаются грабежу въ окрестности, не уважая ни собственности ни личности, до тѣхъ поръ пока наконецъ какому нибудь мандарину не удастся возстановить порядка вооруженною рукою.

Подобный случай приводитъ Хюкъ въ княжествѣ Оиютъ въ 1841 году. Золотопромышленникъ, Китаецъ родомъ, поселившись на одной изъ горъ княжества, нашелъ здѣсь богатую розсыпь и созвалъ сюда своихъ соотечественниковъ. Толпы бродягъ и разбойниковъ стеклись къ нему со всѣхъ сторонъ и шайка его быстро возросла до 12000 человѣкъ. Гора была разрыта, золото упало въ цѣнѣ на нѣкоторое время даже въ Пекинѣ. Напрасно жители жаловались на ужасные разбои, самъ князь Оиютовъ не смѣлъ вступать въ борьбу съ страшною шайкою. Наконецъ супруга князя, проѣзжавшая черезъ сосѣднюю долину, была ограблена разбойниками. Тогда только князь взялся за оружіе и созвалъ свои двѣ хоругви. Разбойники сопротивлялись упорно, наконецъ, смятые татарскою кавалеріею, обратились въ бѣгство и искали убѣжища въ рудникахъ и пещерахъ. Монголы не щадили ихъ и произвели страшную рѣзню; входы въ рудники и пещеры были завалены каменьями и спасшіеся туда разбойники погибли голодною смертью, плѣнники были ослѣплены по повелѣнію князя. Такъ кончилась эта кровавая драма.

Пройдя княжество Кашиктень, миссіонеры пришли въ землю Чахаровъ (Tsakhar). Тутъ они встрѣтили первый китайскій военный постъ, поставленный для охраненія общественной безопасности. Этимъ безопасность впрочемъ охранена очень мало, потому-что здѣшніе китайскіе солдаты самые смѣлые разбойники. Потому миссіонеры выбрали себѣ для привала узкій про-

межутокъ между двумя скалами, въ которомъ едва достало мѣста для разбитія палатки. Окружающая мѣстность гориста. Въ подтвержденіе дурной репутаціи края къ миссіонерамъ подъѣзжали татарскіе всадники, просившіе ихъ отгадать кто укралъ у нихъ лошадей.

На другой день, на разсвѣтѣ, миссіонеры опять пустились въ путь. До Долонъ-норъ (Tolon-Nor) оставалось нѣсколько лье. По дорогѣ безпрестанно попадались путешественники, все обличало близость большаго города. Наконецъ на лучахъ солнца засіяли позлащенныя крыши двухъ обширныхъ, очень красивыхъ буддистскихъ храмовъ, расположенныхъ къ Сѣверу отъ города. Скоро потянулись по обѣимъ сторонамъ надгробные памятники. Весь городъ окруженъ обломками прошедшихъ поколѣній: грудами надгробныхъ камней и костей человѣческихъ. Кое-гдѣ, посреди этого исполинскаго кладбища, разбросаны садики и огороды, въ которыхъ съ трудомъ разводятся кое-какіе овощи: лукъ, чеснокъ, шпинатъ, латукъ и капуста, завезенные нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Россіи и хорошо акклиматизировавшіеся на монгольской окраинѣ. Кромѣ этого окрестности Долонъ-нора равно ничего не производятъ. Почва безплодна и песчана, вода чрезвычайно рѣдка, кое-гдѣ есть скудные источники, изсякающіе въ жаркое время года. Миссіонеры долго бродили по лабиринту грязныхъ, узкихъ и извилистыхъ улицъ города и съ трудомъ нашли себѣ прибѣжища въ скромномъ постояломъ дворѣ.

Путешествіе Хюка отъ Бей-лѣ-гоу до Долонъ-нора и разсказы его о долинѣ Хэй-шуй и княжествахъ Онютъ и Кэшиктень въ высшей степени интересны, потому-что онъ во все время остается здѣсь на Ю.-В. окраинѣ Хинганскаго хребта, переходя безпрестанно отъ типа горной страны къ типу плоскогорія. Только къ сожалѣнію Хюкъ очень скупъ на названія и топографическія подробности. Хэй-шуй какъ мы уже сказали, есть вѣроятно рѣка Хара-бира, одинъ изъ лѣвыхъ (сѣверныхъ) притоковъ Шара-Мурэни. Характеръ окраины плоскогорія

очень хорошо выражается въ разсказѣ Хюка. Бей-лѣ-гоу находится по картѣ Андриво-Гужона на р. Сирхѣ, лѣвомъ притокѣ Лохи. И здѣсь въ описаніяхъ Хюка отражается тотъ же характеръ окраины. Янъ-ба-эрлъ расположенъ вѣроятно на ручьѣ, означенномъ на картахъ Клапрота и Бергхауза ([15]), подъ именемъ Бай-ча-голь (Baitscha, Paitscha-gol): это есть одинъ изъ истоковъ Шара-мурэни. Положеніе же горы Саинъ-ола опредѣлить не трудно. Она находится въ истокахъ самой Шара-мурэни. Дѣйствительно на большой картѣ Клапрота одинъ изъ этихъ истоковъ названъ Саина (Saina) ([16]). Черезъ день пути, поднявшись въ гору, миссіонеры ночевали у опушки императорскаго лѣса. Отсюда на Ю.-В. простирается вѣроятно самый высокій массивъ Хинганскаго хребта. Въ немъ находится уже упомянутая мною гора Би-кя (Pi-Kia) или Би-цзя, которую я считаю за одно и тоже съ Pe-Tcha Риттера. Только она не доходитъ до предѣла вѣчныхъ снѣговъ, иначе китайская географія упомянула бы о томъ, да и вниманіе Хюка, проходившаго не въ очень дальнемъ разстояніи отсюда, обратилось на нее. Слѣдовательно я считаю за доказанное что измѣреніе Фербиста, опредѣлившаго эту гору въ 15000 ф. преувеличено, и что она не превосходитъ 10000 ф. ([17]).

4) *Городъ Долонъ-норъ и тождество его съ Шанду* (Ciandu, Xandu), *древнею резиденціею Хубилай-хана.*

Городъ Долонъ-норъ (Tolon-Nor что значитъ семь озеръ), по свидѣтельству Хюка ([18]), называется у Китайцевъ Лама-мяо (Lama-Miao) т. е. храмъ или монастырь Ламы. Маньчжуры

(15) См. Klaproth, Carte de l'Asie Centrale dressée d'apres les cartes levées par ordre de l'Empereur Khian-Loung par les missionaires de Peking etc. Paris 1836 и Berghaus Karte von China und Japan den Manen d'Anville's und Klaproth's gewidmet. 1843.

(16) Klaproth, Carte de l'Asie Centrale dressée d'aprés les cartes levées par ordre de l'Empereur Khian-Loun, par les missionnaires de Peking. Paris. 1836.

(17) См. выше дополненіе къ § 12.

(18) Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 53.

называютъ его Надань-омо (Nadan-Omo), а Тибетцы Цо-дунь (Tsot-dun), что есть на обоихъ языкахъ переводъ слова Долонъ-норъ.

Подъ этимъ именемъ нѣтъ ни одного города ни на одной европейской картѣ, начиная отъ д'Анвиля до Клапрота, Бергхауза и О. Іакинѳа. Вотъ что О. Іакинѳъ говоритъ о Долонъ-норѣ ([19]). Долонъ-норъ по монг. семь озеръ; такъ называется въ Чахарѣ небольшое озеро въ изгибѣ Шанду-гола. Въ окрестностяхъ Долонъ-нора, извѣстныхъ подъ симъ же названіемъ, Ургинскій Кутухта и Тушету-ханъ, пораженные Галданомъ, въ 1691 году, лично были приняты Китайскимъ государемъ въ подданство. На сей случай построенъ на берегу озера великолѣпный храмъ Шань-нинь-сы, при которомъ ежегодно зимою бываетъ ярмарка. Въ древности это озеро называлось До-лунъ-бо.

Сколько мнѣ извѣстно только два писателя говорятъ о Долонъ-норѣ, какъ о большомъ, древнемъ торговомъ городѣ: Хюкъ, его посѣтившій, и Іеромонахъ Палладій. Палладій именно говоритъ что Долонъ-норъ принадлежитъ, вмѣстѣ съ Ху-ху-хотономъ и Калганомъ, къ самымъ важнымъ торговымъ пунктамъ Монголіи, и что онъ есть лѣтнее мѣстопребываніе одного Кутухты и расположенъ въ 250 верс. отъ Пекина ([20]) на всѣхъ же картахъ, начиная отъ д'Анвиля (на карт: Дюфура, Андріво-гужона, Бергхауза, Штилера, Киперта и О. Іакинѳа), на изгибѣ Шанду-гола, въ томъ мѣстѣ гдѣ находится озеро Долонъ-норъ, означенъ городъ Чжэо-наймань-сумэ (Tchao-Naiman-Soume, Djo-naiman-soume), что значитъ, по свидѣт. Хюка ([21]), по монгольски сто восемь монастырей (?) Хюкъ говоритъ что тщетно старался узнать почему городъ Долонъ-норъ означенъ на картахъ этимъ именемъ, которымъ его никто не называетъ

(19) О. Іакинѳа Ст. Оп. Кит. Имп. С. П. Б. 1842. Ч. II. ст. 45.

(20) Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю. Запис. Имп. Русс. Геогр. Общ. С. П. Б. кн. IV. 1850. ст. 48.

(21) Huc. Souv. d'un Voyag. en Tartarie. T. I. p. 53.

въ стран'ѣ. Но во всякомъ случа'ѣ н'ѣтъ ни мал'ѣйшаго сомн'ѣнія что Долонъ-норъ и Чжао-наймань-сумэ есть совершенно одно и тоже.

Для объясненія названія Чжао-наймань-сумэ приведемъ зд'ѣсь цитатъ изъ статис. опис. Кит. Имперіи О. Іакинѳа, заимствованный имъ изъ китайской государственной географіи ([22]). Кай-п'инъ-фу, иначе Шанду, китайское названіе столицы, основанной Хубилаемъ въ 1260 г., на л'ѣвомъ берегу Шанду-гола, въ 240 ли отъ Души-к'эу на С.-С.-В. Городъ былъ обнесенъ двойною ст'ѣною, изъ конхъ вн'ѣшняя им'ѣла около 10 ли въ окружности, на В. и З. по двое, на Ю. и С. по однимъ воротамъ; внутренняя содержала 5 ли окружности и трое воротъ на Ю.-В., и З. Въ С.-В. углу города есть каменный памятникъ съ надписью 1270 года. Развалины городскихъ ст'ѣнъ и нын'ѣ существуютъ, подъ монгольскимъ названіемъ Чжао-наймань-сумэ. Что касается до дворцовъ, даже основаніе ихъ изгладилось. Государи дома Юань ежегодно однажды посѣщали сей городъ.

Сл'ѣдовательно нын'ѣшній городъ *Долонъ-норъ*, (названный на всѣхъ картахъ Чжао-наймань-сумэ) и *Шанду*, л'ѣтняя резиденція Хубилая, которую описываетъ М. Поло (см. ниже), есть одно и тоже. Риттеръ и Гриммъ полагали положеніе Шанду гораздо дал'ѣе къ Ю.-В. (на 2° южн'ѣе и на $1^1/_2$ восточн'ѣе, см. карту Гримма). Только на большой карт'ѣ Клапрота ([23]) Чжао-наймань-сумэ, насеченный какъ и на другихъ картахъ на должномъ м'ѣст'ѣ, т. е. изгиб'ѣ Шанду-гола, признанъ за древній Шанду (см. карт. Клапрота).

Т'ѣмъ бол'ѣе любопытны показанія очевидца Хюка о город'ѣ, котораго положеніе даже было совершенно потеряно для науки, и въ который не попадалъ ни одинъ европейскій путешествен-

(22) См. О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 299.

(23) Klaproth Carte de l'Asie Centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'Empereur Khian-Loung par les missionnaires de Peking etc. Paris 1836.

никъ, со времёнъ М. Поло, т. е. въ теченіи почти шести столѣтій, кромѣ развѣ Жербильона, не оставившаго о немъ никакихъ описаній.

Возвратимся къ разсказу Хюка ([24]). Долонъ-норъ не обнесенъ стѣною, онъ состоитъ просто изъ огромной груды дурно выстроенныхъ и дурно расположенныхъ домовъ. Посреди узкихъ и извилистыхъ улицъ вездѣ видны грязь и лужи. Между тѣмъ какъ пѣшеходы тянутся нитями по узкому и опасному тротуару, возы и караваны верблюдовъ и лошаковъ тащатся съ трудомъ черезъ глубокую, черную и вонючую грязь. Часто возъ опрокидывается и тогда трудно себѣ представить замѣшательство происходящее на улицѣ. Животные погибаютъ, задыхаясь въ грязи, товары погибаютъ также, или попадаютъ въ руки мошенникамъ, прибѣгающимъ толпою для увеличенія суматохи.

Не смотря на непріятность Долонъ-нора, на безплодіе его окрестностей, необыкновенную стужу его зимы и удушливаго жара его лѣта, народонаселеніе этаго города необъятно и торговля чрезвычайно значительна. Русскіе товары идутъ сюда изъ Кяхты, Татары безпрестанно приводятъ многочисленныя стада быковъ, верблюдовъ и лошадей и въ замѣнъ получаютъ табакъ, холстъ и кирпичный чай. Этотъ безпрестанный приливъ и отливъ чуждаго населенія даетъ Долонъ-нору оживленный видъ. Разнощики бѣгаютъ по улицамъ, предлагая прохожимъ мѣлочные предметы своего торга; купцы изъ своихъ лавокъ учтиво приглашаютъ покупателей, ламы въ одеждахъ, ослѣпительныхъ яркостью желтаго и краснаго цвѣта, выказываютъ свою ловкость, заставляя скакать своихъ лошадей въ самыхъ трудныхъ и узкихъ проходахъ.

Купцы изъ провинціи Шэнь-си болѣе всего распространены въ Долонъ-норѣ; только они не остаются здѣсь постоянно, а составивъ въ нѣсколько лѣтъ свое состояніе, возвращаются на

---

(24) Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie T. II. p. 53. etc.

родину. Въ этой торговлѣ Китайцы всегда обогащаются, а Татары раззоряются.

Прекрасныя бронзовыя и чугунныя статуи, отливаемыя на заводахъ Долонъ-нора, пользуются знаменитостью не только во всей Монголіи но и въ Тибетѣ. Заводы эти снабжаютъ почти всѣ буддійскія земли идолами, колоколами и другими предметами религіи. Маленькія статуи отливаются однимъ кускомъ, большія— частями, и потомъ спаиваются. Во время пребыванія миссіонеровъ въ Долонъ-норѣ, была отправлена отсюда въ Тибетъ, изумительно колоссальная статуя Будды: 84 верблюда были навьючены ея частями. Князь Учжумъ-цинь (Utchu-Mutchin), отъѣзжавшій на поклоненіе въ Хлассу, везъ ее въ подарокъ Далай-ламѣ. Миссіонеры заказали на китайскихъ заводахъ распятіе, по прекрасному бронзовому моделю, привезенному изъ Франціи. Заказъ былъ такъ хорошо исполненъ, что невозможно было отличить копію отъ оригинала. Китайскіе работники работаютъ скоро, дешево и очень снисходительны. Миссіонеры пробыли въ Долонъ-норѣ до 1 окт. 1844 года.

5) *Историческое значеніе развалинъ Дай-нинъ-чена, описанныхъ Исбрандомъ подъ именемъ Tai-Ming-Tchen* ([25]).

Показаніе о развалинахъ Дай-нинъ-чена заимствованныя Риттеромъ изъ путешествія Исбранда, такъ интересны, что является необходимость опредѣлить ихъ историческое значеніе и эпоху къ которой они принадлежатъ.

Развалины эти относятся совсѣмъ не ко временамъ Монгольской династіи, какъ то предполагалъ Риттеръ; но гораздо болѣе древни; Дай-минъ-ченъ же есть описка вмѣсто Дай-нинъ-ченъ.

Дай-нинъ-ченъ есть древній Дай-динъ-фу, средняя столица (Чжунъ-динъ) Кидапьскаго царства или династіи Ляо (властвовавшей отъ 907 до 1025 года). Именно въ половинѣ X вѣка,

(25) См. выше ст. 302.

Шенъ-цзуну, шестому императору династіи Ляо, при проѣздѣ его черезъ эту мѣстность, понравилось ея красивое мѣстоположеніе на берегахъ Лохи, называвшейся тогда Ту-хэ, и у подошвы горы Ци-цзинь-шань (Хорбоньцзинь) ([26]), и онъ построилъ здѣсь свою среднюю столицу (Чжунъ-цинъ), назвавъ этотъ городъ Да-динъ-фу. Въ 996 году городъ былъ обнесенъ внутреннею стѣною и населенъ Китайцами, въ 1018 году основанъ и внутренній городъ подъ названіемъ Хуанъ-ченъ, т. е. императорскаго. Въ немъ былъ построенъ дворецъ, состоящій изъ пяти тронныхъ залъ, храмъ основателю династіи Ляо и храмъ его предкамъ. Къ послѣднему-то храму принадлежала высокая, осьми-угольная (по свидѣтельству Ченъ-дэ-фу-чжи 13-ти этажная) каменная башня, которую описываетъ Исбрандъ. Время основанія ея есть слѣдовательно 1018 годъ, колоссальныя каменныя статуи царей съ скрещенными руками и коронами, и царицъ съ сложенными руками, которыя Исбрандъ принялъ за изображенія христіанскихъ святыхъ, потому-что короны показались ему похожими на сіянія, суть изображенія предковъ Шенъ-цзуна, т. е. пяти первыхъ императоровъ династіи Ляо, между прочимъ великихъ Амбаганя и Тай-цзуна. Скоро послѣ того (въ 1025 г.), пала династія Ляо. Замѣнившая ее Гиньская династія, (т. е. Нюй-чженьская или древне-Маньчжурская, властвовавшая отъ 1025 до 1260 г.) переименовала этотъ городъ въ Дай-пинъ-фу, и изъ средней столицы (Чжунъ-цинъ) въ сѣверную (Бей-цинъ). Въ 1054 г. здѣсь была построена академія наукъ, въ 1060 г. педагогическій институтъ и домъ комитета министровъ ([27]). По паденіи династіи Гинь (случившемся въ 1260 г.), при монгольской династіи (Юань), Дай-пинъ-фу игралъ еще роль столицы, что и осталось въ памяти туземцевъ, говорившихъ Исбранду, что будто бы здѣсь была столица Утайхана (Октая). Только по паденіи монгольскаго владычества (1368 г.) при туземной Минь-

(26) См. Чэнъ-дэ-фу-чжи, Гл. XXI, стр. 13, по рукописному переводу В. П. Васильева.

(27) См. О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II, ст. 282 и 283.

ской династіи городъ этотъ утратилъ свое значеніе. Онъ уже былъ оставленъ въ 1387 году, и вмѣсто него основанъ нѣсколько далѣе къ Ю.-Ю.-З. новый Дай-пинъ-ченъ, въ которомъ пребывалъ корпусный генералъ. Но и сей послѣдній оставленъ въ 1403 году, и превратился въ развалины.

Старый Дай-пинъ-ченъ, средняя столица Ляосскаго (Киданьскаго) и сѣверная Гиньскаго (Нюй-чженьскаго) царства, процвѣтавшая въ теченіи четырехъ вѣковъ, и есть слѣдовательно развалина описанная Исбрандомъ подъ именемъ Tai-Ming-Tchen. Монголы называютъ ее Чаганъ-собарга-хота, т. е. городъ съ бѣлымъ собарганомъ, потому-что башня храма предковъ династіи Ляо, которую такъ наивно описалъ Исбрандъ, имѣетъ бѣлый цвѣтъ.

Новый Дай-пинъ-ченъ, имѣвшій нѣкоторое значеніе только въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій при Минъской династіи (въ концѣ XVI вѣка), есть лежащая далѣе къ Ю.-Ю.-З. развалина называемая Исбрандомъ — Бурганъ-хота, т. е. городъ идоловъ, носящая, по свидѣтельству этого путешественника, китайскій характеръ. Монголы называютъ ее, по свидѣтельству китайской географіи, Хара-хота, т. е. черный городъ. Разстояніе первой развалины отъ воротъ Ки-фынъ-к'эу, по свидѣтельству той же географіи, составляетъ 560 ли (280 вер.), а второй — 390 ли (195 вер.), слѣдовательно разстоянія между обѣими — 170 ли (85 вер.). На картѣ Гримма Дай-пинъ-ченъ и Хара-хота нанесены довольно вѣрно, только тождественные Хара-хота и Бурганъ-хота ошибочно означены раздѣльно. На картѣ О. Іакинѳа, приложенной къ его исторіи азіатскихъ народовъ, Да-динъ т. е. Дай-пинъ-ченъ нанесенъ ошибочно верстъ 120 къ С.-С.-В. отъ Чаганъ-собарга-хота, гораздо ниже по теченію Лохи.

§ 14.

Изложеніе IV. *Южная окраина степнаго плоскогорія отъ высокаго Пе-ча, при Хуанъ-хэ, къ воротамъ Хи-фынъ-к'эу и къ равнинѣ Пекина.*

Только при истокахъ Лоха къ Ю.-З., гдѣ лежитъ городъ (*) Хара-хота (Kara-Khotun), однообразный характеръ плоскогорія замѣняется дикою природою горъ. Слѣдуя вверхъ по степной рѣкѣ Лоха приходишь къ возвышенному горному ущелью, чрезъ которое дорога просѣчена искуственнымъ образомъ въ скалѣ; отсюда, отправляясь на Ю.-З., спускаешься къ Бао-хэ (Pao-ho); притоку Луань-хэ (Lan-ho), ниспадающему, подобно множеству другихъ горныхъ ручьевъ, съ южнаго уступа высокаго Пе-ча въ глубокую долину. Первое поселеніе на Бао-хэ называется Куань-ченъ (Quan-Tching) (1). При семъ городѣ и ущельѣ начинается гористый скатъ нагорья, пересѣкаемый ущельями и узкими долинами, чрезъ которыя караваны обыкновенно проходятъ цѣлую недѣлю. Здѣсь начинается страна лѣсовъ и охоты, и природа дѣлается вполнѣ живописною. Начиная отъ Хара-хота (Khara-Khoto), тигры и леопарды находятъ свое любимое убѣжище въ густотѣ лѣсовъ и глубинѣ горныхъ ущелій, и дѣлаются страшными для путешественниковъ. Императорскія облавы принадлежатъ здѣсь къ необходимѣйшимъ средствамъ обороны противъ нихъ. За горными ущельями прекращается нагорье Харчинь, представляющее еще страну пастбищъ, и показываются обширныя помѣстья вельможъ, жалованныя императорами и заселенныя либо китайскими преступниками — какъ ссыльными, либо китайскими невольниками — какъ колонистами. Поселенцы эти кое-гдѣ засѣваютъ поля и разводятъ сады. По съ горными долинами и теплыми скатами горъ,

---

(*) т. е. развалина новаго Дай-нинъ-чена см. выше ст. 325 — *Пр. Пер.*

(1) Gerbillon у Du Halde IV p. 485. Ysbrand p. 113.

въ ложбину р. Луань-хэ, въ которой лежитъ нѣсколько выше знаменитый императорскій лѣтній замокъ Жэ-хэ (Je-Hol), начинаются снова дубовые и липовые лѣса, и показываются также въ роскошномъ развитіи растенія теплѣйшихъ климатовъ, абрикосывыя деревья, грецкіе орѣшники, каштаны и виноградныя лозы. Здѣсь начинаются также обработанныя поля и появляется характеристическая культура уступовъ (Terassencultur). Изъ Лангова описанія горнаго прохода Хара-хота легко убѣдиться, что за этою естественною границею должны начинаться: другая физическая и этнографическая область и другой бытъ народный, свойственные низменностямъ.

При первомъ узкомъ горномъ ущельѣ (2), сначала трудно проходимомъ, появляются первыя Китайскія чайныя харчевни, а у южной подошвы высшей горной окраины, съ которой спускается крутая, узкая, руками человѣческими пробитая дорога, лежитъ на первомъ уступѣ, въ долинѣ, первый правильно выстроенный Китайскій городокъ Па-гои (Pagol у Ритт., Ра-Keou-Hien на кар. Бергхауза) съ многочисленными лавками (*). Здѣсь встрѣчаются въ первый разъ жители, говорящіе на Китайскомъ (Никанскомъ) языкѣ, но и Монгольскій языкъ еще распространенъ между ними. Здѣсь только можно было было получить (въ 1736) первые предметы роскоши: аракъ, пиво и садовые плоды.

Далѣе, послѣ двудневнаго перехода внизъ, вдоль высокихъ горныхъ долинъ, появляются поселенія въ болѣе глубокой долинѣ и встрѣчаются первые каменные дома и первая Китайская школа.

Еще далѣе, послѣ двудневнаго перехода, дорога идетъ снова проходомъ, искуственно пробитымъ въ скалахъ, къ городу Куань-чень (Quang Tchen). Отсюда надо слѣдовать еще въ продолженіи 2-хъ дней прямо на Ю., проходя два раза по

---

(2) L. Lange IV. p. 193, 193.

(*) Этотъ городъ называется нынѣ Н'инъ-цюань-чжеу и есть одинъ изъ уѣздныхъ Чэнъ-дэ-фусской области. См. выше ст. 306. — *Пр. Пер.*

искуственно пробитой между скалами дорогѣ, ущельями и утесистыми долинами, гдѣ съ открытыхъ мѣстъ наконецъ виднѣется вдали Китайская стѣна около воротъ Хи-фынъ-к'эу.

Послѣдніе три дня перехода до Китайской стѣны, говоритъ Исбрандъ ([3]), шли мы безпрерывно между скалъ, чрезъ которыя, къ удивленію нашему, руками человѣческими была просѣчена дорога. Особенно удивила насъ высокая скала, чрезъ которую была пробита дорога въ 200 локтей длины и 7 ширины ([*]). Эты скалы поросли дубами, липами и орѣшниками; дичь попадается въ изобиліи, Китайскій императоръ охотился здѣсь два раза въ годъ.

Вотъ сущность содержанія необыкновенно замѣчательнаго отчета умнаго и правдиваго наблюдателя Л. Лапге, который нѣсколько разъ путешествовалъ по Сибири въ Пекинъ и котораго показаніе совершенно сходны съ показаніями Исбранда и Іезуитовъ.

Отъ подошвы пограничнаго хребта до столицы страна внутри стѣны принимаетъ совершенно другой характеръ; здѣсь скоро появляются рощи, строевой лѣсъ и каменно-угольныя ломки; уже на второй день путешествія къ Ю.-З. при Цзунь-хуа-чжеу (Tsun-Hoa-Tcheou) разстилается теплая равнина, вездѣ покрытая обработанными полями и садами. Близъ Цзунь-хуа разводится лучшій табакъ ([4]); яблоки, груши, каштаны, превосходный виноградъ и лимоны растутъ здѣсь въ большемъ количествѣ. По берегамъ широкаго Луань-хэ, оживленнаго движущимися по немъ плотами, деревни слѣдуютъ за деревнями, скалы увѣнчаны храмами идоловъ и пагодами, городъ появляется за городомъ и всѣ они соединены сѣтью каналовъ, по которымъ идутъ многочисленныя барки, нагруженныя рисомъ. Даже морскіе корабли поднимаются вверхъ по рѣкамъ почти до

---

(3) Ad. Brand. p. 940; Ysbrand p. 114.

(*) Это ущелье называется китайцами липовой долиной — Дуань-му-гу. — *Ир. Пер.*

(4) Gerbillon p. 485; Ysbrand p. 121.

подошвы нагорья. Именно въ томъ мѣстѣ гдѣ разительный контрастъ между нагорьемъ и низменностью выражается въ наименьшемъ пространствѣ, и притомъ гораздо рѣзче нежели въ какой либо другой части стараго свѣта, лежитъ столица колоссальнаго государства и резиденція императора — Пекинъ, нынѣ средоточіе всѣхъ силъ Восточной Азіи. Сообщенія происходятъ здѣсь по самымъ покойнымъ дорогамъ, и отъ самой стѣны до столицы, на четверти-часовыхъ разстояніяхъ, расположены, въ видѣ телеграфической линіи, высокія каменныя, снабженныя карауломъ башни, на которыхъ развѣваются желтые императорскіе флаги. — Въ случаѣ нечаянныхъ попаденій вывѣшиваются фонари и такимъ образомъ извѣстіе о томъ что происходитъ на нагорьѣ доходитъ въ нѣсколько часовъ до столицы.

---

§ 15.

Изложеніе V. *Южная окраина нагорной Гоби отъ Кяхтинской дороги до равнины Пекина къ горному проходу Чжань-кя-к'эу.*

Этимъ болѣе западнымъ горнымъ проходомъ изъ нагорной степи Гоби, о которомъ мы уже издавна имѣемъ точныя свѣдѣнія, вступилъ Л. Ланге въ равнины Китая во 2-мъ и 3-мъ путешествіи своемъ, а въ новѣйшее время и Тимковскій; мы послѣдуетъ сначала древнѣйшимъ извѣстіямъ и дополнимъ ихъ новѣйшими данными.

Караванъ Ланге (1) почти цѣлые два мѣсяца, въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1727, проходилъ по страшнымъ пустынямъ, гдѣ съ большимъ трудомъ избѣжалъ погибели отъ зимнихъ стужъ, бурь и недостатка въ подножномъ кормѣ. Ежедневно падало

(1) Lange dritte Karawanenreise II. p. 87.

отъ 10 до 20 и даже до 30 лошадей, вслѣдствіе усталости и недостатка корма; наконецъ караванъ, слѣдуя все по ровной, плоской, однообразной нагорной степи, достигъ до станціи Арумъ-шабарта (Arum-Schabarta).

Отсюда наконецъ идетъ крутой горный проходъ чрезъ высокія скалистыя горы внизъ къ населенному Китаю (2). Здѣсь начинается Ю.-В. окраина плоскогорія.

Этотъ хребетъ, вдоль горнаго прохода, называется бѣловершиннымъ (Чаганъ-толо-гоинъ-даба) и состоитъ вдоль и поперегъ изъ высокихъ скалъ и глубокихъ пропастей. Здѣсь появляется вдругъ, говоритъ Унферцагтъ (сопровождавшій Ланге во время втораго его путешествія), горный хребетъ (3), и мы должны были спускаться столь круто, что нельзя было смотрѣть внизъ безъ головокруженія. На старой границѣ владѣній Монгольскихъ и Китайскихъ стоитъ караульный домъ и храмъ, наполненный идолами, похожими на наши изображенія дьявола. Дж. Белль (1719) (4), спутникъ Ланге и Унферцагта, выражается слѣдующимъ образомъ: послѣ 40 дневнаго перехода черезъ нагорныя степи, которыя бо́льшею частію походили на песчаную мель, и на которыхъ насъ застигла подъ конецъ сильная снѣжная мятель, увидѣли мы первыя вершины горъ, направлявшіяся къ С.-З., и на нихъ линію великой стѣны. Одинъ изъ насъ закричалъ: «земля», какъ бы послѣ долгаго плаванія на морѣ; бѣлая линія стѣны находилась впереди насъ въ разстояніи 16 часовъ. Мы раскинули лагерь еще на высокомъ открытомъ плоскогоріи, въ томъ мѣстѣ гдѣ старыя укрѣпленія (Чаганъ - балгассу) (*), преграждаютъ дорогу. День 2 Ноября былъ холодный и снѣжный. На слѣдующій вечеръ оставили мы равнину и вступили въ узкій проходъ, заключенный между двумя горными стѣнами; слѣ-

(2) L. Lange 3-te Reise p. 115.
(3) G. J. Unverzagt p. 54.
(4) J. Bell of Antermony Tran. Glasgow 4 vol. I p. 331.
(*) т. е. бѣлый городъ. — *Пр. Пер.*

ва горы возвышались вертикальною стѣною, справа, т. е. къ З., поверхность ихъ сначала склонялась, потомъ снова возвышалась; слѣдуя по круто-спускающейся скалистой дорогѣ, шириною только въ 8 ф., прибыли мы къ небольшому Китайскому монастырю, уединенному какъ отшельническій скитъ, и доступному только пѣшеходамъ. Здѣсь монахи дружелюбно угостили насъ чаемъ. Предъ большимъ же Китайскимъ строеніемъ, содержащимъ въ себѣ жертвенники и множество идоловъ, положенъ былъ мѣшокъ пшеницы, въ видѣ жертвоприношенія. Все перемѣнило здѣсь свой видъ, новый міръ открылся глазамъ нашимъ; внизу показались скалистые ландшафты, съ разбросанными на нависшихъ скалахъ хижинами, точно такъ какъ изображено это на китайскомъ фарфорѣ. Холодный рѣзкій климатъ высотъ замѣнился теплымъ пріятнымъ воздухомъ; въ чистыхъ избахъ слѣдующихъ деревень Британецъ находилъ съ удовольствіемъ горѣвшій въ каминахъ каменный уголь.

Горный проходъ пробитъ съ большимъ трудомъ въ видѣ ступеней; даже безъ поклажи спускаешься въ теченіи полу-дня по крутой горной дорогѣ, по сторонамъ которой разбросаны, во всѣхъ углахъ образуемыхъ скалами, хижины и жилища. Караванъ съ фурами употребилъ цѣлый день, для достиженія деревни Толай-сумэ (Toloi Sumai), лежащей въ разстояніи около 1 мили (6 верстъ) отъ Китайской стѣны. Пройдя новыя ворота, Чжанъ-кя-к'эу, достигаешь города тогоже имени, служащаго ключемъ къ Китаю. Здѣсь собирается пошлина, снова показываются прекрасные сады, свѣтлые ручьи, источники и фонтаны, виноградныя лозы, каштаны, дыни, лимоны, померанцы, персики, миндали, груши и яблоки (5). Такъ близко граничатъ здѣсь зима и лѣто; контрастъ этотъ еще поразительнѣе, послѣ нѣсколько-мѣсячнаго странствованія по холоднымъ степямъ Сѣвера, нежели на Боромейскихъ островахъ,

(5) L. Lange 3-te R. p. 119.

при Аостѣ и Айроло, на южномъ скатѣ Монте-роза, С. Бернарда и С. Готарда. — Дж. Белль ([6]) говоритъ опредѣлительно, что хотя степь Гоби походитъ на большую непрерывную равнину, однакоже она гораздо выше всѣхъ другихъ равнинъ и мѣстностей Китая; потому что при входѣ на первый горный проходъ, говоритъ онъ, высота, на которую мы поднялись, весьма незначительна въ сравненіи съ высотою, по которой спустились съ южной стороны. Тоже же самое важное замѣчаніе сдѣлалъ этотъ внимательный наблюдатель и на возвратномъ пути, и вывелъ совершенно справедливое заключеніе объ общемъ возвышеніи Гоби, какъ надъ Китаемъ, такъ и надъ Сибирью. Къ тому же заключенію приходитъ Жербильонъ (1696), въ томъ самомъ мѣстѣ ([7]) гдѣ онъ говоритъ о первомъ плоскогоріи, лежащемъ передъ Хинганъ-дабаханомъ (Khinggan-Tabahan). Отсюда можно попасть въ 7 дней въ Пекинъ, направляясь къ Ю.-В., чрезъ довольно-незначительныя горныя цѣпи.

Описываемый нами скатъ высокаго плоскогорія изо всѣхъ намъ извѣстныхъ есть самый крутой и быстрый. Въ равнинѣ у его подошвы происходятъ частыя и правильно возвращающіяся землетрясенія; зобы составляютъ здѣсь эндемическую (мѣстную) болѣзнь ([8]); даже маленькія дѣти изуродованы сильными наростами. Это явленіе замѣчается, при совершенно такихъ же условіяхъ, на южномъ уступѣ Бутана и Непала, на сѣверномъ Габеша и Мандинго, и въ другихъ подобныхъ мѣстностяхъ, характеризуемыхъ крутыми горными скатами, какъ это въ Европѣ достаточно извѣстно въ Валлезѣ и на южномъ склонѣ большаго С. Бернарда.

Первыя свѣдѣнія, дополняющія и исправляющія топографію этаго знаменитѣйшаго изъ всѣхъ входовъ въ Китай со времени прошлаго столѣтія, находимъ мы у *Тимковскаго* (1819 г.); только приложенная къ его сочиненію карта къ сожалѣнію не

(6) J. Bell. p. 334. II. p. 120, 121.

(7) Gerbillon, у Du Halde IV. p. 427.

(8) L. Lange, тамъ же p. 123; Turner Embassy p. 408.

соотвѣтствуетъ исправленному тексту (9), съ которымъ согласны всѣ вышеприведенныя данныя. 14 Ноября Русская миссія достигла до конца плоскогорія, и, оставивъ въ сторонѣ на З. большую зеркальную поверхность послѣдняго степнаго озера *Ангулинора* (или Чаганъ-нора), покрытую стадами лебедей, увидѣла на югѣ, на свѣтло-синемъ горизонтѣ, вершины южной окраины, называемой Хинганъ-Дабаханомъ (т. е. проходъ въ Хинганѣ), на которой ясно видны были башни великой стѣны. Видъ этой границы между Монголіею и Китаемъ возбудилъ и на этотъ разъ всеобщую радость (10). Озера плоскогорія уже покрылись льдомъ; множество каравановъ въ 100 до 250 верблюдовъ, нагруженныхъ чайными тюками, направлялись къ Сибири, чрезъ Монгольскую степь: сто лѣтъ спустя послѣ того какъ Ланге учредилъ караванную торговлю съ Китаемъ нельзя было не замѣтить важнаго вліянія этой торговли на историческое развитіе и оживленіе высокой Гоби и ея населенія. Монголы раскинули на этомъ пути свои голубыя палатки и многіе возвращались съ грузомъ товаровъ изъ Маймачена. Другіе везли изъ отдаленныхъ хвойныхъ лѣсовъ съ береговъ р. Толы еловый лѣсъ и навьюченные на верблюдахъ ящики сушеныхъ грибовъ — предметы, которые продаются дорогою цѣною въ Китаѣ.

Въ $^1/_2$ часовомъ разстояніи отъ замѣченной уже Белемъ низкой, укрѣпленной линіи, которая, по преданію, основана Китайцами для защиты горныхъ проходовъ ведущихъ въ равнину, отъ нападеній Монголовъ при Чингисханѣ (что довольно правдоподобно) (11), и вблизи которой былъ расположенъ нѣкогда лагерь Импер. Канъ-хи, во время похода его противъ Элютовъ (1696) (12), лежитъ 4 угольная небольшая крѣпость Чаганъ-балгассу (т. е. бѣлый городъ). Крѣпость эта незначительна, стѣны

(9) Timkowski, Voyag. ed. Paris 1827. T. I. p. 280 not., Atlas ed. fr. p. 22.
(10) Timkowski, Voy. I. p. 271, II. p. 378.
(11) Klaproth not. y Timkowski II. p. 222.
(12) Gerbillon, четвертое путешествіе, p. 389 и т. д.

ея имѣютъ только 30 ф. вышины, полуобрушились и представляютъ видъ укрѣпленнаго лагеря; она служитъ только пристанищемъ для путешественниковъ и для изнуренныхъ вьючныхъ животныхъ, которыхъ пріѣзжающіе изъ степи оставляютъ здѣсь на высокихъ пастбищахъ, съ тѣмъ чтобы, отдохнувъ и поправясь, они могли служить для перевозки клади на возвратномъ пути. Бури Гоби, съ ея страшными пустынями и снѣжными полянами, остались назади, но сильная мятель принудила караванъ остановиться. При возвращеніи изъ теплой равнины Пекина, гдѣ въ концѣ мая пшеница и хлѣбъ уже находились въ полномъ цвѣтѣ, между тѣмъ какъ на предлежащихъ горныхъ высотахъ едва пробивалась зелень посѣвовъ, привѣтствовали здѣсь Евроскихъ путешественниковъ въ первый разъ—свѣжій воздухъ степей и пѣніе отечественныхъ жаворонковъ. Двѣ дороги ведутъ въ настоящее время внизъ къ Калгану (Чжанъ-кя-к'эу): 1) *Восточная*, проходящая чрезъ Шабартай, есть старая дорога, по которой слѣдовалъ и Лангe, по которой и теперь постоянно ѣздятъ по дѣламъ Монголы одного изъ отдѣловъ (Кубошара) кочующихъ здѣсь пастушескихъ племенъ (извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Чахаръ*, т. е. пограничный народъ). 2) Западная называется дорогою верблюдовъ или караванovъ; она проходитъ чрезъ гору Сенчжи (Sendjit); по ней слѣдуютъ Монголы другаго отдѣла (Гулп-шара) Чахаровъ; на оба возложена обязанность пасти въ горахъ императорскія стада. Отъ Чагань-балгассу караванъ долженъ былъ спускаться въ продолженіи двухъ дней, прежде нежели достигъ до воротъ Чжанъ-кя-к'эу. Въ продолженіи перваго дня караванъ шелъ вдоль покрытаго льдомъ ручья *Бургассутай*, чрезъ глубокія пропасти Хингана, мимо двухъ горныхъ замковъ, до обширной равнины, служащей передовою террасою горной окраины. Эта равнина покрыта китайскими домами; у подошвы горы выстроенъ храмъ Борочечжи (Borozedje), а противъ него театръ для труппы актеровъ изъ Калгана, которые даютъ здѣсь народныя представленія во время годовыхъ праздниковъ. День былъ холодный, ноябрь-

скій; термометръ Реомюра показывалъ — 17° при восхожденіи солнечномъ; все было покрыто слоемъ льда и снѣга; не смотря на то кипѣла здѣсь жизнь, показывавшая близость торговаго города: въ разныхъ направленіяхъ тянулись караваны, тѣлеги, товары, верховые на верблюдахъ, лошади и стада. Монгольскій постъ изъ нѣсколькихъ юртъ содержалъ караулъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ проходитъ пограничная горная цѣпь ([13]), отдѣляющая Монголію отъ Китая. На ея скалистомъ гребнѣ тянется каменная стѣна, служащая пограничнымъ признакомъ сѣвернаго Китая. Кирпичныя, квадратныя башни возвышаются здѣсь на 63 ф. (9 саж.) и имѣютъ до 21 ф. въ квадратѣ. Видъ отсюда внизъ на Китай величественъ; на Ю., В. и З. виднѣются покрытыя снѣгомъ горы (16 Ноября), которыхъ острыя, черныя вершины достигаютъ до облаковъ. Слѣдовательно отсюда столь же трудно видѣть болѣе роскошную, низкую, земледѣльческую равнину Китая, какъ трудно было Аннибалу позать своимъ Карѳагенянамъ съ Альпійскаго горнаго прохода привлекательную Италію; но невозможно не предчувствовать близости теплой равнины. Первая Китайская деревня, лежащая на этомъ пути, называется Норъ-дянь (Nor-Tian); она лежитъ еще внѣ стѣпы, и здѣсь только оканчивается кочевая жизнь, начинающаяся съ береговъ Селенги. Деревня содержитъ въ себѣ только 20 домовъ, но не смотря на то имѣетъ въ высшей степени привлекательный видъ; съ сосѣдними 2-мя деревеньками, начинаются нѣкоторыя хлѣбныя поля, и показывается выстроенная изъ глины и покрытая соломою первая гостинница, гдѣ горѣвшій очагъ оживилъ окостепѣвшихъ путниковъ; а прекрасное сѣно — выючныхъ животныхъ; китайскій биткечи (фурьеръ, или чиновникъ сопровождающій караваны) игралъ здѣсь на южной лютнѣ, припѣвая народную пѣсню о Китайской княжнѣ, выданной замужъ за Монгольскаго князя и увезенной въ Гоби. — Все дѣлается здѣсь національнымъ, китайскимъ, такъ

---

(13) Timkowski, T. I. p. 276.

напр. появляются круглыя китайскія монеты, съ четырехъ угольнымъ отверстіемъ по срединѣ (по китайски *цянь*, по монгольски *чохъ*), которыя, будучи нанизаны по сотнямъ на веревочку, составляютъ размѣнную монету. Отъ упомянутой деревни считается около 3 геог. миль до города Калгана. На этомъ пути сначала мѣшали спуску каравана по узкой скалистой дорогѣ безпрерывно встрѣчавшіяся двуколесныя, большія китайскія тѣлеги, запряженныя 5 или 6-ю лошадьми; на половинѣ этого разстоянія мѣстность сдѣлалась ровнѣе, хотя была еще сильно наклонена къ стѣнѣ; естественное шоссе между самыми дикими скалами и обрывами сдѣлалось наконецъ столь же удобнымъ какъ Симплонская дорога чрезъ Альпы. Съ обѣихъ сторонъ земледѣльческая обработка уступовъ, вслѣдствіе необыкновеннаго трудолюбія китайцевъ, достигаетъ высшихъ горныхъ вершинъ, на которыхъ еще зеленѣются поля; на нависшихъ скалахъ и на скатахъ расположены храмы, деревни и множество хижинъ, подобно гнѣздамъ ласточекъ. Наконецъ уже только у самой великой стѣны ([14]) между двумя крутыми высокими скалами показалась пограничная крѣпость *Калганъ*; къ ней то ведутъ городскія ворота, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ суть ворота самой стѣны (Чжанъ-кя-к'эу). Караульный офицеръ пригласилъ русскую миссію сойти съ лошадей, чтобы войти, въ знакъ почтенія, пѣшкомъ въ великое небесное царство Дацинеи (т. е. династіи Маньчжу).

---

(14) Timkowski, Voyag. I. p. 280.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 15.

1) *Переѣздъ О. Іакинѳа, отъ Калгана до Ангули-нора, при возвращеніи миссіи, въ Іюнѣ* 1821 *года* (1).

Мы не можемъ не воспользоваться здѣсь дневникомъ О. Іакинѳа, веденнымъ имъ отъ Пекина при возвращеніи въ Россію, потому что онъ содержитъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній.

5 Іюня (нов. ст. 1821)) миссія оставила Калганъ. Дорога между горъ по каменистой почвѣ, сначала возвышалась медленно. За селеніемъ Ту-кинъ-изы (15 вер. отъ Калгана) она начала подниматься круче на хребетъ и скоро назади открылась величественная картина. Всѣ вершины хребта Тай-шань были покрыты снѣгомъ, выпавшимъ наканунѣ, въ то время когда въ равнинѣ шелъ дождь. Черезъ 20 ли пути караванъ расположился на ночлегѣ въ селеніи Норъ-дянь (Nor-Tian). Великая стѣна, влѣво отъ дороги, подходитъ здѣсь къ ней на разстояніе 60 сажень. Сосѣднія горы отъ подошвы до вершины были распаханы и засѣяны рожью и ячменемъ. Въ это время хлѣбъ только что начиналъ здѣсь всходить, между тѣмъ какъ у Пекина пшеница уже наливала. На слѣдующій день, за Норъ-дяномъ, миссія поднималась 5 ли, до вершины Калганскаго хребта. Отсюда начинается спускъ въ Монголію. Температура была холодна, лужи подернулись льдомъ, вершины оставшихся назади горъ были покрыты снѣгомъ, который лежалъ и по дорогѣ въ оврагахъ. Мѣстность была все еще гориста. Направо видна была глубокая долина, налѣво на З. синѣлись мрачные утесы дальнихъ хребтовъ, между которыми терялась бѣлая линія великой стѣны. Большая дорога спускалась къ С. Черезъ 5 часовъ пути миссія была уже у подошвы холмовъ, на плоскогорія. Впереди открылась необозримая степь. Вытекающіе изъ горъ: вправо ручей Шабартай (Chibartai) и влѣво Боручайчъ

(1) О. Іакинѳа, Записки о Монголіи. С. П. Б. 1828. ст. 56 — 63.

(Boro-Tchai-Tcho), слившись здѣсь, составляютъ Харинъ-голь, въ который ниже впадаетъ ручей Бургассутай. Здѣсь было послѣднее китайское поселеніе. За Харином вправо на высотѣ бѣлѣлись большія юрты Чахарскаго желтаго знамени съ каймою. Миссія остановилась на лѣвомъ берегу Харина, въ урочище Хойхоръ или Чаганъ-балгассу (Tsagan-Balgassu). Харинъ имѣетъ здѣсь 10—20 ф. шир. и не болѣе 1 ф. глуб. Черезъ 5 ли къ С. В. лежалъ Ихэ-норъ. Харинъ, протекая черезъ это озеро, принимаетъ названіе Хара-уссу, и далѣе на С.-З. впадаетъ въ Ангули-норъ.

На Калганскомъ хребтѣ, по свидѣтельству Іакинѳа, водятся тигры (Felis Tigris), леопарды и Китайскія дикія козы (Мейгуй-ли, Cervus Capreolus). На вершинахъ хребта много полевыхъ жаворонковъ (вѣроятно Alauda nivalis), а въ равнинѣ степныхъ (Alauda mongolica, по китайски Бай-линь).

По переходѣ 4 ли изъ Хойхора миссія оставила влѣвѣ Чаганъ-балгассу-хота (Tsagan-Balgassoun на к. Клапр). Развалина эта состоитъ нынѣ изъ земляного вала, съ четырьмя воротами. Іакинѳъ говоритъ, что здѣсь былъ городъ, извѣстный въ Китайс. исторіи подъ именемъ *Шачень*. Онъ былъ предназначенъ быть столицею династіи Юань (монгольской), въ началѣ XIV в., подъ именемъ Чжунъ-ду (средняя столица), но не былъ достроенъ. Мы же полагаемъ, вмѣстѣ съ Риттеромъ, что здѣсь былъ увеселительный замокъ Хубилая, описываемый Маркомъ Поло, подъ именемъ Чаганъ-норъ (Ciang-Nor) (см. ниже).

Въ 10 ли къ Ю.-В. отъ Чаганъ-балгассу, за рѣкой Харауссу, лежитъ Хара-балгассу-хота (Khara-Khoto на картѣ Клапр.). Это также развалины древняго города, основаннаго еще Китайцами и называвшагося Синъ-хо-ченъ (2).. При династіи Юань (монгольской) въ 1263 году онъ былъ названъ Лунъ-хинъ и въ немъ выстроенъ дворецъ. Городъ этотъ долго былъ важнымъ военнымъ постомъ, и только оставленъ въ XV вѣкѣ. Раз-

(2) См. О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 300.

валины его въ окружности имѣютъ 6 ли и снабжены 4 воротами.

За Чаганъ-балгассу миссія спустилась по степи до р. Хара-уссу, текущей здѣсь на З. и имѣетъ ширины 25 ф., а глубины 2. Переправившись черезъ нее въ бродъ, караванъ поднялся на косогоръ и скоро, въ 15 ли передъ нимъ на З., показалась поверхность Ангули-Пора, въ водахъ котораго погасли послѣдніе лучи солнца. Озеро это находится въ 150 ли отъ Калгана ([3]). Она въ древности называлось Цзи-нинъ-хай-цзы и Юань-янъ-іо. Въ него впадаютъ рѣки Хара-уссу и Ха-лютай-голь. За нимъ начинается уже степь, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что отсюда до Толы не встрѣчается болѣе ни одной рѣки.

2) *Переѣздъ Ковалевскаго отъ Гурбынъ-тулги до Калгана въ Сентябрѣ 1849 года* ([4]).

Русская миссія 1849 года не проходила мимо Ангули-нора, а слѣдовала нѣсколько восточнѣе мимо поворота Хара-уссу. Вблизи этого поворота (къ С.-В.) находится станція *Гурбунъ-тулга* (Toulga на картѣ Клапр.)

По мѣрѣ приближенія миссіи къ Гурбунъ-Тулгѣ (26 сентября нов. ст.) природа становилась живѣе и разнообразнѣе. Появились озера, а около нихъ птицы и дичь. Верстъ 20 не доходя до Гурбунъ-тулги, проходила дорога, изъ Долонъ-нора въ Хуху-хото (по которой слѣдовалъ Хюкъ). Гурбунъ-тулга значитъ три тагана, потому что здѣсь находится лощина съ тремя скалами, и у каждой колодезь. Въ $^1/_4$ в. отсюда расположено глубокое озеро съ прекрасной водой. Въ окресностяхъ Гурбунъ-Тулги племя У-хуань, въ началѣ III вѣка безпокоившее предѣлы Китая, потерпѣло отъ Китайцевъ страшное пораженіе (въ 206 году) окончившее его политическое существованіе. Ухуаньцы,

(3) См. О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 45.

(4) См. Ковалевскаго, Путешествіе въ Китай. С. П. Б. 8. 1853. Ч. I. ст. 92 и 188.

если вѣрить Китайскимъ историкамъ, потеряли здѣсь 200,000 человѣкъ.

27 сентября Русская миссія прошла 25 верстъ, отъ Гурбунъ-тулга до Чагань-балгассу, къ Ю. Ю. В. Первыя 10 верстъ слѣдовали по увалamъ отлогимъ, но подъ конецъ очень каменистымъ, далѣе по равнинѣ. Грунтъ земли на всемъ протяженіи былъ суглинистый. Станція Чагань-балгассу находится въ Ю. В. углу полуразрушенной крѣпости. Около станціи былъ колодезь и озеро. Впереди, въ нѣсколькихъ верстахъ, возвышалась гряда, оканчивающаяся круглымъ огромнымъ холмомъ и текли рѣки Бургассуту и Паринъ. Чагань-балгассу, по свидѣтельству Ковалевскаго, окруженъ земляннымъ валомъ, не болѣе полторы версты въ окружности, и представляетъ какъ бы виды одного огромнаго зданія, съ принадлежащими къ нему пристройками; на бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ его видны и нынѣ изображенія драконовъ—эмблемы Китайской власти. Нѣтъ сомнѣнія, слѣдовательно, что Чагань-балгассу былъ не городъ, а замокъ, однимъ словомъ тотъ самый Ciang-Nor увеселительный дворецъ Хубилая, который описываетъ М. Поло.

Отъ Чагань-балгасу до Нордяня миссія слѣдовала 29 сентября, къ Ю.-Ю.-З., 38 верстъ. Равнина продолжается около 20 верстъ, роскошная, привольная, пересѣкаемая извилистою рѣчкою Паринъ. Съ З. эта равнина окаймлена холмистою грядою. На 5-й верстѣ у самой дороги небольшой (искусственный) курганъ. На 7-й — красивый храмъ Урбунтогой. На 15-й — Паринъ своимъ Ю.-З. направленіемъ пересѣкаетъ дорогу. Черезъ три версты, за рѣчкою, дорога проходитъ воротами, между сблизившимися съ З. и В. грядами и вступаетъ въ долину. Долина эта имѣетъ 7 верстъ длины, на половинѣ ея первая китайская деревенька и великолѣпный храмъ Бороцечжи, съ рѣчкою того же имени; за тѣмъ долина поднимается, съуживаясь въ ущелье, которое наконецъ замыкается сошедшимся грядами.

---

(5) См. Ковалевскаго, Путешествіе въ Китай. Ч. I. ст. 94.

Подъемъ ея длиненъ и потому отлогъ, но спускъ крутъ, изрытъ оврагами, каменистъ и глубокъ. Потомъ явилось новое ущелье, подъемъ до Нордяньскихъ высотъ тяжелый, каменистый. Грунтъ суглинистый, вязкость его была увеличена падающимъ дождемъ. На высотѣ дождь замѣнился снѣгомъ и бурей. Не смотря на то явилось вдругъ чудное зрѣлище: подъ ногами груды черныхъ камней; влѣво, между скалистыми гребнями, неожиданно появились озера, вправо—овраги, ущелья, за ними чудные, дикіе, зубчатые гребни и великая стѣна, перегибающаяся по горамъ. Впереди грозные утесы и пики, и также стѣна, смѣло по нимъ перебирающаяся; по крутымъ бокамъ утесовъ были разбросаны желтыя нивы, зеленѣющіяся деревья и скромно прилѣпленные къ обрывамъ домики. Дорога часто проходила возлѣ глубокихъ враговъ и горныхъ разсѣлинъ. Квартира въ Нордянѣ была очень дурна: запахъ кунжутнаго масла и каменнаго угля встрѣтилъ путешественниковъ, вѣтеръ врывался въ бумажныя окна.

Отъ Нордяня до Калгана миссія слѣдовала 30 сентября къ Ю. на 25 верстъ. Было холодно, озеро за Нордянемъ замерзло. Обогнувъ озеро, дорога нисходитъ по ступенямъ утесовъ. Спускъ мѣстами очень крутъ, часто проходитъ сквозь тѣснины, необыкновенно каменистъ и дѣлаетъ крутые повороты; протяженіе его до дна ущелья 3 версты; на 2-й верстѣ, у подошвы скалы, передъ разсѣлиной, красивый храмъ съ густыми и высокими ивами. Ниже впереди ключь, который черезъ 5 или 6 верстъ появляется въ ущельѣ, изъ подъ сыпучей дресвы, сильнымъ ручьемъ, и идетъ вдоль этого ущелья до самаго Калгана, гдѣ соединяется съ большимъ ручьемъ другаго ущелья и образуетъ рѣку быструю и шумную. Ландшафты чудные, неизобразимые. Мѣстами, у самыхъ стѣнъ ущелья, торчатъ дома и цѣлыя деревеньки, окруженныя густыми ивами; нивы отлично обработаны. Въ одномъ мѣстѣ скала глядитъ особенно сурово черными отверстіемъ пещеры; Монголы увѣряютъ будто бы Чингисъ-Ханъ прошибъ ее своею стрѣлою. Большая деревня передъ Калганомъ располо-

женная по уступамъ, въ стѣнѣ лѣвой горы, вытянувшейся здѣсь въ огромный альковъ, представляетъ прекрасный и оригинальный видъ. Дома и лавки предмѣстья Калгана поразили путешественниковъ новостью архитектуры и пестротою.

3) *Переѣздъ миссіонера Хюка отъ Долонъ-нора до Кяхтинской дороги къ Ю.-В. отъ Ангули-нора, въ Октябрѣ 1844 года* ([6]).

1-го октября 1847 года миссіонеры Хюкъ и Габе выѣхали изъ города Долонъ-нора (см. выше), направляясь къ З.-Ю.-З., по дорогѣ въ городъ Ху-ху-хотонь (Ku-Ku-Khota). По выѣздѣ изъ города потянулись нескончаемые холмики изъ сыпучаго песку, въ которыхъ почти совершенно терялась торная дорога. Жаръ былъ невыносимый, нигдѣ не было видно ни капли воды. Только къ вечеру почва сдѣлалась болѣе твердою: мало по малу пески изчезли, появились свѣжіе слѣды растительности, наконецъ степь покрылась зеленью. Налѣво показалась лощина. Скоро миссіонеры нашли и небольшое озеро, котораго воды были въ половину спрятаны въ густыхъ тростникахъ; на сосѣднихъ буграхъ росли кустарники. Миссіонеры расположились здѣсь на ночлегъ. Вода была свѣжа, но отдѣляла самый сильный запахъ сѣрнистаго водорода. Хюкъ сравниваетъ ее съ минеральною водою городка Аксъ въ Пиренеяхъ.

На другой день въ полдень, миссіонеры, продолжая путь свой, встрѣтили богатый караванъ Халхасской княгини (Мергынь-ванъ), отправлявшейся на богомолье въ знаменитый ламайскій храмъ пяти башень (У-т'ай) въ Шань-си. Караванъ этотъ расположился на берегахъ прекраснаго, прозрачнаго ручья протекавшаго между тучными пастбищами. Княгиня вышла изъ своего четырехколеснаго экипажа, она была одѣта въ зеленомъ шелковомъ платьѣ и привѣтливо поклонилась миссіонерамъ. Послѣ короткаго разговора, миссіонеры продолжали путь. Передъ ними разстилалась опять безводная степь. Къ концу дня

(6) См. Huc Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. Paris. 2-de ed. 8. 1853. T. I. p. 37.

пошелъ холодный, проливной дождь; миссіонеры остановились на ночлегѣ, посреди открытой и безплодной степи, и только съ помощью татаръ могли развести огонь. Одинъ изъ Чахаровъ имъ встрѣтившихся разсказалъ Хюку о походѣ своемъ противъ англичанъ, до которыхъ впрочемъ ему неудалось достигнуть, потому-что миръ былъ уже заключенъ, когда Чахарское войско прибыло въ Чжилійское прибрежье. Чахаръ, что значитъ по монгольски «пограничная земля», граничитъ къ В. съ Кэшиктенью, къ С. съ Сунитомъ, къ З. съ запади. Тумотомъ, къ Ю. съ великою стѣною. Длина ея 150 лье, (болѣе 600 вер.), а ширина 100 лье (болѣе 400 вер.).

На слѣдующій день небо было безоблачно и погода прекрасна. Высокія степныя травы подняли свои головы на лучахъ солнечныхъ, степь была привлекательна, кругомъ разстилались прекрасныя пастбища красной хоругви Чахаровъ. Миссіонеры ночевали въ долинѣ, которая казалась довольно населенною и здѣсь отдыхали два дня.

6 октября они пустились далѣе. Погода была хороша, но при сѣверномъ вѣтрѣ сдѣлалось холодно. Къ вечеру пришли къ тремъ озерамъ, гдѣ и ночевали. Самое большое изъ озеръ имѣетъ 4 ли (2 вер.) окружности. Кругомъ его трава дѣлается болѣе рѣдкою и менѣе зеленою. У самыхъ озеръ вся почва была покрыта бѣлымъ налетомъ селитры. Верблюды съ наслажденіемъ пили соленую воду. Вечеромъ разразилась буря и сильный тифонъ. Къ ночи погода опять разгулялась, заблистали звѣзды; вдали, какъ гигантскія тѣни, видны были странныя, неясныя формы горъ. Изъ густыхъ тростниковъ, съ широкихъ листьевъ Нимфей (7), поднимались тысячи голосовъ водяныхъ птицъ и оживляли мертвенность пустыни.

Эти три озера кажутся намъ тѣми, которыя на большой картѣ Клапрота означены именемъ Гунь-норъ (Goun-Nor). Хюкъ замѣчаетъ что мимо озера проходитъ очень торная дорожка. До-

(7) Nymphea — кувшинка, водное растеніе.

рога эта ведетъ вѣроятно къ воротамъ великой стѣны Ду-ши к'эу. Разстояніе этой мѣстности отъ Долонъ-нора, судя по картѣ Клапрота, составляетъ 85 — 90 верстъ. Миссіонеры употребили на этотъ переходъ четыре дня. Читая внимательно путешествіе Хюка легко убѣдиться, что миссіонеры не могли проходить здѣсь ежедневно много болѣе 20 верстъ, особливо если вспомнимъ что и Ковалевскій въ степи Гоби ежедневно дѣлалъ среднимъ числомъ около 25 верстъ (8).

На слѣдующій день миссіонеры отправились далѣе. Около полудня они встрѣтили три колодца, но привалъ оказался неудобнымъ, потому-что вода была солона и чрезвычайно дурна. Топливо также было дурно. Проѣзжій татарскій всадникъ сказалъ миссіонерамъ, что они находятся очень недалеко отъ торговаго мѣста Шаборты (Chaborté). Хотя этотъ городъ и не лежалъ на ихъ дорогѣ, они рѣшились заѣхать въ него, для того чтобы запастись провизіею, и скоро туда прибыли, забравъ нѣсколько влѣво отъ пути своего.

Шаборты значитъ грязное болото (bourbier). Мѣсто это не должно смѣшивать съ ручьемъ Шабартаемъ, получившимъ свое названіе вѣроятно по той же этимологіи, но лежащимъ отсюда еще впереди на З. въ 3 дняхъ пути. Я полагаю что Шаборты, описываемый Хюкомъ, есть ничто иное какъ станція, означенная на картѣ Клапрота къ В. отъ развалинъ Боро-хота (Boro-Khoto у Клапрота, Poro-hoto у д'Анвил.), близъ Шанду-гола. Станція эта дѣйствительно лежитъ, по картѣ Клапрота, верстахъ въ 30 къ Югу отъ трехъ озеръ Гунь-норъ, т. е. въ лѣвую сторону отъ дороги миссіонеровъ, и есть одно изъ ближайшихъ отъ нихъ въ эту сторону, по дорогѣ отъ Долонъ-нора къ воротамъ Душик'эу.

Миссіонеры прибыли въ Шаборты въ день праздника луны (Юй-п'инъ), который Китайцы празднуютъ особенно въ воспоминаніе изгнанія Монголовъ изъ Китая. Путешественники оста-

(8) См. дневникъ Ковалевскаго въ его путешествіи въ Китай. Ч. I. стр. 151—199

новились внѣ города близъ палатокъ Монголовъ. Посѣтивъ ихъ они слышали пѣснь монгольскаго барда (Гулхало), въ которой живутъ еще историческія воспоминанія о прежнемъ величіи Монголовъ.

Вотъ переводъ этой пѣсни (9).

«Когда дивный Тимуръ жилъ подъ нашими шатрами, монгольское племя было страшно и воинственно, его подвиги преклоняли землю, однимъ взоромъ оно устрашало десять тысячъ народовъ, освѣщаемыхъ солнцемъ».

«О дивный Тимуръ, скоро ли возродится твой великій духъ? Сойди, сойди къ намъ скорѣе, мы ждемъ тебя, о Тимуръ»!

«Мы живемъ въ своихъ обширныхъ степяхъ тихи и кротки какъ агнцы; но сердце наше кипитъ еще, оно полно огня. Воспоминанія славнаго времени преслѣдуетъ насъ безпрестанно. Гдѣ же вождь, который долженъ стать во главѣ насъ и сдѣлать насъ воинственными»?

«О дивный Тимуръ» и т. д.

«Молодой Монголъ сильною рукою умѣетъ подчинить себѣ дикаго коня; онъ умѣетъ открыть на далекой степи слѣды блуждающаго верблюда.... Но увы у него нѣтъ силы натянуть лукъ своего предка; глаза его не замѣчаютъ хитростей врага».

«О дивный Тимуръ» и т. д.

«Мы видимъ на святомъ холмѣ развѣвается красный поясъ ламы и надежда зацвѣтаетъ въ нашихъ шатрахъ.... Скажи же намъ лама! Когда уста твои произносятъ молитву открываетъ ли тебѣ Хормуста что нибудь изъ будущей жизни»?

«О дивный Тимуръ» и т. д.

«Мы сожигали ладанъ у ногъ дивнаго Тимура; повергая главы свои на землю, мы приносили ему въ жертву чайные листья и молоко нашихъ стадъ.... Мы готовы; Монголы вставайте передъ Тимуромъ!... А ты Лама благослови наши стрѣлы и копья»!

---

(9) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. I. p. 104.

«О дивный Тимуръ! Скоро ль возродится твой великій духъ. Сойди, сойди скорѣе! мы ждемъ тебя о Тимуръ»!

Городокъ Шаборты расположенъ на сырой и болотистой почвѣ. Всѣ дома его — землянки, окруженныя высокими заборами. Улицы неправильны, извилисты и узки. Видъ городка самый мрачный, здѣшніе китайскіе обыватели имѣютъ видъ мошенниковъ. Здѣсь продается все что составляетъ потребность Монголовъ: овсяная мука, каленое просо, хлопчато-бумажныя ткани и кирпичный чай. Монголы привозятъ сюда произведеніе степи т. е. соль, грибы и мѣха. Окрестные Монголы отличаются большею честностью.

Изъ Шаборты миссіонеры продолжали свой путь къ З. Черезъ три дня пути, они встрѣтили въ степи величественную развалину совершенно оставленнаго города. Зубчатыя стѣны, башни и четверо воротъ, обращенныя на 4 стороны свѣта, прекрасно сохранились, но все это, на три четверти своей вышины, заросло землею и покрылось густымъ дерномъ. Въ иныхъ мѣстахъ почва достигла до начала зубцевъ. Миссіонеры вошли изъ любопытства въ южныя ворота и были поражены страхомъ и грустью. Здѣсь не видно ни обломковъ, ни развалинъ: передъ глазами раскрывается только прекрасный и обширный, мало поврежденный городъ, погребенный до половины въ землѣ и покрытый какъ саваномъ степными травами. Неровности почвы какъ бы обрисовываютъ еще расположеніе улицъ и главныхъ памятниковъ. Молодой монгольскій пастухъ молча курилъ свою трубку, сидя на пригоркѣ, между тѣмъ какъ стадо козъ спокойно щипало траву на валахъ укрѣпленія и въ пустынныхъ улицахъ. Монголъ не могъ дать никакихъ объясненій объ этомъ городѣ, который даже неумѣлъ назвать иначе какъ «древнимъ городомъ».

Я полагаю что этотъ городъ и есть Хара-хота (Kharo-Khoto на картѣ Клапр. или Синъ-хо-ченъ), о которомъ Іакинѳъ говоритъ, что онъ находится въ 10 ли (5 вер.) къ Ю.-В. отъ Чагань-балгассу. Разстояніе трехъ дней пути (считая по 25 вер.)

отъ Боро-хота не противорѣчитъ нашему предположенію; что миссіонеры проходили къ Ю. отъ Ангули-нора о томъ свидѣтельствуетъ начертаніе самаго Хюка, на приложенной къ его 2-му изданію картѣ. Замѣтимъ только что положеніе Хара-хото на картѣ Клапрота не вѣрно, потому-что здѣсь онъ помѣщенъ верстахъ въ 25 (100 ли) къ Ю.-Ю.-З. отъ Чаганъ-балгассу при сліяніи Бургассутая и Борочайча, гдѣ проходившія русскія миссіи не видали никакихъ развалинъ. Также и все теченіе Харауссу и Нарина до Ангули-нора нанесено невѣрно, потому-что теченіе это вытянуто въ меридіанномъ направленіи съ Ю. къ С., между тѣмъ какъ, по смыслу описаній всѣхъ русскихъ путешественниковъ, Наринъ и Харауссу текутъ отъ Ю.-В. къ С.-З., Этимъ и объясняется почему Хара-хота, расположенный на противуположной (лѣвой) сторонѣ рѣки съ Чаганъ-балгссунемъ лежитъ отъ него однакоже къ Ю.-З. На картахъ д'Анвиля, Бергхауза, Гримма теченіе Харауссу изображено столь же невѣрно, на картѣ Іакинфа гораздо вѣрнѣе. Если этотъ оставленный городъ есть Хара-хота, то нѣтъ ничего удивительнаго что онъ такъ хорошо сохранился, потому-что онъ былъ оставленъ только въ XV вѣкѣ. Прекрасныя укрѣпленія свидѣтельствуютъ что этотъ городъ былъ важнымъ военнымъ постомъ, чѣмъ и былъ дѣйствительно Хара-хота.

За «древнимъ городомъ» путешественники скоро встрѣтили широкую дорогу, идущую съ Ю. къ С. Они узнали что это путь, изъ Калгана въ Кяхту.

4) *Деревня Сиванъ* (Siwan) *къ С.-В. отъ воротъ Чжанъ-кя-к'эу, ея христіанская миссія и показаніе новѣйшихъ миссіонеровъ объ окрестной Монголіи.*

Си-ванъ-цзи (Si-wan, Si-ouen-tse) есть горное христіанское селеніе, расположенное за великою стѣною въ Монголіи, верстахъ въ 40 (10 лье) къ С.-С.-В. отъ воротъ ея Чжанъ-кя-к'эу. Деревня прислонена къ крутому скату горы ([10]), принад-

(10) Huc Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV. p. 79.

лежащей къ южному склону хребта окраины плоскогорія и лежитъ въ вершинахъ одного изъ притоковъ р. Янъ-хэ, въ одномъ днѣ пути отъ Китайскаго города Сюань-хуа-фу ([11]).

Деревня эта образовалась поселеніемъ здѣсь китайскихъ христіанъ, покинувшихъ Пекинъ, въ слѣдствіе гоненія, возведеннаго на нихъ императоромъ Дао-гуанемъ и раззоренія пекинской католической миссіи въ 1827 году. Съ тѣхъ поръ здѣсь утвердили свое пребываніе апостолическіе Викаріи Монголіи и Сиванъ былъ посѣщенъ множествомъ миссіонеровъ, между которыми мы можемъ назвать Брюгьера, Мули, Имбера, Габе, Вероля, Хюка, Метра и мн. др. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности же Брюгьеръ ([12]), сообщаютъ объ окрестной странѣ нѣкоторыя замѣчанія, могущія служить дополненіемъ нашихъ свѣдѣній о природѣ этой части окраины плоскогорія.

Сиванъ исключительно населена христіанами ([13]), которые съ 1835 г. имѣютъ здѣсь прекрасную каменную церковь. Брюгьеръ называетъ ее чудомъ Монголіи ([14]). Внутренность ея красива, образа выписаны изъ Европы и вставлены въ вызолоченныя рамы ([15]).

Окрестная часть Монголіи, по свидѣтельству Брюгьера ([16]), есть страна холодная и бѣдная. Не смотря на географическое положеніе Сиваня подъ одною широтою съ сѣверною Италіею, климатъ здѣсь кажется столь же холоднымъ какъ и въ сѣверной Россіи. Утренніе морозы, хотя мало замѣтные по сухости климата, начинаются уже въ концѣ августа. Въ 1834 года 8 сентября былъ даже сильный морозъ. Въ домахъ, мало освѣ-

---

(11) Деревня эта означена на картѣ Андріво Гужона 1851 года совершенно вѣрно, къ С. отъ Чжанъ-кя к'оу, а на небольшой картѣ китайскихъ миссій, приложенной къ X тому Ann. de la prop. de la foi No 53, совершенно ошибочно къ С. отъ Же-хэ на Имаду притокѣ Луань-хэ.

(12) Bruguière Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV. p. 329.

(13) Населеніе это, по свидѣтельству Хюка, состоитъ изъ 800 душъ. Huc Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI. p. 79.

(14) Bruguière Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV. p. 329.

(15) Mouly Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI. p. 43—44.

(16) Bruguière Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV. p. 329.

щенныхъ лучами солнца ледъ остается въ продолженіи цѣлаго года. Самыя высокія горы кажутся возвышенными надъ Сиванемъ не болѣе какъ на 200 — 250 туазовъ (1200 — 1500 фут). Подъемъ вдоль долины отъ Сюань-хуа-фу до Сиваня показался Брюгьеру очень значительнымъ. Зимою термометръ Реом. опускался до — 30°. Во время богослуженія въ часовнѣ, наполненной народомъ, вино приготовленное для Таинства принуждены были опускать въ горячую воду, чтобы предохранить его отъ замерзанія. Впрочемъ атмосфера была постоянно чиста и безоблачна. Вотъ нѣкоторые экстремы температуръ, замѣченные Брюгьеромъ.

8 сентября 1834 г. было.....	— 4° Р.
20 — 26 октяб.	— $9^1/_2$° Р.
Въ концѣ ноября.....	— $14^1/_2$° Р.
31 декабря.....	— $23^1/_2$° Р.
7 января 1835 г.	— 26° Р.
Въ половинѣ февраля.....	— 20° Р.
18 — 20 марта	— 18° Р.
15 апрѣля	— 13° Р.
8 мая еще	— 10° Р.
7 іюня еще	— $^3/_4$ Р.

Весь Іюль 1838 г. былъ свѣжъ и дождливъ, въ концѣ августа термометръ опускался до 0°. 25, 26 и 27 Сентября были опять порядочные морозы. Отъ конца лѣта до половины февраля атмосфера была чиста и ясна. Во все время не видно было даже столь обыкновенныхъ въ Европѣ перистыхъ облаковъ (cirrhus); пригрѣвъ солнца значителенъ, но воздухъ остается холоднымъ. Такъ при восходѣ солнечномъ термометръ напр. въ одинъ день показывалъ — 23°, въ полдень въ тѣни — $11^1/_2$°, на солнцѣ + 27°.

Отъ конца Ноября до начала Апрѣля черезъ рѣчку, протекающую въ Сиванѣ, можно переѣзжать по льду. Земля остается замерзшею до Мая мѣсяца. Снѣгъ падаетъ рѣдко и притомъ въ небольшомъ количествѣ. Весною воздухъ не такъ чистъ какъ

зимою, атмосфера часто подернута легкимъ туманомъ, производящимъ непріятное для глазъ лучепреломленіе. Въ это время часто дуютъ С.-З. вѣтры, поднимающіе густыя облака пыли. Лѣтомъ падаетъ наибо́льшее количество дождей, температура въ тѣни возвышается иногда до + 30° и 32° Реом. Слѣдоват. различіе между крайностями температуры въ продолженіи года составляетъ 60° Р., т. е. совершенно континентальное.

Горы въ этой части Монголіи имѣютъ грустный видъ. Въ долинахъ, ущельяхъ и лощинахъ растутъ кустарники и даже дикія фруктовыя деревья, которыми впрочемъ здѣшніе жители не умѣютъ пользоваться; вмѣсто топлива употребляютъ здѣсь хворостъ и сѣно. Разработываніе находящихся здѣсь каменноугольныхъ пріисковъ запрещено правительствомъ.

Пахатныя земли производятъ немного пшеницы, овесъ, гречиху, просо и нѣкоторые овощи. Всѣ эти хлѣба впрочемъ очень тощи и часто истребляются морозомъ или засухою. Пенька разводится съ успѣхомъ и достигаетъ 7—8 ф. высоты. За нѣсколько лѣтъ до прибытія Брюгьера начали разводить и картофель; онъ произрастаетъ хорошо и даетъ прекрасный урожай, замѣняя хлѣбъ и рожь. Онъ былъ вывезенъ изъ Россіи.

Земледѣліе въ этой части Монголіи существуетъ не болѣе одного вѣка. Туземцы утверждаютъ что съ его успѣхами холода замѣтно уменьшаются, а хлѣба болѣе и болѣе акклиматируются.

---

§ 16.

Изложеніе VI. *Горная окраина Чжи-ли* (*) *между крутымъ обрывомъ плоскогорія Гоби и равниною Пекина.*

Ошибочно было бы полагать, что къ этому первому крутому скату плоскогорія примыкаетъ непосредственно вся равнина.

(*) Въ царствованіе предпослѣдней династіи Минь были въ Китаѣ двѣ столицы *сѣверная*—Бэй-кинъ или Пекинъ, и *южная*—Нань-кинъ. Ихъ губерніи, въ кото-

Это противорѣчило бы законамъ естественной пластики земной коры вообще, особливо же азіятскаго материка, любящаго постепенные переходы и тѣмъ самымъ обогащающаго многообразно свои страны и народы на нихъ обитающіе. Такъ и здѣсь распространена переходная полоса между нагорьемъ и равниною. Полосу эту составляетъ горная окраина Чжи-ли. Мы изложимъ подробно монографію этой горной окраины, какъ образца для подобныхъ же отношеній другихъ мѣстностей того же крутаго уступа на В. и З., о которыхъ въ настоящее время еще не имѣемъ столь точныхъ свѣдѣній, какъ объ этой окраинѣ, пересѣкаемой поперегъ главною пекинскою дорогою. Прежніе путешественники обыкновенно такъ радовались, достигнувъ послѣ долгихъ лишеній китайскаго пограничнаго города Калгана, что на дальнѣйшемъ пути къ Пекину совершенно оставляли точныя наблюденія мѣстности, и только Дж. Белль (1719) и Жербильонъ (1-е путешествіе 1688) составляютъ выгодное исключеніе изъ этого общаго правила. Однакоже мы обязаны только Тимковскому первою вѣрною топографіею этого пространства, на которомъ ожидаетъ вѣроятно будущихъ геогностовъ обширное поле для наблюденія важныхъ фактовъ.

Гор. *Чжанъ-кя-к'эу* (1), т. е. ворота семейства Чжанъ, получилъ названіе отъ перваго здѣсь поселившагося семейства (мѣсто это называется русскими Калганъ, отъ монгольскаго слова Халга, т. е. застава, ворота), и лежитъ на горномъ ручьѣ Цзинь-шуй-хэ (Tsing-Shoui-Ho), который вытекаетъ за стѣною изъ высокихъ горъ въ направленіи къ Ю. и впадаетъ въ большую, текущую съ З. рѣку Янъ-хэ. Послѣдняя направляется, уже почти судоходною, на Ю.-В. къ Ю. отъ Пекина, въ рав-

---

рыхъ находились столицы назывались *Чжи-ли*, что значитъ: *управляющій*. Такимъ образомъ писали *Бэй-чжи-ли* (перековерканное Европейцами въ *Печели*) и *Нань-чжи-ли*, т. е. сѣверная и южная столичная губернія. Съ уничтоженіемъ южной столицы губернія сѣверной столицы называется *чжи-ли*, а слово *Бэй* (сѣверный), какъ излишнее, отброшено. См. Статист. Опис. Китайск. Импер. Ч. I. — *Пр. Пер.*

(1) Timkowski T. I. 292. p. 272 not.

нпу. Эта Янъ-хэ съ шумомъ стремится по глубокой поперечной разсѣлинѣ, которая пересѣкаетъ горную окраину, расширенную искусственно во многихъ мѣстахъ и обращенную въ большую военную дорогу непмовѣрными трудами, такъ что Дж. Белль полагалъ (1719), что нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы употребилъ столько усилій на сооруженіе своихъ дорогъ, какъ Китайцы. Горная окраина идетъ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль отъ З.-Ю.-З. къ В.-С.-В., по направленію Китайской стѣны, которая, слѣдуя всѣмъ извилинамъ окраины, опирается на нее съ внѣшней стороны, запираетъ всѣ ея поперечныя трещины воротами, покрываетъ самыя низкія ея высоты вдоль зубчатыми стѣнами, и тѣмъ самымъ усиливаетъ искусственно крѣпость естественнаго вала, ограждающаго низменность Китая со стороны высокаго плоскогорія, такъ, что немногіе остающіеся открытыми входы могутъ легко быть защищены горстью людей противъ нападенія самыхъ многочисленныхъ войскъ.

Гор. *Калганъ* лежитъ самъ въ линіи внѣшней стѣны подъ 48° 51′ 35″ с. ш. и почти подъ 112° в. д. отъ Пар., т. е. 1° 32′ 48″ з. д. отъ Пекинскаго меридіана. Сѣверныя городскія ворота суть ворота самой стѣны. Горный ручей раздѣляетъ весь городъ на *сѣверный* или *верхній*, лежащій со стороны Монголіи, и *южный* или *нижній*, лежащій со стороны Китая и заключающій крѣпость (Фу) съ пограничнымъ гарнизономъ. Здѣсь имѣетъ также пребываніе Гузай-анбань, или дивизіонный генералъ, начальствующій 8-ю знаменами, или 12000 человѣкъ пограничныхъ Монголовъ, племени Чахаръ, которые имѣютъ здѣсь свою спеціальную военную школу. Эта крѣпость основана въ 1429 году. Весь городъ не великъ, но многолюденъ, имѣетъ весьма оживленный видъ и служитъ мѣстопребываніемъ многимъ мандаринамъ, военнымъ и купцамъ. Онъ составляетъ не только важный рынокъ для узкой пограничной полосы, гдѣ ежедневно стекаются различныя новости, привлекающія толпу любопытныхъ, но и главное складочное мѣсто всей пограничной провинціи и ключь сообщенія Китая съ Монголіей и Си-

бирью. Деньги и вѣсы, употребляемые въ торговлѣ, различаются отъ пекинскихъ, но сходны съ употребляемыми въ гор. Ургѣ на р. Толѣ, составляющемъ центральный пунктъ торговли между Пекиномъ, Калганомъ и Маймачепомъ или Кяхтою, за нагорьемъ, со стороны Сибири. По симъ обстоятельствамъ Калганъ возвысился въ теченіи послѣдняго столѣтія и получилъ настоящее значеніе свое; прежде о немъ упоминали только потому, что онъ находится въ воротахъ Великой стѣны (2). Купцы говорятъ здѣсь хорошо по монгольски, чиновники суть Китайцы и Маньчжу. Постоялые дворы, лавки коммиссіонеровъ, караваны, перевозка товаровъ, вся промышленность и торговля находятся въ рукахъ переселенцевъ изъ восточнаго Туркестана. Съ ними проникли сюда навязчивость, хитрость, недовѣчивость, лихоимство, жидовское барышничество, обманъ и корыстолюбіе. Русскія миссіи обыкновенно оставляютъ здѣсь свою караванную прислугу, казаковъ, вожатыхъ, а также усталыхъ животныхъ, которыя распредѣляются по окрестнымъ высотамъ, для поправленія своихъ силъ на подножномъ корму, въ зимнее время, до тѣхъ поръ не окончены дѣла въ столицѣ, и не наступаетъ время возвращенія. Здѣсь какъ въ Маймачепѣ пушечные выстрѣлы извѣщаютъ ежедневно въ 6 часовъ утра и въ 9 часовъ вечера объ открытіи и прекращеніи свободнаго выхода и входа. Окрестности города пріятны (3) и хорошо обработаны, только сѣрнистые пары, происходящіе отъ каменнаго угля, который составляетъ здѣсь единственное топливо, весьма непріятны. Въ 1821 году, при возвращеніи миссіи, весна наступила здѣсь необыкновенно рано, подобно какъ въ средней Европѣ; термометръ показывалъ 3-го марта въ тѣни въ полдень +10°, послѣ полудня +13°; деревья распустились и многія изъ нихъ были даже въ цвѣту; 4 марта выпалъ первый дождь и была уже гроза; за тѣмъ при охлажденіи температуры начали

(2) Gerbillon, Voyage I. y Du-Halde, IV. p. 114.

(3) Timkowski, Voyage II. p. 80.

перепадать, перемежаясь, дождь и снѣгъ до 17-го марта. Въ 1719 г., въ бытность здѣсь Дж. Белля, 6 ноября, выпало столько снѣгу, что караванъ принужденъ былъ остановиться. Отъ Калгана до Пекина обыкновенно считается 7 дней пути; Жербильонъ ([4]) полагаетъ это разстояніе въ 33 геогр. мили (445 ли=44 льё по 20 на 1°). А потому на разстояніе между Калганомъ и находящимся отъ Пекина въ одномъ днѣ пути Пань-к'эу, гдѣ находятся ворота внутренней линіи великой стѣны, можно положить со всѣми извилинами дороги до 30 геогр. миль.

Это и составляетъ полную ширину описываемой здѣсь горной окраины, которая вѣроятно съуживается къ В., а къ З. расширяется и какъ кажется расчленяется на нѣсколько отдѣльныхъ паралельныхъ цѣпей, изгибающихся сообразно съ окраиною плоскогорія. Хотя пространство между Пань-к'эу и Калганомъ и заключено между двумя стѣнами, Іезуитскій Патеръ ([5]) признаетъ однакоже истинною границею Татаріи внѣшнюю изъ сихъ стѣнъ. Лежащая на Югъ отъ сей стѣны пограничная полоса принадлежитъ вся къ собственному Китаю, именно къ его сѣверной провинціи (Бэй-чжи-ли, Бэй значитъ сѣверъ.), что ясно доказывается всѣми китайскими древними надписями памятниками, находимыми въ воротахъ стѣны и различныхъ зданіяхъ. Уже въ теченіи цѣлаго столѣтія существуетъ здѣсь, по направленію изъ Монголіи, телеграфическая линія изъ караульныхъ башень, на разстояніи каждыхъ 5 ли, или получаса, для предупрежденія внезапныхъ нападеній, подобно описанной нами выше линіи, расположенной со стороны Маньчжуріи. Эту линію уже видѣлъ Дж. Белль ([6]), а Тимковскій описалъ ее.

При спускѣ съ высотъ, по дорогѣ изъ Монголіи, Калганъ кажется расположеннымъ въ долинѣ; только при выходѣ изъ города на Ю. въ первый разъ можно замѣтить, что онъ лежитъ на скатѣ горы, и въ высшей степени живописная горная при-

(4) Gerbillon, Voyage I. p. 103 — 115.
(5) Gerbillon, p. 113.
(6) J. Bell, I. p. 340; Timkowski, p. 295.

рода, принимающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно альпійскій характеръ, продолжается до послѣдняго дня пути къ къ Пекину. Послѣ перваго дня пути, идя хорошо обработанными и заселенными рѣчными долинами, которыхъ съуживающіе ихъ скалистые края надо обходить неразъ просѣченными искуственно путями, приходишь къ большому городу перваго разряда—*Сюань-хуа-фу* (Siuan-hoa-fu) (40° 37′ 10″ с. ш); онъ лежитъ въ широкой долинѣ, покрытой рисовыми полями и окруженной горами. Горы эти съуживаются, мѣстами принимая видъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, за которыми свободно стоящій гранитный хребетъ поднимаетъ свои острыя вершины до облаковъ: и представляетъ здѣсь первый величественный видъ въ этомъ родѣ, послѣ однообразной страны нагорныхъ степей. По пробитой въ скалѣ большой дорогѣ тянутся безпрестанно въ направл. къ Калгану караваны верблюдовъ, навьюченныхъ чаемъ; изъ боковыхъ ущелій появляются рядыословъ и муловъ, навьюченныхъ каменнымъ углемъ, развозимымъ для всеобщаго употребленія. На берегахъ быстрой Янъ-хэ для этихъ каравановъ пробиты особенныя тропинки, потому что рѣка часто разливается широко, отъ таянія снѣговъ на сосѣднихъ высокихъ снѣжныхъ горахъ. Пройдя ущелья скалъ выходишь на гладкій песчаный берегъ Янъ-хэ и идешь вдоль подошвы отвѣсныхъ горныхъ стѣнъ, содержащихъ слои каменнаго угля, до города Ки-мина (Kiming); напротивъ, его стоитъ высокая горная крѣпость (Вэй) (7), а неподалеку расположенъ, на нависшей скалѣ, монастырь Хошановъ, т. е. Монаховъ религіи Фо. Высоты, совершенно обнаженныя, состоятъ изъ голыхъ скалъ, обуреваемыхъ сильными вѣтрами, которые часто низвергаютъ съ высотъ сихъ тяжелые, холодные слои воздуха въ долины. На третьемъ, дневномъ переходѣ отъ узкаго ущелья, образуется въ горной окраинѣ большее расширеніе, которое Жербильонъ полагаетъ въ $11\frac{1}{4}$ геогр. м. длины (150 лн) и

(7) Timkowski, Voyage I. p. 302.

отъ 1 до $1^1/_2$ часа ширины и которое можно сравнить съ долиною Тессина за Беллинцоною. Оно окружено съ обѣихъ сторонъ высокими крутыми горами, между прочимъ съ С.-В. снѣжными (?) въ два ряда; поверхность его засыпана кремнистыми валунами; песчаная почва превращена въ превосходныя поля, культура распространена повсемѣстно; вездѣ проведены каналы и выстроены деревни и города, которые славятся выдѣлкою рисовой водки. Вся эта мѣстность въ іюнѣ 1719 г. сильно пострадала отъ самыхъ страшныхъ землетрясеній; половина городовъ еще лежала въ развалинахъ когда Л. Ланге ([8]) проѣзжалъ этотъ край; въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ еще самъ ощущалъ уже слабѣйшіе удары землетрясеній, свойственныхъ этой богатой каменнымъ углемъ странѣ. 27 ноября 1819 года въ этой гористой странѣ рѣка Янъ-хэ была уже покрыта льдомъ; несмотря на то, по свидѣтельству Жербильона, здѣсь растутъ орѣшники и абрикосовыя деревья. Аллеи ивъ составляютъ характеристическій лиственный лѣсъ по берегамъ рѣкъ. Широкая долина оканчивается на 4-мъ днѣ пути у города Хуай-лай (Hoai-Lai) ([9]). Здѣсь была отведена миссіи казенная квартира, служащая для принятія императорскихъ чиновниковъ: на дверяхъ ея изображены были драконы — императорскій гербъ. Ни по той, ни по другой сторонѣ нѣтъ дороги черезъ горы, и единственный узкій скалистый южный проходъ загражденъ внутреннею стѣною, которая въ первый разъ показывается на 5-мъ днѣ пути, своею величественною массою, высоко на туманныхъ вершинахъ. Надъ входомъ въ самое узкое мѣсто скалистой долины, которая приводитъ на 6-й день пути къ Пань-к'эу, командуетъ крѣпость Ча-дао (Tcha-Tao). Здѣсь еще разъ возвышается окраина передней горной цѣпи до значительной высоты, чрезъ которую должно пробираться по трудному дикому горному проходу. Гора называется Ба-да-линь (Pataling, Palin) ([10]). Проходъ Гуань-гоу

(8) J. Bell Trav. I. p. 347; Lange. 3te R. у Палласа N. N. Beitr. II. p. 121.

(9) Gerbillon, Voyage I. p. 111. Timkovsky. I. 30.

(10) Gerbillon, Voyage I. p. 425; Timkowski, p. 313; J. Bell, I. p. 330.

(Киап-Ки), высѣченный въ скалѣ глубиною на 20 футовъ, неудобенъ для 4-хъ колесныхъ кибитокъ и устроенъ только для 2-хъ колесныхъ. Ландшафты здѣсь имѣютъ странный характеръ; обломки скалъ сброшены кучами въ углубленіяхъ дождевыми потоками, падающими съ вершинъ горъ, многія развалившіяся укрѣпленія увеличиваютъ романтизмъ ландшафта. Кюй-юнъ-гуань (Kiu-Young) есть главное укрѣпленіе этого горнаго прохода, лежащее на вершинѣ горы между обѣими линіями Великой стѣны, которая тѣмъ самымъ утроивается. Здѣсь разсѣяны многія отдѣльныя поля между скалъ, дикія горныя ручьи стремятся съ шумомъ, а переброшенные чрезъ нихъ гранитные мосты лежатъ въ развалинахъ. Входъ на гору и спускъ весьма затруднительны; но ландшафтъ привлекателенъ и живописенъ; подъ страшными скалами расположены прекрасные садики, наполненные шумящими водопадами, скаты покрыты виноградникомъ до самыхъ вершинъ, внизу растутъ ряды тополей и роскошныя каштановыя деревья, а между ними торчатъ всюду величественные кипарисы. Скалы состоятъ здѣсь изъ порфира и массъ сѣраго мрамора. Угрюмая цѣпь сѣверныхъ снѣжныхъ горъ здѣсь исчезаетъ, а только вѣтви ея направляются сначала къ В., а потомъ продолжаются болѣе широкими массами къ Ю.-З. Съ ними появляются въ болѣе умѣренномъ, тепломъ климатѣ, подобно какъ и въ другихъ мѣстахъ, хищныя животныя: тигры и пантеры, которыхъ нѣтъ на безлѣсныхъ степныхъ возвышенностяхъ; скаты горъ покрыты лѣсами плодовитыхъ деревъ, у подошвы распространены вездѣ рисовыя поля. За стѣною начинается только отъ Южныхъ воротъ Пань-к'эу собственно равнина Чжи-ли, которая разстилается за Пекинъ до Желтаго моря и южнѣе далеко по берегу океана. Наносная почва, подобная Ломбардской и состоящая изъ глины, песку и хряща, орошена вездѣ большими рѣками и каналами, поросла мѣстами рощами изъ ивъ, тополей, кипарисовъ и высокихъ породъ можжевельника (Iuniperus), вездѣ обработана, густо наполнена селеніями и городами, скрывающимися среди

группъ деревьевъ и садовъ, и покрыта искусственными дорогами, памятниками и произведеніями искусствъ, обличающими близость столицы обширнѣйшаго государства. Отъ этой равнины, разсмотрѣніе которой совпадаетъ съ изученіемъ береговыхъ странъ и съ изслѣдованіемъ большаго бассейна системы Хуанъ-хэ, возвращаемся мы снова къ разсмотрѣнію природы нагорья.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 15.

1) *Переѣздъ О. Іакинѳа отъ Пекина до Калгана, въ концѣ мая и въ началѣ іюня* 1821 *года, при возвращеніи миссіи* (1).

Мы не можемъ не воспользоваться этимъ дневникомъ Отца Іакинѳа, потому-что онъ содержитъ много топографическихъ подробностей и интересныхъ замѣчаній.

Миссія выѣхала изъ Пекина 27 мая нов. ст. Послѣ перваго ночлега въ деревнѣ Цинъ-хэ 28 мая, первый предметъ, представившійся взорамъ путешественниковъ, былъ хребетъ величественныхъ западныхъ горъ (Си-шань), лежащихъ уже верстахъ въ 20 къ С.-З. отъ Пекина и опоясывающихъ равнину на необозримомъ пространствѣ. Си-шань составляетъ небольшой поперечный отростъ окраины нагорья, простирающейся отъ извилины Хуанъ-хэ до Желтаго моря. Въ темной дали, на С.-З., видно было лѣсистое ущелье, въ которомъ расположенъ загородный дворецъ Цзинъ-и-юань, близъ великолѣпнаго монастыря Цянь-шань-сы. Дворецъ возвышается изъ густаго лѣса, и окруженъ множествомъ другихъ зданій, расположенныхъ амфитеатрально, посреди самаго привлекательнаго ландшафта. Далѣе, на чистомъ и ровномъ горизонтѣ, уединенно воз-

(1) См. Іакинѳа Записки о Монголіи. С. П. Б. 1828. 8. стр. 1 — 31.

вышается холмъ Юй-цюань-шань, увѣнчанный бѣло-мраморными тріумфальными воротами, принадлежавшими нѣкогда дворцу, выстроенному императоромъ Цзунъ-чженемъ (Ning-Tsoung у Потье) (2) изъ династіи Гинь, въ 1196 году, и теперь уже обратившемуся въ развалины. Изъ подошвы холма съ шумомъ бьетъ источникъ Юй-цюань. Нѣсколько южнѣе мелькаетъ золотая вершина горы Вань-шеу-шань (она лежитъ въ 15 вер. къ З. отъ Пекина). На этой вершинѣ возвышаются дворцы итальянской архитектуры, на скатахъ ея разбросанны многочисленныя бѣседки съ разноцвѣтными и позолоченными крышами. На Ю.-З. сторонѣ горы видно озеро К'унъ-минъ-ху, со стороны котораго видъ горы превосходитъ всякое описаніе. Миссія ночевала у воротъ Пань-к'эу.

29 мая путешественники начали подниматься вдоль ущелья Гуань-гоу. По обѣимъ сторонамъ возвышались часто отвѣсные утесы, изъ цѣльныхъ массъ гранита или глинистаго сланца, иногда нависшіе, полуоторванные, готовые какъ кажется обрушиться на путника; утесы эти составляютъ только подножіе высокихъ гранитныхъ и сланцовыхъ горъ. Время покрыло ихъ вершины только слоемъ пыли, по которому стелятся изумрудные мхи. При подошвѣ утесовъ, посреди каменныхъ грудъ, видны мѣстами небольшія пашни, мѣстами сельскіе домики, окруженные орѣшникомъ, каштановыми и абрикосывыми деревьями, обвитые виноградными лозами. Ручьи, прыгающіе по каменьямъ, то падаютъ съ гранитныхъ обломковъ каскадами, то скрываются подъ основаніемъ утесовъ. Пройдя Пань-к'эу, миссія слѣдовала верстъ 8 мимо ручья, ущельемъ, до крѣпости Кюй-юнъ-гуань (Цзюй-юнъ, Kiu-Young), и еще версты 4 до укрѣпленія Шань-гуань (Chan-Kouan), Крѣпость Кюй-юнъ верстъ 7 окружности, построенная на самой вершинѣ крутой горы, считается непреодолимою защитою горнаго прохода къ Пекину, только время привело ее отчасти въ развалины. Около 4 вер. за укрѣпленіемъ Шань-гуань встрѣчается ущелье Т'ань-цинь-

(2) Pauthier Chine Descript. historique etc. p. 8. Paris. 1837. p. 347.

хя, около 4 вер., далѣе каменный мостъ, разрушенный горнымъ потокомъ, а за нимъ подъемъ на перешеекъ или гору Ба-далинь (Pa-ta-ling), на вершинѣ которой стоитъ городокъ Ча-дао (Tcha Tao), иначе Бэй-к'эу-чень (Pe-kheou-hien—сѣверное устье ущелья). Здѣсь высшая точка гребня, господствующая надъ быстрымъ горнымъ скатомъ къ Ю. и долиною къ С.-З. Отсюда миссія спустилась въ долину, почти непримѣтною отлогостью, прошла еще верстъ 12 и ночевала въ крѣпости Синь-юй-линь (Sin-yui-lin).

Крѣпость эта, по словамъ Іакинѳа, расположена въ равнинѣ: здѣсь слѣдовательно простирается первый уступъ плоскогорія. 30 мая путешественники, пройдя верстъ 8 по тому же уступу, встрѣтили уѣздный городъ Хуай-лай-хянь (Houai-lai-hiang), на картѣ Клапр.) и отсюда уже опять поднимались верстъ 15 до ночлега въ Т'у-му (Tou-Mou). Здѣсь открывается долина, знаменитая сраженіемъ, въ которомъ китайскій императоръ Инъ-Цзунъ (Jng-Tsoung) (3), изъ династіи Минь (Ming), въ 1449 г. претерпѣлъ страшное пораженіе отъ Монголовъ, предводительствуемыхъ Ойратскимъ княземъ Эсэнь (Ye-Sien).

31 мая миссія перешла черезъ мѣстечки Ша-чень (Cha-Tchin 10 вер.), Дунь-бали (Toung-pali еще 10 вер.) и Хинь-бао-'ань (Hing-pao-ngan еще 10 вер.) и ночевала въ Ки-минъ (Ki-ming-ju еще 10 вер.). Къ С.-З. отсюда лежитъ гора Ки-минъ-шань (Цзи-минъ), на которой члены миссіи посѣтили монастырь вѣчной тишины (Юнъ-нинъ-сы), построенный династіею Ляо, вѣроятно въ XI вѣкѣ. Прежде добывалась здѣсь какъ говорятъ золотая руда, а теперь только каменный уголь.

1 іюня миссія слѣдовала вверхъ теченія Янъ-хэ (Yang-ho), мимо крѣпости Шань-хя-п'у (15 вер.). На право за рѣкою возвышалась гора Хуанъ-янъ-шань, которой вершины, во всю ея длину, на нѣсколько десятковъ верстъ отъ В. къ З., скрывались въ облакахъ. Поля, хорошо орошенныя, были покрыты колосив-

(3) Pauthier Chine. Paris. 8. 1837. p. 403.

шимся ячменемъ; черезъ 15 верстъ отъ крѣпости миссія добралась до ночлега въ городѣ Сюань-хуа-фу (Sienen-hoa-fu). Янъхэ здѣсь не широка, глубины имѣетъ не болѣе фута и только во время дождей разливается по всей ширинѣ своей долины. Потому городъ защищенъ отъ воды плотинами съ сѣверной, нагорной стороны.

Отъ Сюань-хуа-фу до Калгана, въ который миссія прибыла 2 іюня, дорога довольно ровна и песчана.

2) *Переѣздъ Ковалевскаго отъ Калгана до Пекина, въ октябрѣ 1849 года* (1).

Русская миссія 1849 года прибыла въ Калганъ 30 сентября. Климатическій переходъ былъ поразителенъ. Въ Нордянѣ русскіе оставили снѣгъ и стужу, проникающую до костей, а въ Калганѣ застали прекрасный, теплый, осенній день и увидѣли поля покрытыя зеленью. Калганъ показался имъ Капуей. Изобиліе фруктовъ: персиковъ, винограду, яблокъ, грушъ, фигъ, арбузовъ, всякой живности, и разнообразіе огородныхъ овощей было изумительно; хлѣбное вино — необыкновенно дешево.

Въ Калганѣ нынѣ считается 37000 жителей. Здѣсь есть таможня, для всѣхъ товаровъ отправляемыхъ въ Кяхту и особенный обширный дворъ съ лавками, для склада русскихъ товаровъ и чаевъ отправляемыхъ въ Россію. Курсъ серебра не тотъ какъ въ Пекинѣ, а сообразенъ съ существующимъ въ Кяхтѣ и Ургѣ. Купцы здѣсь большею частію Шэньсійцы: многіе говорятъ по Русски, но такъ что ихъ можетъ только понимать долго жившій въ Кяхтѣ.

Миссія выѣхала изъ Калгана 3 октября и слѣдовала 35 вер. къ Ю.-Ю.-В до ночлега въ Сюань-хуа-фу. За Калганомъ тотчасъ тянутся воздѣланныя поля и огромныя полосы луку. Долина довольно широка, дорога очень песчана и камениста. Для сдерживанія сыпучихъ песковъ вездѣ насажены ряды ивъ. Пос-

(1) См. Ковалевскаго путешествіе въ Китай. С. П. Б. 8. 1853. Ч. I. 109 и 192.

лѣ первыхъ пяти верстъ — деревушка съ военнымъ карауломъ, далѣе деревеньки часты и поля очень хороши. На половинѣ дороги въ Сюань-хуа-фу — грязная гостинница. Отъ гостинницы на 5 вер. простираются еще обработанныя поля и дорога идетъ какъ бы въ оврагъ. Съ первымъ подъемомъ на возвышеніе начинается голая степь, простирающееся до Сюань-хуа: грунтъ глинистый, недоступный воздѣлыванію. Поднявшись на гору, дорога идетъ на вершинѣ ущельемъ: оно пробито порохомъ; спускъ въ немъ — мостовая, выложенная огромными каменными глыбами и очень испорченная. Версты за двѣ передъ городомъ опять начинаются поля; далѣе прекрасная ивовая роща и одинъ изъ трехъ ручьевъ, составляющихъ Янъ-хэ.

Городъ Сюань-хуа-фу великъ, имѣетъ 12 вер. окружности и обнесенъ высокими стѣнами и бойницами (5). Но стѣны эти до того занесены песками, особенно съ сѣверной стороны, что черезъ нихъ теперь ходятъ пѣшкомъ. Воротъ семь: они запираются послѣ выстрѣла вѣстовой пушки. По монгольски Сюань-хуа-фу называется Баинъ-сумэ (богатые храмы). Между монголами онъ знаменитъ особенно главною отраслью своей промышленности — превосходными войлоками

4 октября миссія слѣдовала 30 вер. къ В.-Ю.-В. до почлега въ Ки-минъ. У самыхъ городскихъ воротъ начались уже прекрасныя поля. Впереди на Ю.-В. былъ виденъ зубчатый, высокій хребетъ, на В. отдѣльная гора; дорога идетъ до ней богатыми полями около 10 вер., почва глинистая. Далѣе подъемъ на круглую гору; проходъ на вершинѣ въ ущельѣ кажется искусственно пробитымъ. Еще далѣе узкая кайма мутной рѣки Янъ-хэ; подъ ногами скала съ крутыми обрывами, влѣво утесистые кряжи отдѣляемые разсѣлиной, и среди этой дикой природы, на одномъ уступѣ, лѣпится нива. Съ горы спускъ весьма

(5) Городъ Сюань хуа-фу основанъ въ IX вѣкѣ; во времена династіи Т'анъ онъ назывался Ву-чжеу (Wou-Tcheou), при династіи Ляо — Гуй-Хуа (Kouei-Hou), а при династіи Гинь (Kin) — Сюань-дэ (Siouen-Te). См. Ed. Biot. Diction. des villes Chinoises. Paris. 8. 1842. p. 183.

крутой въ узкое ущелье: На скатѣ деревенька, служащая перепутьемъ. Площадь, съ нижняго края, омывается быстрой, довольно широкой, но мѣлкой Янъ-хэ, круто поворачивающей въ ущелье. Дорога всходитъ на уступъ восточной скалы; сплошная каменная масса расположена ступенями, скользкими и весьма трудными. Ландшафтъ великолѣпенъ. Ущелье около 10 верстъ, во второй половинѣ своей онъ раздвигается и переходитъ въ долину, покатую къ Ю. Отсюда до крѣпости Ки-минъ только 4 версты, дорога очень камениста. На всемъ пути миссія встрѣчала безконечные ряды ословъ, навьюченныхъ каменнымъ углемъ. Отсюда и начинается каменноугольная формація, столь развитая въ окрестностяхъ Пекина.

Крѣпость лежитъ у подошвы горы Ки-минъ-шань, на едва доступныхъ высотахъ которой блеститъ на лучахъ солнечныхъ желтая, черепичная кровля краснаго буддійскаго храма,

5 октября миссія слѣдовала прямо на В. 45 вер.; до ночлега въ Хуай-лай, вдоль широкой долины. Южная половина долины глубже, тамъ и течетъ рѣка, обозначенная густою зеленью деревьевъ. Дорога держится сѣверныхъ горъ, очень камениста, мѣстами проходитъ по глинистымъ ущельямъ. На половинѣ дороги чистенькій городъ Ша-ченъ. Поля постепенно возбуждаютъ удивленіе своею воздѣланностью. Деревеньки и дома большею частію очень красивы: всегда расположены они какъ будто въ рощѣ, подъ навѣсомъ густыхъ развѣсистыхъ ивъ. Горы въ отдаленіи чрезвычайно живописны. Впереди изъ тучъ выглядывалъ грозный Гуань-гоу, пики его прорѣзывались сквозь облака. Сторожевыя сигнальныя башни по всему пути, по замѣчанію Ковалевскаго, очень заброшены.

6 октября миссія слѣдовала къ В.-Ю.-В. 25 вер. до Ча-дао. Въ полуверстѣ отъ Хуай-лая встрѣчается широкая, болотистая рѣчка, пробирающаяся въ Янъ-хэ. Мостъ черезъ нее высокъ, сложенъ изъ каменныхъ плитъ на четырехъ аркахъ. Видъ съ моста на городъ, расположенный амфитеатрально по отлогому скату, невыразимо хорошъ. Вблизи стелется зеленѣющій лугъ,

а за городомъ высокія, грозныя, дымящіяся утреннимъ туманомъ горы, въ два ряда, съ острымъ зубчатымъ гребнемъ, прорѣзывающимися за облака. Дорога ровная, мягкая, вдоль нея тонкою нитью тянется ручеекъ, обсаженный ивами. Поля и долины оживляютъ ландшафтъ. За деревней Юй-линь онъ становится строже. Грозныя, дикія горы приближаются; одинъ изъ передовыхъ холмиковъ увѣнчанъ сторожевой башней. Около Ча-дао дорога уже идетъ въ гору.

7 октября миссія слѣдовала къ Ю.-Ю.-В. 23 версты, до ночлега въ Нань-к'эу. Дорога обходитъ Ча-дао подъ самою его западной стѣной. По сторонамъ и впереди — горы. Отсюда спускъ весьма крутой и извилистый; къ самому дну ущелья онъ обрывается стѣною въ 3 — 4 саж., тутъ въ уступѣ восточной скалы сдѣланъ былъ мостъ, но и тотъ теперь ужасно изрытъ и ухабистъ. Ущелье начинается площадкой, уставленной черными камнями, какъ надъ-могильными памятниками; сквозь камни пробивается ключъ. Отсюда до самаго Нань-к'эу, около 20 вер., одно ущелье: сплошная масса малыхъ, большихъ и огромныхъ камней, такъ безпорядочно навалennыхъ другъ на друга, что нужно или перескакивать съ камня на камень, или слѣзать по ступенямъ. Ущелье богато прекрасными ключами; съ 10-й версты въ немъ пробирается уже порядочная рѣчка, въ круто поворачивающей тѣснинѣ она падаетъ небольшимъ водопадомъ. До 15 верстъ ущелье тѣсно, извилисто, но и тутъ есть деревушка и храмы. Одинъ изъ нихъ высѣченъ въ скалѣ; стѣны его исписаны надписями, между которыми есть и русскія. На послѣднихъ 8 верстахъ ущелье широко и селенія обросшія богатыми садами часты; ландшафты то грозные, то пріятные, то величественные. Нань-к'эу — довольно хорошо сохранившаяся еще крѣпость, замыкаетъ ущелье.

8 октября миссія слѣдовала 35 верстъ, по направленію къ Ю.-Ю.-В. до ночлега въ Цинъ-хэ. Каменистая дорога продолжается отъ Нань-к'эу еще на 3 версты. Западная стѣна ущелья, описавши полукругъ, спускается до группы скалистыхъ хол-

мовъ, изъ за нея вышла новая гряда и потянулась къ Югу. Стѣна круто повернула къ В. и скоро спустилась. Раскрылась плодородная равнина, оживленная селеніями, группами и рядами деревьевъ и прекрасными полями. Почва равнины песчаная, изрѣдка суглинистая.

Отъ Цинъ-хэ до Пекина, въ который миссія прибыла 9 октября, еще 10 верстъ.

3) *Замѣчанія горныхъ инженеровъ Ковалько и Ковалевскаго о геогностическомъ строеніи южной окраины и окрестностей Пекина* (6).

Нордянь составляетъ высшій пунктъ окраины по Кяхтинской дорогѣ, отъ него почва быстро склоняется на протяженіи 250 верстъ къ Пекинской равнинѣ, лежащей на нѣсколько тысячь футовъ ниже Нордяня. Вся южная окраина нагорія, съ ея многисленными отрогами, до холмовъ Пекинской равнины, составляетъ богатое вмѣстилище каменнаго угля, продовольствующее жителей столицы и ея окрестностей.

На всемъ, обширномъ протяженіи каменноугольной формаціи, основная почва состоитъ изъ известняковъ, которыхъ пласты начинаются отъ Сюань-хуа-фу. Главный и нижній известнякъ, по своему сѣрому цвѣту и мощности пласта, походитъ нѣсколько на русскій горный известнякъ по р. Кальміусу или на Scar limestone англійскихъ геологовъ. Далѣе на югъ нечистые известняки и грубые песчаники, покоящіеся надъ нижнимъ известнякомъ, продолжаются почти до самой Пекинской равнины и перемѣжаются съ желтымъ слюдистымъ песчаникомъ, нерѣдко окрашеннымъ углистымъ веществомъ. На югъ отъ Пекина каменноугольные пласты лежатъ на песчаникахъ и известнякахъ, нерѣдко заключающихъ въ себѣ растенія каменноугольнаго періода; надъ ними же покоится известнякъ, за-

(6) Ковалько Геогностическій очеркъ окрестностей Пекина. Горн. Журн. Ч. II. 1838. Кн. 2. ст. 34 — 59; Ковалевскаго путешествіе въ Китай С. П. Б. 1833. Ч. I. ст. 135 — 138.

ключающій въ себѣ характеристическія ископаемыя раковины каменноугольнаго періода, изъ рода Productus (7). Пласты склоняются почти подъ 40° къ Ю.-В.; уголь южныхъ и восточныхъ отроговъ блестящаго вида, но содержитъ много колчедана, потому имѣетъ дурной запахъ. На В. отъ Пекина, къ горамъ Ню-лань-шань, каменноугольные пласты скрываются подъ красноватыми и бѣлыми песчаниками, иногда имѣющими видъ конгломерата, въ которомъ зерна кварца связаны полевошпатовою массою; далѣе слѣдуютъ темносѣрыя, сланцеватыя глины, прикрытыя прослойкомъ известняка, въ которомъ попадаются энкриниты (8); слои отвердѣлой глины синяго и желтаго цвѣтовъ съ обломками глинистаго желѣзняка нерѣдко проходятъ надъ известнякомъ и смѣняются тонкимъ слоемъ каменнаго угля, который весьма рѣдко разрабатывается, наконецъ надъ прослойками угля и глинъ лежитъ пластъ известняка, довольно значительной толщины, въ которомъ попадаются нѣкоторыя окаменѣлости. На З. отъ Пекина лежатъ невысокія горы, состоящія преимущественно изъ песчаника крупно-зернистаго, сѣраго и красноватаго; онъ повидимому вздымается изъ подъ каменноугольныхъ пластовъ.

Песчаники, по мѣрѣ приближенія своего къ Пекинской равнинѣ, принимаютъ сложеніе конгломерата; обломки его состоятъ изъ полево-шпатовыхъ и кварцевыхъ валуновъ и иногда изъ порфира; тамъ же гдѣ начинаются обнаженія горъ въ нихъ виденъ грубый, сѣраго цвѣта песчаникъ, перемежающійся съ отвердѣлою глиной, а въ ней проходятъ слоями кварцеватые

---

(7) Родъ Productus принадлежитъ къ руконогимъ моллюскамъ (Brachiopoda) и въ нынѣшнихъ моряхъ не существуетъ, болѣе всего распространенъ въ каменноугольной формаціи, но жилъ и въ предъидущемъ періодѣ—Девонской и послѣдующемъ—Пермской формаціи.

(8) Энкриниты суть окаменѣлые остатки животныхъ, относящихся къ разряду животворастеній (Zoophyta), классу Echinoderma, отряду Crinoidea. Они бываютъ прикрѣплены къ подводнымъ предметамъ длинымъ твердымъ стеблемъ, состоящимъ изъ многочисленныхъ члениковъ.

песчаники, имѣющіе отчасти галечное сложеніе; надъ всѣми этими породами лежитъ угольный известнякъ.

Горы на сѣверѣ и на западѣ отъ Пекина нѣсколько различны въ своемъ геогностическомъ составѣ (9). Между тѣмъ какъ въ западныхъ горахъ изъ плутоническихъ породъ преобладаютъ діориты, а изъ нептуническихъ (10) — известняки, песчаники и сланцы каменноугольной формаціи; въ сѣверныхъ плутоническія породы, гдѣ онѣ показываются, состоятъ изъ гранитовъ и порфировъ, а осадочныя изъ известняковъ, какъ кажется метаморфозированныхъ прикосновеніемъ плутоническихъ (11) и переходящихъ въ доломиты.

Сѣверныя горы лежатъ отъ Пекина въ разстояніи 30—40 верстъ. Промежуточная полоса состоитъ изъ наносной глинистой почвы. Семь верстъ не доходя до сѣверныхъ горъ появляется первое предгоріе Сяо т'анъ-шань (Siao-tien-schan), состоящее изъ плотнаго сѣраго известняка, прорѣзаннаго прожилкомъ кварца. Изъ него, на разстояніи одинъ отъ другаго на нѣсколько саженъ, бьютъ два ключа, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 40° другой 45° Реом. Вода ихъ проведена въ бассейны, выложенные плотнымъ известнякомъ и ванны, при которыхъ построенъ императорскій дворецъ. Вода чиста, прозрачна и не содержитъ солей въ растворѣ.

Верстахъ въ полторы отъ Сяо-т'анъ-шань, на З., возвышается еще одинъ отдѣльный холмъ Да-т'анъ-шань, высотою превосходящій первый и состоящій изъ такого же плотнаго известняка, съ прослойками кварца. Изъ подножія его также вы-

---

(9) См. Кованько Геогностич. очеркъ окрестностей Пекина, Горн. Журн. 1838. Ч. II. кн. 2 стр. 35.

(10) *Плутоническія*, т. е. такія которыя образовались охлажденіемъ изъ расплавленной, огнежидкой массы и потому имѣютъ кристаллическое сложеніе. *Нептуническія* или осадочныя, т. е. такія которыя образовались осажденіемъ на днѣ морскомъ порошка, размытаго или растворенаго морскими волнами.

(11) Плутоническія, расплавленныя породы, своимъ огненнымъ прикосновеніемъ, измѣняютъ сосѣднія съ ними толщи осадочныхъ, прокаливая ихъ, вслѣдствіе чего происходитъ третій классъ горныхъ породъ, имѣющихъ строеніе нептуническихъ, а сложеніе плутоническихъ и называющихся *метаморфическими*.

текаютъ чистые прозрачные источники. Одинъ изъ нихъ имѣетъ температуру 16° Реом.

Далѣе къ С. простирается самый кряжъ сѣверныхъ горъ. Наружный видъ ихъ однообразенъ. Онѣ почти совсѣмъ обнажены и только рѣдко склоны ихъ прикрыты мелкимъ кустарникомъ. Высота ихъ довольно значительна, особенно горы Инь-шань, расположенной въ 15 вер. на С.-В. отъ храма Лунъ-цюань-сы, отстоящаго къ С. отъ Пекина на 20 вер. Гора эта состоитъ изъ гранита, который въ нижнихъ частяхъ своихъ крупно-зернистъ и вывѣтриваясь обсыпается въ дресву, но въ верхнихъ мѣлко-зернистъ, плотенъ и не представляетъ слѣдовъ разрушенія. Составныя его части: красный полевой шпатъ, свѣтло-сѣрый кварцъ и черная слюда, мѣстами почти изчезающая. Кованько, основываясь на названіи этой горы (Инь-шань, инь значитъ серебряный), полагаетъ что здѣсь добывались серебряныя руды, съ чѣмъ согласно было и показаніе одного стараго китайскаго монаха. Впрочемъ *Инь*, по замѣчанію Ст. Жюльена, изображается здѣсь другимъ знакомъ и означаетъ не серебряная гора, а гора обращенная къ сѣверу ([12]). Подъемъ на гору необыкновенно крутъ, на вершинѣ ея площадка въ нѣсколько сажень, обнесенная гранитными перилами хорошей отдѣлки; посреди площадки жертвенникъ изъ цѣльнаго гранита, а подлѣ него огромный колоколъ.

Преобладающая же порода въ сѣверныхъ горахъ есть *доломитъ* ([13]). Окало храма Лунь-цюань-сы онъ очень плотенъ, имѣетъ мелко-зернистое сложеніе и отъ частицъ кварца очень твердъ. Всѣ памятники на кладбищахъ, ворота и ступени въ дворцахъ сдѣланы изъ этого доломита. Плотныя видоизмѣненія этой породы рѣдко имѣютъ бѣлый цвѣтъ, большею же ча-

(12) См. Humboldt Central-Asien übers. v. Mahlmann Berlin. 8. 1844. Bd. II. p. 539.

(13) *Доломитъ* есть горная порода, состоящая изъ углекислой извести и углекислаго горькозема (магнезіи). Она отличается отъ *известняка*, состоящаго изъ одной углекислой извести тѣмъ, что не шипитъ какъ этотъ послѣдній будучи облитъ кислотою.

стію сѣроваты. Гдѣ въ камнѣ не замѣтно прожилокъ кварца, тамъ онъ сахаровиденъ въ изломѣ и походитъ на каррарскій мраморъ. Окаменѣлостей въ немъ нѣтъ; такой доломитъ удобно растирается въ порошокъ, употребляемый здѣсь для окончательной очистки рису. Явно слоистаго сложенія въ немъ нѣтъ, онъ раздѣленъ множествомъ трещинъ на правильныя массы. Подчиненными пластами входитъ въ него полуразрушенный известнякъ, содержащій въ себѣ много бѣлаго песку. Мѣлко-зернистый, темносѣрый песчаникъ также проходитъ въ пластами въ 1 — 2 арш.

Свойство этаго доломита и отсутствіе въ немъ окаменѣлостей можно приписать метаморфическому вліянію *порфира* (10), поднимающагося въ видѣ сопки, около храма Бао-эрл-сы, въ $^1/_2$ вер. къ С.-З. отъ храма Лунъ-цюань-сы. Порфиръ этотъ темнокраснаго цвѣта, имѣетъ очень чувствительный запахъ глины, твердость его незначительна, на поверхности онъ весь изсѣченъ трещинами.

Красный, желѣзистый песчаникъ, раздѣленный трещинами на ромбоидальныя части, находится въ тѣсной связи съ доломитомъ. Онъ не образуетъ значительныхъ пластовъ и лежитъ только всегда на отклонахъ плотнаго доломита. Къ С.-З. отъ Кунъ-цюань-сы, на разстояніи $^1/_2$ версты, видно небольшое обнаженіе грубослоистаго *хлоритоваго сланца* (13), который, прилегая къ доломиту, почти совершенно скрывается подъ наносомъ глины. Онъ имѣетъ очень крутое паденіе, но слои его идутъ очень неправильно, изгибаясь зигзагомъ. Въ немъ попадаются известковыя зерна.

---

(10) Обыкновенный *порфиръ* есть плутоническая горная порода, имѣющая одинаковыя составныя части съ гранитомъ (полевой шпатъ, кварцъ и слюду), но отличающіяся своимъ порфировымъ сложеніемъ, т. е. такимъ, въ которомъ существуетъ противоположность между видимо однообразною основною массою и разсѣянными въ ней кристаллическими зернами.

(13) *Хлоритовый сланецъ* есть тонкослоистая горная порода, состоящая преимущественно изъ зеленоватаго минерала, называемаго хлоритомъ. Она считается метаморфическою.

Въ *западныхъ горахъ* преобладающая плутоническая порода есть *діоритъ* ([16]). Онъ показывается у деревни Санъ-шэя-янъ и простирается вверхъ рѣки Хунь-хэ до деревни Ванъ-п'инъ-к'эу, на 15 верстъ. Мелко-зернистый, свѣтло-зеленый діоритъ раздѣленъ трещинами на части, имѣющія видъ слоевъ, съ паденіемъ на В. около 15°. Твердость его значительна только въ нижнихъ частяхъ, сверху онъ дѣлается рыхлъ, слоевать и переходитъ въ отвердѣлую глину ([17]). Въ этой глинѣ заключаются зерна кварца и діорита, величиною съ гречкій орѣхъ и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зерна эти составляютъ только прослойки въ рыхлой діоритовой массѣ, но иногда бываютъ въ такой степени скучены, что образуютъ огромныя толщи сплошнаго конгломерата. Толщина пластовъ конгломерата, имѣющихъ одинаковое съ діоритомъ паденіе, простирается до сажени. Конгломератъ перемежается съ желѣзистою глиной бурокраснаго цвѣта, образующею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительныя возвышенія. Она также заключаетъ въ себѣ зерна кварца и діорита, которыя, уменьшаясь въ величинѣ, образуютъ потомъ чистый, мѣлкозернистый песчаникъ, съ прожилками бѣлаго кварца, пересѣкающими его въ разныхъ направленіяхъ.

Діоритъ, представляющій обнаженіе подошвы горы Ляохуа-шань, лежащей къ З. отъ Ванъ-п'инъ-к'эу образуетъ почти вертикальныя стѣны, вмѣстѣ съ лежащимъ на немъ конгломератомъ. Изъ подъ него выходятъ незначительныя массы Діоритъ-порфира. ([18])

На сѣв. отъ Ванъ-п'инъ-к'эу, въ 7 верстахъ, протекаетъ рѣчка

---

(16) *Діоритъ* есть кристаллическая (плутоническая) горная порода, состоящая изъ амфибола (роговой обманки) и олигоклаза (родъ полеваго шпата). Его называютъ также часто и грюнштейномъ, но подъ этимъ именемъ разумѣется еще и различный съ нимъ діабазъ.

(17) Извѣстно что діоритъ легко вывѣтривается и распадается на красную желѣзосодержащую глину, довольно сходную съ происходящею изъ разрушенія базальтовъ.

(18) *Діоритъ-порфиръ* есть плутоническая горная порода, состоящая изъ одинаковыхъ съ діоритомъ минераловъ, но имѣющая характеристическое порфировое сложеніе (основную массу съ разсѣянными въ ней кристаллическими зернами).

Цинъ-шуй-хэ, которая, разрѣзывая діоритовую толщу, обнаруживаетъ явственно всѣ видоизмѣненія діорита. Діоритъ гранитовидный, плотный и порфировидный смѣняются одинъ другимъ, и всѣ переходятъ въ діоритовый конгломератъ. Какъ онъ, такъ и самый діоритъ, пересланваются еще съ порфировидною желѣзистою глиною, которая переходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ порфиръ, а этотъ послѣдній, будучи раздробленъ и потомъ цементованъ тою же глиною, образуетъ пудинги, въ которыхъ величина порфировыхъ зеренъ бываетъ отъ вершка до $^1/_4$ арш. въ діам. Этотъ порфиръ—кирпичнаго цвѣта, съ бѣлыми кристаллами полеваго шпата (и есть слѣдов. обыкновенный красный кварцесвободный порфиръ). Твердость его посредственна, онъ образуетъ сплошныя массы неправильнаго вида ([19]).

Изъ осадочныхъ породъ наиболѣе распространенная въ западныхъ горахъ есть горный известнякъ. Горы изъ него состоящія часто падаютъ отвѣсно, и трудно доступны. На З. отъ Ванъ п'инъ-к'эу онъ представляетъ значительные пласты, съ крутымъ паденіемъ на В.; иногда же эти слои почти горизонтальны. Въ немъ проходятъ часто прослойки известковаго шпата. Разной величины пещеры довольно распространены въ горномъ известнякѣ: въ нѣкоторыхъ находятся сталактиты. Изъ рудныхъ жилъ есть жилы свинцоваго блеска и бураго желѣзняка (въ ущельѣ Янъ-ли-гоу), толщиною въ $^1/_4$ аршина и болѣе. Мелкозернистый, желтосѣрый песчаникъ представляетъ пласты, подчиненные известняку, но имѣющіе иногда значительную толщину. Верхніе пласты известняка имѣютъ большое сходство съ известнякомъ сѣверныхъ горъ. Известнякъ горы Цзы-т'ай, извѣстной по огромному храму и лежащей близъ деревни Шимынь-инъ, чрезвычайно плотенъ, даетъ искры объ сталь и изобилуетъ пещерами. Между ними Чао-

(19) Изъ описанія Ковалько намъ кажется, что толщи болѣе древняго діорита просто прорѣзаны здѣсь кое-гдѣ жилами болѣе новаго, обыкновеннаго (краснаго) кварцесвободнаго порфира, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вывѣтрившагося и превратившагося въ глину.

янъ-дунъ замѣчательна по величинѣ своей. Она расположена на крутомъ обрывѣ, и потому входъ въ нее очень затруднителенъ. Объ этой пещерѣ ходятъ между китайцами разныя нелѣпыя басни, между прочимъ что она составляетъ подземный ходъ до самаго Калгана, что въ ней есть ручьи, мосты и т. д. Кованько входилъ въ эту пещеру. Она представляетъ видъ крутой штольни, которая сначала довольно высока, но потомъ становится ниже и ниже, и наконецъ дѣлается такъ низка, что должно идти ползкомъ; потомъ вдругъ прерывается вертикальною шахтою, идущею почти прямо вверхъ. Воздухъ въ ней былъ чрезвычайно сыръ, съ боковъ видны были двѣ штольни, изъ которыхъ одна затоплена водою, а другая идетъ очень круто внизъ; дальнѣйшаго направленія пещеры разсмотрѣть было невозможно. Длину ея можно полагать до 150 саженъ. На ея днѣ замѣтны небольшіе сталагмиты.

Изъ другихъ осадочныхъ породъ распространенъ глинистый сланецъ, въ особенности развитый на В. отъ Ванъ-п'инъ-к'эу. Онъ такъ сильно проникнутъ каменнымъ углемъ, что мѣстами переходитъ въ горючій сланецъ (Brandschiefer). Слои его часто измѣняютъ направленіе и часто падаютъ совершенно вертикально. Причина такихъ неправильностей зависитъ, какъ кажется, отъ поднятія сланца плотнымъ *грюнштейномъ* ([20]), также здѣсь выходящимъ наружу. Сланецъ перемежается съ пластами мѣлкозернистаго песчаника, прорѣзаннаго прослойками бѣлаго кварца, отъ котораго онъ получаетъ большую твердость. Между сланцемъ и песчаникомъ залегаютъ пласты каменнаго угля. Въ глинистомъ сланцѣ есть также слои каменнаго угля, но онъ качествомъ ниже того который непосредственно лежитъ подъ песчаникомъ. Въ подчиненныхъ сланцу пластахъ краснаго желѣзистаго песчаника, цементующаго значительной

---

(20) Подъ именемъ грюнштейна (зеленаго камня) разумѣются, двѣ не всегда легко различимыя, но различныя между собою плутоническія горныя породы, именно *діоритъ*, состоящій изъ амфибола (роговой обманки) и олигоклаза, и *діабазъ*, состоящій изъ пироксена (аугита) и олигоклаза или лабрадора.

твердости, встрѣчаются иногда также богатыя запасы каменнаго угля.

Главнѣйшая изъ разрабатываемыхъ каменноугольныхъ копей въ западныхъ горахъ, по свидѣтельству Ковалевскаго ([21]), находятся въ ущельѣ Мынь-тоу-гоу, близъ горы Ма-я-шань, въ ущельѣ Вань-п'инъ-к'эу, въ ущельѣ Чанъ-юй-к'эу и нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда Фанъ-шань-хянь. Толщина каменноугольнаго пласта доходитъ до 3-хъ и болѣе футовъ; всѣ другіе топкіе его слои, которыхъ до 10 подчинены крупнозернистому песчанику и известняку, изрѣдко сланцамъ, не разработываются; въ известнякѣ встрѣчаются окаменѣлости — Spirifer mosquensis ([22]), изъ чего Ковалевскій заключаетъ что уголь распространенъ здѣсь въ среднемъ ярусѣ известняка и новѣе огромнаго образованія Сюань-хуа-фусскаго известняка. Уголь смолистъ, спекается въ огнѣ и отдѣляетъ много пламени и дыму. Самая большая разработка его производится въ ущельѣ Мынь-тоу-кэу, гдѣ считается четыре большихъ копи.

Работы во всѣхъ копяхъ производятся продольными ортами, которые бываютъ до 2-хъ вер. длины; крѣпи въ ортахъ чрезвычайно рѣдки по дороговизнѣ лѣса, оттого часто цѣлыя партіи рабочихъ погибаютъ подъ обвалами. Разработка производится большею частію по направленію самаго пласта, и по мѣрѣ выклиниванія ([23]) его съуживается до того, что едва можно ползти по орту. Никакія, даже самыя простыя механическія усовершенствованія для подъема угля или откачиванія воды неизвѣстны. Нашелся было кто-то изъ китайцевъ, католическій христіанинъ, устроившій на одной изъ копей во́ротъ и да-

(21) См. Ковалевскаго путешествіе въ Китай С. П. Б. 1853. Ч. I. отр. 136.

(22) Spirifer mosquensis считается характеристическою окаменѣлостью для средняго этажа каменноугольной формаціи и очень распространенъ въ Московской губерніи. Родъ Spirifer принадлежитъ къ руконогимъ моллюскамъ (Brachiopoda), въ нынѣшнихъ моряхъ не существуетъ, начинаясь въ самомъ древнемъ осадочномъ *Силурійскомъ* періодѣ и оканчиваясь въ *тріасовомъ*.

(23) Пластъ *выклинивается*, то есть слѣдуя между двумя другими пластами оканчивается подобно клину постепеннымъ съуженіемъ.

же порядочный насосъ; но это нововведеніе, которое могло замѣнить руки нѣсколькихъ десятковъ людей, возмутило всѣхъ рабочихъ, немедленно уничтожившихъ и воротъ и насосъ, и угрожавшихъ самому изобрѣтателю.

Добыча угля въ копяхъ, уже по разработкѣ ихъ, составляетъ самое трудное занятіе въ Китаѣ; работникъ здѣсь можетъ получить до 45 к. сер. въ день, между тѣмъ какъ обыкновенная задѣльная плата не превышаетъ 15 коп. Только работникъ долженъ имѣть свои горные инструменты и масло для освѣщенія работы; масло это обыкновенно горитъ въ закрытомъ ночникѣ, привязанномъ къ его головѣ. Уголь вывозятъ на поверхность по орту въ маленькихъ салазкахъ. Работы производятся только зимою и осенью, потому что лѣтомъ работники занимаются земледѣліемъ, а верблюды, употребляемые для перевоза каменнаго угля, угоняются на откормленіе въ Монголію.

Разработка каменнаго угля производится исключительно частными людьми, иногда на земляхъ принадлежащихъ храмамъ. Въ Пекинѣ каменный уголь продается нерѣдко уже изъ третьихъ рукъ. Владѣтели копей продаютъ его только на мѣстѣ, а особый классъ людей, преимущественно изъ Шэньсійцевъ, перепродаетъ его въ городѣ. Потому цѣнность его въ Пекинѣ значительна. Пудъ хорошаго угля обходится около 17 коп. сер., потому не всѣ жители Пекина въ состояніи употреблять его. Для бѣдныхъ нарочно приготовляются куски изъ мусора, съ примѣсью глины и большой половины золы, остающейся при горѣніи каменнаго угля, которые продаются отъ 7 до 8 коп. сер. за пудъ ([24]).

---

(24) См. Ковалевскаго путешествіе въ Китай Ч. I. стр. 137, 138. Замѣчательно что съ 1830 до 1850 г. цѣна на каменный уголь понизилась болѣе чѣмъ вдвое. Въ 1830 году, по показанію Коваськи, она была 43 коп. сер. за пудъ, а мусорный 29 к. сер. Это доказываетъ что каменноугольная промышленность на Пекинской горной окраинѣ, въ теченіи послѣдняго двадцатилѣтія, получила большое развитіе.

§ 17.

Изложеніе VII. *Императорскій лѣтній дворецъ въ Жэ-хэ* (Je-hol), *со внутренней стороны горной окраины, по описанію Британскаго посольства въ* 1793 *г. и Маньчжурской Государственной Географіи.*

По описанію Британскаго посольства (1793 г.). Не переходя еще отъ сѣверныхъ границъ Чжи-ли далѣе на З. черезъ границы Шань-си и Шэнь-си, остановимся еще на небольшемъ пространствѣ къ С.-В. отъ Пекина, которое заслуживаетъ особаго вниманія, потому что оно, въ этомъ направленіи, есть единственное мѣсто, о которомъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, именно отъ посѣтившаго его въ Сентябрѣ 1793 г. Британскаго посольства, подъ начальствомъ Л. Макартнея. Мы говоримъ объ упомянутой уже выше мѣстности въ долинѣ Луань-хэ, на южномъ склонѣ высокой Пе-ча, гдѣ находится лѣтній дворецъ императора—Жэ-хэ, посѣщеніе котораго доставило намъ многія интересныя данныя объ этой мѣстности. Дорога сюда изъ Пекина идетъ между двумя описанными нами караванными путями чрезъ ворота великой стѣны на С.-В., извѣстныя подъ названіемъ Гу-бэй-к'эу (Ku-pe-Kheou), о положеніи которыхъ мы упоминали выше. Здѣсь не проходитъ никакой торговой дороги; это собственно императорскія ворота стѣны, потому что они ведутъ къ великолѣпной лѣтней резиденціи (*) и въ облавныя мѣста государевой охоты на священную Пе-ча, на которой и въ прежніе времена происходили празднества, по случаю вступленія на престолъ и другихъ торжествъ. Особая императорская дорога, имѣющая 30 геог. миль (418 ли) длины, ведетъ туда изъ Пекина. Эта искуственная дорога въ послѣдніе годы царствованія императора Кянъ-Луня передѣлывалась за-

(*) Послѣ смерти импер. Кя-Кина (Kio-King), въ 1820 году, преемники его не ступали ногою въ свой великолѣпный Китайскій Версаль. — *Пр. Пер.*

ново два раза въ годъ, и пыль съ нея сметалась безпрерывно; она служила собственно для проѣзда императора взадъ и впередъ, и никто прежде не могъ вступить на нее. Дорога эта укатана и убита какъ токъ на гумнѣ, снабжена на разстояніи каждыхъ 200 шаговъ бассейнами воды для поливанія, и охраняется караульными днемъ и ночью, а потому одинъ талантливый нѣмецкій наблюдатель (1) сравниваетъ ее, по порядку съ которымъ она содержится и по чистотѣ ея, съ поломъ гостиной, и полагаетъ, что еслибы смертные могли бы дѣйствовать также на воздухъ и лучи солнечные какъ и на землю, то китайцы дали бы своему великому государю исключительное право на самый чистый воздухъ и самые прекрасные лучи солнечные. По сторонамъ сей дороги устроены другія для спутниковъ императора, и на каждыхъ 3-хъ миляхъ находятся, для принятія высокаго путешественника съ его свитою, императорскіе дворцы, съ садами, въ которыхъ также было помѣщаемо и европейское посольство. Это путешествіе въ лѣтнюю резиденцію называется обыкновенно путешествіемъ въ Татарію, потому что оно идетъ за предѣлы великой стѣны; полный рисунокъ и измѣреніе самой стѣны приложены къ сочиненію Макартнея. Посольство прибыло къ стѣнѣ изъ Пекина только на четвертый день, дѣлая ежедневно небольшіе переѣзды. Уже на 4-й милѣ пути, по замѣчанію Стаунтона (2), равнина начинаетъ возвышаться; вмѣсто глинистой и черноземной плодородной почвы появляется песчаная. За первою цѣпью холмовъ, въ которой находятся минеральные источники (называемые императорскою купальнею), появились первые слои извѣстняка въ горизонтальныхъ пластахъ, съ узловатыми массами кремня, совершенно подобные встрѣчаемымъ въ южной Англіи и сѣвер-

(1) J. L. Hüttner Nachricht von der Britt. Gesandschaftsreise durch China u. s. w. Berlin. 1797. p. 52.

(2) S. George Staunton authentic account of an Embassy, from the King of Gr. Britain to the Emperor of China, from the papers of Macartney etc. Lond. 1797. T. II. p. 171.

ной Франціи. На второй день эти передовые холмы приняли весьма странныя формы. Горы стояли здѣсь нерѣдко уединенными, и поднимались съ собственнаго подножія, совершенно отдѣльно другъ отъ друга, безъ всякаго порядка по равнинѣ; онѣ имѣютъ вообще однообразную высоту, но нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствіемъ времени отчасти разрушились, другія же столь хорошо сохранили свою правильную форму, что походятъ на колоссальныя друзы кристалловъ. Низменности между этими горами были покрыты плантаціями табаку, только что убраннаго. На третій день пути къ великой стѣнѣ населенность страны уменьшилась, скаты горъ, по замѣчанію Д-ра Гилана ([3]), поднимаются со стороны моря къ Татаріи только весьма постепенно, съ противуположной же стороны спускаются совершенно отвѣсно, въ видѣ голыхъ скалъ, въ глубокія долины, и представляютъ съ той стороны зубчатыя, иглообразныя верхушки. Замѣчательное поднятіе слоевъ вторичныхъ породъ къ первозданнымъ, которое въ величественной, классической мѣстности Крамона надъ Allée blanche, къ южному отвѣсному скату цѣпи Монблана ([4]), привело величайшихъ испытателей природы, отъ Соссюра до Хаусмана, къ разнымъ важнымъ соображеніямъ и было признано уже первымъ изъ нихъ за общій геогностическій законъ строенія земной коры, повторяется съ тѣми же явленіями и здѣсь на южной окраинѣ самаго большаго подъема восточной Азіи ([*]), который долженъ былъ имѣть на такіе изгибы слоевъ сильное вліяніе. Нижніе горные пласты въ долинахъ рѣкъ состоятъ изъ песку и песчаниковъ; надъ ними наслоенъ зернистый грубый извѣстнякъ, содержащій въ себѣ сѣро-голубыя почки; а надъ этимъ извѣстнякомъ распростра-

(3) Staunton тамъ же p. 174.

(4) H. da Saussure. Voyage dans les Alpes, ed. Neuch. 4. 1786. T. II. § 919. p. 338. J. F. L. Hausmann Umrisse nach der Natur. Göttingen. 1831. 8. p. 65.

(*) Съ тою разницею что здѣсь подняты плутоническими породами не вторичныя (юрская и мѣловая), какъ въ Альпахъ, а болѣе древнія — *Палеозоическія*, именно принадлежащія къ каменноугольному періоду. См. выше допол. къ § 16. — *Пр. Пер.*

пепъ мощный слой самой твердой глины, весьма неправильный, окрашенный часто желѣзомъ въ бурый цвѣтъ, часто содержащій въ себѣ охру и во многихъ мѣстахъ пересѣченный отвѣсными жилами шпата. Только на высочайшихъ вершинахъ горъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, можно было видѣть большія гранитныя массы, которыя однако нигдѣ не спускаются до самыхъ долинъ.

Утромъ, на 4-й день, показалась вдали растянутая по хребту татарскихъ горъ свѣтлая неровная линія, довольно сходная съ стѣнообразно-выдающимися кварцовыми жилами гнейсовыхъ горъ въ Шотландіи; это была китайская стѣна. Самый высшій пунктъ, до котораго она достигаетъ, по сдѣланному измѣренію, оказался въ 4903 пар. ф. (5225 англ.) (5) высоты. Не только протяженіе стѣны отъ Вост. на Зап., но и ея заоблачная высота возбудили и на этотъ разъ изумленіе. Круто поднимающаяся дорога вела къ южнымъ воротамъ стѣны, между отвѣсными неприступными горными скатами, вдоль которыхъ узкій проходъ, достаточный только для дороги и горнаго потока, приводилъ ко второму укрѣпленному ущелью, служащему военнымъ постомъ, отсюда спускалась крутая дорога по ущелью къ Губэй-к'эу, крѣпости при внѣшнихъ воротахъ стѣны; самая крѣпость примыкала къ стѣнѣ нѣсколькими концентрическими укрѣпленными линіями и заключала въ себѣ тогда до 1200 человѣкъ гарнизона. Здѣсь удалось капитану Паршу сдѣлать самыя точныя измѣренія стѣны, которая хотя отчасти и обрушилась, однакоже составляетъ еще крѣпкій постъ, и считается даже оффиціально границею между Татаріею и Китаемъ, хотя она уже не представляетъ болѣе политическаго раздѣленія народовъ и не имѣетъ болѣе военнаго значенія. Нынѣ мѣстечки, лежащія по обѣимъ сторонамъ стѣны, наполнены совершенно смѣшаннымъ народонаселеніемъ изъ обоихъ племенъ, а сѣверъ, противъ котораго была воздвигнута стѣна, сдѣлался, со време-

(5) Staunton. II. p. 178.

ни воцаренія Маньчж. династіи, обладателемъ юга. Не смотря на то стѣна эта будетъ всегда имѣть важность, потому что она, какъ политическая и этнографическая граница, была основана на физическомъ рубежѣ, котораго время измѣнить не можетъ. Британцы замѣтили что на С. отъ стѣны ландшафты и климатъ сдѣлались суровѣе; скоро показались: сѣверный заяцъ съ бѣлою зимнею шерстью и съ особою организаціею конечностей, столь удобною для бѣга по глубокимъ снѣжнымъ равнинамъ, и небольшая татарская собака, вѣрный спутникъ своего господина, — столь рѣдкая въ Китаѣ. Большая часть деревъ принадлежала къ хвойнымъ породамъ, недостигающимъ здѣсь впрочемъ большой высоты; самые дубы уменьшаются и въ числѣ и ростѣ. Ихъ было замѣчено двѣ породы—англійская (?) и русская (?) (*). Ильмы, осины, грецкіе и простые орѣшники достигаютъ здѣсь только высоты кустарниковъ и растутъ на южныхъ скатахъ горъ; на татарской сторонѣ, по направленію нагорья, росли только терновники и сухія травы; медвѣди, волки и тигры попадаются еще здѣсь. Деревни, въ самой жалкой противуположности съ великолѣпіемъ императорскихъ дворцовъ, разсѣяны только въ узкихъ долинахъ. По замѣчанію д-ра Гилана (6), шестая часть сельскаго народонаселенія одержима страшною болѣзнію зобовъ и послѣдствіемъ ея — кретинизмомъ. Туземцы живутъ въ смѣшанныхъ бракахъ между Татарами и Китайцами.

На седьмой день путешествія, дорога шла все паралельно между двумя цѣпями горъ (см. карту Стаунтона); вулканическихъ слѣдовъ здѣсь не существуетъ; но горы показываютъ горизонтальныя линіи гранитныхъ пластовъ (**), весьма различной толщины, которыхъ положеніе можно сравнить съ положеніемъ позвонковъ въ скелетѣ животныхъ; гребни этихъ горъ покрыты дерномъ; скаты, изборожденные дождевыми потока-

(*) Дубы, растущіе въ Маньчжуріи и на Монгольской окраинѣ, не принадлежатъ къ европейскимъ породамъ. — *Пр. Пер.*

(6) Staunton. II. p. 202.

(**) Не гнейссовыхъ ли? *Пр. Пер.*

ми, совершенно обнажены. На половинѣ высоты ската показалась вдругъ колоссальная развалина башни, которая сверху была шире, чѣмъ при основаніи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что эта башня была ничто иное какъ природная скала изъ отвердѣвшей глины (можетъ быть то была горная порода извѣстная въ Альпахъ подъ именемъ Nagelfluh), заключающая въ себѣ большіе валуны кварца: ее можно дѣйствительно считать развалиною, именно болѣе твердымъ остаткомъ верхняго земнаго покрова, смытаго силою дождевыхъ потоковъ. Такою наплывною, наносною почвою покрыта, какъ кажется, подобно Ломбардіи, обширная равнина Чжи-ли; только здѣсь, на высотахъ Жэ-хэ, остаются эти обращенныя пирамиды (7) для потомства памятниками древняго, высшаго слоя земной коры, въ ея уцѣлѣвшей кое-гдѣ отвердѣлости (?). Тяжелѣйшія, грубѣйшія кварцевыя (erратическія) массы остались въ ближайшихъ рытвинахъ поверхности Татаріи, а мягчайшія, плодородныя частицы земли покрыли иловатымъ покровомъ низменную равнину до самаго моря. Подобныя конусообразныя возвышенности и правильно выдающіяся, уединенныя пирамиды встрѣчаются ближе къ заливу Чжи-ли, гдѣ ихъ называютъ мандаринскими (8) или лѣтними шапками, и обязаны вѣроятно своимъ происхожденіемъ подобнымъ же обстоятельствамъ, какъ и многія образованія сего рода въ горахъ, состоящихъ изъ песчаниковъ и пуддингстоновъ (какъ напр. Colonnes de fées въ долинѣ С. Жерве у С.-З. подошвы цѣпи Монблана и т. д.).

Въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ этой мѣстности лежитъ, въ одномъ расширеніи горныхъ ущелій, въ уединеніи и тишинѣ, долина Жэ-хэ, т. е. мѣстопребываніе пріятной прохлады (*),

---

(7) См. Tab. ad. p. 203. у Стаунтона.

(8) Barrow. Trav. in China. London. 1804. 4. p. 64.

(*) *Жэ-хэ*, имя, подъ которымъ болѣе извѣстно въ народѣ это мѣсто, значитъ: «горячая рѣчка». Самый дворецъ называется *Бишу шуань-чжуань*, что значитъ: «горная деревня для удаленія отъ жаровъ», а городъ называется Чэнь-дэ-фу. См. Стат. Опис. Кит. имп. О. Іакинеа. Ч. II. стр. 94. *Пр. Пер.*

и въ ней возвышается лѣтній дворецъ (называемый садомъ безчисленныхъ деревъ) — любимое пребываніе императора Кянъ-Луня, гдѣ Британское посольство имѣло аудіенціи и пользовалось самымъ благосклоннымъ пріемомъ 83-хъ лѣтняго тогда старца. Дворецъ лежитъ (9) подъ 41° 58′ с. ш., по наблюденію капитана Париша. Этотъ китайскій Санъ-Суси занимаетъ всю плодородную долину, которая окружена со всѣхъ сторонъ волнистыми рядами горъ; ихъ глинистыя и кремнистыя высоты разорваны водными потоками, но не имѣютъ живописныхъ формъ, и бѣдны растительностью. Составляющіе эту резиденцію замки, увеселительныя зданія, храмы бонзъ и ламъ скрыты въ углубленіяхъ, между обширными искуственными садами. Съ сосѣднихъ высотъ не видно ничего кромѣ другихъ обнаженныхъ высотъ, а въ окрестныхъ долинахъ находятся по видимому не дворцы вельможъ, а только ламайскіе монастыри, учрежденные нынѣ царствующею Маньчжурскою династіею. Положеніе Жэ-хэ, между холоднымъ нагорьемъ и низменностью, можетъ быть сравнено съ совершенно апологическимъ положеніемъ бывшей весенней столицы древнихъ Персовъ временъ Кира— Сузы (30° с. ш.), или съ положеніемъ находившагося еще на болѣе значительной высотѣ Шахъ-пура изъ періода Сассанидовъ, или наконецъ города Шираса, времени калифовъ. Въ подобной же мѣстности находилась и лѣтняя резиденція Китайскихъ императоровъ, до Маньчжурской династіи, во времена Монгольскаго владычества (Юань), извѣстная подъ именемъ Шан-ду, (Chang-Tu). Она находилась нѣсколько западнѣе Жэ-хэ, прямо на Сѣверъ отъ Пекина за стѣною, на р. Шанду-гола, вытекающей съ сѣверо-западнаго ската высокой Печа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бьютъ горячіе ключи, близъ которыхъ Жербильонъ (10) нашелъ еще (1691) ея развалины. (*)

---

(9) Staunton. II. p. 206, 274.

(*) О положеніи Шанду, нынѣшняго Долонъ-нора, см. выше дополненіе къ § 15. — *Пр. Пер.*

(10) Gerbillon, Voyage III. p. 310.

Впрочемъ здѣсь, подъ 40° с. ш., на 10° сѣвернѣе чѣмъ въ упомянутыхъ пунктахъ Персіи, пріятная осенняя прохлада персидскихъ высотъ замѣняется болѣе рѣзкою температурою при 40° с. ш., и сентябрьскіе вечера и почи характеризуются Татарскимъ зимнимъ холодомъ. Многіе Британцы, только что совершившіе переходъ чрезъ тропическій поясъ, подверглись опаснымъ простудамъ и нѣкоторые лишились даже жизни (это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ). На церемоніальныя аудіенціи, пиршества, поздравленія, по случаю юбилея императора, должно было, къ сожалѣнію, употребить много времени, въ особенности при стеченіи столькихъ посольствъ, начиная отъ получерныхъ и полунагихъ Пегуанцовъ въ длинныхъ, вышитыхъ золотомъ, красныхъ бархатныхъ мантіяхъ со шлейфами, до Европейскаго посла изъ Англіи, въ его парадномъ экипажѣ, и до говорящихъ на арабскомъ языкѣ магометанъ съ каспійскаго моря; отъ вице-короля провинціи Кантона, до князей самыхъ отдаленныхъ частей Монголіи и Маньчжуріи; такъ что географія страны отъ пребыванія здѣсь Брит. посольства ничего не пріобрѣла болѣе, кромѣ этнографическихъ изображеній многихъ представлявшихся здѣсь лицъ, описаній множества всегда сходныхъ между собою Китайскихъ дворцовъ, которые, съ ихъ богатыми, но лишенными всякаго вкуса и идеи художественными коллекціями, были показываемы гостямъ по приказанію императора, и исчисленія богатыхъ ламайскихъ храмовъ, изъ которыхъ наиболѣе чтимый—Буддала (Putala) покрытъ черепицами изъ массивнаго золота, подобно тому какъ украшенъ былъ Крезомъ храмъ Дельфійскаго оракула.

Въ особенности поразило всѣхъ несмѣтное количество драгоцѣнныхъ камней, преимущественно различныхъ породъ агатовъ, какъ разсказываютъ англичане, вѣроятнѣе же породъ *Ю* т. е. восточной *яшмы* (Jade), нефрита, самаго уважаемаго камня у Китайцевъ. Нѣкоторыя куски были необыкновенной величины и на каждомъ изъ императорскихъ креселъ, въ безчисленныхъ комнатахъ дворцевъ, лежалъ скипетръ изъ этого камня, въ

видѣ цвѣтка, символа счастія и благоденствія царствующей династіи. Этотъ камень доставляется изъ дальнихъ странъ только имп. дому, какъ дань подвластныхъ народовъ. Впрочемъ и сосѣдняя нагорная степь Гоби засыпана многочисленными и прекрасными обломками агатовъ. Сады занимали обширныя пространства и состояли изъ прекрасныхъ лѣсовъ весьма высокихъ, искуственно насаженныхъ сѣверныхъ дубовъ и южныхъ лиственныхъ деревъ, изъ зеркальныхъ прудовъ, покрытыхъ прекрасными лодками съ флагами и пестрымъ ковромъ Китайскихъ Лотосовъ (Лянь-ва). Звѣринцы, съ многочисленными птицами и млекопитающими, съ рыбами превосходныхъ цвѣтовъ на песчаномъ днѣ свѣтлыхъ водныхъ бассейновъ, усѣяномъ агатами, яшмою и другими цвѣтными каменьями, обращали всеобщее вниманіе. Сколько все поражало сначала своимъ великолѣпіемъ, столько же и утомлялъ вскорѣ монотонный характеръ архитектуры поставленныхъ только различнымъ образомъ увеселительныхъ замковъ, расположенія сада, унылаго пѣнія гимновъ, раздающагося въ многочисленныхъ ламайскихъ монастыряхъ въ честь повелителя, китайскихъ фейерверковъ и иллюминацій, фресковъ, изображающихъ побѣды, охоты и придворныя церемоніи государей, и однообразіе даже героическихъ и комическихъ представленій, смѣнявшихся одно другимъ въ теченіи длиннаго ряда дней. Самое оживляющее украшеніе императорскихъ покоевъ составляли привезенные сюда въ большомъ количествѣ европейскіе автоматы и часы съ музыкой — произведенія англійскихъ фабрикъ, нашедшія здѣсь значительный сбытъ. По лучшимъ, безъ сомнѣнія, украшеніемъ здѣсь были замѣчательныя слова и благосклонность праздновавшаго свой 83-й день рожденія старца — императора, который, будучи сильнѣйшимъ изъ царей земныхъ, понималъ, подобно Соломону, при всемъ своемъ величіи и при всей славѣ своей, тщету окружавшаго его блеска. Кянъ-лунь, который былъ въ дѣйствительности счастливѣйшимъ изъ Китайскихъ государей (онъ царствовалъ отъ 1735 — 96), отпустилъ на 60-мъ году своего

царствованія Британское посольство съ слѣдующими словами ([11]): «Вы не должны думать, что я трачу свое время въ зрѣлищахъ; императоръ имѣетъ много дѣла; но въ праздничные дни, какъ напр. въ день моего рожденія, я дѣлаю исключеніе, по обычаю моихъ предковъ». — Небольшій гербарій ([12]), собранный Британцами во время пребыванія ихъ въ Жэ-хэ, показываетъ много сходства между здѣшнею растительностію и горною флорою Тюрингіи и другихъ гористыхъ частей Сѣверной Германіи.

По китайской государственной географіи дома Маньчжу (Да-цинъ-и-т'унъ-чжи (Tai-Thsing-Y-Thoung-Tchy), *что значитъ: описаніе монархіи Да-цинъ, 2-е изданіе Пекинъ 1790 года, переводъ Клапрота во франц. изд. путешествія Тимковскаго, Т. II. стр. 281 — 284.*

Область Чэнъ-дэ-фу, хотя лежитъ къ С.-В. отъ Пекина за Великою стѣною, причисляется однакоже въ настоящее время къ сѣверной провинціи (Бэй-чжи-ли) и есть пятая въ ряду ея областей. Она состоитъ большею частію изъ облавныхъ мѣстъ, назначенныхъ для охоты государей дома Маньчжу, отъ которыхъ съ начала XVIII стол. получила новыя поселенія и новое управленіе (см. ниже этнографію). Многіе императорскіе дворцы расположены въ ней внѣ стѣны. Изъ нихъ замѣчательнѣйшій есть *Же-хэ* (Je-Ho) или *Же-хэ-эрлъ* (Je-Ho-Eel), или иначе *Шуби-шань-чжуанъ* (Shupi-Shan-Tschuang, т. е. мыза для удаленія отъ лѣтнихъ жаровъ). Онъ былъ основанъ, какъ дворецъ для охоты, въ первый разъ императоромъ Канъ-хи въ 1703 г. Пекинскаго дворца. Же-хэ имѣетъ въ окружности 2 час. 17 мин. и съ южной стороны трое, а въ остальныхъ по однимъ воротамъ. Большая плотина, вымощенная 8-ми рядами каменныхъ плитъ, длиною въ 12 ли (болѣе часа) начинается на В. у Львинаго рва и огибаетъ дворецъ до песчаной, насыпной дороги на

(11) Huttner Nachricht, p. 87.

(12) Staunton; см. конецъ 4-й главы.

Югѣ. Налѣво отъ дворца лежитъ озеро, направо возвышаются горы, направляющіяся отъ С. къ З.; онѣ называются Ли-чу-гу (Li-Tschu-Ku), Сунъ-линъ-гу (Sung-Ling-Ku), Ченъ-цзу-гу (Tchin-Tsu-Ku) и Си-гу (Si-Ku) и окружаютъ дворецъ. Волы озера текутъ на Ю. отъ сада Ванъ-шн-юань (Wan-Shy-Yuan), онѣ чисты и свѣтлы; песчаное шоссе, проходя чрезъ озеро, образуетъ островъ Юнъ-чжеу (Yung-Tcheou). На С. отъ озера, съ горы Си-гу стремится на вершину горы Юнъ-цы-юань (Yun-Thsi-Yuan) водопадъ и далѣе образуетъ озеро, которое окружено большими, прекрасными деревьями. Озеро это простирается на С.-В. до шлюза, находящагося при Ю.-В. воротахъ. Дворецъ хорошо устроенъ, все въ немъ просто и примѣнено къ обстоятельствамъ. По словамъ китайскихъ географовъ его невозможно описать вкратцѣ въ государственной географіи. Въ Пекинѣ изданъ живописный атласъ Же-хэ съ 36 видами, гравированными на мѣди и съ объяснительнымъ текстомъ въ стихахъ; это — великолѣпное китайское изданіе. Между многочисленными храмами самый замѣчательный есть П'у-т'о-цзунъ-чэнъ-мяо (Phu-Thu-Tsung-Tching-Miao), лежащій на разстояніи $^1/_2$ часа къ С.-З. отъ дворца. Императоръ Кянь-лунъ приказалъ выстроить его въ 1770 г., по тому же плану и съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ храмъ Буддала близъ Хлассы въ Тибетѣ, служащій резиденціею Далай-ламѣ. Другой храмъ былъ воздвигнутъ въ 1780 г. на С. отъ дворца, по образцу храма Тешу-лумбо, для помѣщенія посольства, прибывшаго отъ Далай-ламы съ поздравленіемъ, по случаю наступленія 70 дня рожденія императора. На воротахъ и стѣнахъ монастыря видны надписи на 4-хъ различныхъ языкахъ: китайскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ.

Примѣчаніе. *Лѣтнія резиденціи Чаганъ-норъ и Шанду (Ciangnor и Xandu или Ciandu) Монгольскаго императора Хубилай-Хана, по описанію Марко Поло въ XIII столѣтіи.* Вышеописанная лѣтняя резиденція Маньчжурскихъ государей и замѣчаніе государственнаго географа, что такихъ резиденцій нѣсколько, побуждаютъ насъ указать на болѣе древнія резиденціи Монгольскаго періода,

которыя уже частію не существуютъ нынѣ въ прежнемъ своемъ блескѣ, но которыхъ положеніе весьма важно для уразумѣнія историковъ, и въ особенности Марко-Поло; такъ какъ этотъ Венеціанскій нобиле, любимецъ Хубилая (Кублай-Хана), открывшій Китай, доводитъ свой путевой отчетъ до этихъ резиденцій, и оттуда уже является въ свитѣ своего новаго повелителя. Что М. Поло началъ свое путешествіе съ Запада чрезъ нагорную Азію и направился въ Китай отъ верхняго Хуанъ-хэ чрезъ Нинъхя (Ning-Hia) и нынѣшній Хуху-хотонъ (Kuku-hota), лежащій внѣ стѣны, а оттуда чрезъ страну Тендухъ, утверждали уже многіе, въ особенности же доказалъ послѣднее Клапротъ ([13]), и мы впослѣдствіи встрѣтимъ многія указанія, подтверждающія это (см. ниже Излож. 2. § 19. etc.). Уже Марсденъ сообщилъ поучительныя замѣчанія на главы 54 и 55 сочиненія М. Поло (M. Polo ed. Ramus. II. fol. 16—17). Ниже будетъ изложено, какъ М. Поло, послѣ семи дневныхъ переходовъ на В., достигъ изъ Тендуха до Чаганъ-нора; оттуда прибылъ онъ послѣ 3-дневнаго путешествія далѣе на В. въ Шанду.

Этотъ Cianganor, по собственному изъясненію М. Поло—*Бѣлое озеро* (che vuol dire stagno biancho), есть Чаганъ-норъ ([14]) и лежитъ внѣ стѣны на Кяхтинской дорогѣ, на высокомъ плоскогоріи, тамъ гдѣ находится описанный нами выше (изл. 5. § 13) Чаганъ-балгассу, бѣлый городъ, расположенный вблизи старыхъ укрѣпленныхъ линій монгольскаго періода. Здѣсь, говоритъ М. Поло, Хубилай-Ханъ имѣетъ лѣтній дворецъ, гдѣ онъ любитъ проводить лѣто въ охотѣ за фазанами, куропатками, многочисленными журавлями и лебедями, водящимися въ большомъ количествѣ на сосѣднихъ озерахъ ([15]), употребляя для сей охоты соколовъ и ястребовъ. Извѣстно какимъ страстнымъ удовольствіемъ охота была для Монгольскихъ и Маньчжурскихъ императоровъ. М. Поло спеціально описываетъ 5 по-

(13) Journal asiatique. T. IX. p. 229.

(14) Marsden ed. M. Polo. ch. 55. not. 460. p. 249.

(15) См. Mailla Hist. génér. de la Chine. T. IX. p. 412.

родъ журавлей, служившихъ здѣсь, какъ кажется, главнымъ предметомъ охоты, и утверждаетъ что императоръ имѣлъ въ окрестностяхъ множество шалашей для птицъ, и что въ этихъ мѣстахъ не охотился только зимою, по причинѣ жестокихъ морозовъ, но что и тогда приказывалъ присылать всюду вслѣдъ за собою верблюдовъ, навьюченныхъ птицами. Описаніе охотничьихъ увеселеній Маньчжуровъ на расположенномъ нѣсколько далѣе къ С. и совершенно подобномъ озерѣ нагорья—*Дальнорь* (Taal-Nor), составленное (1689) очевидцемъ ихъ Пат. Жербильономъ ([16]), дѣлаетъ намъ древнее повѣствованіе Венеціанца совершенно наглядным. Китайское посольство, отправленное въ 1689 г., для переговоровъ о Перчинскомъ пограничномъ трактатѣ, на переходѣ изъ Пекина чрезъ нагорье, остановилось лагеремъ у Таганъ-нора, имѣющаго отъ 3 до 4 часовъ окружности и расположеннаго на сѣвер. склонѣ горъ Печа, нѣсколько сѣвернѣе 43° с. ш., и здѣсь предалось, какъ на этомъ озерѣ, такъ и на сосѣднемъ Даль-норѣ, любимому удовольствію номадовъ. На озерѣ Таганъ было множество утокъ и лебедей; складныя лодки, перевезенныя на верблюдахъ, были здѣсь сняты и спущены на озеро для рыбной ловли и охоты за птицами; оттуда путешественники направились далѣе къ ближайшему озеру Дальнору. Синее небо было чисто и прозрачно (27 іюня 1689 года), однакоже, выкапывая колодезь въ степномъ лагерѣ, нашли въ нерастаявшей еще совершенно землѣ большіе куски льда. Дальнорь (*), имѣющій до 10 миль въ окружности, представилъ еще обширнѣйшее поприщѣ для охоты. Это озеро нѣсколько солено, очень мѣлко, окружено песчаною почвою и камышами, отдѣляющими его отъ сосѣднихъ песчавыхъ степей. Необыкновен-

(16) Gerbillon. Voy. II. у Du Halde IV. p. 200.

(*) Даль-норъ расположено въ пынѣшнемъ княжествѣ Кешиктэнь; оно имѣетъ нѣсколько *десятковъ* ли окружности. На берегу его, въ бывшемъ городѣ Шньчанѣ скончался въ 1369 г. изгнанный изъ Китая Шунъ-ди (Chung-te) послѣдній императоръ династіи Юань (Монгольской) См. Іакинеа Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 45. — *Пр. Пер.*

ное обиліе мѣлкой рыбы привлекаетъ къ этому озеру безчисленныя стада водяныхъ птицъ — утокъ, гусей, лебедей и разныхъ другихъ породъ, такъ что рыбная ловля и птичья охота могутъ служить здѣсь богатымъ источникомъ для пропитанія степныхъ жителей. Въ три или четыре раза поймано было сѣтью 27 іюня до 300000 рыбъ одной и той же породы—карповъ, въ 1 ф. длиною; количество это было достаточно для насыщенія отъ 6 до 7000 человѣкъ, составлявшихъ свиту посольства. Вблизи этого озера была показана іезуитскому Патеру, высѣченная въ скалѣ пагода Фо съ идолами, въ которой стояли еще ящики съ монгольскими рукописями; изъ нихъ онъ взялъ нѣсколько томовъ, написанныхъ двумя другими родами ему неизвѣстныхъ писменъ. Кажется это были Ламайскія молитвы, написанныя столбцами на длинныхъ полосахъ бумаги. Передъ пагодою лежалъ большой бѣлый кусокъ мрамора, отъ 10 — 12 ф. вышины и 4 ф. ширины, со скульптурою изображающею драконовъ сбоку, и съ весьма четкою китайскою надписью. Изъ разсмотрѣнія сей надписи Жербильонъ узналъ, что значительный китайскій мандаринъ Хё-шы-п (Hio-sseé), въ трибуналѣ Калао, соорудилъ эту пагоду въ честь Фо, когда, во время монгольской династіи Юань, миръ и спокойствіе снова водворилось въ Китаѣ. (Этотъ миръ водворился при Хубилаѣ, послѣ паденія династіи Сунъ (Song) съ 1279 г.)([17]). Къ сожалѣнію Жербильонъ не снялъ копіи съ этой надписи, возвращающей насъ, именно здѣсь, на нагорьѣ, ко времени Марко-Поло, когда послѣдній такъ часто проводилъ лѣтніе мѣсяцы съ завоевателемъ Китая при горахъ Печа.

Шанду (главный дворецъ, великій рай, говоря языкомъ древнихъ Персовъ) ([18]), съ большимъ звѣринцемъ Хубилая, лежалъ на южномъ скатѣ той же самой горы Печа; слѣдовательно не такъ далеко на Сѣверъ, въ холодномъ нагорьѣ, но въ одномъ почти положеніи и въ одной широтѣ съ Жэ-хэ, въ нѣ-

(17) Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 400.

(18) Xenophon. Cyrop. I. 3. 14.

сколькихъ дняхъ пути къ С.-З. отъ этой новѣйшей маньчжурской виллы (*). Отъ Чаганъ-нора М.-Поло, направляясь къ С.-В., достигъ Шанду верхомъ по трехдневномъ переходѣ. Это совпадаетъ совершенно, по д'Анвилевой картѣ, съ мѣстностью на Шанду, первой степной рѣкѣ на томъ первомъ уступѣ высокой степи, который ведетъ отъ воротъ Губэй-к'эу прямо на С. къ Даль-нору (**). П. Жербильонъ, который въ 1691 г. посѣтилъ эти мѣста, вмѣстѣ съ императоромъ Канъ-хи, въ жаркое лѣтнее время, подобно тому, какъ за 300 лѣтъ ранѣе М.-Поло сопровождалъ Хубилай-Хана, говоритъ, что здѣсь (почти подъ 41° 30′ с. ш.) лежатъ еще развалины того самаго древняго города Шанду (Shang-Tu) (19), который служилъ нѣкогда лѣтнею резиденціею династіи Юань. Вблизи находятся теплые ключи, впрочемъ не столь горячіе, какъ лежащіе къ С.-В. оттуда до подошвы горы Печа. Здѣсь расположились они лагеремъ при Кабайэ (Cabaye). Вблизи находится большое облавное мѣсто, а въ нѣсколькихъ дняхъ пути на С., устроенъ былъ лагерь, въ который императоръ Канъ-хи созвалъ собраніе князей Халхасскихъ Монголовъ. Вытѣсненные изъ своего отечества съ С. Гоби къ Ю., Хапомъ Элютовъ Халхасскіе князья поднесли здѣсь императору актъ подданства, и дали присягу на вѣрность китайскому престолу, который съ тѣхъ поръ утвердился прочно на плоскогоріи Гоби и могъ распространить свою власть до истоковъ Кэрулэна, Орхона, Селенги и даже Енисея, и положить тѣмъ самымъ предѣлы Азіатской Россіи. Къ сожалѣнію іезуитскій Патеръ не входитъ въ болѣе подробное описаніе развалинъ лѣтней резиденціи Шанду, которую онъ однакоже называетъ городомъ — имя (citt), которое даетъ ей и М.-Поло (***). Чтобы получить нѣко-

(*) Шанду есть нынѣшній Долонъ-норъ, о положеніи его см. выше Дополненіе къ § 15. — *Пр. Пер.*

(19) Gerbillon. Voy III. y. Du Halde IV. p. 310. 314. 316. до 333.

(**) Совпадаетъ съ нынѣшнимъ Долонъ-норомъ, см. Дополненіе къ § 15. — *Пр. Пер.*

(***) Объ этомъ городѣ, нынѣ Долонъ-норѣ, находимъ мы свѣдѣнія въ путешествіе Хюка. См. выше Дополненіе къ § 15. — *Пр. Пер.*

торое понятіе о дикомъ, но нелишенномъ величія образѣ жизни въ императорскихъ лѣтнихъ резиденціяхъ властителя такого полумірoваго государства, какимъ было царство Хубилай-Хана, простиравшееся отъ Багдада на Ефратѣ и Волги до Амура и Кореи и на Ю., до Тункина, Тибета и Кашмира, стоитъ только прочесть описаніе происходившихъ здѣсь на нагорьѣ церемоній, пиршествъ, аудіенцій, военныхъ смотровъ, скачекъ и охотъ, по случаю принесенія присяги императору К'анъ-хи новыми его халхасскими вассалами. Тогда оживятся въ нашихъ глазахъ эти пустыни и станетъ намъ вполнѣ понятнымъ весь объемъ вліянія, которое онѣ всегда имѣли на жителей и властителей своихъ, въ чемъ трудно убѣдиться осѣдлому, мирному европейцу. Подобный же образъ жизни существовалъ на этомъ нагорьѣ, какъ слѣдуетъ заключить изъ описанія М.-Поло, и во времена Хубилай-Хана.

Исторія подтверждаетъ намъ, что Монголы, сыны суровой степи, также какъ и Маньчжуры, всегда съ трудомъ переносили удушливый жаръ низменности Китая и часто страдали отъ него. Отсюда произошелъ обычай ихъ властителей проводить ежегодно жаркіе мѣсяцы на нагорьѣ. Поэтому также они предпочли сѣверную столицу Пекинъ (носившую тогда названіе Юнъ-кинъ) южнымъ, и самъ Хубилай-Ханъ, тотчасъ по завоеваніи южнаго Китая (1280 г.), возвратился на Сѣверъ. Главная резиденція носила въ то время названіе Шанду (Shangtu), что означаетъ: первое ([20]) пребываніе двора, въ томъ почти смыслѣ, какъ слово Высокая Порта. Но какъ этимъ именемъ означались города Пекинъ и К'ай-п'инъ-фу (Khai-Phing-Fu) и также лѣтнія резиденціи, то отсюда произошли многія недоразумѣнія (см. Deguignes). Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ у Мальа въ Hist. gén. de la Chine IX p. 412 и 570, слѣдуетъ однакоже несомнѣнно, что здѣсь рѣчь не можетъ идти о большихъ столицахъ низменности, а только о нагорной, прохладной, лѣтней резиденціи ([21]),

(20) Deguignes Gesch. der Hunnen Einl. p. 86. III. p. 139. 243.

(21) Mailla Hist. génér. de la Chine IX. p. 461.

которую описываетъ и М.-Поло, и гдѣ часто пребывали, какъ Хубилай-Ханъ такъ и его преемники. Здѣсь также по смерти Хубилая было созвано собраніе князей Чингисъ-Ханова рода, для избранія новаго императора — Тэмура (Чэнъ-цзуна).

Мы приводимъ здѣсь описаніе этой резиденціи, сообщаемое М.-Поло ([22]) въ XIII стол., въ противуположность съ описаніемъ Жэ-хэ въ XVIII. Шанду былъ основанъ Хубилай-Ханомъ; онъ построилъ въ немъ необыкновенно красивый дворецъ, украшенный мраморомъ и другими камнями, который находился съ одной стороны посреди города и примыкалъ съ другой къ большой окружной стѣнѣ. Стѣна заключала внутри себя площадь въ 16 квадр. миль; выходъ изъ нея находился только во дворецъ и велъ къ очаровательнымъ лугамъ, орошеннымъ источниками и ручьями; здѣсь былъ устроенъ паркъ, наполненный обыкновенными и сѣверными оленями, лосями и разными другими животными, служившими въ пищу ястребамъ и соколамъ Хана, которыхъ онъ содержалъ здѣсь до 200 и самъ осматривалъ каждую недѣлю. Даже леопарды были здѣсь дрессированы для охоты за оленями ([23]). Посреди этихъ красивыхъ луговъ находился лѣсъ. Въ немъ былъ устроенъ на прекрасно-вызолоченныхъ и лакированныхъ бамбуковыхъ столбахъ, подвижной, лѣтній домъ, въ видѣ палатки, съ позолоченной крышею, прикрѣпленной 300 шелковыми снурками; въ немъ можно было наслаждаться свѣжимъ воздухомъ въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ: іюня, іюля и августа. Но на 28 день послѣдняго мѣсяца императоръ удалился отсюда, по совѣту своихъ астрологовъ, для того, чтобы въ другомъ мѣстѣ принести духамъ млечную жертву, для снисканія ихъ благосклонности и покровительства посѣвамъ, стадамъ, мужамъ и женамъ. Жертвою служило молоко, которое доставлялось стадомъ изъ 10000 бѣлосѣжныхъ кобылицъ и употреблялось въ питье только потомствомъ

(22) M. Polo ed. Ramusio. II. c. 35. fol. 17; ibid. ed. Marsden c. 56. p 250—261.
(23) Сравн. J. Bell. Voyage. Glasgow. 1763. 4. T. II. p. 75 — 84.

Чингисъ-Хана и также однимъ сѣвернымъ племенемъ изъ его храбрѣйшихъ сподвижниковъ—Бурятами. Молоко это, какъ приношеніе всѣмъ духамъ и богамъ, было разливаемо самимъ императоромъ на всѣ четыре вѣтра. Въ какой степени велико было въ то время вліяніе астрологовъ и ламайскихъ жрецовъ изъ Тибета и Кашмира на Монгольскихъ Хановъ, видно ясно изъ слѣдующихъ за тѣмъ разсказовъ М.-Поло. Эти жрецы сопровождали, какъ теперь такъ и тогда, императоровъ и свиту ихъ всюду на нагорьѣ, и хотя М.-Поло не говоритъ именно въ этой главѣ, что и эта часть нагорной Татаріи наполнена монастырями, храмами, аббатствами (Abbatie), но это слѣдуетъ заключить по множеству находящихся еще нынѣ тамъ развалинъ, изъ коихъ о нѣкоторыхъ мы уже упоминали выше, а о многихъ другихъ будемъ говорить еще ниже.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ 1-й ГЛАВѢ ВООБЩЕ И КЪ § 17.

1) *Историко-этнографическій обзоръ разсмотрѣнныхъ странъ, т. е. южной Маньчжуріи, рѣчной области Ляо-хэ, юго-восточнаго угла и южной окраины Монгольскаго нагорья къ Чжилійской провинціи. Историческая роль этихъ странъ и историческое взаимнодѣйствіе граничащихъ въ упомянутой окраинѣ — холоднаго нагорья и жаркой низменности, въ ходѣ народныхъ развитій.*

Въ горной окраинѣ, простирающейся отъ прибрежной крѣпости Шань-хай-гуаня на желтомъ морѣ, на В., до изгиба Хуанъ-хэ на З. и составляющей сѣверную границу срединнаго царства, т. е. собственно Китая, обозначенную великою стѣною, холодное, суровое нагорье и теплая, роскошная низменность граничатъ въ рѣзкомъ между собою контрастѣ. Граница эта

представляетъ одинаковую рѣзкость какъ въ физическомъ, такъ и въ историко-этнографическомъ отношеніи. На югъ отъ нея обитали, съ незапамятныхъ временъ, цивилизованные Китайцы, издавно знакомые съ осѣдлостью, земледѣліемъ, гражданственностью и индустріею, чему конечно, уже въ колыбели исторіи, споспѣшествовало самое физическое устройство богатаго, плодороднаго и теплаго срединнаго царства. На сѣверѣ же отъ окраины разстилались обширныя, суровыя нагорья, обитаемыя дикими племенами Корейской, Маньчжурской, Киданьской (Монголо-Маньчжурской), Монгольской, Туркской и Финской народныхъ группъ, которыхъ самое физическое строеніе ихъ страны предназначило, съ колыбели исторіи, къ быту номадовъ или къ еще болѣе дикому состоянію охотниковъ и рыболововъ.

Но именно потому, что въ упомянутой окраинѣ граничали такъ рѣзко между собою: съ одной стороны—холодное, безплодное нагорье, съ другой — теплая, богатая низменность, съ одной стороны—дикость и варварство, съ другой—культура и цивилизація, окраина эта должна была сдѣлаться важною полосою историческихъ событій, театромъ взаимнодѣйствій цивилизованнаго юга и дикаго сѣвера, и въ этомъ отношеніи конечно различныя части этой окраины, при различіи физическаго ихъ устройства, должны были играть неодинаковую роль.

Естественно что теплое, богатое, плодородное срединное царство, на Ю. отъ окраины, должно было привлекать хищническіе взоры дикихъ ордъ восточно-азіатскаго нагорья, мужественныхъ, приученныхъ самою природою ихъ страны къ опасностямъ, охотѣ, грабежамъ и войнамъ. Но для успѣшнаго нападенія на часто слабое по своей администраціи, но все же стройное, цивилизованное срединное царство имъ нужны были два условія: *удобный путь* въ низменности Китая, столь хорошо защищенныя отъ природы естественною оборонительною линіею хребта окраины, пробитаго только немногими горными проходами, и *стратегическая точка опоры* для завоеваній, т. е. страна

болѣе привольная чѣмъ холодныя, безводныя степи Монголіи, страна, въ которой мѣстныя условія позволяли бы имъ развить дикія силы своихъ ордъ, и въ которой они могли бы найти вѣрное прибѣжище въ случаѣ неудачи или отступленія.

Такихъ удобствъ не представляла часть нагорья на С. отъ окраины, между меридіанами городовъ Пекина и Дай-т'унъ-фу, разстилающаяся въ неудобной формѣ плоскогорія или высокой ровной степи, безводной, безплодной, покрытой только солеными озерами и солончаками.

За то внѣ этихъ меридіановъ, на В. и З. отъ нихъ, окраина нагорья принимаетъ совершенно другой видъ. На З. отъ меридіана Дай-т'унъ-фу, къ С. отъ знаменитаго изгиба Хуанъ-хэ, простирается уже не плоскогоріе, а *горная страна* Нинъ-шаня или Гарчжана, болѣе разнообразная чѣмъ пустыня Гоби, прорѣзанная глубокими долинами, обильная текущими водами, источниками, рѣками и привольными лугами. На В. же отъ меридіана Пекина ю.-в. уголъ монгольскаго нагорья, въ верховьяхъ р. Ляо или Шара-мурэни, принимаетъ еще болѣе разнообразный видъ альпійской страны, богатой рѣками, глубокими, привольными долинами и лѣсами. Эту послѣднюю страну, составляющую ю.-в. уголъ монгольскаго нагорья, означаемъ мы, въ паралель съ с.-в. угломъ его (Даурскою альпійскою страною), историко - этнографическимъ именемъ *Ляосской альпійской страны*, отъ могущественнаго царства или династіи *Ляо* (Киданей), которому оно служило средоточіемъ.

Нинъшаньская и Ляосская альпійскія страны именно и могли служить стратегическими точками опоры для напора варваровъ на Китай; потому то отсюда и происходилъ постоянно этотъ напоръ, изъ Нинъ-шаньской страны,—отъ Финскихъ (1) и Туркскихъ племенъ, изъ Ляосской—отъ Корейскихъ (Гаолисскихъ) и Маньчжурскихъ (2), и объ эти страны играли слѣдовательно самую

(1) Если считать Хунъ-ну за финское племя.

(2) Эти восточныя племена означаются у китайскихъ лѣтописцевъ собирательнымъ именемъ Дунъ-ху, т. е. восточныхъ варваровъ.

важную роль въ историческомъ взаимнодѣйствіи нагорья и низменности. Соотвѣтственно съ этимъ напоромъ и самый центръ тяжести Китайскаго государства (срединнаго царства), т. е. столица его, переносилась то на С.-З., противъ Ньюшаньской страны (въ Т'ай-юань въ Шаньси, или знаменитый Чанъ'ань нынѣ Си'ань-фу въ Шэньси), или на С.-В., противъ Ляосской страны (въ нынѣшній Пекинъ). Когда же грозные варвары овладѣвали сѣвернымъ Китаемъ, то этотъ центръ тяжести отступалъ за вторую оборонительную линію, т. е. на южную сторону Хуанъ-хэ (въ нынѣшніе города Хэ-нань-фу или К'ай-фынь-фу). Когда же наконецъ варварскіе предводители, цивилизованные долгимъ прикосновеніемъ съ Китаемъ, основывали свои династіи на сѣверномъ китайскомъ престолъ, все болѣе и болѣе теряя въ этомъ прикосновеніи свою національность, то столица туземной китайской династіи, если этой послѣдней удавалось еще удержать свое владычество въ южныхъ провинціяхъ, удалялась еще далѣе на югъ, за третью оборонительную линію—теченія Янъ-цзы-кіяна (въ нынѣшній Нанкинъ, или въ Ченъ-ду, столицу Сычуани).

Но это только одна сторона историческаго взаимнодѣйствія, происходившаго на окраинѣ нагорья, соотвѣтствующая морскому приливу. Мы не должны выпустить изъ виду другой, не менѣе важной, соотвѣтствующей морскому отливу. Именно въ исторіи сказаннаго взаимнодѣйствія наступали иногда времена, въ которыя сѣверные варвары, ослабленные долгимъ владычествомъ въ сѣверномъ Китаѣ или междоусобіями, были безсильны, а какая нибудь свѣжая силами, новая или обновленная туземная Китайская династія хорошею администраціею возстановляла утраченныя силы срединнаго царства: тогда китайская культура и цивилизація стремилась проникнуть за окраину на сѣверъ. Только и это явленіе не могло совершаться равномѣрно на всей окраинѣ, и ему нужны были благопріятныя условія и удобные пути. Между меридіанами Пекина и Дай-т'унъ-фу, гдѣ степное нагорье граничитъ, въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ, съ земле-

дѣльческою низменностью, такое обратное дѣйствіе было совершенно невозможно. Въ Инь-шаньскую и Ляосскую горныя страны, представляющія нѣсколько болѣе постепенные переходы отъ одного контраста къ другому, хотя и проникали китайскія колонизаціи и китайская цивилизація, но имъ трудно было пустить тамъ прочно свои корни, потому что въ этихъ странахъ именно и находились стратегическіе центры напирающихъ на Китай варварскихъ племенъ. Но за то было два пути, на которыхъ китайская цивилизація и колонизація встрѣчали наименѣе препятствій, потому что вдоль сихъ путей абсолютно или относительно низменная полоса, вдающаяся въ нагорье, представляла самый постепенный переходъ отъ одной формы къ другой, а также физическія и климатическія условія, удобныя для культуры и колонизаціи, и слѣдовательно хотя отчасти аналогическія съ срединнымъ царствомъ. Такими странами были: на Ю.-В. отъ Ляосской альпійской страны — прибрежье желтаго моря (Ляо-си) и низовья рѣчной системы Ляо-хэ, т. е. нынѣшняя провинція Шенъ-кинъ, а на Ю.-З. отъ Инь-шаньской альпійской страны и изгиба Хуанъ-хэ — нынѣшняя провинція Ганьсу, такъ странно вторгающаяся въ центральную Азію. Въ этихъ направленіяхъ срединное царство какъ бы простирало свои руки для обладанія нагорьемъ и для обузданія дикихъ племенъ его. Но руки эти отпадали отъ Китая всякій разъ когда наступалъ *періодъ прилива* усилившихся варваровъ, встрѣчавшихъ однакоже въ этихъ полосахъ самыя большія препятствія и стратегическую основу обороны Китая.

Вотъ общія соображенія, долженствующія служить намъ путеводною нитью въ частномъ изложеніи исторіи взаимнодѣйствія нагорья и низменности, и въ болѣе подробномъ изученіи географическихъ отношеній этой исторіи.

Исторія этого взаимнодѣйствія съ С.-З. стороны на Инь-шанѣ, на изгибѣ Хуанъ-хэ и въ Ганьсу принадлежитъ къ странамъ, которыхъ описаніе содержится въ нижеслѣдующихъ главахъ творенія Риттера, и достаточно оцѣнена и изложена са-

мимъ Риттеромъ, такъ что намъ останется присовокупить тамъ только немногое; здѣсь же мы займемся историческимъ изложеніемъ взаимнодѣйствія, происходившаго на С.-З. Китая — въ Ляосской альпійской странѣ, въ Ляо-си и Ляо-дунѣ, т. е. исторіею всей южной Маньчжуріи и ю.-в. угла Монгольскаго нагорья, въ связи ея съ событіями китайской исторіи. Главными источниками для историческихъ фактовъ будутъ намъ служить китайскія лѣтописи, разработанныя русскими учеными синологами: О. Іакинѳомъ, Горскимъ, Васильевымъ и другими; главною задачею нашею будетъ разъяснить, сколь возможно при нынѣшнемъ состояніи науки, какимъ образомъ въ разсматриваемыхъ нами странахъ возникали могущественныя государства, какъ относились между собою этнографически племена ихъ составлявшія и обитавшія, какое взаимнодѣйствіе существовало между ними и цивилизованнымъ китайскимъ міромъ, и какую роль играли во всемъ этомъ различныя географическія мѣстности (3).

Сушэнями называютъ древнія китайскія лѣтописи самыхъ древнихъ обладателей Маньчжуріи; что это названіе, вмѣстѣ съ позднѣйшими—*Илэу*, *Уцзи*, *Мохэ*, *Бо-хай* и *Нюй-чжень* принадлежитъ кореннымъ маньчжурскимъ племенамъ, предкамъ нынѣшнихъ Маньчжуровъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Историческія изслѣдованія достаточно доказали тождество Сушэней, позднѣйшихъ Нюй-чженей и новѣйшихъ Маньчжу. Сушэни были распространены по всей Маньчжуріи. Характеръ этой страны уже достаточно извѣстенъ намъ изъ предъидущихъ описаній. Нагорье имѣетъ здѣсь видъ настоящей альпійской страны, дикой, суровой, прорѣзанной глубокими долинами, орошенной рѣками, обильными рыбою, поросшей дремучими, непроходимыми лѣса-

(3) Такъ какъ все это составляетъ лучшіе результаты изслѣдованія исторіи и древней географіи этой части Азіи, я не имѣю притязанія на безошибочность и неоспоримость своихъ выводовъ. Дѣло мое только сдѣлать то, что для меня возможно, при нынѣшнемъ состояніи науки. Заключенія мои могутъ быть основаны только на извѣстныхъ мнѣ фактахъ; многіе же факты остались мнѣ недоступными по неразработанности китайскихъ источниковъ, другіе могли ускользнуть отъ моего вниманія.

ми, подпимающейся въ южной своей части — въ хребтѣ Чапъ-бошанѣ, до предѣловъ вѣчнаго снѣга. Такой характеръ страны съ колыбели исторіи долженъ былъ обусловить и бытъ народный. Культурѣ и цивилизаціи здѣсь было слишкомъ много препятствій, кочевой жизни недоставало безпредѣльной, обнаженной степи. Сушэни должны были слѣдовательно исключительно быть рыболовными и охотническими народами. Стрѣла, окрыленная орлинымъ перомъ (4), съ наконечникомъ изъ остраго и твердаго камня, была единственною драгоцѣнностью Сушэньца; ею платилъ онъ дань, когда подпадалъ подъ зависимость Китая. Нравы Сушэвей и позднѣйшихъ ихъ соплеменниковъ были грубы и дики, какъ окружающая ихъ природа. Зимою они жили въ глубокихъ пещерахъ или искуственныхъ ямахъ, въ которыя не проникалъ лучь солнечный. Весною ставили они шалаши свои на опушкѣ лѣса или берегу рѣки, въ безпрестанной борьбѣ съ дикими животными, доставлявшими имъ пищею — сырое мясо, а одеждою — звѣриныя шкуры и рыбью кожу. Вся жизнь ихъ была непрерывная облава, о семействахъ своихъ они заботились мало, осѣдлой гражданственности у нихъ не могло существовать. Но облава противъ многочисленныхъ и сильныхъ дикихъ звѣрей не могла быть производима иначе какъ совокупными силами, она то должна была соединить Сушэньскихъ дикарей и привести ихъ на первую ступень гражданственности, принявшую форму военной организаціи. Сушэни и Илэу такимъ образомъ составили дружины и общины; у нихъ явились начальники, атрибуты власти — литавра и знамя, развились обычаи, уставы, организованная власть. Эта организація даетъ имъ мало по малу силы вступить въ враждебныя столкновенія съ осѣдлыми племенами, обитавшими на Ю.-З. отъ нихъ, и постепенно вводитъ ихъ въ исторію.

На южномъ склонѣ своемъ къ желтому морю Маньчжурское нагорье теряетъ свою суровость. Горы понижаются, лѣса рѣ-

(4) См. Горскаго, Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома; въ Труд. Пек. миссіи. Ч. I, С. П. Б. 1852. стр. 10.

дѣютъ и изчезаютъ, и вся страна превращается наконецъ въ низовьяхъ Ляо-хэ и прибрежьѣ Ляо си въ холмистую низменность, открытую умѣряющимъ вліяніямъ моря и юга. Аналогія съ срединнымъ царствомъ становится сильнѣе и сильнѣе: рисъ, виноградъ, хлѣба произрастаютъ здѣсь прекрасно; страна, при небольшомъ даже трудѣ, способна для осѣдлости, культуры и цивилизаціи. Оттого съ незапамятныхъ временъ пробилась сюда китайская цивилизація. Если вѣрить Шу-кину, древнѣйшей китайской лѣтописи, окрестности Мукдэна были границами китайскихъ округовъ Ю-чжеу и Инь-чжеу, во времена еще полуисторическаго государя Шунъ (4). Во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что династія Цинь, властвовавшая въ Китаѣ отъ 255 до 206 г, владѣла низовьями Ляо-хэ.

Племена варваровъ, съ которыми Китайцы познакомились здѣсь, на С.-В. срединнаго царства, называли они собирательнымъ именемъ Дунъ-ху, т. е. восточныхъ варваровъ, названіе отъ котораго вѣроятно произошло имя Тунгузовъ. Но подъ именемъ Дунъ-ху китайцы разумѣли не одни уже названные нами племена коренной *маньчжурской* группы: они причисляли сюда еще и народовъ другой, очень различной — *Корейской* (Гаолиской) группы, которые пріобрѣли осѣдлость, гражданственность, и составили настоящія *государства* гораздо ранѣе чѣмъ сосѣднія съ ними *маньчжурскіе* дикари.

Такъ уже въ III в. до Р. Х., при династіи Цинь (255 — 306), китайцы, распространившіе свое владычество въ низовьяхъ р. Ляо-хэ, вступаютъ въ столкновеніе съ благоустроеннымъ уже корейскимъ государствомъ Чао-сянь (Tchao-Sian), (5) котораго столица Ванъ-хянь (Wan-hien) или П'инъ-хянь (Phing-hien) находилась на берегу рѣки Да-т'унъ-кяна, называвшагося тогда П'эй-шуи, на самомъ полуостровѣ Кореи. Въ лѣтописи старшей династіи Хань (властвовавшей отъ 202 до Р. Х. до 266

(5) См. Горскаго, Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома, въ Труд. Пек. миссіи Ч. I, С. П. Б. 1852, стр. 10.

(6) См. Іакинва, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 1—15.

нашей эры) (7) находимъ мы уже подробныя свѣдѣнія о борьбѣ этой династіи съ царствомъ Чао-сянь, которая кончилась разрушеніемъ этого царства въ концѣ II в. до Р. Х.

Первые владѣльцы, которыхъ застаетъ исторія въ ю.-в. углу монгольскаго нагорья, т. е. въ Ляосской альпійской странѣ, было могущественное племя Хунну, то самое которое имѣло свое средоточіе на С.-З, въ Инь-шаньской альпійской странѣ, откуда и производило на срединное царство грозный напоръ, и которое было поводомъ столькихъ споровъ по этнографическимъ своимъ отношеніямъ. Дегинь, а въ новѣйшее время О. Іакинѳъ, разработавшій трудолюбиво, но безъ всякой критики, богатыя фактами китайскія лѣтописи (8), считали его за тождественное съ Гуннами Аттилы *монгольское* племя, а Клапротъ, Аб. Ремюза и Риттеръ за различное отъ Гунновъ Аттилы *Турксное* племя. Мы же принимаемъ, по примѣру С. Мартеня, Неймана (9) и Вивьенъ де С. Мартеня (10), Хунну за тождественное съ Хуннами, но *Финское племя*, такъ какъ уже Клапротъ съ большимъ вѣроятіемъ доказалъ что Гунны Аттилы (съ Аварами и нынѣшними Мадьярами) принадлежатъ къ финскому племени. Только эти Хунны, какъ намъ кажется, были не аборигенами въ Инь-шаньской альпійской странѣ, а пришельцами изъ Алтая, покорившими ея аборигеновъ, которыхъ значительная часть могла принадлежать къ туркскому племени.

На В. владычество Хунну простиралось во II в. до Р. Х. и до Ляосской альпійской страны. Китайскій лѣтописецъ Сыма-цянъ (Sse-ma-tsien) (11), жившій въ концѣ II в. до Р. Х., при

(7) Лѣтописецъ старшей династіи Хань назывался Бань-гу, по прозванію Мынъ-гянь. Онъ жилъ уже при младшей династіи Хань и умеръ въ концѣ I в нашей эры. Лѣтопись его называется Цянъ-хань-шу. См. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народахъ ср. Азіи, Ч. I, ст. XV.

(8) Особливо въ своемъ Собр. свѣд. о нар. ср. Азіи, С. П. Б. 8. 1832, см. Ч. I. стр. 161.

(9) Neumann, Asiatische Studien. Leip. 8. 1837.

(10) См. Vivien de St Martin sur les Huns, и sur les Huns Blancs въ Nouv. Ann. de Voyages V-me ser. 1848. Decemb. 1849. Juill. September.

(11) Автора Шы цзы (Shy-Thsy), т. е. историческихъ записокъ.

дворѣ старшей династіи Хань, называетъ туземныя поколѣнія, занимавшія въ это время Ляосскую альпійскую страну, Шань-Жунами, т. е. горными Жунами. Только зависимость этихъ Шань-жуновъ отъ настоящихъ Жуновъ или Хунну была, какъ намъ кажется, только политическая, а не этнографическая. Лѣтописецъ, въ различіе отъ другихъ, называетъ ихъ Дунъ-хусскими Шань-жунами, и мы, по примѣру Клапрота, считаемъ ихъ племенемъ Корейской группы и предками Сяньбійцевъ и Ухуаньцовъ.

Племена Сяньби (Siapi) и У-хуань (Ou-houang) являются въ исторіи въ первый разъ во II вѣкѣ, въ Ляосской альпійской странѣ, и несомнѣнно принадлежатъ къ Корейской народной группѣ, потому что они говорили языкомъ, отличнымъ отъ Маньчжурскаго и очень сходнымъ съ Гаолисскимъ (Корейскимъ). У-хуаньцы же были соплеменны съ Сяньбійцами, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописцевъ. По свидѣтельству Клапрота ([11]) раздѣленіе обоихъ племенъ произошло тогда, когда Дунъ-хусскіе Шань-жуны во II в. до Р. Х., пораженные Хуннскимъ Шаньюемъ (царемъ) Модэ (Methe), раздѣлились на два племени Сяньби и У-хуань. Эти два племени были слѣдовательно самыми передовыми восточными варварами (Дунъ-ху).

Сяньбійцы осѣли, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ младшей династіи Хань ([12]), въ горахъ, получившихъ названіе Сяньбійскихъ. По новѣйшимъ китайскимъ географамъ ([13]), эти горы называются нынѣ Мункэ-ола и расположены въ 30 ли на З. отъ праваго Харчинъскаго крыла, съ внутренней стороны большаго изгиба р. Ляо-хэ, называвшейся тогда Жао-лэ-шуй. Они заняли слѣдовательно нынѣшнія княжества (аймаки) Аохань, Най-

(11) Klaproth Tableaux Hist. de l'Asie. Tableau ethnographique.

(12) См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. обит. въ средн. Азіи. Ч. I. стр. 161. Историкъ младшей династіи Хань назывался Фынь-хуа, по прозванію Юй-цзунь, онъ жилъ въ началѣ V вѣка при кратковременной династіи Сунъ (Лю сунъ), властвовавшей въ Китаѣ отъ 420 до 477 года.

(13) См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. средн. Азіи. Геогр. указ. ст. 65.

манъ и Халха, и китайскій лѣтописецъ сообщаетъ о нихъ слѣдующія замѣчанія:

«Языкъ и обычаи Сяньбійцевъ сходны съ Ухуаньскими. Въ послѣднемъ весеннемъ мѣсяцѣ собираются при рѣкѣ Жао-лэ для пиршествъ и браковъ. Звѣри и птицы отличны отъ звѣрей и птицъ средняго царства (Китая). Водятся тарпаны, дикія лошади, степные бараны, рогатые волы, изъ роговъ которыхъ дѣлаются луки. Еще водятся соболи, обезьяны (14) и хорьки. Мѣха Сяньбійскія въ Китаѣ считаются превосходными.

Сяньби, разумѣется уже съ самаго начала своего поселенія въ Сяньбійскихъ горахъ, находились подъ владычествомъ могущественныхъ Хунну. Но уже съ половины I вѣка нашей эры, они вступаютъ въ сношенія съ Дворомъ династіи Хань, иногда являются его данниками и союзниками противъ Хунну, иногда опустошаютъ сѣверный Китай своими набѣгами. Въ 93 г. нашей эры имъ удается, подъ супрематіею Китая, съ помощью сосѣднихъ и соплеменныхъ У-хуань, нанести полное пораженіе Хуннамъ, которые послѣ того утрачиваютъ окончательно свое могущество. Значительная часть Хунну уклоняется къ С.; а остальные, числомъ до 100000 кибитокъ, по выраженію лѣтописца, «принимаютъ народное названіе Сяньби», т. е. покоряются власти этого племени. Послѣ такого распространенія своего владычества, Сяньбійцы мало по малу отлагаются отъ династіи Хань и вступаютъ въ самый цвѣтущій періодъ свой, продолжавшійся до конца II вѣка. Съ конца I и начала II в. они производятъ безпрестанные набѣги на сосѣднія, богатыя низменности Китая. Особенно страдаютъ отъ ихъ набѣговъ пограничныя области Ляо-дунъ и Ляо-си (составляющія нынѣшнюю Шэнъ-кинъ), Юй-бей-п'инъ (Yu-Pe-Phing нынѣ Юпъ-п'инъ въ С.-В. углу провинціи Чжили), Юй-янь (Yu-Yang, около нынѣшняго Пекина и воротъ Гу-бей-к'эу), Шангу (Shang-gu, около нынѣшнихъ воротъ Души-к'эу) и Дай-гюнь (Ta-Hiun, въ С.-В. уг-

(14) Конечно не обезьяны, а такъ называемыя *оу*, родъ бѣлокъ, отличающійся пронзительнымъ визгомъ и очень распространенный въ лѣсахъ Маньчжуріи.

лу нынѣшней Шаньсійской провинціи). Они проникали слѣдовательно въ Срединное царство черезъ горные переходы Чжилійской окраины, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ воротамъ отъ Шань-хай-гуань (Юй-гуань) до Чжанъ-кя-к'эу и достигали на югъ, какъ кажется, почти до самаго нынѣшняго Пекина ([15]). Не менѣе страшны были они своимъ сосѣдямъ Хунну, бывшимъ въ то время уже подчиненными Китаю (династіи Хань). Но апогея своего достигли Сяньби во второй половинѣ II вѣка, когда предводителемъ ихъ явился замѣчательный завоеватель Таньшихай. Въ теченіи 26-лѣтняго своего правленія (152 — 178) онъ раздвинулъ предѣлы своихъ владѣній отъ поворота Ляо-хэ, гдѣ онъ побѣдилъ своихъ восточныхъ сосѣдей Фу-юй (Fu-Yu) до Или, Балхаша и Иссыкъ-кула, гдѣ побѣдилъ индо-германскихъ Усуней (Usiun) ([16]). У-хуань и Хунну подчинились ему, а вмѣстѣ съ ними все монгольское плоскогоріе, съ его степями и солеными озерами. Въ теченіи 26 лѣтъ Таньшихай опустошалъ всѣ сѣверныя провинціи Китая, приводя въ трепетъ императоровъ младшей династіи Хань, и только смерть его избавила сихъ послѣднихъ отъ безпокойнаго сосѣда. Китайскій лѣтописецъ говоритъ между прочимъ, что Таньшихай построилъ дворецъ у горы Динь-хань, при р. Чжо-чеу, 300 ли (150 в.) отъ Гао-лю къ С. Здѣсь слѣдовательно была постоянная или временная его резиденція, положеніе которой знать было бы очень любопытно. Городъ Гао-лю лежалъ въ округѣ нынѣшняго Дай-т'унъ-фу (Tai-Thoung-fu), въ провинціи Шаньси([17]), слѣдовательно показаніе лѣтописца не можетъ привести насъ ни къ какой другой рѣкѣ монгольскаго нагорья кромѣ притока Янъ-хэ,

---

(15) Они осаждали въ 118 г. крѣпость Кюй-ювъ-гуань, которая находится отъ нынѣшняго Сюань-хуа фу въ 200 ли къ ЮВ. по большой дорогѣ изъ Калгана въ Пекинъ.

(16) Усуни оттѣснены были отъ С.-З. границы срединнаго царства (собственно Китая) Хуннами собственно еще во II в. до Р. Х. въ нынѣшнюю провинцію Или, слѣдовательно Таньшихай могъ войти съ ними въ столкновеніе только на З. отъ меридіана Хами.

(17) О. Іакинов Собр. свѣд. о народ. сред. Азіи. Геогр. указ. ст. 18.

названнаго на картѣ центральной Азіи Клапрота — Djoo-khu (gol). Со смертью Таньшихая царство Сяньби приходитъ въ упадокъ и распадается уже при сыновьяхъ его въ началѣ III вѣка.

Сосѣдніи и сплеменныя съ Сяньбійцами У-хуань, со времени раздѣленія обоихъ племенъ, обитали на Ю.-З. отъ Сяньби, на самой монгольской горной окраинѣ провинціи Чжили, и были слѣдовательно самыми передовыми Дунъ-ху (восточными варварами) на З., въ концѣ прошлой эры подчиненными Хунну. Только съ упадкомъ могущества Хунновъ сдѣлались они подвластными китайской династіи Хань, и только возвратили на время свою независимость въ концѣ I вѣка, когда вмѣстѣ съ Сяньбійцами нанесли рѣшительный ударъ Хуннамъ.

Вотъ что между прочимъ лѣтописецъ младшей династіи Хань сообщаетъ намъ объ Ухуаньцахъ того времени ([18]): «они искусны въ конной стрѣльбѣ изъ лука, занимаются ловлею звѣрей и птицъ. Переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по достатку въ травѣ, постояннаго пребыванія не знаютъ; живутъ въ круглыхъ юртахъ, коихъ выходъ обращенъ на В., питаются мясомъ, пьютъ кумысъ, одежду дѣлаютъ изъ разнообразныхъ тканей. Отъ ста до тысячи юртъ составляютъ у нихъ общину. Женщины умѣютъ вышивать шелкомъ по кожѣ, ткать шерстяныя матеріи, мужчины — дѣлать луки со стрѣлами, сѣдла и узды, плавятъ золото и желѣзо для орудія. Почва ихъ хороша для посѣва проса» и т. д. Главная ставка Ухуаньцевъ находилась около нынѣшнихъ развалинъ Хуртунь-балгасу, при С.-З. углу поворота Шанду-гола въ 60 вер. къ С.-С.-В. отъ воротъ Души-к'эу.

Впрочемъ У-хуаньцамъ было предназначено играть только второстепенную и зависимую роль въ исторіи. Во II вѣкѣ они, подобно другимъ сосѣднимъ народамъ, подпали подъ власть могущественныхъ Сянь-би. По смерти завоевателя Таньшихая У-хуаньцы, въ полузависимости отъ Китая, продолжали еще дѣлать набѣги на его пограничныя области. Но скоро рѣшительный ударъ

(18) О. Іакинов Собр. свѣд. о народ. обит. въ ср. Азіи Ч. I. ст. 151.

былъ нанесенъ имъКитайцами въ 206 г. Они потерпѣли страшное пораженіе близъ поворота Хара-уссу, впадающей въ Ангули-норъ и нынѣшней станціи Гурбунъ-тулга (см. выше). Если вѣрить лѣтописцу то У-хуаньцы потеряли до 200000 человѣкъ убитыми и плѣнными въ этомъ сраженіи, изъ остальныхъ 10000 семействъ были переселены въ Китай, и съ тѣхъ поръ все племя почти изчезаетъ изъ исторіи.

На В. отъ Сяньбійскихъ владѣній, въ теченіи первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры, находилось царство Фу-юй, занимавшее слѣдовательно всю южную Маньчжурію, т. е. нынѣшнюю провинцію Гиринь. Государство Фу-юй также основано Дунъ-хуссами Гаолисской (Корейской) народной группы. Это мы можемъ заключить изъ того, что лѣтописецъ династіи Хань говоритъ положительно ([19]), что Гао-гюйли (т. е. настоящіе Корейцы) составляютъ отрасль Фу-юй, также какъ и изъ того что Фу-юй въ эти времена (въ началѣ нашей эры) составляли уже организованное государство, между тѣмъ какъ сосѣдніе съ нимъ на В. коренныя маньчжурскія племена (И-лэу) были еще совершенными дикарями, и говорили, по свидѣтельству того же лѣтописца ([20]), совершенно другимъ языкомъ. Границею государству Фу-юй на С. служила р. Жо-шуи, вѣроятно нынѣшній Хунъ-т'унъ-кянъ (т. е. Сунгари по соединеніи ея съ Нонью). Лѣтописецъ династіи Хань сообщаетъ между прочимъ о Фу-юй слѣдующія замѣчанія ([21]): «почва ихъ способна къ произращенію всякаго хлѣба. Страна производитъ красный мраморъ, соболей и крупный жемчугъ. Города обнесены палиссадами. Есть зданія, казнохранилища, хлѣбные магазины, тюрьмы. Жители крѣпки, рослы, храбры и добродушны, не производятъ набѣговъ и грабежей. Оружіе ихъ состоитъ изъ лука со стрѣлами, саблей,

---

(19) См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. II. стр. 20. Клапротъ полагаетъ также что Фу-юй принадлежали къ Гаолисской народной группѣ, см. Klaproth Tableaux histor. de l'Asie. Tabl. Ethnogr.

(20) Іакинѳа Собр. свѣд. Ч. II. ст. 19.

(21) Іакинѳа Собр. свѣд. Ч. II. ст. 17.

копій. Наказанія у нихъ очень строги. За покраденное взыскивается въ 12 разъ болѣе, за распутство мужчина и женщина предаются смерти. Ревнивыхъ женъ убиваютъ. По смерти старшаго брата младшій женится на невѣсткѣ» и т. д.

Съ половины I в. нашей эры Фу-юй вступаютъ въ сношенія съ китайскимъ дворомъ (Хань) и дѣлаются то данниками то врагами его. Государство Фу-юй существовало до конца III в., но въ 285 году было разрушено Муюнами (см. ниже). Центромъ его было верхнее теченіе Сунгари (называвшейся тогда Яньсы) около нынѣшней Гирини. Городъ Фу-юй-фу (впослѣдствіи Хуанъ-лунъ-фу) находился на В. отъ Гирини, въ одной съ нимъ широтѣ, приблизительно подъ 44° с. ш., на р. Ит'унъ-бира, притокѣ Сунгари ([21]).

На В. отъ Фу-юй, вѣроятно съ береговъ рѣки Хулхи до Восточнаго океана, обитали въ первыя вѣка нашей эры еще совершенно дикія маньчжурскія племена, которыхъ лѣтописецъ младшей династіи Хань называетъ общимъ именемъ *Илэу*. Онъ говоритъ что «Илэу есть древнее царство Су-шэнь». Слѣдовательно Сушэнь и Илэу, а въ послѣдствіи Нюй-чжень или Чжурчжень, суть самые коренные Маньчжу и истинные предки нынѣ царствующей маньчжурской династіи Да-цинь. Вотъ что китайскій лѣтописецъ сообщаетъ объ Илэу ([22]): «Илэу лежитъ за 1000 ли (500 верс.) отъ Фу-юй на С.-В. На В. прилежитъ къ великому морю, на Ю. смежно съ Во-цзюй, какъ далеко простирается на С. неизвѣстно; страна очень гориста. Жители походятъ обликомъ на Фу-юй, но говорятъ отличнымъ языкомъ; имѣютъ всѣ пять родовъ хлѣба. Одѣяніе пеньковое. Отсюда выходитъ красный мраморъ и хорошіе соболи. Государя не имѣютъ, но каждое селеніе имѣетъ своего владѣтеля. Обитаютъ по горамъ и лѣсамъ. Климатъ очень холоденъ. Обыкновенно живутъ въ ямахъ и чѣмъ глубже тѣмъ лучше. Въ богатыхъ домахъ

(22) О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. стр. 276.
(23) О. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 19.
(24) Id. Ч. II. стр. 20.

дѣлаютъ до 9 ступеней внизъ. Любятъ разводить свиней, питаются ихъ мясомъ, одѣваются въ ихъ кожи. Зимою, для защиты отъ холода, намазываются свинымъ жиромъ. Лѣтомъ ходятъ нагіе, съ передниками. Жители неопрятны. Роды малочисленны, но отличаются храбростью и тѣлесною силою, и искусно стрѣляютъ изъ лука. Умѣютъ плавать на судахъ, склонны къ грабежамъ и разбоямъ, не имѣютъ никакихъ установленій».

Эти показанія доказываютъ что племена маньчжурской народной группы стояли, въ началѣ нашей эры, болѣе чѣмъ ступенью ниже сосѣднихъ съ ними племенъ Гаолисской группы, пользовавшихся уже нѣкоторою степенью цивилизаціи и государственнаго устройства. Они жили отъ Хулхи до восточнаго океана, а слѣдовательно и около нынѣшней Нингуты.

Къ Ю. отъ Фу-юй и И-лэу обитали, въ первыя два столѣтія нашей эры, корейскія племена *Гао-гюй-ли* или *Гао-ли*, занимавшія тогда западныя страны Чанъ-бо-шани на С. отъ Ялу-кяна; *Во-цзюй* — восточныя отрасли Чанъ-бо-шани, до Восточнаго океана; а *Вей* и *Хань* (Ма-хань, Чинъ-хань, Бянъ-хань) — самый полуостровъ Кореи. Гаоли ([24]) вступаютъ во II в. въ первыя сношенія съ Китаемъ, дѣлаются его данниками, а потомъ (во II и III в.) опустошаютъ его пограничныя области (Ляо-дунъ). Въ IV в. они были данниками Муюновъ, а въ V Тобасской династіи Юань-Вэй. Столицею Гаоли былъ уже упомянутый городъ Пинъ-хянь или Ванъ-хянь, бывшая столица Чао-сяни, на р. Пэй-шуй. Слѣдоват. Гаолиссцы, какъ и другіе народы корейской группы, знакомы были съ осѣдлостью, гражданственностью, и составляли въ это время уже организованное государство.

Мы переходимъ теперь къ исторіи Ляосской альпійской страны, послѣ паденія Сяньбійскаго царства, т. е. въ III вѣкѣ нашей эры. Здѣсь мы должны руководиться лѣтописью Ганьму,

---

(23) Исторія Гаоли, см. О. Іакинов, Сбор. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 20, 29, 38, 54, 98.

компиляцію историка XII в. ([25]). Съ половины III в., въ Ляосской альпійской странѣ возвышается Дунъ-хусское племя или династія *Муюнъ*, а въ юго-восточ. части Монгольскаго нагорья— *Тоба*. Муюновъ китайскій лѣтописецъ называетъ Сяньбійцами, потому очень вѣроятно что это была только позднѣйшая династія этого Гаолисскаго племени, возникшая изъ обломковъ старой. Тоба, по свидѣтельству китайскаго историка, также соплеменны съ Сяньбійцами, только они обитали отъ нихъ первоначально гораздо далѣе на С., въ сѣв. углу Хинганскаго хребта, слѣдовательно были, какъ кажется, племенемъ Гаолисской группы, далѣе всѣхъ заблудившимся на С.

Имя Муюнъ является въ концѣ III вѣка. Именно китайскій лѣтописецъ говоритъ, что владѣтельный сяньбійскій князь Мохоба, изъ за укрѣпленной линіи (великой стѣны), вступилъ въ область Ляо-си и поселился на сѣверную сторону города Ги-ченъ, давъ своей династіи имя Муюнъ. Этотъ Ги-ченъ лежалъ въ нынѣшней провинціи Шэнъ-кинъ между рѣками Ляо-хэ и Далинь-хэ ([26]). Здѣсь Муюны быстро усилились и начали безпокоить китайскую пограничную область Ляо-си. Это происходило уже послѣ паденія династіи Хань, мѣсто которой заступила гораздо менѣе сильная династія Цзинь (265—415). Муюны подчинили себѣ другія сяньбійскія поколѣнія и покорили царство Фу-юй, т. е. верхнюю рѣчную область Сунгари. Въ началѣ IV вѣка смутныя обстоятельства Китая, послѣдовавшія паденію династіи Хань, облегчали набѣги варваровъ на срединное царство и весь сѣверный Китай былъ часто наводненъ ими. Князь Муюновъ Хой былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ слабой династіи Цзинь. Политика ея состояла только въ томъ чтобы давать князьямъ Муюнъ титулы, или возбуждать имъ враговъ въ тылу ихъ въ Гаолисскихъ племенахъ. Въ 320 году Муюнскому князю удалось пробиться черезъ проходъ Юй-

(25) Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. I. стр. 176.
(26) Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. III. Геогр. указат. стр. 16.

гуань (нынѣ Шань-хай-гуань) въ срединное царство и захватить с.-в. чжилійскую область П'инъ-чжеу (нынѣ Юнъ-п'инъ). Устрашенный дворъ далъ ему титулъ сѣвернаго полководца, губернатора П'инъ-чжеу, князя Ляо-си. Преемникъ его князь Хуанъ принялъ въ 337 г. титулъ Янъ-ванъ, т. е. царь или великій князь *Янъ* (Jen), и такимъ образомъ основавъ въ самомъ Китаѣ (нынѣшней провинціи Чжи-ли) царство, независимое отъ династіи Цзинь ([27]). Столицею своею онъ избралъ древній городъ Лю-чепъ, на Далинь-хэ, въ нынѣшнемъ восточномъ Тумотѣ, гдѣ дворецъ его назывался Хо-лань. Развалины этого города существуютъ и нынѣ, подъ именемъ Горбань-собарга-хота (Curban-Subarkan, на европ. картахъ) ([28]). Муюнскій Ванъ долженъ былъ выдержать сильныя войны съ сосѣднимъ на Юго-Зап. княжествомъ Чжао, основаннымъ южными Хуану въ провинціи Чжили, и съ сосѣдними на С.-В. Гао-гюй-ли. Послѣднихъ онъ скоро сдѣлалъ своими данниками. Театромъ войны съ первыми были окрестности Ги-чена ([29]), нынѣшняго Пекина, которымъ наконецъ удалось завладѣть Вану. Сюда онъ и перенесъ свою столицу въ 350 г., разрушивъ вскорѣ княжество Чжао.

Племя То-ба (Tho-pa) переселилось первоначально (еще во II в. нашей эры) съ С.-В. угла Монгольскаго нагорья—Хинганскаго хребта (нынѣшней Халхасской Монголіи) къ озеру Дальнору, на земли, занимаемыя нынѣ княжествами (аймаками) Абга и Абганаръ, а потомъ (въ половинѣ III в.) на самую южную окраину Монгольскаго нагорья (провинціи Шаньси), между нынѣшнимъ Калганомъ и изгибомъ Хуанъ-хэ ([30]). Здѣсь оно всту-

---

(27) Въ это время вдоль сѣверной пограничной полосы Китая находились слѣдующія независимыя царства или княжества: 1) *Янъ* въ нынѣшней сѣв.-вос. Чжили, Чэнъ-дэ-фу и Шэнъ-кинѣ, 2) *Чжао*, основанное южными Хунну въ южныхъ Чжили и Шаньси, 3) *Вей* основанное племенемъ Тоба въ сѣв.-вост. Чжили и сѣв. Шаньси, 4) *Ги фу-чжи-бянъ* въ Шэньси, 5) *Лянъ* въ нынѣшнемъ Ганьсу, 6) *Силянъ* на З. отъ Ганьсу. См. Gutzlaff Geschichte des chinesischen Reiches p. 167.

(28) О. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. обит. въ ср. Азіи, Геогр. указ. стр. 46.

(29) Не должно смѣшивать этого Гичена съ другимъ, упомянутымъ выше и находившимся въ провинціи Шэнъ-кинъ. См. Собр. свѣд. Геогр. указ. стр. 20.

(30) Іакинѳа свѣд. о нар. обит. въ Ср. Азіи. Ч. I. ст. 187.

пило въ первыя сношенія съ Китайскомъ дворомъ династіи Цзинь. Въ концѣ III и началѣ IV в. мы видимъ То-ба распространенными по всей Монгольской окраинѣ, отъ изгиба Шанду-гола (т. е. на С. отъ нынѣшнихъ воротъ Ду-шн-к'эу) до изгиба Хуанъ-хэ. Въ самомъ началѣ IV в. То-ба проникли въ въ срединное царство черезъ горные проходы Шаньсійской окраины и овладѣли сѣверною частью провинціи Шаньси. Столица Тобасцевъ находилось въ то время въ городѣ Чэнъ-ло, недалеко къ В. отъ нынѣшняго Ху-ху-хотопя на берегу Тургэнь-гола. Другою (южною) столицею они избрали П'инъ-чэнъ въ провинціи Шаньси, въ 70 вер. къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Дайт'унъ-фу, въ верховьяхъ рѣки Санъ-канъ-хэ. Тобасскій князь Илу въ 315 г. принялъ титулъ царя Дай. Около половины IV в. Тобасцы распространили владычество свое далеко въ Иньшанѣ и Монгольскомъ нагорьѣ на С. и С.-З. отъ поворота Шара-мурэни, и съ 340 г. перепесли столицу въ городъ Юнъ-Чжунь, находившійся при самомъ поворотѣ Хуанъ-хэ, близъ нынѣшняго Тохто-хота. Въ концѣ IV вѣка То-ба еще болѣе усилились: ихъ князь Гуй перенесъ опять столицу въ Чэнъ-ло и далъ династіи своей названіе *Юань-вэй*. Въ началѣ V вѣка ему удалось разрушить Муюнское царство *Янъ*, овладѣть всѣмъ сѣвернымъ Китаемъ (большею частію нынѣшнихъ провинцій Чжили и Шаньси) и распространить владычество свое по значительной части Монголіи. Могущественная династія Юань-вэй властвовала одна въ сѣверномъ Китаѣ и Монголіи до 456 г. Столицею ея былъ уже упомянутый городъ П'инъ-чэнъ въ верховьяхъ Санъ-канъ-хэ, въ провинціи Шаньси. Въ послѣднихъ годахъ V вѣка эта династія Юнь-вэй перенесла свою столицу далѣе на Ю. въ Хэ-нань-фу и сдѣлалась совершенно Китайскою. Въ половинѣ VI в. она совершенно прекратилась, передавъ престолъ свой туземной династіи Бей-Чжеу.

Къ этому времени (половинѣ VI вѣка) относится важный переломъ въ исторіи Ляосской страны и всего Сѣверо-Востока нынѣшней Китайской имперіи. Паденіе династіи Юань-вэй,

властвовавшей на сѣверномъ Китайскомъ престолѣ, служитъ сигналомъ упадка племенъ Корейской народной группы. Одновременно съ тѣмъ, въ замѣнъ ихъ, организуются, сначала въ воинственные орды, а потомъ въ стройныя государства, племена *Манчьжурской* и сродной съ нею *Киданьской* народной группы, Китайскія же туземныя династіи—*Суй*, а потомъ болѣе прочная и могущественная *Т'анъ*, пользуясь отливомъ варваровъ и равновѣсіемъ ихъ силъ, такъ сказать междуцарствіемъ на нагорьѣ, простираютъ руку въ низовья р. Ляо, оттѣсняя приходящія въ упадокъ корейскія племена.

Племена эти въ Ляосской альпійской странѣ утрачиваютъ самостоятельность и даже совершенно изчезаютъ для исторіи. уступая свое мѣсто возрастающему могуществу Киданей и сродныхъ съ ними *Хи* или *Ку-мо-хи*. Кидани этнографически совершенно различны отъ корейскихъ Сяньби и гораздо болѣе сродны съ Маньчжурами. Мы застаемъ Киданей уже въ III вѣкѣ на Ляо-хэ, съ рѣчною областью которой связаны всѣ ихъ преданія. Самое древнее сказаніе о Киданяхъ ([31]) повѣствуетъ что въ ихъ странѣ находились двѣ рѣки. Одна изъ нихъ называлась Ди-мѣ-ли-моли или Т'ао-вэйсы-моли, вытекала изъ горы Ма-юй, находившейся на З. отъ средней столицы, и направлялась къ С.-В.; Китайцы звали ее Т'у-хэ. Другая называлась Нео-ло гу-моли (Нюй-гу), вытекала изъ сосноваго бора на Ю.-З. отъ Жао-Чжеу и направлялась прямо на В.; Китайцы называли ее Хуанъ-хэ. Обѣ рѣки соединялись у горы Му-ѣ.

Въ этихъ двухъ рѣкахъ нельзя не узнать двухъ составныхъ вѣтвей р. Ляо. Первая изъ нихъ Ло-ха дѣйствительно и, по свидѣтельству Китайскихъ географовъ ([32]), называлась въ древности Т'у-хэ; она течетъ къ С.-В. Названіе второй — Хуанъ-хэ сохранилось и до нынѣ, и Монгольское имя—Шара-мурэнь есть

---

(31) Сказаніе это заимствовано изъ Кидань-го чжи, сочиненія составленнаго историкомъ Ѣ-лунъ-ли. жившимъ въ XII в. при Сунской династіи. Я пользовался извлеченіями, обязательно сообщенными мнѣ въ манускриптѣ В. П. Васильевымъ.

(32) См. Іакинов собр. свѣд. о нар. ср. Азіи геогр. указ. ст. 42.

только переводъ его; она течетъ прямо на В. Въ словѣ *Моли* можно узнать Китайскую транскрипцію слова *Мурэнь*, употребляемаго и нынѣ для означенія рѣки. Слово это вѣроятно и есть коренное Киданьское, потому что по Маньчжурски рѣка называется *Ула и Бира*, а по Монгольски *Уссу*.

Древняя легенда говоритъ (33), что одинъ горный духъ сѣлъ на бѣлаго коня, спустившись внизъ по теченію Ту-хэ встрѣтился у горы Муѣ съ небесною дѣвою, спустившеюся туда внизъ по Хуанъ-хэ, на колесницѣ запряженной пестрымъ воломъ, женился на ней и сдѣлался родоначальникомъ Киданей. Эта легенда о происхожденіи Киданей не ведетъ насъ слѣдовательно никуда болѣе, какъ вглубь Ляосской альпійской страны, въ самыя дикія ея горныя долины, куда можетъ быть они были оттѣснены гораздо ранѣе, за II вѣка до Р. Х. корейскими племенами Сяньби и Ухуань. На горѣ Му-ѣ былъ поставленъ Киданями кумиръ предковъ, которому, сообразно съ легендою, они приносили въ жертву бѣлыхъ коней и пестрыхъ воловъ. Впослѣдствіи здѣсь находилась одна изъ четырехъ башень царства Ляо.

Изъ всего сказаннаго можно было бы скорѣе заключить что Сяньбійцы были пришельцами въ Ляосскую альпійскую страну, а Кидани ея аборигенами. Только одно обстоятельство можетъ навести насъ на мысль что и Кидани въ самыя отдаленныя времена могли быть также пришельцами въ Ляо. Это именно соплеменность ихъ съ обитавшими на С.-З. отъ нихъ, на среднемъ теченіи Амура — Ши-вэй, Китайскіе лѣтописцы говорятъ положительно, что Ши-вэй были одного племени съ Киданями и что сѣверныя поколѣнія назывались Ши-вэй, а южныя Кидань (34). Потомки этихъ Ши-вэй и Кидань суть несомнѣнно нынѣшніе Дауры и Солоны. Вся Киданьская народная группа представляетъ слѣдовательно значительное различіе отъ Маньч-

(33) Эта легенда находится въ Кидань-го-чжи.

(34) Іакинов Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. II. ст 93.

журской, и что то переходное, смѣшанное, между Маньчжурскою и Монгольскою.

Съ начала IV вѣка Кидани уже усиливаются, пріобрѣтаютъ нѣкоторую военную организацію и стремятся къ предѣламъ срединнаго царства, но не въ силахъ еще одержать верхъ надъ властвующей въ сѣверномъ Китаѣ Тобасскою династіею Юань-Вэй Въ V в., приблизившись къ Далинь-хэ и Лючену, они вступаютъ въ болѣе постоянныя сношенія съ срединнымъ царствомъ, являясь то данниками, то врагами династіи Юань-Вэй. Вотъ какъ Китайскій лѣтописецъ характеризуетъ ([35]) тогдашнихъ Киданей: «имѣютъ наклонность къ грабежамъ и набѣгамъ. Кто горько плачетъ по кончинѣ родителей почитается слабымъ. Трупы ихъ ставятъ на вершинахъ нагорныхъ деревьевъ; по прошествіи трехъ лѣтъ собираютъ ихъ кости и предаютъ огню. Въ разговорахъ они неблагопристойнѣе всѣхъ варваровъ.» Отсюда мы видимъ въ какой степени Кидани стояли въ своемъ развитіи ниже уже образованныхъ Корейскихъ племенъ. Только черезъ два вѣка мы видимъ нравы Киданей очень смягченными соприкосновеніемъ съ цивилизованнымъ Китаемъ: они строятъ тогда уже города, занимаются земледѣліемъ и шелководствомъ ([36]).

Впереди Киданей, къ Ю.-З. отъ нихъ и ближе къ окраинѣ срединнаго царства, между этою окраиною и рѣкою Лоха, жили Хи или *Ку-мо-хи*, которыхъ Клапротъ несправедливо считалъ за Гаолисское (Корейское) племя ([37]). Лѣтописецъ сѣверныхъ дворовъ говоритъ положительно что Ши-вэй, Ку-мо-хи и Кидани говорили однимъ языкомъ ([38]). Только такъ какъ они, какъ самые передовые народы Кинданьской группы, вступили ранѣе всѣхъ (съ IV вѣка) въ соприкосновеніе съ Китайскою цивилизаціею, то они ранѣе всѣхъ своихъ соплеменниковъ перешли къ гражданственности и осѣдлости, и уже во II вѣкѣ были дан-

(35) Іакинѳа собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. II ст. 91.
(36) Plath Geschichte des östl. Hoch-Asiens Bd. I p. 87.
(37) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie Tabl. ethnogr.
(38) Іакинѳа собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. II. ст. 93.

никами династіи Юань-вэй. Вотъ какъ характеризуетъ лѣтописецъ (39) Ку-мо-хи того времени: «Ку-мо-хи перекочевывали съ мѣста на мѣсто, смотря по достатку въ водѣ и травѣ, жили въ войлочныхъ юртахъ. Стойбище владѣтелей было всегда окружено 500 воиновъ. Прочія поколѣнія кочевали по горнымъ долинамъ. Податей они не платили, содержались звѣриною ловлею. Сѣяли просо, хранили его въ ямахъ при подошвѣ горъ. Были охотники до дракъ и сраженій» и т. д.

Далѣе къ В. отъ Ляо и племена коренной маньчжурской группы, въ то время извѣстныя подъ именемъ *Мохэ*, также *Уги* по сѣверн. произнош. *У-цзи* (40), переходили въ это время постепенно изъ варварскаго состоянія къ гражданственности. Въ концѣ V вѣка они вступаютъ уже въ *первыя* сношенія съ китайскимъ дворомъ (Юань-вэй). Лѣтописецъ сѣверныхъ дворовъ повѣствуетъ (41), что посланникъ ихъ плылъ вверхъ по р. Нань, (т. е. Сунгари и Нони), до соединенія ея съ рѣкою Далъ (т. е. Торъ-уссу), а оттуда сухимъ путемъ, переправившись черезъ рѣку Ляо-хэ и слѣдуя вдоль западной Киданьской границы, прибылъ въ Холунъ. Холунъ находился на р. Да-линь-хэ, въ томъ мѣстѣ гдѣ на новѣйшихъ картахъ означаются развалины Соборга-хота. Мохэ суть — непосредственное продолженіе древнихъ Су-шэнь и Илэу, жили въ коренной Маньчжуріи, начиная отъ Сунгари черезъ Хулху до Усури.

Мы уже сказали, что въ половинѣ VI вѣка съ паденіемъ Тобасской династіи Юань-вэй, властвовавшей на сѣверномъ китайскомъ престолѣ, совершился замѣчательный переломъ въ исторіи взаимнодѣйствія нагорья и низменности, характеризуемый тѣмъ что Корейскія племена, ослабленныя продолжительнымъ владычествомъ въ сѣверномъ Китаѣ, утрачиваютъ свою силу и значеніе, а мѣсто ихъ мало по малу занимаютъ, развивающія

---

(39) Іакинѳа собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. I ст. 470.

(40) См. Іакинѳа собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. II. ст. 82.

(41) Авторъ ея есть лѣтописецъ Ли-явь шеу, жившій въ концѣ VI вѣка. См. О. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II. стр. 84.

еще дикія свои силы въ Ляосской и Маньчжурской альпійскихъ странахъ и только что переходящія къ организаціи и гражданственности, Дунъ-хусскія племена киданьской и собственно маньчжурской группы. Но, пользуясь такъ сказать междуцарствіемъ на нагорьѣ, безсиліемъ варваровъ, соотвѣтствующимъ морскому отливу, туземныя китайскія династіи *Суй* (581—617) и за нею болѣе прочная и болѣе могущественная Т'анъ (618—905) простираютъ руку для обладанія ими, по крайней мѣрѣ для обузданія нагорья, вдоль Ляо-си въ Ляо-дунъ, по полосѣ, которой историко-географическое значеніе мы уже объяснили выше.

Явленіе отлива въ концѣ VI вѣка было такъ полно, что даже Кидани, пораженные въ 560 г. Китайцами при горахъ Цинь-шань, и потерявшіе, если вѣрить лѣтописцу, плѣнными и убитыми до 100000 человѣкъ, были отброшены до Шара-мурэни и часть ихъ даже бѣжала въ сѣверную Корею ([42]).

Въ низовьяхъ Ляо-хэ и въ Ляо-дунѣ династія Суй встрѣтила *Гао-ли* ([43]), послѣднимъ изъ корейскихъ государствъ не утратившихъ еще свое могущество. Гао-ли владѣли въ это время всѣмъ Ляо-дунемъ, гдѣ у нихъ были цвѣтущіе города, какъ напр. нынѣшній Гай-чжеу, тогда Гай-мэу-ченъ, нынѣшній Ляоянъ, тогда Ляо-дунъ-ченъ, бывшій впослѣдствіи восточною столицею, какъ Киданьскаго, такъ и Нюй-чженьскаго царствъ. Одна же изъ гаолисскихъ столицъ — Вань-ду находилась у подошвы отраслей Чанъ-бо-шань, на Ялу-кянѣ (зеленой рѣкѣ), 300 верстъ (600 ли) выше ея устья. Между китайскими династіями и Гао-ли скоро зажглась сильная борьба въ Ляо-дунѣ. При династіи Суй Китайцы уже имѣли перевѣсъ, а при Т'анъ, въ половинѣ VII вѣка китайскій императоръ нанесъ Гаолисцамъ рѣшительный ударъ, отнятіемъ у нихъ всѣхъ городовъ Ляодуна, а въ 680 году упорная война кончилась взятіемъ главной Гаолисской столицы, на самомъ полуостровѣ, и истребленіемъ

(42) Исторію ихъ см. О. Іакинѳа, Собр. св. о вар. ср. Азіи, Ч. II, стр. 71, 98, 123.
(43) Plath Geschichte des ostlichen Hoch-Asiens Gotting. 8. 1830. Bd. I. p. 83.

царствующей династіи. Этимъ и окончилось политическое значеніе корейской народной группы въ разсматриваемыхъ нами странахъ.

Но въ то же время какъ падало окончательно подъ ударами Китайцевъ могущество Корейскихъ племенъ, Маньчжурскія и Киданьскія племена, усиливаясь и пріобрѣтая государственную организацію, готовили срединному царству новый періодъ прилива. Мохэсцы и Кидани служили союзниками императорской династіи Тан'ъ противъ Гаолисцевъ. Но когда Гаолисское царство было разрушено, а соприкосновеніе съ Китайскою цивилизаціею просвѣтило Киданей и Мохэсцевъ, то они быстро перешли къ осѣдлости и гражданственности, и послѣдніе изъ нихъ основали уже въ концѣ VII вѣка могущественное царство *Бохай* (44), опиравшееся на снѣжный Чанъ-бо-шань. Царство это въ VIII вѣкѣ уже простиралось на 2500 верстъ, народонаселеніе его дошло до мильона семействъ (около 4.000,000 душъ), войска было нѣсколько десятковъ тысячъ. Деревни превратились въ города, явилось 15 провинцій и 5 столицъ (45). Средняя изъ нихъ (Чжунъ-Кинъ) была Хурхань-Чжеу, вѣроятно въ самыхъ верховьяхъ Хул-хи. Въ 150 вер. (300 ли) къ С.-В. отъ нея находилась Бо-хай-ванъ-ченъ, верхняя столица, недалеко отъ нынѣшней Нингуты. О ней мы будемъ говорить ниже. Въ Бохайскомъ царствѣ явились палаты, министры, администраціи. Китайскія формы гражданственности, китайская цивилизація сдѣлали быстрые успѣхи между восточными варварами. Они какъ бы готовились на своемъ нагорьѣ къ обладанію срединнымъ царствомъ. Только не Бохайцамъ удалось осуществить это обладаніе, потому что уже въ началѣ X вѣка царство ихъ было покорено воинственными Киданями.

Между тѣмъ Кидани уже въ концѣ VI вѣкѣ (при династіи Суй) могли возвратиться на свои прежнія земли и начали подъ

(44) См. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 178.

(45) См. Горскаго, Начало и перв. дѣла Маньчж. дома въ Труд. Пекин. мисс. Ч. I. 1852. стр. 23.

вассальною зависимостью отъ Китая мало по малу организоваться и усиливаться. Они заняли, говоритъ лѣтописецъ ([46]), мѣста въ 200 ли отъ Ляо-си, прямо на С. по р. Тогэ-чень (т. е. Ляохэ), на 100 ли пространства отъ В. къ З. и раздѣлились на 10 поколѣній: изъ нихъ большія имѣли 3000, а меньшія до 1000 чел. войска. Когда въ 618 г. въ Китаѣ воцарилась прочная династія Т'анъ, подчинились ей и Киданьскіе предводители, получившіе отъ нее княжескіе титулы. Городъ Лю-ченъ, на Далинь-хэ, переименованный въ Инь-Чжеу былъ тогда главнымъ правленіемъ подчиненныхъ Китаю Дунъ-ху (восточныхъ варваровъ). Изъ Киданей была образована область Суимо, раздѣленная на округи: только губернаторами и правителями ихъ были признаны туземные князья, изъ чего слѣдуетъ что зависимость Киданей отъ Китая была только внѣшняя, номинальная.

По паденіи Гоалисскаго царства отъ конца VII вѣка, въ теченіи VIII и IX в. мы видимъ Киданей уже въ безпрерывной борьбѣ съ династіею Т'анъ, то совершенно независимыми, то подчиняющимися своимъ западнымъ сосѣдямъ Ту-кюэсскаго (Дуцюэсскаго т. е. Турскаго) племени, а съ половины VIII в. Уйгурамъ того же племени, то опять подчиненными Китаю, котораго С.-В. предѣлы безпрестанно подвергались ихъ грознымъ набѣгамъ. Императоры династіи Т'анъ напрасно старались держать князей ихъ въ своей зависимости, системою браковъ съ принцессами императорскаго дома. Четыре раза удается Киданямъ быть особенно независимыми и грозными для Китая: 1) въ самомъ концѣ VII вѣка, при предводителѣ ихъ Ваньюнѣ, когда онъ взялъ Инь-чжеу (Лю-ченъ), разбилъ 170 тысячное императорское войско и проникнувъ до границы нынѣшней Чжили, осадилъ П'инъ-чжеу (Юнъ-п'инъ), но наконецъ погибъ въ борьбѣ съ Китайцами и союзниками ихъ Ку-мо-хи; 2) въ началѣ VIII вѣка (733 г.), при предводителѣ ихъ Кэтуганѣ, который, сдѣлавшись независимымъ отъ Китайцевъ, одержалъ надъ

(46) Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. II. ст. 92.

ними блистательную побѣду при горахъ Ду-шань, но погибъ въ дальнѣйшей войнѣ въ 734 г.; 3) въ половинѣ VIII в. (751 г.), когда Кидани истребили совершенно на берегахъ Ляо-хэ посланное противъ нихъ шестидесяти-тысячное Китайское войско и 4) въ концѣ IX вѣка, при князѣ ихъ Кинь-дэ, когда Киданьцы, усилившись и покоривъ сосѣднихъ съ ними и соплеменныхъ Ку-мо-хи и Шивэй, проникли въ Чжили до р. Луань-хэ (Lan-ho) и нынѣшняго города Юнъ-п'ина, гдѣ только хитрость китайскаго полководца, обманомъ захватившаго князя Киньдэ и принудившаго его къ миру, остановила ихъ дальнѣйшіе успѣхи.

Но въ началѣ X вѣка исторія Киданей принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ ([47]). Здѣсь уже начинается снова періодъ *прилива* варваровъ на китайской окраинѣ. Переворотъ сей въ Киданьской исторіи происходитъ отъ того, что одинъ изъ киданьскихъ предводителей Амбагянь или А-бао-ки (A-pao-chi европейскихъ авторовъ) ([48]) приводитъ ихъ въ недостающее имъ *единство* и даетъ имъ государственную организацію. До X в. Кидани раздѣлялись на нѣсколько поколѣній (числомъ 8), управляемыхъ старшинами; одинъ изъ нихъ избирался царемъ и передъ нимъ, въ знакъ его власти, ставились литавра и знамя. Только литавра и знамя, по очереди или народной волѣ, переходили отъ одного старшины къ другому. Послѣ долговременнаго соприкосновенія съ Китаемъ, административныя и государственныя формы цивилизованнаго срединнаго царства не могли остаться безъ вліянія на Киданей. Амбагянь, выставивъ литавру и знамя, объявилъ себя безсмѣнпымъ. Онъ привлекъ къ себѣ въ службу множество Китайцевъ и произвелъ въ своей пацін полный переворотъ: далъ ей письмена іероглифическія, передѣланныя изъ китайскихъ, выстроилъ города, ввелъ земледѣліе, горное искуство, открылъ рынки, по примѣру китайскихъ по-

(47) Дальнѣйшая исторія Киданей заимствована изъ рукописныхъ переводовъ офиціальной Китайской исторіи, В. П. Васильева.

(48) Plath Gesch. der östl. Hoch-Asiens, Götting. 1830 Bd. I p. 88. Амбагянь родился въ 872 г.

граничныхъ провинцій. Наконецъ, собравъ начальниковъ другихъ племенъ, онъ истребилъ ихъ, и сдѣлался единовластнымъ надъ Киданями. Послѣ того Амбагань покорилъ и другія тунгузскія племена, именно Ши-вэй и Ку-мо-хи, и уже въ 905 г. сдѣлалъ въ первый разъ нашествіе на сѣверныя Китайскія провинціи. Въ слѣдующемъ году онъ подчинилъ себѣ Маньчжурское племя Нюй-чжень, а вскорѣ послѣ того въ 916 г. принялъ титулъ императора, сдѣлавшись основателемъ могущественнаго царства или династіи, которое, по имени орошающей Киданьскія земли рѣки, назвалъ *Ляо*. Съ тѣхъ поръ онъ часто вторгался въ Китай, въ 917 осаждалъ Ю-чжеу (нынѣшній Пекинъ), но тщетно, въ 922, потерпѣвъ неудачу въ Китаѣ, онъ обратился на В. и покорилъ въ южной Маньчжуріи царство Бо-хай, но въ этомъ походѣ нашелъ смерть свою. Политическія обстоятельства Китая пришли скоро на помощь преемнику Амбагаия, Т'ай-цзупу (иначе Де-гуань 927 — 947). Въ 933 г. Т'анская династія пришла въ окончательный упадокъ. Одинъ изъ полководцевъ ея (Ши-цзинь-т'анъ) взбунтовался въ провинціи Шаньси и, задумавъ основать новую династію, призвалъ на помощь Киданей. Кидани проникли въ срединное царство чрезъ знаменитый проходъ Я-мынь-гуань въ провинціи Шаньси ([49]), приблизились къ столицѣ Т'анской династіи—Т'ай-юаню (нынѣ главный городъ провинціи Шаньси) и разсѣяли войска ея. Династія Хоу-цзинь была основана, но императоръ ея, въ вознагражденіе за помощь ему оказанную, уступилъ Киданямъ 16 округовъ Срединнаго царства. Это обстоятельство предало имъ въ руки весь сѣверный Китай. Округи Нинь-Чжеу (въ нынѣшней Чень-дэ-фу и П'инъ-чжеу (Юнъ-П'инъ въ С.-В. Чжили) были уже и прежде въ ихъ рукахъ, округъ Ю-чжеу они обратили въ одну изъ своихъ столицъ (Янъ-кинъ, нынѣшній Пекинъ). Весь С.-В. уголъ срединнаго царства былъ подчиненъ ими, импера-

(49) Проходъ Я-мынь-гуань находится въ южной стѣнѣ провинціи Шаньси, къ С. отъ нынѣшняго города Дай-Чжеу (Tai-Tcheu).

торъ кратковременной династіи Хоу-цзинь, пребывавшей въ Т'айюанѣ, былъ ихъ данникомъ. Въ 946 году династія эта была свержена Киданями и вся сѣверная половина Шаньсійской провинціи занята ими.

Здѣсь апогей владычества Ляо въ Китаѣ. Со смерти Т'айцзуна, между Киданями возникли нѣкоторыя междоусобія и уже въ 959 г. императору кратковременной династіи Чжеу (пребывавшей въ Ло-янъ, нынѣшнемъ Хэ-нань-фу) удалось оттѣснить Киданей до самаго Пекина и отнять у нихъ нѣсколько захваченныхъ ими округовъ ([50]).

Въ слѣдующемъ году воцарилась надъ Китаемъ прочная династія Сунъ (960 — 1272), и между нею и Киданьскимъ царствомъ Ляо загорѣлась почти на полвѣка непрерывная борьба. Кидани опустошали сѣверныя провинціи Суней, прорывались черезъ Хуанъ-хэ до самой Сунской столицы Хэ-нань-фу, но имъ не удавалось упрочить своего владычества въ занятыхъ областяхъ. Съ другой стороны и Суни не были довольно сильны для того чтобы вытѣснить Киданей изъ сѣвернаго Китая.

Сунскій дворъ, наскучивъ борьбою, въ 1004 г., въ вознагражденіе за округи, отнятые у Киданей предшествовавшей династіей Чжеу, согласился выдавать имъ ежегодно по 100000 ланъ серебра и 200000 кусковъ матеріи. Миръ возстановился на цѣлое столѣтіе, до самаго паденія династіи Ляо.

Это обстоятельство положило предѣлъ дальнѣйшему распространенію царства Ляо въ Китаѣ, и позволило его императоромъ обратить вниманіе на сосѣдей своихъ въ монгольскомъ и маньчжурскомъ нагорьѣ.

Въ началѣ XI вѣка царство Ляо не переставало еще расширяться на вост. азіатскомъ нагорьѣ. Въ 1010 г. Кидани напали на Уйгуровъ и взяли Су-чжеу въ нынѣшней провинціи Ганьсу.

---

(50) Въ промежуткѣ между долговременными династіями Т'анъ (618 — 905) и Сунъ (960 — 1279) властвовали въ Китаѣ слѣдующія эфемерныя династіи: младшая Лянь (907 — 922), младшая Т'анъ (923 — 935), Хоу-цзинь (936 — 946), младшая Ханъ (947 — 950), младшая Чжеу (951 — 959).

Изъ этого слѣдуетъ что они обошли черезъ нагорную степь изгибъ Хуанъ-хэ и царство Ся въ Ордосѣ. Вскорѣ послѣ того они вели войны въ Кореѣ и переходили черезъ Ялу-кянъ. Въ 1044 они напали на царство Ся съ двухъ сторонъ: спереди черезъ Ордосъ, и состоронъ, вдоль Хуанъ-хэ, имѣли успѣхъ, но не могли удержаться въ Нинъ-ся.

Въ то время въ царствѣ Ляо было 5 столицъ, 6 провинцій, 156 крѣпостей, 209 уѣздовъ, 5000 поколѣній.

Верхняя столица (Шанъ-цинъ) царства Ляо называлась *Линь-хуанъ-фу*. Она была основана Амбагянемъ, построившимъ сначала на мѣстѣ ея дворецъ, который въ 918 году былъ обведенъ стѣною и названъ Хуанъ-ду, т. е. императорскою резиденціею, и въ 938 г. переименованъ въ Шанъ-цинъ, т. е. верхнюю столицу. Впослѣдствіи городъ очень распространился и былъ раздѣленъ на сѣверный и южный: въ первомъ находился дворецъ, какъ и въ Пекинѣ, во второмъ жили торговые Китайцы ([51]). Городъ Линь-хуанъ-фу, по свидѣтельству исторіи, былъ расположенъ на рѣкѣ Лай-лю, текущей съ С.-З., поворачивающей на В. и потомъ впадающей въ Кюй-кянъ (Цзюй-цзянъ) ([52]). Принимая въ соображеніе столь точно описанное направленіе рѣки и китайскіе дорожники (см. ниже), мы можемъ сказать утвердительно, что нагорная столица царства Ляо находилась въ нынѣшнемъ Аймакѣ (княжествѣ) Баринь, что рѣка Лай-лю есть нынѣшняя Чжоло-бира (Tscholo pira d'Anv., Grimm, Bergh.), иначе Урту-чонаръ-голъ, имѣющая совершенно описанное направленіе, а Кюй-кянъ съ которою она соединяется есть Хаспръ-уссу (Hamar Hasir d'Anv., Grimm.) Недалеко отъ мѣста, гдѣ находился городъ Линь-хуанъ-фу (т. е. близъ поворота Чжоло-бира), означается на нынѣшнихъ картахъ развалина Боро-хота ([53]).

Средняя столица (Чжунъ-цинъ) царства Ляо называлась *Дайдинъ-фу*. Это есть нынѣшняя развалина Дай-нинъ-ченъ, на рѣкѣ

---

(51) См. Іакинѳа Стат. оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 288.

(52) Изъ рукописи В. П. Васильева объ исторіи Киданей.

(53) См. карты д'Анвиля, Гримма, Берхгауза и Іакинѳа.

Лоха, мимо которой проѣзжалъ Исбрандъ, и о которой мы уже имѣли случай говорить въ подробности (см. выше ст. 323).

Отъ средней столицы (Да-динъ-фу) къ сѣверной (Линь-хуанъ-фу) велъ слѣдующій дорожникъ ([54]). Отъ Да-динъ-фу до станціи Сунъ-шань-гуань 80 ли (40 в.), до города Сунъ-синь-гуань 70 ли, до города Яо-кя-чжай 50 ли. Отсюда 30 ли до переправы черезъ Шара-мурэнь по каменному мосту, недалеко откуда лежалъ городъ Жао-чжеу (бывшій Жао-лэ-фу при династіи Танъ). Далѣе до станціи Бао-хэ-гуань 50 ли. Здѣсь переправа черезъ Хэй-шуй-хэ (т. е. черная рѣка), конечно Сусай-п'у д'Анвилевой и Гриммовой карты, и донынѣ называющійся по монгольски Хара-бира т. е. черною рѣкою. Далѣе до города Сюань-хуа-гуань 70 ли, до города Чепъ-т'ай-гуань 50 ли, далѣе на З. 20 ли до города Цзу-чжеу и наконецъ уже 40 ли отсюда до Линь-хуа-фу.

Восточною столицею (Дунъ-кинъ) царства Ляо былъ нынѣшній городъ Ляо-яцъ, тогда Хянъ-п'инъ или *Ляо-дунъ-ченъ*, на р. Да-цзя-бира, на полградуса широты южнѣе Мукдэня, въ одномъ съ нимъ меридіанѣ, т. е. въ области Фынъ-т'янь-фу провинціи Шэнъ-кинъ.

Южною столицею (Нань-кинъ) царства Ляо былъ нынѣшній *Пекинъ*, а *западною* (Си-кинъ) нынѣшній *Дай-т'унъ-фу* на Шаньсійской окраинѣ, бывшій также и западною столицею Гиньскаго царства.

О тогдашнихъ границахъ царства Ляо находимъ мы въ Кидань-гочжи XXII в. ([55]) нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. Въ Китаѣ Кидани владѣли всею провинціею Чжили и двумя третями Шаньси, на Ю.-З. владѣнія ихъ простирались до изгиба Хуанъ-хэ, а на З. границы ихъ были очень неопредѣленны. Въ полузависимости отъ нихъ, но въ постоянной съ ними враждѣ находились Ту-кюэсскія (Туркскія) племена, также какъ и Тибет-

---

(54) См. Іакинѳа Стат. опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 288.

(55) По рукописному переводу В. П. Васильева.

скія Туфани. Уйгурское царство Гао-чанъ (нынѣшній Турфанъ) платило имъ дань. На С.-З. обитали многочисленныя, независимыя орды Да-да (Да-тань т. е. Татары), всегда враждовавшія противъ Киданей. Сѣверными сосѣдями ихъ были Юй-гюэ (Юйцюэ, вѣроятно Уй-гуры) и Мэнъ-гу-ли или просто Мэнъ-гу. Это имя, встрѣчаемое нами въ исторіи, очень замѣчательно, по большому сходству своему съ Монъ-гу, т. е. Монголами, и показываетъ что оно дѣйствительно уже принадлежало одному племени рѣчной области Бай-кала еще за II вѣка до Чингисъ-хана. Къ С.-В. обитало какое то племя Тѣ-ли-си-ши-кянъ, о которомъ авторъ Кидань-го-чжи говоритъ что языкъ ихъ, одѣянія и жилища имѣютъ отдаленное сходство съ языкомъ, одеждою и жилищами Мохэсцевъ. Можетъ быть онъ подъ симъ племенемъ разумѣетъ Шивэйцевъ. На С.-В. обитали независимыя племена Мо-хэ, на В., въ рѣчныхъ же областяхъ Хулхи и Усури—отчасти подвластныя, отчасти независимыя Нюй-чженьскія племена. Наконецъ на Ю.-В., на полуостровѣ Кореѣ обитало племя Синьло.

Съ конца XI вѣка Киданьское царство (Ляо) начинаетъ уже слабѣть, а въ первой четверти XII вѣка (около 1125 г.), въ судьбѣ Маньчжуріи, Киданьской альпійской страны и сѣвернаго Китая происходитъ рѣшительный переворотъ, произведенный маньчжурскимъ племенемъ *Нюй-чжень* (Niu Tchi, Yu-Tchi).

Эти Нюй-чжень были несомнѣнно предками нынѣшнихъ Маньчжуровъ (царствующей династіи Да-цинь), и потомками древнихъ Сушэней, принадлежащими къ нормальной вѣтви маньчжурскаго племени (вмѣстѣ съ Сушэнями, Плэу, Мохэ и Уги, Бохай и т. д.). Коренное ихъ отечество была альпійская страна Чанъ-бо-шанъ, ея сѣверные и С.-В. скаты и отроги, рѣчная область Хулхи, верхней Сунгари и паралельныхъ меньшихъ рѣкъ—Лалинь и въ особенности Альчуку (тогда Анчунь). Проф. Васильевъ доказалъ что имя Нюй-чжень было исковеркано изъ болѣе вѣрнаго Чжурчжень, которое было общимъ названіемъ Маньчжуровъ, сохранившимся у Восточн. писателей и въ монгольской исторіи Цзанзанъ-цецена (Чжурчжитъ). Въ Гинь-

чжи ([56]) главѣ I сказано что Нюй-Чжень называютъ себя Чжу-ли-чжень (ли есть китайская транспракція звука *р*, не существующаго въ китайскомъ языкѣ). Имя же Нюй-чжень Китайцы превратили въ Нюй-чжи, потому что, какъ объясняетъ Васильевъ, по китайскому обычаю, буква (іероглифъ) встрѣчающаяся въ имени Императора не можетъ быть употреблена во все время властвованія династіи, а въ династіи Ляо, при которой имя Нюйчженей часто употреблялось въ лѣтописяхъ, былъ Императоръ Цзунъ-чжень, почему историки и принуждены были измѣнить букву *Чжень* въ *Чжи*.

Во времена киданьской династіи Ляо (907—1025) Нюйчженьцы, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ ихъ родовъ, были подвластны Киданямъ. Имя Нюйчжень появляется впрочемъ въ первый разъ въ исторіи уже въ VII вѣкѣ, во времена династіи Т'анъ, когда Маньчжурское племя Мохэ вступило въ первыя сношенія данничества съ Китаемъ. Китайскій историкъ Юй-вэнь-мао-чжао, составитель интересныхъ записокъ о Нюйчженьцахъ, переведенныхъ В. П. Васильевымъ ([57]), говоритъ что въ то время Нюй-чжень жили на В. отъ рѣки Хунъ-т'унъкяна (Сунгари), и у подошвы бѣлыхъ горъ (Чанъ-бо-шань), до моря (Восточнаго океана), и граничили на С. съ Ши-вэй, на З. съ Бо-хай, на В. съ Тѣ-ли. Страна ихъ та самая, которая называлась (въ I и II вѣкѣ) И-лэу, а потомъ (при династіи Т'анъ) землею чернорѣчныхъ Мохэ. Одно изъ ихъ шести поколѣній называлось Чжурчжень (Нюй-чжень). Значительная часть Чжурчженей состояла подъ владычествомъ Киданей и только отдаленные роды ихъ ускользнули отъ этой зависимости. Количество независимыхъ семействъ простиралось до 100000 т.: они жили разсѣянно въ горахъ и лѣсахъ, раздѣлялись на трибы въ

---

(56) Цзинь-чжи, китайское историческое сочиненіе исторія о Нюй-чженяхъ, или Гинлхъ, разработанная въ манускриптахъ В. П. Васильева.

(57) Переводъ этотъ сообщенъ мнѣ обязательно въ рукописи В. П. Васильевымъ.

1000 до нѣсколькихъ тысячъ семействъ, управляемые старѣйшинами.

Тотъ же самый историкъ сообщаетъ о Нюй-чженяхъ и о странѣ ихъ много любопытныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ мы заимствуемъ нѣкоторыя. Чжурчженьская земля весьма обильна горами и лѣсами. Почва земли способна къ воздѣлыванію конопли и посѣву хлѣба; страна производитъ жень-шэнь (Gin-seng), медъ, жемчугъ, самородное золото, тонкое полотно (?), кедровые орѣхи. Изъ птицъ водятся соколы, ястребы и кречеты, изъ животныхъ много коровъ, лошадей, кабаргъ, дикихъ собакъ (Canis corsac?), свиней, бѣлокъ и соболей. Обитатели мужественны, но коварны, жадны, мстительны, искусны въ стрѣльбѣ, любятъ рыбную ловлю и охоту, въ которой особенно искусны. Они живутъ большею частію въ горныхъ долинахъ, ограждая входы въ нихъ деревянными заборами. Дома ихъ деревянные и небольшіе, по причинѣ холоднаго климата. Зимою принуждены кутаться въ мѣха; лѣто даже самое жаркое походитъ на начало зимы въ Китаѣ.

Чжурчжени не боялись трудностей, легко выносили голодъ и холодъ, любили верховую ѣзду, легко поднимались на утесы и быстро спускались съ нихъ, переправлялись черезъ рѣки вплавь на лошадяхъ, пренебрегая лодками и паромами. Тяжести перевозили на быкахъ и мулахъ. Музыка ихъ состояла изъ барабана и флейты, пѣсни напѣвомъ своимъ уподоблялись звукамъ птицы шу-гу. Не знали медицины, но для больныхъ призывали колдуновъ (шамановъ). Когда умирали родственники, то ихъ зарывали безъ гроба; для знатныхъ сожигали въ жертву живыми ихъ любимыхъ слугъ и служанокъ и осѣдланныхъ лошадей. По дорогамъ у нихъ не было постоялыхъ дворовъ: путешественники останавливались въ домахъ жителей. На рынкахъ не было денегъ, но производилась мѣновая торговля. Въ первое число новаго года покланялись солнцу. Податей опредѣленныхъ не было, но собирали сколько понадобится. *Языкъ ихъ не сходствовалъ съ Киданьскимъ* Платье любили носить бѣ-

лаго цвѣта. Волосы ихъ спускались на плеча, и въ этомъ они также несходствовали съ Киданями; они перевивали волосы цвѣтной веревочкой, богатые украшали ихъ жемчугомъ и золотомъ; женщины же заплетали въ косы, обвиваемыя кругомъ головы. Зимою одѣвались въ мѣха, лѣтомъ въ полотно, у нихъ выдѣлываемое, потому что шелководства у нихъ не было. Потребленіе хлѣбнаго вина было очень значительно между ними. Буддизмъ былъ распространенъ между Чжурчженями также какъ и Даосизмъ. Уголовные законы были очень строги: жестокая казнь за грабежи и убійства и тѣлесныя наказанія за меньшія преступленія были въ большомъ ходу. Впрочемъ положительные законы были заимствованы несомнѣнно у Киданей и Китайцевъ.

Эти этнографическія свѣдѣнія особенно интересны потому, что они показываютъ большое сходство въ обычаяхъ и правахъ Чжурчженей съ Маньчжурами прошлаго столѣтія, а съ другой стороны значительное различіе съ Киданями. Болѣе всего важно показаніе, что Киданьскій языкъ не сходствовалъ съ Нюйчженьскимъ. За тѣмъ еще замѣчательно, что Кидани брили головы, а Нюйчженцы носили длинные волосы. И до сихъ поръ Юй-п'и-д'а-цзы береговъ Усури и Хулхи брѣютъ головы, также какъ и Гольды средняго теченія Амура, а племя Мангунцевъ нижняго носятъ длинные волосы, почему и называются у Китайцевъ Чжанъ-мяо-цзы (длинноволосыми инородцами). Основательное изслѣдованіе нарѣчій и этнографическихъ отношеній этихъ приамурскихъ племенъ можетъ пролить большой свѣтъ на исторію восточной Азіи. До такого изслѣдованія объ этнографическихъ отношеніяхъ Дунъ-Хусскихъ племенъ можно высказывать только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Сколько мнѣ кажется, на нынѣшнихъ Дауровъ, Солоновъ, Мергенцовъ и Гольдовъ можно смотрѣть какъ на представителей той Дунъ-Хусской народной группы, къ которой прежде принадлежали Кидани и Ши-вэй; а на нынѣшнихъ Маньчжуровъ и Юй-п'а-дацзы какъ на представителей другой Дунъ-Хусской народной

группы, къ которой принадлежали въ болѣе отдаленной древности: Сушэни, Илэу, Мохэ, Бохай и Чжурчжени.

Разъединенные Нюй-Чжень соединились въ концѣ XI вѣка, а въ началѣ XII (въ 1113) общимъ ихъ властителемъ является знаменитый завоеватель Агуда. Пользуясь слабостью послѣдняго киданьскаго императора, онъ собралъ войска свои на пограничной съ Киданьскими владѣніями рѣкѣ Лалинь-хэ, овладѣлъ киданьскимъ городомъ Нинъ-кянъ-чжеу, лежавшимъ на берегу Сунгари, на С. отъ Гирии и въ 1115 году принялъ титулъ императора, избравъ для своей династіи имя Гинь (Цзинь) т. е. золотой. Вслѣдъ за тѣмъ онъ нанесъ чувствительный ударъ Киданямъ взятіемъ ихъ значительнаго города Хуанъ-лунь-фу, лежавшаго въ 140 верс. отъ нынѣшняго Кай-юаня, т. е. отъ сѣверной оконечности провинціи Шэнъ-кинъ и къ в. отъ Гирии подъ 44° с. ш. на р. И-т'унъ-бира (притокѣ Сунгари), и рѣшительнымъ пораженіемъ императорскихъ войскъ. Въ 1118 году Агуда уже добрался до рѣчной области Ляо-хэ и, перейдя эту рѣку, поразилъ снова Киданей между нею и и рѣкою Да-линь-хэ. Утвердившись на Ляо-дунскомъ прибрежьѣ, онъ вступилъ въ морскія сношенія съ Дворомъ Китайской династіи Сунъ, найдя себѣ союзниковъ въ этомъ естественномъ врагѣ Киданей. Но, прежде чѣмъ Агуда рѣшился нанести окончательный ударъ своимъ еще могущественнымъ врагамъ, онъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, занялся упроченіемъ своей власти въ покоренныхъ земляхъ и приведеніемъ ихъ въ государственное устройство. Между прочимъ онъ далъ Нюй-чженямъ письмена. Въ 1120 г. за то уже онъ былъ въ силахъ овладѣть разомъ двумя изъ киданьскихъ столицъ верхнею и среднею ([58]). Въ критическихъ для царства Ляо обстоятельствахъ согласія между Киданями не было: они раздѣлились на двѣ династіи. Вспомогательныя войска царства Хя не могли спасти ихъ: Агуда вскорѣ овладѣлъ и западною столицею (на Шаньсійской окраинѣ, нынѣшній Дай-

(58) Восточная въ Ляо-дунѣ была покорена ими ранѣе.

т'ушъ-фу) и сокрушилъ здѣсь одну изъ династій; потомъ, пройдя черезъ знаменитый проходъ Гюй-юнь-гуань (т. е. нынѣшнія ворота внутренней стѣны Нань-к'эу), обратился противъ другой и скоро овладѣлъ Пекиномъ, такъ что уже въ 1122 всѣ киданьскія столицы находились въ его власти.

Въ слѣдующемъ году (1123) Агуда умеръ; Киданьскій императоръ, переходя изъ однихъ земель въ другія, продержался еще два года. Съ гибелью его, въ 1125 году, пала династія Ляо, и только часть Киданей успѣла уклониться далеко на З. въ Туранъ, гдѣ основала царство Си-Ляо, павшее въ 1201 году подъ ударами Найманьскаго Вана. Преемникъ Агуды Укимай (или Тайцзунъ) умѣлъ воспользоваться его побѣдами, вовлеченный въ войну самимъ Сунскимъ Дворомъ. Сунцы заняли южные округи царства Ляо, самъ Агуда уступилъ имъ часть своихъ завоеваній въ Срединномъ Царствѣ и даже самый Пекинъ. Но двуличная политика Сунскаго Двора скоро заставила Укимая взяться за оружіе. Онъ съ двухъ сторонъ напалъ на Сунское царство и осадилъ двѣ столицы: Пекинъ въ Чжили и Т'ай-юань въ Шаньси. Пекинъ былъ взятъ очень скоро, Сунскія войска разсѣялись, Нюй-Чженьцамъ удалось даже переправиться черезъ Хуанъ-хэ и осадить главную столицу Сунской династіи Бянь (нынѣ Кай-фынъ-фу въ Хэнанѣ). Сунскій Дворъ принужденъ былъ согласиться на постыдный миръ, уступить Нюйчженьцамъ весь сѣверный Китай до Хуанъ-хэ и заплатить 5,000,000 лапъ золота и 50,000,000 серебра контрибуціи. Нюйчженьцы удалились за Хуанъ-Хэ, но договоръ не былъ вполнѣ исполненъ. Уступленные города сопротивлялись отчаянно. Послѣ долгихъ усилій Нюйчженьцы наконецъ овладѣли силою Т'ай-юанемъ, опять переправились черезъ Хуанъ-хэ и на этотъ разъ ворвались и въ Бянъ (К'ай-фынъ-фу). Сунскій императоръ былъ сверженъ, преемники его перенесли столицу въ Нанкинъ, на берега Янъ-цзы-кяна, принявъ названіе южной Сунской династіи. Нюйчженьцы встрѣчали однакоже вездѣ мѣстныя сопротивленія въ покоренныхъ земляхъ. Война пылала въ нынѣш-

ихъ провинціяхъ Шэньси, Хэнанѣ и Шандунѣ Въ послѣдней сопротивленіе сосредоточилось около Янъ-чжеу-фу, гдѣ былъ тогда временно сунскій императоръ. Городъ былъ сожженъ Нюйчженьцами, императоръ удалился въ Нанкинъ. Нюйчженьцы наводнили нынѣшнія провинціи Кіанъ-су, 'Анъ-хой, Хубей, Хунанъ, Кіянъ-си и даже Сы-Чуань. Всѣ четыре Сунскія столицы находились въ ихъ рукахъ. Сунскій императоръ перебѣгалъ съ одного мѣста на другое.

Только съ 1130 года Нюй-чженьцы, не имѣвшіе претензіи удержать за собою всего Срединнаго царства, начали мало по малу очищать южныя провинціи, тѣмъ болѣе что имъ трудно было держаться за прорванною въ первый разъ нашествіемъ варваровъ оборонительною линіею широкаго Янъ-цзы-кіяна (Yang-Tse-Kiang), на которомъ Сунскій дворъ имѣлъ свою флотилію. Скоро Укимай и Нюй-чженьцы потерпѣли нѣкоторыя мѣстныя пораженія, только Сунскій дворъ, не будучи въ силахъ удержать за собою нынѣшней провинціи Шэньси, пожертвовалъ ею, сосредоточивъ свои силы для защиты горныхъ проходовъ плодородной и богатой Сычуани, которая была особенно важна какъ житница для Китая.

Наконецъ, послѣ кровопролитной войны, Гиньская (Нюйчженьская) династія вошла въ свои постоянные предѣлы. Миръ между Гиньскимъ и Сунскимъ дворомъ воспослѣдовалъ въ 1141 году. Границею между имперіями была назначена р. Хуай, нынѣ правый притокъ Хуанъ-хэ (впадавшаго тогда не въ Восточный океанъ, а въ Чжилійскій заливъ), а отъ истоковъ ея, въ нынѣшней провинціи Хэнанѣ, мимо Си-'ань-фу къ Хухэнорскимъ предѣламъ, такъ что только южные округи нынѣшней Шэньси остались во власти Сунцевъ.

Нюй-чженьцы достигли здѣсь своего апогея и съ тѣхъ поръ не расширяли владѣній своихъ въ Срединномъ царствѣ. Апогей этотъ продолжался менѣе одного вѣка. Междуусобія ослабили династію Гинь, не переставшую враждовать съ Сунями, и въ

началѣ XIII вѣка она не могла устоять противъ удара могущественнаго Чингисъ-Хана.

Мы переходимъ теперь къ географическимъ отношеніемъ Гиньскаго царства ([59]). Въ цвѣтущее свое время оно содержало около 45 мил. народонаселенія, заключало въ себѣ 5 столицъ и 18 провинцій.

14 изъ этихъ провинцій, съ двумя столицами, находились въ Срединномъ царствѣ. Самая удаленная западная была: 1) Линь-т'ао-лу, въ нынѣшнемъ Ганьсу близъ Хухэнорскихъ предѣловъ. Главный городъ ея находился на мѣстѣ нынѣшняго Ди-дао-чжеу (Ti-Thao-Tcheou) подъ 35° 22′ сѣв. шир., въ меридіанѣ г. Лань-чжеу (Lan-Tcheou) на р. Т'ай-хэ, правомъ притокѣ Хуанъ-хэ. Въ нынѣшней провинціи Ганьсу были у Гиней еще двѣ провинціи или дороги: 2) Цинъ-янъ-лу къ З. отъ первой, въ той же широтѣ, но въ меридіанѣ Нинъ-хя. Главный ея городъ лежалъ въ 20 вер. къ Ю.-З. отъ нынѣшняго П'инъ-ляна (Phing-Liang); 3) Фоу-янъ-лу къ С. оттуда на границахъ царства Хя. Въ нынѣшней провинціи Шэньси лежатъ двѣ дороги или провинціи. 4) Фынъ-хянь-фу и 5) Цзинъ-чжао, послѣдняя около нынѣшняго Си-'ань-фу (Si-ngan-Fu). Эти западныя земли, стѣсненныя между Сунскими и Тангутскими владѣніями, были самымъ опаснымъ пунктомъ Гиньскаго царства, и потому здѣсь и было учреждено столько провинцій. Въ нынѣшней провинціи Шэньси были слѣдующія провинціи или дороги. 6) Хэ-дунъ-нань-лу, съ главнымъ городомъ П'инъ-яномъ на Фынъ-хэ (лѣвомъ притокѣ Хуанъ-хэ), соотвѣтствовавшая южной половинѣ провинціи Шэньси; 7) Хэ-дунъ-бэй-лу, соотвѣтствующая сѣверной половинѣ Шэньси, съ главнымъ городомъ Т'ай-юань ([60]). Въ нынѣшней провинціи Чжили были четыре дороги или провинціи: 8) Чжунъ-ду-

---

(59) Всѣ матеріалы для географіи Гиньскаго царства почерпнуты въ рукописяхъ В. П. Васильева, а имъ заимствованы изъ Гинь-чжи и оффиціальной исторіи Гиньской династіи.

(60) Нынѣшній шаньсійскій городъ Дай т'унъ фу, лежащій на Шаньсійской окраинѣ, находился внѣ (южной) стѣны и былъ западной Гиньской столицею.

лу съ *средней гиньской столицей*—нынѣшнимъ Пекиномъ; 9) Хэ-бэй-су-лу и 10) Хэ-бэй-дунъ-лу къ В. оттуда и 11) Да-линь-фу-лу, занимавшая южную оконечность Чжи-ли и часть нынѣшняго Хэнана до р. Хуанъ-хэ. За рѣкою Хуанъ-хэ, въ нынѣшнемъ Хэнанѣ и 'Анъ-хой (Ngan-Hoei) до рѣки Хуай, простиралась: 12) Бянь-фынъ-фу съ *южною Гиньскою столицею* Бянь, нынѣшнимъ Кай-фынъ-фу (Kai-Fung-Fu). Наконецъ въ нынѣшней Шань-дунѣ и части Кянъ-су лежали еще двѣ провинціи: 13) Шань-дунъ-су съ главнымъ городомъ И-ду-фу, нынѣшнимъ Цинъ-чжеу (Tsing-Tcheou) и 14) Шань-дунъ-си-ху.

Но гораздо интереснѣе для насъ распространеніе Гиньскаго царства на Монгольскомъ и Маньчжурскомъ нагорьяхъ, гдѣ было у нихъ только четыре дороги или провинціи.

1) Нижняя рѣчная область Ляо-хэ, т. е. нынѣшняя провинція Шэнъ-кинъ ([61]) (древняя Ляо-дунъ), составляла дорогу или провинцію *восточной столицы*. Самою столицею этою былъ городъ *Ляо-янъ* (Liao-Yam), въ меридіанѣ Мукдэня, на рѣкѣ Дацзя-бира (Taxa Bergh, Taza d'Anv.), притокѣ Ма-нуха (Manuha), на которой расположенъ Мукдэнь. Ляо-янъ, уже современъ династіи Хань, пользовался всѣми правами первенства въ Ляо-дунѣ и назывался въ различныя времена Ляо-дунъ-гюнь, Ляо-янъ-го, Ань-дунъ-ду-ху-фу (при династіи Т'анъ), Ляо-янъ-фу и т. д. Другіе окружные города провинціи были: *Дэнъ-чжеу*, нынѣ Хай-чэнъ-хянь (Hai Tchen-Hien), преждѣ Хай-чжеу, на одномъ изъ самыхъ нижнихъ притоковъ Ляо-хэ подъ 41° сѣв. шир.; *Шень-чжеу* нынѣшній Мукдэнь; *Гуй-дэ-чжеу*, не существующій болѣе, но находившійся въ округѣ нынѣшняго Тѣ-'ли-хянь (Tie Li-Hien) на изгибѣ Ляо-хэ; *Гай-п'инъ-чжеу* нынѣшній Гай-п'инъ хянь (Kai-Phing-Hien), портъ на берегу залива къ Ю.-З. отъ Ляо-хэ; *Фу-чжеу*, существующій и нынѣ подъ тѣмъ же именемъ на Ляодунскомъ полуостровѣ; *Лай-юань-кюнь*, не существую-

(61) Исключая области Гинь-чжеу, причислявшейся тогда къ провинціи сѣверной столицы.

шій болѣе, но лежавшій къ Ю.-В. отъ Фынъ-Хуана, близъ устья Ялу-кяна и бывшій центромъ непокорныхъ Нюйчженьцевъ во времена династіи Ляо; *Ба-со-фу* не существующій нынѣ, но бывшій близъ Ялу-кяна прямо на В. отъ Фынъ-хуана.

2) Вся южная собственно Маньчжурія т. е. нынѣшнія воеводста Гирінь и Сахалянь составляли провинцію или дорогу *верхней столицы*. Столица эта, первая Нюй-чженьскаго царства, называлось *Хой-нинъ-фу* и имѣла титулъ *Шань-кинъ* верхней столицы). Положеніе этой верхней столицы опредѣляется обыкновенно китайскими географами не вѣрно. Китайскія и маньчжурскія преданія полагаютъ что она находилась въ 60 ли (30 верс.) къ Ю.-З. отъ Нингуты, на правомъ берегу Хулхи, гдѣ дѣйствительно, по свидѣтельству китайской государственной географіи ([62]), и нынѣ находится земляной валъ, окружностью въ 30 ли (15 верстъ), съ семью воротами, а внутри его развалины города, окружностью въ пять ли, съ остаткомъ дворцовыхъ зданій. Профессоръ Васильевъ доказалъ однакоже что Гиньская столица не была здѣсь, потому что этому противурѣчатъ и показаніе Гиньской исторіи и дорожники посланниковъ, отправленныхъ къ Гиньскому императору У-кимаю (Тай-цзуну) Сунскимъ дворомъ. Именно въ Гиньской исторіи сказано, что Хой-нинъ-фу лежалъ въ 630 ли (болѣе 300 в.) къ З. отъ Хулхасской дороги, т. е. отъ долины р. Хулхи, между тѣмъ какъ Нингута лежитъ совершенно въ ея центрѣ. Кромѣ того, по свидѣтельству упомянутыхъ посланниковъ, отъ Хой-нинъ-фу до рѣки Лалинь, составлявшей прежнюю границу киданьскихъ и нюйчженьскихъ земель, считается 145 ли (70 верстъ) или два дня пути. Понятно что Нюйчженьцы учредили свою первую столицу, хотя еще съ внутренней стороны своихъ прежнихъ предѣловъ, но на рубежѣ ихъ, для необходимаго надзора надъ только что покоренными киданьскими землями, точно также какъ позднѣйшіе Маньчжуры (нынѣшняя

(62) Іоакимовъ Статист. Описаніе Китайской Имперіи Ч. II, стр. 274.

династія Да-цинь) въ Хэтугала или Хинъ-кинѣ (Синъ-цзинѣ) на рубежѣ китайскаго Ляодуна. Слѣдовательно Гиньская верхняя столица не могла быть на Хулхѣ, а такъ какъ она была построена на берегу рѣки, то означенное разстояніе не можетъ привести насъ ни къ какой другой рѣкѣ кромѣ Альчуку, притока Сунгари. Это подтверждается и географическимъ отдѣломъ Гиньской исторіи, въ которомъ, послѣ перечисленія главныхъ зданій города, положительно сказано что они находились на самомъ берегу рѣки Анъ-чуни т. е. нынѣшней Альчуку. Слѣдовательно Хой-нинъ-фу находился на рѣкѣ Альчуку, вытекающей изъ горы Сунъ-а. Недалеко отъ истоковъ ея въ горныхъ долинахъ вѣроятно была и самая родина семейства Агуды, которому можетъ быть пришло на умъ дать династіи своей названіе золотой (Гинь, Цзинь), потому-что Анъчунь было тоже слово что нынѣ Ай-жинь и означало золото. Китайскіе географы же спутали положеніе Хой-нинъ-фу — верхней Гиньской столицы, потому-что на сказанномъ мѣстѣ на р. Хулхѣ стояла Бо-хай-шань-кинъ т. е. верхняя столица Бохайскаго царства, которая, какъ кажется, служила съ самаго начала временной резиденціею Агудѣ, между тѣмъ какъ Хой-нинъ-фу сдѣлался столицею только при Укимаѣ.

Мы можемъ назвать, кромѣ Хой-нинъ-фу и Бо-хай-шань-кинъ, еще нѣкоторые другіе Гиньскіе города въ провинціи верхней столицы. Такъ напр. Чжао-чжеу сдѣланъ былъ окружнымъ городомъ изъ мѣстечка Чжу-хэ-дянъ въ 1118 году, потому-что здѣсь Агуда въ первый разъ побѣдилъ Киданей и провозгласилъ себя императоромъ. Городъ этотъ находился на Сунгари, къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Бэ-дунэ. Далѣе къ Ю.-З. лежалъ округъ Лунь-чжеу, составленный изъ киданьскаго города Хуанъ-лунь-фу, который находился прямо на В. отъ Гириня на р. И-т'унъ-бира, лѣвомъ притокѣ Сунгари. Къ С. отъ Чжао-чжеу т. е. за среднимъ теченіемъ Сунгари къ Амуру, всѣ земли принадлежали къ Гиньскому округу или области Бо-юй. Китайскіе географы видятъ въ этомъ названіи Фу-юй, а В. П. Васильевъ

полагаетъ что названіе Бо-юй и донынѣ удержалось въ имени озера Бопръ. Самый же округъ Чжао-чжеу лежалъ на древнихъ Фу-юйскихъ земляхъ. Область же Бо-юй занимала нынѣшнія земли Цицикарскаго воеводства. Конечно на С.-В. отсюда граница Гиньскаго царства не была опредѣлена въ точности. Исторія говоритъ что она не доходила до моря, а простиралась до земель дикарей Чжирамынь и У-ди. Послѣднее названіе, по мнѣнію Васильева, сохранилось въ названіи рѣки Уди и Удскаго края. Не удивительно что владычество Гиней распространилось въ эту страну такъ далеко, потому-что за предѣлами областнаго города оно было только номинально, не будучи поддержано никакими городами или постоянными поселеніями. Городовъ же и поселеній Нюй-чженцы не основывали здѣсь, потому-что или они были безсильны, или не ожидали отсюда никакой опасности. Исторія же (Да-гинь-го-чжи) много разъ упоминаетъ объ обитавшемъ за Амуромъ (за среднимъ его теченіемъ), къ С.-В. отъ Нюй-чженьцевъ, обширномъ, воинственномъ и опасномъ для династіи Гинь племени Мэнъ-гу или Мэнь-ву. Это воинственное племя, хотя и было подчинено Нюй-чженьцамъ, но во все продолженіе владычества династіи Гинь очень часто бунтовало противъ нея и побѣждало Гиньскія войска. Въ Да-гинь-го-чжи много разъ упоминается о такихъ сраженіяхъ и войнахъ съ Мэнъ-гу (Кн. IX. 2, XI, XII. 1, 2, XVII. 4, XX. 2.). Въ одномъ мѣстѣ (XII. 2.) находится самое замѣчательное показаніе о Мэнъ-гу, именно что послѣ побѣдъ, одержанныхъ ими надъ Нюйчженьцами, императоры Гиньской династіи уступили имъ обширныя земли (27 округовъ) на С. отъ р. Сп-пѣнъ-хэ т. е. Кэрулэни.

Вопросъ объ этихъ Мэнъ-гу есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ въ этнографіи Азіи, потому-что одно обстоятельство несомнѣнно, именно что отъ имени Мэнъ-гу (Монъ-гу), происходитъ названіе Монголовъ.

Но остается еще прояснить очень важные вопросы. Были ли Мэнъ-гу маньчжурскимъ или такъ называемымъ монгольскимъ племенемъ по языку своему, т. е. тождественны ли они съ Мон-

голами Чингисъ-хана или съ Мохэцами восточной Маньчжуріи. В. П. Васильевъ полагаетъ что названіе Монголовъ было прежде неизвѣстно между народомъ Чингисъ-хана, обитавшимъ на Орхонѣ и верхней Селенгѣ и говорившимъ нынѣшнимъ монгольскимъ языкомъ, а что оно есть позднѣйшая выдумка Тэмучина, который, принявъ названіе Чингисъ-хана вздумалъ, по примѣру Киданьской династіи Ляо и Нюй-чженьской Гинь, дать особое названіе своей династіи и своему царству, и какъ врагъ Гиней выбралъ для того имя Мэнъ-гу, доселѣ самыхъ мужественныхъ ихъ враговъ.

Это объясненіе очень остроумно, но мнѣ кажется что Мэнъ-гу и Монголы Чингисъ-хана есть одно и тоже племя, обитавшее въ XII в. на Амурѣ, какъ въ среднихъ частяхъ его, такъ и въ верховьяхъ составляющихъ его рѣкъ, различное отъ коренныхъ Мо-хэ, и говорившее не маньчжурскимъ, а монгольскимъ языкомъ. На такое мнѣніе наводятъ невольно два обстоятельства: именно еще ранѣе въ Киданьской исторіи между сосѣдями Киданей уже упоминается племя Мэнъ-гу-ли или Мэнъ-гу прямо на С. отъ Гоби, т. е. въ тѣхъ же странахъ, въ которыхъ позднѣе является Чингисъ-ханъ. Другое обстоятельство есть то, что въ Да-гинь-гочжи XVII. 2. сказано, что еще при Танской династіи (618—905) было на С.-В. государство Мэнъ-гу, но что и на С.-З. было Мэнъ-гу, и трудно согласить что и тѣ и другіе имѣютъ одно и тоже имя. Если же вспомнимъ что настоящимъ, С.-В Мэнъ-гу императоры династіи Гинь принуждены были уступить земли на С. отъ Кэрулэна, и что слѣдовательно Мэнъ-гу находились нетолько на С.-В. и С.-З. Гиньскаго царства но и на С. отъ него, тогда очень возможно предположить что Мэнъ-гу уже съ XI в. огибали большою дугою съ С. царство Ляо, а потомъ Гинь. Разумѣется все это есть только ипотеза, можетъ быть не болѣе вѣроятная чѣмъ объясненіе Васильева, и нужно ожидать отъ дальнѣйшихъ изысканій окончательнаго рѣшенія разсматриваемаго нами, столь важнаго этнографическаго вопроса. Изысканія эти болѣе чѣмъ возможны, и на нихъ мы обращаемъ особенное вни-

маніе отечественныхъ изслѣдователей. Именно журналы новѣйшихъ нашихъ экспедицій знакомятъ насъ съ приамурскимъ племенемъ Мангунцевъ: и мѣстообитаніе, и имя ихъ показываютъ что эти Мангунцы суть тоже самое, что древніе Мэнъ-гу XII в. Стоитъ только изучить съ нѣкоторою критикою коренной языкъ ихъ, и тогда вопросъ о томъ были ли нынѣшніе Монголы тождественны съ древними Мэнъ-гу или только заимствовали отъ нихъ свое имя, прояснятся самъ собою, а этнографіи Азіи будетъ оказана огромная услуга.

На В. отъ Хулхасской области владычество Гиней простиралось нѣсколько далѣе дѣйствительнаго владычества нынѣшнихъ Маньчжуровъ, хотя и не доходило до океана. Тамъ находилась область Сюэ-п'инъ или Шуй-п'инъ, въ 1100 ли (550 в.) отъ Хулхи, слѣдовательно областной ея городъ былъ расположенъ вѣроятно на берегахъ Усури, гдѣ нынѣшніе Маньчжуры городовъ не имѣютъ. Номинальное владычество Гиней распространялось еще далеко отсюда на С.-В., до самыхъ устьевъ Амура. На Ю.-В. Гиньское царство простиралось до нынѣшней Корейской границы, т. е. устьевъ р. Ми-кяна (Тумыни-улы), которая уже упоминается въ Гиньской исторіи, потому-что Тумыньскіе старшины бунтовали противъ Агуды.

3) Провинція или дорога *сѣверной столицы* (Бей-цинъ) занимала Ляоскую альпійскую страну и древній Ляо-си. Сѣверная столица *Дай-цинъ-фу*, бывшая средняя столица (Чжунъ-цинъ) царства Ляо, лежала нѣсколько южнѣе 42° с. ш. на р. Лохѣ, гдѣ, какъ мы старались доказать, ее видѣлъ Псбрандъ (см. выш. ст. 302). Провинція сѣверной столицы распространилась на С. до Лунь-цзюй, иначе Да-хань-бира, рѣки, принимаемой за нынѣшнюю Кэрулэнъ.

4) Провинція или дорога *западной столицы* (Си-цинъ) заключала въ себѣ, кромѣ нынѣшнихъ междустѣнныхъ областей Шаньсійской и Чжилійской провинцій (Дай-т'унъ-фу и Сюаньхуа-фу), еще и значительную часть Монголіи. Западная столица была *Дай-т'унъ-фу*, бывшая западною же столицею царства Ляо. На горной окраинѣ было у Нюйчженьцевъ много горо-

довъ. Между ними мы можемъ назвать напр. *Хуанъ-чжеу*, прежній Шангу, котораго развалины на Шанду-голѣ называются нынѣ Хуртунь-балгассу и отстоятъ въ 90 вер. отъ воротъ Души-к'эу; *Фу-чжеу* котораго развалины, въ 50 вер. къ С. отъ Калгана, называются нынѣ Хара-балгассу. Отъ этихъ городовъ къ С. настоящая Гиньская граница проходила не очень далеко— въ 100 — 150 вер. Конечно это были нормальныя границы, а номинальное владычество распространялось очень далеко черезъ всю степь Гоби, которой племена, какъ напр. сеймь Кэраитовъ, даже племя самыхъ Чингисъ-хановыхъ Монголовъ, находились въ вассальной зависимости отъ Гиньской династіи.

Мы сказали уже что къ началу XIII вѣка Гиньская династія была очень слаба, не смотря на обширное еще распространеніе своего царства. Съ 1206 г. когда Монгольскій Тэмучинъ, по покореніе Кэраитовъ и Найманей, принялъ титулъ Чингисъ-Хана, началъ онъ помышлять о покореніи Гиньскаго (Нюй-Чженьскаго) царства, отъ котораго, вмѣстѣ съ другими племенами Монгольскаго народа, былъ прежде въ вассальной зависимости. Но первыя столкновенія съ Нюй-чженьцами произошли только въ 1210 году. До тѣхъ поръ Чингисъ-Ханъ былъ занятъ приготовленіями и обезпеченіемъ себя на Западѣ, гдѣ онъ уже если не покорилъ, то по крайней мѣрѣ ослабилъ царство Хя (Ши-хя) на Хуанъ-хэ. Нюй-чженьцы, боясь за свою западную столицу (Дай-т'унъ-фу) начали укрѣплять горныя ущелья, ведущія черезъ горы, по которымъ нынѣ проходитъ внѣшняя линія великой стѣны, тогда не существовавшая. Главная крѣпость ихъ называлась Ву-ша-п'у. Она вѣроятно находилась на мѣстѣ нынѣшнихъ воротъ Те-шинь-к'эу (Te-Shing-Keou). Въ началѣ 1211 года (36) Чингисъ-Ханъ въ первый разъ явился на окраинѣ Монгольскаго нагорья. Одинъ изъ первыхъ взятыхъ имъ Гиньскихъ городовъ былъ Фынъ-ли, лежавшій вѣроятно на

(63) См. Іакинфа истор. первыхъ четырехъ Хановъ дома Чингисова С. П. Б. 1829 г. ст. 45 и далѣе.

однимъ изъ притоковъ Чжуха-гола, притока Янъ-хэ, потомъ была взята крѣпость Бу-ша-п'у. Это предало въ руки Чингисъ-Хана западную столицу Дай-т'унъ-фу оставленную гарнизономъ. Отсюда Чингисъ обратился на Калганскую дорогу. Здѣсь онъ овладѣлъ городомъ Фу-Чжеу (см. выше), въ 50 вер. отъ нынѣшняго Калгана, потомъ городомъ Сюань-дэ, т. е. нынѣшнимъ Сюань-хуа-фу. Въ это время отряды его заняли Чжилійскую и Шаньсійскую окраину, начиная отъ Шань-хай-гуаня (тогда Линь-хуань) и Юнь-п'ина (тогда Пинъ-чжеу) на В., до города Дай-чжеу и знаменитаго прохода Яй-мынь-гуаня въ пров. Шаньси на З., и далѣе до изгиба Хуанъ-хэ. На берегахъ Хой-хэ (Kouei-ho карт. Клапр.), притока р. Санъ-канъ-хэ (Sang-Kan-Ho), Нюй-Чженцы были совершенно разбиты, и даже средняя ихъ столица, резиденція императоровъ—Чжунъ-ду-лу (нынѣшній Пекинъ) подверглась осадѣ, но спаслась мужественною обороной. Монголы отступили и Нюй-Чженьцы опять заняли взятые у нихъ и опустошенные города. Въ 1212 г. Чингисъ-Ханъ опять явился на окраинѣ и осаждалъ западную столицу (Дай-т'унъ-фу), но раненый стрѣлою принужденъ былъ отступить. Въ то же время одинъ изъ его генераловъ, проникнувъ въ Ляо-дунъ (нынѣшній Шэнъ-кинъ), т. е. въ Маньчжурскія владѣнія Гиней, овладѣлъ ихъ восточною столицею—Ляо-яномъ. Въ 1213 году Чингисъ-Ханъ, слѣдуя по Калганской дорогѣ, вторгнулся опять въ Китай. Городъ Сюань-хуа-фу былъ взятъ; на этотъ разъ пала обойденная Монголами съ южной стороны знаменитая крѣпость Кюй-юнъ-гуань (Цзюй-юнъ-гуань), близъ воротъ Нань-к'эу. Между Нюй-чженями не было согласія. Слабый Гиньскій императоръ былъ убитъ однимъ изъ своихъ полководцевъ, и на мѣсто его былъ поставленъ другой. На берегахъ Хой-хэ Монголы опять одержали рѣшительную побѣду: первая оборонительная линія Китая была окончательно прорвана. Монголы наводнили всю Чжилійскую провинцію и проникли даже въ Шань-дунъ и до Хуанъ-хэ. Сѣверная часть нынѣшней пров. Хэнань была также ими покорена. На Сѣверѣ

отъ Желтой рѣки только средняя столица (Пекинъ) и 9 городовъ еще держались. Потомки династіи Ляо (Киданьской) возстали на берегахъ Шара-мурэни. Большая часть застѣнныхъ провинцій были потеряны для династіи Гинь.

Но на этотъ разъ Чингисъ-Ханъ даровалъ еще въ 1214 г. миръ Гиньскому императору, который заплатилъ ему родъ дани и выдалъ за него княжну — дочь своего предшественника. Но устрашенный императоръ перенесъ свою резиденцію въ южную столицу Бянъ (Кай-фынъ-фу), т. е. за вторую оборонительную линію Хуанъ-хэ. Чингисъ-Ханъ, раздраженный недовѣріемъ, опять началъ войну съ наступленіемъ осени (1214). Двѣ столицы — сѣверная (Дай-нинъ на Лоха) и средняя (Пекинъ) были осаждены разомъ. Весь Ляо-си былъ покоренъ Монголами; Гиньскіе полководцы одинъ за другимъ передавались Чингисъ-Хану; столицы еще держались.

Въ началѣ 1215 г. сѣверная столица была наконецъ взята. У Ба-чжеу (къ Ю. отъ р. Санъ-капъ-хэ въ меридіанѣ Пекина) Нюй-чженьскіе войска, посланныя на помощь средней столицѣ (Пекину), были разбиты; столица защищалась упорно. Съ наступленіемъ жаровь Чингисъ-Ханъ принужденъ былъ удалиться на нагорье въ Хуанъ-чжеу. Это мѣсто есть нынѣшняя развалина Хуртунь-балгассу на Шанду-голѣ, къ С.-З. отъ Долонъ-нора. Въ концѣ лѣта Нюй-чженьскій главнокомандующій, доведенный до крайности долговременною осадою столицы, отравился, и вслѣдъ за тѣмъ Чингисъ-ханъ получилъ извѣстіе о взятіи Пекина. Городъ подвергся страшному опустошенію; пожаръ продолжался цѣлый мѣсяцъ. Монголы напали на вторую оборонительную линію, т. е. на Желтую рѣку, проникли за нее, дошли до южной столицы (Кай-фынь-фу, тогда Бянъ), но тамъ были отражены.

Въ 1216 году В. земли прежняго царства Ляо (рѣчной области Шара-мурэни) покорились Монголамъ. Но въ этомъ году новыя ихъ попытки противъ южной Гиньской столицы еще не удались.

Мухури, лучшій изъ генераловъ Чингисъ-Хана, продолжалъ завоеванія въ срединномъ царствѣ. Самъ же Чингисъ-Ханъ, не могшій акклиматироваться въ Китаѣ, пребывалъ на Монгольской окраинѣ. Хотя въ слѣдующіе годы (1217 — 1223) война шла съ успѣхомъ и Монголы покоряли Гиньскія области въ Шаньси и Шэньси одну за другою, на оборонительной линіи Хуанъ-хэ они встрѣтили упорную защиту и трудно преодолимыя препятствія. Чингисъ-Ханъ очень хорошо зналъ что когда Гиньское царство будетъ покорено и дѣло дойдетъ до лежащаго за нимъ Сунскаго, препятствія еще усилятся, и это вѣроятно побудило его (съ 1219 г.) обратиться на западныя страны, гдѣ онъ искалъ обхода, для того чтобы напасть съ фланга на Гиньское, а потомъ и Сунское царства.

Въ 1222 г. Мухури совершенно окончилъ завоеваніе Гиньскихъ земель на С. отъ Хуанъ-хэ, въ то время когда Чингисъ-Ханъ велъ войны на отдаленномъ Западѣ. Смерть Мухури въ 1223 г. остановила на нѣкоторое время дальнѣйшіе успѣхи Монголовъ въ срединномъ царствѣ.

Въ 1227 году Чингисъ-Ханъ, возвратившійся изъ своихъ дальнихъ походовъ на З., дѣйствительно, по покореніи царства Хя, явился во флангѣ срединнаго царства, занявъ горные проходы, ведущіе изъ провинціи Ганьсу въ Шэньси. Хотя смерть постигла его тамъ въ томъ же году, успѣхъ Монголовъ въ срединномъ царствѣ съ этаго времени былъ обезпеченъ. Въ 1234 г. царство Гинь пало подъ ударами Угэдея (Октая), преемника Чингисъ-Ханова ([64]), Въ 1270 пала и династія Сунъ и все срединное царство было покорено Монголами.

Здѣсь начинается значительный перерывъ въ исторіи взаимнодѣйствія Вост. Азіатс. нагорья и срединнаго царства. Самобытность Ляосской альпійской страны была совершенно уничтожена смѣшеніемъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ, а да-

---

(64) См Іакинов истор. перв. четырехъ Хановъ дома Чингисова С. П Б. 1829 ст. 230.

лѣе на В. Тунгузскія племена, съ паденіемъ Гиньской династіи, пришли въ безсиліе; Маньчжурія, перенесшая весь цвѣтъ пріобрѣтенной ею цивилизаціи въ Срединное Царство, на нѣкоторое время одичала. Самымъ центромъ Маньчжуріи (округомъ Цзянь-чжеу) управлялъ монгольскій темникъ ([65]), въ нынѣшней Ниигутѣ и Одоли были монгольскіе гарнизоны.

Такъ было во все время властвованія въ Китаѣ династіи Юань (Чингисъ-Ханидовъ, 1260 — 1368). Хотя нынѣшніе Маньчжу начинаютъ играть историческую роль, во вліяніи своемъ на срединное царство, только съ началомъ XVII вѣка, возрожденіе племенъ Маньчжуріи уже началось гораздо ранѣе, именно въ концѣ XIII вѣка, въ послѣдніе времена Юань и при началѣ властвованія династіи Минь. Къ этому времени (1368 — 1398) относитъ существованіе Айжинь-гіоро, перваго историческаго предка Маньчжурской династіи, основательный изслѣдователь происхожденія и первыхъ дѣлъ Маньчжурскаго дома—Горскій ([66]). Горскій доказалъ съ большимъ вѣроятіемъ ([67]), что Айжинь-Гіоро былъ одинъ изъ потомковъ Гиньской династіи и что нынѣшнія Да-циньская или Маньчжурская династія есть только возрожденіе Гиньской ([68]).

При Миньской династіи собственно Маньчжурія состояла изъ трехъ округовъ ([69]): *Цзянь-чжеу*, *Хай-си-вэй* и *Ѣ-жень-вэй*. Маньчжурскія же племена составляли четыре конфедераціи: 1) *Маньчжурскую*, состоявшую изъ аймаковъ Сухсу-ху, Хунь-хэ, Вангянь, Донго и Чжѣчэнь, 2) *Чанъ-бо-шаньскую*—изъ аймаковъ Нэйѣнь и Ялу; 3) *Хулуньскую* — изъ аймаковъ Ѣхэ, Хада, Хойфа, Ула и 4) *Дунъ-хайскую* изъ аймаковъ Вонзи, Варха и Хурха.

---

(65) См. Горскаго о происхожденіи родоначальника нынѣ царств. дин. Цинъ. Въ Труд. чл. Пекин. миссіи. Ч. I. 1852. ст. 219.

(66) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Пек. миссіи. Ч. стр. 215.

(67) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Пек. миссіи. Ч. I. ст. 231.

(68) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Пек. миссіи. Ч. I. 232.

(69) См. Горскаго начало и перв. дѣла Маньчж. дома въ Тр. Пек. миссіи. Ч. I. ст. 39.

Округъ Цзянь-чжеу занималъ самое сердце коренной Маньчжуріи—верховья Хурхи и Сунгари отъ Нингуты до Хинъ-кина (Синъ-цзина). Къ нему то и относились Маньчжурскій и Чанъ-бо-шаньскій сеймы. Округъ *Хай-си-вэй* распространялся отъ Гирина до изгиба Шара-мурэни и къ нему принадлежалъ Хулуньскій сеймъ, самый могущественный. Округъ *Ё-жень-вэй* распространялся за Хурхою черезъ дремучіе лѣса къ Усури и Восточному океану, и къ нему принадлежалъ сеймъ Восточнаго моря — Дунъ-хайскій. Округъ Цзянь-чжеу былъ родовымъ аймакомъ Гиньской династіи, потому то болѣе чѣмъ вѣроятно что его наслѣдственные правители, къ которымъ принадлежалъ и Айжинь-гіоро (родоначальникъ Маньчжурской династіи), были прямыми ея потомками.

Въ маньчжурскомъ словарѣ ([70]), изданномъ въ 1708 г., по повелѣнію императора Канъ-хи, Горскій нашелъ самое безискусственное сказаніе о происхожденіи маньчжурскаго дома. Тамъ сказано: «Тай-цзу (перв. маньчжурскій завоеватель) происходилъ изъ фамиліи Гіоро, получившей начало свое при горѣ Чанъ-бо-шань, которая простирается въ вышину на 200, въ окружность на 1000 ли. На вершинѣ ея находится озеро Тамунь, окружн. 80 ли, при подошвѣ ея берутъ начало свое рѣки Ялу, Хунъ-тунь и Айху. Ай-жинь-гіоро, поселился на восточной сторонѣ Чанъ-бо-шани, въ степи Омохой, городѣ Одоли, усмирилъ мятежи и далъ государству названіе Маньчжу. Впослѣдствіи резиденція была перенесена въ Хэгу-ала, нынѣшній Ѣндэнь (по кит. Хинъ-кинъ, въ сѣв. произн. Синъ-цзинъ)». Этотъ простой разказъ былъ уже прикрашенъ вымыслами и превращенъ въ сагу о небесной дѣвѣ, спустившейся на озеро горы Чанъ-бо-шань и родившей чуднаго младенца Ай-жинь-гіоро, китайскими писателями. Горскій ясно доказываетъ китайское происхожденіе этой саги ([71]). Ай-жинь-гіоро во всякомъ

(70) Маньчжу-гизунь и булэку битхэ, см. Горскаго о происхожд. и т. д. въ Тр. Чл. Пек. мисс. Ч. I, стр. 192.

(71) См Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Труд. Чл. Пек. мисс. Ч. I. стр. 206, 208 и др.

случаѣ соединилъ подъ своею властью три маньчжурскіе рода въ городѣ Одоли. Одоли находится непосредственно на древнихъ нюйчженьскихъ земляхъ въ верховьяхъ Хулхи, въ 330 ли (165 верс.) къ Ю.-З. отъ Нингуты, и по управленію относится къ Хинъ-кинскому (Синъ-цзинскому) округу ([72]).

Имя Гіоро встрѣчается не разъ въ географич. названіяхъ Маньчжуріи. Такъ называется напр. рѣчка, текущая изъ Гиринь-ской области въ Шэнъ-кинскую и впадающая въ р. Дэй-цинъ, системы Ляо-хэ; такъ называется также небольшое укрѣпленіе въ 4 ли отъ развалинъ Бо-хайской столицы, почитаемой китайскими географами за развалины верхней Нюйчженьской столицы ([73]). Имя Гіоро есть фамильное имя предковъ маньчжурской династіи, Айжинь указываетъ на происхожденіе этой фамиліи отъ династіи Гинь, которое Горскій доказалъ еще другими доводами. Что же касается до имени Маньчжу, которое также принадлежало Ай-жинь-гіоро и было имъ сообщено народу его, то оно, по прекрасному, критическому объясненію Горскаго, было не новое, а существовало и прежде у Мохэ и Ши-вэй какъ титулъ, и значило *главный начальникъ*. Въ этомъ смыслѣ противупоставлено оно императоромъ Кянъ-лунемъ слову Чжушень — рабъ ([74]). Нѣтъ ничего удивительнаго что Айжинь-гіоро, у котораго этотъ титулъ обратился какъ бы въ собственное имя, сообщилъ его основанному государству.

Дѣти и потомки Айжинь-гіоро продолжали быть наслѣдственными Ду-ду или главами сейма наслѣдственнаго Гиньскаго аймака — Цзянь-чжеу ([75]), и пребывать въ Одоли, до тѣхъ поръ пока, черезъ нѣсколько поколѣній, въ судьбѣ властительной фамиліи Гіоро не произошло переворота. Какъ ни затемненъ переворотъ этотъ чудесными вымыслами китайскихъ пи-

(72) Горскаго о происх. и т. д. въ Тр. Ч. Пек. А. Ч. I, стр. 24.

(73) Id. также стр. 211.

(74) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Чл. Пек. мисс. Ч. I, ст. 242 243.

(75) Горскій доказалъ это изъ сличенія показаній кит. авторовъ, см. Горск. о происх. и т. д. въ Тр. Чл. Пек. мисс. Ч. I, стр. 212.

сателей, изслѣдованія Горскаго привели его къ заключенію, что все дѣло было въ томъ, что одинъ Ду-ду (правитель) изъ фамиліи Гіоро былъ убитъ; сынъ же его, именемъ Чжао-цзу, спасшійся отъ преслѣдованія своихъ враговъ, вскорѣ возстановилъ властительную фамилію Гіоро, только уже не въ Одоли, а гораздо далѣе къ Ю.-З. оттуда, въ правомъ округѣ Цзянь-чжеу, избравъ своею резиденцію городокъ Хэту-ала, названный потомъ Ѣдень, по китайски Хинъ-кинъ (по сѣв. произн. Синъ-цзинъ), на С.-В. Шэнъ-кинской провинціи. Объ этомъ городѣ мы уже имѣли случай говорить выше (см. стр. 215). Начиная отъ этаго времени родоначальники маньчжурскаго дома, изъ которыхъ пятое колѣно составлялъ знаменитый завоеватель Тай-цзу, всѣ уже исторически извѣстны. Сыновья Синъ-цзу, внука Чжао-цзу, построившіе 5 городовъ около Хэту-ала и были тѣми 6-ю патріархами-князьями, о которыхъ упоминаетъ Риттеръ (см. выше стр. 194).

Тайцзу же, сынъ одного изъ этихъ Бэйлэ (князей), былъ настоящимъ основателемъ маньчжурскаго могущества. Онъ рѣшился взяться за оружіе тогда, когда отецъ его былъ убитъ Китайцами. Съ 1583 года началъ онъ ([76]) замѣчательную борьбу съ Китаемъ, въ которой перевѣсъ могли ему доставить только его необыкновенное мужество, твердость воли и замѣчательныя дарованія. Съ первымъ успѣхомъ нашлись и союзники въ сосѣднихъ аймакахъ, и уже къ 1586 году Тай-цзу соединилъ весь Цзянь-чжеу подъ своею властью, а Миньскій дворъ принужденъ былъ выдать ему убійцу отца его и дать пышные титулы. Черезъ нѣсколько лѣтъ Тай-цзу одержалъ уже верхъ въ опасной борьбѣ съ сосѣднимъ и могущественнымъ Хулуньскимъ сеймомъ, и послѣ того явился просвѣтителемъ своего юнаго государства, давъ ему письмена и законы. Въ тоже время онъ расширилъ предѣлы своихъ владѣній до Восточнаго океана и,

---

(76) Горскаго начало и первыя дѣла маньчжурскаго дома въ Труд. Пек. мисс. Ч. I, стр. 35.

привлекая къ себѣ подчиняемыя племена области Ѣ-жень, подвигалъ центръ тяжести своего государства все ближе и ближе къ предѣламъ Китая.

Въ 1618 году, сокрушивъ уже и подчинивъ окончательно значительную часть Хулуньскаго сейма, исключая аймака Ѣхэ, Тай-цзу вступилъ въ рѣшительный походъ противъ Китая, поддерживавшаго враждебный ему аймакъ. Первая побѣда была одержана Тай-цзу на берегахъ р. Хунъ-хэ; съ 50000 войска онъ разбилъ по одиначкѣ корпусы въ 5 разъ сильнѣйшаго непріятеля. Въ 1621 году Шэнь-янъ или Мукденъ былъ взятъ Маньчжурами, въ слѣдствіе чего земли на В. отъ Ляо были потеряны для Китайцевъ.

Въ концѣ того же года Маньчжуры перешли черезъ р. Ляо; городъ Гуань-нинъ-хянь былъ взятъ, и весь Ляо-си до самаго Шань-хай-гуаня былъ наводненъ ими. Но Маньчжуры, опустошивъ эту провинцію, возвратились за Ляо, и, озабоченные устройствомъ столицы въ Мукденѣ, 4 года не предпринимали ничего противъ Китая. Только въ 1626 г. война возобновилась. Во время этого похода маньчжурскій ханъ безуспѣшно осаждалъ городъ Нинъ-юань, гдѣ встрѣтилъ пушки и мужественное сопротивленіе, разбилъ однакоже два китайскіе лагеря и вскорѣ по возвращеніи изъ похода въ Мукденъ окончилъ жизнь (77).

При преемникѣ Тай-цзу, Тай-цзунѣ, Ляосская альпійская страна и Корея прежде всего подчинились Маньчжурамъ: первая добровольно, вторая силою. Въ 1627 г. они перешли Ляо, приблизись къ Далинь-хэ, но встрѣтивъ всю оборону сосредоточенною въ Ляоси, послѣ неудачной осады Нинъ-юана и Киньчжеу (Цзинь-чжеу), принуждены были отступить Тогда Тай-цзунъ рѣшился (въ 1629 г.) пройти черезъ Ляосскую альпійскую страну и напасть на Китай съ другой стороны. Маньчжурамъ удалось прорваться черезъ Великую стѣну при Хи-фынъ-

(77) Горскаго нач. и перв. дѣла маньчжурск. дома въ Тр. Чл. Пек. миссіи. Ч. I, стр. 93.

к'эу и первый городъ Срединнаго царства или взятый былъ Цзюнъ-хуа-фу. Въ 10 верст. отъ Пекина Тай-цзунъ разбилъ всѣ войска, сосредоточенныя для защиты столицы, но перѣшился еще на этотъ разъ вступать въ Пекинъ, и возвратился въ Мукдэнь, покоривъ еще нѣсколько городовъ на возвратномъ пути, между прочимъ Юнъ-п'инъ. Но такъ какъ въ тылу оставшихся въ этихъ городахъ гарнизоновъ находился Шань-хай-гуань и непокоренная часть Ляо-си, то, по отбытіи Тай-цзуна, Китайцамъ не трудно было, напавъ на Маньчжуровъ съ двухъ сторонъ, выгнать ихъ изъ Срединнаго Царства. Война возобновилась только въ 1631 году въ Ляо-си, потому что Тай-цзунъ понялъ, что здѣсь находился ключь позиціи всей китайской обороны. На этотъ разъ Тай-цзунъ, послѣ блистательной побѣды, овладѣлъ крѣпостью Да-линь-хэ, благодаря введеннымъ имъ въ свои войска пушкамъ. Городъ Кинь-чжу представилъ однакоже хану опять непреодолимое препятствіе. Потому Тай-цзунъ опять направился черезъ Ляосскую страну вдоль окраины нагорья, покорилъ на этотъ разъ Чахаровъ и доходилъ до Ху-ху-хотоня. Между тѣмъ упадокъ Миньской династіи уже выражался въ Срединномъ Царствѣ мятежами въ западныхъ и восточныхъ провинціяхъ. Въ Маѣ 1636 Тай-цзунъ, окруженный уже толпою вассальныхъ монгольскихъ князей, принялъ императорскій титулъ, давъ династіи своей имя Да-цинь, а правленію своему Чунъ-дэ ([78]). Въ томъ же году новый императоръ предпринялъ походъ противъ непокорной Кореи, окончившійся взятіемъ столицы и совершеннымъ смиреніемъ со всѣхъ сторонъ окруженнаго маньчжурскими войсками корейскаго короля. По возвращеніи Тай-цзуна въ Мукдэнь Ордосъ призналъ свою зависимость отъ маньчжурскаго императора. Такимъ образомъ вся окраина нагорья, отъ Желтаго моря до втораго колѣна изгиба Хуанъ-хэ, была въ рукахъ Маньчжуровъ. Оборонительная линія Срединнаго Царства—Великая стѣна была прорываема вездѣ съ

(78) Горскаго id. въ Тр. Чл. Пек. миссіи. Ч. I. стр. 149.

чрезвычайною легкостью, и побѣдоносные Маньчжуры легко производили свои вторженія въ Чжили, Шэньси и Шаньдунъ, гдѣ они захватили множество городовъ. Но одно обстоятельство препятствовало еще Маньчжурамъ стать твердою ногою въ Китаѣ. Это было то, что въ тылу ихъ находился Шань-хай-гуань и крѣпкіе города Ляо-си. Въ этой полосѣ земли слѣдовательно сосредоточивалась вся стратегическая опора Минской династіи. Въ 1641 году Тай-цзунъ наконецъ приступилъ къ рѣшительной осадѣ Кинь-Чжеу. Защита была упорна; многочисленный китайскій корпусъ, присланный на выручку города былъ совершенно разбитъ и Кинь-Чжу послѣ годовой осады наконецъ достался Маньчжурамъ. Послѣ того въ 1642 — 43 году совершилъ Тай-цзунъ свой послѣдній походъ въ Китай, во время котораго, опустошивъ Чжилійскую провинцію, онъ доходилъ до г. Инъ-чжеу въ Шаньдунѣ. Династія Минъ была на краю гибели, но Тай-цзунъ умеръ въ 1643 году, не успѣвъ еще взять Пекина.

Черезъ годъ послѣ того побѣдоносный преемникъ его Шунъ-чжи уже вступилъ въ Пекинъ и утвердилъ окончательно династію Да-цинъ на престолѣ падшей Минской династіи.

Прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ какъ этотъ послѣдній приливъ сокрушилъ престолъ туземной династіи и распространился до самой отдаленной внутренности Азіи, а теперь отливъ уже въ полной силѣ. Династія Да-цинь, столь славная дарованіями своихъ первыхъ государей, утратила свою національность и пришла въ совершенное разслабленіе, котораго симптомы ясно выражаются въ возмущеніяхъ, распространившихся повсемѣстно въ Срединномъ Царствѣ. Лѣса Маньчжуріи опустѣли. Маньчжуры, посреди чуждой имъ жизни китайскихъ городовъ, забыли и родину и языкъ свой. Отливъ выразился потокомъ китайскихъ переселенцевъ, обычною дорогою, черезъ Шань-хай-гуань и Ляо-дунъ, проникающихъ въ дикіе лѣса Маньчжуріи и безсознательно силящихся перенести на холодныя нагорья характеристическія атрибуты Срединнаго Царства—земледѣліе и промышленность.

Если мы захотимъ схватить въ самыхъ общихъ чертахъ историческія отношенія, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ происходившія вдоль окраины, отдѣляющей восточно-азіатское нагорье отъ Срединнаго Царства, отъ Шань-хай-гуаня на Желтомъ морѣ до изгиба Хуанъ-хэ на З., то передъ нами раскроется цѣлый рядъ интересныхъ заключеній.

Окраина восточно-азіатскаго нагорья, обозначенная Великою стѣною, служила всегда важною этнографическою и политическою раздѣльною линіею.

На С. отъ нея распространялась *неосѣдлая* жизнь: *пастушеская* на степныхъ плоскогоріяхъ, *охотническая*, въ лѣсистыхъ горныхъ странахъ — слѣдовательно *варварское*, *дикое* состояніе *разнообразныхъ* племенъ.

На югѣ распространялась *осѣдлая* жизнь: *земледѣльческая* и *промышленная*, слѣдовательно *цивилизованное*, *гражданственное* состояніе *одного* народа.

Раздѣленные въ рѣзкомъ своемъ контрастѣ только одною оградою — хребтомъ окраины, эти двѣ различныя народныя массы, два контрастующіе народные быта, не могли остаться безъ *взаимнодѣйствій* между собою ([79]).

Варвары, привлеченные богатствомъ Срединнаго Царства имѣли постоянное *стремленіе* спуститься съ своей окраины въ его теплыя и цвѣтущія низменности.

Но, остановленное естественною преградою хребта окраины и стройною системою государственной организаціи Китая, явленіе это могло происходить только *періодически*.

Періоды эти можно уподобить періодамъ морскаго *прилива* и *отлива*. Они были обусловлены обезсиленіемъ то одной, то другой стороны.

---

(79) Это взаимнодѣйствіе имѣетъ аналогію съ процессомъ, происходящимъ въ растительномъ царствѣ и извѣстнымъ подъ именемъ эндосмоса и экзосмоса. Процессъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ двухъ сосѣднихъ клѣточкахъ растительной ткани, сквозь перегородку ихъ раздѣляющую, происходитъ постоянно обмѣнъ содержащихся въ нихъ соковъ, которому двойная раздѣлительная перегородка не только не полагаетъ препятствій, а споспѣшествуетъ.

Во времена, соотвѣтствующія приливамъ, варвары *вторгались* въ Срединное царство и даже утверждались въ немъ, во времена же, соотвѣтствующія отливамъ они были отброшены, и китайское владычество и цивилизація силились *распространиться* извѣстными полосами по нагорью.

Какъ физико-географическое строеніе окраины опредѣлило взаимподѣйствія обѣихъ народныхъ массъ, такъ оно опредѣлило и *полосы земли*, вдоль которыхъ должны были происходить ихъ приливы и отливы.

Варвары, которымъ всегда необходимо было, передъ вторженіемъ въ Срединное царство, пріобрѣсти стройную организацію, должны были найти себѣ вблизи самой окраины для того удобную страну, какъ *стратегическую точку опоры* ихъ дѣйствій.

Но такъ какъ на С. отъ окраины разстилаются неудобныя для того нагорныя степи, то такими стратегическими точками опоры могли только быть на С.-В. *Ляосская*, а на С.-З. *Ишьшаньская* альпійскія страны.

Въ періоды же безсилія и отлива варваровъ китайская цивилизація и владычество выливались на нагорье, какъ бы простирая руки для обузданія его и супрематіи надъ нимъ.

Это движеніе совершалось вдоль такихъ полосъ, гдѣ нагорье и низменность *не рѣзко граничили* между собою, а гдѣ переходъ совершался *постепенно*, представляя хотя слабѣющую аналогію съ физическими отношеніями Срединнаго царства.

Такими полосами были: на Ю.-В. отъ Ляосской альпійской страны—*прибрежья Ляо-си* и *Ляо-дунъ*, на Ю.-З. отъ Ишьшаньской — *полоса провинціи Ганьсу*, отдѣляющая нагорную степь Шамо отъ массива высокихъ горъ Хухэнора.

Взаимподѣйствіе на окраинѣ не могло происходить прежде чѣмъ Китай началъ записывать на страницахъ своихъ лѣтописей событія исторіи, потому-что съ этого только времени началась въ немъ *самосознательная жизнь* цивилизованнаго государства.

Весьма вѣроятно что въ то время народныя массы варва-

ровъ были распредѣлены на С. отъ окраины самымъ нормальнымъ образомъ: на В. отъ меридіана Хинганьскаго хребта или мерид. города Юнъ-п'ина обитали *маньчжурскія* племена, между меридіанами городовъ Юнъ-п'ина и Ху-ху-хотоня—*монгольскія*, на З. отъ меридіана Ху-ху-хотоня — *туркскія*.

Но племена эти представляли несвязную еще и инертную массу, а потому въ первое взаимнодѣйствіе съ цивилизованнымъ Китаемъ было суждено придти не имъ, а *пришельцамъ* издалека, пріобрѣтшимъ уже прежде, въ своихъ отечественныхъ странахъ, какую бы то ни было *организацію*, безъ которой нельзя было вступить въ борьбу съ стройною государственною системою Срединнаго царства.

По изложеннымъ уже нами причинамъ сборными пунктами и странами, въ которыхъ эти пришельцы должны были утвердиться могли быть только *Ляосская* и *Иньшаньская* альпійскія страны.

Въ Ляосской альпійской странѣ на С.-В. пришельцы эти были *корейскія племена*, вышедшія съ корейскаго полуострова, а на С.-З. въ Иньшань-альпійской странѣ—*финскія* племена (Хунну), вышедшія изъ Алтая.

Пришельцы эти вытѣснили разрозненныхъ туземцевъ (маньчжурскаго племени въ Ляосѣ, туркскаго—въ Иньшанѣ) въ глубины горныхъ долинъ, отчасти конечно *смѣшавшись* съ ними и *принявъ отъ нихъ много чуждыхъ имъ элементовъ*, какъ въ обычаяхъ, такъ и въ языкѣ своемъ ([80]).

Съ тѣхъ поръ Ляосская и Иньшаньская альпійскія страны сдѣланными *смѣшанными* въ этнографическомъ отношеніи, потому-что здѣсь въ различные историческіе періоды одни пришельцы замѣнялись другими.

---

(80) Это обстоятельство объясняетъ почему нѣкоторыя слова, сохраненныя китайскою исторіею, по сродствамъ своимъ могутъ относиться къ совершенно несроднымъ имъ языкамъ какъ напр. слово Цилянь. См. ниже.

Первый изъ исторически намъ извѣстныхъ періодовъ прилива варваровъ былъ въ самомъ своемъ апогеѣ за II в. до Р. Х.: онъ происходилъ съ С.-З. изъ Ишшаньской страны отъ *Хунну*; корейскія же племена, только что прибывшіе въ то время въ Ляосскую страну, не играли еще важной роли.

Первый періодъ отлива уже въ полномъ апогеѣ въ началѣ I вѣка и обусловленъ тѣмъ, что старшая *Ханьская династія* (она властвовала отъ 202 до Р. Х. до 25 нашей эры), въ полномъ цвѣтѣ и силѣ сокрушила въ 93 году, съ помощью корейскихъ племенъ, могущество Хунну; совершенно въ то же время (апогея династіи Ханъ) Срединное царство распространило свою цивилизацію вдоль провинціи Ганьсу до Су-чжеу съ одной стороны и нѣсколько ранѣе (такъ какъ на С.-В. прилива варваровъ еще не было)—вдоль Ляо-си до Ляо-дуна до границы нынѣшней Кореи, съ другой.

Второй періодъ прилива былъ въ полномъ апогеѣ въ половинѣ II в. по Р.; Х. онъ происходитъ съ С.-З. изъ Ляосской альпійской страны отъ корейскаго племени *Сяньби*.

Второй періодъ отлива былъ обусловленъ *разстройствомъ Сяньбійскаго царства*, и достигъ апогея при замѣненіи слабой династіи младшей Ханъ (династія эта властвовала отъ 25 до 264 г.) болѣе свѣжею Цзинь (властвовавшею отъ 265 до 419), но отливъ былъ слабъ, какъ потому что династія *Цзинь* не была особенно могущественною, такъ и еще болѣе потому что *корейскія* племена не пришли въ окончательный упадокъ, а напротивъ способны были на возрожденіе.

Третій періодъ прилива обусловленъ *возрожденіемъ корейскихъ племенъ* (Муюнъ и Тоба), апогея своего достигаетъ онъ въ концѣ IV и началѣ V вѣка, когда Тобасцы основываютъ въ сѣверномъ Китаѣ могущественную династію *Юань-вэй* (властвовавшую до 556 года).

Третій періодъ отлива въ полномъ апогеѣ своемъ въ началѣ VII вѣка, при воцареніи могущественной династіи *Т'анъ*. Онъ обусловленъ паденіемъ династіи Юань-вэй и окончательнымъ упад-

комъ *корейскихъ* племенъ. Съ этой поры выходятъ между нагорными варварами на первый планъ на С.-В. — *маньчжурскія* племена, а на С.-З. — *туркскія*. Династія Танъ, какъ и старшая Хань, простираетъ свое владычество на С.-В. вдоль Ляо-си и Ляодуна до Кореи, гдѣ оно разрушаетъ Гаолисское царство.

Четвертый періодъ прилива начинается при постепенномъ упадкѣ династіи Танъ съ С.-З. отъ *туркскихъ*, съ С.-В. отъ *киданьской* вѣтви тунгузскихъ (маньчжурскихъ) племенъ. Апогея своего онъ достигаетъ въ началѣ X в., когда Кидани, захвативъ весь сѣверный Китай, основываютъ царство Ляо.

Вторую волну этого прилива, также съ С.-В., образуетъ *маньчжурское племя Нюй-чжень*; апогея своего достигаетъ онъ въ началѣ XII вѣка, когда Нюй-чжень основываютъ могущественное царство *Гинь* и подчиняютъ себѣ всю сѣверную половину Китая.

Третья волна прилива наконецъ идетъ уже прямо съ С., отъ *монгольскаго* племени, которое организуется послѣ всѣхъ. Но волна эта обычною дорогою варварскихъ приливовъ проникаетъ и съ С.-В. для уничтоженія сѣверно-китайскаго, Гиньскаго царства, и С.-З. (черезъ Ишшань), для уничтоженія южнаго китайскаго Сунскаго царства, почему монгольское племя въ *первый разъ* овладѣваетъ всѣмъ срединнымъ царствомъ. Апогей этого прилива — въ половинѣ XIII вѣка.

Слѣдующій періодъ отлива въ полномъ апогеѣ въ XIV вѣкѣ, когда туземная династія *Минь* изгоняетъ Монголовъ. Династія эта также простираетъ послѣдующія отливамъ колонизаціи и владычества свои на С.-В. въ Ляо-дунь до сердца Маньчжуріи, а на С.-З. черезъ Ганьсу до сердца центральной Азіи.

Послѣдній періодъ прилива, прорывающійся въ Китай той же обычной дорогой, черезъ Ляосскую альпійскую страну, въ полномъ апогеѣ въ началѣ XVII вѣка, когда *Маньчжуры* покоряютъ все Срединное царство и раздвигаютъ свои предѣлы далеко на З.

Послѣдній періодъ отлива начинаетъ ощущаться нынѣ, *съ упадкомъ Маньчжурской династіи*, съ уничтоженіемъ маньчжур-

ской національности и съ тѣмъ необыкновеннымъ движеніемъ внутри Китая, которое въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ обращаетъ вниманіе Европы, смотрящей на него какъ на неразгаданную еще загадку.

2) *Реляціи Китайцевъ, путешествовавшихъ въ Киданьскомъ (Ляосскомъ) и Нюй-чженьскомъ (Гиньскомъ) царствахъ въ X и XII вѣкѣ.*

Первая изъ этихъ реляцій принадлежитъ Китайцу Ху-цяо, жившему между Киданями 7 лѣтъ и убѣжавшему отъ нихъ въ 953 году ([81]):

Онъ отправился изъ Пекина черезъ проходы Кюй-юй-гуань (Цзюй юй-гуань близъ нынѣшнихъ воротъ внутренней стѣны Нань-к'эу) въ городъ Ки-минь (по сѣверн. произн. Цзи-минь) и, перейдя черезъ хребетъ Т'янъ-линь, вступилъ на нагорье, черезъ 3 или 4 дня дошелъ до лѣса горныхъ ивъ (Хэй-юй), а оттуда въ косую долину (ущелье), длиною въ 50 ли; скалы были здѣсь такъ высоки, что не видно было солнца, холодъ былъ нестерпимъ.

Кюй-юй-гуань есть нынѣшнее ущелье Гуань-гоу при воротахъ Нань-к'эу внутренней стѣны, на дорогѣ изъ Пекина къ Калгаю. Цзи-минь или Ки-минь есть городъ, существующей и нынѣ подъ этимъ названіемъ, на той же дорогѣ. Хребетъ Т'янъ-линь есть конечно тотъ самый, по которому нынѣ проходитъ внѣшняя линія Великой стѣны; я полагаю что Ху-цяо прошелъ черезъ него при нынѣшнихъ воротахъ Ду-ши-к'эу. Лѣса, ущелья и высокія, холодныя горы, къ которымъ прибылъ путешественникъ черезъ нѣсколько дней пути, находятся безъ сомнѣнія на С.-В. отъ изгиба Шанду-гола, въ верховьяхъ Шара-мурэни, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ и Хюкъ переходилъ черезъ высокую, холодную гору Саинъ-ола (см. выше).

Отсюда, повѣствуетъ Ху-цяо, переправясь черезъ рѣку Хуанъ прибылъ онъ къ мѣсту Танъ-чжи-динь, отличавшемуся теп-

(81) Она находится въ Кидань-го чжи XXV, переведена и сообщена мнѣ обязательно въ рукописи В. П. Васильевымъ.

лотою, а отсюда черезъ два дня въ И-кунь-чжеу и, переправясь черезъ рѣку Шэ-сянь, черезъ два дня прибылъ къ Красному хребту, отъ котораго оставалось три дня до Шань-кина, т. е. верхней Киданьской столицы, въ которой въ то время производилась уже очень живая мѣновая торговля и гдѣ было множество китайцевъ чиновниковъ, ученыхъ, бонзъ, даосовъ и т. д.

Рѣка Хуанъ т. е. желтая рѣка есть Шара-мурэнь; теплота мѣста Танъ-чжи-дянь показываетъ что здѣсь окраина Монгольскаго нагорья падаетъ быстро, превращаясь въ альпійскую страну въ которой рѣчныя долины врѣзаны очень глубоко. Рѣка Шэ-сянь есть безъ измѣненія Сусай-п'у, лѣвый притокъ Шара-мурэня. Красный хребетъ есть вѣроятно одна изъ нормальныхъ цѣпей Хингана къ С. отъ верхняго теченія Сусай-п'у. Положеніе Киданьскаго Шань-кина на р. Чжоло-бира, намъ уже извѣстно (см. выше).

Далѣе Ху-цяо отправился къ В. и странствовалъ до города Фу-чжеу. Фу-чжеу есть можетъ быть прежній городъ Фу-юй, на р. Итунъ-бирѣ, притокѣ Сунгари. Самый путь Ху-цяо опредѣлить очень трудно. Между прочимъ онъ говоритъ о культурѣ арбузовъ распространенной по этому пути около П'инъ-чжеу и заимствованной Киданями отъ Хой-хэ, т. е. Уйгуровъ.

Путешествія Ху-цяо позволили ему собрать нѣсколько непосредственныхъ и распросочныхъ свѣдѣній, объясняющихъ отчасти тогдашнія географическія и этнографическія отношенія Киданьскаго царства.

На В. отъ Киданей, говоритъ онъ, до моря (?) есть Тѣ-дянь. Эти племена живутъ въ кожаныхъ палаткахъ, весьма мужественны, въ ихъ земляхъ мало травы и деревъ, вода солонцевата какъ кровь, такъ что ее должно процѣживать.

Эта земля, какъ кажется, есть степное, безводное пространство между Шара-мурэнью, Торо-бира и Сунгари. Только выраженіе «до моря» не понятно; можетъ быть вмѣсто него должно читать: «до водъ». Тѣ-дянь можетъ быть все равно что Татань (см. ниже).

Далѣе на В., говоритъ Ху-цзы, находятся Нюй-чжэнь; они искусны въ стрѣльбѣ изъ лука, имѣютъ много коровъ, оленей и дикихъ собакъ, не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и перевозятъ весь багажъ на волахъ. Далѣе къ Ю.-В. Бохай. Далѣе къ Ю.— Хи, съ Киданями нѣсколько сродные, любятъ убійство и грабительство. Далѣе къ Ю. (отъ Хи) проходъ Юй-гуань (т. е. Шань-хай-гуань).

Далѣе къ Ю.-З. лежали древнія Китайскія земли, далѣе на З. Ду-кюэ-хой-хэ т. е. Турки-Уйгуры, далѣе на С.-З. Юй-гюэ-люй, (Югэледъ? Угэледь или Калмыки). Эти люди большаго роста, съ длинными волосами; въ землѣ ихъ сильный холодъ, въ рѣкахъ ихъ крупная рыба, которую любятъ Кидани, много черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ соболей; народъ весьма храбръ. Далѣе къ З. отъ нихъ Хя-гэ (Хакасы?), далѣе на С. Хэй-чэ-цзы (черно-телѣжные?), искусные въ дѣланіи кибитокъ, почтительны къ родителямъ и правдивы. Земля ихъ бѣдна и ничего не производитъ. Далѣе къ С. Нюй-ти-ду-кюэ (турки съ коровьими копытами). Земля ихъ холодна, рѣка лѣтомъ и осенью замерзаетъ на 2 фута, а зимою ледъ доходитъ до дна и т. д. Къ С.-В. Ва-цзѣ-цзы. Эти люди ѣздятъ безъ сѣделъ, вооружены луками и большими стрѣлами, встрѣтясь съ другими убиваютъ ихъ и и съѣдаютъ сырое мясо. У этаго народа съ трехъ сторонъ все Ши-вэй. У нихъ много мѣди, желѣза, золота, серебра. Ихъ люди искусны въ выработываніи мѣдныхъ и желѣзныхъ сосудовъ и тканьѣ шерсти и парчи (?), земля весьма холодная. Далѣе на С. собачье царство (Го-у-го). Очевидно что здѣсь дѣло идетъ о Сѣв.-Вост. Сиб. народахъ, ѣздящихъ на собакахъ.

Вторая изъ реляцій есть дорожникъ Сунскаго посланника Хюй-юань-цзуня, отправленнаго въ 1124 году Сунскимъ дворомъ къ Укимаю въ нагорную столицу Гиньскаго царства Хой-нинъ-фу ([82]).

Отправившись изъ Сунской столицы онъ прибылъ въ

---

(82) Она находятся въ Г'инь-го-чжи и переведено В. П. Васильевымъ.

Хюнъ-чжеу (Сюнъ-чжеу), тогдя послѣдній пограничный городъ въ Сунскихъ владѣніяхъ, отъ котораго до Гиньской столицы считалось 2750 ли. Хюнъ-чжеу (Hiung-Tscheou) находится и нынѣ подъ тѣмъ же именемъ въ Чжилійской провинціи, на Ю.-Ю.-З. отъ Пекина въ области Бао-динъ-фу (Pao-Ting-fu).

Отсюда дорога шла на С. до Пекина, потомъ поворачивала на В. до знаменитаго прохода Юй-гуань, нынѣ Шань-хай-гуань, на берегу моря, до котораго путешественники считаютъ 14 дней пути. Оттуда дорога шла черезъ нынѣшній областной городъ (Шэнъ-нинской провинціи) Кинь-чжеу (Цзинь-чжеу) на р. Сяо-да-лянь, далѣе на Шэнь-чжеу — нынѣшній Мук-дэнь, до Нинь-чжеу — нынѣшняго Тѣ-линъ-хянь (Tie-ling-kien) на изгибѣ Ляо-хэ.

Отсюда уже гораздо труднѣе слѣдить за дорожникомъ посланника. Въ 40 ли отъ Нинь-чжеу лежалъ Хянь-чжеу (Сянь-чжеу), откуда начинались границы бывшаго Бо-хайскаго царства. Здѣсь народонаселеніе сдѣлалось оживленнѣе, припасы изобильнѣе и посланнику была приготовлена встрѣча. Древній городъ Хянь-чжеу, основанный Бохайцами, лежалъ слѣдовательно не болѣе какъ въ нѣсколькихъ ли къ югу отъ нынѣшняго уѣзднаго города Шэнъ-нинской провинціи К'ай-юань-хянь (Kai-yuen). Отъ Хянь-чжеу 40 ли до Су-чжеу. Дорога шла отъ Хянь-чжеу на С., была ровная, народъ жилъ въ деревняхъ, новый хлѣбъ покрывалъ землю, на В. виднѣлись большія горы, называемыя Гиньцами Синь-хо; онѣ непроходимы и на нихъ родится жень-шэнь. Онѣ обозначаютъ границы Кореи. За Тунъ-чжеу слѣдовалъ черезъ 30 ли Синь-чжа, далѣе черезъ 30 ли деревня Ту-ли-бодунъ и отсюда черезъ 40 ли Хуанъ-лунь-фу.

Эти показанія совершенно согласны съ изъясненнымъ нами положеніемъ важнаго въ то время города Хуанъ-лунь-фу, лежавшаго почти въ одной паралели съ Гиринью, только западнѣе его на $1^{1}/_{3}^{\circ}$ долготы, на р. И-т'унъ-бира, лѣвомъ притокѣ р. Гирини (Сунгари). Разстояніе до 300 ли (150 верстъ) отъ нынѣш-

няго Т'ѣ-линь-хяня въ Шэнъ-кинской провинціи вполнѣ подтверждаетъ что Хуанъ-лунь-фу находился на этомъ мѣстѣ.

Отъ Хуанъ-лунь-фу дорога пошла на В.; въ 60 ли встрѣтилась Тосань-бодунь, отсюда черезъ 90 ли деревня Маньцили-бодунь ([83]) и оттуда 60 ли до древней деревни Ушэ на берегу Кунъ-т'унъ-кяна (т. е. Сунгари). Ширина рѣки была $^1/_2$ ли, на высокомъ берегу впереди деревни росли ивы.

Слѣдовательно посланникъ переправился черезъ Сунгари въ 100 верс. (210 ли) отъ Хуанъ-лунь-фу. На этомъ именно разстояніи р. Сунгари дѣйствительно протекаетъ отъ изъясненнаго нами положенія Хуанъ-лунь-фу, начиная отъ Гирини до устья И-т'унъ-биры. Въ какомъ именно пунктѣ переправился сунскій посланникъ опредѣлить трудно. Я полагаю что переправа эта совершилась къ С. отъ Гирини и притомъ не слишкомъ далеко, потому-что въ дорожникѣ сказано, что отъ Хуанъ-лунь-фу посланникъ направился къ В. (а не къ С.).

Черезъ 40 ли послѣ переправы черезъ Сунгари посланникъ остановился въ деревнѣ Хо-ли-хянь (Хо-ли-сянь), въ 5 ли далѣе онъ встрѣтилъ канаву, пересѣкающую путь его и представлявшую прежнюю границу между Киданями и Чжурчженями (Нюй-чженями). Отсюда далѣе, на пространствѣ 80 ли до р. Лай-лю, не было ни одного деревца, ни одного ключа, такъ что здѣсь проходила граница, указанная самою природой.

Черезъ Лай-лю, имѣвшую 300 ф. ширины переправились въ лодкахъ и черезъ 5 ли прибыли въ деревню Кюй-гу (Цзюй-гу). Отсюда къ В. жили Нюй-чженьцы. Отъ Кюй-гу въ 70 ли находилась деревня Да-хэ, за ней въ 40 ли деревня Ту-дэ, и наконецъ черезъ 50 ли далѣе находилось подворье, въ которомъ остановился посланникъ, на самомъ порогѣ столицы, послѣ 39 дней пути отъ Хюнь-чжеу.

Эти интересныя показанія подтверждаютъ вполнѣ мнѣніе

---

(83) Бэдунь вѣроятно значило «мѣстечко». Названіе это сохранилось въ имени нынѣшняго города Бэдуна на Сунгари.

В. П. Васильева о положеніи верхней Гиньской столицы — Хой-нинъ-фу на р. Альчуку, а не на Хулхѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что р. Лай-лю есть Лалинь, правый притокъ р. Сунгари. Уже самый степной характеръ, здѣсь проходящей полосы, на которой *не было ни одного дерева*, доказываетъ намъ ясно, что Лалинь не есть ни Лофа, ни Лефучень-бира—рѣки лежащія на дорогѣ на Нингутѣ, по которой путешественникъ встрѣчаетъ только дремучіе лѣса. Разстояніе 60 верстъ отъ переправы черезъ Сунгари до Лай-лю, конечно не можетъ привести насъ къ Лэфучень-бирѣ, по дорогѣ къ Бохайской верхней столицѣ, потому-что Лэфу-чень находится ровно въ двойномъ разстояніи отъ Сунгари. Послѣ переправы черезъ Ла-линь остается еще верстъ 80 (два дня пути) до столицы, которая слѣдовательно должна была лежать на среднемъ теченіи Альчуку, что подтверждается и другими данными. Полное разстояніе Хой-нинъ-фу отъ переправы черезъ Сунгари составляетъ слѣдовательно 140 верстъ (280 ли). Вспомнимъ что въ статистическомъ описаніи Китайской Имперіи Іакиноа упоминается о древномъ городищѣ (по кит. Гу-ченъ), лежащемъ въ 170 верс. (340 ли) къ С. отъ Гирини на р. Альчуку и имѣющемъ 20 ли окружности, съ внутреннимъ городомъ въ 4 ли окружности. Въ этомъ городищѣ и должно предполагать развалины Хой-нинъ-фу, верхней столицы Гиньскаго царства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СКЛОНЪ КЪ ВЕРХОВЬЮ ХУАНЪ-ХЭ.

§ 18.

Изложеніе I. *Продолженіе Китайской граничной горной окраины къ Западу по области Шань-си* (Schansi) *къ Хуанъ-хэ и къ Инь-шаню* (In-Shan).

Къ наименѣе извѣстнымъ странамъ принадлежитъ вышеозначенная западная граничная полоса сѣвернаго Китая, которая, какъ и предъидущая, занята южными уступами нагорья и пересѣкается малоизвѣстнымъ еще намъ образомъ, или по крайней мѣрѣ омывается, сѣвернымъ изгибомъ Хуанъ-хэ. Только до гор. Хуху-хотóнь (Kuku-Hotun), по китайски Гуй-хуачэнъ (Kouei-Hoa-Tchin) 40° 49′ 20″ сѣв. шир., 4° 45′ 15″ зап. долг. отъ Пекина по іезуитамъ, или 40° 48′ по древнѣйшимъ картамъ Монголіи (1), что̀ почти соотвѣтствуетъ меридіану 109° вост. долг. отъ Парижа, имѣемъ нѣкоторыя и то весьма скудныя извѣстія отъ іезуитовъ, которые отсюда хотя и восходили къ Сѣверу на нагорье, и къ Югу бывали до Хуанъ-хэ и въ области Шэнь-си, но никогда не проникали далѣе на З. чрезъ нагорье. Посему эта страна есть для насъ почти terra incognita и остается на картахъ въ пробѣлѣ, хотя она чрезвычайно важна въ исторіи китайскихъ среднихъ вѣковъ; ибо отсюда, начиная съ VII столѣтія, Китайская Имперія подвергалась сильнымъ

(1) Ab. Rémusat. Rech. s. la ville de Kara-Korum 4 p. 26.

нападеніямъ отъ Туркскихъ и Монгольскихъ народовъ. Не ранѣе какъ 100 лѣтъ тому назадъ народы эти усмирены настоящею маньчжурскою династіею. Задачею нашею поэтому будетъ: изобразить, въ первый разъ по источникамъ, сколь можно вѣрнѣе географически, главнѣйшія черты этого края, въ важнѣйшихъ ихъ общихъ соотношеніяхъ.

Поворотъ Хуанъ-хэ на С., образуетъ здѣсь, въ странѣ Ордосъ, въ крайнемъ С.-З. углу Китая, такое характеристическое, двойное колѣно, обращенное къ нагорью, что мы здѣсь именно, въ принятомъ нами порядкѣ разсмотрѣнія физическихъ отношеній восточной окраины нагорной Азіи со стороны Китая, можемъ окончить цѣлый отдѣлъ нашихъ изслѣдованій, чтобы отсюда перейти послѣ къ сѣверной окраинѣ. Но какъ всѣ имѣющіяся доселѣ описанія Китая и Татаріи оставляютъ насъ почти въ совершенной неизвѣстности на счетъ этой мѣстности, которая, внѣ предѣловъ областей Шэнь-си и Шань-си и за великою стѣною, ведетъ къ нагорью, то прежде соберемъ тщательно и укажемъ въ источникахъ весьма немногое, представляемое намъ объ этой странѣ исторіею; дополненіемъ къ тому послужитъ излагаемое ниже описаніе системы Хуанъ-хэ. Это полезно уже потому, что вѣроятно сюда проникнетъ не скоро наблюдательный Европеецъ (*), какъ бы это ни было желательно. Притомъ точное приведеніе источниковъ, упроститъ намъ впослѣдствіи ссылки на нихъ.

Источники.

1) Маршрутъ I отъ Пи-лу-тʻаи (Pi-Lou-Tai) къ Холину (Кара-коруму) изъ исторіи династіи Тʻанъ (Thang) (за 900 лѣтъ по Р. Хр.) или *Чанъ-шу* (Tchang-Shu) lib. XLIII p. 2 p. 7.

(*) Въ новѣйшее время проникли сюда миссіонеры Хюкъ и Габе см. ниже Дополн. къ § 18.

Маршрутъ II того же времени изъ Ганьчжèу (Kan-Tcheou) чрезъ озеро Гюй-янъ (Kiu-Yan) (**) къ Кара-коруму.

Карта монгольской степи изъ исторіи Монголовъ, слѣдовательно до 1400 г., изъ Су-ху-кянъ-лу (Sou-Hau-Kian-Lu) Vol I. Всѣ три помѣщены въ классическомъ разсужденіи Abel Remusat подъ заглавіемъ: Recherches sur la ville de Kara-Korum avec des eclaircissements etc. Paris 1825. 4 p. 11 — 15; p. 21 — 22; Carte du Grand Desert et des pays voisins, tirée du Sou-Hou-Kian-Lou.

2) Marco Polo Viaggi въ Ramusio Raccolta ed. Giunti, Venetia 1583. Vol. II. lib. I. c. 39,—c. 55. fol. 13—18; сравн. ed. Will. Marsden. The travels of M. Polo. London. 1818. 4. Комментаріи p. 235—261. Въ особенности для объясненія стр. 51 etc. Klaproth sur le pays de Tenduc въ Journ. Asiatiq. Paris. 1826. T. IX. p. 299 — 306.

3) Shah Rokh. Embassade (1419), изъ Герата въ Персію чрезъ нагорье на Хами, Ганьчжеу (Kan-Tcheou) и чрезъ Хуанъхэ въ Китай см. въ M. Thevenot. Relat. de divers voyage curieux. T. II. 1696. Nouv. ed. Par. IV. fol. 1—12. Переводъ съ Персидскаго.

4) Географія и этнографія Монголіи изъ китайской государственной географіи дома Маньчжу; втор. изд. Пекинъ 1790 г. (Да-цинъ-и-т'унъ-чжи (Tai-Thsing-y-Thoung-Tchi) т. е. описаніе монархіи Да-цинъ). Переводъ съ китайскаго на русскій языкъ О. Іакинѳа, и также переводъ Клапрота со 2-го же изданія китайскаго оригинала въ Timkowski voyage à Peking ed. Paris T. II. 1827. p. 265 — 280.

5) P. Jes. Gerbillon Voy. I (1688) изъ Пекина въ Ху-ху-хотонь (Khu-Khu-Hotun) и оттуда на нагорье Гоби. Du Halde IV. p. 115 — 127.

Его же Voy. VI (1696) изъ Пекина къ Хуанъ-хэ тамъ же

(**) Гюй-янъ-цзэ, нынѣ Союкъ-норъ (Sogok-Nor), на С. отъ гор. Су-чжеу (So-Tcheou), за границею пров. Ганьсу. См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. и т. д. Ч. III Геогр. указ. стр. 26.

p. 424 — 444. Его же Voy VII (1697) изъ Пекина къ Нинъхя (Ning-Hia), тамъ же p. 448 — 480.

6) D'Anville carte générale de la Chine и также Carte gén. de la Tartarie Chinoise въ Nouv. atlas de la Chine, гдѣ находятся и спеціальныя карты Шань-си и Шэнь-си.

Пат. Жербилльонъ есть единственный Европеецъ, который путешествіемъ своимъ нѣсколько знакомитъ насъ съ дорогою изъ Пекина на Западъ, къ сѣверному повороту Хуанъ-хэ, гдѣ дальнѣйшему теченію рѣки, въ семъ направленіи, полагаетъ предѣлъ—южная окраина нагорной степи Гоби. Съ нимъ направимся первоначально на З. къ Хуанъ-хэ. Туда ведутъ двѣ дороги: одна *за* великою стѣною, а другая *внутри* ея; первая идетъ ближе къ нагорью, и большею частію на его плоскихъ предгорьяхъ и уступахъ, а вторая болѣе въ глубинѣ долинъ, между развѣтвляющимися дикими цѣпями горъ.

1) *Дорога внутри стѣны, чрезъ гористую область Шань-си къ Бао-дэ-чжеу* (Pao-Te-Tcheou) (*) *на Хуанъ-хэ.*

Дорога внутри стѣны идетъ отъ Пекина къ З.-Ю.-З. чрезъ сѣверную часть области Шань-си, заключенную съ С. и съ Ю. двойною стѣною и орошенную отъ З. къ В. рѣкою *Санъ-канъ-хэ* (San-Can-Ho). Рѣка сія принимаетъ близъ Нань-к'эу (Nang-Keou) быструю *Янъ-хэ* (Yang-Ho), текущую съ С. отъ Калгана, и течетъ потомъ къ Ю.-З. отъ Пекина подъ именемъ *Хунь-хэ* (Hoen-Ho) въ *Бай-хэ* (Pay-Ho) и Желтое море. Долину этой рѣки можно разсматривать какъ долину, сопутствующую южному краю нагорья.

На южномъ берегу этой рѣки подымаются, къ З. отъ Пекина, на границѣ Чжи-ли и Шань-си, весьма высокія горы, по которымъ проведена южная стѣна, и на которыхъ встрѣчаются

(*) *Бао дэ-чжеу* (Pao-Te-Tcheou), въ провинціи Шаньси подъ 39° 4′ 44″ с. ш. и 108° 28′ 30″ в. долг. отъ Пар., по наблюденію древнихъ миссіонеровъ, составлялъ прежде область Лань-чжеу при династіи Сунъ (властвовавш. 420—479) получилъ названіе Бао дэ. См. Ed. Biot Diction. des villes chinoises Paris 8. 1843 p. 153. *Пр. Перев.*

даже снѣгъ и глетчеры (Си-гао-шань Si-kao-Shan), 40° 2′ с. ш. 130° 36′ в. д. отъ Парижа) (2). Эти, вѣроятно сопутствующія рѣкѣ, цѣпи горъ, еще неизмѣрены и даже совсѣмъ непослѣдованы. Далѣе къ З. онѣ, какъ кажется, не такъ высоки, но вся сѣверная часть этой области имѣетъ гористое мѣстоположеніе и большею частію по уступамъ горъ воздѣлана. Многія изъ сихъ горъ носятъ характеръ отдѣльныхъ плоскогорій, представляя на вершинахъ своихъ обширныя и прекрасныя площади (*). Обиліе желѣзной руды (2), каменно-угольныхъ пластовъ, минеральныхъ и горячихъ ключей отличаетъ эту страну отъ другихъ. Упомянутая рѣка протекаетъ гористую страну не вдалекѣ отъ главнаго города сѣверной части области *Дай-т'унъ-фу* (Tai-Tong-fu) (**), близъ котораго въ горахъ находятъ прекрасный порфиръ, яшму, разные роды мрамора и lapis lazuli. Какъ эта долина подвергается, прежде другихъ, вторженіямъ съ Сѣвера, изъ нагорной Азіи, то она защищена двойною стѣною и снабжена укрѣпленіями, въ особенности въ проходахъ на Сѣверъ. Укрѣпленія, расположенныя на Ю. и З., пришли, по видимому, уже болѣе столѣтія тому назадъ, частію въ упадокъ и состояли изъ одинѣхъ земляныхъ насыпей (4), которыя едва ли были впослѣдствіи исправляемы. Альпійская долина оканчивается къ З. отъ гор. Со-чжеу (So-Tcheou) (***) горнымъ проходомъ Янь-фынъ-к'эу

(2) Klaproth. Tableau des plus hautes montagnes de la Chine въ Magas. asiatiq. I. p. 133.

(*) Этотъ странный характеръ горъ, срѣзанныхъ какъ бы по ватерпасу горизонтальными площадями, имѣютъ очень часто горы южной монгольской окраины, какъ мнѣ сказывалъ очевидецъ В. П. Васильевъ. — *Пр. Пер.*

(3) Du Halde. I. p. 216.

(**) Дай-т'унъ-фу (Tai-Tong-fu, Ta-Thung-fu, Thai-Thung-fu) въ области Шаньси, по наблюд. древн. миссіон. подъ 40° 5′ 42″ с. ш. и 113° 36′ 30″ в. д. отъ Пар., древній городъ: во времена династіи Цзинь (вл. 263 — 420) назывался Юнъ-чжунъ (Yun-Tchoung), Янъ-мынь (Yen-Men) и Да-гюнь (Tai-Kiun), при второй дин. Вэй— Хинъ-чжеу (Hin-Tcheou) при дин. Т'анъ (618—907)—Юнъ-чжеу (Yun-Tcheou), съ половины X вѣка Да-т'унъ (Thai-Thoung). См. Ed. Biot. Dict. des villes Chinoises p. 225. — *Пр. Пер.*

(3) Gerbillon. Du Halde. IV. p. 451.

(***) Су-чжеу (So-Tcheou) въ пров. Шаньси по наблюд. древн миссіоверовъ подъ 39° 25′ 12″ с. ш. и 110° 7 в. д. отъ Пар., древній городъ при дин. Хань (отъ 206

(Yang-fong-Keou), весьма важнымъ трактомъ въ военной исторіи династіи Минь (Ming), потому-что, съ его покореніемъ, вторгнувшемуся непріятелю открылся свободный путь въ Пекинъ, что и имѣло слѣдствіемъ паденія этого блистательнаго императорскаго дома (1644 г.) (5). Съ водораздѣльнаго пункта этого прохода текутъ горныя воды на З. къ Хуанъ-хэ, который, въ разстояніи трехъ дней пути на З. отсюда, протекаетъ къ Югу. Песчаныя горы и пласты каменнаго угля здѣсь распространены повсемѣстно; дома въ многочисленныхъ селеніяхъ выведены изъ земли весьма чисто и красиво; многія жилища устроены подъ землею (6). Изъ этой горной страны выходимъ въ первый разъ въ долину Желтой рѣки, которая, въ направленіи съ С. на Ю., протекая между двумя крутыми цѣпями горъ, образуетъ границу областей Шань-си и Шэнь-си и омываетъ на восточномъ берегу городъ Бао-дэ-чжеу (Pao-Te-Tcheou подъ 39° 8' с. ш.). Здѣсь находится переправа чрезъ рѣку въ Ордосъ, который представляетъ внутри сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ обширную песчаную степь, съ переходящими съ мѣста на мѣсто (ерратическими) песчаными дюнами.

2) *Дорога за стѣною чрезъ Хухy-хотонь* (Khu-Khu-Khotun) *къ р. Тургынь* (Turguen) *и Хуанъ-хэ.*

По свидѣтельству Жербильона, который сопровождалъ императора К'анъ-хи два раза по этой дорогѣ, надо, идя отъ Пекина, подняться сначала чрезъ извѣстныя намъ уже ворота у Калгана, на нагорье до Чагань-балгассу (Tsagan-Balgassou), и потомъ, уже на высотахъ Хинганъ-дабадана и Ангули-нора, повернуть на прямую западную дорогу. Она обозначена на картѣ Татаріи д'Анвиля станціями; ибо деревень и городовъ здѣсь нѣтъ

до Р. Хр. до 263 нашей эры), назывался Ма-и (Ма-у), при дин. Вей (III и IV в) Синъ-хинъ (Sin-Hing) при дин. Цзинь—Синъ-чжень, при дин. Хеу-чжеу—Со-чжеу (So-Tcheou). См. Ed. Biot. Dict. des villes Chinoises. p. 183. — *Пр. Пер.*

(5) Mailla. Hist. gén. de la Chine. Paris. 4. T. X. p. 485.

(6) Gerb. Тамъ же p. 455.

вовсе. Здѣсь тянутся плоскогорія, часто прерываемыя горами, которыя однакоже уже нигдѣ не образуютъ крутыхъ ложбинъ, и потому не представляютъ такихъ дикихъ живописныхъ и скалистыхъ видовъ какъ въ низменности (7). Подъемы и спуски все еще незначительны на высокихъ и холодныхъ равнинахъ, гдѣ не только въ серединѣ октября уже замерзли всѣ источники и выпалъ снѣгъ (1696 г.), но и въ началѣ іюня бывалъ иней по ночамъ, хотя страна и не достигаетъ 42° с. ш. Для произрастанія деревъ мѣстность слишкомъ высока, сурова и холодна, и только по рѣдкому исключенію попадается на этихъ высотахъ кое-гдѣ, какъ напр. на высокомъ Пе-ча (Pe-Tcha), хвойный лѣсъ (8). Лиственный же лѣсъ остается на болѣе низкихъ южныхъ склонахъ. Тѣмъ не менѣе эти нагорныя равнины покрыты превосходною травою и здѣсь разстилаются лучшія альпійскія пастбища; это по преимуществу страна скотоводства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ ссыльные Китайцы поселены особыми колоніями или живутъ какъ невольники монгольскихъ и маньчжурскихъ владѣльцевъ, (что сдѣлалось весьма обыкновеннымъ здѣсь, какъ и къ Востоку отъ Пекина), воздѣлывается, несмотря на весьма ощутительный холодъ, нѣсколько хлѣба и овощей. Однако же бо́льшая часть этого необозримаго и суроваго нагорья состоитъ изъ пастбищъ, принадлежащихъ императору и охраняемыхъ пастушескими Монгольскими племенами. Жербильонъ проѣзжалъ нѣсколько разъ эту страну, сопровождая императора Канъ-хи; онъ упоминаетъ о многочисленныхъ конскихъ заводахъ (которыхъ насчиталъ до 230, каждый въ 300 матокъ), о сотняхъ тысячь овецъ и рогатаго скота, которые были осматриваемы на пути (9). Пастухи и даже жены ихъ собирались здѣсь на встрѣчу императора, котораго сопровождали войско и дворъ, и, ставъ въ длинные ряды, подносили молочныя произведенія своего хозяйства въ даръ своему земному владыкѣ. Около половины пути,

(7) Gerb. p. 115, 427.
(8) Gerb. Voy. II. p. 198.
(9) Gerbillon p. 428, 479, 482.

къ Западу, на равнинѣ Налинь-к'эу (Nalin-Keou) близъ небольшаго степнаго озера Хуай-норъ (Hoai-nor), Императоръ повелѣлъ воздвигнуть пагоду ([10]), для удобнаго пріюта Ламамъ, которые часто проѣзжаютъ этимъ путемъ въ столицу, и которыхъ вѣру исповѣдуетъ и этотъ пастушескій народъ. Здѣсь были только-что поставлены Монгольскія юрты и начаты при нихъ посѣвы проса. Для воздѣлыванія другаго хлѣба было слишкомъ холодно. Съ посѣвомъ проса явилось множество воробьевъ, которые не встрѣчаются обыкновенно въ нагорьѣ. Юрты эти сдѣлались вѣроятно въ теченіи ста лѣтъ болѣе значительными поселеніями (*). Посредствомъ упомянутой системы ссылки, которая здѣсь, какъ и одновременно въ Сибири и новомъ южномъ Валиссѣ, создала новое населеніе, страна эта сдѣлалась повидимому съ того времени довольно многолюдною колоніею. Въ то время положеніе осужденныхъ, какъ ссыльныхъ такъ и невольниковъ, было здѣсь, за стѣною, по мнѣнію Жербильона ([11]), гораздо лучше, нежели внутри стѣны, въ собственномъ Китаѣ. Уже тогда заселились по этому здѣсь цѣлыя области. Поселенцы служили пастухами и земледѣльцами мандаринамъ и государственнымъ сановникамъ, членамъ императорскаго дома и князьямъ (Ванъ, Бэйлэ и т. д.) разныхъ племенъ, которымъ императоры Маньчжурской династіи жаловали земли и имѣнія на этой южной и богатой пастбищами окраинѣ нагорной степи Гоби, отъ Хуанъ-хэ до Амура. Трудолюбіемъ поселенцевъ возникли здѣсь, возлѣ монгольскихъ юртъ, повсюду деревянные домики, небольшіе сады и въ небольшомъ количествѣ пашни. Поселенцы умѣли извлекать изъ почвы все что можетъ доставлять земля, которая, при ясномъ небѣ, остается замерзшею отъ 8-ми до 9-ти мѣсяцевъ въ году (?). При ежегодномъ проѣздѣ своихъ владѣльцевъ въ охотничемъ или воинскомъ конвоѣ императоровъ, они должны были доставлять въ станъ плоды тру-

(10) Gerbillon p. 118.

(*) См. ниже Дополненіе къ § 20. *Пр. Пер.*

(11) Gerbillon p. 120, 176 etc.

довъ своихъ отъ предоставленныхъ имъ участковъ земли или стадъ, и такимъ образомъ поддерживать въ самыхъ негостепріимныхъ нагорныхъ степяхъ эти императорскіе походы, которые, за всѣмъ тѣмъ, предпринимались въ сопровожденіи огромныхъ транспортовъ провіанта. Даже среди самаго лѣта, когда жаръ дѣлается въ Пекинѣ невыносимымъ и вреднымъ здоровью, на этихъ высотахъ вѣетъ постоянно такой свѣжій вѣтеръ, что шубы, въ особенности въ холодныя ночи, необходимы. Этимъ лѣтнимъ пребываніемъ императорскаго двора въ нагорьѣ и соединеннымъ съ нимъ охотамъ, географія обязана свѣдѣніями объ этой странѣ. Патеръ Фербіестъ([12]), который въ 1683 году сопровождалъ такимъ же образомъ императора Канъ-хи въ Западную Татарію, куда слѣдовали съ императоромъ 60,000 человѣкъ войска и 100,000 лошадей, измѣрилъ впервые по этому пути высоты значительнѣйшихъ плоскостей. Вслѣдъ за тѣмъ начались, подъ покровительствомъ императора, изучавшаго у П. Жербильона ([13]), во время такихъ лѣтнихъ путешествій, Эвклидову геометрію, астрономическія опредѣленія широтъ и долготъ, по которымъ составлены до настоящаго времени наши ландкарты объ этихъ странахъ. Охота производилась на этихъ походахъ особыми облавами на большихъ хищныхъ звѣрей и постоянно на мѣлкихъ звѣрей и дичь, которыми изобилуетъ всюду степь, какъ-то: на зайцевъ, оленей, газелей, желтыхъ степныхъ козъ, встрѣчаемыхъ стадами въ нѣсколько тысячъ головъ, на кабановъ (въ болотистыхъ мѣстахъ), волковъ, рысей, куропатокъ, фазановъ; а близъ озеръ: на лебедей, журавлей, дикихъ гусей и водяныхъ птицъ всякаго рода. Для ловли рыбы, которою изобилуютъ озера, были привозимы на верблюдахъ сѣти ([14]) и складныя лодки (plicatiles у Плинія), такъ что нигдѣ не было недостатка въ занятіи. Ежегодные походы

(12) Verbiest Voy. II у Du-Halde IV p. 97—102.
(13) Gerbillon Voy. III у Du-Halde IV. p. 302.
(14) Gerbillon. Voy. II. p 200.

такого рода были предпринимаемы при мужественныхъ правителяхъ Маньчжурской династіи перваго стотѣтія (ихъ владычества) ([15]), чтобы занять войско охотою на дикихъ звѣрей, когда не было войны, чтобы отучить вельможъ отъ роскоши двора, а войско отъ удобствъ гарнизоннаго положенія, чтобы осмотрѣть на нагорьѣ стада, которыя составляли источникъ богатства императора и силу его конницы, и чтобы содержать въ повиновеніи здѣшнія Монгольскія орды, составлявшія пограничныя поселенія и стражу (Vormark) государства. Кому извѣстны изъ исторіи Европы, какъ важны были для Германской имперіи, со временъ Каролинговъ и Оттоновъ, рядъ поселеній на Востокѣ противъ Славянскихъ земель (Ostmarken), а Русскому государству — поселенія казаковъ, начиная отъ Днѣпра чрезъ Донъ и до Волги, со стороны Чернаго моря и Кавказа, со временъ войны съ Татарами, Турками и Персіянами, тому станетъ понятнымъ какъ и для Китайской имперіи, которая подвергалась нападеніямъ всегда съ Сѣвера, важно было обезопасить себя отъ Монгольскихъ ордъ, для которыхъ великая стѣна была уже только мертвымъ символомъ. Понятно также правило, которому слѣдовалъ императоръ К'анъ-хи, не только какъ современникъ, но и какъ великій соперникъ Петра Великаго, предпринимая подобные походы въ нагорную Азію, съ тою цѣлію, чтобы распространить и поддержать блескъ и величіе императорской власти среди менѣе обузданныхъ ордъ. Его ставки были временными столицами, его палатки и станціи, въ которыхъ помѣщались многія тысячи спутниковъ, оглашались празднествами и шумною музыкою и привлекали номадовъ; но не пропускалось также ни одного случая, чтобы въ каждой долинѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ императорскихъ драконовъ (всѣ китайскія пушки имѣютъ эту форму Китайскаго герба), не вселить въ номадахъ уваженія и страха къ Китайской власти.

Лучшія степныя дороги, пролегая на однообразныхъ высо-

(15) Verbiest. въ пр. с.

тахъ, среди луговъ и альпійскихъ пастбищъ или болѣе скудныхъ окрестностей, ведутъ на Западъ до рѣчки Имаду (Imatu), которая течетъ отъ С.-В. къ Ю.-З. на Хуху-хотонь въ рѣку Тургэнь. Послѣдняя, извиваясь по скалистымъ долинамъ, вытекаетъ на равнину. По берегамъ ея встрѣчается только кустарникъ, а не деревья, а потому они принадлежатъ вѣроятно еще къ нагорной степной почвѣ.

Городъ Ху-ху-хотонь, *первый* въ этой странѣ, лежитъ въ обширной равнинѣ. До сего мѣста, говоритъ Жербильонъ, простирается съ В. и съ С.-В. безплодная степь. Городъ находится почти въ 12-ти географическихъ миляхъ къ С.-З. отъ воротъ великой стѣны, называемыхъ Ша-ху-к'эу (Scha-hu-Kheou), на границѣ Шань-си; почти въ такомъ же разстояніи къ Ю.-З. отъ него рѣка Тургэнь, текущая за стѣною, по необозримой равнинѣ, изливается у сел. Тохто (Toto) въ Хуанъ-хэ. Къ С.-З., отъ города поднимаются круто и внезапно высокія горы, покрытыя лѣсомъ. Это есть начало хребта *Инь-шань* (In-shan), называемаго Монголами *Онгинь-ола* ([16]) (Onghin-Ula).

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 18.

1.) *Переходъ миссіонеровъ Хюка и Габе, отъ пересѣченія ихъ пути Кяхтинскою дорогою, до города Ху-ху-хотонь (Khu-Khu-Khota), Города Ху-ху-хотонь, на притокъ Тургэнь-гола и Чаганъ-курень на Хуанъ-хэ.*

Около половины Октября миссіонеры, покинувъ свой ночлегъ близъ Кяхтинской дороги недалеко отъ Хара-хота ([1]), направились, паралельно съ окраиною нагорья, далѣе на Западъ.

---

(16) Маньчжурская госуд географія у Timkovski p. 267.

(1) См. Huc. Souvenir d'un voyage en Tartarie etc. T. I. p. 107 — 124 и выше дополненіе къ § 15.

Черезъ два дня пути они вступили въ княжество Ефэ (Efe), часть территоріи осьми хоругвей (Чахаръ), отдѣленную импер. Кянъ-лунемъ въ пользу одного Халхасскаго князя, его зятя. Удѣлъ этотъ, по словамъ Хюка, былъ образованъ потому что князь былъ не въ силахъ вынести городской жизни при Пекинскомъ дворѣ, а дочь императора, за него выданная — свыкнуться съ кочевою жизнью Халхассовъ. Потому Кянъ-лунь вѣлѣлъ выстроить здѣсь на монгольской окраинѣ, для дочери своей, небольшой, но прекрасный дворецъ и городокъ, и такъ возникло княжество Ефэ. Потомки Халхассовъ сохранили свой народный оттѣнокъ посреди Чахаровъ, и, какъ переселенцы суроваго сѣвера, отличаются своею силою и искусствомъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Въ особенности борьба есть одно изъ самыхъ любимыхъ ихъ удовольствій и миссіонеры, на каждомъ шагу своемъ въ Ефэ, встрѣчали группы борцевъ, въ особенности между дѣтьми.

По выходѣ изъ княжества Ефэ миссіонеры поднялись на гору, у подошвы которой росли еловыя и березовыя рощицы. Взоръ ихъ невольно отдохнулъ на зелени деревьевъ, послѣ унылаго однообразія обнаженныхъ монгольскихъ степей. Здѣсь путешественники встрѣтили трехъ огромныхъ волковъ, которые впрочемъ скоро обратились въ бѣгство, испуганные криками верблюдовъ. Подобныя встрѣчи здѣсь впрочемъ рѣдки, потому что монголы ведутъ пещадную войну хищнымъ животнымъ. Далѣе путешественники слѣдовали вдоль русла долины и поднялись на невысокую гору, встрѣчая длинные ряды караванов. Эта болѣе разнообразная мѣстность соотвѣтствуетъ вѣроятно ручью Цициръ-хана (Tsitsir-Khana), притоку Чжухугола (Djookha-Gol), системы рѣки Янъ-хэ. Послѣ дневнаго перехода къ вечеру миссіонеры разбили свою палатку на ручьѣ, въ виду знаменитаго ламайскаго монастыря Чорчжи (Tchortchi) (2).

(2) Чорчжи означенъ только на одной Европейской картѣ Андріво Гужона изд. 1851 г., но сколько намъ кажется немного болѣе къ западу чѣмъ слѣдовало бы въ меридіанѣ городъ Дай-т'унь-фу. Чоржи есть титулъ главнаго ламы.

Ручей протекающій близъ Чорчжи есть вѣроятно самый Чжу-ху-голъ.

Монастырь этотъ содержитъ до 2000 ламъ и очень любимъ императорами, отъ которыхъ пользуется привилегіями, вкладами и пенсіями должностнымъ лицамъ. Храмы каменные, красиво и прочно выстроены, хотя имѣютъ общій ламайскимъ храмамъ архитектоническій недостатокъ, т. е. слишкомъ низки относительно своей величины. Вездѣ подымаются портики съ витыми колонами, безчисленныя ступени, странные балдахины, тонкія башни и пирамиды. Жилища ламъ—опрятныя, тщательно выбѣленныя мазанки. Внутри храмовъ, противъ главныхъ входовъ, на каменныхъ пьедесталахъ, имѣющихъ видъ обращенныхъ конусовъ, помѣщаются колоссальныя статуи, большею частію сидящихъ идоловъ. Лица ихъ правильны, красивы, кромѣ несообразной длины ушей, и принадлежатъ къ кавказскому типу, не имѣя ничего общаго съ чудовищными лицами китайскихъ идоловъ.

Впереди большаго идола, и наравнѣ съ престоломъ имъ занимаемымъ, помѣщено выточенное кресло, на которомъ обыкновенно возсѣдаетъ живой Будда или Фо т. е. великій лама монастыря. Вся остальная, передняя часть храма, занята длинными и чрезвычайно низкими столами, или лучше сказать диванами, прикрытыми коврами. На нихъ помѣщаются ламы. Внутренность храмовъ наполнена украшеніями, статуями и картинами, изображающими различные эпизоды жизни Будды и трансмиграціи ламъ. Передъ идолами расположены амфитеатрально мѣдные сосуды, блестящіе какъ золото и имѣющіе величину и форму чайныхъ чашекъ. Въ нихъ заключаются безпрестанныя приношенія, состоящія изъ молока, масла, хлѣбнаго вина и пшена. На краяхъ каждой ступени стоятъ курильницы, въ которыхъ горятъ безпрестанно ароматическія растенія, собираемыя на священныхъ горахъ Тибета. Богатыя шелковыя матеріи, обшитыя галунами, образуютъ на головахъ идоловъ какъ бы большіе флаги, съ которыхъ висятъ бандероли и фонари изъ

цвѣтной бумаги. Живопись распространена повсюду, но она не соотвѣтствуетъ ни европейскимъ правиламъ, ни европейскому вкусу. Странное и чудовищное преобладаетъ въ ней, и только ландшафты выполнены лучше чѣмъ драматическіе сюжеты, хотя имъ и не достаетъ перспективы; отдѣльные предметы написаны съ большою вѣрностію и пріятностію. За то каменная и деревянная скульптура стоитъ въ ламайскихъ монастыряхъ гораздо выше живописи. Не смотря на частое отсутствіе вкуса, статуи выполнены правильно и смѣло.

По выходѣ изъ Чорчжи путешественники вступили въ землю красной Чахарской хоругви. Около полудня они встрѣтили очень красивую мѣстность. Пройдя черезъ узкое отверстіе, просѣченное между двумя утесами, которыхъ вершины терялись въ облакахъ, они вступили въ обширную котловину, со всѣхъ сторонъ окруженную горами, поросшими елями. Обильный источникъ давалъ начало прекрасному ручью, окаймленному дягилемъ (ангеликой) и дикой мятой. Этотъ ручей, пробираясь между высокими травами, окружаетъ всю котловину и наконецъ прорывается изъ нея сквозь отверстіе, подобное тому черезъ которое прошли миссіонеры. Мѣстность была такъ привлекательна, что они расположились здѣсь на роздыхъ и ночлегъ. Огромный орелъ похитилъ у нихъ часть приготовляемаго ими на кушанье дикаго козленка. Хюкъ говоритъ что орлы здѣсь чрезвычайно распространены (3). Мѣстность эта и описываемыя ворота, по моему мнѣнію, соотвѣтствуютъ проходу Чжуху-дабанъ (Djookhu-Dabahn), означенному на большой картѣ Клапрота.

Черезъ нѣсколько дней пути, миссіонеры изъ страны Чахаровъ вступили въ западный Тумотъ (4). Передъ ними опять разстилалась обширная степь; только здѣшніе Монголы не ве-

---

(3) См. Huc. Souvenir d'un voyage en Tartarie etc. F. I. p. 158.

(4) Западный есть древній или коренной Тумотъ, восточный же, лежащій на С. отъ Пекина и на В. отъ Чахаръ, состоитъ изъ земель отданныхъ Тумотскому князю первымъ государемъ Маньчжурской династіи, которому этотъ князь оказалъ большія услуги при завоеваніи Китая.

дутъ уже кочевой жизни, а занимаются земледѣліемъ. Они до такой степени сдѣлались Китайцами, что большая часть изъ нихъ забыла родной языкъ и потеряла всю оригинальность монгольскаго характера, и даже выказываетъ нѣкотораго рода презрѣніе къ своимъ степнымъ братьямъ, оставшимся номадами. Равнины Тумота дѣйствительно превосходны, хорошо орошены и представляютъ вполнѣ земледѣльческую страну. Когда миссіонеры проходили здѣсь хлѣбъ былъ давно уже убранъ, но, судя по количеству его на гумнахъ, жатва была обильна. Вездѣ было замѣтно довольство и изобиліе, на дорогѣ не встрѣчалось ни развалившихся жилищъ, ни нищихъ, истомленныхъ голодомъ, и прикрытыхъ рубищемъ, какъ въ Китаѣ; напротивъ земледѣльцы были чисто и хорошо одѣты. Благосостояніе ихъ выражается даже въ превосходныхъ деревьяхъ, окружающихъ ихъ селенія и окаймляющихъ ихъ дороги, между тѣмъ какъ въ другихъ монгольскихъ округахъ, занятыхъ китайскими колонистами, деревья даже со всѣмъ не сажаются, потому-что они рискуютъ быть на другой же день вырванными нищими, нуждающимися въ топливѣ. Изъ этой характеристики западнаго Тумота, представляющаго характеръ не плоскогорія, а холмистой страны, разноображенной долинами, богатой и плодородной, понятно почему онъ играла важную историческую роль со времени древнихъ Хунну, которые здѣсь могли развить свои силы и найти точку опору для дѣйствій своихъ на еще болѣе теплое и богатое дарами природы Срединное царство.

Послѣ трехъ дней пути черезъ земледѣльческій Тумоть, миссіонеры прибыли въ Ху-ху-хотонь.

Ху-ху-хотонь (или Ху-ху-хота), т. е. синій городъ, по кит. *Гуй-хуа-чэнь* (Koui-Hoa-Tchen), состоитъ собственно изъ двухъ городовъ, расположенныхъ въ 5 ли ($2^1/_2$ вер.) разстоянія одинъ отъ другаго. Они различаются между собою названіями стараго новаго городовъ или торговаго и военнаго. Сначала миссіонеры вошли въ сей послѣдній, построенный императоромъ К'анъ-хи

для защиты имперіи противъ сѣверныхъ враговъ ([5]). Городъ этотъ имѣетъ такой красивый и величественный видъ, что на него смотрѣли бы даже съ удовольствіемъ и въ Европѣ. Впрочемъ главную красоту его составляетъ красивая и зубчатая каменная стѣна его окружающая; внутренность же, состоящая изъ низкихъ домовъ китайской архитектуры, не соотвѣтствуетъ величественной внѣшности и не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ правильности расположенія и большой, прекрасной улицы, пересѣкающей городъ отъ В. къ З. Здѣсь пребываетъ Кіанъ-кюнь (Kiang-Kiun) или начальникъ военной дивизіи, состоящей изъ 10000 человѣкъ и потому весь городъ представляетъ только обширную казарму. Маньчжуры, составляющіе здѣшній гарнизонъ, уже всѣ забыли родной языкъ свой.

На другой день послѣ прибытія въ Ху-ху-хотонь путешественники отправились въ торговый или старый городъ. На получасѣ пути, между обоими городами, тянутся непрерывные огороды. Исключая ламайскихъ монастырей, возвышающихся надъ другими зданіями, городъ состоитъ изъ огромной кучи домовъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка. Стѣны стараго города уцѣлѣли, но приращеніе народонаселенія заставило его переступить далеко за эти первобытные предѣлы. Внѣ стѣнъ постепенно образовались обширные кварталы (какъ въ Вѣнѣ), и этотъ застѣнный городъ пріобрѣлъ себѣ бо́льшую важность чѣмъ самый внутренній городъ.

Миссіонеры вошли въ Ху-ху-хотонь сначала по довольно широкой улицѣ, не представлявшей ничего замѣчательнаго, кромѣ большаго Ламайскаго монастыря, называемаго монастыремъ Пяти Башень ([6]). Имя свое получилъ онъ отъ прекрасной квадратной башни, возвышающейся надъ сѣверною частью зданія и служащей основаніемъ пяти другимъ башенкамъ, оканчи-

---

(5) См. Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie T. I. p. 161.

(6) Этотъ монастырь Пяти Башень не должно смѣшивать съ другимъ болѣе знаменитымъ, того же имени, расположеннымъ въ провинціи Шаньси. См. Huc Souv. d'un Voyag. en Tartarie. T. I. p. 169.

вающимся шпицами. Средняя чрезвычайно высока и теряется такъ сказать въ воздухѣ, четыре остальныя значительно ниже.

За Ламайскимъ монастыремъ широкая улица оканчивается вдругъ, и на обѣ стороны идутъ только грязные переулки, превращающіеся наконецъ въ совершенное болото, съ подводными ямами и подводными камнями. Въ улицѣ живутъ большею частію одни кожевники. Далѣе показалась другая улица, довольно широкая и ограниченная съ обѣихъ сторонъ рядами красивыхъ лавокъ. Здѣсь находилась и гостинница «Трехъ Совершенствъ», въ которой остановились миссіонеры.

Ху-ху-хотонь есть одинъ изъ трехъ главныхъ торговыхъ пунктовъ южной монгольской окраины (7). Онъ отстоитъ въ 580 вер. отъ Пекина, въ 150 отъ великой стѣны и 460 отъ Шаньсійскаго города Дай-т'унъ-фу. Отсюда расходятся по Монголіи, кромѣ главнаго предмета вывоза изъ Китая — кирпичнаго чая, просо, листовый и нюхательный табакъ, тисненый холстъ, употребляемый на занавѣсы въ юртахъ, овсяная мука, сѣдла, курительныя палочки, сожигаемыя Буддистами передъ идолами, кухонная посуда и т. д. Въ замѣнъ Монголы пригоняютъ сюда многочисленныя стада быковъ, лошадей, овецъ и верблюдовъ, а также привозятъ мѣха, грибы и соль. Въ особенности же важна здѣсь торговля верблюдами. Для нея устроена обширная площадь, къ которой сходятся главнѣйшія улицы города. Поперегъ этой площади сдѣланы продолговатые бугры, придающіе ей видъ огорода, изборожденнаго исполинскими бороздами и грядами. Верблюды становятся въ одной линіи и притомъ такъ, что ихъ переднія ноги опираются на гребень этихъ возвышенныхъ валовъ. Такое положеніе увеличиваетъ еще болѣе и безъ того уже огромный ростъ верблюдовъ. Столпленіе и шумъ на этой площади необыкновенны. Силу верблюда измѣряютъ вѣсомъ тяжестей постепенно нагружаемыхъ на спину (8).

---

(7) См. Палладія Кафарова о торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ, въ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. Ч. IV. С. П. Б. 1850. стр. 248.

(8) См. Huc Souvenirs d'un voyage en Tartarie etc. T. I. p. 168.

Ху-ху-хотонь получилъ свое названіе отъ близлежащаго древняго кургана, извѣстнаго подъ именемъ «Зеленой Могилы» (9). Въ городѣ существуетъ пять большихъ ламайскихъ монастырей, въ которыхъ находится по 2000 ламъ и 15 меньшихъ, такъ что число одних ламъ въ Ху-ху-хотонѣ безъ преувеличенія составляетъ до 20000 человѣкъ.

Въ концѣ октября миссіонеры оставили Ху-ху-хотонь. Только черезъ нѣсколько часовъ достигли они, слѣдуя по лабиринту загроможденныхъ улицъ, до городскихъ (западныхъ) воротъ. Тутъ началась широкая и гладкая дорога. На правой сторонѣ возвышались цѣпь крутыхъ утесовъ, защищавшая путешественниковъ такъ хорошо отъ сѣверныхъ вѣтровъ, что они нечувствовали осенняго холода. Страна, по которой они слѣдовали, принадлежала еще къ западному Тумоту. Вездѣ видны были тѣже слѣды зажиточности и довольства; безпрестанно встрѣчались деревни, полныя земледѣльческой и торговой жизни. Здѣсь, по свидѣтельству О. Палладія Кафарова (10), обитаетъ особое племя называемое *Хабсурга* и происшедшее отъ смѣшанныхъ браковъ Китайцевъ и Монголокъ. Миссіонеры (Хюкъ и Габе) не разбивали здѣсь болѣе шатровъ своихъ, а ночевали въ гостинницахъ.

На второй день пути они начали приближаться къ Чаганькурепь (значитъ бѣлая ограда). Не слишкомъ далеко отъ него они встрѣтили огромный караванъ бухарскихъ купцовъ, растянутый на 15 ли (около $7^1/_2$ верстъ) и слѣдовавшій въ Пекинъ. Въ глухую ночь путешественники добрались до безмолвныхъ улицъ города.

Чаганъ-курэнь (Tsagan-Kouren) есть прекрасный и обширный городъ, образовавшійся недавно на берегу Желтой рѣки (Хуанъ-хэ). Онъ замѣчателенъ чистотою и шириною своихъ улицъ,

---

(9) См. Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. II. стр. 248.

(10) См. Палладія Кафарова о торговыхъ путяхъ по Китаю, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. IV. С. П. Б. 1850. стр. 248.

правильностью и опрятностью долговъ. Площади города обширны и украшены прекрасными деревьями — особенность не встрѣчающаяся ни въ какомъ другомъ китайскомъ городѣ. Городскія лавки красивы и чисты, и снабжены не только китайскими, но и европейскими товарами, привозимыми сюда изъ Россіи. Торговля однакоже не можетъ быть очень значительна, потому-что ей должно вредить сосѣдство Ху-ху-хотоня. Городъ Чагань-курэнь не означенъ ни на одной европейской картѣ кромѣ Андріво-Гужона изданія 1851 г. ([12]), потому-что онъ не существовалъ еще во времена съемокъ миссіонеровъ. Онъ безъ сомнѣнія находится значительно выше города Тохто и впаденія Тургынь-гола въ Хуанъ-хэ, какъ мнѣ кажется между устьями означенныхъ на картѣ Клапрота небольшихъ рѣчекъ Чжагассутая (Dgessoutai) и Майдари-гола (Maitauri-gol).

---

§ 19.

Изложеніе II. *Южная окраина Нинь-шаня до сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ въ Ордосѣ. Нинъ-хя* (Ning-hia).

1) *Ордосъ, называвшійся нѣкогда Хэ-нань* (Ho-nan) (*т. е. земля къ Ю. отъ Хуанъ-хэ* ([1]), *а въ древнѣйшее время Хэ-дао* (He-Tao). Къ самымъ необыкновеннымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ на Ю.-В. окраинѣ нагорной Азіи, должно причислить наибольшее приближеніе глубокой долины Хуанъ-хэ къ плоскогорью въ Ордосѣ, гдѣ величественная рѣка проникаетъ, какъ ни одна изъ другихъ азіатскихъ рѣкъ, на цѣлый градусъ широ-

---

(11) Andriveau Goujon carte de l'Empire Chinois et du Japon, Paris. 1851; подъ именемъ Hamar-Tshagan-Kouren.

(1) Deguignes Allgem. Gesch. der Hunnen u. Turken, der Mongols u. s. w. Deutsche Uebersetz. von J. C. Dahnert Greifswald. 1768. Th. I. p. 130.

(2) Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris. 1826. 4. p. 112.

ты къ С. отъ параллели Пекина, въ самый внутренній уголъ великаго центральнаго нагорья, но, не имѣя возможности прорвать его сплошной массы, отбрасывается отсюда къ Ю. Міровое положеніе этой страны, физическое состояніе которой еще ни кѣмъ неизслѣдовано (*), должно было имѣть особое вліяніе на историческія судьбы народовъ, какъ можно заключать покрайней мѣрѣ изъ слѣдующихъ указаній. Хуанъ-хэ, т. е. Желтая рѣка (Шара-мурэнь у Монголовъ) вытекаетъ изъ гористой страны Хухэ-нора (т. е. голубаго озера) и, пройдя разными извилинами полныхъ 200 географ. миль (2700 ли), входитъ подъ 36° с. ш. между дикими цѣпями горъ, въ собственный Китай, въ область Гань-су (Kan-Su, нѣкогда Шэнь-си) близъ г. Хэ-чжеу (Ho-Tcheou). Отсюда она продолжаетъ свое теченіе на 5 град. широты (до 41° с. ш.), діагонально къ С.-В., мимо находящагося на лѣвомъ берегу, города Нинъ-хя (38° 32' с. ш.), на протяженіи 80 геогр. миль, до южной окраины нагорной степи Гоби, гдѣ горы Инь-шань останавливаютъ ее въ дальнѣйшемъ направленіи къ С. Отсюда рѣка поворачиваетъ круто подъ прямымъ угломъ къ В. и къ Ю.-В., и, извиваясь многократно, сохраняетъ это направленіе на 50 геогр. миль (на 4 слишкомъ град. долготы), до впаденія сѣвернаго ея притока Тургэня, текущаго отъ Ху-ху-хотоня и до устья параллельной съ нимъ, текущей болѣе къ Ю. и меньшей рѣки Улань-мурэнь (Ulan-Muren), которая, идя отъ воротъ Ша-ху-к'эу (Sha-hu-Keou) къ З., изливается во второе колѣно Хуанъ-хэ. Здѣсь Хуанъ-хэ опять быстро поворачиваетъ къ Ю., мимо города Бао-дэ-чжеу (Pao-Tcheou). Внутренняя часть страны, омываемой большимъ изгибомъ Хуанъ-хэ, называется Ордосъ, по монгольскому племени Чахаръ, поселившемуся здѣсь уже долгое время спустя послѣ паденія Чингисханидовъ и признавшему, подъ именемъ *Ордосъ*, надъ собою власть тогда только что возвышавшихся со славою маньчжур-

(*) См. Дополненіе къ § 19. — *Пр. Пер.*

(3) Китайская Государственная Географія династіи Маньчжу у Timkowski. p. 276.

скихъ побѣдителей Китая (1635). Имя это новое, и собственно земли Ордосъ здѣсь никогда не было (4); но уже прежде она сдѣлалась, подъ именемъ Хэ-нань (Но-nan), т. е. страны лежащей къ Ю. отъ Хэ, или великой рѣки, извѣстною въ исторіи Хунну (Hiong-nu), когда эти опаснѣйшіе сосѣди Китайцевъ постоянно имъ угрожали своими нападеніями, въ первыя столѣтія нашей эры. Въ то время эти Хунну утвердились именно потому въ степи, внутри изгиба Хуанъ-хэ, что отсюда была имъ легко доступна плодородная область Шэнь-си; отсюда находилась также не далѣе какъ на разстояніи 50 геогр. миль (700 ли) (5) древняя столица императоровъ династіи Цзинь (Tsin), мѣстопребываніе Ши-хуана (Shy-Hoang) (*) — *Хянь-янъ* (Hiang-Yang), нынѣ *Си-ань-фу* (Sin-Ngan-fu), на рѣкѣ *Вей-хэ* (Hoei-ho) (**), лѣвомъ притокѣ Хуанъ-хэ; почему летучимъ коннымъ толпамъ было всегда легко нападать изъ сихъ степей на самый центръ государства.

Страна эта сдѣлалась тогда театромъ многихъ битвъ, а чрезъ послѣднія завоеванія Чингисъ-Хана и по внезапной его смерти близъ рѣки Хуанъ-хэ, опять классическою землею для блистательнаго владычества Монголовъ. Іезуитъ Жербильонъ (6), который объѣздилъ почти всю обтекаемую рѣкою Хуанъ-хэ страну, говоритъ что она холмиста, покрыта большею частію подвижными дюнами летучаго песка, на неровной своей поверхности во все не имѣетъ деревъ, и только въ немногихъ мѣстахъ удобна къ воздѣлыванію, но въ орошенныхъ водою впадинахъ изобилуетъ прекрасными лугами, покрытыми сочною травою и хорошимъ кустарникомъ. Страна эта потому богата дичью и наполнена стадами зайцевъ, фазановъ и куропатокъ. Неутомимый Канъ-хи, которому, какъ Великому Государю, надлежало быть

---

(4) Jsanang. Jsetsen. p. 184. not p. 407.

(*) Имя основателя династіи Цзинь. — *Пр. Пер.*

(**) Рѣку эту от. Іакинѳъ называетъ Вей-шуй. (См. Стат. опис. Кит. Имп. Ч. I. стр. 130). — *Пр. Пер.*

(5) Gerbillon. Voy. VI. p. 436. Voy. VII. p. 463.

(6) Deguignes Geschichte des Hunnen b. Dahnert. Th. I. p. 142, Китайск. Госуд. Геогр. у Timkowski. II. p. 268.

и первымъ охотникомъ, проходилъ эту область, отъ одного конца до другаго, съ лукомъ въ рукѣ, и огромное количество дичи было убиваемо имъ, самымъ лучшимъ стрѣлкомъ своего государства. По условіямъ мѣстности страна эта осталась обиталищемъ однихъ кочующихъ народовъ. Только при династіи Минь, съ средины XIV вѣка, введено здѣсь земледѣліе, но съ 1460 года область населена опять Номадами, именно Монголами, которые со стадами своими, кочуютъ здѣсь донынѣ, раздѣлены на 7 знаменъ и платятъ дань Китаю, чрезъ ближайшія ворота великой ны Шаху-к'эу. Для содержанія ихъ въ повиновеніи китайскіе императоры посѣщали эту страну отъ времени до времени, и еще въ древнѣйшія времена Китайской исторіи эта дикая область была отдѣлена къ Ю. отъ болѣе гостепріимнаго и плодороднаго Китая великою стѣною, идущею полукругомъ отъ одного берега Хуанъ-хэ до другаго, отъ Бао-дэ-чжеу (Pao-Tcheou) до Нинъ-хя. Къ Ю. отъ стѣны находятся хлѣбородныя области Шэнь-си и Гань-су, съ многочисленными ихъ деревнями, весьма древними поселеніями и воздѣланными землями, къ С. же отъ нея обтекаемое рѣкою пространство причисляется къ землѣ варваровъ и къ степной почвѣ. Подобно какъ на З. и на В. воздвигнута здѣсь стѣна въ самыя раннія историческія времена, съ царствованія Ши-Хуана (со II стол. до Р. Хр.) для защиты отъ нападеній Хунну. Исторія этого времени сохранила намъ тотъ фактъ (7), что императоры старались устроивать внутри стѣны въ области Шэнь-си, укрѣпленія, города, деревни, водворять постоянное населеніе въ краѣ, подобно какъ современно имъ Римляне колонизировали заключенный между Дунаемъ и Рейномъ уголъ *Алеманіи* (Agri, Decumates). По первымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ поселено здѣсь, еще во II вѣкѣ до Р. Хр., Китайскихъ колонистовъ съ ихъ семействами, круглымъ числомъ до милліона людей. Это была не единственная политическая мѣра, къ которой должно было прибѣгнуть для удаленія вѣковыхъ вра-

(7) Deguignes Gesch. der Hunnen b. Dähnert. Th. I. p. 142.

говъ отъ прекрасной земли, которую они считали уже не разъ своею добычею.

Объясненіе этихъ событій можемъ безъ сомнѣнія искать въ физическомъ устройствѣ края. Здѣсь прежде всего заслуживаетъ вниманія, то, что изъ южной, окруженной стѣною, полосы края, песчаная внутренность котораго лишена текучей воды, изливаются за стѣну во всѣ стороны, въ особенности къ Ю.-В. и къ Ю. съ отвѣсныхъ горъ, рѣки, которыя впадаютъ въ Хуанъ-хэ, въ среднія части его теченія въ Ю.-В. направленіи, тамъ гдѣ онъ образуетъ границу между Шаньси и Шэньси. Горы спускаются въ глубокія долины уже за стѣною (въ Китаѣ), и, послѣ подиятія на нихъ затруднительными дорогами, совсѣмъ не упоминается о склонахъ ихъ на внутренней ея сторонѣ. По этому самому стѣна проведена на высотахъ горной цѣпи отъ Баодэ-чжеу на Ю.-З. до воротъ 'Ань-бянь-п'у (Ngan-pien-pou) (*). Окруженный рѣкою и стѣною Ордосъ должно посему считать, на всемъ его протяженіи, весьма высокою песчаною степью, которая только къ Ю.-З., между 'Ань-бянь п'у и Нинъ-хя на Хуанъ-хэ, въ болѣе открытой и нѣсколько плодородной мѣстности, изобилующей самородною и ключевою солью, соединяется съ высокою и расположенною уступами страною верховья Хуанъ-хэ. Степь эта склоняется весьма постепенно къ С.-В., ибо сѣверный и южный берега Хуанъ-хэ, близъ впаденія Тургэня, находятся среди необозримыхъ равнинъ, между тѣмъ какъ рѣка въ обратномъ направленіи своемъ на Ю. мимо Баодэ-чжеу течетъ между крутыми и высокими горами.

На такой отвѣсной стѣнѣ горъ лежитъ уже первый городъ Фу-гу-хянь (Fu-ko-hien) на западномъ берегу Луань-хэ (**), и

(*) Вѣроятно Ngan-Ting pou большой карты Клапрота. Самыя крайнія ворота стѣны къ правому берегу Хуанъ-хэ названы на той же картѣ Хуанъ-чжень-п'у (Hoang Tching Phu). — *Пр. Пер.*

(**) Противъ Баодэ чжеу въ провинціи Шеньси. Городъ этотъ существуетъ со временъ династіи Т'анъ властвов. отъ 618 до 907 г. См. Ed. Biot. Dict. des villes chinoises p. 20. — *Пр. Пер.*

только затруднительными дорогами можно отсюда достигнуть лежащихъ близъ стѣны, по ту сторону ея, въ гористой странѣ городовъ Чжень-кянъ-фу (Tschin-Kiang-fu), Шэнь-му-хянь (Schin-mu-hien), Бей-линь-п'у (Pien-ling-phu у Рит., Pe-ling-phu на кар. Клапр.) и Юй-линь-вэй (Ju-lin-wei) (38° 36′ с. ш.) (8). Это суть частію крѣпости и значительные пограничные города (*) которые у воротъ великой стѣны служатъ жителямъ Ордоса рынками, гдѣ они вымѣниваютъ произведенія своихъ стадъ, въ особенности лошадей, рогатый скотъ, овецъ и шкуры, на фабричныя и другія произведенія Китая, именно: на табакъ, чай, шелковыя издѣлія, ленъ и т. д. Чтобы миновать эту гористую и утесистую часть Китая, прилегающую къ стѣнѣ со внутренней ея стороны, и имѣющую весьма затруднительныя дороги, императоръ предпочелъ слѣдовать отъ горы Юй-линь-вэй (Yu-lin-wei), по кратчайшему діагональному пути (**), чрезъ песчаную область Ордосъ до 'Ань-бянь-п'у и такимъ образомъ обойти внѣ Китая всѣ 13 крѣпостей, которыя устроены тамъ между обоими помянутыми городами на разстояніи трехъ миль (40 ли) одна отъ другой, у самой великой стѣны, обратившейся здѣсь уже съ давняго времени въ пичтожный валъ, менѣе чѣмъ въ 44 футовъ высоты. Отъ 'Ань-бянь-п'у далѣе къ западу до Хуанъ-хэ, горныя цѣпи отступаютъ; здѣсь разстилается, какъ уже сказано, къ западу до Хуанъ-хэ, большая открытая мѣст-

---

(*) Первый изъ нихъ не находится въ словарѣ Біо, но означенъ на кар. Клапрот. Шэнь-му по наблюд. древн. миссіон. находится подъ 38° 25′ 20″ с. ш. и 107° 46′ в. д. отъ Пар. При династіи Т'анъ онъ назывался Синъ-цзинъ, со временъ династіи Сунъ (въ концѣ X в.) получилъ нынѣшнее названіе. Третій городъ не находится въ словарѣ Біо, но означенъ на картѣ Клапрота. Юй-линь, по набл. древн. миссіон, расположенъ подъ 30° 18′ 8″ с. ш. 107° 2′ 30″ в. д. отъ Пар. При династіи Суй и Т'анъ онъ назывался Шэнь-чжеу (Ching-Tcheou), а нынѣшнее названіе получилъ со временъ династіи Минь. См. Ed. Biot. Dict. des villes chinois. p. 11 и 301. — *Пр. Пер.*

(8) Gerbillon у du Halde IV p. 453.

(**) Подобный же діагональный путь черезъ песчаный Ордосъ избрали миссіонеры Хюкъ и Габе отъ Чагань куреня до Нинъ-ся. См. дополненіе къ § 19. — *Пр. Пер.*

ность до Нинъ-хя, съ менѣе песчаною и болѣе плодородною почвою, и только къ З. отъ рѣки и упомянутаго города подымается другая, весьма высокая цѣпь горъ, которая ведетъ обратно на нагорье. Если присоединить къ этимъ скуднымъ показаніямъ еще имѣющіяся немногія данныя о климатѣ, именно, что близъ Нинъ-хя въ половинѣ Апрѣля (13 Апрѣля 1697 г.) выпалъ снѣгъ ([9]), что въ концѣ Ноября (29 ч. 1795 г.) Хуанъхэ, близъ устья Тургэня, при ширинѣ въ 820 пар. футовъ, почти въ параллели Пекина, покрылась толстымъ льдомъ, по которому переправлялся большой караванъ, что во всемъ Ордосѣ не растетъ лѣсу, — то нельзя не признать этотъ песчаный, образуемый рѣкою полуостровъ, находящійся такъ далеко въ континентальной Азіи, за обширную долину, которая, будучи окружена со всѣхъ сторонъ высокими горами, служитъ ступенью высокаго плоскогорія, обращеннаго къ С.-З. гористому углу Китая. Воздухъ, который въ низменныхъ частяхъ Китая имѣетъ частію вредное вліяніе на человѣка, здѣсь, по средней части теченія Хуанъ-хэ, весьма здоровъ. Императоръ К'анъ-хи пишетъ съ восхищеніемъ объ этомъ путешествіи къ наслѣднику своему въ Пекинъ, въ письмѣ, которое сохранилъ намъ Малья: «какъ скоро переѣдешь Хуанъ-хэ, горы, рѣки и вся мѣстность принимаютъ самый пріятный видъ, и я не умѣю сравнить ихъ ни съ чѣмъ. Селенія состоятъ изъ укрѣпленій на вершинахъ горъ, долины становятся рѣдки и необширны. Горы эти плодородны, хорошо воздѣланы, жители трудолюбивы, воины крѣпкаго сложенія и воздухъ превосходенъ; болѣзни здѣсь мало извѣстны». При совершенномъ недостаткѣ въ болѣе точныхъ извѣстіяхъ, конечно нельзя доказать несомнѣннымъ образомъ, однакоже весьма вѣроятно, что это единственное значительное расширеніе южной горной окраины нагорной степи Гоби есть огромный провалъ земли, или, по крайней мѣрѣ, большая высохшая котловина озера, которое могло находиться съ южной стороны

9) Gerbillon p. 464, 433.

главнаго подъема материка, подобно тому какъ съ сѣверной стороны находится въ томъ же направленіи Байкальское озеро. Хуанъ-хэ могъ прорвать окаймлявшія озеро цѣпи песчаника и открыть себѣ свободный путь въ низменную часть Китая, а бывшія песчаныя мели въ озерѣ — обратиться въ волны летучаго песку; такимъ образомъ озеро сдѣлалось настоящимъ песчанымъ моремъ съ осадками соли. Изъ такой мѣстности кочующія въ степи орды могли нападать на лежащія къ Ю. отсюда плодородныя и воздѣланныя области Шань-си и Шэнь-си, подобно тому какъ Мавританскіе народы — на плодородную долину Сенегала (близъ Escale du desert), и тѣмъ удобнѣе, что здѣсь, какъ и тамъ, песчаная степь доходитъ вплоть до главной рѣки и частію переходитъ ее.

Примѣчаніе. *Китайскія наводненія:* 1) *во времена Кунъ Куна.* 2) *Во времена Яо (Yao).* Преданіе о Китайскомъ потопѣ ([10]) и еще древнѣйшая баснословная исторія указываетъ на подобныя явленія и въ этой же мѣстности. Первый миѳъ приведемъ мы здѣсь словами Клапрота. По лѣтосчисленію Китайцевъ великій потопъ ихъ совпадаетъ по времени съ бывшимъ въ ближней Азіи (Vorder-Asien), хотя въ ихъ историческихъ извѣстіяхъ и не упоминается опредѣлительно о всемірномъ потопѣ. Въ нихъ говорится, что во времена Фу-си (Fu-si, 3100 лѣтъ до Р. Хр.) бунтовщикъ, по имени К'унъ-к'унъ ([11]), произвелъ большое наводненіе. Лице это принимается за аллегорію злаго начала въ слѣдующемъ сказаніи: «К'унъ-к'унъ находился въ борьбѣ съ Чуанъ-хэ (Tschuang-chio) за владычество міромъ; въ гнѣвѣ онъ ударилъ такъ сильно рогомъ въ гору П'у-чжеу (Pu-Dscheu), что столбы, поддержавшіе небо, сломались и связи земли разорвались. Небо упало къ С.-З., и земля раскололась по направленію къ Ю.-В., отъ этого произошло наводненіе.» Клапротъ полагаетъ что здѣсь есть намекъ на причину разрушенія средней Азіи къ С.-З. отъ Китая, обратившую эту страну въ каменную пустыню и уничтожившую къ

(10) Asia Polyglotta. Paris 1832 4 p. 28.

(11) Срав. Kurz. Mém. sur le Chouking въ Nouv. Journ. asiat. T. VI 1830 p. 110.

Ю.-В. континентъ, остатками котораго могутъ быть острова Австраліи.

Если ограничимъ Китайское сказаніе о великомъ потопѣ, какъ это сдѣлалъ уже Дегинь ([12]), меньшимъ пространствомъ и примѣнимъ оное, согласно преданіямъ Китайской лѣтописи Конфуція въ Шу-кингѣ (Schu-King), къ историческому времени и къ опредѣленной мѣстности, то расказъ сей, относящійся къ патріархальнымъ временамъ Яо, жившаго за 2300 лѣтъ до Р. Хр. въ древнѣйшей воздѣланной части Китая въ *Шань-си* (тогда Личжеу), указываетъ также на среднюю часть теченія Хуанъ-хэ къ С.-З. отъ Китая. Здѣсь было древнѣйшее мѣстопребываніе тѣхъ дикихъ еще народовъ, которые поселились сначала ([13]) въ Шэнь-си и оттуда уже, подъ предводительствомъ Фу-си, двинулись къ В. и открыли остальную часть Китая до моря. Лѣтописи ([14]) разсказываютъ что на 61 году царствованія великаго Яо (за 2297 л. до Р. Хр.), современника Авраама, произошло такое великое наводненіе во всѣмъ государствѣ, что воды Хуанъ-хэ слились съ водами Янъ-цзы-кяна (т. е. синей рѣки) и всѣхъ рѣкъ, находящихся между сими двумя главными рѣками; отчего образовалось обширное море прѣсной воды, которое угрожало покрыть горы. Наводненіе казалось безграничнымъ, опустошеніе государства было ужасное, холмы уже покрылись водою, пашни были уничтожены, бѣдствіе произвело общее отчаяніе; мудрый Яо, держалъ совѣты и князь Бэй-гунь (Pe-Koen), искуснѣйшій изъ строителей, трудился 9 лѣтъ надъ спускомъ воды открытіемъ ей новыхъ истоковъ. Но только десять лѣтъ послѣ него удалось *Юй* (*Y-u*), посредствомъ мудрой системы осушенія, избавить государство отъ общей погибели, къ которой оно приближалось постепенно. Онъ началъ съ осушенія области Шаньси, гдѣ воды до того возвысились, что Фынь-шуй (Fen-choui) тогда Фынь-хэ (Fen-ho), главный притокъ Хуанъ-

(12) Deguignes Gesch. der. Mongolen Th. Einleitung. p. 4.
(13) Mailla Hist. gén. de la Chine. Paris 1777 T. I p. 1.
(14) Mailla p. 54.

хэ къ В. изъ области Шэнь-си, не имѣлъ болѣе стока, такъ что вся внутренняя равнина области обратилась въ озеро. Онъ приступилъ первоначально къ расширенію каменнаго ложа Хуанъ-хэ, въ направленіи его къ Ю. при выходѣ изъ Ордоса (о которомъ однакоже тогда вовсе неупоминается); такимъ образомъ масса воды текла отъ С.-З. Юй ([15]), какъ гласитъ лѣтопись, взорвалъ часть горы Лунъ-мынь (Long-men) у Хуанъ-хэ (35° 40′ с. ш.), расширилъ узкое русло рѣки у П'у-чжеу (Hou-Keou у Ритт.) и удержалъ ее чрезъ то въ берегахъ; такимъ образомъ онъ доставилъ стокъ притокамъ рѣки и осушилъ Шэнь-си. Пат. Малья, посѣтившій эту мѣстность при съемкѣ Китайской имперіи ([16]), упоминаетъ еще о весьма высокой горѣ *Сань-мынь* (San-men), которая также была разрѣзана, и вмѣстѣ съ упомянутою горою представляетъ еще нынѣ громадную работу отдаленной древности для спуска водъ Хуанъ-хэ, приведшую его въ удивленіе. Откуда шло наводненіе, почему оно было причинено непобѣжденнымъ еще и неразвившимся Хуанъ-хэ, — объ этомъ, какъ само собою разумѣется, умалчиваетъ исторія. Никто не зналъ и не посѣщалъ этихъ дикихъ странъ, изъ которыхъ, по преданію, съ С.-З. стороны Хуанъ-хэ вышли первые обитатели Китая, отъ нихъ могъ произойти приведенный миѳъ, какъ объясняющій причину ихъ переселенія, и перейти въ этой замѣчательной формѣ еще въ древнѣйшія времена въ миѳологическую исторію Конфуція. — Прорывъ и изліяніе большаго озера въ Ордосѣ могли бы легко объяснить такія показанія. Если въ позднѣйшее время говорится часто о большихъ наводненіяхъ, которыя причинялъ Хуанъ-хэ, въ нижней части своего теченія ([17]), внѣ гористой страны, то они различны отъ упомянутыхъ, которыя должны были выходить именно съ уступовъ средняго теченія рѣки. Если принять еще въ соображеніе, ужасныя землетрясенія, которымъ подвергался сѣверный Ки-

(15) Mailla p. 60.
(16) Mailla. Lettre I p. CX.
(17) Mailla T. VIII p. 244 etc.

тай съ древнѣйшихъ временъ (такъ въ 1037 году до Р. Хр. погибло въ Шэнь-си болѣе 20,000 человѣкъ отъ землетрясенія, простиравшагося отъ Западной стороны Хуанъ-хэ еще на 150 ли (12 географ. миль) по его восточному берегу) ([18]), то вышеизъясненное предположеніе сдѣлается еще болѣе вѣроподобнымъ. Научное подтвержденіе его геогностическими фактами должно быть предоставлено будущности.

3) *Нинъ-ся* (столица *Ся*), *Хинъ-чжеу* (Hing-Tcheou). *Егригаія.* Если возвратимся на лѣвый берегъ Хуанъ-хэ къ гористому нагорью, то и здѣсь можемъ привести только нѣкоторыя частныя данныя и почти одни названія, изъ скудныхъ источниковъ, вовсе неповѣренныхъ наблюденіями ученыхъ путешественниковъ. Мы начнемъ съ положенія Нинъ-ся, чтобы возвратиться отсюда большою дугою въ Ху-ху-хотонь. *Нинъ-ся* ([19]) лежитъ подъ 38° 32′ 40″ с. ш., 10° 21′ зап. долг. отъ Пекина, по наблюденію высоты солнца, сдѣланному самимъ императоромъ К'анъ-хи ([20]) и по наблюденію солнечнаго затмѣнія въ 1797 году. По исчисленію К'анъ-хи и его астрономовъ городъ находится въ 161 геогр. миль (2150 ли) къ З. отъ Пекина. Онъ расположенъ на западномъ берегу Хуанъ-хэ, который здѣсь весьма широкъ, глубокъ, столь же мутенъ какъ ниже, и по которому ходятъ большія барки. Хуанъ-хэ течетъ по обширной равнинѣ, которая трудолюбіемъ жителей хорошо воздѣлана, обсажена многими деревьями, и будучи орошена каналами, проведенными изъ рѣки, обращена въ многочисленныя рисовыя поля. Каналы эти были уже устраиваемы вѣроятно въ XII столѣтіи; ибо они безъ сомнѣнія побудили Чингисъ-хана, при первой осадѣ этого города (въ 1209 г.), къ неудавшейся попыткѣ ([21])—потопить городъ отводомъ Хуанъ-хэ, что сдѣлалось одинаково пагубнымъ собственному его лагерю: рѣка

(18) Тамъ же p. 210 etc.

(19) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XX p. 272 not.

(20) Gerbillon Voy. VII y Du Halde IV p. 464.

(21) Mailla Hist. gén. de la Chine T. IX p. 43.

прорвала плотины и принудила его къ отступленію. Только на разстояніи одного дня пути къ З. отъ города равнина ограничивается высокою цѣпью горъ, которая поднимается круто, подобно стѣнѣ и, защищая отъ нападеній извнѣ, замѣняетъ высокую стѣну на нѣкоторомъ протяженіи. Ишъ-хя принадлежитъ къ значительнѣйшимъ и красивѣйшимъ (*) между западными городами, прилегающими къ стѣнѣ и имѣетъ около полутора часовъ (15 ли) въ окружности. Дома въ немъ деревянные, такъ какъ находящіяся вблизи горы покрыты лѣсомъ и доставляютъ дешевый строевый матеріалъ. Окрестности на большое разстояніе снабжаются отсюда этимъ столь рѣдкимъ въ нагорьѣ матеріаломъ. Въ городѣ существуютъ хорошія ковровыя и писчей бумаги фабрики; въ окрестностяхъ превосходное коневодство и разводятся лучшіе во всемъ Китаѣ лошаки. Ближайшія озера и воды весьма обильны рыбою. Земледѣліе вокругъ Ишъ-хя отличаетъ эту мѣстность весьма выгодно отъ окружающей ее страны; чрезвычайное плодородіе происходитъ отъ значительнаго развѣтвленія каналовъ. По увѣренію жителей требуется ежегодно для поправки многочисленныхъ шлюзовъ, послѣ орошенія полей, до 2000 работниковъ. Пашня не требуетъ обработки плугомъ, почва богата селитрою; вся окрестность заселена подобно большой деревнѣ и представляетъ путешественнику, послѣ пустынь, которыя онъ такъ долго проходилъ, видъ прекраснѣйшей земледѣльческой страны. Нынѣ Ишъ-хя есть главный городъ особаго округа; въ прежнее же время онъ былъ на короткое время съ 420 года по Р. Хр. столицею ([22]) владѣтелей, изъ племени Хунъ-ну, которые переселились сюда, изъ песчаной страны, внутрь изгиба Хуанъ-хэ. Пребываніе ихъ здѣсь было непродолжительно, но въ то время городъ получилъ свой титулъ *Хя* ([23]). Находясь къ В. отъ Тангута, городъ этотъ

(*) См. дополненіе къ § 19. *Ир. Пер.*

(22) Mailla Hist. gén. V p. 2. IX p. 84, 188, 127; Deguignes Gesch. der Hunnen übers. von Dähnert Einl. p. 208.

(23) Klaproth Tabl. Hist. de l'Asie p. 112.

впослѣдствіи сдѣлался, подъ именемъ Хинъ-чжеу (Hing-Tcheou), довольно извѣстнымъ въ исторіи восточной Азіи, какъ средоточіе независимаго государства по р. Хуанъ-хэ ([24]). То было Тюркское государство Данъ-хянь (Thang-Hiang), принявшее титулъ *Ся* (по сѣв. произн. Ся) и сначала, хотя зависѣвшее отъ династіи Таиъ (которая царствовала съ 618—907 г.), но впослѣдствіи сдѣлалось независимымъ и довольно сильнымъ. Благодаря своему защищенному самою природою положенію и политикѣ, которой держались его владѣтели, между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ (между династіями Сунъ (Song), Ляо (Leao) и Гинь (Kin), и между Монгольскими, Тюркскими и Тибетскими племенами на С., З. и Ю., государство сохранило свою независимость до Чингисъ-хана, неопреодолимому могуществу котораго покорились всѣ государства, и должно было наконецъ уступить и это, послѣ четырехъ-кратнаго нападенія ([25]). Городъ былъ въ первый разъ сожженъ и разграбленъ Чингисъ-ханомъ въ 1205 году, когда онъ шелъ съ нагорья. Не ранѣе 1227 окончено полное покореніе государства, послѣ завоеванія 40 другихъ государствъ и побѣды надъ двѣнадцатью великими государями земли, какъ выражается монгольскій лѣтописецъ, и эта была послѣдняя блистательная побѣда великаго завоевателя. Съ того времени Нинъ-хя, съ округомъ своимъ, сдѣлался зависимою областью. Въ этомъ согласуются и китайскіе и монгольскіе историческіе источники, но только различествуютъ въ самомъ названіи города. Монгольская исторія ([26]) называетъ покоренный городъ Турмегей (Turmegei), а побѣжденные въ Тангутѣ народы—Минакъ (Minnak), имена, которыя не встрѣчаются въ другихъ ист ликахъ (*). Турмегей есть именно этотъ Нинъ покоренныхъ Ся (также Арбака у Лакроа въ его Hist de Geng-

(24) P. Gaubil Hist. des Tang. въ Mém. conc. l. Chinois T. XVI p. 367.

(25) Description d. Tubet p. Hyacinthe; Klaproth въ N. Journ. Asiat. T. IV. p. 116.

(26) Ssanang-ssetsen Gesch. d. Ost-Mongol. v. Schmidt. St.-Petersb. 1829. 4 p. 97 not. p. 387.

(*) По свидѣтельству В. П. Васильева Минакъ есть тибетское и донынѣ употребительное названіе для означенія Нинъ-хя и царства Ся. *Пр. Пер.*

hischan, и Egrigaia у Марко Поло), со стѣнъ котораго старая волшебница ниспослала на осадное войско Монголовъ проклятія, заклинанія и страшную моровую язву, погубившую множество людей и лошадей. Послѣ возсталъ еще самъ царь (Шидургу-каханъ), который былъ свѣдущъ въ волшебствахъ и превращеніяхъ (какъ Хубильганъ), противъ раззорителя государствъ и могъ быть убитымъ только магнитнымъ кинжаломъ. Вообще Нинъ-хя былъ издревле мѣстомъ разныхъ волшебствъ. Красавица жена Кахана, которую взялъ Чингисъ-ханъ себѣ въ жены, нанесла ему на брачномъ ложѣ вредъ, отъ котораго онъ занемогъ, разслабъ и остался немощнымъ. Она утопилась, какъ говоритъ преданіе, въ Хуанъ-хэ (Шара-мурэнь у Монголовъ), который потому въ верхнемъ своемъ теченіи еще до нынѣ называется у Монголовъ *Хатунь-мурэнь* или *Хатунь-эхэ* (Katun-eke), т. е. царицыною или женскою рѣкою. Для избѣжанія лѣтнихъ жаровъ 66 лѣтній герой рѣшился перенести лагерь на солнечную сторону Алтанъ-шана, на восточномъ берегу Хуанъ-хэ. Въ китайской исторіи гора эта именуется *Лю-п'ань-шань* (Leou-P'an) ([27]), и мѣсто ея указывается въ 20 ли къ З. отъ Гу-юань-чжеу (Kou-Youen-Tcheou), нынѣ К'ай-юань (Kay-Yuen, подъ 36° с. ш. и 10° зап. долг. отъ Пекина) слѣдовательно въ области Гань-су. На положеніе ея было мало обращаемо вниманіе и самое названіе мало извѣстно (*). Но указываемая мѣстность совпадаетъ съ цѣпью снѣговыхъ горъ которыя приводятся въ государственной географіи подъ именемъ Сюэ-шань (Sue-Shan) въ 9 миляхъ (120 ли) къ С.-З. отъ форта Си-'ань-фу (Si-Ngan-Fu) (36° 47′ с. ш. 102 в. долг. отъ Парижа) ([28]), и именно на С.-В. берегу Хуанъ-хэ, прямо на Ю. отъ Нинъ-хя. Это поло-

(27) Mailla Hist. génér. IX p. 127. См. Carte de la Tartarie chinoise dressée d'après les observ. du P. Mailla par Brion de la Tour. 1779.

(28) Klaproth magas. Asiat. p. 145.

(*) Положеніе ея объяснено картою центральной Азіи Клапрота. Она помѣщена на этой картѣ въ верховьяхъ Вей-хэ, близъ города Гунъ-чжанъ-фу (Kung-Tchang-Fu) провинціи Ганьсу, слѣдовательно тремя съ половиною градусами южнѣе Нинъ-хя. *Пр. Пер.*

женіе подтверждается и въ Tarikh Djichan kuschai ([29]), въ которомъ присовокупляется, что гора Лю-п'анъ находилась на тогдашней границѣ трехъ государствъ, именно *Гинь*, или сѣвернаго Китая, на С.; *Сунъ* или южнаго Китая на Ю. и *Хя* на З.; слѣдовательно въ весьма важномъ мѣстѣ для дальнѣйшихъ успѣховъ завоевателя, который скончался здѣсь, на границѣ этихъ трехъ государствъ, подпавшихъ впослѣдствіе подъ власть его наслѣдниковъ. Здѣсь еще застало его посольство императора династіи Гинь, поднесшее ему богатую дань драгоцѣннымъ (маньчжурскимъ) жемчугомъ, которой онъ частію раздѣлилъ между своими полководцами, а частію отдалъ своимъ воинамъ на расхватъ. Упомянутая цѣпь горъ повелѣваетъ надъ входомъ изъ Шэнь-си въ низменный южный Китай. Отсюда, будучи увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія, онъ расчитывалъ проникнуть побѣдителемъ вдоль р. Вей-хэ (Hoei-Ho), въ столицу Си-'анъ-фу (Si-Ngan-Fu) и къ нижнему Хуанъ-хэ, въ самое сердце Китая, подобно тому какъ нѣкогда Ганнибалъ, перейдя Альпы, проникъ по р. По въ Италію. Этимъ объясняется совершенно послѣднее стратегическое распоряженіе, завѣщанное Чингисъ-ханомъ своимъ полководцамъ ([30]) — потребовать отъ династіи Сунъ (Song) свободнаго прохода чрезъ знаменитое ущелье *Тунъ Гуань* (Thung-Kouan) ([31]), которое лежитъ подъ 34° 39′ с. шир. и 107° 45′ в. долг. отъ Парижа. Какъ Китай былъ тогда раздѣленъ на два особыя владѣнія, и сѣверное было такъ сильно укрѣплено и такъ упорно защищалось, что Чингисъ-ханъ долженъ былъ оттуда неоднократно отступать, то это и привело его къ намѣренію—начать покореніе богатой страны съ южной стороны; для сего именно ущелье Т'унъ-гуань открывало прежде всего свободный путь въ землю династіи Сунъ. Уже прежде

---

(29) Histoire des Mongols p. d'Ohsson T. I p. 284.

(30) Mailla Hist. gén. IX t. c.; ср. Timkowski Voy. II p. 222, not; Tabl. hist. de léhsie p. 216, 224 и др.

(31) P. Gaubil Hist. de Gentchiscan etc. Paris 1739, 4 p. 29; Mailla Hist. génér. T. IX p. 71, 76, 138, 142; Deguignes Gesch. der Hunnen. T. III p. 77.

(въ 1215) Чингисъ-ханъ пытался, но тщетно, взять приступомъ это ущелье.

При упомянутой горѣ Лю-п'анъ, въ сосѣдствѣ Нинъ-хя, скончался, вскорѣ послѣ покоренія царства Хя, грозный Чингисъ-ханъ; тѣло его было перевезено съ погребальными воплями въ отечество на Сѣверъ, и всѣ попадавшіеся на пути были убиваемы какъ посмертныя жертвы покойнаго.

Уже Клапротъ доказалъ, что городъ Нинъ-хя, въ концѣ XIII столѣтія, былъ описанъ Маркомъ Поло подъ именемъ *Егригаія* ([32]); въ немъ тогда уже были фабрики для выдѣлки ковровъ (Zambelotti di peli di camelli) (*) и онъ сдѣлался важнымъ рынкомъ для Китая съ того времени, какъ эта область была присоединена къ Китаю Монгольскими владѣтелями его. Съ упадкомъ Монгольской власти страна эта была временно занимаема разными ордами, но возвращалась всегда опять Китаю. Она была преимущественно опорою Маньчжурскихъ императоровъ, которымъ рано подчинились сосѣднія орды Ордосовъ. Подъ защитою сихъ императоровъ городъ Нинъ-хя, распространился, пришелъ въ цвѣтущее состояніе и сдѣлался важнымъ гарнизоннымъ пунктомъ для китайскихъ западныхъ арміи. Для обезпеченія западныхъ своихъ границъ отъ враждебныхъ сосѣдей съ С. и Ю. — Элютовъ, Турковъ и Тибетцовъ императоръ К'анъ-хи, утвердивъ Маньчжурскую власть на В., предпринялъ упомянутое путешествіе къ Нинъ-хя. Путешествіе это, которымъ К'анъ-хи хвалился, какъ первымъ изъ совершенныхъ Китайскими императорами по Хуанъ-хэ ([33]), есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, которому мы обязаны наличными свѣдѣніями о природѣ этого края.

---

(32) M. Polo у Рамузія с. 51. fol. 16 ed. Marsden p. 235.

(33) Mém. conc. l'hist. des Chinois. T. IV. p. 478.

(*) И нынѣ Нинъ-хя и горы Ала-шань, по свидѣтельству В. П. Васильева, снабжаютъ прекрасными издѣліями изъ козьей шерсти не только Пекинъ и Тибетъ, но даже сѣверную Индію. — *Ир. Пер.*

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 19.

Переѣздъ миссіонеровъ Хюка и Габе черезъ Ордосъ изъ Чагань-куреня въ Нинъ-хя осенью 1844 года (1).

Миссіонеры Хюкъ и Габе, въ концѣ ноября 1844 года, изъ Чагань-куреня (2) рѣшились направиться въ Нинъ-хя (Ning-kia), черезъ Ордосъ. Уже восемь дней Хуанъ-хэ былъ въ одномъ изъ своихъ сильнѣйшихъ разливовъ и сдѣлался подобнымъ безпредѣльному морю. Кое-гдѣ только мелькали на горизонтѣ небольшіе острова зелени, дома и деревеньки, какъ бы плавающіе посреди воды. Миссіонеры рѣшились однакоже переправиться черезъ рѣку. Сначала они были принуждены ѣхать въ бродъ по обширному разливу и искать убѣжища въ прибрежномъ мяо (храмѣ), выстроенномъ изъ гранита и посвященномъ духу рѣки. Только на другой день началась переправа черезъ самую рѣку. Маленькій караванъ съ большимъ трудомъ переѣхалъ на небольшой баркѣ черезъ Хуанъ-хэ.

Около полудня миссіонеры, съ своими верблюдами, были уже на правомъ берегу рѣки. Впереди разстилались необозримыя грязи и болота. Рѣка однакоже начала входить въ берега свои. Дороги не было и слѣда; путешественники должны были руководиться въ своемъ направленіи путемъ солнечнымъ. Часто, при видѣ зеленѣющихъ поверхностей, они дѣлали обходы, въ надеждѣ напасть на сухія мѣста, но попадали только на стоячія воды, поросшія густыми водяными травами. Верблюды безпрестанно останавливались, путаясь въ тинѣ или увязая въ грязи. На всемъ пути миссіонерамъ встрѣтилось только трое пѣше-

---

(1) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. I. p. 226.

(2) Чагань курень не находится ни на одной европейской картѣ, кромѣ Андріано Гужона изд. 1851. Онъ расположенъ на Хуанъ-хэ, вѣроятно между устьями рѣкъ Чжегессутая и Майдари-голя. См. Klaproth Carte de l'Asie Centrale.

ходовъ, которые, снявъ обувь, съ помощію длинныхъ палокъ, съ трудомъ пробирались черезъ болота. День склонялся уже къ вечеру, когда путешественники встрѣтили монгольскую хижину. Монголы приняли ихъ радушно, угостили чаемъ и показали дорогу къ рѣкѣ Бага-голю (Paga-gol), за которой разливы и болота прекращались.

Черезъ полчаса пути дѣйствительно показалась обширная водная поверхность, по которой скользили безпрестанно рыбачьи лодки и которая гораздо болѣе была похожа на озеро, чѣмъ на рѣку. Берегъ рѣки, довольно возвышенный, былъ совершенно сухъ, такъ что миссіонеры удобно могли здѣсь разбить свою палатку. Кругомъ разстилалось превосходное пастбище и путешественники рѣшились отдохнуть здѣсь нѣсколько дней отъ трудной переправы. Бивакъ этотъ показался имъ восхитительнымъ. Время было прекрасно: днемъ—умѣренная и пріятная теплота, ночью—безоблачное, звѣздное небо (въ Ноябрѣ); топливо было обильно, пастбища—богаты и здоровы; верблюды наслаждались налетомъ селитры на почвѣ и солоноватою водою. Днемъ пустыня была безмолвна; но почью она оживлялась тысячами голосовъ водныхъ птицъ, густо населяющихъ весь Ордосъ и перелетающихъ по воздуху несмѣтными стаями. Птицы эти принадлежатъ большею частію къ разнымъ породамъ гусей, утокъ, чирковъ, аистовъ, драхвъ и разныхъ голенастыхъ (Grallatores). Всего болѣе обратила на себя вниманіе миссіонеровъ Юань-янъ (Youen-Yang) (3)—родъ утки съ круглымъ клювомъ и чудными пурпуровыми перьями.

Обширная водная поверхность, около которой миссіонеры разбили свою палатку, состояла изъ двухъ рѣчекъ, текущихъ въ разныя стороны: одна изъ нихъ впадаетъ прямо въ Хуанъ-хэ и

(3) По свидѣтельству Палласа Anas rutila по китайски называется Юань-юй. Впрочемъ описываемая Хюкомъ птица не принадлежитъ какъ кажется ни къ одной изъ породъ Anas Палласовой Зоографіи. См. Pallas Zoographia rosso-asiatica. Petrop. 4. 1811. T. II. p. 242. Эта порода утки по необыкновенной красотѣ своей разводится въ Китаѣ.

течетъ къ Сѣверу, другая—въ одинъ изъ его притоковъ. Во время большихъ наводненій обѣ системы соединяются, и раздѣляющій ихъ песчаный холмъ исчезаетъ подъ водою. Разлитіе Желтой рѣки приноситъ въ Бага-голь множество крупной, превосходной рыбы. Вода остается здѣсь до зимы, Бага голь замерзаетъ въ декабрѣ. Въ продолженіе осеннихъ мѣсяцевъ туземцы занимаются здѣсь рыбною ловлею и нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, на берегу Бага-голя, служатъ имъ убѣжищемъ на это время. Бага-голь есть можетъ быть рѣка, означенная на картѣ Клапрота именемъ Чжегессутай (Djeghessoutai). Близъ нея течетъ другая, означенная именемъ Хуссутай (Khoussoutai). На картѣ Клапрота онѣ текутъ паралельно между собою, на картѣ д'Анвиля соединяются (3).

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха на Бага-голѣ, миссіонеры тронулись въ дальнѣйшій путь (4). Имъ предстояла трудная переправа черезъ водный бассейнъ, при которой верблюды шли въ бродъ, а миссіонеры ѣхали въ лодкѣ. Подъ конецъ они встрѣтили перваго министра князя Ордосовъ, отправлявшагося въ Чагань-курэнь. Длинная переправа заняла почти цѣлый день; поздно ночью, оставивъ за собою всѣ грязи и болота, путешественники добрались до своего ночлега въ 5 верст. отъ разлива.

Когда на другой день миссіонеры проснулись, солнце было уже высоко, впереди разстилалась песчаная и безплодная степь Ордоса, назади оставались грязи и болота Бага-голя и разливовъ Хуанъ-хэ. Миссіонеры тронулись въ путь: впечатлѣніе, произведенное на нихъ страною, было грустно. Кое-гдѣ встрѣчались обработанныя земли, но земледѣліе здѣсь самое жалкое, а населеніе еще несчастнѣе. Оно представляетъ смѣсь китайскаго елемента съ татарскимъ, но ему не достаетъ ни трудолюбія и индустріи Китайцевъ, ни простоты и прямодушія Монголовъ.

---

(3) См. Klaproth, Carte de l'Asie Centrale dressée d'aprés les cartes levées par ordre de l'Empereur Khien-Loung etc. Paris. 1836. и d'Anville Nouvel Atlas de la Chine Haye. 1737.

(4) См. Huc Souv. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 262.

Живетъ оно въ грязныхъ хижинахъ, кое-какъ состроенныхъ изъ сплетенныхъ сучьевъ, смазанныхъ глиною. Внутренность этихъ хижинъ также отвратительна какъ и наружность: люди и домашнія животныя живутъ вмѣстѣ и далеко не пользуются даже комфортомъ монгольскихъ шатровъ.

Песчаная почва, обработываемая этимъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ, производитъ, исключая небольшаго количества гречихи и проса, только пеньку, которая впрочемъ растетъ хорошо и достигаетъ большихъ размѣровъ. Во время проѣзда миссіонеровъ жатва была давно уже снята, но можно было судить о качествѣ пеньки по оставшимся стеблямъ, потому-что жители Ордоса не дергаютъ пеньку, а косятъ ее. За пеньковыми полями, по которымъ верблюды проходили съ затрудненіемъ, потянулась степь, чрезвычайно сухая и безплодная. Со всѣхъ сторонъ поверхность была лишена зелени и совершенно обнажена, кругомъ простирались скалистые овраги, мергелевые холмы и равнина, засыпанная мелкимъ сыпучимъ пескомъ, развѣваемымъ вѣтромъ во всѣ стороны. Вмѣсто луговыхъ травъ здѣсь растутъ только колючіе кустарники и породы мелкихъ пыльныхъ папоротниковъ, издающихъ непріятный запахъ. Кое-гдѣ попадается скудная и хрупкая трава, до такой степени прилипшая къ почвѣ, что животныя принуждены бороздить песокъ, чтобы щипать ее. Вода чрезвычайно рѣдка, сухость почвы необыкновенна. На обширныхъ протяженіяхъ миссіонеры не встрѣчали ни ручья, ни источника, только изрѣдка попадаются лагуны и цитерны, наполненныя испорченною и грязною водою. Деревянныя ведра, которыми миссіонеры запаслись въ Ху-ху-хотонѣ, оказывали имъ большія услуги для запасенія водою; не смотря на то, разъ пришлось имъ пробыть два дня безъ глотка воды, а животныя страдали еще болѣе, потому-что долгое время оставались безъ подножнаго корма. Не смотря на отсутствіе водъ и пастбищъ, степи Ордоса наполнены дикими животными. Чаще всего попадаются сѣрые кролики, желтыя козы и красивые фазаны (Phasianus pictus, также Ph. Argus). Зайцы

также многочисленны и такъ мало пугливы, что при видѣ путешественниковъ останавливаются на заднихъ лапкахъ, какъ бы съ любопытствомъ.

Стада, питающія Монголовъ Ордоса, немногочисленны и очень уступаютъ стадамъ привольныхъ пастбищъ Кэшиктени и Чахара. Рогатый скотъ и лошади, любящіе свѣжія пастбища и чистую обильную воду, особенно плохи; за то козы, овцы и верблюды, которые охотно ѣдятъ траву, напитанную селитрою, довольно посредственны. Монголы Ордоса очень бѣдны: они живутъ въ шатрахъ, сшитыхъ изъ нѣсколькихъ лоскутовъ войлока или козьихъ шкуръ и укрѣпленныхъ на дурныхъ жердяхъ; все это такъ ветхо и грязно, такъ разрушено временемъ и непогодами, что трудно представить себѣ какъ могутъ помѣщаться здѣсь люди. Вездѣ, гдѣ только было населеніе, миссіонеры были окружены толпами нищихъ. Чѣмъ болѣе путешественники углублялись въ страну, тѣмъ болѣе она принимала дикій и грустный видъ. Черезъ нѣсколько дней пути черезъ песчаную пустыню путешественники прошли мимо небольшаго, но богато выстроеннаго Ламайскаго храма, расположеннаго посреди дикаго, но живописнаго ландшафта. По разсказамъ встрѣтившихся Монголовъ, храмъ этотъ построенъ за два года, на мѣстѣ другаго, разрушеннаго во времена нашествія Чингисъ-хана. За долиною, въ которой находился храмъ, страна сдѣлалась опять пустынною и безплодною. Къ довершенію непріятнаго ея впечатлѣнія, страшная гроза, окончившая осеннее время года, привела за собою и зимнія стужи (6).

Гроза была предшествуема удушливымъ жаромъ, потомъ темныя тучи собрались на горизонтѣ. Лисицы убѣгали въ свои норы, стада козъ стремились къ ущельямъ. Потомъ поднялся порывистый вѣтеръ и гроза разразилась надъ путешественниками, не успѣвшими достигнуть до ближайшаго ущелья. Наконецъ, пробираясь съ трудомъ черезъ наводненные пески, они увидѣли въ горномъ скатѣ отверстіе пещеры.

(6) См. Huc Souv. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 300.

Пещеры эти были обширны, превращены искусственно въ нѣсколько просторныхъ комнатъ и сохранились въ большой цѣлости. На стѣнахъ ихъ были видны китайскія надписи, на полу обломки форфоровыхъ сосудовъ. Въ пещерахъ нашлось топливо, просяная и овсяная солома и стойла для животныхъ. Одинъ Монголъ разсказалъ миссіонерамъ, что здѣсь когда-то жили Китайцы, захватившіе себѣ много окрестныхъ земель и занимавшіеся также грабежемъ, но что они были изгнаны отсюда по повелѣнію ордосскаго князя. Теперь единственными жителями этихъ пещеръ остались цѣлыя стаи воробьевъ.

На другой день, около полудня, миссіонеры тронулись въ путь. По указанію встрѣтившагося Монгола невдалекѣ находилась небольшая долина — одно изъ лучшихъ пастбищъ цѣлаго Ордоса. Небо было ясно, блистало солнце, но послѣ грозы температура вдругъ сдѣлалась холодною. Послѣ двухъ-часоваго пути по песчанной почвѣ, изборожденной дождевыми потоками, миссіонеры очутились въ долинѣ, которой цвѣтущій и плодородный видъ представлялъ рѣзкую противоположность со всѣмъ, что они видѣли до тѣхъ поръ въ Ордосѣ. Посреди долины протекалъ прекрасный ручей, котораго источники терялись въ пескахъ, а съ обѣихъ сторонъ холмы, возвышавшіеся въ видѣ амфитеатра, были покрыты пастбищами и букетами кустарниковъ. Здѣсь путешественники остановились на два дня, боясь пуститься далѣе, потому-что дулъ сильный сѣверный вѣтеръ и сдѣлалось чрезвычайно холодно, такъ что даже ручей замерзъ. Черезъ два дня вѣтеръ утихъ и погода опять сдѣлалась довольно теплою.

Тогда миссіонеры тронулись въ путь и скоро пристали къ каравану, отправлявшемуся въ сосѣдній ламайскій монастырь — Джаши-чай-линъ на религіозную церемонію. Только Габе отправился въ близлежащій китайскій постъ для закупокъ. Постъ этотъ находился на равнинѣ, покрытой вересками. Отсюда Габе, черезъ пересѣченную мѣстность, наполненную оврагами и крутыми холмами, направился къ условленному мѣсту соединенія

съ своими спутниками, но не нашелъ ихъ тамъ, потому-что Хюкъ, отставъ отъ каравана, сбился съ дороги въ холмахъ сыпучаго песку, развѣваемаго вѣтромъ и лишеннаго всякой растительности. Маленькій караванъ весь разбрелся, потому-что верблюды Хюка, оборвавъ свои привязи, ушли въ степь, и только на другой день къ вечеру всѣ соединились.

На слѣдующій день утромъ миссіонеры увидѣли на желтомъ фонѣ песчаной горы нѣсколько большихъ красивыхъ зданій, окруженныхъ многочисленными бѣлыми домиками (7). Это былъ ламайскій монастырь Джаши-чай-линъ (Rache-Tchurin). Три буддійскіе храма, возвышающіеся посрединѣ его, отличаются величественною и прекрасною постройкою. На аллеѣ, ведущей къ главному храму, возвышается четырех-угольная башня, колоссальныхъ размѣровъ, съ четырьмя чудовищными драконами на четырехъ углахъ ея, высѣченными изъ гранита. Джаши-чай-линъ изъ европейскихъ картъ нанесенъ только на картѣ Андріво Гужона 1851 года (подъ именемъ Rache-Kiurin). Я полагаю что означенный на большой картѣ центральной Азіи Клапрота (8) храмъ Гунъ-ерги (Goun-Erghi) и Джаши-чай-линъ одно и тоже, потому-что еслибъ существовалъ другой буддійскій храмъ, въ такой близости отъ пути миссіонеровъ, они бы слышали и упомянули о немъ. Если предположеніе вѣрно, то Джаши-чай-линъ отнесенъ на картѣ Андріво Гужона почти на $^1/_2{}^\circ$ слишкомъ далеко къ З. Холмистая и пересѣченная мѣстность близъ Джаши-чай-лина относится къ кряжу или системѣ, названной на картѣ Клапрота горами Чаганъ-толохай (Tchagan-Tolochai), только горы эти не болѣе какъ низкіе холмы, составляющіе водораздѣлъ притоковъ Хуанъ-хэ на Сѣверѣ и Уланъ-мурэни на Югѣ; онѣ означены слишкомъ рѣзкимъ хребтомъ на картѣ Клапрота, а съ нея и на картѣ Бергхауза (9).

(7) См. Huc Souv. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 337.

(6) См. Andriveau Goujon Carte de l'Empire Chinois et du Japon. Paris. 1851. и Klaproth Carte de l'Asie Centrale etc. Paris. 1836.

(9) См. Berghaus Karte von China und Japan den Manen d'Anvilles und Klaproths gewidmet. 1843.

Миссіонеры не останавливались въ Джаши-чай-линѣ, а направились оттуда далѣе, къ Дабсунъ-нору, къ которому ведетъ отсюда прекрасная и очень посѣщаемая дорога. Дабсунъ-норъ (Dabsoun-nor) есть знаменитое мѣстонахожденіе соли, снабжающее этимъ предметомъ не только весь Ордосъ, но и сосѣднія провинціи Китая, и есть географическое открытіе Хюка, потому что онъ не былъ означенъ ни на одной европейской картѣ и только нанесенъ у Андриво-Гужона, изд. 1851 г., съ показаній Хюка ([10]).

Въ одномъ днѣ пути не доходя до Дабсунъ-нора почва постепенно измѣняется ([11]): она теряетъ желтоватый цвѣтъ и становится бѣлою, какъ бы покрытою тонкимъ слоемъ снѣга. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся поверхность надувается въ видѣ безчисленныхъ маленькихъ бугровъ, представляющихъ столь совершенную коническую форму, какъ будто они насыпаны рукою человѣческою. Они группируются иногда этажами одинъ на другомъ, подобно тому какъ насыпаютъ плоды на блюдѣ и очень различны въ своихъ размѣрахъ: нѣкоторые кажутся какъ бы начинающими только образоваться, другіе—устарѣлыми и приходящими въ разрушеніе. Такіе бугорки образуются, какъ кажется, какимъ то растеніемъ, выходящимъ вездѣ гдѣ только поверхность надувается подобнымъ образомъ, въ видѣ колючихъ и покрытыхъ длинными иглами стелящихся стеблей, на которыхъ Хюкъ не видѣлъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Растенія эти смѣшиваются и перепутываются, прикрывая упомянутые бугры какъ бы вязаною шапкою, и не встрѣчаются болѣе нигдѣ какъ на подобныхъ буграхъ, но на старѣйшихъ изъ нихъ высушены, покрыты налетомъ соли и такъ хрупки что распадаются на части.

Водяные источники, вообще столь рѣдкіе въ Ордосѣ, становятся здѣсь чрезвычайно многочисленными, но они очень соле-

---

(10) Озеро это не должно смѣшивать съ другимъ озеромъ того же имени Дабсунъ-норъ, также богатымъ солью и лежащимъ въ Тангутѣ къ Ю.-З. отъ озера Ху-хэ-нора.

(11) См. Huc. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 343.

ны; иногда однакоже подлѣ соляныхъ лагунъ попадаются превосходные и свѣжіе ключи; путешественники легко могутъ узнать ихъ по поставленнымъ подлѣ нихъ длиннымъ вѣхамъ, на которыхъ развѣваются небольшіе флаги. То что называется Дабсунъ-норъ не есть собственно озеро, а обширный резервуаръ соли, смѣшанной съ селитреннымъ налетомъ. Дабсунъ-норъ имѣетъ около 20 ли (10 в.) окружности; въ окрестностяхъ его кое-гдѣ возвышаются юрты Монголовъ, разработывающихъ его соляныя копи, между этими монголами есть также и китайскіе переселенцы. Добываніе соли очень легко. Ее складываютъ, какъ попало, въ большіе резервуары и прикрываютъ легкими слоями глины, за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго очищенія, развозятъ по сосѣднимъ китайскимъ рынкамъ, вымѣнивая на чай, табакъ, водку и т. д. На мѣстѣ эта соль ничего не стоитъ.

Миссіонеры перебрались черезъ всю ширину Дабсунъ-нора, отъ В. къ З., слѣдуя осторожно по торнымъ тропинкамъ, потому-что, по свидѣтельству монголовъ, на этой сырой почвѣ часто встрѣчаются бездонныя водяныя ямы. Вотъ почему Дабсунъ есть дѣйствительно норъ или озеро, только отчасти высохшее, отчасти прикрытое корою соляныхъ или селитряныхъ инкрустацій. Окрестности Добсунъ-нора обилуютъ стадами козъ и овецъ. Эти животныя охотно питаются вересками, колючими кустарниками и соляными растеніями (галофитами), составляющими единственную растительность сихъ безплодныхъ степей, а въ особенности любятъ селитряные налеты.

Черезъ два дня пути отъ Дабсунъ-нора, миссіонеры вступили въ длинную, узкую долину, въ которой поселено нѣсколько монгольскихъ семействъ. Почва покрыта здѣсь густою ароматическою травою, похожею на чаберъ, которую вьючныя животныя щипали очень охотно. Здѣсь путешественники дневали. Черезъ день пути далѣе они ночевали въ виду большой горы у глубокаго колодца.

На слѣдующій день, пустились въ путь ранѣе зари, потому-что отъ ихъ привала, на разстояніи 150 ли (75 вер.), не было

воды до самыхъ *ста колодцевъ*, Страна, по которой проходили въ этотъ день миссіонеры, была по обыкновенію песчана, безплодна и унына. Солнце давно закатилось, когда путешественники достигли до своего ночлега. Мѣсто гдѣ они разбили свою палатку было дѣйствительно окружено безчисленнымъ множествомъ колодцевъ или просто глубокихъ ямъ, наполненныхъ водою.

На слѣдующій день около полудня путешественники пришли къ узкому ущелью, образованному двумя крутыми горами ([12]). Здѣсь они встрѣтили большой караванъ, впереди котораго ѣхали четыре монгольскихъ мандарина съ синими шариками на шапкахъ. Это былъ поѣздъ князя Ала-шань (Alechan), отправлявшагося въ Пекинъ къ новому году, на поклоненіе императору. За авангардомъ слѣдовалъ раззолоченный паланкинъ; крыша его была украшена шелковою бахрамою, съ боковъ были изображенія драконовъ, птицъ и цвѣтовъ. Паланкинъ несли два красивые мула; князь сидѣлъ на полу его скрестивши ноги. На лицо ему было лѣтъ пятьдесятъ; онъ отличался выраженіемъ доброты и нѣкоторою полнотою. Старый лама, съ длинною сѣдою бородою, на прекрасномъ конѣ, ѣхалъ впереди и велъ за поводъ передняго мула княжескаго паланкина. Кругомъ было множество всадниковъ; сзади вели прекраснаго, совершенно бѣлаго верблюда, необыкновенной величины. Надъ горбомъ и ушами его развѣвались куски желтой шелковой матеріи, потому-что этотъ верблюдъ былъ назначенъ въ даръ императору. Скоро послѣ этой встрѣчи миссіонеры расположились на привалѣ у колодца и ночевали здѣсь съ тремя Тайцзіями ([13]), отставшими отъ каравана, изъ нихъ одинъ былъ первымъ министромъ князя. Вслѣдствіе бесѣды съ ними, Хюкъ измѣнилъ нѣсколько планъ своего путешествія. Вмѣсто того чтобы перейти Хуанъ-хэ въ княжествѣ Ала-шань, къ С. отъ великой стѣны

(12) См. Huc. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 371.

(13) Монгольскими дворянами.

онъ рѣшился вступить черезъ великую стѣну въ провинцію Ганьсу (Kan-su), перейти тамъ Хуанъ-хэ, а оттуда направиться къ Ху-хэ-нору (Khu-Khu-Nor).

На слѣдующій день путешественники направились къ Ю.-З. Вечеромъ прибыли къ цитернѣ, наполненной дурною, вонючею водою, въ которой плавали маслянистыя частички и которую едва можно было очистить кое-какъ углемъ. Еще черезъ два дня миссіонеры прибыли къ подошвѣ горной цѣпи, которой вершины терялись въ облакахъ. Переходъ былъ труденъ, въ особенности для верблюдовъ, которые безпрерывно должны были идти по твердымъ и острымъ камнямъ. Въ ущельяхъ и оврагахъ горъ видны были вездѣ груды обломковъ глинистаго и слюдянаго сланца. Горы принимали все болѣе и болѣе странныя и смѣлыя формы. Хотя Хюкъ и принялъ составляющую ихъ породу за гранитъ, но изъ его словъ прямо слѣдуетъ что это былъ темный, кавернозный и вывѣтрившійся известнякъ, потому-что онъ былъ наполненъ окаменѣлыми раковинами и отпечатками растеній.

Около полудня миссіонеры взобрались на самый горный гребень и увидѣли у ногъ своихъ Хуанъ-хэ, величественно катившій свои волны отъ Ю. къ С. На другой сторонѣ былъ видѣнъ небольшой Китайскій городокъ Чэ-цуй-цзы (Che-Tsui-Dze), принадлежащій къ провинціи Гань-су и расположенный на скатѣ холма на лѣвомъ берегу рѣки. Весь вечеръ былъ употребленъ путешественниками на очень затруднительный спускъ съ горы. Они добрались однакоже ранѣе ночи до Хуанъ-хэ и успѣли еще въ тотъ же день переправится черезъ рѣку и вступить въ предѣлы Китая (14).

Городокъ Чэ-цуй-цзы расположенъ въ углу, образуемомъ съ одной стороны горами Ала-шань, а съ другой Желтою рѣкою, отъ которой онъ только отдѣленъ песчанымъ прибрежьемъ (15).

---

(14) См. Huc. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 395.

(15) См. Huc. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. T. II. p. 2.

На восточной сторонѣ города Хуанъ-хэ окаймленъ черноватыми холмами, въ которыхъ находятся богатыя каменноугольныя копи; туземцы разработываютъ ихъ очень дѣятельно и находятъ въ нихъ главный источникъ своего богатства. Предмѣстья города состоятъ изъ обширныхъ фабрикъ глиняной посуды. Между прочимъ здѣсь выдѣлываютъ колоссальныя урны, служащія цѣлымъ семействамъ для храненія необходимаго въ хозяйствѣ запаса воды, также огромныя печи превосходной работы и много вазъ, разныхъ величинъ и формъ. Большое количество этой посуды находитъ сбытъ въ провинціи Гань-су. Съѣстные припасы въ Чэ-цуй-цзы необыкновенно обильны, разнообразны и дешевы; нигдѣ матерьяльная жизнь не можетъ быть дешевле. Во всякій часъ дня и ночи разнощики носятъ по домамъ самыя разнообразныя кушанья. У нихъ находятся обѣды для всѣхъ состояній. Разнощики эти мусульмане (Хой-хой) и отличаются отъ Китайцевъ только синею фескою, которую носятъ на головѣ.

Чэ-цуй-цзы не находился на европейскихъ картахъ до изданія путешествія Хюка. На картѣ Дюфура, приложенной къ сочиненію Хюка, городокъ этотъ нанесенъ совершенно ошибочно на правую сторону Хуанъ-хэ, въ значительномъ отъ него разстояніи въ Ордосѣ. За то на картѣ Андриво-Гужона изд. 1851 г. онъ нанесенъ совершенно правильно на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ, но названъ ошибочно Чэ-цзинь-цзѣ (Che-Tsin-Dze) ([16]).

Пробывъ два дня въ Че-цуи-цзы, миссіонеры продолжали путь свой. Окрестности города не обработаны, вездѣ видны пески и гравій, нанесенные широкими разливами Хуанъ-хэ. Далѣе почва улучшается. Черезъ день пути отъ города путешественники перешли черезъ великую стѣну, или лучше сказать черезъ жалкія развалины, обозначающія ея прежнее положеніе. За стѣною почва и страна дѣлаются превосходными и здѣсь выражается вполнѣ земледѣльческій геній Китайцевъ. Въ особенности эта часть провинціи Ганьсу замѣчательна грандіозными и

(16) См. Andriveau-Goujon Carte de l'Empire Chinois et de Japon. Paris. 1851.

хорошо придуманными постройками, для искусственнаго орошенія (ирригаціи) полей. Вездѣ видны каналы, снабженные шлюзами, проведенные изъ Хуанъ-хэ и поднимающіе воду на различныя высоты въ канавы, окружающія поля. Каждый владѣлецъ имѣетъ свою очередь и порядокъ, при этомъ сохраняемый съ удивительною вѣрностью.

Деревень здѣсь мало: за то вездѣ видны фермы, болѣе или менѣе обширныя и отдѣленныя одна отъ другой полями. Садовъ и рощицъ совсѣмъ не замѣтно, и только нѣсколько деревьевъ окружаютъ жилища, за тѣмъ вся земля посвящена хлѣбопашеству, такъ что даже и для гуменъ не оставлено ни одного участка, а весь хлѣбъ складывается на плоскихъ кровляхъ домовъ. Во время ирригаціи земледѣльцы разъѣзжаютъ по своимъ полямъ на лодочкахъ или на легкихъ и чрезвычайно высокихъ четырехъ-колесныхъ телѣжкахъ, запряженныхъ волами. Сколько ирригаціи полезны для земледѣлія, столько онѣ непріятны для путешественниковъ: дороги становятся въ это время непроходимыми отъ грязи.

Къ вечеру перваго дня пути отъ города, миссіонеры прибыли въ деревню Вань-ху-п'у (Wan-ho-pu), гдѣ далеко не нашли той же дешевизны какъ въ Чэ-цуй-цзы. Здѣсь они пристали къ большому каравану, отправлявшемуся по самой короткой проселочной дорогѣ въ Нинъ-хя. Утромъ они прибыли въ городъ П'инъ-ло-хяиь (Ping-lo-hien) ([17]). Отъ П'инъ-ло-хяня до Нинъхя оставалось 50 ли (25 вер.), поэтому миссіонеры продолжали путь свой неостанавливаясь вдоль прекраснаго ирригаціоннаго канала.

Слѣдуя далѣе они увидѣли наконецъ высокія стѣны Нинъхя (Ning-Hia) ([18]) и многочисленныя кіоски пагодъ, издали по-

---

(17) Ping-lo См. Dict. des villes chinoises. Paris. 8. 1842.

(18) Ning-hia-fou (по орѳографіи О. Іакинѳа и сѣверн. произношенію Нинъ-Ся-фу) въ царствов. династіи Хань до нашей эры и въ началѣ ея назывался *Со-фынъ* (So-fang) при Цзинь (въ III и IV вѣкѣ) получилъ названіе *Ся*, при 2-й династіи Вей и династ. Т'анъ (VII, VIII и IX в.) *Ся-чжеу*, при дин. Сунъ (VI, XII и XIII в.)

ходящіе на кедры. Кирпичныя стѣны Нинъ-хя стары, но очень хорошо сохранились. Самая древность ихъ, вслѣдствіе которой они заросли мхами и ягелями, придаетъ имъ грандіозный видъ. Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ болотами, въ которыхъ растутъ въ большемъ количествѣ тростники, камыши и нимфеи (Nymphea-кувшинка). Внутренность его бѣдна, улицы грязны, узки и извилисты, дома закоптились и разсѣлись, вездѣ замѣтна большая древность города. Хотя Нинъ-хя находится на границѣ Монголіи торговля его ничтожна. Нѣкоторые кварталы почти совершенно превратились въ развалины, по которымъ бродятъ только стада свиней. Жители города кажутся погруженными въ страшную нищету, одѣты въ грязное и оборванное рубище, блѣдныя и изступленныя ихъ лица доказываютъ что они нуждаются въ необходимомъ. Южная часть города нѣсколько лучше сѣверной.

---

§ 20.

Изложеніе 3. *Положеніе Нинъ-хя между Сѣверными и Южными входами Хэ-лань-шань (Holang-shan) или Ала-шань (Ala-shan) и Сюе-шань (Siue-Shan)—снѣговыхъ горъ. Высокія горы у Хухэ-нора. Си-нинъ-фу (Sining-Tcheou, Sinin-fu)—торговое мѣсто Тангута.*

Положеніе Нинъ-хя и историческое значеніе, которое получили здѣсь на южной окраинѣ плоскогорія, въ отношеніи къ судьбамъ Китая, въ теченіи столѣтій, Ордосъ, древнее государство *Ся* и нынѣшній округъ Нинъ-хя-фу, обусловливаются пластическимъ образованіемъ края и особымъ міровымъ положеніемъ этой мѣстности, въ отношеніи къ Монгольскому нагорью.

Хинъ-чжеу, при дин. Минь (XV и XVI в.) *Нинъ-хя-вей*, при Маньчжурской *Нинъ-хя*. См. Ed. Biot. Diction. des villes chinoises p. 145

Нинъ-хя есть то главное мѣсто, которое на Западномъ берегу верховья Хуанъ-хэ, составляетъ единственное удобное сообщеніе между *Западными* входами (изъ Туркестана) и *Сѣверными* (изъ Монголіи), между нагорною и низменною Азіею, именно чрезъ три большія области Сѣвернаго Китая—Шань-си, Шэнь-си и Гань-су, въ которыхъ прежде другихъ водворились гражданственность и образованіе, но которыя также, во всѣ времена, были пограничными сторожевыми поселеніями (Vormarken) съ С.-З. для остальнаго Китая, противъ вторженій непріятеля. Первоначально они были сами, по обѣимъ берегамъ Хуанъ-хэ, древнѣйшимъ мѣстомъ поселенія Китайцевъ, до дальнѣйшаго распространенія ихъ власти къ Ю.-В. Страна къ З. отъ Хуанъ-хэ именуется обыкновенно въ древнѣйшихъ китайскихъ лѣтописяхъ Хэ-си (Ho-Si) (отъ слова Си, т. е. къ З. отъ Хэ или великой рѣки), подобно тому какъ упомянутая нами Хэ-нань (Ho-nan) означаетъ страну къ Ю. отъ этой рѣки. Эта *Хэ-си*, изъ части которой образовалось государство Ся (ибо оно простиралось до Хами, или Хомула (1) и даже по ту сторону Турфани, столь далеко сколько шли владѣнія Тангута), монгольскіе завоеватели стали называть съ усиленіемъ гортаннаго звука именемъ *Коши* и также *Каши* (2). Сѣверными входами шли издавна Сѣверные народы съ береговъ Керулэна, Толы и Орхона, гдѣ была столица Монголовъ Кара-корумъ (Kara-Korum), прямо на Ю., ближайшимъ путемъ въ Ху-хэ-хотонь; а Западными входами какъ изъ Тибета на Ху-хэ-норъ и Си-нинъ, такъ изъ Туркестана на Лобъ-Норъ (Lop-nor), шли западные народы, первоначально къ В., на Хами (Хомулъ), Су-чжеу (Su-Tscheou), Гань-чжеу (Kan-Tcheou), Лянъ-чжеу (Lan-Tcheou), слѣдовательно вдоль линіи Западнаго крыла Китайской стѣны къ верхнему Хуанъ-хэ.

---

(1) Hist. des Mongols (p. D'Ohsson) Paris 1824. 8. T. I. p. 67.

(2) Descript. du Tubet trad. d. P. Hyacinthe etc. Klaproth. N. Journal asiat. T. IV. p. 116.

(3) P. Lacroix histoire du Grand Ghenghiscan. Paris. 1710 8. p. 376.

И только этимъ путемъ могли они проникать, потому-что только въ этихъ направленіяхъ караванныя дороги пролегаютъ по болѣе плодороднымъ частямъ пустынной Гоби, которая именно между обоими входами вдвигается къ Ю.-В. самою дикою пустынею Элютовъ Чаросскихъ, и цѣпью горъ близъ Нинъ-хя, ниспадая почти отвѣсно подобно стѣнѣ къ З. берегу Хуанъ-хэ, указываетъ сему послѣднему теченіе вдоль ея отъ 36° до 41° с. ш. На проходѣ по этому узкому западному берегу рѣки лежитъ Нинъ-хя; на восточномъ берегу находятся высокія снѣговыя (?) горы, а сѣвернѣе песчаныя степи Ордоса, одинаково затрудняющія всякій переходъ. Нинъ-хя же, находясь въ срединѣ и на одинакомъ разстояніи отъ упомянутыхъ сѣверныхъ и западныхъ входовъ, составляетъ естественный ключь къ тѣмъ и другимъ. Потому-то именно великая стѣна, переходя рѣку, получила здѣсь, по Китайской фортификаціонной теоріи, свою форму изломанной линіи; ибо теорію эту вездѣ, въ большихъ искусственныхъ постройкахъ, китайцы основывали на естественныхъ обстоятельствахъ мѣстности.

Изложенное замѣчаніе о значеніи города Нинъ-хя, которое можно вывести и кажется съ достовѣрностію, какъ наиболѣе общій и довольно важный результатъ большаго числа естественныхъ и историческихъ фактовъ, внесетъ вѣроятно нѣкоторый свѣтъ въ хаотическій лабиринтъ историческихъ извѣстій объ этомъ краѣ, и дастъ возможность объяснить многія событія, которыя донынѣ не обращали на себя вниманія. Такъ становится яснымъ почему именно эта мѣстность постоянно играла такую важную роль; почему политика государства Хя (4), при всей независимости ея, была непостоянна, и всегда, какъ и укоряли ее китайцы, присоединялась, по внушеніямъ своекорыстія, къ политикѣ сѣверныхъ или южныхъ сосѣдей; почему Чингисъ-Ханъ, оставшись побѣдителемъ, какъ на Ю. въ Тангутѣ и Тибетѣ, такъ и на С., уже послѣ того обратилъ значительныя си-

(4) Mailla Hist. gén. T. IX p. 127.

лы на покореніе этого государства, которое служило посредствующимъ звеномъ между завоеванными областями на С. и Ю. По той же причинѣ, послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая, отдѣльные предводители Монгольскихъ ордъ могли здѣсь держаться еще противъ династіи Минь, и на томъ же основаніи императоры Маньчжурской династіи считали особенно важнымъ укрѣпить и обезопасить эту станцію, и тѣмъ стать твердою ногою на Западѣ. Сюда явились, во время пребыванія здѣсь Жербильона (5) съ императоромъ Кʻанъ-хи, послы великаго ламы изъ Тибета и отсюда было послано войско на Сѣверъ для истребленія послѣдняго Кахана (Khagan) Элютовъ. Подобныя событія происходили здѣсь издревле по характеру самой мѣстности и условловались ею. Слѣдующіе факты объяснятъ еще ближе эти отношенія къ общему подъему нагорья. Обратимся сначала къ Ю. и послѣ возвратимся къ С.

Къ З. отъ Нинъ-хя, на разстояніи одного дня пути, поднимается большая цѣпь горъ (6), которая тянется параллельно съ Хуанъ-хэ къ С.-С.-В., на протяженіи, по показанію Жербильона, отъ 25 до 30 миль: она была ему извѣстна подъ именемъ *Хэлань-шань* (Holang-shan) т. е. горъ *Хэлань*, а у Маньчжуровъ *Алакшань-алинь*, (Alajan-Alin) или Ала-шань (Ala-shan). До этихъ горъ простирались владѣнія Тибетцевъ (или Тангутовъ) въ цвѣтущее ихъ время въ VIII и IX вѣкахъ. Въ 781 году они требовали у китайцевъ, чтобы эта цѣпь была пограничною чертою (7). Эта цѣпь, на восточномъ склонѣ своемъ, отличается лѣснымъ богатствомъ. Жербильону разсказывали что она имѣетъ здѣсь 350 проходовъ, которые всѣ заперты стѣнами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ и то охраняемыхъ гарнизономъ Нинъ-хя. Великая стѣна прекращается съ одной стороны горной цѣпи къ В. и начинается вновь съ другаго конца ея, на З.,

(5) Gerbillon Voy. VII p. 466, 469.

(6) Gerbillon ibid. p. 464, 470.

(7) Descript. du Tübet trad. da. P. Hyacinthe ed. Klaproth. Nouv. Journ. asiat. 1829 T. IV p. 110.

будучи излишнею на протяженіи горъ. Эти горы имѣютъ во многихъ мѣстахъ не болѣе одного часа (9—10 лп) въ ширину, и не посредственно за ними кочуютъ со стадами своими Элюты-чаросы (Oeloth-Tscharos) на землѣ бывшей прежде во владѣніи монголовъ Халхаскихъ, которые однакоже должны были ее оставить, будучи вытѣснены Элютами; вслѣдъ за чѣмъ и заняли страну Чаросы. — Послѣдніе признали надъ собою власть Китайскаго императора (въ 1690 году) и князь ихъ былъ возведенъ въ званіе Бэйлэ (Peylé т. е. князя 3 степени). Эта степь принадлежитъ къ безплоднѣйшимъ песчанымъ частямъ нагорной степи Гоби на Ю. Уже на разстояніи 6 часовъ къ С. отъ Нинъ-хя совершенно прекращаются каналы для орошенія рисовыхъ полей; плодородіе уменьшается, поселенія встрѣчаются гораздо рѣже; послѣ 16 часовъ встрѣчаются остатки поперечной стѣны, которая шла отъ Хуанъ-хэ къ горамъ и нѣкогда запирала узкое прибрежье рѣки, какъ проходъ, но теперь уже находилась въ совершенномъ упадкѣ (1697 г.) (*). Отсюда къ С. прекращается воздѣлываніе земли: такимъ образомъ начинается и здѣсь кочевая жизнь на Сѣверѣ отъ стѣны, какъ и на З. отъ нея. На горахъ, которыя здѣсь еще весьма круты, нѣтъ вовсе лѣсу, но по Хуанъ-хэ и его рукавамъ росли ветлы и кустарникъ; здѣсь начиналась песчаная почва. Цѣпь горъ на З. казалось стала отступать; а нѣкоторыя горы, которыя показались на восточномъ берегу Хуанъ-хэ, стали опять понижаться. Подъ 40° с. шир. путешественники не видали болѣе западной цѣпи, безъ сомнѣнія потому, что она, какъ узнаемъ изъ китайской государственной географіи, проходитъ здѣсь въ сторонѣ незначительными возвышеніями, подъ именемъ Кебэнъ-ола (Kepte-Ula) и Халчжанъ-бургутъ (8) (Kaldjan-Burgutu), прямо на С. въ песчаную степь, между тѣмъ какъ здѣсь именно (подъ 40° с. ш.) Хуанъ-хэ, по которому слѣдовали первоначально путешественники, начинаетъ сворачивать къ В. Здѣсь же сыпучіе пески

(*) Ср. показаніе Хюка въ дополненіи къ § 19.

(8) Magasin asiat. III p. 149.

Ордоса переходили и на западный берегъ Хуанъ-хэ и смѣнялись болѣе твердыми пространствами — лугами, холмами и болотистымъ кустарникомъ, съ которыми появилось такое же обиліе дичи, какъ и по той сторонѣ. Съ лѣсистыми островами, образуемыми многочисленными рукавами Хуанъ-хэ, появилось также множество кабановъ и большихъ оленей, которые были преслѣдуемы императорскими охотниками и спасались вплавь чрезъ Желтую рѣку. Патеръ Мартини (9) говоритъ, что въ этой лѣсистой странѣ водится много дикихъ лошадей. Барки изъ Нинъ-хя, нагруженныя рисомъ, пришли сюда для снабженія провіантомъ китайскаго войска, которое должно было тогда отъ изгиба Хуанъ-хэ преслѣдовать, по кратчайшему пути, чрезъ верхнюю степь Гоби къ Алтаю, Хана Элютовъ. Отсюда провіантъ долженъ былъ идти на верблюдахъ къ С. по безводной и лишенной пастбищъ пустынѣ Путешественникамъ говорили что первая станція отъ Хуанъ-хэ находится въ пустынѣ, по направленію къ Лянь-ланъ-шаню (Leang-Lan-Shan) въ разстояніи 12 миль. Станцію эту надлежало достигнуть въ одинъ переходъ, ибо до нея нѣтъ ни кормовъ ни воды. Хуанъ-хэ омываетъ здѣсь такимъ образомъ *непосредственно* южную границу верхней Гоби; нѣтъ сомнѣнія, что значительная высота, съ которой онъ слѣдовательно отсюда низвергается въ низменность Китая, есть одна изъ причинъ производимыхъ имъ тамъ постоянно большихъ опустошеній. Въ этой странѣ означается на картахъ, по западному берегу великой рѣки къ С. отъ 40° с. ш. у лагернаго мѣста Бей-та (Peta) (10), урочище, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ берега, гдѣ воздвигнута кирпичная пирамида, выбѣленная гипсомъ и окруженная развалинами древнихъ пагодъ. О строителяхъ ея ничего неизвѣстно, но вѣроятно она принадлежитъ къ временамъ монгольскаго владычества, какъ и подобныя развалины близъ Ху-ху-хотона. Къ сожалѣнію

(9) Martin Martini Novus Atlas Sinensis ed. I. Blaeu. Amst. 1655 fol. 52.
(10) Gerbillon p. 473.

точнѣйшія свѣдѣнія о западномъ берегѣ Хуанъ-хэ прекращаются съ 40° 22′ с. ш., ибо императору К'анъ-хи, который до того былъ постоянно занятъ охотою и воинскими распоряженіями, угодно было здѣсь сѣсть со свитою своею на барки, сопровождавшія его рѣкою и плыть внизъ по ней. Конница, съ вьючнымъ скотомъ, и всѣ тяжести были переправлены на восточный берегъ Хуанъ-хэ и направлены обратно кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ чрезъ Ордосъ южнымъ берегомъ рѣки къ устью Тургэни ниже Ху-ху-хотоня. Съ послѣднимъ отрядомъ отправились и отцы іезуиты; отъ нихъ не получаемъ посему никакого свѣдѣнія о путешествіи императора по Хуанъ-хэ о странномъ развѣтвленіи рѣки, которое означается на всѣхъ картахъ въ самомъ внутреннемъ углу южной окраины нагорья, а также о высокомъ Инь-шанѣ, который долженъ здѣсь проходить, какъ неподлежитъ сомнѣнію по другимъ извѣстіямъ. Путь Жербильона лежалъ на В., вдоль одного изъ южныхъ, весьма мѣлкихъ и вѣроятно древнѣйшихъ рукавовъ рѣки, Чигей-мурэнь (Tchigue-Muren), а оттуда по степнымъ пастбищамъ, либо пескамъ, въ описанной уже выше болѣе южной части Ордоса, все къ В., гдѣ постепенно стали встрѣчаться болота, монгольскія становища и съ ними нѣкоторыя воздѣланныя земли. Единственное данное о пластическомъ строеніи лѣваго берега Хуанъхэ заключается въ показаніи, что противъ пункта соединенія упомянутаго рукава съ главнымъ русломъ, на сѣверномъ берегу послѣдняго, возвышается гора, именуемая *Мона* (Mona) и что это мѣсто, гдѣ рѣка образуетъ родъ угла, обращаясь къ В., называется по этому Мона-хаша (Mona-Hojo) (11); слѣдовательно характеристическая черта этого перваго колѣна рѣки не ускользнула отъ вниманія мѣстныхъ жителей. Не есть ли эта гора Мона первый мысъ цѣпи Инь-шаньской, которая отъ направленія своего къ С. уклоняется здѣсь къ В. и направляетъ и самую рѣку изъ продольной долины, по которой она текла, въ ко-

(11) Gerbillon p. 473.

роткую поперечную? Между высотами группы Инь-шаня приводится дѣйствительно каменистая гора *Муна* (Mouna), какъ наиболѣе западный пунктъ ([12]). Возвратимся къ западной цѣпи, сопровождающей рѣку, къ отвѣсному склону горъ Хэлань-шань или также Ала-шань (Olan-Shan у Дегиня I 569).

Китайская государственная географія ([13]) говоритъ что Хэлань-шань, на границѣ области Нинъ-хя-фу, простирается къ Ю.-В. до Желтой рѣки; цѣпь сихъ горъ расположена полукругомъ, имѣетъ въ длину отъ С. къ Ю. 45 географ. миль (500 ли) и защищаетъ сосѣдніе города отъ вѣтровъ Гоби; принадлежатъ ли отдѣльныя горы, которыя поименовываются государств. географіею къ этой цѣпи горъ, — нельзя заключить съ достовѣрностію. Она не ограничивается слѣдовательно тѣмъ короткимъ протяженіемъ, на которомъ ее видѣли собственными глазами наши путешественники, а тянется въ томъ же направленіи еще далеко на Ю., сопровождая съ западной, или лѣвой стороны рѣку Хуанъ-хэ и соединяя очевидно сѣверный Инь-шань съ южными снѣговыми горами, идущими по границѣ между Китаемъ и Тангутомъ отъ С.-З. къ Ю.-В. Наиболѣе высокія цѣпи горъ, къ которымъ принадлежатъ и снѣговыя горы — мѣсто кончины Чингисъ-хана, переходятъ также на восточный или правый берегъ Хуанъ-хэ и идутъ отъ города Лань-чжеу, находящагося на правомъ берегу подъ 36° с. ш., непрерывно къ Ю. къ дикой альпійской странѣ Сифана (Si-fan) и Сы-чуани (Szu-Tchuan). При входѣ своемъ изъ высокой гористой страны Хухэ-нора (голубаго озера) въ Китай, въ область Гань-су, знаменитая и великая Желтая рѣка прорываетъ высокой снѣговой хребетъ горъ, называемый Сюэ-Шань (Siue-Shan), направляющійся отъ Ю.-В. къ С.-З. своими исполинскими вершинами далеко въ нагорную Азію. Патеръ Мартини ([14]),

(12) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 97.
(13) Timkowski Voy. II p. 280.
(14) Martin Martini N. Atlas sinensis, fol. 52.

разсказывающій объ этихъ странахъ какъ очевидецъ, говоритъ, что въ началѣ прорыва, у Хо-чжеу (Ho-Tcheou), возвышаются по обѣимъ сторонамъ двѣ весьма высокія вершины горъ, между которыми, какъ чрезъ ворота, стремится Хуанъ-хэ. Болѣе живописную и плодородную часть долины рѣки, близъ города Лань-чжеу, патеръ сравниваетъ съ долиною рѣки Еча, на родинѣ своей—въ Тиролѣ. Въ южныхъ частяхъ областей Шэнь-си и Гань-су, въ смежности съ Сы-чуанью, эта цѣпь становится водораздѣломъ между среднимъ Янъ-цзы-кіяномъ и Хуанъ-хэ, на границѣ Гань-су, Сы-чуань и Тибета. Къ З. отъ китайскаго города Цзѣ-чжеу (Kjai-Tcheu) въ Ганьсу (подъ 33° 32′ с. ш. и 102° 42′ вост. долг. отъ Парижа) цѣпь возвышается въ первый разъ до исполинскихъ размѣровъ вѣчно-снѣговыхъ горъ. Такая снѣговая гора называется *Тянь-мынь-шань* (Thian-Men-Shan) и лежитъ къ С. отъ города Си-хэ-ченъ (Si-Ku-Tching) ([15]). Въ ближайшемъ сосѣдствѣ ея къ З. находится исполинская группа снѣговыхъ горъ въ восточномъ Тибетѣ (Рачико (*) на Данвилевой картѣ Китая), наполняющая собою область Сифань между 33° до 34° с. ш. и направляющая верхній Хуанъ-хэ круто къ З. къ Хухэ-нору. Какъ она не имѣетъ общаго имени, то мы будемъ называть ее *Большою снѣговою Сифаньскою цѣпью* (**). Отъ Тянь-мынь-шаня (Thian-Men-Shan) вышеупомянутая Сѣв.-Зап. снѣговая цѣпь, прорываемая рѣкою Хуанъ-хэ, идетъ по западной границѣ Гань-су подъ разными мѣстными наименованіями, о которыхъ здѣсь не будемъ упоминать. Замѣтимъ только то мѣсто, гдѣ прорываетъ ее Хуанъ-хэ

---

(15) Klaproth Tableau des plus hautes montagnes de la Chine. См. Magasin asiat. Paris 1826. T. III. p. 143. 145.

(*) Названіе это мы встрѣчаемъ въ новѣйшее время и у Хюка, потому что второй проводникъ миссіонеровъ на пути отъ китайской границы до Хлассы былъ уроженецъ горъ Рашико (Ratchiko). См. Huc Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II. p. 206. *Пр. Пер.*

(**) Горы въ 130 вер. къ З. отъ Лань чжеу на Хуанъ хэ при границахъ Хухэ-нора, называются Цзи-ши-шань или Сяо-цзи-ши (малыя Цзи ши), въ отличіе отъ Хухэнорскихъ горъ, называемыхъ Да-цзи-ши (большія Цзи-ши). Цзи-ши значитъ каменныя громады». См. Іакинфа Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. I. стр. 30. *Пр. Пер.*

отъ Ю.-З. къ С.-В., въ области Гань-су, въ 12 географическихъ миляхъ (150 ли) къ Ю.-З. отъ города Хо-чжеу, находящагося на правомъ его берегу (***). Здѣсь высочайшая изъ сихъ снѣговыхъ горъ, именуемая Лу-гу-шань (Lu-Ku-Shan) (35° 25′ с. ш. 100° 11′ вост. долг. отъ Парижа), но болѣе употребительно еще названіе *Сюэ-шань* (Sue-Shan) т. е. снѣговая гора. Это общее нарицательное имя сдѣлалось собственнымъ для цѣпи въ этой мѣстности, вѣроятно по значительной массѣ снѣговъ и чрезвычайной высотѣ горъ. Тѣмъ замѣчательнѣе должна быть долина прорыва Хуанъ-хэ, чрезъ которую переходитъ цѣпь, но которая къ сожалѣнію остается намъ неизвѣстною, хотя она безъ сомнѣнія представитъ не менѣе занимательныя явленія для естествоиспытателя, какъ и подобные прорывы Инда и Сетледжа въ Гималайской цѣпи. Надъ этимъ прорывомъ Хуанъ-хэ командуетъ пограничная крѣпость Цзи-ши-гуань (Tsy-Shy-Kouan), и отъ нея вѣроятно получила имя свое ближайшая группа горъ на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ.

Къ С. отъ Хуанъ-хэ, въ недальнемъ отъ него разстояніи, въ крайнемъ западномъ округѣ провинціи Гань-су лежитъ городъ *Си-нинъ* (Si-ning) или *Синин-чжеу*, по произведеннымъ тамъ наблюденіи ([16]) подъ 36° 39′ с. ш. 14° 46′ зап. дол. отъ Пекина, а по картѣ Іезуитовъ у Дюгальда подъ 36° 39′ 20″ с. ш. 14° 40′ 30″ зап. дол. отъ Пекина ([17]). Между этимъ городомъ и сѣвернымъ берегомъ Хуанъ-хэ продолженіе прорваннаго Сюэ-шаня достигаетъ къ Ю. отъ Хухэ-нора до чрезвычайной, громадной высоты. Эта масса горъ идетъ, по свидѣтельству китайской государственной географіи ([18]), съ Ю.-З. отъ истоковъ Хуанъ-хэ отъ горъ *Баянъ-хара-ола* (Bajan-Khara) за 42 геогр. миль (550

(***) Хо-чжеу находится не на Хуанъ-хэ, а въ 25 верст. южнѣе его, надъ однимъ изъ его притоковъ. См. Klaproth Carte de l'Asie Centr. 1836 и Berghaus Karte von China. *Пр. Пер.*

(16) P. Souciet Observations mathématiques astron., géogr. etc. á la Chine. Paris 1729. p. 142.

(17) Du-Halde, I. p. 48.

(18) Timkowski, II. p. 274.

ля), на Востокъ къ Си-нинъ и на срединѣ этого протяженія омывается съ Ю. верхнимъ Хуанъ-хэ. Горы эти считаются высочайшими изъ окружающихъ Хухэ-норъ, и семь изъ ихъ вершинъ теряются, какъ разсказываютъ, въ облакахъ. Одна изъ нихъ видна уже на разстояніи 100 ли ($7^1/_2$ геогр. миль) и покрыта вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, какъ и сосѣднія съ нею горы; всѣ окружены ужасными пропастями, облечены, если вѣрить разсказамъ, зловонными туманами, дѣлающими пребываніе здѣсь вреднымъ здоровью, почему и посѣщаются мало. Этой группѣ горъ, которую Монголы именуютъ *Аме-малцзинь-мусунъ-ола* (Amie-Maldzin-Mousoun) (*), мѣстные жители приносятъ въ началѣ каждаго времени года жертвы; Аме есть Тибетское слово и значитъ *прародитель*. Страна вокругъ Ху-хэ-нора, представляющая огромнѣйшій *горный узелъ* ([19]), заключаетъ въ себѣ 13 такихъ Аме; это есть *горная страна 13-ти патріарховъ*, изъ которыхъ каждому приносятся жертвы, но упомянутая здѣсь группа выше прочихъ.

Исполинскій поясъ горъ вокругъ Хухэ-нора на границахъ Си-фана, Тангута, Тибета и Китая представляется, въ очертаніи юго-восточной окраины нагорья, естественнымъ предѣломъ, за который въ настоящее время изслѣдованіе наше не должно простираться далѣе къ Ю.; систему развѣтвленія горъ къ Ю. и къ Ю.-В. будемъ разсматривать ниже. Мы слѣдуемъ указаніямъ представляемымъ намъ главнѣйшими чертами физическаго строенія земли, чтобы изобразить каждую мѣстность, по надлежащей группировкѣ, въ настоящей связи и по характеристическимъ чертамъ; при семъ мы должны съ одной стороны избѣгнуть

(*) По китайски горы эти называют я: Да цзи-ши-шань, т. е. большія каменныя горы, также Да-сюэ-шань, т. е. большія снѣжныя горы. Они имѣютъ 300 ли (150 верс.) протяженія и служатъ продолженіемъ горъ Куркупь-ола. Девять высочайшихъ ихъ остроконечныхъ вершинъ уходятъ за облака, но средняя изъ нихъ всѣхъ выше и покрыта вѣчными снѣгами, см. Іакинфа Стат. Оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 43.— *Пр. Пер.*

(19) Alex. v. Humboldt, uber Bergketten und Vulkane v. Inner-Asien Poggend. Journ B. 94 p. 322.

издавна принятыхъ, произвольныхъ раздроблений большихъ формъ природы на мелкія отдѣльныя части, а съ другой стороны не упускать изъ виду тѣхъ пунктовъ, на которыхъ необходимо остановиться, чтобы возвратиться къ общему обозрѣнію подчиненныхъ частей и массъ: обозрѣть за одинъ разъ цѣлое съ надлежащею основательностію было бы выше нашихъ силъ, и только постепенно можемъ мы овладѣть всѣмъ разнообразіемъ явленій.

Весьма важное и замѣчательное положеніе имѣетъ пограничный городъ *Си-нинъ*, въ области *Гань-су*, въ отношеніи къ Хухэ-нору у сѣверной подошвы здѣшнихъ высокихъ горъ. Рѣка Си-нинь, выходя изъ Хухэ-нора (*), протекаетъ мимо города ([20]) и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Хуанъ-хэ (**). Уже въ VIII и IX столѣтіяхъ, со временъ войнъ между Тангутцами и Китайцами, но еще болѣе съ 1661 г., городъ этотъ дѣлается намъ извѣстнымъ, какъ главнѣйшее складочное мѣсто на границѣ Китая и Тибета. Въ приведенномъ году іезуиты-отцы ([21]) Алб. Дорвиль и Іог. Груберъ, отправясь изъ Си-'ань-фу (Si-ngan-Fu) въ Шэньси, достигли, послѣ 30-ти дневнаго путешествія и переправы чрезъ Хуанъ-хэ, благополучно до Си-нина въ сосѣдствѣ Китайской стѣны. Показываемая ими здѣсь высота полюса 36° 20′ с. ш. не совсѣмъ точна; городъ лежитъ нѣсколько сѣвернѣе, по исправленному опредѣленію, сообщаемому Сусіе (Soucie), который показываетъ также и *путевое* разстояніе отъ Си-нина до Хлассы въ 270 геогр. миль (3600 ли). Упомянутые путешественники называютъ Си-нинъ великимъ городомъ и сборнымъ мѣстомъ каравановъ и торговцевъ между Индіею, Тибетомъ и Китаемъ. Всѣ путешественники, пріѣзжавшіе тогда изъ Индіи въ Китай (Cataja), должны были оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не получали дозволенія отъ китайскаго правительства на

(*) Т. е. изъ страны, а не изъ озера. — *Пр. Пер.*

(20) Timkowski, II. p. 274.

(**) Черезъ посредство рѣки Хуанъ-шуй или Да-т'унъ-хэ (Ta-Toung-Ho). — *Пр. Пер.*

въѣздъ въ собственно Китай. На этотъ же городъ лежалъ путь отцамъ іезуитамъ, потому что они хотѣли возвратиться чрезъ Тибетъ на Хлассу и Непалъ въ Агру на Гангѣ. Дѣйствительно это необыкновенное предпріятіе и удалось имъ и они разсказываютъ намъ сами ([22]), но къ сожалѣнію весьма кратко, какъ они проходили суровую пустыню Калмыцкой Татаріи мимо Великаго озера до государственной границы Хлассы; пустыня была здѣсь гориста, частію покрыта пескомъ и совершенно неплодородна.

Еще въ концѣ XIII вѣка Марко Поло ([23]) называетъ городъ Singui (или Singni) въ области того же имени, но не описываетъ его какъ торговое мѣсто, какимъ онъ не могъ быть, потому-что долженъ былъ служить важнымъ пунктомъ для защиты границы ([24]) у западнаго входа въ государство еще гораздо ранѣе, именно съ VIII вѣка, когда Тибетскіе народы (называемые Туфань), такъ сильно устремились съ Ю.-З. на Китай (*). Въ то время упоминается о городѣ *Шы-п'у-чень* (She-Pu-Tsing) ([25]), который на дорогѣ въ область Хухэ-нора находился въ разстояніи только 20 часовъ къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Си-нинъ-фу и считался неприступною крѣпостью со стороны Китая, противъ упомянутаго горнаго входа, откуда Тибетцы дѣлали обыкновенно нападенія. Гордъ былъ взятъ приступомъ въ 730 году; положеніе его почти неизвѣстно. Для обузданія Тибетцовъ китайское правительство, хотя и содержало постоянно, еще при династіи Танъ, сильные гарнизоны въ пограничныхъ городахъ, какъ напр. въ Нинъ-ха, но вызвало еще съ Сѣвера, изъ Ордоса и съ Инь-шанъ орды Хой-ху (Hoei-He, Туркъ-уйгуровъ), чтобы ослабить одного полудикаго и безпокойнаго сосѣда другимъ. Та-

(21) Athanas Kircher e Soc. Iesu China monum. illustr. Amstalad. 1667. fol. p. 63.

(22) Melchis. Thevenot Relat. de divers Voyag. curieux. Paris. 1696. T. II. fol. 1.

(*) Singui Марко-Поло потому самому не можетъ быть тоже самое что Синнъ. *Пр. Пер.*

(23) M Polo y Ramusio II. fol. 13. b. ed. Marsden p. 178, 224. not. 433.

(24) Klaproth, Tabl. Hist. p. 218.

(25) Gaubil Hist. des Thang въ Mém. conc. l. Chin. T. XVI. p. 23, 29.

кимъ образомъ возникли и происходили въ теченіи вѣковъ въ этой гористой странѣ, вдоль верховьевъ Хуанъ-хэ, до входа Тибетской дороги у Хухэ-нора въ западную полосу Китая, обращенную къ нагорной Гоби, кровавыя битвы, которыхъ свидѣтелями были, какъ выражается даже сухой китайскій государственный географъ ([26]), вершины столькихъ высокихъ горъ. Такъ на пунктѣ сообщенія между С. и Ю., близъ западной границы Китая въ области Нинъ-хя, Хой-ху одержали въ 792 году первую побѣду ([27]) подъ Тибетцами, которая открыла имъ путь до Си-нина, гдѣ они водворились для обузданія Тибетцовъ. Въ это время упоминается о Си-нинѣ, какъ объ ихъ крѣпости, которою они могли владѣть, доколѣ Тибетцы (тогда государство Тангутъ) не были еще ослаблены войнами съ южнымъ Китаемъ (Юнь-нанью). Усилившееся въ IX вѣкѣ могущество Тибетцовъ доставило имъ вскорѣ и обладаніе весьма значительнымъ городомъ Си-нином и его областію, и чрезъ то обладаніе входами въ Китай, который они держали въ страхѣ безпрерывными своими нападеніями. До 844 года, говоритъ исторія династіи Т'анъ ([28]), владѣли они Си-нином и важною его областью, хотя еще въ 821 году ([29]) былъ заключенъ съ ними миръ, котораго условія, высѣченныя на камнѣ, видны еще доселѣ въ главномъ храмѣ, въ Хлассѣ. Въ половинѣ IX вѣка императоры употребили всѣ усилія, чтобы исторгнуть у нихъ завоеванія ихъ въ области Шэнь-си. Въ 866 году Тибетцы были оттѣснены и владычество ихъ въ Шэнь-си и Си-нинѣ совершенно уничтожено; но въ замѣнъ того много незначительныхъ предводителей восточныхъ Турковъ (Хой-ху) сдѣлались независимыми владѣльцами здѣсь, у входовъ въ Тибетъ и Туркистанъ, въ городахъ отъ

---

(26) Timkowski, II. p. 276.

(27) P. Gaubil, Hist. Chinoise des Tang въ Mém. concern. l'Hist. Chin. Paris. 1814. T. XVI. p. 137.

(28) P. Gaubil, въ Mém. conc. T. XVI. p. 223. 253.

(29) Descript du Tubet, trad. p. P. Hyacinthe ed. Klaproth Nouv. Journ. Asiat. T. IV. p. 117.

Си-нина до Хами (по направленію Великой стѣны въ восточной оконечности Шэнь-си), платя дань Китаю когда хотѣли, и не озабочиваясь впрочемъ сосѣдствомъ великой державы. Эти малыя владѣнія слились въ государство *Хя*, которое составляло восточную часть Тангута ([30]), когда въ 1227 г. Чингисъ-ханъ уничтожилъ его покореніемъ *Нинъ-хя*, и страна эта приведена была въ прочную связь съ Китаемъ. Монголы, по изгнаніи ихъ изъ Китая, овладѣли въ 1509 году опять этою страною, но первые элютскіе ханы, здѣсь господствовавшіе, признали надъ собою власть Китая и были утверждаемы въ званіи Тайцзіевъ (князей) изъ Пекина (1697) ([31]). Си-нинъ остался при Маньчжурской династіи передовымъ постомъ противъ Тибета, хотя Далай-лама уже подчинился китайскому владычеству. При съемкѣ Китайской имперіи іезуитами географическаго положенія Синина опредѣлено Патеромъ Регисомъ ([32]) такъ, какъ оно и нынѣ означается на нашихъ картахъ. Этому очевидцу обязаны мы немногими точными свѣдѣніями, которые имѣемъ о Си-нинѣ.

Чжуанъ-лань (Tchouang-Lan, т. е. распутіе) именуется, близъ здѣшней стѣны, по пути изъ Нинъ-хя, небольшой городъ и укрѣпленіе, у котораго дорога, выходя изъ одной долины, раздвояется вмѣстѣ съ нею. Первая дорога идетъ Хухэ-норскими горами прямо на Западъ въ Тибетъ и южную Азію, а другая къ С.-З. чрезъ Тангутъ и Туркистанъ въ западную Азію. Сѣверная долина ведетъ, на протяженіе болѣе 80 геогр. миль, вдоль стѣны, на три значительные города Лянъ-чжеу-фу (Liang-Tcheou), Ганъ-чжеу (Kan-Tcheou) и Су-чжеу (Su-Tcheou), также зависящія отъ нихъ крѣпости, до отдаленнѣйшихъ на Западъ воротъ Китая—Кя-юй-гуань (Kia-Yu-Kuan) на дорогу въ Хами чрезъ область ([33]) Тангута въ собственномъ смы-

(30) Timkowski, II. p. 222. not., Du-Halde Descr. I. des peuples Sifan ou Thufan p. 49 — 63.

(31) Кит. Государст. Географія. Timkowski, II. p. 270.

(32) Du-Halde, Descr. I. p. 48.

(33) Klaproth, Mém. relat. à l'Asie T. II. p. 366 а также Carte de l'Asie-Centrale.

слѣ. Западная же, идя на протяженіи 15 геогр. миль мимо нѣсколькихъ китайскихъ постовъ повелѣвающихъ ею, ведетъ къ Синингъ-фу, въ самую средину высокой гористой части Тибета, которая населена двумя разнопленными и совершенно отличными отъ Китайцевъ народами: именно съ С. пришельцами, принадлежащими къ Монгольскому племени, а съ Ю. коренными туземцами Тибетскаго племени. Послѣднихъ называютъ здѣсь Китайцы *Ту-фань* (Tu-Fan) или *Си-фань* (Si-Fan)—западные иноземцы (отъ словъ *Си* — Западъ и *Фань* — иноземецъ). Ихъ раздѣляютъ еще, по двумъ ламайскимъ сектамъ, которыхъ бонзы носятъ черную и желтую одежды, на *Хэй-си-фань*, черныхъ сифановъ и *Хуанъ-си-фань*, желтыхъ сифановъ. Здѣсь начинается такимъ образомъ, съ Тибетскою альпійскою страною высокихъ горъ Аме или 13 патріарховъ, *раздѣльная черта племенъ: Китайскаго, Монгольскаго, Туркскаго и Тибетскаго.* Начиная отсюда послѣднее занимаетъ дикую гористую страну къ Ю. и высокое плоскогоріе къ Ю.-З, между тѣмъ какъ, начиная отсюда же, остальныя племена распространены къ В., С. и З.

Тибетцы принадлежатъ здѣсь, на границѣ прежней области Тангута и Тибета, къ *туземцамъ*, а Монголы къ С. отъ Синингъ-фу поселены уже во время Чингисъ-хановъ съ цѣлію господствованія надъ входами Тибетъ. Въ 1725 г. ([34]) они раздѣлены китайскимъ правительствомъ на 29 знаменъ, изъ которыхъ большая часть состояла изъ Элютовъ; сверхъ того гарнизонъ края составляли 4 монгольскихъ полка. Переселенные Монголы кочуютъ, имѣютъ войлочныя юрты, сѣютъ немного хлѣба, живутъ произведеніями своихъ стадъ, храбры, неустрашимы, привычны къ суровому климату и исповѣдуютъ Ламайскую вѣру. Подать, собираемая съ этой страны, идетъ чрезъ Синингъ-фу въ Китай; тамъ слѣдовательно находится управленіе. Въ началѣ XVIII столѣтія П. Регисъ нашелъ этотъ городъ менѣе обширнымъ, чѣмъ Ипинъ-хя, но торговлю его болѣе зна-

(34) Кит. Государст. Географія. Timkowski, Voy. II. p. 272.

чительною; она производилась жителями однакоже внѣ города на разстояніи четырехъ часовъ въ торговомъ селеніи *Тоба* (Тора) (*), и была поручена покровительству знатнѣйшаго ламайскаго рода страны, чтобы болѣе обезпечить мирныя сношенія на границахъ столькихъ различныхъ народовъ и интересовъ. Обладаніе симъ узкимъ входомъ, съ сѣверной стороны Тибета по *кратчайшей дорогѣ въ Хлассу*, чрезвычайно важно для сохраненія господства надъ этимъ азіатскимъ церковнымъ государствомъ. П. Регисъ нашелъ торговое мѣсто Тоба (Тора), обильно снабженнымъ всѣми китайскими и заграничными товарами; здѣсь продавались даже кофе и финики. Между торговцами нашелъ онъ здѣсь армянъ-католиковъ, которые держали лавку съ богатыми мѣховыми товарами. Когда Марко Поло въ XIII столѣтіи посѣтилъ Си-нинъ-фу, большая часть жителей были идолопоклонниками; но, по увѣренію его, уже въ то время были между ними магометане и нѣсколько *христіанъ* (35). Это подтверждаетъ неизмѣняющуюся важность этого рынка, который должно признать ключемъ *Шэнь-си* (или по нынѣшнему раздѣленію провинцій — *Гань-су*) изъ западной окопечности Китая въ Тибетъ. По этой же причинѣ укоренилось здѣсь и ламайское вѣроисповѣданіе. Въ Си-нинъ-фу Марко Поло увидѣлъ, какъ кажется, первыхъ Китайцевъ и первые экземпляры китайскаго фазана, которыхъ онъ здѣсь именно описываетъ въ первый разъ. Въ Су-чжеу (So-Tcheou, Succuir), говоритъ онъ, туземцы смуглы; въ Си-нинъ-фу и его области, простирающейся на 25 дней пути, жители очень склонны къ тучности, имѣютъ малые носы, черные волоса и весьма рѣдкую бороду, изъ нѣсколькихъ только волосъ. Женщины высшихъ сословій носятъ также мало волосъ на головѣ, имѣютъ прекрасный, свѣтлый цвѣтъ кожи, стройны, но распутны, а мужчины, преданные женскому полу, живутъ въ

(*) Нынѣ возникъ здѣсь цвѣтущій и населенный городъ Т'анъ-к'эу-эрлъ, см. ниже дополненіе къ § 20. — *Пр. Пер.*

(35) Marco Polo, ed. Ramusio II. fol. 15 b. fol. 16, a; ed. W. Marsden ch. 51. p. и n. 442 p.

многоженствѣ. Фазаны здѣсь вдвое болѣе италіанскихъ, но нѣсколько менѣе павлиновъ (pavoni); хвостъ у нихъ длиною отъ 8 до 10 пальмъ (Марсденъ полагаетъ что эта птица есть Phasianus argus), котораго онъ, будучи губернаторомъ въ Суматрѣ, имѣлъ случай часто видѣть на этомъ островѣ). Въ Си-нинъ-фу встрѣчаются и фазаны величиною съ европейскихъ, и многіе другіе роды птицъ.

Высокія горы къ З. отъ *Си-нина* дѣлаютъ излишнимъ продолженіе высокой китайской стѣны противъ Тибета. Вмѣсто стѣны удовольствовались проведеніемъ нѣсколькихъ рвовъ, и къ З. отъ Синина только два или три горныхъ ущелья заперты стѣнами; высокія горныя цѣпи ограждаютъ и безъ того страну по этому направленію.

Мы не можемъ оставить Си-нина, не замѣтивъ еще, что онъ есть важнѣйшій рынокъ для лучшаго ревеннаго корня, который идетъ отсюда во всѣ части свѣта, и что только до этого мѣста по Тибетскому нагорію распространенъ *Татутскій буйволъ*, или *Якъ* (*), съ длинною и шелковистою шерстью. Оба эти произведенія составляютъ характеристическую и исключительную принадлежность высшей южной окраины нагорной Азіи; какъ-то, такъ и другое описывается венеціанскимъ путешественникомъ впервые какъ очевидцемъ, и описанія его, какъ они ни казались тогда баснословными, подтвердились вполнѣ.

Въ высокихъ горахъ вокругъ Си-нина, говоритъ онъ (36), водится весьма много дикихъ быковъ, величиною съ слона, прекраснаго чернаго и бѣлаго цвѣта и съ самою мягкою, весьма длинною и шелковистою шерстью. Образцы этой шерсти, привезенные Маркомъ Поло соотечественникамъ его, составляли ихъ удивленіе. Этихъ дикихъ быковъ ловятъ часто и дѣлаютъ ручными; съ ними случаютъ простыхъ быковъ, которые даютъ пре-

(*) Bos gruniens. — *Пр. Пер.*

(31) M. Polo. ed. Ramusio. II. fol. 16. c. 50.

восходную породу, способную для земледѣльческихъ работъ, несущую и двойныя тяжести (*). (См. распространеніе Фауны).

Примѣчаніе. *Ревень* (*Rheum*); *отечество его, торговля, область распространенія въ нагорной Азіи* Дикая альпійская страна вокругъ Синина и Хухэ-нора съ снѣговыми горами ея, есть настоящее отечество ревеня, котораго корень собирается горцами ([37]) — Сифанцами въ самыхъ дикихъ мѣстахъ и продается Китайцамъ. Растеніе это встрѣчается также въ Сычуани и въ Шэньси, но всегда на склонахъ *Сюэ-шаня* или *снѣговыхъ горъ*, которыя тянутся къ З. до Лянь-чжеу и Су-чжеу, такъ далеко какъ идетъ стѣна. Произрастаніе ревеня, какъ казалось донынѣ, ограничивается только этою мѣстностію, въ которой онъ встрѣчается вмѣстѣ съ тѣмъ въ чрезвычайномъ обиліи и отличной доброты. Миссіонеры-іезуиты, при съемочныхъ работахъ своихъ въ этой мѣстности въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, были нерѣдко приводимы въ удивленіе многочисленностію попадавшихся имъ на встрѣчу и спускавшихся съ горъ каравановъ, которые везли этотъ корень въ большихъ веровочныхъ сѣтяхъ. Уже Марко Поло ([38]) встрѣтилъ тоже явленіе и полагалъ, что здѣсь только растетъ лучшій ревень (Reubarbaro perfetissimo), который отправляется отсюда торговцами въ цѣлый свѣтъ. И съ какого времени производится отсюда отправка одного изъ полезнѣйшихъ лекарственныхъ растеній? можетъ быть съ тѣхъ поръ какъ *Серы* стали высылать шелкъ на З., и когда Сань-Мяо (San-Miao) (*), были еще коренными обитателями этой гористой страны. Нѣтъ сомнѣнія, что Амміанъ, упоминая при описаніи

---

(37) Du Halde. I. p. 50, p. 30.

(*) См. ниже Дополненіе къ § 20, гдѣ показанія Хюка о помѣси породъ противорѣчатъ М. Поло. — *Пр. Пер.*

(38) M. Polo ed. Ramusio. IX. fol. 13. c. 30. ch. Dichiarazione fol. 15, гдѣ приложено первое изображеніе растенія.

(*) По показанію о. Іакиноа коренное отечество народа Мяо есть провинція Хунань. Въ гористую страну къ Хухэ нору часть народа Мяо выведена еще за 2282 года до Р. Хр. и потомки ихъ извѣстны здѣсь подъ названіемъ Тангутовъ. Въ Хунани Мяо раздѣляются на красныхъ — *Хунъ мяо* и черныхъ — *Сань-мяо*. *Пр. Пер.*

рѣки Ра (Волги) о растущемъ на берегахъ ея цѣлительномъ кориѣ, разумѣлъ ревенный корень. (Ammian Marcelli XXII. c. 8. § 28. Tanai Rha vicinus est amnis in cujus superciliis quaedam vegetabilis ejusdem nominis gignitur radix, proficiens ad usus multiplices medelarum. Уже Маннертъ замѣтилъ, что ревень здѣсь не растетъ вовсе, но вѣроятно отъ рѣки, по которой доставлялся Аорсами (Хунцами)? Римлянамъ ([39]), получилъ названіе Rha barbarum. Полагать должно, что растеніе это доставлялось западнымъ народамъ уже гораздо ранѣе, и есть описываемый еще Плиніемъ, впрочемъ довольно неясно, корень *Rhacoma* (Rhacoma affertur ex his, quae sopra Pontum sunt regionibus, Plin. Hist. Nat. XXII. cap. 105. c. not. Hard.), который назывался также Rha Ponticum. Салмазій ([40]) полагаетъ, что это два различныя растенія и что ревень не былъ извѣстенъ древнимъ, но Винцентъ ([41]) указываетъ на вѣроятность, что то и другое было было одно растеніе, получившее только два различныя мѣстныя названія, по двумъ разнымъ торговымъ путямъ, которыми оно доходило до западныхъ народовъ; что и могло дать поводъ къ недоразумѣнію. Одинъ путь шелъ изъ внутренней Азіи чрезъ Каспійское море и по материку отъ Танаиса до Понта; другой, южный, морской, чрезъ Индію и Красное море, откуда Аравійскіе купцы доставляли товаръ въ Александрію и передавали торговлѣ Средиземнаго моря. Здѣсь то именно ревень могъ получить названіе Rha barbaricum или отъ главнаго складочнаго мѣста Берберовъ въ дельтѣ р. Инда, близъ Паталы (подъ 113° 15′ долг. и 22° 30′ с. ш.), которую еще Птоломей ([42]) называетъ Berbera ([43]), безъ сомнѣнія по имени народа: или отъ Barbarica при входѣ изъ Индѣйскаго въ Красное море. (См. Ritt. Erdkunden 2-te Ausg. Th. I. Afrika. Erl. 2, p. 556). Что этотъ ле-

(39) Mannert Geogr. der Griechen und Römer Th. IV. 1795. der Norden p. 348,361.
(40) Salmasius. Exercitat. ad. Solin. Fol. T. I. fol 560.
(41) Vincent Periplus of the Erythraean Sea. edit. 1807. vol. II. p. 388.
(42) Ptolom. Geogr. VII. ed. Bert. fol. 203. p. 172; Cf. Tab. Asiae. X.
(43) Въ Radja Taringini ed. Wilson въ Asiat. Researcees Calcutta. T. XV. p. 47.

карственный корень идетъ чрезъ Аравійскій заливъ и чрезъ Barbaria въ Эѳіопію, т. е. изъ земли Берберовъ, о томъ говоритъ впервые Исидоръ, и Glossar graeco-arabicum у Салмазія (fol 562) подтверждаетъ это въ словахъ: Ραβάντι τζίνη, τὸ ῥεὸν, и тамъ же ζαραβάντι τζίνη τὸ ῥεὸν Βάρβαρον, т. е. Reviand sini—Rheon sinense или Ravend Chini, какъ бывшій въ Венеціи Персидскій торговецъ (44) самъ называлъ свой товаръ. Это и есть тотъ Reubarbaro (какъ называетъ его еще Марко Поло), который отправлялся Китайцами на З. чрезъ Персію или Индію (откуда и названіе ῥεον Ινδίκον у Миреписа и др.). Въ числѣ товаровъ, идущихъ по западной китайской дорогѣ чрезъ среднюю Азію до Багдада и Ефрата, упоминаетъ о ревенѣ впервые Флорентинецъ Балдучи Пеголетти (въ 1335 г.) (45) въ маршрутѣ, который онъ сообщилъ какъ купецъ и въ подлинности котораго возникли какъ кажется сомнѣнія. Эта сухопутная дорога, чрезъ средину Азіи, есть второй путь въ области Окса и чрезъ Каспійское море, которымъ долженъ былъ достигать ревень также Европы со временъ Аміана Марцелина, прежде открытія сухопутной торговли въ Кяхтѣ. Этимъ путемъ привезъ его въ Константинополь персидскій купецъ, котораго распрашивалъ Рамузіо. Н. Витсенъ (46) говоритъ, что Калмыцкій посланникъ *Аюки-хана* Мангышлакскихъ Торготовъ на Восточномъ берегу Каспійскаго моря, бывшій въ Китаѣ, торговалъ преимущественно ревенемъ, и что корень сей, который онъ называлъ по Китайски *Дай-хуань* (Ta-Huang, Tai-chuun, Tai-chong), по свидѣтельству его, собирается въ наибольшемъ количествѣ близъ Гань-Чжеу. Пат. Мартынъ Мартини, который въ серединѣ XVII столѣтія описываетъ эту страну какъ очевидецъ (47),

(44) См. Ramusio Dichiarazione fol. 16 у M. Polo l. c.

(45) Divisamenti di Paesi etc. въ Pagnini Della Decima e della altre Gravezze. Lisboa e Lucca. 1766. 4 T. III. p. 377, и Sprengel G. Geschichte der Entdeckungen 2 Aufl. p. 298. v. Strandtmann: Untersuchungen etc. 1829.

(46) Nicol. Witsen Noorden Oost Tartarye. Amst. 1705. T. I p. 367, p. 80, 218, 226, 253, 336, 344, etc.

(47) Mart. Martini Nov. Atl. Sinensis. 1655. fol. 46.

говоритъ что Турки и Самаркандцы, подъ покровительствомъ посольствъ и подъ видомъ приношенія дани, отправляются ежегодно въ эту часть Западнаго Китая, но остаются за стѣною, потому что только ихъ посланникъ получаетъ дозволеніе прибыть ко двору въ Пекинъ. Они производятъ тогда только закупку ревеня, потому что вывозъ его составляетъ монополію немногихъ привиллегированныхъ лицъ. Этимъ путемъ лекарство это поступаетъ въ торговлю на Западъ. Извѣстія всѣхъ временъ приводятъ такимъ образомъ самыми различными торговыми путями къ этимъ высокимъ горамъ Хухэ-нора, какъ къ отечеству сего важнаго лекарственнаго растенія, ибо и прежде оно привозимо было къ берегамъ Чернаго моря караванами Кашгарскими и Кабульскими ([48]) изъ Яркяня (Jar-Chaun), слѣдовательно съ нагорья. Со времени установленія мѣноваго торга въ Кяхтѣ торговля Китайскихъ народовъ, встрѣчавшая и безъ того большія затрудненія на Западѣ, отклонена большею частію къ Сибири и такимъ образомъ Кяхта сдѣлалась главнымъ рынкомъ, откуда Европа снабжается настоящимъ ревенемъ. Отсюда распространились ближайшія извѣстія объ этомъ характеристическомъ растеніи Тангутской, снѣговой альпійской страны, но сначала господствовало объ немъ много ложныхъ понятій и только въ половинѣ XVIII вѣка установилась торговля симъ продуктомъ, самое растеніе оставалось неизвѣстнымъ потому, что въ торговлю поступалъ одинъ его корень. Упомянутое выше первое изображеніе растенія у Рамузія, хотя и снятое съ туземнаго рисунка, было весьма не уловлетворительно. Какъ настоящій ревеный корень принадлежитъ къ такому роду растеній, (Rheum), который содержитъ много видовъ, принадлежащихъ безъ исключенія къ горной флорѣ и имѣющихъ болѣе или менѣе похожія формы и по видимому также лекарственныя качества (преимущественно Rh. leucorrhizon), то сначала смѣшеніе не настоящихъ видовъ съ единственнымъ настоящимъ происхо-

(48) Purchas pilgrims II p. 434.

дило не рѣдко, тѣмъ болѣе что и жажда прибыли содѣйствовала такимъ ошибкамъ,

Лор. Ланге въ дневникѣ своемъ, который онъ велъ во время устройства торговли Россіи съ Китаемъ, послѣ втораго своего путешествія (1719), заключаетъ списокъ товаровъ, служащихъ предметомъ мѣны, замѣчаніемъ ([49]), что ревень растетъ въ изобиліи въ Монгольскихъ земляхъ вокругъ Селенгинска и что прежде того пудъ его продавался въ Китаѣ по 4 и 5 лянъ, или рублей серебромъ (*), но что въ его время торговля эта уже не производилась. Спутникъ его Англійскій врачь *Д. Белль*, былъ въ томъ же заблужденіи и полагалъ, что нашелъ въ 5-ти дняхъ пути къ Ю.-З. отъ Селенгинска въ Байкальскихъ горахъ лучшее ревенное растеніе ([50]). По показанію Белля въ тѣни широкихъ листьевъ растенія находятся повсюду норы Байкальскаго сурка, который питается имъ по видимому; самую величину растенія Белль приписываетъ розрыхленію почвы этими норами. Симъ звѣркамъ, говоритъ онъ, должно приписать далекое распространеніе этого полезнаго растенія, ибо Монголы не занимаются его разведеніемъ, и сѣмяна его не могли бы взойти среди сысокой травы, покрывающей тамъ почву, еслибы сурки не очищали землю, вырывая норы, и не разрывали ее. Монголы, разсказываетъ онъ далѣе, вырываютъ этотъ корень, разрѣзываютъ на длинные куски для просушки, просверливаютъ, нанизываютъ ихъ на снурки, и развѣшиваютъ кругомъ своихъ палатокъ, на бараньихъ рогахъ. Но это дурный способъ, ибо многое сгниваетъ при просверливаніи; тѣмъ не менѣе торговля этимъ корнемъ приноситъ большіе барыши. Легко можно было бы, какъ полагаетъ Белль, разводить ревень въ этомъ сухомъ климатѣ; но къ С. и къ Ю. отъ рѣки Толы онъ не могъ найти болѣе ни одного экземпляра сего растенія. Въ Урѣ, мѣстѣ пре-

(49) L. Lange Journal 1721. — 22 p. 370 Or. Rec. de voy. au Nord. T. VIII.

(*) Лянъ серебра — 2 ¼ р. См. Стат. Опис. Кит. Имперіи Ч. I. стр. 131. — *Пр. Пер.*

(50) J. Bell Tran. I. p. 281, 313, 314, 317.

бываніи Кутухты, происходила въ его время главная торговля симъ корнемъ. Ежегодный оборотъ сей торговли, которая, по показанію издателя Абульгази ([51]), составляетъ монополію Сибирскаго правительства, простирался въ его время (1752) до 25,000 фунтовъ.

Такое смѣшеніе съ Сибирскимъ ревенемъ (у Линнея Rheum rhabarbarum, или undulatum, впослѣдствіи Rheum palmatum) было исправлено, во время пребыванія *Палласа* въ Кяхтѣ ([52]) въ 1770 г., полученными извѣстіями объ отечествѣ настоящаго ревеннаго корня. Бухарскіе купцы изъ Синина (Se-lin у Палласа по Монгольскому произношенію) привезли тогда это лекарственное растеніе изъ Хухэ-нара въ Кяхту. Рѣку у Си-нина называли они Селинъ-голъ и притокомъ Хатунь-гола, Куанъ-го (Khoan-go) или Хоиго, — названія Желтой рѣки (Хуанъ-хэ), которыхъ различія происходятъ отъ болѣе жесткаго гортаннаго произношенія Монгольскаго сравнительно съ Китайскимъ, и которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ точности сего показанія. Страна, въ которой растетъ ревень, состоитъ, какъ разсказывали Палласу, изъ высокихъ, большею частію безлѣсныхъ горъ, съ длинными скалистыми пропастями, и простирается отъ Синина до большаго Синяго озера. Корень сего растенія, которое назвалъ Палласъ Rheum undulatum и compactum, вырывается въ Апрѣлѣ и до Мая, просушивается на деревьяхъ на открытомъ воздухѣ и снимается съ нихъ Тангутами не прежде какъ для укладки. Лучшій корень, какъ говорили естествоиспытателю, запрещено вывозить изъ Китая и вывозъ его есть контрабанда. Со времени пересмотра мирнаго договора (въ 1767) при Императрицѣ Екатеринѣ II начинается значительный привозъ настоящаго ревеннаго корня въ Сибирь. Съ 1772 г. приходилъ въ Кяхту ежегодно ([54]) караванъ изъ 30 до 40

(51) Abulghasi Hist. généér. des Tartares. Leyde 1726. 8 p. 185.

(52) Pallas Russische Reise. 4. Th. III p. 156.

(53) Marsden. Marco Polo Trav. p. 180 n. 347.

(54) J. Rehman sur le sol natal et le comerce de la Rhubarbe p. 128. въ Mém. de la soç. Imp. de Moscou.

верблюдовъ съ этимъ корнемъ, подъ управленіемъ Бухарскаго семейства *Абдраимъ*, которому предоставлена была монополія вывоза сего товара. По показанію сихъ торговцевъ товаръ ихъ растетъ въ Тангутскихъ горахъ, и нѣтъ существеннаго различія между Русскимъ и Китайскимъ ревенемъ. Тотъ ревень, который сбывается Китайцами Англичанамъ въ Кантонѣ, низкаго качества, потому что Китайцы менѣе тщательно сортируютъ хорошій и дурный товаръ, что даетъ именно преимущество Русскому ревню, т. е. сортированному Русскими купцами.

Желаніе и надежда найти столь драгоцѣнное произведеніе въ Русскихъ предѣлахъ или акклиматировать его побудили Русское правительство производить, въ теченіи семи лѣтъ, чрезъ *Сиверса*, изслѣдованія этой части Азіатскаго нагорья, въ пограничныхъ Русскихъ владѣніяхъ, но безуспѣшно; узнали только положительно, что съ растеніемъ настоящаго ревеня ботаники еще не знакомы. Въ 1791 году Сиверсъ посѣтилъ горы отъ Кяхты до Яблоноваго хребта ([55]) къ С.-В. отъ Байкала, чтобы собрать по рѣкѣ Чикокану Сибирское ревенное растеніе (Rheum Sibiricum), которое растетъ тамъ во множествѣ по берегамъ рѣкъ на сланцевыхъ валунахъ и песчаномъ грунтѣ, и развести оное близъ Кяхты, Въ 1792, Сиверсъ ([56]) направился къ З. отъ Байкала, для изслѣдованія Колыванскаго округа Алтайскихъ горъ и идя вверхъ по Иртышу и Бухтармѣ, достигъ Китайской границы, но вмѣсто настоящаго ревеня находилъ только Rheum Sibiricum. Русскіе дезертёры увѣряли что настоящій *копытчатый* ревень встрѣчается на Монголо-Китайской границѣ, близъ деревни Сагистанъ по верховью Нарыма (болѣе южнаго праваго притока Иртыша), гдѣ климатъ болѣе теплый; но отличные ботаники, изслѣдовавшіе въ 1826 году Алтайскую флору, какъ кажется не нашли его тамъ; даже на высотахъ, находящихся на разстояніи только нѣсколькихъ миль отъ Змѣиной

(55) Sievers. въ Pallas Neue Nordische Beitrage Th. III p. 203.
(56) Тамъ же Th. VI. p. 254.

горы и извѣстныхъ подъ именемъ *Ревенныхъ-Сопокъ* ([57]) не найдено никакихъ слѣдовъ этого растенія. Въ 1794 г. оказалось результатомъ, какъ многотрудныхъ изслѣдованій Сиверса въ этихъ отдаленныхъ горныхъ странахъ, на сколько Китайская политика дозволяла ему переходить государственную границу, такъ и распросовъ его у Бухарскихъ купцовъ, что до того времени былъ только извѣстенъ одинъ *корень* этаго драгоцѣннаго и общеупотребительнаго лекарственнаго растенія ([58]). Всѣ увѣренія въ умѣніи разводить ревень и попытки къ разведенію его посредствомъ сѣмянъ, которыя выдавались за настоящія, были заблужденіемъ. Подтвердилось только вышеприведенное показаніе Іезуитовъ и естествоиспытателя Палласа *объ ограниченной области распространенія и отечествѣ* ревеня въ альпійской странѣ, орошаемой верховьями Желтой рѣки предъ входомъ ея въ Китай, около Си-нина а Ху-хэ-нора.

Тоже подтверждаютъ и новѣйшія извѣстія, полученныя отъ большаго числа Бухарцевъ въ Маймаченѣ, которые поселились тамъ для ревенной торговли, составляющей ихъ монополію ([59]). Хотя Бухарцы сіи собственно жители Хами, Кашгара, Турфана и Хотана, но за полученіемъ свѣжаго корня они ѣздятъ въ Сининъ для сбыта его въ Кяхту, гдѣ принимаетъ товаръ аптекарь, опредѣленный томъ Русскамъ правительствомъ въ качествѣ присяжнаго покупщика. У Китайцевъ товаръ сей называется *Д'ай-хуанъ* (Tai chong у Сиверса), у Тибетцовъ *Джулцза* (Dschumsa у Сиверса), у Монголовъ *Гесегуна-жинъ-ундусунъ*, (Geseguna jin undosoun), но обыкновенно *Шара-модонь* (Schara modon) т. е. желтое дерево. Іезуитъ П. Парениенъ ([60]), основываясь на туземномъ способѣ разведенія ревеня, утверждалъ, что оно не можетъ производится сѣменами, а только отдѣленіемъ корней, и

(57) L. Fr. v. Ledebour Reise durch das Altai-Gebirge. Berl. Th. I. p. 59.
(58) Sievers въ Pallas N. Nord. Beitr. Th. VII. p. 369.
(59) Klaproth Mém. relatifs á l'Asie T. I. 1826. p. 72.
(60) См. Parennin lettre Peking 10 J. 1737 l. c. p. 73.

что въ этомъ именно заключается причина безуспѣшности произведенныхъ неоднократно опытовъ посѣва ревеня.

По послѣднимъ открытіямъ настоящій ревень повидимому встрѣчается въ альпійскихъ странахъ не только сѣвернаго, но и южнаго Тибета и на Хималайскомъ хребтѣ. Уже докторъ Саундерсонъ открылъ ревень (Rheum undulatum) при посѣщеніи Тешу-лумбо (Teschu-lumbo) въ Верхнемъ Тибетѣ, у верховья Цанбу (Tsanpu) или Брамапутры (29° 5′ с. ш.) ([61]). Неутомимый *Муркрофтъ*, при восхожденіи своемъ на Хималайскій хребетъ, на проходѣ называемомъ *Нитигатъ* (Nitigat), на высотѣ 16,895 ф. надъ поверхностію моря, видѣлъ въ первый разъ 9 Іюня 1812 года ревенное растеніе ([62]), котораго листья только что начинали распускаться; и далѣе на пути къ Тибету, 25 ч. того же мѣсяца, онъ нашелъ его, вмѣстѣ съ другимъ видомъ, совершенно соотвѣтствующимъ обыкновенному находящемуся въ торговлѣ растенію, въ такомъ изобиліи, что это открытіе казалось ему довольно важнымъ. Также Фразеръ нашелъ, по крайней мѣрѣ виды ([63]) Rheum при истокахъ Джумны (30° 50′ с. ш., 78° 26′ в. долг. отъ Гр.). Ройль нашелъ ревень, принимаемый имъ за настоящій, еще далѣе къ Западу, на высокомъ пикѣ Хуръ (Chur) 30° 50′ с. ш.; 77° 28′ в. долг. отъ Гр.); онъ пересадилъ его въ Сехеранпуръ (Seheranpur), и послалъ образецъ сего растенія (въ Маѣ 1826 г.) въ Калькутское Медицинское Общество (Medical society). Также въ Непальскихъ горахъ Госаингстанъ (Gosaingsthan) найденъ и описанъ ревенный корень (Rheum australe у д-ра Дона ([65]). Въ Калькутскомъ ботаническомъ саду, подъ управленіемъ д-ра Валлиха, получены первыя сѣмена *настоящаго ревеннаго растенія* изъ Хималайскихъ горъ, которому, въ отличіе

(61) Turners Embassy to the Court of Teshou-Lama in Tibet. Lond. 1804. 4. p. 394.

(62) Moorcroft Journey to Lake Manasarovara etc. въ Asiat. Researches. Calcutta 4. 1816. T. XII. p. 401, 408.

(63) J. B. Fraser Journal of a Tour in Himalaya. Lond. 1820. 4. p. 433.

(64) Asiat. Journal. 1826. Vol. XXII. p. 575.

(65) Dav. Don. Prodromus Florae Nepalens. p. 75.

отъ сѣвернаго, хухэ-норскаго, дали названіе *Rheum australe*. Сѣмена, посланныя къ Колебруку (Colebrook), Президенту Азіатскаго Общества, были посѣяны и въ Европѣ, принялись и дали уже въ первую осень листья въ 15 дюймовъ длины и одинъ футъ ширины, и стебель толщиною въ $^1/_2$ дюйма. Растеніе соотвѣтствовало описанію Тангутскаго ревеня, сдѣланному Сиверсомъ и было тождественно съ Непальскимъ. Знаменитый ботаникъ д-ръ Валлихъ назвалъ его Rheum Emodi, и по справедливости, потому что подъ названіемъ *Emodus* Птоломей разумѣлъ крайнюю горную цѣпь къ С.-В. отъ истоковъ Инда и Ганга къ Оторокара и до страны Серовъ (Китайцевъ). Корень сего растенія идетъ въ аптеки. Ежегодно собираютъ между высокими Хималайскими горными цѣпями значительныя количества этого товара и отсылаютъ въ Китайскія провинціи для дальнѣйшаго вывоза ([26]). Тщательная сортировка русскаго ревеня есть, по удостовѣреніямъ многихъ, единственная причина превосходства того сорта, который идетъ въ Европу чрезъ Сибирь; по этой же причинѣ не могутъ сравниться съ симъ ревенемъ Левантскіе или неправильно называемые турецкіе сорты, которые идутъ изъ Азіи по южнымъ дорогамъ. Также изъ области Кумаонъ (Kemaon) ([67]) поступаетъ тотъ же хорошій и настоящій ревенный корень, подъ именемъ Арха (Archa), въ торговлю на равнины Индустана по наблюденіямъ сдѣланнымъ тамъ Трелемъ (Traill). Относительно способа собиранія, приготовленія и разведенія остается еще много темнаго и къ сожалѣнію необъясненнаго съ преждевременною кончиною Муркрофта. Собираніе ревеннаго корня, говоритъ Лакруа ([68]), основываясь на восточныхъ писателяхъ, должно производиться только зимою, потому что корень лѣтомъ издревать, губчатообразенъ и негоденъ. П. Мартинъ говоритъ, что ревень долженъ быть просушиваемъ не на

(66) Dav. Don Rhubarb of comerce въ Jameson Edinb. Nem. Philos. Journ 1827. p. 304.

(67) Traill въ Asiatic Researches. Calc. T. XVI p. 226.

(68) P. d. La Croix Histoire du Grand Genghizcan. Paris. 1710. 8 p. 472.

солнцѣ, а въ тѣни и не слишкомъ быстро и т. п. Въ настоящее время можно уже считать несомнѣннымъ, что истинное отечество этого замѣчательнаго растенія, которое въ торговлѣ внутренней Азіи занимаетъ столь же важное мѣсто, сколько велико и вліяніе его на состояніе здоровья рода человѣческаго вообще, должно быть отыскиваемо на *сѣверномъ и южномъ склонахъ нагорной Тибетской юго-восточной Азіи*, и что хотя *сфера* растительности его ограничена *альпійскими, вѣчно снѣговыми горами*, на высотѣ надъ уровнемъ моря не менѣе Монблана (отъ 12,000 до 14,000 ф.), но въ дѣйствительности она между 31° и 40° с. ш., занимаетъ болѣе обширную горизонтальную площадь чѣмъ полагали прежде. Всѣ народы уже съ древнихъ временъ признавали цѣнность этого растенія. Драгоцѣннѣйшею добычею сдѣланною Чингисъ-Ханомъ при покореніи въ 1227 г. гор. Линь-Чжеу (Ling-Tcheou) было нѣсколько вьюковъ ревеняго корня ([69]), который прекратилъ губительныя дѣйствія заразы, начинавшей распространяться въ Монгольскомъ войскѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 20.

1) *Переѣздъ миссіонера Хюка изъ Нинъ-хя въ Си-нинъ и къ Хухэнору въ концѣ 1844 года. Окрестности Си-Нина и страна Амдо.*

По выходѣ изъ Нинъ-хя миссіонеры вступили ([1]) на большую дорогу, вездѣ окаймленную ивами и Жужубами (Zizyphus). Отъ времени до времени попадались имъ небольшія харчевни, въ которыхъ можно найти чай, печеныя яйца, бобы въ маслѣ,

(69) Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 121.

(1) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II. p. 15.

фруктовые консервы и пирожки. Почевали послѣ пріятнаго дневнаго перехода въ Хя-хэ-п'у (Hia-Ho-po), большой деревнѣ, не обнесенной стѣнами.

Черезъ два дня пути отсюда миссіонеры прибыли въ Чжунъ-вей (Tchoung-wei), расположенный на берегу Хуанъ-хэ. Городъ этотъ средней величины и обнесенъ стѣнами; чистота его, опрятность и зажиточность жителей представляетъ діаметральную противуположность съ нищетою и грязнымъ видомъ Нинъ-хя. Судя по количеству безчисленныхъ лавокъ Чжунъ-вея, содержащихъ хорошіе товары и по многочисленному народонаселенію, наполняющему его улицы, городъ этотъ ведетъ обширную торговлю, но поразительно что здѣшніе жители совсѣмъ не плаватели, и на Хуанъ-хэ не видно здѣсь ни одной лодки. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что въ другихъ мѣстахъ Китайцы такъ любятъ рѣчное плаваніе.

На картѣ Китайской Татаріи Д'Анвиля этотъ городъ означенъ подъ именемъ Tchong-ouei, на картѣ Шэньси его же, ошибкою, Thoung-ouei, на картѣ центр. Азіи Клапрота—Tchoung-wei-hian, на картѣ Бергхауза—Tchang-wei, Андріво Гужона—Tschongoei. По опредѣленію древнихъ миссіонеровъ онъ расположенъ подъ 37° 39′ 38″ Сѣв. шир. и 102° 50′ 30″ В. д. отъ Парижа. Городъ этотъ древній. Уже въ времена династіи Т'анъ (властвов. отъ 618 до 907) онъ существовалъ подъ именемъ Линь-чжеу (Ling-Tcheou), по изысканіямъ Ед. Біо (2), послѣ взятія Монголами въ концѣ XIII в. названъ Инъ-ли-чжеу (Ing-li-Tcheou), а со времени династіи Минъ (воцар. въ 1368 г.) получилъ названіе Нинъ-хя-чжунъ-вей (Ning-hia-Tchoung-wei).

По выходѣ изъ Чжунъ-вея миссіонеры прошли черезъ великую стѣну, представлявшую здѣсь не болѣе какъ груду наваленныхъ камней и вступили на нѣсколько дней опять въ Монголію, въ княжество Ала-шань (Alechan). Страна эта еще пу-

(2) См. Ed. Biot. Dictionn. des villes chinoises p. 143, D'Anville Nouv. Atlas de la Chine 1737, Klproth Carte (posthume) de la Chine 1842, Berghaus Karte v. China und Japan 1843. Andrivau Goujon Carte de l'Empire Chinois 1851.

стынѣе и безплодиѣе Ордоса; она вся состоитъ изъ цѣпей высокихъ горъ, паралельныхъ съ теченіемъ Хуанъ хэ. Предгорія ихъ представляютъ холмы сыпучаго песку. Растительности вообще нѣтъ здѣсь и слѣда, только узкія поперечныя долины представляютъ для стадъ небольшое количество сухихъ и колючихъ растеній. Страна очень мало населена, въ 1844 году засуха сдѣлала ее совершенно неудобною для обитанія. Половина стадъ погибла отъ голода и всѣ эти обстоятельства произвели такую нищету въ Ала-шанѣ что онъ наполнился грабителями. Эти свѣдѣнія какъ кажется были сообщены Хюку Монгольскими тайцзіями, сопровождавшими князя Ала-шаня въ Пекинъ (3).

Путешественники слѣдовали (4) черезъ песчаныя поверхности, которыхъ однообразный видъ прерывался только слѣдами какихъ то насѣкомыхъ, оставившихъ на сыпучемъ пескѣ самыя тонкія тропинки, представляющія странную сѣть арабесковъ. Подъемъ въ горы былъ особенно затруднителенъ: верблюды всею длиною ногъ увязали въ пескѣ, а лошади не находили опоры въ сыпучей почвѣ. Вдали былъ видѣнъ Хуанъ-хэ, вплоть до котораго распространялась песчаная поверхность. Къ счастію атмосфера была тиха, иначе путешественники рисковали быть погребенными подъ песчаными напосами. Наконецъ они перебрались черезъ отрогъ Ала-шаня; за высокими песчаными горами послѣдовали холмы, почва сдѣлалась твердая и къ концу дня миссіонеры прибыли въ деревню Чанъ-ляо-шуй (Tchang-Lieou-Chouy, что значитъ вѣчно текущія воды). Здѣсь, посреди песчаныхъ холмовъ, находится настоящій оазисъ очаровательной красоты. По улицамъ деревни течетъ множество небольшихъ ручьевъ, они осѣнены многочисленными деревьями, красивые домики выстроены изъ дикаго камня и выкрашены бѣлою и красною красками. Все здѣсь соотвѣтствуетъ поэтиче-

(3) См. Huc. Souv. d'un voy. en Tartarie T. II. p. 368.
(4) См. Huc. Souv. d'un voy. en Tartarie T. II. p. 21.

скому названію «вѣчно текущихъ водъ.» Только провіантъ и фуражъ непомѣрно дороги.

За Чанъ-ляо-шуй миссіонеры направились по дорогѣ, по которой слѣдуютъ китайскіе ссыльные, отправляемые въ Или. Окрестность грустна и уныла, хотя не такъ ужасна какъ въ первый день пути изъ Нинъ-хя. Гравій замѣняетъ здѣсь песокъ и, исключая букетовъ твердой и колючей травы, почва суха и безплодна. Ночевали въ этотъ день въ Гао-тʻанъ-цзы (Kao-tan-dze), отвратительной деревушкѣ въ полномъ смыслѣ этаго слова. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ грудъ землянокъ; всѣ онѣ населены ссыльными и служатъ постоялыми дворами. Окрестная страна ровно ничего не производятъ, все привозится изъ Чжунъ-вея. Воды также нѣтъ: напрасно рыли здѣсь глубокіе колодцы, вездѣ встрѣчали только сухую и каменистую почву и воду привозятъ и нынѣ за 60 ли (30 верстъ). Къ довершенію окрестная страна постоянно опустошается разбойниками, а потому большая часть жилищъ носятъ слѣды пожара и опустошенія. Въ Гао-тʻанъ-цзы есть два рода постоялыхъ дворовъ: съ защитою отъ разбойниковъ и безъ защиты. Въ первыхъ защищаютъ отъ разбойниковъ вооруженною рукою, но берутъ плату въ четверо. Такія гостинницы совершенно на военномъ положеніи: вездѣ навалены копья, стрѣлы, луки и ружья съ фитилями.

На слѣдующій день миссіонеры (5) опять слѣдовали по Илиской дорогѣ и вскорѣ снова перешли черезъ развалины великой стѣны. Въ нѣсколькихъ шагахъ за стѣною находится застава Сань-янъ-цинъ (San-yen-Tsing), замѣчательная по строгости съ которою здѣсь пропускаютъ Татаръ и осматриваютъ ихъ паспорты. Застава эта означена на картахъ Клапрота и Берхгауза. Она находится почти (не много восточнѣе) въ меридіанѣ города Лань-чжеу (Lan-Tcheou) (6). Отсюда миссіонеры направились

(5) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II. p. 27.

(6) См. Klaproth Carte de l'Asie Centrale etc. 1836 u. Berghaus Carte v. China und Japan etc. 1843.

къ Ю.-З. черезъ Ганьсу. Страна прекрасна, богата, пересѣчена холмами и ручьями. Необыкновенное разнообразіе встрѣчаемыхъ здѣсь произведеній зависитъ не только отъ умѣреннаго климата и почвы, но и отъ дѣятельности и опытности земледѣльцевъ. Главное произведеніе страны—пшеница, изъ которой дѣлаютъ вкусные хлѣбы, подобные Европейскимъ. Рисъ почти не сѣется и употребляемый здѣсь вывозится изъ сосѣднихъ провинцій. Козы и овцы превосходной породы, и вмѣстѣ съ хлѣбомъ доставляютъ главный родъ пищи. Копи каменнаго угля представляютъ неистощимый запасъ топлива, доступный для всѣхъ сословій. Жизнь здѣсь очень дешева.

Въ двухъ дняхъ пути отъ заставы миссіонеры были застигнуты страшнымъ ураганомъ (7). Это было въ равнинѣ въ 10 час. утра. Сначала въ атмосферѣ внезапно сдѣлалась необыкновенная тишь. Неподвижный воздухъ былъ чрезвычайно холоденъ. Вдругъ поднялся Западный вѣтеръ и скоро началъ дуть съ такою силою, что животные не могли болѣе двигаться. Безоблачное небо приняло какой-то рыжеватый цвѣтъ. Потомъ усилившійся вѣтеръ образовалъ вихри, поднимавшіе въ воздухѣ большіе столбы пыли, песку и остатковъ растеній. Атмосфера пришла въ такое состояніе, что путешественники не могли болѣе видѣть животныхъ на которыхъ сидѣли. Наконецъ они рѣшились сойти съ нихъ и, завязавъ головы платками, лечь на землю. Все это продолжалось нѣсколько болѣе часа. Наконецъ вѣтеръ утихъ и путешественники оглянувшись увидѣли съ изумленіемъ что они совершенно разсѣялись и находились въ значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ.

Жители этой части Ганьсу показались Хюку не чисто Китайскаго происхожденія въ нихъ скорѣе преобладаетъ татаро-тибетскій элементъ, выражающійся не только въ характерѣ и обычаяхъ, но даже и языкѣ. Они откровенны, гостепріимны, но не имѣютъ утрированной учтивости Китайцевъ. Въ ихъ нарѣчіи,

(7) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II p. 32.

кромѣ многочисленныхъ татарскихъ и тибетскихъ выраженій, самое строеніе фразы не китайское, а монгольское. Относительно пищи они, въ противуположность съ Китайцами, большіе охотники до молока, масла, творогу и т. д.

Впрочемъ жители Ганьсу принадлежатъ какъ бы къ тремъ различнымъ типамъ. Самый выдающійся составляютъ Чжахоры (Dchiahours) занимающіе страну Сань-Чуань (San-Tchouan т. е. три долины). Они говорятъ смѣсью трехъ языковъ: Китайскаго, Монгольскаго и западнаго Тибетскаго, и рѣзко отличаются нравами отъ Китайцевъ, хотя они столь же хитры и плутоваты какъ Китайцы, но менѣе учтивы. Убійство между ними дѣло обыкновенное, даже находятся у нихъ въ нѣкоторомъ уваженіи. Управляются они довольно независимо наслѣдственными владѣльцами, имѣющими титулъ Ту-ссы (Tou-sse), На границахъ Сычуани есть нѣсколько такихъ племенъ, подчиненныхъ особымъ мѣстнымъ законамъ. Самое сильное между ними Янь-ту-ссы (Yang-Tou-sse), которое даже имѣло большое вліяніе въ Хлассѣ до 1845 года.

На слѣдующій день миссіонеры встрѣчали безпрестанно на пути своемъ (8) слѣды предшествовавшаго урагана: сломанныя и вырванныя съ корнями деревья, дома безъ крышъ и опустошенныя поля. Къ вечеру прибыли въ *Чжуанъ-лань* (Tchoung-Long), иначе *П'инъ-фынъ* (P'ing-Fung). Городъ этотъ, подъ первымъ именемъ, находится на картахъ Клапрота и Берхгауза. Онъ расположенъ на небольшомъ притокѣ Хуанъ-хэ. Это та самая застава Чжуанъ-лань, о которой говоритъ Риттеръ. Подъ именемъ Phing-Fan на картѣ Клапрота означенъ совершенно другой городъ, гораздо далѣе къ С.-З. Къ нему относится и указаніе словаря Біо (9). Хюкъ проѣхалъ не черезъ второй, а черезъ первый изъ этихъ городовъ.

---

(8) См. Huc. Souv. d'un voyage en Tartarie etc. T. II p. 36.

(9) См. Ed. Biot. Diction. des villes chinoises p. 161. Klaproth Carte de l'Asie centrale etc. 1836; Berghaus Karte von China und Japan. 1843.

Отсюда миссіонеры отправились въ городъ Хэ-кіо-и (Но-Kiao-Ÿ), на европейскихъ картахъ означенный подъ именемъ Да-т'унъ (Ta-Thoung) и встрѣчали безпрерывно на дорогѣ длинные караваны воловъ, ословъ и телѣгъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ. Въ городѣ Да-т'унъ миссіонеры пробыли нѣсколько дней. Положеніе этаго города подъ вторымъ именемъ означено на картахъ Клапрота и Бергхауза ([10]).

Черезъ день по выходѣ изъ этаго города миссіонеры начали подыматься на высокую гору ([11]) П'инъ-кэу (P'ing-Keou), по тропинкамъ, мимо страшныхъ пропастей. Здѣсь слѣдовательно путешественники переходили высокій горный проходъ въ снѣжномъ хребтѣ. Подъемъ въ гору начался до разсвѣта, на вершину взобрались въ полдень. Здѣсь находилась небольшая гостинница, гдѣ вмѣсто чая продается отваръ бобовъ. Холодъ былъ не силенъ, однакоже шелъ снѣгъ (въ Генварѣ). Спускъ былъ труденъ и скользокъ. Почевали въ деревнѣ Лао-я-п'у (Lao-Ya-Pu), (деревня старой утки). Мужчины занимаются здѣсь всѣ грубою пряжею и вяжутъ чулки и рукавицы бамбуковыми спицами. Топливо состоитъ изъ кирпичиковъ, сдѣланныхъ изъ угольнаго порошка. Деревня эта означена на картѣ Клапрота. Отсюда до Си-нинъ-фу (Si-ning-Fou) 5 дней пути. На второй день миссіонеры прошли черезъ городъ Нянь-би-хянь (Ning-pey-Hien). Онъ означенъ на картѣ Китая Клапрота, но только ближе къ Синину чѣмъ къ Да-т'уну ([12]). Дорога въ Сининъ хороша и хорошо содержана; она извивается по плодородной и прекрасно обработанной странѣ, живописно прерванной рощами, холмами и многочисленными ручьями. Табакъ составляетъ главное произведеніе страны. Миссіонеры замѣтили здѣсь много

(10) Городъ этотъ не должно смѣшивать съ городомъ Да т'унъ-фу провинціи Шэньси. Положеніе его означено на картѣ Клапрота и въ словарѣ Біо почти въ меридіанѣ Лянъ-чжеу-фу (Liang-Tcheou fu). См. Ed. Biot. Diction. des villes chinoises. p. 194; Klaproth Carte de la China 1842.

(11) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. p. 36.

(12) См. Ed. Biot. Dict. des villes Chinoises p. 144 подъ именемъ Nien pei Klaproth carte de la Chine. 1843.

мѣльницъ, поразившихъ ихъ простотою устройства. Судя по ихъ описанію эти мѣльницы, состоящія главнымъ образомъ изъ пашиннаго колеса, подобны встрѣчающимся часто въ Швейцарскихъ альпахъ. Отъ горнаго прохода Пинъ-кэу начинается какъ кажется альпійская страна Синина и Хухэнора.

За день пути до Синингъ-фу дорога становится трудною и опасною. Она идетъ черезъ страшныя скалы, вдоль глубокаго горнаго потока, котораго шумныя волны прыгаютъ по каменьямъ. Со стороны вездѣ простирается глубокая пропасть. Синингъ-фу (13) есть огромный, необъятный городъ, но онъ относительно мало населенъ и во многихъ мѣстахъ превратился въ развалины. Торговля его отчасти перешла въ Донкоръ (Tang-Keou-eul), небольшой городъ, расположенный на рѣкѣ К'эу-хэ (Keou-ho), на границахъ Ганьсу и Ху-хэ-нора (14). Замѣчательно что Татары и Тибетцы помѣщаются здѣсь въ особыхъ гостинницахъ безплатно, потому что хозяева гостинницъ получаютъ съ ихъ коммерческихъ оборотовъ нѣкоторый процентъ. Си-нинъ, по свидѣтельству Ед. Біо, при династіи Хань (206 до Р. Х. по 263 нашей эры) назывался П'у-кянъ (P'o-Khiang), при восточныхъ Хань—Си-п'инъ (Si-p'ing), при династіи Суй (588—618) — Чень-Чжеу (Chen-Tcheou), при династіи Сунъ (967—1278) — Хуанъ-Чжеу (Hoang-Tcheou) и наконецъ Си-нинъ. Въ глубокой древности окрестная страна называлась Си-кянъ (Si-Khiang).

Изъ Си-нинъ-фу миссіонеры (15) переправились чрезъ нѣсколько ручьевъ, перейдя чрезъ множество скалистыхъ холмовъ и два раза чрезъ великую стѣну, прибыли въ Донкоръ (Tang-Keou-Eul), въ Январѣ мѣсяцѣ 1845 года. Здѣсь они рѣшились остаться на долго въ ожиданіи Тибетскаго посольства

---

(13) См. Ed. Biot. Dict. de villes chinoises. p. 172.

(14) Вѣроятно Борочо карты Клапрота, одинъ изъ истоковъ р. Си-нинъ-хэ, впадающей въ Хуанъ-шуй лѣвый притокъ Хуанъ-хэ. См. Klaproth Carte de l'Asie centrale etc. 1836.

(15) См. Huc. Voyag. d'un voyage en Tartarie T. II p. 54.

изъ Пекина, съ которымъ они безопасно могли продолжать путь до Хлассы. Городъ не великъ, но очень населенъ и ведетъ большую торговлю. Здѣсь встрѣчается очень много разныхъ національностей: восточные Тибетцы называемыя Чанъ-мяо-эрлъ (Toung-Mao-eul, или длинноволосыми), Елоты, Голоки, Китайцы, Хухэнорскіе Монголы и Мусульмане (Хой-хой), Всѣ ходятъ по улицѣ вооруженные огромными саблями, съ видомъ звѣрской независимости. Пролетаріатъ, нищенство и болѣзни сопутствуютъ густотѣ населенія въ этомъ городѣ. Самую характеристическую часть народонаселенія составляютъ Чанъ-мяо-эрлъ, т. е. длинноволосые Тибетцы. Они не брѣютъ головъ, длинные, черные ихъ волосы падаютъ на плеча; носятъ они длинные овчинные тулупы, подобранные поясомъ, короткіе кожаные сапоги; одна изъ рукъ совершенно обнажена, соотвѣтствующій ей рукавъ откинутъ назадъ, въ поясъ продѣта длинная сабля. Они отличаются отрывистымъ, энергическимъ голосомъ и быстрыми движеніями. Многіе изъ нихъ богаты, но вся роскошь ихъ состоитъ въ богатой отдѣлкѣ дорогими каменьями сабельныхъ ноженъ, и тигровой каймѣ одежды.

Городъ Донкоръ вѣроятно существуетъ еще недавно и возрастаетъ съ упадкомъ Си-нина. Его нѣтъ ни въ словарѣ Ед. Біо, ни на европейскихъ картахъ; только на картѣ Андриво Гужона 1851 года онъ нанесенъ подъ именемъ Tong-Kour ([19]), Въ окрестностяхъ города живутъ кочующіе Си-фани и осѣдлые Китайцы. Къ Ю.-В. отъ него и къ Ю. отъ Си-нина находится знаменитый ламайскій монастырь Гумбумъ (Koun-Boum), означенный и на картѣ Клапрота ([17]) верстахъ въ 25—30 отъ Синина. Миссіонеры прожили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дорога туда не представила имъ ничего замѣчательнаго, кромѣ за-

(17) См. Andrivau Goujon Carte de l'Empire Chinois. Paris. 1850.

(18) Klaproth Carte de l'Asie Centrale etc. Paris 1836 и Berghaus Karte von China und Japan. 1843.

мерзшаго ручья ([18]). Окрестная страна называется Амдо (Amdo). Въ монастырѣ обитаетъ до 4000 ламъ. Положеніе его чрезвычайно живописно. Онъ подымается амфитеатрально на крутую гору, прорѣзанную глубокимъ оврагомъ, поросшимъ высокими деревьями, состоитъ изъ буддійскихъ храмовъ необыкновенной архитектуры, съ позлащенными крышами, блистающими разными цвѣтами и бѣлыхъ домиковъ, увѣнчанныхъ бельведерами. Все это обнесено оградою; перистили храмовъ очень красивы, надъ домами начальниковъ возвышаются шестиугольныя башни и развѣваются флаги. Вездѣ написаны мистическія изрѣченія на тибетскомъ языкѣ красными или черными буквами. Ламы ходятъ по улицамъ въ красныхъ мантіяхъ и желтыхъ митрахъ. Страна Амдо состоитъ большею частію изъ обнаженныхъ горъ, окрашенныхъ охрою въ желтый цвѣтъ и перерѣзанныхъ глубокими оврагами. Кое-гдѣ встрѣчаются въ долинахъ хорошія пастбища.

Монастырь Гунъ-бумъ основанъ въ XV вѣкѣ въ воспоминаніе Цзонкава (Tsong-Kawa), замѣчательнаго реформатора буддійской религіи, жившаго въ концѣ XIV вѣка и родившагося здѣсь, въ странѣ Амдо. Описаніе пребыванія миссіонеровъ въ Гунъ-бумѣ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ страницамъ путешествія Хюка. Религіозный «праздникъ цвѣтовъ», легенда о Цзонкава, странное дерево «десяти тысячъ буквъ», растущее у подошвы горы особенно замѣчательны ([19]).

Въ «праздникѣ цвѣтовъ» поразительно то, что всѣ барельефы, декораціи и статуи, изображающіе разныя эпизоды изъ жизни Будды, дѣлаются на одну ночь праздника монастырскими артистами, изъ масла, которое при холодной зимней температурѣ очень удобно для скульптуры. Замѣчательно что лицо Будды, какъ его изображаютъ въ сихъ скульптурахъ, принадлежитъ къ прекрасному типу кавказской расы, и что вообще

---

(18) См. Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 84.

(19) См. Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie etc. T. II. p. 93—115.

скульптура эта отличается необыкновенною правильностью, вѣрностью и изяществомъ. Еще замѣчательно что во внѣшнихъ религіозныхъ обрядахъ здѣшняго и тибетскаго буддизма есть много аналогій съ католическими обрядами, какъ напр. въ одеждѣ великихъ ламъ: жезлъ (crosse), митра, далматикъ и т. д.; служеніе съ двумя хорами, псалмодія, экзорцизмы, паникадилы на пяти цѣпяхъ, благословеніе ламъ осѣняющихъ правою рукою головы благословляемыхъ, четки, безбрачіе всѣхъ духовныхъ, монастыри, почитаніе святыхъ, посты, процессіи, литаніи, освященная вода и т. д. Все это приводитъ насъ непосредственно къ легендѣ о Цзонкава. Этотъ уроженецъ Амдо, жившій въ XIV в., по сохранившимся преданіямъ, былъ ученикомъ какого-то пришельца съ Запада, котораго черты, по тѣмъ же преданіямъ, носили характеръ кавказскаго типа (выдающійся носъ). По смерти своего учителя Цзонкава переселился въ Хлассу и, составивъ себѣ могущественную партію въ центрѣ буддизма, произвелъ въ немъ большую реформу, одержавъ верхъ надъ приверженцами стараго порядка. Воспоминаніе о Цзонкава придало важность монастырю Гумбуму.

Что же касается до видѣннаго Хюкомъ и Габе въ Гумбумѣ необыкновеннаго дерева, листья котораго испещрены тибетскими письменами, то мы не можемъ подозрѣвать ни какой умышленной неправды въ наивномъ разсказѣ миссіонеровъ. Только объясненіе факта, столь поразившаго миссіонеровъ и показавшагося имъ столь чудеснымъ найдено В. П. Васильевымъ. Именно одинъ Кутухту въ Пекинѣ, который самъ былъ начальникомъ монастыря и амдосскимъ урожепцемъ, сообщилъ Васильеву составленную имъ интересную рукопись о тибетскихъ монастыряхъ, въ которой между прочимъ сказано: «здѣсь на мѣстѣ рожденія Цзонкава стоитъ великій монастырь Гумбумъ, въ которомъ есть дерево бѣлаго сандала, о которомъ говорятъ что оно выросло, изъ крови, текшей при рожденіи Цзонкава, и такъ на листьяхъ его явились сами собою 10000 знаковъ (изображеній), то монастырь и называется Гумбумъ.

И попытѣ на листьяхъ сандальнаго дерева и на корѣ его существуетъ множество изображеній, фигуръ и буквъ. Нѣкоторые наши Амдосцы, незнающіе никакой критики, говорятъ что это начерчено иголкой на деревѣ. Но это съ намѣреніемъ распустили неблагоговѣющіе и невѣрующіе, незнающіе что великій Цзонкава есть основатель Дгелугбійскаго ученія».

Конечно тибетскій Кутухта, живой Будда, кардиналъ буддійской іерархіи не могъ яснѣе объяснить способъ, употребленный ламами Гумбума для произведенія чуда, такъ озадачившаго католическихъ миссіоперовъ, что они едва вѣрили глазамъ своимъ.

Гумбумъ въ гористой странѣ уже несомнѣнно расположенъ на значительной абсолютной высотѣ. Когда миссіонеры въ апрѣлѣ переселились въ долину Чогортанъ (подъ 36° сѣв. шир.) ([20]), въ полчасѣ пути отъ Гумбума, то края ручья, текущаго у подошвы высокой скалистой горы, были еще покрыты льдомъ и природа пробуждалась лѣниво. Въ долинѣ и на сосѣднихъ скатахъ были разбросаны черные шатры кочующихъ Сифаней (восточныхъ Тибетцевъ), кругомъ паслись стада ихъ козъ и длинношерстыхъ быковъ или яковъ (Bos grunniens). Кельи пустынниковъ были расположены на уступахъ или почти неприступныхъ обрывахъ горы, подобно гнѣздамъ ласточекъ. Это были или просто пещеры, высѣченныя въ скалѣ, или деревянные домики, лѣпившіеся на утесахъ. Черные шатры Сифаней гораздо просторнѣе монгольскихъ юртъ. Они поддерживаются длинными веревками, прикрѣпленными къ жердямъ, находящимся внѣ палатки и издали походятъ на исполинскихъ пауковъ. Впрочемъ такія палатки дурно защищаютъ отъ холода и худо противустоятъ вѣтру. Печи въ нихъ хорошо и крѣпко сложены. Стада Сифаней состоятъ изъ овецъ, козъ и длинношерстыхъ быковъ. Длинношерстый быкъ, по тибетски *Якъ*, по китайски *Чанъ-мао-ню*, по монгольски *Сарлыгъ*, у натура-

(20) См. Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie et c. T. I. p. 142.

листовъ Bos grunniens, составляетъ главное богатство этихъ горцевъ. Мясо его, молоко и масло коровъ необыкновенно вкусны, по свидѣтельству Хюка. У Сифаней есть и быки обыкновенной, домашней породы, но они слабы и нехороши. Помѣсь обѣихъ породъ обыкновенно умираетъ скоро послѣ рожденія и не даетъ хорошей породы, въ противность мнѣнія или показанія Марко Поло. Лица Сифаней гораздо выразительнѣе и менѣе плоски чѣмъ лица Монголовъ, въ движеніяхъ ихъ замѣтна большая живость и энергія, вся индустрія ихъ ограничивается приготовленіемъ тканей для одеждъ и шатровъ.

Климатъ страны Амдо совершенно горный и суровый. Въ іюнѣ еще падаетъ снѣгъ, и вѣтры бываютъ такъ холодны, что нельзя еще снять съ себя тулупа. Въ іюлѣ жаръ становится ощутительнымъ и начинаютъ падать проливные дожди. Потомъ небо проясняется и тогда съ поверхности земли подымается сильный паръ. Скоро онъ становится столь густымъ, что уменьшаетъ дневной свѣтъ. Потомъ падаютъ опять дожди и все это продолжается дней 15-ть. Въ это время животныя почти не двигаются, а людьми овладѣваетъ самое непріятное ощущеніе (malaise). Сифани называютъ это время года сезономъ паровъ земли. Послѣ этого переходнаго времени растительность дѣлаетъ быстрые успѣхи, и горы и холмы покрываются вдругъ цвѣтами и зеленью. Верблюды линяютъ въ тоже время.

Долина Чогортанъ страдаетъ нерѣдко отъ набѣговъ разбойниковъ. Особенно она пострадала въ 1842 году, когда разбойники сожгли шатры Сифаней, жилища ламъ, буддійскій храмъ съ его идолами, и угнали всѣ стада, пощадивъ только жилища пустынниковъ. Слухъ о нашествіи разбойниковъ распространился и во время пребыванія тамъ Хюка въ 1845 и Сифани, снявъ свои шатры, въ страхѣ удалились въ горы.

Въ Сентябрѣ 1845 года миссіонеры, узнавъ наконецъ о прибытіи въ Донгкоръ Тибетскаго посольства, возвращавшагося изъ Пекина въ Хлассу, тронулись въ путь изъ долины Чо-

гортанъ ([27]). До Хухэ-нора они имѣли четыре дня пути. Первое что они встрѣтили былъ небольшой ламайскій монастырь Тансонъ (Tanson), содержащій не болѣе 200 ламъ, но окруженный удивительно живописнымъ ландшафтомъ. Онъ расположенъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими, скалистыми горами, увѣнчанными кустарникомъ и соснами. Около монастыря течетъ ручей, окаймленный ивами и высокими стеблями ангелики и съ шумомъ пробивающій себѣ путь между скалъ. Монастырь богатъ вкладами монгольскихъ князей Хухэ-нора, За монастыремъ разстилалось плоскогоріе, въ которомъ монгольскіе шатры и стада были живописно разбросаны посреди зелени пастбищъ. Далѣе страна становится все болѣе и болѣе плодородною, болѣе и болѣе гористою. Наконецъ показались обширныя и чудесныя пастбища Хухэ-нора. Растительность здѣсь до такой степени роскошна, что травы подходятъ подъ самое туловище верблюдовъ. Наконецъ появилась на горизонтѣ серебристая линія и путешественники съ радостью услышали что это было синее озеро (Хухэ-норъ). Солнце еще не закатилось, когда они разбили палатку свою въ сотнѣ шаговъ отъ его берега.

Соленое озеро *Хухэ-норъ* (Koukou-Nor), у Тибетцевъ *Цо-н'онъ-бо* (Tsot-Nyon-Po), у Китайцевъ въ древности *Си-хай*, также *Бэй-хай* (Pi-Hai), нынѣ *Цинъ-хай* (Tsing-Hai) имѣетъ 100 лье (около 400 вер.) въ окружности. Въ западной части его находится скалистый островъ и на немъ ламайскій монастырь ([22]). Ни одно изъ прибрежныхъ племенъ не занимается плаваніемъ по озеру. Сообщеніе съ монастырями и жителями двухъ острововъ возможно только зимою, когда озеро покрывается льдомъ ([23]).

---

(21). См. Huc Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie. T. II. p. 183.

(22) Островъ этотъ на картахъ Клапрота и Берггауза названъ Чаганъ-хада (Tchagan-Hada). Въ восточной части озера на тѣхъ же картахъ означенъ и другой— Хойсу-цило (Kouisoun-Tsiloo). См. Klaproth carte de l'Asie centr. etc. 1836 и Berghaus Carte von China und Japan 1843.

(23) См. Іакинѳа Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 47.

Сколько намъ кажется положеніе его означено не совсѣмъ вѣрно на европейскихъ картахъ. Южный его берегъ въ Ю.-З. углу скорѣе можетъ быть направленъ съ В.-З.-В. къ З.-Ю.-З. чѣмъ съ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З. Самый значительный притокъ его долженъ впадать не въ западный, а въ юго-западный его уголъ и течь не съ З., а съ Ю.-З., по крайней мѣрѣ въ нижней своей части, потому-что истоки его находятся дѣйствительно на С.-З. въ горахъ Нань-шань. Эти заключенія основываемъ мы на томъ что миссіонеры (24) отъ берега Хухэнора, который они увидѣли въ первый разъ въ Ю.-В. углу озера, слѣдовали къ З., склоняясь нѣсколько къ Ю., а послѣ 5 дней пути прибыли къ значительному притоку Хухэ-нора, который Хюкъ называетъ Бухайнъ-голъ (Pohain-Gol). Что эта рѣка значительна о томъ свидѣтельствуетъ трудность переправы огромнаго каравана тибетскаго посольства, при которомъ слѣдовали и миссіонеры, по льду черезъ двѣнадцать его рукавовъ. Пять дней пути дѣйствительно не могутъ привесть ни къ какому другому притоку Хухэнора какъ къ единственному значительному, который на картѣ Клапрота течетъ съ З.-С.-З. Но для того чтобы этотъ притокъ могъ пересѣкать дорогу тибетскаго посольства онъ долженъ течь съ Ю.-З. Дѣленіе его на двѣнадцать рукавовъ показываетъ что здѣсь уже началась его дельта и доказываетъ близость Ю.-З. угла озера. Самыя исполинскія снѣжныя вершины хухэнорскихъ альповъ лежатъ на границахъ Тангута съ Тибетомъ къ Ю.-З. отъ озера.

---

(24) См. Huc Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II. p. 199.

§ 21.

Изложеніе IV. *Западные входы большой впадины чрезъ Ганьсу изъ Шэнь-си къ Хами. Міровое положеніе, историческая характеристика.*

Если отъ воротъ Чжуанъ-лань, откуда, какъ сказано выше, раздвояющаяся долина ведетъ въ Тибетъ и Туркистанъ, слѣдовать по с.-з. дорогѣ, то сія послѣдняя поведетъ паралельно съ великою стѣною на 80 г. м., чрезъ города *Лянъ-чжеу-фу* (Liang), *Ганъ-чжеу-фу* (Kan) и *Су-чжеу* (Su), до самыхъ западныхъ воротъ стѣны *Кя-юй-к'эу* (Kia-Yu-Keou, Цзя-юй по сѣв. произн.), которыя обозначали вмѣстѣ съ тѣмъ *западную оконечность* провинціи *Шэнь-си* (нынѣ *Ганъ-су*) и всегда считались крайнимъ западнымъ пограничнымъ пунктомъ Китая (1), только въ отношеніи государственнаго управленія граница перенесена въ послѣднее столѣтіе еще далѣе къ С.-З. на Ша-чжеу (Sha-Tcheou), Хами и Урумци. Стѣна проведена по сѣверной окраинѣ этого удобнаго къ проходу углубленія здѣшняго нагорія, отъ З. къ Ю.-В., именно для того чтобы съ самыхъ древнѣйшихъ временъ противуставить вторженіямъ номадовъ съ С. гарнизоны здѣшнихъ скалистыхъ проходовъ (которые вѣроятно походятъ на подобные же проходы Хэ-лань-шаня, лежащаго къ З. отъ Нинъ-хя и никакъ недостигающаго снѣговой линіи). Съ южной стороны углубленія въ этомъ не предстояло надобности, потому-что здѣсь, близъ истоковъ степныхъ рѣкъ *Булангиръ* (Boï-lounghir, Polonkir у д'Анв.) и *Таолай-хэ* (Thu-lai-ho, Too-lai у д'Анв.), изъ которыхъ первая течетъ на С.-З. къ Гуа-чжеу, а вторая прямо къ С. мимо Су-чжеу, и впадаетъ съ лѣвой стороны въ степную же рѣку *Эцзинэ-голъ* (Etzina-pira), возвышаются трудно проходимыя и громадныя снѣговыя горы (Сюэ-шанъ),

(1) Ab. Remusat nouv. mel. T. I. La Chine p. 5. Berthe nouv. carte de l'Asie. Paris 1829.

которыя принимаютъ здѣсь названіе *Нань-шань* (2) (отъ слова Нань — Югъ). Сіи послѣднія не расположены здѣсь отдѣльною группою, но тянутся къ С. отъ Хухэ-нора непрерывно, какъ вышеупомянутый, такъ называемый снѣговой хребетъ (Сюэ-шань) къ Ю.-В. до прорыва Хуанъ-хэ, у пограничной крѣпости Цзишп-гуань (Tsy-Shy-Kouan). Дорога отъ Чжуанъ-лань на Синиинъ, по западной вѣтви раздвояющейся долины, есть единственный извѣстный намъ проходъ чрезъ эту цѣпь горъ. По южному склону ея и паралельно съ нею обозначается на картахъ рѣка *Уланъ-мурэнь* (Ulan-Mouren) или *Дай-т'унъ-хэ* (Tai-Thoung-Ho), въ древнѣйшія времена также *Хуанъ-чуань* (3), текущая за стѣною, по направленію къ Ю.-В. въ Хуанъ-хэ, но о ней мы не могли нигдѣ найти положительныхъ извѣстій (*).

Цѣпь горъ, извѣстная здѣсь подъ особымъ названіемъ *Килянь-шань* (по сѣв. произн. Цилянь, Kilian-Schan) (**) и *Да-сюэ-шань* (Ta-Sue-Schan) — *великихъ снѣговыхъ горъ*, достигает к значительной высоты, имѣетъ на вершинахъ своихъ не только снѣжныя поля, но между ними глетчеры, и на сѣверномъ склонѣ

---

(2) Klaproth Magasin asiatique. III. p, 146.

(3) Tabl. Hist. de l'Asie Tabl. 9.

(*) Уланъ-мурэнь называется и нынѣ Хуанъ-шуй, также Да-чжунъ-хэ (Ta-Thoung-Ho на картѣ Клапр.); она составляетъ первый значительный лѣвый притокъ Хуанъ-хэ, сопровождающій южный скатъ Нань-шаня, а сама принимаетъ рѣку Си нинъ-хэ иначе Д'ай-т'унъ-хэ; слѣдоват. у Риттера смѣшаны двѣ различныя рѣки. См. Klaproth carte de l'Asie centr. etc. Paris. 1836, и Іакинѳа Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. I. ст. 31. — *Пр. Пер.*

(**) Слово Килянь, по сѣвер. произн. Цилянь, переводится китайскими географами — небо, и почитается ими Хуннусскимъ. Сходство его съ сродными по значенію въ индо-европейскихъ языкахъ — греческимъ κοιλον и латинскимъ coelum поразительно. Также еще въ одномъ индо-европейскомъ языкѣ — латышскомъ есть слово сродное — Zeltees, что значитъ подымать. Такое фамильное сходство очень замѣчательнаго слова было бы поразительно для языка хуннскаго племени, котораго всѣ сродства примыкаютъ къ алтайскимъ (финско-татарскимъ) языкамъ, а не индо-европейскимъ. Потому я полагаю что это слово, если оно существовало у Хунну, было ими заимствовано у индо европейскихъ Усуней (Usinn), и это предположеніе пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что Усуней мы застаемъ въ Килянь-шанѣ, въ верховьяхъ Эцзинэ Гола уже за III и II в. до Р. Хр, и они намъ кажутся аборигенами въ этой странѣ, между тѣмъ какъ о Хунну преданіе повѣствуетъ, какъ о пришельцахъ изъ отдаленныхъ долинъ Алтая. — *Пр. Пер.*

своемъ даетъ начало нѣсколькимъ *степнымъ рѣкамъ*, которыя, направляясь въ пустыню Чоросовъ-Элютовъ, теряются въ пескахъ въ видѣ озеръ. На одной изъ такихъ болѣе восточныхъ рѣкъ, лежитъ *Лянъ-чжеу* (Liang-Tcheou; Leang, Lan у Дюгальда) (*), а на самой западной и значительнѣйшей, на *Эцзинэ-голѣ* лежитъ *Гань-чжеу*. Послѣдняя течетъ далеко на С. и теряется, по д'Анвилю, только подъ 42° с. ш. въ пескахъ Гоби (**). Со страною источниковъ этихъ степныхъ рѣкъ прекращается на С. разорванный и дикій видъ снѣговыхъ горъ и простирается къ З. *высокій общій подъемъ* великой Гоби, въ которой извѣстны не *долины* и углубленія, а только *нагорныя плоскости*.

Глубокія долины, расположенныя только къ Ю. отъ этого подъема и состоящія здѣсь собственно изъ скалистыхъ ущелій, суть принадлежность разорванныхъ высокихъ горныхъ цѣпей, между которыми наиболѣе центральною и сѣверною группою представляется обильный снѣгомъ *Нань-шань* (43), подъ 39° с. ш., къ Ю.-З. отъ Су-чжеу. Эту группу должно считать за обширное снѣговое *предгорье* сѣвернаго вала альпійской страны Тибета. Горы тибетскія примыкаютъ сѣверными и восточными отраслями къ величайшему, наиболѣе обильному горному узлу К'унъ-лунъской системы; къ Ю. и Ю.-З. отъ Хухэ-нора даютъ начало великому *Янъ-цзы-кяну* (голубой рѣкѣ), направляющемуся къ В.; а изъ болѣе С.-В. отраслей своихъ: *Куркунь* (Kulkun) (***) и *Баянь-хара* (Bajan-Kharo) спускаютъ къ С.-В.—*Хуанъ-хэ* (желтую рѣку). Мы должны обратить вниманіе на совершенно дикую природу этой восточно-тибетской и тангутской, вполнѣ колоссальной альпійской горной страны еще въ томъ отно-

---

(*) Рѣка эта на картѣ Клапр. означена именемъ Да-хэ (To-ho), только г. Лянъчжеу лежитъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе. — *Пр. Пер.*

(**) Между 49° и 43° с. ш. впадаетъ въ степное озеро Согокъ-норъ. См. Klaproth Carte de l'Asie Centr. etc. 1836. — *Пр. Пер.*

(43) Klaproth Magas. Asiat. III p. 135.

(***) *Куркунь* есть общее названіе трехъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ выходятъ источники желтой рѣки, именно *Актацкрв-ола*, *Барбоха-ола* и *Баянь-хара-ола*. См. Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. стр. 42, 43. *Пр. Перев.*

шеніи, что она была *величайшею преградою* къ сношеніямъ народовъ западнаго Китая, южныхъ частей Индостана и тибетскаго нагорья, и потому именно содѣлала съ древнѣйшихъ временъ упомянутое углубленіе, прилегающее къ сѣверному склону Сюэ-шаня (Цилянь-шаня), съ тремя городами Шэнь-си и стѣною къ С.-З., *единственною центральною страною для прохода народовъ и завоевателей* отъ В. къ З. и обратно. Самое это углубленіе, которое простирается въ длину отъ Ю.-З. къ С.-В. (отъ 36° до 43° с. шир.) отъ Лань-чжеу (Lan-Tcheou) почти до Хами, не есть весьма удобная дорога, будучи на всемъ протяженіи близко сопровождаема съ С. ужаснѣйшими засухами и высокими холодными нагорными степями Гоби, а съ Ю.—снѣговыми горами Нань-шаня до такихъ же горъ у Сининя, но оно весьма важно, какъ единственный путь между сими двумя страшнѣйшими и губительнѣйшими для человѣка типами природы. Потому самому углубленіе сіе обусловливало событіе исторіи средней Азіи. Оно составляетъ единственный входъ въ нагорную Азію и было сохраняемо въ непарушимомъ почти владѣніи династіи болѣе образованнаго внутренняго Китая, со временъ Шы-хуана (Chy-Hoang), и даже съ миѳическихъ временъ *Лао-цзы* (Lao-Tseu), когда Юнъ-хи (46) (Jun-Hi) является хранителемъ и стражемъ этого прохода, который возвращался постоянно, послѣ временной потери его Китайцами, подъ власть ихъ. Оно и немогло быть иначе, ибо углубленіе это составляетъ *единственную*, защищенную съ обѣихъ сторонъ самыми дикими формами природы, великую *стратегическую* линію, по которой Китай всегда съ увѣренностію могъ простирать руку къ владычеству надъ внутреннею нагорною Азіею. Проведеніе каменной стѣны было только послѣдствіемъ предварительнаго укрѣпленія этой линіи противу непредвидѣнныхъ нападеній съ С. изъ степей, которыя были прежде гораздо болѣе населены. За этою

(5) Ab-Remusat Mém. sur la vie-et les opinions de Lao-Tseu philosophe chinois Paris 1823. 4. p. 7, 9, 12 etc.

сѣверною искуственною стѣною, которая замѣчательна своею древностію, а нисколько не грандіозностью, и въ семъ послѣднемъ отношеніи совсѣмъ не заслуживаетъ столь частаго удивленія писателей, была почти вовсе упускаема изъ виду другая составная часть этой стратегической линіи, именно южная, которая возвигнута самою природою въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что рука человѣка не могла къ ней ничего прибавить. Мы уже замѣтили выше какъ устроенъ природою единственный, извѣстный проходъ по раздвояющейся долинѣ отъ Синина къ З., но онъ ведетъ еще только къ пропилеямъ той природной твердыни, которая заслуживаетъ такое вниманіе въ исторіи азіатскихъ народовъ. Мы перейдемъ ниже къ болѣе подробному ея описанію, но должны упомянуть здѣсь о вліяніи ея на С., поясняющемъ ея міровое положеніе. Относительно значенія этого гигантскаго природнаго укрѣпленія, мы приведемъ теперь только мимоходомъ справедливое замѣчаніе великаго знатока здѣшней мѣстной исторіи, Абель-Ремюза, который, по поводу государственной китайской исторіи III вѣка по Р. Хр., говоритъ (6) что изъ Китая *чрезъ* тибетскія горы никогда немогли установиться правильныя сообщенія, ни въ видѣ военныхъ нашествій, ни въ видѣ мирныхъ торговыхъ сношеній. Отправляясь изъ Китая въ Персію надлежало всегда *обходить* эти громадныя горы, либо по дорогѣ на Ю. въ Индію, либо по дорогѣ къ С. чрезъ степи Татаріи. Горы Тибета, почти вездѣ недоступныя, еще болѣе группируются и возвышаются на обоихъ концахъ этой страны, какъ къ З., къ Кабулу такъ и къ В. къ Китаю, гдѣ онѣ представляютъ столь узкіе и затруднительные проходы, что дѣлается часто необходимымъ употребленіе подставныхъ лѣстницъ (*) и висячихъ мостовъ. Затрудненія всякаго рода, которыя должны быть преодолѣны, чтобы до-

(6) Ab Remusat Remarques sur l'extension de l'Emp. chinois du coté de l'occident въ Mém. Paris 1825. 4. p. 112.

(*) Какъ знаменитый Pas de l'Echelle въ швейцарскомъ кантонѣ Валлезъ. *Пр. Пер.*

стигнуть высокихъ внутреннихъ долинъ этой страны, описываются точно такимъ же образомъ Китайцами, какъ и немногими сюда проникнувшими европейскими путешественниками, какъ напр. Гоецомъ, Андрадою, Турнеромъ и другими. Къ С. и къ Ю. отъ упомянутаго любопытнаго и удобнаго для прохода углубленія нагорной Азіи, имѣющаго весьма значительное протяженіе въ длину, а въ ширину только нѣсколько миль, не только возвышались по обѣимъ сторонамъ, равно дикія и трудно доступныя, а по физическому свойству своему совершенно различныя формы природы, но и обитали совершенно различныя по свойствамъ своимъ и образу жизни племена народныя. Къ С. отъ этой проходной страны находились съ древнѣйшихъ временъ, всегда столь же легко подвижные какъ и летучій песокъ ихъ высокихъ холодныхъ степей, Хунъ-ну (Hiong-nu), принимаемые ошибочно, согласно ипотезѣ Дегиня, за Гунновъ (*) временъ переселенія народовъ (7), съ первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. Хр. до *Монголовъ* среднихъ вѣковъ и до *Элютовъ* новѣйшихъ временъ. Безплодіе песчаной и кремнистой степной почвы принуждало ихъ къ безпрерывному кочеванью, такъ какъ внутри степи скудно разбросанные ключи и пастбища допускали кое-гдѣ только временныя стоянки. При постоянной ихъ готовности перейти за предѣлы своихъ кочевій долженъ былъ привлекать ихъ особенно болѣе теплый, плодородный и образованный Ю., въ Китай, подобно тому какъ онъ манилъ нѣкогда Кельтовъ, Готовъ и Лонгобардовъ въ Италію. Подвигаясь

(*) Что ни Гунны Аттилы, ни Хунну китайскихъ лѣтописцовъ не были Монголами, это намъ кажется достаточно доказаннымъ всѣми новѣйшими западными учеными, но хотя Клапротъ и Риттеръ принимали Гунновъ и Хунну за совершенно различныя племена — Гунновъ за финское, а Хунну за туркское, мы, по примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, именно С. Мартена, Неймана и Вивьенъ де С. Мартена, принимаемъ Гунновъ и Хунну рѣшительно за одно и тоже, и именно за финское, алтайское племя. См. ниже Дополненіе къ § 23. — *Пр. Пер.*

(7) Ab. Remusat. Rech. s. les langues tartares ou Mém. sur differents points de la grammaire etc. Paris. 4. 1820. II. p. XLVI. p. 11. Klaproth Mém. sur l'origine des Huns въ Mèm. relat. á l'asie. 1826. T. II. p. 372. и Tabl. hist. de l'Asie. p. 121. etc.

постоянно къ Китаю, или лучше сказать всегда готовый внезапно низвергнуться на него, подобно хищной птицѣ, съ распростертыми крыльями, народъ этотъ (Хунну) развилъ во всемъ, сообразно съ этимъ влеченіемъ, многосложное устройство кочеваго воинскаго быта своего. Необозримо-далекая и широкая, обитаемая ими степь служила для него, въ самое цвѣтущее время его могущества болѣе огромнымъ лагеремъ, чѣмъ государствомъ; онъ было раздѣлено на орды и знамена, готовыя всегда сняться и двинутся на Ю. Отсюда и произошло раздѣленіе всѣхъ сихъ народовъ и областей ихъ отъ Хингана и Амура на В. до К'унь-луня и Иртыша на З. не на провинціи и племена, а на знамена и орды, либо *лѣваго*, либо *праваго крыла* ([8]) ихъ походнаго царства.

Обращая постоянной свой хищническій взоръ на Ю. они называютъ *лѣвою* стороною востокъ, а *правою* — западъ, и это раздѣленіе повторяется у всѣхъ, такъ называемыхъ татарскихъ народовъ, вдоль окраины нагорья, различно съ южными азіатцами, которые, обращая взоръ на восходъ солнца, именуютъ *лѣвою стороною* земли — *Сѣверъ*, *переднею* — Востокъ, и *правою* — Югъ. Такъ было съ древнѣйшихъ временъ, и этотъ взглядъ оставилъ донынѣ у многихъ народовъ замѣтные слѣды. Чжунгары получили отъ того даже свое названіе (*Чжунъ* лѣвый, *гаръ* рука) ([9]), потому что жили по лѣвой рукѣ. Это то правое и лѣвое крыло народа Хунъ-ну устремлялись по разсматриваемой проходной странѣ съ С., и для защиты отъ его воздвигнута уже въ концѣ III в. до Р. Хр. китайскими государями великая стѣна. Къ Ю. же отсюда, въ дикой и снѣжной альпійской странѣ, жили, съ самаго начала историческихъ временъ, совершенно другіе народы, не восточно-туркскаго происхожденія какъ упомянутые Хунъ-ну, а Тибетскаго племени, которое принадлежитъ къ Ю.-В нагорной Азіи. Это суть уже упоминаемые

(8) Ab. Remusat. Rem. s. l'extens. de l'Emp. Chin. p. 117.
(9) Asia Polyglotta. p. 272.

въ древнѣйшихъ китайскихъ лѣтописяхъ *Мяо* (Сань-мяо, три Мяо), которые населяли западныя горы Китая и Тангута, по показанію Мадуань-линя (Ma-Touan-Lin) до поворота Хуанъ-хэ у Инь-шаня, какъ туземцы ([10]), еще до прибытія сюда Китайцевъ, и которыхъ несчастные потомки, большею частію истребленные или обращенные въ неволю, еще разсѣяны однакоже спорадически по всей юго-западной альпійской части Китая и извѣстны подъ именемъ *Мяо-цзы* (Miao-Tseu). Они были вытѣснены изъ средней азіатской горной страны *Кунъ-луня* (*Райская* страна, или Маха-меру, божьи горы у Китайцевъ)([11]) на В. къ среднему Хуанъ-хэ въ Шэнь-си и Шань-си, весьма вѣроятно по направленію этаго длиннаго углубленія. Изъ тамошнихъ, болѣе удобныхъ и привольныхъ мѣстъ вытѣснили ихъ только что прибывшіе туда Китайцы, и именно въ высокую и дикую альпійскую страну снѣговыхъ горъ Сычуани, Шэнь-си и Хухэ-нора, къ Ю. отъ *Нань-шаня* и Сюэ-шаня. Здѣсь, въ альпійской странѣ, орошаемой изгибами Хуанъ-хэ, обозначается ихъ мѣстопребываніе, по замѣчательной древней Китайско-Японской картѣ ([12]) Средней Азіи, въ которой собраны показанія буддійскихъ миссіонеровъ съ VII по XV столѣтіе, и которая пояснена Клапротомъ очень поучительно, съ такою же ученостію какъ и удачею. Сдѣлавшись съ самаго начала естественными врагами властолюбивыхъ Китайскихъ пришельцевъ они получили отъ послѣднихъ въ восточномъ Тибетѣ названіе Кянь (Khiang) ([13]); страна же ихъ назвалась *Си-жунъ* (Si-Joug), что значитъ владѣніе западныхъ варваровъ, или *Гуй-фанъ* (Koeuei-Fan) — страна демоновъ ([14]). По крайней мѣрѣ весьма вѣроятно, что народъ, называемый Тибетцами *Кянъ* (Khiang) одноплеменень симъ Мяо. Они посто-

(10) Klaproth Observ. critiques въ Mem. relat. á l'Asie T. II. p. 366, 414.

(11) Gaubil. Chouking Disc. prelimin. Ab. Remusat Mem. sur le vie de Lao-Tseu Paris. 1823. 4. p. 10. Kurz Mem. sur le Chouking въ Journ. Asiatiq. Vol. VI. 1830 p. 431.

(12) Klaproth Eclaircissements etc. въ Mem. relat. á l'Asie T. II. p. 411, 413.

(13) Ab. Remusat. Rem. s. l'extension p. 109, 111, 123.

(14) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 131, 29.

янно гордились съ древнѣйшихъ временъ донынѣ тѣмъ, что, по догматамъ *Будистовъ*, происходятъ отъ рода обезъянъ, древнѣйшаго на землѣ (отъ Хапумана — обезьяны-божества, князя снѣговыхъ горъ, который съ народами своими помогъ Рамѣ, завоевать о-въ Цейлонъ), почему именовали свою срединную гористую страну *землею обезьянъ*. Этотъ народъ, котораго роды получили здѣсь впослѣдствіи осѣдлость и извѣстность подъ названіями *Туфань* (съ VII столѣтія), *Тибетцовъ* и *Тангутовъ* (еще съ начала X вѣка) ([15]) появляется еще въ тѣ отдаленнѣйшія времена съ III вѣка до Р. Хр., одновременно съ Хунъ-ну, своими сѣверными, враждебными сосѣдями, именно въ гористой странѣ къ Ю. отъ углубленія, отъ Нань-шаня до верховья Хуанъ-хэ, подъ именемъ *Юэ-чжи* (Yuetschi и Youeï-chi у Ремюза). Съ этимъ Тибетскимъ племенемъ, которое питалось произведеніями своихъ стадъ, но кое-гдѣ занималось хлѣбопашествомъ, жилъ смѣшанно другой народъ, совершенно различный отъ всѣхъ прочихъ, *Усунь* ([16]) (Ousiun у А. Ремюза), бѣлокурый, съ голубыми глазами и рыжею бородою, о которомъ древніе Китайскіе лѣтописцы (династіи Хань, около Р. Хр.) замѣчаютъ, что онъ походитъ чрезвычайно на тотъ родъ большихъ обезьянъ, отъ котораго онъ происходитъ. Страна ихъ находилась по верховью р. Эцзинэ, около нынѣшняго Гань-чжеу, на сѣверномъ склонѣ снѣговаго хребта Нань-шань и на берегахъ *Булангира*. Здѣсь слѣдовательно, вблизи мѣста великаго восточнаго потопа, гдѣ слѣдовательно находились въ то время еще одно возлѣ другаго *три совершенно различныя народныя племени*, пока послѣдующія столкновенія не разбросали ихъ въ самыя отдаленныя страны. Упомянутые Тибетскіе *Юэ-чжи* и бѣлокурые Усунь (Индо-германскаго племени) были въ то время здѣсь, по этой пограничной для народовъ и природы полосѣ, могущественнѣйшими противниками *Хунъ-ну*, восточно-Туркскаго племени.

---

(15) Ab. Remusat Rem. s. l'extens. p. 76.

(16) Klaproth Tabl. hist. p. 163; Ab. Remusat Remarq. sur l'extens. p. 96.

Здѣсь зажглась, уже за 150 лѣтъ до Р. Хр., борьба между этими обоими воинственными народами, которая дала поводъ къ посредничеству Китайскихъ императоровъ дома Ханъ и къ распространенію ихъ владычества и проведенію стѣны далеко въ нагорье, на З., по направленію къ Хами; отчего *единственно* сдѣлалась намъ извѣстною эта *проходная страна* съ такихъ ранних временъ. Какъ Юлій *Кесарь*, вызванный за Альпы распрями Галловъ и Германцевъ, утвердилъ Римское владычество на Сѣверѣ и держалъ страны по ту сторону Альповъ въ повиновеніи, посредствомъ Римскихъ укрѣпленій (castra), легіоновъ и законодательства, такъ утвердили и свое владычество на Западѣ Средней нагорной Азіи могущественныя династіи *Ханъ* (съ 168 до Р. Хр. до 221 п. Р. Хр.), *Танъ* (съ 618 — 907), *Минъ* (1341 — 1628) и преимущественно *Да-цинъ* — Маньчжурская новѣйшихъ временъ (съ 1644).

Китайскія лѣтописи (17) разсказываютъ что императору *Хяо-ву-ди* (Hia-wu-ti царств. съ 142 — 87 до Р. Хр.) нѣкоторые изъ подчиненныхъ ему Хунъ-ну донесли о томъ, что ихъ *Шанью* (Tschenyu т. е. Ханъ) Мо-дэ (Me-the), опасаясь возрастающаго могущества Юэ-чжи, пошелъ на нихъ войною, разбилъ ихъ, обезглавилъ ихъ Царя и изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу. Разгнѣванные Юэ-чжи бѣжали и за ними послѣдовали *Усунь*. Часть побѣжденныхъ бѣжала къ Югу, но большинство къ С.-З. на берега *Или* и озера *Балхаша*, и здѣсь столкнулись съ ними ушедшіе отъ Хунъ-ну (18) Усунь, которыхъ мы ниже опять найдемъ въ ихъ новомъ отечествѣ у Небесныхъ горъ (Тянь-шань), вмѣстѣ съ другими соплеменниками ихъ, какъ напр. *Кут'е* (Kouthe при Цунъ-линѣ) можетъ быть Готѳскаго поколѣнія. Хуннускій Ханъ не подозрѣвалъ какія послѣдствія должно было имѣть это событіе на исторію Запада, успѣхи образованія Китая, нагорной Азіи и на усмиреніе его собственныхъ ордъ.

---

(17) Ab. Remusat Rem. s. l'extens. etc. p. 114; cf. Klaproth Tabl. histor. 103, 132 cp. Deguignes Hist. des Huns T. I. p. 160.

(18) Ab. Remusat. Rem. s. l'extens. etc. p. 96; Klaproth Tabl. hist. 163, 167.

Это былъ именно рѣшительный моментъ, когда угрожающее могущество страшныхъ Хунъ-ну, у Западнаго входа въ Китай, не могло не обратить на себя вниманія Китайскихъ императоровъ; ибо Хуннамъ оставался еще только одинъ шагъ до плодороднаго Шэнь-си и до р. Хуанъ-хэ. Еще прежде, въ древнѣйшіе времена, *Шы-хуанъ*, основатель и самый великій изъ монарховъ династіи *Цинь* (царствовавшій съ 237 по 177 до Р. Хр.), старался оттѣснить этихъ опаснѣйшихъ изъ Сѣверныхъ варваровъ, и въ огражденіе отъ нихъ положилъ въ этомъ углубленіи начало и основаніе великой стѣнѣ. Но они возвращались изъ сѣверныхъ степей своихъ въ небольшихъ силахъ. По этому Императоръ Ву-ди, изъ дома *Хань* (царствов. 55 лѣтъ), вводилъ еще за нѣсколько вѣковъ ранѣе Римскихъ Императоровъ: Августа, Траяна, Адріяна, Проба и Юстиніяна, подобную вводимой ими систему цивилизаціи пограничнаго края, посредствомъ ряда укрѣпленій, защищавшихъ государственную границу. Съ этимъ вмѣстѣ начинается устройство этаго Нордмарка Китайской имперіи противъ Хунъ-ну, подобно Остмаркамъ Германской Имперіи Карла Великаго и Оттоновъ, противъ Аваровъ и Славянъ; ибо не только были проведены стѣны, какъ уже прежде при Шы-хуанѣ, но и устроены вмѣстѣ съ тѣмъ *города*, расположены въ нихъ сильные *гарнизоны*, колонизированы *поселенцы*, и даже опредѣлены *торговыя* мѣста для поощренія дружественныхъ сношеній народовъ и для ихъ сближенія. Подобныя учрежденія, проистекавшія изъ характера этой мѣстности, въ соединеніи съ *постоянною политикою* Китайскаго правительства давали ему случай возбуждать естественныхъ враговъ своимъ опаснымъ пограничнымъ сосѣдямъ, посредствомъ склоненія на свою сторону находившихся въ тылу ихъ народовъ и государствъ, у которыхъ такимъ образомъ уже очень рано появились города, земледѣліе и торговля. Ослабляя такимъ образомъ сосѣдей своихъ и пользуясь искусно ихъ внутренними раздорами, подобно Англійской политикѣ въ Деканѣ, Китайцы, частію предложеніемъ разныхъ выгодъ и преимуществъ, частію си-

лою, соединяли сосѣднія владѣнія въ одно федеративное государство, и раздѣленіемъ его на большіе военные округи управляли имъ и обуздывали его легко изъ Китая. Такими средствами Китайскіе государи, при всѣхъ перемѣнахъ въ династіяхъ и въ могуществѣ имперіи, съ самаго Р. Хр. *владѣли однакоже постоянно этою проходною страною.* Конечно эта страна была часто въ ихъ рукахъ не болѣе какъ *военною* дорогою; но она давала доступъ ихъ владычеству изъ устроенныхъ и образованныхъ областей Шань-си, Шэнь-си и Гань-су въ обширные *Си-юй* (*Си*—Западъ) ([19]), т. е. западныя страны (*). Это было для Китайской имперіи столь же важно, какъ для Римской попытки ея распространиться и утвердиться въ странахъ: Даковъ, Армянъ, Парѳянъ, Сиріянъ и Египтянъ.

Конечно такая система вызывала часто жестокую борьбу и была сопряжена съ неоднократными потерями разнаго рода, но Китай умѣлъ сохранить вооруженною рукою этотъ важный путь сообщенія съ Среднею Азіею. На длинномъ протяженіи своемъ отъ Ю.-В. къ С.-З. *онъ* составлялъ вмѣстѣ *съ тѣмъ* вооруженную *линію раздѣла* между враждебными Китаю сосѣдями его на С. и Ю., *которые при этомъ раздѣленіи могли еще быть побѣждены, между тѣмъ какъ соединившись однажды были бы непобѣдимы.*

Въ этомъ именно заключается разгадка, объясняющая необычайное искривленіе политической границы этаго крайняго внутренняго угла Китая, которое бросается въ глаза уже при разсмотрѣніи иллюминованныхъ обыкновенныхъ картъ Азіи и не произошло отъ произвола и случая, но было основано еще за двѣ *тысячи лѣтъ тому назадъ на необходимости собственной защиты и политической системѣ.*

Весьма поучительно слѣдующее показаніе классической го-

---

(19) Ab. Remus. въ пр. с. p. 113.

(*) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано: «или К'ай-Си-Юй.» К'ай-Си-Юй значитъ: «открыть западныя страны.» *Пр. Пер.*

сударственной исторіи *Мадуань-линя* (*) въ *Вынь-хянь-т'унъ-к'ао*, книг. 336 листъ 4, отъ начала II столѣтія ([20]) по Р. Хр. При императорѣ *Ань-ди* (An-ti; Hoti у Малья I ч. 107—125), современникѣ Траяна, могущество Хунъ-ну (подобно какъ и Даковъ) столь усилилось, что Китайскій военный совѣтъ предложилъ императору совсѣмъ оставить упомянутую проходную страну, задѣлать стѣнами ворота во входахъ въ Западныя страны и такимъ образомъ совершенно отдѣлить имперію отъ *Си-юй*. Но одинъ изъ полководцевъ возсталъ противъ сего предложенія, возражая, что тогда ничто не удержитъ *Хунъ-ну* отъ соединенія съ Кянами (восточными или пограничными съ Китаемъ Тибетцами); что соединенныхъ ихъ силъ не будутъ въ состояніи отразить западныя области Имперіи, и что находящіяся далѣе за сими варварами, уже дружественныя съ Китаемъ владѣнія, близъ Лобъ-нора, а также Яркянь (Yer-Kiang), Хотанъ и Гуйцы (*) (Бишъ-балыкъ) ([21]), будучи оставлены Китаемъ, присоединятся къ главнымъ его врагамъ.

Совѣтъ сей былъ принятъ, Китай оставилъ за собою сей ключь къ нагорной западной Азіи, защищалъ и устроивалъ его въ теченіи тысячилѣтій, и съ послѣдняго столѣтія при маньчжурской династіи распространилъ этимъ путемъ свое *областное устройство* на З. далѣе чѣмъ когда либо въ прежнее время, чрезъ губерніи Гань-су до областей *'Ань-си* (Ngan-Si) (прежде Ша-чжеу), *Чжень-си* (Tshen-Si) (прежде Хами или Хомулъ) и *Ди-хуа* (Ti-Hoa древній *Урумчи* Уйгуровъ) ([23]), какъ бы желая подать руку Россіи у малаго Алтая близъ озера Зайсана на Иртышѣ при Бухтарминскѣ.

Разсматриваемая *проходная* страна еще замѣчательна для географическаго познанія средней Азіи тѣмъ, что извѣстнѣйшіе

(*) *Ма-дуань-линь* (Ma-touan-lin) — знаменитый Китайскій писатель XIII вѣка. *Пр. Пер.*

(20) Ab. Remusat. въ пр. с. p. 125.

(*) Древнее Китайское названіе города *Куча*.

(21) Ab. Remusat. въ пр. с. p. 84.

(22) Ab. Remusat. Nouv. Mel. Asiat. T. I. p. 5; Berthe carte de l'Asie.

путешественники, прошедшіе въ Китай въ средніе вѣка сухимъ путемъ, какъ то католическіе миссіонеры, Марко Поло, магометанскіе послы, впослѣдствіи первые отцы іезуиты, направлялись именно чрезъ *эту страну*. Сверхъ того, со времени вышеупомянутаго устройства ея, при Хяо-ву-ди (за 172 г. до Р. Хр.), стекаются отсюда постоянныя донесенія о западныхъ странахъ отъ расположенныхъ здѣсь пограничныхъ и военныхъ начальствъ. Къ З. отъ Хунъ-пу считалось уже тогда 36 отдѣльныхъ владѣній, къ которымъ вели особыя дороги, назначены были особые входы, и съ которыми учреждены особыя сношенія посредствомъ посольствъ и другими способами. При болѣе спокойномъ обладаніи сею страною династіею Т'анъ (отъ 618—907), по уничтоженіи могущества Хунъ-ну и Турковъ (Thu-Kiu), по прекращеніи борьбы съ Аравитянами, вторгавшимися сюда съ З. при Калифахъ, и до усиленія еще опаснаго для спокойствія имперіи могущества Тангутовъ на Ю., а въ послѣдствіи Монголовъ на С., источники для географическаго и этнографическаго познанія сихъ мѣстъ могли быть еще обильнѣе. Отсюда именно были учреждены (23) до Хотана и Кашгара четыре большія военныя инспекціи (*), которымъ вскорѣ подчинились одна за другою всѣ обширныя земли средней Азіи, до границъ царства Абассидовъ въ Туркоманіи и Персіи. Этого рода *феодальныя* владѣнія состояли нерѣдко въ весьма слабой государственной связи, которая выражалась данью и добровольными приношеніями или одними титулами и посольствами въ Китай; владѣнія сіи тѣмъ не менѣе означались постоянно подъ именемъ *Цзи-ми* (**), какъ области подвластныя имперіи въ государственныхъ описяхъ, а описаніе ихъ включалось въ го-

---

(23) Ab. Remusat sur l'extens. p. 83 etc по Т'анъ-чжи, т. е. географіи династіи Т'анъ; Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 207.

(*) Эти четыре инспекціи были учреждены въ Кучѣ, Хотанѣ, Яркіанѣ и Кашгарѣ. Въ Кучѣ жилъ главный начальникъ западнаго края. См. Стат. опис. Кит. О. Іакинѳа Т. I. стр. 315. — *Пр. Пер.*

(**) Въ текстѣ Риттера ошибочно Pa-mi. — *Пр. Пер.*

сударственную географію ([24]). Въ цвѣтущее время династіи Т'анъ ихъ считалось, кромѣ 16 владѣній перваго разряда, носившихъ титулъ *Ду-ду-фу* (Tou-Tou-Fu), т. е. вице королевствъ (Reguli), еще 70 владѣній втораго разряда *Ду-ху* (Ti-Heou) со 110 городами третьяго разряда — *Ха* (Hia) и 126 военными становищами, занятыми императорскими войсками. Со времени монгольскаго владычества и при настоящей маньчжурской династіи разсматриваемая страна представляетъ еще много другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя заслуживаютъ изученія. Здѣсь, намъ было достаточно указать на природу страны, на характеристическое, историческое ея вліяніе на развитіе обусловленныхъ ею политическихъ отношеній Китая къ средней Азіи. Слѣдующее изложеніе приведетъ насъ къ отдѣльнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

---

§ 22.

Изложеніе V. *Страна великой стѣны въ Гань-су, проходная страна западныхъ входовъ въ Си-юй или западныя страны. Проходы Юй-мынь* (Yu-Men) *и Янь-гуань* (Yang-Koan); *Ша-чжэу; ворота Юй; Су-чжеу; Гань-чжеу; Лянъ-чжеу; посольская и караванная дорога. Пути Марко-Поло и Бенед. Гоеса въ Шэнь-си.*

Изъ изложенной выше характеристики великаго, историческаго явленія понятно желаніе ознакомиться ближе съ упомянутыми мѣстными обстоятельствами; но здѣсь оставляютъ насъ почти совершенно поучительныя наблюденія очевидцевъ близкаго къ намъ или по крайней мѣрѣ новѣйшаго времени. Мы должны довольствоваться отрывочными извѣстіями древнѣйшихъ временъ о строеніи великой стѣны, о прилегающихъ городахъ, о ведущихъ мимо ихъ дорогахъ, нѣкоторыми не совсѣмъ маловажными замѣчаніями давнихъ путешественниковъ,

(24) См извлеченіе объ этомъ у Remusat въ пр. с. р. 85 — 106.

приведеніемъ статистики (1) провинціи Гань-су, которая до 1829 не была означаема ни на одной картѣ Азіи (за исключеніемъ Клапротовой и Бертовой). Наиболѣе поучительными остаются нынѣ описанія Венеціанца Марко-Поло, послѣ котораго ни одинъ наблюдательный Европеецъ не посѣтилъ этихъ странъ съ такою же пользою для науки.

По китайской государственной географіи великая стѣна на З. Китая построена первоначально славнѣйшимъ государемъ династіи *Цинь* (Tsin), императоромъ *Шы-хуанъ-ди* (царств. съ 239 до 177 Р. Хр.), почти одновременно со второю пуническою войною. Китай раздѣлялся въ то время на семь отдѣльныхъ царствъ, изъ которыхъ сильнѣйшимъ было *Цинь*, занимавшее почти одну пятую цѣлаго Китая. Со времени славнаго правленія Шы-хуана все великое китайское государство получило отъ смежныхъ съ нимъ Индѣйцовъ, Персовъ и Арабовъ и даже отъ народовъ отдаленнѣйшаго Запада, *навсегда*, наименованіе *Цинь* (Σιναι, у Птоломея Θεινα) (2). Шы-хуанъ-ди покорилъ и остальныя 6 царствъ, раздѣлилъ весь Китай на 36 округовъ и присоединилъ къ нему съ Юга еще четыре завоеванныя области до Тунъ-кина. Но, *до* покоренія себѣ всѣхъ сихъ странъ, онъ владѣлъ только наслѣдованнымъ отъ отца достояніемъ, сѣверо-западнымъ угломъ Китая, именно провинціею Шэнь-си. Занятый планомъ покоренія остальныхъ 6 царствъ, т. е. остальныхъ частей Китая, онъ долженъ былъ опасаться быть отвлеченнымъ отъ сихъ завоеваній нападеніями Хунъ-ну. Пораженія, претерпѣнныя ими отъ предшественниковъ его, не представляли ему достаточнаго обезпеченія. Чтобы неимѣть необходимости держать для защиты сѣверной границы войско, которое онъ могъ съ пользою употребить во внутренности Китая, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отразить всякій набѣгъ, Шы-хуанъ-ди повелѣлъ запереть всѣ входы, которыми можно было бы проник-

(1) Klaproth Statistischer Ueberblick über das Chinesiche Reich nach Orginaldocumenten gezogen Hertha T. X, 1827. p. 284.

(2) Klaproth sur les noms de la Chine въ Mem. relat. à l'Asie T. III. p. 258.

путь въ Китай съ С. ([3]), съ нагорья. Примѣру его послѣдовали сосѣдніе съ нимъ владѣтели въ Шань-си (тогда царство Чжао) и въ Чжили (царство Янь); они построили также пограничныя стѣны, отдѣлявшія ихъ владѣнія отъ сѣверныхъ сосѣдей — Хунъ-ну. Такимъ образомъ, разсказываютъ, составилась *Ванъ-ли-чань-чэнъ* (Wan-Li-Schan-Tsching), т. е. великая стѣна въ 10000 ли), которая была еще дополнена *Шы-хуаномъ*, когда онъ подчинилъ весь Китай своей власти. Она представляетъ собою важную окраину нагорья, на огромномъ протяженіи отъ З. къ В., по крайней мѣрѣ операціонную линію, которую составляетъ эта окраина въ военно-стратегическомъ отношеніи. По другому разсказу ([4]) были учреждены такія укрѣпленія еще до Шы-хуанъ-ди, въ трехъ сѣверныхъ царствахъ Китая *Янь*, *Чжао* и *Цинь*, но онъ *соединилъ ихъ* въ одну неразрывную линію (*) отъ залива Ляо-дуна на желтомъ морѣ, до зап. границы государства у Желтой рѣки (Хуанъ-хэ), и назначилъ военные отряды для наблюденія за работами въ 214 году до Р. Хр., приведенными чрезъ 10 лѣтъ къ окончанію ([29]). Дегинь упоминаетъ еще въ своей исторіи Хунъ-ну, что Шы-хуанъ-ди ([6]), сдѣлавшись единовластнымъ въ Китаѣ, собралъ войско въ 30000 (по другимъ въ 100,000 чел.) и оттѣснилъ чрезъ страну Хэнань (нынѣ Ордосъ) вторгнувшихся въ его государство Хунъ-ну. Для предупрежденія на будущее время ихъ вторженій онъ построилъ по берегу Хуанъ-хэ (очевидно по лѣвому, западному, обращенному къ странѣ нынѣшнихъ Элютовъ-Чоросовъ) (**) 44 хорошо укрѣп-

(3) Mailla Hist. gén. de la Chine T. II. p. 373.

(4) Deguignes Gesch. d. Hunnen v. Dahnert T. I. p. 129.

(5) Klaproth Tabl. hist. p. 35.

(6) Въ пр. с. p. 130.

(*) Это показаніе находимъ мы въ Шы-цзы — историческихъ запискахъ, составленныхъ историкомъ Сы-ма-цяномъ въ I в. до Р. Х. Князь удѣла Чжао началъ строить Великую стѣну еще въ концѣ IV в. до Р. Х., на Шаньсійской окраинѣ, составлявшей тогда сѣверную границу княжества Чжао, а князь удѣла Янь — на Чжилійской окраинѣ, составлявшей тогда сѣверную границу княжества Янь. См. Іакинѳа Собр. свѣд. о нар. ср. Азіи Ч. I. стр. 9. — *Пр. Пер.*

(**) Что многіе изъ этихъ городовъ лежали на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ, о томъ свидѣтельствуетъ показаніе историческихъ записокъ, въ которыхъ сказано

ленныхъ города, снабдилъ ихъ сильными гарнизонами и велѣлъ тщательно оберегать узкіе входы и проходы (вѣроятно у Хэ-ланьшаня (*) и до Су-чжеу), за тѣмъ онъ провелъ большую стѣну, которая начиналась у Минь-чжеу (Min-Tcheou) въ области Линьт'ао-фу на Хуанъ-хэ, гдѣ впослѣдствіи возникъ гор. Нинъ-хя. Это вѣроятно та стѣна, которая нынѣ ограничиваетъ Ордосъ съ Юга; ибо она, какъ повѣтствуется, защитила всю область и *соединила* въ *одну* объ стѣны, проведенныя уже владѣтелями *Янь* и *Чжао* на Западъ до Инь-шаня. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначено мѣстопребываніе китайскому полководцу въ *Хамъ* (нынѣ *Янь-'анъ-фу* (Yan-Ngan-Fu, къ Ю. отъ Ордоса, въ провинціи Шэнь-си) на сѣверныхъ предѣлахъ Китая, чтобы отсюда немедленно отразить всякое вторженіе Хунъ-ну. Легко понять, что при перемѣнахъ въ правленіи и частыхъ внутреннихъ раздорахъ въ китайскихъ династіяхъ, подобныя временныя вторженія должны были повторяться и чрезъ великую стѣну, какъ привели мы уже тому примѣры изъ II и V вѣк. по Р. Хр. Тѣмъ не менѣе должна была такимъ образомъ возникнуть сначала здѣсь, по верхнему теченію Хуанъ-хэ и въ Шэнь-си, въ тѣ времена, наиболѣе настоятельная надобность *въ военномъ устройствѣ сѣверной военной границы государства*. Это устройство, будучи вскорѣ продолжено на З. и на В., сдѣлалось изъ *временной надобности постояннымъ пограничнымъ управленіемъ* до новѣйшихъ временъ. Великая стѣна осталась частію такимъ учрежденіемъ и послѣ того какъ сѣверные номады, противъ которыхъ она была первоначально воздвигнута, неоднократно прорывали

что Шы-хуанъ-ди провелъ дорогу отъ Гюй-'анъ до Юнь-янь. Гюй-'анъ лежалъ въ сѣверо-западномъ углу изгиба Хуанъ-хэ (на лѣвомъ берегу), а Юнь-янь въ сѣверо-восточномъ, близъ нынѣшняго Тохто. См. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. I. стр. 10. — *Пр. Пер.*

(*) Въ историческихъ запискахъ (Шы-цзи) сказано: исправилъ въ пограничныхъ горахъ ущелье отъ Линь-т'ао до Ляо-дунъ почти на 10000 ли (5000 верс). Городъ Линь т'ао находится въ провинціи Ганьсу прямо на Ю. отъ Лань-чжеу, Ляо дунъ на берегахъ Желтаго моря. См. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. I. стр. 10. — *Пр. Пер.*

ее, и даже овладѣвали самымъ китайскимъ престоломъ, какъ Монголы и Маньчжуры. Конечно стѣна потеряла отъ того свое значеніе, пережила такъ сказать сама себя, осталась только во многихъ мѣстахъ, по громадности своихъ массъ, безполезною диковинною старины, и, находясь уже давно внутри *государства*, не могла служить военнымъ укрѣпленіемъ, а только сдѣлалась полезною для *полицейскихъ цѣлей внутренняго управленія*, имѣющихъ предметомъ устройство торговыхъ сношеній съ номадами и обузданіе ихъ. Западная вѣтвь Великой стѣны, простирающаяся у верховья Хуанъ-хэ, чрезъ Ордосъ, по южной границѣ степи Элютовъ-Чоросовъ до западныхъ воротъ къ Хами, сохранила однакоже наиболѣе свое прежнее назначеніе—преграждать *входъ* въ Китай сѣвернымъ номадамъ, ибо здѣсь за стѣною, по крайней мѣрѣ къ Сѣверу, нѣтъ еще постоянныхъ *поселеній* и не заведено земледѣліе, какъ за восточною вѣтвью стѣны, къ Сѣверу отъ Шань-си и Чжили. Здѣсь будемъ говорить только о западной вѣтви.

Уже за 100 лѣтъ до Р. Х., немедленно послѣ упомянутаго выше изгнанія Юэчжей и Усунь, когда императоръ *Хяо-ву-ди* начерталъ планъ устройства границы и разослалъ эмиссаровъ для собранія свѣдѣній о западныхъ странахъ (7) (*Чжанъ-кянь* (Tschang-Kian) открылъ въ то время изъ Китая Согдіану и Каспійское море), были отбиты съ урономъ къ Сѣверу Хунъ-ну, и китайская граница расширена въ *первый разъ* къ Западу отъ Шэнь-си до нынѣшняго города *Су-чжеу* (8). Здѣшняя страна вскорѣ населена китайскими семействами и раздѣлена на четыре округа, которые получили наименованіе: У-вэй (*) (Wou-Wei), Чжанъ-ѣ (**) (Tchang-Ye), Д'унъ-хуанъ (Thun-Hoang, нынѣ Шачжеу) и Цзю-цюань (Tsieou-Tseouan, нынѣ Су-чжеу). Это есть

---

(7) См. Pian-i-Tian d. въ Geschichte d. Nachbarländer v. China Buch 43, 2.

(8) Ab. Remusat Rem. sur l'extens. p. 117.

(*) Нынѣ область *Лянь-чжеу-фу*. См. Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркистана, О. Іакинва Ч. I. стр. 21. — *Пр. Пер.*

(**) Нынѣ областной гор. *Ганъ-чжеу-фу*. См. тамъ же стр. 42. — *Пр. Пер.*

слѣдовательно начало заселенія сей *страны* у *входовъ* на З. *по дорогѣ въ Хами*; вскорѣ были присоединены къ государству и земли между *Ша-чжеу* (т. е. песчанымъ городомъ) и *Лобъ-норомъ* (соленымъ озеромъ), и построены на недальнемъ другъ отъ друга разстояніи небольшія крѣпости, изъ которыхъ гарнизоны могли подавать взаимно другъ другу помощь. Здѣсь жители уже опять обитали въ городахъ, занимались земледѣліемъ и совершенно различались отъ своихъ восточныхъ кочующихъ сосѣдей Хунъ-ну. Послѣднимъ они и не повиновались уже такъ какъ прежде, а только при усиленіи ихъ могущества, какъ напр. въ особенности когда здѣсь утвердилось небольшое Хуннское государство, которое, подъ именемъ *Т'у-кюэ-хоэнь* (Thou-Choue-Hoen), сохранило свою независимость болѣе двухъ сотъ лѣтъ (отъ 312 — 663) (9). Здѣсь слѣдовательно былъ первый плодородный оазисъ, который могъ служить новою точкою опоры китайской политикѣ, для обузданія кочевыхъ ордъ, въ тѣ періоды, когда она обращалась на утвержденіе здѣсь своего господства. Во времена безсилія Китайцевъ, ихъ собственныя колоніи и построенные ими города, отпадали отъ имперіи, дѣлались, подъ правленіемъ особыхъ князей, нерѣдко независимыми владѣніями, какъ это было напр. съ городами Ганьчжеу и Ша-чжеу при династіи Т'анъ, когда Турки Хой-ху съ 872 года (10) здѣсь быстро усились и распространили свою власть до Хами и далѣе на З. Два *пограничные прохода*, на В. отъ Ша-чжеу — *Юй-мынь* (Yu-men) и *Янъ-гуань* (Yang-Kouan) (11) были прежде всего снабжены укрѣпленіями. Они служили Китайцамъ исходными пунктами экспедицій въ Западныя страны; къ нимъ были отнесены всѣ изчисленія караванныхъ и военныхъ маршрутовъ. Такъ напр. считали отъ сихъ крѣпостей, чрезъ средину всего внутренняго Азіатскаго нагорья на З. до Цунъ-линя (до голубыхъ горъ) къ Согдіанѣ, 6000 ли (600 лье,

(9) Klaproth Tabl. Hist. p. 97.
(10) Mailla Hist. des Thang въ Mém. conc. T. XVI. p. 257.
(11) Ab. Remusat Rem. sur l'extens p. 113, 117, 120.

450 геогр. миль). Эти двое воротъ, въ особенности съ ведущими чрезъ нихъ дорогами, и были прежде всего *заперты*, какъ мы говорили выше. Сначала были извѣстны только *двѣ* дороги *отсюда* чрезъ *Си-юй*, т. е. западныя страны; но вскорѣ узнали и *третью*; такъ образовалось отсюда уже около Р. Х. (въ царствованіе Ванъ-вана) система *трехъ поперечныхъ* дорогъ отъ В. къ З. чрезъ нагорье, которой обязаны впослѣдствіи всѣмъ географическимъ познаніемъ этой части Средней Азіи. Дороги эти суть: *средняя* на *Лобъ-норъ* въ Кашгаръ; сѣверная на Бишъ-балыкъ (Урумчи) къ рѣкѣ *Или*, а *Южная* чрезъ страну *Но* Тибетскихъ народовъ въ *Хинь-ду* (Hin-tou, не Индійская ли колонія). Описанія сихъ дорогъ будутъ изложены ниже. *Система* ([12]) *главныхъ путей, постройки дорогъ, военныхъ постовъ, размѣщенія гарнизоновъ, учрежденія городовъ, устройства постоялыхъ домовъ, почтовыхъ станцій и правильныхъ торговыхъ сношеній* получили *полное* свое развитіе только въ XVIII столѣтіи, при Маньчжурской династіи, и съ этого періода, когда вмѣстѣ съ тѣмъ произведена съемка государства, основанная на *астрономическихъ* наблюденіяхъ, начинаются наши болѣе положительныя географическія познанія объ этой части Средней Азіи, для которыхъ разсматриваемая мѣстность все таки служитъ *первымъ* исходнымъ пунктомъ. Мы присовокупили здѣсь только нѣсколько извѣстій о положеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ упомянутыхъ мѣстъ.

1) Ни одинъ очевидецъ не сообщилъ намъ ближайшихъ свѣдѣній о природѣ *обоихъ проходовъ*, и не объяснилъ почему эти мѣстности получили свое важное значеніе. Положеніе *Юймыньскаго* прохода мы хорошо не знаемъ (*). О сосѣднемъ проходѣ *Янъ-гуанъ* (Yang-Kouan; Yam-Küan у Де-

(12) Ab. Remusat, въ пр. с. р. 64.

(*) Въ текстѣ Ритт. ошибочно сказано что на этотъ проходъ должно взирать какъ на крайнія ворота (камня *юй*) къ Хотану. Ошибка эта исправлена самимъ Ритт. при перечисленіи погрѣшностей. *Юй* здѣсь изображается другимъ знакомъ нежели въ Кя-*юй*-гуанъ. — *Пр. Пер.*

гинья) ([37]) упоминается, какъ о весьма узкихъ воротахъ, въ сосѣдствѣ съ песчаною степью, недалеко на В. отъ города Ша-чжеу, по дорогѣ въ Гуа-чжеу (Kua-Tcheou) и близъ рѣки Ду-кянъ (Tu-Hiang). Замѣчательно сообщаемое при семъ извѣстіе, что на разстояніи нѣсколькихъ часовъ къ Ю.-В. находятся горы Сань-вэй (San-Goei у Дегинья, San-wei у Аб. Ремюза), на которыхъ живетъ одно изъ племенъ древнихъ *Сань-мяо*, того первобытнаго народа, который вытѣсненъ Китайцами при учрежденіи государства, съ южной границы Китая, и который, бѣжавъ оттуда, нашелъ здѣсь пристанище.

Тамъ же должны находиться, какъ изъясняется въ книгѣ Шу-кинъ (Schu-King), главѣ *Юй-гунъ* (Ju-Kung), массы летучаго песка и звучащій песокъ ([14]), ибо зимой и лѣтомъ здѣсь слышны какъ-бы удары грома. Неизвѣстно и трудно судить есть ли это явленіе взрывовъ, подобное существующему на островѣ Меледѣ ([15]), или *звучащая песчаная покатость*, подобная описываемой Султаномъ Баберомъ въ Кабулистанѣ ([16]), или песчаниковому утесу *Ель-нахусъ* ([17]) на Аравійскомъ полуостровѣ, по наблюденію Цецена (Se-tzen) и поясненію Еренберга. Между Ульбою и Иртышемъ находятся такія звучащія горы, которыя предвозвѣщаютъ погоду и называются потому *календарными* (Kalenderberg) ([18]). Во всякомъ случаѣ эта мѣстность заслуживаетъ по многимъ уваженіямъ вниманія будущихъ наблюдателей.

Горы Сань-вэй суть безъ сомнѣнія ничто иное какъ сѣверный склонъ во внутренность нагорья уже упомянутаго выше снѣжнаго Нань-шаня, который здѣсь на З. примыкаетъ къ громадному К'унъ-лунъ. Приведенное показаніе о *Сань-мяо* даетъ поводъ полагать, что здѣсь былъ *крайній* западный предѣлъ

---

(13) Deguignes Gesch. d. Hunnen T. I. p. 13.
(14) Ab. Remusat. hist. de la ville de Khotan p. 77.
(15) P. Partsch ub. d. Detonationsphanomen auf d. Insel Meleda. Wien 1826. 8.
(16) Sultan Babur Memoirs ed. Erskine Lond. 1826. 4 p. 114.
(17) Seetzen въ v. Zach. Correspond. Th. XXVII p. 396.
(18) Dr. Meyer въ v. Ledebour Altai-reise Th. II. p. 187.

распространенія этого, столь замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, кореннаго туземнаго народа (см. ниже Мяо-цзы).

О положеніи *Юй-мыня* государственная географія Маньчжуровъ ([19]) сообщаетъ, что онъ находится на разстояніи 15 геогр. миль (200 м.) на З. отъ крѣпости Кя-юй-гуань (Kia-yu-Kouan), назначенной окружнымъ городомъ третьяго разряда, подъ именемъ *Юй-мынь-хяня* (Yu-men-hien). Далѣе еще чрезъ $22^1/_2$ геогр. мили (300 л.) на З. находится областный городъ *'Ань-си-фу* (Ngan-si-fu) *перваго* разряда, а чрезъ 45 геогр. миль (600 л.) къ Ю. лежатъ города Ша-чжеу *втораго* — и Дунъ-хуанъ-хянь (Toung-Houang-hien) — *третьяго* разряда. Песчаныя степи Кя-юй-гуаньскія, въ С.-З. углу Китая, идутъ доселѣ въ видѣ обширныхъ, безводныхъ, лишенныхъ растительности и необитаемыхъ пространствъ. Императоръ Кянь-лунъ, по окончаніи завоеваній своихъ въ Средней Азіи, старался привесть эти страны въ сообщеніе съ Китаемъ. Онъ водворилъ по сему на З., въ ближайшихъ отъ старой границы мѣстахъ, поселенцевъ, которые вскорѣ размножились и были подчинены особымъ начальникамъ. По ту сторону Ша-чжеу (на З.) песчаныя степи еще ужаснѣе чѣмъ по направленію къ Китаю: ихъ единственное произведеніе суть полупрозрачные камни въ родѣ кремней (агаты, халцедоны, ониксы). Въ $67^1/_2$ геогр. миляхъ (900 л.) на З. отъ 'Аньси-фу лежитъ Хами.

2) Ша-чжеу (песчаный городъ), Дунъ-хуанъ (Toun-choung) древнихъ временъ, Sachion у Марко Поло.

Уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр. сей городъ, согласно съ вышеупомянутымъ совѣтомъ ([20]), сильно укрѣпленъ и снабженъ многочисленнымъ гарнизономъ, для отраженія нападеній Хунъну. Трудность защиты этого, столь выдавшагося на З., Китайскаго передоваго поста возбудила въ эти смутныя времена, чрезъ 100 лѣтъ ([21]) новыя прежія; но и на этотъ разъ прежняя си-

(19) Timkowsky Voy. I. p. 384.

(20) Ab. Remusat Remarq. s. l'extens. p. 125.

(21) Ibid. p. 108.

стема одержала верхъ, и городъ былъ удержанъ Китаю династіею *Вэй* (Wei). Это постоянство политики вознаградилось въ блистательное время династіи Танъ (618 — 907), при которой Китай сталъ здѣсь твердою ногою, и отсюда удесятерилъ скорость своихъ успѣховъ на Западѣ. Конечно этимъ самымъ были указаны заранѣе Монгольскимъ повелителямъ и ихъ войскамъ входы въ Китай съ Запада: *Чингисъ-ханъ* шелъ этою дорогою до границы Китая, который былъ раздѣленъ въ то время на Сѣверное и Южное царства (династій Гинь и Сунъ). Это была единственная дорога, которою можно было проникнуть съ З. Царство Хя, которое онъ долженъ былъ здѣсь покорить прежде всего, было только временно отторгнутою частію великаго Китайскаго Государства, которое, будучи лишенное подпоры изъ Тангута, должно было пасть съ покореніемъ Нинъ-хя.

Вокругъ Ша-чжеу ([22]) въ 1226 г. началъ Чингисъ-ханъ страшныя опустошенія свои въ Тангутѣ. Взятіе укрѣпленныхъ и лежащихъ далѣе на В. проходовъ при Эцзинѣ и Янъ-гуанѣ, обезпечило успѣхи его до самаго Хухэ-нора. Направляясь съ С. передовой отрядъ его еще прежде покорилъ гор. Эцзинэ, лежащій при рѣкѣ того же имени, за стѣною къ С. отъ Су-чжеу, также ворота въ большой стѣнѣ — *Кя-юй-гуань*, значительные города *Су-чжеу*, *Гань-чжеу*, *Лянъ-чжеу*, всю страну по правому берегу Хуанъ-хэ до Линь-чжеу ([23]), и наконецъ столицу царства *Нинъ-хя*, нѣсколько ниже по лѣвому берегу рѣки. Города защищались мужественно, но были всѣ взяты приступомъ, за исключеніемъ Ша-чжеу, самаго западнаго; поселяне были истребляемы безъ милосердія и даже искавшіе убѣжища въ пещерахъ и горахъ не избѣгали смерти. Жители Ша-чжеу избѣгли истребленія какъ кажется хитростію. Еще въ томъ же столѣтіи городъ сей былъ посѣщенъ Венеціанцомъ М. Поло. Въ сочиненіи

---

(22) Hist. des Mongols par d'Ohsson. II. p. 281; Lacroix hist. de Gengis-Khan p. 467. etc.

(23) Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IV. p. 117.

его городъ называется Sachion, безъ сомнѣнія по ошибкѣ переписчика, какъ замѣтилъ еще В. Марсденъ, ученый комментаторъ М. Поло. Его подробное описаніе города весьма поучительно, какъ единственное того времени; оно заставляетъ предполагать что здѣсь, на нагорьѣ, при выходѣ большой дороги изъ Си-юй, основалось весьма рано, сохранившаяся впослѣдствіи подъ покровительствомъ монголовъ, колонія ламайскихъ духовныхъ лицъ. Въ XIII вѣкѣ (24) она существовала несомнѣнно, какъ можно судить по степени благосостоянія края, обработки его, въ особенности по храмамъ и монастырямъ, которые здѣсь видѣлъ М. Поло. Нельзя сомнѣваться, говоритъ переводчикъ исторіи Монголовъ, что еще до Чингисъ-хана нѣкоторыя монгольскія поколѣнія, жившія ближе къ Тибету и Тангуту, были всѣ или частію поклонники Будды. Съ тѣмъ большею достовѣрностію можно заключить тоже о давнишнихъ поселенцахъ края, какъ напр. о жителяхъ Ша-чжеу, которые, по показанію М. Поло, говорили особымъ, слѣд. *различнымъ отъ монгольскаго* языкомъ. Какъ водворился здѣсь Буддаизмъ увидимъ вскорѣ ниже. Венеціанскій путешественникъ повѣствуетъ въ сущности слѣдующее:

Отъ озера *Лобъ* на В. до *Ша-чжеу* 30 дней пути. Дорога идетъ непрерывно *по ровнымъ песчанымъ степямъ или безплоднымъ скаламъ*. Пространство это называется пустынею *Лобъ* (25). Проходя ее караваны должны снабдиться всѣмъ необходимымъ въ городѣ *Лобъ*, чтобы не погибнуть дорогою. Первый городъ который встрѣчается за пустынею, т. е. на В. отъ нея, есть *Ша-чжеу* (26). Онъ находится въ области Тангутѣ, которой жители идолопоклонники; тамъ живутъ однакоже и Турки, немногіе Несторіанскіе христіане и даже Сарацины. Идолопоклонники говорятъ особымъ языкомъ: они живутъ не торговлею, но

(24) J. J. Schmidt въ Ssanang Ssesten Gesch. d. Mongolen. Petersb. 1829. 4. not. 43. p. 385.

(25) M. Polo ed Ramusio. II. c. 35. fol. 11. b.

(26) Ibid. c. 36. fol. 12.

сбытомъ плодовъ, воздѣлываемыхъ ими. У нихъ весьма много монастырей и *аббатствъ* (Monasterii et Abbatie), наполненныхъ идолами, которымъ приносятъ со многими обрядами и великимъ благоговѣніемъ жертвы, и которымъ посвящаютъ новорожденныхъ мальчиковъ. Это посвященіе и погребеніе умершихъ производятся по указанію астрологовъ, опредѣляющихъ погоду, дни и мѣсяцы по положенію планетъ. Тѣло усопшаго сохраняется, смотря по обстоятельствамъ, или въ гробѣ, красиво выкрашенномъ съ растворомъ пахучаго гумми, канфары и другитъ спецій, или въ смолѣ, или извести, или въ шелковыхъ тканяхъ, до часа, назначеннаго для сожженія и погребенія. М. Поло описываетъ подробно обрядъ похоронъ, обиліе поминальныхъ явствъ, сожженіе большаго количества бумаги изъ древесной коры, съ многочисленными изображеніями людей обоего пола, лошадей, верблюдовъ, одежды, денегъ и т. п.; все это со многими другими вещами имѣетъ назначеніемъ служить покойному въ другомъ мірѣ, и совершается при звукахъ шумныхъ инструментовъ ([27]).

Какъ городъ лежитъ *при входѣ въ великую степь Гоби*, то понятно почему онъ получилъ у китайцевъ названіе отъ слова *Ша* — песокъ. Самая *Гоби* называется у нихъ *Шамо* — песчанное море. Она подходитъ вплоть до Ша-чжеу, откуда часть, простирающуюся на Ю.-З., М. Поло называетъ пустынею Лобъ. Такимъ образомъ при обозрѣніи природы *главныхъ массъ земли*, мы преслѣдуемъ здѣсь по справедливости *юго-восточную окраину высокой Гоби*, идущую постоянно въ одинаковомъ направленіи отъ С.-В. къ Ю.-З. Если предполагать, что буддійская вѣра проникла сюда послѣ опустошительныхъ Чингисъ-хановыхъ походовъ, то конечно можно было удивляться, что во времена М. Поло уже существовала такая многочисленная и устроенная колонія Ламайскаго духовенства. Хитрость, съ которою

(27) Ср. полныя примѣчанія къ сему въ Marsden M. Polo. Voy. p. 266—171.

городъ Ша-чжеу умѣлъ избавиться отъ нападенія завоевателя, заставляетъ предполагать давнишнее, укоренившееся вліяніе іерархіи, и хотя мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о времени болѣе раннихъ буддійскихъ поселеній, однакоже нельзя сомнѣваться въ существованіи ихъ съ древнихъ временъ повсюду у западныхъ входовъ въ Китай. На замѣчательной картѣ[28], буддійскихъ миссіонеровъ (на которой обозначены по всей внутренней Азіи пути и станціи патріарховъ или основателей буддизма, направлявшихся уже съ древнихъ временъ отъ З. на В. до Китая), показанъ близъ западной границы Китая и Гань-су городъ *Ша-чжеу*, какъ первый для обширнаго *Си-юй* т. е. западныхъ странъ. Изъ поучительныхъ изслѣдованій исторіи Хотана знаемъ мы достовѣрно, что буддійская религія уже въ 400 г. до Р. Хр. изъ этого замѣчательнаго нагорнаго государства (т. е. Хотана), которое съ древнѣйшихъ временъ стояло въ связи съ сѣвернымъ Индостаномъ, черезъ посредство говорившихъ по санскритскихъ духовныхъ и учрежденія храмовъ, была перенесена во внутренность Шэньси на верхній Хуанъ-хэ отдѣльными посольствами [29], очень употребительными при династіи Цзинь (Tsin 307 — 509). Буддійская религія сдѣлалась, *этимъ путемъ, древнѣйшимъ мирнымъ звеномъ соединенія Китая съ Хотаномъ и внутреннимъ Индустаномъ.* Изъ хроники Фо видно, что путь Хотанскихъ миссій направлялся къ С. до Турфана и Хами [30] постоянно на Лобъ-норъ (чрезъ усилившееся въ то время царство Шань-шань, Shen-Shen), и оттуда чрезъ Ша-чжеу въ Китай. Всѣ восточныя буддійскія колоніи въ первыя столѣтія ихъ существованія получали изъ многочисленныхъ Хотанскихъ монастырей (Кя-лань — Kia-Lan), которыхъ считалось до 100, священныя книги, духовныя наставленія и мускусъ, употребляе-

---

(28) Оригиналъ карты см. Wo-Han-San-Thsai-Thou Hoei, т. е. японская энциклопедія. Lib. XLV. p. 35; у A. Remusat въ Notic. et extr. T. XI. 1827. p. 347. и Klaproth. Mém. relat. á l'Asie. T. II. p. 411.

(29) См. Ab. Remusat Hist. de la ville de Khotan. Paris 1820. 8 p. 11, 36.

(30) Gaubil Hist. des Thang въ Mem. conc. l'hist. de la Chine. T. XVI p. 390.

мый при священнодѣйствіяхъ. Подъ покровительствомъ династіи *Т'анъ* (царств. съ 618 — 907) переселеніе духовныхъ приняло такіе размѣры, что возбудило даже гоненія завистливыхъ мандариновъ и ученыхъ въ Китаѣ, и что въ 710 г. было сдѣлано представленіе императору ([31]) о пріостановленіи растраты государственной казны на воздвиженіе безчисленнаго множества идоловъ и храмовъ, и умепьшеніи числа духовныхъ на 12,000. Это мирное время царствованія сильной династіи Т'анъ, въ которое торговыя и караванныя сношенія съ западными странами получили полное развитіе и прочность ([32]), должно было въ особенности содѣйствовать, при вѣротерпимости и стараніи тогдашнихъ государей, къ доставленію свободнаго доступа западнымъ *вѣстникамъ мира*. Имперáторская столица не была еще тогда ни въ Пекинѣ, ни въ Нанкинѣ, а на С.-З. Имперіи, въ Си-'ань-фу (Singan-Fu), тогдашнемъ Чань-'ань (Tchan-Ngan, древней резиденціи Шы-хуань-ди), близъ верховьевъ Хуанъ-хэ, а слѣд. весьма недалеко отъ входа въ западный проходъ. Государи Т'анской династіи сдѣлались покровителями не только служителей *Фо* (буддистовъ) ([33]), но и персидскихъ огнепоклонниковъ, послѣдователей маговъ (Му-хоабъ у Китайцевъ, т. е. Мобедъ) ([34]), съ того времени какъ послѣдній изъ Сассанидовъ *Іэздегирдъ*, изгнанный Арабами, нашелъ себѣ убѣжище въ Западныхъ странахъ Китая. Они не менѣе покровительствовали проникшимъ сюда одновременно миссіямъ *Несторіанскихъ христіанъ*, а нѣкоторые изъ государей сдѣлались можетъ быть и усердными послѣдователями ихъ ученія. Многіе Китайцы были тогда поклонниками Фо и остались ими до позднѣйшихъ временъ. Въ 635 году упоминается о первой миссіи христіанскаго священника Олопена, который, прибывъ изъ государства Великихъ Цинь (Да-цинь, т. е. изъ восточной Византійской Имперіи), при-

---

(31) Gaubil Ibid. T. XVI. p. 4. ef Klaproth Tab. hist. p. 220.

(32) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 216.

(33) Gaubil въ пр. с. XVI. p. 7, 101, 161.

(34) Gaubil въ пр. с. XVI. p. 238 not. и Klaproth, Tabl. histor. p. 220.

несъ этимъ путемъ христіанское ученіе въ Шэнь-си и, принятый тамъ благосклонно, основалъ въ столицѣ, какъ говоритъ преданіе, первую ([35]) христіанскую церковь.

Эти отношенія не только появлялись въ извѣстные моменты, но продолжались и получили многостороннее развитіе въ теченіи трехъ столѣтій, съ VII до начала X вѣка, подъ покровительствомъ Танской династіи, могущество которой въ послѣднее время конечно приходило постепенно въ упадокъ. Великая *поперечная* дорога чрезъ Азію сдѣлалась такимъ образомъ миссіонерскимъ путемъ для *Буддистовъ*, *Маговъ* и *Несторіанцевъ*, (по изгнаніи Монголовъ изъ Китая при династіи Минъ въ XIV столѣтіи, точно такъ и для *Магометанъ*, которые вытѣснили прочихъ) ([36]). Миссіонеры эти не только пріобрѣтали послѣдователей въ Китаѣ, но и на всемъ пути туда, гдѣ тому благопріятствовали станціи. Такимъ образомъ разсказы Марко-Поло не могутъ болѣе считаться вымысломъ, внушающимъ вѣроятія, какъ прежде, ибо *внутренняя* связь этихъ великихъ событій сдѣлалась намъ достовѣрно извѣстною изъ туземныхъ источниковъ. События эти должны войти важными звѣнами въ ряды великихъ историческихъ фактовъ, которые съ своей стороны также споспѣшествовали къ поднятію народовъ средней Азіи до настоящей ступени ихъ культуры, и которые не могутъ быть болѣе оставлены безъ вниманія, какъ всемірною исторіею, такъ и этнографіею. Этими событіями была установлена первая духовная связь между *Западомъ* и отдаленнѣйшимъ, донынѣ малоизвѣстнымъ *Востокомъ*, до болѣе благопріятныхъ и можетъ быть не столь отдаленныхъ временъ.

3.) Кя-юй-гуань (Kia-yu-Kouan), Юй-мынь (Yu-Men) древнѣйшихъ временъ: такъ называются крайнія ворота на западномъ концѣ Великой стѣны по дорогѣ въ *Хами — ворота Юй*. Камень Юй заступаетъ почти, въ понятіяхъ Китайца, по цѣнно-

(35) Ab. Remusat Melanges Asiat. T. 1 p. 37; Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 217. Not.

(36) Gaubil Mem. conc. l. c. p. 320.

сти своей алмазъ. Кя-юй-гуань есть первое мѣсто, которымъ съ древнѣйшихъ временъ начиналась провинція Шэнь-си (нынѣ Ганьсу) или собственно Китай. По опредѣленію Іезуитовъ оно находится подъ 39° 48′ 20″ сѣв. шир. и 17° 37′ 45″ зап. долг. отъ Пекина, т. е. 96° 24′ 15″ вост. долг. отъ Парижа. Въ настоящее время это есть пограничная крѣпость. Она называлась нѣкогда Юй-мынь (Yu-Müen), но ее не надо смѣшивать, какъ замѣчаетъ Дегинь ([37]), съ болѣе западнымъ проходомъ того же имени, который лежитъ ближе къ Ша-чжеу, и о которомъ упоминается въ Китайскихъ лѣтописяхъ всегда вмѣстѣ съ проходомъ Янъ-гуань. Въ сохранившемся отчетѣ о посольствѣ Шахъ-Рока (1419) изъ Герата въ Китай Кя-юй-гуань называется карауломъ ([38]), или крѣпостью, поставленною въ горахъ, такъ что она двумя воротами внутрь и наружу, совершенно запираетъ проходъ. Эти ворота въ Шэнь-си именуются *Юй-мынь-хянь* еще на новѣйшей картѣ ([39]), которая составлена по распоряженію главноначальствовавшаго китайскими войсками противъ мятежниковъ въ Или (1826), для объясненія Пекинскому двору театра войны въ западной Татаріи, и показаны на сей картѣ подъ 17° 50′ зап. долг. отъ Пекина, т. е. 96° 12′ вост. долг. (*) отъ Парижа; эта крѣпость на границѣ государства была въ 1826 г. сборнымъ пунктомъ для великой китайской арміи, назначенной для подавленія послѣдняго мятежа на С.-З. въ Или; точно такимъ же образомъ, въ прошломъ столѣтіи, въ правленіи Кянь-луна (въ 1754 г.), таже крѣпость *Кя-юй-гуань* сдѣлалась для всѣхъ его войскъ сборнымъ пунктомъ для покоренія и уничтоженія возмутившихся Чжунгаровъ. Проходъ

---

(37) Deguignes Gesch. d. Mongolen I. p. 12.

(38) Ambassade de Shah-Rokh, fils de Tamerlan au Khatai въ Thevenot Relations de voy. Paris. 1696. T. II. fol. 3.

(39) Asiatic Journal. Lond. 1826. Vol. XXIV. p. 39.

(*) Крѣпость Кя-юй-гуань (Цзя-юй-гуань) на большой картѣ Клапрота означена въ меридіанѣ 96° 12′ вост. долг. отъ Пар. и въ паралели 39° 30″ верстахъ въ 30 отъ Су-чжеу, г-дъ Юй-мынь-хянь въ меридіанѣ 95° 12″ подъ 40° с. шир. слѣдовательно у Риттера здѣсь смѣшаны двѣ различныя мѣстности. *Пр. Пер.*

Кя-юй-гуань, проложенный въ *первый* разъ во 2-мъ году по Р. Хр. ([40]), долженъ былъ, по положенію своему на западной оконечности Шэнь-си (нынѣ внутр. пров. Гань-су), имѣть и съ древнѣйшихъ временъ такое же значеніе, чему содѣйствовало безъ сомнѣнія и близкое сосѣдство расположеннаго за стѣною города Су-чжеу ([41]). Изъ того что будетъ сказано ниже сдѣлается весьма вѣроятнымъ, что какъ сіи *внутреннія*, такъ и тѣ *крайнія* западныя ворота (*) получили наименованіе *Юй* отъ драгоцѣннѣйшаго у Китайцевъ камня, который могъ быть имъ привозимъ въ видѣ дани и на продажу только чрезъ эти ворота. Отсюда можетъ быть и происходитъ этотъ емфатическій титулъ западнаго входа въ имперію.

Мы не имѣемъ никакихъ новѣйшихъ, болѣе точныхъ показаній очевидцевъ о рядѣ слѣдующихъ за тѣмъ и поименованныхъ выше крѣпостей въ великой стѣнѣ *Лянъ-чжеу*, *Гань-чжеу* и *Су-чжеу*, а потому ограничимся приведеніемъ путешествія китайскаго посланника *Чжанъ-хуанъ-ѣ* (Tschang-Khuang-Ye) ([42]), который въ 940 г. отправленъ былъ, въ сопровожденіи 60 Китайцевъ, къ князю Хотанскому, для врученія ему диплома на титулъ Вана (Rex). Сей путешественникъ знакомитъ насъ съ здѣшними обстоятельствами до Чингисъ-ханова всесокрушительнаго нашествія и до прибытія въ эти страны Марко Поло.

Изъ Линъ-чжеу (къ Ю.-В. отъ Нинъ-ся) посольство направилось чрезъ Хуанъ-хэ, поперегъ выдающагося здѣсь къ Ю. угла хотя уже не столь широкой, но еще весьма негостепріимной песчаной степи, которая далѣе къ З. называлась *черною дорогою*, и, составляя полосу въ 30 геогр. миль ширины (400 ли), служила мѣстомъ кочевья разныхъ ордъ. Это названіе тождественно съ названіемъ *черная жила*, весьма употребительнымъ для

---

(40) Magasin Asiatique. Relations des troubles de la Dzoungarie T. II. p. 191.

(41) Visdelou Supplem. Bibl. or. fol. 135.

(42) Al Remusat, Hist. de la ville de Khotan Paris 1820. 8. p. 75—79.

(*) Въ имени западныхъ воротъ *Юй* пишется другимъ знакомъ, и для нихъ эта этимологія несправедлива. *Пр. Пер.*

обозначенія самыхъ безплодныхъ частей Гоби. Переправясь чрезъ степную рѣку *Бэй-т'инь* (Pe-Thing), текущую къ С. (*), достигли *Лянъ-чжеу*. Отсюда еще 37 геогр. миль (500 ли) разстоянія до Ганъ-чжеу, гдѣ было тогда становище Туркскихъ ордъ (Хой-ху). Въ горахъ къ Ю. отъ Ганъ-чжеу, въ разстояніи 14 часовъ (100 ли), было, замѣчаетъ китайскій генералъ ([43]), главное пребываніе *Юэ-чжей*, отброшенныхъ на З., отъ которыхъ, продолжаетъ онъ, совершенно различны по племени — *Ша-то*, настоящіе обитатели, происходящіе изъ лѣсныхъ оленьихъ горъ. Это поколѣніе Турковъ-*Шатосцевъ* переселилось сюда съ З. отъ Лобъ-нора только въ 808 г.([44]) по Р. Хр., и при династіи *Танъ* какъ храброе войско размѣщено отсюда внизъ по Хуанъ-хэ до Ху-ху-хотоня, для защиты границы Шэнь-си отъ сѣверныхъ Татарскихъ народовъ. Прибывъ въ Линъ-чжеу, въ числѣ 10,000 человѣкъ, они были приняты здѣсь съ почестію и размѣщены отсюда по отведеннымъ имъ стоянкамъ. Весьма важно различіе, дѣлаемое путешественникамъ между *туземными древнѣйшими* Тангутскими обитателями страны и *позднѣйшими* Туркскими *пришельцами*.

Отъ Ганъ-чжеу, идя далѣе на З., продолжаетъ путешественникъ, вступаешь въ каменную пустыню, гдѣ нѣтъ воды, и куда поэтому необходимо брать съ собою запасъ ея. Дабы лошади не скользили на каменномъ грунтѣ, снабжаютъ ихъ деревянными подковами, которыя укрѣпляются къ копытамъ посредствомъ четырехъ отверстій въ копытѣ; верблюдамъ же обвязываютъ ноги въ бычачьи шкуры. Такимъ образомъ, пройдя 37 г. миль (500 ли), достигаютъ города Су-чжеу, гдѣ находится переправ ачрезъ золотую рѣку (не Ту-лай-хэ ли?) (**). Пройдя еще

(*) Эта рѣка есть вѣроятно нынѣшняя Да-хэ (Ta-ho), теряющаяся на С. за стѣною въ озерѣ Хара-норъ (Hara-Nor). См. Klaproth carte de l'Asie centr. etc. 1830.

(43) Hist. de Khotan. p. 76. *Пр. Пер.*

(44) Gaubil Hist. des Thang XVI. p. 156.

(**) Безъ сомнѣнія Т'у-лай-хэ, одна изъ двухъ составныхъ рѣкъ Эцзинэ-гола, вытекающая изъ снѣжнаго хребта Нань-шаня. См. Klaproth carte de l'Asie centr. etc. 1836. — *Пр. Пер.*

$7^1/_2$ геогр. миль (100 ли) вступаютъ *въ Небесныя ворота*, и наконецъ на такомъ же разстояніи къ З. въ проходъ, называемый *яшмовыми воротами* ([45]): *Кя-юй-гуань*, или собственно *ворота Юй*, по драгоцѣнной восточной яшмѣ или нефриту, который, будучи добываемъ только въ центральной Азіи, могъ быть привозимъ съ З. лишь чрезъ эти ворота, въ видѣ дани, или какъ нибудь иначе изъ Хотана.

За тѣмъ путь лежалъ все вдоль границы страны Тибетцовъ, называвшейся тогда царствомъ *Туфань*. Мужчины этого народа носили въ X вѣкѣ шапки подобно Китайцамъ, а женщины вплетали въ косы жемчугъ, котораго лучшія зерна цѣною равнялись цѣнѣ лошади.

Далѣе на З. слѣдовали: Гуа-чжеу и за нимъ Ша-чжеу, первый нѣсколько къ Ю. отъ втораго; два города, въ которыхъ жило тогда много Китайцевъ, вышедшихъ съ правителемъ своимъ навстрѣчу посольству, чтобы освѣдомиться о состояніи здоровья китайскаго императора — Сына Неба, *Тянь-цзы* (отсюда Tian-Sa, Tien-Tse, даже ταΐσσαν — титулъ императора у греческихъ писателей) ([46]); за симъ описывается путешествіе еще далѣе на З. по *болѣе южной* и нынѣ менѣе посѣщаемой дорогѣ, чѣмъ та которая идетъ на Хами, Турфань, Аксу, прямо въ Хотанъ и, какъ увидимъ ниже, столь же поучительна относительно тамошнихъ мѣстностей, какъ относительно здѣшнихъ. Мы оставляемъ здѣсь это путешествіе и возвращаемся къ ближайшему разсмотрѣнію мѣстныхъ обстоятельствъ поименованныхъ выше городовъ.

4) *Су-чжеу* (Succuir у М. Поло; *Секгіу* или *Сокіу* у Шахарока, So-Cieй у Бенедиктинца Гоéса) называли въ древнія времена *Цзю-цюань* ([47]) (Tsieou-Tsiouan) — *винный источникъ*, имя присвоенное и всей окрестной области отъ источника, или ключа,

---

(45) Ab. Remusat Recherches sur la Pierre *Ju* et sur le Jaspe des Anciens p. 120—239 и Hist. de Khotan. p. 77.

(46) У Theophil Simocatta a. 610. См. Journ. Asiat. T. VIII. 1826. p. 227.

(47) Ab Remusat Rem. sur l'extens. p. 117.

имѣющаго винный вкусъ ([48]) (*). О расширеніи западной границы до сего мѣста за 100 лѣтъ до Р. Хр. была уже рѣчь выше. Весьма вѣроятно, что этотъ, имѣющій винный вкусъ, а потому безъ сомнѣнія превосходный источникъ былъ здѣсь въ проходной странѣ, гдѣ много соленыхъ ключей и гдѣ прѣсная вода такъ драгоцѣнна, немаловажною причиною къ основанію уже въ древнѣйшія времена перваго пограничнаго города; уже въ послѣдствіи городъ получилъ значеніе важнаго складочнаго мѣста и важной станціи для торговыхъ каравановъ и посольствъ, шедшихъ съ З. Какъ сношенія съ болѣе образованными западными Туркскими странами были важнѣе сношеній съ южными Тангуто-тибетскими землями, то и Су-чжеу въ исторіи важнѣе Си-нина, находящагося въ одинаковыхъ обстоятельствахъ относительно входовъ въ имперію.

Мы имѣемъ *три* разсказа, поучительные и важные для исторіи Су-чжеу и западнаго прохода; именно: *Марко-Поло*, изъ цвѣтущаго времени монгольскаго владычества въ концѣ XIII вѣка; посольства *Шаха-Рока* въ 1419 году, и іезуитскаго патера *Бенедикта Гоеса* въ 1606, уже послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая династіею Минъ. Изъ позднѣйшаго времени Маньчжурскаго владычества, съ половины XVII столѣтія, Іезуиты не сообщили болѣе точныхъ и удовлетворительныхъ свѣдѣній.

М. Поло называетъ Succuir какъ городъ, такъ и область, въ которой находились многіе другіе города и крѣпостцы. Жители были тогда почти всѣ идолопоклонниками, и только нѣкоторые изъ подданныхъ великаго монгольскаго Хана исповѣдывали христіанство. Область принадлежитъ съ нѣкоторыми другими къ *Тангуту*; она весьма гориста, и производитъ ревень. Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, не ве-

---

(48) Deguignes Gesch d Hunnen. T. I. p. II.

(*) По объясненію Отц. Іакинѳа *Цзю-цюань* есть названіе собственно области, открытой въ 121 по Р. Х. и переименованной въ 581 въ округъ *Су чжеу*. Правленіе постоянно находилось въ г. *Су-чжеу*. Свѣд. о нар. обит. въ средней Азіи. Ч. III, геогр. указатель стр. 90. — *Пр. Перев.*

дутъ торговли, и имѣютъ, говоритъ благородный Венеціанецъ, смуглый цвѣтъ.

Какъ изъ этого описанія, такъ и изъ расказа о китайскомъ посольствѣ въ 940 по Р. Хр. не видно, чтобы это мѣсто имѣло тогда ту важность, какую оно получило впослѣдствіи. При покореніи сей страны Чингисъ-ханомъ упоминается объ этомъ городѣ (Цзю-чжеу) ([49]) въ числѣ тѣхъ, которые не оказали особаго сопротивленія; между тѣмъ какъ сосѣдній Гань-чжеу былъ занятъ только послѣ сильнаго приступа. Отсюда и изъ нижеслѣдующаго ясно, что это мѣсто сдѣлалось значительнымъ уже при династіи Минъ (1341—1628). Въ маршрутѣ Пеголетти (1335 г.) оно вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ далѣе приведена ближайшая станція Гань-чжеу (Сашехи у Пегол.) ([50]), если не принимать эту Сашехи, по предположенію Форстера, за Хами (Хами-чжеу?) ([51]). Посольство *Шаха-рока*, сына Тамерланова, изъ Герата, отправясь на *Хами*, достигло также до этаго пограничнаго города владѣній Минской династіи, называемаго посольствомъ *Сеніу* (Су-чжеу). Въ сіи времена распространенія власти Тимуридовъ, китайскій домъ Минъ потерялъ все свое вліяніе на Западѣ. Сначала онъ владѣлъ еще этимъ западнымъ театромъ войны, какъ видно изъ того, что, при полученіи въ Китаѣ извѣстія о приближеніи Тимура, было дано повелѣніе, привесть въ оборонительное положеніе всѣ проходы, дефилеи и крѣпости отъ Самарканда до Шэнь-си. Послѣ побѣдъ сего завоевателя Китайцы ограничились ([52]) на З. защитою собственно области Шэнь-си; отсюда уже не были посылаемы гарнизоны въ Хэ-си (т. е. на З. отъ Хуанъ-хэ); Ша-чжеу и Хухэ-норъ были совершенно оставлены; только Гань-су была занята; ворота Кя-юй сдѣлались пограничнымъ пунктомъ и стороже-

(49) Mailla Hist. de la Chine T. IX. p. 117.
(50) Fr. Balducci Pegoletti Itin. въ Sprengel Gesch. geogr. Entd. 2 Aufl. p. 259.
(51) J. R. Forster Gesch. d. Entdeckungen im Norden. 8. 1784. p. 189.
(52) Ab. Remusat Remarq. s. l'extens. p. 71.

выя, передовыя войска Китайцевъ не доходили во всякомъ случаѣ далѣе Ша-чжеу, т. е. до границы Гоби.

Такъ было во время прибытія сюда Мухамеданскаго *Шахъ-Рокова посольства*, главою котораго былъ *Шади-ходжа*. При посольствѣ находился князь *Улуғъ-бей* ([53]), меценатъ астрономовъ; веденіе точнаго дневника было поручено любознательнымъ Шахомъ живописцу *Ходжа-гаятъ-эддину*. На границѣ Гоби, у города, котораго имя не упоминается (это былъ Ша-чжеу), посольство было привѣтствовано Китайцами, которымъ было поручено приготовить для него палатки, снабдить его птицею, свѣжими овощами и фруктами разнаго рода, подаваемыми на фарфоровой посудѣ, и дать здѣсь, въ песчаной степи, такія пиршества, которыя не уступали бы столичнымъ. Столы, говоритъ повѣствователь, были здѣсь украшены древесными вѣтвями, и послѣ кушаньевъ подавали крѣпкіе напитки. Тѣмъ не менѣе не была упущена полицейская мѣра точной переписи, по присяжнымъ показаніямъ, свиты каждаго отдѣльнаго посла (ихъ было 5, а спутниковъ ихъ 510). Списокъ надлежало отправить ко двору. За тѣмъ, по повелѣнію императора, иностранные послы были блистательно угощаемы пограничнымъ губернаторомъ, нѣкимъ Данъ-ги, въ лагерѣ его. Пиршество это, описываемое подробно, замѣчательно по чрезвычайной роскоши, которая была показана здѣсь, на границѣ пустыни. Самое мѣсто пиршества было обставлено шпалеромъ солдатъ въ видѣ квадрата; по срединѣ, по нѣсколько налѣво, подобно сердцу въ тѣлѣ, служащему у Китайцевъ символомъ справедливаго владыки, стояла палатка, въ которой какъ бы присутствовалъ невидимо императоръ; столы были уставлены кушаньями и сластями; а буфеты — вазами, фарфоромъ, серебряною посудою, украшены цвѣтами, разноцвѣтными бумагами и шелкомъ; кругомъ стояли хоры музыкантовъ. Маски, изображавшія животныхъ, исполняли танцы;

---

(53) Embassade du Schah Rokh fils de Tamerlan etc. à l'Emp. des Khatai въ Thevenot. Relat. d. div. voy. T. II. Paris, 1636. Nouv. ed. Paris. IV. fol. 2.

мальчики, красивые какъ день, наливали напитки и обносили корзины съ каштанами, орѣхами, лимонами, съ особымъ образомъ приготовленнымъ лукомъ, дынями, жужубами и другими фруктами. Къ удивленію многочисленнаго собранія въ заключеніе приведенъ въ движеніе огромный механическій аистъ съ сидящимъ на немъ ребенкомъ; онъ ходилъ кругомъ подъ тактъ музыки, кивалъ головою и дѣлалъ столько искуственныхъ движеній, что всѣ зрители пришли въ изумленіе. Этимъ была оказана большая вѣжливость Магометанамъ, у которыхъ аистъ считается священною птицею, и вѣжливость безъ сомнѣнія для нихъ неожиданная въ пустынѣ, столь замѣчательной уже тогда по своей цивилизаціи.

Отсюда посольство направилось на ворота и крѣпость *Караулъ* (Юй-мынь) къ Секъ-чіу (Сокіу, т. е. Су-чжеу), до которой достигло въ 10 дней. Здѣсь оно было помѣщено въ большомъ общественномъ зданіи, подъ городскими воротами; въ каждой отдѣльной квартирѣ уже были приготовлены тюфяки и жизненные припасы. Было дано повелѣніе снабжать даже служителей посольства на каждую ночь тюфяками и шелковыми одѣялами. Охраненіе того же посольства приняли на себя Китайцы, которые сосчитали и записали всѣ вещи. Вотъ описаніе сего *пограничнаго* въ то время города ([54]). Онъ былъ выстроенъ квадратомъ, съ 16 одинаковыми базарами, каждый въ 50 локтей длины и ширины, всѣ они были снабжены обильно водою и выметались чисто. Во всѣхъ домахъ содержались свиньи (какъ извѣстно любимѣйшее домашнее животное Китайцевъ, но поганое для Магометанъ). Въ базарахъ открытыя галлереи были заняты лавками, наполненными товарами; входомъ служила хорошо построенная и красиво расписанная зала. Городскія стѣны были фланкированы крытыми башнями, построенными на разстояніи каждая въ 20 шаговъ. Городъ былъ выстроенъ квадратомъ, съ каждой стороны котораго было четверо воротъ;

(54) Thevenot l. c. fol. 3 и 4.

если смотрѣть на нихъ прямо, то они казались весьма близкими одни отъ другихъ, но въ дѣйствительности между ними было значительное разстояніе. Надъ каждыми воротами былъ павильонъ въ два этажа, съ крышею въ видѣ ослиной спины (слѣдовательно крутою какъ въ готической архитектурѣ, а не плоскою, какія строятся въ Персіи), по обычаю Китайцевъ, говоритъ составитель дневника, подобно крышамъ, встрѣчаемымъ въ Мазандеранѣ, но съ тою разницею, что послѣднія состоятъ изъ безцвѣтныхъ кирпичей, а у Китайцевъ — изъ фарфоровыхъ изразцовъ. Многіе храмы съ идолами занимали значительныя пространства въ городѣ, всѣ они были содержимы въ большой чистотѣ, и вымощены глазированнымъ кирпичемъ, блестѣвшимъ какъ драгоцѣнные камни. У входа храмовъ встрѣчаютъ иностранцевъ привѣтливо красивые мальчики, которые показываютъ достопримѣчательности. Таковъ первый пограничный городъ Китайскаго государства, находящійся въ 99 дняхъ пути отъ столицы (Ханъ-балыкъ, т. е. Пекина). Страна по дорогѣ туда весьма населена; каждый вечеръ останавливаешься въ большомъ городѣ. Въ каждый день пути встрѣчаешь нѣсколько *Каргу* и *Кидифу*, или сторожевыхъ башень, служащихъ телеграфическою линіею. На Кидифу, вышиною каждый въ 60 локтей, находятся постоянно караулы, которые видятъ съ одного маяка или Каргу, другой, и при первомъ приближеніи непріятеля зажигаютъ огни, служащіе извѣстіемъ слѣдующему посту. Такимъ образомъ, въ теченіи *одного* дня и *одной* ночи, вѣсть переходитъ до столицы пространство, составляющее *три* мѣсяца (?) пути; писанная депеша, заключающая въ себѣ подробности вѣсти, передается изъ рукъ въ руки скороходами отъ одного кидифу до другаго, до столицы. Одинъ кидифу отъ другаго находится на разстояніи 10 мерре (которыхъ 16 въ одной парасангѣ); караулы при нихъ поселены постоянно, а при каргу смѣняются каждые 10 дней.

Это замѣчательное извѣстіе показываетъ что здѣсь, со временъ М. Поло, по изгнаніи Монголовъ, произошла большая

перемѣна. Національная Китайская династія *Минъ* поощряла въ Су-чжеу эту *китайскую колонизацію*, воздвигла въ обширныхъ размѣрахъ сей пограничный китайскій городъ на защиту имперіи, и предназначала его въ *складочное* мѣсто для торговли съ *западными* странами. Покровительствованые здѣсь прежде послѣдователи ламайскаго ученія, которыхъ М. Поло могъ относить къ числу идолопоклонниковъ, были вытѣснены китайскими поселенцами, распространившими здѣсь и домашнихъ животныхъ своихъ — свиней, и мелочную торговлю свою. О христіанахъ нѣтъ уже болѣе рѣчи: ибо вскорѣ магометанское торговое сословіе получаетъ здѣсь перевѣсъ, къ чему безъ сомнѣнія способствовало посольство Шаха Рока.

Путешествіе Патера Бенедикта де Гоесъ, совершенное въ 1606 г., почти двѣсти лѣтъ спустя, во время начавшагося упадка Минской династіи, подтверждаетъ это вполнѣ. На этого неустрашимаго члена іезуитской миссіи въ Индустанѣ, прожившаго долгое время при дворѣ Великаго Могола Акбара на р. Гангѣ, и близко знакомаго съ языками и нравами Востока, было, при постоянномъ стремленіи ордена распространить вліяніе свое и на жителей знаменитыхъ странъ *Хины* и *Катаи*, возложено трудное порученіе — открыть и изслѣдовать *въ то время совершенно неизвѣстный путь изъ Индіи на Кабулъ, Кашгаръ, Яркянъ, Аксу, Хамулъ въ Катай*. Онъ сдѣлалъ немаловажное для того времени *совершенно новое открытіе*, что страна, извѣстная въ западной Азіи подъ именемъ *Катая*, тождественна со страною, сдѣлавшеюся тогда только что извѣстною съ восточной, морской стороны подъ именемъ *Хина*, что *Катайцы* и *Хины* одинъ народъ, и что столица ихъ *Камбалу* есть *Пекинъ*, и что онъ, изслѣдовавъ *Катай*, былъ въ *Хинѣ*. Ему удалось дѣйствительно проникнуть въ *три года изъ Лагора къ Су-чжеу*, гдѣ его однакоже постигла смерть. Веденый имъ подробный дневникъ къ сожалѣнію утратился: но замѣтки спутника его, армянина *Исаака*, были сохранены Пекинскою миссіею, и обнародованы въ

исторіи іезуитской миссіи соч. Триго (Trigault). Въ нихъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія о Су-чжеу.

П. Б. Гоесъ прибылъ изъ *Хамула* (т. е. Хами) въ десять дней къ воротамъ *Кя-юй-гуань* (Chiaicuon у Гоеса) ([55]), гдѣ онъ, со всѣмъ магометанскимъ караваномъ изъ Кашгара, долженъ былъ ожидать въ теченіи 25 дней разрѣшенія пограничнаго губернатора на впускъ чрезъ Великую стѣну въ Китайскую имперію. Чрезъ день пути достигъ онъ до города *Су-чжеу* (Socieй у Гоеса), гдѣ онъ, изъ безпрерывныхъ разговоровъ о Пекинѣ, убѣдился, что здѣсь начало Китая. Въ укрѣпленныхъ пограничныхъ городахъ *Гань-чжеу* (Canceu въ Sceu-Si у Гоеса) и *Су-чжеу* имѣли пребываніе два губернатора или вице-короля, имѣвшіе подъ начальствомъ сильные, отборные гарнизоны къ границѣ государства и получавшіе повелѣнія непосредственно отъ императорскаго двора ([56]) въ Пекинѣ. *Су-чжеу* былъ раздѣленъ на двѣ части: на *китайскій* городъ, гдѣ жили только Китайцы (Катайцы, какъ называли ихъ Сарацины) и *сарацинскій* городъ, гдѣ находились и сходились поселенцы изъ Кашгара, купцы и инородцы изъ Си-юй, т. е. западныхъ странъ. Многіе изъ послѣднихъ, неимѣвшіе желанія возвращаться въ свое отечество, поселились здѣсь съ женами и дѣтьми, подобно Португальцамъ въ провинціи Кантонской въ Макао (Amacaï); но съ тѣмъ различіемъ что Португальцы сохраняютъ свои законы и своихъ судей; Сарацины же въ Су-чжеу, по замѣчанію Гоеса, управляются Китайцами. На ночь запирали ворота ихъ города, но днемъ ихъ ни чѣмъ не различали отъ Китайцевъ. Кто такимъ образомъ прожилъ лѣто, тотъ, по существующему закону, считается принявшимъ подданство, и не имѣетъ болѣе права оставить страну.

Вся страна *между* пустынями Хамулской и Турфанской до Китайской границы, и самыя пустыни были тогда подвер-

---

(55) Nicolaus Trigantius de christiana expeditione apud Sinas suscepta ab Soc. Iesu ex P. Matth. Riccii et Soc. commentariis libri V. etc 4.; August. Vindelic. 1615. libr. V. c. X. XI et XII. p. 544 — 568.

(56) N. Trigault de chris. Exp. p. 560.

жены нападеніямъ Татарскихъ разбойничьихъ ордъ (безъ сомнѣнія Монгольскихъ), такъ что караваны подвигались впередъ въ величайшемъ страхѣ, днемъ озирали съ горъ окрестности, а ночью подымались въ дальнѣйшій путь, наблюдая тишину, чтобы не быть замѣченными.

Близъ дороги находили вездѣ кости убитыхъ. Тѣмъ не менѣе изъ западныхъ странъ приходитъ значительное число Сарацинovъ, по чрезвычайной выгодности торговли. Самъ Гоесъ повстрѣчалъ еще прежде, до прибытія своего въ Турфанъ и въ Хами, сарацинскій караванъ, возвращавшійся изъ Китая, а въ Су-чжеу еще другой, который былъ въ самомъ Пекинѣ, и сообщилъ ему первыя вѣрныя вѣсти о братьяхъ его по ордену, находившихся въ столицѣ, при императорскомъ дворѣ. Путешественники сіи, выдавъ себя за иностранное посольство, были помѣщены въ одномъ императорскомъ дворцѣ съ іезуитами, и пробыли съ ними нѣкоторое время.

Эти караваны, говоритъ *П. Бен. Гоесъ*, приходящіе съ Запада, часто выдумываютъ подобныя посольства, слѣдуя древнему обычаю, со временъ Т'анской династіи, при которой чрезъ каждые 6 лѣтъ являлось къ престолу сына Неба, отъ подвластныхъ Китаю въ западномъ краѣ князей и вассаловъ (титулъ ихъ *Цзи-ми*), до 72 посланниковъ, привозившихъ въ знакъ подчиненности дань, преимущественно изъ *Юй* (яшма или нефритъ), и другихъ драгоцѣнныхъ камней и разныхъ произведеній своей страны; за что они были снабжаемы конвоемъ, и всѣ издержки ихъ путешествія отъ границы до столицы и обратно принимались на счетъ казны. Когда *Минская* династія совершенно утратила вліяніе имперіи на Западъ, вслѣдствіе усилившаго могущества Тимуридовъ, посольства эти сдѣлались фарсомъ. Такъ называемая дань была собственно подаркомъ, льстившимъ тщеславію китайскихъ императоровъ, но стоившимъ имъ весьма дорого, какъ по цѣнѣ обратныхъ подарковъ, такъ и по разнымъ обязательствамъ, которые принимало на себя правительство. Главною приманкою симъ посольствамъ служилъ выгодный

сбытъ лучшаго, прозрачнаго, разноцвѣтнаго восточнаго нефрита или камня *юй*, который составлялъ предметъ особой охоты императоровъ, и какъ бы ихъ принадлежность (см. выше Жехэ), и за который платились огромнѣйшія цѣны, а также другія торговыя выгоды, какъ то продажа лошадей, верблюдовъ и т. п. Значительныя суммы, которыя пріобрѣтались при такихъ обстоятельствахъ такъ называемыми посланниками, побуждали многихъ спекуляторовъ въ земляхъ Туркестанскихъ искать предводительства подобными посольствами и караванами; они получали отъ мѣстныхъ своихъ властей, за большую плату, вымышленныя грамоты, которыя они выдавали на китайской границѣ, по старому обычаю, за акты съ изъясненіемъ подчиненности и представленіемъ дани. Сами Китайцы знали объ этомъ обманѣ, но не обнаруживали его, потому что онъ льстилъ ихъ тщеславію, и какъ императорскіе обратные подарки въ разныхъ товарахъ покрывали цѣну дани, то такимъ образомъ производилась монополизированная въ пользу немногихъ торговля, которая, подъ маскою прежнихъ болѣе значительныхъ посольствъ, поддерживала даже во времена Минской династіи, утратившей всякое господство на Западѣ, сношеніе народовъ и обмѣнъ ихъ произведеній; что эти сношенія Запада съ Востокомъ доставляли большія выгоды, доказывается примѣрами самаго Патера Госса, который отправился въ 1603 году изъ *Лагора*, въ Индостанѣ съ небольшою кладью и прислугою, а въ концѣ 1605 года, за всѣми *издержками*, сопряженными съ трехлѣтнимъ странствованіемъ, явился въ Су-чжеу уже знатнымъ путешественникомъ, съ 13-ю вьючными животными, 5-ю служителями, 2-мя невольниками и партіею драгоцѣннѣйшаго нефрита, оцѣненнаго въ 2500 золотыхъ монетъ.

Въ прежніе времена дѣйствительно посольства имѣли преимущественно политическое значеніе, къ нимъ присоединялась постепенно естественнымъ образомъ и торговля, сдѣлавшаяся окончательно главною цѣлію. Съ искони ([81]) западные варвары

(81) Ab. Remusat hist. de Khotan. p. 101.

искали охотно китайскія мануфактурныя издѣлія, какъ доказываетъ древнѣйшая торговля съ *Серами*. *Пограничные* Китайскіе *рынки* наполнялись такимъ образомъ *иностранцами* и какъ Китайская полиція ни старалась отсылать ихъ обратно, но это не всегда удавалось и нѣкоторое число ихъ всегда оставалось въ предѣлахъ имперіи. Отсюда происходили нерѣдко разнаго рода жалобы и безпорядки. Въ нарушеніе законовъ часть иностранцевъ поселялась совсѣмъ въ Китаѣ съ женами и дѣтьми. Отъ времени до времени Правительство употребляло строгость. Уже во времена династіи Т'анъ, въ 787 году, лѣтописи ([58]) повѣствуютъ о подобномъ случаѣ, когда 4000 человѣкъ, *оставшихся въ имперіи* иностранцевъ, были внезапно изгнаны или зачислены въ армію. Въ позднѣйшія времена были приняты разныя мѣры къ предупрежденію подобныхъ безпорядковъ, которые по видимому достигли высокой степени; въ то время когда путешествовалъ Бен. Гоэсъ посольства были значительно ограничены. Изъясненнымъ путемъ возникло однакоже на многихъ пограничныхъ пунктахъ Китайской имперіи *смѣшанное племя*, котораго происхожденіе едвали можетъ быть вездѣ указано съ такою достовѣрностію какъ здѣсь.

П. Б. Гоесъ не упоминаетъ уже здѣсь ни объ одномъ *христіанинѣ*, которыхъ было еще нѣкоторое число при М. Поло. Въ теченіи годоваго здѣсь пребыванія Гоеса отъ вниманія его безъ сомнѣнія не ускользнули бы христіане; фанатическіе магометане господствовали совершенно уже въ теченіи двухъ вѣковъ на всемъ пути, которымъ онъ слѣдовалъ. Гоесъ разсказываетъ однакоже о трогательномъ съ нимъ случаѣ по той сторонѣ пустыни (въ Ціалисѣ, нынѣшнемъ Юлдусѣ) ([59]). Іезуитскій патеръ принялъ здѣсь участіе въ одномъ диспутѣ между магометанскими богословами; мѣстный князь вспомнилъ при семъ и объявилъ громко, что предки его исповѣдывали *ис-*

(58) Mailla hist. des Thang въ Mem. conc. T. XVI. p. 134.

(59) N.c. Trigautius l. c. p. 537.

когда Христову вѣру, и назвавъ христіанъ послѣдователями истиннаго ученія, взялъ преслѣдуемаго подъ свое покровительство, и оказалъ ему въ столицѣ своей въ теченіи трехъ мѣсяцевъ почетное гостепріимство.

Въ Су-чжеу уже идетъ рѣчь у Гоеса только о Китайцахъ и Сарацинахъ, т. е. магометанахъ, отъ которыхъ онъ потерпѣлъ здѣсь болѣе гоненій, чѣмъ на всемъ пути своемъ до сего мѣста. Испытанный путешественникъ не перенесъ притѣсненій всякаго рода и умеръ ([60]) въ Су-чжеу въ Апрѣлѣ 1607 года. Не задолго предъ тѣмъ прибылъ сюда, отъ только что основанной въ Пекинѣ миссіи, вслѣдствіе полученнаго тамъ отъ Гоеса радостнаго извѣстія о достиженіи имъ пограничнаго города имперіи, молодой инокъ Ioann Ferdinandus, который и напутствовалъ молитвами умиравшаго. Патеръ Гоесъ скончался въ радостномъ убѣжденіи, что открылъ страну, въ которой предстояли повый посѣвъ и обильная жатва слова Божіяго. Предполагали, что онъ былъ отравленъ Сарацинами; онъ похороненъ въ Су-чжеу, но деньги и имущество его были расхищены. Подробный дневникъ его былъ также похищенъ Сарацинами, и не могъ быть быть отысканъ. Спутникъ его, Армянинъ *Исаакъ*, отправился въ Пекинъ, и оттуда чрезъ него пришло въ *Европу* извѣстіе о смѣломъ путешествіи, совершенномъ чрезъ средину Азіи до входа въ страну Западныхъ проходовъ въ *Ганьсу*.

Извѣстія, заключающіяся въ сочиненіяхъ новѣйшихъ Іезуитовъ ([61]) и относящіяся къ временамъ Маньчжурской династіи не прибавляютъ ничего новаго къ приведенному нами расказу изъ первыхъ годовъ XVII столѣтія, и буквальное ихъ сходство заставляетъ предполагать, что Іезуиты, при производствѣ картографической съемки, не произвели здѣсь постороннихъ сему дѣлу наблюденій. По показанію ихъ Су-чжеу находится подъ

---

(84) Nic. Trigantius l. c. p. 564.

(85) Martin Martini Atlas sinensis fol. 46. Du Halde Descr. générale T. IV. p. 47. Grosier Descr. génér. de la Chine, Paris 1818 T. I. p. 164.

39° 45′ 40″ с. ш. и 17° 21′ 30″ в. д. отъ Пекина, т. е. 96° 40′ 60″ в. д. отъ Парижа.

5) *Гань-чжеу-фу* находится подъ 39° 0′ 40′ с. ш. и 15° 32′ и 30″ в. д. отъ Пек. т. е. 99′ 0° в. д. отъ Парижа, въ Гань-су, на С.-З. концѣ Китаѣ (прежнемъ западномъ Шэнь-си), который и называется *Гань-бянь* (Kan-pian) ([62]), т. е. *Ганьскою границею*. Самый городъ назывался прежде ([63]) *Гань-су-вэй* (Kan-su-ouai), у М. Поло—Campion, или по правильнѣйшей орѳографіи Can-ci-pu ([64]), т. е. Гань-чжеу-фу, у Шаха-Рокова посольства—Kamgiou, у Бенед. Гоеса — Canceù. Городъ этотъ былъ еще до возвышенія Су-чжеу значительнѣйшимъ пунктомъ Великой стѣны. При нашествіи Чингисъ-Хана, Гань-чжеу-фу былъ столицею владѣтелей Тангута, имѣлъ сильныя укрѣпленія и могъ быть взятъ только приступомъ ([65]). Марко Поло говоритъ что Камніоиъ ([66]) есть главный городъ Тангута, слѣдовательно послѣ покоренія Монголами, которое положило конецъ историческому существованію царства *Тангута* и *Хя*, городъ остался главнымъ мѣстомъ для Тангутскихъ жителей. На разстояніи двѣнадцати дней пути къ Сѣверу лежитъ гор дъ *Эцзинэ* (Etzine) у входа въ великую пустыню ([67]), откуда считается еще сорокъ дней пути до *Кара-корума* (Kara-Korum). Оттуда именно пришло Чингисъ-Ханово страшное войско въ 1226 г. на покореніе *Тангута* и *Хя*. Объ этомъ пути будетъ еще рѣчь ниже. *Гань-чжеу-фу* былъ во время Марко Поло значительнымъ и красивымъ городомъ и центромъ управленія всей области. Жители, говоритъ онъ, — идолопоклонники, нѣкоторые — *Магометане*, и *Христіане*, которымъ принадлежатъ здѣсь три весьма кра-

(62) Klaproth Journ Asiat. T. IX. p. 31.

(63) Mailla hist. gén. de la Chine T. XII. p. 76.

(64) M. Polo voy. ed. Maltebrun. Paris. 1824. 4. p. 72 ch. 72.

(65) Mailla hist. gén. de la Chine T. IX. p. 117. Lacroix hist. du gr. Genghiz khan p. 472.

(66) M. Polo y Ramus. T. II. fol. 13. c. 39. ed. Marsd. Lond. 4 c. 40 p. 181 — 186.

(67) M. Polo ed. Marsden ch. 41. p. 86; Lacroix hist. du gr. Genhizcan p. 471.

сивыя и обширныя церкви. Идолопоклонники живутъ въ своихъ монастыряхъ и аббатствахъ, наполненныхъ деревянными и металлическими, имѣющими вышины до 10 футовъ идолами, которымъ оказываютъ великія почести. Такимъ образомъ и здѣсь жили въ то время совокупно *Буддисты* и *Несторіанцы*. Марко Поло не могъ не имѣть о семъ вѣрныхъ свѣдѣній, ибо обстоятельства, какъ онъ самъ говоритъ, принудили его прожить въ этомъ городѣ съ отцомъ своимъ цѣлый годъ, подобно тому какъ въ послѣдствіи пробылъ въ Су-чжеу П. Бенед. Гоесъ. Этимъ объясняются вѣрныя изображенія у Марко Поло тамошняго образа жизни и ученія Ламайцевъ, которые, подъ покровительствомъ Монгольскихъ императоровъ, утвердились здѣсь, какъ мирные поселенцы, и впослѣдствіи были по возможности оттѣснены *Минскою* династіею съ истинно *Китайскою* недовѣрчивостію, но при *Маньчжурской* династіи опять сдѣлались господствующею сектою въ этихъ Западныхъ провинціяхъ. Пріемъ, сдѣланный здѣсь посольству Шаха-Рока (въ 1426 г.), подтверждаетъ важность въ то время этаго города. Здѣсь имѣлъ пребываніе главный начальникъ провинціи, которому подчинены были всѣ остальные. Посольство совершило путь отъ *Су-чжеу* до Гань-чжеу въ девять дневныхъ переходовъ ([68]). На каждой станціи были приготовлены помѣщенія; 450 вьючныхъ животныхъ и 56 повозокъ были поставлены посланникамъ и свитѣ ихъ, каждую повозку тянуло 12 молодыхъ парней, съ фальшивыми жемчугами въ серьгахъ и съ зачесанными вверхъ волосами. Въ каждомъ городѣ было приготовлено угощеніе, а въ *Гань-чжеу* данъ былъ намѣстникомъ (Дан-гп) большой праздникъ. Въ этомъ городѣ болѣе всего поразило магометанъ большое идолопоклонническое капище, въ 500 локтей въ квадратѣ; посреди его находилось колоссальное въ 50 футовъ длины вызолоченное изображеніе лежащаго идола, котораго одна рука подпирала голову, а другая протянута была вдоль ноги. Идола сего, ко-

(68) Ambassade du Shah Rock etc. у Thevenot l. c. fol. 4.

тором всѣ поклонялись, называли Самопифо (Шакіямупи-фо); это былъ Индѣйскій Будда. Отсюда посольство направилось далѣе къ Хуанъ-хэ и въ Пекинъ.

Позднѣйшія миссіи іезуитовъ не доставляютъ новыхъ свѣдѣній о Гань-чжеу, и подтверждаютъ, что онъ остался сильною пограничною крѣпостью при входѣ въ Гоби, значительнымъ складочнымъ мѣстомъ въ торговлѣ ([69]) для камня *юй*, для шедшаго съ З. бизама, для ревеня съ ближнихъ снѣговыхъ горъ, для кожъ и шкуръ, изъ кочевій сѣверныхъ ордъ, и, подобно Нинъ-хя, фабричнымъ городомъ, гдѣ выдѣлывались теплыя шерстяныя ткани и войлоки, необходомые въ такой высокой холодной и снѣжной странѣ, даже для самыхъ непзнѣженныхъ наѣздниковъ.

Здѣсь должно еще замѣтить что *Гань-чжеу* при Т'анской династіи ([70]) назывался еще *Чжанъ-ѣ* (Tscheng-I) и имѣлъ титулъ *Гюнь*, т. е. высокаго города. Горы, лежащія отъ него въ 15 геог. миляхъ (150 ли) къ С.-З., назывались *Ки-лянь* (Ki-Lian) и *Хо-ли*, а у подошвы лежалъ небольшой городокъ *Шаньтанъ* (на картѣ д'Анвиля къ С.-В.). Близъ сего мѣста, выходя изъ горнаго ущелья Хо-ли, переправлялись чрезъ степную рѣку Чжанъ-ѣ, которая текла къ С.-В., и *здѣсь начиналась* одна *изъ дорогъ*, шедшихъ по близлежащей степи Гоби въ Кара-корумъ— Монгольскую столицу. О другихъ входахъ въ пустыню будетъ рѣчь ниже сего.

Лянъ-чжеу, подъ 37° 59′ с. ш. 13° 40′ 30″ з. д. отъ Пекина, т. е. 100° 22′ в. д. отъ Парижа, у М. Поло—*Ергинулъ* ([71]), который, согласно съ объясненіемъ Марсдена ([72]), не можетъ значить тоже что *Хухэ-норъ*. Здѣсь городъ этотъ намъ важенъ только по положенію своему, какъ *третья* значительная крѣпость близъ Великой стѣны; о немъ упоминается съ древнѣйшихъ временъ постоянно, какъ о крѣпости и одномъ изъ проходныхъ пунктовъ въ стѣнѣ,

(69) Martin Martini Atlas Sin. fol 46; Grosier Descr. génér. I. p. 164.
(70) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Kara-Korum p. 21.
(71) Klaproth Journ. Asiat. IX. p. 21.
(72) M. Polo ed. Marsden p. 226. not. 431.

почему и легко его узнать, хотя бы о немъ упоминалось подъ неизвѣстными нынѣ названіями. Такъ уже въ выше приведенномъ путешествіи т'анскаго полководца, въ 940 году, упоминается о немъ (на восточномъ берегу степной рѣки Бэй-т'инъ [73], направляющейся къ Сѣверу), подъ тѣмъ же именемъ, которое онъ сохранилъ донынѣ, почти 1000 лѣтъ спустя. По этимъ извѣстіямъ городъ находится въ 45 геогр. миляхъ (500 ли) къ Ю.-В. отъ Гань-чжеу. М. Поло [74], отправясь изъ Гань-чжеу, шелъ, какъ онъ разсказываетъ, 5 дней, по дорогѣ, по которой ночью путника часто приводятъ въ ужасъ дикіе голоса духовъ, пока не достигъ области *Ергиулъ*, гдѣ много селеній и крѣпостей, и гдѣ главный городъ называется тѣмъ же именемъ. Область эта считалась также въ *Тангутѣ*, и была населена послѣдователями Ламайской вѣры и небольшимъ числомъ Христіанъ и Туркомановъ. Отсюда, говоритъ онъ, шла къ Ю.-В. дорога въ Синингъ (Sing-Gui) и въ Китай. Эта есть та именно большая дорога въ Шань-си, на столичный городъ Си-'ань-фу, которую Чингисъ-ханъ, какъ мы выше упомянули, указалъ не задолго до своей смерти, полководцамъ своимъ, для достиженія великой добычи, ожидавшей ихъ въ Китаѣ.

Благородному венеціанскому путешественнику ставили въ упрекъ, что онъ, въ тѣхъ главахъ своего путешествія, въ которыхъ говоритъ обстоятельно о трехъ упомянутыхъ пограничныхъ городахъ, имъ очевидно посѣщенныхъ, вовсе не упоминаетъ о Великой стѣнѣ; откуда выводили даже подозрѣніе на достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, но уже превосходный коментаторъ М. Поло — В. Марсденъ [75] оградилъ его достаточно отъ этого упрека. Великая стѣна была здѣсь, къ Зап. отъ Хуанъ-хэ, такъ незначительна, по сравненію съ огромными работами, произведенными къ В. отъ этой рѣки для огражденія Шань-си и Чжи-ли, что о ней М. Поло не упоминаетъ въ

(73) Ab. Remusat Hist. de Khotan p. 76.

(74) M. Polo ed. Ramusio T. II. fol 15. c. 50. Ib. ed. Marsden p. 224. ch. 31.

(75) M. Polo ed. Marsden. not 446. p. 230—234.

особенности, подобно какъ и посольство Шаха-Рока, и реляція 940 г. Если она впослѣдствіи, при Минской династіи (какъ показываютъ укрѣпленія при Кя-юй-гуань и Су-чжеу) и была усилена, то она здѣсь, тѣмъ не менѣе, даже при Маньчжурской династіи, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы іезуиты, незаслуживала большаго вниманія. Мы уже говорили выше о Великой стѣнѣ въ Ордосѣ, гдѣ она тянется круто изломанною линіею, а также объ укрѣпленныхъ проходахъ въ цѣпи Ала-шань. Далѣе ([76]) къ З. отъ Шэнь-си стѣна вездѣ не болѣе какъ *земляная насыпь*, низкая, узкая, часто занесенная пескомъ, и только укрѣпленная тамъ, гдѣ воздвигнуты города. Удивительно какъ могъ точнѣйшій расказъ Марко Поло, который впервые изслѣдовалъ правильнымъ взглядомъ Азію, и описывая все какъ очевидецъ, говоритъ именно и объ укрѣпленіяхъ, — подвергнуться сомнѣнію въ Европѣ только потому, что онъ въ немъ не упоминаетъ объ этой земляной насыпи, когда сами ученые европейцы сохраняли глубокое молчаніе о подобной, немаловажной укрѣпленной линіи въ южной Россіи, въ Подоліи при Днѣстрѣ, открытой въ недавнее время *Ф. Дюбуа* ([77]) подъ именемъ Траянова вала въ нѣсколькихъ миляхъ къ В. отъ Каменецъ-Подольска.

Отъ *Ергинула* М. Поло направился къ С.-В. и достигъ въ 8 дней до *Егригаіи* ([78]), области Тангутскаго царства, которую мы описали выше (стр. 487) подъ именемъ *Шинъ-ся*, и котораго областной городъ онъ называетъ—Калація. Путь къ сему городу описываетъ М. Поло болѣе обстоятельно, но изъ разсказа о путешествіи Тайскаго полководца въ 940 г. оказывается, что путь сей (длиною слишкомъ въ 400 ли или болѣе 30 геог. м.) вѣроятно пролегалъ по возможно кратчайшей въ то время діагонали, по самой южной

---

(76) Du-Halde Descr. gén. T. I. p. 47.

(77) Авторъ поучительнаго сочиненія: Conchiliogie fossile du plateau Wolhyni-Podolien Berl. 1831. 4; отъ котораго можно ожидать еще важныхъ сообщеній о его наблюденіяхъ въ восточной Европѣ.

(78) M. Polo ed. Ramusio fol 16. c. 15. ed. Marsden ch. 32. p. 235; Malte-brun франц. p. 74. ch. 3. латинск. p. 356.

оконечности песчаной степи. По видимому эта дорога оставлена постепенно въ теченіи послѣднихъ столѣтій. Изъ слѣдующаго за тѣмъ у М. Поло описанія Тендуха, Клапротъ доказалъ неопровержимымъ образомъ, что Егригая не могла никакъ находиться къ З. отъ степи Гоби. По употребленныя здѣсь однимъ только Венеціанцемъ названія остаются намъ тѣмъ не менѣе совершенно загадочными. *Тендухъ* приводитъ насъ теперь, съ окончаніемъ изслѣдованій нашихъ о природѣ страны западныхъ входовъ, обратно отъ Ю. къ С., къ Инь-шаню близъ Хухухотоня, къ повороту Хуанъ-хэ — исходному пункту нашему.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 22.

Путешествіе Буддійскихъ миссіонеровъ Фа-хяня и Хюань-цзана въ концѣ IV и половинѣ VII вѣка, вдоль дороги нынѣшней провинціи Ганьсу, въ Си-юй или Западныя земли, и опредѣленіе положенія Яй-мынь-гуаня.

Самыя раннія свѣдѣнія, сообщенныя очевидцами о дорогѣ вдоль провинціи Ганьсу въ Си-юй или западныя страны принадлежатъ двумъ Буддійскимъ миссіонерамъ Фа-хяню и Хюань-цзаню, которыхъ реляціи были переведены уже послѣ изданія I-го тома Риттеровой Азіи Абелемъ Ремюза (1) и Станис. Жюльеномъ (2).

Эти реляціи изъ IV и VII вѣка служатъ интереснымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ о странахъ, о которыхъ мы имѣли въ текстѣ Риттера рѣдкія показанія очевидцевъ изъ X (Китай-

(1) Ab. Remusat Foe-Koue-Ki ou relation des royaumes bouddhiques. Paris. 4. 1836.

(2) Stan. Julien Histoire de la vie de Hiouen Thsang etc. et de ses voyages dans l'Inde. Paris. 8. 1853.

скаго посланника Чжанъ-куанъ-ѣ), XIII (Марко Поло), XV (посольства Шаха Рока) и XVII (Бенед. Гоэса) вѣковъ.

Фа-хянь предпринялъ путешествіе свое въ 309 г., съ цѣлію проникнуть въ Индію, для изученія законовъ и догматовъ Буддійской религіи. Онъ выѣхалъ изъ тогдашней Китайской столицы Чанъ-'аня (Tchang-Ngan), нынѣ Си-'ань-фу (Si-ngan-fu)— главн. гор. пров. Шэнь-си. На Китайскомъ прсетолѣ въ то время едва держалась еще падающая династія Цзинь (Tsin). Имперія находилась въ страшномъ разстройствѣ. Варварскія племена прорывались черезъ окраину нагорья: племя Муюнъ основывало могущественное царство или династію Янь въ Чжилійской провинціи около самаго Пекина, племя Тоба еще болѣе могущественное царство или династію Юань-вэй въ Шаньсійской провинціи; черезъ 6 лѣтъ окончательно пала династія Цзинь и мѣсто ея въ Чанъ-'анѣ заступила новая — Сунъ (406 — 479).

Фа-хянь, выѣхавъ изъ Чань-'аня, съ спутниками своими, *перепхалъ гору Лунъ* (Loung) *и прибылъ въ царство Кянь-гуй* (Khian-Kouei) (3). Гора Лунъ означена на большой картѣ Клапр., она находится на границахъ нынѣшнихъ провинцій Шэньси и Ганьсу, 10° западнѣе Пекина, подъ 35° с. шир. Кянъ-гуй есть имя не владѣнія, а государя Сяньбійскаго племени, которое въ концѣ IV вѣка (388 г.) основало въ западной Шэнь-си небольшое княжество или династію *западныхъ Цзинь* (Thsin) или *Лунъси* (т, е. на З. отъ горы Лунъ). Столицею этаго княжества, по свидѣтельству Клапрота, былъ тогда Кинъ-чэнъ, (Kin-Tching) нынѣ *Кинъ-хянь* (Kin-hian), верстахъ въ 35 къ Ю.-В. отъ Ланьчжеу (Lan-Tcheou).

Проживъ здѣсь довольно долго Фа-хянь *прибылъ въ царство Нюй-т'ань* (Neou-Than) (5). Нюй-т'анъ (по Дегиню Юйт'анъ) есть также названіе государя Сяньбійскаго племени, ко-

(3) Foe-Koue-Ki p. 1.
(4) Foe-Koue-Ki p. 4.
(5) Foe-Koue-Ki p. 2.

торое основало здѣсь въ Хэ-си (т. е. на С. отъ Хуанъ-хэ) также въ концѣ IV в. (397 г.) небольшую династію южныхъ *Лянъ* или *Си-л'инъ* отъ имени своей столицы. Си-л'инъ, по свидѣтельству Клапрота и Ед. Біо ([6]), находился на мѣстѣ нынѣшняго Си-нина.

За тѣмъ Фа-хянь, *перейдя черезъ горы Янъ-лэу* (Yang-Leou) *прибылъ въ военный караулъ Чжанъ-л*, Tchang-y) ([7]). Чжанъ-ѣ есть нынѣшній Ганъ-чжеу (Kan-Tcheou). На пути туда изъ Си-нина путешественники конечно должны были переходить черезъ снѣжный хребетъ Ки-лянь-шань, отдѣляющій долину Уланъ-мурэни (Хуанъ-шуй, Да-т'унъ-хэ), отъ Западной дороги провинціи Ганьсу. По свидѣтельству Клапрота ([8]) самый высокій массивъ Ки-лянь-шаня, покрытый колоссальными глетчерами, означает-Тибетскимъ именемъ Амѣ-гангаръ-ола, что значитъ снѣжнобѣлая гора.

«Страна Чжанъ-ѣ была въ то время, какъ повѣствуетъ Фахянь, театромъ большихъ смутъ, что очень затрудняло сообщенія. Царь Чжанъ-ѣ, изъ участія къ путешественникамъ, удержалъ ихъ и облагодѣтельствовалъ. Они сошлись здѣсь съ новыми спутниками и, пробывъ тутъ нѣсколько времени, тронулись опять въ путь и прибыли въ Дунь-хуанъ (Thun-kouang) ([9]). Въ Чжанъ-ѣ, по свидѣтельству Аб. Ремюза ([10]), царствовала тогда династія *сѣверныхъ Лянъ*: смуты проистекали изъ войнъ, происходившихъ между этими маленькими государствами и сокрушившихъ ихъ впослѣдствіи. Нынѣшній Дунь-хуанъ лежитъ верстахъ въ 40 къ С. отъ нынѣшняго Ша-чжеу, древній же Дунь-хуанъ былъ, по свидѣтельству Клапрота ([11]), тоже что древній Ша-чжеу, находившійся верстахъ въ 20 къ З. отъ нынѣшняго. Мѣста Дунь-

---

(6) Foe-Koue-Ki p. 5. Ed. Biot. Dict. des villes chinoises. Paris. 1842 p. 172 Si-ning.

(7) Foe-Koue-Ki p. 2.

(8) Foe-Koue-Ki p. 5.

(9) Foue-Koue-Ki p. 2.

(10) Foe-Koue-Ki p. 5.

(11) Foe-Koue-Ki p. 6.

хуана и Хуа-чжеу перемѣщались, какъ кажется, нѣсколько разъ на небольшомъ районѣ.

«Здѣсь, повѣствуетъ Фа-хянь ([12]), находится система укрѣпленій, простирающаяся ли на 80 (40 в.) отъ В. къ З., и на 40 (20 в.) отъ С. къ Ю. Путешественники пробыли тутъ съ небольшимъ мѣсяцъ. Правитель Дунь-хуана — Ли-хао (Li-Hao) доставилъ имъ средства перейти черезъ песчаную рѣку Ша-хэ (т. е. Шамо, песчаную степь). Въ степи есть злые геніи и столь знойные вѣтры, что встрѣчающіеся съ ними умираютъ и никто не спасается. Въ степи этой нѣтъ ни птицъ, ни животныхъ и взоръ, ищущій какихъ бы то ни было примѣтъ для узнанія пути, не видитъ ничего кромѣ бѣлѣющихся костей погибшихъ животныхъ. Послѣ 15-ти дней пути черезъ эту пустыню, пройдя приблизительно 1500 ли, путешественники прибыли въ страну Шань-шань (Chen-chen). Клапротъ замѣчаетъ ([13]) что Дунь-хуанъ былъ уже со временъ династіи Хань очень важнымъ военнымъ пунктомъ. Правитель Ли-хао былъ основателемъ независимой династіи, отдѣлившейся отъ сѣверн. Лянъ, подъ именемъ *западныхъ Лянъ* (Си-лянъ). Царство Шань-шань находилось на Лобъ-норѣ, только Фа-хянь преувеличиваетъ ширину Шахэ или Шамо, которая составляетъ здѣсь не 1500, а 1100 ли (550 вер.). На этомъ основаніи путешественники проходили въ день верстъ 36, что есть довольно нормальная скорость степныхъ переходовъ.

Вотъ слѣдовательно какую картину представляла западная дорога провинціи Ганьсу съ наступленіемъ X вѣка. Владѣнія Цзиньской династіи, властвовавшей тогда въ Чанъ-'анѣ (Си-'Ань-фу), оканчивались горою Лунъ на границѣ нынѣшней Ганьсу. Въ провинціи же этой существовало тогда четыре независимыхъ княжества или династіи: западныхъ Цзинь, южныхъ, сѣверныхъ и западныхъ Лянъ. Первыя изъ этихъ династій бы-

(12) Foe-Koue-Ki p. 2.
(13) Foe-Koue-ki p. 6.

ли основаны Сяньбійскими, т. е. Корейскими племенами, которыхъ самыми могущественные предводители были въ то время Тоба, основывавшіе могущественную династію Юань-вэй въ Шаньсійской провинціи; послѣднія же были основаны Хуннскими или лучше сказать Туркскими племенами, находившимися еще не задолго передъ тѣмъ подъ владычествомъ Хун-ну.

Столица западныхъ Цзинь находилась въ 30 верс. къ Ю.-В. отъ Лань-чжеу, южныхъ Лянъ — въ нынѣшнемъ Си-нинѣ, сѣверныхъ Лянъ — въ нынѣшнемъ Гань-чжеу, западныхъ Лянъ — въ прежнемъ Ша-чжеу, въ 20 верс. отъ нынѣшняго. Города Су-чжеу несуществовало. Ша-чжеу былъ, какъ и нынѣ, крайнимъ предѣломъ населенной полосы, за предѣлами которой разстилались столь же негостепріимныя и безлюдныя какъ и нынѣ степи Шамо.

Хюань-цзанъ, второй изъ буддійскихъ миссіонеровъ, оставившихъ намъ реляцію своего путешествія ([14]), выѣхалъ изъ Китая въ Си-юй, т. е. западныя земли, въ 629 года. Отдаленною цѣлью Фа-хяня была также Индія, куда онъ ѣхалъ для изученія буддизма. Въ то время на китайскомъ престолѣ уже властвовала блистательная династія Танъ (618—907). Исходнымъ пунктомъ Хюань-цзана былъ городъ Лянъ-чжеу (Liang-Tcheou, въ нынѣшней Гань-су), который былъ въ то время важнымъ торговымъ и сборнымъ пунктомъ ([15]) для народовъ Хэ-си (на З. отъ Хуанъ-хэ) и для купцовъ изъ пограничнаго Сифаня. Въ Лянъ-чжеу Хюань-цзана ожидали нѣкоторыя препятствія: при новости администраціи династіи Танъ, Китайцамъ запрещено было выѣзжать въ чужіе край. Хюань-цзанъ рѣшился оставить городъ тайно и пробрался благополучно въ Гуачжеу (Koua-Tcheou) ([16]). Въ 50 ли (25 верс.) оттуда протекала рѣка Ху-лу (Hou-Lou), которой нижнее теченіе очень широко,

(14) St. Julien Hist. de la vie de Hiouen Thsang et de ses voyages dans l'Inde depuis 629 jusqu'en 645. Paris 8. 1853.

(15) St. Julien Hist. de la vie de Hiouen Thsang etc. p. 15.

(16) St. Julien Hist. etc. p. 17.

верхнее очень съужено (вѣроятно крутыми берегами). Волны ея вращаются постоянно и несутся съ такою силою, что невозможно переѣхать ее въ лодкѣ. При расширеніи рѣки устроена застава Юй-мынь-гуань (Yu-Men-Kouan), которой нельзя миновать и которая служитъ воротами западныхъ границъ. Къ С.-З. отъ этой заставы находятся еще пять сигнальныхъ башенъ, снабженныхъ стражею. Онѣ расположены въ сто ли разстоянія (50 верс.) одна отъ другой. Въ ихъ промежуткахъ нѣтъ ни воды, ни пастбищъ, а за ними простирается пустыня Маха-янъ (Mo-Kia-Yen) и граница царства Иту (Jgou).

Такъ какъ Хюань-цзанъ не входитъ ни въ какія подробности о пути своемъ отъ Ляоъ-чжеу до Гуа-чжеу, то не удивительно, что онъ не упоминаетъ о Гань-чжеу. Рѣка Ху-лу есть Булангиръ-голъ, называемый и нынѣ по кит. Су-лай или Холай-хэ. Изъ показаній о ней Хюань-цзана слѣдуетъ, что эта рѣка пробивается дикими ущельями черезъ очень гористую страну и выходитъ на нагорную, ровную степь только значительно западнѣе меридіана Гуа-чжеу. Слѣдов. Булангиръ до этого меридіана есть стремительная горная рѣка, что совсѣмъ нельзя было бы заключить изъ европейскихъ картъ, на которыхъ ей придавъ характеръ степной рѣки. Вотъ важный результатъ для географіи этой части Азіи, а другой еще важнѣйшій есть *положительное данное* о знаменитомъ горн. проходѣ Юй-мынь-гуань, съ помощью котораго предстоитъ возможность опредѣлить его положеніе. Показаніе государственной географіи, по которому Юй-мынь-гуань находится въ 200 ли (100 вер.) къ З. отъ Кяюй-гуаня ([17]), не имѣетъ слѣдовательно ни малѣйшаго основанія и совершенно ошибочно. Приводимое же Іакинѳомъ показаніе государственной географіи, на основаніи котораго Іакинѳъ нанесъ Юй-мынь-гуань на свою карту, также не совсѣмъ правильно. Іакинѳъ нашелъ именно въ государственной географіи ([18]), что Юй-мынь-гуань лежитъ въ 150 ли къ З. отъ Дунь-

(17) См. выше ст.

(18) Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи Геогр. указ. ст. 110.

хуана. Такъ какъ Хюань-цзанъ говоритъ положительно, что Юй-мынь-гуань расположенъ на р. Булангирѣ, то отъ Дунъ-хуана онъ лежитъ не на З., а на С.-З. Что же касается до приводимаго Іакинѳомъ разстоянія 150 ли, то оно довольно вѣрно, потому-что Хюань-цзанъ прибылъ изъ Гуа-чжеу въ Яй-мынь-гуань на третій день, слѣдовательно разстояніе между обоими пунктами должно составлять около 70 верстъ. Отсюда мы можемъ заключить что знаменитый *Яй-мынь-гуань находится на р. Булангиръ, верстъ 15—20 ниже впаденія въ нее р. Сиргаль-цзина, приблизительно въ меридіанѣ 93° в. дол. отъ Пар., верстахъ въ 70 къ С.-З. отъ Гуа-Чжеу. Яй-мынь-гуань есть ущелье или ворота, черезъ которыя пробивается р. Булангиръ изъ горнаго массива на ровную нагорную степь.*

Возвращаемся къ реляціи Хюань-цзана. Въ Гуа-чжеу онъ встрѣтилъ новыя препятствія для дальнѣйшаго путешествія. По счастію однакоже одинъ молодой варваръ вызвался вывести его за границу. Этотъ варваръ привелъ къ Хюань-цзану старика, хорошо знавшаго всѣ дороги, который сказалъ миссіонеру ([19]): «дороги Запада дурны и опасны, путешественники бываютъ остановлены, то песчаными рѣками (полосами сыпучаго песку), то демонами и злыми вѣтрами. При встрѣчѣ съ ними нѣтъ спасенія. Часто многочисленныя караваны, потерявъ дорогу, погибаютъ». Разсказъ о демонахъ напоминаетъ слова М. Поло, проѣзжавшаго въ той же странѣ 650 лѣтъ спустя ([21]): «если случится, говоритъ Венеціанецъ, одному путнику отдѣлиться отъ своихъ товарищей, то онъ слышитъ кругомъ себя голоса, зовущіе его по имени и приводящіе туда гдѣ онъ, потерявъ дорогу, находитъ свою смерть. Иногда же духи пустыни представляются слуху, какъ цѣлый легіонъ инструментовъ и барабановъ».

Не смотря на предостереженіе старика Хюань-цзанъ отпра-

---

(19) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. 20.

(20) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. XLI и XLII.

вился въ путь, въ сопровожденіи молодаго варвара. На *третій* день они прибыли къ рѣкѣ Ху-лу и увидѣли издали заставу Юй-мынь-гуань. Въ 10 ли (5 верс.) отъ (ниже) верхняго теченія, гдѣ возвышалась застава, оба берега рѣки были раздѣлены только разстояніемъ чана (10 фут.). Вблизи находилась роща У-т'унъ. Молодой варваръ срубилъ здѣсь деревья и построилъ родъ моста, который покрылъ хворостомъ и пескомъ, такъ что черезъ этотъ мостъ Хюань-цзанъ могъ переѣхать на лошади. Переночевавъ здѣсь Хюань-цзанъ уже отправился на другой день одинъ въ пустыню, потому-что молодой спутникъ его не рѣшился за нимъ слѣдовать. Кости лошадей и пометъ, встрѣчаемые имъ на пути, руководили его направленіе. Миражъ представлялъ путешественнику фантастическіе образы. Онъ видѣлъ передъ собою то сотню вооруженныхъ воиновъ, то верблюдовъ и великолѣпно убранныхъ лошадей, то блестящія копья и знамена. Одни фигуры замѣнялись другими, одни сцены превращались въ другія, но все исчезало, по мѣрѣ приближенія. Сначала Хюань-цзанъ принималъ эти призраки за разбойниковъ, но потомъ ободрился, потому что ему казалось что онъ слышитъ въ воздухѣ голосъ: «не бойся ничего». Пройдя 80 ли онъ прибылъ къ первой сигнальной башнѣ; здѣсь онъ сдѣлалъ привалъ, спрятавшись до ночи въ песчаномъ руслѣ высохшей рѣки, и только ночью отправился съ ведромъ за водою. Двѣ стрѣлы просвистали надъ его головою: онъ былъ замѣченъ сторожами башни, которые тотчасъ привели его къ своему начальнику. Офицеръ этотъ, послѣ распросовъ, обошелся съ нимъ хорошо и накормилъ его, на другой день указалъ ему путь У четвертой башни опять стрѣла просвистѣла надъ головою миссіонера. Хюань-цзанъ рекомендовалъ себя здѣсь отъ имени начальника 1-й башни. Офицеръ обошелся съ путешественникомъ благосклонно, и не совѣтуя ему ѣхать мимо 5-й башни, указалъ ему на источникъ дикихъ лошадей Ѣ-ма-цюань (Ye-Ma-Thsiouen), находившійся въ 100 ли (50 вер.) отъ 4-й башни, какъ на удобное мѣсто для привала. Недалеко отсюда Хюань-цзанъ вступилъ

въ пустыню Маха-янъ-цзы (Mo-Kia-Yen-Tse), имѣющую 80 ли (40 вер.) ширины и называемую древними Ша-хэ или песчаною рѣкою. Здѣсь нѣтъ ни птицъ, ни животныхъ, ни воды, ни пастбищъ. Для того чтобы ориентироваться въ этой пустынѣ путешественникъ долженъ былъ смотрѣть на направленіе своей тѣни. Миражъ опять окружалъ его своими фантастическими видѣніями. Пройдя около 100 ли (50 вер.) Хюань-цзанъ заблудился ([21]) и къ довершенію несчастія пролилъ нечаянно свой запасъ воды, сохраняемый въ мѣхѣ. Онъ рѣшился слѣдовать прямо къ С.-З., но блуждалъ 4 дни и 5 ночей, не встрѣчая ни капли воды. Наконецъ на 5-й день, подкрѣпивъ себя спомъ и молитвою, онъ неожиданно набрелъ на зеленыя пастбища и небольшой прудъ прозрачной и глубокой воды. Здѣсь онъ отдыхалъ цѣлый день, и отсюда черезъ два дня пути вышелъ изъ песчаной степи и прибылъ ([22]) въ Игу (Igu), т. е. нынѣшній Хами.

---

§ 23.

Изложеніе VI. *Отношеніе дорогъ: сѣверной, монгольской черезъ Инь-шань, восточной, Маньчжурской чрезъ Хинъ-ганъ, и западной, Туркестанской, вдоль Сюэ-шаня.* 1) *Городъ Хухухотонь и древнія поселенія.* 2) *Инь-шань, убѣжище Хунъ-ну и Хой-ху.*

Дорога изъ Пекина, вдоль сѣверной границы, привела насъ уже выше (стр. 469) за ворота великой стѣны Ша-ху-к'эу на 15 геогр. миль къ С.-З. къ гор. Ху-ху-хотонь на рѣку Тургэнь до Хуанъ-хэ и до подножія лѣсистаго Инь-Шань, котораго цѣпь полагаетъ здѣсь предѣлъ съ юга суровой степи Гоби.

(21) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. 29.

(22) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. 31.

Мѣстность эта, которой отношенія дѣлаются понятнѣе послѣ разсмотрѣнія съ З. и съ В. сѣверной границы между нагорьемъ и низменностью, имѣетъ только *по положенію* своему болѣе важное значеніе. Потому она заслуживаетъ еще ближайшаго разсмотрѣнія по своимъ отношеніямъ съ исторіею рода человѣческаго, а не по существу ея собственной природы, либо культуры, такъ какъ первая доныпѣ еще мало извѣстна, а вторая никогда не имѣла не только благодѣтельнаго характера, но и вообще какого либо богатаго результатами вліянія.

Положеніе ея именно значительно потому, что здѣсь, при крайнемъ, сѣверномъ поворотѣ Хуанъ-хэ, сама природа произвела глубоко вдающійся въ нагорье прорывъ, гдѣ долина, способная къ осѣдлой цивилизаціи, граничитъ съ горнымъ хребтомъ и нагорнымъ песчанымъ моремъ Гоби или Шамо. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ глубокая долина колоссальной, континентальной рѣки не проникаетъ такъ глубоко въ замкнутый горный массивъ, а потому здѣсь, съ древнѣйшихъ временъ, была пробита ближайшая дорога, поперегъ Гоби, съ сѣверной стороны на южную, хотя въ проложеніи этой дороги не было большой надобности. Это было въ древнѣйшія времена Хунну и повторялось во времена Хя (400 г. нашей эры) и Ту-кю (Дукюэ, Tu-khiu) изъ Холина и во время распространенія Монголовъ изъ Каракорума (1200 г. нашей эры). Но такъ какъ въ слѣдующія столѣтія центры цивилизаціи съ С. З. Китая, изъ провинцій Шаньси и Шэньси, перенесены были на С. В. въ Пекинъ, въ Чжилійской провинціи, то и караванная и военная дорога, уничтожившаяся здѣсь со времени упадка Кара-Корума, должна была перепестись далѣе на В. и разцвѣла въ новѣйшія столѣтія между Кяхтою, Ургою и Пекиномъ. Еслибъ здѣсь, при изгибѣ Хуанъ-хэ, какъ тому уже нѣсколько разъ было положено начало (во время Хунну, Хя, Ванъ-хана и новѣйшихъ Кутухтъ), образовалась столица значительнаго цивилизованнаго государства, то кратчайшая и прямѣйшая изъ всѣхъ поперечныхъ дорогъ, черезъ нагорную Гоби изъ Ху-ху-хотоня въ Ка-

ра-корумъ или черезъ Ургу въ Кяхту, заслуживающая вполнѣ названіе сѣверной пріобрѣла бы еще большее міровое, историческое значеніе. Но эта *сѣверная* дорога черезъ Инь-шань, хотя учрежденная съ древнѣйшихъ временъ, очень отстала въ своемъ развитіи въ сравненіи съ проложенною только со времени Маньчжурскаго владычества *восточною* въ Китай черезъ Хинъ-ганъ, и съ *западною* вдоль Сюэ-шаня черезъ Ганьсу. Однакоже эту дорогу, по природѣ ея, должно назвать *большою Монгольскою*, между тѣмъ восточная заслуживаетъ названіе *Маньчжурской* а западная — Туркестанской. Все что мы должны сказать объ этой части окраины нагорья ограничивается въ сущности слѣдующимъ:

1. *Городъ Ху-ху-хотонь* (Khu-Khu-Khotun у Клапрота, Kou-Kou-Hotun у Дегиня, Hou-Hou-hotun у Жербильона), по Китайски Гуй-хуа-ченъ лежитъ подъ 40° 49′ 20″ С. ш. и 4° 45′ 15″ З. д. отъ Пекина. О. Жербильонъ (1) который посѣщалъ нѣсколько разъ этотъ городъ, есть единственный (*) очевидецъ, опредѣляющій, намъ его положеніе подъ 40° 54′ С. ш., мы послѣдуемъ прежде всего его показаніямъ. Городъ Ху-ху-хотонь расположенъ въ 15 Г. м. (200 ли) къ С.-З. отъ воротъ Ша-ху-к'эу; на пути отъ В. къ З. достигаешь до него, слѣдуя по равнинѣ, имѣющей отъ 3 до 4 часовъ ширины; къ Ю.-З. и Ю., т. е. къ Хуанъ-хэ, долина эта необозрима; къ Ю.-В., въ направленіи къ стѣнѣ, возвышаются холмы; самая равнина была (въ 1688 г.) во многихъ мѣстахъ обработана, и кое-гдѣ лежали деревеньки, состоящія каждая изъ 7 или 8 землянокъ.

Только въ одной милѣ къ Ю.-В. отъ города находились развалины стараго города изъ временъ Монгольской династіи (**),

---

(*) См. выше въ дополн. къ § 19 показаніе новѣйшихъ очевидцевъ Хюка и Габе о Ху-ху-хотонѣ. — *Пр. Пер.*

(1) Gerbillon Voy. V. у Du Halde IV. p. 121, p. 527.

(*) Я полагаю что эта развалина представляетъ остатки древняго города Ченъ-ло. Городъ этотъ существовалъ съ самаго начала нашей эры, при династіи Хань, и былъ главн. городомъ области Динъ-хяль; въ III вѣкѣ онъ служилъ резиденціею

на одномъ изъ притоковъ Тургэня; стѣны его обрушились, но 8 этажная, 8 угольная башня, (такія пирамидальныя постройки называются Субарханами), въ 100 ф. высоты, построенная хотя грубо, но не безъ граціи, изъ бѣлыхъ кирпичей, со статуями на всѣхъ фасахъ, показывала, что здѣсь было когда-то пребываніе служителей Фо и покровителей ихъ Монгольскихъ властителей. Башня эта принадлежитъ къ знаменитостямъ страны и называется Чаганъ-Субарханъ (Tsahan-Subarhan) (2), т. е. бѣлою пирамидою. Здѣсь императоръ Канъ-хи, въ лагерѣ своемъ, принималъ торжественно вышедшихъ къ нему на встрѣчу съ поклонами ламъ изъ сосѣдняго города.

Ху-ху-хотонъ есть небольшой городъ, который въ прежнія времена властвованія Монгольскихъ государей (дин. Юань) былъ очень посѣщеннымъ и значительнымъ рынкомъ, и уже гораздо ранѣе, въ IX вѣкѣ, при династіи Танъ (3), около 850 года, онъ упоминается подъ Китайскимъ именемъ Гуй-хуа-чена, какъ важный пограничный городъ государства на С., съ пограничничною стражею. Кирпичныя стѣны еще цѣлы. Жилища нынѣшняго города простыя землянки, но пагоды ламъ великолѣпнѣе, чѣмъ большая часть видѣнныхъ Жербильономъ въ Китаѣ. Предмѣстья лучше выстроены и очень населены; Монголы и Китайцы смѣшаны здѣсь. Въ то время (въ 1688 г.) была здѣсь резиденція императорскаго правленія (3), потому что владычество Маньчжуровъ только еще распространялось отъ Китайскихъ стѣнъ, черезъ страны западныхъ, тогда еще независимыхъ Монголовъ или Халхасовъ и Элютовъ, и не достигало черезъ степь Гоби до Селенги и Кяхты. Знаменитый китайскій

Дому Тоба, переименовавшемуся впослѣдствіи въ династію Юань-вэй, знаменитую въ Китайской исторіи. На картѣ О. Іакинѳа, приложенной къ его исторіи азіатскихъ народовъ положеніе древняго Чень ло отнесено, слишкомъ далеко на З. О городѣ Чень-ло см. Геогр. указ. ст. 93 — *Пр. Пер.*

(2) Gerbillon Voy. VI. 1696 p. 430, 343. P. Gaubil Hist. des Tang. въ Mem. XVI. p. 43.

(3) Gerbillon Voy. I. въ пр. с. p. 122.

полководецъ Фэй-янъ-гу или Фэй-янъ-гу-бо (Feang-pe, Бо т. е. графъ), побѣдитель Элютовъ, во времена императора Канъ-хи, имѣлъ здѣсь пребываніе, какъ пограничный генералъ-губернаторъ (4). Новыхъ очевидцевъ этихъ мѣстностей не было (*). Мѣсто это, какъ пограничное и важное для торговли Шань-си, Шэнь-си, Ганьсу и Гоби, имѣло значеніе, которое съ тѣхъ поръ должно было утратиться, когда все нагорье къ С. и С.-З. подпало подъ Китайское владычество, и возникли прямыя сообщенія изъ Пекина съ родиною Чингисъ-Хана на Орхонѣ и при Алтаѣ по Кяхтинской дорогѣ (*). Однакоже Ху-ху-хотонь остался еще главнымъ рынкомъ этой степной страны, вмѣстѣ съ городами обработанной, богатой и густо населенной провинціи Шэнь-си. Прямо къ З. отъ Ху-ху-хотоня находится входъ въ великую стѣну, ведущую на С. прямымъ путемъ къ новѣйшей Кяхтѣ, а на С.-З.—къ древнему Кара-коруму. Къ Ю.-В. только два дня пути (180 ли) до Шаньси, а къ Ю.-З., немного далѣе, въ разстояніи около $15^1/_2$ г. м. (210 ли) (5), протекаетъ широкій Хуанъ-хэ. Въ эту сторону страна имѣетъ форму незамѣтно понижающейся равнины, по которой рѣка Хуху-хотоня — Тургэнь направляется къ Ю.-З., впадая въ Хуанъ-хэ близъ города Тохто (Toto). Равнина обработана и покрыта деревьями; когда Жербильонъ, 10 лѣтъ спустя послѣ своего перваго посѣщенія, прибылъ сюда, во второй разъ (1696), и нѣсколько тысячъ Элютовъ съ женами и дѣтьми, вслѣдствіе послѣдней войны противъ сверженнаго Элютскаго Галдана, привезены были сюда какъ плѣнники и невольники, императоръ Канъ-хи выкупилъ ихъ всѣхъ и поселилъ въ окрестностяхъ. Также здѣсь, въ 1691 г., послѣ торжественнаго акта подданства угрожаемыхъ Элютами Халхасскихъ Монголовъ, признав-

(4) Mailla Hist. gén. de la chine T. XI. p. 176 etc.

(*) Хюкъ и Габе посѣтили Ху-хотонь въ новѣйшее время; свѣдѣнія ими сообщенныя см. въ дополненіи къ § 19. — *Пр. Пер.*

(**) Впрочемъ и теперь Ху-ху-хотонь имѣетъ большое торговое значеніе. — *Пр. Пер.*

(5) Gerbillon Voy. VI. y Du-Halde IV. p. 433

шихъ свою вассальную зависимость отъ императора, Канъ-хи пожаловалъ разнымъ халхасскимъ князьямъ и ханамъ земли (6) около Ху-ху-хотоня. Такимъ образомъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, до нынѣшнихъ Тумотовъ, происходили здѣсь временныя колонизаціи, которыя разцвѣтали и исчезали съ перемѣнами въ судьбахъ сосѣднихъ номадовъ, какъ-то доказываютъ селенія, лежащія и донынѣ въ развалинахъ. Такъ въ 7 г. м. отъ Ху-ху-хотоня, между разбросанными нивами и деревнями, лежатъ остатки другаго древняго монгольскаго города династіи Юань, при которой въ особенности страна эта процвѣтала, о чемъ къ сожалѣнію мы не находимъ ни опредѣленныхъ именъ, ни данныхъ въ монгольской исторіи. Великій Хубилай-ханъ имѣлъ здѣсь вѣроятно часто свое пребываніе, и венеціанецъ М. Поло направился къ резиденціи своего мецената въ Чжили (Pe-Tcheli) черезъ Шанъ-хя и эту страну, которую онъ называетъ Тендухомъ.

Жербильонъ не сообщаетъ прежняго названія этого разрушеннаго города, но въ прежнія времена на сей плодородной почвѣ стояли многіе города; въ упомянутой же развалинѣ, близъ деревни Дарханъ-хашань (Tarchan-Cajan) (7), стоялъ еще одинъ Субарханъ, т. е. пирамидальная башня пагоды. Окрестная мѣстность совершенно безлѣсна. Сюда вышли чиновники императорскаго трибунала провинціи Шань-си, на встрѣчу высокому путешественнику, котораго сопровождало изъ Ху-ху-хотоня собраніе ламъ и большая свита кочующихъ князей Халхассовъ, Монголовъ и Элютовъ. Эта мѣстность (8) есть одна изъ самыхъ населенныхъ и обработанныхъ за Великою стѣною, и доставляетъ даже хорошія жатвы рису. Только въ 10 часахъ (70 ли) отъ Хуанъ-хэ при деревнѣ Ли-су опять стояла пагода. Отсюда дорога шла все по ровной и плодородной равнинѣ, въ направле-

(6) Gerbillon Voy. IV. 1631. y Du-Halde IV. p. 314, 333.
(7) Gerbillon Voy. VI. Ibid. p. 433, 444.
(8) Mailla Hist. gen. de la Chine T. XI. p. 240.

ніи къ Великой рѣкѣ, къ мѣстечку Ху-тʻань-хоша (Hou-Tan-Hoja), по кит. Тохто-чэнъ (Toto-Sching), гдѣ началась неровная, холмистая поверхность, съ песчаною и кремнистою почвою, продолжающуюся отсюда и черезъ весь Ордосъ; въ этой почвѣ Хуанъ-хэ безспорно прорылъ и промылъ себѣ русло. Только въ одномъ часѣ пути отъ этого мѣста, гдѣ утромъ былъ лагерь, показались, у Тохто, при впаденіи Тургэня, опять развалины довольно большаго города, котораго земляной валъ еще сохранился, но который имѣлъ очень мало жителей во внутренности своей. Эти развалины Дегинь (9) принимаетъ за древній, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей построенный въ 413 г. городъ Дунъ-ванъ-чэнъ (Toung-Wan-Tching) царства Хя, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Въ то время, въ царствованіе Канъ-хи, устроенъ былъ здѣсь большой рисовый складъ, для снабженія провіантомъ войскъ, которыя, въ это безпокойное военное время, когда на С. и С.-З. должно было разрушить власть халхасскихъ и элютскихъ хановъ, часто проходили взадъ и впередъ по этой странѣ. Низкіе песчаные холмы огибаютъ здѣсь полулуніемъ берегъ Хуанъ-хэ; вдоль его, съ шириною получаса пути, простирается до большаго изгиба Желтой рѣки, которая здѣсь стремительно течетъ къ Ю., плодородная, покрытая нивами равнина, по которой императоръ, какъ первый стрѣлокъ изъ лука въ своемъ государствѣ, дошелъ до ложа рѣки, потому что онъ хотѣлъ измѣрить ширину ея полетомъ своихъ превосходныхъ стрѣлъ. Онѣ перелетѣли почти всѣ, къ радости его, на противулежащій берегъ, удаленный слѣдовательно на разстояніе полета стрѣлы, и когда императоръ, прилежный ученикъ отцовъ-іезутовъ въ евклидовой геометріи, которую онъ заставлялъ преподавать себѣ во время путешествія, на другой день измѣрялъ своимъ секстаномъ ширину рѣки въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ,

---

(9) Deguignes Gesch. d. Hunnen T. III. p. 258.

то онъ нашелъ ее въ 108 (*) кит. шаговъ ([10]). Отцы-іезуиты въ болѣе широкихъ мѣстахъ, соотвѣтствовавшихъ полулунному ряду холмовъ, нашли ширину рѣки въ 120 туаз. (720 ф.). Около 20 барокъ стояли здѣсь въ готовности для переѣзда императора; но вся многочисленная свита съ багажемъ переправилась близъ Тохто черезъ Тургэнь, уже покрытую льдомъ, и слѣдовала нѣсколько вверхъ по Хуанъ-хэ, до урочища, гдѣ на лугахъ, наполненныхъ перепелами, фазанами, зайцами, и мелкою дичью постоянно производилась охота въ травѣ человѣческаго роста, между тѣмъ какъ ледъ на великой рѣкѣ былъ уже такъ крѣпокъ (30 ноября 1696), что онъ служилъ мостомъ для перехода на южный, правый берегъ рѣки въ Ордосъ.

Здѣсь пробылъ императоръ, занимаясь охотою, нѣсколько недѣль, за тѣмъ возвратился черезъ рѣку въ лагерь свой при Тохто (26 дек.), и оттуда кратчайшимъ путемъ къ воротамъ Великой стѣны—Ша-ху-кэу. Такъ какъ путь этотъ между Тургэнью и ю.-в. параллельнымъ съ нею притокомъ Хуанъ-Хэ—Уланъ-мурэнемъ (гдѣ по свид. Кит. Гос. Геогр. находятся развалины города Хутанъ-хоша, которыхъ впрочемъ Жербильонъ какъ кажется не видѣлъ), приводитъ назадъ на В. въ Шаньси путешественника по той же равнинѣ, то мы знакомимся, при этомъ быстромъ переходѣ, съ природою страны, подобною той, какую встрѣчаемъ на сѣверномъ пути въ Ху-ху-хотонь. Однакоже здѣсь поднимается уже большое число возвышеній, безъ камней, скалъ и лѣсовъ; съ луговыми скатами, которыя обилуютъ птицами и газелями (желтыми козами). Дорога слѣдовала черезъ долину, простирающуюся между этими горами отъ З. къ В., и проходила, на краткомъ дневномъ переходѣ въ 6 миль (80 ли), мимо

---

(10) Gerbillon Voy. VI. Ibid. p. 480.

(*) Въ 360 ф. стрѣла, пущенная императоромъ, упала еще за 50 шаговъ за берегомъ. Урочище, гдѣ это происходило, въ 10 ли отъ Тохто, называется Ху-т'ань, пэ-хэ, а переправа Цзюнь-цзы-гинь. На ней въ V в. существовалъ мостъ, и она находилась, по свидѣтельству государствен. географіи, между двумя развалинами двухъ древнихъ городовъ Чжень-лу-чэнъ и Т'унь ю чэнъ. См. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. II стр. 308 и 309. — *Пр. Пер.*

развалинъ двухъ или трехъ городовъ (11), отъ которыхъ уцѣлѣли еще земляные валы. На В. отъ нихъ былъ сдѣланъ привалъ, при урочищѣ Халюссутай, на стоячей водѣ, покрытой льдомъ. На слѣдующій день, перейдя только черезъ одну высоту, достигли долины, имѣвшей полчаса ширины и простирающейся, какъ и предъидущая, отъ В. къ З.; на восточномъ концѣ ея Уланъ-мурэнь направляется къ З. и впадаетъ, какъ уже мы сказали выше, также въ Хуанъ-хэ.

И въ этой очень плодородной и удобной для земледѣлія долинѣ Жербильонъ видѣлъ развалины города, который былъ нѣкогда значительнымъ, во время монгольской династіи, но теперь представляетъ только остатки земляного вала. Онъ назывался Уланъ-балгассунь (Ulan-palasson), у Китайцевъ Хунъчэнъ (Hung-Tching) (*). Отсюда на В. остается еще 8 геог. м. (105 ли) до воротъ стѣны Ша-ху-к'эу. Изъ того слѣдуетъ что этотъ монгольскій городъ, подобно многимъ другимъ на З. отъ Хуанъ-хэ, былъ выстроенъ для ламъ, съ монастырями и пагодами или съ лѣтними и охотничьими дворцами, за стѣною, на прохладной южной окраинѣ нагорья, какъ о томъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ М. Поло. Всѣ эти города были разрушены во время войнъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ паденіе династіи Юань и изгнаніе ея изъ Китая династіею Минъ; и отъ пагодъ остались также только развалины, потому что приверженцы китайскихъ боговъ старались вытѣснить, вмѣстѣ съ буддизмомъ, чуждое имъ сословіе столь возвышенныхъ и размноженныхъ Монголами ламъ. М. Поло говоритъ, что во многихъ изъ буддійскихъ монастырей и ламайствъ было до 2000 ламъ, которые сами по себѣ составляли уже слѣдовательно небольшіе города (12). Поддержанная Манчьжурами, свергнувшими династію Минъ, ла-

(11) Gerbillon Voy. VI. Ibid. p. 441 и т. д.

(*) Хунъ-чэнъ или Уланъ-балгассунь на картѣ Клапрота (вѣроятно ошибочно) нанесенъ на Хуанъ-хэ, при впаденіи въ него Уланъ-Мурэни, въ разстояніи отъ Шаху-к'эу равномъ разстоянію Ху-ху-хотона отъ тѣхъ же воротъ. *Пр. Пер.*

(12) M. Polo у Ramusio. T. II. fol. 18 и 19.

майская религія поднялась снова и сдѣлалась и въ этой странѣ, какъ мы узнаемъ изъ повѣствованій всѣхъ іезуитскихъ миссіонеровъ начала XVIII вѣка, преобладающею между номадами. На эту мѣстность, наполненную развалинами городовъ, падаетъ путь М. Поло, описываемый имъ отъ страны Тендухъ на В. къ Чаганъ-нору и Шанду, императорскому охотничьему замку того времени. Онъ ѣхалъ верхомъ 7 дней ([13]) черезъ эту страну все на В., къ Китаю (Cataja), и встрѣчалъ здѣсь много городовъ и замковъ, и въ нихъ много идолопоклонниковъ, но также и нѣкоторыхъ магометанъ и несторіанскихъ христіанъ. Сіи послѣдніе жили торговлею и промышленностью. Здѣсь ткали прекрасныя золотыя парчи, украшенныя перламутромъ и различныя разноцвѣтныя шелковыя ткани. Всѣ здѣсь были подданными великаго хана. Одинъ изъ городовъ — Синдиченъ (Sindichin, Sindicin, Sindacui) былъ знаменитъ своими фабриками оружія, и заготовленіемъ всѣхъ предметовъ для потребностей арміи; въ гористой части страны лежало мѣсто Идифа (Idifa), съ богатымъ серебрянымъ рудникомъ, въ которомъ добывалось большое количество этого металла. Черезъ три дня пути на В. отъ сей провинціи или города (Тендуха? или Синъ-ди ченъ?), до котораго какъ кажется простирался Тендухъ на В., достигъ онъ до охотничьяго замка и города при Чаганъ-норѣ или бѣломъ озерѣ.

Еще неудалось ([14]) опредѣлить въ точности положенія и настоящаго имени упомянутаго города, котораго названіе вѣроятно искажено переписчикомъ (Синдиченъ можетъ быть вмѣсто Хунъ-чэнъ); столь же мало имѣемъ мы послѣдующихъ свѣдѣній о какомъ бы то ни было серебряномъ рудникѣ, однакоже этотъ расказъ М. Поло не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, а изъ послѣдующаго, по изысканіямъ Клапрота, оказывается опредѣлительно, что Тендухъ не можетъ быть ничто

(*) И теперь въ городѣ Ху ху-хотонь, по свидѣт. новѣйшаго миссіонера Хюка, считается до 20,000 ламъ. См. выше. *Пр. Пер.*

(13) M. Polo c. 53. fol. 16 y Ramusio; Ibid. ed. Marsden ch 54. p. 242.

(14) W. Marsden ed. M. Polo not. 459. pag. 247.

другое, какъ уже описанный изгибъ Хуанъ-хэ, съ Тургэнемъ и окрестностями Ху-ху-хотоня.

Какъ Ху-ху-хотонь, во времена императора Канъ-хи, сдѣлался снова главнымъ мѣстопребываніемъ ламъ, а впослѣдствіи и боготворимаго Кутухты, такъ, гораздо ранѣе, во времена М. Поло, онъ былъ резиденціею тогда такъ называемаго Пресвитера Іоанна, и самъ Клапротъ призналъ опять описываемую страну бывшимъ пребываніемъ этого, такъ называемаго христіанскаго царя, затемненнаго столькими баснями ([15]).

2. *Инь-шань.* Мы говорили до сихъ поръ только о части этой страны до сего города и рѣки Тургэня, потому что только до сихъ простираются описанія европейскихъ очевидцевъ, а также и болѣе точныя начертанія картъ; все что лежитъ на С. З. отъ этого притока Хуанъ-хэ, не видано было конечно ни однимъ европейцемъ, и слѣдовательно въ дальнѣйшемъ описаніи этой страны Тендухъ, оставленной въ пробѣлѣ и на картахъ, мы можемъ только руководствоваться неопредѣленными описаніями туземныхъ авторовъ и лѣтописей.

О. Жербильонъ говоритъ еще, какъ мы упоминали выше, какъ очевидецъ ([16]), что къ С. и С.-З. отъ Хуху-хотоня поднимаются высокія горы, поросшія лѣсомъ. Это есть высокій Инь-шань, о которомъ уже было упомянуто выше, тотъ самый на который А. Гумбольдтъ смотритъ какъ на восточное продолженіе второй (отъ С.) параллельной великой системы центральной Азіи — Тянь-шаня или Небесныхъ горъ, потому-что онъ, подобно сему послѣднему, продолжается между 41° и 42° с. ш., въ томъ же направленіи простиранія (Streichungslinie) отъ З. къ В., и въ такомъ случаѣ дѣйствительно служитъ соединительнымъ звѣномъ Тянь-шаня съ разсмотрѣнною нами южною окраинною нагорной Гоби и отдаленнымъ восточнымъ Чанъ-бошанемъ, на сѣверной границѣ Кореи. Однакоже самъ Гум-

---

(15) Klaproth sur le pays de Tenduc въ Journ. Asiat. IX. Paris 1826. p. 299—306.
(16) Gerbillon Voy. I. y Du Halde IV. p. 12.

больдтъ замѣчаетъ ([17]), что тамъ гдѣ нагорная степь Гоби, къ С.-З. отъ изгиба Хуанъ-хэ, достигаетъ можетъ быть самой большой высоты своего надутія, исполинскій горный хребетъ, приходящій съ З. (т. е. Тянь-шань), начинается снова на В., при сѣверномъ изгибѣ Желтой рѣки, только послѣ перерыва по крайней мѣрѣ въ 10° долготы (здѣсь болѣе 100 геогр. м.), и притомъ нѣсколько южнѣе, достигая впрочемъ снова до предѣловъ вѣчнаго снѣга. Здѣсь будетъ рѣчь объ этомъ хребтѣ, только начиная отъ сей метаморфозы, слѣдов. объ Инь-шанѣ въ тѣсномъ смыслѣ, о хребтѣ, который полагаетъ здѣсь границу Гоби съ сѣверной и сѣв.-западной своей стороны, а Великой рѣкѣ съ южной и юго-западной, и на южномъ и юго-восточномъ склонѣ котораго лежитъ страна Тендухъ, а на сѣверномъ и сѣверо-западномъ разстилается самая дикая часть Гоби.

Этотъ *Инъ-шань* ([18]) поднимается быстро и круто, только въ 3 мил. (38 ли) къ С.-З. отъ многоупоминаемаго города (Ху-ху-хотоня), къ С. отъ Ордоса и З. отъ Ойрата, и продолжается на 37 г. м. (500 ли) на С. отъ Ху-ху-хотоня. Онъ имѣетъ различныя, очень высокія вершины, имѣющія различныя наименованія. У Монголовъ называется онъ *Онгинъ-ола* (Onghin-Oola, Ongon-Alin ([19]) по маньчж. у Д'анвиля; Ong-Ku). Названіе Инь-шань есть древнее китайское, впрочемъ онъ называется здѣсь еще *большимъ синимъ горнымъ хребтомъ* (*) ([20]) и достигаетъ предѣловъ вѣчнаго снѣга. Онъ простирается отъ 104° до 110° в. долг. отъ Пар. или отъ восточной границы Чароса и западной границы страны монгольскихъ ордъ Ойратовъ, здѣсь

(17) A. Humboldt üb. Bergkett. und Vulcan. v. Inner Asien въ пр. с. p. 15; Klaproth Asia polyglotta p. 203, Его же Tabl. histor. de l'Asie p. 97.

(18) Thai-Thsing-y-Thoung-Tschy т. е. государственная географія Маньчжу въ Timkowsky Voy. II. p. 167.

(19) Deguignes Gesch. d. Mongolen bei Dähnert T. I p. 59.

(*) Да-цзинь-шань. — *Пр. Пер.*

(20) Klaproth Tabl. hist. de la l'Asie p. 97 и Asia polygl. l. c. Mém. relatifs à l'Asie I. p. 468.

встрѣчающихся до р. Тургэня, къ С. отъ Ху-ху-хотоня. Цѣпи его острыхъ и крутыхъ скалъ имѣютъ у сосѣднихъ Монголовъ различныя названія. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ отъ З. къ В. суть: во первыхъ Мона (Monna, Muna), о которой мы уже говорили выше, какъ о мысѣ Мона-хошa (Mona-Hojo), при поворотѣ Хуанъ-хэ (*). Монгольская исторія, называющая эту гору, даетъ намъ очень интересное свѣдѣніе о подавшей поводъ къ столь многимъ спорамъ кончинѣ Чингисъ-хана и перенесеніи его тѣла къ сомнительному мѣсту погребенія, которому почти всѣ авторы даютъ свои собственныя названія, совпадающія при точнѣйшемъ изысканіи, всѣ въ истокахъ Толы и Кэрулэна, что также вполнѣ подтверждается слѣдующими сказаніями Цанана, непоясненными ихъ комментаторомъ. Мы уже познакомились выше съ Нинъ-хя на Хуанъ-хэ, какъ съ мѣстностью въ которой Чингисъ-ханъ, вскорѣ послѣ покоренія этаго города, нашелъ смерть свою (**), и откуда трупъ его, съ надгробнымъ воплемъ, долженъ былъ быть перенесенъ въ его родину, которая находилась, какъ извѣстно, на упомянутыхъ рѣкахъ, и которую монгольскій историкъ означаетъ точнѣе на тѣнистой сторонѣ Алтай-хана и солнечной сторонѣ Кентей-хана, что мы объяснимъ ниже. Туда направилась скрипучая, двуколесная ([21]), печальная колесница, слѣдов. экипажъ очень употребительный во всей нагорной Монголіи ἅραξα въ Herod. IV. 69) и прибыла, сопровождаемая воплемъ и печальными пѣснями, къ урочищу Мона. «Какъ соколъ взлетѣлъ ты туда, а теперь долженъ воз-

---

(*) Мона-хошa означена на картѣ О. Іакинѳа, приложенной къ его исторіи азіатск. нар., на сѣв. сторонѣ Хуанъ-хэ, противъ соединенія его съ южною вѣтвью (Нань-хэ), въ меридіанѣ Шэньсійскаго города Си-'ань-фу (Singan-Fu), древней китайской столицы т. е. $7^1/_2{}^\circ$ къ З. отъ Пек. Если это означеніе справедливо, то должно полагать что печальная колесница Чингисъ-хана, слѣдовала черезъ Ордосъ и переправлялась черезъ Хуанъ-хэ. — *Пр. Пер.*

(**) Чингисъ-ханъ скончался не въ Нинъ-хя, а при горѣ Лю-п'ань въ провинціи Ганьсу, въ верховьяхъ Вэй-хэ, близъ города Гунъ-чжанъ-фу, т. е. 3-мя градусами южнѣе Нинъ-хя, о чемъ мы уже упоминали выше. — *Пр. Перев.*

(21) Ssanang-Ssetsen Mongol. Gesch. p. 107, 103, 99.

вращаться назадъ въ скрипучей телѣгѣ, о мой повелитель!» такъ пѣлъ Килюкенъ Багидуръ изъ Ссунидовъ, громко возвышая свой голосъ; «ты оставилъ свою жену и дѣтей, повелитель! ты оставилъ свои народы властитель мой! Подобно тому какъ орелъ взвивается радостно, такъ отправился и ты сюда, и писпалъ какъ неопытный жеребенокъ! Послѣ 66 лѣтъ своей жизни хотѣлъ ты дать всему своему народу радость и спокойствіе, но вдругъ унесся отъ насъ властитель!» При звукахъ подобныхъ пѣсней прибыла печальная процессія въ упомянутое урочище Мона, но здѣсь колеса колесницы увязли въ синей глинистой почвѣ, такъ что колесница остановилась. Всѣ усилія подвинуть ее впередъ были тщетны; самыя сильныя лошади были впрягаемы, но это не помогало, и народъ уже приходилъ въ уныніе. Тогда пѣвецъ Килюкенъ Багадуръ возвысилъ снова свой голосъ и запѣлъ: «отъ синяго, вѣчнаго Тегри чудесно происшедшій левъ человѣческаго рода, ты! сынъ Тегри, мой Богдо-повелитель! Развѣ ты хочешь покинуть весь свой народъ и остаться здѣсь навсегда? Все, все ждетъ тебя тамъ: жена твоя, твоя родина, народъ твой, золотыя палаты и т. д.» Пѣснь оканчивалась упрекомъ: «неужели потому-что страна Харгунъ-хана (хребетъ Гарчжанъ) тепла, потому-что въ ней много покоренныхъ Тангутовъ, потому-что Кюрбельчжинъ-хатунь прекрасна, хочешь ты въ самомъ дѣлѣ оставить свой старый монгольскій народъ. Если мы не могли служить щитомъ твоей благородной жизни, то по крайней мѣрѣ мы хотимъ привезти на родину твое тѣло, подобное хазу — драгоцѣнному камню, показать его женѣ твоей и исполнить желанія твоего великаго народа». Тогда, говоритъ историкъ, властитель какъ бы принялъ милостиво всеобщую мольбу, колесница заскрипѣла и снова пришла въ движеніе. Радостно послѣдовалъ народъ далѣе до родины, гдѣ все семейство властителя встрѣтило ее въ траурѣ, со слезами и воплемъ. Вотъ что повѣствуетъ историкъ. Дорога понятна; она шла изъ Нинъ-ся, по лѣвому берегу Хуанъ-хэ, внизъ его теченія до Инь-шань, гдѣ, при подошвѣ горы Мона

и поворотѣ р. Хуанъ-хэ на В., находилась болотистая низменность, съ почвою синей глины, въ которой увязла колесница, а отсюда въ ближайшемъ направленіи къ Кара-коруму. Дѣйствительно здѣсь начинается подъемъ на нагорную Гоби. Но уже изъ предъидущаго мѣста Монгольской исторіи (p. 99) слѣдуетъ, что Чингисъ-Ханъ, еще на пути своемъ въ Тангутъ, до завоеванія этой страны, проходилъ мимо этой горы Мопа-шань (Мопа-Han), и что онъ хотѣлъ сдѣлать здѣсь столицу царства, такъ какъ уже въ прежнія времена эта мѣстность была пребываніемъ древнихъ Хуннскихъ императоровъ (Шаньюевъ), какъ мы видѣли выше. Историкъ говоритъ: При походѣ властитель увидѣлъ Мопа-шань и сказалъ: «для разстроеннаго народа здѣсь хорошее сборное мѣсто, для спокойной единодушной націи — прекрасная ставка, для оленей и лосей — превосходное пастбище, а для стараго человѣка — желанное мѣсто успокоенія». Бо́льшей похвалы мѣстности, освященной уже древнимъ мѣстопребываніемъ могущественныхъ патріархальныхъ властителей, не могъ сдѣлать Монгольскій завоеватель, и опасеніе Монгольской свиты, сопровождавшей трупъ его, было простительно, потому что она боялась основанія новой столицы имперіи здѣсь, на прекрасной теплой горной подошвѣ, въ сосѣдствѣ вышеназванной рѣки и богатаго Тангута, вблизи и самаго Китая, опасеніе, которое впослѣдствіи и осуществилось, только для лежащаго далѣе на В. Пекина.

Отъ горы Мопа къ В. находится гора Кундулэнь (Kundulen Ritt., Kuen-Tu-lun St.-Jul.), потомъ Барха (Barta), Чжара (Djara Ritt., Tchara St.-Jul.) и Чаганъ-обо (Tschakhan-obo Ritt., Tchahan-obo St.-Jul.) на вост. границѣ Ойратовъ. Далѣе Чаганъ-хада (Tschakhan-Khado), Лиссуръ-чжелеху-чжугу (Lissur-Djeleku-Djugu). Къ С. отъ города Ху-ху-хотоня лежитъ гора Онгонь (Ougoung-Ola Ritt., Ong-Kong-Shan St.-Jul.), а восточная часть хребта называется Ималу (Imalu); отъ нея вѣроятно получилъ названіе правый притокъ рѣки Тургэня, того же имени (*). Меж-

(*) По свидѣт. Ст. Жюльена имена Онгонь-шань и Ималу-шань употребля-

ду этимъ истокомъ Имаду и другой рѣки Чжуха (Djouha) которой теченіе намъ неизвѣстно, поднимается горная масса еще до очень высокаго глетчера, на ней находящагося. Цѣлая же горная цѣпь называется Инь-шань, у Монголовъ, Гарчжанъ ([22]), также Гачжаръ (Gardjan: Gadjar-Oola или Khadjar, Chargina Khan у Цецена), а у Китайцевъ Да-цзинь-шань (Ta-Thsing-Shan), т. е. большія зеленыя горы, вѣроятно отъ ея лѣсовъ, которые принадлежитъ въ этомъ нагорьѣ къ большимъ рѣдкостямъ.

Обѣ высочайшія, покрытыя снѣгомъ вершины этой цѣпи лежатъ на З. отъ истоковъ рѣки Хара-голъ, Хара-мурэнь у Д'Анвиля, (Khara-gol, Khara-mouren) текущей на Ю. въ Хуанъ-хэ; онѣ называются Сюэ-шань или Часты-ола (Tschasti-Oola у Монголовъ); упомянутый источникъ, лежитъ, вмѣстѣ съ снѣжными горами, подъ 41° 51′ и 107° 17′ В. д. отъ Пар. Въ другомъ мѣстѣ Китайской госуд. географіи ([22]) та же самая горная цѣпь, проходящая все вдоль лѣваго берега Хуанъ-хэ, отъ Ху-ху-Хотопя къ С.-З. до Ойратской ставки, названа также Хачжаръ-хоша (Khadjar-Khocho), а текущія въ Хуанъ-хэ рѣки—Бургассутай (Burgatu) Халютай (Khaliotu) и Шара (Schara).

Начиная отъ снѣжныхъ горъ эта значительная высота уменьшается, по крайней мѣрѣ на югъ къ Хуанъ-хэ, и поднимается снова, какъ мы уже сказали, въ Алашанѣ, лѣсистомъ горномъ хребтѣ къ С.-З. отъ Ишиъ-хя, на который въ новѣйшее время перенесли названіе Инь-шаня, прежде ему никогда не принадлежавшее.

лись въ древности для означенія Инь-шаня см. Humboldt Centr. As. übers. v. Mahlmann T. I. p. 561 — *Пр. Пер.*

(22) Tableau des plus hautes montagnes de la Chine въ Klaproth Magas. Asiat. T. II Paris 1826 p. 180.

(*) Есть еще общія названія употребляемыя въ Кит. географіяхъ для означенія Инь-шаня, или по крайней мѣрѣ нѣкоторой части ея на С. отъ Хуанъ хэ, это Китайское Янъ-шань (Yang-Shan), и Монгольское Хошиноръ. См. Humboldt Centr. Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 563.

(23) Timkowsky T. II p. 264.

Въ древнѣйшей исторіи Инь-шань упоминается потому что въ немъ имѣли большую ставку Шаньюи (Schen-yu) или древніе цари столь могущественныхъ Хунну, уже за тысячелѣтіе до Монгольскаго владычества, какъ властители нагорной Гоби. Въ лѣсистыхъ горахъ содержали они фабрикантовъ оружія ([24]), приготовлявшихъ имъ луки и стрѣлы. Горы содержатъ много желѣза ([25]), которое вообще очень скудно распредѣлено по нагорью. Слѣдовательно страна эта удовлетворяла первымъ потребностямъ вооруженія сего воинственнаго, такъ долго внушавшаго страхъ и угрожавшаго Китаю, многочисленнаго народа, который, въ превосходныхъ альпійскихъ пастбищахъ этой страны, могъ обогатиться многочисленными стадами, владѣть богатыми облавами и пользоваться симъ вообще трудно доступнымъ горнымъ хребтомъ, защищеннымъ великою рѣкою съ Ю., а нагорными степями съ С., какъ убѣжищемъ въ случаѣ неудачъ и отступленій. Точно такое значеніе имѣлъ этотъ уединенный горный островъ и для другихъ, такъ называемыхъ Татарскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ Хуннскому владычеству, какъ напр. восточныхъ Турковъ (Ту-гю) и Монголовъ.

Хунъ-ну, въ древнѣйшія времена Хюнъ-Юй, принадлежали къ родамъ многочисленнаго Туркскаго племени (*), которое, изъ всѣхъ аборигеновъ внутренней Азіи, распространено, далѣе всѣхъ другихъ, послѣ индо-германскаго племени, въ этой части свѣта, и коего предки, на что указываютъ первыя китайскія лѣтописи I-го тысячелѣтія до Р. Х., послѣ послѣдняго великаго потопа, спустились съ высокихъ горъ великой Алтайской системы къ Ю.-В. и Ю.-З. Кочуя постоянно они однакоже избрали южную окраину нагорья со стороны Шаньси и Шэньси ([26]), и въ

---

(24) Deguignes Gesch. d. Mongol Th. p. 59; Klaproth Tabl. hist. de l'Asie. p. 97.

(25) Gaubil Hist. d. l. Dyn. des Tang въ Mém. con. les chinois T. XVI. p. 275.

(*) По вышесказанному нами мнѣнію Финскаго. См. дополненіе къ § 22. — *Пр. Пер.*

(26) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 101.

особенности окрестности описаннаго Инь-шаня, постоянными станціями своей кочевой жизни. Нѣкоторыя изъ нхъ трибовъ уже съ давнихъ временъ обработывали поля, большая часть были однакоже пастушескими народами, а всѣ — страшными воинами. Взятые ими плѣнники, какъ Римляне у Германцевъ, должны были пасти нхъ стада: овецъ, рогатаго скота, ословъ, лошадей и верблюдовъ; послѣдніе съ древнѣйшихъ временъ находились здѣсь и въ дикомъ состояніи слѣдовательно имѣли здѣсь коренное свое отечество, въ которомъ вѣроятно и были сдѣланы ручными этимъ народомъ, котораго богатство они составляли. Вся нхъ жизнь, отъ самаго ранняго дѣтства, была направлена на охоту и войну. Большими конными толпами, подобно Бедуинамъ и Мараттамъ, блуждали они во всѣ стороны, черезъ степи, вдоль теченій рѣкъ, отыскивая добычу, окруженные облаками пыли, и, будучи преслѣдуемы сильными врагами, разбѣгались столь же быстро по степи на всѣ стороны, недостижимо для врага, который именно въ замапчивости преслѣдованія находилъ свою гибель. Воинъ, выносившій изъ битвы трупъ своего падшаго товарища, дѣлался его наслѣдникомъ. Подобно тому какъ Кельты, а впослѣдствіи Германцы и Готфы, угрожали, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, Италіи съ С., черезъ извѣстные горные проходы, такъ и Хунну безпрерывно угрожали Китаю изъ Инь-шаня. Пока Хунну дѣйствовали еще несвязанными между собою ордами, подъ отдѣльными предводителями, они могли заслуживать, отъ своихъ южныхъ, цивилизованныхъ сосѣдей — Китайцевъ, ругательное имя — «презрѣнныхъ рабовъ», что есть китайское значеніе словъ Хунъ-ну (конечно обращеніе въ дурной смыслъ неимѣвшаго такого смысла созвучнаго туземнаго имени) ([27]); но со II в. до Р. Х., съ тѣхъ поръ какъ нхъ Шаньюи или верховные цари, своею властью надъ отдѣльными предводителями ордъ, пріобрѣли самое грозное положеніе для Китая,

(27) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 103.

(особливо при Шаньюѣ Модэ), и привозили добычу за добычею изъ Шэньси, Шаньси и Хэнана въ свое убѣжище въ Инь-Шанѣ, могли они быть только усмиряемы браками съ дочерьми китайскихъ императоровъ или полупринцессами. Но и эта китайская политика, силившаяся цивилизовать предводителей варваровъ, жертвуя имъ несчастныхъ инфантинъ, которыхъ жалобныя пѣсни изъ этихъ степей и тогдашнихъ временъ долетѣли до насъ унылыми звуками въ оригинальныхъ сочиненіяхъ ([28]) (напр. 108 г. до Р. Х.), также какъ и пограничныя стѣны Шы-хуанъ-ди и другихъ китайскихъ властителей, не могли оградить Китая отъ подобныхъ нападеніямъ саранчи набѣговъ ихъ ордъ. Мы уже видѣли выше, что, начиная только съ I-го вѣка до Р. Х. (при импер. Хяо-ву-ди въ 141 г. до Р. Х.), правильная система цивилизаціи упомянутыхъ китайскихъ Нордмарковъ, населеніями и постройкою городовъ, противупоставляла набѣгамъ номадовъ болѣе твердую плотину, которая разумѣется еще въ продолженіи столѣтій была часто прорываема, напиравшими на нее народными наводненіями; но все же, при китайскомъ прилежаніи и постоянствѣ политики въ Шэньси и Шаньси, послѣ трудныхъ опытовъ многихъ столѣтій, была окончательно превращена въ цивилизованную страну и отнята у набѣговъ варварскихъ народовъ, которыхъ дикій инстинктъ, при всякомъ успѣшномъ нападеніи, снова превращалъ ее въ пустыню, подобно тому какъ Голландія, неутомимымъ прилежаніемъ ея жителей, была отнята у набѣгающаго моря. Описаніе отдѣльныхъ событій этихъ временъ принадлежитъ исторіи, пространственныя же (географическія) отношенія ихъ— ходу нашихъ изслѣдованій.

Какъ борьба дельты Нила, Ломбардскихъ равнинъ и Голландіи, противъ набѣгающихъ на нихъ волнъ, обусловила высокое развитіе цивилизаціи этихъ странъ, такъ и упомянутая борьба, противъ столь же необузданныхъ силъ народныхъ, бы-

(28) Deguignes Gesch. d. Hunnen. Th. I p. 179.

ла причиною ранней цивилизации сѣверныхъ провинцій Китая. Страна эта, въ древнѣйшія времена, была счастливѣе противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей-варваровъ, нежели Италія: она оттѣсняла ихъ прорывающіяся народныя волны назадъ, отвлекала ихъ возбужденіемъ безпокойствъ на З., наконецъ возбуждала противъ ихъ враговъ въ тылу и народныя лиги со сторонъ (отъ 100 г. до Р. Х. до 100 г. нашей эры) ([29]). Внутреннее враждебное распаденіе на *южное Хуннусское царство*, оставшееся на Хуанъ-хэ, но признавшее, при своемъ ослабленіи, вассальную зависимость отъ Китая, и наконецъ совершенно сокрушившееся, и *сѣверное* (*), очень много способствовало къ усмиренію этихъ варваровъ. Усилившіеся Китайцы, съ помощью вассаловъ своихъ, оттѣснили Шанъюевъ сѣверныхъ Хунну, какъ гордыхъ узурпаторовъ этого титула (въ 90 г. по Р. Х.), далеко къ С. и С.-З.; и даже оттуда они принуждены были китайскими союзниками въ Си-юй или западныхъ странахъ мигрировать еще далѣе къ озеру Балхашу и Согдіанѣ. Тамъ найдемъ мы ихъ впослѣдствіи, разумѣется только въ слабыхъ остаткахъ; потому что большая часть ихъ разсѣялась и растерялась во всей средней Азіи, ослабѣвъ въ разныхъ отношеніяхъ и смѣшавшись съ народами другаго происхожденія. Ипотеза Дегиня ([30]), которой онъ вѣрилъ въ такой степени, что даже не старался подтвердить ее положительными доказательствами, что эти Хунну были предками Гунновъ Амміана, и которая долго блистала во всеобщихъ исторіяхъ, уже достаточно опровергнута (**). Такъ исчезаетъ великое царство Хунну изъ исторіи Востока. Уничтоженію его способствовали разныя явленія природы: голодъ, чума, большіе холода и снѣга, истребительные рои насѣкомыхъ

---

(29) Tabl. hist. de l'Asie p. 106—114.

(*) Раздѣленіе это произошло въ 25 г. до Р. Х. *Пр. Пер.*

(30) Ab. Remusat. Recherches sur les langues Tartares. Paris. 1820. 4. p. XLVI. p. 11.

(**) Я уже упоминалъ выше что по примѣру С. Мартена, Неймана и Вивьенъ С. Мартена считаю Хунну и Гунновъ Амміана за одно и тоже. См. Дополненіе къ §23. *Пр. Пер.*

(вѣроятно саранча). Отдѣльныя орды Хунну конечно остались и въ Инь-шанѣ, но они должны были подчиниться чуждымъ повелителямъ. Начальники ихъ, сдѣлавшіеся вассалами Китайцевъ, съ титуломъ шаньюевъ, были ими поставлены въ Инь-шанѣ, какъ маркграфы, во главѣ пограничныхъ китайскихъ гарнизоновъ, противъ набѣговъ сѣверныхъ Хунну и Сяньби (Siaupi), корейской особенной расы, проникшей изъ рѣчной области Амура, которая въ апогеѣ своей силы въ 216 году впрочемъ истребила послѣдніе остатки власти этихъ Шаньюевъ (*).

И эти Сяньби ([31]) были въ тѣхъ же мѣстностяхъ Тендуха и Инь-шаня только мимопроходящимъ, хотя страшнымъ метеоромъ, который уже утихаетъ послѣ двухъ-вѣковыхъ грозъ (съ 400 г.) и въ срединѣ V в. утопаетъ въ морѣ забвенія, откуда мы его и не вызываемъ здѣсь.

Но и послѣ того существуютъ еще нѣкоторые разсѣянные, древніе, туземные Туркскіе роды Хуннусскихъ ордъ; они почти всѣ подчиняются разнымъ китайскимъ династіямъ, даже поселяются внутри Великой степы, или служатъ воинами въ китайскихъ войскахъ, и принимаютъ болѣе или менѣе участія въ выгодахъ, представляемыхъ перемѣною династій въ Китайскомъ государствѣ. Такъ однажды упоминается ([32]) о 20,000 ихъ семействъ, которыя, оставаясь въ своемъ отечествѣ, подчиняются Китаю. Это оставшееся въ своемъ отечествѣ поколѣніе, уже послѣ изгнанія знаменитыхъ древнихъ Хунну, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, способствуютъ къ тому, что нѣсколько столѣтій спустя послѣ того какъ исчезло древнее царство Шаньюевъ изъ нагорной восточной Азіи, развились на той же почвѣ болѣе юныя государства восточныхъ Туркскихъ народовъ (съ V в.). Только здѣсь не образовалось какъ прежде столь колоссальное нагорное царство, какъ Хуннусское, которому не могли еще поставить границъ необра-

(*) О Сяньби см. выше общ. дополн. къ главѣ I. *Пр. Пер.*

(31) Tableaux histor. de l'Asie. Race Sianpi. p. 23—60.

(32) Tabl. hist. de l'Asie p. 112.

зовавшіяся сосѣднія царства, а произошли государства въ гораздо болѣе узкихъ размѣрахъ. Это новое могущество Турковъ въ восточной Азіи, раздѣленныхъ на племена и государства, являлось преобладающимъ въ Восточной Азіи, только въ мѣстно и временно ограниченныхъ періодахъ, между паденіемъ Хунну и блистательнымъ періодомъ завоеваній Чингисъ-Хановъ. Они перемѣняли свои названія и мѣстопребыванія, и мы приведемъ здѣсь только главныя изъ ихъ династій и народностей, имѣвшія особенное вліяніе на разсматриваемую нами здѣсь часть нагорья, т. е. Инь-шань: династіи первыхъ Хя (по сѣв. пр. Ся, Hia) и сѣверныхъ Лянъ (Liang), кратковременныя туркскія государства въ V в. на Хуанъ-хэ, Ту-кюэ (Tu-Khiu) въ VI и VII в. на Алтаѣ и отъ истоковъ Орхона до Инь-шаня, Вэй (Goei), Уйгуры Хой-хэ и Хой-ху (Hoesi-He, Hoi-Hu) далѣе къ С.-З. около Хамула (Хами) и на С. около Алтая, на мѣстѣ прежнихъ Ту-кюэ, гдѣ они властвовали въ Холинѣ, или Каракорумѣ отъ VIII и X в., одновременно съ Хя, властвовавшими въ Инъ-хя на Хуанъ-хэ, до завоеванія ихъ земель Чингисъ-ханомъ.

И Каханы этихъ, властвовавшихъ на С. Гоби Туркскихъ царствъ, распространили съ древнѣйшихъ временъ, по извѣстнымъ дорогамъ, свое владычество къ Ю. до Хуанъ-хэ, Инь-Шаня и Китая, и вступили черезъ это не только въ разнообразныя торговыя сношенія съ этою страною, но и въ постоянное соприкосновеніе съ родственнымъ (по происхожденію) царствомъ Хя, вслѣдствіе чего описываемая страна при подошвѣ Инь-шаня была, въ теченіи болѣе полутысячелѣтія, театромъ борьбы народовъ, ихъ полемъ битвы, страною крѣпостей, пограничныхъ карауловъ и колонизацій, которыя, будучи подвержены безпрестанно новымъ перемѣнамъ, могли только разцвѣсть минутно, но всегда принуждены была погружаться опять въ развалины и пустыни.

Основатель перваго царства Хя — Хэ-лянь-бо-бо (He-lingan-phu-phu) изъ племени Хунну (въ 407 г.) построилъ нѣсколько городовъ на сѣв. изгибѣ Хуанъ-хэ; резиденція же его,

какъ мы говорили выше, была въ Нинъ-хя ([33]). Самый значительный изъ городовъ, основанный имъ въ апогеѣ его власти, построенъ изъ кирпичей и названъ имъ Дунъ-ванъ-ченъ (Tung-van-Tschiog, Tononang у Малья) ([34]), т. е. владычица 10000. Постройка этого города была совершена съ такою же тиранической суровостью, какъ постройки израильскія въ Египтѣ; городъ находился на самомъ Хуанъ-хэ, черезъ который перешли по льду въ 426 г. враждебные Вэй, сожгли городъ съ его дворцами и свергли всю династію. Этотъ Дунъ-Ванъ-Ченъ, по свидѣтельству Дегиня, находился тамъ, гдѣ мы уже упомянули о развалинахъ, близъ Тохто, при впаденіи Тургэня въ Хуанъ хэ. Гдѣ же въ это время лежали два другіе упоминаемые главные города царства: Чанъ-'анъ (Tschang-ngan) и Чанъ-к'эу (Tschang-kow), намъ неизвѣстно.

Въ VIII в. Государство Тибетскихъ Туфановъ, о которыхъ мы говорили уже выше, при изслѣдованіяхъ о Синиѣ, начало дѣлаться грознымъ для династіи Т'анъ, на западной ея границѣ; набѣги его на верхнемъ Хуанъ-хэ простирались далеко на С. и вызывали тогда уже очень ослабѣвшихъ на С. Гоби Турковъ къ соединенному нападенію на Китай. Но сіи послѣдніе (съ 639 г.) остались вѣрными вассалами династіи Т'анъ, которая умѣла привязать ихъ къ себѣ своею политикою. Въ награду, говоритъ исторія династіи Т'анъ ([35]), назначилъ Китайскій Императоръ Кахану Турковъ или восточныхъ Ту-кюэ, имѣвшему резиденцію свою въ Холинѣ (монгольскомъ Каракорумѣ) въ 727 г. городъ Чжеухянь-ченъ (Tcheou-Hiang-Tching) на Хуанъ-хэ, при подошвѣ Инь-шаня въ Ордосѣ, для учрежденія тамъ лошадинаго рынка, который Турки безпрепятственно снабжали съ своихъ заводовъ, что было для нихъ источникомъ значительной торговли и обо-

(33) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XII. p. 76; Deguignes Einl. p. 208, 272.

(34) Deguignes Gesch. der Hunnen v. Dahnert Th. I. p. 375; Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IV. p. 545. T. V. p. 21.

(35) Gaubil Hist. des Tang въ Mém. conc. l. Chine T. XVI. p. 20; Deguignes I. p. 582.

гащенія, потому что китайская конница ([36]), по увѣренію министра, не могла состоять безъ закупа лошадей. Прежде существовавшая лошадиная торговля съ Тангутами ([37]) была отнята у нихъ, какъ у государственныхъ враговъ. Но когда, вскорѣ послѣ того (въ 744 г.), династія обезсилѣвшихъ Тукюэсскихъ Кахановъ была низвергнута разцвѣтающею властію Хой-хэ или Турковъ-Уйгуровъ, то эта монополія продолжалась, хотя сіи послѣдніе не были такими покорными вассалами какъ первые. Для того чтобы избѣгнуть ихъ набѣговъ и грабежей Императоры династіи Т'анъ должны были признать этихъ новыхъ узуртаторовъ Кахапскаго трона (съ 765) въ Холинѣ, присылать имъ Инфантинъ, принимать ихъ посольства и дать имъ тѣже преимущества, какъ и побѣжденнымъ ими. Какъ важны они были можно заключить изъ отдѣльныхъ показаній лѣтописей ([38]), Т'анской династіи. Въ 781 г. Китай купилъ у нихъ 180000 головъ лошадей за шелковыя матеріи; въ началѣ IX вѣка, когда ихъ завоеванія все болѣе и болѣе распространялись до Кашгара ([39]) на З., Тангута на Ю. и далеко на С., ихъ требованія дѣлались все значительнѣе; они были чрезвычайно обогащены этою торговлею, также какъ и различными грабежами. Ханы ихъ оставили прежнюю простоту, окружили себя блескомъ и роскошью, строили дворцы, одѣвались въ драгоцѣнныя ткани.

Незадолго до замѣчательнаго періода торговыхъ сношеній на сѣв. изгибѣ Хуанъ-хэ, еще въ 707 г. Китайцы, для обезпеченія себя отъ вторженій съ С., привели въ оборонительное состояніе три крѣпости, которыя они впослѣдствіи назначили для упомянутой торговли и, по свидѣт. Дегиня ([40]), назвали Чжеухянь-ченомъ (Scheu-Kiang-Tching). Одна лежала на В., другая посреднѣ, близъ города Бильчжу хай-хотонь (Pil-jotai-

(36) Tabl. Hist. de l'Asie p. 119, 127.
(37) Gaubil Hist. de Tang въ пр. с. p. 24.
(38) Gaubil въ пр. с. XIV. p. 106, 121, 185.
(39) Visdelou supplement, p. 69.
(40) Deguignes Gesch. d. Hunnen. b. Dahnert Th. I. p. 576.

hotun; Pildjoo-Khai по Клапр.), а третья на З. Онѣ защищали страну, впослѣдствіи названную Ордосомъ, содержали сильные гарнизоны и могли сообщаться между собою условленными знаками. Ни одинъ наблюдатель не рѣшился еще остались ли по нынѣ слѣды всего этого. Но еще упоминается здѣсь одинъ городъ, имя котораго значительно помогло для объясненія до тѣхъ поръ неизвѣстнаго названія страны Тендухъ.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 23.

О происхожденіи и этнографическихъ отношеніяхъ Хунну (Hiongnu).

Интересное племя Хунну, Hiognu европейскихъ правописаній, играющее столь важную роль въ исторіи Китая и внутренней Азіи въ два послѣдніе вѣка до Р. Х., подало поводъ къ значительному разногласію между учеными о происхожденіи его.

Первый историкъ, обратившій вниманіе на это племя, былъ Дегинь (1), не сомнѣвавшійся въ тождествѣ Хунну китайскихъ лѣтописцевъ съ Гуннами Аттилы и народнаго переселенія, и старавшійся раскрыть причины и начала народныхъ миграцій изъ фактовъ, сообщаемыхъ китайскими лѣтописями. Палласъ, Бергманъ (2) и Шмидтъ (3) признали Гунновъ, тождественно съ Хунну, за *монгольское* племя, а въ новѣйшее время тому же мнѣнію послѣдовалъ и О. Іакинѳъ (4).

Клапротъ въ 1826 году (5) былъ первый историкъ, возстав-

---

(1) Deguignes Histoire des Huns. 4. Paris. 1756.

(2) Bergmann Nomadische Streifereien unter den Kalmücken Riga. 1804. 8. Bd. I. p. 129.

(3) I. I. Schmidt Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Volker Mittel-Asiens etc. St. Petersb. 1824. 8.

(4) О. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. обит. въ ср. Азіи С. П. Б. 1851. Ч. I. ст. 1 и 10.

(5) Klaproth Tableaux Histor. de l'Asie Paris. 1826. 8. T. II. p 372 — 378.

шій не только противъ предполагаемой соплеменности Гунновъ съ Монголами, но даже и противъ тождества Гунновъ и Хунну, на которое конечно Дегинь не привелъ никакихъ доказательствъ, почитая его несомнѣнною аксіомою. Клапротъ пришелъ къ мнѣнію, что Гунны Аттилы и Авары соплеменны съ Мадьярами и относятся къ *финскому* племени, между тѣмъ какъ Хунну китайскихъ лѣтописей суть родоначальники *турскихъ* племенъ. Мнѣніе это произвело переворотъ въ наукѣ и было раздѣлено лучшими историками того времени, между прочимъ Аб. Ремюза и Риттеромъ и донынѣ повторяется въ большей части сочиненій.

Однако же новѣйшіе авторы, между которыми мы можемъ назвать между прочимъ Неймана ([6]), С. Мартена ([7]) и Вивьенъ де С. Мартена ([8]), возвращаются мало по малу къ прежнему мнѣнію о тождествѣ Гунновъ и Хунну, не возобновляя конечно уже оставленной ипотезы о соплеменности Хунновъ съ Монголами.

Для того чтобы разобрать критически какое изъ всѣхъ этихъ мнѣній должно быть принято за достовѣрнѣйшее, мы замѣтимъ что вся теорія Клапрота распадается на слѣдующія части: 1) доказательства соплеменности Гунновъ Аттилы съ Мадьярами и Аварами, слѣдов. съ финскими племенами, 2) доказательства тождества Ту-кюэсцовъ съ Турками, 3) доказательства соплеменности Хунну китайскихъ лѣтописей съ Ту-кюэсцами и различія ихъ отъ Гунновъ.

1) Доказательствомъ соплеменности Гунновъ Аттилы съ Мадьярами и Аварами т. е. Финскимъ племенемъ, основано у Клапрота на сравненіи сохраненныхъ византійскими историками гунскихъ именъ съ мадьярскими словами. Такъ имя Αττιλας или *Этцель* представляетъ аналогію съ венгерскимъ *Atzel* — сталь; Ηρναχ съ *Hir-nagy* — великая слава; Σανδιλ съ *Sandal* — кривой

(6) C. T. Neumann Asiatische Studien Leips. 8. 1837. p. 132.

(7) St. Martin Histoire du Bas Empire. Par. 1824. T. IV. p. 254.

(8) Vivien de St. Martin sur les Huns Ouraliens въ Nouv. Ann. de voyages V-me serie 4-me année 1848 Decembre и sur les Huncs blancs. Nouv. Ann. de voy. V-me serie. 3-me Année. 1849. Juillet et Août. p. 69, 70.

Μουντζαχ съ *Mentség* — покровительство; Χινιαλος съ *Kinálás* — предложеніе; Σιννιων съ *Szini*—цвѣтной; Διγγιζιχ съ *Tenyésses*—плодородіе; Κουριλαχος съ *Körül-lágy* — снисходительный къ окружающимъ; Βαλαχ съ *Balog* — лѣвый и пр. (9). Совершенно тождественныя имена съ Гуннскими нашелъ Клапротъ у одного лезгинскаго племени и нынѣ называемаго у нихъ Аваръ, какъ напр. Адилла (Аттилла), Ульдикъ, Еллакъ, Баламіръ, Армусъ (Альмусъ), Леель, Гайсса (Гейза), Царольда и т. п. Всѣ эти имена, по свидѣтельству Клапрота, не представляютъ ни малѣйшей аналогіи ни съ туркскими, ни съ монгольскими. Сверхъ того въ лезги-аварскомъ языкѣ рѣка называется *оръ, хоръ* (hor), *уоръ*, а Гунны, по свидѣтельству Іорнанда, называли Дунай на своемъ языкѣ *Варъ* или *Уаръ* (10). Изъ всего этого Клапротъ заключаетъ, сколько намъ кажется, *съ большимъ вѣроятіемъ* что Гунны Аттилы, вмѣстѣ съ Аварами принадлежали, какъ и нынѣшніе Мадьяры, къ Финскому племени (11). Замѣтимъ только, что хотя Гунны Аттилы вышли изъ Урала, по столь же коренным ихъ отечествомъ, съ которымъ уральскіе Гунны поддерживали связь, былъ и Алтай. Это обстоятельство и объясняетъ съ перваго взгляда противорѣчащій мнѣнію Клапрота несомнѣнно азіатскій типъ Гунновъ, столь поразившій Византійцевъ и выраженный Іорнандомъ при описаніи Аттиллы (12). И нынѣ нѣкоторыя восточныя финскія племена сохранили этотъ характеристическій типъ, какъ напр. Вогулы и Югаи. Если же за-

(9) Klaproth Memoires relatits á l'Asie. T. II. p. 376.

(10) Мнѣ кажется что съ этимъ словомъ оръ и горъ имѣетъ аналогію туркское и монгольское голъ, что значитъ также вода, рѣка.

(11) Я бы могъ указать на множество авторитетовъ, раздѣляющихъ это мнѣніе. Очень важнымъ мнѣ кажется авторитетъ лучшаго знатока этнографіи финскихъ племенъ Кастрена. См. Carstren Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1843—49. Ausg. A. Schiefner St. Petersburg. 8. p. 9. 1856.

(12) См. Jornandes De rebus Geticis. cap. XXXV p. 101. edit. 1618: Онъ характеризуетъ этотъ типъ слѣдующими словами: forma brevis, lato pectore, capite grandiori, minutis oculis, rarius barba, canis aspersus, simo naso, teter colore, originis suae signa restituens.

падные Финны и Мадьяры не соотвѣтствуютъ такому типу, то это потому что финскія племена или потеряли его въ соприкосновеніи съ европейскими, или они совсѣмъ не имѣли его первоначально, а пріобрѣли на отдаленномъ Востокѣ, въ прикосновеніи съ монгольскими племенами, въ то время когда они еще жили на Алтаѣ ([13]).

2) Доказательства тождества Тукюэсцевъ (Ту-кюэ, Ту-гю, Ду-цюэ, Дулга) съ вост. Турками основано, кромѣ самыхъ именъ ихъ, на тождествѣ или аналогіи почти всѣхъ Ту-кюэсскихъ словъ, сохраненныхъ китайскими лѣтописями, съ восточными турскими, и кажутся намъ вполнѣ убѣдительными. Мы назовемъ въ примѣръ ([14]) слова: *бури* — волкъ, на восточ. туркск. также *бури*, на монгольскомъ *чино; уй* — домъ на вост. туркск. также *уй*, на монгольск. *геръ; холанъ* — лошадь, на туркск. *куланъ*, на монгольск. *мори*; *сочо* — волосы, на туркск. *сачъ*, на монгольск. *уссу; тере*—судья, на туркск. *тере*, на монгольск. *сигунъ*. Тождество Ту-кюэ съ Турками есть слѣдовательно самая несомнѣнная часть цѣлой теоріи Клапрота.

3. Остается самая слабая, по нашему мнѣнію, часть теоріи — именно тождество Ту-кюэсцовъ съ древними Хунну китайскихъ лѣтописцевъ, и различіе сихъ послѣднихъ отъ Гуновъ. На тождество Ту-кюэсцовъ съ древними Хунну Клапротъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, кромѣ полнаго замѣненія Хунну Тукюэсцами или туркскими племенами на С.-З. предѣлахъ Китая (въ Ишшаньской альпійской странѣ), и показанія китайскихъ лѣтописей о томъ что Ту-кюэ произошли отъ Хунну. Именно исторія говоритъ, что когда послѣднее изъ Хуннскихъ царствъ Бэй-лянъ, было разрушено во второй половинѣ V вѣка, остатки Хуннскихъ ордъ уклонились на З. и поселились сначала на Си-хаѣ (Балхашѣ), а потомъ въ долинахъ Гинь-

---

(13) И нынѣ финскія племена, какъ показалъ Кастренъ, распространены и въ Алтаѣ. См. Castren Reise p. 31.

(14) См. Klaproth Memoires relatifs á l'Asie. T. II p. 384—386.

шана (т. е. Алтая). Предводитель ихъ Ассена расположилъ свой лагерь у подошвы холма, имѣющаго форму шлема: такъ какъ на языкѣ ихъ шлемъ назывался *Ту-кюэ* (Дулга), то и все племя приняло это названіе, подъ которымъ и сдѣлалось извѣстнымъ въ исторіи.

Это показаніе китайской исторіи кажется очень недостаточнымъ для того чтобы опровергнуть тождество Хунну китайскихъ лѣтописцевъ съ Гуннами Аттиллы. Замѣтимъ прежде всего, что слово Хунну, слегка искаженное въ европейскихъ транскрипціяхъ, въ русской транскрипціи, всегда болѣе вѣрной для китайскихъ звуковъ, даже ничѣмъ не различается отъ сдѣлавшагося извѣстнымъ черезъ византійскихъ историковъ имени Гунновъ (по произношенію Хуннов). Замѣтимъ еще, что хотя Хунну являются очень рано въ китайской исторіи, они были не аборигенами, а *пришельцами* въ Иньшанѣ, но что настоящее ихъ отечество былъ Алтай. Это доказывается прямыми преданіями о происхожденіи ихъ изъ Алтая, сохранившимися въ китайскихъ лѣтописяхъ (см. выше ст. 622), также многими другими обстоятельствами какъ напр. уклоненіями ихъ всегда когда они претерпѣвали неудачи на С.-З. къ Саянскимъ горамъ, гдѣ они конечно сохранили связи съ своими алтайскими соплеменниками и куда даже распространялось ихъ владычество. Эта связь, какъ Хунну такъ и Гунновъ съ Алтаемъ, даже выражается и на историческихъ картахъ Клапрота ([15]), гдѣ Алтай составляетъ границу между Гуннскими (по его мнѣнію Финскими) и Хуннскими (по его мнѣнію Туркскими) племенами. Слѣдовательно какъ Хунну, съ которыми исторія въ первый разъ познакомилась на границахъ Китая въ Иньшаньской альпійской странѣ, такъ и Гунны, съ которыми исторія познакомилась на границахъ Европы въ Уралѣ обладали Алтаемъ, и даже вышли изъ него: можно ли предположить чтобы народы *обитавшіе въ одной и той же странѣ и носящіе одно и тоже имя*, въ эпохи малоотдаленныя

(15) Klaproth Tableaux historique de l'Asie carte 5.

одна отъ другой, принадлежали бы къ различнымъ племенамъ? И такое предположеніе основано все только на томъ что Клапротъ, на основаніи нѣкоторыхъ филологическихъ аналогій, объявилъ Гунновъ Финнами, а Хунну китайская исторія признаетъ за предковъ Ту-кюэцовъ т. е. несомнѣнныхъ Турковъ. Замѣтимъ однакоже что если доказательства Клапрота о соплеменности Гунновъ съ Финскими племенами кажется намъ основательными и правдоподобными, они все еще недостаточны для опроверженія тождества двухъ народовъ, носившихъ одно и тоже имя и обитавшихъ въ одной и той же странѣ, тѣмъ болѣе что оба положенія т. е. соплеменность Гунновъ съ Финнами и тождество Гунновъ съ Хунну могутъ быть соглашены между собою. Именно показанія китайской исторіи о томъ, что восточныя Турки (Ту-кюэ) произошли отъ Хунну, по нашему мнѣнію, ровно ничего не доказываетъ. Вспомнимъ что Хунну были только пришельцами, завоевателями на С.-З. предѣлахъ Китая, а не аборигенами. Аборигенами или по крайней мѣрѣ болѣе ранними пришельцами тамъ были: въ Инь-шанѣ Туркскія племена, въ Килянь-шанѣ — индогерманскіе Усуни и тибетскіе Юе-чжы. Всѣ они были покорены Хунну и приняли ихъ народное названіе. Такіе примѣры въ исторіи восточной Азіи нерѣдки. Такъ тѣже Хунну, впослѣдствіи побѣжденные и подчиненные Корейскимъ племенемъ Сяньби, по свидѣтельству китайскаго историка династіи Хань, принимаютъ народное названіе Сяньбійцевъ ([16]). Такъ называемые же бѣлые Хунны, Евталиты византійскихъ историковъ, по прекраснымъ изслѣдованіямъ Вивьенъ де С. Мартеня ([17]), оказались совсѣмъ не Хуннами, а упомянутыми Юе-чжы, народомъ тибетскаго племени, котораго многочисленные остатки и донынѣ составляютъ значительную часть населенія Пенджаба и извѣстны подъ именемъ *Джатъ*. Такъ китайскія лѣтописи сохранили слово Ки-

(16) См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. I, стр. 163.

(17) Vivien de St. Martin sur les Huns blancs ou Ephthalites. V-me Serie. 1849. Juillet et Août p. 1—79, Septembre p. 241—285.

лянь (Цилянь) — Небо, какъ Хуннское. Аналогіи же этаго слова какъ напр. греческое κοῖλον верхъ, латинское coelum, французс. и итальянское ciel и cielo, латышское zeltees (подпимать) приводятъ насъ къ индо-европейскимъ языкамъ и объясняются, какъ мнѣ кажется, только тѣмъ, что сообщившіе Китайцамъ это слово Хунны были коренные аборигены Килянь-шаня, т. е. индо-европейскіе, голубоокіе Усуни. Послѣ всего этого удивительно ли, что Турки Инь-шаня остались для китайскихъ лѣтописцевъ Хуннами даже и послѣ того какъ толпа Хуннскихъ завоевателей, которыхъ войска въ массѣ своей могли даже состоять изъ побѣжденныхъ при алтайскихъ Турковъ давно изчезла въ чуждой ей народности, особенно послѣ раздѣленія Хуннскаго царства на сѣверное и южное, т. е. послѣ того какъ немногочисленная масса Хуннскихъ завоевателей, послѣ потери связи съ своими сѣверными соплеменниками, должна была окончательно потеряться въ туркскомъ элементѣ. Уклонившіяся же въ V вѣкѣ къ С. орды, отъ которыхъ китайскія лѣтописи производятъ Ту-кюэсцевъ были настоящія туркскія племена. Притомъ же во времена Клапрота между Финскими и туркскими племенами полагалась еще рѣзкая противуположность, между тѣмъ какъ нынѣ основательныя изслѣдованія датскаго филолога Раска и нашего Кастрена ([18]) доказываютъ значительное сходство финскихъ и туркскихъ племенъ, сожительствовавшихъ въ Алтаѣ, гдѣ и нынѣ иногда трудно сказать о нѣкоторыхъ родахъ принадлежатъ ли они къ Финскому или туркскому племени. Что же касается до хуннскихъ словъ, сохраненныхъ намъ китайскими лѣтописями, то число ихъ весьма ограничено. Кромѣ Цилянь — небо, сообщеннаго намъ Васильевымъ и вѣроятнѣе принадлежавшаго Усунямъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчается еще нѣсколько ([19]). Шань-юй, иначе Тань-ли-куту, что значило сынъ неба, былъ титулъ хуннскихъ царей. Такъ какъ

(18) Castren Reise nach den Norden. St. Petersb. 1850. 8. p. 10, 76.

(19) См. Schott Ueber das Altaische od. Finnisch-Tatarische Sprachen geschlecht geles. in der Acad. de Wissensch. in 1847. Act. Acad. Berolinens. 1849. Berl. p. 290.

трудно предположить чтобы слова сынъ и небо имѣли бы два названія на одномъ и томъ же языкѣ, то намъ кажется что Шаньюй значило на настоящемъ хуннскомъ языкѣ—сынъ неба, а Тань-ли-куту былъ переводъ этого слова на языкѣ подвластныхъ имъ народовъ. И дѣйствительно Таньли есть только китайская транскрипція вмѣсто Тапри, а Тэнгри, Тэпри на турскомъ языкѣ означаетъ *Небо*. Слово же Куту, по свидѣтельству Шотта ([20]), не встрѣчается ни въ турскомъ, ни въ монгольскомъ; за то по маньчжурски *Гуто* значитъ сынъ. *Лу-ли* былъ у Хунну также княжескій титулъ; *Туки* значило мудрый, *Тейло* (Teu-lö) — курганъ. Этимъ словамъ Шоттъ не могъ найти аналоговъ въ турскихъ языкахъ. Съ послѣднимъ, по его замѣчанію, болѣе всего сходно тибетское *дуръ* (dur), означающее надгробный памятникъ.

Достаточно если мы заключимъ изъ всего изложеннаго, что даже въ немногихъ сохраненныхъ китайскими историками Хуннскихъ словахъ, нѣтъ рѣшительной аналогіи съ турскими, и что показаніе китайской исторіи о происхожденіи Ту-кюэ отъ Хунну, по изложеннымъ причинамъ, не имѣетъ особенной важности. Слѣдовательно самымъ вѣроятнымъ для насъ мнѣніемъ остается то что *Хунну китайскихъ лѣтописцевъ были тождественны съ Гуннами Аттилы, и какъ тѣ, такъ и другія принадлежали къ финскому племени, въ древнѣйшія времена обитавшему въ Алтаѣ.*

---

§ 21.

Изложеніе VII. *Т'янь-дэ, Тендухъ, страна Кэраитовъ и пресвитера Іоанна по свидѣтельству М. Поло. Убѣжище Ша-то и Та-тань. Повѣйшее мѣстопребываніе Кутухты и Іерархіи; значеніе сей послѣдней въ началѣ XVIII вѣка.*

Императоръ династіи Т'анъ, Хіо-цзунъ (Hiuou-Tsoung), около

(20) См. Id. ibid.

750 г. нашей эры, выстроилъ городъ Т'янь-дэ (Tian-Te) (1) на Хуанъ-хэ, и 8 лѣтъ спустя сдѣлалъ его Гюнемъ (Kiun), т. е. пребываніемъ военнаго правленія, распространявшагося по всей сѣверной части нынѣшней провинціи Ордосъ, также и по полосѣ, лежащей къ С. отсюда между Хуанъ-хэ и Инь-шанемъ (2). Эта военная провинція, отъ имени своего главнаго города, была названа Т'янь-дэ-гюнь и существовала и при послѣдующихъ династіяхъ до монгольскаго владычества. Этотъ Т'янь-дэ-гюнь, въ обыкновенномъ произношеніи Тепъ-декъ, существуетъ еще и нынѣ въ развалинахъ, расположенныхъ въ 15 г. м. (200 ли) къ С.-З. отъ Бильчжухая (Pildjookhai Klapr., Pilou Tai (3); Piljotae у д'Анв. и Дюгальда). Сіе послѣднее мѣсто есть древній Чжунъ-шеу-ченъ (Tschung-Sheu-Tsching у Китайцевъ (*), т. е. сторожевой городъ границъ Срединнаго царства). Онъ лежитъ подъ 40° 38′ с. ш. и 7° з. д. отъ Пекина, въ небольшомъ разстояніи отъ берега Хуанъ-хэ. Здѣсь были еще два сторожевыхъ города: одинъ на В., другой на З. Очень можетъ быть что эти послѣдніе были тождественны съ выше нѣсколько иначе названными по Де-гиню. Для дальнѣйшаго опредѣленія Клапротъ присовокупляетъ еще слѣдующее поучительное данное: «одинъ китайскій авторъ, временъ монгольскаго владычества въ Китаѣ, именемъ Чу-цзы-пенъ (Tchu-Tzu-Pen) (4), составившій описаніе Хуанъ-хэ, отъ истока до устья, говоритъ что эта рѣка, по принятіи большаго Т'ао-хэ (Дай-т'унъ-хэ или Уланъ-мурэнь въ лѣвой сторонѣ?) въ Гань-су, оставляетъ Китай и проходитъ черезъ

---

(1) Klaproth sur le pays de Tenduc ou Tenduch de M. Polo въ Journ. Asiat. Par. 1826. 8. T. IX. p. 303.

(2) Cf. Visdelou Supplement à la bibliotheque orientale p. Herbelot et 1780 fol 57 — 67.

(3) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Kara-Korum p. 11

(*) Чжунъ-шеу-хянь чэнъ на картѣ О. Іакинѳа, приложенной къ его исторіи азіатскихъ народовъ. Т'янъ-де дѣйствительно означенъ на этой картѣ въ 100 вер. къ С. З. отъ этого города, но потому самому верстахъ въ 60 къ С. отъ р. Хуанъ-хэ. — *Пр. Пер.*

(4) Въ пр. с. Journ. As. IX. p. 304.

страны Татаровъ, черезъ территоріи древнихъ китайскихъ городовъ Т'янь-дэ, именно Чжунъ-шеу-ченъ и Дунъ-шеу-ченъ (Tung-Scheu-Tsing). Потомъ рѣка эта поворачиваетъ къ Ю. и вступаетъ опять черезъ область Дай-т'унъ-фу въ Китай». Вотъ что говоритъ туземный авторъ, доказывающій, какъ замѣчаетъ Клапротъ, очень ясно, что въ его время Татары обитали въ Ордосѣ и горной странѣ Инь-шаня къ С. отдѣленной отъ Ордоса рѣкою. Вульгарное произношеніе этого Т'янь-дэ — Тендекъ, тождественно съ столь спорнымъ Тендекомъ или Тендухомъ М. Поло. (Этотъ Т'янь-дэ былъ называемъ также Китайцами Гуй-гюнь (Kouei-Kium т. е. гарнизонъ справедливости) (5). Тендухъ расположенъ въ странѣ Татаровъ и благородный Венеціанецъ говоритъ положительно, что Хуанъ-хэ (котораго истоковъ онъ не зналъ потому-что не былъ въ Хухэ-норѣ), течетъ изъ страны пресвитера Іоанна и отсюда вступаетъ въ Китай, протекаетъ мимо Coiganzu (т. е. Хой-'ань-фу) и впадаетъ въ море.

Уже это одно примѣчаніе достаточно показываетъ, что всѣ попытки объяснить иначе страну Тендухъ несправедливы. Всѣ же другія данныя, сообщаемыя М. Поло, подтверждаютъ еще болѣе, что именно здѣсь лежалъ знаменитый Тендухъ, о которомъ въ прежнія времена столь много упоминали и спорили, а въ новѣйшія совершенно забыли. М. Поло, описываетъ его въ то время, какъ онъ, на пути своемъ, какъ сказано было выше, посѣтилъ три пограничные города отъ Су-чжеу до Инъ-хя, и послѣдовалъ, изъ страны Тендухъ, какъ мы уже видѣли выше, далѣе на В. въ Шанду, лѣтнюю резиденцію Хубилая. Нельзя слѣдовательно согласиться съ мнѣніемъ Марсдена (6), который предполагаетъ что Марко Поло направился на Синнинъ и черезъ Срединное царство прямо на В. въ Пекинъ, чѣмъ онъ и старается объяснить, почему М. Поло умолчалъ о Великой стѣпѣ, паралельно которой онъ слѣдовалъ съ южной стороны, не ка-

(5) Visdelou Supplem. à la biblioth. or. p. 69.

(6) W. Marsden voy. of M. Polo p. 187. not. 359 и p. 230. not. 446.

саясь и не переѣкая ее. Эта гипотеза ученаго комментатора впрочемъ не только уже сама по себѣ очень невѣроятна, но и совершенно неосновательна, потому что М. Поло, какъ было изложено выше, описываетъ какъ очевидецъ императорскій охотничій замокъ Шанду очень подробно, въ главѣ 55 и 56. Уже оттуда къ Пекину долженъ онъ былъ перейти черезъ Великую стѣну, и безспорно видѣлъ ее во многихъ мѣстахъ. Но во времена Монголовъ, которые вездѣ прорвали эту стѣну, она не заслуживала вовсе такого вниманія, какое впослѣдствіи обратили на нее іезуиты, съ тѣхъ поръ какъ династія Минъ вездѣ укрѣпила, удвоила и поправила ее, и ея адмираторы прославили ее какъ неприступный валъ, который впрочемъ при Маньчжурской династіи сдѣлался опять совершенно излишнимъ (*). Только одни европейцы причислили эту стѣну къ семи чудесамъ свѣта и сдѣлали изъ нея самую характеристическую примѣту цѣлаго Китая.

Страна Тендухъ была расположена также совершенно внѣ стѣны, и потому именно, подобно тому какъ прежде Инь-Шань служилъ убѣжищемъ Хунну, могла и она сдѣлаться убѣжищемъ другимъ племенамъ, между которыми замѣчательнѣйшими въ исторіи были Шато и Татары, до тѣхъ поръ пока послѣдніе не должны были подчиниться владѣтельному Монгольскому дому; первые пришли съ З., вторые съ В. въ эту страну, въ которой они впрочемъ, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, окончили свое политическое состояніе. Ихъ участіе въ метаморфозѣ этнографіи и политической исторіи Азіи было однакоже совсѣмъ немаловажно.

Шатосцы жили въ срединѣ I вѣка по Р. Хр., подобно другимъ соплеменнымъ имъ Туркамъ центральной Азіи, подъ именемъ Чу-юй (Tschu-Yue), на Лобъ-норѣ (7), и получили отъ тамошнихъ

(*) О томъ въ какомъ разрушеніи она уже находится нынѣ, свидѣтельствуютъ видѣвшіе ее въ 18 различныхъ мѣстахъ въ самое новѣйшее время миссіонеры Хюкъ и Габе. — *Пр. Пер.*

(7) Deguignes Gesch. d. Hunnen. T. II. p. 43; P. Gaubil. Hist. des Tang въ Mém. T. XVI p. 156.

обширныхъ степей, называемыхъ Турками Шато, тоже названіе и для своей орды (Багаргаръ у Аравитянъ) ([8]). Ихъ столица называлась Тантабео (Tantabeo?); они боготворили огонь; до нихъ, какъ и до многихъ другихъ народовъ нагорья, начиная отъ Кашгара, проникло можетъ быть ученіе Зороастра, Му-ху-фу Китайцевъ([9]), т. е. ученіе Маговъ или Моговадъ (Мобедъ) Магометанъ, и такимъ образомъ могло найтись на семъ нагорьѣ и Персепольское клиновидное письмо, для отысканія котораго намъ злополучный путешественникъ и другъ Шульцъ (Профессоръ въ Гиссенѣ) предпринялъ свое мученическое путешествіе. Различныя войны оттѣснили ихъ все далѣе и далѣе къ В., и такимъ образомъ проникли они, черезъ Бэй-т'инь (Pething, Бишбалыкъ), во времена апогея Тибетскихъ властителей — Туфань, въ Тангутъ, до Великой стѣны на верхнемъ Хуанъ-хэ. Наскучивъ зависимостью отъ сихъ послѣднихъ хотѣли они отдаться подъ покровительство Китая, но преслѣдовавшія ихъ Тибетскія войска Туфаней, настигли ихъ на пути къ В. въ 808 г. и изрубили $^2/_3$ всего ихъ количества. Только 10,000 изъ нихъ достигли до Хуанъхэ, въ нынѣшнемъ Ордосѣ, у Нинъ-ся, и были приняты съ честью Китайцами династіи Т'анъ, потому что сіи послѣдніе уже знали ихъ, при всѣхъ нападеніяхъ Тибетцевъ, за самыя храбрыя передовыя войска того времени. Съ 830 г. предводители ихъ, на С. отъ Шэньси и Шаньси, были произведены въ почетное званіе *стражей государства* противъ сѣверныхъ варваровъ (Турковъ, именно Хой-ху, и Татаней), потому что они, по своей храбрости, были въ почетѣ и у сихъ послѣднихъ, также и въ дружбѣ по сходству своихъ обычаевъ, такъ что черезъ это сѣверные варвары не только были обузданы, но и вовлечены въ торговыя сношенія съ пограничными крѣпостями, къ выгодѣ ([10]) Китая. Къ концу ослабѣвшей династіи Т'анъ предохранили еще

(8) Renaudot Anciennes relations p. 47, 52 и Klaproth Tabl. hist. p. 226 etc Taghazgaz есть искаженное названіе.

(9) P. Gaubil Hist. des Thang въ Mém. XVI. p. 225 etc.

(10) Gaubil въ пр. с. p. 199.

они ее своею вѣрностью и храбростью на нѣкоторое время отъ окончательнаго паденія (907 г. по Р. Х.). Одинъ, впавшій въ немилость при Китайскомъ дворѣ, храбрый Шатосскій князь, именемъ Ли-хѣ-юнъ (Li-Khe-Young), въ 880 г. нашелъ свое спасеніе въ Инь-шанѣ, гдѣ его гостепріимно приняли кочевавшія тамъ орды Татаней (самого древняго изъ извѣстныхъ Татарскихъ родовъ), которыхъ ни какіе подкупы Китайцевъ не могли подвинуть къ его выдачѣ ([11]). Когда, нѣсколько времени спустя послѣ того, загорѣлось въ Китаѣ большое возмущеніе противъ династіи Т'анъ, тотъ же самый бѣглецъ поддержалъ тронъ Китайскаго императора. Окруженный вѣрными толпами этихъ Татаньскихъ ордъ и во главѣ своихъ собственныхъ Шатосцевъ съ 50.000 войскомъ, поразилъ онъ въ 833 г. мятежниковъ; слава его какъ полководца усилилась и вся провинція Шаньси покорилась ему. Всѣ собрались подъ его знаменами, и онъ былъ возведенъ въ достоинство имперскаго князя втораго класса; наконецъ, будучи послѣднею поддержкою слабой династіи Т'анъ, которая давно уже сдѣлалась игрушкою своихъ собственныхъ евнуховъ и губернаторовъ, возвышается онъ еще въ достоинство царя Цзинь (895) въ Шаньси, но умираетъ въ 908 году. Эта боковая династія храбрыхъ Туркскихъ полководцевъ, которая развѣтвилась на З. до Инъ-ха, какъ царство Ха, властвовала только короткое время. Она должна была, подобно кратковременному царству узурпаторовъ, овладѣвшихъ Китайскимъ престоломъ сверженныхъ Т'анъ (съ 907 г.), за провинціи которыхъ оставшіеся въ живыхъ полководцы спорили ([12]) подобно полководцамъ Александра Македонскаго, уступить права свои возрастающему владычеству восточныхъ Киданей Тунгузскаго племени. Эти Кидани покорили себѣ весь сѣверный Китай, и нагорье Гоби, отъ Китайскаго моря и Амура до Алтая и Хуанъ-хэ, подъ именемъ династіи Ляо (907—1125), а западная вѣтвь Ха должна была покориться, только нѣ-

(11) Gaubil hist. въ пр. с. p. 275, 288.

(12) Gaubil hist. des Thang T. XVI. p. 367; Klaproth Tabl. hist. p. 232.

сколько позднѣе, Монголамъ Чингисъ-Хана (въ 1226, см. выше). Что упомянутые Кидани подчинили себѣ упомянутыхъ Татапей (Да-цзы у Гобиля), о томъ положительно свидѣтельствуетъ Китайская исторія ([13]).

Та-тань, кочевавшіе тогда въ Ипь-шанѣ, есть тотъ, самъ по себѣ безславный народъ, котораго имя, по случаю сродненія его участи съ участью позднѣйшихъ Монголовъ, выросло въ огромное историко-этнографическое привидѣніе, приводившее въ теченіи столѣтій въ страхъ и трепетъ всю Азію и Европу, и допынѣ еще сохранившее права свои, вопреки справедливости и истинѣ (въ выраженіяхъ татары, татарская раса, татарскій языкъ, обычаи и т. д.).

Въ существованіи этихъ Да-да, Та-тань ([14]) позднѣе Та-тарлъ, также Да-цзы, впослѣдствіи названныхъ Татарами, въ Ипь-шанѣ въ IX в. нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ то доказываютъ лѣтописи ([15]) династіи Танъ; но свѣдѣнія о томъ какъ они туда попали, и какъ оттуда *распространились далѣе*, по свидѣтельству разныхъ націй, были, вслѣдствіе ложнаго изложенія и недостатка критики, очень спутаны. Вотъ результатъ всего этаго.

Эти Татань ([16]) были однимъ изъ трибовъ 7 отдѣловъ древнихъ Мохэ (Mo-ho, Mo-kho), которые въ V в. по Р. Хр.. по разсказу Китайскихъ лѣтописей, Монгольскимъ сказаніямъ, и свидѣтельству великаго визиря Рашидъ-Эддина (1308 г.) ([17]), вмѣстѣ съ Тунгузскими народами обитали въ странѣ къ С. отъ Кореи, въ которой растетъ Жень-шэнь и на окраинѣ Гоби около Бопръ-нора (48° С. ш.; 115° В. д. отъ Пар.), между рѣками: Супгари-ула, Халха и Керулэнъ. Но въ 824 г. по Р. Х., послѣ кровавой битвы, были они покорены и разсѣяны по нагорью

(13) Gaubil hist. des Thang Ibid. p. 363.

(14) Ab. Remusat. Rech. s. les langues Tartares Paris 1820 4. p. 4. 420.

(15) P. Gaubil hist. des Thang въ Mem. T. XVI. p. 273. и not.

(16) Klaproth. Tabl. histor. de l'Asie p. 85, 153, 155, 156; cf. его же Mem. relat. á l'Asie T. I p. 464; Asia polyglotta p. 204, 266.

(17) M. D'Ohsson Histoire des Mongols T. I. p. XXVIII.

*

могущественнымъ Тунгузскимъ племенемъ Киданей, которые впослѣдствіи (907 — 1115), подъ именемъ династіи Ляо, сдѣлались властителями Сѣв. Китая, и потому были часто смѣшиваемы съ Татань, какъ бы они составляли одинъ съ ними народъ. На Китайскихъ картахъ Маньчжурія названа Та-та-ло [18]; т. е. провинція водяныхъ татаръ, чѣмъ и объясняется древнее мѣстопребываніе этаго народа тамъ, гдѣ еще и нынѣ обитаютъ Юй-п'и-да-цзы, племя, называемое слѣдовательно рыбокожими татарами.

Въ то время существовала еще безславная и малоизвѣстная вѣтвь этихъ Мохэ, которая уже съ VII в. называется Китайцами именемъ позднѣйшихъ Монголовъ (Mungku или Mungus) [19], въ сродствѣ и сосѣдствѣ съ этими Татань, къ Ю.-В. отъ Байкала, между рѣками впадающими въ верхній Амуръ слѣдоват: до Боиръ-нора, именно тамъ гдѣ 500 л. спустя родился Чингисъ-Ханъ. Въ то же время произошло конечно первое раздѣленіе обѣихъ народностей, потому что большая часть этихъ Татань [20] перешла на Ю.-З., въ западную страну Хуань-хэ (т. е. Хэ-си, въ Тендухъ и часть Тангута), въ Нинь-шань, гдѣ она впослѣдствіи сдѣлалась извѣстною Китайцамъ. Другія же части остались однакоже въ старомъ отечествѣ своемъ на Боиръ-норѣ и верхнихъ притокахъ Амура, въ зависимости отъ Киданей [21] до 1115 г., а по изгнаніи ихъ подъ властью Нюй-чжень (Yu-Tschi т. е. династіи Гинь 1115 — 1234), до тѣхъ поръ пока тамъ же, на Далай-норѣ, къ Ю.-В. отъ Байкала, не развилась власть Монголовъ въ правленіе Чингисъ-Хана. Еще другія возвратились назадъ, туда гдѣ тотъ же Чингисъ-Хана, происходившій изъ ихъ племени, послѣ борьбы съ ихъ размножившимися ордами, до тѣхъ поръ пока онъ въ 1202 не подчинилъ ихъ, въ числѣ 70,000 [22],

(18) См. Sou-Houng-Kian-Lou T. I. въ Ab. Remusat. Rech. sur les langues Tartares p. 238, 242.

(19) P. Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 2 not.

(20) Klaproth Journ. Asiat. Paris. 1825. T. IX. p. 303.

(21) P. Mailla Hist. gen. l. c. p. 9

(22) По Абульгази въ d'Ohsson Hist. Mong. I p. 47, 63.

всѣхъ своей власти. Ихъ С.-З. же вѣтви были въ то время данниками ([23]) властвовавшаго еще тогда на Толѣ и Орхонѣ Туркскаго царства Уйгуровъ (по Кит. Хой-ху), котораго Каханы пребывали въ Хоринѣ (по Кит. Холинь, впослѣдствіи Хара-хохоринь, Кара-корумъ), но уже такъ обезсилѣли, что новымъ пришельцамъ удалось скоро, подняться на развалинахъ ихъ владычества на С. (на З. остались они значительнѣе), и даже обратить ихъ столицу въ свою собственную. Это удалось именно очень усилившимися не задолго до Чингисъ-Хана Кэраитамъ, которые, въ свой блестящій періодъ, сдѣлали столицу Холинь своею собственною во время Кэраитскаго Ту-ли-ванъ-хана; почему впослѣдствіи, по паденіи его и Чингисъ-Ханъ былъ побужденъ къ перенесенію своей резиденціи въ эту столицу Татаней ([24]).

Отъ предводителей этихъ номадовъ, къ которымъ государственная географія династіи Минъ въ XI в. причисляетъ четыре главныя орды ([25]) Монъ-гу, Тай-чудъ, (Тайчжіудъ у Цананъ-Цецена), Татань и Кэраитъ, произошло властительное семейство Чингисъ-хана, который самъ себя называлъ Татань, но впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ всему міру подъ болѣе распространеннымъ и болѣе почетнымъ именемъ Монголъ. Мать Чингисъ-Хана была похищенная у Татаней княжна ([26]) Угелень-хатунь. Ихъ дальнѣйшія орды проникли на С.-З. до верхняго Енисея (у Китайцевъ Кемъ ([27]), у Монголовъ Уйгуръ-мурэнь ошибочно Алк'ара-мурэнь у Абульгази). Эти Татань, отъ которыхъ происходилъ Чингисъ-Ханъ, называются авторами черными Татань, какъ о томъ свидѣтельствуетъ современникъ Чингисъ-Хана Мэнъ-хунъ, служившій въ Монгольскомъ войскѣ; именно въ противуположность съ бѣлыми татарами (Унгутъ у Абульгази), принад-

(23) Pat. Gaubil hist. de Thang въ Mem. T. XVI. p. 275.
(24) Ab. Remusat. Mem. sur la ville de Karakorum p. 7 и 29.
(25) Asia polyglotta p. 203. 207.
(26) Ssanang-Ssetsen p. 62, 83 etc.
(27) Ab. Remusat Karakorum p. 19, 50.

лежащими однакоже къ совершенно другому, Туркскому племени ([28]).

Кочующія въ Нинь-шанѣ Татаньскіе орды, уже 60 лѣтъ спустя послѣ упомянутаго, гибельнаго для нихъ сраженія, какъ вѣрныя вспомогательныя войска полководца Ли-хѣ-юна, (въ 880 г.), сдѣлались довольно могущественны, для того чтобы быть послѣднею опорой все болѣе и болѣе ниспадающей съ высоты своего величія династіи Танъ (*). Въ этомъ то году имя Татаней въ первый разъ упоминается въ Китайской исторіи, потому наши свѣдѣнія о нихъ выходятъ изъ страны Тендуха, въ которой они также, какъ и внутри стѣны, укрѣпились, подъ знаменами побѣдоноснаго Ли-хѣ-юна. Они пошли по слѣдамъ ихъ тамошнихъ предшественниковъ, Турковъ, Хой-хэ, (впослѣдствіи Хой-ху), были пограничными стражами, вспомогательными войсками, жили выручкою съ своихъ табуновъ, и стояли, часто въ данничествѣ, часто производя небольшіе набѣги, но вообще въ согласіи съ своими южными сосѣдями. Этими сосѣдями были въ сіи времена смутъ и перемѣнъ въ династіяхъ на В.: Кидани (династ. Ляо до 1115), свергнутые Нюй-чженями (династ. Гинь 1115 — 1234), оставшимися подъ именемъ Алтунъ-хановъ (т. е. золотыхъ) до прибытія Монголовъ властителями Чжилійской и Шансійской провинцій. На З., въ Шэньси и южномъ Китаѣ, была съ ними въ сосѣдствѣ династія Сунъ (960 — 1280) и Хя (въ Нинъ-хя въ Тангутѣ 900 — 1227) на верхнемъ Хуанъ-хэ, до тѣхъ поръ пока изъ среды этихъ самыхъ Татаньскихъ ордъ не возникло побѣдоносно завоевательное царство Монголовъ.

Властителямъ Та-таней въ Нинь-шанѣ и Тендухѣ понравился еще и донынѣ ([29]) существующій между монгольскими князья-

---

(28) Ab. Remusat Rech. s. l. langues Tartares p. 238; Klaproth Asia polyglotta p. 206.

(*) Въ текстѣ Риттера ошибочно Сунъ — *Пр. Пер.*

(29) Timkowsky. Voy. T. I. p. 92.

ми титулъ Ванъ, т. е. царь или великій князь, regulo ([30]), потому они и были означаемы съ монгольскимъ прибавленіемъ Ханъ (т. е. Царь), даже у Монголовъ высокимъ титуломъ Ванъ-ханъ ([31]) (Ong-Chaghan у Цананъ-цецена; Oang-Chan у Рубрукиса, Ungchan у М. Поло), съ которымъ у многихъ европейцевъ того времени была связана басня о пресвитерѣ Іоаннѣ. М. Поло удерживаетъ это названіе, хотя онъ присовокупляетъ что это есть мнѣніе нѣкоторыхъ (come intesi), что этотъ Un-can все равно что пресвитеръ Іоаннъ, но что онъ совершенно другаго мнѣнія ([32]).

Въ монгольской исторіи, переведенной по повелѣнію отца императора К'анъ-хи, на маньчжурской языкъ, изъ архивовъ монгольской династіи ([33]), Татарская орда, въ которой династія Гинь, подъ условіемъ платежа дани, поставила Ванъ-хана, названа Кэраитъ (Kerit, Carit у запад. автор.). Ванъ-ханъ этотъ назывался Толи (или Тогруль; Tayrell у Абульгази) и жилъ въ то время, когда, при отцѣ Чингисъ-хановомъ Ѣсукеѣ (Pisuca у Аравитянъ), могущество Монголовъ начинало дѣлаться грознымъ, съ сими послѣдними въ большомъ согласіи. Дѣдъ его назывался Мергусъ ([34]) (не Маргоръ какъ у Тимковскаго или Маркусъ евангельское имя какъ у д'Осона) ([35]); отецъ его — Куджа-бойрукъ, дядя — Кюръ (или Куръ, Куръ-ханъ, Гурканъ арабс. писат.). Этотъ Ванъ-ханъ Тогруль (Аюпакъ-ханъ у Абульгази) ([36]) преслѣдовалъ жестоко своихъ братьевъ и родственниковъ и истребилъ многихъ изъ нихъ; потому дядя его Кюръ согналъ его съ престола, по Ѣсукэй, по просьбѣ Тогрула, выступилъ противъ мятежника, который убѣжалъ въ Ся и ввелъ Ванъ-хана опять въ законное обладаніе его царствомъ.

(30) Journ. Asiatiq. T. IX. p. 301; Visdelou Supp. biblioth. orient. p. 2.
(31) Visdelou въ Herbelot. Bibl. orient. Supp. fol. 141.
(32) M. Polo ed. Ramusio. T. II. c. 42. fol. 136. cp. Marsden ed. fol 191. Not. 365.
(33) P. Mailla въ Hist. gén. de la Chine T. IX. 4. p. 1.
(34) P. Mailla l. c. p. 9, 30.
(35) D'Ohsson Hist. des Mongols. T. I. p. 39.
(36) Abulgasi Hist. gén. des Tartares. 8. Leyde. 1726. p. 117.

Отсюда и произошла тѣсная дружба обоихъ, которую и сынъ Есукея, юный Чингисъ-ханъ, изъ сыновней любви, соблюдалъ очень строго, давъ множество прекрасныхъ примѣровъ своего великодушія ([37]), несмотря на недовѣрчивость и вѣроломство, показанныя Ванъ-ханомъ, посѣдѣвшимъ уже тогда старцемъ. Конецъ предательству и раздору между обоими положила кровавая битва 1203 г., между истоками Толы и Керулэна, на границѣ владѣній обоихъ государей, или на истокѣ Онона при Кулунь-боирѣ (т. е. Боиръ-норѣ), по Цананъ-цецену ([38]), или еще вѣроятнѣе на Харакчинъ-шату, т. е. на черной лѣстницѣ, по свидѣт. О. Іакинѳа, въ которой Чингисъ-ханъ своею храбростью побѣдилъ втрое сильнѣйшаго врага и подчинилъ своей власти Кэраитъ, также какъ страну Тендухъ. Самъ Ванъ-ханъ вскорѣ послѣ того погибъ во второмъ сраженіи, а сынъ его былъ преслѣдуемъ черезъ Хя на З., гдѣ онъ нашелъ смерть свою въ хищническомъ походѣ. Такъ изчезло царство Кэраитовъ и внушавшаго до тѣхъ поръ большой страхъ Ванъ-хана; этою и другими побѣдами доставилъ себѣ Чингисъ-ханъ (до тѣхъ поръ называемый Темучиномъ) скоро владычество, какъ Кханъ, т. е. царь-царей (съ 1206), надъ всѣми Татаньскими племенами, соединившимися въ одно Монгольское, сокрушившееся впослѣдствіи подъ этимъ общимъ именемъ.

Остатки Кэраитовъ перешли въ монгольскія войска и отступили на второй планъ, какъ и всѣ побѣжденные. Но ихъ исторія и языкъ доказываютъ, по свидѣтельству хроникъ Елютовъ, что отдѣльные ихъ роды, подъ именемъ Торготовъ ([39]), разсѣяны не только въ Гань-чжеу, но и между нынѣшними Калмыцкими ордами на Волгѣ. Однакоже достоинство, хотя уже не могущество Ванъ-хана, удержалось въ странѣ Тендухъ, и очевидно въ той же низверженной фамиліи, которая только

(37) P. Mailla l. c. 18, 20, 27, 30, 33. D'Ohsson l. c. p. 42 etc.

(38) Ssanang Ssetsen Mong. Gesch. p. 87. Not. 42. p. 383; D'Ohsson Hist. des Mongols T. I. p. 58.

(39) Pallas Samml. T. I. p. 56; Ab. Remusat. Rech. s. l. langues Tartares p. 208.

по простому недоразумѣнію попала въ духовныя почести. Это подтверждается повѣствованіемъ очевидца — М. Поло (около 1300 г.), хотя глава его сочиненія de regionibus orientalibus очень обрѣзана. Онъ говоритъ ([40]): «въ Тендухѣ, странѣ пресвитера Іоанна (Prete Gianni), много мѣстъ и замковъ, подвластныхъ великому Хану (тогда Хубилаю), потому-что всѣ пресвитеры Іоанны, тамъ властвующіе, подчинены великому Хану, съ тѣхъ поръ какъ Чингисъ-ханъ покорилъ *перваго изъ нихъ — Ванъ-хана*». Изъ сего показанія выходитъ ясно всеобщее тогда смѣшеніе Вановъ, т. е. царей, съ Joan, Joannes, Preste-Joan, потому-что басня о царѣ-пресвитерѣ, выдуманная во время Крестовыхъ походовъ, бросалась всѣмъ въ голову и была особенно покровительствуема несторіанскими христіанами, которыхъ М. Поло нашелъ еще вездѣ на Хуанъ-хэ. Потому-то она укоренилась особенно здѣсь, въ странѣ Тендухъ, на нѣкоторое время, потому-что въ здѣшнія постоянныя обиталища проложили себѣ путь одновременно и буддійская религія и несторіанскія церемоніи, которыя во внѣшнихъ своихъ формахъ представляли столь поразительное сходство (*), и потому были смѣшиваемы китайскими и другими восточными писателями. Но и для Европейцевъ мечта эта о пресвитерѣ Іоаннѣ установилась здѣсь, потому-что дѣйствительно, во времена М. Поло, удалось здѣсь Миноритскому патеру Іоанну де Монтекорвино ([41]) обратить въ католическую вѣру одного здѣшняго князя, потомка Ванъ-хана, названнаго имъ Георгіемъ, со многими лицами его свиты, изъ несторіанскихъ Христіанъ. Но надежда на дальнѣйшее распространеніе церкви изчезла со смертью этого Георгія (Georgius de Secta Nestorianorum christianorum, qui erat de genere illustri

(40) M. Polo y Ramusio. T. II. c. 51. fol. 16; ed. Andr. Mullerib, Greiffen. Colon. Brandenb. 1671. 4. cap. 64. p. 53.

(*) Это поразительное сходство бросилось въ глаза и новѣйшимъ католическимъ миссіонерамъ Хюку и Гобе. См. выше. — *Пр. Пер.*

(41) L. Wadding Ann. Minor. T. VI. p. 69; ad. ann. 1305. Epistolae Cataja; и Jos. Sim. Assemanus Syrus Maronita Bibl. orient. Clementina-Vaticana in Mscr. Romae. 1728. T. III. p. II. de Syris Nestorianis cap. V. et. IV. fol. CXXX.

magni Regis, qui dictus fuit Presvyter Joannes de India) въ 1299 г.: потому-что сынъ его Іоаннъ, малолѣтній ребенокъ, хотя и подавалъ надежду быть христіаниномъ, подобно отцу своему, но братья его, говоритъ Патеръ, коснѣли въ несторіанскихъ заблужденіяхъ, и всѣ имъ обращенныя лица по смерти Ванъ-хана снова обратились въ еретичество. Іоаннъ де Монтекорвино, стоявшій въ милости у Хубилай-хана, и построившій въ то время въ Пекинѣ (Ханбалыкѣ) первую христіанскую церковь съ колокольнею, и окрестившій 6000 человѣкъ, былъ, въ вознагражденіи за то, пожалованъ въ 1307 г. Папою Клементомъ V въ достоинство перваго Archiepiscopus Cambalensis ([42]). Онъ былъ посланъ прежде, какъ миссіонеръ Ѳомасскихъ христіанъ, Папою Николаемъ IV, въ 1288 г., черезъ Персію и Индію, и этимъ путемъ открылъ въ первый разъ миссію въ Китай. М. Поло ([43]) называетъ того же Тендухскаго царя Георгіемъ и подтверждаетъ это сказаніе патера; говоря что Георгій принадлежитъ къ роду пресвитера Іоанна, самъ пресвитеръ и христіанинъ, четвертый преемникъ перваго и что большая часть жителей также Христіане, но что онъ владѣетъ только частью земель прежняго Ванъ-хана (или пресвитера Іоанна), и что великій Ханъ—Хубилай, т. е. китайскій императоръ, даетъ ему въ бракъ княженъ изъ царскаго рода. Въ этой провинціи находятся камни, изъ которыхъ получается лучшая лазурь (azurro); жители ткутъ прекрасные ковры изъ верблюжьяго волоса, живутъ земледѣліемъ, торговлею и промышленностью. Власть находится въ рукахъ христіанскаго царя, стоящаго подъ великимъ Ханомъ, однакоже здѣсь живетъ множество идолопоклонниковъ и мухамеданъ и еще одинъ классъ жителей, называемый Аргонъ(?), потому-что они суть смѣшанные потомки идолопоклонниковъ Тендуха и приверженцевъ Корана. Объ этихъ Аргонахъ мы ничего сказать не умѣемъ.

---

(42) См. Ibid. и Joan. de Monte-Corvino. Biogr. въ Ab. Remusat Nous Mel. Asiat. 1829. T. II. p. 193—198.

(43) M. Polo l. c. 32. fol. 16. и c. 53. Jb.

Этими свѣдѣніями оканчивается все наше знаніе этого сокровеннаго угла нашей планеты, и большой пробѣлъ начинается отсюда до временъ маньчжурской династіи, при которой, какъ мы уже сказали, іезуитъ Жербильонъ есть между европейцами первый очевидецъ, проникшій въ древнюю страну Тендухъ, славную преданіемъ о пресвит. Іоаннѣ, о которомъ Жербильонъ и не помышлялъ. И кого же онъ находитъ тамъ: боготворимаго страною намѣстника вѣчно живущаго безсмертнаго божества нагорныхъ азіатовъ, котораго конечно предразсудокъ того времени еще и нынѣ почелъ бы за самаго пресвитера Іоанна.

Это былъ Кутухту, великій лама Монголовъ, который имѣлъ тогда въ 1688 г. резиденцію въ Ху-ху-хотонѣ. Его аудіенція высшимъ мандаринамъ китайскаго посольства, при которой Жербильонъ присутствовалъ какъ очевидецъ, даетъ намъ живѣйшее понятіе о вліяніи и духовной власти, которыя подобная особа въ состояніи имѣть на необразованныя націи и цѣлыя племена, когда ее поддерживаетъ такая Іерархія, какъ ламайская, отъ коей, въ тѣ времена, по существу своему, т. е. по церемоніаламъ, несторьянская не очень удалялась, потому-что она слилась съ нею въ такой степени, что ее не осталось слѣда, а церемоніалы несторьянскихъ патріарховъ или каѳоликосовъ, какъ бы срослись съ церемоніалами Кутухтъ. Какъ только посольство императ. Канъ-хи (44) достигло до города, оно направилось прямо въ главную пагоду, гдѣ его встрѣтили многіе ламы, проводившіе его черезъ большой четыреугольный дворъ Хо-фо (по кит. живой будда), къ ихъ духовному начальнику, который никогда не умираетъ и боготворяется Монголами и Маньчжурами какъ божество на землѣ. Однакоже онъ есть не болѣе какъ одинъ изъ десяти кутухтъ, т. е. Викаріевъ (45) Тибетскаго Далай-ламы, который, какъ Pontifex maximus, признается и ки-

(44) Gerbillon Voy. I. y Du Halde. T. IV. p. 123.
(45) Ab. Remusat. Rech. s. l. langues Tartares. p. 228.

тайскимъ государствомъ за воплощеніе Будды, бога на землѣ и свѣтскаго царя. Кутухту же есть собственно воплощеніе прежде жившаго святаго или угодника ([46]), Бурхана. Но поклоненіе и власть переносятся отъ этого видимаго воплощенія божества или Будды на различныхъ представителей его, святыхъ или Бурхановъ, имѣющихъ пребываніе между различными народами въ различныхъ пунктахъ земли; три изъ нихъ пребываютъ въ самомъ Пекинѣ ([45]). Одинъ изъ значительнѣйшихъ изъ нихъ еще въ началѣ XVIII в. распространилъ здѣсь свою неограниченную власть надъ большимъ племенемъ Халхасскихъ Монголовъ, хотя онъ и не сдѣлался самымъ извѣстнымъ въ чужихъ странахъ. Знаменитѣйшимъ же изъ всѣхъ Кутухтъ сдѣлался Гегенъ-кутухту (Gehen-Kutuchtu, Guison-Damba) на Селенгѣ въ Ургѣ, который раздѣлилъ участь съ изгнанною монгольскою династіею и началъ властвовать за Шамо на С. Ху-ху-хотонскій же остался на Ю. Духовная власть его, какъ и у прочихъ, получила начало въ XIII в., съ того времени какъ Хубилай-ханъ далъ супрематію надъ всѣми ламами Пак-ба (Phagh-ba т. е. первому, главѣ, отъ санскр. Bâck-Pha; P'agspa-Lama ([45]) у Шмидта, Phaspa или Paspa у Аб. Ремюза), какъ Богдо-ламѣ въ своей имперіи, утвердилъ его мѣстопребываніе въ Тибетѣ, и такимъ образомъ положилъ основаніе образованію политико-религіозной іерархіи Викаріями его во всей китайской имперіи, что и было впослѣдствіи продолжено Маньчжурами.

Положительно, что въ концѣ царствованія Хубилая (1260—1296), какъ мы узнаемъ изъ разсказовъ М. Поло и І. де Монтекорвино, въ странѣ Тендухъ находилось 4-е поколѣніе пресв. Іоанна, и этотъ государь именуется еще у христіанъ царемъ

---

(46) Klaproth. Mém. relat. á l'Asie. T. II. p. 92.

(47) Timkowsky. Voy. II. 47.

(48) Ssanang Ssetsen Gesch. d. Mongolen. p. 115; not 15. p. 393; Pat. Georgi Alphabetum Tibetanum Romae 1762. 4. въ Canon regum et supremorum Lhamarum T. I. p. 316. ad. ann. 1232. Klaproth. Not. въ Descript. de Tubet. въ Nouv. Journ. asiat. IV. p. 117.

Ванъ-ханомъ, пастыремъ и христіанином, но христіанство, по свидѣтельству Монте-Корвино, опять вымерло съ Георгіемъ, и фамилія его, со всѣми своими приверженцами возвратилась къ прежнему еретичеству, отъ котораго нынѣ здѣсь не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ, между тѣмъ какъ Ламаизмъ явился наоборотъ преобладающимъ. Потому отсюда можно было бы придти къ гипотезѣ, что въ томъ же самомъ кочевомъ племени это предполагаемое духовное званіе, сопряженное съ званіемъ Ванъ-хана, по паденіи ихъ свергнутаго монгольскою династіею Дома, уже при Минской династіи, вытѣснившей изъ своей имперіи всякое свѣтское вліяніе Ламъ, перешло на другое, аналогическое великое духовное лице — буддійское. Но на это нѣтъ доказательствъ въ монгольской исторіи, а тибетская даже противурѣчитъ этому. Между тѣмъ какъ свѣтскій титулъ Ваца, по присоединеніи Тендуха къ Китаю, остался въ спискахъ китайскихъ чиновъ, и, отдѣльно отъ пресвитерскаго званія, существовавшаго только въ воображеніи Несторьянцевъ, былъ раздаваемъ Минскими и Маньчжурскими императорами монгольскимъ князьямъ, предполагаемое духовное званіе раздавалось Далай-Ламою избраннымъ имъ въ викаріи Кутухтамъ. Такъ досталось оно и этому Кутухтѣ въ странѣ, оставшейся и послѣ изгнанія династіи Юань подъ верховнымъ владычествомъ Китая, зависимою отъ Тибета, между тѣмъ какъ тотъ Кутухта, который раздѣлилъ участь своего монгольскаго царственнаго Дома, т. е. изгнанной изъ Китая на Сѣверъ Гоби династіи сѣверныхъ Юань, т. е. сѣверо-монгольскихъ хановъ на Селенгѣ, умѣлъ сдѣлаться въ резиденціи ихъ гораздо болѣе независимымъ отъ Тибета и Далай-Ламы. Объ этомъ, такъ называемомъ Гегень Кутухту (Gheghen т. е. святой), котораго вліяніе на большую часть кочующихъ на сибирской сторонѣ Монголовъ сдѣлалась еще гораздо значительнѣе, потому что онъ принадлежитъ къ тремъ главнымъ духовнымъ званіямъ, которыя воспѣваются даже и въ монгольскихъ пѣсняхъ какъ три Богда (tres augusti) ([49]),

(49) Timkowsky Voy. II. 302

мы будемъ говорить ниже, при разсмотрѣніи Кяхтинской дороги при Ургѣ, въ которой онъ учредилъ свое мѣстопребываніе. Здѣсь, въ странѣ Тендухъ, лежавшей нѣкогда также на большой торговой дорогѣ, но оставшейся въ сторонѣ отъ нея, вслѣдствіе политической перемѣны въ Сѣверѣ и Западѣ Китая, и удержавшей свое значеніе только для внутреннихъ сношеній, переходимъ мы къ аудіенціи въ пагодѣ Кутухты въ Хуху-хотонѣ въ началѣ XVIII вѣка, не находя ни малѣйшаго слѣда тому, какимъ образомъ упомянутая духовная супрематія могла образоваться въ этомъ углу земли или уничтожиться своею внутреннею пустотою.

Посольство ([50]) нашло въ Кутухтѣ 25-лѣтняго молодаго человѣка, съ очень длиннымъ плоскимъ лицомъ, сидящаго на двухъ подушкахъ изъ золотой парчи и желтаго атласа; великолѣпнѣйшая желтая мантія изъ китайскаго штофа покрывала его съ ногъ до головы; бордюръ ея былъ вышитъ цвѣтнымъ шелкомъ, какъ мантіи католическихъ регентовъ хора. Изъ подъ мантіи видна была только непокрытая голова съ кудрявыми волосами; онъ былъ неподвиженъ, и спокойно смотрѣлъ какъ на него молились приходящіе. Пять или шесть шаговъ не доходя до него преклонили колѣна мандарины и ихъ свита: каждый сдѣлалъ три земныхъ поклона, потомъ снова преклонилъ колѣна непосредственно передъ нимъ, для того чтобы получить его рукоположеніе и удостоиться коснуться его четокъ. Потомъ они совершили во второй разъ земные поклоны и удалились на эстрады пріемной залы, для того чтобы дать мѣсто своей многочисленной свитѣ. Потомъ все собраніе было угощаемо чаемъ, варенъемъ, рисомъ, мясомъ и другими яствами; но живой кумиръ имѣлъ предъ всѣми преимущество. Ламы приносили ему явства на серебряныхъ блюдахъ и въ фарворовыхъ сосудахъ; когда распахнулась его мантія видны были его голыя руки и тѣло его, драпированное священными шарфа-

(50) Gerbillon Voy. I y Du Halde IV. p. 123.

ми желтаго и краснаго цвѣтовъ. Верховный лама вездѣ говорилъ за Кутухту, который только иногда озирался съ улыбкою и, во время всей аудіенціи, сказалъ только очень тихо своимъ приближеннымъ пять или шесть словъ. За тѣмъ всѣ отправились осматривать пагоду, построенную довольно грубо и безъ архитектоническаго достоинства въ китайскомъ вкусѣ, и имѣющую 40 ф. въ квадратѣ. Квадратная же ея средина была поддержана 5-ю рядами колоннъ. Здѣсь живой кумиръ сидитъ обыкновенно на алтарѣ, имѣющемъ видъ трона, подъ желтымъ шелковымъ балдахиномъ, и передъ нимъ, также какъ и передъ изображеніемъ другихъ идоловъ, возжигаются душистыя свѣчи и совершаются религіозныя церемоніи. Здѣсь молятся толпы народа. Галлереи вели на верхъ съ внѣшней стороны пагоды къ покоямъ, въ которыхъ Ламы жили, какъ въ монастырѣ. Въ одномъ изъ нихъ видѣлъ Жербильонъ несчастнаго 7 или 8 лѣтняго ребенка, одѣтаго и сидящаго подобно живому кумиру; передъ нимъ горѣла лампа. Безъ сомнѣнія онъ былъ предназначенъ для того чтобы въ случаѣ смерти Кутухты быть въ готовности при манифестаціи возрожденія, потому что здѣшнее іерархическое начало состоитъ не въ томъ, чтобы назначать въ конклавѣ кардиналовъ викарія самой высшей духовной власти на землѣ старца, но напротивъ послушнаго ребенка изъ мнимыхъ хубильгановъ или возрожденныхъ. Потому то этого ребенка, который не произнесъ ни одного слова, окружаютъ боготвореніемъ толпы; и когда онъ всходитъ на тронъ свой, то не только все повинуется ему, но и приносятъ въ жертву все лучшее, отчего и выгода обмана дѣлается все большею, и самый обманъ укореняется сильнѣе. Толпы пилигримовъ собирались здѣсь изъ отдаленнѣйшихъ странъ; пять индостанскихъ нищенствующихъ монаховъ, въ капуцинахъ и желтыхъ мантіяхъ, забрели не только сюда, но даже и на С. Гоби на Селенгу въ резиденцію Гегенъ Кутухты, гдѣ (въ 1720) Дж. Белль ([51]) нашелъ такихъ индѣйскихъ

(49) J. Bell. Travels. I. p. 285.

факировъ, покланяющихся Хо-фо. Онъ видѣлъ какъ они покупали изъ благочестія у рыбаковъ рыбу, для того чтобы бросить ее назадъ въ воду, потому что, согласно съ ученіемъ переселенія душъ, они воображали, что въ эти рыбы перешли души какихъ либо изъ ихъ предковъ или друзей; заблужденіе, которое и Тимковскій ([52]) нашелъ проникнувшимъ столь же далеко. Такъ объясняется какимъ образомъ подобные предразсудки пробиваютъ легко себѣ путь въ отдаленнѣйшія страны. Послѣ осмотра пагоды посольство вошло въ залу безсмертнаго, т. е. жилище Кутухты, гдѣ тронъ и мебель его были выложены перламутромъ, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ грязныхъ кельяхъ ламы пѣли свои молитвы; здѣсь посольство простилось съ живымъ Буддою (Хо-фо), не сдѣлавшимъ ему впрочемъ ни малѣйшаго привѣта.

Набожные Буддисты посольства поспѣшили еще оттуда во вторую пагоду, для поклоненія второму Кутухтѣ потому что здѣсь существуетъ одновременно три пагоды и три Ха-фо или Кутухты([51]), которые, какъ выражается Жербильонъ, подобно католическимъ каноникамъ, живутъ особенно, владѣютъ раздѣльно своими имуществами, и только сходятся на общую молитву въ пагодахъ. По догматикѣ буддистовъ одна и таже хубильганская душа можетъ имѣть три земныя манифестаціи—личную, доктринальную и духовную ([54]), и такъ существуютъ здѣсь ихъ представители въ разныхъ пагодахъ, окруженные многочисленными толпами ламъ или жрецовъ. Второй Кутухта былъ доступнѣе: онъ вышелъ самъ на встрѣчу посольству и сознался мандарину, который только на императорской службѣ исповѣдовалъ государственную религію, а въ душѣ своей былъ приверженецъ Конфуція и презиралъ религію Фо, что онъ самъ не понимаетъ какъ онъ могъ жить когда-то въ другомъ тѣлѣ. На это онъ не имѣлъ никакихъ другихъ доказательствъ кромѣ увѣренія ламъ; самъ же

(52) Timkowsky Voy. I. p. 32, 51.

(53) Gerbillon Voy. VI. Ib. p. 431.

(54) Vie de Bouddha d'aprés les livres Mongols въ Klaproth. Mém. relat. II. p. 93.

онъ ничего не помнилъ изъ того, что случалось съ нимъ въ прошлой жизни. Ламы же слышали это отъ далай-ламы, ребенка, возродившагося въ Шэнь-си.

Въ высшемъ же блескѣ явился тронъ здѣшняго кутухты, когда самъ императоръ Канъ-хи, въ 1696 г., пришелъ на поклоненіе ему, какъ нѣкогда германскіе императоры приходили къ римскимъ патріархамъ. Черезъ это мы узнаемъ духовную связь сихъ странъ, обитаемыхъ столь различными народами. Императоръ Канъ-хи, со всѣми своими аттрибутами, сопровождаемый блистательнымъ конвоемъ многочисленныхъ войскъ, вступилъ въ Хуху-хотонь ([53]) въ 1696 году. Чиновники тамошнихъ императорскихъ трибуналовъ приняли его съ оглушительною музыкою, состоящею изъ трубъ, барабановъ и флейтъ; уже въ двухъ часахъ пути отъ города начиналась шпалера монгольскихъ солдатъ, ожидавшихъ на колѣнахъ императора, который прошелъ между ихъ рядами въ городъ, гдѣ его ожидалъ народъ также на колѣнахъ въ безмолвномъ почтеніи; женщины стояли отдѣльно. Онъ, какъ сынъ Неба, помѣстился въ большой пагодѣ, при входѣ въ которую его встрѣтило 200 ламъ съ распущенными знаменами и оглушительною музыкою, всѣ въ праздничныхъ священническихъ платьяхъ, одѣтые въ красные и желтые кафтаны, ниспадающіе отъ шеи до ногъ, съ желтыми суконными полумитрами на головахъ. Въ пагодѣ кутухту принялъ императора, который послѣ церемоніала провелъ первый день въ разныхъ пагодахъ, а на второй уже выѣхалъ въ свой лагерь, осматривалъ какъ воинъ укрѣпленія и давалъ ауді-енціи и пиршества. На сихъ послѣднихъ верховные ламы занимали почетныя мѣста, подлѣ монгольскихъ князей крови, ванов (regulos); посланники же ихъ подлѣ великихъ мандариновъ имперіи. Послѣ недѣльнаго пребыванія удалился императоръ съ такою же пышностью опять къ Хуанъ-хэ, гдѣ мы уже за нимъ слѣдовали выше. Вотъ въ какомъ положеніи находится нынѣ страна Тендухъ.

(53) Gerbillon voy. VI. y Du-Halde IV. p. 431.

Китайскія лѣтописи объясняютъ намъ отчасти внутреннюю дипломацію этихъ внѣшнихъ обрядовъ, показывая, какъ подъ прикрытіемъ іерархіи, дѣйствуетъ политика.

Такъ блистательно подняли вновь кутухтъ Хуху-хотоня маньчжурскіе императоры, слѣдуя политикѣ Хубилай-хана, который съ 1253 г. (56) основалъ свое владычество въ Тибетѣ установленіемъ Пагба-ламы (Pagspa; Passapa у Аб. Рем.). Это произошло оттого, что Маньчжурамъ, еще въ началѣ ихъ владычества (при ихъ Тай-цзунъ Вынъ-хуанъ-ди, т. е. Fundator magnus Imperator Augustus 1627—1644)(57), подчинились южно-монгольскія племена на сѣверныхъ границахъ Китая, еще прежде покоренія Срединнаго царства и паденія династіи Минь. Монголы эти были буддисты и подчиненіе ихъ было произведено прежнею покорностью Маньчжуровъ Далай-ламѣ. Потому они (58) уже издавна почитали буддійское духовенство въ странѣ Тендухъ, такъ какъ этому духовенству издавна были преданы сосѣднія съ Китаемъ монгольскія племена, и голландскій посланникъ Нейхофъ (59) нашелъ въ 1652 г. ламайское посольство при дворѣ перваго маньчжурскаго императора Шунъ-чжи (Tschun-Tschi 1644—1651), хлопотавшее о возвращеніи потерянныхъ ими при династіи Минъ въ Китаѣ правъ и о покровительствѣ императора. Большое число монгольскихъ князей или хановъ служили китайскимъ императорамъ династіи Минъ съ средины XVI вѣка, вассалами (60) подъ именемъ Чахаръ (т. е. пограничныхъ войскъ), и эти князья числомъ 24, были признаны Ванами, отъ Маньчжурскихъ императоровъ; каждый съ 3 — 4000 подданными изъ своего племени, съ нѣсколькими стами или тысячью всадниками, которымъ, какъ пограничной стражѣ, было выда-

(56) Ah. Remusat Rech. s. les lang. Tartares p. 346.

(57) Not. sur l'origine de la nation des Mandchoux въ Mém. relat. á l'Asie T. I. p. 430.

(58) Gerbillon voy. I. y Du-Halde IV. p. 127.

(59) Ioann. Neuhov Legatio Batavia ad magnum Tartariae chanum Sungteium. Amstel. 1668. fol. p. 155.

(60). Но Tai-Thsing-Y-Thoung-Tchy въ Timkowsky Voy. II. p. 207 — 239.

ваемо жалованье (5000 ланъ) ([61]), для содержанія ихъ въ повиновеніи отъ Ляо-дунъ да Шэньси.

Въ то время Халхасскіе Монголы, съ ихъ Ханами изъ дома Чингисъ-хана, были еще независимы на С. Гоби, отъ Кэрулэна до Орхона и Селенги, хотя и состояли въ войнахъ съ Китаемъ, но ихъ прежнее величіе и могущество очень уменьшилось, не смотря на то что они могли еще собрать значительныя толпы всадниковъ. Внутреннія междоусобія ихъ ордъ и войны съ сродными племенами Елютовъ, изъ рода Кэрантъ, сдѣлавшимися могущественными подъ управленіемъ собственнаго Галдана, и взаимная вражда, грозившая имъ совершенною гибелью, привели къ окончанію уже начавшееся ихъ подчиненіе ([62]) Китаю. Императоръ К'анъ-хи велъ съ большою мудростью эти дѣла, и привелъ ихъ къ желанному концу своею неутомимою воинскою дѣятельностью и побѣдами. Страна Тендухъ служила центромъ его дѣятельности, изъ котораго онъ умѣлъ руководить своими войсками какъ полководецъ, преданными ему ламами какъ дипломатъ, такъ хорошо для исполненія своихъ предпріятій, что онъ одержалъ одновременно три политическія побѣды: *подчиненіе Халхасскихъ Монголовъ*, *уничтоженіе власти и царства Галдана и усмиреніе Тибета*, который хотѣлъ было уклониться отъ западной власти сына неба (Т'янь-цзы) и сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ.

Халхасскіе Монголы, раздѣленные на 7 княжествъ, и управляемые тремя ханами ([63]), старались войти въ дружественныя сношенія съ новою Маньчжурскою династіею подарками, браками съ императорскими шафтинами и посольствами когда ихъ западные роды съ 1677 г. были запутаны своимъ ближайшимъ сосѣдомъ Елютскимъ Галданомъ въ опустошительную войну. Внутреннія междоусобія между восточными и западными Хал-

---

(61) Gerbillon Voy. I въ Du Halde IV. p. 129 и 138.

(62) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 121.

(63) Ho Thai-Thsing-Y-Thoung-Tchy въ Timkowski II. p. 215.

хассами дѣлали ихъ безсильными противъ все болѣе подвигающагося отъ З. къ В. жестокаго врага Элютовъ, и въ головѣ великаго Китайскаго государя К'анъ-хи, современника (1662 — 1775) и азіатскаго соперника Петра Великаго, созрѣла мысль подчинить своему скипетру всѣ эти орды. Для того чтобы окончить внутреннія междоусобія Халхасскихъ князей, которые старались упрочить свои титулы, утвержденные великимъ ламою, просилъ императоръ Далай-ламу прислать въ Ху-ху-хотонь Кутухту, посредникомъ этихъ споровъ, что и было исполнено въ 1683; только Кутухту ([64]) этотъ умеръ вскорѣ въ 1685 году. Императоръ К'анъ-хи выпросилъ ему преемника, которой и прибылъ съ титуломъ Чжассакту-ламы (Tschassac-tu); соединенными усиліями императора и Далай-ламы миръ между Халхасскими князьями въ 1686 г. на первый случай, по крайней мѣрѣ наружно, былъ возстановленъ; условія его были приняты клятвенно передъ изображеніемъ Будды или Фо. Когда на второй годъ послѣ того Китайское посольство сдѣлало свою первую неудачную поѣздку (въ 1688 г.) для заключенія Нерчинскаго договора съ Россіею, избрало оно себѣ путь черезъ Ху-ху-хотонь. о которомъ мы уже сообщили показаніе Жербильона. Это посольство было рекомендовано императоромъ Кутухтѣ, для того чтобы онъ выхлопоталъ для него у Халхасскихъ племенъ Гоби вѣрныхъ проводниковъ, и 400 Халхасскихъ всадниковъ должны были служить ему конвоемъ до Нерчинска. Посольство изъ Ху-ху-хотоня двинулось къ С. черезъ степь Гоби, пройдя отъ 18 іюня до 23 іюля 83 г. м., до станціи Наратъ (46° 14′ с. ш.) ([65]), Тутъ встрѣтились ему бѣглые Халхасскіе князья, отъ которыхъ онъ узналъ что Галданъ Елютовъ снова напалъ съ значительными силами на Халхассовъ и принудилъ ихъ къ бѣгству на Югъ. Посольство слѣдовательно не могло на этотъ

(64) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 107, 108.
(65) Gerbillon Voy. I. y Du Halde IV. p. 127 — 143, 147.

разъ проникнуть къ Онону и Кэрулэну въ Нерчинскъ, и принуждено было возвратиться обратно въ Пекинъ.

Ху-ху-хотонъскій Кутухту сообщилъ въ Пекинъ первыя свѣдѣнія о новомъ начатіи войны. Посольство въ слѣдующемъ 1689 году ([66]) должно было направиться по болѣе восточной дорогѣ, черезъ средину Гоби (см. ст. 113), для заключенія Нерчинскаго пограничнаго договора. Халхассы были все болѣе и болѣе вытѣсняемы изъ ихъ сѣверныхъ кочевевъ и принуждены искать убѣжища къ Югу отъ Каруна (Karong у Малья, Сагоп у Жербил. и д'Анв.), т. е. почитавшейся до тѣхъ поръ нейтральною пограничной полосы, которая простирается черезъ каменистую степь отъ Ю.-З. къ С.-В. ([67]), слѣдовательно на самой Китайской территоріи. Здѣсь императоръ Канъ-хи принялъ ихъ гостепріимно, обѣщалъ имъ помощь, и нужда заставила этихъ гордыхъ князей, прежде столь могущественнаго Чингисъ-хана и Хубилаева рода, признать себя вассалами Китайскаго императора. Данью каждому изъ трехъ верховныхъ Хановъ было назначено Песунъ-чаганъ т. е. девятерная бѣлая дань, состоявшая ежегодно изъ 8 бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда. Для принятія торжественнаго акта подданства Чингисъ-хановъ выѣхалъ самъ императоръ Канъ-хи имъ на встрѣчу въ 1691 г., гдѣ и принятіе присяги происходило на Долонъ-норѣ (Dolon-Nor т. е. семи озеръ, To-lo-nor у Жерб.) ([68]) очень блистательно въ императорскомъ лагерѣ и отпраздновано церемоніями, аудіенціями, пиршествами, скачками, смотрами войскъ и большими охотами. Одному изъ трехъ Халхасскихъ главъ — Чжассакту-хану, который былъ тогда еще ребенкомъ, императоръ далъ въ удѣлъ земли около Хуху-хотоня, гдѣ также были расположены квартиры Китайской обсерваціонной арміи про-

(66) Gerbillon Voy. II. p. 206.

(67) Gerbillon Ib. p. 206.

(68) Thai-Thsing etc. l. c. II. p. 217; Gerbillon. Voy. III. y Du Halde IV. p. 314 — 333.

тивъ угрожающихъ Елютовъ. Только (1731 г.) Ургинскій ханъ на С. Гоби былъ особенно возвышенъ.

Послѣ этаго вассальнаго подчиненія Халхасскихъ Монголовъ, которыхъ примѣру послѣдовали и другіе Монгольскіе княжескіе домы, императоръ Канъ-хи началъ войну противъ Елютовъ на С.-З. Ихъ должно было прежде всего вытѣснить изъ прежнихъ Халхасскихъ земель на Кэрулэнѣ, Толѣ и Орхонѣ. Галданъ или царь Елютовъ основывалъ всю претензію свою на супрематію надъ Халхасскими землями, также какъ законность своихъ дѣйствій, на повелѣніяхъ Тибетскаго Далай-ламы и его Кутухтъ (Викаріевъ), посылаемыхъ отъ времени до времени въ его резиденцію. Наконецъ удалось Китайскому императору, съ помощью восточной его арміи ([69]), которую онъ самъ провелъ черезъ каменную степь Гоби до истоковъ Кэрулэна и Толы, очистить эту страну отъ Елютовъ, а съ помощью западной арміи проникшей въ то же самое время изъ Ху-ху-хотоня. подъ начальствомъ Китайскаго главнокомандующаго Фэй-янъ-губо (Fo-an-gu-pe) черезъ самую дикую часть Гоби на С., уничтожить страшное могущество Елютовъ генеральнымъ сраженіемъ на Толѣ (при Терельги въ іюнѣ 1696 г.), за что тотчасъ принесена былу благодарственная жертва Тянью (небу).

Слѣдующія путешествія императора въ Ху-ху-хотонь и на Хуанъ-хэ имѣли политическою цѣлью обнаружить сѣть обмана тайныхъ интригъ Кутухтъ и великихъ ламъ, стоявшихъ въ услугахъ у Елютовъ и привести въ дѣйствіе всѣ силы для совершеннаго разрушенія остатковъ могущества сихъ послѣднихъ. Здѣсь приведена была въ извѣстность постоянная корреспонденція между Елютскимъ Галданомъ, отброшеннымъ въ его степь на З., съ лицемѣрнымъ дворомъ Далай-ламы ([68]); императоръ Канъ-хи на обратномъ пути своемъ изъ Ордоса принялъ еще при Тохто на Хуанъ-хэ послѣдняго посла всегда вѣроломнаго Галдана,

(69) Gerbillon Voy. V. p. 386 — 418; cf. ed. Voy. VIII. p. 516 — 518. Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 191 216.

70) Gerbillon. Voy. VI. p. 439.

притворившагося покоряющимся, и далъ ему послѣдній 48 дневный срокъ (въ декабрѣ 1656). Сокрушенное могущество Галдана, которому не помогло ни подстреканіе имъ Оросовъ ([71]), ни вступленіе въ родственныя связи съ главными князьями Цинъхая (Хухэ-нора), было безвозвратно. Окруженный со всѣхъ сторонъ Китайскими отрядами онъ не могъ даже убѣжать въ Алтай. Дикая каменная степь къ С.-З. отъ Ху-ху-хотона за пустынями Булангира, была его послѣднимъ убѣжищемъ. Здѣсь еще разъ Китайскій посланникъ пріѣзжалъ къ низвергнутому великому хану, предлагая ему еше императорскую милость, въ случаѣ если онъ покорится. Посланникъ ждалъ цѣлый день въ каменной степи отвѣта гордаго противника. Наконецъ вечеромъ показался Галданъ на голой степи, и сѣвъ на груду камней далъ аудіенцію ([72]) посланнику, который рѣшился передать ему порученіе свое только издали. Въ короткомъ отвѣтѣ ханъ сказалъ что посольство императора ему очень лестно и что онъ пошлетъ съ гонцемъ истинное убѣжденіе своего сердца. Затѣмъ вскочилъ онъ на лошадь и ускакалъ. Весною 1697 г. возвратился императоръ К'анъ-хи, послѣ кратковременнаго зимняго пребыванія въ Пекинѣ, въ страну Тендухъ; на сѣверный изгибъ Хуанъ-хэ и пробрался до Нинъ-хя ([73]). Уже на пути туда въ Ордосѣ доставили ему князья Хами захваченнаго въ плѣнъ 14 лѣтняго князя, старшаго сына Галданова; онъ былъ переданъ въ Пекинѣ наслѣднику престола на храненіе ([74]). Съ Хуанъ-хэ былъ посланъ въ степь послѣдній кавалерійскій корпусъ для поимки Галдана, но уже въ маѣ Галданъ отравился, а остальное его семейство подчинилось Китайскому скипетру ([75]), чѣмъ и окончена была, къ великой радости всей имперіи, долголѣтная опасная война и водворенъ миръ на Сѣверѣ Китая на цѣлое столѣтіе.

(71) Mailla Hist. gèn. de la Chine T. XI. p. 217.
(72) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 266.
(73) Gerbillon Voy. VIII. y Du Halde IV. p. 448 — 478.
(74) въ пр. с. p. 457, 468.
(75) Mailla Hist. gèn. l. c. p. 279, 299, Gerbillon l. c. p. 476.

Интриги ламайской іерархіи не были однакоже побѣждены совершенно, но въ Ху-ху-хотонѣ и Нинъ-хя была наконецъ совершенно открыта вся сѣть лжи, производившая въ теченіи цѣлаго десятилѣтіе всѣ эти ужасныя смуты. Далай-лама, какъ живой Будда или Фо ([76]), не имѣлъ ничего общаго съ свѣтскими или политическими событіями. Когда Тибетъ въ 1642 г. изъявилъ своимъ посольствомъ, прибывшимъ въ Мукдэнь, свою покорность восходящему солнцу Маньчжурской династіи, и съ тѣхъ поръ сдѣлался вассаломъ сына неба въ Пекинѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на камнѣ императора К'анъ-хи въ главномъ храмѣ въ Хлассѣ ([77]), приданъ былъ отъ Китая Далай-ламѣ *правитель мирскими дѣлами*, *Деба* (Dheba, Tipa), т. е. царь. Но этому, поставленному императоромъ К'анъ-хи, Тибетскому царю понравилась власть; въ согласіи съ верховными ламами онъ скрывалъ смерть Далай-ламы въ теченіи 16 лѣтъ и поддерживалъ сторону Галдана Елютовъ, до тѣхъ поръ пока весь обманъ не обнаружился въ странѣ Тендухъ. Уже при первомъ пребываніи императора въ Ху-ху-хотонѣ (1696) ([78]) посланникъ Далай-ламы, имѣвшій съ своими ламами аудіенцію у императора долженъ былъ слышать отъ него жесткіе упреки за непокорность Тибета; скрытіе смерти Далай-ламы было уже извѣстно императору, что ясно слѣдуетъ изъ письма его къ Дебѣ. Сей послѣдній имѣлъ однакоже еще дерзость послать одного изъ Кутухтъ самой Хлассы, именемъ Ни-ма-т'ана, для своего оправданія. Императоръ принялъ его съ большою почестью, вышелъ къ нему даже на встрѣчу къ воротамъ втораго двора, взялъ его подарки, и всѣмъ этимъ преклонилъ его на свою сторону и привелъ къ сознанію, что почитаемый въ живыхъ Далай-лама умеръ уже 16 лѣтъ тому назадъ ([79]). Кутухту при-

(76) Deguignes Gesch. d. H. Th. I. p. 352.

(77) Descr. de Tubet trad. partiellement de chinois en russe par le père Hyacinthe du russe en franc. p. M. ed. p. Klaproth Paris 1831. 8. p. 19; cf. Timkowsky Voy. T. I. p. 474. и Nouv. Journ. Asiat. IV. p. 98.

(78) Gerbillon Voy. VI. y Du Halde IV. p. 432.

(79) Gerbillon Voy. VII. p. 466—468; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 263.

красилъ однакоже этотъ подлогъ хитрою рѣчью, говоря что Далай-лама передъ смертью своею предсказалъ своимъ верховнымъ ламамъ возрожденіе свое въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленнаго Хубильгана, на слѣдующій годъ; и приказалъ имъ воспитывать возрожденнаго, скрывая смерть его, и отвѣчать вопрошающимъ о немъ что онъ соблюдаетъ Чойхенъ (религіозное созерцаніе). Передъ смертью своею передалъ онъ имъ также небольшой свертокъ, съ письмомъ императору и своимъ изображеніемъ какъ Будды и съ повелѣніемъ отослатьего императору на 10-й мѣсяцъ 16-го года по его смерти, а до тѣхъ поръ содержать все въ тайнѣ. Благочестіе императора было такъ велико, что онъ обѣщалъ Кутухтѣ хранить тайну, требовалъ только покорности всѣмъ своимъ предписаніямъ. Хитрый посолъ, достигшій своей цѣли, былъ уже на возвратномъ пути къ своему государю, какъ вдругъ въ императорскій лагерь пришло извѣстіе, что при дворѣ одного изъ Елютскихъ князей смерть стараго Далай-ламы уже огласилась и возрожденный появился. Гонецъ былъ посланъ за Кутухтой; императоръ не считалъ себѣ болѣе обязаннымъ хранить тайну и въ присутствіи двора своего развернулъ свертокъ, изъ котораго голова Фо упала на землю. Кутухту пришелъ въ большой страхъ, мандарины и противная ламамъ партія торжествовали. Деба былъ сверженъ и съ ними вся предательская толпа его ламъ.

Императоръ началъ смотрѣть съ презрѣніемъ на все ихъ сословіе; черезъ это поднялись христіане и туземная, китайская религія. Можетъ быть этимъ и начался упадокъ Кутухтъ Хухху-хотоня, о которыхъ мы со времени одного столѣтія перестали что либо слышать, потому что всѣхъ сообщниковъ постыдной измѣны постигло строгое наказаніе. Въ сохранившемся письмѣ къ новому, молодому Далай-ламѣ ([80]) императоръ говоритъ о томъ до какой степени испорченъ весь конклавъ верховныхъ ламъ. Онъ повелѣваетъ заключить всѣхъ ихъ въ око-

80) Mailla Hist. gén. de a Chine T. XI. p. 271.

вы и выдать трибуналу иностранныхъ дѣлъ; также выдать и Деба. «Они всѣ, говорилъ императоръ, клялись ложно что старый Далай-лама еще живъ. Даже собаки лаютъ только на чужихъ, а не на своего господина; ламы же возмутились противъ меня—своего государя и благодѣтеля. Вмѣсто этихъ неблагодарныхъ и вѣроломныхъ,» заключаетъ императоръ, «выбери себѣ въ совѣтники и министры преимущественно Маньчжуровъ».

Преемникъ К'анъ-хи, императоръ Юнъ-чженъ, изгналъ въ 1724 г., императорскимъ едиктомъ ([81]) христіанскую религію изъ Китая: іерархія ламъ съ ихъ кутухтами и Хэ-Шанами, (Hochang, китайское названіе ламъ), какъ идра выросла снова. Вотъ къ какимъ обстоятельствамъ приводитъ насъ страна Тендухъ, которой положеніе было забыто до новаго открытія ея Клапротомъ, и которой вліяніе на ходъ всемірной исторіи осталось совершенно незамѣченнымъ. Здѣсь еще остается намъ только разсмотрѣть два темные предмета: во первыхъ *распространеніе имени Татаръ* и во вторыхъ *происхожденіе басни о пресвитерѣ Іоаннѣ*, которая конечно не принадлежитъ къ исторіи и этнографіи Азіи; мы присовокупляемъ ихъ въ видѣ особыхъ примѣчаній.

Примѣчаніе I. *Та-тань, Татары—названіе племени; Та-цзюе (Бэй-ди) восточное коллективное названіе у Китайцевъ. Тартары — коллективное названіе у Восточныхъ. Двойное смѣшиваніе Турковъ съ Монголами у Восточныхъ и Татаровъ съ Турками у западныхъ авторовъ. Турко-татарскія нарѣчія.*

Мы изучили выше древнія мѣстопребыванія Та-тань на В. отъ Гоби, на верхнемъ Амурѣ и оттѣсненіе ихъ на З. къ Шаньшанію, также упомянули что ихъ современники и сосѣди свидѣтельствуютъ о распространеніи ихъ племенъ до верхняго Енисея (Кемъ), но что они, со времени происхожденія Темучина съ материнской стороны отъ одного изъ ихъ родовъ (обѣ жены его были также Татарки) ([82]), также какъ послѣ покоренія Кэраи-

(81) Mailla въ пр. с. 393.

(82) Ssanang Ssetsen въ Schmidt p. 62, 83.

товъ и Ванъ-Хана и воспослѣдовавшаго владычества Чингисъ-Хана надъ остальными трибами, такъ смѣшались съ монгольскимъ племенемъ (Mung-ko, Mongus), что имена ихъ сдѣлались тождественны съ сими послѣдними, такъ что они безразлично являются подъ тѣмъ или другимъ именемъ въ восточныхъ и западныхъ исторіяхъ. Но далеко за границы древняго отечества и принадлежащаго ему первобытнаго племени Монголовъ (Мэнъ-Гу, Mongku) распространяется очень часто ложно употребляемое и искаженное слово Тартары, названіе этого отдѣльнаго народнаго племени, которымъ начали означать уже не одинъ народный трибъ Та-тань или соплеменныхъ имъ Монголовъ, но и множество милліоновъ покоренныхъ ими совершенно другихъ народовъ различныхъ нарѣчій, происхожденій и расъ. Съ зловѣщимъ значеніемъ (Tartarus) всеобщаго врага цѣлаго христіанства, которое это имя пріобрѣтаетъ при Дворѣ Людовика Святаго во Франціи и у христіанъ на Востокѣ, сдѣлалось оно у историковъ среди. вѣковъ историческою печатью варварскихъ народныхъ массъ, у новѣйшихъ—коллективнымъ названіемъ, подобно имени Скифовъ у Грековъ и Римлянъ, Кафровъ у Магометанъ и т. д. А потому, не смотря на злоупотребленіе его въ Этнографіи и Географіи, гдѣ оно очень ошибочно перенесено какъ на западныхъ Туркскихъ, такъ и на восточныхъ Маньчжурскихъ сосѣдей Монгольскаго племени, это названіе, какъ обновленное понятіе, означающее большую хаотическую массу народовъ и странъ центральной Азіи, очень трудно изгнать изъ историческихъ и географическихъ описаній сей части свѣта. Потому намъ необходимо прослѣдить за развитіемъ этого имени и понятія, для того чтобы употреблять его только тамъ, гдѣ оно цѣлесообразно, болѣе осторожно чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ въ исторіяхъ и географіяхъ, и совершенно исключить его вездѣ, гдѣ оно можетъ только привести смѣшеніе временъ и понятій.

Та-тань (или Да-да) ([83]), есть только спеціальное названіе

(83) Klaproth Asia polyglott. 4. p. 202; Mem. relatifs à l'Asie T. I. p. 461—476.

одного племени на Инь-шанѣ, встрѣчаемое въ IX в. въ Китайскихъ лѣтописяхъ; оно впослѣдствіи писалось Т'а-т'а-эрлъ (или Да-да-эрлъ), откуда у Азіатскихъ Магометанъ, Персовъ и Арабовъ, произошло правописаніе Татаръ ([84]) (употребленное сначала у Персидскихъ авторовъ въ Мочжемель-Алтерварикъ въ 1126 г.) ([85]), потому что въ китайскомъ Мандаринскомъ языкѣ звукъ *р* не существуетъ. Однакоже Аб. Ремюза доказалъ ([86]), что нѣкоторыя провинціальныя китайскія нарѣчія имѣютъ это производное *р* и пишутъ *Тар* вмѣсто *Т'а* (также какъ напр. вмѣсто мандаринскаго *Сы* (Ssc)— шелкъ, *серъ;* откуда произошло и греческое σῆρ.; отсюда напр. китайское произношеніе этого слова въ прибрежной провинціи Фукіянъ было бы Тартаръ, не смотря на то, что оно иначе пишется въ Китайскихъ лѣтописяхъ.

Въ Монгольской исторіи слово Татаръ встрѣчается въ самый первый разъ ([87]) при описаніи похищенія женщины Угелень-ѣхѣ (Oegelen-Eke), которую отецъ Чингисъ-Хана увезъ себѣ въ супруги у Татаръ (въ 1161 г.), и это названіе почти однозначуще съ именемъ Тайчжіудъ (Taidschigod), которое однакоже, со временемъ владычества Чингисъ-Хана совершенно изчезаетъ, между тѣмъ какъ названіе Татаръ еще существуетъ въ Монгольскихъ лѣтописяхъ Западн. Азіи. Это названіе Та-тань или Татаръ, вошло въ употребленіе со временъ Чингисъ-Хана, какъ однозначущее съ народнымъ названіемъ Монголовъ (Монъгу или Mongus), потому что оба названія принадлежали одному главному племени и въ послѣдствіи слились въ одно, какъ этнографически, такъ и исторически. Но побѣдитель остальныхъ орлъ хотѣлъ оказать особое уваженіе своей собственной, а потому далъ какъ себѣ, такъ и своему племени и войску, котораго главные военачальники были избраны изъ преданныхъ ему

(84) См. Raschideddin въ d'Ohsson Hist. des Mong. T. I. not. V. p. 681.

(85) J. St. Martin Mem. sur l'Armenie. T. II. p. 263.

(86) Ab. Remusat въ Journ. Asiat. T. II. p. 246.

(87) Ssanang Ssetsen uebers. v. Schmidt p. 62, 63 not. 14. p. 377; p. 81. not. 35. p. 382.

Та-тань (напр. изъ Кэрантовъ и подданныхъ Ванъ-Хана), почетный титулъ Монголовъ (собственно Хухэ-Монголъ, т. е. синіе Монголы, Kökö Mongol; Yeka-Moal у миссіонеровъ и др.) ([86]), потому что синій цвѣтъ есть священный цвѣтъ неба. «Я хочу», говорилъ онъ, «чтобы сей, подобный кристаллу, народъ (Бэдэ) ([87]), который остался мнѣ вѣрнымъ во всѣхъ опасностяхъ, назывался Ху-хэ-Монголъ, и былъ самымъ великимъ изъ всего что движется на землѣ ([88])». Это имя должно было также означать ихъ храбрость, неустрашимость. Съ тѣхъ поръ, хотя это названіе существовало и прежде, вошло оно въ употребленіе исторически и дипломатически, потому что Чингисъ-Ханъ и его преемники называли себя Каханами Монголовъ въ своихъ приказахъ, письмахъ и т. д. ([89]). По свидѣтельству Рашидъ-эддина съ этихъ поръ всякій гордился симъ почетнымъ, еще недавно презрѣннымъ именемъ, столь прославленнымъ всемірнымъ завоевателемъ и юные воины различнѣйшихъ націй этого этнографически смѣшаннаго царства вскорѣ начали думать что ихъ предки издавна носили это названіе. Миссіонера Рубруквиса (1254) предупреждали чтобы онъ называлъ здѣшнихъ князей не Татарскими ханами, какъ они были дѣйствительно, но Могулъ-ханами (Моаль ([90]) у Плана Карпина и Рубруквиса), потому что это послѣднее имя считалось высокимъ, между тѣмъ какъ названіе Татаръ было совершенно нелюбимо, потому что оно принадлежало многимъ племенамъ. Не смотря на то имя Татаръ удержалось со славою, хотя въ чужихъ краяхъ, рядомъ съ болѣе

---

(86) Petit de la Croix. Hist. de Genghiscan, p. 52.

(87) I. I. Schmidt. Einwurfe über Klaproth Sprache und Schrift der Uiguren in Fundgruben des Orients VI B. H. 3. p. 328; его же Forschungen im Gebiete der Mongolen und Tübeter. Petersb. 1824. p. 53.

(88) Ssanng Sseisen Mongol. Gesch. p. 71. not. 22. p. 379.

(89) Lettre de Mangoukhan au roi de France p. 166. N. V въ Ab. Remusat Mem. sur lesrelations politiques des princes Crehtiens avec les Emper. Mongols. Paris 1827. 4.

(90) Rubruquis Voy. en Tartarie въ Bergeron Recuil. Leide 1729. 4. T. I. ch. 18. p. 33. ср. p. 119, 129 etc.

юнымъ своимъ соперникомъ. Тотъ же самый Рубруквисъ, имѣвшій случай узнать въ Кара-корумѣ истинное отношеніе обоихъ народныхъ именъ, различаетъ ихъ въ самомъ ихъ корнѣ, но не несмотря на то онъ содѣйствовалъ, какъ всѣ миссіонеры его времени, къ перенесенію названія Татаръ въ Европу, въ обширнѣйшемъ коллективномъ смыслѣ. Воинская ихъ слава подняла ихъ имя, еще ранѣе чѣмъ имя Монголовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространило и сіе послѣднее. Чингисъ-Ханъ посылалъ во всѣ стороны татарскія войска ([91]), которыя были многочисленнѣйшими и храбрѣйшими изъ его войскъ, какъ авангарды своихъ Монголовъ; но эти передовыя войска уже вскорѣ начали составляться изъ различнѣйшихъ народовъ; татарскія орды сдѣлались слѣдовательно первыми завоевателями и имя ихъ стало страшнѣйшимъ изъ всѣхъ именъ. Большая часть этихъ Татаръ погибла во время войнъ и завоеваній, совершенныхъ въ Азіи, но слава ихъ храбрости, или лучше сказать, страхъ ими распространенный остались, и ихъ имя было перенесено у всѣхъ побѣжденныхъ народовъ на Монголовъ и присоединившихся впослѣдствіи къ войскамъ ихъ народовъ самыхъ различныхъ племенъ. Такъ перенеслись названія нѣкоторыхъ народныхъ вѣтвей на цѣлое племя, а отъ него на различные воинственные народы всемірной имперіи. Такимъ образомъ *спеціальное этнографическое* названіе превращается во всемірное, *коллективное историческое*.

Замѣчательно, говоритъ Аб. Ремюза ([92]), что Китайцы, знавшіе Татаръ гораздо лучше чѣмъ Европейцы и находившіеся съ ними въ сношеніяхъ, составили себѣ, подобно западнымъ, такое же коллективное названіе для своихъ сѣверныхъ сосѣдей вообще. Они означали упомянутое отдѣльное племя, словомъ Татань, состоявшимъ изъ двухъ различныхъ знаковъ ([3]), изъ которыхъ второй могъ быть произнесенъ *Тань* или *Та*, *Да*, но

(91) Rubruquis въ др. м. p. 37.

(92) Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartares, p. 4.

(93) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 135; Ibid. Asia Polyglotta p. 260.

также и *Цзы* или *Че* (Tseu или Tsche), откуда вмѣсто Та-тань (Tha-ta) или Татаръ произошло названіе *Та-цзы* (Ta-tshe или Taidsi у Іезуитовъ). Исключая значенія отдѣльнаго племени, это названіе Та-цзы, имѣетъ еще значеніе подобное названію Скифовъ у древнихъ, Татаръ у новѣйшихъ. Это Та-цзы, однозначущее съ китайскимъ *Бэй-ди* (Peti) т. е. варваръ, (отъ *Бэй* сѣверъ, *ди* собака или варваръ).

Здѣсь мы можемъ кстати изложить заимствованную у ученѣйшаго китайскаго историка Ма-дуанъ-линя, (онъ жилъ отъ 1246 до 1325 г.) ([94]), первую характеристику этихъ Та-цзы, для сравненія показаній восточныхъ народовъ съ извѣстными показаніями западныхъ. Эти Та-цзы или сѣверные Да, говоритъ китайскій историкъ ([95]), исключительно занимаются своими стадами, они переходятъ теперь съ пастбища на пастбище, съ рѣки на рѣку, слѣдоват. кочуютъ и не имѣютъ ни городовъ, ни стѣнъ. Когда же нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются осѣдлыми на короткое время, то устроиваютъ себѣ земляпки, и каждый имѣетъ свое поле. Они не имѣютъ ни письменъ, ни книгъ и заключаютъ всѣ договоры изустно. Съ дѣтства упражняются въ верховой ѣздѣ и стрѣляніи изъ лука въ птицъ и крысъ. Взрослые отправляются на охоту за другими звѣрями, какъ напр. лисицами и зайцами, которыхъ употребляютъ въ пищу. При своей пастушеской жизни проводятъ много времени въ охотѣ за птицами и дикими звѣрями и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ мужество, необходимое для грабежей и войнъ. Къ симъ послѣднимъ принуждены они небомъ подъ которымъ живутъ. Ихъ оружіе, поражающее издали, есть лукъ и стрѣлы, а вблизи—мечь и сабля. До тѣхъ поръ пока они ожидаютъ выгодъ отъ нападенія двигаются они взадъ и впередъ, когда же удачи ожидать нельзя, тогда выгодное бѣгство не почитается у нихъ предосудительнымъ. Обрядовъ религіи и судебныхъ учрежденій не имѣютъ.

(94) Nouv. melanges Asiatiq. T. II. p. 166—173.

(95) Wen hi an thoung khao-kiouan CCCXL. p. 1. въ Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartares p. 5.

Начиная отъ князя до послѣдняго простолюдина всѣ питаются мясомъ убитыхъ животныхъ, которыхъ обдираютъ и одѣваются въ ихъ шкуры и мѣха. Сильнѣйшіе изъ нихъ хватаютъ во время обѣда самые большіе и жирные куски, старики же ѣдятъ и пьютъ что имъ остается. Уваженіе и почести отдаются у нихъ только храбрѣйшимъ; старость и слабость находятся въ презрѣніи. Когда отецъ умираетъ, сынъ женится на его вторыхъ женахъ; при смерти одного изъ братьевъ жены его выходятъ за другихъ. Они не имѣютъ ни фамильныхъ именъ, ни почетныхъ титуловъ. Ихъ многочисленныя стада состоятъ изъ лошадей, рогатаго скота и овецъ, рѣже изъ верблюдовъ и муловъ. Къ сей характеристикѣ авторъ Гуань-юй-ки (Kouan-Yu-Ki) (96) съ истинно китайской точки зрѣнія присовокупляетъ слѣдующее: ихъ палатки дѣлаются изъ грубой шерстяной матеріи; они всегда гнѣвны и способны убить даже своихъ отцовъ или старшихъ братьевъ. Имѣютъ сношенія съ своими женами до брака. Когда заболѣваютъ, то разогрѣваютъ камень и прижигаютъ себѣ больное мѣсто. Трупы умершихъ сопровождаютъ съ пѣснями и плясками, а нѣкоторые кладутъ трупы на деревья; по прошествіи же трехъ лѣтъ собираютъ кости и сжигаютъ ихъ. Это суть коренные обычаи Та-тань, въ томъ видѣ въ какомъ они сдѣлались извѣстными и на Западѣ, отдѣльныя же черты могли быть заимствованы и у другихъ народовъ, потому что слова Та-цзы (или Бэйди) объемлетъ собою, какъ въ лѣтописяхъ Минъ (97), не только всѣ монгольскіе, но и туркскіе народы, почему напр. въ этомъ обширномъ смыслѣ и Алтайскіе Турки (98) въ послѣдствіи Онъ-нюдъ также называются бѣлыми Татарами, дѣлающими себѣ ножемъ вырѣзы на щекахъ. Но и Тунгузскія племена, которыя въ средніе вѣка называются у авторовъ Су-мон-

(96) Ibid. p. 7. въ Kiouan XXIV. p. 14.

(97) Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartares p. 238.

(98) Abulgasi Hist. genéalogique des Tartar. etc. Leyd. 1726. p. 196; cf. Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartar. p. 238; Asia polygl. p. 206; Mém. relat. á l'Asie I. p. 470.

голъ (Su-Moal, т. е. водяные Монголы, Мугаль ([99]) пишется у Армянъ, вмѣсто Могуль Персовъ) и суть предки Маньчжуровъ, у Китайскихъ авторовъ извѣстны подъ именемъ Шуй-да-цзы (Szu-Ta-Tse у іезуитовъ), т. е. водяныхъ Татаръ, несмотря на то что они не принадлежатъ ни къ какому Татарскому племени, и въ своемъ языкѣ столь же отъ нихъ различны какъ и Турки отъ Та-тань.

Если уже самые китайскіе писатели дѣйствовали такимъ образомъ, хотя они и никогда ([100]), съ своею обычною точностью, не называли спеціальнымъ именемъ Та-тань ни Маньчжуровъ, ни ближайшихъ ихъ предковъ, то понятно, хотя несправедливо, что іезуитскіе миссіонеры въ XVII и XVIII вѣкѣ въ своихъ сочиненіяхъ приняли выраженіе Tartares Mandchoux, что точно также неосновательно, какъ то, что они причитали Тибетцевъ къ Татарамъ и ввели тѣмъ самымъ въ заблужденіе всѣхъ послѣдующихъ ([101]) за ними европейскихъ писателей ([102]), до самыхъ новѣйшихъ временъ пока наконецъ замѣчательныя филологическія изслѣдованія Клапрота и Аб. Ремюза не открыли и не исправили какъ эти, такъ и другія безчисленныя заблужденія азіатской этнографіи.

Въ настоящее время ([103]) уже не существуетъ болѣе ни одного значительнаго триба Та-таней въ нагорной Азіи, а также и нѣтъ ни одной орды, которая бы называлась Монголъ, именно потому-что Та-тань и Монголы распространились повсюду. Да-

---

(99) J. Saint Martin Mém. s. l'Armenie T. III. p. 263.

(100) Klaproth Asie Polygl. p. 209.

(101) Ph. Joh. v. Strahlenberg Nord- und östliche Europa und Asia. Stockholm. 4. 1730. Einl. p. 5. § XXXI и слѣд., гдѣ относительно этого примѣчается самое большое замѣшательство.

(102) Напр. въ Will. Erskine Memoir of Sultan Baber Emperor of Hindostan translated by John. Leyden. Lond. 1826. 4. Introduction p. XXII. Примѣчаніе о Татарахъ начинается напримѣръ совершенно ошибочнымъ смѣшеніемъ такого рода, именно Су-Монголы (Тунгузы) принимаются за 2-ю главную вѣтвь Ѣхэ-Монголовъ, т. е. Хухэ-Монголовъ и т. д.

(103) Rech. s. l. langues Tartares p. 239.

же самые значительные изъ сихъ привилегированныхъ возвышеніемъ Чингисъ-хана родовъ его триба сдѣлались властителями и государями остальныхъ племенъ, такъ что имя, которое они прославили, распространилось на всѣ отрасли ихъ рода, даже на такія, которыя совсѣмъ сюда не принадлежали.

Для распутанія всего этого этнографическаго хаоса слѣдуемъ мы предложенію Аб. Ремюза и опытнаго С. де-Саси ([104]), и вмѣстѣ съ ними удерживаемъ названіе Та-тань и Татаръ для отдѣльнаго туземнаго племени, тождественно или по крайней мѣрѣ параллельно съ именемъ Монголовъ, какъ *до*, такъ *во время* и *послѣ* ихъ самостоятельнаго владычества, потому-что въ китайской энциклопедіи ([105]) ясно сказано: Та-тань (Татары) обитаютъ въ степи Шамо и они суть потомки *Юань*, т. е. изгнанной изъ Китая династіи Чингисъ-хановъ. Напротивъ китайское выраженіе Да-цзы выбираемъ мы для означенія смѣси народовъ на Вост., а слово Тартары, по искаженному выраженію среднихъ вѣковъ, удерживаемъ для означенія народной смѣси, въ смыслѣ, принимаемомъ на Западѣ, причемъ можно замѣтить еще слѣдующее. Подъ собирательнымъ именемъ Тартаръ разумѣютъ въ среднихъ вѣкахъ съ XIII столѣтія почти всѣ народы, распространившіеся отъ Волги и Урала до Китая и Японіи на Ю. отъ Тибета, черезъ всю нагорную Азію до Ледовитаго океана. Это обширное пространство земли называютъ Татаріею, Татарскимъ нагорьемъ и т. д. и причисляли очень ошибочно различныя его нарѣчія къ одной татарской системѣ языковъ, гдѣ слѣдовательно соединено по крайней мѣрѣ четыре совершенно самостоятельные языка (тунгузскій, монгольскій, турецкій, тибетскій), которыхъ различіе Аб. Ремюза разобралъ въ своемъ классическомъ сочиненіи ([106]) о татарскихъ нарѣчіяхъ, и объяснилъ ихъ филологически и исторически. Употребленіе упо-

(104) Sylv. de Sacy въ Journ. des Savans 1820. p. 353.

(105) См. Wangki Encyclop. XIII. p. 19; въ Klaproth Asia polyglotta p. 203 и Mem. rel. á l'Asie. T. I. p. 462.

(106) Ab. Remusat Rech. sur les langues Tart. Paris 1820. 4.

мянутаго слова сдѣлалось всеобщимъ у христіанскихъ народовъ Запада, съ того времени какъ внутренне-азіатскія варварскія войска, предводимыя упомянутыми Та-тань-монгольскими князьями вторглулись въ Европу и подъ начальствомъ Бату-хана (Батыя въ 240 г.), взяли приступомъ Кіевъ на Днѣпрѣ и Каменецъ на Днѣстрѣ, и проникли даже за Одеръ въ Силезію, до мѣста сраженія при Лигницѣ (9 апр. 1241 г.)([107]). Король богемскій и Пфальцграфъ саксонскій просили о помощи и защитѣ; страхъ распространился до Брабанта, котораго герцогъ прислалъ просьбу о защитѣ къ архіепископу парижскому. Королева-мать Блашка не могла скрыть своего страха отъ сына своего Людовика IX; въ отвѣтъ на это, исполненный скорби и надежды на Бога король произнесъ слѣдующія слова, которыя повторили за нимъ всѣ его современники: Erigat nos, Mater, coeleste solatium, quia, si perveniant ipsi, vel nos ipsos quos vocamus *Tartaros*, ad suas tartareas sedes unde exeriunt retrudemus vel ipsi nos omnes ad coelum subvehent. Math. Paris Londini. 1571, p. 747. Эта игра словъ ([108]), соотвѣтствуя духу времени, была вездѣ повторяема, и почитается причиною измѣненія правописанія этаго слова, потому что въ русскихъ лѣтописяхъ удержано названіе *Татары*, между тѣмъ какъ ьо всеобщее употребленіе вошло, пущенное въ ходъ Императ. Фридрихомъ II, выраженіе Тартары, Тартарія, съ которымъ была связана басня, что эти Тартары, въ соединеніи съ демонами Тартара, сдѣлались бичемъ народовъ, употребляя въ битвахъ колдовство огнемъ и вихрями (они имѣли огнестрѣльное оружіе), которое можно было разрушить только всеобщимъ постомъ, молитвами и путешествіями ко Святымъ мѣстамъ. Однакоже Гамакеръ ([109]) уже показалъ что эта словъ игра не могла быть еди-

(107) Fr. v. Raumer Geschich. der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Bd. IV. 1824. p. 80; d'Ohsson Hist. des Mongols T. I. p. 392. Fr. Chr. Schlosser Weltgeschichte in zusammenhander Erzahlung III. B. 2. T. I. Abth. Francf. a M. 1824. p. 307.

(108) Ab. Remusat. Memoires s. les relations politiques des princes chretiens etc. avec les Empereurs Mongols Paris 1827. p. 14, 158.

(109) H. A. Hamacher Censurae in bibliotheca critica nova ed. Bak. etc. Lugdun. batavor. 1823. Vol. I p. 184.

ственною причиною измѣненія правописанія, которое встрѣчается въ такомъ видѣ уже ранѣе, и даже было объясняемо этимологически въ Guilielm de Nangis Ludovici S. Annalibus p. m. 203, гдѣ онъ говоритъ: illos Tartarinos vocari a regium Tarta ubi sedes habuerint. Однакоже эта этимологія также неосновательна какъ производство отъ рѣки Та-та, о которой упоминаютъ Ларуа ([110]) и многіе другіе ([111]).

Это собирательное названіе Тартаръ съ среднихъ вѣковъ ввело снова въ заблужденіе историковъ и филологовъ двухъ послѣднихъ столѣтій, почитавшихъ его за историко - этнографическое, давъ имъ поводъ указывать на опредѣленныя народныя племена и основывать на этомъ свои гипотезы о генеалогіяхъ племъ и миграціяхъ народныхъ. Цѣлыя историческія сочиненія ([112]) и величайшіе историки ([113]), при недостаткѣ до тѣхъ поръ еще мало развившейся филологіи, должны были впасть въ величайшія ошибки. Арабскіе и Персидскіе писатели впадаютъ въ общую ошибку, означая Монгольскіе, также какъ и Турскіе народы безразлично общимъ именемъ Турковъ и Татаръ ([114]) Такъ н. п. Рашидъ-Эддинъ (около 304 г.) ([115]) причисляетъ Татаръ-Кэраитовъ къ Тунгузскимъ Киданямъ, а обоихъ вмѣстѣ называетъ опять Турками, что мы узнаемъ изъ извлеченія Катрмера; только Ибнъ-Багута, какъ свѣдущій очевидецъ (1330), дѣлаетъ счастливое исключеніе: потому что онъ въ точности

---

(110) Petit de la Croix. Histoire du grand Genghizcan. Paris 1700. 8. p. 79.

(111) Ab. Remusat. Rech. s. les langues Tart. Paris. p. 8.

(112) Histoire généalogique des Tatars. trad. du Msc. Tartare d'Abulghasi Bayadur Chan et enrichie des remarques authentiques et curieuses (p. Bentinck) etc. par. D. Leyde. 1726. 8.

113) A. L. Schlötzer Nordische Gesch. Th. XIII. Der allgem. Welthist. 4. 171. p. 398; его же Kritisch-historische Nebenstunden. Gotting. 1797. 8. p. 103. его же. Probe Russischer Annalen. 1768. p. 113.

(114) Anciennes relations des Indes et de la Chine p. Renaudot. Paris 1718. 8. p, 317 etc.; Sultan Baber Mem. въ Erskine XXIII.

(115) M. J. St. Martin Memoires historiques et géographiques sur l'Armenies Paris. 1819. T. II. p. 114 not. 2. p. 262; Schlosser. Weltgesch. III. ed. 2. Ah. ab. 1824 p. 268.

различаетъ родъ Чингисъ-Хана и Монголовъ, которыхъ онъ называетъ Татарами ([116]), отъ Туркскихъ народовъ, надъ которыми они властвовали, Абульгази же, который самъ былъ потомокъ Чингисъ-ханидовъ, начинаетъ съ ложной гипотезы объ однопле-менности Монголовъ и Турковъ, и при всей заслугѣ представляе-мыхъ имъ положительныхъ данныхъ, высказываетъ столько же заблужденій ([117]) въ своихъ этнографическихъ сближеніяхъ, а его издатели впадаютъ въ ту же ошибку, называя языкъ переведеннаго имъ оригинала Татарскимъ, и въ этомъ ошибочномъ смыслѣ дѣлаютъ свои хотя поучительныя примѣчанія.

Но еще бо́льшая запутанность произошла отъ того, что всѣ европейскіе авторы назвали Тартарами и Туркскіе народы, которые дѣйствительно въ продолженіи нѣкотораго времени бы-ли подданными Монгольской имперіи, также какъ и различныя отъ нихъ отдѣлившіяся въ Западной Азіи династіи, и присоеди-няли Туркское нарѣчіе къ Татарскому языку, который ни ко-му не извѣстенъ, но который не могъ быть различенъ отъ Мон-гольскаго, потому что Та-та и Монголы принадлежали къ одно-му племени. Причину этаго, еще продолжающагося заблужде-нія, открылъ преимущественно Клапротъ ([118]). Онъ говоритъ что когда Туши-Ханъ, сынъ Чингисъ-Хана, былъ посланъ симъ по-слѣднимъ для завоеванія С.-З. Азіи и В. Европы, то тамъ оби-тали до Сѣв. половины Каспійскаго моря, до Чернаго моря и Днѣпра, народы Туркскаго происхожденія до Комановъ, Пече-нѣговъ и части подданныхъ Булгарскихъ царей на Волгѣ и т. д. Всѣ они сдѣлались подданными Татарскихъ завоевателей, осно-вывавшихъ Кипчакское царство, простиравшееся отъ Днѣстра до Эмбы, и оканчивавшееся на В. оттуда Киргизскою степью.

---

(116) Ebn.-Batuta Travels trans. from the Arabic Msc. etc. Lee Lond. 1829. p. 87, 90, 91, 208 etc.

(117) Ab. Remusat Rech. sur l. lang. Tart. etc. Pref. Abulgasi His. gen. Tat. Pref.

(118) Asia polyglotta p. 208; Mem. relat. á l'Asie. T. I. p. 474. Comte J. Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan etc. ed. p. Klaproth Paris. 1829. Vol. I. p. 24 not. Tabl. hist. de'Asiep. 154. Not.

Князья этаго царства были Татары, но большая часть ихъ подданныхъ — Турки ([119]). Къ концу XV вѣка царство это раздѣлилось на нѣсколько Ханствъ, изъ которыхъ значительнѣйшими были Казанское, Астраханское и Крымское. Ханы надъ ними властвовавшіе происходили отъ Чингисъ-Хана и были слѣдовательно Татары или Монголы; но ихъ Татарскія войска, прибывшія изъ Внутренней Азіи, уже не существовали, и все войско ихъ состояло изъ туземцевъ, коренныхъ Турковъ, такъ что даже употребленіе древняго Монгольскаго (или Татарскаго) языка у нихъ совершенно истребилось. Однакоже ханства эти продолжали называться Татарскими Ханствами или царствами, потому что государи ихъ были Чингисъ-Ханиды, какъ и. п. Тимуръ, Абульгази, Султанъ Баберъ и т. д. Всѣ говорили: царство Астраханскихъ, Казанскихъ, Крымскихъ, Ногайскихъ Татаръ и т. д. Даже послѣ подчиненія сихъ странъ Русскимъ Царямъ было оставлено ихъ жителямъ ложно-данное имъ названіе Тартаръ, не смотря на то что они были Турки, и языкъ ихъ сталъ называться не Туркскимъ, а Татарскимъ.

Но если спросить у такъ называемаго Казанскаго или Астраханскаго татарина, татаринъ ли онъ, то онъ отвѣтитъ отрицательно, потому что онъ самъ называетъ свое парѣчіе *Турки* или *Турукъ*, а не *Татаръ*. Помня что предки его были нѣкогда покорены Татарами и Монголами, считаетъ онъ слово Татаръ за ругательное, однозначущее съ словомъ разбойникъ. То же самое смѣшеніе распространилось и на всѣ, такъ называемыя Татарскія націи за Тобольскомъ, Томскомъ и Енисейскомъ. Всѣ тамошніе Татары суть настоящіе Турки, говорящіе не Монгольскимъ, а Туркскимъ языкомъ. Но такъ какъ эти Туркскія парѣчія очень различны отъ парѣчій Азіатской и Европейской Турціи, то самъ Клапротъ былъ вынужденъ удержать для нихъ названіе Турко-Татарскихъ языковъ и Хама-

(119) Ebn. Batuta ed. S. Lee. p. 91.

керъ ([120]) согласуется съ нимъ въ этомъ. Слѣдуя примѣру лингвистовъ и мы, для этнографическихъ цѣлей, удерживаемъ названіе Турко-Татарскихъ народовъ и нарѣчій, для отличія ихъ отъ Европейскихъ Турковъ и отъ древнихъ Туркскихъ племенъ нагорной Восточ. Азіи, къ которымъ н. п. до владычества Татаръ и Монголовъ принадлежали Хунъ-ну и Хой-ху, отъ древнихъ нарѣчій, отъ которыхъ языкъ Турко-Чжагатайскій ([121]) записокъ Султана Бабура, по замѣчанію Ерскина, столь же различенъ, какъ ихъ обычаи и степень развитія отъ обычаевъ и развитія упомянутыхъ ихъ предковъ. Всего сказаннаго достаточно для того чтобы распутать понятія для нашихъ этнографическихъ потребностей и установить эти понятія на будущее время.

Примѣчаніе 2. *Сказаніе о пресвитерѣ Іоаннѣ, Rex Asiaticus, XI — XV в. Joannes Rex Indorum Sacerdos; Preste Giani; Malek Juhana; распространеніе Несторіанцевъ въ Восточной Азіи.*

Странное сказаніе о христіанскомъ царѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ, возродившееся съ XI в. въ Азіи, и изчезнувшее оттуда какъ призракъ, но пустившее новые корни въ Африкѣ и осуществившееся послѣ долгаго времени въ Христіанскомъ императорѣ Габеша (Erdkunde Th. I 2 Aufl. S. 225, 411, 512), имѣетъ столь большое вліяніе на успѣхъ географическаго и этнографическаго знанія обѣихъ частей свѣта, что оно, не смотря на свою темноту и запутанность, заслуживаетъ нѣкоторыхъ разъясненій относительно своего происхожденія и связи съ внутреннею, историческою жизнью Азіатскихъ народовъ. Мы уже упомянули о томъ, что Христіанство и Буддизмъ, въ своихъ внѣшнихъ обрядахъ и представителяхъ, встрѣтились географически въ странѣ Тендухъ, одновременно съ возникшимъ тамъ покровительствомъ обѣихъ религій только что возвысившеюся Монгольскою династіею. Такъ какъ самые ихъ властители, не имѣя собственной религіи, желали принять одну во всемъ государствѣ, и сначала ко-

(120) Hamacker Biblioth. critica l. c. p. 197.
(121) Erskine въ Sultan Baber Mem. Prél. p. V.

лебались, показывая равную терпимость всѣмъ сектамъ, то встрѣчавшіеся тамъ часто другъ съ другомъ миссіонеры Католицизма, Корана и Будды, входили въ большія заблужденія и надежды, считая всѣхъ своими прозелитами; особливо же у западныхъ миссіонеровъ, при ихъ рвеніи, собственное заблужденіе обращалось нарочно и намѣренно въ мнимую истину. Къ этому повсемѣстно поддерживаемому заблужденію времени присоединилась еще особенная химера о перенесеніи и преемничествѣ пресвитерскаго достоинства со временъ апостоловъ на послѣдующія языческія миссіи, проникшія очень рано до Индіи ([122]) и Центральной Азіи Иберовъ, Парѳянъ, Самаркановъ и т. д. (Erdkunde Th. II. 1818. S. 330). Ученіе церкви (430 г.) въ числѣ этихъ миссіонеровъ поставляетъ Матѳія, Варфоломея, Ѳому ([123]), но не Іоанна. Не смотря на то, является *на отдаленномъ Востокѣ* сказаніе о такомъ Іоаннѣ, въ которомъ не объяснено преемникъ ли онъ апостола (Ев. Іоанна 21, 23) или Іоанна Крестителя, или какого нибудь другаго святаго этого имени, какъ у Якобитовъ или христіанъ Св. Ѳомы, въ Индіи, и самая неопредѣленность этого сказанія способствовала его поддержанію, съ помощью поверхностной этимологіи одного Уанъ-Хана (Ванъ-Хана), который былъ одновременно царемъ и священникомъ.

Эта басня о христіанскомъ царѣ-пресвитерѣ, вездѣ связанно съ распространеніемъ Сирійско-Несторіанской церкви черезъ отдаленныя страны нагорной Вост. Азіи, укоренилась очень рано на Западѣ, вѣроятно вслѣдствіе ихъ собственныхъ сказаній и ошибочныхъ истолкованій; и почиталась и поддерживалась въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ XII до начала XVI, новыми сюда присовокупившимися обстоятельствами на В. Она даже, вслѣдствіе расказовъ миссіонеровъ, установилась въ странѣ Тендухъ, до временъ сомнительныхъ показаній Марко

---

(122) A. Neander Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche Th. I. 2. Abth. p. 114. Th. II. 1. Abth. p. 248.

(123) Socrates Historia Ecclesiastica l. c. XV.

Поло и открытія христіанскаго царя въ Габешѣ, давшихъ ей совершенно другое направленіе.

Несторіанскіе христіане ([124]), со времени осужденія Ересіарха Несторія (на Ефесскомъ соборѣ 431 г.) и непрерывныхъ преслѣдованій распространителей его ижученія въ Византійской Имперіи, Сиріи и на Ефратѣ, гдѣ Едесса—древняя школа Персовъ, обращавшихся въ христіанство, сдѣлалась ихъ центромъ, искали и нашли покровительство у закоренѣлыхъ враговъ христіанскихъ Императоровъ—Персидскихъ Царей, изъ которыхъ особливо Фирузъ (Pherozes 461—488), страшный преслѣдователь католическихъ христіанъ, принялъ ихъ очень радушно и тѣмъ самымъ положилъ важное основаніе распространенію ихъ Епископовъ на отдаленномъ Востокѣ земнаго шара. Дѣйствительно за этими первыми несторіанскими колоніями изъ Сиріи, Мессопотаміи и Халдеи, въ концѣ V в. нашедшими убѣжище въ Персіи у Саманидскихъ царей, бывшихъ тогда поклонниками огня по ученію Зороастра, ихъ Епископы проникли вскорѣ въ Мидію ([125]), Бактрію, Гирканію и Индію. Когда же, послѣ паденія династіи Саманидовъ (въ правленіе Іездегирда въ 638 г.) и Гвебровъ, вмѣстѣ съ ними, въ началѣ VII вѣка, ученіе Корана съ силою проникло съ Запада въ нагорную Азію, то Магометанскіе Князья, какъ видно изъ ихъ исторіи, приняли вездѣ Несторіанцовъ въ свою службу, въ качествѣ scribae, mercatores и medici. Сирійская церковь, подъ именемъ Несторіанской, съ сочиненіями Несторія, переведенными письменно на Сирійскій языкъ, подъ супрематіею Несторіанскаго Патріарха, который, какъ Архіепископъ, принялъ сначала въ Селевкіи титулъ Примаса и Каѳоликоса, и даже подъ правленіемъ Багдадскихъ Калифовъ до перваго гоненія, воздвигнутаго Мотавакелемъ ([126]), пользовался большимъ уваженіемъ на Востокѣ, проникла еще за Ка-

(124) Ios. Sim. Assemanus Syrua Maronita Bibliotheca orientalis Clementino Vaticana in qua Mscr. etc. rec. Romae 1728. fol. T. III. p. II. fol. LXV.

(125) Assemeni Bibl. orient. ib. Nestorianismi origines in oriente. fol. LXXXI.

(126) Assemani. l. c. f. CI.

лифатъ, черезъ Иммаусъ и распространилась по странамъ Турк-скихъ и Татарскихъ племенъ. Главный путь несторіанско-христіанскихъ миссій того времени идетъ черезъ Мервъ, (Меру, Марва въ Хорасанѣ), гдѣ уже упоминаются Епископы въ V в., и черезъ Бактрію (Балкъ въ Хорасанѣ), Самаркандъ, (Самарканъ), и Кашгаръ, (Каскаръ). Именно здѣсь находится также входъ на большую торговую дорогу въ Китай къ верхнему Хуанъ-хэ; это есть древній путь Серовъ, описываемый уже Птоломеемъ. Объ успѣхахъ церкви имѣемъ мы только отрывочныя свѣдѣнія.

Тамъ одинъ несторіанскій патріархъ Jesu-jabus-Gadalensis послалъ около 636 г. епископовъ и пресвитеровъ въ Индію и Спну (Китай), а Jesu-jabus Adjabenus (650—660 г.) упрекаетъ въ письмѣ своемъ Симеона митрополита въ Персіи, что по его винѣ у Индѣйцевъ нѣтъ Епископовъ, также какъ и у Мервъ (Мавританцевъ) ([127]). Индѣйскіе и бактрійскіе христіане стояли уже очень рано между собою въ связи, черезъ посредство своихъ персидскихъ митрополитовъ, назначавшихъ и посвящавшихъ ихъ епископовъ, и позднѣйшія смѣшенія невѣжественныхъ западныхъ писателей касательно одного пресвитера in partibus infidelium Индѣйцевъ (Presbyter Johannes Asiaticus vel Indicus говоритъ Хорніусъ въ Introd. ad. Geogr. antiq.), простирающихся на неопредѣленную даль отъ Тартаріи черезъ Индію до Ефіопіи ([128]) неудивительно. Упомянутое далекое распространеніе Несторіанцевъ до Китая подтверждается замѣчательною христіанскою надписью Estrangelo или сирійскими письменами ([129]) 781 года, въ столицѣ династіи Т'анъ, найденною въ 1625 г. въ городѣ Сп'ань-фу въ Шэньси, и сохранившеюся до сихъ поръ на мраморной доскѣ, на которой она вырѣзана. Лѣтописи династіи Т'анъ 635 г. упоминаютъ о несторіанскомъ священникѣ Оло-

(127) Assemani Bibl. or. l. c. fol. LXXXI.

(128) Job Ludolfi Hist. Aethiopica Francof. 1681. Lib. II. c. I. et comment.

(129) Cl. Visdelou Monument de la religion chretienne trouvé au Chensi en Chine въ Bibl. ordent. Supplement. Leyde 1730. Dissert. fol. 165—190; Klaproth Tabl. Hist. de l'Asie p. 208.

пенѣ изъ царства Да-Цинъ (т. е. Великаго Цинъ или Римскаго), который привезъ первое свѣдѣніе о христіанствѣ, и въ Шэньси, подъ покровительствомъ тогдашняго императора, нетолько выстроилъ церковь, къ которой для богослуженія былъ причисленъ 21 священникъ, но и тѣмъ самымъ сдѣлался основателемъ первой и немалочисленной христіанской общины въ странѣ верхняго Хуанъ-хэ. Столица тогдашняго императора Венъ-Вуди (Wen-Wu-di) называлась Чанъ-'анъ (Tchang-ngan, нынѣ Сианъ-Фу); онъ велѣлъ перевести привезенныя 'Олопеномъ книги, убѣдился въ истинѣ новаго ученія, не сдѣлавшись однакоже христіаниномъ, но какъ философъ ученія Конфуція, съ которымъ Евангелія не показалось ему въ противорѣчіи. Подлинность ([130]) этого monumentum Sinicum Syro-chaldaicum, какъ его называетъ Пат. Кирхеръ ([131]), старался защитить Аб. Ремюза противъ внѣшнихъ нападковъ ([132]), основываясь на внутреннихъ причинахъ, во сколько онѣ выходятъ изъ сирійскихъ письменъ и языка, также какъ и собственныхъ именъ, и вліяніе этой первой миссіи Олопена, коего христіанское имя неизвѣстно (Св. Ѳома есть только предположеніе Іезуита Тригація), можно сказать *несомнѣнно*, потому что всѣ послѣдующія показанія лѣтописцевъ, путешественниковъ и миссіонеровъ, хотя незнакомыхъ съ этимъ столь много оспариваемымъ фактомъ, находятъ тамъ слѣдъ такого событія, въ обширномъ распространеніи Несторіанцевъ, что вполнѣ подтверждаетъ даже и М. Поло. Имена Сирійскихъ Епископовъ, которыхъ подписи находятся на монументѣ, разумѣется найдены и подтверждены въ сирійскихъ манускриптахъ Ватикана только позднѣе; объ основателѣ церкви въ Си-'анъ-фу на мраморной доскѣ сказано: ex Balach urbe Churistanae (т. е. Тахуристанъ или Хорестанъ нынѣ Хорасанъ), что какъ кажется подтверждаютъ бактрійскія миссіи. Если бы даже и оправдались возбуж-

(130) Renaudot. Anc. rel. d. Indes etc. p. 230, 236, 260; Ab. Remus. Rech. s. les lang. tart. ch. II. Palph. syro tartare p. 29—61; его же Mel. as. T. I. p. 33 — 38; его же Olopen predic. du christ. á la Chine въ Nouv. mel. 1829. T. II. p. 189—192.

(131) Ath. Kircher China monumentis illustrata Amstelod. 1667. fol. cap. I.

(132) Напр. Schmidt въ Ssanang Ssetsen not. 12. p. 383. etc.

денныя вновь Нейманомъ возраженія противъ подлинности древности надписи, которую онъ почитаетъ за новѣйшій подлогъ, съ большею правдоподобностью объясняемый имъ соединеніемъ съ сирійско-индѣйскою церковью (133), то все же послѣдовавшій нѣсколько позднѣе фактъ обращенія Кэраитовъ неоспоримъ, и этого совершенно достаточно для нашего дальнѣйшаго объясненія исторіи сказанія о пресвитерѣ Іоаннѣ.

Сирійскія лѣтописи (134), находящіяся въ манускриптахъ Ватикана, перечисляютъ въ странѣ Турковъ, черезъ которую Несторіанцы могли проникнуть до Татаръ и Китайцевъ, въ Хорасанѣ, епископовъ съ 430 до 1136 г.; въ Мервѣ съ 420 до 1001 г., въ Гератѣ (Heria) съ 503 до 1000 г.; Abulfaradj въ Chron. Syriae ad. Ann. 1046 у Ассемана (135), разсказываетъ что отъ несторіанскаго митрополита въ Самаркандѣ пришло письмо къ Каооликосу Ассиріи, въ которомъ онъ сообщаетъ что безчисленные народы перешли горы Тибета и Хотана и проникли до Хасгара (Кашгара); они имѣли 7 царей, съ каждымъ изъ которыхъ было по 70000 всадниковъ, а ихъ императоръ назывался Назаратомъ (Назаретъ христіанское имя у Магометанъ для Христіанъ). Это извѣстіе было прочтено при дворѣ Багдатскаго калифа, котораго владѣнія на В. были столь же угрожаемы и преведены въ страхъ, какъ немного лѣтъ спустя вся Восточная Европа. Это могли быть только Туркскіе, владычествовавшіе уже до Монголовъ Каханы Хой-ху или Уйгуровъ (136), которыхъ владычество именно въ то время начинало распространяться отъ Тендуха и Каракорума къ Западу. Они были въ то время на В. властителями странъ въ которыхъ жили Несторіанцы, а можетъ то были даже Кэраиты, которые съ своими 7 триба-

(133) C. Fr. Neumann Rec. v. Schmid. Gesch. der Mongolen in Jahrb. f. Wissensch Critik. 1829. p. 592.

(134) Assemani l. c. § VI. Christiani in Cataje et Sina fol. DVI — LLII.

(135) Asemani l. c. fol. CCCLXXXVIII.

(136) Klaproth Diss. s. l. Ouigours. Paris. 1820. fol.; Tabl. histor. de l'Asie p. 121; его же observ. critiques sur les Rech. etc. въ Mém. rel. à l'Asie, T. II. p, 348.

ми ([137]) въ то время начали сильныя завоеванія на Западѣ. Съ тѣхъ поръ являются частые слѣды распространенія несторьянскаго ученія между различными Туркскими племенами (Turci orientales, Tartari, Jguritae, Cheritae etc.), также становится употребительнымъ упомянутое названіе Игурита или Егурита для означенія Уйгуровъ. Уже полвѣка ранѣе, по свидѣтельству Альбуфарджа, патріархъ Іоаннъ (Іосифъ у Mares Aut. Syr.) Несторіанецъ (1001 — 1012 въ Багдадѣ) ([138]) получилъ отъ митрополита города Мервъ, Ѣбедъ-Їешу, изъ Хорасана письмо, съ извѣстіемъ, что царь народа Херитовъ (т. е. Кэраитовъ), обитающій внутри страны Турковъ на С.-З., такъ заблудился на охотѣ въ дикомъ снѣжномъ хребтѣ, что только одинъ святой могъ навести его на путь и спасти его. Этотъ святой явился передъ нимъ съ словами: «если ты хочешь увѣровать во Іисуса Христа, то я спасу тебя отъ опасности». Царь обѣщалъ сдѣлаться овцою Христова стада и такимъ образомъ былъ счастливо приведенъ въ свою резиденцію. Здѣсь распросилъ онъ пребывавшихъ христіанскихъ купцовъ объ ученіи ихъ религіи и узналъ, что для того чтобъ сдѣлаться христіаниномъ, должно принять св. крещеніе. Онъ приноситъ ежедневно, говоритъ упомянутое письмо, присягу полученному отъ нихъ Евангелію и требуетъ отъ митрополита Ѣбедъ-Їешу прислать ему священника для крещенія. Онъ спрашиваетъ также какимъ образомъ учредить посты, такъ какъ они не имѣютъ другой пищи кромѣ мяса и молока. Уже 200000 его подданныхъ готовы послѣдовать его примѣру; патріархъ Іоаннъ вслѣдствіе того приказалъ (въ 1007 году) чтобы сему королю были присланы священники и діаконы, для крещенія и наставленія, и сообщено что молоко, при воздержаніи отъ мяса, можетъ служить постною пи-

---

(137) Petits La Croix Hist. de Ghéngizcan. Ch. 2. p. 26.

(138) Assemani Bibl. orient. T. III. p. II. fol. CCCCLXXXIV и CCCCLXXXIV; Renaudot anciennes relations des Indes et de la Chine. Paris. 1718. 8. p. 319; D'Ohsson Hist. des Ming. T. I. p. 37. not. 2. etc.

шею, но что хлѣбъ и вино необходимы для причастія. Этотъ первобытный разсказъ встрѣчается въ одинаковомъ видѣ у Сирійскихъ и Арабскихъ авторовъ и не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно подлинности факта. И дѣйствительно о такомъ въ самомъ дѣлѣ возвратившимся изъ Китая незадолго передъ этимъ въ 987 г. священникѣ, монахѣ Пагеранѣ (?) находитъ Голіусъ столь же достовѣрное извѣстіе у Альфрагана ([139]), а магометанинъ великій визирь Рашидеддинъ въ своей исторіи называетъ Кэраитовъ уже поклонниками Іисуса ([140]). Также и то какъ должно понимать такое обращеніе ко Христу является здѣсь въ должномъ свѣтѣ. Кэраиты, народъ дѣлающійся болѣе знаменитымъ впослѣдствіи, изъ исторіи Чингисъ-хана, упоминаются въ первый разъ въ этомъ сказаніи, а мѣсто чуда переносится въ снѣжный хребетъ Инь-шаня, въ страну Тендухъ.

Это обстоятельство легко могло быть первымъ смутнымъ источникомъ вскорѣ столь увеличившагося и повсюду распространившагося сказанія о христіанскомъ царѣ, появившемся въ сихъ языческихъ странахъ. Какъ новая басня оно было безпрестанно измѣняемо въ спутанныхъ разсказахъ современныхъ крестоносцовъ, которые вошли вскорѣ въ безпрестанныя столкновенія съ сирійскими христіанами, и въ искаженномъ видѣ, съ случайными или умышленными прибавленіями, распространилась по всей Европѣ, и была передана потомству, то однимъ, то другимъ образомъ, лѣтописцами, которые въ то время, будучи заключены въ своихъ монастыряхъ и монастырскихъ школахъ, были всегда готовы жадно принимать всякія mirabilia mundi съ слѣпою вѣрою. Очень понятно что несторіанская церковь старалась необыкновенно поднять такими разсказами своихъ, почитаемыхъ на З. еретиками Каѳоликосовъ — патріарховъ, (потому-что они только одни ([141]) носили этотъ высокій титулъ), и доказать важность своей общины на В. между Тур-

(139) Renaudot. Ancienn. relat. p. 269.

(140) St. Martin. Mém. sur l'Armenie. T. II. p. 280. по персидскому оригиналу.

(141) Renaudot. Ancien. relat. p. 269.

ками и ихъ могущественными князьями, въ то время когда уваженіе къ Папѣ и Римскому патріарху въ Іерусалимѣ грозило бросить тѣнь на этотъ еретическій каѳоликатъ. Изъ такого соперничества обоихъ духовенствъ легко могли произойти сначала многія преувеличенія истинныхъ фактовъ; когда же католическіе миссіонеры, при побѣдоносныхъ успѣхахъ Монголовъ, лично проникли въ страны несторіанскихъ христіанъ и къ такъ называемымъ христіанскимъ царямъ, то ихъ ожиданія нисколько не подтвердились, и они нашли только несторіанцевъ, на которыхъ сами смотрѣли какъ на раскольниковъ и монгольскихъ и татарскихъ князей, которые по высшей мѣрѣ были знакомы только съ крестнымъ знаменіемъ и терпѣли всѣ возможныя религіозныя секты, въ томъ числѣ и христіанскія.

Источникъ сказанія о первомъ христіанскомъ царѣ у Кэраитовъ, (котораго Ассеманъ и Мосгеймъ потому называли первымъ изъ Унъ-хановъ, и которыхъ они насчитываютъ до 4-хъ), потому кажется довольно яснымъ; но приданный ему титулъ пресвитера Іоанна остается все еще загадочнымъ; трудно однакоже разобрать совершенно эту, какъ называетъ ее Шмидтъ ([142]), чудовищную басню. Можетъ быть это имя произошло отъ того, что несторіанскій патріархъ назывался Іоанномъ, отчего и высокій его крестникъ, которому онъ приказалъ послать купель, получилъ тоже имя Іоанна? что принимаетъ Мосгеймъ ([143]); или онъ названъ такъ въ честь Св. Іоанна Крестителя, который имѣлъ своихъ поклонниковъ въ средней Азіи, въ сектѣ Сабейцевъ, которые соединились съ Несторіанцами, и полагали что духъ его обитаетъ между ними, изъясненіе которое старались пустить въ ходъ въ новѣйшее время ([144]). Но только проповѣдника не существовало въ тамошней степи, хотя, какъ

---

(142) Ssanang ssetsen Mongol. Gesch. Not. 42. p. 383.

(143) J. L. Mosheim Historia Tartarorum Ecclesiastica Helmstadt. 1741. 4. § VII. p. 23.

(144) J. J. Schmidt Forschungen im Gebiete der älteren Bildungsgeschichte der Mongolen und Tübeter St. Ptsb. 1824. 8. p. 162.

сообщаетъ намъ Марко Поло, во времена Чингисъ-хана, къ Іоанну Крестителю питали тамъ большое уваженіе. М. Поло разсказываетъ намъ именно объ одной церкви, которую христіане выстроили въ Самаркандѣ ([145]) при Чжагатай-ханѣ, который самъ какъ кажется сдѣлался христіанином, въ честь Іоанну Крестителю (St. Giouan Batista), и о чудѣ, совершившемся въ ея каменныхъ сводахъ, когда магометане хотѣли испортить ихъ. Навѣрное сей святой, подъ именемъ Іоанна Батиста (Prete Gioani или Joan), былъ патрономъ многихъ церквей въ нагорной Азіи, въ подчиненныхъ упомянутому властителю Турокъ странахъ, въ которыхъ лѣтописи называютъ несторіанскихъ митрополитовъ ([146]) въ Кашгарѣ, Нукатѣ (?), Туркестанѣ и Тендатѣ (Тендухѣ?). О такихъ дѣйствительно существовавшихъ церквахъ несторіанцевъ въ Самаркандѣ упоминаетъ Марко Поло какъ очевидецъ ([147]): въ Cashcar (Кашгарѣ), Carchan (Ярканѣ), Sachion (Ша-чжеу), Chinchitalas (Лобъ, ed. Marsden ch. 38 p. 175), Succuir (Су-чжеу), Campion (Гань-чжеу), Erginul (Лянь-чжеу), Singui (Сп-нипѣ), Egrigaia и Calasia (Нипь-хя), до тѣхъ поръ пока онъ не прибываетъ въ Тендухъ, резиденцію своего Prete Giani. По приведенному выше описанію сухопутнаго путешествія Нат. Бенед. Гоеса (въ 1606 г.) находимъ мы 500 лѣтъ спустя, у одного князя на Лобъ-норѣ въ Ціалисѣ ([148]), гдѣ ученіе Магомета уже со времени нѣсколькихъ вѣковъ вытѣснило несторіанскую церковь, еще остатокъ замѣчательнаго воспоминанія о семъ вѣрованіи его предковъ—трогательное свидѣтельство упомянутаго, хотя и искаженнаго несторіанцами евангельскаго ученія, которое оказало еще свою пользу сему геройскому миссіонеру, спасло ему жизнь и привело его къ осуществленію его цѣли.

Какъ легко могъ китайскій титулъ, даваемый тамошнимъ

---

(145) Marco Polo y Ramusio T. II. c. 30. fol. 11; ed. Marsden c. 30. p. 147; ed. Paris 1824. c. 52. p. 49. cf. Marsden not. 303. p. 149.

(146) Renaudot Anc. Relat. p. 320.

(147) M. Polo y Ramusio II. c. 29, 31, 36, 38, 39, 50, 51.

(148) Nicol. Trigantius de Christiana Exped. apud Sinas. 1615. 4. p. 537.

властителямъ — Ванъ (т. е. Rex) или Ванъ-ханъ т. е. Великій Ханъ или Um-Can, Ung-Khan, Oan-Chan, переходя изъ устъ въ уста, измѣнится въ Rex Ioan, и такимъ образомъ послужитъ основаніемъ упомянутаго имени, тѣмъ болѣе что такія перерожденія въ христіанскія имена не представляли ничего необыкновеннаго въ сіи легковѣрныя времена. Дѣйствительно дѣдъ этого Унъ-Хана, носившій коренное монгольское имя Мергусъ или Мергусъ-ханъ ([149]), точно также у авторовъ былъ легко переименованъ въ христіанское имя Марка (Marcus), и жестокій и злой дядя Ванъ-хана Тогрула, свергнувшій съ престола своего племянника, сего предполагаемаго царя пресвитера Іоанна, былъ по тому самому заклейменъ у восточныхъ авторовъ титуломъ Гуръ-хана (или Куръ-хана у магометанъ; Кюръ у Китайцевъ) ([150]), такъ какъ его собственное имя совсѣмъ не означено; а сей титулъ, какъ уже замѣтилъ Шлецеръ, у арабскихъ и персидскихъ авторовъ означаетъ невѣрнаго князя (Гяуръ, Гуръ). Подобныхъ примѣровъ можно найти нѣсколько. Другіе давали еще болѣе ученыя, хотя не менѣе невѣроятныя истолкованія этого названія, въ которыхъ всегда камнемъ преткновенія служитъ слово пресвитеръ или preste. Такъ н. п. Скалигеръ de Emendat. tempor. libr. VII. искалъ объясненія въ персидскомъ словѣ Prestejani, однозначущаго съ Apostolicus или Padi-Schach Prestejani т. е. Rex apostolicus или Annunciator universalis, чѣмъ безъ сомнѣнія объясняется Итальянс. Preste Giani Марко Поло, но нисколько не древнѣйшее Presbyter Johannes или Sacerdos. Людольфъ въ Hist. Aethiop. lib. II c. 1 и Commentar. fol. 216 — 222 ищетъ объясненія въ Prester Chan seu princeps adoratorum; Теод. Хиде и Гоніусъ принимали Іоанъ за ханъ и пресвитеръ за ложнопонятое слово Pristoa, обыкновенный по ихъ мнѣнію титулъ татарскихъ князей и т. д.

---

(149) Petis de la Croix Hist. de Genghizcan p. 29; D'Ohsson Hist. des Mong. p. 39; исправлено Шмидтомъ въ Ssanang Ssetsen въ др. м.

(150) P. La Croix въ пр. с.; Mailla Hist. gén. d. l. Chine T. IX. p. 9, 77, Schlözer Nordische Gesch. 4. S. 396 not. 15.

Но прежде нежели перейдемъ къ новымъ опытамъ изъясненій, изложимъ мы ходъ исторіи тѣхъ временъ и первыя сказанія очевидцевъ въ Татаріи и Монголіи. Еще прежде появленія самихъ этихъ очевидцевъ въ Монголіи расказы объ этомъ пресвитерѣ Іоаннѣ были передаваемы приходящими изъ внутреней Азіи Несторіанцами и другими западнымъ Франкамъ въ Сиріи и Палестинѣ. По изслѣдованіямъ Іова Лудольфа ([151]) самыя первыя свѣдѣнія объ этомъ пресвитерѣ Іоаннѣ были перенесены въ Европу двумя армянскими легатами, прибывшими въ Римъ къ Папѣ Евгенію III въ 1145 г.

Ассеманъ и Мосгеймъ, для различія сего лица отъ перваго обращеннаго царя Кэраитовъ, назвали его вторымъ пресвитеромъ Іоанномъ. Но мы не узнали отъ нихъ ничего болѣе точнаго, кромѣ того что лѣтописцы сего времени упоминаютъ о семъ, до тѣхъ поръ специально неизвѣстномъ на Западѣ лицѣ, по различнѣйшимъ расказамъ. Guillelm. Tripolitanus ap. G. Mercator a. 1098. во время взятія Антіохіи крестоносцами говоритъ: Coiren Chamum fuisse dominum aut Regem regionum orientalium Asiae, eoque demortuo quemdam Presbyterum Nestorianum regnum illud invasisse et Presbyterum Iohannem adpellatum esse. Otto Frising (умершій въ 1158 г.) lib. VII. c. 33. Narrabat Gabulensis Episc quod ante non multos annos Iohannes quidam (qui ultra Persidem et Armeniam in extremo Oriente habitans, Rex Sacerdos cum gente sua Christianus est, sed Nestorianus) Persarum et Medorum fratres Samiardes dicts bello petierit.

О третьемъ ([152]) такъ называемомъ пресвитерѣ Іоаннѣ позднѣйшаго времени, хотя о порядкѣ ихъ преемничества рѣчи быть не можетъ, упоминаетъ: Alberic въ Chronico ad. an. 1165 et 1170 называя его Indorum Rex, и говоритъ о письмахъ одного пресвитера Іоанна, присланныхъ имъ императору Еммануилу Комнену и императору Фридриху I. Но сіи Epistolae и

(151) Job Ludolfi Hist. Aethiop. comment. Lib. Nr. II. p. 218.
(152) Mosheim Hist. Tartaror. Ecclesiastica § 9. p. 23.

нѣкоторыя другія, по свидѣтельству Matth. Paris Hist. maj. (онъ умеръ 1259), написанныя къ Папѣ Александру III (1161 — 1181), Византійскому императору, Лудовику VII королю Французскому и даже королю португальскому, и бывшія въ ходу у лѣтописцевъ конца XII вѣка, суть апокрифическія ([153]), и даже неизвѣстно получили ли ихъ сіи государи дѣйствительно. Точно также сомнительно кто былъ ихъ составителемъ, хотя они были написаны отъ имени Presbyter Iohannes Asiaticus Rex, котораго владычество распространилось черезъ Индію и на всѣхъ народовъ Гогъ и Магогъ до Вавилона, черезъ 70 царствъ, и который называетъ себя покровителемъ Христіанъ, пресвитеромъ св. рукоположенія и царемъ справедливости, послѣдователемъ Св. Ѳомы, Индѣйскаго апостола, просящимъ отъ Франкскаго короля храбрыхъ рыцарей. Все содержаніе этаго письма показываетъ очень ясно, что оно было дѣломъ Несторіанцевъ, которые хотѣли высоко поднять покровителя своей церкви въ глазахъ крестоносцевъ и Западной церкви; однакоже вѣроятно оно было составлено въ упомянутомъ центральномъ Азіатскомъ царствѣ, въ палаткахъ самаго царя Кэраитовъ, его Несторіанскими писцами, которые хотѣли ему польстить пышнымъ, несправедливо присвоеннымъ слогомъ, совершенно соотвѣтствующимъ дипломатіи позднѣйшихъ сношеній Монголовъ. И дѣйствительно эти многообразныя представленія достигли своей цѣли: потому что по всей Европѣ распространилась идея, что дѣйствительно существуетъ такой могущественный царь-священникъ, котораго Несторіанская церковь обратила въ Христіанство, и очевиднымъ доказательствомъ дѣйствительности этаго заблужденія служитъ письмо столь часто устрашаемаго Папы Александра III изъ Венеціи въ 1177 г. ([154]) съ

---

(153) Petis de la Croix Hist. de Genghizcan p. 31. Assemani fol. CCCCLXXXVIII и Mosheim l. c. append. Nr. IV.

(154) Caes. Baron. Annal. Eccl. T. XII. A. 1177 p. 681; Alberic. in Chron. ad. ann. 1170. p. 353. въ Leibn. Acc. Hist. T. II. Math. Paris.

надписью «ad Ioannem Regem Indorum», въ которомъ онъ называетъ его Sacerdos sanctissimus и говоритъ что усердіе его ему извѣстно отъ Филиппа, его медика. Этотъ Филиппъ привезъ ему свѣдѣнія изъ его государства, о томъ что онъ Христіанинъ, желающій соединиться съ Римскою церковью. А потому онъ наставилъ сего Филиппа въ Католической вѣрѣ, сдѣлалъ его Епископомъ и посылаетъ его къ царю легатомъ. Однакоже объ этой миссіи Филиппа болѣе ничего не извѣстно и Кардин. Цурла ([155]), при всей достовѣрности этаго факта, очень старался доказать что этотъ Ioannes Rex Indorum Sacerdos не есть Азіатскій пресвитеръ Іоаннъ Несторіанцевъ, хотя ни одинъ лѣтописецъ этаго времени не вводитъ его въ соотношеніе ни съ какимъ другимъ, кромѣ Средне-Азіатскаго. Можетъ быть такая грубая ошибка показалась кардиналу слишкомъ значительною для Римскаго престола. Онъ старается объяснить выраженіе Iohannes Rex Indorum Sacerdos, какъ древній титулъ Христіанскихъ королей Эфіопіи, о которыхъ впрочемъ въ тѣ времена никто не могъ думать, потому что христіанская Эфіопія была тогда еще совершенно неизвѣстна, будучи открыта только въ началѣ XIV вѣка; съ тѣхъ поръ она сдѣлалась извѣстною христіанству, послѣ чего Ioannes Rex Presbyter, изчезнувшій изъ Азіи, является въ полномъ блескѣ въ Эфіопіи ([156]), подъ именемъ Presbyter Ioannes Africanus.

Въ Африкѣ этотъ Ioannes presbyter, который титуловался такъ самъ черезъ своихъ посланниковъ при христіанскихъ дворахъ (напр. при восшествіи Іоанна Галеацо на герцогскій миланскій престолъ въ 1395 г.), имѣетъ болѣе права на это названіе, потому-что онъ дѣйствительно былъ Sacerdos Pontifex maximus своей Ecclesiae; въ Азіи же изчезаетъ скоро воздуш-

---

(155) Plac. Zurla di Marco Polo e degli altri Viaggiatori Veneziani Dissertazioni. Vénezia 1818 fol. Vol. cap. VIII. Relig. fol. not. 277 — 287.

(156) Historia general de Ethiopia a alta ou Preste Ioam etc. p. Balthasar Tellez. Coimbra 1660. 4.

ный его образъ съ появленіемъ Монголовъ, которыми разрушено не маловажное впрочемъ могущество Ванъ-хана Кэраитовъ. Этому могуществу придавала однакоже іерархія несторіанцевъ немалое значеніе и возлагало на него свои надежды для составленія на В. равноѣсія католической церкви, Папѣ и Западному императору, въ то самое время когда крестовые походы начинали уже наступать твердою ногою на Азію. Этимъ то, какъ намъ кажется, можетъ разрѣшиться загадка сказанія о Preste Giani въ Тендухѣ.

Абульфарджъ, который самъ былъ Якобитскій христіанинъ изъ Каппадокіи, и писалъ въ концѣ XIII вѣка, называетъ опредѣлительно на Халдейскомъ языкѣ, въ своей Historia Dynastarum p. 280, Тогрулемъ послѣдняго Ванъ-хана, который по послѣдовательности, принимаемой Ассеманомъ и Моегеймомъ, былъ четвертымъ, Малекъ Іуанна ([157]), и говоритъ: Eodem tempore (circa 1202) Turcarum orientalium tribubus imperavit Ung Khan, qui Rex Johanes appellatus est, e tribu quae Kerrît vocatur, erantque populus, qui religionem christianam profitebatur.

Въ исторіи этого государя, какъ ее передаютъ монгольскіе и китайскіе авторы ([158]), которые разумѣется только описываютъ его войны съ Темучиномъ или Чингисъ-ханомъ, правда нельзя найти никакого основанія принимать его преимущественно передъ его сосѣдямъ за христіанскаго короля, а еще менѣе за священника; по достоинству своему Ванъ-ханъ былъ не болѣе какъ пограничный губернаторъ военныхъ силъ Китая; притомъ онъ является постоянно воиномъ и даже убійцею своихъ двоюродныхъ и родныхъ братьевъ и неблагодарнымъ клятвопреступникомъ противъ сына своего благодѣтеля — юнаго Чингисъ-хана. Но

(157) Herbelot Bibl. orient. s. v. Kerit. fol. 473; M. Polo ed. Marsden. fol. 192. № 363

(158) Ssanang Ssetsen Schmidt p. 87; Mailla hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 9 — 34; D'Ohsson Hist. des Mongols extr. въ P. Souciet observat. mathem.. astron. geogr. etc. Paris. f. 1729. p. 187.

также извѣстно что онъ терпѣлъ христіанъ, позволялъ имъ имѣть епископовъ и даже владычествовалъ надъ многими христіанскими народами ([159]); однакоже вскорѣ послѣ того, по свидѣтельству Матѳ. Париса, Рубруквисъ откровенно замѣчаетъ: et vocabant eum Nestoriani Regem Johannem et plus dicebant de ipso in decuplo quam veritas esset. Sic ergo exivit magna fama de illo Rege Johanne et quando ego transivi per pascua ejus, nullus aliquid sciebat de eo nisi Nestoriani pauci».

Побѣда Чингисъ-хана надъ симъ Ванъ-ханомъ Тогрулемъ Кэраитовъ (1202 или 1203 г.), котораго онъ былъ зятемъ, столь извѣстна изъ соотвѣтственныхъ показаній всѣхъ исторій, какъ мы уже упомянули выше, причемъ престарѣлый Ванъ-ханъ былъ убитъ, а сынъ его изгнанъ изъ своего отечества въ Хя (Hia), и нашелъ свою смерть разбойникомъ на З. у Турковъ, между тѣмъ какъ его жены были отведены въ плѣнъ ко двору побѣдителя. Этотъ сынъ у разныхъ авторовъ получилъ различныя названія: Ха-хэ въ Gaubil Mongol. Hist.; Иль-хэ въ Mailla Chines Hist.; Ира-га у Висделу, Сапкунъ у Пти-де-ла-круа, Спигунъ у д'Оссона; между тѣмъ какъ у Vincenz Bellovac. (ум. въ 1264 г.), въ его Specil. histor. IV. L. 29. C. 69., и у Marin Sanuto Secretor. fidel. Crucis lib. III. p. XIII. c. IV. fol. 234, приписывается сему сыну пресвитера Іоанна, который здѣсь названъ Jndiae Jmperator, все то что исторія говоритъ о его отцѣ (у Рубруквиса же брату отца) ([160]). Этотъ сынъ названъ христіанскимъ именемъ David Rex, и сказано, что онъ былъ умерщвленъ со всѣмъ своимъ семействомъ, исключая единственной его дочери, которая была отведена Чингисъ-ханомъ въ его гаремъ. Не смотря на это истребленіе родъ Ванъ-хана и христіанство Кэраитовъ и ихъ послѣдователей жили еще, какъ мы видѣли выше, упоминая о Тендухѣ, въ преданіи, въ продолженіи всего XIII вѣка, до Марко Поло и Іоанна де Монтекорвино, изъ которыхъ послѣд-

(159) Petis la croix Hist. de Genghiscan. p. 33.

(160) Rubruquis Voy. en. Tartarie ch. 19. въ Bergeron Rec. fol. 86.

нему наконецъ удается обратить Несторіанскаго Rex Georgius de genere illustri Magni Regis, qui dictus fuit presbyter Johannes de Jndia въ католическую вѣру. Но хотя это была послѣдняя слабая отрасль баснословнаго рода, угасшаго въ 1299 г., до тѣхъ поръ все еще показываются нѣкоторые темные слѣды дѣйствія такого мнимаго пресвитерскаго достоинства падшаго царскаго дома, который погибъ не безъ какого то духовнаго нимба. Эти слѣды проявляются въ извѣстной, хотя только совершенно внѣшней и обманчивой наклонности родственнаго имъ по браку Чингисъ-ханова императорскаго дома великихъ хановъ Монгольскихъ къ христіанству, въ то время когда Монголы были еще врагами Магометанъ и ихъ властитель еще не провозгласилъ рѣшительно ламаизма государственною религіею, что случилось только при Хубилай-ханѣ въ 1259 году ([161]). Дѣйствительно Чингисъ-ханъ былъ исключительно занятъ покореніемъ и усмиреніемъ народовъ; его требованіе къ подчиненнымъ царямъ заключалось въ словахъ «плати дань и подчиняйся», о религіозныхъ же учрежденіяхъ онъ почти и не думалъ, и единственные слѣды ихъ приводитъ лѣтописецъ въ очень характеристическомъ письмѣ тогдашняго тибетскаго ламы, который прислалъ ему 300 человѣкъ съ верблюдами въ видѣ дани и своего посла въ знакъ подданства, на что онъ будто бы отвѣтилъ ([162]): «мнѣ очень хотѣлось призвать тебя, но такъ какъ ходъ моихъ дѣяній на Западѣ еще не оконченъ, то я тебя не призвалъ. Отсюда я вѣрю тебѣ, оттуда будь моимъ покровителемъ». Сыновья его и наслѣдники Чжагатай и Октай-ханы (Угедэй-ханъ у Цананъ-цецена 1228 — 1241), во времена царствованій которыхъ страшное владычество Монголовъ подъ знаменами Бату-хана проникло до средины Европы, казались болѣе благосклонными если не къ христіанству, то по крайней мѣрѣ къ христіанскимъ народамъ, чѣмъ то можно было ожи-

(161) Abel Remusat Rech. s. les Lang. Tartar. p. 346, 386.

(162) Ssanang Ssetsen Gesch der Mongolen p. 89.

дать отъ варварства ихъ рода. Это обстоятельство однакоже должно какъ кажется приписать несторіанскимъ христіанамъ, которые, вмѣсто свергнутаго Ванъ-хана, должны были найти почетное убѣжище въ домѣ Чингисъ-хана, если справедливо то что сообщаетъ намъ Vincent Bellov spec. Hist. l. XXIX. c. 70 и другіе ([163]). Послѣ побѣды надъ Ванъ-ханомъ, Чингисъ-ханъ вступилъ въ бракосочетаніе съ его дочерью Ясунь-соень-беги (Ой-сунь-гинь), по обычаю тамошнихъ ордынскихъ князей. Она сама была, какъ говорятъ, подобно своимъ предкамъ, несторіанка и очень большое значеніе у нея имѣлъ «Rabbanta Monachus», ея крестный отецъ, замѣчательный по своему уму и хитрости, и притомъ же прорицатель, почитаемый Татарами за святаго; по смерти своей государыни онъ обиталъ въ Таврисѣ, занимаясь торговлею, и тамъ то его нашли папскіе легаты.

О Чингисъ-хановомъ старшемъ сынѣ Чжагатай-ханѣ Марко Поло ([164]) разсказываетъ, что онъ въ своемъ западномъ царствѣ —Самаркандѣ, обратился въ христіанство, къ большой радости тамошнихъ христіанъ, которые, подъ его покровительствомъ, выстроили тамошнюю церковь Св. Іоанна Крестителя, о которой было упомянуто выше и въ которой впослѣдствіи совершилось уже упомянутое чудо. Однакоже мы не имѣемъ никакого другаго подтвержденія справедливости этого показанія, исключая развѣ только благосклоннаго къ христіанству расположенія брата его: потому-что Октай-ханъ былъ также благосклоненъ къ христіанамъ, хотя, какъ уже замѣчаетъ Шлоссеръ ([165]), изъ этого отнюдь не должно заключать чтобы онъ велъ христіанскую жизнь. Однакоже должно почитать исторически доказаннымъ фактомъ то, что онъ былъ первымъ покровителемъ армянскихъ христіанъ, въ то время когда монгольскіе генералы страшно опустошали страну на Кавказѣ и въ Грузіи. Когда въ

---

(163) Assemani Bibl. orient. T. III. p. II. fol. VI.

(164) Marco Polo ed. Ramusio T. II. c. 30. fol. II. ed. Marsden c. 30. p. 147.

(165) Schosser Welt-gesch. III. T. II. Abth. 1. p. 313. not.

1240 г. ([166]) прибылъ къ его двору христіанско-армянскій горскій князь Авагъ съ своею сестрою Танитою, то онъ принялъ ихъ милостиво и возвратилъ имъ ихъ владѣнія; это было началомъ смягченія участи христіанъ на Западѣ Каспійскаго моря. При дворѣ его жилъ сирійскій д-ръ Симеонъ, чрезвычайно умный, и проповѣдывалъ евангеліе на Востокѣ Азіи; заслуги его дали ему такой доступъ къ Кахану, что Октай называлъ его Ата (т. е. по турецки — патеръ). Другіе называли его Раббанъ (по сирійски — учитель). Онъ просилъ за угнетенныхъ христіанъ въ Грузіи, былъ выслушанъ милостиво, и въ 1241 г. ([167]) лично посланъ монгольскимъ императоромъ по сему порученію къ генераламъ его на Западѣ. Съ тѣхъ поръ прекратились угнетеніе христіанъ въ кавказскихъ странахъ. Христіанамъ дозволено было свободное богослуженіе, и многіе Монголы обратились и приняли крещеніе. А потому на Западѣ и въ Левантѣ, гдѣ Монголы непосредственно явились врагами Сарацинновъ, а слѣдовательно политическими друзьями христіанскихъ королей, распространилось снова общее, совершенно неосновательное мнѣніе, начавшееся уже давно преданіемъ о пресвитерѣ Іоаннѣ, что Татары и князья ихъ на отдаленномъ Западѣ суть крещенные и христіане, не смотря на то, что при ближайшемъ столкновеніи ихъ вездѣ принимали за изчадіе Тартара. Не смотря на то ихъ завоеванія, еслибъ они остались исключительно на азіатской почвѣ, принесли бы христіанамъ пользу; потому-что Франки и Монголы были тогда естественными союзниками противъ общихъ враговъ—Сарацинъ и Мусульманъ. И такимъ то образомъ даже сами папы, императоры и короли Европы охотно заблуждались и вступали съ ними въ политическія связи, которыя, какъ они предполагали, основывались въ религіозныхъ отношеніяхъ.

---

(166) Ab. Remusat Mem. sur les relat. polit. des princes chretiens etc. av. les Mongoles Paris 1822. 4. p. 13.

(167) Ibid. p. 21.

Октай Ханъ скончался, и ему наслѣдовалъ сынъ его Гаюкъ-Каханъ (Гуйукъ у Цианана, Сиупе у Миссіонеръ, Гогханъ у Арабовъ), подъ трехлѣтнимъ регентствомъ своей матери, вдовы Октая, именемъ Туракейна Хатунь (1241—43 г.) ([168]). Она была рождена между Кэраитами, даже была дочерью ([169]) пресвитера Іоанна (по свидѣт. Рашидеддина имя ее Сюркy-Китай-Бики и она приходилась племянница Царю Кэраитовъ) ([170]) и Христіанкою, по единогласному свидѣтельству всѣхъ авторовъ, слѣдовательно это было все еще продолженіе вліянія рода пресвитера Іоанна въ Тендухѣ, который до самыхъ временъ Марко-Поло оставался въ кровномъ родствѣ съ императорскимъ домомъ. Она имѣла при себѣ христіанскаго епископа Малассія, покровительствовала еще христіанскому министру своего супруКудаку (Кадакъ у Рашидеддина), а сынъея Гаюкъ дѣйствительно имѣлъ передъ своею палаткой молельню, въ которой и отцы папскіе миссіонеры пѣли свою ave Regina coelorum, хотя всѣ эти обряды не совсѣмъ были по нихъ ([171]), и все христіанство этихъ людей казалось довольно страннымъ. Въ резиденцію то Гаюка (Сира орду, желѣзныя палатки) прибылъ Францискаецъ Плано Карпини въ Курултай его восшествія на престолъ (1246 г.).

Этою то миссіею былъ очень ясно открытъ обманъ разсказовъ Несторіанцевъ о мнимомъ христіанствѣ Монголовъ и ихъ князей, и всѣ послѣдующія сношенія доказали достаточно заблужденіе западнаго христіанства, полагавшаго найти въ нихъ единовѣрцевъ. Когда Пат. Асцелинъ объявилъ себя Бату-Хану посланникомъ Папы Иннокентія IV, имѣющаго самую высокую должность на землѣ, то у него съ гнѣвомъ спросили, развѣ онъ

---

(168) Ab. Remusat въ пр. с. p. 36; Schlosser weltgeschte. въ пр. м. p. 323.

(169) Rubruquis voy. p. Bergeron, addit de Vinc. de Beaur et de Guill. de Nangis. chap. LV p. 157.

(170) St. Martin Mem. s. Armenie III p. 280.

(171) Plano Carpini Voy. въ Bergeron ch. XI p. 18; Rubruquis Voy. ib. ch. XXXII, p. 67.

не знаетъ что Кахапъ самъ есть сынъ неба—Тегри, и на вопросъ Пат. Карпина отъ имени Папы Гаюкѣ-Хану христіанинъ ли онъ? получено было въ отвѣтъ: «что это знаетъ Богъ, а что если Папа желаетъ знать это, то можетъ самъ явиться къ хану». Вмѣсто того чтобы найти въ немъ друга христіанства, миссіонеры скоро убѣдились что нашли въ немъ величайшаго врага. Такимъ образомъ исчезаетъ всякій слѣдъ ошибочной идеи о пресвитерѣ Іоаннѣ, которою такъ долго обманывали себя христіане. Послѣдній же лучь надежды изчезъ во время миссіи Рубруквиса (1253 года) ([172]), который, лично проѣхавъ страну пресвитера, удостовѣряетъ что не нашелъ тамъ никого, ктобы зналъ о немъ что нибудь, исключая нѣсколькихъ Несторіанцевъ; у нихъ же, говоритъ онъ, въ обычаѣ дѣлать много шума изъ бездѣлицы. Наконецъ М. Поло, какъ мы уже видѣли выше, говоритъ только о странѣ Тендухъ Ванъ-Хана, котораго родъ существовалъ еще до его времени, и о которомъ онъ говоритъ впрочемъ, судя *по разсказамъ и мнѣніямъ другихъ*, что это слово означаетъ пресвитера Іоанна, о чемъ онъ не присовокупляетъ даже собственнаго мнѣнія ([173]).

Такимъ образомъ съ паденіемъ рода Кэрантъ изчезаетъ и эта басня; вліяніе же Несторіанцевъ все болѣе и болѣе уменьшается, и наконецъ они какъ христіане совершенно изчезаютъ, когда Римская церковь находитъ туда первый доступъ, черезъ своихъ дѣятельныхъ миссіонеровъ, такъ какъ Ламайство, черезъ признаніе Тибетскаго Далай-ламы главою іерархіи, было сдѣлано государственною религіею династіи Юань. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, какъ нѣкоторые думаютъ, что тамъ совсѣмъ не было Несторіанцевъ, и что всѣ ихъ разсказы суть только ложь и хвастовство; скорѣе же можно сказать, что ихъ Несторіанское христіанство было недалеко, если его такъ легко могли промѣнять на Буддизмъ. Достоинство пресвитера Іоан-

(172) Rubruquis Voy. ib. ch. XIX, p. 36.
(173) Marco Polo ed. Ramusio T. II c. 42 fol. 13. 6.

на ([174]) перешло столь же мало на особу Далай-ламы, какъ достоинство Несторіанскаго каѳоликоса, потому что на это не существуетъ никакого достовѣрнаго свидѣтельства, хотя одна или другая изъ сихъ гипотезъ и даже обѣ вмѣстѣ ([175]) были изложены нами въ подробности; однако-же почти совершенно достовѣрно, что обряды Ламайскаго язычества упрочили себя столь многими формами Несторіанскаго христіанства, и притомъ такимъ поразительнымъ образомъ, что всѣ первые ихъ наблюдатели были такъ изумлены этимъ, что находили въ нихъ подражаніе обрядамъ Римской Церкви самимъ дьяволомъ. О распространеніи Христіанскаго ученія Римскими миссіями и буддійскихъ ученіяхъ ламами мы будемъ говорить ниже.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 24.

О происхожденіи Монголовъ и Татаръ.

Имя Монголовъ — *Монъ-гу* дѣлается вполнѣ исторически извѣстнымъ только со временъ Тэмучина, и именно съ того времени какъ онъ, покоривъ земли Кэраитскаго Вана, сдѣлался уже грознымъ соперникомъ властвовавшей въ сѣверномъ Китаѣ Гинь-ской династіи и принялъ титулъ Чингисъ-Хана. Народъ же, говорящій нынѣ такъ называемымъ Монгольскимъ языкомъ и игравшій такую первостепенную роль во всемірной исторіи съ XIII вѣка, обиталъ первоначально на сѣверной (сибирской) окраинѣ восточно-азіатскаго нагорья, въ горной странѣ истоковъ системъ Селенги и Амура, и отсюда распространялся бо-

---

(174) Pater Georgi Alphabet. Tibetan. p. 690.

175) J. C. Fischer sibirische Geschichte. St. Petersb. 1768. Einl. Th. I. p. 73—82.

лѣе и или менѣе и по степи Гоби, между меридіанами китайскихъ городовъ Да-Тунъ-фу и Юнъ-Пинга. Только на степномъ, безводномъ плоскогоріи подвижныя разноплеменныя народныя массы могли легко смѣняться одни другими въ ходѣ различныхъ историческихъ событій, а коренною, опорною страною Монгольскаго народа была горная страна Кентея и Нерчинской Дауріи, т. е. верховьевъ рѣчныхъ системъ Селенги и Амура. Монгольскія племена представляли здѣсь народную группу, совершенно различную по языку своему отъ трехъ другихъ народныхъ группъ восточной нагорной Азіи — Маньчжурской, Корейской и Туркской, съ которыми языкъ ея имѣетъ конечно нѣкоторыя общія слова, вѣроятно только доставленные ему частыми общеніями, происходившими между этими народами.

Прежде всего въ исторіи происхожденія Монголовъ представляется важный вопросъ: существовало ли имя Монъ-гу до временъ Чингисъ-Хана или нѣтъ. Монгольскій князь Цанангъ-Цеценъ (1) сохранившій намъ исторію Монголовъ, не зналъ ничего о существованіи имени Монъ-гу до Чингисъ-Хана и полагалъ что имя небесныхъ Монъ-гу было дано самимъ Чингисъ-Ханомъ своему народу. Намъ же извѣстны однакоже историческое свидѣтельство о томъ, что имя Монъ-гу существовало и до временъ Чингисъ-Хана. Именно какъ исторія Кидапей (Ляосской династіи), такъ и исторія Нюй-чженей (Гиньской династіи) упоминаетъ о народѣ Мэнъ-гу или Мэнъ-гу-ли или Монъгу въ рѣчной области Амура. Первая изъ этихъ исторій составленм Китайцамъ Ё-лунъ-ли изъ провинціи Че-кяна, при Сунской династіи въ 1130 году, слѣдов. когда Чингисъ-Хану было

(1) Исторія Цанангъ Цецена была, какъ извѣстно, переведена нашимъ академикомъ Шмидтомъ на нѣмецкій языкъ. См. Schmidt Geschichte der Ost Mongolen undihre Furstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen, Chuntaidschi der Ordus Petersb. und Leips. 1829.

еще только 18 лѣтъ; вторая, уже послѣ паденія Гиньской династіи также при дворѣ династіи Сунь ([2]).

Въ Кидань-го-чжи, т. е. первой изъ этихъ исторій, находимъ мы краткія описанія сѣверныхъ сосѣдей Киданьскаго царства, которое, какъ мы уже упоминали, простиралось отъ береговъ Хулхи въ Маньчжуріи до меридіана изгиба Хуанъ-хэ въ Монголіи. Кидань-го-чжи называетъ слѣдующихъ сосѣдей Киданьскаго царства, отъ В. черезъ С. къ З.: Нюй-чжень, Мохэ, Тѣ-ли-си-ши-кянъ, Мэнъ-гу, Юй-гюэ и Дада (Та-та). Независимые Нюй-чжень, т. е. коренные Маньчжуры, сокрушившіе впослѣдствіи царство Киданей и основавшіе блистательную династію Гинь, обитали на В. отъ Киданей, т. е. на р.р. Хулхѣ и Усури. Мохэ, также коренной маньчжурскій народъ, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше (см. ст. 397, 414, 416), обитали къ С.-В. отъ Киданьскаго царства, т. е. на Амурѣ, вѣроятно около впаденія въ него р. Сунгари т. е. соединенія сѣверной и южной вѣтвей всей системы. Тѣ-ли-си-ши-кянъ обитали къ С.-С.-В. отъ Киданьскаго царства, т. е. вѣроятно на Амурѣ отъ Албазина до Хэй-лунъ-кяна. Имя это не встрѣчается болѣе нигдѣ въ исторіи. Однакоже два обстоятельства могутъ помочь намъ въ объясненіи какого племени были эти Тѣ-ли-си-ши-кянъ: 1) показаніе Кидань-го-чжи, что языкъ ихъ, одежда и обычаи, по переводу Васильева ([3]) имѣли только отдаленное сходство, а по переводу Шотта ([4]) почти никакого сходства съ Мохэсскими, и 2) мѣстообитаніе его. По мѣстообитанію своему Тѣ-ли-си-ши-кянъ занимали совершенно мѣсто прежнихъ коренныхъ Ши-вэй, которыхъ имя уже въ это время начинаетъ исчезать изъ исторіи; если вспомнимъ что Ши-вэй были сплеменны съ Ки-

---

(2) Извлеченіе изъ этихъ исторій см. въ рукописяхъ Васильева, также выше стр. 418 — 437 и Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren въ Abhandl. der Königl. Acad. d. Wissensch. in Berlin für 1843. p. 415 — 473.

(3) См. выше ст. 427.

(4) Schott Aelteste Nachrichten über d. Mongolen und Tataren въ пр. и. p. 459.

данями, также какъ съ нынѣшними Солонами и Даурами, и говорили слѣдовательно смѣсью монгольскаго и маньчжурскаго языковъ, т. е. языкомъ, имѣющимъ *отдаленное сходство* съ Мохэсскимъ (чище Маньчжурскимъ), то можемъ заключить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ что Тѣлѣ-си-ши-кянъ были какое-нибудь Ши-вэйское племя, т. е. принадлежащее къ народной смѣси, въ которой былъ уже и *Монгольскій элементъ*, что во всякомъ случаѣ обличаетъ близость и сосѣдство коренныхъ Монголовъ. Что у Тѣ-ли-си-ши-кянь уже преобладалъ монгольскій элементъ, можемъ мы заключить изъ того, что языкъ ихъ не сходствовалъ съ Мохэсскимъ (т. е. коренным Тунгузскимъ), между тѣмъ какъ южные Ши-вэй, по свидѣтельству Ма-дуанъ-линя, говорили языкомъ, сходнымъ съ Мохэсскимъ, а сѣверные—совершенно непонятнымъ. Вторая половина названія упомянутаго племени Си-ши-кянъ, по южному произношенію Хи-ши-кянъ (Hi-Schi-Kian), по мнѣнію Шотта (5), сохранилась въ названіи нынѣшняго монгольскаго княжества Кэшиктени. За тѣмъ Киданъ-го-чжи показываетъ, что прямо на С. отъ Киданьскаго царства, стало быть на З. отъ Тѣлѣ-хи-ши-кянъ, слѣдовательно на Аргунѣ и Кэрулэнѣ обитали Мэнъ-гу или Мэнъ-гу-лю. Монгольскій элементъ не могъ сообщиться Ши-вэйскимъ племенамъ ни откуда болѣе, какъ отъ непосредственныхъ западныхъ сосѣдей; этими сосѣдями были Мэнъ-гу; не имѣемъ ли мы права заключить что эти Мэнъ-гу были еще болѣе Монголами чѣмъ Тѣлѣ-си-ши-кянъ, т. е. истинными Монголами, и что монгольскій народъ уже до Чингисъ-хана носилъ названіе Мэнъ-гу или Монъ-гу, тѣмъ болѣе что коренная родина самого Чингисъ-хана находилась не слишкомъ далеко отъ коренныхъ мѣстообиталищъ упомянутыхъ Монъ-гу. Далѣе къ З., т. е. къ С.-З. отъ Киданьскаго царства, обитали Юй-гюэ, т. е. вѣроятно Уйгуры, народы туркскаго племени. Еще далѣе т. е. на З. сосѣдями Киданьскаго царства были *Да-да*, вѣроятно въ Инь-шанѣ: это бы-

(5) Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren въ пр. и р. 458.

ли слѣдовательно Та-та или Та-тани, соплеменники и сродники Чингисъ-хановыхъ Монголовъ, о переселеніи которыхъ съ береговъ Амура существуютъ положительныя историческія свидѣтельства (см. ниже). За тѣмъ еще Кидань-го-чжи упоминаетъ о Тукюэ, народахъ кореннаго туркскаго племени и царствѣ ихъ Гао-чань, также о Тангутахъ. Изъ показаній Кидань-го-чжи несомнѣнно слѣдуетъ, что названіе Монголовъ уже существовало до Чингисъ-хана и принадлежало хотя *одному* Монгольскому племени, обитавшему въ С.-В. Монголіи; можно заключить также что имя Мэнъ-гу или Мэнъ-гули (Монголы) не происходило отъ имени маньчжурскихъ Мо-хэ, какъ потому что, по замѣчанію Шотта (6), звукъ *нг* никогда не теряется въ китайскихъ транскрипціяхъ, такъ и потому что Мэнъ-гу были отдѣлены отъ Мохэ довольно различнымъ съ ними, независимымъ племенемъ Тѣ-ли-ши-си-кянъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Мэнъ-гу находимъ мы въ Да-гинь-го-чжи, т. е. исторіи Гиней. Только уже здѣсь Мэнъ-гу изъ народа, мирно торговавшаго мѣхами съ Киданями, дѣлается воинственнымъ, опаснымъ врагомъ Нюй-чженей. Да-гинь-го-чжи нѣсколько разъ упоминаетъ о сраженіяхъ и войнахъ Мэнъ-гу съ Нюй-чженями напр. въ кн. IX. 2, XI, XII. 1, 2, XVII. 4, XX. 2. Въ книгѣ XII. 2 сказано, что послѣ побѣды, одержанной Мэнъ-гу надъ Гиньскими войсками, имъ уступлены земли (именно 27 округовъ) къ С. отъ Си-п'инъ-хэ т. е. Кэрулэни. Вотъ показаніе, приводящее насъ опять въ туже С.-В. Монголію, которую и прежде, при Киданяхъ, занимали Мэнъ-гу. Только Мэнъ-гу распространялись какъ кажется и гораздо далѣе на В., именно въ Да-гинь-го-чжи сказано, что Мэнъ-гу обитали и на С.-В. отъ Нюй-чженей. Шоттъ полагаетъ (7) что здѣсь описка и что вмѣсто С.-З. должно читать С.-В.; но мы не можемъ согласить-

(6) Schott älteste Nachrichten v. Mongolen und Tataren въ пр. и. p. 451.
(7) Schott älteste Nachrichten über Mongolen und Tataren въ пр. и. p. 461.

ся съ этимъ мнѣніемъ и полагаемъ, что и на среднемъ теченіи Амура обитали Мэнъ-гу, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся и донынѣ названіе Мэнъ-гу въ имени Мангунцевъ, племени, найденнаго на среднемъ теченіи Амура нашими новѣйшими экспедиціями.

Въ Да-гинь-го-чжи есть еще другое, весьма интересное показаніе. Именно здѣсь сказано, что еще и во время Т'анской династіи (властвовавшей отъ 618 до 905 года) существовали Мэнъ-гу и что имя ихъ писалось Мэнг-у. Далѣе историкъ говоритъ, что Мэнъ-гу взбунтовались въ первый разъ (противъ Гинней) около 1140 года, что съ этаго времени они за выкупъ похищеннаго ими имущества получали киданьскихъ и китайскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и что вслѣдствіе такого смѣшенія у нихъ родились дѣти, совершенно непохожія на Мэнъ-гу. Мало по малу народъ пріучился къ вареной пищѣ (прежде они питались сырымъ мясомъ) и образовалъ обширное царство, называвшееся Да-мэнъ-гу-го, т. е. великимъ Монгусскимъ царствомъ. Еще историкъ замѣчаетъ что первоначально должны были быть два монгусскія царства, отстоящія другъ отъ друга на нѣсколько тысячь ли: одно на С.-В., другое на С.-З., потому что въ цвѣтущее время династіи Гинь содержались на С.-В. границахъ гарнизоны противъ Корейцевъ и Мэнъ-гу, а на С.-З-ныхъ противъ Тангутовъ и также противъ Мэнъ-гу.

Шоттъ, руководствуясь указаніемъ Да-гинь-го-чжи о существованіи Мэнъ-гу еще при Т'анской династіи, старался найти нѣтъ ли какого нибудь показанія объ этомъ народѣ въ ея лѣтописяхъ, и дѣйствительно нашелъ ихъ въ слѣдующемъ пассажѣ ([8]) о Шивейцахъ:

«Народъ этотъ состоялъ изъ многихъ племенъ, которыхъ начальники носили титулъ Му-хэ-чу (Mu-hu-tchu) ([9]) и завис-

(8) См. Schott ältere Nachrichten üb. Mongolen und Tataren въ пр. п. p. 462.

(9) Такъ назывались только начальники сѣвер. Ши вэй, у остальныхъ же, по свидѣтельству Ма-дуанъ-линя (кн. 347 л. 1, 2), титулъ былъ Маньчу. Отъ этого слова произошло вѣроятно имя нынѣшнихъ Маньчжу, какъ то предполагаютъ

ли отъ сосѣднихъ на З. Ту-кюэ. Они занимались преимущественно скотоводствомъ и охотою. Отправляясь на охоту они приглашали другъ друга свистками на сборное мѣсто. Не знали никакой субординаціи, а потому хотя народъ и былъ мужественъ и воинственъ, онъ не могъ сдѣлаться сильнымъ и могущественнымъ. Они также занимались земледѣліемъ: плуги ихъ были деревянные и запрягались людьми; только жатва, по причинѣ суроваго климата и дурной почвы, была очень скудная. Кибитки, запряженныя волами, служили имъ жилищемъ. Страна была бѣдна металлами: желѣзо получали они отъ Корейцевъ. Званіе предводителя ихъ было наслѣдственно; если вымирало царственное семейство они избирали мудрѣйшаго и храбрѣйшаго. Домашними животными служили имъ преимущественно рогатый скотъ; лошадей у нихъ было мало, овецъ вовсѣ не было, только была крупная порода свиней, которыхъ мясомъ они питались. Дубленая свиная кожа служила имъ одеждою. Ближайшія племена этого народа жили въ 3000, а отдаленнѣйшія въ 6000 ли къ С.-В. отъ Лючена ([10]). Самое западное изъ нихъ У-су-гу (U-su-ku) обитало къ Ю.-З. отъ озера Кулуна (Kiülün) ([11]). Оно граничило съ землями Хой-ху (Туркскимъ племенемъ). На В. отъ упомянутаго озера жили И-сай-му (Ji-Sai-mu), а далѣе на В., на сѣверномъ берегу рѣки Чуо (Tschuo) или Янь-чжи (Jen-Tschy), могущественное племя Сай-ху-чжи (Sai-hu-tschi). Еще далѣе на В. обитали племена Хо-кяй (Ho-kiai), У-ло-ху (U-lo-hu) и Поли (Noli). Прямо же къ С. отъ племени Линь си (Ling-si) обитало племя На-бэй-чжи, а еще къ С. отъ этого племени за большими горами были Да (т. е. большіе)—Ши вэй на берегахъ рѣки Ши-кяна . Рѣка эта вытекаетъ изъ озера Ку-лунъ и потомъ поворачиваетъ къ В. На Ю. же отъ упомянутой рѣки

независимо другъ отъ друга Горскій и Шоттъ. См. выше ст. 413 и Schott älteste Nachrichten üb. Mongolen u. Tartaren. въ пр. и. р, 462.

(10) О положеніи Лю-чена на р. Долинь-хэ въ области Чэнъ-де фу. См. выше ст. 402.

(11) Озеро Кулунъ и нынѣ сохранило это названіе, но также называется и Далай-норъ. Въ него впадаетъ р. Керуленъ и вытекаетъ подъ именемъ Аргуни.

обитало племя *Мэнгу*, а на С. Лотанъ. Рѣка же, въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ, соединяется съ рѣками *Но* и *Ху-хань* (Hu-han), далѣе къ В. протекаетъ она черезъ земли Хэй-шуй-мо-хэ, которыхъ раздѣляетъ на сѣверныхъ и южныхъ, и наконецъ впадаетъ въ море».

Замѣтимъ что исторія старшей династіи Т'анъ (Т'анъ-шу) составлена была уже въ началѣ X в., т. е. за три вѣка до Чингисъ-хана. Хотя Мадуань-линь, историкъ конца XIII в., разработавшій многія предъидущія историческія сочиненія, даже до насъ недошедшія, не говоритъ ни слова о Мэнъ-гу, народъ этотъ упоминается еще въ одномъ историческомъ сочиненіи, именно Гуань-юй-ки (Kouang-yu-ki), составленномъ нѣсколько позднѣе Т'анъ-шу, именно въ 976 — 984 годахъ. Вотъ что нашелъ Шоттъ ([12]) о нихъ въ этомъ сочиненіи (кн. 199 л. 5):

Къ Ю. отъ р. Чуо (Tschuo) обитало племя Сай-ху-чжи (Sai-hu-tschi); оно было многочисленно и имѣло превосходныхъ лошадей. На В. Хо-кэй (Ho-kiai) было племя У-ло-ху (U-lo-hu); оно жило на С. отъ горы Мо-к'ай-ту (Mo-kai-tu), на берегахъ рѣки Чуо. Это племя присылало нѣкоторое время дань китайскому двору, именно отъ временъ династіи Юань-вэй (443 г.) до 750 г., при династіи Т'анъ. 200 ли на С.-В. отъ У-ло жили на р. Но остатки древнихъ У-хуань ([13]). Они присылали дань при двухъ первыхъ императорахъ дистіи Т'анъ. Къ С. отъ нихъ на сѣверной сторонѣ большой горы, жило племя Да-ше (черноте лѣжныхъ) Ши-вэй, на берегахъ рѣки, вытекающей изъ озера Ку-лунъ на С.-В. страны Ту-кюэ. Рѣка эта, въ теченіи своемъ на В., орошала страны западныхъ и большихъ Ши-вэй и отдѣляла обитавшихъ Ю. отъ нея *Мэнгу-ши-вэй* отъ обитавшихъ на С. отъ нея Лотанъ-ши-вэй. Далѣе къ В. принимала она рѣки Но и Ху-хань, составляя границу между сѣверными и южными Хэй-шуй и наконецъ впадала въ море.

---

(12) Schott älteste Nachrichten v. Mongolen u Tartaren въ пр. и p. 464.

(13) Объ У-хуань см. выше ст. 404.

Географическій элементъ этихъ древнейшихъ показаній о Мэнъ-гу можно опредѣлить несомнѣнно. Озеро Кулунъ есть нынѣшній Кулунъ-норъ, иначе Далай-норъ, въ странѣ Халхасовъ. Въ него впадаетъ Кэрулэнъ, изъ нея течетъ Аргунь, которой названіе не приведено въ Гуань-юй-ки; въ Танъ-шу она названа Ши-кянъ. Рѣка Но есть Нонь, дѣйствительно впадающая въ Амуръ, только черезъ посредство Кунъ-тунъ-кяна, состоящаго изъ сліянія Сунгари съ Нонью; р. Ху-хань есть вѣроятно Хулха, также впадающая въ Амуръ черезъ посредство того же Кунъ-тунъ Кяна. Далѣе Амуръ впадаетъ въ восточный океанъ. Стало быть племя Мэнъ-гу, причисляемое древними китайскими историками къ Ши-вэй, уже съ VII или VIII в. обитало на Аргунѣ, т. е. въ нынѣшней хотя С.-В. Монголіи. Замѣтимъ что подъ Ши-вэйцами китайскіе историки разумѣли и тунгузскія, и монгольскія племена, отчасти смѣшавшіяся на своихъ границахъ, что доказывается тѣмъ что вѣроятные потомки ихъ—Дауры и Солоны, говорятъ смѣсью монгольскаго и маньчжурскаго языковъ. При этой смѣси тунгузскаго и монгольскаго элемента между такъ называемыми Ши-вэй были и совершенно монгольскія племена. Это доказывается показаніемъ исторіи сѣверныхъ дворовъ, въ которой сказано (14), что сѣверные Ши-вэй говорятъ языкомъ непонятнымъ, совершенно отличнымъ отъ языка южныхъ Ши-вэй. Такъ какъ южные Ши-вэй имѣли языкъ сродный съ Мохэсскимъ, т. е. съ настоящимъ тунгузскимъ, и такъ какъ съ другой стороны китайцы были знакомы и съ туркскими и съ гаолисскими языками, то совершенно непонятнымъ для нихъ въ то время могли быть только одни монгольскія нарѣчія. Стало быть эти сѣверные, или лучше сказать сѣверо-западные Ши-вэй были коренные Монголы, и неимѣемъ ли мы нѣкотораго основанія полагать что племя *Мэнъ-гу*, обитавшее издавна на р. Аргуни, т. е. принадлежащее къ самымъ западнымъ Шивэйскимъ племенамъ, было коренное монголь-

(14) О. Іакинов Собр. свѣд. о нар. ср. Азіи. Ч. II. ст. 36.

ское, также говорившее монгольскимъ нарѣчіемъ. Такъ какъ съ VII в. до временъ Гиньской династіи исторія упоминаетъ о немъ постоянно, и такъ какъ оно усиливается и дѣлается опаснымъ врагомъ Гиньской династіи, при которой, еще гораздо ранѣе Чингисъ-хана, мы встрѣчаемъ имя Мэнъ-гу и на С.-В и на С.-З. Гиньскаго царства, то не имѣемъ ли основанія заключить, что изъ первобытнаго своего центра оно распространилось и на В. вплзъ по Амуру до средняго его теченія, гдѣ его остатки, можетъ быть даже утратившіе свой родной языкъ въ долговременномъ общеніи съ тунгузскими племенами и донынѣ сохранили имя Мангунцевъ, и на З. къ верховьямъ Селенги, гдѣ Гиньская династія должна была содержать противъ него охранительные гарнизоны. Очень можетъ быть что распространившееся такимъ образомъ племя Мэпъ-гу не составляло одного царства и что западные Мэнъ-гу были независимы отъ восточныхъ, которые, какъ кажется, пріобрѣли ранѣе нѣкоторую гражданственность и составили организованное государство, опасное для Гиньской династіи.

Тэмучинъ же, коренной монголъ, могъ происходить отъ тѣхъ же, но западныхъ Мэнъ-гу (хотя вѣроятно не имѣлъ ничего общаго съ родомъ императоровъ восточныхъ Мэнъ-гу), или по-крайней мѣрѣ отъ племени съ ними очень сроднаго, и въ такомъ случаѣ избралъ для своей династіи имя Мэнгу или Монгулъ, какъ имя сроднаго ему племени, наиболѣе прославившагося въ борьбѣ противъ враждебной и ненавистной ему Гиньской династіи ([15]), что кажется намъ естественнымъ только въ такомъ случаѣ если Мэнъ-гу были соплеменны или сродны съ его племенемъ. Однимъ словомъ, между племенами своего *монгольскаго* народа, Чингисъ-ханъ естественно выбралъ названіе самаго прославившагося, самаго страшнаго для своихъ враговъ и существовавшаго подъ этимъ именемъ съ VII вѣка.

---

(15) Ипотеза о томъ что Тэмучинъ далъ своей династіи или царству имя прославившихся въ борьбѣ съ Гинями Мэнъ-гу по ненависти къ Гиньской династіи принадлежитъ В. П. Васильеву. См. выше ст. 435.

За тѣмъ перейдемъ къ другому элементу монгольской націи — къ Тата, (иначе Татаръ, Татань, Да-да), и постараемся опредѣлить, сколь позволяетъ состояніе нашихъ свѣдѣній, отношеніе этихъ Тата къ монгольской и тунгузской народностямъ.

Исторія застаетъ уже въ X в. Та-та или Та-таней въ Инь-шанѣ, и Кидань-го-чжи упоминаетъ о нихъ при перечисленіи сосѣдей Киданьскаго царства на С.-З. Но какъ эти Та-та очутились въ Инь-шанѣ, на мѣсто древнихъ Хунну и туркскихъ племенъ ? въ какое время произошло это замѣненіе? и кто были Та-та, вотъ вопросы еще очень затруднительные. Китайскіе историки согласны только въ томъ что Та-та были однимъ изъ трибовъ Мо-хэ, т. е. несомнѣнныхъ Миньчжуровъ, и что они проникли въ Инь-Шань изъ рѣчной области Амура. Шоттъ нашелъ ([16]) объ этомъ переселеніи очень опредѣленный пассажъ въ Да-гинь-го-чжи, именно тамъ сказано: «предки ихъ (Та-таней) были одного происхожденія съ Нюй-чженями, потому что и тѣ и другіе происходили отъ Мо-хэ называвшихся также У-ги. Страны Мо-хэ начинались въ 6000 ли втъ Чанъ-'аня (Си-'ань-фу) и продолжались на В. до моря. Они составляли 10 трибовъ: Хэй-шуй, Бо-шань и т. д. Бо-шань зависѣли прежде отъ Кореи. Когда императоры династіи Т'анъ сокрушили могущество Корейцевъ, остальные Бо-шань удалились въ Бо-хай. Только Хэй-шуй остались сильными и независимыми. Когда же государство Бо-хай сдѣлалось могущественнымъ *всѣ* Мо-хэ подчинились ему». Далѣе сказано: «Наконецъ Кидани разрушили царство Бо-хай и всѣ племена его разсѣялись. Тѣ которые осѣли на р. К'унъ-тупѣ (Сунгари) съ тѣхъ поръ приняли названіе Нюй-чженей, они были остатки Хэй-шуй Мо-хэ. Тѣ же, которыя осѣли въ Инь-шанѣ, назвали себя Та-та.»

Разрушеніе Бо-хайскаго царства произошло около 925 г., и этимъ опредѣляется эпоха миграціи Та-таней въ Инь-шань. На предъидущихъ страницахъ мы находимъ противурѣчіе этому въ

---

(16) Schott älteste Nachrichten üb. Mongolen u. Tartaren. въ пр. и p. 489.

приводимомъ Риттеромъ (см. выше стр. 612) показаніи исторіи династіи Т'анъ, по которому уже въ 880 году Шатосскій (т. е. Туркскій) князь, бѣжавшій отъ двора Т'анскихъ императоровъ, въ Инь-шань, нашелъ себѣ убѣжище у кочевавшихъ тамъ татарскихъ ордъ, но это противорѣчіе можетъ быть можно объяснить тѣмъ, что лѣтописецъ, писавшій исторію младшей династіи Т'анъ уже въ XI вѣкѣ, назвалъ здѣсь par anticipation тогдашнихъ Шатосцевъ Туркскаго племени Татарами; какъ бы въ подтвержденіе тому далѣе въ той же исторіи сказано что этотъ Шатосскій князь напалъ на Китайскихъ мятежниковъ въ головѣ *вѣрныхъ Та-та* (см. выше стр. 642). Можетъ быть однакоже что передовыя Татаньскія орды заняли Инь-шань уже и ранѣе IX в.

Но здѣсь мы приходимъ къ Гордіеву узлу исторіи происхожденія Монгольскихъ племенъ. Татани — трибь Мохэсцевъ были слѣдовательно Маньчжуры: они пришли въ страну, въ которой властвовало когда-то финское племя (Хунну), а обитали Туркскія племена (Ту-кюэ, Ша-то); какимъ же образомъ позднѣйшіе трибы Та-та сдѣлались одноплеменны или сродны съ Чингисъ-Ханомъ и несомнѣнными Монголами, и даже остатки ихъ оказались Монголами, говорящими на Монгольскомъ языкѣ. Не имѣя притязанія распутать окончательно этотъ Гордіевъ узелъ, мы рѣшаемся только высказать наши догадки объ этомъ предметѣ. Въ запискахъ Мэнъ-хуна, Китайца жившаго при династіи Сунъ, во времена Чингисъ-Хана, т. е. въ началѣ XIII вѣка, переведенныхъ и сообщенныхъ мнѣ обязательно въ рукописи В. П. Васильевымъ, находятся слѣдующія свѣдѣнія о тогдашнихъ Та-та:

«Земля въ которой въ первый разъ являются Татары лежитъ на С.-З. отъ Киданей, ихъ поколѣнія происходятъ отъ Шатосцевъ, и составляло особенный родъ, потому то и не было извѣстно при прежнихъ династіяхъ. Они раздѣляются на три *вида: черныхъ, бѣлыхъ* и *непокорныхъ*. *Бѣлые* татары болѣе красивой наружности, почтительны и вѣжливы, уважаютъ родителей, когда случится смерть отца или матери изрѣзываютъ

себѣ лицо и плачутъ. Я (Мэнъ-хунъ), находясь между ними, и встрѣчая человѣка недурной наружности, всегда получалъ на вопросъ: не бѣлый ли это татаринъ, утвердительный отвѣтъ. Они получили образованіе отъ захваченныхъ ими въ плѣнъ Китайскихъ мужчинъ и женщинъ, съ которыми вступали въ браки, и оттого въ обращеніи съ другими выказываютъ гуманность. Ихъ провинція управляется (нынѣ) Би-цзи, дочерью Чингисъ-Хана — Татарскаго повелителя. Въ послѣднее время, при заключеніи трактата съ нашей Сунской династіей, вторымъ посланникомъ былъ Су-бу-ханъ, изъ бѣлыхъ Татаръ. Во время переговоровъ онъ никогда не обращался съ грубыми словами, былъ внимателенъ, вѣжливъ, благодаренъ за услуги и щедръ. *Непокорные* Татары весьма бѣдны, грубы и неспособны, только и умѣютъ что ѣздить на лошади въ свитѣ другихъ. Нынѣшній императоръ Чингисъ, его полководцы, министры и главнѣйшіе чиновники всѣ принадлежатъ къ *черными Татарамъ*. Эти татары по большой части не великорослы; самый высокій человѣкъ не выше 5 фут. и 2 или 3 дюйм., также нѣтъ между ними толстыхъ и жирныхъ; лице у нихъ широкое, плоское и четвероугольное, съ выдавшимися скулами, глаза безъ верхнихъ рѣсницъ, волосъ на бородѣ и усахъ бываетъ весьма мало—ихъ наружность весьма отвратительна. Только нынѣшній Татарскій властитель Тэмучинъ огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородой; онъ отличается мужествомъ.» ([17]).

Изъ этаго цитата, какъ кажется, съ достовѣрностью можно заключить, что подъ именемъ Татаръ или Та-та разумѣлись народы различныхъ и легко отличимыхъ между собою типовъ. Мы полагаемъ что подъ *непокорными* Татарами должно разумѣть тѣхъ Маньчжурскихъ пришельцевъ изъ рѣчной области Амура, о

(17) Далѣе мы встрѣчаемъ въ этихъ запискахъ очень интересное показаніе о Чингисъ-Ханѣ, что онъ будто бы въ малолѣтствѣ попалъ въ плѣнъ къ Гиньцамъ и девять лѣтъ провелъ въ неволѣ, а потомъ убѣжалъ, и что черезъ это онъ узналъ внутреннее состояніе Гиньскаго царства. «Это, говоритъ Мэнъ-хунъ, человѣкъ мужественный смѣлый, сообразительный онъ привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, чтитъ небо и землю и весьма уважаетъ справедливость.»

которыхъ упоминаетъ Китайскія лѣтописи, подъ *черными*, къ которымъ принадлежалъ и Чингисъ-Ханъ, коренныхъ Монголовъ, подъ *бѣлыми* — Туркскихъ аборигеновъ Ињь-шаня. При этомъ предположеніи вся аномалія показаній одноплеменности Та-та съ одной стороны съ Маньчжурскими Мохэссцами, съ другой стороны—съ народами Монгольскаго племени и парѣчія, изчезаетъ. Принесъ ли съ собою Мохэсскій трибъ., переселившійся въ X вѣкѣ въ Ињь-шань названіе Та-та уже прежде ему принадлежавшее, или заимствовалъ ли онъ его отъ какого нибудь Туркскаго или Монгольскаго трибa прежде него обитавшаго въ Ињь-шанѣ, мы не умѣемъ сказать утвердительно. Но что Та-та, заслонившіе собою отъ Китайцевъ другія племена, сообщили этимъ племенамъ, совершенно отъ нихъ различнымъ (какъ напр. Кэ-рэ или Кэраитамъ, Тайчжіудъ и т. д., вѣроятно принадлежавшимъ къ Монгольской народной группѣ) свое имя не можетъ казаться намъ удивительнымъ. Но имѣемъ ли мы точно такого же примѣра въ такъ называемыхъ сѣверныхъ Ши-вэй, которые, будучи заслонены настоящими Тунгузскими Ши-вэй отъ Китайцевъ, были также называемы въ ихъ лѣтописяхъ Ши-вэйцами, не смотря на то что говорили совершенно *различнымъ*, *непонятнымъ* языкомъ, и слѣдовательно относились, по всему вѣроятію, какъ мы уже старались доказать выше, къ Монгольской народной группѣ. Дальнѣйшія изысканія объ этомъ столь важномъ для этнографіи Азіи вопросѣ предоставляемъ послѣдующимъ изслѣдователемъ, упоминаемъ здѣсь только мимоходомъ что корень слова Та-та, по свидѣтельству Шотта, встрѣчается и въ Монгольскомъ и въ Маньчжурскомъ, и въ Туркскомъ, даже въ Японскомъ языкахъ; только въ Маньчжурскомъ оно имѣетъ болѣе значеній и производныхъ словъ. Слово *Татань* на этомъ послѣднемъ языкѣ означало прежде палатка ([18]), но нынѣ не встрѣчается въ употребленіи.

(18) См. Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren въ пр. и p. 472.

§ 25.

Изложеніе VIII. *Сѣверная дорога Монголовъ изъ страны Тендухъ или Эцзинэ къ Кэрулэну, Толъ и въ Кара-корумъ.*

Такъ какъ мы уже достаточно изложили отношеніе восточной дороги черезъ нагорную Гоби изъ Перчинска и на югъ отъ Хингана къ Пекину (см. выше ст. 296), также какъ и западной въ Туркестанъ, вдоль Сюэ-Шаня, черезъ яшмовыя ворота и Шачжеу—песчаный городъ, къ Лобъ-Нору, также какъ и въ Хами (см. ст. 549 и 569), то намъ остается здѣсь, на южной окраинѣ, сдѣлать только указаніе на *сѣверную дорогу* въ Монголію, именно отъ Ху-ху-хотоня въ Кара-корумъ или къ Толѣ и Селенгѣ. Дѣйствительно діагональная дорога черезъ эту самую нагорную Гоби изъ Пекина въ Кяхту, направленіе которой мы въ общихъ чертахъ уже означили выше, и о которой мы только и имѣемъ болѣе опредѣленныя наблюденія новѣйшихъ путешественниковъ, приведетъ насъ впослѣдствіи вѣрнѣе отъ Алтая и русской Селенги въ средину каменистой степи, и познакомитъ съ природою и топографіею внутренности ея чѣмъ всѣ другія. Эта сѣверная дорога имѣетъ для насъ нѣкоторый интересъ, въ томъ отношеніи, что она представляла въ древнѣйшія эпохи еще важнѣйшій путь сообщенія для народовъ, обитавшихъ по обѣимъ сторонамъ степи на Сѣверѣ и Югѣ ея, потому что такъ какъ она служила прямѣйшимъ путемъ ордамъ въ сѣвери. столицу Чингисъ-Хана—Кара-корумъ, то изученіе ея Абелемъ Ремюза послужило въ новѣйшее время къ открытію положенія этой знаменитой столицы, которая была совершенно ошибочно означаема на всѣхъ картахъ и въ учебникахъ, и это открытіе значительно исправило картографію нагорья.

Изъ послѣднихъ вѣковъ имѣемъ мы объ этой сѣверной дорогѣ только описанія Іезуита Жербильона, который проѣхалъ отчасти по ней, съ первымъ неудачнымъ посольствомъ къ Перчинскъ (1688 отъ 18 Іюня до 21 Іюля), именно до станціи На-

ратъ, а въ 1698 г. возвращался по ней съ другимъ императорскимъ посольствомъ съ верхней Толы и Кэрулэна. Если мы сначала послѣдуемъ за этимъ путешественникомъ, то уже послѣ того намъ легче будетъ ориентироваться на древнѣйшихъ путяхъ въ Хлинъ или Кара-корумъ.

1). *Маршрутъ отъ Ху-ху-хотоня до станціи Нарать* 45° 48′ с. ш.) '83 геог. м. разстоянія (110 лье), по кратчайшему пути. Это разстояніе пат. Жербильонъ проѣхалъ въ 1688 г. отъ 18 Іюня до 21 Іюля, съ посольствомъ, въ сопровожденіи 400 всадниковъ; сущность его описанія состоитъ въ слѣдующемъ (1).

Отъ города Ху-ху-хотоня дорога направляется къ С.-З по равнинѣ Кундулэнъ (тамъ есть также горы называемыя Кундулэнъ, но онѣ лежатъ гораздо далѣе къ Зап.), вдоль рѣчки, по увалмъ, и сухой почвѣ, на которой путешественники должны были раздѣлиться на три отряда, для того чтобы имѣть достаточно воды. Необозримыя равнины, черезъ которыя они проходили цѣлый мѣсяцъ, были очень пустынны, всегда сухи, кое гдѣ имѣли степную солонцоватую почву, и въ такомъ случаѣ превосходныя пастбища для вьючныхъ животныхъ; онѣ были наполнены зайцами, тетеревами, фазанами, а гдѣ попадались небольшія озера — утками, гусями и т. д. Только раза два встрѣтились имъ монгольскія орды. На одномъ степномъ ручьѣ встрѣтили они множество газелей (желтыхъ козъ), также оленей и небольшой дичи, привлекающихъ въ сіи пустыни волковъ. Солончаки и пески перемежались съ каменистою почвою, кремнистыми и каменистыми степями. Въ послѣдній день Іюня вступили они въ равнины, въ которыхъ возвышалось множество тальковыхъ холмовъ, а между ними попадались холмы сыпучаго песку, на которыхъ нерѣдко расположены были палатки Халхасскихъ ордъ. Каждый день путешественники проходили отъ 60 до 80 ли (3 — 4 геогр. м.). Рѣдко попадалось вода; для водопоя вьючныхъ животныхъ приходилось почти каждый ве-

(1) Gerbillon Voy. I. 1688. у Dubalde IV. p. 127—164.

черъ рыть колодезь. Съ 1-го Іюля путешественники начали вступать (2) въ болѣе и болѣе безплодную страну, почти повсемѣстно состоящую изъ спекшагося въ плотную, иногда же сыпучую, массу песку, на которой не произрастало ни одно дерево: кое-гдѣ попадались золотоцвѣтные блестки или листочки слюды или талька, покрывавшіе почву на большихъ разстояніяхъ; тамъ гдѣ равнины были холмисты видно было множество мѣлкой дичи, въ многочисленныхъ стадахъ. Тамъ гдѣ разстилались песчаныя равнины жаръ былъ нестерпимъ. Во впадинахъ холмистыхъ поверхностей появлялся кое-гдѣ кустарникъ, подобный лѣтнему кипарису (Belvedère), но съ гораздо твердѣйшими иглами; всѣ холмы были совершенно обнажены. На такихъ мѣстахъ поднимались столь многочисленныя стаи тетеревей, что Пат. Жербильонъ сравниваетъ ихъ съ роями скворцевъ. Почва становилась все суше и должно было вырывать ямы отъ 3 до 4 ф., для того чтобы найти нѣкоторую сырость. Кормъ для скота былъ чрезвычайно скуденъ, но не смотря на то здѣсь кочевали еще халхасскія орды, съ своими лошадьми, коровами, овцами и верблюдами, разумѣется въ самомъ скудномъ и грустномъ состояніи, какое только можно себѣ вообразить: при большомъ дневномъ жарѣ вечеромъ случались иногда грозы, а при облачномъ небѣ утра иногда были холодны. Въ эти пустыни удалились испуганныя халхасскія орды, съ своими князьями и ламами, потому что въ то время Галданъ Элютовъ угрожалъ имъ своимъ нападеніемъ. При всей грязи и при всемъ униженіи во время этого постыднаго отступленія братъ халхасскаго кахана сохранилъ однакоже столько гордости, что онъ велѣлъ сказать китайскимъ посланникамъ (3), что какъ братъ кахана онъ не унизитъ себя приходомъ къ нимъ, но приглашаетъ ихъ въ свою войлочную юрту; которая впрочемъ была столь же грязна, какъ и юрта послѣдняго изъ его подданныхъ, и отлича-

(2) Ibid. p. 163.
(3) Ibid. p. 139.

лась только своею величиною. Кобылье, овечье, верблюжье, коровье молоко и чай съ полуподжареннымъ и высушеннымъ мясомъ были его кушаньями. 15 Іюля дорога, которая до сихъ поръ шла нѣсколько восточнѣе, опять направилась къ С. С. З. по такой же почвѣ; по обѣимъ сторонамъ ея были навалены кости мертвыхъ животныхъ, очевидно павшихъ отъ жажды. 18 Іюля въ первый разъ вся равнина показалась покрытою раскаленнымъ пескомъ, отъ котораго жаръ сдѣлался почти невыносимымъ, не смотря на то что вѣтеръ дулъ цѣлый день, перемѣняя направленіе съ суточнымъ движеніемъ солнца. На другой день 20 Іюля путешественники какъ кажется перешли самую дурную часть Гоби: потому что достигли станціи Паратъ, которая уже представляетъ снова пастбище и воду и образуетъ входъ въ долину Кэрулэна, Здѣсь застали посольство предписанія Императора изъ Пекина, извѣстившія ихъ объ открытіи войны элютовъ съ Халхассами, что и принудило посольство къ возвращенію. Отсюда (4) были посланы курьеры и депеши къ Московитамъ въ Перчинскъ, о томъ что съѣздъ для заключенія пограничнаго трактата можетъ имѣть мѣсто только въ слѣдующемъ году.

Возвратный путь былъ совершенъ по болѣе краткой линіи въ 83 геогр. м. (5), и по нѣсколько болѣе проходимой почвѣ. На первый же день путешественники встрѣтили прекрасныя массы скалъ изъ сланца и бѣлаго мрамора, впослѣдствіи же имъ встрѣчалось болѣе холмовъ сыпучаго песку чѣмъ на первоначальномъ пути; во всемъ же остальномъ они не встрѣтили никакого различія съ совершеннымъ уже путемъ, до тѣхъ поръ пока снова не достигли до Ху-ху-хотоя.

2) *Тотъ же самый путь отъ Кэрулэна къ Югу до Хухуу-хотоя, съ опредѣленіями широты Пат. Жербильономъ (1698; 10 ли (6) = 1 лье; 20 лье = 15 г. м. = 200 ли).*

---

(4) Ibid. p. 144.

(5) Ibid. p. 147.

(6) Gebillon Voy. VIII. (1698) у Du-Halde IV. p. 523—528.

Осьмое путешествіе Пат. Жербильона, 1698 г., совершенное имъ 10 лѣтъ спустя, по тому же пути, съ китайскимъ посольствомъ, по сдѣланнымъ имъ въ это время опредѣленіямъ широтъ, служитъ важнымъ и даже единственнымъ полезнымъ въ этомъ родѣ дополненіемъ для оріентаціи на этомъ плоскогоріи дополняющимъ и подкрѣпляющимъ все предъидущее. Вотъ его результаты.

Этотъ переходъ нагорной Гоби отъ р. Кэрулэна, почти въ меридіанѣ Хуху-хотоня, до сего города, былъ совершенъ въ 25 дней пути, изъ коихъ только одинъ былъ днемъ роздыха, отъ 9 сентября до 2 октября 1698 г. Посольство 14 дней пребывало на верхнемъ Кэрулэнѣ, при Уланъ-ерги (Oulan-Ergui на д'Анвилевой картѣ) и за тѣмъ пустилось въ путь 8 сентября. Первый дневной переходъ былъ въ 50 ли ($8^3/_4$ часовъ прямо къ Ю.); лагерь былъ разбитъ вечеромъ на плоскогоріи подъ 47° 5′ с. ш.

9 сентября 2-й переходъ, 68 ли (11 часовъ), по гладкой равнинѣ; лагерь 46° 48′ с. ш.

10 сентября 80 ли (12 ч.) $^1/_4$ Ю.-В., по неровной, каменистой поверхности. Лагерь 46° 29′ с. ш.

11 сентября 53 ли ($8^3/_4$ ч.) западнѣе, по неровной степной скалистой поверхности, дурная вода; вечеромъ лагерь 46° 14′ с. ш.

12 сентября 80 ли (12 ч.), по неровной песчаной поверхности, много кустарниковъ, до станціи Паратъ 45° 48′ с. ш.; до сихъ поръ проникали путешественники во время 1-й поѣздки 9 іюля 1688 г.

13 сентября 60 ли (9 ч.), черезъ скалистыя и каменистыя пространства и равнины до 45° 34′ с. ш.

14 сентября къ Ю.-В., дурная вода; лагерь при 45° 11′ с. ш.

15 сентября 58 ли ($9^1/_4$ ч.), гдѣ встрѣтился прекрасный бѣлый мраморъ и слапецъ до 44° 58′ с. ш.

16 сентября 54 ли ($8^1/_2$ ч.) къ Ю.-В. до 44° 48′ с. ш.

17 сентября 42 ли ($6^1/_2$ ч.), по ровной, твердой, каменистой поверхности съ дурною водою.

18 сентября 57 ли (9 ч.), по совершенно ровной поверхности до 44° 24′ с. ш.

19 сентября 56 ли (9 ч.), черезъ сыпучіе пески до 44° 11′ сѣв. шир.

20 сентября роздыхъ.

21 сентября 35 ли (5¼ ч.), къ Ю.-В. по твердой почвѣ до 44° 8′ с. ш.

22 сентября 49 ли (7½ ч.), къ Ю.-В., до стойбища богатаго монгольскаго князя (Regulo), имѣвшаго 10000 лошадей.

23 сентября 44 ли (6¼ ч.) черезъ пески.

24 сентября 88 ли (12¾ ч.) къ Ю.-В., черезъ сыпучіе пески, вода дурная.

25 сентября 63 ли (9¼ ч.). черезъ сыпучіе пески и каменные утесы, гдѣ попадалась хорошая вода; привалъ подъ 43° с. ш.; здѣсь проходила старая граница Монголовъ, раздѣлявшая ихъ какъ китайскихъ подданныхъ, отъ сѣверныхъ ихъ сосѣдей, независимыхъ Халхасовъ.

26 сентября 70 ли (10½ ч.), по хорошей дорогѣ, черезъ холмы изъ твердаго песчанника къ Ю.-В.

27 сентября 98 ли (14¾ ч.) по сухой почвѣ, мимо монгольскихъ палатокъ до 42° 22′ с. ш.

28 сентября 58 ли (9¼ ч.) къ З., по твердой почвѣ, мимо монгольскихъ палатокъ; хорошая вода подъ 42° с. ш.

29 сентября 71 ли (10½ ч.), черезъ твердый песчаникъ и дернъ къ Ю.-В.; подъ 41° 42′ с. ш. остатокъ древнихъ развалинъ города.

30 сентября 65 ли (9¾ ч.), по хорошей дорогѣ и песчаной почвѣ; лагерь на прѣсноводномъ ручьѣ 41° 26′ с. ш.

1 октября 67 ли (10 ч.), по твердой, ровной поверхности, подъ конецъ по горнымъ долинамъ и черезъ высоты, поросшія кустарниками и малорослыми деревьями, гдѣ были расположены многія монгольскія кочевья, 41° 7′ с. ш.

2 октября 40 ли (6 ч.), между очень высокими горами къ Ю.-Ю.-В., очень крутыми и наполненными скалами, 25 ли (2¼

часа). Жербильонъ говоритъ что они, вступивъ въ узкое ущелье, имѣли привалъ на вытекающемъ изъ него ручьѣ, черезъ который они переходили взадъ и впередъ по крайней мѣрѣ 20 разъ. Оставивъ ущелье вышли они на ровную дорогу, ведущую черезъ равнину, въ которой расположенъ Хуху-хотонь. Они нашли здѣсь множество фазановъ; вытекающій ручей направляется къ Ю.-З. Городъ въ который они вступили ночью, лежитъ подъ 40° 49′ с. ш.

3) *Западный путь западной китайской арміи, 1696 г., подъ главнымъ начальствомъ Фэй-янъ-гу-бо противъ Галдана Элютовъ.* Въ это время какъ въ 1696 г. императоръ Канъ-хи велъ лично свою армію по болѣе восточной дорогѣ отъ Пекина по діагонали черезъ нагорную Гоби къ Кэрулэну, западная его армія, подъ начальствомъ китайскаго генерала Фэй-янъ-гу была отряжена черезъ Хуху-хотонь, по болѣе западной дорогѣ (7), черезъ степь къ р. Толѣ, для того чтобы зайти въ тылъ Галдану Элютовъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ объ этой дорогѣ никакихъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, кромѣ краткаго донесенія самаго генерала императору, который спрашивалъ генерала, какую лучше дорогу избрать для арміи. Побѣдоносный въ послѣдствіи главнокомандующій отвѣчалъ: отъ Хуху-хотоня существуютъ двѣ легчайшія дороги до страны Карунъ, т. е. къ срединѣ Гоби и верховьямъ Кэрулэна и Толы, до которыхъ простиралась въ то время китайская граница. За этою границею (Кару у Жербильона, Карунъ у Майлла) начиналась страна сѣверныхъ независимыхъ Монголовъ Халхасовъ, которые прежде состояли подъ властію своихъ собственныхъ государей — кахановъ. Эта граница означена на д'Анвилевыхъ картахъ пунктированною линіею, проведенною черезъ средину Гоби къ С.-В. Въ китайскихъ лѣтописяхъ эта пограничная линія на пути императора Канъ-хи въ точности означена при привалѣ Судету (8), гдѣ

(7) Gerbillon Voy. V. 1696 y Du-Halde IV. p. 422; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 180—182.

(8) Mailla въ пр. с. p 195, 196.

находится камень съ надписью старой границы имперіи. Императоръ лично наблюдалъ здѣсь высоту полюса на пограничной линіи, посредствомъ хорошаго инструмента, и нашелъ ее на 5 полныхъ градусовъ сѣвернѣе Пекина, слѣдовательно нѣсколько за 45° с. ш., потому что уже въ предъидущій день пути въ Кодо (Kodo) отцы-іезуиты наблюдали высоту полюса въ 45° и нѣсколько минутъ. Этотъ пунктъ отстоитъ отъ воротъ Великой стѣны Ду-ши-к'эу (къ С.-З. отъ Гу-бэй-к'эу) на 60 г. м. (800 ли), а отъ Пекина, лежащаго въ 32 г. м. далѣе, на 92 г. м. По измѣренію разстояніе найдено въ 1250 ли, т. е. менѣе 93 г. м. Далѣе къ З. не было опредѣленій, а потому самому и на нашихъ картахъ не означена съ большею точностью граница, которую генералъ Фэй-янъ-гу называетъ пограничною страною Карунъ. Одна дорога туда, по его донесенію, идетъ черезъ Мупай (Mounai, вѣроятно на З. отъ Инь-шаня — Мона вблизи извилины Хуанъ-хэ, Мона-Хоша, см. выше стр. 520 и 618); на прохожденіе ея должно употребить 20 дней. Другая идетъ черезъ Кундулэнъ (см. выше стр. 620) и однимъ днемъ пути короче предъидущей; это безспорно должна быть дорога, ведущая черезъ горный проходъ того же имени въ Инь-шанѣ, лежащій далѣе на З. отъ Хуху-хотоня, и посылающій рѣку того же имени на Ю. къ Хуанъ-хэ, но совсѣмъ нетотъ пунктъ, который Жербильонъ въ нѣсколькихъ часахъ пути къ С. отъ этого города, называетъ именемъ равнины Кундулэна. На обѣихъ, говоритъ Фей-янъ-гу, находятся небольшіе ручьи, обильные водою, такъ что нѣтъ нужды выкапывать въ нихъ колодцевъ. Еще существуютъ двѣ дороги: одна черезъ мѣстечко Бургуссунъ (Purhusun) или Хотонь бургуссунъ (Koton Hurhusun); можетъ быть тоже что Бургассутай Кямунь (Purhasfutai Kiamen на д'Анв. картѣ?), длиною въ 13 дней пути, она имѣетъ 10—12 колодцевъ; другая черезъ Карпай-Шахань-Кутень (Karpai Shahan Kouteng), со столькими же колодцами, нѣсколько длиннѣе и заключаетъ въ себѣ 17 дней пути. На всѣхъ другихъ путяхъ нѣтъ воды, и колодцы, которые должно рыть на глубинѣ 26 ф., даютъ всегда дурную воду, наполненную пескомъ и иломъ. По

сему донесенію, которое разумѣется оставляетъ еще многое во мракѣ, но однакоже показываетъ что изъ страны Тендухъ существуетъ нѣсколько, хотя затруднительныхъ входовъ, ведущихъ черезъ Гоби за тогдашнюю пограничную полосу на С. въ Карунъ, императоръ отдалъ приказъ вырыть колодцы вездѣ, гдѣ ихъ не было, и потомъ уже привести армію въ движеніе. Это и было сдѣлано, и какъ кажется одно отдѣленіе западной арміи, подъ начальствомъ Генерала Фэй-янъ-гу пошло по одному изъ западныхъ путей, а по сосѣдней съ нимъ дорогѣ, проходящей только въ 10 дней пути далѣе, направился командующій II-мъ, 10 тысячнымъ корпусомъ Генералъ Сунь-цзы-К'э (Sunsse-khe) (9). Изъ этой западной арміи прибыло 6 Іюня въ Императорскій лагерь, на діагональномъ пути, извѣстіе, что она прибыла на В. отъ Хунъ-хина (Hon-hin) къ Сира-Халяссутаю (Sira-houlasoutai?) и приближалась къ р. Толѣ, для преслѣдованія Галдана Элютовъ, надѣясь къ 3 іюлю прибыть въ странѣ Керэ-хосу (Kere-Hosu) на З. отъ горы Олакъ (Olak). Этотъ разсчетъ оправдался; въ это время вся ширина нагорной Гоби, отъ Хуанъ-хэ до верхней Толы, по самой затруднительной и малоизвѣстной части ея распространенія, вѣроятно приблизительно въ меридіанѣ Нинъ-хя, была пройдена одновременно обоими западными корпусами арміи, между тѣмъ какъ самъ императоръ велъ восточную армію по діагональному пути изъ Пекина къ Кэрулэну. О семъ послѣднемъ переходѣ, участвовавшій въ немъ Пат. Жербильонъ оставилъ намъ поучительныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію западную армію не сопровождалъ ни одинъ Европеецъ, который бы могъ сообщить ея открытія. Жербильонъ (10), въ точности справлявшійся объ упомянутомъ маршѣ, узналъ только вообще, что путь, пройденный западною арміею, считался до сихъ поръ непроходимымъ для большихъ отрядовъ войскъ, потому-что на немъ нельзя было найти ни воды, ни

(9) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI p. 200, 202.

(10) Gerbillon Voy. V 1696. y Duhalde IV. p. 416,422; Ibid. voy. VIII 1698. p. 516; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 209.

корма, ни жителей. Должно было сдѣлать очень большіе обходы на З., армія оставила почти всѣ свои багажи и понесла значительныя потери. Три мѣсяца шла она безъ настоящаго роздыха; вся кавалерія была спѣшена, сами офицеры должны были вести своихъ лошадей въ поводу. Наконецъ корпусъ арміи былъ 11 дней безъ риса и хлѣба, и только какимъ то чудомъ спаслось почти погибшее съ голода войско и все еще одержало славную побѣду надъ Элютскомъ Галданомъ на равнинахъ Тэрэльги на р. Толѣ, вскорѣ по прибытіи его туда. Китайскій генералъ самъ сознавался, что счастіе его состояло въ томъ, что Галданъ Элютовъ, отпуганный императорскимъ войскомъ съ Керулэна, въ недоумѣніи отступилъ къ р. Толѣ и наткнулся съ слабымъ остаткомъ своихъ силъ, именно въ 8000 человѣкъ на западную армію, сокративъ ей такимъ образомъ путь. Нагнать же врага утомленныя войска были бы совершенно не въ силахъ. Но при численномъ превосходствѣ своемъ они одержали совершенную побѣду надъ Элютами: 2000 враговъ остались на полѣ битвы и самъ Галданъ едва спасся бѣгствомъ въ степь съ 50 всадниками; лагерь его, стада, все имущество и семейство были добычею китайцевъ, и столь долго грозное царство Элютовъ исчезло изъ исторіи нагорной Азіи.

4) *Маршруты Чингисъ-Хана и М. Поло изъ Эцзинэ въ Каракорумъ въ 40 дней пути черезъ Гоби.*

Изъ исторіи войнъ Чингисъ-Хана узнаемъ мы поперечную дорогу черезъ самую дикую и пустынную часть нагорной Гоби, еще болѣе западную чѣмъ предъидущая, именно ту, которая въ меридіанѣ Каракорума (47° 32′ с. ш.; 13° 21′ з. д. отъ Пекина или 100° 47′ в. д. отъ Пар.) ведетъ на Ю. Ю. З. къ Эцзинэ и западной окопечности Великой стѣны.

Зимою 1224 ([11]) завоеватель направилъ первый авангардъ своей арміи на Тангутъ, для завоеванія Нинъ-хя; страшная стужа не могла остановить его войскъ; онъ роздалъ своимъ воинамъ

(11) Petis de la Croix. Hist. de Genghizcan. p. 468.

въ походъ двойные овчинные тулупы и приказалъ накрывать лошадей войлоками. Царь Хя (Hia) былъ такъ изумленъ этимъ появленіемъ войскъ, что Монголы уже до весны стали твердою ногою въ Эцзинэ (Azime), пограничномъ городѣ, который отстоялъ только на 12 большихъ дней пути отъ Гань-чжеу (Campion) — тогдашняго пребыванія его двора; Монгольская исторія повѣствуетъ ([12]), что тангутскій царь имѣлъ бурую собаку съ черной мордой, которая разными знаками предсказывала будущее; именно когда должна была открыться война она выла, въ мирное же время она лаяла, но такъ какъ Чингисъ-ханъ уже три года стремился къ войнѣ, то она выла въ теченіи трехъ лѣтъ и тогда, повѣствуетъ Цанангъ, тангутскій царь подумалъ что его собака состарѣвшись потеряла даръ предвозвѣщенія, и предался, ко вреду своему, самой большой безпечности. Въ іюнѣ 1225 г., потому что ранѣе тамъ не начинается хорошее время года, двинулся по той же дорогѣ въ Тангутъ самъ Чингисъ-ханъ съ 10 отдѣленіями свой 350000-ной арміи, и съ нею предпринялъ разрушенія царства *Хя*. Онъ двинулся изъ Монголистана (Кара-Корума), какъ Цанангъ говоритъ опредѣлительно, черезъ хребетъ Хангай, гдѣ онъ еще забавлялся большею охотою и мимо горы Моца (см. стр. 512), слѣдовательно на Западъ мимо Инь-шаня. Черезъ нѣсколько недѣль войско пришло къ степи, черезъ которую ей предстояли 40 дней пути, потому что вѣроятно здѣсь не было ни одной проходимой дороги, которая бы вела прямо черезъ степь, и по совершеніи сего пути, достигло границы Тангута, гдѣ и обложило городъ Эцзинэ ([13]), немогшій представить никакого сопротивленія. Это мѣсто избралъ Кханъ въ теченіи сей войны своимъ мѣстопребываніемъ, и оттуда разсылалъ своихъ шпіоновъ, до тѣхъ поръ пока ему самому не удалось пропикнуть противъ врага къ Хуанъ-хэ разбить его войско, взять приступомъ Нинъ-хя, и положить конецъ царству Хя (Hia, см. стр. 489). Кромѣ сказанія Цанана ни китайскія,

(12) Ssanang Ssetzen Mongol. Gesch. p. 37.

(13) Croix въ пр. с. p. 477.

ни монгольскія лѣтописи ([14]) не даютъ намъ точныхъ свѣдѣній о семъ пути. Пат. Гобиль называетъ сей городъ въ хронологіи династіи Юань — Estina ([15]) а Дегинь — Akashin ([16]), одна же составленная во времена владычества Монголовъ въ Китаѣ карта — Э-цина. М. Поло хвалитъ стада этого города, особливо же его верблюдовъ и также его превосходныхъ соколовъ. Жители — идолопоклонники, не занимаются торговлею, но городъ, принадлежащій Тунгуту, лежитъ на краю степи и путешественники бываютъ принуждены запасаться здѣсь припасами на 40 дней. Дѣйствительно къ С. оттуда, на 40 дней пути, разстилается степь, въ которой нѣтъ ни одного жилища, и только лѣтомъ можно встрѣтить людей въ горахъ и долинахъ. Однакоже въ этихъ пустыняхъ можно найти воду, хвойный лѣсъ (boschi di pini), дикихъословъ и множество дичи. Совершивъ 40 дней пути на конѣ, что объясняется необходимостью восточнаго обхода для большой арміи ([18]), путешествующій къ Сѣверу, прибываетъ въ городъ Кара-корумъ (Carachoran). Этотъ городъ Эцзинэ (Yetsine) лежитъ, какъ мы знаемъ изъ Кит. Государ. Геогр. ([19]), внѣ Великой стѣны на рѣкѣ того же имени (Эцзинэ-бира, или также Кундулэнъ у д'Анв.), которая на С. къ Гоби имѣетъ очень малое паденіе и теряется въ степномъ озерѣ. Въ настоящее время сдѣлались тамъ конечно туземными орды номадовъ со времени разрушенія царства Элютовъ. Элюты-Чоросы отдѣлившаяся отъ него вѣтвь, подъ начальствомъ своего князя Батуру-Чоросъ (*), поссорившагося съ Галданомъ, бѣжали тогда ([20]) на китайскую границу и испросили себѣ мѣсто для по-

(14) Mailla Hist. gén. de la Chine T. IX. p. 116; Ssanang Ssetsen p. 97.

(15) Gaubil Abregé chronol. въ Souciet. Observat. mathematiques etc. 4. Paris 1729. p. 191.

(16) Deguignes Gesch. der Hunnen T. III. p. 73.

(17) Marco Polo y Ramusio II. c. 40. fol. 13; ed. Marsden ch. 41. p. 186; ed. Muller c. 50. p. 43.

(18) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Kara-Korum p. 57.

(19) Tai-Thsing-Y-Thoung-Tschy въ Timkowsky Voyages II. p. 279, 222.

(*) У Риттера ошибочно Paturu-Thorum. — *Пр. Пер.*

(20) Gerbillon Voy. VIII. 1697 y Du-Halde IV. p. 470.

селенія у императора Канъ-хи. Это мѣсто было имъ указано за предѣлами Нинъ-хя и Ганъ-чжеу въ странахъ Халчжанъ-бургутъ (Kaldjan-Bourgout), Хонгоръ-олонъ (Khongor-Olon), Баянъ-нуру (Bayan-Nuru) и въ песчаной степи, называемой Албай-галбаи-гоби (Albai-Galbai-Gobi), распространяющейся отъ лѣсистаго хребта Ала-шаня къ З. до р. Эцзинэ. Эта страна принадлежала Халхассамъ, но была ими оставлена въ то время когда они были угрожаемы нападеніями Элютовъ. Колонизація была позволена Чоросамъ, подъ условіемъ чтобы они не приближались къ китайской границѣ болѣе чѣмъ на 60 ли (9 часовъ). Въ 1697 году испросили они себѣ у китайскаго императора, чтобы, по примѣру другихъ 49 монгольскихъ племенъ, у нихъ также были поставлены начальники, съ наслѣдственными достоинствами (Бейлэ, т. е. Regulo) и чтобы они были раздѣлены на хоругви. Эта просьба ихъ была выполнена; въ продолженіи послѣдующей истребительной войны съ Элютами 1757 число ихъ значительно уменьшилось ([21]), однакоже, по показанію Китайск. Госуд. Геогр., они составляютъ еще 3 хоругви и кочуютъ къ З. отъ 360 упомянутыхъ проходовъ въ стѣнѣ, на обширной степной поверхности Гоби, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ степь эта осталась чрезвычайно дикою и пустынною и наименѣе извѣстною.

5) *Древнѣйшіе маршруты временъ династіи Танъ отъ Пи-лутая* (Piloutai) *на Хуанъ-Хэ до Кара-корума.*

Это суть тѣ самые маршруты, относящіеся къ древнѣйшимъ временамъ династіи Танъ (618—968), которые Аб. Ремюза въ своемъ необыкновенно поучительномъ сочиненіи ([22]), критически разсмотрѣлъ въ оригиналахъ, и воспользовался ими для исправленія прежняго мнѣнія относительно положенія Каракорума, который былъ нанесенъ ошибочно на всѣ карты, и внесенъ въ исторію нагорной Азіи, по ложному истолкованію тѣхъ же

(21) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 51.

(22) Ab. Remusat Recherches sur la ville de Karokorum avec eclaircissements etc. Paris 1825. въ Mém. sur plus questions relatives á la géographie de l'Asie Centrale p. 1 — 58, съ Carte du grand Desert et des pays voisins tirée du Souhou khian-lou.

самыхъ путешествій, Дегинемъ ([23]) и Д'Анвилемъ. Мы приводимъ здѣсь только факты путешествій, потому что результаты ихъ относительно положенія Каракорума, могутъ найти мѣсто только далѣе при изложеніи географіи рѣчныхъ областей верхней Толы и Орхона. Здѣсь упомянемъ только, что д'Анвиль на своихъ картахъ означаетъ ипотетически положеніе Кара-корума подъ 44° с. ш., 104 в. д. отъ Пар. (124° в. д. отъ Ферро), близъ степнаго озера Курагань-уланъ-нора (Khurogan-ulen-nor; Courrohany D'anv.), въ которое впадаетъ степной ручей Онгинъ (Onguin Pira D'am.), послѣ 50 Г. м. теченія, но которое, по свидѣтельству Кит. Гос. географіи ([24]), лежитъ только въ 60 геогр. м. (800 м.) разстоянія отъ страны Ордосъ. Оба дорожника, сообщаемые исторіею династіи Т'анъ (Than-Shu lib. XLIII part. 2, p. 17), идутъ съ Ю.; одинъ отъ пограничной крѣпости Пилутай (Pildjouthai по Клапроту) на Хуанъ-хэ, древняго сторожеваго города, о которомъ мы говорили выше. Другой (Than-Shu lib. XL p. 7) отъ города Гань-чжеу, съ положеніе котораго на западной оконечности Великой стѣны мы уже ознакомились. Первый соотвѣтствуетъ слѣдовательно, по положеніи, пути, принятому китайскимъ генераломъ Фэй-ян-гу противъ Галдана Елютовъ, второй вѣроятно очень мало уклоняется отъ Чингисъ-Ханова маршрута.

а) *Дорожникъ отъ Пи-лу-т'ая къ Каракоруму* ([25]).

Путь, ведущій отъ города Пи-лу-Тая (или Шеу-Кянъ-чэнъ) въ странѣ Хой-ху (т. е. Турковъ, тогдашнихъ властителей Каракорума), представляетъ слѣдующее: 1) отъ Пи-лу-тая должно идти къ С.-С.-В. и С.-В. 80 ли (6 г.м.). 2) За тѣмъ придешь къ долинѣ Ту-янъ (Thu-yan), при южномъ входѣ въ которую расположена деревянная палисада того же имени; при сѣв. же выходѣ изъ нея находится другая — Гуй-т'анъ (т. е. подчиненая имперіи). Эта

(23) 584, Deguignes Geschichte der Hunnen Th. I. p. 61 etc.
(24) Timkowsky Voy II, p. 238.
(25) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Karakorum p. 11

дорога проходима для экипажей. 3) За тѣмъ вступаешь въ территорію пограничнаго коменданта, которому поручены дѣла Хой-ху. Пройдя 500 ли (27—28 Г. м.) достигаешь источника Биде (Pi-té) и 10 ли (милю) далѣе вступаешь въ степь. 4) За тѣмъ должно перейти черезъ горы Кя-лу (Kia-lou, т. е. Олень, и Лань-эрлъ (Lan eul, т. е. оленье ухо) и черезъ гору Цзука (Thsukia), и достигнешь, по переходѣ 800 ли (60 г. м.), колодезя Шань-янь-цзы (т. е. горной ласточки). За тѣмъ должно слѣдовать къ С.-В. черезъ гору Мису (Misu), мимо лагунъ Та-тань и Ѣ-ма (Ye-ma, т. е. дикая лошадь), при источникѣ К'у-хань (Kho-han) черезъ пикъ Хунъ (Houng), и наконецъ, по переходѣ 760 ли ($52^1/_2$ г. м.), достигнешь столицы Хой-ху—Холина (Каракорума). Пи-лу-тай лежитъ подъ 40^0 37′ 12″ с. ш. и 7^0 з. д. отъ Пек. (200 кит. ли = 1^0 экватора; или 15 г. м. = 20 лье, 10 ли = 1 морс. м. т. е. $^3/_4$ г. м. или $1^1/_2$ часамъ). Отъ Пилутая слѣдовательно Каракорумъ, посему пути, отстоитъ на 2090 ли ($204^1/_2$ лье) или $153^1/_2$ Г. м.

Но тотъ же самый путь, который до источника Биди составляетъ 580 ли, можетъ быть нѣсколько сокращенъ, именно прямо къ С., мимо города Гунь-чжу (Koung Tchu, т. е. городъ княгини), черезъ городъ Мэй-Кянь (Mei-Kjan, т. е. красный соленый языкъ) черезъ р. Хуань-и (Hoen y), черезъ гору Лумынь (Lu-men, т. е. заслонка у печи) и пикъ Му-чжу (Mu-Tchu, т. е. деревянный свѣчникъ), такъ что по переходѣ 1500 м. также можно достигнуть до столицы. На этомъ пути цѣлое разстояніе составляетъ 2080 ли или всего только однимъ добрымъ часомъ меньше вышеупомянутаго. Оба идутъ слѣдовательно до источника Биди (Биди-цзюань у Дегиня, Fi-ti-tçuen у Висделу) ([26]), лежащаго при входѣ въ каменистую степь по одной дорогѣ но за нимъ уже болѣе чѣмъ на двойное разстояніе къ С.

Еще другой дорожникъ ([27]), составленный при отправленіи Киргизскихъ посольствъ въ 755 г. изъ Тянь-дэ, под-

(26) Visdelou. Supplément p. 79.

(27) Ab. Remusat Rech. s. la ville de Karakorum p. 32.

тверждаетъ упомянутыя свѣдѣнія въ ихъ сущности. Посольство, сказано тамъ, употребило 40 дней пути на верблюдахъ. Отъ Тянь-дэ слѣдовало оно 200 ли (15 г. м.) вправо, за тѣмъ къ С. запад. шеу-кяна 300 ли 22½ г. м.) къ источнику Би-ди. Оттуда до столицы Хой-ху считается 1500 лье (113 г. м.) и эта дорога проходима для экипажей. Источникъ сей былъ въ упомянутое время извѣстенъ, какъ сборное мѣсто Китайскихъ и Татарскихъ войскъ, при входѣ въ степь. Китайскій имиер. Тай-цзунъ, для поддержанія дружественныхъ сношеній съ Хой-ху, какъ гласитъ исторія, учредилъ къ С. отъ сего источника Би-ди 63 станціи для эстафетъ. Китайскія станціи обыкновенно находятся на разстояніи 40 ли, рѣдко болѣе 70 (36½ г. м.). Эти станціи безспорно простиралась отъ границъ Китайской имперіи до лагеря орды Хана Хой-ху. Если каждая простиралась даже на 3 г. м., то разстояніе должно бы быть въ 204 г. м. (2720 ли);по крайней мѣрѣ ширина степи за которою расположена столица Холинъ (Каракорумъ), составляетъ начиная отъ Китайской стѣны, 8 градусовъ ширины (105 г. м.), не считая всѣхъ извилинъ пути, что необходимо требуетъ еще болѣе Сѣвернаго положенія. Мѣстность около источника Би-ди была сдѣлана складочнымъ мѣстомъ и главною станціею, гдѣ путешественники во всякомъ случаѣ могли останавливаться на нѣкоторое время до прохожденія степи.

b) *Дорожникъ отъ Гань-чжеу съ Каракорума* ([28]).

О пути отъ Китайской стѣны до Гань-чжеу (39° с. ш.; 15° 32½ З. д. отъ Пекина) и тамошняго входа при Шань-танѣ (Shanthan), на степной рѣкѣ Чанъ-ги (Tchang-ki), въ степь Гоби къ С. было уже говорено выше (см. стр. 593). А потому здѣсь излагаемъ мы только продолженіе этаго пути. Послѣдняя степная рѣка, сказано въ дорожникѣ, течетъ къ В. и дѣлаетъ большую извилину. Оттуда 1000 ли (100 лье) или 75 г. м. къС.-В. находится лагерь Цинъ-к'эу, котораго комендантъ, бывшій на-

(28) Ab. Remusat. Rech. A. l. v. de Karakorum p. 21.

Библиотека РКВМФ СССР

чальникъ города Шань-тана, поставленъ туда только съ 743 г. по Р. Хр.; къ С.-В. оттуда лежитъ Кюй-янъ (Kiu-Yan). Къ С. отъ этаго степнаго озера Кюй-янъ въ 300 ли или 22—23 г. м. идетъ укрѣпленный горный проходъ черезъ горы онъ называется Хуа-мынь (Hoa-men), а 1000 ли (100 лье) или 75 г. м. оттуда къ С.-В. лежитъ Каракорумъ, столица Хой-ху. Циркуль, какъ замѣчаетъ очень справедливо Аб. Ремюза, показываетъ соотвѣтственность этаго втораго дорожника, ведущаго отъ верховьевъ Эцзинэ-бира черезъ степь Гоби Елютъ-Чоросовъ, съ первымъ. Но такъ какъ эта мѣстность осталась непосѣщенною Іезуитскими миссіонерами, то очень трудно опредѣлить мѣста, находящіяся между этимъ начальнымъ и конечнымъ пунктомъ. По озеро Кюй-юань падаетъ, по даннымъ разстояніямъ, почти туда, гдѣ д'Анвиль (на Кураханъ-улэнъ-норѣ) ставитъ свой Каракорумъ, между тѣмъ какъ оттуда должно еще пройти 1300 ли (130 лье) или $97^1/_2$ г. м., для того чтобы достигнуть дѣйствительно до древней столицы Монголовъ—Кара-корумъ. Прежнее опредѣленіе ея положенія у д'Анв. подъ 44° с. ш., слѣдовательно очевидно ошибочно, и разстояніе естественно вдвое болѣе до р. Орхона, гдѣ мы должны искать его, вмѣстѣ съ Аб. Ремюза, какъ то ясно будетъ изъ послѣдующихъ розысканій, къ которымъ мы перейдемъ, также какъ и къ сѣверной окраинѣ нагорной Азіи, исчерпавъ здѣсь, во сколько простирались наши свѣдѣнія, вполнѣ какъ намъ кажется для нынѣшняго состоянія науки, и достаточно для настоящей ея потребности, всѣ доступные намъ источники.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ И СТАТЕЙ, СЛУЖИВШИХЪ МАТЕРЬЯЛАМИ ДЛЯ ДОПОЛНЕНІЙ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ I-МУ ТОМУ ПЕРЕВОДА РИТТЕРОВОЙ АЗІИ.

1811.

1) *Pallas* Zoographia rosso-asiatica. Petrop. 1811. 4. 3 vol.

1828.

2) *Іакинѳа* Записки о Монголіи. С. П. Б. 8. 1828. 2 части.

1829.

3) *Іакинѳа* Исторія первыхъ четырехъ хановъ дома Чингисова. С. П. Б. 1829. 8. 1 часть.

1834.

4) *Gützlaff* Journal of three voyages along the coast of China in 1831—33. Lond. 8. 1834. 1 vol.

1835.

5) *Nagel* Ueber die Küstengestaltung der Erdtheile въ Berghaus Annalen der Erdkunde. Bd. II. p. 430—497.

6) *Fuss* Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise in 1830—32 nach Sibirien und dem chinesischen Reiche въ Mém. de l'Acad. de St. Pétersb. VI. Ser. T. III. lib. 1.

1836.

7) *Lenz* Bemerkungen über das sogenannte Stationsnivellement mittelst des Barometers. Bullet. de l'Acad. Impér. de St. Pétersb. T. I. p. 51—53.

8) *Ab. Remusat* Foe-Koue-Ki ou relation des royaumes Bouddhiques. Paris. 4. 1836. 1 vol.

1837.

9) *Neuman* Asiatische Studien. Leips. 1837. 8. 1 Bd.

1838.

10) *Göbel* Reise in den Steppen des südlichen Russlands. Dorpat. 1838. 4. 2 vol.

11) *Imbert* Lettre въ Annales de la propagat. de la foi T. XI. p. 356 etc.

12) *Maubant* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XI. p. 342 etc.

13) *Huc* Lettre въ Ann. d. les prop. de la foi. T. XI. p. 790 etc.

14) *Mouly* Lettre въ Ann. d. la prop. de la foi. T. XI. p. 42 etc.

15) *Ковалько* Геогностическій очеркъ окрестностей Пекина. Горный журналъ за 1838 г. кн. 2.

1839.

16) *Pauthier* Chine, ou description historique, geographique et litteraire etc. Paris, 1839. 8. 1 vol.

17) *Prichard* on the ethnography of High Asia въ Journal of the Royal Geogr. Soc. in London. Vol. IX. p. 192 — 211.

1840.

18) *Gabet* Let. въ Ann. de la prop. d. l. foi T. XIII. p. 50 etc.

1842.

19) *Biot Ed.* Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements de l'Empire Chinois. Paris. 8. 1842. 1 vol.

20) *Іакинфъ* Статистическое описаніе Китайской Имперіи. С. П. Б. 8. 1842. 2 части.

1843.

21) *Bruguière* Lettre въ Ann. d. l. prop d. l. foi. T. XV. p. 329 etc.

22) *Meyer* Ueber den Ginschen въ Bullet de la class. phys. math. de l'Ac. Imp. des scienc. á St. Petersb. T. I. 1843. № 22.

1844.

23) *A. v. Humboldt* Central-Asien. Untersuchungen über die Gebirgsketten und die vergleichende Klimatologie übers. nebst Zusätze v. Mahlmann. Berlin. 1844. 8. 2 Bde. (фр. ориг. въ 1843 г.).

24) *Verolles* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 138 etc.

25) *Bruguière* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi T. XVI. p. 357. etc.

26) *Ferreol* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi T. XVI. p. 166.

27) *De la Brunière* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 126. etc.

1845.

28) *Huc* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVII p. 369.

1846.

29) *Kimai-kim* diacre coreen. Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVIII. p. 286 etc.

1847.

30) *Lyell* Prieciples of geology, or modern changes of the earth and its inhabitants 7th edition. Lond. 1847. 8. 1 vol.

31) *Roon* Gründzüge der Erd-, Völker und Staatenkunde Berl. 8. 1847.

32) *Gützlaff* Geschichte des chinesischen Reiches von den ältesten Zeiten bis auf den Frieden von Nanking. Stuttg. und Tübing. 1848. 8. 1 Band.

32) *Schott* älteste Nachrichten über Mongolen und Tataren въ Abhandl. der Königl. Acad. Wissenschaft in Berlin für 1845. p. 415 — 473.

34) *Maistre* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XIX. p. 245 etc.

1848.

35) *De la Brunière* Lettre des bords de l'Ousouri въ Ann. de la prop. de la foi. T. XX. p. 208 etc.

36) *Vivien de St. Martin* sur les Huns въ Nouvelles Annales de voyages. Vme serie. 4me année. Paris. Decembre.

37) *Palmer* Memoir on the present state of Mantschuria New. Yorck. 8. 1848.

1849.

38) *A. v. Humboldt* Ansichten der 3te Natur. Ausg. Stuttg. klein 8. 1849. 2 Bänd.

39) *Maxime* Lettre въ Ann. de la foi. T. XXI. p. 263.

40) *Vivien de St. Martin* Sur les Huns blancs on Ephthalites въ Nouv. Ann. de Voyages Vme serie 5me année. Jullet, Août, Septembre.

41) *Schott* über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandl. der Königl. Acad. d. Wissensch. in Berlin für 1847. p. 281—427. 4.

1850.

42) *Berghaus* Physikalischer Atlas. folio. Gotha.

43) *Huc* Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine en 1844—46. Paris 8. 1850. 2 vol. 2de edit. 1850.

44) *Verolles* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XXII. p. 52 etc.

45) *Палладій Кавларова* о торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ въ Запискахъ Импер. Русскаго Географическаго Общества. Кн. IV. стр. 229—260.

1851.

46) *Combelles* Let. въ Ann. d. l. prop. d. l. foi. T. XXIII. p. 51 etc.

47) *Іакинѳа* Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. С. П. Б. 1851. 8. 2 части.

48) *Ritter* Ueber räumliche Anordnungen auf der Aussenseite des Erdballs und ihre Functionen im Entwickelungsgange der Geschichten, vorgetrag. am 1 Apr. 1851. въ Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie. Berlin 8. broch. 1852.

1852.

49) *Williams* Das Reich d. Mitte übers. v. Collman. Cassel 8. 1852. 2 Bde.

50) *Dove* Die Verbreitung der Wärme auf der Oberfläche der Erde. Berl. 4. 1852. 1 Bd.

51) *Venault* Excursions dans les parties intèrieures de la Mandchourie en 1850 въ Nouv. Ann. de Voyages pour 1852. Mai.

1853.

52) *Горскаго* Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома въ Трудахъ членовъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ. Т. I. С. П. Б. стр. 1—189.

53) *Горскаго* О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Да-цинь и имени народа Маньчжу въ Тр. чл. рус. м. въ Пек. Т. I. стр. 190—247.

54) *Влангали* Геогностическая поѣздка въ восточную часть Киргизской степи въ 1849 и 51 годахъ. С. П. Б. 8. 1853. 2 час.

55) *Stan. Julien* Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde etc. Paris. 8. 1853.

1855.

56) *Васильева* О существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи. Вѣстникъ Имп. Русс. Геог. Общ. за 1855 г. Кн. V.

57) *Семенова* о физико-географическихъ отношеніяхъ рѣчной области Амура. Вѣстн. Имп. Русс. Геог. Общ. за 1855 г. Кн. VI.

58) *Baer* Kaspische Studien Bullet. de la classe physic. mathém. de l'Acad. Imp. des scienc. de St. Pétersb. T. XIII. № 13, 14, 20, 21 и T. XIV. p. 1, 2, 3.

59) *Castren* Reiseberichte aus den Jahren 1845 — 49. Herausgeg. v, Ant. Schiefner. St. Petersb. 1856. 8. 1 Bd.

60) *Васильева* В. П. рукописныя статьи: 1) объ исторіи Ляоской и Гиньской династіи, 2) о Пингутѣ, 3) о Татарахъ и Монголахъ, 4) о Тибетѣ, 5) извлеченіе изъ географіи обл. Чэнъ-дэфу.

Карты:

1) *D'Anville* Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie et du Thibet etc. La Haye. fol. 1737.

2) *Klaproth* Carte de l'Asie Centrale dressèe d'apres les cartes levèes par ordre de l'Emper. Khian-Loung par les Mission. de Peking. Paris. 1836.

3) *Grimm* Atlas von Asien zu K. Ritters allgemeinen Erdkunde. Berlin. 1-ste Liefer. 1833. 2-te, 1840.

4) *Dufour* Carte de la Chine et des etats tributaires. Paris 1840.

5) *Klaproth* Carte de la Chine dressée d'aprés les materiaux chinois les plus authentiques. Posht. Pnris 1842.

6) *Іакинѳа* пяти листовая карта къ статистическому описанію Китайской Имперіи. 1842.

8) *Іакинѳа* Карта къ исторіи народовъ обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнѣйшія времена. 1851.

7) *Berghaus* Karte v. China und Japan den Manen d'Anvilles und Klaproths gewidmet 1843.

9) *Andriveau Goujon* Carte de l'Empire Chinois et de Japon. Paris 1851.

10) *Kiepert* Karte v. Asien. Verlag des geographischen Instituts. 1854. etc. etc.

25